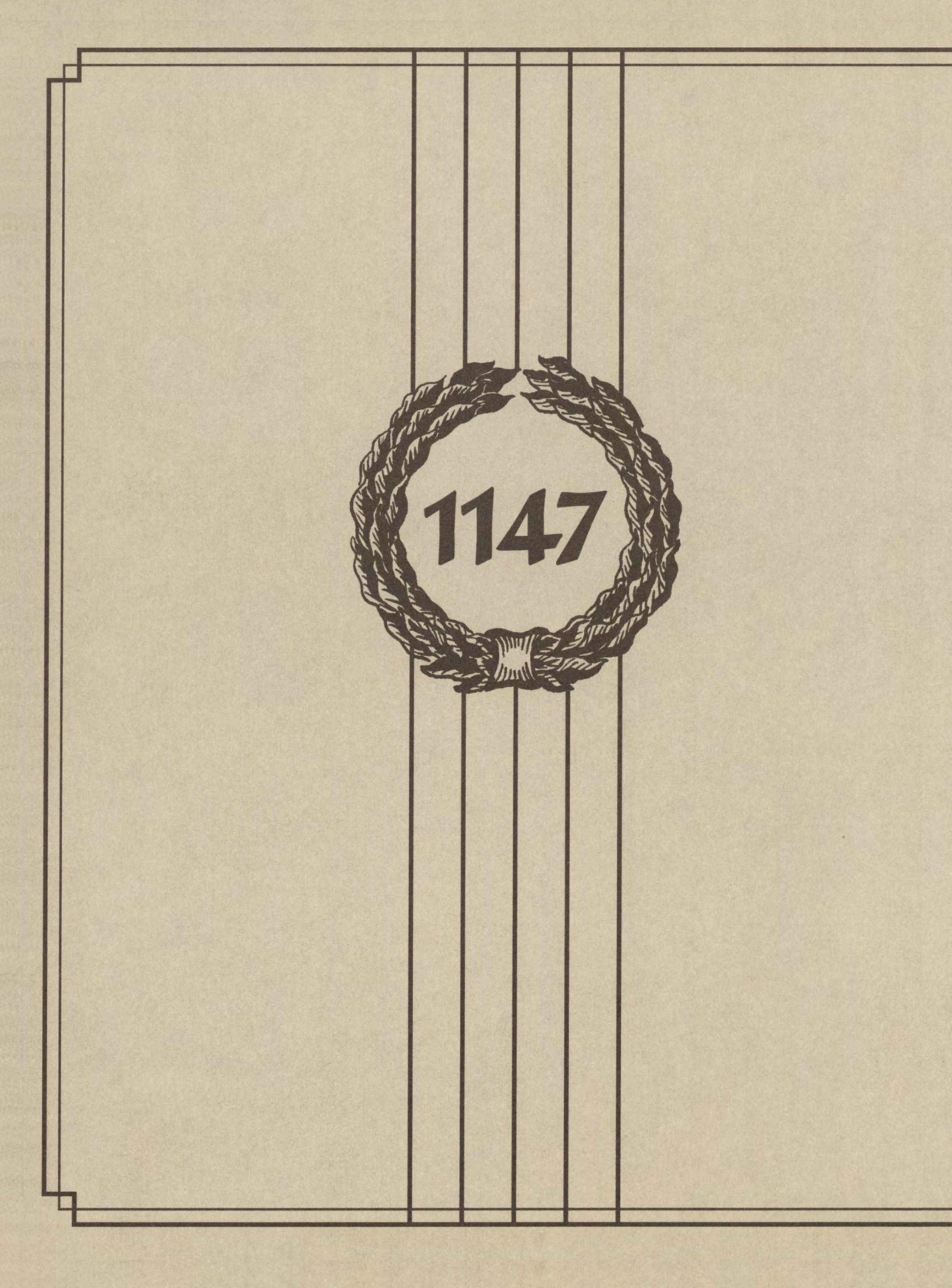
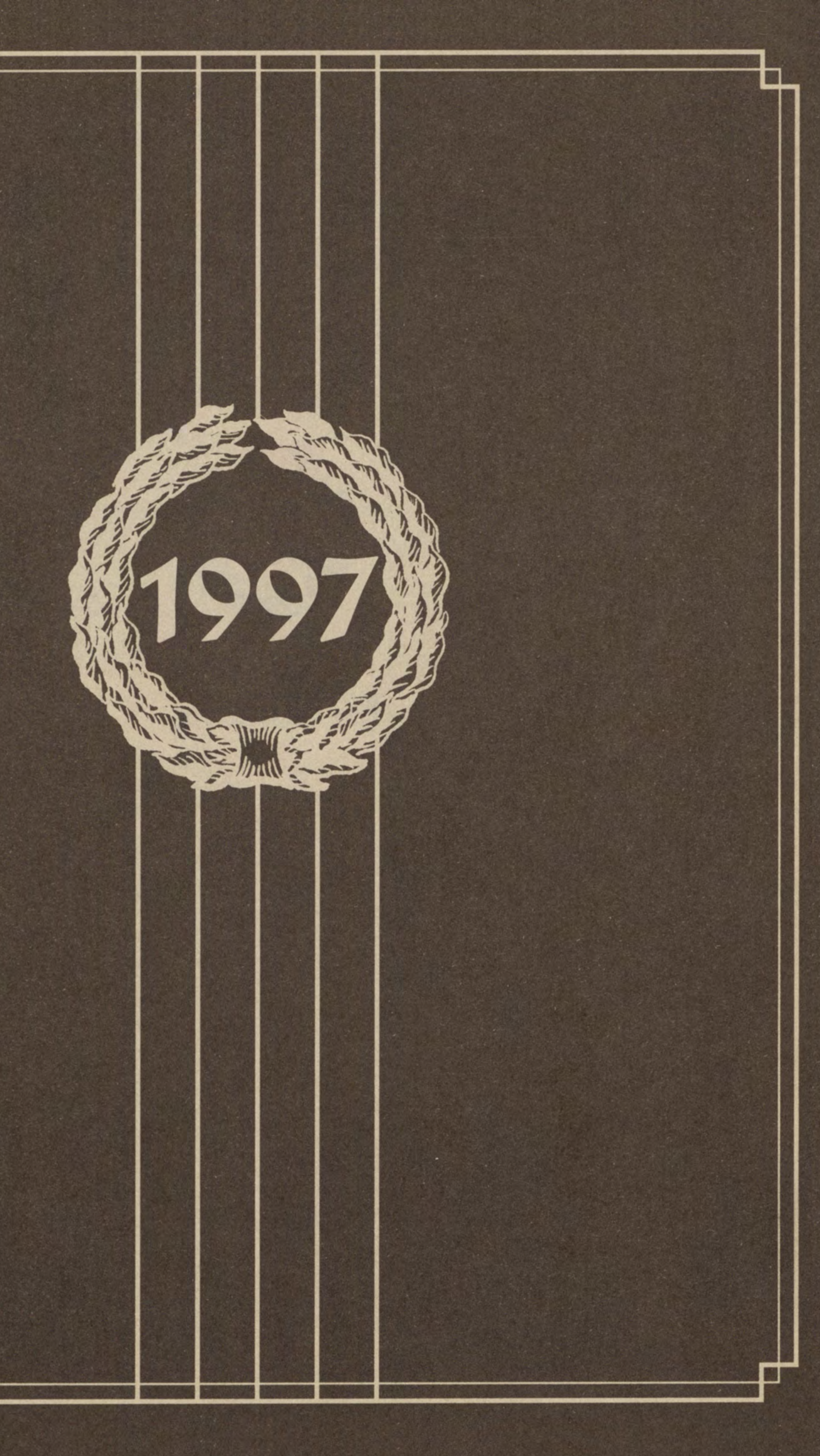
ИСТОРИЯ МОСКВЫ

ИСТОРИЯ МОСКВЫ

1

1147

1997

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МОСКОВСКОЕ ГОРОДСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ АРХИВОВ

*850-летию
со дня основания Москвы
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

ИСТОРИЯ МОСКВЫ

с древнейших времен
до наших дней

В ТРЕХ
ТОМАХ

Издательство объединения
«МОСГОРАРХИВ»
Москва
1997

ИСТОРИЯ МОСКВЫ

XII–XVIII ВЕКА

ТОМ ПЕРВЫЙ

Издательство объединения
"МОСГОРАРХИВ"
Москва
1997

ББК 63:3(2-2м)
И90

Под общей редакцией члена-корреспондента Российской Академии наук,
директора Института истории РАН А. Н. Сахарова

Редакционная коллегия тома:

А. В. Ковальчук, В. А. Кучкин, А. А. Преображенский,
А. Л. Хорошкевич (ответственный редактор)

Подбор иллюстраций А. Л. Хорошкевич

Оформление и макет В. А. Иванов

И90 История Москвы с древнейших времен до наших дней: В 3 т. – Т.1: XII–XVIII века.– М.: Издательство объединения «Мосгорархив», АО «Московские учебники и картолитография», 1997.– 432 с., ил.

Первый том трехтомного издания «История Москвы с древнейших времен до наших дней» посвящен предыстории и возникновению Москвы, жизни города в качестве столицы Московского княжества, государства всея Руси, Российского государства и в XVIII в., когда Москва превратилась во вторую столицу империи. В книге обобщены новые данные археологии о древностях Московского края и раннесредневековой Москвы, нумизматики – о денежном деле в городе. Впервые в хронологическом порядке изложены летописные свидетельства о столице княжества, новые архивные материалы о превращении Москвы в экономический и культурный центр страны. Большое место в томе занимает описание жизни и нравов различных слоев московского общества, духовного климата города, рассказ о стойкости и мужестве москвичей в тяжкие годы иноземного владычества, опричнины, Смуты.

Том иллюстрирован оригинальными картами, археологическими и нумизматическими материалами. Воспроизведены миниатюры, иконы, фрески, портреты и т.д.

ISBN 5–7228–0054–6

ЮБИЛЕЙ ВЕЛИКОГО ГОРОДА

Мы отмечаем 850-летие столицы России. Москва изведала все: радость побед и горечь поражений, преданность друзей и коварство врагов, счастье созидательного труда и боль военного лихолетья. Москва выстояла, пройдя через все испытания.
На ниве мировой цивилизации Москва – яркое, самобытное явление. Начав свой исторический путь небольшой крепостью с посадом, нынешняя Москва представляет собой мегаполис с 10-миллионным населением. Впервые о Москве русские летописи упомянули под 1147 г.
Многолетние археологические исследования доказали, что городская жизнь здесь началась еще раньше. Москва принадлежит к числу древнейших русских городов. Она возникла на стыке двух восточнославянских племен – вятичей и кривичей.
Истории было угодно определить Москву в качестве центра российской государственности, объединителем земель и княжеств в средние века. С ее возвышением росло и величие России, превратившейся с течением веков в мощную мировую державу.
Москва стала средоточием сил русского народа в условиях долгого и тяжкого иноземного ига. Отсюда в 1380 г. повел русские дружины на Куликово поле великий князь Дмитрий Иванович Донской.
Сто лет спустя было свергнуто господство Орды при государе всея Руси Иване III Васильевиче. Москва стала «царствующим градом» при Иване Грозном. Иностранцы нередко называли Россию Московией, а ее жителей – московитами, сравнивали русскую столицу с большими и красивыми городами Европы.
Смута начала XVII в. грозила России утратой самостоятельности. Народное движение за «очищение московское», возглавленное великими патриотами Кузьмой Мининым и Дмитрием Пожарским и вдохновленное патриархом Гермогеном, освободило страну и Москву от иностранных интервентов. Возрожденное государство Российское все активнее заявляло о себе на международной арене. Москву посещали дипломаты европейских и азиатских стран. Послы из Москвы побывали в крупнейших столицах тогдашнего мира – от Мадрида и Парижа до Тегерана и Пекина.
XVIII столетие изменило положение Москвы. Столицей при Петре Великом стал основанный им Петербург. Однако Москва не утратила своего выдающегося значения в жизни России. Здесь, в Успенском соборе Кремля, проходили коронации всех российских императоров – от Петра I до Николая II. Здесь Петр Великий сформировал первые гвардейские полки регулярной русской армии. Здесь, на Измайловских прудах и реке Яузе, начал свою родословную морской флот Российской державы. Как и встарь, когда здесь созывались земские соборы, Москва оставалась городом, где принимались важнейшие государственные установления. Сюда при Екатерине II съезжались

депутаты Уложенной Комиссии для разработки нового законодательного кодекса России.
С новой, особой силой зазвучало слово «Москва» в 1812 г. «Ребята, не Москва ль за нами?» – это чувство неразрывного единства Москвы и страны владело героями Бородина. Вступление Наполеона в оставленную жителями, но не покорившуюся Москву, предопределило его военное поражение. Под водительством М. И. Кутузова, на мощной патриотической волне, русская армия и народ изгнали захватчиков. Освобожденная Москва возродилась после пожара и разрушений, быстро отстроилась и украсилась новыми просторными площадями, общественными зданиями, уютными особняками. В народных представлениях великий город оставался первопрестольной столицей, центром православия и духовной жизни. Символом той эпохи явилось строительство в Москве храма Христа Спасителя. А в 1847 г. было торжественно отмечено 700-летие Москвы. Так установилась традиция празднования юбилеев города.
XX век Москва встретила в атмосфере ожидания великих свершений и перемен. Пройдя сквозь триумфы и трагедии трех российских революций, она в 1918 г. вновь стала столицей России, а затем и Советского Союза. Жизнь города в период тоталитарного советского режима была полна драматизма и противоречий.
Жестоким испытанием явилась для всего нашего народа Великая Отечественная война. Именно у стен Москвы осенью 1941 г. были остановлены бронированные полчища немецко-фашистских захватчиков. Контрнаступление Советской Армии под Москвой сверкнуло зарницей будущей Великой Победы. Боевой и трудовой подвиг столицы вдохновил советских людей на фронте и в тылу.
Политический вес Москвы неизмеримо возрос в послевоенные годы. К ее голосу прислушивались во всем мире.
Вся история Москвы показала ее выдающееся значение и в хозяйственной жизни страны. Здесь трудились талантливые, искусные ремесленники, изделия которых были известны во всех уголках России.
Впервые на Руси здесь стали лить пушки и колокола небывалых размеров. Всероссийский масштаб приобрел московский торг, а мануфактуры и фабрики «второй столицы» задавали тон в отечественной промышленности. Через Москву прошли первая в России железная дорога и крупнейшая в мире Транссибирская магистраль. За годы советских пятилеток из текстильной, «ситцевой» столицы Москва превратилась в важнейший индустриальный центр страны. Автомобили, самолеты, станки всевозможного назначения, первоклассный металл, тончайшие приборы – все это было освоено в Москве. Гордостью нашей столицы и ныне остается прекрасный метрополитен. Даже в непростых условиях 90-х гг. XX в. продолжает действовать мощный столичный строительный комплекс. Тысячами нитей связана экономика города со всей Россией и многими зарубежными странами.
Московские власти традиционно уделяли большое внимание благоустройству города. Особенно большие перемены в жизнь Москвы внесло XX столетие. Улицы города покрылись асфальтом. Усовершенствовался общественный транспорт. Электричество, газ, водоснабжение, канализация вошли в быт москвичей. Стали обыденным явлением телефон, радио и телевидение. Небывалые масштабы приняло жилищное строительство. Развернулась сеть дошкольных, общеобразовательных и медицинских учреждений. Библиотеки, клубы, дворцы культуры, стадионы, спортзалы заняли свое место в жизни москвичей.
Но технический прогресс принес и серьезные проблемы, прежде всего экологические. В этой области Москве еще предстоит преодолеть немало трудностей.

История России свидетельствует о неистребимом стремлении нашего народа к Правде, Справедливости, Свободе. Чаяния и мечты о будущем породили острую борьбу в разных слоях народа, вызвали к жизни различные течения общественной мысли. Передовая Москва содействовала отмене крепостного права в России. Именно в Москве развернулась наиболее активная полемика между западниками и славянофилами, сторонниками реформ и революционерами. В XX в. были испытаны разные способы переустройства общественных отношений и государственного порядка. В этих борениях Москва всегда заявляла себя деятельной силой. И ныне очевидно, что только в единстве со всей страной Москва способна сохранить свою роль лидера в деле возрождения великой России.

Неоценимы заслуги Москвы в развитии отечественной культуры и науки. Первая печатная книга России увидела свет в Москве. Здесь появилась первая русская газета. По книгам, издаваемым в Москве, училась вся Россия. Первый отечественный университет открылся в нашем городе стараниями великого Ломоносова. Здесь начинал писать свою знаменитую «Историю государства Российского» Н. М. Карамзин. Москва дала жизнь гению Пушкина. «Святая родина моя» – так называл Пушкин Москву. Поэт ярко выразил свое отношение к родному городу в проникновенных строках: «Москва... Как много в этом звуке для сердца русского слилось! Как много в нем отозвалось!» Воспитанник Московского университета, М. Ю. Лермонтов писал: «Москва – моя родина и такою будет для меня всегда». В. Г. Белинский признавался: «Нигде сердце русского не бьется так сильно, так радостно, как в Москве». В становлении русского литературного языка московский говор имел решающее значение. «Золотой век» русской литературы теснейшим образом связан с Москвой. Достаточно назвать кроме упомянутых корифеев имена Н. В. Гоголя, А. С. Грибоедова, В. А. Жуковского, А. Н. Островского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского. И позже во второй столице блистали писатели и поэты: А. А. Блок, И. А. Бунин, В. Я. Брюсов, А. И. Куприн, А. П. Чехов. Много дала Москва для творчества А. М. Горького, С. А. Есенина, В. В. Маяковского, А. Н. Толстого, Л. М. Леонова, А. Т. Твардовского, А. И. Солженицына. Сюда отовсюду стремилась литературная молодежь и находила здесь поддержку заслуженных мастеров слова.

Начало русскому театру было положено в Москве спектаклями на придворной сцене при царе Алексее Михайловиче. Первый общедоступный театр возник здесь при Петре I. Во второй половине XVIII – начале XIX в. успешно выступали труппы крепостных актеров. Сценическая жизнь Москвы нашла свое яркое выражение в прославленных оперных и драматических театрах – Большом, Малом, Художественном. Современников поражала игра П. С. Мочалова, М. С. Щепкина, Садовских, М. Н. Ермоловой, чарующее пение О. А. Петрова, Е. С. Семеновой. Ценители искусства восторженно встречали К. С. Станиславского, В. И. Немировича-Данченко, Л. В. Собинова, Ф. И. Шаляпина, И. С. Козловского, С. Я. Лемешева, Н. А. Обухову и многих других. Первенствующие позиции в искусстве завоевала русская школа балета. Мировую славу принесла нашему балету ставшая москвичкой Г. С. Уланова.

В сокровищницу русской музыкальной культуры вошли произведения композиторов, творивших в Москве, – от задушевных романсов А. А. Алябьева и А. Е. Варламова до шедевров П. И. Чайковского, С. В. Рахманинова, А. Н. Скрябина, Д. Д. Шостаковича и Г. В. Свиридова. Московская консерватория стала поистине центром музыкального искусства и образования страны. Народные истоки питали творчество лучших хоров и ансамблей столицы последних десятилетий.

Богатая палитра культурной жизни Москвы нашла выражение

в цирковом искусстве, включая уникальное явление – Театр зверей Дуровых.
В начале XX столетия в Москве появился кинематограф, быстро завоевавший любовь миллионов зрителей. Лучшие фильмы, снятые на московских киностудиях, получили заслуженное признание во всем мире. В свою очередь, Москва всегда радушно принимала посланцев зарубежной культуры – выдающихся музыкантов, артистов, художников, деятелей театра и кино.
Столицу прославляли своими мировыми рекордами и достижениями великие спортсмены-москвичи.
Визитной карточкой Москвы давно стали Кремль и Красная площадь с храмом Василия Блаженного. Творения замечательных русских зодчих – В. И. Баженова, М. Ф. Казакова, О. И. Бове, К. А. Тона и поныне вызывают восхищение. В последние годы возрождается исторический облик Москвы, восстанавливаются ее утраченные святыни.
Московские музеи и архивы, многие из которых созданы на средства и усилиями меценатов П. М. Третьякова, П. И. Щукина, И. А. Морозова и бескорыстных подвижников русской культуры И. Е. Забелина, И. В. Цветаева, Н. В. Калачева, хранят бесценные сокровища, собранные в течение веков. Изделия старинных мастеров, произведения русской живописи от гениального Андрея Рублева до художников прошлого и нынешнего веков, зарубежные шедевры – все это наше достояние, которым мы вправе гордиться.
В Москве сосредоточены выдающиеся интеллектуальные силы страны. Ее по праву называют городом образования и науки. Тайны мироздания, земные недра и космос, ракетная техника, спектр естественных и гуманитарных наук, медицина – направления глубоких разработок Российской Академии наук, отраслевых академий, научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро. Научные поиски, начатые Н. И. Пироговым, С. М. Соловьевым, В. И. Вернадским, С. П. Королевым и другими выдающимися умами, продолжаются.
Ежегодно многие тысячи молодых людей оканчивают московские школы и высшие учебные заведения столицы. Это неиссякаемый источник нашего движения вперед. Им предстоит сохранить и приумножить славу великого города, который скоро вступает в новое тысячелетие.
Впереди много нерешенных дел, трудная работа во имя будущего.

Мэр Москвы ***Ю. М. Лужков***

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первый том охватывает весьма длительный период – от возникновения Москвы до конца XVIII в. Читатель найдет в книге ответ на вопрос, каковы были предпосылки возникновения города на Москве-реке в устье Неглинной, как он появился, как протекала его жизнь в средневековье и раннее Новое время.

Становление Москвы овеяно легендами, в которых исторические факты сочетаются с художественной фантазией. Мы не первые, кого волнует история Москвы, происхождение ее названия, особенности развития. К этой теме обращались уже наши далекие предки – русские люди, жившие во второй четверти XVII в., в период восстановления столицы и всего Российского царства после опустошительного по своим последствиям Смутного времени. В это время Россия не только стала Великороссией, но и требовала от соседей признания себя в качестве таковой.

Автор «Повести о зачале Москвы» (XVII в.) повторил за монахом Псковского Елеазарова монастыря Филофеем фразу, ставшую крылатой спустя 100 лет после написания: «...два... Рима падоша, третий же стоит (имеется в виду Москва.– *Авт.*), а четвертому не быти». Чтобы доказать преемственность этого третьего Рима от двух первых – Рима и Константинополя, в «Повести» рассказывается о «знамениях» – кровопролитиях, сопровождавших появление великих столиц, и в первую очередь – о казни боярина Кучки, который владел селами на обоих берегах Москвы, но «возгордевся», не оказал подобающей чести князю Юрию Долгорукому. Тому же понравился вид, открывшийся с горы, и он повелел поставить здесь «мал древян град», который и нарек Москвой по названию реки. Далее действие повести переносится во Владимир, вернее, в Боголюбово, где дети Кучки – два брата и сестра, жена Андрея Боголюбского,– убивают последнего. Брат Андрея – Михаил мстит за него (отзвуки этой легенды отразились в народной песне «Ванька Ключник»). Далее в «Повести» рассказывается о том времени, когда вынуждена была «Русская земля работати татаром», а добродетельный и нищелюбивый князь Даниил, сын Александра Невского, населил Москву и «прославился ...Москва град». Такова первая гипотеза о возникновении Москвы.

В другом сочинении третьей четверти того же столетия – «Сказании об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» – представлено развитие Москвы в несколько более позднее время. Автор «Сказания» повествует о драматическом конфликте между первым московским князем Даниилом и сыновьями Стефана Ивановича Кучки. Даниил под угрозой отнять у Кучки его «красные села» по Москве-реке потребовал службы Кучковичей у себя во «дворе», а супруга Даниила – княгиня Улита, которую «уязви дьявол... блудною похотью», вместе с Кучковичами убила мужа. «Сказание» – почти «бульварный роман» XVII в.– полно, с одной стороны, душераздирающих подробностей бегства Даниила, с другой – исторических несообразностей (перепутаны события XII и XIII вв.), с третьей – в нем много достоверных деталей. Читатель попадает

в атмосферу быта богатой усадьбы – с заячьими ловами, обязательной сторожевой службой хозяина на Оке, т.е. со всем тем, что было близко служилому люду XVII в., но о «начале» Москвы в «Сказании» ясно не говорится. В нем сохранилось лишь указание на «красные хорошие села» Кучки и кровопролитие, обязательное для жанра повестей о возникновении крупнейших столиц мира – Рима, Константинополя.

На смену подобным фантастическим рассказам лишь столетия спустя пришли попытки научного ответа на вопрос о возникновении и развитии Москвы. Вопрос трудный, а ответы очень медленно приближают нас к истине. На этом пути есть несколько крупных вех – труды выдающихся историков Москвы: И. Е. Забелина, М. Н. Тихомирова, С. В. Бахрушина. Каждый из них обобщил то, что оказалось доступным в его время, т.е. в конце XIX – в начале и середине XX в. Следующий шаг делаем мы, их преемники, ученики и последователи.

За время, прошедшее с момента выхода в свет предшествующей «академической истории» Москвы, т.е. с 1952 г., наши представления о маленьком городке, ставшем впоследствии столицей Московского княжества, затем княжества всея Руси, Российского царства и второй столицей империи, значительно изменились. Прежде всего, намного вырос фонд источников, из которых ученые черпают сведения о прошлом. Археологи по крупицам собирают данные о жизни людей на территории города в каменный и железный век, о самых ранних поселениях в окрестностях Москвы, занятиях и быте москвичей в раннее средневековье, уровне материальной культуры и ремесленной техники домонгольского и послемонгольского периода. В особенности важны последние наблюдения тех ученых, кто работает в Кремле. Велик вклад археологов и в раскрытие духовной жизни горожан, их верований и представлений о загробной жизни. Нумизматы дополнили новыми данными сведения об обращении иностранной и отечественной монеты на территории Москвы, что позволяет представить размах внутренней и внешней торговли города, ее международных связей. Историки архитектуры восстановили основные этапы строительства в Москве, прежде всего церковного. Филологи более удовлетворительно могут ответить на вопросы о происхождении названия города, о языке и лексике москвичей.

Однако главная заслуга в расширении объема источников по истории Москвы принадлежит археографам и архивистам. Из архивов Москвы и Санкт-Петербурга извлечены и опубликованы новые летописи, рассказывающие о строительстве, быте города и его политической истории, различных происшествиях в нем, запомнившихся современникам, а также многочисленные документы (купчие, жалованные и другие грамоты), по которым можно судить о занятиях жителей, их мировоззрении и миропонимании. Все эти документы не распределяются равномерно во времени. Чем ближе к нам, тем больше их сохранилось и тем более детально можно восстановить прошлое. Для более же раннего периода существенно усовершенствована методика исследования. Даже из давным-давно известных материалов теперь извлекается гораздо больше сведений, чем раньше. Они точнее располагаются по хронологии, и картина развития города предстает полнее и ярче.

Авторов настоящего тома объединяет общее стремление – узнать как можно подробнее о московском горожанине, его занятиях и досуге, пристрастиях и антипатиях, круге чтения и развлечениях, бедах и радостях. Отнюдь не личности князей и царей, а именно житель Москвы – главный герой ее истории. Правда, лишь в XVI–XVII вв. можно выявить эти личности, приходящие на смену человеку «государственному» и человеку «политическому». И тем не менее мы хотим представить читателю историю Москвы через историю жизни ее горожан. В этом, думается, основополагающая идея первого тома истории Москвы. «Винтику»

государственного механизма – рядовому москвичу, по мысли наших предшественников, полагалось лишь заниматься производственной деятельностью. Правда, для истории московского ремесла разделы «академической истории» Москвы 1950-х гг. сохраняют важность и информативность (особенно это касается разделов, написанных С. В. Бахрушиным). Но и в этом отношении главы настоящего тома, в особенности посвященные XVIII столетию, представляют значительный шаг вперед. Человек, живший полнокровной жизнью своего времени, достоин быть представленным в самых разных ипостасях – и у станка ремесленника, и за столом писца или менялы, и дома, и в храме, и на улице в будний и праздничный день, в огне часто полыхавших в Москве пожаров, и в вихре восстаний, не обходивших стороной столичный город. Стоит подчеркнуть отношение москвичей к религии, независимо от их вероисповедания. Интерес к церковной истории Москвы также отличает этот том от «академической истории» Москвы 50-х гг.

К сожалению, трудно существенно обновить иллюстративную часть книги. Основные изобразительные материалы давно уже введены в оборот, а новые – крайне редки. К их числу относятся археологические находки последних десятилетий, в том числе сенсационные кремлевские клады домонгольского времени. В томе представлены также произведения искусства, ранее доступные лишь специалистам.

Итак, адресуя рассказ о прошлом столицы Российской Федерации читателю конца XX и начала XXI столетия, авторы первого тома «Истории Москвы» надеются дать более точную и разностороннюю картину жизни города, отнюдь не навязывая какую-либо единую догму. Москва по своей природе русский город, где мирно уживались люди разных национальностей и вероисповеданий, с честью вынесла те испытания, которые встречались на ее пути. Стремление к справедливости, приобретавшее порой форму восстаний, наталкивалось на сопротивление государственной власти и защищаемых ею сословий. Как иностранные нашествия, так и социальные взрывы сопровождались трагическими последствиями – разрушением города, бегством жителей, регрессом в производстве и культуре. Мы надеемся, что знакомство с историей города даст новые силы для создания того, чем столица будет гордиться и впредь, и мудрость, дабы избежать ошибок наших далеких предшественников.

* * *

Первый том «Истории Москвы» – плод коллективных усилий ученых Института российской истории РАН, Института археологии РАН, Государственного исторического музея, Государственного музея-заповедника «Московский Кремль».

Археологические материалы по предыстории города и раннесредневековой материальной культуре Москвы (гл. I, II, § 6, 9, гл. III, § 15, гл. IV, § 23) проанализированы Н. А. Кренке (каменный, бронзовый и ранний железный век), С. З. Черновым (заселение окрестностей Москвы в X – первой трети XIII в., Большой посад Москвы в XII–XV вв.), Л. А. Беляевым (материальная культура Москвы XII–XVI вв.), И. А. Бойцовым (Большой посад Москвы в XII–XV вв., окологородные села в окрестностях Москвы во второй половине XIII–XV вв.), Т. Д. Пановой (история Кремля). Нумизматический материал X–XVII вв. обобщен А. С. Мельниковой и XVIII в. – В. В. Уздениковым. Главы II–IV, посвященные ранней истории Москвы, за исключением указанных выше параграфов, написаны В. А. Кучкиным. Глава V о Москве XVI в. и глава VI о событиях Смутного времени начала XVI в. принадлежат

А. Л. Хорошкевич при участии А. С. Мельниковой (тексты о кладах) и Л. А. Беляеву (тексты о материальной культуре первой половины XVI в.). История Москвы XVII в. (гл. VII) изложена А. В. Демкиным при участии А. С. Мельниковой. Над воссозданием прошлого Москвы XVIII в. (гл. VIII) трудилась группа историков: Я. Е. Водарский (§ 1), А. В. Ковальчук (§ 3–8), Л. Н. Пушкарев (§ 2, 9, 10), В. В. Узденков (текст о монетных дворах в § 5). Предисловие и заключение написаны А. Л. Хорошкевич.
В выработке проекта и концепции издания участвовал М. Я. Волков.

Авторы приносят благодарность Н. А. Горской, Е. И. Колычевой, А. А. Юшко, А. И. Филюшкину за их замечания и рекомендации.

Карты № 1–9, помещенные в приложении к тому, составлены Н. А. Кренке (№ 1, 2), И. А. Бойцовым (№ 2, 3, 5–7), С. З. Черновым (№ 2, 4), В. А. Низовцевым (врезка на карте № 1), В. А. Кучкиным (№ 8, 9). Карты № 1–7 подготовлены ОСБ «Новый проект» (картограф – Г. В. Авилова), карты № 8, 9 и в тексте – ИРИ РАН (картограф – Г. П. Золотарева). Карты и схемы в самом тексте принадлежат авторам соответствующих разделов, схема Кремля составлена Т. Д. Пановой.

Подбор иллюстраций осуществлен А. Л. Хорошкевич при участии и с консультациями Н. А. Бойцова, А. И. Громова, Н. А. Кренке, В. А. Кучкина, Л. И. Лифшица, Е. И. Малето, Н. Ю. Маркиной, А. С. Мельниковой, Т. Д. Пановой, Л. Н. Пушкарева, Е. А. Рыбиной, Э. С. Смирновой, Д. П. Федорина, С. З. Чернова, Я. Н. Щапова. За основу составителем был взят комплекс иллюстраций, выявленных Н. А. Баклановой (частично опубликованных в двух первых томах «Истории Москвы» 1952 г., частично сохраненных А. А. Преображенским в своем архиве), который был дополнен материалами (из Государственного музея-заповедника «Московский Кремль», Государственного музея-заповедника «Коломенское», ГИМ, БАН и т.д.). Сотрудникам этих учреждений особая благодарность.

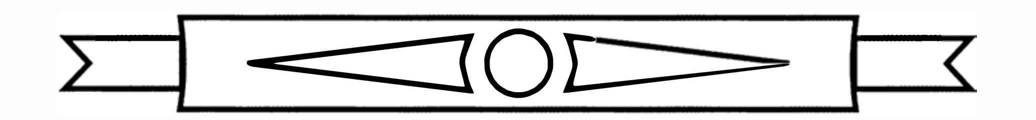
Указатель имен составлен А. В. Ковальчуком (гл. VIII, §1, 3–8), Л. Н. Пушкаревым (гл. VIII, § 2, 9, 10), А. Г. Тюльпиным (гл. I–IV), А. Л. Хорошкевич (гл. V–VI), А. В. Юрасовым (гл. VII).

Фотосъемка монет из собрания ГИМ произведена В. В. Мочуговским, находок из раскопок в Московском Кремле, изразцов из музея Коломенское – М. И. Каном.

Литературное редактирование рукописи выполнено М. Ф. Кишкиной-Иваненко, репродуцирование и фотопечать провели А. А. Зайцев, М. И. Кан, В. П. Никитин, ретушь – А. И. Васько. Компьютерный набор произведен Л. Б. Борисовой, С. А. Ворониной, Р. А. Григорьевым, Н. Н. Грунь, И. С. Месяц, Ж. А. Завиралиной.

Осуществление настоящего издания стало возможным исключительно благодаря вниманию, всестороннему содействию и финансовой поддержке Московской мэрии, Правительства Москвы и Департамента финансов Правительства Москвы.

Искренняя признательность выражается коллективу АО «Московские учебники и картолитография» (Генеральный директор С. М. Линович) за качественную и оперативную работу по выпуску издания.

МОСКВА
ПЕРВОПРЕСТОЛЬНАЯ

I

ДРЕВНОСТИ МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Основание Москвы было предуготовлено длительной историей освоения человеком территории современной столицы и ее окрестностей. Главную роль в реконструкции этой древней дописьменной предыстории играют соединенные усилия археологов, географов, палеоботаников, археозоологов, специалистов в области физических методов датирования.

Начало изучению древностей Москвы было положено работами З. Я. Ходаковского и К. Ф. Калайдовича в 1820-е гг.[1] Первый обобщающий очерк принадлежит Д. Н. Анучину[2]. Современные представления основываются на результатах археологических раскопок, проведенных в городе в нашем веке, при которых использовались новейшие методики и возможности смежных с археологией дисциплин.

После окончания так называемого Московского оледенения около 140 тыс. лет назад природные условия на территории будущей Москвы, несмотря на значительные климатические колебания, в принципе допускали существование здесь человека.

Наиболее ранние археологические памятники, обнаруженные близ Москвы, относятся к эпохе позднего палеолита – это стоянки Сунгирь под Владимиром, Зарайск и Шатрищи на Оке. Радиоуглеродный метод датирует их XX–XXII тыс. до н.э., а также более поздним временем, так как в большинстве случаев места стоянок обживались палеолитическими охотниками неоднократно. На территории самой Москвы достоверных находок столь раннего времени еще не сделано. Такие находки, как отщепы со стоянки Алешкино или найденная на Сходне черепная крышка человека с неандерталоидными чертами, по-разному трактуются учеными[3].

7–9 тыс. лет назад Подмосковье было населено охотниками – носителями культур мезолитического облика, стоянки которых обнаружены в довольно значительном количестве. В пределах собственно Москвы найдены лишь отдельные изделия мезолитического времени, свидетельствующие о посещениях этой территории человеком.

Имеются достоверные сведения об освоении территории Москвы в следующую, неолитическую эпоху. Пункты с находками этого периода достаточно многочисленны, но, к сожалению, ни на одном из них не проводили раскопки. Почти все они, за исключением Алешкинской стоянки на р. Химке, сосредоточены в долине Москвы-реки, причем тяготеют к пойме, что, вероятно, указывает на первостепенное значение реки как ресурсного источника.

Коллекция типичной для этого периода ямочно-гребенчатой керамики происходит с Дьяковской стоянки. Она фиксирует два этапа заселения, относящихся соответственно к среднему и началу позднего этапа льяловской культуры, т.е. приблизительно к середине IV тыс. до н.э. Одновременные этой стоянке единичные находки обнаружены на расстоянии до полутора километров от нее, что указывает на освоение низменной части долины Москвы-реки в окрестностях поселения.

Древности бронзового века, датирующиеся III–II тыс. до н.э., на территории Москвы представлены по преимуществу случайными находками, обнаруженными при строительных и других земляных работах, а также несколькими могильниками, лишь один из которых – Давыдковский – частично изучен. Находки из него – глиняные горшки и каменные шлифованные топоры – относятся к фатьяновской археологической культуре, выделенной по эталонному могильнику, раскопанному близ г. Ярославля. Находки бронзового века на территории Москвы представлены в основном каменными топорами-молотками как очень архаичных форм, например топор из Нагатино, так и более развитыми[4]. Наряду с законченными вещами встречена и заготовка – топор с незаконченной сверлиной, найденный при

[1] *Ходаковский З.Я.* Донесение о первых успехах путешествия в России Зориана Долуга-Ходаковского из Москвы 13-липца 1822 г. // Русский исторический сборник. Кн.VII. М., 1844; *Калайдович К.* Письма к А.Ф.Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии. М., 1823; *Формозов А.А.* Следопыты земли Московской. М., 1988.

[2] *Анучин Д.Н.* Доисторическая Москва // Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1909.

[3] Археологическая карта России. Московская область. Ч.I. М., 1994. С.17.

[4] *Виноградов К.Я.* Новые памятники фатьяновской культуры // Советская археология. № 4. 1937.

строительстве здания университета на Воробьевых горах. Более половины находок по-прежнему концентрируется в долине Москвы-реки. По-видимому, эта уже освоенная ранее территория продолжала интенсивно эксплуатироваться, и леса в долине были существенно потеснены в результате хозяйственной деятельности населения бронзового века, уже знавшего скотоводство.

Кроме того, находки бронзового века неоднократно встречены на левобережье Москвы-реки на значительном удалении от ее русла в бассейне р. Химки, по р. Яузе и ее притокам. Видимо, хозяйство того времени носило весьма экстенсивный полукочевой характер. На это же указывает и отсутствие стационарных поселений, сравнимых с более поздними памятниками железного века.

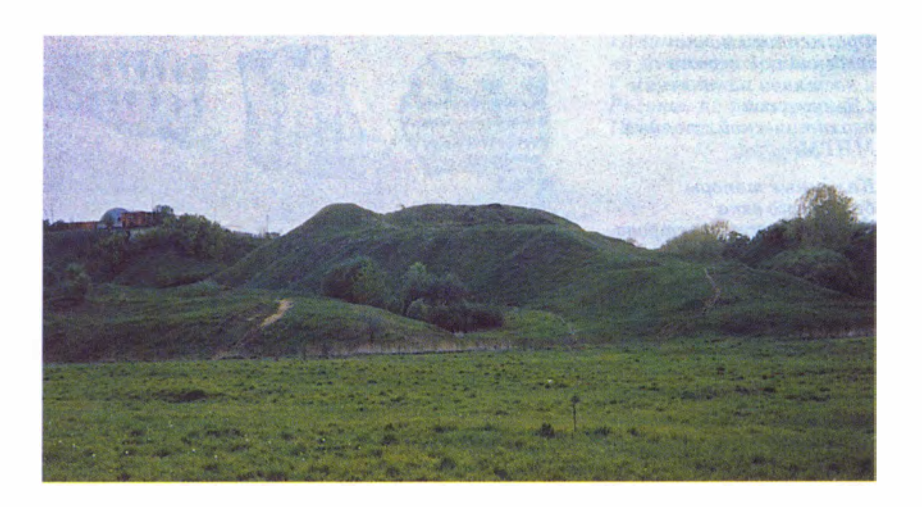
Интересно, что целая серия находок отдельных предметов бронзового века (каменные топоры, кремневые наконечники дротиков, тесло) обнаружена в Кремле и Зарядье. Особенно важно то, что при археологических раскопках в Зарядье обнаружились и несколько фрагментов керамики, относящиеся, по всей вероятности, к поздневолосовской культуре бронзового века. Очевидно, на рубеже III и II тыс. до н.э. здесь существовала стоянка, разрушенная позднейшими городскими напластованиями.

В культурном отношении памятники эпохи бронзы, известные в Москве, не имеют черт сходства со сменившими их памятниками раннего железного века. Весьма вероятно, что носители фатьяновской культуры были ассимилированы местным льяловским населением.

Около 2,5 тыс. лет назад наступила современная климатическая эпоха и в предыстории Москвы произошли важные перемены – территория будущего города впервые заселяется оседлым земледельческим населением, которое было уже знакомо с обработкой железа.

Прежде чем перейти к характеристике археологических свидетельств, относящихся к этому периоду, необходимо остановиться на описании природной среды, взаимодействие с которой в значительной мере определяло жизнь древних поселенцев и которая сыграла немаловажную роль в феномене возникновения города.

Заселению и освоению территории Москвы с глубокой древности способствовал ряд благоприятных факторов, среди которых выделяются выгодное географическое положение, чрезвычайно большое разнообразие природных условий и богатство природных ресурсов. Еще В. О. Ключевский убедительно показал удобное (узловое) географическое положение Москвы в центре Русской равнины[5]. По Москве-реке можно было выйти к главным водным путям – Волге, Оке и Клязьме и расселяться как в широтном, так и в меридиональном направлении. Кроме того, положение территории Москвы на «изломе» реки в центре густой речной «паутины» позволяло легко перемещаться по многочисленным притокам и осваивать разнообразные ландшафты ближнего и дальнего Подмосковья.

Вид Дьякова городища с поймы Москвы-реки. Апрель 1995 г.

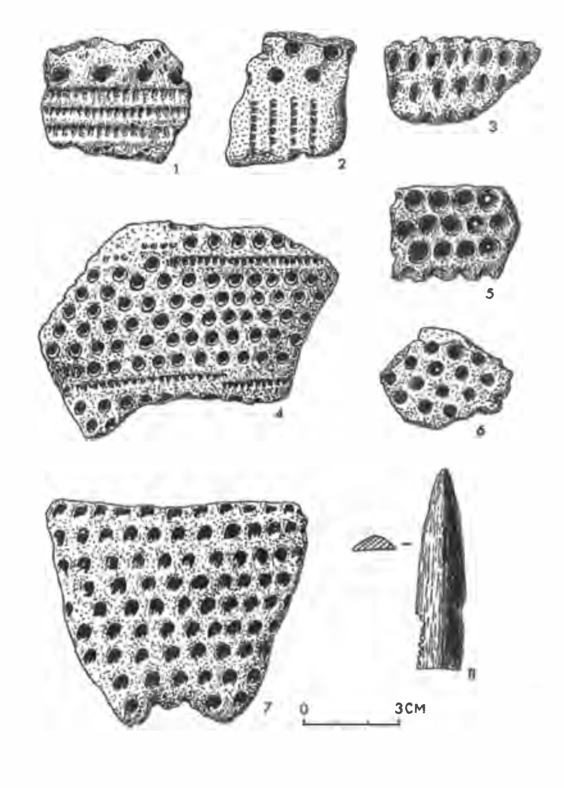
Москва расположена на стыке трех природно-географических районов (физико-географических провинций) – Москворецко-Окского, Московского и Мещерского, сформировавшихся в крупных формах рельефа Русской равнины: Москворецко-Окской эрозионной равнине, Клинско-Дмитровской гряде и Мещерской низменности.

В мозаике земной поверхности, состоящей из огромного числа природно-территориальных комплексов – участков с особым исторически обусловленным сочетанием природных компонентов,– ведущую роль играют ландшафты. Они характеризуются территориальной целостностью, генетическим единством, однородностью геологического строения, рельефа, климата, единообразным сочетанием гидротермических и почвенных условий, а также определенной совокупностью живых организмов (биоценозов). Каждый ландшафт отличается от другого только ему присущим сочетанием составляющих его урочищ[6].

В формировании ландшафтной структуры территории Москвы решающее значение имели события четвертичного периода: оледенение и сток ледниковых вод. Особая роль в этом принадлежала Московскому оледенению. В результате на неоднородном геологическом фундаменте образовались разные виды моренных, водно-ледниковых и озерно-водно-ледниковых равнин, послуживших основой обособления ландшафтов. Последующее формирование эрозионной сети, переработка ледникового рельефа придали каждому ландшафту индивидуальные неповторимые

[5] *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч.2 // Соч.: В 9 т. Т.2. М., 1984. С.8,9.

[6] *Анненская Г.Н., Видина А.А., Жучкова В.К.* и др. Морфологическая структура географического ландшафта. М., 1962.

Фрагменты ямочно-гребенчатой керамики и костяной наконечник с Дьяковской неолитической стоянки. МИГМ

Каменные топоры бронзового века с Измайловского острова. МИГМ

черты и значительным образом повлияли на формирование их структур.

На карте, подготовленной для настоящего издания (№ 1, врезка), изображены коренные ландшафты, предположительно существовавшие на рубеже новой эры, когда началось активное освоение территории Москвы земледельческим населением[7]. В этот период уже прошла смена суббореального климата на субатлантический, который в общих чертах соответствует современному[8].

Москва расположена в зоне смешанных (елово-широколиственных) лесов. Но здесь произрастали не только хвойно-широколиственные леса, но и таежные ельники и сосновые боры и леса, состоявшие только из широколиственных пород: дубравы, липняки, вязовники.

Для территории Москвы характерно девять коренных ландшафтов, большинство которых простирается далеко за ее пределами. Уникальным представляется тот факт, что восемь из них практически сходятся в центральной части города. Подобного тесного соседства такого количества и таких разнородных по свойствам ландшафтов не отмечается больше нигде в Московской области.

Их освоение происходило разновременно. Наиболее благоприятствовали заселению территории вдоль реки – москворецкие ландшафты: Сходненский, Капотненский и Граворонский (карта 1, врезка, № 4–6). Поймы высотой 4–6 м включали сухие, увлажненные (Лужники, «Великий луг» в Замоскворечье, луга напротив Коломенского) и заболоченные участки (Сукино болото). В поймах произрастали густые леса – дубравы, липодубравы и вязовники с богатым подлеском, перемежавшиеся множеством полян и заливных лугов, что привлекало древних скотоводов. Надпойменные террасы, сложенные песчаной толщей (например, Кремлевский холм), были покрыты сосновыми лесами, хорошо дренированными и удобными для подсечно-огневого земледелия. Не менее привлекательными были урочища коренных склонов долин, занятые липняками на северных и дубравами на южных склонах (Воробьевы горы).

Заселение Подмосковья в раннем железном веке, как показывает расположение памятников, происходило снизу вверх по течению Москвы-реки. Наши представления о хронологии памятников железного века, оставленных, судя по дошедшей до нас гидронимии, финно- и балтоязычным населением, базируются не только на комплексе радиоуглеродных дат, но и на находках датирующих вещей – стрел, украшений, подражавших скифским, стеклянных бусин, производившихся в отдаленных центрах античной цивилизации и попадавших на Русскую равнину через северо-причерноморские города, деталей поясных наборов, характерных для позднеримского времени и эпохи переселения народов[9]. Радиоуглеродная дата 2590±70, полученная по костным остаткам из одного такого древнейшего поселения в Москве – селища «Чертов городок», при пересчете в календарный возраст с учетом калибровки указывает на рубеж IX–VIII вв. до н.э.[10]

Уже в V в. до н.э. возникли городища-поселки, укрепленные рвами и валами, по гребню которых шли деревянные стены. Городища (всего в пределах города их известно 10) существовали очень долго – около полутора тысяч лет до VII–VIII вв. н.э.[11]

Археологическая культура населения бассейна Москвы-реки того времени носит название дьяковской по имени первого исследованного памятника – Дьякова городища, расположенного на территории заповедника «Коломенское». Изучение оборонительного вала, городища и мощного трехметрового культурного слоя, включающего остат-

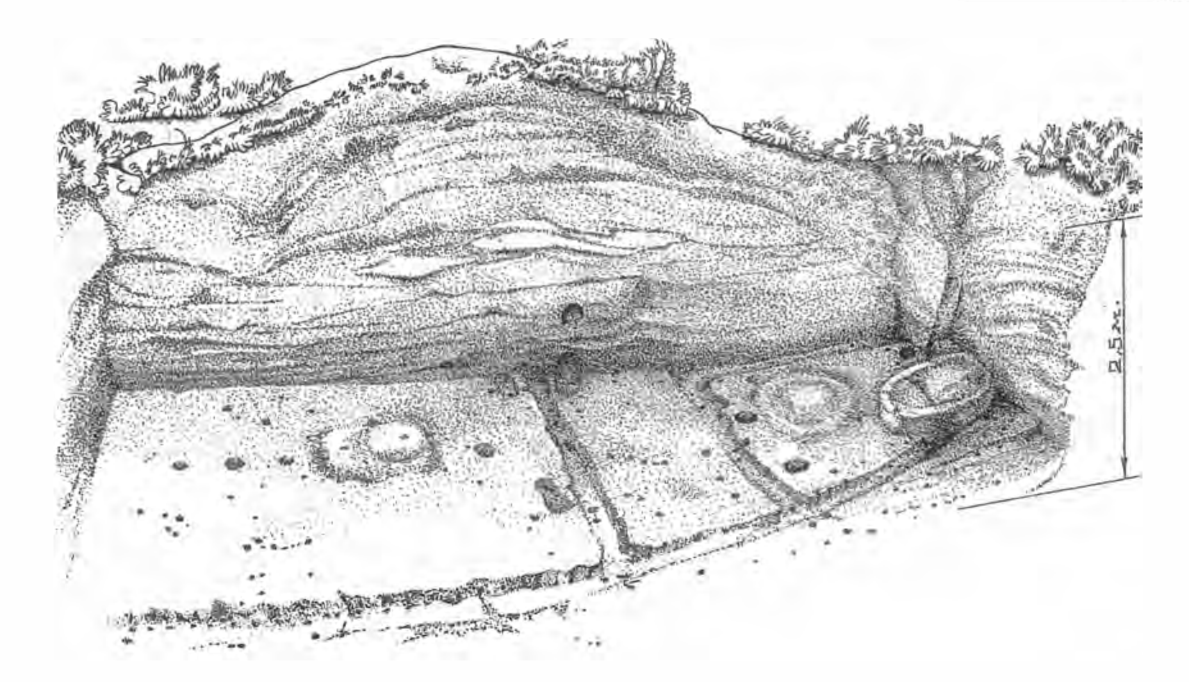
[7] Работа проводилась на кафедре ландшафтоведения Географического факультета МГУ В.А.Низовцевым. См. также: *Жучкова В.К.* Ландшафты лесопаркового пояса г. Москвы // Ландшафтоведение. М., 1963. С.78–93; *Анненская Г.Н., Жучкова В.К., Мамай И.И.* и др. Ландшафты Московской области // Вестник МГУ. Сер.5. География. 1987. № 2. С.37–47; *Цалкин В.М., Борисоглебская М.Б.* Млекопитающие Москвы и Подмосковья на рубеже нашей эры // Животное население Москвы и Подмосковья. М., 1967. С.7–9.

[8] *Хотинский Н.А.* Голоцен Центральной Евразии. М., 1977.

[9] *Кренке Н.А.* Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье. Автореф. канд. дис. М., 1987.

[10] *Кренке Н.А.* Чертов городок – селище железного века в окрестностях Коломенского // Российская археология. 1995. № 3.

[11] *Качанова В.И.* О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры. Мамоново городище // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Труды Музея истории и реконструкции Москвы. Вып.5. М., 1954; *Векслер А.Г.* Археологические работы в Москве // Археологические открытия 1972 г. М., 1973; *Розенфельдт Р.Л.* Городище Потылиха // КСИА. Вып.119. М., 1970.

«Длинный дом» на Дьяковом городище. V–IV вв. до н.э. Рисунок по фотографии 1984 г.

ки сменявших друг друга многочисленных построек, позволило установить, что культура его обитателей неоднократно претерпевала серьезные изменения. Множественные следы пожаров и постоянно возобновлявшиеся укрепления (вал Дьякова городища досыпался не менее шести раз) указывают, что мирная жизнь перемежалась конфликтами[12]. Особенно развитую оборонительную систему начала новой эры позволили выявить раскопки на Кунцевском городище, защищенном тройным валом и частоколом.

Судя по составу древней пыльцы, сохранившейся в культурном слое Дьякова городища[13], пахотные и пастбищные угодья, возникшие вокруг городищ к началу I тыс. н.э., то сокращались, то увеличивались. Фазы, когда воздействие человека на окружающую растительность оказывалось особенно интенсивным, перемежались краткими эпизодами, когда оно сокращалось и происходило частичное восстановление коренных лесов. Тем не менее в целом произошла замена коренных лесных формаций вторичными, появились значительные очищенные от леса открытые пространства в радиусе до нескольких километров вокруг поселений.

Основными сельскохозяйственными культурами, как показывает анализ найденных в культурном слое Дьякова городища обугленных зерен, были просо, ячмень, пшеница. Однако в разные эпохи их роль менялась. На раннем этапе (V–III вв. до н.э.) наиболее часто встречается просо, позднее на первое место выдвигаются ячмень и пшеница, появляется лен. Определение сортов пшеницы и ячменя позволило сделать вывод о распространении на позднем этапе существования городищ земледелия на окультуренных старопахотных почвах.

В кухонных отбросах на городищах обнаружены остатки 31 вида млекопитающих, 13 видов птиц и 12 видов рыб. Подавляющее число костей принадлежит домашним животным, преимущественно свиньям, лошадям и крупному рогатому скоту. Кости мелкого рогатого скота встречаются в значительно меньшем количестве. Основным промысловым зверем был бобр, а также лось, медведь, куньи. Особенная интенсификация охоты отмечена в поздний период существования городищ в начале новой эры, когда, вероятно, начала складываться сеть товарообменных отношений и население лесных районов Восточной Европы стало поставщиком пушнины.

Несмотря на густоту поселений железного века по Москве-реке (карта 1) и интенсивную хозяйственную деятельность, экологическое равновесие еще не было подорвано: поселения многие сотни лет существовали на одном месте, охотничьи ресурсы не истощались, Москва-река сохраняла исключительную чистоту, о чем свидетельствуют находки костей тайменя в позднедьяковском слое[14].

Стремление к достижению максимальных удобств с наименьшими трудовыми затратами прослеживается в типе построек, открытых на городищах. Они имели относительно легкие стены из плетня, небольшие прямоугольные комнаты площадью 12–18 кв. м с большим очагом в центре, тщательно подготовленный пол с песчаной подсыпкой или глиняной обмазкой, покрытый выстилкой растительного происхождения и местами – тканью. Ранние постройки

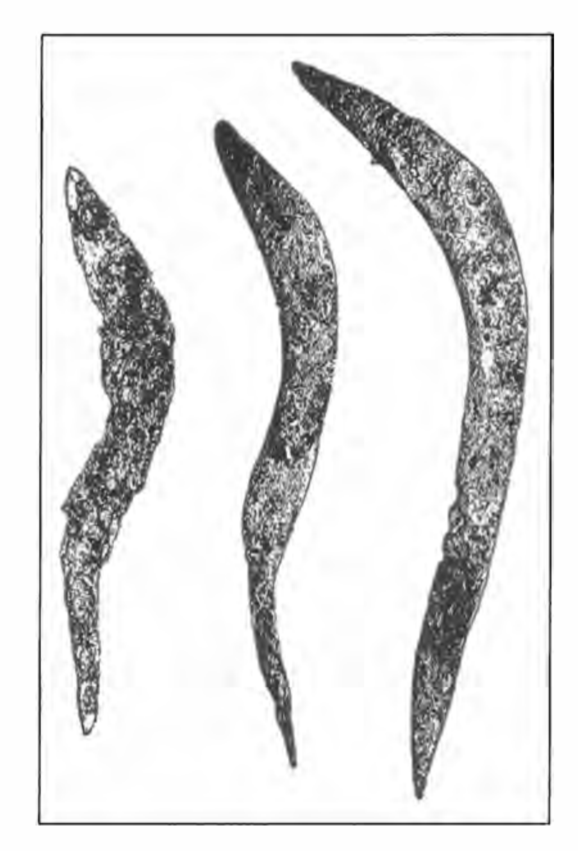
[12] *Сизов В.И.* Дьяково городище близ Москвы // Труды IX археологического съезда. Т.II. М., 1897; *Кренке Н.А.* Раскопки Дьякова городища в 1981 г. // КСИА. Вып.178. М., 1984; *Он же.* Вал Дьякова городища // КСИА. Вып.186. М., 1986; *Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д.* Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища // КСИА. Вып. 194, М., 1988.

[13] *Гунова В.С., Кренке Н.А.* Археолого-палеогеографические исследования в среднем течении Москвы-реки // Вестник МГУ. Сер.5. География. № 1. 1985.

[14] *Кренке Н.А., Цепкин Е.А.* Рыболовство в Москве-реке с V в. до н.э. по VII в. н.э. // Советская археология. 1991. № 1. С.104–111; *Алексеева Л.И., Калякин В.Н., Кренке Н.А.* Археозоологическая коллекция из раскопок Дьякова городища в Москве // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1996. С.24–44.

Древности раннего железного века на территории Москвы: женские статуэтки, серпы, грузики «дьякова типа» и украшения с эмалью IV–V вв. н.э. МИГМ

были многокомнатными – типа «длинных домов», затем их сменили однокомнатные жилища.

Относительно высокой была и культура еды. На Дьяковом городище найдена обугленная деревянная ложка примерно двухтысячелетнего возраста, на аналогичном Старшем Каширском городище – бронзовая ложка. Существовала столовая лощеная посуда, по качеству приближавшаяся к той, которая появилась спустя много столетий в комплексах московской средневековой керамики.

Особо стоит остановиться на освоении территории Кремля. В ландшафтном отношении она принадлежала к террасовым урочищам, благоприятным для освоения человеком и освоенным в бронзовом, а затем и в раннем железном веке[15]. Долго существовавший бор на мысу дал в XIV в. название монастырю Спаса на Бору и позднее Боровицким воротам (от слова «боровица»)[16].

Общая численность населения железного века, проживавшего в пределах современной Москвы, может быть рассчитана на основании количества памятников, их площади и площади жилых построек. По-видимому, на десяти городищах, расположенных в Москве, и окружавших их селищах одновременно могло проживать до 1000 человек. Однако эта цифра весьма ориентировочна, так как отсутствует полная уверенность в том, что городища существовали одновременно. Таким образом, за весь период железного века на территории Москвы проживало несколько десятков тысяч человек, сумевших существенным образом преобразить ландшафт и подготовить возникновение сельской округи средневекового города.

Однако судьба населения железного века (и даже их останков, так как о могильниках почти ничего неизвестно) остается пока скрытой от нас. Не обнаружено достоверных археологических свидетельств, которые могли бы заполнить лакуну (VIII–IX вв.), разделяющую позднедьяковские городища и средневековые памятники X–XI вв. Трудно говорить и об этнической принадлежности населения. Имеются лишь тонкие связующие нити – сохранившиеся дославянские финские и балтские названия рек (так, р. Рачка сходна с Рачей, Радчей бассейна Верхнего Днепра) и средневековые находки на местах древних поселений, указывающие на наличие преемственности если не в культуре, то в освоении территории.

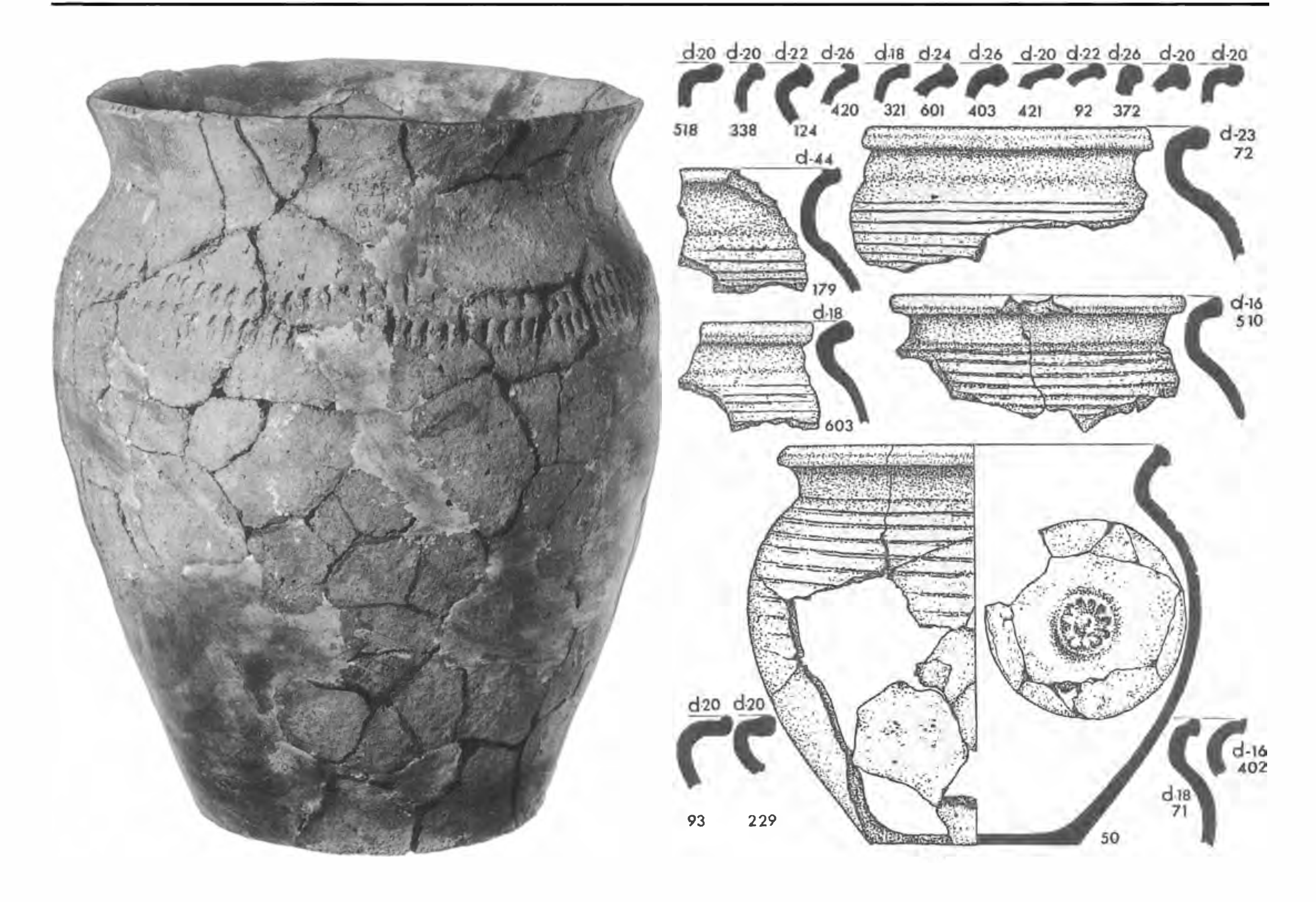
Даже по летописным сообщениям (о походе князя Святослава Ольговича в 1147 г. на племя голядь, обитавшее «верхъ Поротве»[17], т.е. в верховьях р. Протвы, в 100 км к юго-западу от Москвы) вплоть до середины XII в. в запад-

[15] *Шеляпина Н.С.* Поселение железного века на Боровицком холме Московского Кремля // Советская археология. № 1. 1973.

[16] *Поспелов Е.М., Смолицкая Г.П.* Топонимические свидетельства исторической географии Москвы // Известия АН СССР. Сер. геогр. 1985. № 1.

[17] ПСРЛ. Т.I. Л., 1926–1928. С.242, 247.

[18] *Станюкович А.К.* Ранние этапы славянского заселения Подмосковья // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985. С.98–101; *Векслер А.Г., Станюкович А.К.* Раннесредневековое поселение у Боровского перевоза в Подмосковье // КСИА. Вып.183. М., 1986. С.76–80.

ной части Волго-Окского междуречья сохранялись «анклавы» балтоязычного населения. Восточные же районы междуречья в VIII–X вв. были освоены мерянским населением, причем ближайшие поселения мерянского облика найдены в 80–100 км к северо-востоку от среднего течения Москвы-реки.

Этнокультурные, демографические и хозяйственные процессы, связанные с заселением славянами бассейна Москвы-реки и включением этой территории в состав Древнерусского государства, исследованы еще далеко не полностью. Однако их основные этапы могут быть очерчены.

Славяне начали осваивать среднее течение Москвы-реки в X в.– этим временем датируются древнейшие памятники, обнаруженные на территории города. Данные поселения близки памятникам роменско-боршевской культуры, широко распространенным на верхнем течении р. Оки и датируемым IX–X вв. К ним принадлежат селище у села Покров на р. Пахре в Подольском районе, селище Заозерье-2 у Боровского перевоза близ впадения Пахры в Москву-реку в Раменском районе, Жуковское селище на Москве-реке в Одинцовском районе. На этих поселениях найдены лепная керамика роменского облика, раннегончарная посуда, крестопрорезные бубенчики, граненые сердоликовые бусы, височные кольца «деснинского типа», что позволяет датировать их X–XI вв.[18]

В пределах современной Москвы поселение того же типа обнаружено на территории Свято-Данилова монастыря. Здесь были раскопаны хозяйственные ямы, содержавшие комплекс лепной и раннегончарной посуды, который может быть отнесен к X–XI вв.[19] В 13 км ниже Свято-Данилова монастыря, на правом берегу Москвы-реки, у с. Беседы, был раскопан Большой Беседский курган. По мнению А. В. Арциховского, исследовавшего этот памятник, курган относится к начальному этапу славянского освоения Подмосковья[20]. На селище Беседы-1, в 700 м от кургана, найдена керамика роменского облика[21]. Эта находка, а также трупосожжение, обнаруженное на селище у с. Покров, дают основания предполагать, что селища с роменской керамикой и курганы с трупосожжениями принадлежат одной археологической культуре, памятники которой оставлены населением, проникшим на среднее течение Москвы-реки из бассейна верхней Оки.

Образец керамики раннего железного века на территории Москвы – гладкостенный сосуд (начало нашей эры)

Фрагменты курганной керамики с территории собора Богоявленского монастыря. 1987 г.

[19] *Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1994. С.114, 115. Табл.77–79.

[20] *Арциховский А.В.* Отчет 1945 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 37; *Он же.* Беседские курганы / КСИИМК. Вып.21. 1947; *Он же.* Большой Беседский курган // МИА. 1970. № 176.

[21] *Фролов А.С., Грудинкин Б.В., Прошкин О.Л., Станюкович А.К.* Работы Калужской экспедиции // Археологические открытия 1986 г. М., 1988. С.98.

Клад куфических монет и обломков с весами. IX–X вв. ГИМ

Первые славянские поселения возникали на невысоких террасах Москвы-реки в пределах москворецких ландшафтов, которые активно осваивались человеком уже в железном веке. Большая их часть расположена на водных магистралях – Москве-реке и Пахре. Обитатели раннеславянских поселений сооружали наземные деревянные дома, слегка заглубленные в землю, с глинобитными нишеобразными печами.

Расположение поселений вдоль крупных рек – в ту эпоху основных путей передвижения – далеко не случайно. Существенную роль в жизни раннеславянского населения играла торговля. На это указывает совпадение ареалов поселений описанного типа и кладов куфических монет IX–X вв.: 11 кладов и местонахождений монет того времени расположено на Оке (в пределах нынешней Московской области), а 4 – на среднем течении Москвы-реки.

Эти монеты принято называть куфическими по имени одного из городов Арабского халифата (с VII в. простиравшегося от Испании до Гиндукуша) – Куфы. Монеты (главным образом серебряные дирхемы) с орнаментальной надписью из Корана: «Нет бога, кроме Аллаха, и нет ему равного» и именами посланника бога – Мухаммеда и халифа, правителя области, с указанием года и города – вывозились арабскими купцами на север вплоть до Скандинавии. На Руси их приобретали и поштучно, и по весу. Дирхемы использовались как сырье для ювелирных изделий и дорогой утвари. Арабские серебряные монеты, кроме того, стали средством местного денежного обращения.

Разные виды монет имели свой собственный, довольно строгий нормативный вес. Когда дирхемы совпадали по весу с русскими денежно-весовыми единицами, прием монет осуществлялся поштучно. Если весовые нормы не совпадали – дирхемы резали и монеты принимали по весу. В кладах куфических дирхемов встречаются иногда весы с разновесами, которые использовались при приемке серебра. Русская денежно-весовая система IX–XIII вв. получила название «кунной»; основной денежной единицей была гривна кун, состоявшая из 20 ногат, или 25 кун. Ногатами и кунами были арабские дирхемы. В кунную систему входили также резаны – их приходилось 50 на гривну кун.

Находки куфических монет на среднем течении Москвы-реки включают клад, найденный у села Коренево Раменского района[22], обломок брактеата саманидского дирхема, обнаруженный на селище Заозерье-2[23], клад монет IX в., найденный в XIX в. близ Симонова монастыря[24], и, наконец, знаменитый клад, обнаруженный при рытье котлована под храм Христа Спасителя в 1837–1838 гг. Местность в районе строительства храма представляла собой мыс при впадении древнего ручья Черторый (по его долине пролегает ныне Бульварное кольцо) в Москву-реку. Здесь, на глубине 13 аршин (9 м), был найден клад, включавший тахиридскую монету халифа Муста ибн-Биллаха, чеканенную в Мерве (Туркмения) в 862 г., и аббасидскую монету халифа Мутезз-Биллаха, чеканенную в Двине (Армения) в 866 г. Зарыт клад был скорее всего в X в.[25]

Итак, в X в., когда происходил первый этап славянского заселения Ростово-Суздальской земли, в среднем течении Москвы-реки складывалась группа поселений, которая в этнокультурном плане была связана с населением Верхней Оки и входила в зону влияния Волго-Балтийских торговых путей.

Во второй половине XI в. изменились общеисторические условия развития будущего Московского края. Установились более тесные связи Киева с Ростовской землей, переданной Ярославом Мудрым сыну Всеволоду. В своем «Поучении» сын Всеволода Владимир Мономах описывает три похода из Киева

[22] *Марков А.К.* Топография кладов восточных монет. СПб., 1910. С.127.

[23] *Станюкович А.К.* Указ. соч. С.99.

[24] *Савельев П.С.* Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1846. С.162.

[25] *Савельев П.С.* Указ. соч. С.122, 123; *Качанова В.И.* Топография кладов Москвы и ее окрестностей // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. № 3. М., 1954. С.135.

[26] *Недошивина Н.Г.* Погребальный обряд вятичей XI–XIII вв. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1974; *Арциховский А.В.* Курганы вятичей. М., 1930.

[27] *Арциховский А.В.* Царицынские курганы // МИА. № 7. М.; Л., 1947; *Равдина Т.В.* Отчеты 1960, 1961 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2096, 2436; *Она же.* Царицынские курганы // Советская археология. 1963, № 4; *Кренке Н.А.* Отчет 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15971.

в Ростов (в 1066, 1097 и 1102 гг.), первый из которых был совершен «сквозе вятичей», еще не вполне подчинившихся киевским князьям. Путь проходил через район, в котором возникла Москва, что не могло не способствовать притоку туда населения.

В конце XI – начале XII в. в среднем течении Москвы-реки произошло резкое увеличение числа поселений. Видоизменились система расселения, погребальный обряд, материальная культура приобретала типичный древнерусский облик, который она сохранила до середины XIII в. Происходило активное освоение долин средних и малых рек, обусловленное нуждами земледелия и скотоводства. Изучение курганных могильников показало, что с конца XI в. в долине Москвы-реки начал господствовать обряд трупоположения на горизонте, который во второй половине XII в. сменяется обрядом трупоположения в яме, что связывается исследователями с распространением христианства[26].

Особенно интенсивно заселялись ландшафты юга Москвы, расположенные на правобережье Москвы-реки в пределах Московско-Окской возвышенности,– Теплостанский, Кунцевский, Царицынский (карта 1, врезка, № 1–3). Эти возвышенные (170–254 м над уровнем Балтийского моря) междуречные моренные равнины были покрыты сплошной сетью мелких речек и балок. В районе Теплого Стана преобладали широколиственные леса, в частности дубравы, в Кунцевском и Царицынском ландшафтах – смешанные в разном соотношении хвойно-широколиственные леса. Хорошо дренированные почвы были весьма благоприятны для пашенного земледелия. Поэтому неудивительна ранняя колонизация этого района славянскими поселенцами (карта 2). Здесь, в долинах рек Сетуни, Раменки, Чертановки, Сухой Городенки и Язвенки, обнаружены гнезда поселений и курганных могильников. Одно из таких гнезд в районе Царицына в настоящее время изучено особенно подробно. На участке долины Язвенки длиной в 2 км сохранилось 10 курганных могильников общим числом в 119 насыпей и 5 селищ[27]. Палеоландшафтные исследования позволили выявить под курганами следы пашенных горизонтов и показали, что пашни располагались на первой террасе реки узкой полосой, лежавшей между поселением и курганными могильниками, находившимися на пограничье с лесом[28].

Главным видом хозяйствования стало пашенное земледелие, что связано с резко возросшими производственными возможностями: широкое распространение получил топор, на смену мотыге и бороне-суковатке пришла соха, а в качестве тягловой силы наряду с быками стали использовать лошадь. Появление среди культурных растений озимой ржи и широкое применение тягловой силы сделали возможным внедрение в земледелие трехполья. В сельскохозяйственный оборот стали вовлекаться земли, имевшие почвы с более поздними сроками готовности посевов и обладавшие повышенным плодородием.

Занятие пашенным земледелием освободило древнерусских поселенцев от «привязанности» к долине Москвы-реки и способствовало освоению междуречных ландшафтов с более разнообразной ресурсной базой, прежде всего вдоль долин малых рек в правобережной части московской территории. Именно здесь, в моренных и зандровых междуречных равнинах, сильно расчлененных балочной сетью, располагались почвы, пригодные для ведения землепашества.

Поэтому не случайно, что именно в южной части нынешней Москвы, примерно в 6–15 км к югу от Кремля, расположены замечательные памятники московской древности домонгольской поры – Беседские, Борисовские, Черемушкинские, Зюзинские и Чертановские курганные группы[29]. Из орудий труда в женских погребениях встречаются серпы и ножи. Мужские погребения беднее инвентарем. Из принадлежностей мужского наряда в курганах обычно встречаются пряжки лировидного типа. В ноги покойникам ставились глиняные сосуды[30].

Женский убор с семилопастными височными кольцами, решетчатыми перстнями и шарообразными бусами из горного хрусталя свидетельствует о родстве населения Московского края с «вятичами» Верхней и Средней Оки[31]. К северу, в долине верхней Клязьмы, где распространен убор с браслетообразными височными кольцами, население своими этнографическими особенностями сходно с «кривичами» центральных районов Ростово-Суздальской земли.

Население в районе Москвы, таким образом, формировалось на основе двух главных общностей, имевших этнографические и диалектные различия, которые в опосредованном виде проявляются в диалектах коренного населения Московской области[32].

В северной части нынешней Москвы преобладали плоские, плохо дрени-

Арабские дирхемы. Серебро. Династия Саманидов. Начало X в. ГИМ

[28] *Александровский А.Л., Кренке Н.А.* Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмосковье // КСИА. Вып. 208. М., 1993. С.20–31.

[29] *Арциховский А.В.* Отчеты 1945, 1946 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 37, 74; *Авдусин Д.А.* Отчеты 1947, 1949 гг. // Там же. № 104, 352; *Авдусина Г.А.* Отчеты 1948, 1950 гг. // Там же. № 351, 1618; *Енуков В.В.* Курганы в селе Беседы // Советская археология. 1987. № 3; *Кислов М.Н.* Отчет 1951 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1618; *Подвигина Н.Л.* Отчет 1961 г. // Там же. № 2261; *Рабинович М.Г.* Отчеты 1949–1950 гг. // Там же. № 308, 564; *Коновалов А.А.* Отчет 1966 г. // Там же. № 3340; *Латышева Г.П.* Отчеты 1953, 1956 гг. // Там же. № 800, 1306.

[30] *Равдина Т.В.* Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991. С.7–13.

[31] *Арциховский А.В.* Курганы вятичей. М., 1930; *Равдина Т.В.* Хронология «вятичских» древностей. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1975.

[32] О различиях в лексике южного и северо-восточного Подмосковья см.: *Войтенко А.Ф.* Лексический атлас Московской области. М., 1991.

Украшения женского убора вятичских курганов в районе Москвы: поясное кольцо, перстень, серьга, браслеты, шейные гривны. X–XI вв.

[33] *Чернов С.З.* Свод памятников археологии Спас-Тушино-Всходни // Проект Зон охраны памятников археологии в районе Митино / Институт генплана г. Москвы. Т. 3. 1994.

[34] *Виноградов К.Я.* Работы в Московской области в 1929 г. // Архив ИИМК. Ф-2. Д. 199; *Косинский В.* Отчет за 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1773. С. 6, 20. Табл. 1. № 9.

[35] *Смирнова Г.П.* Отчет за 1951 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2342; *Векслер А.Г.* Отчет 1961 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2342.

рованные междуречные пространства, покрытые густыми лесами. В Химкинском ландшафте ведущим типом урочищ являлись волнистые и плоские моренные равнины с маломощным чехлом суглинков, покрытые еловыми и еловошироколиственными лесами, либо плоские равнины, сложенные песчаными подпочвами с прослоями супесей и суглинков, на которых произрастали сосновые и еловые леса. Местами встречались сырые, иногда даже заболоченные долины малых рек (Химки, Лихоборки и др.). Относительно слабая дренированность поверхности, преобладание «холодных» почв препятствовали сельскохозяйственному освоению этого ландшафта, которое в XI–XIII вв. шло медленно. Эти местности использовались в качестве охотничьих угодий и под лесные промыслы, среди которых преобладало бортничество.

Среди слабозаселенных северных территорий на левобережье Москвы-реки исключение составлял район устья р. Сходни[33]. Центральное поселение этого района обнаружено на территории Спасского на Всходне монастыря, располагавшегося в XV–XVI вв. на высоком берегу Москвы-реки (на окраине сохранившегося до наших дней с. Спаса), близ того места, где к Москве-реке выходила Волоцкая дорога. Поселение (видимо, укрепленное), возникшее здесь на месте дьяковского городища, датируется XII в.[34]

К западу от городища, в долине ручья Барышиха, выявлен комплекс из трех курганных могильников и пяти селищ. Наибольший интерес представляют 1-й и 2-й Спас-Тушинские курганные могильники (72 насыпи) и селище. Раскопки, проводившиеся на могильниках, дали богатые наборы вятичских украшений XII – первой трети XIII в., а также конца XI – начала XII в.[35] Несколько севернее, близ трассы Волоцкой дороги (ныне Пятницкое шоссе), в 1885 г. исследован 1-й Митинский курганный могильник (известный еще в XVII в. как «Великая могила»), который содержал трупоположения на материке. По присутствию семилопастных височных колец и других элементов убора все эти курганы исследователи относят к кругу вятичских[36]. На левом берегу р. Сходни расположено Тушинское городище, на котором прослежен слой XII–XIII вв., а на правом берегу Москвы-реки, у д. Мякинино – селище и курганная группа того же времени. Особый интерес представляет 2-е Мякининское селище на Литвиновом лугу, на противоположной от Спасского монастыря стороне Москвы-реки. В исследованных ямах от жилых и хозяйственных строений найдены фрагменты древнерусских стеклянных браслетов, обломки железных ножей, глиняных грузил, стеклянные бусы, шиферное пряслице, бронзовые решетчатые перстни.

Таким образом, в районе Всходни обнаружен археологический комплекс, включающий открытое и укрепленное поселение XI–XII вв. Подобные поселения типа торговых и земледельческих факторий играли значительную роль на ранней стадии градообразования в различных районах Древней Руси. В среднем течении Москвы-реки они явились своего рода предвестниками образования города.

Это доказывают и более поздние источники. Первое упоминание монастыря «Святаго Спаса иже на Восходне» содержится в Рогожской летописи под 1390 г.[37] Из духовной грамоты князя Бориса Волоцкого 1477 г. известно, что Василий II благословил князя Бориса Волоком Ламским «с мытом с Воиницким, что у Сп(а)са на Всходне»[38]. Обладание правом на получение доходов от этого мыта являлось составной частью

прав великих московских князей на «половину» Волока Ламского и может быть прослежено до времени великого князя Ивана Калиты[39].

Как известно, право «сместного» владения Волоком Ламским великими владимирскими князьями и Новгородом возникло значительно раньше – во второй половине XII в. Учитывая расположение мыта на Всходне вблизи Москвы, можно предположить, что доходы с него являлись прерогативой великих владимирских князей (как часть великокняжеской «половины» Волока Ламского) до образования в 1270-х гг. Московского удельного княжества, т.е. в период, когда земли самой Москвы входили в великое Владимирское княжение.

Наименее населенными оставались ландшафты Мещерской низменности с их плоскими равнинами, поросшими борами зеленомошниками и черничниками, с редкими моренными «островами» сосново-еловых и еловых лесов (карта 1, врезка, № 8). Здесь были широко распространены сырые древнеозерные котловины и заболоченные западины под ельниками. В связи с неблагоприятными условиями для земледелия до наших дней сохранились коренные леса (парки Измайловский и Кузьминки, Лосиный остров), служившие охотничьими угодьями. Здесь поселения найдены лишь в долинах рек. В долине р. Яузы известны селище у Андроникова монастыря, курганная группа у станции Яуза, Тайнинское селище (в 1,7 км к западу от с. Тайнинского), а также селище и две курганные группы в верховьях р. Лось[40].

Восточная часть Москвы изучена недостаточно. Есть основания полагать, что в XII в. были заселены берега речки Грайвороновки, впадающей в Москву-реку в районе Нагатинского затона. На берегу этой речки, на территории уже не существовавшей к тому времени д. Грайвороново (ул. Грайвороновская близ станции метро «Текстильщики»), в конце 1980-х гг. местными жителями был собран комплекс древнерусской керамики, фрагмент бронзового витого браслета и грузило, изготовленное из стенки курганного сосуда, имевшее надпись «ИСТОМА» и круговую надпись «† ЧОУРЪ MENE». Надпись свидетельствует о распространении христианства и грамотности в московском округе. Рыболов по имени Истома заботился о своем благополучии и удаче на промысле и с помощью креста, и с помощью языческого заклинания.

Весьма своеобразный комплекс древнерусских памятников расположен в 12 км к востоку от устья р. Неглинной, в районе Косинских озер. В конце XIX в. здесь сохранялось четыре курганные группы, три из которых были раскопаны[41]. Большая часть их признается исследователями славянскими. Однако восточная, северная и южная ориентировка погребений не исключает возможности отнесения части их к более раннему времени[42].

Таковы имеющиеся на сегодня археологические свидетельства о московском округе в период возникновения города. В свете этих данных среднее течение Москвы-реки предстает замечательно разнообразным по природным условиям, издавна освоенным и весьма самобытным в этнокультурном плане краем.

В IX в., когда Северная Русь устанавливала первые торговые связи с будущей Северо-Восточной Русью, здесь пролегала граница между балтоязычными (голядь) и финноязычными (мерянскими) племенами. В X в. край начал осваиваться с юга славянским населением, родственным вятичам Верхней Оки. В XI в. через среднее течение Москвы-реки пролег путь из Киева в Ростов, который пересекся в районе будущего города с ранним торговым путем из Новгорода через Волок Ламский в бассейн р. Оки. Все это предопределило бурный рост населения в этом районе в первой половине XII в. и превратило его в один из динамично развивающихся очагов древнерусской культуры.

[36] *Кельсиев А.И.* Подмосковное курганное кладбище при д. Митиной // Древности. Труды Имп. Московского археологического общества. Т.10. М., 1885. С.30–44.

[37] ПСРЛ. Т.XV. Изд.2. Вып.1. Пг., 1922. Стб.158.

[38] ДДГ. № 71. С.250. Мыт упоминается также в докончаниях 1473 и 1481 гг. (там же. № 69. С.226, 228, 230; № 73. С.269, 272, 274).

[39] *Чернов С.З.* Волок Ламский в XIV – начале XVI вв.: административно-территориальное устройство и структуры землевладения // Архив русской истории. Вып.4. М., 1994. С.65, 66.

[40] *Юшко А.А.* Новые археологические памятники на территории Москвы (по материалам разведок 1977–1978 гг.) // КСИА. Вып.190. М., 1987. С.53–57; *Рабинович М.Г.* Отчеты 1946–1947 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 70, 121; *Князев Ю.* Загадка Тайнинского селища // За коммунизм. Мытищи. 1988. 11 ноября. С.3; *Данилова О.М.* Отчет за 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

[41] *Лыжин Н.И.* Курганы с. Косина // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т.49. Вып.5. 1890. С.735–739; *Чернов С.З.* Отчет 1990 г. Т.3 // Архив ИА РАН. Р-1. № 15194. С.37–39.

[42] *Бадер О.Н.* Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей // Материалы по археологии СССР. М.; Л., 1947. № 7. С.105; *Арциховский А.В.* Основные вопросы археологии Москвы // МИА. № 7. М.; Л., 1947. С.14.

II

КРЕПОСТЬ НА ГРАНИЦЕ. КНЯЖЕСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ

1. ПЕРВОЕ УПОМИНАНИЕ О МОСКВЕ

Немногие из современных крупнейших городов мира с историей в тысячи и сотни лет могут назвать точную дату своего основания или время первого упоминания в источниках, близкое к моменту возникновения города. Москва принадлежит к их числу. Самое раннее упоминание Москвы сохранилось в летописи. «Приди ко мне, брате, въ Московъ»,– с такими словами, сбереженными Ипатьевской летописью, обратился в 1147 г. суздальский князь Юрий Владимирович Долгорукий к своему союзнику, новгород-северскому князю Святославу Ольговичу, стоявшему с дружиной в верховьях р. Протвы[1]. Не «въ Москову», как печатали издатели летописных сводов в XIX в., не «на Москву» или «на Московъ», как писали и пишут в популярных очерках о Москве, а «въ Московъ», что ясно говорит не только о существовании поселения, где назначал встречу Святославу Ольговичу Юрий Долгорукий, но и о первоначальном названии этого поселения – Москы, о чем речь пойдет ниже.

«Въ день пятокъ на Похвалу святеи богородици» Юрий и Святослав «любезно целовастася» в Москве. «Пятница Похвальной недели (5-й недели Великого поста),– пишет крупнейший современный исследователь хронологии русского летописания,– была в 6655 (1147/8) г. 4 апреля»[2]. 4 апреля 1147 г.– дата первого упоминания Москвы.

Существовал ли к весне 1147 г. уже город Москы или речь шла о селе с таким названием – по скупым строкам летописи установить невозможно. Но то, что поселение Москы было значительным, свидетельствует и длительное пребывание здесь суздальских и новгород-северских полков, и «обедъ силенъ», который дал 5 апреля 1147 г. Юрий Долгорукий своему гостю, и богатые подарки, какими одарил он князя Святослава, его сына Олега, рязанского княжича Владимира Святославича и все окружение новгород-северского князя[3].

На свидание со Святославом Ольговичем Юрий Долгорукий пришел после захвата у Великого Новгорода Торжка и земель по р. Мсте. Святослав же перед встречей опустошил населенные племенем голядь верховья р. Протвы, принадлежавшие смоленскому князю Ростиславу Мстиславичу. Очевидно, что возвращавшиеся из походов князья должны были встретиться не в каком-то глубинном месте Суздальского княжества, а в приграничной полосе, более для них близкой и достижимой. И действительно, из всех городов и поселений Суздальского княжества, которыми обладал Юрий Долгорукий, Москва была пунктом, расположенным наиболее близко к владениям других князей. От принадлежавших Рязанскому княжеству Коломны, Смоленскому княжеству Можайска (хотя он и упоминается впервые через полтора столетия после описываемых событий), Новгороду Великому Волока Ламского Москву отделяли (по прямой) 104–108 км. От черниговских земель на правом берегу р. Оки до Москвы было 100 км, а от владений тех же черниговских князей по р. Лопасне – немногим более 60. Это положение Москвы в княжестве Юрия Долгорукого на границах с четырьмя другими русскими средневековыми государствами – Рязанью, Черниговом, Смоленском и Новгородом Великим – придавало ей стратегическое значение, возраставшее по мере роста самостоятельности этих государств.

2. СТРОИТЕЛЬСТВО КРЕПОСТИ

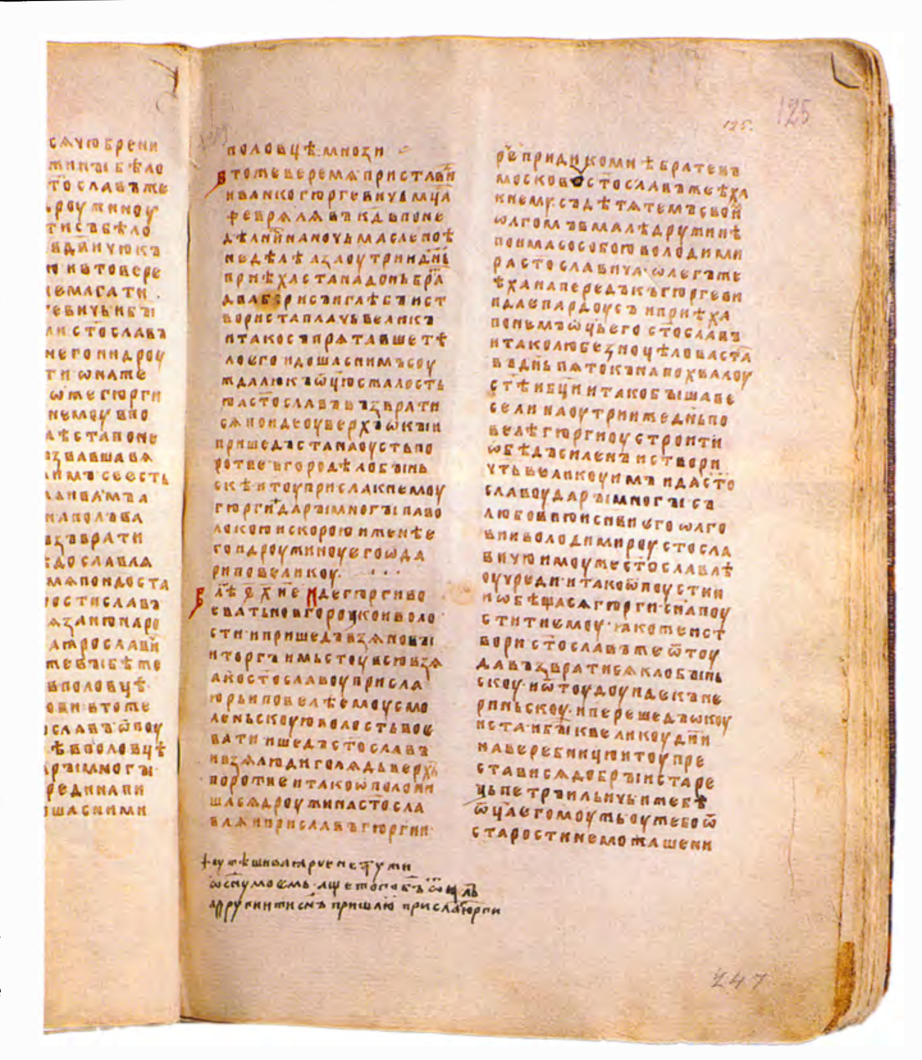
Как место, важное в военном отношении для Суздальского княжества, Москва рано или поздно должна была стать крепостью. И второе по времени упоминание Москвы в летописи рисует

[1] ПСРЛ. Т.II. СПб., 1908. Стб.339.

[2] *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С.147.

[3] ПСРЛ. Т.II. Стб.340.

ее как уже укрепленный пункт. В 1156 г. «князь великий Юрий Володимеричь заложи градъ Москьву на устни же Неглинны, выше реки Аузы»[4]. Это известие сохранилось в летописном своде, получившем название Тверской летописи. Хотя в памятнике использованы тверские летописные источники XV в., в целом он сформировался в более позднее время. Оба его списка датируются 20-ми гг. XVII в., они киевского происхождения и, видимо, окончательно были оформлены и отредактированы в Киеве уже в XVII в. при митрополичьей кафедре или в одном из православных киевских монастырей, скорее всего, Печерском. Но до этого памятник с извлечениями из тверских летописных источников прошел обработку в Ростове Великом. В тексте Тверской летописи в статьях 988 и 1196 гг. имеются записи жителя этого города, трудившегося в 1534 г. и использовавшего для своего труда нескольких летописцев. Ростов был древнейшим центром Северо-Восточной Руси, где стали вестись летописные записи. В тексте Тверской летописи можно встретить ряд известий, содержащих уникальные сведения по истории средневекового Ростова. Очевидно, летописатель, живший в этом городе в XVI в., сумел воспользоваться ранними летописными записями местного происхождения и включил их в редактировавшийся им памятник. К числу таких записей и следует отнести не встречающееся в других русских летописях известие о строительстве в 1156 г. Юрием Долгоруким града Москвы.

Первое упоминание о Москве 1147 г. в Ипатьевской летописи. БАН

Позднее происхождение Тверской летописи и помещенного в ней сообщения 1156 г. вызывало скептическое отношение к этому известию исследователей. Они находили несоответствие между указанием о закладке Москвы в 1156 г. князем Юрием и свидетельствами более древней Ипатьевской летописи о пребывании Долгорукого в 1156 г. в Киеве. Поэтому одни ученые считали неверной дату, сообщенную Тверской летописью, другие – неверным имя князя: Москву строил не Юрий Долгорукий, а его сын Андрей Боголюбский. Между тем Ипатьевская летопись вовсе не содержит данных о том, что весь 1156 г. Юрий Долгорукий оставался на Юге. Из этой летописи следует, что зимой 1155/56 г. Юрий женил в Киеве своего сына Глеба на дочери черниговского князя Изяслава Давыдовича, что после 21 апреля, вероятно в мае – июне, 1156 г. он вел дипломатические переговоры с половцами у города Заруба и встречал в Киеве присланного из Константинополя митрополита Константина, а затем зимой 1156/57 г. предпринял поход на княжившего во Владимире Волынском Мстислава Изяславича[5]. Где находился Долгорукий в первые четыре месяца 1156 г. и примерно с середины этого года до зимы 1156/57 г., летопись не сообщает. Следовательно, известие о закладке в 1156 г. Юрием Долгоруким города Москвы не может быть опровергнуто свидетельствами Ипатьевской летописи. Наоборот, они позволяют полагать, что как раз в 1156 г. князь Юрий мог оставить Киев и побывать в своем отчинном княжестве.

Имеются и другие летописные указания, позволяющие утверждать, что в 1156 г. Юрий Долгорукий приезжал в Суздальскую землю. Сохранилось достаточно раннее припоминание о том, что Юрий Долгорукий взял клятву с ростовцев, суздальцев, владимирцев, жителей Переяславля Залесского в верности его двум младшим сыновьям Михалке и Всеволоду (будущему Большое Гнездо), родившемуся 19 октября 1154 г., которым он передавал во владение Суздальское княжество. Такая передача могла иметь место лишь после того, как сам Юрий Долгорукий 20 марта 1155 г. стал киевским князем и смог наделить на Юге княжествами своих старших сыновей. Первому из них, Андрею Боголюбскому, Юрий отдал стоявший недалеко от Киева Вышгород. Но Андрей не

[4] ПСРЛ. Т.XV. СПб., 1863. Стб.225. В другом списке этой летописи вместо «устни» правильно написано «устии» (ГИМ. Муз. № 288б. Л.90об.).

[5] ПСРЛ. Т.II. Стб.483–488.

Перстни с изображением орла. XII в. ГМЗМК

Новгородская, киевская, черниговская гривны. XII в. ГИМ

захотел оставаться на Юге, осенью 1155 г. он покинул Вышгород и ушел во Владимир на Клязьме «безъ отне воле», т.е. вопреки желанию отца[6]. Очевидно, этот поступок старшего сына, вернувшегося обратно в Суздальское княжество, и вызвал необходимость приведения к крестоцелованию населения крупнейших центров этого княжества, поклявшихся Юрию Долгорукому в верности не старшему, а его младшим сыновьям. Такая клятва могла быть дана после осени 1155 г., когда Андрей Боголюбский, не послушавшись отца, оставил Вышгород, и до 15 мая 1157 г., кончины Юрия Долгорукого. Но, как было отмечено выше, зиму 1155/56 г. Юрий провел в Киеве, там же он был и с зимы 1156/57 г. до своей смерти. Следовательно, единственным временем, когда Юрий мог взять клятву с жителей Суздальского княжества в верности своим младшим сыновьям, был 1156 г. Становится очевидным, что сообщение Тверской летописи о закладке Долгоруким в 1156 г. города Москвы отвечает исторической ситуации и должно быть признано достоверным. Это известие точно указывает, что город, т.е. крепость, Москва при Юрии Долгоруком стоял там же, где и теперь,– при слиянии рек Неглимны и Москвы, выше впадения в реку Москву Яузы.

Что заставило Юрия Долгорукого строить крепость на Боровицком холме? Если Москва – пограничный пункт, то кого из ближайших соседей опасался в 1156 г. суздальский отчич? С Новгородом Великим Юрий поддерживал хорошие отношения, там с 30 января 1155 г. по начало 1157 г. княжил его сын Мстислав. Смоленский князь Ростислав Мстиславич стал в 1155 г. верным союзником Долгорукого[7]. Рязанские князья также не вынашивали коварных планов против своего усилившегося северо-западного соседа. В 1155 г. укрепились союзнические отношения Юрия Долгорукого с черниговским князем Изяславом Давыдовичем, оба правителя даже породнились: как уже говорилось, сын Юрия Глеб женился по настоянию отца на дочери Изяслава. И тем не менее эти отношения не стали прочными. При походе зимой 1156/57 г. на Владимир Волынский Юрий Долгорукий отказался от помощи Изяслава Черниговского и, по-видимому, отнял у него некоторые владения, переданные ему в 1155 г. А в начале марта 1157 г. обнаружилось, что Изяслав Давыдович стал центральной фигурой антиюрьевской княжеской коалиции, и только смерть Долгорукого предотвратила поход на Киев черниговского князя[8]. Очевидно, уже в 1156 г. отношения Юрия с Изяславом оказались натянутыми, и укрепление Москвы стало превентивным шагом искушенного в политических хитросплетениях Юрия Долгорукого, направленным к отражению возможных военных действий Чернигова против Суздальской земли.

Для строительства крепости была выбрана юго-западная часть высокого водораздельного плато, простиравшегося от впадения в р. Москву р. Неглимны до современного Китайского проезда. Крепость была сооружена в наиболее высокой части этого плато – на Боровицком холме (25 м над уровнем р. Москвы), представляющем собой мыс между реками Москвой и Неглимной. Эти реки надежно защищали подходы к крепости с южной, западной и северо-западной сторон.

Боровицкий холм в древности был выше и круче. Первая московская крепость располагалась на самой его вершине. В 1959–1960 гг. при строительстве Кремлевского Дворца съездов к востоку от Потешного дворца в Кремле и Троицких ворот были обнаружены остатки вала XII в., а у юго-западного угла Большого Кремлевского дворца – остатки рва[9]. В 60-е гг. XX в. среди археологов прошла дискуссия о том, к какому

[6] ПСРЛ. Т.II. Стб.595, 478, 482.

[7] НПЛ. С.29, 30; ПСРЛ. Т.II. Стб.480, 481.

[8] ПСРЛ. Т.II. Стб.486, 488–489.

[9] *Рабинович М.Г.* О древней Москве. М., 1964. С.18, 19, 22.

времени относить этот ров. Высказывалась мысль, что это остатки крепости XI в. Последующие археологические изыскания подтвердили правоту тех ученых, которые связывали данный ров со строительной деятельностью Юрия Долгорукого[10]. Таким образом, можно говорить о разных выявленных фрагментах оборонительных сооружений Москвы второй половины XII в. Эти фрагменты первоначальных московских укреплений позволяют определить их примерную линию: от современных Троицких ворот на юг к устью р. Неглимны, далее на восток по течению р. Москвы, а затем по дуге, охватывающей Соборную площадь, на северо-запад к Троицким воротам. Общая протяженность стен должна была составлять около 850 м.

И по своей конфигурации – неправильный овал, и по площади – более 3 га, по ширине и глубине рва – соответственно 16–18 м и не менее 5 м, по ширине и высоте вала – 14,5 м и около 7 м – Москва представляла собой типичную среднюю по своим размерам крепость, какие строились в Суздальском княжестве при Юрии Долгоруком. Специфической особенностью московской крепости являются обнаруженные при археологических наблюдениях в 1959–1960 гг. деревянные конструкции, служившие для укрепления земляных валов. Как и все подобные конструкции того времени, они были сделаны из дуба, но дубовые бревна (диаметром 30–35 см и длиной 5–6 м), горизонтально положенные в основание вала, скреплялись не по продольной оси, а поперек с помощью более тонких (диаметром 12–18 см и длиной 1,2–2 м) дубовых лаг[11]. Последние вставлялись в специально сделанные пазы в горизонтальных бревнах и своими сучьями препятствовали раскату бревен под давлением земляной толщи вала. Подобным способом вал удерживался от оседания. Такая система внутривальных деревянных конструкций получила название «хаковой» (от польского hak – крюк, костыль), поскольку впервые была обнаружена польскими археологами при изучении крепостей X в. в Великой Польше. Горододельцы Юрия Долгорукого возводили валы иначе. В построенных примерно в то же время, что и Москва, оборонительных сооружениях Юрьева Польского при насыпке вала вообще не было применено никаких деревянных конструкций, а вал города Дмитрова укреплялся с помощью традиционных дубовых срубов, опиравшихся на сваи[12]. Строительство московской крепости, при котором был использован давний опыт польских военных зодчих, может свидетельствовать о том, что в этом строительстве принимали участие люди, жившие в Киевском, Галицком или Владимиро-Волынском княжествах и знакомые с «хаковой» системой возведения крепостных стен в Польше. А пригласить таких средневековых военных инженеров для строительства крепости при слиянии рек Москвы и Неглимны Юрий Долгорукий мог только после весны 1155 г., когда стал великим князем киевским.

Крепость строилась не на пустом, а на уже обжитом месте. Так, под основанием вала были обнаружены остатки деревянной конюшни, сам вал был насыпан на жилой слой домонгольского времени[13]. Построенная Долгоруким крепость по площади значительно уступала современному Кремлю. Тем не менее она была достаточно обширной. Здесь, как выяснили археологи, во второй половине XII в. размещались не только дворы знати, культовые сооружения, дворы простых ремесленников, в частности сапожника, костореза, плотников, кузнецов, но и кладбище, занимавшее северную часть современной Соборной площади[14].

3. ПОГРАНИЧНАЯ КРЕПОСТЬ

Последующие известия о Москве относятся уже к 70-м гг. XII в. Они связаны с событиями, разыгравшимися во Владимирском княжестве после убийства в ночь с 29 на 30 июня 1174 г. Андрея Боголюбского. В руководящих верхах княжества остро встал вопрос о преемнике Андрея на владимирском столе. Местная знать высказалась за приглашение сыновей Ростислава, старшего сына Юрия Долгорукого,– Мстислава и Ярополка. Ее желание поддержал сосед – рязанский князь Глеб Ростиславич, женатый на сестре Мстислава и Ярополка. В Чернигов, где пребывали оба внука Юрия Долгорукого, было отправлено посольство с приглашением их на княжение. Однако в Чернигове оказались не только Ростиславичи, но и их дяди, младшие сыновья Долгорукого – Михалка и Всеволод. Узнав о гибели Андрея Боголюбского, они решили отправиться во Владимир все вместе. Тем не менее раньше других в пределах Владимирского княжества поздним летом 1174 г. оказались Михалка Юрьевич и Ярополк Ростиславич.

Когда они добрались до Москвы, то ростовские бояре, координировавшие действия служившей Андрею Боголюбскому дружины, вознегодовали по поводу приезда Михалки и обратились к князьям со следующими словами: «Ты поеди семо» (к Ярополку, который и отправился дальше в Переяславль) и «пожди мало на Моськви» (к Михалку, который не стал слушать ростовцев и

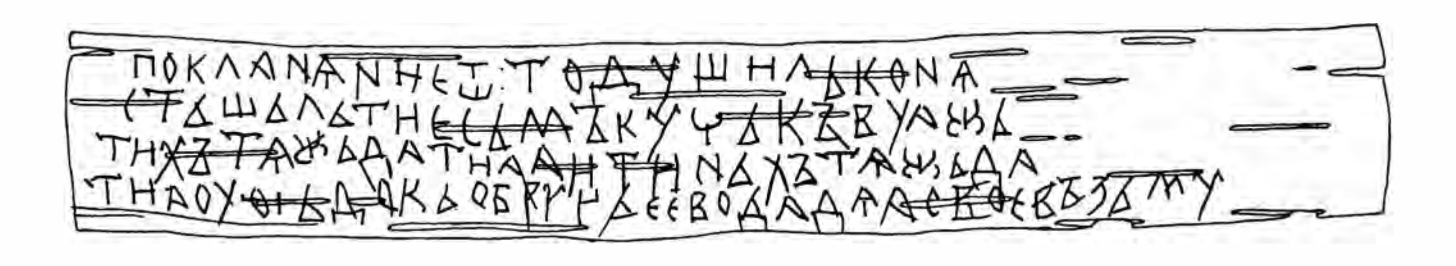
[10] *Панова Т.Д.* Культурный слой Московского Кремля // Вестник МГУ. Сер.8. История. 1990. № 3. С.67.

[11] *Рабинович М.Г.* Указ. соч. С.18, 22, 23, 25; *Раппопорт П.А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА. № 105. М.; Л., 1961. С.109.

[12] *Раппопорт П.А.* Указ. соч. С.102, 108.

[13] *Рабинович М.Г.* Указ. соч. С.24.

[14] *Панова Т.Д.* Указ.соч. С.70.

Новгородская берестяная грамота № 723 с упоминанием Кучкова. Прорись. 60-е гг. XII в.

поехал во Владимир)[15]. Очевидно, что Москва в приведенных известиях рисуется пограничным пунктом, стоявшим первым во Владимирском княжестве на пути из Чернигова во Владимир или Переяславль.

То же значение Москвы проступает и из описания событий следующего, 1175 г. Узнав о недовольстве во Владимирской земле правлением Ростиславичей, пришлое окружение которых начало грабить местное население, и откликаясь на просьбу владимирцев, Михалка и Всеволод Юрьевичи 21 мая 1175 г. выступили из Чернигова в поход против своих племянников. Черниговский князь Святослав Всеволодович, бывший союзник их отца, послал с ними с военной помощью своего сына Владимира. Юрьевичи вместе с Владимиром Святославичем дошли «до Кучкова, рекше до Москвы», где их поджидал с владимирцами малолетний сын Андрея Боголюбского Юрий, также вступивший в борьбу за власть с Ростиславичами. Получив известие, что против них идет княживший во Владимире Ярополк Ростиславич, Михалка и союзные ему князья вышли «изъ Москъве и поидоша и к Володимерю». Ярополк в лесах разминулся с противниками и продолжал двигаться на Москву.

«Москьвляни же,– пишет летописец,– слышавше, оже идеть на не Ярополкъ, и възвратившися въспять, блюдуче домовъ своихъ»[16]. Тем не менее несколько ослабленным Юрьевичам в пяти верстах от Владимира у р. Колокши на Белехове поле удалось нанести поражение другому Ростиславичу – Мстиславу и закрепиться во Владимирской земле. Оповещенный об этом черниговский князь Святослав Всеволодович послал Михалке и Всеволоду их жен, пережидавших события в Чернигове. Их провожатым стал другой сын Святослава – Олег. Он довез княгинь «до Москве». Исполнив поручение отца, Олег «възвратися во свою волость к Лопасну», затем занял Сверилеск – другую черниговскую волость и разбил здесь племянника рязанского князя Глеба Ростиславича, пришедшего по приказу Глеба оборонять Сверилеск, видимо, захваченный до этого у Чернигова Рязанью[17].

После смерти 20 июня 1176 г. Михалки Юрьевича и вокняжения во Владимире его брата Всеволода Мстислав Ростиславич попытался вернуть себе Владимирское княжество. Но Всеволод Большое Гнездо 27 июня 1176 г. разбил его на Липицком поле у Юрьева Польского. Мстислав бежал сначала в Новгород, а затем в Рязань к своему зятю князю Глебу Ростиславичу. Глеб Рязанский решил помочь шурину и осенью 1176 г. «приеха на Московь и пожже городъ весь и села»[18]. Все эти упоминания Москвы в 1174–1176 гг. позволяют дать некоторые характеристики городу.

И проводы Олегом Святославичем жен Михалки и Всеволода до Москвы, и его отъезд из Москвы в черниговскую волость Лопасню, называвшуюся так по левому притоку Оки р. Лопасне, протекавшей в нескольких десятках километров южнее Москвы, и сожжение Москвы Глебом Рязанским свидетельствуют о том, что Москва была первым пограничным городом Владимирского княжества на путях к нему и из Чернигова, и из Рязани. Очевидно, что в 70-х гг. XII в. Москва – единственный и уже в силу этого весьма значимый укрепленный пункт на юго-западных рубежах Владимирской земли. Московляне, жители Москвы (еще не москвичи и не московиты) к тому времени составляли особый военный отряд и жили, видимо, неплохо, если хотели защищать свои дома от возможного нападения князя Ярополка. Москву окружали густые леса. Во всяком случае, на пути из Москвы во Владимир полки противников – Ярополка Ростиславича и двух Юрьевичей – разминулись в лесах, не заметив друг друга. Очевидно также, что в непосредственной близости от крепости располагались села, которые сжег осенью 1176 г. рязанский князь Глеб Ростиславич.

[15] ПСРЛ. Т.II. Стб.596; Т.I. Л., 1926–1928. Стб. 373.

[16] Там же. Т.II. Стб.600, 601; Т.I. Стб.375.

[17] Там же. Т.II. Стб.602.

[18] Там же. Т.I. Стб.382.

4. РАЗНЫЕ НАЗВАНИЯ ГОРОДА

Упоминания Москвы в статьях 1174–1176 гг. Ипатьевской летописи подтверждают основанное на статье 1147 г. заключение о первоначальном названии города. Такие формы, как «из Москъве» и «до Москве» (родит. пад.), «на Московь» (винит. пад.), указывают на то, что город назывался Москы. Такое название, видимо, как пережиточное, сохранялось даже в начале XIV в. По свидетельству сгоревшей в занятой французами Москве в 1812 г. пергаменной Троицкой летописи московский князь Юрий Данилович в 1307 г. «въеха на Московь съ Рязани». В более поздней Симеоновской летописи, повторившей текст Троицкой летописи, вместо «на Московь» читается уже обычное «на Москву»[19]. Город Москва стоит на р. Москве. Совпадение названий поселения и реки свидетельствует о том, что одно из них зависело от другого. Обычно река давала название поселению, особенно река такой величины, как Москва. Но если ранее город назывался Москы, то следует думать, что так первоначально называлась река, на которой он был построен. Филологи полагают, что название Москы – славянского, точнее, вятичского происхождения, означающее «сырость, влажность»[20].

Однако в той же Ипатьевской летописи уже в 70-е гг. появляется и иная форма наименования города, привычная для современных людей,– Москва. Любопытно указание Ипатьевской летописи на еще одно название Москвы – Кучково (Кучков). Современное восприятие этого редкого свидетельства Ипатьевской летописи довольно трафаретно: если Кучково названо первым, а Москва – второй, значит, название Кучково – более древнее. Кучково – топоним от личного имени или прозвища, а поскольку известны Кучковичи – бояре из окружения Андрея Боголюбского, то топоним скорее всего образовался от имени их отца, некоего Кучки. Если Кучковичи были высокого происхождения, то знатен был и их отец. А если Кучка являлся боярином, то название Кучково должно было закрепиться за поселением, которым он владел. Таков ход мыслей историков XIX–XX вв., писавших о Москве. И надо сказать, что так думали не только они. Анонимный автор «Повести о начале Москвы», трудившийся, по мнению одних исследователей, в конце XVI в., по мнению других – во второй четверти XVII в., размышлял подобным образом, изложив свои мысли не в научном, как в XIX–XX вв., а в литературном сочинении. Согласно ему, на месте Москвы первоначально находились села боярина Кучки, которого величали Стефаном Ивановичем. Здесь Юрий Долгорукий основал Москву, казнив богатого и гордого боярина. Сыновья же Кучки стали служить сыну князя Юрия Андрею Боголюбскому. По прошествии многих лет они вступили в заговор и убили Андрея[21]. Реальные исторические факты перемешаны в «Повести» с явным вымыслом, но поскольку общий ход повествования отвечал представлениям исследователей позднейших времен, основанным на знакомстве с летописными свидетельствами XII в., начальная история Москвы рисовалась именно так, как об этом говорилось выше.

Между тем первое упоминание Москвы, не знающее топонима Кучково (Кучков), преобладание названий Москы, Москва в летописных описаниях событий 1174–1176 гг. заставляют считать, что название Кучково было не первичным, а вторичным по отношению к названию Москвы. Любопытно отметить, что найденная в Новгороде в 1991 г. берестяная грамота, содержащая второе упоминание Кучкова («шъль ти есьмъ Кучькъву»), датируется временем после 1166 г., но близким к нему[22], однако не 40-ми гг. XII в., что позволяло бы говорить о первоначальности названия Кучково. Имея в виду, что обладание вотчинами в XII в.– явление достаточно редкое, что поселение могло получить свое название от лица, которое им не владело, а только управляло, параллельное название Москвы «Кучково» надо признать происходящим от имени княжеского наместника на Москве. Судя по форме топонима – Кучково (Кучков), человека, от имени или прозвища которого произошло это название, звали Кучок или Кучко, но не Кучка, как до сих пор пишут историки, журналисты и писатели. Москву же, как и предшествовавшее ей поселение, надо считать центром, изначально находившимся под княжеской юрисдикцией, а не в частном владении Кучка. И «красные села» боярина Кучки, будто бы стоявшие на месте Москвы до основания города Юрием Долгоруким, должны быть признаны плодом литературного сочинительства XVII в.

5. МОСКВА В НАЧАЛЕ XIII в.

Характеристики Москвы, основанные на ее упоминаниях в летописных статьях 70-х гг. XII в., во многом справедливы и для более позднего времени. Когда летом 1207 г. Всеволод Большое Гнездо решил идти походом на Чернигов, чтобы отомстить черниговскому князю Всеволоду Чермному за изгнание из Киева своего свата Рюрика Ростиславича, он послал в Новгород к сыну

[19] *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С.352; ПСРЛ. Т.XVIII. СПб., 1913. С.86.

[20] *Черных П.Я.* Две заметки по истории русского языка: I. К вопросу о происхождении имени «Москва» // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т.IX. Вып.5. М.; Л., 1950. С.395, 397.

[21] Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964. С.175–179.

[22] *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990–1993 гг. // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С.8. Грамота № 723.

Константину наказ, чтобы тот собрал войска и выступил в поход вместе с ним. Константин выполнил требование отца. Призвав новгородцев, а также псковичей, ладожан и новоторжцев, он «поиде скоро, доспевъ со всеми силами, и дождася отца на Москве». Через некоторое время к нему в Москву пришел и Всеволод. Вместе они направились к р. Оке, но так и не начали войны со Всеволодом Черниговским[23]. Поскольку летописи не отмечают на пути Константина к Оке никаких городов, очевидно, что Москва продолжала оставаться в югозападном владимирском порубежье самым близким к этой реке городом. Стратегическое значение Москвы подчеркивается соединением новгородских сил Константина Всеволодовича и владимирских полков Всеволода Большое Гнездо. То, что Константин с войском мог в течение определенного времени поджидать в Москве отца, косвенно свидетельствует как о немалых размерах самого города, так и об освоении окрестностей Москвы, где находили, видимо, пристанище союзники владимирского великого князя.

Отмена в 1207 г. похода на Чернигов была вызвана происками рязанских князей, составивших заговор против Всеволода Большое Гнездо. Кара Всеволода оказалась жестокой: Рязанское княжество было повоевано, город Пронск взят после трехнедельной осады, Рязань сдалась сама. А на следующий год Всеволод сжег Рязань, переведя его жителей на поселение в свою землю. Опустошения, произведенные Всеволодом в 1208 г., вновь подвигли на борьбу рязанских князей. Ранней весной 1209 г. пронский отчич Кир-Михаил Всеволодович и Изяслав Владимирович, в 1207 г. княживший в Пронске, напали на владения Всеволода Большое Гнездо. В кратком рассказе об их действиях отмечается, что они «начаста воевати... около Москвы». Более подробное повествование сообщает о том, как рязанские князья пограбили «села около Москвы», причем князь Изяслав стоял на р. Мерьской и близ р. Дроздны, а Кир-Михаил – «на Литове»[24]. Речь идет о районе, расположенном на востоке от Москвы, где протекают р. Нерская (Мерьская), впадающая в р. Москву слева, и р. Дрезна (Дроздна) – правый приток Клязьмы.

Всеволод послал против рязанских князей сына Юрия, который из Владимира дошел до села Голубина, узнал, где находятся противники, продвинулся до Волочка и напал на ближайшего к нему Изяслава Владимировича. Голубино – село, стоявшее на р. Шередаре, а Волочек – это Волочек Зуевский, теперь часть города Орехово-Зуево[25]. Князь Изяслав не выдержал натиска и бежал с поля боя. Узнав о приходе владимирских полков, побежал и Кир-Михаил Всеволодович. Военные действия 1209 г. показывают, что Москва продолжала оставаться главным опорным пунктом владимирских князей близ рязанских границ, поскольку рязанские князья начинали свои нападения на владения Всеволода Большое Гнездо с захвата московских земель. Уточнение ареала боевых действий весной 1209 г. позволяет заключить, что повоеванные рязанцами «села около Москвы» находились довольно далеко (примерно в 100 км) от нее, в районе современных рек Нерской, Дрезны и Зуевского Волочка. Позднее эта территория вошла в состав Московского княжества. Важно отметить, что по меньшей мере с начала XIII в. Москва являлась административным центром земель, лежавших по названным рекам, и центром единственным, а округа, подчинявшаяся Москве, была весьма обширной. Это растущее значение Москвы ярко проявилось в событиях 1213 г.

Когда в 1212 г. умер Всеволод Большое Гнездо, то его преемником на владимирском столе стал не старший Константин, а второй сын Юрий. По завещанию отца Юрий получил самое крупное владение – великое княжество Владимирское, в состав которого входила и Москва. Обладавший Ростовом первенец Всеволода Константин стремился сделать свой город – Ростов столицей всей земли и стать главным среди своих правящих братьев. Между наследниками Всеволода сразу после его смерти началась борьба. Юрия поддержали братья Ярослав, Владимир и Иван, а Константина – Святослав. Вскоре, однако, Владимир перешел на сторону Константина, а Святослав – Юрия. Лаврентьевская летопись сообщает, что в 1213 г. «Володимеръ сынъ Всеволожь великаго князя еха в Москву»[26]. Владимирский великокняжеский свод 30-х гг. XIII в. содержит важные уточнения: «Володимеръ от брата Костянтина иде на Волокъ, и оттоле посла и Костянтинъ на Москву, он же пришед затворися в неи»[27]. Выясняется, что Владимир Всеволодович захватил великокняжеский город Москву по наущению своего старшего брата Константина.

Еще бóльшие подробности содержит Летописец Переяславля Суздальского – летописный памятник, составленный между 1216–1220 гг. при переяславском князе Ярославе Всеволодовиче. Согласно этому источнику, в конце 1212 г. Владимир Всеволодович, «не хотя княжити въ Гюргеве (т.е. в Юрьеве Польском.– *Авт.*), и бежа на Волокъ, а с Волока на Москву и седе ту въ брата своего городе въ Гюргове (т.е. в городе, принадлежавшем его брату Юрию.– *Авт.*)». В следующем году Владимир, зная, что его братья великий князь Юрий и Ярослав воюют против старшего Константина у Ростова, «поиде съ москвичи и съ дру-

[23] ПСРЛ. Т.I. Стб.430.

[24] Там же. Стб.434; Т.XXV. М.; Л., 1949. С.107.

[25] *Юшко А.А.* О междукняжеских границах в бассейне р. Москвы в середине XII – начале XIII вв. // Советская археология. 1987. № 3. С.88–90; *Зайцев А.К.* О малоизвестных поселениях Подмосковья первой трети XII в. (Голубино, Волочек и Уполозы) // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989. С.65–68.

[26] ПСРЛ. Т.I. Стб.437.

[27] Там же. Т.XXV. С.109.

жиною своею къ Дмитрову, къ Ярославлю городу брата своего». Осада Дмитрова закончилась для Владимира Всеволодовича крупной неудачей. Осажденные дмитровцы не только успешно оборонялись, но и постоянными вылазками наносили ощутимый урон полкам Владимира. Князь не выдержал, снял осаду Дмитрова и «седе на Москве». Между тем старшие братья Владимира помирились, после чего великий князь Юрий «поиде къ Москве на Володимира, испросивъ помочь у Костянтина и у Ярослава, и пришедъ, оседе Москву, свои ему городъ». До кровопролития дело не дошло, Владимир выехал из Москвы, получив от Юрия право на княжение в Переяславле Русском. Он и отправился туда, а Юрий после стояния под Москвой и успешного завершения операции вернулся в стольный Владимир[28]. Таковы сведения о Москве Летописца Переяславля Суздальского за во многом переломные для владимирской Руси 1212–1213 гг.

В свое время М. Н. Тихомиров, опираясь на тексты Лаврентьевской летописи и Летописца Переяславля Суздальского, посчитал, что обладание князем Владимиром Всеволодовичем в 1213 г. Москвой означало образование особого Московского княжества. Согласиться с такой трактовкой событий 1213 г. трудно. Во-первых, нуждается в поправке замечание Тихомирова, будто Владимир предпочел Москву Юрьеву Польскому. На самом деле Владимир после Юрьева Польского оказался не в Москве, а в Волоке Ламском и только оттуда попал в Москву. Во-вторых, Тихомировым оставлены без рассмотрения показания свода XIII в., содержащие несколько ценных подробностей о действиях князей в 1213 г. Оказывается, и пребывание князя Владимира на Волоке, и последующее занятие им Москвы были акциями, инициатором которых выступал не он, а его старший брат Константин. Поэтому приходится говорить не о выделении Москвы в качестве центра самостоятельного княжества Владимира Всеволодовича, а о военном захвате этим князем Москвы у своего брата Юрия. Последнее следует рассматривать в общем контексте противостояния двух линий Всеволодовичей: во главе со старшим Константином и во главе со вторым сыном Всеволода Большое Гнездо, великим князем Юрием.

Активной стороной в этом противоборстве был Константин, который сразу же после смерти отца начал собирать полки, чтобы согнать Юрия с великого княжения. Весной-летом 1212 г. замысел Константина не осуществился из-за упреждающих военных действий Юрия, Ярослава, Владимира и Ивана. Но через несколько месяцев возник конфликт между Юрием и Владимиром. Великий князь, по-видимому, отнимал у Владимира, сочувствовавшего Константину, его Юрьевское княжество. Вмешательство Константина привело к новому соглашению между Всеволодовичами[29], по которому Владимир получил Волок Ламский. Территория Волока Ламского управлялась совместно Новгородом и великим князем владимирским. Князь Владимир должен был получить великокняжескую часть. Очевидно, что ущерб Владимиру возмещался за счет владений Юрия. Правда, такая компенсация могла быть добровольной со стороны великого князя, поскольку к Юрию переходило Юрьевское княжество, которое он, кстати говоря, вскоре передал перешедшему от Константина на его сторону брату Святославу. Тем не менее нельзя не видеть в посажении Владимира на Волоке Ламском осуществления определенных планов ростовского князя. Константин, как это отчетливо выясняется по событиям 1215–1216 гг., стремился использовать Новгород в борьбе с Юрием за Владимирское великое княжение, и правление вместе с новгородцами в Волоке Ламском верного Константину брата должно было способствовать укреплению ростовско-новгородского союза. Переход князя Владимира в Волок Ламский имел место «на ту же зиму»[30], т.е. зимой 1212/13 г.

К сожалению, источники не датируют захвата Владимиром Москвы. Летописец Переяславля Суздальского и свод XIII в. сообщают о занятии Владимиром Москвы сразу же после известия о прибытии его в Волок Ламский, что создает впечатление о быстротечности княжения Владимира на Волоке. В таком случае захват им Москвы можно было бы датировать концом 1212 – началом 1213 г. Однако Лаврентьевская летопись говорит только о приезде Владимира в Москву. О его пребывании на Волоке она молчит, сообщение же о появлении в Москве помещает после описания события, датированного 25 апреля 1213 г. По-видимому, Лаврентьевская летопись права, и Владимир, прежде чем захватить Москву, довольно долгое время пребывал на Волоке.

Нападение Владимира Всеволодовича на город, принадлежавший его старшему брату, следует связывать с военными действиями Константина Ростовского, который, вероятно, летом 1213 г. захватил некоторые поволжские владения Юрия и Ярослава[31]. Неясно только, действия ли Владимира предшествовали действиям Константина, или начало войны последним повлекло за собой нападение на Москву бывшего юрьевского князя. Похоже, что первым выступил Константин, потому что Юрий начал боевые действия не с изгнания из Москвы Владимира, а с опустошения Ростовского княжества. Но когда меж-

[28] ПСРЛ. Т.XLI. М., 1995. С.130, 131.

[29] Там же. Т.XXV. С.109.

[30] Там же. Т.XLI. С.130.

[31] Там же. С.131.

Подвески-рясны. XII–XIII вв. ГМЗМК

ду Константином и Юрием с братьями был заключен мир, Юрий немедленно осадил в Москве Владимира. Исход действий Юрия достаточно подробно описан в уже приводившихся известиях Летописца Переяславля Суздальского. В целом очевидно, что князь Владимир Всеволодович владел Москвой короткое время – от нескольких недель до нескольких месяцев. Речь не может идти о становлении в этот недолгий период самостоятельного Московского княжества, говорить можно лишь о военном захвате Москвы по велению ростовского князя Константина пребывавшим на Волоке Ламском его союзником, младшим братом Владимиром. При анализе событий 1212–1213 гг. следует также отметить то обстоятельство, что Москва и в начале XIII в. сохраняла свое стратегическое значение на границе Владимирского великого княжества, в данном случае на его рубеже с новгородским Волоком Ламским.

6. КРЕПОСТЬ И ПОСАД ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ XII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII в.

Археологические исследования на территории Московского Кремля к настоящему времени не приобрели еще систематического характера, поэтому наши знания о крепости домонгольского времени весьма ограничены. Раскопки, которые проводились во время строительства Дворца съездов, открыли небольшой фрагмент северной части крепости, на краю коренного берега р. Неглинки. Было обнаружено основание вала, где сохранились деревянные крепления из дубовых бревен на деревянных крючьях. Вал относился к домонгольскому времени[32]. Под валом залегал культурный слой, отражающий первоначальное заселение этого места и датируемый временем не позднее середины – второй половины XII в.[33]

Удалось получить данные и о мысовой части крепости на Боровицком холме. В 1960 г. между Большим Кремлевским дворцом и Оружейной палатой был найден древний ров, который также относился к домонгольскому периоду. Раскопки, произведенные во дворе Оружейной палаты в 1979 и 1982 гг., показали, что нижний горизонт культурного слоя в этом районе относится к периоду не ранее середины XII в.[34]

Укрепления охватывали юго-западную мысовую часть нынешнего Кремля вплоть до оврагов, проходивших восточнее Ивановской площади. В северной части нынешней Соборной площади располагалось кладбище, исследованное на территории Успенского собора и прилегающей к нему территории и датируемое второй половиной XII – началом XIV в. В наиболее ранних погребениях (всего их изучено около 60) видны черты языческого ритуала, но большинство совершено по православному обряду, о чем говорят бронзовые и каменные, оправленные в золото кресты. Возможно, здесь существовал и храм, к которому уже во второй половине XII в. вела улица – деревянная мостовая длиной шесть метров вскрыта в проездной арке церкви Двенадцати апостолов[35].

Культурный слой московского посада домонгольского периода обнаруживается как на территории Кремля, так и позднейшего Китай-города (карта 3). В северо-восточной и восточной частях Кремля, на месте здания Сената и Арсенала (эта территория располагалась вне стен крепости того времени), изучены напластования мощностью до полуметра, содержащие следы жилых и производственных построек, стеклянные браслеты, курганную и серую керамику[36].

[32] *Воронин Н.Н., Рабинович М.Г.* Археологические работы в Московском Кремле // Советская археология. 1963. № 1. С.267.

[33] *Панова Т.Д.* Указ.соч. С.70–72, 75, 76.

[34] Там же. С.64–78. Ранее во дворе Оружейной палаты, в шурфе, на глубине более 5 м была обнаружена висячая свинцовая печать Киевской митрополии 1093–1113 гг. (*Шеляпина Н.С.* Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963–1965 гг. // Древности Московского Кремля. М., 1971. С.124, 151–153), однако она не сопровождалась находками того же времени.

[35] *Шеляпина Н.С.* Указ. соч. С.132.

[36] *Панова Т.Д., Колызин А.М.* Археологические наблюдения в Московском Кремле // Археологические открытия 1994 г. М., 1995. С.129, 130.

За пределами Кремля домонгольский слой впервые исследован в Зарядье – районе, расположенном на берегу р. Москвы, у подножия Китайгородского холма, ниже Кремля по течению реки. Здесь, на небольшом участке (4,5 тыс. кв. м) южнее церкви Максима Исповедника, между нею и бывшим Ершовым переулком, в предматериковом горизонте найдено до 70–80% стеклянных браслетов, собранных в ходе раскопок Зарядья. Браслетам сопутствовали предметы, производство которых завершилось к началу или середине XIII столетия: битрапецоидная, зонная зеленая бусина, эллипсоидные и синие стеклянные бусы, ромбовидная железная стрела, расширенная в середине пера. Находились там и вещи, которые начали изготавливать в XII–XIII вв.: трубчатые железные замки, шиферный крестик, шиферные пряслица, курганная керамика[37].

Новые возможности для изучения московского посада открылись в ходе раскопок на Красной площади (в Историческом проезде, Монетном дворе и на месте Казанского собора), где соответствующие слои были перекрыты мостовой конца XV в. Начиная от бровки высокого берега р. Неглинной в глубь плато исследованиями охвачено 10 тыс. кв. м, а на площади 500 кв. м ранняя застройка изучена детально. Древнейшие слои и сооружения датируются 2-й четвертью XIII в. К ним могут быть отнесены две хозяйственные ямы (8 и 12 Исторического проезда), а также основание деревянного сооружения, обнаруженного при раскопках Казанского собора и получившего радиоуглеродные даты в пределах 1220-х гг.[38]

Раскопки в соборе Богоявленского монастыря вскрыли лежавший на материке жилой слой примерно того же времени. Среди находок выделяются стеклянные и бронзовый витой браслеты, а керамический материал датируется второй четвертью XIII в. или несколько более ранним временем[39].

О заселении центральной части Китай-города (в районе ул. Ильинки) можно судить по данным раскопа на Разинском спуске, заложенного у южной оконечности Красной площади, на краю плато, господствующего над Зарядьем. Под культурным слоем, который по преобладанию серой посуды над курганной относится к послемонгольскому времени, был обнаружен пахотный горизонт первой половины XIII в. или более раннего периода. В северной части Красной площади, у Казанского собора, под культурным слоем также был обнаружен пахотный (огородный) горизонт, причем удалось увидеть следы от лопат, которыми обрабатывалась почва[40].

Таким образом, ко времени Батыева нашествия посад начинался от стен тогдашней крепости, т.е. от нынешней Ивановской площади Кремля, и распространялся на восток примерно до линии современных стен Кремля. За их пределы застройка продвинулась вдоль левого берега р. Неглинной до начала современной Никольской улицы. Заселено было место будущего Богоявленского монастыря, а также подол в районе Великой улицы. Центральная же часть холма, на котором позднее сло-

[37] *Беленькая Д.А.* История заселения территории Китай-города (Москва). Конец XII – начало XVI в. Дис. канд. ист. наук. М., 1972. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2108. С.16–22.

[38] *Чернов С.З., Бойцов И.А.* Раскопки в Историческом проезде и изучение Великого посада Москвы XIII–XIV вв. // Советская археология. 1992. № 1. С.288.

[39] *Беляев Л.А.* Керамический комплекс из собора Богоявленского монастыря // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М., 1991. С.14–19; *Он же.* Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1994. С.49–58. Табл.16–22.

[40] *Чернов С.З.* Отчет Московской археологической экспедиции [далее – МАЭ] 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1.№ 14015–14018, 14662, 14732 (14016. С.83, 95, 96); *Бойцов И.А., Гунова В.С., Кренке Н.А.* Ландшафты средневековой Москвы: археолого-палинологические исследования // Известия АН СССР. Сер. геогр. М., 1993. № 4. С.61–62; Архив ИА РАН. Р-1. № 14016. С.49–53, 67.

Створчатые браслеты. VII–XIII вв. ГМЗМК

Кресты-тельники. Византия. XIII в. ГМЗМК

Женский головной убор с дугами и колтами. XII–XIII вв. Реконструкция Т.Д. Пановой

жился Китай-город, еще в значительной степени оказывалась занята пашнями.

На восток от посада, на возвышенности, в междуречье рек Неглинной и Москвы, сплошной застройки не было. Лишь в районе Ипатьевского переулка обнаружен лежащий на материке культурный слой, содержавший курганную керамику, среди которой встречено около десятка фрагментов лепной посуды с подправкой верхней части на гончарном круге, датированной концом XI – первой половиной XII в.[41]

Окологородные поселения XII–XIII вв. обнаружены также в пределах позднейшего Белого города, на правом берегу р. Неглинной. Культурный слой с керамикой курганного типа найден в 100 м к северо-востоку от церкви Антипия на Колымажном дворе (близ Музея изобразительных искусств). В непосредственной близости, на всхолмлении, между р. Неглинной и ручьем Черторыем, в квартале, расположенном южнее улиц Волхонки и Ленивки, отмечены следы другого поселения. Еще один очаг древней застройки в Занеглименье зафиксирован при раскопках на Манежной площади. Здесь, вдоль правого берега р. Неглинной, изучен слой, содержавший стеклянные браслеты, стеклянный перстень, медный бубенчик и курганную керамику[42].

Следы небольшого поселения (при раскопках встречены курганная керамика и шиферное пряслице) были найдены также на мысу при слиянии рек Яузы и Москвы близ церкви Никиты Мученика. Важность этой находки заключается в том, что она дает основание отказаться от одной из историографических легенд, согласно которой первоначальная Москва была основана на устье р. Яузы[43].

Основной массив полей, как показывают наблюдения над почвенными горизонтами, залегающими ниже культурного слоя, располагался узкими полосами по берегам р. Неглинной. На левом берегу реки распашка охватывала пространство от края посада вплоть до линии Рождественского бульвара – в XIV в. это поле именовали Кучковым. На правом берегу реки поля шли от самого ее впадения в Москву-реку примерно до места нынешнего Большого театра. К востоку от примыкавших к посаду полей, на возвышенности, господствующей над территорией нынешнего Китай-города, сохранялись леса, а на крутых склонах к р. Рачке – луга.

Таким образом, домонгольская Москва представляется небольшим древнерусским городом с крепостью, отдельными, примыкающими к ней посадами и угодьями, которые по своей структуре напоминали угодья сельских поселений той поры.

Археологические материалы конца XI–XIII в. свидетельствуют о принадлежности культуры населения московской округи к сложной по составу, но тем не менее единой древнерусской культуре. Пограничный, смешанный характер археологических материалов заметен уже на этапе активного заселения местности и основания города. Начавшийся в середине или во второй половине X в. процесс формирования местной материальной культуры определялся постепенным проникновением в Подмосковье независимых друг от друга различных групп населения, в основном представителей вятичской и кривичской племенных групп. Впоследствии разнообразие усилилось за счет активного переселения сюда жителей южной Руси.

Доминируют в курганах Подмосковья так называемые вятичские височные кольца. Но на территории Москвы и ближайших окрестностей (примерно в ее теперешних границах) отмечено гораздо большее их разнообразие[44]. Кроме принадлежностей вятичского головного убора (гривен, браслетов, перстней и плоско-лопастных височных колец) в могильниках в Кремле и у деревни Чертаново встречены сложные трехбусинные кольца (южнорусские, или «обще-

[41] *Беленькая Д.А.* Отчет 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3553.

[42] *Векслер А.Г.* Отчет 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12014; *Векслер А.Г., Кондрашев Л.В.* Охранные археологические работы в Москве на Манежной площади // Археологические открытия 1994 г. М., 1995. С.74.

[43] *Рабинович М.Г.* Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА. Вып.12. М.; Л., 1949. С.40, 42; *Он же.* Древний центр Москвы // Вопросы истории. 1990. № 3. С.107, 108.

[44] *Арциховский А.В.* Курганы вятичей... С.49–55; *Левашева В.П.* Височные кольца // Труды ГИМ. Вып.43. М., 1967. С.7–54; *Рабинович М.Г.* Об этническом составе первоначального населения Москвы // Советская этнография. 1962. № 2; *Равдина Т.В.* Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М., 1968. С.136–142. *Панова Т.Д.* Ювелирные изделия из раскопок в Московском Кремле // Советская археология. 1988. № 2. С.207–217.

[45] *Беленькая Д.А.* Археологические наблюдения в Успенском соборе в 1966 г. // Древности Московского Кремля. С.158–163; *Шеляпина Н.С.* Археологические наблюдения... С.117–157; *Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы... Табл.82. Рис.7; Табл.83; Археологическая карта России. Московская область. Ч.1. М., 1994. № 694. С.237; *Юшко А.А.* Московская земля IX–XIV веков. М., 1991. С.30–36.

городские» украшения). Аналоги ложнобусинных колец хорошо известны в северных и северо-восточных районах, на Шексне, Белом озере, в костромском Поволжье. Их упрощенные варианты производили и в самой Москве, о чем свидетельствует найденная при раскопках Казанского собора каменная литейная форма для ложнобусинных колец с поясками «ложной зерни». Могильник в Кремле дал перстнеобразные височные колечки, характерные для древлян бассейна р. Припяти. Известна в Москве и находка семилучевого радимичского кольца («деснинского типа»).

Определенный вклад в формирование ранней культуры Москвы сделали и неславянские группы населения (балты, финно-угры). Свидетельства этому имеются и в курганных древностях Подмосковья, и в находках на поселениях[45].

Синкретический характер культуры социальной элиты Москвы хорошо иллюстрируют неординарные находки, связанные с бытом наиболее богатых или знатных москвичей. Найденные недавно в Кремле клады содержат изделия русских ювелиров, вещи скандинавского типа, восточный перстень с арабской надписью, изготовлявшиеся на протяжении длительного времени[46].

Из дорогих украшений вне состава кладов в Москве встречены серебряные височные трехбусинные кольца ажурного вида, украшенные зернью и сканью. Одна серия колец связана с некрополем на Соборной площади Кремля, вторая – с курганным погребением у с. Чертаново. Распространенность таких колец в кладах Киевской земли конца XII – начала XIII в. позволяет предположить их южное происхождение.

Техника постройки домонгольской крепости – с использованием анкерных креплений вала – уникальна для Владимиро-Суздальской Руси, но известна вплоть до начала XII в. в западных землях. Это также подчеркивает многосоставность населения, строившего город.

Уже в X в. на среднем течении Москвы-реки скрещивались пути обмена, что подтверждается находками дирхемов, а также стеклянного слитка-полуфабриката X в. восточного происхождения[47].

Археология дает ряд свидетельств активного участия населения Москвы XII–XIII вв. в торговом обмене. Находки включают как изделия, так и образцы редкого, не встречавшегося на Руси сырья. Если исключить золотые и серебряные монеты, служившие средством обмена или сырьем, то наиболее многочисленными объектами ввоза могут быть названы предметы из стекла и камня.

Браслеты из разноцветного стекла были популярны в середине XII и особенно в начале XIII в. Они поступали в основном из Киева, где их изготавливали как греческие (в третьей четверти XI в.), так и русские мастера. Меньшая их часть (около 20%) шла из Византии, Сирии, Египта, Венеции, а некоторые экземпляры – из Центральной Европы.

Хотя в Москве, видимо, не производили стеклянных изделий, фрагменты браслетов насчитываются здесь сотнями. По ним, наряду с керамикой, можно определять границы освоения территории. Особенно густо они встречаются в ранних заселенных районах – в Кремле и Китай-городе (Зарядье, у Воскресенских ворот, вдоль берега Неглинной и на Ильинке). Зоны, заселенные позже, дают единичные или немногочисленные находки.

Обилие стеклянных браслетов XII–XIII вв., как и специфические городские элементы благоустройства (улицы с бревенчатыми настилами в Кремле), дополнительно свидетельствует о городском характере поселения. После разгрома Южной Руси Батыем браслеты могли поступать в Москву из Смоленска, Полоцка и, возможно, Новгорода. Мода на эти украшения угасает во второй половине XIII в., в XIV в. встречаются лишь редкие экземпляры.

[46] *Авдусина Т.Д., Панова Т.Д.* О находке клада на территории Московского Кремля // Советская археология. 1989. № 4. С.272–274; *Они же.* О находке клада 1991 г. в Московском Кремле // Российская археология. 1993. № 2. С.192, 193; *Векслер А.Г., Мельникова А.С.* Московские клады. М., 1988. С.180–184.

[47] *Олейников О.М.* К проблеме возникновения древнерусского стеклоделия // КСИА. Вып.208. М., 1993. С.32–39.

Бусы. XII в. ГМЗМК

Глиняные игрушки. XII–XIII вв. ГМЗМК

Фрагменты глиняной посуды. XII–XIII вв. ГМЗМК

Каменная иконка. XI–XII вв. ГМЗМК

Медальон с изображением Архангела. XII–XIII вв. ГМЗМК

В конце XIII–XIV в. место браслетов заняли перстни из непрозрачного стекла (в основном желтого или синего) с расширением, имитирующим печатку. Их привозили в основном из Центральной Европы. Из Южной Руси и Византии шли также стеклянные бусы. В Москве их находки, однако, единичны.

Кроме украшений среди импортных стеклянных изделий нужно упомянуть бокалы (воронкообразные и в виде кубков на низкой ножке). Они поступали из Западной Европы и – через Византию – из городов Востока (Ракка, Алеппо)[48].

Глиняная парадная посуда в XI–XIII вв. в Москву почти не попадала. Зато часто встречается керамическая тара византийского круга – корчаги с рифленой поверхностью, далекие потомки античных амфор. В них доставляли из Причерноморья (прежде всего из Трапезунда и Триллии) вино и оливковое масло[49].

Привозились в Москву и поливные керамические изделия из других древнерусских городов: яичко-писанка середины XI – первой трети XII в. из Новгорода, рыбовидная бусина XII в. из Полоцка, рельефные сосуды с зеленой поливой первой половины XIII в. из Киева.

Среди каменных изделий интерес представляют пряслица – круглые насадки для веретен. Их делали из добываемого в Овруче шифера. Обычно они темно-красного, розового или серого цвета, выточены на токарном станке в форме уплощенных бочонков или биконусов с отверстием. В Москве находки сравнительно немногочисленны – около двух десятков в Кремле, примерно столько же в Китай-городе и Занеглименье вместе. Встречаются они и на подмосковных памятниках (Данилов монастырь, Коломенское), и в курганах. Время их распространения на Руси – X–XIII вв., но стратиграфия находок заставляет датировать большую часть московских пряслиц серединой XII–XIII в. Они продолжают изредка встречаться вплоть до XIV в.– прекращение их поступлений из Киевской земли компенсировалось, должно быть, бережным отношением[50].

Важное место в импорте занимал поделочный камень. Бусы – сердоликовые (в основном бипирамидальной формы) или из горного хрусталя – производились в городах Индии и Средней Азии. Поступление на Русь сердолика (через Кавказ и Половецкие степи) в виде изделий и сырья достигло максимума в середине – второй половине XI в., в XII в. оно сократилось и к XIII в. практически сошло на нет. Поэтому при раскопках в районе Москвы сердолика и хрусталя находят несравненно меньше, чем в окрестных, более древних курганах.

[48] *Столярова Е.К.* Стеклянные изделия Москвы XII–XIV вв. Канд. дис. М., 1996.

[49] *Коваль В.Ю.* Керамика Востока в средневековой Москве // Российская археология. № 2. 1997.

[50] *Латышева Г.П.* Торговые связи Москвы XII–XIV вв. // Древности Московского Кремля. М., 1971. С.216, 217; *Беленькая Д.А.* История заселения территории Китай-города (Москва): конец XII – начало XVI в. // Архив ИА РАН. Р-2. № 2108а. Табл.3. Рис.1, 5 и др.; *Чернов С.З., Бойцов И.А.* Раскопки... С.217–219; *Розенфельдт Р.Л.* К вопросу о начале Москвы // Советская археология. 1957. № 4. С.95; *Беляев Л.А.* Древние монастыри... Табл.81, 82.

Янтарь, так же как и мрамор, употребляли для изготовления небольших крестиков-тельников. Известны находки необработанного янтаря в Кремле (слои второй половины XII – начала XIII в.), в слое первой половины XIII в. найден шестиконечный крестик необычной для Руси формы. Всего обнаружено не более десяти крестов. Янтарь мог поступать из Прибалтики через Новгород, где изделий из него встречается очень много.

Высоко ценились каменные вещи. Один из кремлевских кладов составляли два крестика: из ляпис-лазури и мраморный, с окованными золотом концами, вероятно, XIII в. Каменные крестики найдены и в Зарядье. Оковки крестов, видимо, выполнены киевскими мастерами, так же как медные кресты-мощевики конца XII – начала XIII в., обнаруженные в Кремле.

Из привозного сырья делали очень распространенные как на Руси (Новгороде, Смоленске и других городах), так и в Северной Европе самшитовые гребни, дерево для которых доставляли с Кавказа. Их находки в Москве, ранее немногочисленные, умножаются (Кремль, Зарядье, Казанский собор).

Вероятно, из Крыма (Херсонеса?) доходили до Москвы сложные механические замочки в виде фигурок животных (бронзовые или железные)[51].

Одной из важнейших статей импорта Руси были дорогие ткани. Византийские ткани встречаются в погребениях Москвы и Подмосковья. Хороший образец золотого шитья из константинопольских мастерских, прекративших работу после крестоносного разгрома 1204 г., найден в некрополе Богоявленского монастыря[52].

Археологические материалы, в том числе обилие импортируемых вещей, свидетельствуют, что в конце XII – начале XIII в. Москва развивалась и богатела особенно быстро. Возрос темп накопления культурного слоя, резко увеличилось количество находок, усложнился их состав. Формирование напластований Кремля существенно обгоняет на рубеже XII–XIII вв. аналогичные процессы в других, более крупных древнерусских центрах.

Основным товарным резервуаром для Москвы до середины XIII в. оставалась Южная Русь, а также крупные древнерусские центры: Смоленск, Полоцк, Новгород. Через них поступала и продукция с рынков тесно связанных с Киевом византийских (особенно черноморских) городов, из хорошо знакомой новгородским купцам Германии.

Не все привозные предметы попали в Москву в результате торговли. Дорогой меч верхнерейнской работы второй трети XII в. из кремлевского рва подтверждает знакомство москвичей с военной техникой Европы, а находка в Кремле вислой печати Киевской митрополии конца XI – начала XII в.– церковные связи с Киевом[53].

Высокая жизненная активность, выраженная в поступательном развитии материальной культуры, типична для Москвы на протяжении всего домонгольского времени.

7. ВЗЯТИЕ ГОРОДА БАТЫЕМ. ПОСЛЕДСТВИЯ ЧУЖЕЗЕМНОГО ГОСПОДСТВА

С 1213 г. в течение последующих 25 лет известия о Москве отсутствуют. Она упоминается только в 1238 г. В самом начале этого года жители Москвы и подвластной городу округи приняли участие в отражении Батыева нашествия. Вместе с ратью, присланной великим князем Юрием Всеволодовичем из Владимира, полками рязанского князя Романа Ингворовича и пронского отчича Всеволода Кир-Михайловича москвичи бились с татарами под Коломной. Битва окончилась победой татар, которые убили рязанского князя Всеволода и владимирского воеводу Еремея Глебовича. Как пишет новгородский летописец, «москвичи же побегоша, ничего же не видевше»[54]. Из этого укоризненного замечания, сделанного, скорее всего, не без основания, следует, что москвичи, как и в 1175 г., составляли особый отряд во владимирском войске, и этот отряд собирался, когда на границах великого княжества Владимирского возникала военная опасность.

Хотя москвичи покинули поле боя, это не спасло их город от Батыева разорения. Наоборот, ставя своей целью захват Владимира, путь к которому открывался после взятия Коломны, татары резонно опасались оставить за своей спиной укрепленную Москву, в известной мере сохранившую военные силы. Участь Москвы была предрешена. Батый взял город, убив воеводу Филиппа Нянка и захватив в плен Владимира – сына великого князя владимирского Юрия Всеволодовича. Пребывание Владимира Юрьевича в Москве нельзя расценить как показатель существования особого московского княжеского стола. В отличие от отца Юрий при жизни не раздавал городов своим наследникам. Старшие Всеволод и Мстислав находились при нем во Владимире. Положение младшего сына едва ли отличалось от положения его братьев. К тому же летопись называет Владимира не князем, а княжичем[55], подчеркивая не только его возраст, но и его статус среди династов – потомков Всеволода Большое Гнездо. Очевидно, что пребывание

[51] *Беленькая Д.А.* История заселения... Табл.6 И, 7 А, 9 Г; *Дубынин А.Ф.* Археологические исследования 1955 г. ... Рис.40-6; *Он же.* Археологические исследования в Зарядье... Рис.41-7; *Беляев Л.А., Векслер А.Г.* Археология средневековой Москвы // Российская археология. 1996. № 3. Рис.7; *Латышева Г.П.* Торговые связи... С.217–221.

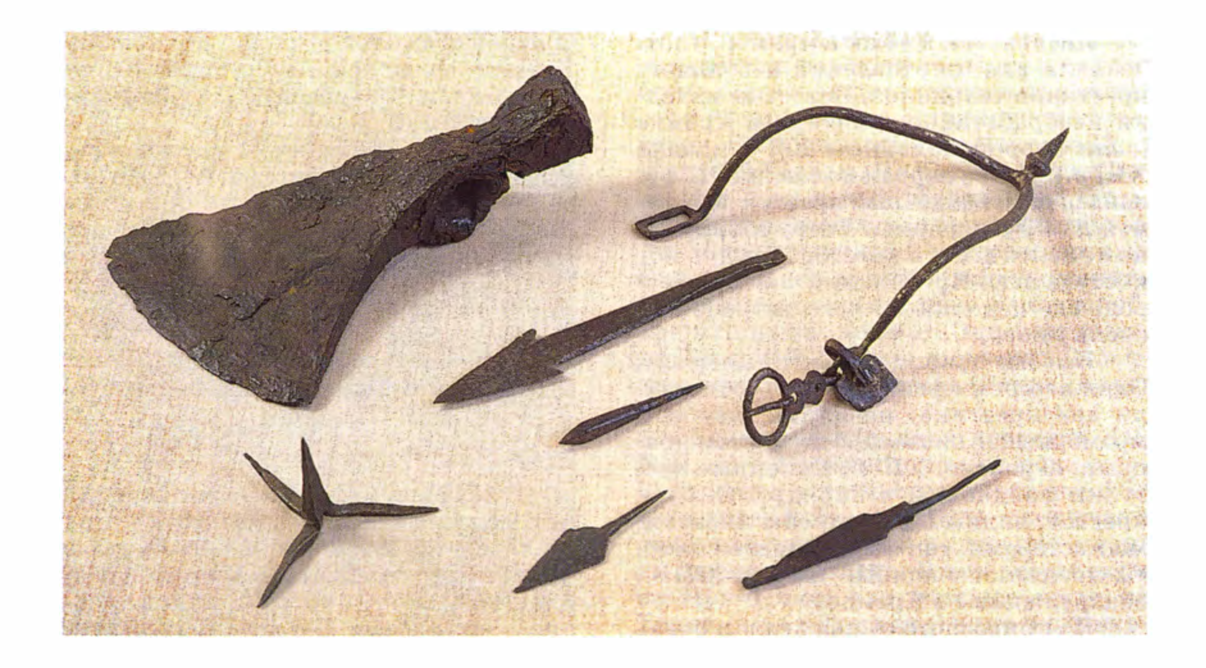
[52] *Беляев Л.А.* Древние монастыри... С.59. Табл.22-7; *Фехнер М.В.*: Испанско-русская торговля XII в. // Труды ГИМ. № 51. М., 1980. С.124–130; *Она же.* Изделия шелкоткацких мастерских Византии в Древней Руси // Советская археология. 1977. № 3. С.130–142. *Она же.* Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе // Советская археология. 1988. № 2. С.57–70.

[53] *Шеляпина Н.С., Панова Т.Д., Авдусина Т.Д.* Предметы воинского снаряжения и оружие из раскопок в Московском Кремле // Советская археология. 1979. № 2. С.215–219; *Шеляпина Н.С.* Археологические наблюдения... С.124, 151–153. Рис.5-1; *Она же.* Меч из раскопок в Московском Кремле // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С.196–203.

[54] НПЛ. С.75 и примеч.2. С.287.

[55] ПСРЛ. Т.I. Стб.461.

Предметы вооружения: боевой топор, стрелы, шестоперы, шпоры. XII–XIII вв. МИГМ

Владимира в Москве в начале 1238 г. было связано с попытками его отца, великого князя, организовать оборону против чужеземных завоевателей. Владимиру, однако, этого сделать не удалось. Взятый в плен, он впоследствии, судя по всему, был убит татарами.

С захватом Москвы Батыем следует связывать захоронение здесь драгоценных вещей. Два богатых клада были обнаружены в Московском Кремле в 1988 и 1991 гг.

Взятие и опустошение Москвы войсками Батыя несомненно привели к упадку и обезлюдению города. Это было прямым и непосредственным воздействием иноземного завоевания на развитие Москвы. Однако чужеземное господство над русскими землями вызвало к жизни процессы, которые по-иному повлияли на судьбу Москвы. В домонгольское время население Северо-Восточной Руси концентрировалось в районе владимиро-суздальского ополья и Ростова, где имелись наиболее благоприятные возможности для сельскохозяйственного производства. Нашествие Батыя и последующие походы монголо-татар имели целью захват и опустошение самых населенных мест Окско-Волжского междуречья. А ими и были столицы Северо-Восточной Руси и их округи: Владимир, Суздаль, Ростов. В результате походов завоевателей население исторического центра Северо-Восточной Руси оставляло насиженные места и искало спасения на окраинах. Приток сюда населения в послемонгольское время объясняет рост таких периферийных прежде городов, как Белоозеро, Кострома, Галич, Городец Радилов на Волге, Нижний Новгород, Тверь. К их числу относится и Москва. К тому же в Москву (впрочем, так же как и в Тверь) переселялось население западнорусских княжеств (Полоцка, Чернигова, Смоленска), страдавшее от нападения литовцев. Приток населения в Москву способствовал превращению города во второй половине XIII в. в центр самостоятельного княжества.

8. СТОЛИЦА КНЯЖЕСТВА

Впрочем, некоторые историки, начиная с Н. М. Карамзина, полагали, что Московское княжество образовалось к середине XIII в.[56] Основанием для такого заключения стало летописное известие о гибели в 1248 г. в сражении с литовцами на р. Протве младшего брата Александра Невского Михаила, который в этом известии был назван «Московьским». А если существовал московский князь, то само собой разумелось, что существовало уже и Московское княжество. Однако наиболее ранняя летопись, где сохранилось определение Михаила Ярославича как князя московского, это так называемая Новгородская IV летопись, составленная не ранее конца 30-х гг. XV в., без малого через 200 лет после гибели князя Михаила. В ее основных источниках известия о смерти Михаила Ярославича не содержалось, но в одном из дополнительных источников – ростовском – такое известие имелось. Однако в нем отсутствовало определение Михаила как московского князя. Нет такого определения и в древнейшей записи о гибели Михаила Ярославича, сохраненной Лаврентьевской летописью[57]. Сама Новгородская IV летопись сообщает, что за год до смерти Михаил стал великим князем владимир-

[56] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т.IV. М., 1992. С.41.

[57] ПСРЛ. Т.IV. Ч.I. Вып.1. Пг., 1915. С.230; Т.I. Стб.523 (ростовское известие), 471.

ским. Его и похоронили в Успенском соборе г. Владимира[58], а не в Москве. Очевидно, работавшие в XV в. составители Новгородской IV летописи владимирского великого князя назвали московским потому, что в их времена наследственными владимирскими великими князьями были исключительно князья московского дома и быть великим князем значило быть московским князем. Естественно, такой перенос поздних представлений в более древние времена не может служить аргументом в пользу того, что Михаил Ярославич был московским князем и что при нем Москва стала столицей самостоятельного княжества. В первые десятилетия монголо-татарского господства над Русью Москва продолжала оставаться, как и прежде, частью территории великого княжества Владимирского.

Именно благодаря этому обстоятельству Александр Невский, став великим князем владимирским, сумел выделить Москву с административно подчинявшейся ей территорией своему младшему сыну Даниилу. Даниил родился в конце 1261 г. Когда 14 ноября 1263 г. умер его отец, княжичу не исполнилось еще и двух лет. Властвовать в Москве самостоятельно он не мог, и в течение семи лет Москвой управляли тиуны (наместники) дяди Даниила – владимирского великого князя Ярослава Ярославича[59]. Давнее прямое подчинение Москвы Владимиру даже в период формального провозглашения суверенности Московского княжества оказалось преодолеть не так-то просто.

Возможно, только при достижении совершеннолетия (а в средние века человек признавался совершеннолетним и дееспособным в 12–14 лет) Даниил стал самостоятельно править в Москве. Однако первое достоверное свидетельство источников о княжении здесь Даниила Александровича относится только к 1282 г. В новгородской летописи сохранилось известие, что в названном году «идоша новгородци на Дмитриа к Переяславлю, и Святославъ со тферици, и Данило Олександрович с москвици; Дмитрии же изиде противу плъкомъ со всею силою своею и ста в Дмитрове»[60]. Речь идет о походе новгородцев вместе с полками тверского князя Святослава Ярославича и московского князя Даниила Александровича против князя переяславль-залесского и одновременно великого князя владимирского Дмитрия Александровича. Этого князя новгородский летописец не титулует ни великим князем, ни князем переяславским, хотя по меньшей мере в Переяславле Дмитрий княжил. Верный своей манере, он и союзников Новгорода Великого Святослава и Даниила не называет прямо тверским князем и московским князем. Однако сделанные летописцем пояснения, что Святослав пошел в поход «со тферици», а Даниил «с москвици», не оставляют сомнений в том, что речь идет о правителях Твери и Москвы.

Первый московский князь Даниил Александрович и после 1282 г. играл крупную роль в политических делах северо-восточных русских земель. Он участвовал в различных княжеских союзах, так что его бывшие друзья становились противниками, а бывшие недруги – соратниками. В конце 80-х гг. XIII в. Даниил сблизился со своим прежде враждебным ему старшим братом великим князем владимирским Дмитрием Александровичем, которому помогал до его смерти в 1294 г. После этого московский князь поддерживал сына Дмитрия – переяславского князя Ивана. Неровными были отношения с Тверью. Они то становились дружественными, то охладевали. Постоянным противником Даниила стал другой его брат – Андрей Городецкий, после смерти старшего Дмитрия прочно обосновавшийся на владимирском великокняжеском столе. Но еще до кончины Дмитрия Андрей, домогаясь великого княжения, привел в 1293 г. на Русь от сарайского хана Тохты большое ордынское войско во главе с братом Тохты Туданом (в русских летописях его называли Дюденем), которое взяло и ограбило многие русские города. Среди них была и Москва. Татары сумели обмануть Даниила, въехали в Москву и «взяша Москву всю и волости, и села»[61]. Простить этого опустошения брату Андрею Даниил не мог до конца своих дней.

После смерти Дмитрия именно московский князь возглавил княжескую коалицию против Андрея Александровича. В союз помимо Москвы вошли Тверь и Переяславль Залесский. В отличие от великого князя Андрея и примыкавших к нему князей, искавших и находивших поддержку у ханов сарайской Орды, московско-переяславско-тверская коалиция опиралась на хана Ногая, кочевавшего между Дунаем и Днепром, враждовавшего с Сараем и распространявшего свою власть на западные русские земли. В противоборстве с великим князем Андреем Александровичем московскому князю в конце 1296 г. даже удалось утвердиться на столе Новгорода Великого, который обычно занимал князь, правивший во Владимире. О распространении власти Даниила на Новгородскую землю свидетельствуют находимые в Новгороде свинцовые печати этого московского князя. Правда, в начале 1297 г. Даниил вынужден был вернуть новгородский престол брату, но и Андрей не предпринимал больше никаких действий против Москвы. Три года прошли спокойно. Но в 1300 г. был убит хан Ногай, московский князь и его союзники по-

[58] ПСРЛ. Т.IV. Ч.I. Вып.1.С.229;Т.I.Стб.471.

[59] *Кучкин В.А.* Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история, 1995. № 1. С.93–95.

[60] НПЛ. С.325.

[61] ПСРЛ. T.XVIII. С.82.

теряли могущественного покровителя, и московско-переяславско-тверская коалиция распалась. Тверской князь ввиду изменившейся внешнеполитической ситуации поспешил перейти на сторону великого князя Андрея Александровича. Теперь Даниилу стало трудно противостоять Андрею. Но воинственный дух московского князя не иссяк. Осенью 1300 г. Даниил напал на соседнее Рязанское княжество, у Переяславля Рязанского (современная Рязань) разбил рязанского князя Константина Романовича и взял его в плен. А в конце 1302 г., воспользовавшись тем, что Переяславское княжество стало выморочным и его князь Иван перед смертью завещал Переяславль ему, Даниил Александрович изгнал из города великокняжеских наместников и сделал Переяславское княжество достоянием своей семьи. Спор о владении Переяславским княжеством был перенесен в Орду, но Даниил не дождался ханского решения. Он умер 5 марта 1303 г.[62]

Даже краткий перечень деяний первого московского князя показывает, какую крупную политическую роль играл этот последний сын Александра Невского в делах Северо-Восточной Руси. Занимать ведущие позиции среди северовосточных правителей можно было только опираясь на достаточный экономический и военный потенциал княжества. Это означает, что Москва к концу XIII в. явно преуспела в своем развитии. К сожалению, прямых документальных свидетельств о росте города, его заселении, категориях городских жителей, строительной деятельности Даниила Александровича не сохранилось. Единственным исключением является дошедший в летописи рассказ о постройке первым московским князем Данилова монастыря, который в те времена являлся даже не городским, а пригородным монастырем, но основание которого повлияло и на городскую жизнь Москвы.

В исторической литературе существует целая серия дат основания Данилова монастыря. Это и 1272 г., когда основателю монастыря князю Даниилу исполнилось всего 11 лет, и «не позднее 1282 г.», и «около XIII столетия», хотя это столетие началось в 1201 г., и первые годы XIV в. К сожалению, все перечисленные даты произвольны, они не основываются на какихлибо свидетельствах источников. А источников таких совсем немного, особенно древних. Самым ранним свидетельством о Даниловом монастыре является рассказ Рогожского летописца о строительстве Иваном Калитой в 1330 г. в Московском Кремле церкви Спаса Преображения и основания при этой церкви монастыря. В этот монастырь была переведена архимандритня, располагавшаяся в Даниловом монастыре. «Глаголють же неции отъ древнихъ старець,– излагал летописец ходившие в его время разговоры,– яко прьвии бе князь Данило Александровичь сиа архимандритию имеяше у святаго Данила за рекою, яко в свое ему имя церкви тои поставленеи сущи»[63]. Летописец писал после 1356 г., поскольку в его рассказе сообщалось о смерти ростовского епископа Иоанна, скончавшегося в указанном году. Летописец трудился в Московском Кремле, поскольку Данилов монастырь, стоявший на правом берегу р. Москвы, был для него «за рекою». Каких-либо документальных источников о строительстве первого московского монастыря в распоряжении летописца не было, и он вынужден был ограничиться расспросами знающих людей («отъ древнихъ старець»), возможно живших по соседству в Кремле. Если информаторы летописца были свидетелями того, как князь Даниил возводил недалеко от р. Москвы монастырь, то они действительно должны были быть древними старцами. В конце 50-х гг. XIV в. прошло уже более полустолетия со времени смерти князя Даниила, и очевидцам возведения Данилова монастыря должно было быть по 70–80 лет. В их припоминаниях история основания Данилова монастыря рисуется вполне реальной. Во-первых, точно устанавливается, что монастырь был построен князем Даниилом, а не одним из его сыновей в память отца, что в средневековой Руси было делом нередким. Это обстоятельство позволяет определить широкие хронологические рамки строительства монастыря: 1261–1303 гг. (годы жизни Даниила). Во-вторых, определяется место монастыря – на правом берегу р. Москвы, что соответствует положению позднейшего Данилова монастыря и сельца Даниловского, упоминаемого в одном документе XV в. В-третьих, весьма важен факт пребывания в Даниловом монастыре архимандрита. Речь, скорее всего, идет о московском архимандрите, т.е. выборном главе настоятелей московских монастырей, который получал в управление особый монастырь, в данном случае – Данилов, и который выполнял функции митрополичьего наместника в Москве. По всей видимости, в ранний период существования суверенного Московского княжества архимандрит Данилова монастыря был самым высоким духовным лицом в княжестве.

Когда же князь Даниил основал этот монастырь? При определении времени следует принять во внимание несколько моментов. Даниил Александрович ставил монастырь, скорее всего, в конце своей жизни, когда надо было думать о собственном пострижении. Он и умер, по свидетельству летописи, «в чернцах и в скиме»[64]. Санкцию на основание в Москве архимандритии Даниил мог

[62] ПСРЛ. Т.I. Стб.486.

[63] Там же. Т.XV. Вып.1. Пг. 1922. Стб.46.

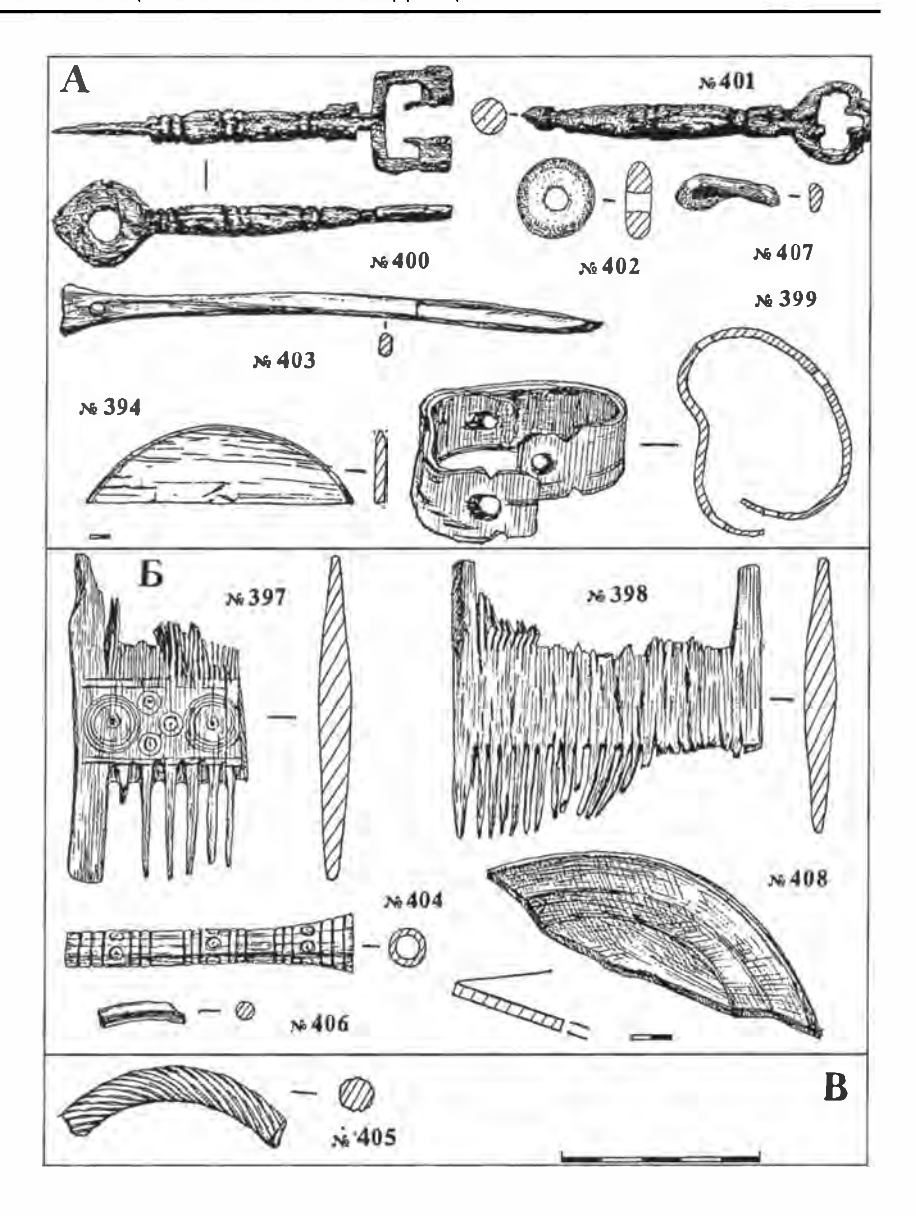
[64] Там же. Т.I. Стб.486.

получить у митрополита всея Руси, в период известного сближения с ним и при отсутствии давления на последнего политических противников Московского княжества, в частности такого могущественного, как великий князь владимирский. Наконец, сам выбор места для строительства Данилова монастыря (по пути от Кремля на юг к Коломне) указывает на то, что ему отводилась роль или военного форпоста, или оповестительного пункта при нападении с юга на город татар или рязанцев. Поэтому сооружение такого заслона по времени должно быть соотнесено с реальными угрозами Москве главным образом со стороны Орды.

Из обзора политической деятельности Даниила Александровича видно, что наиболее отвечает перечисленным выше условиям тот период жизни князя, который приходится на 1297–1300 гг. В это время притихли междоусобицы русских князей, Даниил на какое-то время примирился со своим братом великим князем Андреем, после захвата Москвы Дюденем в 1293 г. московскому князю стала ясна необходимость защиты своей столицы от внезапных нападений Орды. В этот же период должны были укрепиться связи Даниила с церковью. Летом 1299 г. глава русской церкви митрополит Максим перенес свою резиденцию из Киева во Владимир на Клязьме, стал доступнее князьям Северо-Восточной Руси и должен был охотнее откликаться на их просьбы о церковном устроении их княжеств. Да и самому Даниилу было тогда под сорок – возраст почтенный для средневекового человека, когда можно было задуматься о конце жизни. Принимая во внимание, что в древней Руси строительные работы начинались, как правило, летом, в рамках отмеченного периода временем основания первого московского княжеского Данилова монастыря надо признать 1298–1299 гг.[65] Весьма вероятно, что строительство этого монастыря было частью общих мер князя Даниила по укреплению южных границ Московского княжества, осуществление которых и привело к резкому столкновению Москвы с Рязанью в 1300 г.

9. РАЗВИТИЕ МОСКВЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.

Развитие Москвы после монгольского нашествия протекало в сложных и не вполне еще уясненных наукой условиях. Археологами выявлены очевидные следы разгрома города 1238 г.– невостребованные клады, пожарные слои и погибшие жилища (на территории Кремля, на участке Казанского

Находки из заполнения сруба 1 Исторического (Воскресенского) проезда (порубочные даты 1248, 1251 гг.). МИГМ

собора, вообще в ближнем посаде). Однако раскопки в городе не показывают заметного перерыва в общем процессе обживания городских территорий, их заметного сокращения или спада интенсивности накопления находок.

Во второй половине XIII в. мы наблюдаем обусловленный экономическим подъемом мощный рост городской территории, который происходил в рамках планировочных структур, унаследованных от древнерусской эпохи.

Формирование самобытных традиций хозяйственной жизни и обустройства земель, начавшееся в Московском крае во второй половине XIII в., проявилось вначале в изменении облика сельских территорий и лишь позднее, в опосредованном виде,– в градостроительной сфере[66]. Причины этого явления, которое давало о себе знать и в первой половине XIV в.[67], скорее всего нужно связывать с уроном, который был нанесен монгольскими вторжениями середины XIII – первой четверти XIV в. не толь-

[65] *Кучкин В.А.* О дате основания московского Данилова монастыря // Вопросы истории. 1990. № 7.

[66] *Чернов С.З.* Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // Советская археология. 1991. № 1. С.112–133.

[67] *Чернов С.З.* Сельские монастыри XIV–XV вв. на Северо-Востоке Московского княжества по археологическим данным // Российская археология. 1996, № 2. С. 111–130.

ко городу как таковому, но и городской жизни как культурной традиции.

Начало активного роста Москвы приходится на третью четверть XIII в., то есть на период, непосредственно предшествовавший княжению Даниила Александровича Московского, и первые годы его княжения (карта 4). Как показали раскопки на Красной площади, именно тогда складывается тип застройки, включавший наряду с жилыми и хозяйственными строениями срубы - «клети», плотно вбитые в глинистую почву и служившие для хранения имущества. Этот тип застройки сохраняется неизменным до середины – третьей четверти XIV в.[68] и отражен срубом 1, бревна которого, как показало дендрохронологическое определение, имеют порубочные даты 1248 и, вероятно, 1251 гг. В срубе найдены ключи типа А, стеклянные браслеты, самшитовые гребни, точенная на станке деревянная чаша, орнаментированная костяная рукоять, берестяной детский браслет, костяная игла, заготовка деревянной ложки и стеклянный перстень. Период бытования этих находок (середина – вторая половина XIII в.) совпадает с дендродатами.

Ориентировки срубов, выявленные в Историческом проезде, Монетном дворе и Казанском соборе, не соответствуют ни кромке берега р. Неглинной, ни современной Никольской улице. Это позволяет сделать вывод, что существующей планировке, сложившейся после возведения стен Кремля в 1485–1495 гг. (когда Никольская улица была выведена к новым Никольским воротам), предшествовала более древняя. Как показали раскопки, она возникла во второй половине XIII в., когда главные улицы посада сходились к воротам крепости, располагавшимся в районе Ивановской площади Кремля.

Середина и вторая половина XIII в. в развитии Москвы характеризуется не угасанием или обеднением материальной культуры, но скорее качественными изменениями ее облика.

Перемены в стиле материальной культуры, вызванные включением Северо-Восточной Руси в состав Золотой Орды, не были столь резкими, как иногда представляют. Например, примитивизация бытовой керамики во второй половине XIII в. (упрощение технологии, повышение процента изделий из грубого теста) началась в Волго-Окском регионе еще в доордынский период. Причиной стало расширение групп производителей и ускоренное обживание новых земель.

Вполне традиционные производства, сохранявшие глубинные связи с домонгольской эпохой, в послемонгольский период начали подвергаться активным техническим и художественным воздействиям со стороны городских центров Нижнего и Среднего Поволжья. Москвы достигали также позднероманские и раннеготические европейские, арабские средиземноморские и в более широком смысле – общеисламские, восточные мотивы.

Наиболее существенную группу произведений ремесла составляет бытовая керамика, тенденции развития которой определялись, с одной стороны, увеличением спроса и соответствующим развитием местного городского ремесла, а с другой – возможностью более тесного взаимодействия с технологически совершенными керамическими традициями Востока (Поволжья и Крыма, Средней Азии и Ирана, даже Китая).

Во второй половине XIII в. в московском керамическом производстве на смену однородным толстостенным горшкам «курганного» типа, тесто которых содержало массу отощающих добавок (песок, шамот, слюду), приходят сосуды из более качественной глины с заглаженной поверхностью и слабопрофилированной верхней частью сосуда – так называемая серая керамика, появившаяся уже в домонгольское время, но широко распространившаяся в последней четверти XIII в.[69]

Для декора парадной посуды, кроме лощения и росписи ангобом, характерно постепенное освоение стеклянной глазури свинцово-кремнеземного состава, которую варили по сравнительно простой домонгольской рецептуре, получая при обжиге оттенки зеленого, коричневого или красного цвета.

Зарождение новых черт материальной культуры в условиях сменившихся внешних связей и постепенное формирование самобытных традиций – вот характерные особенности развития Москвы во второй половине XIII в. Подобные процессы имели место и в других русских землях. Но нигде они не дали столь значительных результатов, проявившихся в следующую эпоху.

[68] *Чернов С.З., Бойцов И.А.* Указ. соч. С.211–230; *Чернов С.З.* Отчеты МАЭ 1987–1989 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1243, 13154–13172, 14018, 14019.

[69] Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991. С. 20, 32.

III

МОСКВА В XIV СТОЛЕТИИ

XIV век стал переломным в истории Москвы. Из единственного, хотя и стольного, города среднего по своим размерам княжества Северо-Восточной Руси Москва к концу XIV в. превратилась в политический и крупный экономический центр большого государственного образования, насчитывавшего десятки городов и по площади в несколько раз превышавшего скромную территорию княжества времен Даниила Александровича.

1. РОСТ МОСКОВСКОГО КНЯЖЕСТВА

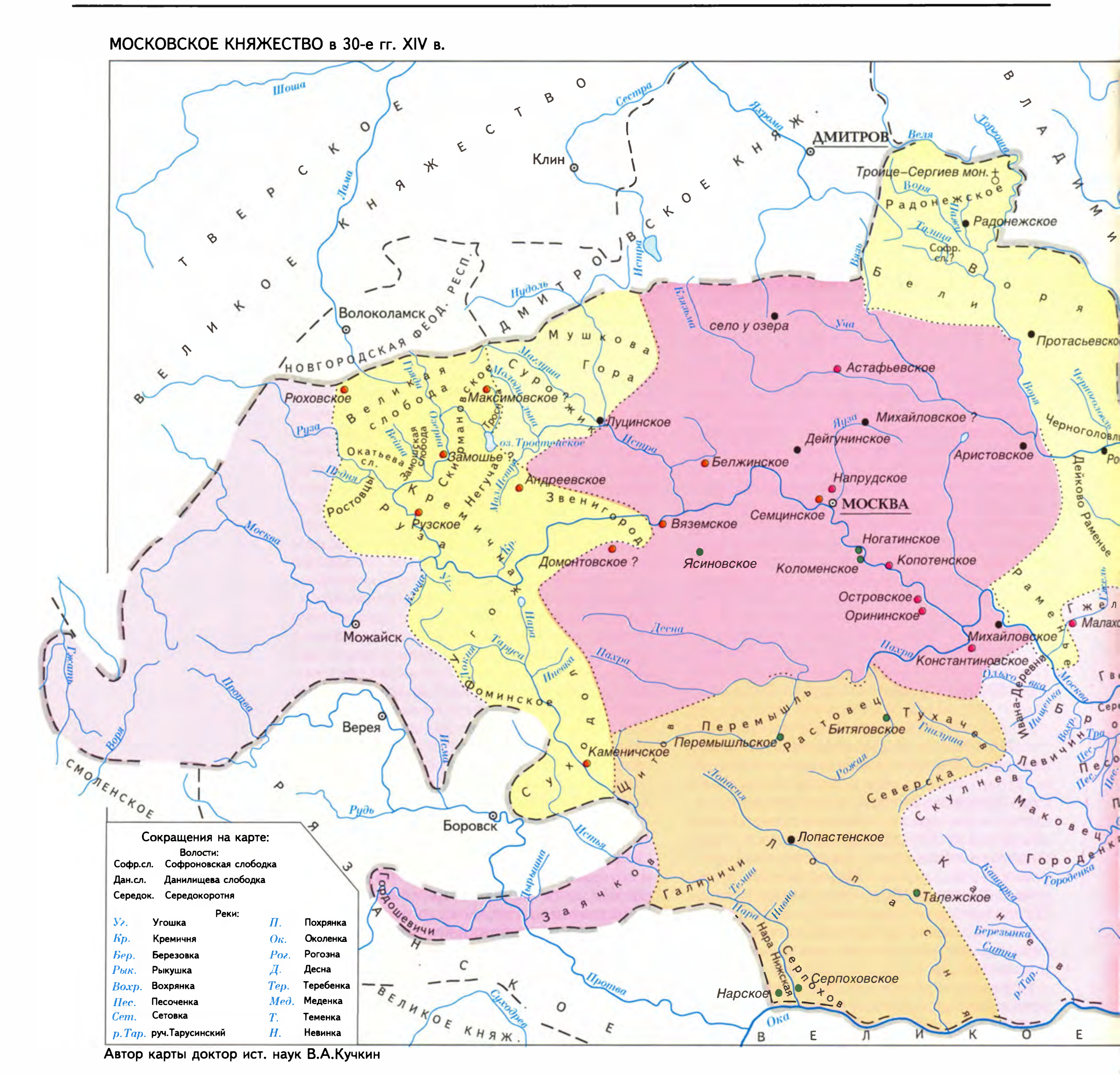
К 1400 г. в руках московских великих князей оказались помимо собственно Московского еще и великое княжество Владимирское с включенными в него в свое время княжествами Переяславским, Юрьевским и частью Ростовского княжества, княжества Дмитровское, Углицкое, Галицкое (с центром в Галиче Мерском), Белозерское, Нижегородское (вместе с Суздальским), ржевские волости Смоленского княжества, части верховских княжеств (расположенных по верхней Оке мелких княжеств, возглавлявшихся потомками черниговского князя Михаила Всеволодовича, замученного татарами в 1246 г.), некоторые волости Рязанского княжества. В целом, московские владения к концу XIV в. простерлись от оз. Лаче и оз. Воже на севере до г. Калуги на юге, от верхневолжских озер на западе до верховьев р. Суры, правого притока Волги, на востоке. Эта обширная территория превосходила по своим размерам земли еще сохранявших свой суверенитет остальных княжеств Северо-Восточной Руси: Тверского, Ярославского, Ростовского, Моложского и Стародубского, вместе взятых[1]. Понятно, что столь внушительный территориальный рост владений московских князей, связанный также с резким увеличением численности подвластного им населения, не мог не сказаться на развитии города. В частности, это развитие выразилось в том, что в Москве примерно с конца 20-х – начала 30-х гг. XIV в. начинает вестись собственное летописание, причем летописание как при княжеском дворе, так и при дворе обосновавшегося с 1325 г. в Москве митрополита всея Руси. Со времени Ивана Калиты московские князья стараются тщательно сохранять свои духовные грамоты, как в старину называли завещания, и тексты договоров с другими князьями. Это существенное по сравнению с периодом XII–XIII вв. увеличение письменных источников дает возможность более подробно изучить историю города, его населения, события городской жизни, что почти невозможно сделать по лаконичным свидетельствам XII–XIII столетий.

После смерти Даниила Александровича московским князем стал его старший сын Юрий. Человек честолюбивый, жестокий и беспощадный, он даже не поехал на похороны отца, опасаясь, что Переяславль, где застало его известие о кончине родителя, в его отсутствие будет захвачен сторонниками владимирского великого князя Андрея Александровича. Но несколько недель спустя Юрий вместе со своими братьями напал на Можайск, пленил местного князя Святослава и заточил его в Москве. Владения Святослава стали московскими[2]. Когда 27 июля 1304 г. умер дядя Юрия великий князь Андрей Александрович, московский князь решил добиваться Владимирского великого княжения. Осенью 1304 г. он отправился в Орду, надеясь получить там ханский ярлык на это княжество. С Юрием соперничал тверской князь Михаил Ярославич, которого поддерживали великокняжеские бояре Андрея Александровича. В Сарае, столице Золотой Орды, нужно было раздать богатые подарки хану и его окружению. Юрий, судя по

[1] *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С.143, 144, 232, 283, 241, 242, 306, 231, 198, 301, 267, 302, 263.

[2] ПСРЛ. Т.XVIII. М., 1913. С.86.

МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО в 30-е гг. XIV в.

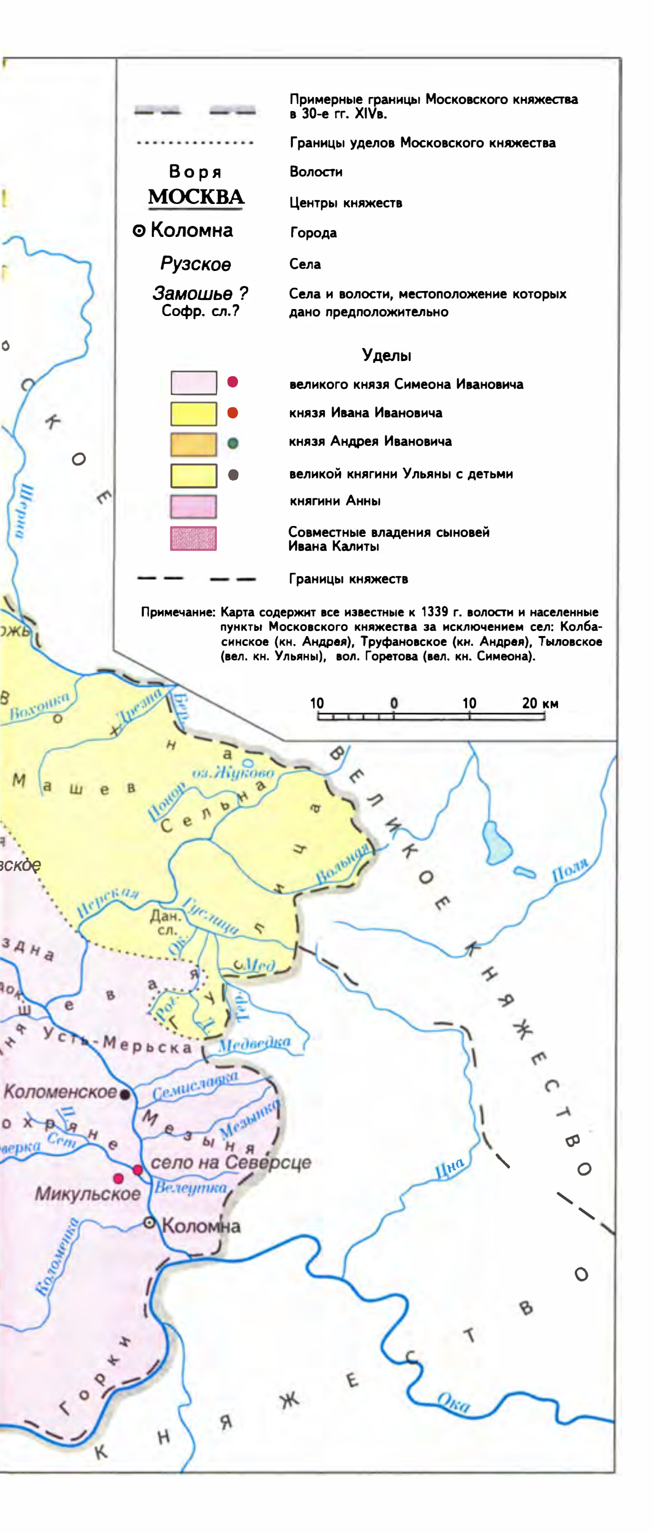
Автор карты доктор ист. наук В.А.Кучкин

всему, средства имел, но в Орде ему было поставлено жесткое условие: если он согласится платить татарам дань большую, чем тверской князь, то хан даст ему ярлык на великое княжение[3]. Это требование московский князь Юрий Данилович выполнить не смог, и великим князем стал Михаил Ярославич. Между московскими и тверскими князьями началась вражда, лишь изредка затухавшая на протяжении почти двух столетий.

2. МОСКВА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIV в.

Сразу же по возвращении на Русь осенью 1305 г. Михаил Тверской осадил Москву. Новую осаду владимирского великого князя Москва выдержала в августе 1307 г. Обе осады закончились важными политическими уступками, вырванными Михаилом у Юрия. В первом случае Даниловичи должны были отка-

[3] РГБ. Ф.310. № 1254. Л.33об.

затъся от Переяславля, территория которого отошла к землям великого княжества Владимирского. Во втором случае Юрий вынужден был признать права Михаила Ярославича на стол Новгорода Великого[4]. Однако ни в 1305 г., ни в 1307 г. Москва взята не была, кремлевские укрепления оказались прочными. Вполне вероятно, что, готовясь к борьбе с Андреем Александровичем за Переяславль, а затем с Михаилом Тверским за великое княжение Владимирское, в Москве провели фортификационные работы и город заново укрепили. Несомненно также, что за годы правления Юрия Даниловича (он погиб 21 ноября 1325 г. в Орде от руки тверского князя Дмитрия Михайловича Грозные Очи, отомстившего за казнь в 1318 г. отца) Москва стала многолюднее, выросло и ее торговое значение. Как уже говорилось, скорее всего при Юрии к Москве была присоединена Коломна с относившимися к ней волостями. Судя по завещаниям Ивана Калиты 1336 и 1339 гг., при нем коломенские волости доходили до р. Гжели, левого притока Москвы-реки. Было ли так во времена, когда Коломна являлась частью рязанской территории, сказать трудно. Но следует заметить, что северные коломенские волости были самыми густонаселенными в Московском княжестве XIV в. Очевидно, что захват Коломны московскими князьями серьезно увеличил численность населения Московского княжества, а также и самой его столицы – Москвы.

С присоединением Коломны и Можайска в руках московских династов оказалось все течение р. Москвы. Теперь из Москвы, стоявшей в среднем течении этой реки, оказалось возможным беспрепятственно подниматься до Можайска, а далее попадать в Смоленск и Литву, имевшие традиционные торговые связи с прибалтийскими государствами и городами. В то же время без помех из Москвы можно было спуститься до Коломны, а далее по Оке (или переезжая ее) отправиться в ордынские степи, Сарай, Тану (Азов) или Крым, где с московскими торговцами ждали встреч восточные, а в Тане и Крыму и западные, главным образом, генуэзские и венецианские купцы. Конечно, налаживание западных и восточных контактов было для Москвы делом нелегким и небыстрым. Речной путь по р. Москве не надо сравнивать с путями по Днепру, Оке и тем более Волге, на берегах которой стояло несколько крупных городов Северо-Восточной Руси. Их географическое положение являлось более выгодным, чем положение Москвы, но тем не менее нельзя не отметить того обстоятельства, что именно земельные приращения московских князей в начале XIV в. способствовали более интенсивному торговому развитию их столицы.

3. ПЕРВЫЕ КРЕМЛЕВСКИЕ ЦЕРКВИ

Ко времени правления Юрия Даниловича относятся первые сведения о кремлевских храмах. В конце 1318 – начале 1319 г. в Москву из Орды доставили тело казненного по проискам Юрия и по приказу золотоордынского хана

[4] *Кучкин В.А.* Указ.соч. С.137, 138.

Церковь Спаса на Бору. Рисунок М. Казакова. XVIII в. ГИМ

Узбека тверского князя Михаила Ярославича. Гроб с телом непримиримого врага московских Даниловичей в течение нескольких месяцев до отправки в Тверь стоял «въ церкви святого Спаса в монастыри»[5]. Речь идет, очевидно, о Спасском монастыре Московского Кремля, куда в 30-е гг. XIV в. Иван Калита перевел архимандритию из Данилова монастыря. Когда в Орде был убит Юрий Данилович, его тело также привезли в Москву, где захоронили «въ церкви святого Михаила»[6]. Под этим названием известен тогдашний кремлевский Архангельский собор, в последующее время ставший усыпальницей московских великих князей и царей, а также членов их семей. Несомненно, что и Спасский собор кремлевского Спасского монастыря, и собор архангела Михаила были во времена Юрия Даниловича деревянными.

Московский летописец специально отметил начало строительства первой каменной церкви в Кремле и вообще в городе Москве: «заложена бысть первая церковь камена на Москве на площади, во имя святыа Богородица, честнаго ея Успениа, пресвященнымъ Петромъ митрополитомъ и благовернымъ княземъ Иваномъ Даниловичемъ»[7]. Это случилось 4 августа 1326 г. через несколько месяцев после погребения Юрия Даниловича и восхождения на московский стол его брата – князя Ивана Даниловича, прозванного позднее Калитой. Обращает на себя внимание участие в закладке этого первого каменного храма на Москве главы русской церкви – митрополита Петра. Петр был давним другом московского князя Юрия Даниловича и столь же давним недругом тверского князя Михаила Ярославича. Последний хотел видеть во главе русской церкви своего ставленника, а потому делал неоднократные попытки избавиться от навязанного ему константинопольским патриархатом митрополита и низвести Петра. Неугодный великому князю митрополит искал поддержки у политических соперников Михаила Ярославича и нашел ее у московских князей. Когда после убийства Дмитрием Грозные Очи Юрия Даниловича обстановка в северо-восточных княжествах накалилась и стол Владимирского великого княжения сумел получить другой представитель тверской династии – Александр Михайлович, митрополит Петр окончательно покинул митрополичью резиденцию в г. Владимире и переселился в Москву. Там на пустыре (как явствует из летописного сообщения 1326 г., на месте современной Соборной площади в Кремле было незастроенное пространство еще до возведения здесь трех соборов) вместе с новым московским князем он начал строительство своей церкви – главного храма Московского государства – Успенского собора. Достроить его митрополит не успел. Он скончался в ночь с 20 на 21 декабря 1326 г. и был захоронен в заранее созданной для этого гробнице в начатом постройкой Успенском соборе. Расходы по окончанию строительства собора взяли на себя сначала богатый боярин, московский тысяцкий Протасий, родоначальник известной фамилии Вельяминовых, а затем сам Иван Калита. Уже 14 августа 1327 г., в канун Успеньева дня, первый каменный московский храм Успения Богородицы был освящен ростовским епископом Прохором[8], до назначения на Русь нового митрополита исполнявшим, очевидно, должность митрополичьего местоблюстителя.

4. ВРЕМЯ «ТИШИНЫ ВЕЛИКОЙ»

Год спустя Иван Калита, помогший хану Узбеку подавить антитатарское восстание в Твери, стал великим князем владимирским. Правда, вначале он делил власть над этим княжеством с суздальским князем Александром Васильевичем, но после смерти последнего в 1331 г. получил от Узбека ярлык на все Владимирское великое княжение. Умение Калиты поддерживать хорошие отношения с грозным ордынским правителем, разорявшим другие русские княжества и казнившим многих русских князей, привело к тому, что Москва на длительное время перестала быть объектом военного нападения татар. Московский летописец, трудившийся во второй половине XIV в., отметив под 1328 г. посажение Ивана Даниловича на владимирский великокняжеский стол, записал, что «бысть оттоле тишина велика на 40 летъ, и престаша погании воевати Русскую землю и закалати христианъ, и отдохнуша и упочинуша христиане отъ великыя истомы и многыя тягости и отъ насилиа татарьскаго, и бысть оттоле тишина велика по всеи земли»[9]. Указание на мир «по всеи земли» – несомненно публицистическое преувеличение книж-

[5] РГБ. Ф.310. № 1254. Л.49.

[6] ПСРЛ. Т.XVIII. С.89.

[7] Там же.

[8] Там же. Т.XV. Вып.1. Пг., 1922. Стб.44.

[9] Там же.

ника XIV в. Калита, например, ходил походами на Псков и Смоленск, воевал с Новгородом и Литвой, самоуправствовал в Твери и в ярославских пределах, его сыновья Симеон Гордый и Иван Красный, наследовавшие отцу, воевали с теми же новгородцами, Литвой, а также с Рязанью, князь которой Олег Иванович в 1353 г. даже захватил на какое-то время московскую волость Лопасню. Но все эти военные походы и баталии не касались непосредственно Москвы. Москвичи действительно не видели под своими стенами врагов на протяжении 40 лет. Это обстоятельство способствовало развитию города. Строительная деятельность Ивана Калиты, о которой рассказывают современные той поре источники, продолжалась и после 1326 г.

В 1329 г. в Кремле были возведены две каменные церкви: Иоанна Лествичника и Поклонения вериг апостола Петра. Строительство первой церкви длилось 102 дня – с 21 мая по 1 сентября, когда совершилось ее освящение. Строительство второй церкви заняло еще меньше времени – с 13 августа по 14 октября, всего 61 день[10]. Ускоренное строительство во втором случае объясняется достаточно просто. Церковь Поклонения вериг апостола Петра была приделом митрополичьего Успенского собора. Ее возведение стало памятью основателю собора митрополиту Петру. Что касается каменной церкви Иоанна Лествичника, то, скорее всего, это был небольшой одноглавый каменный храм. Если же верна интерпретация остатков фундамента этой церкви, то, возможно, ею была восьмигранная колокольня с церковью в нижнем этаже[11].

Весной 1330 г. начались работы по строительству каменной церкви Спаса Преображения в кремлевском Спасском монастыре. Монастырь стоял рядом с двором Ивана Калиты в Кремле и пользовался особым вниманием московского князя. Монастырь, по-видимому, был общим, там жили монахи и монахини. В 1332 г. в Спасском монастыре была захоронена постриженная в черницы и принявшая монашескую схиму первая жена Ивана Калиты Елена.

В 1333 г. Иван Калита «созда церковь камену на Москве во имя святаго архангела Михаила». Речь идет о кремлевском Архангельском соборе. Очевидно, деревянный собор уже не удовлетворял потребностям московской княжеской фамилии, возросшему авторитету и богатству ее главы. Хотя собор был возведен в течение одного строительного сезона, он, видимо, превышал по своим размерам церкви, построенные в Кремле в предшествующие годы. Во всяком случае, летописное известие 1344 г. отмечает «величество церкви тоя»[12]. Это означает, что московские строители совершенствовали свои навыки и умение и научились за тот же строительный сезон возводить более внушительные здания.

Украшение в 1326–1333 гг. центра Москвы – Кремля, собственно города (т.е. крепости) Москвы, как тогда говорили о Кремле, каменными церквами свидетельствует о появлении в столице местных зодчих и каменщиков – профессий, по-видимому, отсутствовавших в Москве в XIII в. Конечно, строительство церквей, на которое тратилось от двух до трех с половиной месяцев, указывает на то, что храмы были небольшими или сравнительно небольшими, очевидно, одноглавыми, в целом достаточно скромными. Однако начало было положено, и в продолжение последующего времени каменное строительство в Москве расширялось все более и более сначала за счет новых культовых зданий, а потом и светских.

Завершением строительства в Москве при Иване Калите явилось обнесение Кремля новыми деревянными стенами. Работы начались 25 ноября 1339 г., а закончились уже в следующем году «тое же зимы на весну въ великое говение»[13]. «Великим говением» называли в средние века Великий пост. В 1340 г. он приходился на период с 28 февраля по 15 апреля. По-видимому, работы завершились в марте 1340 г., и их результаты еще успел увидеть Иван Калита, скончавшийся 31 марта 1340 г. Необычное время года, выбранное для возведения кремлевских стен, объясняется, вероятно, сложившейся к концу 1339 г. политической обстановкой. В 1339 г. хан Узбек решил организовать большой поход на соседнее с Московским Смоленское княжество.

Закладка церкви Иоанна Предтечи. Миниатюра из Лицевого свода. XVI в. БАН

[10] ПСРЛ. Т.XVIII. С.91.

[11] *Кавельмахер В.В., Панова Т.Д.* Остатки белокаменного храма XIV в. на соборной площади Московского Кремля // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С.66, 72, 73, 75–78.

[12] ПСРЛ. Т.XV. Вып.1. Стб.46, 47, 56.

[13] Там же. Стб.51.

Спас Нерукотворный. Успенский собор Московского Кремля. 1-я половина XIV в.

Иван Калита и другие князья Северо-Восточной Руси как ордынские вассалы должны были принять в нем участие. Поход состоялся в конце 1339 г. и закончился безрезультатно[14]. Воеводе хана Узбека Товлубию Смоленск взять не удалось, смоленский князь не был поставлен на колени. Такой исход осады Смоленска должен был вызывать тревогу у Ивана Калиты, который опасался возмездия со стороны западного соседа за свое пособничество татарам. Поэтому предусмотрительный Калита и поспешил укрепить московский Кремль. В зимнее время едва ли могли вестись широкие земляные работы. Скорее всего, в 1339/40 г. укрепляли кремлевские заборола – верхнюю деревянную часть оборонительных стен. Хотя Кремль времен Ивана Калиты по своим размерам был меньше современного, крепостные стены стояли на вершине кремлевского холма, а не на его подошве, как теперь, периметр стен был достаточно протяженным – не менее одного километра. Поставить заборола такой протяженности – дело весьма непростое, ведь для этого предварительно нужно было еще заготовить и обработать строительный материал. Все это требовало больших людских усилий, и надо полагать, что возведение примерно за четыре месяца новых оборонительных сооружений в Москве стало возможным благодаря росту численности населения как города, так и окружавших его сел.

И действительно, уже в завещании Ивана Калиты 1336 г. перечисляется более десятка сел, расположенных вокруг Москвы. Ближе других к стенам Кремля стояло село Семцинское (Семчинское), находившееся на левом берегу р. Москвы около современной Остоженки. Село Напрудское располагалось, как пояснял в своей духовной грамоте Иван Калита, «у города», в районе современного Напрудного переулка у Рижского вокзала. Рядом находилось село Труфановское (Трифоновское), название которого сохранено нынешней Трифоновской улицей. Далее на север от Москвы между речками Яузой и Химкой на р. Лихоборке располагалось село Дегунинское, теперь Дегунино, вошедшее в черту города. Остальные упоминаемые в завещании 1336 г. села находились на юге и на юго-востоке от Москвы. Это известные ныне села: Ногатинское, Коломенское, Копотенское (теперешняя Капотня), Островское, Орининское, Малаховское, Константиновское. Близ современного Домодедова стояло село Битяговское[15]. Иван Калита в своей духовной грамоте перечислил только те подгородные московские села, которые принадлежали ему самому. Источники более позднего времени указывают на другие княжеские, боярские и церковные села, которые стояли гораздо ближе к городу, чем перечисленные выше. Вполне возможно, что сама география этих сел свидетельствует об их раннем возникновении, и тогда картина Москвы, окруженной с разных сторон сельскими поселениями, окажется еще более внушительной, чем она получается по данным 1336 г. Однако и по свидетельствам первой духовной грамоты Ивана Даниловича процесс влияния средневекового города на формирование и развитие у его стен сельских поселений прослеживается достаточно отчетливо. Увеличение подмосковных сельских поселений в свою очередь оказывало воздействие на развитие Москвы. Сама Москва, судя по данным археологии, росла на восток (район будущего Китай-города) и отчасти на запад (Занеглименье). Шло освоение участков и близ устья р. Яузы[16].

5. РАСШИРЕНИЕ ГОРОДСКОЙ ТЕРРИТОРИИ. ПОЖАРЫ

Своеобразным показателем роста численности городского населения Москвы, уплотнения застройки ее территории являются летописные сообщения о пожарах в городе. Под 1343 г. московский летописец поместил сообщение о том, что 31 мая «погорелъ городъ Москва, згорело церквей 28. Въ пятое на десять летъ бысть се уже 4-и пожаръ на Москве велики»[17]. Действительно, в летописях отмечаются три предшествовавших пожара Москвы: в 1331, 1335 и 1337 гг., причем самый ранний из них случился даже не за пятнадцать, а за двенадцать лет до пожара 1343 г. В пожар 1331 г. «погоре городъ Кремникъ», т.е. Кремль. Пожар 1335 г. также опустошил «город» Москву. Летописная запись 1337 г. фиксирует, что «бысть пожаръ на Москве, сгорело церквии 18»[18]. Летописное выражение «город Москва» обычно обозначало собственно московский город, т.е. крепость, Кремль. Поэтому вполне возможно, что летописцы, жившие и писавшие внутри крепостных стен, отмечали только кремлевские пожары, хотя в известии о пожаре 1337 г. термин «город» отсутствует. Но даже при самом узком толковании определения «город Москва» следует констатировать, что в 30–40-е гг. XIV в. по меньшей мере в Кремле шло интенсивное строительство. Ставились новые дворы, во дворах возводились жилые и хозяйственные постройки, в богатых усадьбах воздвигались деревянные церкви, общая застройка становилась все более плотной, и возникавшие из-за неосторожного обращения с огнем пожары опустошали все большие и большие площади города. С другой стороны, Москва, во всяком случае Кремль, быстро отстраивалась. Строительный материал был под рукой. Лесные участки располагались в то время

[14] ПСРЛ. Т.XV. Вып.1. Стб.51, 52.

[15] ДДГ. М.; Л., 1950. № 1. С.7, 8; *Тихомиров М.Н.* Средневековая Москва в XIV–XV вв. М., 1957. С.62–66.

[16] *Бойцов И.А.* К вопросу о росте Москвы в XII – первой половине XV в. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1992. № 2. С.95 и рис.2.

[17] ПСРЛ. Т.XV. Вып.1. Стб.55.

[18] Там же. Стб.46, 48; НПЛ. С.346.

Спас Ярое Око. Успенский собор Московского Кремля. 2-я четверть – середина XIV в.

буквально в нескольких минутах ходьбы от Кремля. Имелись и умельцы-мастера, а погорельцы, видимо, располагали средствами для возведения новых хором и храмов.

Время преемников Ивана Калиты Симеона и Ивана стало благоприятным для развития Москвы. Оба Ивановича были не только князьями московскими, но и великими князьями владимирскими. Контроль над территорией Владимирского великого княжества давал им в руки значительные финансовые средства. Эти средства образовывались от кормлений, а не от даней, которые Симеон и Иван должны были собирать с населения и уплачивать Орде, но не уплачивали полностью и утаивали, как думали многие историки XIX в. По нормам XIV в. каждый кормленщик, которому князь давал в управление ту или иную волость, то или иное село, должен был половину причитавшегося ему корма отдавать в княжескую казну. Обширные земли Владимира, Переяславля, Костромы, Юрьева московские Калитовичи отдавали в кормления служившим им боярам и слугам, полнили свою казну и часть средств выделяли для приглашения в Москву ремесленников редких специальностей: иконописцев, ювелиров, книжных мастеров. Мирные, спокойные 40–50-е гг. XIV в. в Москве способствовали их работе.

6. МОСКОВСКИЕ РЕМЕСЛЕННИКИ

Ко времени Симеона Гордого относятся первые упоминания о московских иконописцах. В 1344 г. в Кремле начались работы по росписи двух главных московских церквей: митрополичьего Успенского собора и великокняжеского Архангельского. Пришедший в 1328 г. на смену митрополиту Петру из Константинополя грек Феогност расписывал собор на свои средства и своими мастерами. Ими были греки, вероятно, приглашенные Феогностом из Византии. Они сумели за один сезон украсить стенописью весь Успенский собор. Архангельский собор расписывали иконописцы великого князя. Летописец называет их «русскими писцами» и поясняет, что «в нихъ же стареишины и началници иконописцемъ Захариа, Иосифъ, Николае и прочаа дружина ихъ»[19]. Если начальниками были три человека, то можно думать, что вся «дружина», занятая росписью Архангельского собора, была довольно многочисленной, включавшей не только художников, но и подсобных работников. Тем не менее церковь в первый сезон не удалось расписать и до половины. Княжеский летописец объяснил эту медлительность большими размерами храма, но дело заключалось, по-видимому, не только и не столько в этом. Едва ли в 40-е гг. XIV в. Архангельский собор намного превышал Успенский. Просто греческие мастера были опытнее и искуснее местных московских. В конечном итоге на подписывание церкви архангела Михаила пришлось затратить три сезона[20]. Оба собора стали не единственными храмами, украшенными стенописью в годы правления Симеона Гордого. Весной 1345 г. начались работы по росписи церкви Спаса. Ими руководил еще один старейшина иконников – Гоитан. Работы производились по приказанию жены Симеона Гордого Анастасии, в девичестве Августы, по происхождению литовской княжны. Роспись церкви закончилась в следующем году. В том же 1346 г. была подписана еще одна каменная кремлевская церковь – Иоанна Лествичника[21]. Таким образом, все построенные при Иване Калите каменные кремлевские церкви были расписаны. Возможно, что при этом храмы украшались не только стенописью, но и иконами.

От первой половины – середины XIV в. сохранились три московские иконы: «Спас», «Спас Ярое Око» и «Троица ветхозаветная». То, что две из трех самых ранних дошедших до нашего времени московских икон посвящены Спасу, является неслучайным. Церковь Спаса в Кремле, судя по всему, самый древний и самый почитаемый храм в Москве, и поэтому вполне естественно изображение Спаса на старых московских иконах. Первая икона Спаса, наиболее ранняя, написана, быть может, еще при митрополите Петре. По словам современного исследователя, «классическая красота, высокая интеллектуальность образа, соразмерность композиции и ритмичность контуров, изысканность колорита напоминают о византийском искусстве времени палеологовского ренессанса»[22]. Иной характер имеет другая икона Спаса. «Лик с резкими складками, морщинистый лоб, особый рисунок бровей и напряженный взгляд сообщают изображению драматизм, скорбность» – недаром икона в XVIII или XIX в. получила второе название – «Ярое Око». Она близка византийским памятникам 40-х гг. XIV в. и, возможно, написана в Москве русским мастером под влиянием работавших при дворе митрополита Феогноста греческих иконописцев. Для третьей иконы – «Троицы ветхозаветной» – характерны иные черты: декоративная красочность и пластическая выразительность изображений. Этот художественный стиль был заимствован московскими мастерами, скорее всего, от иконописных школ XIII – начала XIV в. Ростова и Ярославля[23].

В близкой художественной манере к последней школе выполнены две книжные миниатюры Сийского Евангелия:

[19] ПСРЛ. Т.XV. Вып.1. Стб.56.

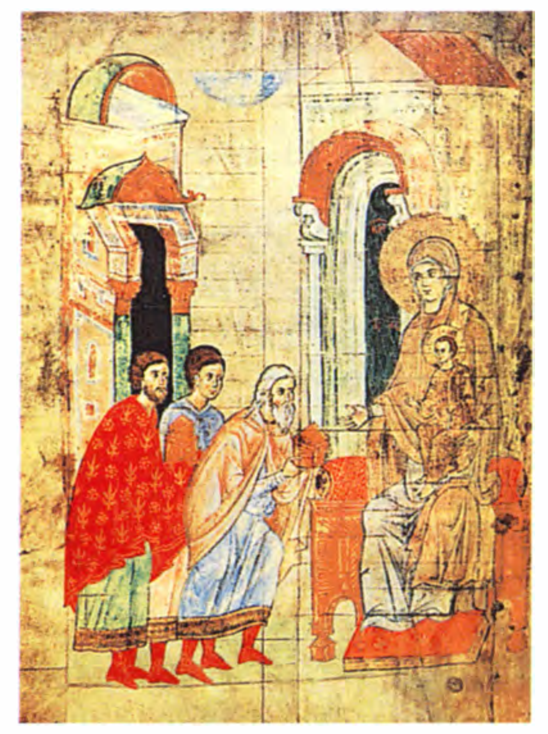
[20] Там же. Стб.57.

[21] Там же. Стб.56, 57.

[22] *Смирнова Э.С.* Московская икона XIV–XVII вв. М., 1988. С.7.

[23] Там же. С.7, 8.

Поклонение волхвов. Миниатюра из Сийского Евангелия. 1340 г. БАН

Оклад Евангелия Симеона Гордого. Середина 40-х гг. XIV в.

«Поклонение волхвов» и «Отослание апостолов на проповедь». Сийское Евангелие, названное так потому, что было обнаружено в прошлом веке в библиотеке Антониево-Сийского монастыря Архангельской губернии, написано в Москве в начале марта 1340 г. по заказу Ивана Калиты. Оно предназначалось церкви Богородицы «на Двину». Помимо миниатюр, рукопись была украшена многоцветной заставкой и заглавными буквами так называемого «звериного», или тератологического стиля, поскольку в такие буквы вписывались изображения разных диковинных зверей и птиц. Известен художник заставки – Иоанн, а поскольку орнамент заставки и инициалов, техника их исполнения одинаковы, можно считать, что этот мастер рисовал и инициалы. Известны также писцы, переписавшие евангельский текст: дьяки Мелентий и Прокоша (Прокопий, как говорили в Москве в те времена, а не Прокофий). В XIV в., в отличие от более позднего времени, дьяками становились образованные холопы, трудившиеся в княжеской канцелярии. Выдержанность письма Сийского Евангелия указывает на профессиональную выучку этих двух дьяков московского великого князя[24].

Еще более каллиграфично письмо Евангелия Симеона Гордого, которое написано несколько позже Сийского Евангелия. Во всяком случае, оклад для Евангелия Симеона, как свидетельствует вычеканенная на нем надпись, изготовлен в 1344 г. Писец этой рукописи одновременно был и отличным рисовальщиком. Им выполнены сложные и выразительные инициалы в тератологическом стиле и в подражательном ему, разрисованные черной, желтой, светло-зеленой и синей красками. Но особый интерес вызывает оклад Евангелия Симеона Гордого. Он сохранился не полностью, переделан, однако девять серебряных пластин с гравированными изображениями распятого Христа с предстоящими ему Марией и Иоанном Богословом, четырьмя евангелистами и двумя херувимами, олицетворяющими солнце и луну, относятся к XIV в. При этом изображение четырех евангелистов, ангела, представляющего луну, выполнены одним мастером, а гравировка на остальных четырех накладках – другим. Работа второго мастера отличается изяществом и совершенством. Он очень тонко передает горестное выражение лиц, скорбный поворот фигур, тщательно гравирует складки одежд[25]. Возможно, предварительные изображения на окладе Евангелия Симеона Гордого сделаны мастерами из числа тех иконописцев, что расписывали кремлевские церкви в 1344–1346 гг. Во всяком случае, такие иконописцы могли прибегать к предварительным прорисям в своей работе, они хорошо знали каноны, по которым должны были изображаться Христос и христианские святые, и вполне могли «назнаменать» рисунок на серебряной пластине, по которому уже работал искусный резчик.

Помимо Сийского Евангелия и Евангелия Симеона Гордого известна еще одна ранняя московская рукопись – евангелие, написанное в 1358 г. неким Федором «рабу божию Лукьяну», на средства которого и была создана эта книга. Евангелие 1358 г. можно рассматривать как образец продукции для более массового потребления. Социальный статус заказчика рукописи был невысок. Во всяком случае, среди московской знати

[24] *Вздорнов Г.И.* Искусство книги в Древней Руси. М., 1980. С.67–79, [29].

[25] Там же. С.75, 76.

XIV в. имя Лукьян не встречается. Евангелие написано на плохом пергаменте, письмо более небрежное, крупное и угловатое, но заставки и инициалы выполнены на хорошем художественном уровне. Одна заглавная буква нарисована в виде гусляра, перебирающего струны гуслей, а рядом с этим инициалом на боковом поле рукописи мелкими буквами сделана надпись: «Гуди гораздо».

Изображения Христа, ангелов и святых на пластинах оклада Евангелия Симеона Гордого свидетельствуют о том, что при княжеском дворе трудились серебряники-ювелиры. Они появились в Москве по меньшей мере со времен Ивана Калиты. В своих завещаниях Калита упоминает предназначавшееся его дочери от первого брака Фетинье «монисто новое, что есмь сковалъ»[26]. Очевидно, что монисто изготовил мастер, служивший Ивану Калите. Монисто той поры считалось довольно сложным ювелирным изделием. Оно состояло из золотых бляшек, зерен жемчуга и драгоценных камней. «Сковать» монисто мог только опытный и умелый ремесленник.

Имя московского мастера-ювелира впервые названо в завещаниях Ивана Ивановича Красного, написанных в 1359 г. В великокняжеской сокровищнице хранилась «икона золотомъ кована Парамшина дела». В первой духовной грамоте великого князя Василия Дмитриевича, составленной в 1406/07 г., икона характеризуется как «Парамшина дела с чепью», а в завещаниях Василия Темного 1461/62 г. и Ивана III 1503 г.– как «крестъ золот Парамшиньскои» и «крестъ золот Парамшина дела»[27]. Очевидно, имелось в виду довольно сложное ювелирное изделие: золотой крест с иконографическим изображением, нанесенным чернью или эмалью, и золотая цепь, на которой висел этот крест. Крест изготовил мастер Парамша, как в просторечии звали человека по имени Парамон. По-видимому, Парамша был придворным ювелиром великого князя Ивана Ивановича.

Ювелирное искусство в средние века определенным образом было связано с портновским. Среди княжеских мастеров имелись, конечно, портные, изготовлявшие дорогие одежды. Иван Калита в своем завещании сообщает, что он «нынеча нарядил 2 кожуха с аламы с женчюгомъ»[28], что свидетельствует о существовании в 30-е гг. XIV в. в Москве мастеров, умевших не только шить, но и украшать одежду (алам – серебряная бляха, унизанная жемчугом, нашивавшаяся на платье). «Опашень скорлатенъ саженъ» великого князя Ивана Ивановича (такой опашень – верхняя одежда внакидку из сукна, расшитого жемчугом,– впервые упоминается в завещании именно этого князя) скорее всего шил московский придворный мастер. Все эти вещи хранились в княжеских сокровищницах.

Спас Нерукотворный с предстоящими. Воздух. 1389 г. ГИМ

Сравнение описаний казны московских великих князей XIV в. в их духовных грамотах показывает, что содержимое княжеских сокровищниц с течением времени менялось. Так, в завещаниях Ивана Калиты фигурируют золотые мужские нашейные цепи, золотые мужские пояса, изукрашенные жемчугом и драгоценными камнями, золотыми капторгами (футлярчиками), замысловатыми крюками-застежками и т.п., разнообразные золотые чаши, также украшенные жемчугом, золотые чумы (конические чаши для питья), овкачи (ковши) и круглые чашки, такая же серебряная посуда, женские украшения: обручи, монисто, гривна, ожерелье (расшитый воротник); драгоценные мужские одежды: золотая шапка, различные усыпанные дорогими камнями кожухи (кафтаны), бугаи (плащи), коц (праздничная одежда), портище с расшитым оплечьем – всего 70 предметов[29]. Через двадцать лет сын Калиты Иван Иванович в своих духовных грамотах наряду с золотыми цепями, поясами, овкачами, ковшами упоминал также иконы, золотые обязи (перевязи), золотые мужские серьги, золотые сабли и шлемы, окованные золотом крабицы (сосуды для вина), достокан (кубок), опашень (летнюю одежду) – всего не менее 40 предметов, хотя от отца он получил лишь 16 драгоценных вещей[30].

Если в 30-е гг. XIV в. в казне московских князей были мужские и женские украшения, золотая и серебряная посуда, богатые одежды, то в 50-е гг. XIV в. несмотря на то, что общее число предметов уменьшилось, украшения и посуда стали разнообразнее и к ним прибавились предметы культа – иконы, очевидно, исполненные по золоту типа Парамшинского креста, а также украшенное золотом оружие. Появление в сокровищнице Ивана Красного икон на золоте объясняется работой при княжеском дворе не только ювелиров, но и ико-

[26] ДДГ. № 1. С.8.

[27] Там же. № 4. С.16, 18; № 20. С.56, 57; № 61. С.197; № 89. С.362.

[28] Там же. № 1. С.7.

[29] Там же. С.7, 8.

[30] Там же. № 4. С.16, 18.

нописцев, о которых сообщает летопись, рассказывая о росписи кремлевских церквей в 1344–1346 гг.

Что касается украшенного золотом оружия, то его нахождение в казне Ивана Ивановича, возможно, объясняется появлением при княжеском дворе мастеров-оружейников. Говорить «возможно» приходится потому, что такое оружие могло попасть в казну и в результате подношения или покупки.

Менее вероятно приобретение где-то за границей или получение в подарок огнестрельного оружия. А оно в XIV в. появилось в Москве. Летопись под 1382 г. упоминает о тюфяках и великих пушках, из которых москвичи отражали приступавшие к стенам Кремля войска Тохтамыша. Очевидно, производство крепостных орудий в Москве к 1382 г. было уже налажено.

Литье пушек тесно связано с литьем колоколов. В летописи упоминается один из представителей этой специальности – колокольный мастер Борис. В 1346 г. он отлил три больших и два малых колокола для кремлевских церквей[31]. Однако своим мастерством он прославился много раньше. Как свидетельствует новгородская летопись, еще в 1342 г. новгородский архиепископ Василий, задумав изготовить большой колокол для местного собора св. Софии, «приведе мастьры с Москве, человека добра, именемъ Бориса»[32]. Возможно, Борис возглавлял группу колокольных литцов, живших в Москве, обслуживавших потребности великокняжеского и митрополичьего дворов, но выполнявших заказы и в столицах других русских княжеств и земель.

Сведения о московских мастерах-ремесленниках 20–50-х гг. XIV в. относятся главным образом к тем из них, кто обслуживал дворы великого князя или митрополита. У таких ремесленников существовали различные, хотя и несложные, формы производственной кооперации: переписчики книг сотрудничали с изографами и ювелирами, ювелиры – с портными и оружейными мастерами, иконописцы – с мастерами серебряного дела и т.д. Об определенных организационных формах художественного и ремесленного производства в Москве свидетельствуют упоминания дружин и старейшин у иконописцев, а также мастеров, находившихся под началом колокольного литца Бориса. Юридический статус таких ремесленников был различным. Дьяки Мелентий и Прокоша, переписавшие евангелие для Ивана Калиты, являлись холопами великого князя. Великий князь Иван Иванович в своем завещании 1359 г. прямо писал о том, что «хто будеть моихъ казначеевъ, и тивуновъ, и посельскихъ, или хто будеть моихъ дьяковъ... дал есмь имъ волю»[33]. Но большинство княжеских и митрополичьих ремесленников были людьми свободными. Их социальный статус определялся службой князю или церковному иерарху, а в совокупности они составляли так называемую «служебную организацию».

Количество входивших в такую организацию людей пополнялось за счет принудительных переселений жителей различных мест в Москву. Показателен в этом отношении текст договора 1348 г., заключенного сыновьями Ивана Калиты: «А которыи люди по нашим волостемъ выиманы ныне во иные службы, и ихъ намъ к собе не приимати. А которыхъ людии отець наш, князь великии, выимал из [волостеи?] въ службу, те так и знають свою службу, в которую кто уряженъ, а намъ ихъ к собе не приимати»[34]. В договоре 1390 г. между великим князем Василием Дмитриевичем и его дядей серпуховским князем Владимиром Андреевичем дается разъяснение, какие именно люди «выимались» в службы: «А кого собе вымемь огородниковъ и мастеровъ...»[35]. Очевидно, в княжеские службы определялись градостроители (огородники) и разного рода ремесленники (мастера). Такие ремесленники работали на заказ и содержались за счет средств князя или митрополита. Надо полагать, что в Москве XIV в. жили ремесленники и иных социальных категорий: холопы различных знатных лиц, мастера – представители духовенства, например, иконописцы, просто свободные ремесленники, однако о них до XV в. прямых свидетельств источников не сохранилось. Тем не менее с их повседневной продукцией позволяет ознакомиться археология, о чем будет сказано в конце главы.

7. ТОРГОВЛЯ И ТОРГОВЦЫ

Описания княжеской казны показывают, что в Москве в 30–50-е гг. XIV в. распространялись не только дорогие изделия местного производства, но и столь же ценные вещи, изготовленные ремесленниками из других стран. Так, в казне Ивана Калиты хранились «поясъ золотъ фрязьскии» и «поясъ золотъ цесаревьскии», т.е. итальянской и золотоордынской работы, а также «блюдо серебрьно езднинъское», изготовленное в персидском городе Иезде[36]. В казне сына Калиты Ивана имелся «дастоканъ царьгородскии золотомъ кованъ»[37] – золотой кубок, сделанный в византийском Константинополе. По имеющимся в завещаниях Калиты и его сына скупым определениям этих предмѐтов невозможно выяснить, как попали они в Москву, были ли подарками московским князьям других правителей или доставлены купеческими караванами, но остается фак-

[31] ПСРЛ. Т.XV. Вып.1. Стб.57.

[32] НПЛ. С.354.

[33] ДДГ. № 4. С.17.

[34] Там же. № 2. С.12. Текст реконструирован автором.

[35] Там же. № 13. С.39.

[36] Там же. № 1. С.7, 8.

[37] Там же. № 4. С.16.

том, что в Москве XIV в. были знакомы с неординарными образцами европейского и азиатского ювелирного искусства.

Если по драгоценным предметам, хранившимся в казне московских князей и изготовленным в далеких странах, трудно судить о торговых связях Москвы, то другие письменные источники и археологические находки прямо говорят об этом. Московские купцы, связанные с международной торговлей, делились на две группы. Одна из них, торговавшая с Золотой Ордой, итальянскими колониями в Крыму и на Азовском море, называлась сурожанами. Название происходило от города Сурож. Так в средневековье назывался город Судак в Крыму. Другая группа торговала со Смоленским княжеством, Литвой, Новгородом и называлась суконниками, поскольку основным видом товара, ввозившегося в Москву через Смоленск, Новгород и подчиненные Литве города, было изготовлявшееся в Западной Европе, главным образом во Фландрии, сукно.

Впервые сурожане упоминаются в Москве в 1356 г. Долгое время ученые пользовались известием Никоновской летописи конца 20-х гг. XVI в., где говорилось, что в Москву приходил «изо Орды Ирынчеи и съ нимъ гости сурожане»[38]. Из этого сообщения можно заключить, что существовала определенная категория купцов – сурожане, приехавшие с ордынским послом в Москву. Но были ли эти сурожане иноземными купцами, сопровождавшими посла, или русскими купцами, вернувшимися в Москву, воспользовавшись преимуществами безопасной поездки с ханским представителем, этого выяснить по Никоновской летописи нельзя. Когда в 1922 г. был издан значительно более древний, чем Никоновская летопись, Рогожский летописец, обнаружилось, что там тоже имеется известие об Ирынчее, но оно носит иной характер: «А на Москву приходилъ посолъ силенъ изъ Орды Ирыньчеи на Сурожане»[39]. Оказывается, Ирынчей приезжал в Москву не с сурожанами (это интерпретация редактора поздней Никоновской летописи), а «на сурожане». Сурожане, следовательно, жили в Москве. «Приход» на них «сильного», т.е. сопровождаемого крупным военным отрядом, ханского посла был вызван, очевидно, какими-то чрезвычайными обстоятельствами. Или сурожане не заплатили ордынским купцам долги, или в ссоре убили в Орде кого-то, а сами спешно уехали домой. Подобное встречалось в практике купцов разных стран, в частности новгородских и ганзейских торговцев, что фиксировалось в соответствующих актах.

Относительно московских сурожан подобных документов раннего времени не сохранилось. Поэтому приходится лишь предполагать причины приезда Ирынчея. Однако главное заключается в том, что летописное известие 1356 г. Рогожского летописца прямо указывает на существование тогда в Москве определенной купеческой прослойки – сурожан. Эта прослойка в официальных документах называлась гостями[40] и, по-видимому, была высшей среди московского купечества.

Другая купеческая группа – суконники. Они впервые упоминаются в Москве несколько позже – в 1382 г.[41] Дома сурожан и суконников соседствовали с домами князей, бояр, княжеских слуг. Они располагались как внутри Кремля, так и за его пределами. За недостатком данных сложно судить о том, как были организованы сурожане и суконники. Летописное известие 1479 г. упоминает в Москве церковь Иоанна Златоуста, которая была «изначала церковь гостеи московскых строение». Сколь древним было это «изначала» для 1479 г.– приходится только гадать. Но впервые церковь Иоанна Златоуста упоминается в 1412 г.[42] Стояла она на границе Великого посада – позднейшего Китай-города. Существовала ли эта церковь в XIV в., можно решить после будущих археологических раскопок на ее месте. Но в XV в. церковь Иоанна Златоуста была, очевидно, патрональным храмом особой купеческой организации – гостей, т.е. скорее всего, сурожан. Характерна одна из статей соглашения Дмитрия Донского со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем, заключенного 25 марта 1389 г.: «А гости, и суконьниковъ, и городьскыхъ людии блюсти ны с одиного, а въ службу ихъ не приимати»[43]. Суконники в ней упомянуты, а сурожане – нет. И причина такого неупоминания заключается в том, что сурожане в этом княжеском договоре названы другим термином – гости.

Процитированная статья соглашения 1389 г. интересна еще и в том отношении, что, различая московских гостей, суконников и просто городских людей – свободных горожан, она вместе с тем объединяет их всех в единое целое, в такую категорию населения города, из которой князьям нельзя было переводить торговцев и ремесленников к себе на личную службу. Очевидно, вся масса свободного городского населения Москвы представляла собой единое городское сословие, разнородное по имущественному положению, но однородное по своему юридическому статусу. В этом отношении интересно добавление, сделанное в одной из редакций Устава о церковных судах, сложившегося в XI–XII вв. и приписывавшегося Ярославу Мудрому. В краткой редакции Устава Ярослава указывается, что если кто-то словом оскорбил женщину, то «буде городцких людии, за сором еи 3 гривны серебра, а епископу 3 гривны серебра; а селских

[38] ПСРЛ. Т.Х. СПб., 1885. С.288.

[39] Там же. Т.XV. Вып.1. Стб.65.

[40] ДДГ. № 11. С.32; № 30. С.77, 80; № 36. С.102,104; № 66. С.214.

[41] ПСРЛ. Т.VI. СПб., 1853. С.99, 100, 103.

[42] Там же. Т.XXV. М.; Л., 1949. С.323; Т.IV. Ч.I. Вып.2. М., 1925. С.412.

[43] ДДГ. № 11. С.32.

людии – за сором еи гривна серебра, а епископу гривна серебра»[44]. Честь жены горожанина ценилась в три раза выше, чем честь жены сельского жителя. С другой стороны, из среды горожан еще четко не выделялись богатые купцы, состоятельные ремесленники и простой городской люд. Показательно, что редакция Устава Ярослава, куда включена статья, свидетельствующая об особом статусе горожан, возникла в Москве в 40–60-е гг. XIV в.[45] Очевидно, годы «тишины великой» способствовали не только экономическому подъему Москвы, развитию здесь ремесла и торговли, но и социальной консолидации свободного городского населения, выработке правовых норм, которые отличали его от жителей сельской округи.

В 30–50-е гг. XIV в. Москва полнилась не только разного рода ремесленниками и торговыми людьми. К московским князьям, бывшим одновременно и великими князьями владимирскими, приезжали служить знатные выходцы из соседних стран. Они появлялись в Москве в сопровождении военных слуг и дворни. Так, в 1345 г. к Симеону Гордому приехал из Литвы со своей дружиной сын Гедимина князь Евнутий, который принял православие и остался в Москве.

Мирные 1328–1368 гг., в которые жила Москва и за которые выросло целое поколение москвичей, не видевших врагов ни под своими стенами, ни даже в отдаленных окрестностях, тем не менее не обходились без больших потрясений.

8. ГОРОДСКИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Весной 1347 г. москвичам пришлось иметь дело с невиданным до тех пор весенним половодьем. А в начале 1353 г. в Москву пришла «черная смерть». То была пандемия легочной чумы, начавшаяся в Китае, захватившая Индию, перекинувшаяся на Кавказ, Ближний Восток и Северную Африку. Генуэзские корабли, бороздившие Средиземное море, перенесли болезнь в Италию, и она стала поражать все страны Европы. Оттуда пандемия чумы распространилась и на русские земли. Первым от нее в 1352 г. пострадал Псков. Через несколько месяцев чума дошла до Москвы. 11 марта 1353 г. от нее скончался глава русской церкви митрополит Феогност. На одной неделе с митрополитом умерли два младших сына великого князя Симеона Гордого Иван и Семен, а еще через несколько недель скончался и сам великий князь. Прошло немногим более месяца, и чума унесла жизнь младшего сына Ивана Калиты, Андрея.

Придворный московский летописец, описывавший жизнь верхов тогдашнего общества, ничего не рассказал о том, что происходило с простыми москвичами. А они, жившие в гораздо худших условиях, чем великокняжеская семья и митрополит, страдали от мора значительно сильнее. Псковский летописец, первым из русских людей рассказавший о последствиях чумной пандемии, дал яркую картину постигшей народ беды: «мряху бо люди, мужи и жены, старыя и младыя и малыя детки, и попове, и черньцы, и черницы... негде уже бяше погребати умерших, все бо могылье вскопано бяше... Тогда бяше многъ плач зело и лютое кричание съ горким рыданием»[46]. С известными оговорками эта картина страданий и гибели людей, опустошения города приложима и к Москве. Ведь из 16 живших к 1353 г. членов московской княжеской фамилии, считая и женщин, от чумы погибло четверо. Даже если такие пропорции распространить на все население Москвы, то и тогда смертность горожан должна была достигнуть 25%. Перед эпидемиями население средневековой Москвы оказывалось более беззащитным, чем перед военными нападениями. Моровые поветрия были настоящим бичом для горожан, после них городская жизнь восстанавливалась долго и трудно.

Смерть в 1353 г. от легочной чумы старшего и младшего сыновей Ивана Калиты привела к тому, что московским князем, а вскоре и великим князем владимирским стал второй сын Ивана Даниловича Иван – единственный взрослый мужчина в овдовевшем и осиротевшем московском княжеском доме. Власть, таким образом, перешла в руки боковой ветви московских Даниловичей. Хотя Иван Красный прокняжил сравнительно недолго, шесть с половиной лет (умер 13 ноября 1359 г.), он успел отнять у вдовы Симеона Гордого великой княгини Марии Александровны львиную долю завещанных ей мужем владений и распределить их между своими двумя сыновьями Дмитрием и Иваном и женой Александрой. Большая их часть после смерти отца досталась старшему Дмитрию, которому в год отцовой кончины исполнилось всего девять лет. В этом возрасте он и стал московским князем.

Правление Дмитрия, будущего Донского, продолжалось почти тридцать лет и имело много самых разнообразных последствий для Москвы. Однако одна черта деятельности Дмитрия сказалась на развитии города особенно заметно. Дмитрий много и упорно воевал. Войны и походы, иногда кончавшиеся без кровопролития, но, как правило, после упорных столкновений и жестоких боев, заняли у него шестнадцать лет, т.е. более половины его правления. И это не считая времени на подготовку к ним. Войны ставили в напряженные условия существования подвластные Дмитрию земли

[44] Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С.113, 119, 123.

[45] *Щапов Я.Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI–XV вв. М., 1972. С.240–243.

[46] Псковские летописи. Вып.I. М.; Л., 1941. С.21–22.

[47] *Кучкин В.А.* Из литературного наследия Пахомия Серба // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С.247, 248.

[48] ПСРЛ. Т.XV. Вып.1. Стб.66, 68; *Кучкин В.А.* Указ.соч. С.247; *Федоров-Давыдов Г.А.* Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т.1. М., 1960. С.133, 134, 136, 137, 145, 153.

[49] ПСРЛ. Т.XV. Вып.1. Стб.79.

и города. И Москва не явилась исключением. Для нее кончился тот период «тишины великой», о которой написал, обобщая течение московской жизни, летописец под 1328 г. Москва попала в полосу военных осад и разгромов – прямое следствие той внешней политики, которую проводил московский князь в 60–80-е гг. XIV в. Вместе с тем возросшее могущество Дмитрия Донского позволяло городу залечивать раны и развиваться дальше. Впрочем, с момента посажения Дмитрия на московский стол и до первого появления неприятеля под стенами Москвы прошло почти девять лет, и за это время в Москве произошло несколько заслуживающих внимания событий.

9. МОНАСТЫРИ В КРЕМЛЕ И ЗА КРЕМЛЕМ

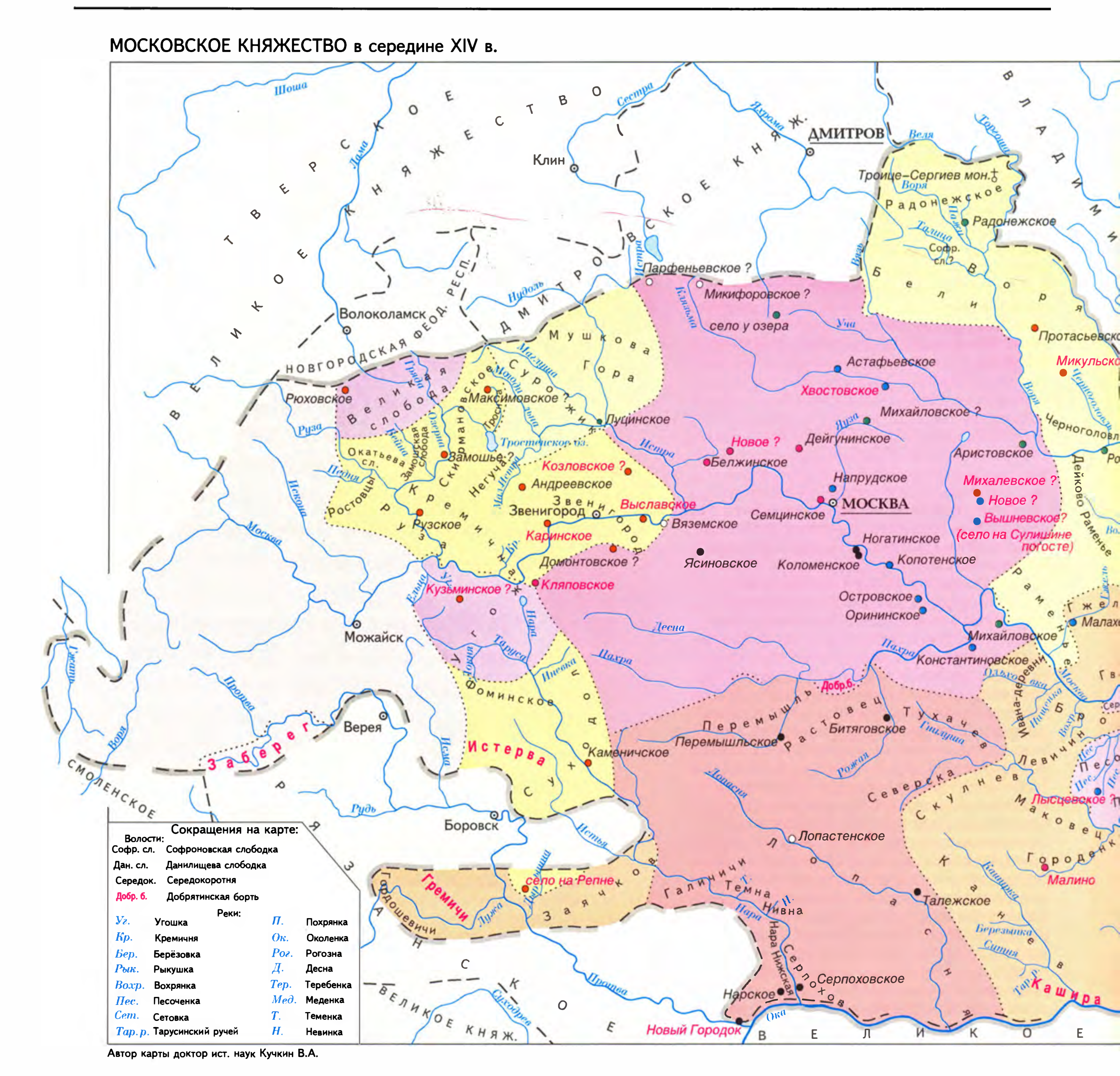
Одно из таких событий имело место несколько раньше, в последние годы жизни отца Дмитрия, Ивана Красного. Как свидетельствует Житие митрополита Алексея, последний основал на восток от Кремля Спасский монастырь[47]. Монастырь этот был обетным, т.е. построенным по обещанию в память благополучного исхода плавания митрополита Алексея по Черному морю. Корабль, на котором находился Алексей, сумел выдержать бурю и благополучно пристал к берегу. Это случилось 16 августа. В тот день праздновалось перенесение Нерукотворенного образа Иисуса Христа из Едессы в Константинополь, поэтому московский монастырь и стал называться Спасским. Морское путешествие из Константинополя на Русь митрополита Алексея имело место в 1356 г. Спасский монастырь был основан Алексеем после его поездки к ордынскому правителю Бердибеку и при московском князе Иване Ивановиче. Бердибек занимал ханский стол с лета 1357 г. по 1359 г. включительно. После 6 января 1359 г. митрополит Алексей покинул Москву и отправился в западные епархии Русской митрополии, где пробыл до 1360 г.[48] Следовательно, Спасский монастырь он мог основать только в 1358 г. По имени первого настоятеля Андроника монастырь впоследствии стал называться Спасо-Андрониковым.

Семь лет спустя митрополит Алексей основал новый монастырь, на сей раз в Кремле. В 1365 г. была заложена каменная церковь в честь чуда Михаила Архангела в Хонях, в один сезон построена и освящена[49]. Так было положено начало кремлевскому Чудову монастырю.

Под 1393 г. Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского» поместил выписку из летописи о кончине Алексеевской игуменьи Ульяны, которая была «от града Ярославля», монашествовала «лет боле 30» и была «общему житью женскому начальница»[50]. Такое сообщение отсутствует в известных в настоящее время летописных сводах. Скорее всего, оно было заимствовано Н. М. Карамзиным из утраченной в 1812 г. пергаменной Троицкой летописи. Троицкая летопись – московская по своему происхождению. Точная запись о кончине игуменьи женского монастыря может относиться только к московской настоятельнице. Речь, судя по определению «Алексеевская», идет о начальнице московского женского Алексеевского монастыря, располагавшегося на месте храма Христа Спасителя. То, что

Слово о житии Дмитрия Ивановича, царя русского. Список XVI в. БАН

[50] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т.V. М., 1993. С.317.

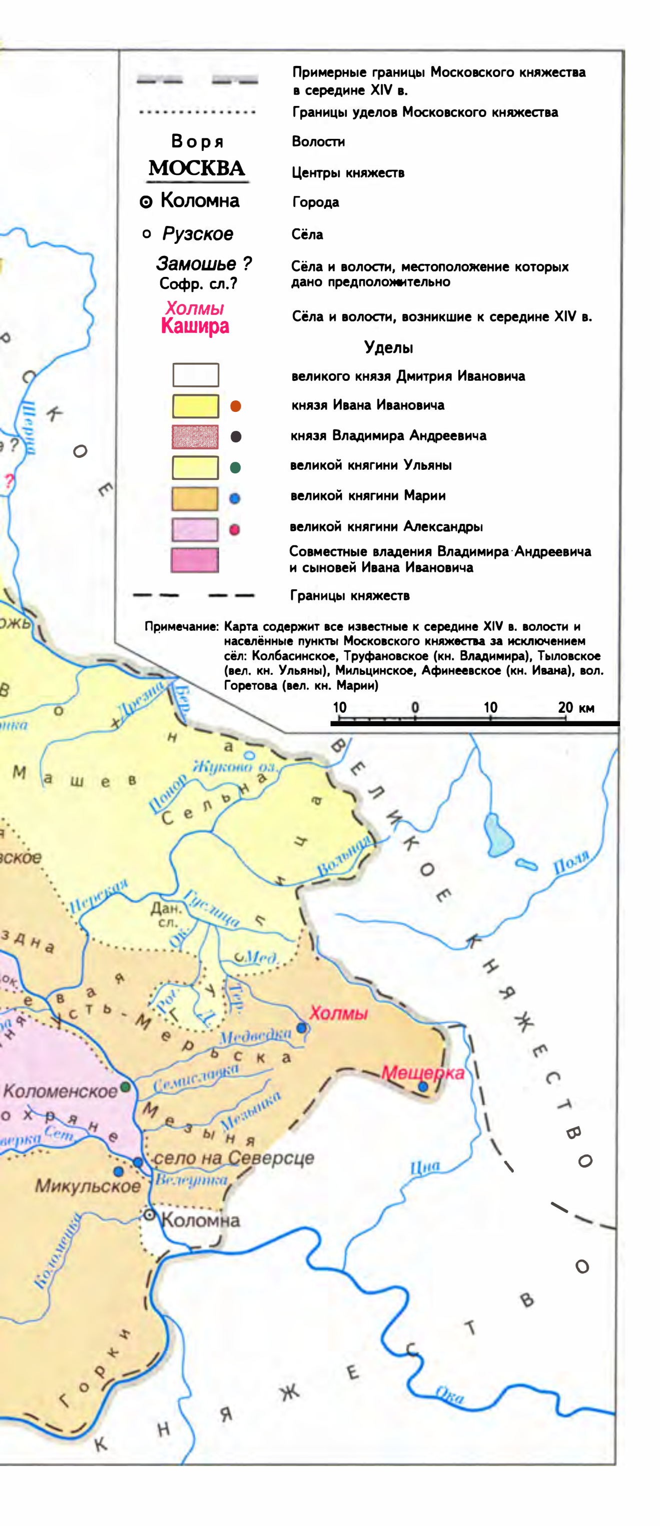

Автор карты доктор ист. наук Кучкин В.А.

Ульяна чернечествовала тридцать лет, свидетельствует о создании этого монастыря около 1363 г. Возможно, он также был основан с одобрения митрополита Алексея, но не его родной сестрой, как гласит позднее предание[51], а его сестрой духовной, родом из Ярославля, как сообщает ранняя летописная запись. Однако не только успехами в основании новых монастырей может быть отмечена первая половина 60-х гг. XIV в. в истории Москвы.

В 1364 г. на русские земли вновь вернулась чумная болезнь. На сей раз она пришла с юго-востока, по Волге. На протяжении трех лет ею были охвачены нижегородские, коломенские, переяславские и, наконец, московские земли. Теперь московский летописец мог наблюдать течение болезни в деталях, и он, как и псковский летописец в 1352 г., не пожалел места и красок, чтобы оставить потомкам описание страшного мора и его последствий. «А болесть была такова:

[51] *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб.225.

преже какъ рогатиною ударитъ за лопатку или противу сердца подъ груди, или промежи крилъ, и разболиться человекъ и начнетъ кровию хракати, и огнъ разбиеть и по семъ потъ, потомъ дрожь иметь, и тако въ болести полежавъ, овии день единъ поболевше умираху, а друзии два дни, а иннии 3 дни... Увы мне! Како могу сказать беду ту грозную и тугу страшную, бывшую въ великыи моръ, како везде туга и печаль горкаа, плачь и рыдание, крикъ и вопль, слезы неутешимы. Плакахуся живии по мертвыхъ, понеже умножися множество мертвыхъ: и въ градехъ мертвые, и въ селехъ, и въ домехъ мертвые, и во храмехъ и у церквеи мертвые. Много же мертвыхъ, а мало живыхъ...»[52]. По-видимому, от этой болезни в конце 1364 г. умерли мать Дмитрия Ивановича – Александра и его младший брат, князь Иван. Еще больше от мора пострадали простые москвичи. Умерших было столько, что приходилось погребать по нескольку человек в одну могилу. Кладбищ не хватало, и хоронили на пустырях. Во дворах оставалось по одному-два человека, «а инде же,– писал летописец,– единъ детищь остася, а инде мнози дворы пусты быша»[53].

10. ВЕЛИКИЙ ПОЖАР 1365 г.

На следующий год после эпидемии в Москве случился грандиозный пожар. Он вспыхнул в летний знойный день, когда стояла засуха, было мало воды и на город неожиданно налетел шквальный ветер. Буря разносила головни и даже горящие бревна. Люди гасили пожар в одном месте, а огонь вдруг возникал не рядом, а через десяток дворов. Тушить пожары не успевали, испепелялись не только жилые и хозяйственные постройки, но и находившееся в них имущество. «И тако въ единъ часъ или въ два часа весь градъ безъ останка погоре»,– констатировал летописец. И добавлял: «Такова же пожара преже того не бывало, то ти словеть великы пожаръ, еже отъ Всехъ Святыхъ»[54]. «Всех Святых» – название церкви. В летописном своде 1479 г. (и производных от него) встречается указание на местоположение этой церкви. Пожар начался «от Всех Святыхъ сверху от Черторьи, и погоре посад весь и Кремль и Заречье»[55]. Историки Москвы, излагавшие происшествия городской жизни XIV в., как правило, основывались на этой фразе, рассказывая о великом пожаре 1365 г. Их подкупала та топографическая определенность, которая содержится в поздних летописных источниках. Речка (или ручей) Черторый впадала в Москву слева, примерно в районе храма Христа Спасителя. Для человека, жившего в Кремле, то был район верхнего течения р. Москвы, поэтому он и написал «сверху». Однако более раннее летописное описание великого пожара содержит несколько иные подробности: пожар начался оттого, что «загоресся церковь Всехъ Святыхъ, и отъ того погоре весь градъ Москва, и посадъ, и Кремль, и Загородие, и Заречие»[56]. Указание на местоположение церкви Всех святых в этом известии отсутствует, а среди пострадавших от пожара частей города дополнительно назва-

[52] ПСРЛ. Т.XV. Вып.1. Стб.76, 77.

[53] Там же. Стб.77.

[54] Там же. Стб.80.

[55] Там же. Т.XXV. С.183.

[56] Там же. Т.XV. Вып.1. Стб.80.

но Загородие. Что же называлось в 1365 г. посадом, Заречьем и Загородьем? Легче всего определяется положение Заречья. Это территория по правому берегу Москвы-реки против Кремля. Когда в ночь с 9 на 10 сентября 1479 г. в Кремле начался пожар, его не увидели с Кремлевского холма, но увидели люди «из Заречья», стали кричать «град горитъ», однако спавшие обитатели Кремля их так и не услышали и поплатились большими убытками от огня. Загородье также упоминается в летописных известиях XV в. Описание еще одного кремлевского пожара, на сей раз 1474 г., сообщает о том, что митрополит Филипп после пожара вернулся в Успенский собор «из Загородиа», поскольку спасался от беды в монастыре Николы Старого[57]. Отсюда можно заключить, что этот монастырь находился в Загородье. Местоположение Никольского монастыря хорошо известно. Он дал название современной Никольской улице и стоял в ее середине. Что касается посада, то самые ранние сведения о нем с топографическими ориентирами, позволяющими судить о его местоположении, относятся к XV в. и указывают на церковь Николы Мокрого, стоявшую на Великой, или Большой улице, Острый конец, Васильевский луг, Варьскую (Варварскую) улицу[58]. Речь идет о прилегающей к р. Москве территории восточнее Кремля, доходившей до современного Китайского проезда. Таким образом, посад и Загородье – части позднейшего Китай-города, второй по времени московской крепости.

Если теперь, зная расположение московских районов, пострадавших от великого пожара 1365 г., попытаться дать картину его распространения, то по данным Московского летописного свода 1479 г. получается следующее. Пожар начался в районе Черторья (Чертолья) на левом берегу р. Москвы. Далее от него пострадал посад, т.е. территория по тому же левому берегу р. Москвы, но не выше, а ниже Кремля. Затем пожар захватил обойденный было Кремль и поразил Заречье.

По более раннему описанию пожара 1365 г. картина получается иной. Пожар начался от церкви Всех святых, распространился на посад, захватил Кремль, перешел на Загородье, т.е. более отдаленную от реки часть будущего Китай-города, и перенесся через р. Москву (возможно, по деревянным мостам) в Заречье. Если по описанию 1479 г. пожар распространился сначала вниз по р. Москве, а потом вверх по ней, то по раннему описанию пожар последовательно охватывал части города вверх по р. Москве, поражая все более обширную площадь. Становится очевидным, что раннее описание великого пожара более точное и что поясняющее замечание в своде 1479 г. о местоположении церкви Всех святых – «сверху от Черторьи» – не более как позднейшая вставка, притом недостоверная.

Редактируя известие 1365 г. в своем источнике, сводчик 1479 г., по-видимому, помнил о большом московском пожаре 1475 г., когда в полночь 12 сентября начался пожар за р. Неглимной на посаде между церквами Николы и Всех святых, от которого сгорело много дворов и обе названные церкви[59]. Речь идет о церкви Всех святых на Черторье, именно она стояла «за Неглимною». Поэтому, встретив упоминание церкви Всех святых в рассказе о пожаре 1365 г., летописец XV в. решил, что речь идет о той самой церкви, которая сгорела при нем в 1475 г., и дал в своем своде соответствующее пояснение. И ошибся. На самом деле в рассказе 1365 г. речь идет о церкви Всех святых не на Черторье, а на Кулишках. Только в этом случае делается понятным развитие описанного в раннем московском летописании великого пожара, последствия которого так поразили современников. В то же время выясняется, что известная московская церковь Всех святых на Кулишках – более древняя, чем предполагали до сих пор, ее строительство и посвящение были связаны не с памятью погибших в Куликовской битве 1380 г., как до сегодняшнего дня считают москвичи, а с существовавшей здесь пристанью при слиянии Яузы и Москвы, где останавливались плавявшие по этим рекам суда и съезжалось много народа. Пристанище на устье р. Яузы фиксируется завещанием вдовы Владимира Андреевича, сподвижника Дмитрия Донского, княгини Елены 1433 г.[60]

11. СТРОИТЕЛЬСТВО КАМЕННОГО КРЕМЛЯ

Великий пожар нанес столь большой урон городу, что сделал его необороноспособным. Однако немедленно приступить к восстановлению крепостных сооружений в погоревшей и опустошенной от эпидемии Москве было трудно. Не хватало ни средств, ни людей. И все же через полгода, в начале 1366 г., князь Дмитрий Иванович «погадавъ съ братомъ своимъ съ княземъ съ Володимеромъ Андреевичемъ и съ всеми бояры стареишими и сдумаша ставити городъ каменъ Москву»[61]. Ни при подготовке к Куликовской битве, ни при организации обороны Москвы от нашествия Тохтамыша в 1382 г., ни при выборе после смерти митрополита Алексея в 1378 г. кандидата на стол митрополии всея Руси Дмитрий Иванович, насколько можно судить по древним описаниям этих важнейших событий, не советовался с кня-

[57] ПСРЛ. Т.XXV. С.326, 300.

[58] Там же. С.281; АСВР. Т.III. М., 1964. № 12. С.28.

[59] ПСРЛ. Т.XXV. С.304.

[60] ДДГ. № 28. С.72.

[61] ПСРЛ. Т.XV. Вып.1. Стб.83.

зем Владимиром Андреевичем и своими старейшими боярами. Это было сделано только перед возведением каменной крепости в Москве. Предварительное обсуждение строительства было необходимо не только потому, что дело шло о создании невиданных дотоле во всей Северо-Восточной Руси оборонительных сооружений, но и потому, что средства на строительство должны были дать князь Владимир и бояре. Одной казны великого князя было недостаточно.

И работы начались. Той же зимой 1366 г. в Москву повезли камень. Залежи белого известняка известны в Подмосковье в районе с. Мячково и близ р. Пахры, в нескольких десятках километров от Москвы. Строительство Кремля потребовало напряженных усилий не только москвичей, но и жителей сел Московского княжества, а быть может, и населения всех владений князей Дмитрия и Владимира. Летопись не сообщает, когда закончилось возведение каменных стен в Москве. Но судя по тому, что, осадив Москву в конце ноября 1368 г., литовский князь Ольгерд взять ее так и не смог, к тому времени Кремль был построен. По площади он стал обширнее старого Кремля времен Ивана Калиты и лишь немного уступал Кремлю современному. Возведение в течение 1366–1368 гг. такой крепости, несомненно, оказалось возможным благодаря техническим знаниям московских строителей и их упорному труду.

К сожалению, отсутствуют сведения о числе башен и проездных ворот Кремля времен Дмитрия Донского. Более поздние источники XV в. свидетельствуют о существовании кремлевских Никольских ворот (первое упоминание – 1446 г.), Боровицких (1461), Тимофеевских (1476), Чешковых (1485), Фроловских (1490)[62]. По-видимому, этим количеством и ограничивалось число ворот в первоначальной московской каменной крепости. Трое ворот располагались на восточной стороне Кремля, они соединяли собственно город с посадом и Загородьем, которые, как указывалось выше, находились к востоку от Кремля; одни ворота выходили к р. Москве и одни ворота – к р. Неглимне. Такое расположение ворот типично для русских средневековых крепостей: большинство ворот выходило на напольную часть города, которая и застраивалась вместе с крепостью. В то же время наличие неодинакового количества ворот в восточной, южной и западной стенах Кремля косвенно свидетельствует о топографии и интенсивности застройки Москвы вне кремлевских стен. Очевидно, что в XIV в. будущий Китай-город был заселен гораздо плотнее, чем Занеглименье или Заречье (Замоскворечье).

Двое ворот получили свое название, скорее всего, по надвратным церквам, соответственно в честь Николая Мирликийского и Фрола и Лавра; одни – Боровицкие – по местности, как считали в XV в.– шумевшему в юго-западном углу Кремля густому бору[63]; еще одни ворота – по имени Тимофея Васильевича Вельяминова. Двор этого окольничего Дмитрия Донского находился поблизости от Тимофеевских ворот, но, скорее, свое название эти ворота получили не в связи с тем, что недалеко от них жил Т. В. Вельяминов, а потому, что он вложил свои средства в строительство шедшей от р. Москвы восточной части кремлевской стены. Впрочем, возможно и иное объяснение названия этих ворот. В средневековье часто за определенными лицами или за жителями определенных местностей закреплялись участки крепости, которые они должны были поддерживать в боевом состоянии. Возможно, что за Т. В. Вельяминовым был закреплен такой участок кремлевской стены, который включал самые близкие к р. Москве восточные ворота. Чешковы ворота также названы по имени исторического лица. Боярин Даниил Чешко упоминается в 1425 г. в качестве посла князя Юрия Дмитриевича к великому князю Василию Васильевичу[64]. По-видимому, отец Даниила в свое время был боярином отца Юрия, Дмитрия Донского.

Все ворота были прорезаны в башнях. Башня при Тимофеевских воротах, которые с 80-х гг. XV в. получили и второе название – Константино-Еленинских (по построенной вблизи от них внутри Кремля церкви Константина и Елены), постепенно вытеснившее первое, башня при Боровицких воротах, Фроловская и Никольская башни, а также Свибловская башня упоминаются в летописании конца XV в.[65] Обращает на себя внимание название последней башни. Свибло – прозвище видного боярина и полководца Дмитрия Донского, Федора Андреевича. О дворе Ф. А. Свибло в этой части Кремля нет сведений, поэтому остается думать, что башня получила свое название или потому, что воздвигнута на средства Ф. А. Свибло, или потому, что ему было поручено поддерживать ее боевое состояние. Быть может, таково же происхождение названия Беклемишевой башни, фиксируемой источниками уже не XV в., а более позднего времени. Федор Елизарович Беклемиш жил во второй половине XIV в. и имел владения в Московском княжестве[66].

Построенный в 1366–1368 гг. белокаменный Кремль просуществовал 123 года, когда в 1490 г. миланский строитель крепостей Пьетро Антонио Солари приступил к возведению новых кремлевских стен, на сей раз из кирпича. Красный Кремль существует уже более 500 лет, но в народе навсегда осталось представление о Москве как о белокаменной, настолько сильно поражал Кремль

[62] ПСРЛ. Т.XXV. С.268, 277, 304; Т.VI. С.237; Т.XXVII. М.; Л., 1962. С.358; Т.XVIII. С.274.

[63] Там же. Т.XVIII. С.214.

[64] Там же. Т.XXV. С.247.

[65] Там же. С.331, 332.

[66] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С.455, 456.

Богоматерь Донская. Конец XIV в. (1392? 1395?). ГТГ

Дмитрия Донского своим видом современников и потомков. Действительно, то было монументальное сооружение из белого камня, обширное по размерам и для своего времени совершенное в военном отношении. За все время существования белокаменного Кремля его никому не удавалось взять военной силой.

12. КНЯЗЬ ДМИТРИЙ НАЧИНАЕТ БОРЬБУ

Возведя каменную крепость, московское правительство почувствовало себя надежно защищенным от военных нападений и осад возможных врагов и поэтому приступило к активным действиям против соседей. Враждебно настроенный к Москве тверской летописец сопроводил известие о начале строительства каменного Московского Кремля следующим комментарием: «Того же лета на Москве почали ставити городъ каменъ, надеяся на свою на великую силу, князи Русьскыи начаша приводити въ свою волю, а которыи почалъ не повиноватися ихъ воле, на тыхъ почали посягати злобою»[67]. Летом 1366 г. князь Дмитрий вмешался во внутренний конфликт тверских князей, стремясь поддержать своего союзника, кашинского князя Василия. Оказанная ему военная помощь в итоге привела к столкновению крупнейших государств Восточной Европы. В длившейся шестнадцать лет борьбе с могущественными врагами Москва сильно пострадала.

В ноябре 1368 г. город подвергся неожиданному нападению литовского великого князя Ольгерда, которому помогали тверской и смоленский князья. Искусный полководец, который не столько «силою, елико умениемъ воеваше» (по характеристике современного ему русского летописца), Ольгерд скрытно подвел свое большое войско к юго-западным границам Московского княжества. Дмитрий Иванович поздно узнал об этом. И хотя во все города его великого княжения срочно отправились гонцы с грамотами о сборе войска, рати собраться так и не успели. 21 ноября Ольгерд разгромил наспех составленный московский сторожевой полк и через несколько дней подошел к Москве. Там, за новыми каменными стенами, укрылись 18-летний князь Дмитрий, 15-летний князь Владимир, уже бывший в почтенных годах митрополит Алексей, видные бояре, жители города и окрестных сел. Предстояла осада, готовились и к отражению приступов литовского войска. Чтобы лишить Ольгерда материала для строительства настилов при штурме крепости, Дмитрий приказал сжечь дворы на посаде около Кремля. Ольгерд осаждал Кремль три дня и три ночи. Он сжег остаток Загородья, уничтожил огнем многие церкви и монастыри, но крепости взять не смог. Уведя с собой много пленных, угнав скот и обогатившись награбленным имуществом, литовцы и их русские союзники ушли восвояси. Московский летописец горестно написал, что «преже того толь велико зло Москве отъ Литвы не бывало въ Руси»[68].

Через два года события повторились. Снова Ольгерд с братьями и сыновьями, тверским князем Михаилом Александровичем и смоленским князем Святославом Ивановичем вторглись в пределы Московского княжества. На сей раз они шли с запада, со стороны Волока Ламского. Попытка взять этот город с ходу Ольгерду не удалась, и он, оставив его в тылу, поспешил к Москве. Под ее стенами он оказался 6 декабря 1370 г. Теперь умудренные прошлым московские власти действовали более хладнокровно и расчетливо. В осаду сел великий князь. Его брат Владимир с военными силами расположился между ре-

[67] ПСРЛ. Т.XV. Вып.1. Стб.84.

[68] Там же. Стб.90.

ками Пахрой и Мочей, куда к нему вскоре подошли пронские и рязанские полки. Ольгерд, имея опыт войны 1368 г., осаждал Москву уже не три, а восемь дней. Он, как и два года назад, пожег посад и Загородье (очевидно, что эта часть Москвы за короткий срок сумела отстроиться), но снова «города Кремля не взя»[69]. Узнав, что к князю Владимиру подоспела помощь, и помня, что в тылу остался непокоренный Волок Ламский, Ольгерд начал переговоры о мире. Стороны договорились о перемирии на полгода – до 29 июня 1371 г. Когда в 1372 г. Ольгерд в третий раз пошел походом на Москву, то москвичи, извлекшие уроки из военных действий 1368 и 1370 гг., встретили его далеко от Москвы в порубежных местах[70]. Третьей осады Москвы они не допустили.

Серьезное беспокойство пришлось испытать москвичам в 1375 г. 17 сентября 1374 г. умер воспитатель Дмитрия, будущего Донского, Василий Васильевич Вельяминов. Его похоронили в фамильном Богоявленском монастыре напротив Кремля. В. В. Вельяминов занимал высокую должность при великокняжеском дворе – был московским тысяцким. В отсутствие московского князя в руках тысяцкого сосредоточивалась вся гражданская и военная власть. Должность тысяцкого была наследственной, и когда умер В. В. Вельяминов, московским тысяцким рассчитывал стать его старший сын Иван. Но к середине 70-х гг. XIV в. подвластные Москве земли увеличились более чем втрое. Власть тысяцкого распространилась на новые территории, и московский тысяцкий стал могущественнее многих русских князей. Это представляло опасность и для членов московского княжеского дома. Поэтому великий князь Дмитрий пошел на упразднение должности тысяцкого, что стало крупной реформой в управлении Москвой. Разобиженный Иван Васильевич Вельяминов вместе с поддержавшим его богатым и влиятельным купцом Некоматом, торговавшим с Ордой и итальянскими колониями в Крыму, в феврале 1375 г. бежал из Москвы к сопернику Дмитрия – тверскому князю Михаилу Александровичу. Тот решил воспользоваться разладом между московским великим князем и его знатным боярином и послал Некомата к Мамаю за ярлыком на Владимирское великое княжение. Сам Михаил Александрович отправился договариваться о совместных действиях к Ольгерду. 13 июля Некомат вернулся из Орды с желанным для Михаила ярлыком. Тверской князь немедленно отправил в Москву послов с объявлением войны. Жители города должны были готовиться к наихудшему: появлению под стенами их крепости объединенной тверско-литовско-ордынской рати. Этого, однако, не произошло.

Получив известие о расторжении мира, московский князь Дмитрий немедленно направил гонцов к союзным князьям с призывом выступить в поход против вошедшего в соглашение с Мамаем тверского князя. Из разных городов к Москве спешно стали стягиваться рати. В походе против Твери приняли участие 12 из 15 правивших тогда в Северо-Восточной Руси князей, а также князья новосильский, оболенский, тарусский, брянский, один из смоленских князей, позднее подошли новгородцы. Уже 1 августа 1375 г. объединенные силы под командованием великого князя Дмитрия взяли тверской город Микулин, а еще через месяц тверской князь вынужден был капитулировать. Москва праздновала крупную победу. Единение русских сил в 1375 г. стало генеральной репетицией перед ожесточенной борьбой с Ордой в последующие годы.

Такое единение было продемонстрировано еще раз в грозном 1380 г., когда в конце июля – начале августа в Москве стало известно о движении на русские земли крупных военных сил ордынского правителя Мамая. Уже к середине августа великий князь Дмитрий сумел сосредоточить в столице большие силы. Оставив часть полков в городе, он выдвинулся с остальными к Коломне, крепости, прикрывавшей Москву с юга,

[69] ПСРЛ. Т.XV. Вып.1. Стб.94.

[70] Там же. Стб.94, 95, 103, 104.

Куликовская битва. 1380 г. Миниатюра. Конец XIV в.

со стороны Орды. Узнав, что Мамай еще не начал военных действий, Дмитрий 20 августа вывел полки из Коломны и пошел на запад вдоль Оки к устью Лопасни. Здесь он дождался подхода дополнительных отрядов из Москвы и вместе с ними, перейдя 26–27 августа Оку, двинулся на встречу с Мамаем к р. Непрядве. Но и Москва не осталась беззащитной. Там, в Кремле и за его пределами, под командованием знаменитого Ф. А. Свибло расположилось несколько русских полков, готовых к отражению нападения татар или литовцев.

Однако большинство москвичей находилось на Куликовом поле. Они составили костяк великого полка русской рати, который принял на себя основной удар конницы Мамая и не дрогнул, хотя и понес большие потери. Из москвичей, как можно судить по его воеводам, был составлен и засадный полк, решивший исход Куликовской битвы. Победа в Донском побоище, как назвали битву современники, нанесла смертельный удар государству Мамая, которое уже осенью 1380 г. перестало существовать, окончательно покоренное Тохтамышем. Она изменила всю политическую ситуацию в Восточной Европе в пользу Москвы, добившейся в 1380–1381 гг. присоединения новых земель, резкого роста дружественных настроений в до этого почти постоянно враждебной Литве. Но блестящая победа вскоре была омрачена.

13. ВЗЯТИЕ МОСКВЫ ТОХТАМЫШЕМ

Новый сарайский хан Тохтамыш, воссоединивший в 1380 г. под своей властью восточную и западную (прежнее государство Мамая) части Золотой Орды и стремившийся упрочить господство над русскими землями, во главе громадного войска, набранного в заволжских пределах своего государства, в августе 1382 г. двинулся на Москву. Принимая все меры предосторожности, чтобы в Москве раньше времени не узнали о нападении, татарская конница стремительно шла вперед. Когда Дмитрию Донскому все-таки стало известно о приближении Тохтамыша, было уже поздно. Войска из других городов не успевали собраться и прийти на выручку Москве. Великий князь вынужден был спешно покинуть столицу и вместе с семьей укрыться в Костроме. Князь Владимир Андреевич подался на западные окраины Московского княжества. Митрополит Киприан отъехал в Тверь, а коломенский епископ Герасим, исполнявший до мая 1381 г. должность митрополичьего местоблюстителя, отбыл в Новгород Великий. Следом за князьями и церковными иерархами потянулись бояре, настоятели монастырей, богатые москвичи.

В городе, по воспоминаниям московского церковника, правда, записанным лет через сорок после случившегося, начались волнения и беспорядки. В Кремль стекались люди из других частей города, сбегались жители окрестных сел, взяв с собой все, что можно было унести, а из Кремля спешили уехать подальше его сановные обитатели. Чувствуя, что его бросают на произвол судьбы, простой народ взволновался. Ударили в колокола, люди «сташа суймомъ» и вопреки настроениям «бояръ великыхъ» постановили не выпускать никого из крепости[71]. На всех проездных башнях была поставлена стража, которая бомбардировала камнями обозы отъезжавших, а на земле бегству препятствовали бойцы с оружием в руках. И хотя не обошлось без своеволия и грабежа (люди заходили в брошенные боярские дворы, добирались до богатых медуш и погребов, напивались хмельным медом и впадали в воинственный кураж), паника была остановлена. Приезд в город князя Остея, внука литовского великого князя Ольгерда и, по-видимому, сына Андрея Ольгердовича, взявшего командование собравшимися в Кремле людьми на себя, разрядил обстановку.

Между тем Тохтамыш, пройдя югом Нижегородского княжества и напугав его правителя, тестя Дмитрия Донского, князя Дмитрия Константиновича до такой степени, что тот по собственной воле направил к ордынскому хану с выражением покорности двух своих сыновей – Василия и Семена, подошел к границам Рязанского княжества. Рязанский князь Олег Иванович провел Тохтамыша вдоль границ своих владений и указал ему броды через р. Оку, по которым татарская конница вышла на левый берег реки. С ходу татары взяли Серпухов и сожгли его. 23 августа их передовые отряды появились под стенами Кремля. Осажденные, увидев сравнительно небольшое ордынское войско, приободрились. «Такой твердый град имеем,– говорили они,– стены каменные, а врата железные. Не смогут татары долго под городом стоять, они будут опасаться бойцов, которые внутри города, и наших князей, которые соединятся и придут на помощь». Татары внимательно со всех сторон осматривали крепость, подходы к ней, ворота, рвы, каменные стены и стрельницы. Защитники города не позволяли им приблизиться вплотную, поражая осаждавших из луков и самострелов. В ответ татарские конники осыпали москвичей дождем стрел, очень метко стреляя с обеих рук на скаку. Им удалось убить и ранить немало русских бойцов. Но и русские стрельцы не оставались в долгу. Некий суконник Адам, приметив среди ордын-

[71] ПСРЛ. Т.VI. С.99.

ских всадников знатного татарина, хорошенько прицелился из самострела и наповал убил его в грудь.

Когда татары пробовали подтянуться к Кремлю, приставляя лестницы и пытаясь взобраться на стены, в них летели камни, лилась кипящая вода, открывали огонь тюфяки и пушки, и татары отступали. Так продолжалось три дня. На четвертый день к кремлевским воротам с большими предосторожностями подъехала группа всадников. Это были знатные ордынские вельможи, советники хана Тохтамыша, а с ними шурины Дмитрия Донского, нижегородские князья Василий и Семен Дмитриевичи. Подъехавшие вступили в переговоры с осажденными москвичами. Татарские князья объяснили, что хан пришел с войной не на горожан, а на Дмитрия Донского, а поскольку в городе его нет, то и о войне нет речи. Тохтамыш хочет жаловать своих людей – москвичей и ничего от них не требует, кроме оказания ему, хану, почести. Он просит, чтобы его встретили у городских ворот с честью и дарами и чтобы во главе встречавших находился князь Остей. Хан побудет в Кремле, ознакомится с крепостью и с миром уйдет. Татарским князьям вторили русские. «Верьте нам,– говорили Василий и Семен,– мы ваши христианские князья, мы подтверждаем слова татар и клянемся в их правдивости».

Защитники города решили, что уверения и клятвы противной стороны искренни. Они собрали большую делегацию во главе с князем Остеем для почетной встречи хана. Ворота города отворились, и пышная процессия вышла из крепости. Впереди шел князь Остей, за ним с иконами и крестами шествовали настоятели монастырей и протопопы кремлевских церквей, далее не успевшие уехать из Москвы бояре и богатые горожане. Но как только делегация вышла из ворот, татары вероломно напали на нее и начали избивать людей, а затем через открытые ворота ворвались в Кремль. Одновременно Тохтамыш велел своим войскам ставить штурмовые лестницы на всем протяжении кремлевских стен. Защитники города, на глазах которых погиб их предводитель, растерялись. Взлезшим на городские стены ордынцам не было оказано никакого сопротивления. Но внутри Кремля, на его улицах и площадях, а в некоторых местах и за пределами Кремля началась сеча. Рубились до изнеможения. Однако перевес был на стороне Тохтамыша. Татары подожгли кремлевские дворы, начался пожар, усилилась паника среди женщин и детей, и сопротивление защитников города было окончательно сломлено.

Татары перебили массу людей, многих увели в плен, разграбили церкви, монастыри и дворы кремлевских жителей, растащили казну великого князя Дмитрия. В подожженных церквах сгорело множество книг, снесенных туда со всей округи и наполнивших церковные здания до стропил. Переполненный людьми Кремль стал пустынным пепелищем, по которому никто не ходил. «Бяше бо дотоле видети градъ Москва великъ и чюденъ, и много людий въ немъ и всякого узорочия, и въ томъ часе изменися, егда взятъ бысть и пожженъ»[72]. Изменения, действительно, были большими. Когда Тохтамыш отступил от Москвы и ушел в пределы своих владений, взяв по пути Коломну и опустошив Рязанское княжество, в столицу вернулся Дмитрий Донской. Начались похороны погибших людей. Хоронили их в братских могилах. По свидетельству раннего летописца «даваста отъ сорока мертвець по плтине, а отъ седмидесятъ по рублю», а всего истратили на погребения 150 рублей[73]. Следовательно, число погибших колебалось от 10 500 до 12 000 человек. И это были те, кого не смогли захоронить родственники. Очевидно, общее число погибших

Оборона Москвы от Тохтамыша. Миниатюра из Лицевого свода. XVI в.БАН

[72] ПСРЛ. Т.VI. С.102.

[73] Там же. Т.XV. Вып.1. Стб.146.

Борис и Глеб на конях. 2-я половина XIV в. ГТГ

превышало приведенную выше максимальную цифру. Конечно, среди убитых были не только москвичи. Ведь за крепостными кремлевскими стенами надеялись спастись и жители подмосковной сельской округи. Однако число погибших было столь велико, что по нему можно составить представление о примерной населенности Москвы до Тохтамышева разорения, а это, скорее всего, несколько десятков тысяч человек, и о приблизительных размерах убыли городского населения в 1382 г.– около 20–25%.

Плохая организация обороны Москвы в 1382 г., брошенной на произвол судьбы своими князьями Калитовичами, послужила для них жестоким уроком. В последующее время в их договорах между собой встречается особая статья о том, как им вести себя в случае осады столицы. Особенно показательно соглашение, заключенное в начале 1390 г. между великим князем Василием Дмитриевичем и его дядей, серпуховским князем Владимиром Андреевичем: в случае осады Москвы неприятелем, если в осаду садится великий князь, то другой князь должен действовать вне Москвы, но в Кремле должны находиться его жена, дети и бояре; если осажденных возглавит удельный князь, а великий князь выедет из Москвы, то он должен оставить в городе свою мать, младших братьев и своих бояр[74]. Требование об оставлении в осажденном городе женщин, видимо, должно было служить гарантией несдачи Москвы врагу и побудить князей отстаивать город до конца.

Взятие Москвы Тохтамышем привело к возобновлению выплаты ордынской дани. Размеры ее увеличились. Московский летописец отметил, что в 1384 г. по всему великому княжению Дмитрия Донского собирали тяжелую дань, платить надо было «всякому безъ отъдатка (т.е. без исключения.– *Авт.*), со всякые деревни по плътине. Тогда же и златомъ даваша въ Орду...»[75]. Общее оскудение Москвы сказалось даже на составе великокняжеской казны. В своем завещании 1389 г. Дмитрий Донской перечислил всего 18 драгоценных предметов и одежд, которые он сумел оставить своим сыновьям. Это в два с лишним раза меньше, чем имел его отец.

Сожженный город отстраивался с большими трудностями. В основанном в 1377 г. на южной окраине Москвы Симоновом монастыре через два года была заложена церковь Успения Богородицы, но закончить постройку смогли только в 1405 г.[76] В 1394 г. власти замыслили прокопать ров от Кучкова поля до р. Москвы шириной 2 м, глубиной 1,5–2 м. Речь шла о новом оборонительном сооружении, которое должно было обезопасить в военном отношении Загородье и Большой посад. «И много бысть убытка людемъ,– отмечал летописец,– поне же поперекъ дворовъ копаша и много хором розметаша, а не учиниша ничто же»[77]. Средств не хватило даже на важное оборонное строительство. О нужде князей в строителях и ремесленниках свидетельствует цитировавшаяся выше статья междукняжеского соглашения 1390 г. об огородниках и мастерах.

14. ВОЗРОЖДЕНИЕ СТОЛИЦЫ

Тем не менее город медленно, с трудом, но оживал. Под 1389 г. впервые в источниках упоминается кремлевская церковь св. Афанасия. Это или новостройка, или возобновленная после событий 1382 г. церковь. В 1393 г. вдова Дмитрия Донского Евдокия Дмитриевна в Кремле на месте небольшой старой деревянной церкви Воскресения Лазаря построила каменную церковь Рождества

[74] ДДГ. № 13. С.38.

[75] ПСРЛ. T.XV. Вып.1. Стб.149.

[76] *Кучкин В.А.* Начало московского Симонова монастыря // Культура Москвы XIII–XVII вв. М., 1995. С.119, 120.

[77] ПСРЛ. T.XXV. С.221.

Богородицы. Отстраивался город и за пределами Кремля. 22 июня 1390 г. в Москве случился большой пожар. Загорелся «посадъ за городомъ», причем огонь вспыхнул на дворе некоего армянина Авраама. Пожар полыхал полдня, и от него «згорело дворовъ неколико тысящь»[78]. Очевидно, что эти несколько тысяч дворов были построены главным образом в 1382–1390 гг. Они занимали места вне кремлевских стен, причем среди владельцев дворов были и иноземные купцы, к которым следует причислить армянина Авраама. Конечно, пожар 1390 г. вновь нанес крупный ущерб городу, но в отличие от 1382 г. пострадали только дома и дворовые постройки, главное – уцелели люди. Впрочем, через четыре года после пожара посада Москва сумела отстроиться. Это видно из того, что в 1394 г. при рытье рва от Кучкова поля к р. Москве пришлось уничтожать дома горожан. Однако в 1395 г. опять произошел большой пожар и опять полыхал посад, где сгорело несколько тысяч дворов[79]. Судя по тому, что при нашествии Едигея в 1408 г. посадские дворы пришлось уничтожать самим москвичам, в начале XV в. Москва уже оправилась и от пожара 1395 г.

Приток в Москву населения после Тохтамышева разорения, возобновление торговых связей с другими странами способствовали появлению в Москве собственной монетной чеканки. Она началась или в самом конце правления Дмитрия Донского, или в начале княжения его сына Василия. Первые московские монеты чеканились из серебра, на лицевой стороне изображался воин с мечом и секирой и помещалась надпись: «Печать князя великого». На оборотной стороне воспроизводилась трехстрочная арабская надпись: «Султан Тохтамыш. Да продлится». Эта благопожелательная надпись на чужом языке была заимствована из золотоордынского чекана и с течением времени превратилась в орнамент на московских монетах[80]. Но первые такие монеты отразили вассальную зависимость московских правителей от ордынского хана, живо напоминая москвичам о грозном Тохтамышевом нашествии 1382 г.

15. РАЗВИТИЕ ГОРОДА И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЕГО ЖИТЕЛЕЙ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ XIV в.

Археологические материалы свидетельствуют о том, что в первой половине XIV в. в развитии Москвы доминировали тенденции, наметившиеся во второй половине XIII в. С середины же XIV в. четко обозначились новые процессы, развивавшиеся в течение целого столетия.

Оклад Евангелия боярина Кошки. 90-е гг. XIV в. РГБ

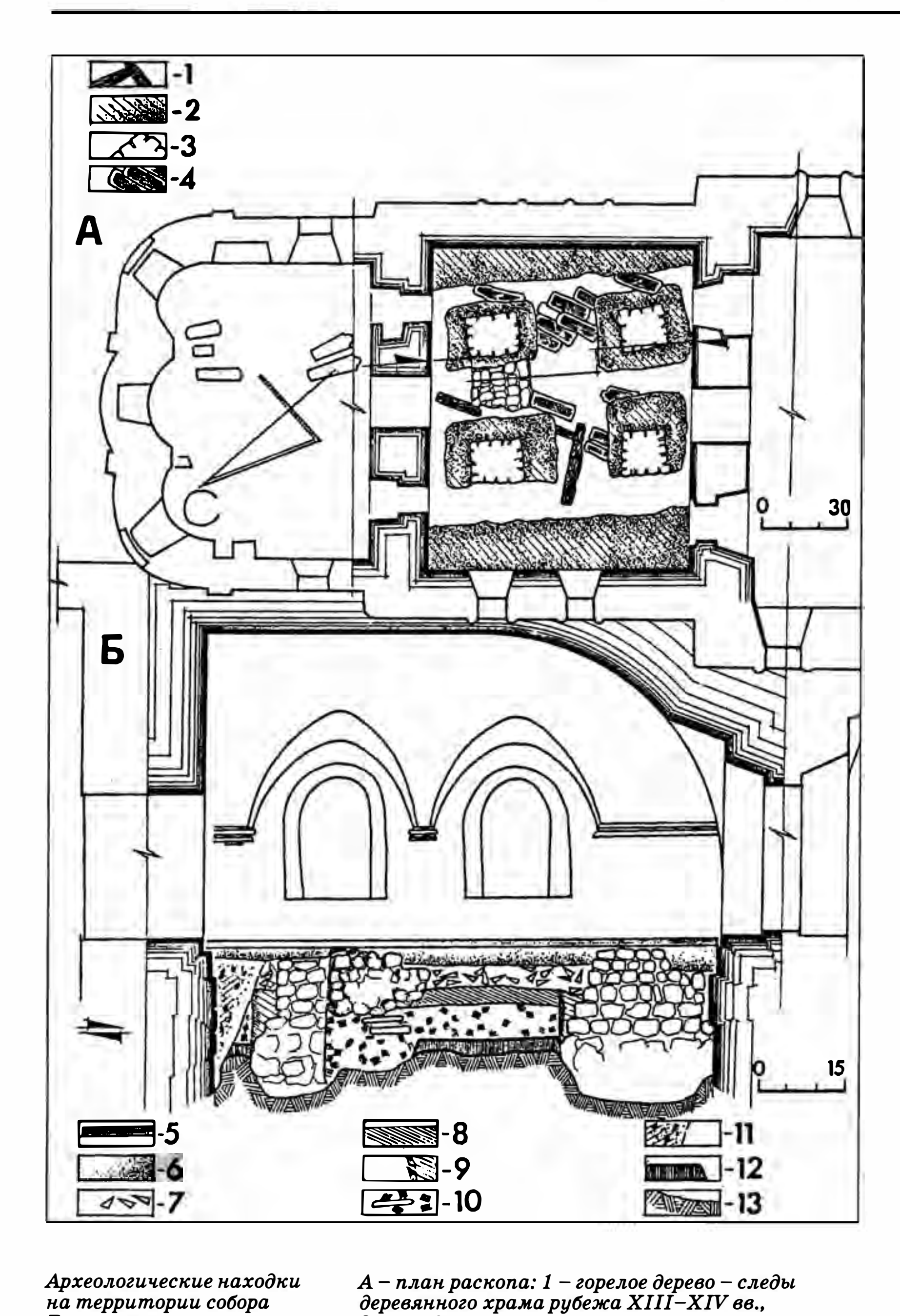
Строительство новых стен Кремля в конце 1330 – начале 1340-х гг. преобразило облик города, но, видимо, еще не внесло серьезных перемен в его планировку. Срубы первой половины XIV в., исследованные в Историческом проезде и Монетном дворе, по ориентировке, размерам и конструктивным характеристикам идентичны срубу 1 (1248, 1251 гг.). Однако находки в них уже иные: это голубые стеклянные перстни, которые начали поступать на Русь из Западной Европы на рубеже XIII–XIV вв., и ранние формы красноглиняной грубой керамики с подтреугольным венчиком и орнаментом в виде «косой волны».

Меняется и заполнение некоторых ям. Так, в одной из них найдены стеклянный браслет, фрагмент среднещиткового перстня голубого непрозрачного стекла, обломок поливной золотоордынской кашинной керамики с подглазур-

[78] ПСРЛ. Т.XV. Вып.1. Стб.157, 158, 164.

[79] *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С.445.

[80] *Федоров-Давыдов Г.А.* Монеты Московской Руси. М., 1981. С.26, 53.

Археологические находки на территории собора Богоявленского монастыря. 1987 г.

А – план раскопа: 1 – горелое дерево – следы деревянного храма рубежа XIII–XIV вв., 2 – фундаментные платформы белокаменного храма рубежа XIV в., 3 – нижняя часть столбов белокаменного собора, 4 – погребения конца XIII – первой половины XIV в. при деревянном храме.

Б – разрез раскопа (вид с севера): 5 – современный пол, 6 – засыпка XIII–XIV вв., 7 – белокаменный щебень XIV в., 8 – слой поверхности кладбища до постройки белокаменного храма, 9 – заполнение фундаментных работ XIV в., 10 – кладбищенский перекоп XIII в., 11 – фундаментный ров собора 1690-х гг., 12 – культурный слой, отложившийся до образования кладбища, 13 – материк.

ной полихромной росписью и фрагмент стеклянного сосуда с орнаментом из красного, голубого и желтого стекла, который относится к сосудам франко-сирийского стиля, распространенного в христианских государствах Ближнего Востока с начала XIV в. Отсутствие здесь следов застройки второй половины XIV в., возможно, связано с какими-то переменами в развитии города в период, отмеченный осадами Москвы войсками Ольгерда (1368, 1370 гг.) и разорением Тохтамыша (1382).

Тем не менее на протяжении первой половины XIV в. размеры посадов, располагавшихся к востоку от Кремля, неуклонно увеличивались. В конце XIII – начале XIV в. на возвышенности в северной части Загородья возникли деревянный храм и некрополь, которые исследователи интерпретируют как следы первоначального Богоявленского монастыря. Погребения, обнаруженные здесь при археологических раскопках, совершены по христианскому обряду под белокаменными надгробиями архаичного облика, которые напоминают надгробия кладбища, обнаруженного у Успенского собора Кремля.

Великий посад охватил пространство от нынешней ул. Варварки до места храма Николы Мокрого и Москвы-реки, а на востоке клином вдавался в Васильевский луг, на месте которого уже в новое время был построен Воспитательный дом.

Культурный слой XIV в. отсутствует лишь в некоторых районах нынешнего Китай-города, в частности в районе Старопанского переулка, где в древности находились верховья небольшого овражка, который был застроен лишь в XV в.[81]

На окраинах города происходит расширение пашен. Вероятно, возникают Воронцово поле и поля на Шивой горке в Заяузье. Однако в целом освоение до середины XIV в. шло в рамках той структуры расселения, которая сложилась в домонгольский период.

Западная часть позднейшего Белого города, именовавшаяся Занеглименьем, в ландшафтном отношении представляла собой часть моренной равнины, лежавшей к северо-западу от города. К середине XIV в. в южной части Занеглименья уже сформировалась застройка. Она располагалась между Неглинкой и речкой Черторый. Поселение, существовавшее близ нынешней церкви Антипия еще в XIII в., расширилось до улиц Знаменка и бывшего Александровского военного училища[82].

Рост города, происходивший на протяжении XIV в., привел во второй половине этого столетия к качественным изменениям градостроительной и историко-ландшафтной структуры, унаследованной от древнерусского периода. В результате строительства белокаменного Кремля в 1366–1368 гг. значительно выросли размеры крепости, включившей участок посада, на котором были основаны Чудов и Вознесенский монастыри, а также территорию подола у подножия Боровицкого холма. Великий посад и Загородье, сохраняя административно-судебную самостоятельность, слились в

[81] *Бойцов И.А.* Отчет 1990 г. Ч.1. Старопанский пер., д.3 // Архив ИА РАН. Р-1.

[82] Коллекция керамики этого времени была собрана при строительстве в 1989 г. во дворе бывш. Александровского военного училища.

единый массив застройки, образовав район, известный позднее как Китай-город. На окружающих территориях, сохранявших на протяжении предыдущего периода вполне сельский облик, сложилась сеть поселений, которые предопределили появление в последующий период Белого города (карта 5)[83].

В застройке Москвы, относящейся ко второй половине XIV в., также произошел ряд изменений. Так, на месте деревянного храма Богоявленского монастыря возвели каменный собор – древнейшую на московском посаде каменную постройку, родовую усыпальницу боярского рода Вельяминовых[84].

По другую сторону р. Неглинки начало формироваться поселение на Старом Ваганькове – в районе дома Пашкова, близ церквей Николы и Троицы (территория современной Российской государственной библиотеки). Здесь найдена серая керамика в сочетании с грубой красной, получившей распространение с середины XIV в.[85] Обнаружение той же керамики в районе современного Музея изобразительных искусств, у церкви Антипия, свидетельствует о продолжавшем существовать здесь поселении, расширявшемся в северо-западном направлении.

Восточная часть позднейшего Белого города с его пересеченным рельефом в ландшафтном отношении отличалась от более равнинного Занеглименья. Крутой склон возвышенности и сегодня хорошо заметен между улицами Маросейкой и Солянкой. Местность эта долго была занята лесами, перемежавшимися лугами, и оказалась менее удобной для заселения. Следы поселения конца XIV – начала XV в. найдены при раскопках церкви Георгия в Лучниках (восточнее Политехнического музея).

Серая и грубая красная керамика выявлена в месте, где сближаются современные Хохлов, Большой Вузовский и Подкопаевский переулки. Очевидно, что здесь во второй половине XIV в. возникло новое подгородное поселение, возможно, давшее начало известному по письменным источникам более позднего времени великокняжескому селу Подкопаево[86]. Ранее на месте села располагались сенокосные угодья – об этом свидетельствуют почвоведческие наблюдения.

Таким образом, археологические материалы XIV в. позволяют говорить о том, что Москва в указанное столетие продолжала постепенно расширяться. Особенно это относится ко второй половине века, когда строительство каменного Кремля изменило планировку города, способствовало более плотному заселению всего Кремлевского плато, в частности остававшейся за пределами крепостных стен территории будущего Китай-города, развитию поселения в Занеглименье в районе церкви Антипия, появлению новых поселков в Старом Ваганькове, у церкви Георгия в Лучниках и Подкопаеве.

Обнаруженные при раскопках усадеб находки дают возможность определить род занятий населения посада того времени. Найдены следы кричного, кузнечного, серебрянического, кожевенного, сапожного производств, а на территории древнего Глинища в Зарядье, в районе Ипатьевского переулка – гончарного ремесла.

Именно это производство на рубеже XIII и XIV вв. претерпело в Москве важные изменения. Произошло совершенствование технологии (подготовка сырья, формовка и обжиг) и развитие форм (усложнение профилировок, расширение ассортимента). На смену серой керамике пришли сосуды из красножгущейся глины с однородным обжигом на всю глубину черепка. Хотя ранние сосуды этого типа, так называемая красная грубая керамика, еще содержали в тесте много песка и дресвы, их подвергали в основном горновому, а не печному обжигу. К концу XIV в. красноглиняная грубая керамика начала доминировать в быту москвичей.

Господствующее место среди всех видов глиняной посуды по-прежнему принадлежало горшкам. К этому времени их форма и размеры (объединяемые по вместительности в три большие группы) достигали высокой степени стандартизации. Профилировка существенно изменилась, а главное – вводился целый набор ранее неизвестных или редких форм, которые подражали изделиям из других материалов (дерева, металла, стекла): это сосуды с ручками (кувшины, крупные кружки), мисообразные сосуды, кубки.

Изменилась их орнаментика. К концу XIV в. резко сократилось употребление традиционных, технологически обоснованных для круговой гончарной посуды волнистых и линейных узоров. На лощеных сосудах их заменяют полосы и зигзаги, типичные для восточной посуды наколки зубчатым или вильчатым штампом.

Во второй четверти XIV в. в Москве появилось производство поливной керамики. Для настилки церковных полов москвичи стали делать хорошо известные на Северо-Востоке еще в XII–XIII вв. плоские поливные плитки, широко использовавшиеся и в деревянных храмах. Они найдены в слоях Успенского и Архангельского соборов Кремля, стратиграфически датируемых XIV в.; в забутовке Благовещенского собора; в фундаментном рву собора Богоявленского монастыря, где могут быть связаны с деревянным храмом XIV в.; в слоях собора Высоко-Петровского монастыря (последняя треть XIV в.?); на некрополе XIV–XV вв. в Коломенском[87].

[83] *Бойцов И.А.* К вопросу о росте Москвы в XII – первой половине XV в. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1992. № 2. С.89–95.

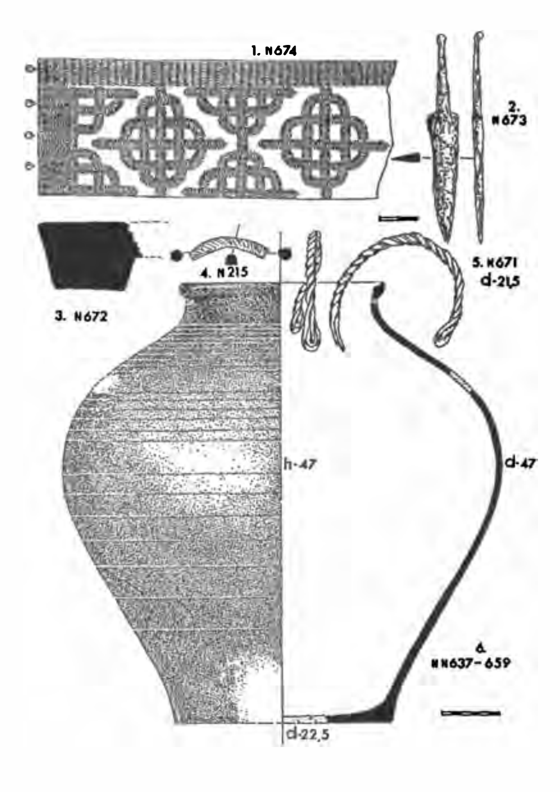
[84] *Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1994. С.42–100.

[85] *Васильев Ю.Ю.* Керамический комплекс из раскопок на Старом Ваганькове в Москве // Московская керамика... С.41–42.

[86] *Бойцов И.А.* Отчет 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12811. С.313–316.

[87] *Беляев Л.А.* Древние монастыри... С.62, 161. Табл.23–2; 140–9; *Он же.* Средневековый некрополь Коломенского // КМИ. Вып.2. М., 1991. С.52, 53. Рис.3 Г.

Археологические исследования на территории собора Богоявленского монастыря. 1987 г. Фрагмент златошитой ткани воротника XIII в., нож, плитка пола, часть стеклянного браслета, бронзовый браслет, горшок-корчага XIII–XIV вв.

Освоив технологию производства глазурованной керамики, московские мастера в XIV в. ввели в употребление новый тип столовой посуды – конические чаши без ручек (иногда на поддоне, с валиками или рифленой поверхностью). Они встречаются в основном на кладбищах, поскольку использовались для хранения елея, которым помазывали тяжелобольных или обтирали покойных[88]. Образцы конца XIV в. (погребения: Дмитрия Донского, 1389 г.; безымянные из притвора церкви Спаса на Бору, из Высоко-Петровского монастыря) редки и малы по размеру. Находки, относящиеся к XV в., умножаются, их размер и форма становятся разнообразнее, напоминая кубки и мисочки. Крупные коллекции «елейниц» дали некрополи Вознесенского монастыря в Кремле, церкви Жен Мироносиц в Зарядье, Данилова монастыря, села Коломенского и другие. Учитывая, что в храмах Кремля хоронили представителей великокняжеского рода, следует подчеркнуть отсутствие разницы в качестве и цене ритуальной посуды, используемой при захоронении высшей знати и рядовых горожан в Москве XIV–XV вв.

Из глазурованной глины делали и обычные сосуды, игрушки и т.п. Среди находок можно выделить пиалообразные чаши, встречающиеся на территории Кремля и на посадах. Формы поливной керамики указывают на два образца для подражания – деревянные точеные кубки и миски, хорошо известные благодаря раскопкам в Новгороде, и восточную глазурованную керамику (пиалы, блюда и т.п.).

Керамический комплекс, сложившийся в Москве в XIV в.,– одно из самых ранних и ярких явлений ее материальной культуры. Она формировалась в обстановке политических потрясений в Европе и Азии, изменивших направленность культурных и торговых связей (взятие Константинополя крестоносцами в 1204 г., разгром Южной Руси Батыем, расширение на восток Литовского государства). Старые пути могли обеспечить теперь только тонкую струйку товаров, шедших с Запада через Новгород и Смоленск. Место юго-западного направления занимает юго-восточное и восточное. По ним осуществлялись не только связи с исламским миром, но и сохранявшиеся контакты с православными государствами Средиземноморья.

Новые открывшиеся возможности могут быть продемонстрированы переменами в импорте керамики. В XIV–XV вв. для Москвы весьма характерна парадная керамика (глазурованная, рельефная или лощеная), имевшая широчайший ареал распространения – от Китая до Пиренейского полуострова. Расписные восточные чаши и блюда – частая находка при раскопках в Кремле. Их фрагменты имеются и в городских слоях за его пределами, и на подмосковных поселениях[89].

Многие находки указывают на развитие торговли со странами Востока и Запада. Это обломки среднеазиатской поливной керамики, ножи с клеймами европейских мастеров и товарные пломбы – таков далеко не полный список привозившихся в Москву товаров. Импортная посуда попадала в столицу по Волжскому и Донскому путям из ордынских городов Прикаспия, из Крыма, Хорезма, а также по караванным путям – из Ирана и Китая. В этом потоке уже выделены: керамика на кашинной основе с полихромной подглазурной росписью (иногда и с рельефом), характерная для нижневолжских городов – Увека, Сарая-Берке, а также Булгара и Хорезма; посуда с прозрачной бирюзовой поливой, с подглазурной росписью по белому фону, в том числе подражания иранской керамике типа «минаи»; крымская посуда (херсонесская и других центров) на красноглиняной основе с желтой глазурью (по рельефному ангобу). В XIX в. в составе кремлевского клада, зарытого в XIV в., был найден восточный толстостенный сосуд для хранения химикатов (ртути), так называемый сфероконус. Встречается и неполивная восточная керамика со штампованным орнаментом, фрагменты толстостенных селадоновых (подражающих фарфоровым) блюд и просто фарфоровых китайских сосудов.

Ассортимент ввозимой посуды предельно расширился во второй половине XIV в., его богатство сохранилось до се-

[88] *Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д.* Русская поливная керамика из раскопок в Московском Кремле // Советская археология. 1984. № 2. С.205–208; *Беляев Л.А.* Древние монастыри. С.116–117, 161. Табл.89–91; 139–4. (Ср.: Табл.58, сосуды XV–XVII вв.); *Он же.* Средневековый некрополь Коломенского. С.50–51; *Дубынин А.Ф.* Отчет о работе Московской археологической экспедиции за 1955 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1110.

[89] *Коваль В.Ю.* Керамика Востока...; *Он же.* Испанская люстровая керамика в Москве // Российская археология. 1996. № 1; *Панова Т.Д.* Восточная поливная керамика из раскопок в Московском Кремле // Советская археология. 1986. № 1. С.222–231; *Латышева Г.П.* Торговые связи... С.216, 221–225.

редины XV в. Затем и объем, и разнообразие ее стали убывать.

Интерес представляет также формирование собственной московской монеты. Технологическим образцом послужила монетная система Золотой Орды. О влияниях Востока говорят и находки редких «степных» типов воинского снаряжения – костяных наверший плетей в виде головы птицы (из раскопок Казанского собора), перстня для стрельбы из лука[90].

На художественные вкусы москвичей (как, впрочем, и всех европейцев) оказывали существенное влияние изысканные изделия исламского мира, престижные дары восточных государей, такие как шапка Мономаха. В слоях XIV в. археологи нашли на городище «Тушков городок» под Можайском золотую пластинку, идентичную тем, из которых собрана шапка Мономаха[91].

Отчасти сохраняет значение импорт стекла. В XIV в. продолжают ввозить стеклянные перстни, встречаются и фрагменты восточных стеклянных сосудов. Однако появляются и новые вещи – например, стеклянные паломнические реликвии, иконки-«литики», вставлявшиеся в металлическую оправу. Их производили в Константинополе и других центрах Византии для богомольцев-паломников. Известны три такие находки на территории Москвы – две в Зарядье (изображены св. Георгий и св. Николай) и одна на участке Казанского собора (св. Константин и св. Елена). Все образки – из опалового стекла. В сюжетах преобладают популярные в Москве святые, а в трактовке заметны черты несомненной упрощенности[92].

Наглядным доказательством участия Москвы в международном обмене можно считать появление в XIV в. центра торговли скобяными изделиями в Зарядье, существовавшего, судя по археологическим данным, вплоть до XVII в. Об этом говорят находки ножей и других изделий с клеймами западноевропейских ремесленников, концентрирующиеся на небольшом участке[93].

Мир европейской материальной культуры представлен в Москве XIV в. и другими предметами. Известные издавна змеевики (амулеты византийского происхождения) широко распространились именно в XIII–XIV вв. Панагии приобрели орнаментику, явно восходившую к средиземноморским ориентализирующим мотивам.

Своеобразным и по сути дела уникальным проявлением синтеза внешних влияний и местных вкусов стало формирование с конца XIII в. московских плитчатых надгробий («досок») с резной орнаментированной поверхностью. Московское надгробие ведет происхождение от крышек белокаменных «романских» саркофагов, хорошо известных в богатых

Московские надгробия. XV–XVI вв.

известняком районах Верхнего Поволжья в XII–XIII вв. Двух- или четырехскатные крышки (форма которых восходит к раннехристианской традиции изготовления саркофагов в виде храма) при уплощении сохраняли рудименты прежнего декора – деление на два или четыре поля, круглые «венки», скрытые формы крестов[94].

Широкого распространения надгробия достигли в конце XIV–XV в., когда плиты и саркофаги приобрели ярко выраженные черты антропоморфизма, свойственные соответствующим погребальным сооружениям Западной Европы. Позже этот характерный элемент самостоятельной московской культуры быстро охватил всю территорию государства, подавив местные традиции, и стал абсолютно господствовать на некрополях вплоть до конца XVII в.

В Москве XIV в. ранее, чем в других областях Руси, воспринимались новшества. Это можно продемонстрировать, в частности, на примере той сферы культуры, которая была непосредственно связана с нуждами развивающегося государства. В отличие от Новгорода с его традицией свинцовых печатей, в Москве с середины XIV в. получили распространение восковые печати. Исследователи связывают это с влиянием дипломатической практики Сербии, в которой с начала XIV в. распространилась бумага, требовавшая применения печатей из воска[95].

В этой связи представляется весьма симптоматичным, что первая московская берестяная грамота, найденная при

[90] *Панова Т.Д.* О редком типе перстня XIV в. из археологического собрания музеев Московского Кремля // Российская археология. 1992. № 2. С.279–281.

[91] *Рабинович М.Г.* Крепость и городок Тушков // Советская археология. 1959. № XXIX–XXX. С.283, 285.

[92] *Дубынин А.Ф.* Археологические исследования в Зарядье (Москва) // КСИИМК. Вып.65. 1956. С.127, 128. Рис.41, 1–2.

[93] *Беленькая Д.А., Розанова Л.С.* Ножи с клеймами из Зарядья // Древности славян и Руси. М., 1988. С.18–26.

[94] *Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие. М., 1996.

[95] *Соболева Н.А.* Русские печати. М., 1991. С.131–135.

Шапка Мономаха. Конец XIII – начало XIV в. ГМЗМК

раскопках в Историческом проезде в 1988 г., представляет собой фрагмент правой грамоты или судного списка 1410–1430 гг. В отличие от новгородских берестяных грамот, писавшихся вдоль листа бересты, она напоминает документы второй половины XIV в., написанные на пергаменных столбцах шириной 14–15 см. Для того чтобы придать грамоте подобную форму, исходный лист клали вертикально и писали поперек прожилок бересты. Традиция написания актов на бересте, как можно предполагать, могла получить распространение в Москве уже после того, как свинцовые печати (они не совместимы с берестой) были сменены восковыми[96].

На фоне постепенного роста новаций в сфере бытовой культуры особенно ощутимы перемены, происходившие в каменном строительстве в тот период, когда Москва становится центром великого княжения. Для средневекового периода архитектура – серьезный показатель экономического развития, уровня художественной культуры. Это свидетельство самостоятельности и, более того, политического и военного суверенитета государства. К сожалению, развитие архитектуры Москвы вплоть до рубежа XIV–XV вв. скрыто от нас почти полностью – памятников более раннего времени не сохранилось.

Археологические данные о строительстве в Кремле 1320–1330-х гг., будучи критически проанализированы, позволяют отказаться от попыток представить созданные храмы гораздо большими по размеру, чем они могли быть; отыскать их каменных предшественников; умножить число возводившихся храмов. Первый каменный храм Москвы – Успенский собор – видимо, напоминал трехпритворные храмы Владимиро-Суздальского периода. Это было небольшое четырехстолпное трехапсидное здание, крестообразное в плане благодаря открытым внутрь боковым притворам. Крестообразный внутренний план имела и церковь Иоанна Лествичника «иже под колоколы», восьмигранная снаружи, с колокольней во втором ярусе. Эта постройка – родоначальник типологически близких храмов XV–XVI вв. (церковь Святого Духа в Троице-Сергиевой лавре, Георгиевская церковь в Коломенском, церковь-колокольня в Александровой слободе)[97].

Храмы Москвы первой половины XIV в. строились из белого камня – известняка, вероятно, при помощи зодчих Ростова (где строительство велось и во второй половине XIII в.) и, возможно, Твери. Их украшала скромная орнаментальная резьба растительного характера. Не исключено, что в это время каменной стала какая-то часть княжеского дворца. Каменных храмов в то время еще не было ни на посаде, ни в появлявшихся вокруг города монастырях[98].

Важно подчеркнуть быструю трансформацию приемов, унаследованных от XIII в. На смену позднероманским (возможно, благодаря участию в работах южнославянских мастеров) приходят готические элементы: перспективные порталы с килевидными архивольтами и «бусинами»; капители двухчастной формы с отдельными импостами; листовидные в плане угловые пучки колонок; многолопастные заостренные арки ниш и проемов; круглые многолепестковые окна-розетки и др. В резьбе происходило усвоение уроков восточной орнаментики, так же как в ювелирном искусстве и миниатюре.

На рубеже XIV–XV вв. в архитектуре Москвы складывается местный, совершенно оригинальный тип четырехстолпного храма, стоявшего на высоком засыпном цоколе-стилобате с профилированным завершением, с четырьмя столбами-пилонами, несущими ступенчато повышающиеся своды и широкий световой барабан с главой. Снаружи ступени свода оформлялись закомарами со щипцовым архивольтом и такими же кокошниками. Декоративный резной пояс, обычно трехрядный, разделял прясла стен снаружи на два яруса и опоясывал верх апсид растительным орнаментом.

В Москве наиболее ранние фрагменты построек – остатки церкви Благовещения конца XIV – начала XV в. (в подклете кремлевского собора конца XV в.) и нижняя часть храма Рождества Богородицы (1393–1394), использованная как подклет церкви начала XVI в.

Итак, XIV в. – время относительно быстрого совершенствования технологий, складывания особой материальной культуры и своеобразных традиций. Подготовленная почва дает обильные всходы в момент культурного и художественного расцвета конца XIV – первой трети XV в.

[96] *Чернов С.З.* Московская берестяная грамота № 1 – первый акт Московской Руси на бересте // Российская археология. 1997. № 2.

[97] *Выголов В.П.* Об Успенском соборе 1326–1327 гг. в Московском Кремле // Древнерусское искусство: Проблемы атрибуции. М., 1993. С.96–109; *Выголов В.П.* Архитектура Московской Руси середины XV в. М., 1988. Ср.: *Шеляпина Н.С.* К истории изучения Успенского собора Московского Кремля // Советская археология. 1972. № 1. С.200–214; *Федоров В.И.* К реконструкции планов главного собора Московского Кремля // ПКНО. 1986 г. М., 1987. С.459–471; *Кавельмахер В.В., Панова Т.Д.* Остатки белокаменного храма XIV в. на Соборной площади... С.66–83.

[98] *Воронин Н.Н.* Зодчество северо-восточной Руси XII–XV вв. Т.2. М., 1962. С.161; *Гращенков А.В.* Фасадное убранство Благовещенского собора XIV в. // РАА. Вып.2. М., 1995. С.84–92; *Федоров В.И.* Благовещенский собор Московского Кремля в свете исследований 1960–1972 гг. // Советская археология. 1974. № 2. С.112–129; *Федоров В.И., Шеляпина Н.С.* Древнейшая история Благовещенского собора Московского Кремля // Советская археология. 1972. № 4. С.223–234; *Кучкин В.А.* К истории каменного строительства в Московском Кремле в XV в. // Средневековая Русь. М., 1976. С.293–297.

IV

ОТ СТОЛИЦЫ КНЯЖЕСТВА – К СТОЛИЦЕ НЕЗАВИСИМОГО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Начало XV столетия в истории Москвы пришлось на правление сына Дмитрия Донского Василия. Его длительное, почти 36-летнее княжение в основном было мирным для Москвы, что способствовало развитию столицы, увеличению ее населения, расширению городской территории.

1. РОСТ ГОРОДА

Определенное представление о развитии территории города в первой четверти XV в. дает одна из статей Уставной губной Московской записи об уголовном суде и подсудимости в городе Москве с округом. Иначе называемая Московской записью о душегубстве, она была составлена около 1456–1461 гг., в последние годы жизни сына Василия Дмитриевича, Василия Темного. Тем не менее запись включила в свой состав и установления более раннего времени. Так, статья 7 Записи имеет ссылку на правовую норму, которую «учинила... кнеини великая София при Иоане при Дмитреевиче»[1]. Великая княгиня Софья – жена Василия Дмитриевича, а Иван Дмитриевич – известный боярин Василия Дмитриевича И. Д. Всеволожский, который являлся свидетелем при составлении всех трех завещаний своего князя. И. Д. Всеволожский продолжал верно служить и сыну Василия Дмитриевича, великому князю Василию Васильевичу. Но в 1433 г., обидевшись на то, что великий князь не сдержал слова и не женился на его дочери, изменил ему и перешел на сторону его дяди, князя Юрия Дмитриевича. Поэтому можно считать, что введение великой княгиней Софьей нового юридического правила произошло уже после смерти ее мужа, т.е. после 27 февраля 1425 г., и до измены И. Д. Всеволожского в 1433 г. Таким образом, Московская запись о душегубстве явно отразила особенности управления Москвой, имевшие место по меньшей мере в первые годы после кончины Василия Дмитриевича.

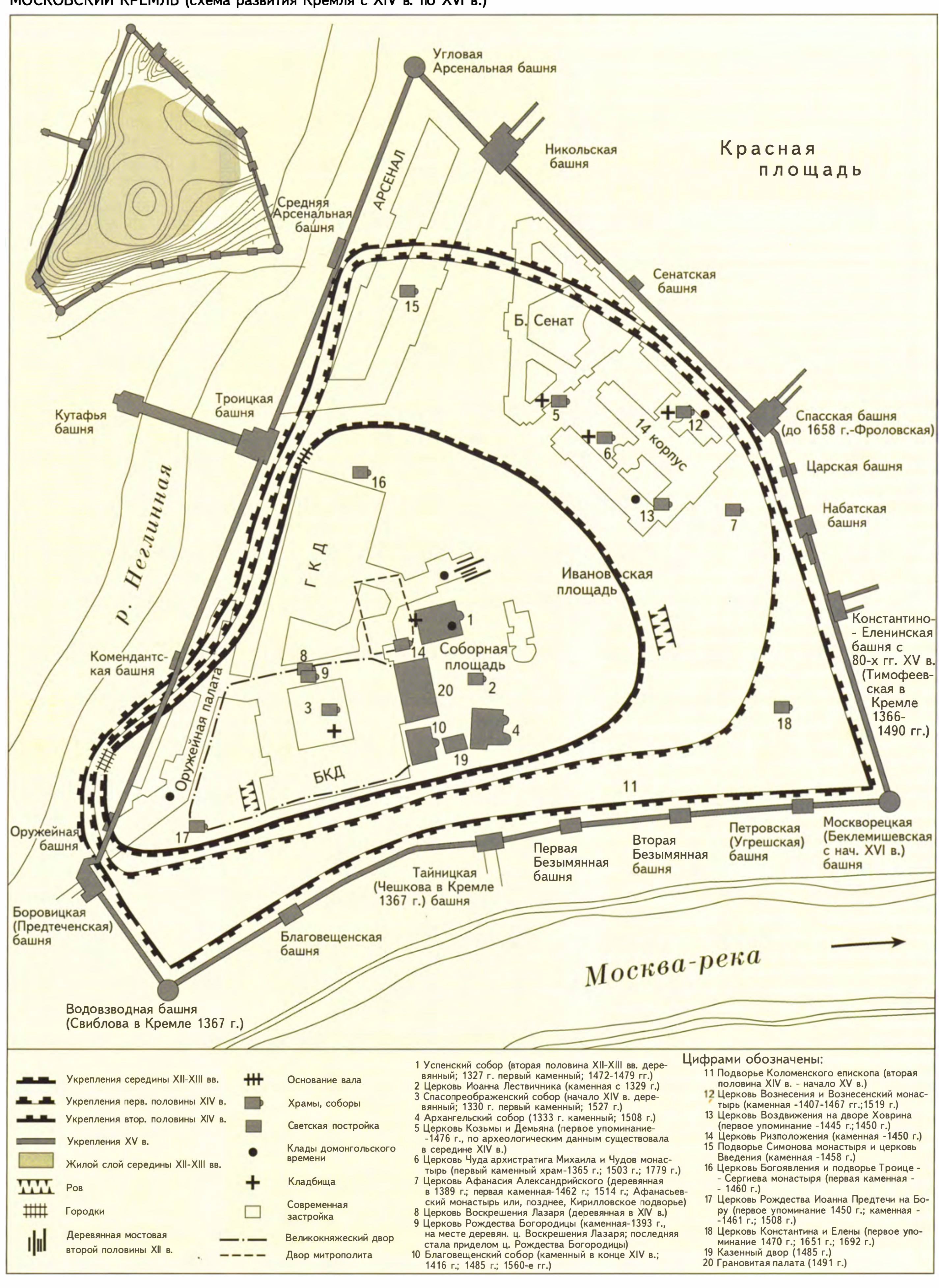
Наше внимание привлекает, однако, не столько статья 7 Московской записи о душегубстве, сколько статья 2 этого документа. В ней рассматриваются случаи душегубства в различных местах московского посада и определяются части города и относящиеся к ним подгородные объекты, составлявшие вместе единые территории, в рамках которых производились бы сыск, дознание и суд над виновными. Среди десяти московских и подмосковных объектов, указанных в рассматриваемой статье, четыре упоминаются в XIV в., шесть – в XV в. Из последних наиболее важны два – Сретенская улица и Дорогомилово. Сретенская улица составляла часть дороги из Москвы на Владимир и получила свое название потому, что в 1395 г. по этой дороге из Владимира пронесли в Москву икону Владимирской богоматери. На месте встречи иконы был построен Сретенский монастырь, и улица стала называться Сретенской. Дорогомилово – село, стоявшее в крутой излучине р. Москвы близ правого берега реки по дороге, соединявшей Москву с Можайском и Смоленском. Впервые Дорогомилово как уже существовавшее село упоминается в летописи в 1412 г.[2] Таким образом, эти новые топонимы, встречающиеся в статье 2 Московской записи о душегубстве, появляются во времена Василия Дмитриевича, и к тому же периоду следует, по-видимому, относить содержание упомянутой выше статьи. А содержание весьма примечательно, оно позволяет определить направления, в которых развивался город.

Согласно данной статье, весь посад Москвы с прилегающими к нему территориями был разделен на несколько судебных округов. Если душегубство происходило «за рекою за Москвою», то в округ включалось и село Даниловское. Если убийство случалось «за Яузою, ино к нему Анъдрониевъ манастырь и Горо-

[1] АСВР. Т.III. М., 1964. № 12. С.28.

[2] ПСРЛ. Т.XVIII. СПб., 1913. С.161.

МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ (схема развития Кремля с XIV в. по XVI в.)

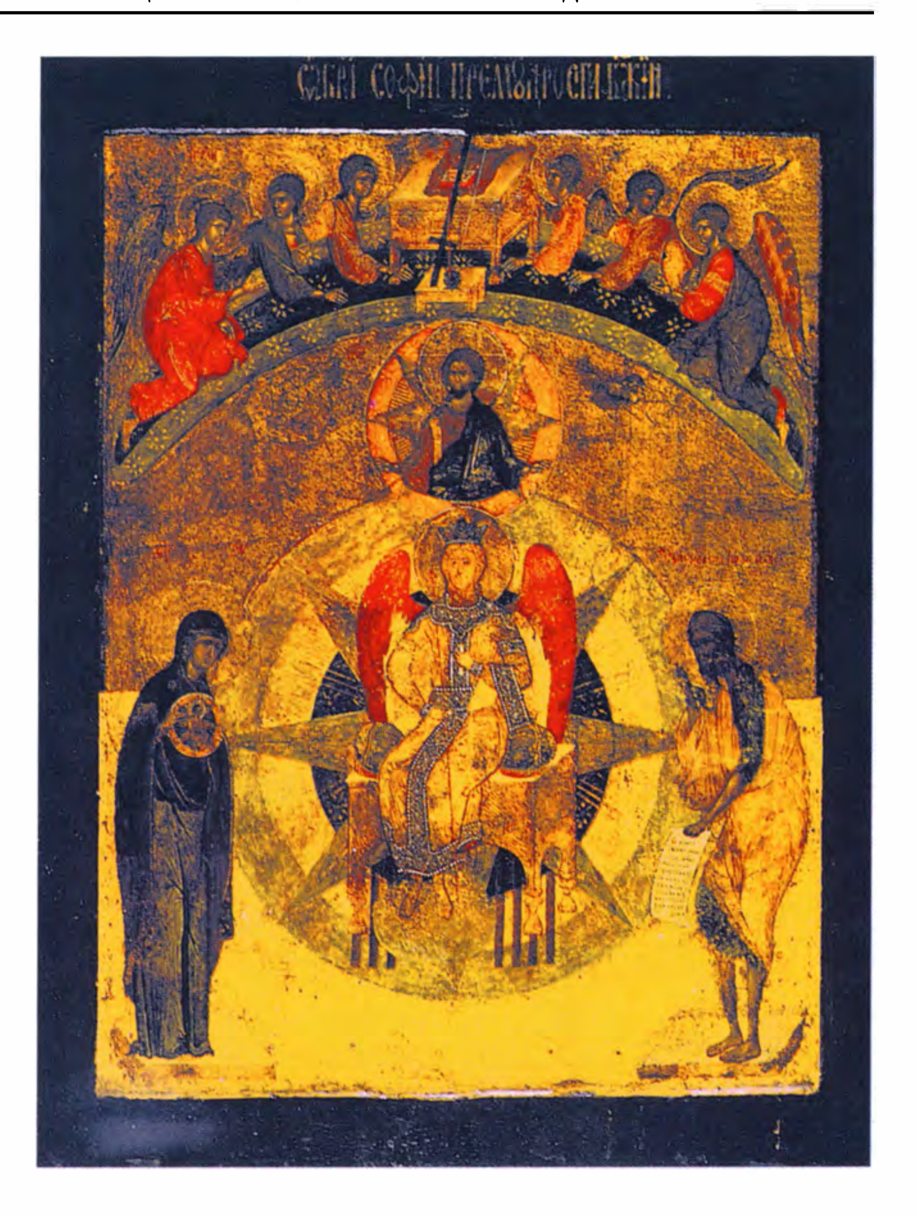

дищо». Душегубство на Великой улице у Николы Мокрого влекло за собой розыск от Острого конца «до Варьскои улицы». Душегубство за этой улицей рассматривалось в пределах «у Стретеньскои улицы и по Неглимну». Если преступление совершалось за р. Неглимной, то в округ включалось все Занеглименье, а также села Дорогомилово и Семчинское (Семцинское)[3]. Итак, посад Москвы делился на пять частей, причем к четырем из них приписывались объекты, в посад не входившие, но территориально к нему примыкавшие.

Первый округ – за р. Москвой (с точки зрения жителя Кремля) – включал в себя и далеко отстоявшее на юг село Даниловское, располагавшееся по соседству с Даниловым монастырем XIII в. и унаследовавшее от него свое название. Второй участок – по левому берегу р. Яузы с включением Андроникова монастыря и находившегося рядом с монастырем Городища,– в источниках XIV в. не фигурировал, за исключением самого монастыря Спаса. Очевидно, эта территория разрослась в XV в. Третья территория – самая небольшая по своим размерам – состояла из части посада, что шла вдоль р. Москвы по Великой улице. На востоке участок ограничивался Острым концом, т.е. примерно восточной стеной позднейшего Китай-города, а на севере – Варьской, или Варварской улицей. Эта часть московского посада была наиболее старой и плотно заселенной. В XIV в., как отмечалось ранее, она носила название собственно посада, а в XV в. именовалась Большим, или Великим посадом. Четвертый округ включал территорию от Варьской улицы до Стретенской улицы и р. Неглимны. По сути это территория Загородья XIV в., может быть, несколько расширенная в северном направлении. Наконец последний, пятый участок включал посадские дворы, стоявшие на запад от Кремля за р. Неглимной, а также два села, находившиеся довольно далеко как от Кремля, так и друг от друга: старинное Семчинское (Семцинское), известное еще по завещанию Ивана Калиты 1336 г., и Дорогомилово.

Таким образом, судебные округа московского посада, зафиксированные в статье 2 Московской записи о душегубстве, в XV в. были далеко не одинаковы по своим размерам. Очевидно, это зависело от степени их заселенности. Чем меньше оказывался размер судебного округа, тем плотнее он был заселен. По площади округа могут быть расставлены в следующем порядке. На первом месте самый маленький третий округ, бывший древнее остальных и достаточно плотно заселенный еще в XIV в. На втором – четвертый, включивший в свой состав упоминаемое при описании пожара 1365 г. московское Загородье. На третьем – второй, в который входило левобережье нижнего течения р. Яузы от ее устья до Спасо-Андроникова монастыря и Городища. На четвертом месте следует, по-видимому, первый округ. Его население было столь малочисленным, что к нему пришлось отнести стоявшее на дороге из Москвы в Орду село Даниловское. На последнем месте – пятый округ, включавший часть московского посада на запад от Кремля.

Суммируя наблюдения над размерами округов и их топографией, можно утверждать, что за пределами Кремля население Москвы в первой четверти XV в. сосредоточивалось в районах Великого посада и Загородья и распространялось по нижнему течению Яузы на восток, а по течению Неглимны – на север. Заречная часть города, т.е. территория на юг от Кремля, была освоена слабее. Так же неплотно было заселено и Занеглименье. Жители Москвы, вероятно, не случайно редко ставили свои дома на юг и запад от крепостных стен Кремля, т.е. в самых опасных в военном

София Премудрость Божия. Тверь. Установлена в Благовещенском соборе Московского Кремля или в конце XV в., или в середине XVI в. ГТГ

[3] АСВР. Т.III. № 12. С.27, 28.

Богоматерь Владимирская. Начало XV в. ГМЗМК

Церковь Трифона в Напрудном. Конец XV в.

отношении участках города. С юга грозила своими набегами Орда, с запада могли внезапно появиться литовцы. И москвичи предпочитали селиться, быть может, не на столь удобных в природном отношении местах, сколь более безопасных с военной точки зрения.

В Москве, как и в любом другом русском средневековом городе, определенные части городской территории занимали сады, огороды, выпасы для скота горожан. Сады в Москве впервые упоминаются в источниках начала XV в. Так, в завещании серпуховского князя Владимира Андреевича, составленном около 1410 г., назван Терехов сад за р. Неглимной, а также большой Чичаков сад, точное местоположение которого установить не удается. Вдова князя Владимира, Елена Ольгердовна, видимо, уже после смерти мужа в 1410 г. стала обладательницей Глебкова сада. Садом «за городом на посаде» и «садцем меньшим» владел скончавшийся в 1434 г. второй сын Дмитрия Донского Юрий. Тот же Юрий владел лугом Ходынским, расположенным у р. Ходынки и полученным им по завещанию отца. Луг Великий, находившийся напротив Кремля на другом берегу р. Москвы, отошел по тому же завещанию к великому князю Василию Дмитриевичу[4]. К началу XV в. относится упоминание в Москве городских полей[5]. Возможно, что такие поля в описываемое время возделывались под огороды или даже засевались хлебными культурами. Однако одно поле, лежавшее недалеко от кремлевских стен, служило, видимо, для других целей.

2. КУЧКОВО ПОЛЕ

Речь идет о Кучковом поле, располагавшемся по левому берегу р. Неглимны в районе современного Детского мира, Лубянки и Политехнического музея. Утром 30 августа 1379 г. на Кучковом поле по приказу московского великого князя Дмитрия Ивановича палач отсек мечом голову сыну московского тысяцкого Ивану Васильевичу Вельяминову[6]. В свое время знатный боярин бежал из Москвы, помогал врагу Дмитрия – тверскому князю Михаилу Александровичу, но в конце концов был схвачен и казнен. Эта первая зафиксированная источниками публичная казнь в Москве совершилась не на р. Москве, как в конце XV в., не на Лобном месте, как было в XVII в., не на Болотной площади, как в XVIII в., а на Кучковом поле. Место для казни в 1379 г. было выбрано не случайно.

На Кучковом поле происходили судные решения и поединки спорящих сторон, доказывавших свою правоту с оружием в руках. В этом отношении весь-

[4] ДДГ. М.; Л., 1950. № 18. С.50; № 28. С.72; № 29. С.74; № 12. С.33.

[5] ПСРЛ. Т.XV. Вып.1. Пг., 1922. Стб.183.

[6] Там же. Стб.137.

ма показательно одно судебное разбирательство, зафиксированное документом 1525 г. Речь в нем шла о вражде, вспыхнувшей между крестьянами митрополичьей Новой слободы в Юрьеве Польском и крестьянами соседних вотчинных владений Чудина Акинфова. Вражда дошла до массовых нападений одной стороны на владения и людей другой. В дело вмешались великокняжеские судьи, которые юридически спора решить не смогли, а потому приговорили сторонам «поле», т.е. боевые поединки, в результате которых одолевшая, как считалось, «по божьему промыслу» сторона объявлялась бы правой, а потерпевшая – виноватой. «Поле» назначили не в Юрьеве, а в Москве. И с той, и с другой стороны в Москву прибыло по несколько человек, которые и должны были в вооруженном бою доказать свою правоту. Безрезультатно «стояв у поля семь ден», поединщики подали жалобу московским властям. Митрополичий сын боярский Игнатий Авдеев и митрополичьи крестьяне заявили, что один из представителей противной стороны сбежал, а потому спорное дело должно быть решено в их пользу. Однако Чудин Акинфов дал свое объяснение случившемуся. По словам Чудина, одного из его людей специально похитили митрополичьи власти, чтобы сорвать поединки и выиграть судебный спор. При этом Акинфов сообщил одну любопытную деталь. Оказывается, его человек, приехав в Москву, в первый день пришел на поле, но судьи тогда поединков не назначили. «А на другой, государь, день,– заявлял далее Чудин Акинфов,– тот мой человек Якушко вышол из утра на Неглинну по воду да и без вести, государь, неведомо где ся дел»[7]. Этот обыденный штрих (человек вышел поутру зачерпнуть воды из Неглимны) позволяет определить место судебных поединков в Москве. Очевидно, что приезжавшие в Москву искать правды «полем» жили в городе около действительного поля, которое находилось близ р. Неглимны. А таким местом и было Кучково поле. Судебные поединки, происходившие на нем, нередко оканчивавшиеся гибелью людей, видимо, и предопределили казнь на этом поле в 1379 г. И. В. Вельяминова. Само же поле сохраняло свое значение судебного ристалища по меньшей мере до конца первой четверти XVI в.

3. КНЯЖЕСКИЕ ДВОРЫ И СЕЛА

Помимо садов, лугов и полей как в черте города на посаде, так и за пределами городских земель, князьям московской династии принадлежало немало дворов, участков и сел в этих местах.

Оклад Евангелия Успенского собора Московского Кремля. Начало XV в. ГМЗМК

В первой четверти XV в. наблюдается рост княжеских владений. Внутри Кремля расширилось дворовладение великого князя. К 1418 г. в его руках оказались двор Фомы Ивановича у Боровицких ворот и двор Михаила Вяжа[8]. Между 1410–1433 гг. местом на Подоле Кремля завладела вдова серпуховского князя Владимира Андреевича – Елена Ольгердовна. Оно находилось под старым кремлевским двором ее мужа. Раньше на нем стояли «владычни хоромы», т.е. строения, скорее всего, коломенского епископа, но потом они пришли в запустение и место прибрала к своим рукам состоятельная соседка – вдова князя Владимира. Елена Ольгердовна завещала его своей внучке Марии, дочери старшего сына Ивана[9]. Владел двором в Кремле брат великого князя Юрий Дмитриевич. Кажется, именно этот двор имел он в виду, завещая его в 1433 г. всем своим сыновьям: Василию Косому, Дмитрию Шемяке и Дмитрию Красному[10]. Позднее единственным владельцем двора стал Дмитрий Шемяка. Именно здесь люди Дмитрия Шемяки и его союзника, двоюродного брата Ивана Можайского, 16 февраля 1446 г. ослепили великого князя Василия Васильевича. По логике вещей дворы внутри московской крепости должны были иметь и другие братья князя Василия Дмитриевича: Андрей, Петр и Константин Дмитриевичи, однако сведений о них не сохранилось.

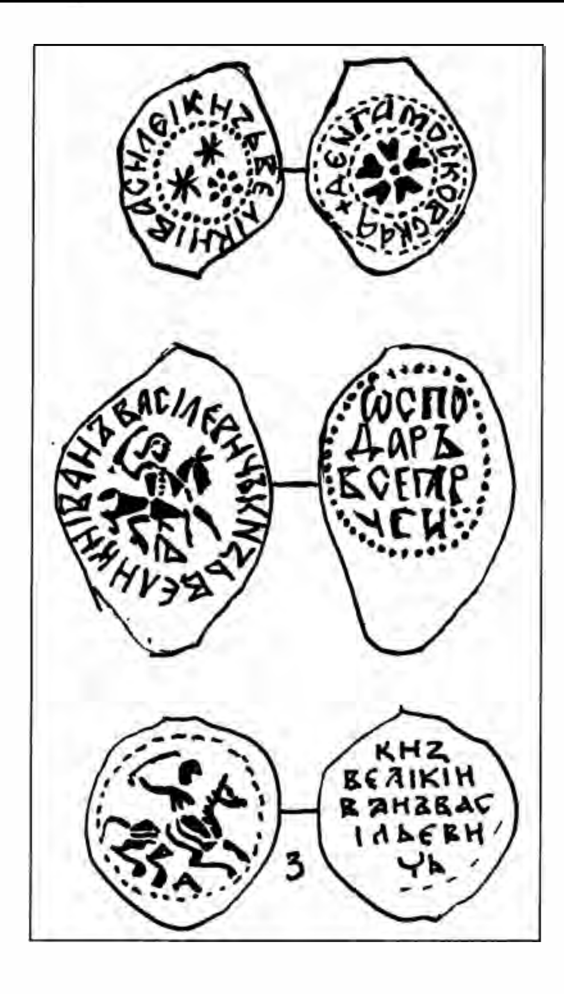
Известны кремлевские дворы, которыми владели пятеро сыновей Владимира Андреевича Серпуховского: Иван, Семен, Ярослав, Андрей и Василий. В своем

[7] АФЗХ. Ч. 1. М., 1951. № 2а. С.18.

[8] ДДГ. № 21. С.58.

[9] Там же. № 17. С.50; № 28. С.72.

[10] Там же. № 29. С.74.

Деньга Василия I Дмитриевича. XV в. Прорись А. С. Мельниковой. ГИМ

завещании Владимир Андреевич принадлежавший ему большой двор в Кремле оставил за своей женой и двумя младшими сыновьями. Сыновья постарше, Семен и Ярослав, должны были поделить между собой перешедший к отцу «княгини великие Марьинъ дворъ». Речь идет о кремлевском дворе великой княгини Марии Александровны, вдовы Симеона Гордого. Будучи третьей женой Симеона, она пережила мужа на 46 лет и умерла в 1399 г. Ее похоронили в кремлевском Спасском монастыре. Возможно, только после кончины Марии Владимир Андреевич и сумел получить ее двор. Старшему сыну Ивану серпуховский князь оставил «на Москве Зворыкин дворъ да Игнатьевъ дворъ». Поскольку младшие братья Ивана получили дворы в Кремле, надо полагать, что и выделенные Ивану два двора также находились там[11]. Следует иметь в виду, что увеличение числа князей-дворовладельцев влекло за собой не только простое разделение существовавших ранее в Кремле княжеских дворов, но и их расширение. Ведь каждому новому дворовладельцу необходимо было поселить здесь обслуживавших его домовое хозяйство людей, и к отчему или мужнину наследию прикупались и прирезались ближайшие земельные участки. Так поступила, например, вдова Владимира Серпуховского Елена Ольгердовна, о чем говорилось выше.

И за пределами кремлевских стен в первой четверти XV в. наблюдается та же картина. Великий князь Василий Дмитриевич примерно в начале второго десятилетия XV в. поставил «новои дворъ за городомъ у святого Володимера». Церковь Владимира находилась «в садах», близ Воронцовского сада к северу от р. Яузы[12]. Внук Василия Дмитриевича Иван III упоминал в своем завещании «селцо Воронцовское на Яузе, где мои дворъ»[13]. Можно думать, что новый загородный двор Василия Дмитриевича находился там же, где стоял двор его внука или поблизости от него. Елена Ольгердовна завещала похоронить себя в монастыре Рождества Богородицы, который передавала заботам своих снох и внука Василия Ярославича. Она имела в виду тот монастырь Рождества Богородицы, который основала ее свекровь, княгиня Мария. Монастырь стоял «на рве», т.е. близ рва, проходившего вдоль восточной стены Кремля. Княгиня Елена Ольгердовна расширила участок монастыря. На ее («моихъ») местах жили священники и дьякон Рождественской церкви, отправлявшие там службы[14].

Близ Москвы появились и новые княжеские села, много позднее вошедшие в черту города. Так, великий князь Василий Дмитриевич упоминает в своих завещаниях село у города «над Великимъ прудомъ», позднее получившее название Красного. Он же впервые называет село Крылатское, «что было за таромъ»[15], т.е. в кормлении за каким-то татарином, возможно, одним из тех, кто в 1393 г. приехал в Москву и принял крещение. Брат Василия Юрий владел сельцом Сущевским, разросшимся во второй половине XV в. На ручье Студенце, впадавшем в р. Москву с левой стороны недалеко от двора на Трех Горах князя Владимира Андреевича, стояло село Выпряжково. Оно принадлежало тому же князю Владимиру, а с 1410 г.– его второму сыну Семену[16].

4. ДОХОДЫ И ПРАВА КНЯЗЕЙ

Московским Калитовичам принадлежали не только дворы и большие земельные участки в городе, села и угодья в ближайших к нему окрестностях, но также исключительные юридические права в Москве, вытекавшие из природы их власти и реализовывавшиеся в виде денежных и натуральных доходов. В руках членов московской династии сосредоточивались все прямые и косвенные налоги с населения Москвы, князья пользовались даровым трудом людей, организованных в различные службы (напри-

[11] ДДГ. № 17. С.50.

[12] ДДГ. № 21. С.58; ПСРЛ. Т. XIII. Первая половина. СПб., 1904. С.18, 154.

[13] ДДГ. № 89. С.354.

[14] Там же. № 28. С.72.

[15] Там же. № 21. С.58.

[16] Там же. № 29. С.74; № 17. С.46.

мер, для собирания, обработки и доставки к княжескому столу меда – наиболее распространенного сладкого продукта в средневековой Руси; изготовления походных шатров; проведения княжеской охоты, хранения хлебных запасов и т.п.). Наконец, в княжеских руках находилась высшая судебная власть, дававшая возможность обогащаться за счет высоких судебных штрафов. Хотя все эти юридические права наследников Ивана Калиты оформлялись, закреплялись и видоизменялись на протяжении всего XIV в., в первой четверти XV в. они проявились наиболее ярко.

«Городские волости», как в XIV в. назывались княжеские права на сбор торговых пошлин и труд служебных людей, в духовных и договорных грамотах Ивана Калиты и его ближайших преемников ограничивались главным образом торговыми пошлинами. Мыт, уплачивавшийся при провозе товара для торговли в Москве, собирался княжескими мытниками и сдавался в казну того князя, по волостям которого ехали торговцы[17]. Торговать в город нужно было ездить или ходить по строго указанным дорогам. На их определенных участках ставилась изгородь, в ней делались ворота или же завор (разборное прясло), через которое проезжали купеческие обозы или шли торговцы-одиночки, уплатив мыт дежурившим у изгороди мытникам. Попадая в Москву, торговцы должны были уплачивать другие пошлины. Княжеские грамоты фиксируют главнейшие из них: тамгу и осмничее. Эти пошлины взимались на городском рынке. Тамга уплачивалась продавцами со всякого товара, осмничее – по-видимому, налог с покупателя на вывоз товара.

К середине XIV в. тамга была поделена между сыновьями Ивана Калиты следующим образом: $^1/_2$ – старшему, великому князю, по $^1/_4$ – каждому из двух братьев Симеона Гордого. Во времена Дмитрия Донского деление стало иным. Великий князь обладал $^2/_3$ тамги, его двоюродный брат Владимир Андреевич – $^1/_3$. В 20-е гг. XV в. распределение тамги вновь претерпело изменение. Великий князь Василий обладал $^1/_3$ московской тамги, его четыре брата – по $^1/_{12}$ тамги каждый, вдова Владимира Андреевича – $^1/_3$, но после ее смерти каждый из ее пятерых сыновей должен был получить по $^1/_{15}$ тамги[18].

Осмничее шло в пользу вдовы Ивана Калиты Ульяны. После ее кончины налог был поделен между Дмитрием Донским и Владимиром Серпуховским в отношении 2:1[19]. Долей Дмитрия владела его вдова Евдокия Дмитриевна. После ее смерти в 1407 г. эта великокняжеская часть осмничего была поделена между ее сыновьями. Во всяком случае, в завещании 1433 г. Юрия Дмитриевича Звенигородского и Галицкого указывалась принадлежавшая ему часть осмничего[20]. Какова была эта часть, можно решить по аналогии, используя свидетельства XIV в. Скорее всего, половина того осмничего, которым владели Донской и его жена, была выделена великому князю Василию Дмитриевичу. Он, следовательно, стал обладателем $^1/_3$ всего московского осмничего. Другая половина доли Дмитрия Донского была поделена поровну между братьями Василия. По всей вероятности, каждый получил по $^1/_{12}$ всего московского осмничего.

Владимир Андреевич свою треть осмничего завещал жене Елене Ольгердовне. После ее смерти эту треть должны были разделить поровну между собой их пятеро сыновей. По-видимому, Иван III право на получение осмничего передал кремлевскому Архангельскому собору[21].

Владимир Андреевич в завещании, которое он написал около 1410 г., все причитавшиеся ему московские пошлины (именно треть их) передал своей жене. Помимо тамги и осмничего, Елене Ольгердовне завещались $^1/_3$ гостиного, весчего, пудового, серебряного литья, пересуда[22]. Возможно, что многие из этих пошлин существовали еще в XIV в. Источники о них не упоминали потому, что все они имели для княжеской казны куда меньшее значение по сравнению с мытом, тамгой и осмничим. Но вероятно и то, что некоторые из перечисленных пошлин появились в Москве только в XV в. Так, обращает на себя внимание указание среди торговых налогов гостиного – пошлины за постой и хранение товаров. Появление такой пошлины свидетельствует о том, что в начале XV в. Москва стала центром, куда на продолжительное время съезжались купцы из разных русских и нерусских городов и стран. Через столетие источники фиксируют существование в Москве специальных гостиных дворов, в которых останавливались русские и иноземные торговцы[23].

Новгородская гривна, рубль и полтина. XIII – начало XV в. Увеличение в 3/4 раза. ГИМ

[17] ДДГ. № 1. С.8.

[18] Там же. № 2. С.11; № 11. С.31; № 22. С.60; № 17. С.46, 50.

[19] Там же. № 11. С.31; № 12. С.33.

[20] Там же. № 12. С.33; № 29. С.73.

[21] Там же. № 17. С.50; АСВР. Т.III. № 397. С.414; № 423. С.428.

[22] ДДГ. № 17. С.46.

[23] Там же. № 89. С.354, 361.

Феофан Грек. Преображение. Около 1403 г. ГТГ

В завещании Владимира Андреевича впервые упоминается налог, называвшийся «серебряное литье»,– выплата уже не торгового, а производственного характера. Он, по-видимому, взимался с серебряников, занимавшихся в своих мастерских чеканкой серебряной монеты. Человек, пожелавший приобщиться к такому ремеслу, должен был внести предварительный откуп в княжескую казну, поскольку из слитка серебра он мог изготовить монет на большую сумму, чем была номинальная стоимость такого слитка, и разницу оставить себе[24].

Право князей на использование дарового труда ремесленников различных специальностей, обслуживавших разнообразные нужды княжеских дворов, реализовывалось по-разному. Бортники, составлявшие Васильцево «сто», т.е. сотню человек во главе с представителем княжеской администрации Василием, жившие в городе и в непосредственной близости от него – в Васильцевском стане, поставлявшие мед в княжеские медуши и погреба, первоначально являлись общим владением всех князей московского дома. Князья делили только добываемый бортниками мед. Затем между членами московской княжеской семьи начался раздел людей, составлявших Васильцево «сто», а позднее и территории, на которой они жили. Наиболее развитые очаги сбора меда в конце концов стали достоянием великого князя. Василий Дмитриевич получил от отца в свое нераздельное с братьями владение все Васильцево «сто» и богатейшую Добрятинскую борть с селом Добрятинским на р. Пахре[25].

В иной пропорции делились между князьями так называемые численные люди, или числяки – особая категория жителей Москвы и Московского княжества, организованная для приема и содержания ордынских послов и их многочисленных свит. Эти люди распределялись между Калитовичами поровну, хотя в свое время Дмитрий Донской получил в собственность две трети численных людей, а Владимир Андреевич – одну. Сыновья же Дмитрия имели по $^2/_{15}$ численных людей каждый, а два сына Владимира – по $^1/_6$. Однако все десять князей должны были заботиться о численных людях сообща, «с одного», как предписывали им их отцы[26].

На равные части наследники Дмитрия Донского обязывались делить между собой конюший, сокольничий и ловчий пути – определенные земли и угодья, а также слуг, занимавшихся содержанием конских стад, уходом за соколами и обучением их охоте на птиц и мелких зверей, организацией обычной, псовой охоты. Владимир Андреевич отдавал всех этих людей под управление только одного своего старшего сына[27].

Еще одна категория московского населения – ордынцы и делюи, обслуживавшие поездки князей в Орду, пересылку туда ордынской дани, охранявшие путешественников и пересыльщиков, возможно, занимавшиеся изготовлением подарков ханам и их окружению,– не делилась между московскими династами, а являлась их общим достоянием[28].

Большие доходы приносило московским князьям их право верховного суда. Штрафы за уголовные преступления, за проигранные гражданские иски были весьма высокими. Виновный оплачивал работу мелких судебных чиновников (доводчиков, проводивших расследование обстоятельств дела; приставов, доставлявших людей в суд; праведчиков, взыскивавших наложенные судом штрафы) и самих судей. Каждый Калитович являлся судьей в последней инстанции для людей всех категорий, служивших ему, вплоть до бояр. Если какие-то споры возникали между самими князьями, то для их разрешения князья назначали по боярину, которые и улаживали дело. Если к согласию они не приходили, то выбирали независимого третейского судью, решение которого считалось окончательным. Иногда в качестве такого третейского судьи выступал митрополит. Если возникали иски между москвичами, служившими разным князьям, то доставка лиц в суд осуществлялась приставом великого князя. Суд вел московский наместник великого князя, а наместник удельного князя присутствовал в суде. Штраф с виновного делился поровну между княжескими наместниками. Если житель великокняжеских владений жаловался на боярина удельного князя, то великий князь посылал своего пристава за истцом, а удельный князь – боярина за ответчиком, и суд вершил удельный князь. Великокняжеский пристав присутствовал на суде и следил за тем, какая часть штрафа должна идти в великокняжескую казну. Такой порядок существовал при рассмотрении гражданских исков и мелких уголовных преступлений[29].

Тяжелые уголовные преступления – убийства (душегубства) и разбой с поличным, т.е. поимка преступника на месте преступления,– были изъяты из ведения удельных князей и являлись прерогативой великокняжеского суда. Правда, суд осуществлялся далеко не всегда самим великим князем. Его заменял большой московский наместник, наместники других князей присутствовали на суде и получали свои доли штрафов[30]. Таким образом, долевое частное владение налогами, судебными штрафами, правом на даровой труд сочеталось с коллективными княжескими владениями на «городские волости». Для того чтобы разделить все эти поборы на части согласно княжеским завещаниям и соглашениям, необ-

[24] ДДГ. № 17. С.46.

[25] Там же. № 12. С.33.

[26] Там же. № 1. С.10; № 11. С.31; № 12. С.33; № 13. С.37; № 17. С.46, 49.

[27] Там же. № 4. С.15; № 12. С.33; № 17. С.46.

[28] Там же. № 5. С.20; № 11. С.31; № 13. С.37; № 27. С.70.

[29] Там же. № 11. С.32; № 13. С.38; № 17. С.48; № 27. С.70, 71.

[30] АСВР. Т.III. № 12. С.27, 28.

Лазарь-сербин устанавливает часы. Миниатюра из Лицевого свода. XVI в. БАН

ходимо было иметь большой, разбирающийся в тонкостях счета аппарат. Московские князья делали по-иному. Согласно договорным грамотам, они попеременно собирали тамгу, осмничее и другие пошлины с жителей Москвы и приезжих торговцев. Тому или иному князю выделялось время от полугода и более, в соответствии с величиной причитавшейся ему доли доходов, когда в городе действовали чиновники этого князя, собирая полагавшиеся ему пошлины[31]. Тем самым упрощался расчет, не тратились средства на лишних счетчиков, избегались конфликты между князьями-совладельцами.

Эти общие картины московской жизни первой четверти XV в. должны быть дополнены хроникой городских событий того времени.

5. ГОРОДСКИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Весной 1401 г. москвичи во главе с духовенством встречали процессию, шедшую из Суздаля. Процессия несла «страсти» господни, т.е. частички креста, на котором по преданию был распят Иисус Христос. «Страсти» были обнаружены в Рождественском соборе города Суздаля. Они оказались замурованными в стену, но, видимо, при ремонтных работах были открыты. В начале 1383 г. эти «страсти», а также мощи многих христианских святых привез в Суздаль из Константинополя местный епископ Дионисий, который приобрел их в Византии за большие деньги. Теперь реликвии переносились в Москву[32], что, кажется, было самым ранним случаем переноса в Москву ценностей из других городов. Потом такое вошло в повседневную практику московских правителей, но в начале XV в. это оказалось необычной и новой акцией, которая стала значительным событием в городской жизни.

Вскоре еще одно новшество поразило воображение москвичей. Великий князь Василий Дмитриевич на своем дворе за церковью Благовещения летом 1404 г. поставил «часник» – башню с часами. Часы показывали дневное и ночное время по древнерусскому счету, наступление каждого нового часа сопровождалось ударом в колокол. «Не человек ударял,– писал пораженный и восхищенный современник-летописец,– но человековидно, самозвонно и самодвижно», т.е. москвичам была видна работа механизма, обходившаяся без применения человеческой силы. Видна, но непонятна. Ясно было только, что часы созданы некою человеческою хитростью, «преизмечтано и преухищрено». Часы смастерил монах Лазарь, по происхождению серб, пришедший в Москву с Афонской горы. На изготовление «часника» было затрачено более 150 рублей – сумма весьма значительная по тем временам[33]. С тех пор москвичи стали жить по часам. Во всяком случае, рассказывая о падении в 1474 г. строившегося в Кремле нового Успенского собора, летописец отметил, что собор обрушился ночью, «еще первому часу не ударившу»[34].

Пояснение, что часы стояли за церковью Благовещения, свидетельствует о существовании этого домового великокняжеского собора к лету 1404 г. Но начало и окончание его строительства неизвестны. Можно думать, что он был возведен незадолго до 1404 г., поскольку весной 1405 г. Благовещенский собор начали расписывать иконописцы. На первом месте среди них указан Феофан Грек, далее старец Прохор с Городца и чернец Андрей Рублев, впоследствии снискавший себе громкую славу[35].

Феофан Грек был не только выдающимся мастером, расписавшим более сорока церквей в Константинополе, Халкидоне, Галате, крымской Кафе, Новгороде Великом и Новгороде Нижнем, наконец, в Москве. Он расписал терем великого князя Василия Дмитриевича, изобразил Москву на каменной стене двора Владимира Андреевича, нарисовал церковь Софии в Константинополе, изображение которой позднее копировали в своих книгах русские мастера, в частности Епифаний Премудрый[36].

Появление Феофана в Москве, так же как и часового мастера серба Лазаря, было неслучайным. Во времена Василия Дмитриевича, женившегося на дочери литовского великого князя Витовта Софье, долго поддерживавшего мирные отношения с тестем, а также с

[31] ДДГ. № 17. С.46; № 38. С.108; № 61. С.194, 195; № 89. С.358.

[32] ПСРЛ. Т.XVIII. С.149; ср. с.134.

[33] Там же. С.281 (выписка Н.М.Карамзина из статьи 6912 г. Троицкой летописи).

[34] ПСРЛ. Т.XXV. С.302.

[35] *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С.459.

[36] Памятники литературы древней Руси XIV – середины XV в. М., 1981. С.444, 446.

его двоюродным братом польским королем Ягелло и старавшегося не ссориться с Ордой, Москва стала городом, куда начали приезжать многие иностранцы. Об армянине Аврааме, с двора которого начался грандиозный пожар Москвы в 1390 г., говорилось ранее. В 1406 г. к Василию Дмитриевичу приехал служить литовский князь Александр Иванович Нелюб со своим окружением, состоявшим из литовских и польских военных слуг. Москву неоднократно посещали ордынские послы, надолго останавливавшиеся в городе, что вызывало недовольство москвичей. Так, в 1403 г. в Москву приехал в качестве посла царевич Ентяк, в 1399 г. захвативший было у московского князя Нижний Новгород. В 1405 г. от хана Шадибека прибыл еще один посол, ханский казначей Мирза. В Кремле в начале XV в. источники называют Рахманов двор, а в Москве (возможно, вне Кремля) – Тютрюмов. Судя по именам владельцев, дворы принадлежали выходцам из Золотой Орды[37]. Укреплялись связи с Византией. В 1411 г. великий князь Василий выдал свою дочь Анну замуж за сына византийского императора Мануила Иоанна, позднее ставшего императором[38]. Международное значение Москвы, столицы уже весьма значительного государства в Восточной Европе, росло. Росла и ее известность, и к московскому князю приезжали служить знатные люди из других государств, а также ремесленники из разных земель.

Ангел. Символ евангелиста Матфея. Миниатюра из Евангелия Успенского собора Московского Кремля. Начало XV в. ГМЗМК

Спас в славе. Миниатюра из Евангелия Спасо-Андроникова монастыря. Начало XV в. ГИМ

6. СТРОИТЕЛИ, ИКОНОПИСЦЫ, КНИГОСПИСАТЕЛИ И ДРУГИЕ МАСТЕРА

В Москве и около Москвы в начале XV в. продолжалось строительство. Митрополит Киприан, окончательно перебравшийся в 1390 г. в Москву, поставил себе двор на юго-западных подходах к городу – в с. Голенищеве. 1 октября 1405 г. была освящена церковь Успения Богородицы в Симоновом монастыре, законченная постройкой на средства великого князя. Через полтора года вдова Дмитрия Донского Евдокия заложила внутри Кремля каменную церковь Вознесения в Вознесенском монастыре, которая спустя несколько месяцев послужила ей последним прибежищем[39].

О высоком уровне московского ремесла в то время свидетельствует один примечательный факт. В 1420 г. псковичи решили покрыть свою главную церковь Троицы свинцовыми досками. Наняли мастера Федора и его товарищей. Кровельщиками они были хорошими, а вот отливать свинцовые доски не умели. Оказалось, что во всем Пскове такого умельца нет. Тогда послали к новгородцам. Хотя за 12 лет до этого новгородский владыка Иоанн покрыл собор св. Софии свинцом, в Новгороде также не нашлось мастера-литца. Обратились к немцам в Юрьев (Тарту). Там такой мастер был, но из-за политических соображений его во Псков не отпустили. Тогда обратились в Москву. И только оттуда приехал служивший при дворе митрополита Фотия мастер, который научил псковичей лить свинцовые доски[40].

Исследование художественных особенностей московских рукописных книг конца XIV – второго десятилетия XV в., таких, как Евангелие 1401 г., Евангелие Федора Кошки, Евангелия Хитрово, Успенского собора и Спасо-Андроникова монастыря, показало разнообразный и высокий уровень их оформления – признак наличия в Москве нескольких выдающихся художников. Часть из них была греками. Они, а также спасавшиеся от турецкого гнета сербы и болгары принесли в Москву новые стили в оформлении

[37] *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. С.456, 459; ПСРЛ. Т.XXV. С.237.

[38] ПСРЛ. Т.XXV. С.240.

[39] АФЗХ. Ч.1. № 24. С.46; *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. С.61.

[40] Псковские летописи. Вып.II. М., 1955. С.37; НПЛ. С.400.

Андрей Рублев. Троица. 1410 г. ГТГ

рукописных книг: неовизантийский и балканский. Эти стили очень быстро усвоили московские мастера, творчески их переработавшие[41]. В конце XIV – первой четверти XV в. складывается московская школа иконописи, выдающимся представителем которой стал Андрей Рублев. Ее характерными чертами были закругленные, плавно вьющиеся линии, пластичные формы, светлые и нежные лики. Это было новое, лирико-созерцательное направление в изобразительном искусстве. Московская школа оказала влияние на развитие иконописного мастерства в окружавших Москву городах (Коломне, Звенигороде) и на русском Севере, в тех его местах, где появлялись монастыри, связанные с Москвой (Кирилло-Белозерский, Ферапонтов и др.)[42].

Художественно выполненные рукописи нередко переплетались в драгоценные переплеты, почитаемые иконы украшались роскошными окладами, убрусами, цатами, ожерельями, ряснами, серьгами. Все эти предметы изготовлялись из серебра или золота, расцвечивались драгоценными и полудрагоценными камнями. Таковы переплеты уже упоминавшихся Евангелий Федора Кошки и Успенского собора, окладов Владимирской иконы Богоматери и ряда окладов икон Троице-Сергиева монастыря. Московские ювелиры применяли в своей работе чеканку, гравировку, изготовляли литые накладные фигурки из серебра, им были знакомы техника скани, искусство черни и эмали. Техническим новшеством стало применение московскими мастерами ртутной амальгамы для припоя, что позволяло рельефно выделять сканые узоры на чистом и гладком золотом или серебряном фоне[43].

7. УГРОЖАЮЩИЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ

Поступательное развитие городской жизни прерывалось войнами и эпидемиями. Грозные события потрясали Москву. Одно из них пришлось на вторую половину первого десятилетия XV в. 5 февраля 1406 г. литовский великий князь Витовт без объявления войны, «на миру», как говорит летопись, взял псковский город Коложе, повоевал другие псковские волости, увел в Литву много пленных. К новгородцам он отослал прежнюю мирную грамоту со Псковом, что по средневековым обычаям означало начало войны. Псковичи и новгородцы, не ожидавшие такого вероломства со стороны литовского князя, отправили посольство в Москву. Там оно договорилось с Василием Дмитриевичем о военной помощи, и в Псков прибыл брат Василия Петр. Весной 1406 г. московский великий князь «разверже мир» со своим тестем Витовтом и послал полки на литовские земли. Военные действия велись довольно вяло, стороны опасались вступать в решительное сражение. Противостояние на р. Плаве закончилось перемирием на срок с 1 октября 1406 г. по 16 мая 1407 г. Однако сразу же после перемирия 20 мая 1407 г. литовцы взяли и сожгли город Одоев. В ответ москвичи через два с половиной месяца точно так же поступили с городом Дмитровцем. Близ Вязьмы русские полки встретились с войсками Витовта, но дело вновь кончилось перемирием до 29 июня 1408 г. На следующий год большие силы Василия Дмитриевича и Витовта сошлись на берегах р. Угры. На сей раз противостояние длилось около двух недель, стороны начали переговоры и в конце концов пошли на заключение «вечного» мира[44].

Лествица Иоанна Лествичника. Миниатюра. 1-я четверть XV в. ГБЛ

Трехлетним противоборством Москвы и Литвы решила воспользоваться Золотая Орда. Там в июле 1407 г. произошел переворот, хан Пулад (Булат по русским источникам) изгнал хана Шадибека и захватил ханский трон. Переворот поддержал Идигу – один из могущественнейших ордынских эмиров. Великий ордынский князь Едигей, как называли Идигу на Руси, давно водил дружбу с московским князем, присылал ему дорогие подарки, а когда Василий Дмитриевич начал войну с Витовтом, то отправил на помощь Москве войско. В то же время Едигей направил послов к Витовту, обещая и ему свою поддержку. Смысл его действий заключался в том, чтобы еще больше разжечь вражду между Литвой и Русью, ослабить их, а в результате обогатиться за счет тех и других.

[41] *Вздорнов Г.И.* Искусство книги в Древней Руси. М., 1980. С.96, 97, 100–111.

[42] *Смирнова Э.С.* Московская икона XIV–XVII вв. Л., 1988. С.17, 21.

[43] *Николаева Т.В.* Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976. С.163, 176, 178–180, 188–190.

[44] Псковские летописи. Вып.I. М.; Л., 1941. С.28; ПСРЛ. Т.XXV. С.234, 236; Т.XV. СПб., 1863. Стб.475, 478, 482.

Пайдзе – знак представителей ордынской власти на Руси. XIV–XV вв. ГИМ

Нужда же в средствах у Золотой Орды была большая, особенно с воцарением Пулада, поскольку Василий Дмитриевич, зная о частой смене ханов в Орде и справедливо расценивая это обстоятельство как признак слабости татарского государства, под благовидными предлогами уклонялся от уплаты ежегодной ордынской дани[45].

Осенью 1408 г., когда Василий Дмитриевич уже заключил мир с Витовтом, распустил полки и вернулся домой, в Москву пришло неожиданное известие от Едигея, будто хан Пулад решил наказать литовского князя за нападение на московские владения и направил против него большое войско во главе с ним, Едигеем. Василию Дмитриевичу предлагалось присоединиться к ханскому войску, на худой конец послать с полками сына, брата или кого-нибудь из знатных бояр. В Москве с удивлением прочли странное послание, заподозрили неладное, но поскольку точными сведениями о замыслах татар Василий и его окружение не располагали, решили подождать и отправить к Едигею «единаго отъ велможь, Юриа именемъ». Возможно, это был Юрий Васильевич Грунка, один из видных бояр Василия Дмитриевича. Ему были даны небольшая дружина и строго наказано немедленно отослать сообщение в Москву, если выяснится, что татары идут походом не на Литву, а на Русь. Едигей принял Юрия с его отрядом и ускорил движение, но не на Витовта, а на московского князя. Юрий, строго охраняемый Едигеем, так и не смог отправить гонца в столицу.

Но весть о приближении Едигея в городе была все-таки получена. Увы, она запоздала. Времени, чтобы собрать войско и организовать отпор татарам, уже не хватало. Великий князь Василий поступил так, как поступил его отец в 1382 г.: вместе с женой и детьми он покинул Москву и отправился в Кострому. Но в отличие от отца он сумел подготовить город к осаде. Во главе осажденных был поставлен опытный полководец, 55-летний дядя великого князя, Владимир Андреевич Серпуховский. Вместе с ним в осаду сели братья Василия – князья Андрей Можайский и Петр Дмитровский, а также князь Иван Юрьевич[46]. Интересно отметить, что большинство историков, начиная с Н. М. Карамзина, описывавших события 1408 г., перечисляя севших в осаду московских князей, совершенно опускают имя Ивана Юрьевича. Причина простая – не было известно, кем являлся этот князь. Между тем оказалось возможным выяснить происхождение князя Ивана. Поскольку князь Иван Юрьевич упоминается среди князей – родственников великого князя Василия, становится очевидным, что он принадлежал к их числу. В таком случае речь может идти только о старшем сыне князя Юрия Дмитриевича Галицкого и Звенигородского – Иване, смерть которого летопись отмечает под 1432 г.[47]

Помимо родственников великого князя в Кремле осталось много видных бояр: воевода великого князя Василия князь Юрий Козельский, первый боярин князя Владимира Андреевича Константин Иванович, любимец Василия Дмитриевича Иван Федорович Кошка, по-видимому, его брат Александр, великокняжеские бояре Константин Дмитриевич Шея, Михаил Федорович Морозов и другие[48]. Статья договора 1390 г. о действиях московских князей в случае осады города противником в точности выполнялась. Реализован был именно второй вариант этой статьи. В городе только не оказалось матери великого князя Василия. Евдокия Дмитриевна скончалась за год до нашествия Едигея, в 1407 г. Чтобы татары не смогли расположиться во двора́х, окружавших Кремль, и чтобы бревна изб и дворовых строений не использовались для примета к крепостным стенам, весь посад решено было сжечь. Москвичи сами поджигали свои дома. Современник очень красочно описал этот громадный вынужденный пожар: в одночасье огонь охватил церкви, которые строились в течение многих лет и которые «высокыми стоянми величьство града Москвы украшаху», другая красота города – «чюдныя храмы» (т.е. хоромы.– *Авт.*) – также «огнемъ скончевающуся»[49].

Приготовления для отражения осады Кремля татарами, уничтожение посадов лишь отчасти успокоили москвичей, многие из которых укрылись за крепостными стенами. Отъезд великого князя внес элементы нервозности и паники. Часть горожан, помня о бедствиях 1382 г., решила последовать примеру своего правителя и бежала из города, бросив на произвол судьбы свое имущество, не думая ни о чем, кроме спасения.

[45] ПСРЛ. Т.XXV. С.236, 237; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.II. М.; Л., 1941. С.133, 134, 212; ПСРЛ. Т.XV. Вып.1. Стб.174; Т.IV. Ч.1. Вып.2. Л., 1925. С.407.

[46] ПСРЛ. Т.XV. Вып.1. Стб.182; Т.XXV. С.238.

[47] Там же. Т.XXIV. Пг., 1921. С.182.

[48] Там же. Т.XV. СПб., 1863. Стб.483.

[49] Там же. Т.XV. Вып.1. Стб.183.

Сразу же нашлись охотники до оставленного чужого добра. В городе начались грабежи. Однако до крупных волнений дело не дошло. Княжеская власть учла уроки 1382 г., и если сам великий князь вновь оказался в Костроме, другие Калитовичи возглавили оборону Москвы и не дали повода стекшимся в Кремль людям опасаться за свою судьбу.

8. ОСАДА МОСКВЫ ЕДИГЕЕМ

Татары появились под вечер того дня, когда был зажжен посад. Огонь уже догорал, но стоять на пепелищах Едигею было невозможно. Под его командованием находились четыре царевича и шесть известных ордынских князей. Правда, не все они пришли с Едигеем к Москве. Часть ордынского войска отправилась к восточным московским владениям и стала опустошать поволжские города и волости: Нижний Новгород, Городец, Белогородие, стремясь прорваться к Костроме и Вологде. Однако основная масса татар сконцентрировалась вокруг Москвы. Узнав, что великий князь покинул столицу и отправился к Костроме, Едигей бросил за ним погоню, которую возглавили царевич и два князя. Погоня состояла из 30 тыс. всадников[50]. Очевидно, что все подошедшее к Москве ордынское войско насчитывало около 90 тыс. человек. Догнать великого князя татарам не удалось, но, по-видимому, этот тридцатитысячный отряд взял Переяславль, а затем Ростов, присоединившись позднее к основным силам Едигея.

Приход Едигея к Москве различные летописные своды датируют по-разному: 23, 26 и 30 ноября, 1 декабря 1408 г. Однако в весьма древнем рассказе о Едигеевом нападении на Москву, сохраненном Рогожским летописцем и Симеоновской летописью, указывалось, что татары подошли к Москве в пятницу[51]. Пятницы в конце ноября 1408 г. приходились на 23-е и 30-е числа. Поскольку Едигей, как отмечают те же летописные своды, стоял у Москвы три недели и ушел от нее 20 декабря, легко заключить, что именно 30 ноября татары подошли к Москве. Не решаясь подступить к кремлевским стенам, с которых стреляли пушки и летели стрелы, татары начали собираться «на поли града»[52]. Судя по всему, в виду имелось Кучково поле. Осмотр города убедил Едигея в том, что Кремль взять штурмом невозможно. Он отправил гонца к тверскому великому князю Ивану Михайловичу с повелением прибыть к себе и привезти полевые тюфяки и пушки, а сам расположился недалеко от Москвы.

Большинство летописей указывает, что лагерем Едигея стало село Коломенское. Древнейший же рассказ Рогожского летописца и сходных с ним памятников отмечает, что Едигей «ста въ селе на Коломенкахъ»[53]. Коломенки, очевидно, речки. Село Коломенское в источниках XIV–XV вв. никогда не определялось как «село на Коломенках». В завещании Владимира Андреевича Серпуховского упоминается московское село Поповское «на Коломенке с мелницею»[54]. На р. Коломенке стояло и известное позднее село Гравороново, теперь ставшее частью Москвы. Источники добавляют, что это село находилось «в Перерве»[55]. Через Перерву в средние века шла так называемая Болвановская дорога, соединявшая Москву с Коломной. Едигей и подходил к Москве, взяв предварительно Коломну. По-видимому, одно из сел, расположенных на р. Коломенке по пути Едигея к Москве Болвановской дорогой, и стало центром подмосковного лагеря его войска. Позднейшие же летописцы превратили малоизвестное село «на Коломенках» в хорошо знакомое Коломенское и сделали последнее местом сосредоточения Едигеевых сил.

Между тем, остановившись в Коломенском, Едигей дальше уводил бы свои войска от Кремля; от района Граворонова расстояние оказывалось меньшим. К тому же, базируясь в Коломенском, Едигею при подходе к московской крепости нужно было бы переправляться через еще не замерзшую р. Москву. При остановке близ Граворонова этого делать не требовалось. Впрочем, как бы там ни было, Едигей не предпринял никаких активных действий в отношении защитников Кремля, видимо, ожидая военной помощи. Тверской князь, получив приказ ордынского эмира, собрал войско, поставил на сани тюфяки и пушки, дошел до Клина и... повернул обратно[56]. Расчетливый тверской князь не хотел противиться Едигею, но и не хотел становиться в открытые враждебные отношения с Москвой. Артиллерии для атаки Кремля Едигей так и не получил, а потому решил брать Москву измором. Правда, его войска не бездействовали. Едигей посылал их на окрестные места, и татары сумели захватить и ограбить Юрьев, Дмитров, Серпухов, Верею, клинские волости Тверского княжества, некоторые волости Звенигорода и Можайска. Московский Кремль, однако, оставался для них неприступным. Его осада продолжалась уже много дней, когда к Едигею от хана Пулада прибыл срочный гонец.

Во время отсутствия большого татарского войска, ушедшего воевать на Русь, на Сарай напал соперник Пулада. Последнему повезло, потому что проводник враждебного ему хана привел его не к месту, где находился Пулад, а на торг, в предрассветной мгле перепутав части города. За ошибку проводник поплатился жизнью. Пулад же спасся чудом.

[50] ПСРЛ. Стб.182, 183; ПСРЛ. Т.XXV. С.238; Т.XV. Стб.484.

[51] Там же. Т.XV. Вып.1. Стб.183; Т.XVIII. С.158.

[52] Там же. Т.XV. Вып.1. Стб.183.

[53] Там же.

[54] ДДГ. № 17. С.46.

[55] АФЗХ / АМСМ. (1506–1613 гг.). Л., 1983. № 75. С.88; № 79. С.92.

[56] ПСРЛ. Т.XXV. С.238.

Через «скоросольников», как назвал гонцов русский летописец, он потребовал срочного возвращения Едигея с войском в Орду. Понимая, что находившимся в осаде москвичам неоткуда было получить достоверных известий о происшествиях в Сарае, Едигей запросил у них 3000 рублей откупа за свое согласие заключить мир. Ничего не подозревавшие москвичи собрали необходимую сумму[57]. Она равнялась размеру трехгодовой ордынской дани, которую московский князь уплачивал с территории собственно Московского княжества.

Но не только большие деньги увозил с собой в Орду Едигей. Его воины обогатились множеством пленных. «Жалостно же бе видети, достоино слезъ многых,– писал русский летописец,– яко единъ татаринъ до четыредесяти христьянъ ведяше, с нужею повязавши»[58]. Огромный урон в людях, который понесла Москва, московские волости и близлежащие центры, уничтожение московского посада замедлили развитие города.

После 1408 г. и до конца первой четверти XV в. источники редко говорят о строительстве новых объектов в Москве. Осенью 1412 г. в Дорогомилове была возведена новая каменная церковь Благовещения Богородицы, но построена она была не на московские средства, а на деньги ростовского архиепископа Григория, превратившего Дорогомилово в резиденцию ростовских владык.

Под 1415 г. в летописи впервые упоминается монастырь Иоанна Предтечи под бором, располагавшийся за рекой Москвой[59]. Вполне вероятно, что этот монастырь возник раньше своего первого упоминания. Но поскольку в описании пожара Заречья 1365 г. этот монастырь не фигурировал, а в рассказе о самосожжении Москвы 1408 г. о монастырях говорилось вообще, можно думать, что монастырь Иоанна Предтечи основан незадолго до 1415 г.

В следующем году в Кремле произошел пожар, от которого, видимо, пострадали дворовые строения великого князя. Во всяком случае, летописец отметил, что 18 июля 1416 г. на великокняжеском дворе была построена каменная церковь Благовещения. Как явствует из ремарки составителя Троицкой летописи, отметившего под 1405 г., что Феофан Грек, Прохор и Андрей Рублев расписывали старую церковь Благовещения («не ту, иже ныне стоитъ»), существовавший до 1404 г. собор был разобран и заменен новым. Фрески выдающихся иконописцев, украшавшие первый Благовещенский собор, оказались безвозвратно утраченными.

Последним крупным строительством в Москве до начала междоусобной феодальной войны стало возведение каменного Спасского собора в Андрониковом монастыре в 1425–1427 гг.[60]

9. ГОЛОД И БОЛЕЗНИ

Тяжелые последствия Едигеева нашествия усугублялись бедами, разразившимися в начале третьего десятилетия XV в. В 1422 г. во всех русских землях начался голод. Не избежала его и Москва. Кадь ячменя стала стоить в городе 1 рубль. Это была высокая цена, но еще большей она оказалась в Костроме – 2 рубля, а в Нижнем Новгороде – 6 рублей[61]. Очевидно, что вокруг Москвы концентрировалось сельское население, и связи города с сельскохозяйственной округой оказались прочнее, чем у Костромы и Нижнего Новгорода. Тем не менее за хлебом москвичи вынуждены были ездить в далекий Псков[62]. Голод продолжался три года, и дело доходило до людоедства.

Когда же голод стал прекращаться, наступило время моровой язвы. В Москве эпидемия началась с Троицына дня 1425 г., который приходился тогда на 27 мая. А ровно за три месяца до этого, 27 февраля 1425 г., умер великий князь Василий Дмитриевич[63]. После его смерти началась длительная, жестокая и беспощадная борьба за власть между сыном Василия десятилетним Василием и братом покойного великого князя Юрием Галицким. Эта борьба, сопровождавшаяся вероломством, клятвопреступлениями, изменами, неоправданными арестами и убийствами, с легкостью распро-

57 ПСРЛ. Т.XXV. С.239.

58 Там же. С.239.

59 Там же. С.241.

60 Там же. Т.VI. СПб., 1853. С.140; *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т.П. М., 1962. С.325, 330.

61 ПСРЛ. Т.XXV. С.245.

62 Псковские летописи. Вып.П. С.39.

63 ПСРЛ. Т.XXV. С.247, 246.

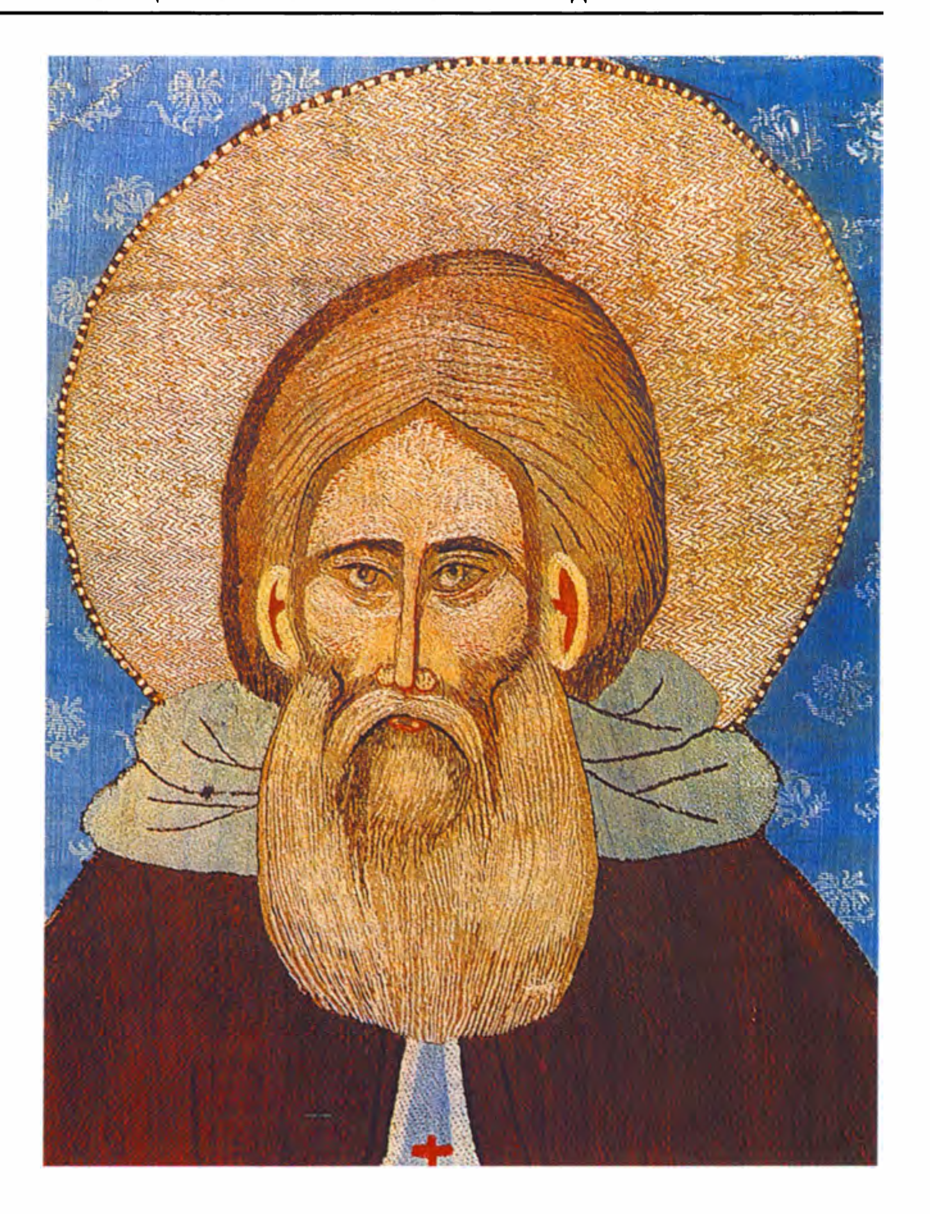

Спасский собор (1425–1427) Спасо-Андроникова монастыря

странившимися среди правящих верхов, привела и к подрыву материального благосостояния людей. Она наложила тяжелый отпечаток на развитие Москвы.

10. СОПЕРНИЧЕСТВО ЗА СТОЛИЦУ

На первых порах соперничество Юрия Дмитриевича с юным племянником не приобретало острых форм. В 1425 г. стороны договорились о том, что их рассудит сарайский хан: кому даст великое княжение, тот и будет править на Москве. В течение шести лет Юрий не начинал войны за великокняжеский престол. Дело в том, что гарантом выполнения условий завещания Василия Дмитриевича, согласно которому его преемником объявлялся сын Василий, был великий князь литовский Витовт[64], дед Василия Васильевича по материнской линии. В случае выступления Юрия Галицкого против племянника предсмертная воля Василия Дмитриевича нарушалась бы, и в русскую междоусобицу мог вмешаться на стороне внука литовский князь. Борьба с могущественным Витовтом не входила в планы Юрия, и он вынужден был ждать. В 1430 г. Витовт умер, и в Москве тотчас вспыхнул спор за великое княжение. Юрий и Василий осенью 1431 г. отправились в Орду. Там они пробыли до конца июня 1432 г. Ордынский хан Улуг-Мухаммед после долгих колебаний оставил великое княжение за Василием. Однако когда князья вернулись на Русь, борьба между ними вспыхнула с новой силой. Весной 1433 г. Юрий выступил в поход против племянника. Сидевший в Москве Василий ничего об этом не знал. Он сумел собрать немногих москвичей, в том числе московских гостей, и вышел с ними против большого войска Юрия. Князья сошлись у р. Клязьмы, в 20 верстах от Москвы. Слуги великого князя отчаянно сражались, а московские жители, напившись меда, больше взирали на сражение, чем участвовали в нем. В итоге Василий был разбит и бежал в Тверь. Юрий вступил в Москву и занял великокняжеский стол[65]. Начались перетасовки среди московского боярства и служилых людей. Многие из них покинули город. В Москве появились ордынские заимодавцы князя Василия Васильевича. Чтобы удовлетворить их требования, Юрию пришлось взять 600 рублей у московских гостей и суконников[66]. Среди последних появились опасения, кто и когда будет отдавать им долг, хотя Василий Васильевич дал обещание его погасить. Вскоре старшие сыновья Юрия, Василий и Дмитрий Шемяка, убили отцовского любимца, видного московского боярина С. Ф. Морозова, и отложились от отца. Юрий был вынужден пойти на союз с племянником против собственных детей и уступить ему Москву. Однако вскоре Юрий примирился с сыновьями и вновь начал борьбу с великим князем. В бою «у Николы святаго на Горе» в ростовских пределах галицкий князь разбил Василия, привлек на свою сторону его союзника Ивана Можайского, незадолго до этого клявшегося в вечной верности Василию, и вместе с можайским князем 24 марта 1434 г. подошел к Москве. Город был полон сторонников великого князя, и они не открыли ворот Юрию. Тогда он начал осаду Москвы. Это была первая осада Москвы во внутренней династической войне. Она длилась неделю. Источники не сообщают подробностей осады, но она кончилась успешно для князя Юрия. 31 марта 1434 г. он вошел в город, арестовал мать великого князя Софью Витовтовну и его молодую жену Марию Ярославну, отправил их в подмосковный Звенигород, сам же захватил великокняжеский стол[67].

Сергий Радонежский. Покров. 20-е гг. XV в. Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник

[64] ПСРЛ. Т.XXV. С.247; ДДГ. № 22. С.62.

[65] ПСРЛ. Т.XXV. С.248–250.

[66] ДДГ. № 30. С.77, 80.

[67] ПСРЛ. Т.XXV. С.251; ДДГ. № 30. С.75, 78.

Василий Васильевич решил искать спасения в Орде. Он ушел в Нижний Новгород, намереваясь оттуда отправиться к татарам, когда в начале июня 1434 г. к нему пришло известие, что дядя Юрий Дмитриевич скоропостижно скончался, великокняжеский же стол занял его старший сын Василий. Последним оказались недовольны младшие братья Василия Юрьевича – Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный. Заключив союз с прежним врагом, великим князем Василием Васильевичем, они вместе пошли на Москву. Не ожидавший такого оборота событий Василий Юрьевич в начале июля 1434 г. бросил столицу и бежал в Ржеву[68].

Василий Васильевич вновь стал великим князем, наградив обоих Дмитриев крупными земельными владениями. Но с населением Москвы у него произошел конфликт. Василий, видимо, отказался заплатить долг в 600 рублей московским гостям и суконникам, и часть их покинула Москву, переселившись в Тверь[69].

В этих обстоятельствах старший Юрьевич решил продолжить борьбу. В 1435–1436 гг. он не раз воевал с великим князем, захватывая и опустошая его владения. В ответ Василий Васильевич вновь и вновь собирал войска и отправлялся с ними на двоюродного брата. В конце концов в бою у Скорятина в Ростовском княжестве в начале 1437 г. Василий Юрьевич был разбит, захвачен в плен, отвезен в Москву и там ослеплен. После этого Василий, получивший прозвище Косого, прекратил участие в политической борьбе, тихо скончавшись в 1448 г.[70]

11. ТАТАРСКИЕ НАБЕГИ. ЗАЩИТА ПРАВОСЛАВИЯ

До поры до времени братья Василия Косого, два князя Дмитрия, вели себя лояльно по отношению к московскому великому князю. У последнего же хватало новых забот. Летом 1439 г. на Москву напал хан Улуг-Мухаммед. Изгнанный из Сарая, хан обосновался около русского города Белева. Москва стала ближе, и 3 июля 1439 г. татары скрытно подошли к ее стенам. Великий князь Василий уже по заведенному порядку оставил столицу и укрылся за Волгой. Оборонять город должен был его шурин, князь Юрий Патрикеевич, потомок литовского великого князя Гедимина, перешедший на московскую службу еще во времена Василия Дмитриевича. Улуг-Мухаммед десять дней простоял у Москвы, но взять ее не смог. Забрав много пленных, не успевших укрыться в Кремле, хан на обратном пути сжег Коломну[71].

Весной 1441 г. в Москву вернулся из Италии митрополит Исидор, который на церковном соборе, проходившем в городах Ферраре и Флоренции, принял унию с католиками. Византийский император и константинопольский патриарх пошли на этот союз, чтобы использовать силы европейских католических государств в борьбе со все возраставшими угрозами турок-мусульман. В Москве некоторые католические новшества, которые стал вводить в богослужение глава русской церкви, приняли в штыки. Русские церковные иерархи тогда искренне полагали, что католичество – самый страшный враг православия, хуже ислама. Исидора арестовали и заключили под стражу в кремлевский Чудов монастырь, но через несколько месяцев дали возможность бежать на Запад[72].

Еще через несколько лет вновь напомнил о себе хан Улуг-Мухаммед. К тому времени его орда откочевала с южных пределов русских земель на восточные и оттуда нападала на русские города и волости. В начале 1445 г. московский князь отразил попытку татар захватить Нижний Новгород и Муром. Но летом того же года ему пришлось вновь выступить в поход. Он закончился крайне неудачно. 7 июля 1445 г. сыновья Улуг-Мухаммеда нанесли страшное поражение небольшому русскому войску под Суздалем, захватив в плен великого князя Василия, его двоюродного брата Михаила Андреевича Верейского и Белозерского, многих бояр и рядовых воинов. Сняв с великого князя нательные кресты, они послали их в Москву его матери и жене. Их привез татарин Ачисан. В Москве начались слезы и паника. Все думали, что победители ринутся на столицу, и сбежались в Кремль. В Кремле же ночью 14 июля случился грандиозный пожар, от которого выгорели все деревянные постройки, распались каменные церкви, во многих местах обрушились каменные стены крепости, сгорело много имущества, а главное – погибла масса спасавшихся в Кремле людей, по сообщению одной из летописей – около двух тысяч. Мать и жена плененного татарами великого князя оставили город и уехали в Ростов. За ними последовали и другие москвичи. Ситуация стала напоминать 1382 год. Правда, тогда стены Кремля были надежнее. Низы московского населения взволновались. Они самоорганизовались, начали укреплять ворота крепости, а намеревавшихся бежать – арестовывать, бить и ковать в железа. Паника прекратилась, и люди все вместе начали укреплять город. К счастью, сыновья Улуг-Мухаммеда не решились напасть на Москву и ушли к отцу в Нижний Новгород[73]. Москвичи смогли вздохнуть свободнее, правда, ненадолго.

[68] ПСРЛ. Т.XXV. С.251, 252.

[69] ДДГ. № 36. С.102, 104.

[70] ПСРЛ. Т.XXV. С.252, 270.

[71] Там же. С.260.

[72] Там же. С.260, 261.

[73] Там же. С.395, 262, 263.

Пленив великого князя, Улуг-Мухаммед послал посла к Дмитрию Шемяке, старшему из оставшихся на Руси князей московского дома. Посол Бегич, видимо, привез Шемяке какие-то предложения хана относительно управления Московским княжеством. Шемяка решил воспользоваться обстоятельствами и занять великокняжеский стол. Он сердечно принял посла, щедро одарил его и отпустил к хану с просьбой, чтобы тот не выпускал из плена великого князя Василия. Но миссия Бегича длилась слишком долго, татары подумали, что их посол убит Шемякой, и за большой выкуп освободили Василия Васильевича, Михаила Андреевича и других знатных пленников[74]. Псковские летописи свидетельствуют, что выкуп достигал огромной суммы – 25 тыс. рублей[75]. Это означало, что всему населению владений московских князей придется нести тяжелые расходы, в несколько раз превышающие размеры обычной ордынской дани. Безрадостная перспектива пугала людей, и они переходили на сторону Дмитрия Шемяки, распространявшего всевозможные устрашающие слухи о договоре великого князя Василия с ханом.

12. ДМИТРИЙ ШЕМЯКА И ВАСИЛИЙ ТЕМНЫЙ

Великий князь вернулся в Москву из плена только 17 ноября. В начале февраля 1446 г. Василий отправился на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. В Москве к тому времени уже возник заговор против великого князя, в котором участвовали многие московские бояре, часть московских гостей и духовенства. Как только великий князь выехал из Москвы, заговорщики тотчас оповестили об этом Дмитрия Шемяку и ставшего его союзником Ивана Можайского. В Троице Василий был схвачен, привезен в Москву и ослеплен. Великим князем стал Дмитрий Шемяка[76].

Однако Василия Темного, как стали прозывать ослепленного великого князя, поддержали его троюродный брат Василий Ярославич, многие бояре и служилые князья, союзные Василию татары, иерархи русской церкви. При их поддержке в конце 1446 г. Василий оставил свой Вологодский удел, куда отослал его Шемяка, и двинулся на своих недругов[77]. Дмитрий Шемяка и Иван Можайский стояли у Волока Ламского, поджидая Василия Темного. Тот по пути на Волок отпустил к Москве небольшой отряд под командованием своего боярина М. Б. Плещеева. Отряд обошел Шемякины полки и перед рассветом 25 декабря въехал в Москву. Там начинали праздновать Рождество. На торжественную заутреню в Успенский собор спешила княгиня Ульяна, тетка Василия Ярославича. Ворота в Никольской башне Кремля оказались открытыми, и вслед за возком княгини Ульяны люди Плещеева проникли в крепость. Это стало полной неожиданностью для кремлевского гарнизона. Московский наместник Дмитрия Шемяки Федор Галицкий прямо с церковной службы в Успенском соборе бежал из города. За ним последовал наместник Ивана Можайского Василий Чешиха. Он уже скакал на коне, когда его остановил истопник великой княгини Марии Ярославны Ростопча. Воеводы великого князя тотчас заковали Чешиху в железа. Арестовали и других сторонников Шемяки и Ивана Можайского, а заодно и ограбили. Москвичи были приведены к присяге в верности великому князю Василию Васильевичу. Кремль же стали готовить к возможной осаде[78].

Осады, однако, не последовало. Растерявшийся Шемяка бежал сначала в свой Галич, потом в Чухлому, а оттуда в Каргополь. Василий Темный преследовал его, но до сражения дело не дошло, и 17 февраля 1447 г. великий князь вернулся в Москву[79].

С этого времени Москва уже постоянно находилась в руках Василия Васильевича. Хотя борьба с Шемякой продолжалась, но галицкий князь был обречен. В решительном сражении 27 января 1450 г. у города Галича Дмитрий Шемяка был разбит, сам едва спасся от плена и бежал в Новгород Великий. Феодальная война в центральных русских землях закончилась. Уже из Новгорода Шемяка в начале 1453 г. попытался взять Устюг, но московские рати заставили его снять осаду города и вновь уйти в Новгород Великий[80]. А 23 июля 1453 г. великий князь, стоя на вечерне в церкви Бориса и Глеба, располагавшейся близ Кремля, получил радостное известие: Дмитрий Шемяка «напрасно» умер в Новгороде. Прискакавший с этой вестью из Новгорода подьячий Василий Беда сразу же получил чин дьяка. Он был настолько приближен к великому князю, что позднее даже писал его завещание[81].

С кончиной Шемяки не стало беспокойного внутреннего врага. Московские великокняжеские и митрополичьи летописи не сообщают подробностей о его смерти. А в ростовском летописании сохранился рассказ о подоплеке этого события. В Новгород приезжал дьяк Стефан Брадатый, доверенное лицо Василия Темного. Он провел переговоры с новгородским посадником Исаком Борецким, а потом вернулся в Москву. Борецкий подкупил повара Дмитрия Шемяки Поганка, и тот подложил яд, который привез с собой дьяк Стефан, в курицу, приготовленную для своего князя. В этом и заключалась «напрасная» смерть послед-

[74] ПСРЛ. Т.XXV. С.263, 264.

[75] Псковские летописи. Вып.I. С.47.

[76] ПСРЛ. Т.XXV. С.264–266.

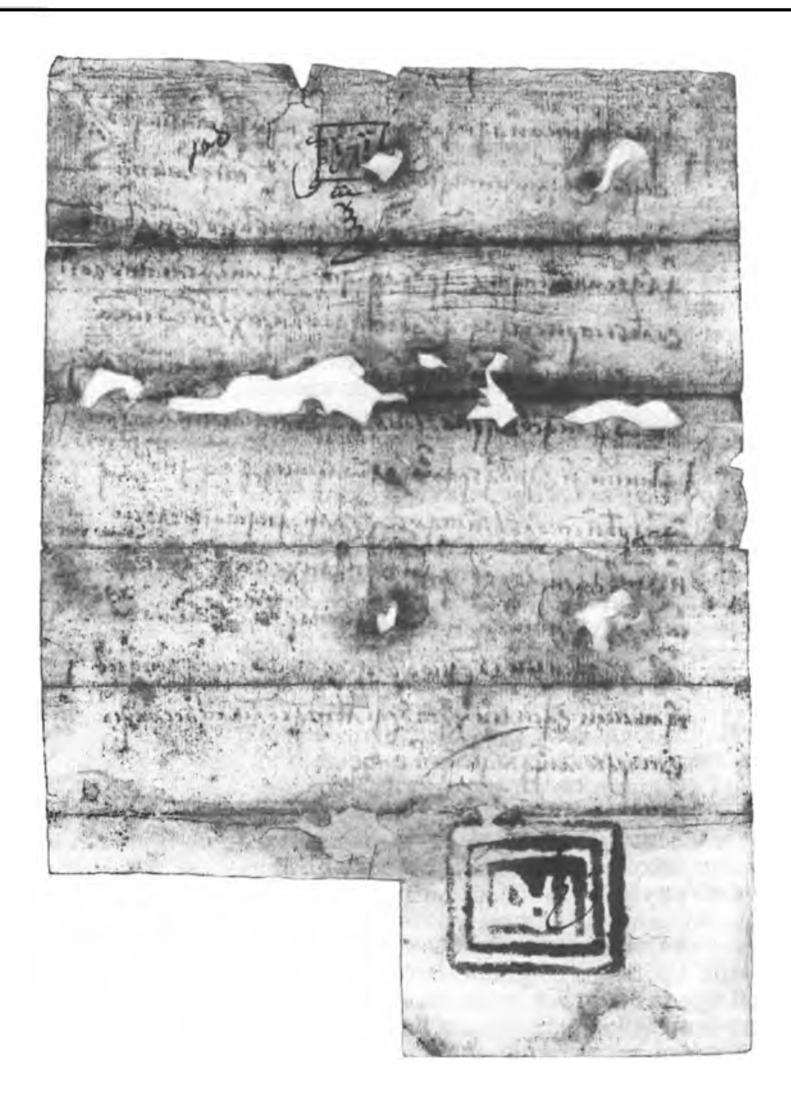
[77] Там же. С.268.

[78] Там же. С.268, 269.

[79] Там же. С.269.

[80] Там же. С.270–272.

[81] Там же. С.273; ДДГ. № 61. С.198, 199.

Грамота с изображением ордынской тамги и уйгурской подписью. Оборотная сторона. 1494 г. РГАДА

него Юрьевича. Новейшие исследования подтвердили правильность известия ростовского летописного источника. В новгородском Софийском соборе были обнаружены останки Дмитрия Шемяки, перенесенные в XVII в. в главный новгородский храм из Юрьева монастыря. Останки оказались мумифицированными, а в костях и тканях был обнаружен мышьяк – наиболее распространенный в средневековье яд, с помощью которого устраняли врагов[82]. Так московский великий князь избавился от своего политического противника.

13. НАПАДЕНИЕ МАЗОВШИ

Теперь у Василия Темного оставались только враги внешние. Некоторые из них проявили себя еще в предшествовавшие годы. Так, летом 1451 г. Москва подверглась неожиданному нападению царевича Большой Орды (преемницы Золотой Орды) Мазовши. Василий Темный вышел с небольшим войском из Москвы, чтобы воспрепятствовать татарам переправиться через р. Оку. Однако, отойдя недалеко от города, он узнал, что Мазовша уже подходит к Оке. Великий князь приказал войску двигаться дальше к Коломне, а сам вернулся в столицу. Поставленный во главе этого войска князь Иван Звенигородский испугался татар и также повернул обратно, но по иной дороге, чем великий князь. А тот, подготовив Москву к осаде, оставив здесь свою властную старуху мать и сына Юрия, митрополита Иону, ростовского архиепископа Ефрема, который предпочитал жить в московском Дорогомилове, а не в центре своей епархии, множество бояр, сам выехал из столицы, пытаясь, как обычно, переждать военные невзгоды за Волгой.

Мазовша долго не решался форсировать Оку, опасаясь западни. Лишь когда его разведка установила, что московских войск на левом берегу Оки нет, он перешел реку и, наверстывая упущенное время, устремился к Москве. Мазовша появился в городе 2 июля в половине четвертого утра. Тотчас запылали московские посады, подожженные татарами, а сам Мазовша начал штурм Кремля. Татары приступали ко всем кремлевским воротам и там, «где несть крепости каменныа». Судя по этому замечанию, кремлевские стены, сильно пострадавшие в пожар 1445 г., к 1451 г. еще не были восстановлены полностью. Кремль из каменной крепости превратился в каменно-деревянную. Однако крепостные ворота и деревянные части стен надежно защищались москвичами, хотя им и приходилось страдать от жары и дыма пылавшего вокруг Кремля огня. Когда пожар стал утихать, защитники города предприняли ряд вылазок. Стычки продолжались до вечера 2 июля. С наступлением сумерек татары отошли от города. Защитники начали готовиться к бою на следующий день. Но татары не появились. Вскоре выяснилось, что они спешно отступили от Москвы, бросив захваченные слитки железа и меди, взятые, вероятно, на московских пушечных дворах, другие товары, оставив даже пленных. Причина столь неожиданного отступления Мазовши заключалась в том, что, услышав ночью большой шум в готовившемся обороняться Кремле, татары решили, будто туда пришел с войском великий князь, а потому, побросав трофеи, бежали[83].

14. ОЖИВЛЕНИЕ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ

Если не считать этого стремительного наскока Мазовши, жизнь в Москве после разгрома в начале 1450 г. Дмитрия Шемяки под Галичем начала входить в

[82] ПСРЛ. Т.XXIII. СПб., 1910. С.155; *Янин В.Л.* Некрополь новгородского Софийского собора. М., 1988. С.105–111.

[83] ПСРЛ. Т.XXV. С.271, 272; Т.VI. С.179.

нормальное русло, город стал медленно оживать. Уже летом 1450 г. боярин и казначей Василия Темного Владимир Григорьевич Ховрин построил на своем кремлевском дворе каменную церковь в честь Воздвижения креста вместо другой каменной же церкви, сгоревшей в пожаре 1445 г. Одновременно глава русской церкви митрополит Иона, впервые занявший кафедру Русской митрополии не по воле константинопольского патриарха, а по выбору и решению собора русских епископов, заложил на своем дворе в Кремле новую каменную палату с церковью Положения риз Богородицы. К 1453 г. была построена «на рве» церковь Бориса и Глеба[84]. Внутри Кремля в 1458 г. на подворье Симонова монастыря около Никольских ворот воздвигли каменную церковь Введения Богородицы. В честь отражения от р. Оки Большой Орды митрополит Иона в 1459 г. соорудил новый придел Успенского собора – Похвалы Богородице. На следующий год на кремлевском подворье Троице-Сергиева монастыря троицким игуменом Вассианом Рыло была воздвигнута каменная церковь Богоявления. В 1461 г. на средства великого князя в Кремле построили еще одну каменную церковь – Рождества Иоанна Предтечи. Она стояла у Боровицких ворот. У Фроловских ворот известный московский зодчий Василий Дмитриевич Ермолин летом 1462 г. закончил строительство каменной церкви св. Афанасия[85]. В свое время почти все эти примеры каменного строительства в Кремле в конце 40-х – начале 60-х гг. XV в. приводил И. Е. Забелин, считавший, что ими исчерпывается список новых построек в Кремле в XV в. Отсюда следовал вывод об общей бедности города в указанное столетие[86]. Это не вполне соответствует истине. В XV в. в Москве и строили больше, и город, принимавший отовсюду жителей, был побогаче, чем представлялось известному московскому историку.

Характерно, однако, что за период с 1425 по 1449 г. включительно источники, за единственным исключением, не сообщают о новых постройках в Кремле. И это не случайно. Москва оправилась от последствий феодальной войны 30–50-х гг. XV в. только к самому ее концу, и почти ежегодные каменные постройки 50-х гг. названного столетия свидетельствуют об оживлении городской жизни и имевшихся для этого в Москве средствах. Их, видимо, хватало и на перестройку кремлевских стен, пострадавших от пожара 1445 г. и приступов царевича Мазовши в 1451 г. Летописи сохранили известие, что в 1462 г. В. Д. Ермолин поновил камнем участок западной кремлевской стены от Свибловой башни до Боровицких ворот[87]. Сохранилась любопытная купчая грамота Кирилло-Белозерского монастыря на «двор на Москве внутре города у Троицы, посторонь кирпишечной стрельницы, у Ивана у Семеновича у Морозова»[88]. К сожалению, грамота не имеет точной даты и может быть датирована достаточно широко: от 1448 г. до 70-х гг. XV в. Тем не менее весьма важно отметить существование в указанные годы в Кремле церкви Троицы, а главное – кирпичной стрельницы-башни. Очевидно, башня была возведена заново вместо белокаменной XIV в. Подворье Кирилло-Белозерского монастыря в Кремле располагалось близ Фроловских (позднее – Спасских) ворот. Двор И. С. Морозова прикупили, по-видимому, к уже имевшемуся в Кремле участку с комплексом хозяйственных и жилых построек старцев Кирилло-Белозерского монастыря. Следовательно, упомянутая в купчей 1448–1470 гг. кирпичная стрельница – это Фроловская, или Флоролаврская, башня. Возведение ее из кирпича указывает на то, что капитальные работы по ремонту стен московской крепости велись в 40–70-е гг. XV в. если не по всему периметру Кремля, то по меньшей мере в разных его местах.

В самом Кремле происходили изменения в составе его населения. Старомосковское боярство теряло свои дворы и земельные участки, которые переходили или в руки представителей позднее

Николай и Георгий. Конец XIV – начало XV в. ГРМ

[84] ПСРЛ. Т.XXV. С.271, 273

[85] Там же. С.275–277; Т.XVIII. С.157.

[86] *Забелин И.Е.* История города Москвы. М., 1905. С.108, 109.

[87] ПСРЛ. Т.XXIII. С.157.

[88] АСВР. Т.II. М., 1958. № 150. С.87.

Сошествие Св. Духа на апостолов. Деталь пелены мастерской Софьи Палеолог «Праздники и святые». 1499 г. Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник

появившихся на московской службе боярских семей, или в руки князей и княгинь. Так, двор на кремлевском подоле Степана Дмитриевича Минина и его детей Григория и Федора приобрел коломенский наместник великого князя Василия Васильевича Иван Федорович Старков, происходивший из рода выехавшего из Орды на службу к Дмитрию Донскому знатного татарина Серкиза. Позднее И. Ф. Старков поддержал Дмитрия Шемяку и утратил свои прежние прочные позиции при дворе Василия Темного. Шатким положением боярина воспользовалась мать Василия, Софья Витовтовна. Она выменяла у И. Ф. Старкова купленный им у Мининых двор, предоставив ему хуже расположенное и меньшее по размерам дворовое место. Та же великая княгиня Софья приобрела в Кремле двор вдовы боярина Семена Васильевича Окатьевича Ирины и двор Степана Обобурова, человека незнатного происхождения, возможно, великокняжеского дьяка. Сам Василий Темный конфисковал в свою пользу дворы своих политических противников, бояр Петра, Ивана и Никиты Константиновичей Добрынских[89].

Увеличивали московские князья свои владения и за пределами Кремля. Так, Софья Витовтовна стала обладательницей Елизаровского двора на посаде и дворового места конюшего Ивана, а на Великом (Большом) посаде к ней перешел Муравьевский двор «и с садом». Василий Темный в своем завещании писал о дворах «за городом», т.е. за Кремлем, которые были его куплей и промыслом, а также о принадлежавших ему садах, которые должны были унаследовать его сыновья[90].

Расширяли свои владения на посаде и бояре. В завещании Василия Темного упоминается каменный Егорьевский монастырь. Он стоял в теперешнем Георгиевском переулке. Его владелицей была Мария Голтяева, жена боровского князя Ярослава Владимировича. Возможно, именно Мария, разбогатевшая после 1445 г., сумела воздвигнуть этот монастырь в камне. К 1454 г. монастырем на посаде около левого берега р. Москвы владел боярин П. К. Добрынский. Этот монастырь св.Саввы дал название современной Саввинской набережной[91].

В середине XV в. в источниках появляются указания на новые села близ Москвы, со временем ставшие частью города. В духовной грамоте Софьи Витовтовны, составленной летом 1451 г., впервые упоминаются села Воробьево и Семеновское. В завещании Василия Васильевича 1461–1462 гг. некоторые старые московские села фигурируют вместе «з дворы з городскими». Таковы Красное село, Семчинское, Сущевское, Напрудское, Ногатинское и Хвостовское[92].

Наличие на землях этих сел городских дворов свидетельствует как о существенном пополнении населения Москвы, так и о действиях княжеской власти, предоставлявшей статус горожан лицам, селившимся вне старых городских земель. География сел показывает, какие районы ближайшего подгородья заселялись наиболее интенсивно: преимущественно это север (Напрудское и Сущевское) и северо-восток (Красное село). Эта территория успешно осваивалась еще в первой четверти XV в. Городские дворы появляются и на юг от Кремля (Хвостовское, Ногатинское) и к юго-западу от него (Семчинское). Ранее эти районы заселялись слабо. Во второй же трети XV в. они, по-видимому, стали безопаснее, и там появились дворы горожан.

Приток в Москву населения после окончания феодальной войны в определенной мере объясняется укреплением великокняжеской власти. Смерть сыновей Юрия Дмитриевича, сыновей Владимира Андреевича и арест в 1456 г. его внука, совладельца Москвы князя Василия Ярославича, изгнание из русских земель Ивана Андреевича Можайского и подчинение его брата Михаила превратили Василия Темного в почти единственного владельца и правителя Москвы. Великий князь Василий Васильевич сосредоточивал в конце 50-х гг. XV в. власть не только над городскими и подгородными землями Москвы, но и почти над всеми налогами с ее жителей. В таких условиях переселявшиеся в Москву люди из других княжеств или иных владений Василия Темного находили здесь одного высокого сюзерена и могли не беспокоиться за свою судьбу. Различ-

[89] ДДГ. № 57. С.177; № 61, С.195.

[90] Там же. С.177; № 61. С.199.

[91] Там же. № 61. С.195; АФЗХ. Ч. 1. № 29. С.48, 49.

[92] Там же. № 57. С.176; № 61. С.194–196, 198.

ного рода податные льготы, возможности найти себе применение в большом городе делали еще более привлекательным поселение в Москве.

15. НОВЫЕ СЛОБОДЫ

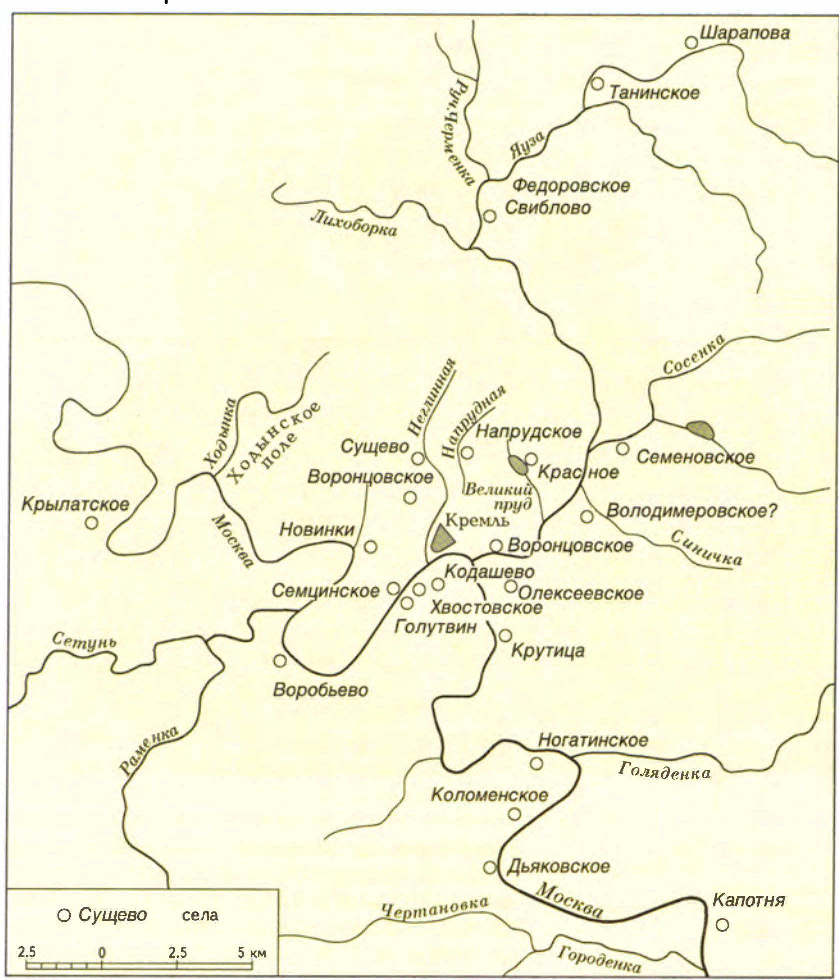
Показателем притока населения можно считать появление в Москве в последней трети XV в. при Иване III, сменившем в 1462 г. на великокняжеском столе своего отца, целого ряда слобод. Так, летописи под 1474 г. отметили пожар в слободе князя Юрия, расположенной за р. Москвой против села Семчинского. Им владел родной брат Ивана III дмитровский князь Юрий Васильевич, скончавшийся в 1472 г. Очевидно, слобода возникла между 1462 г., когда он стал владельцем Семчинского, и 1472 г. Она стояла на правом берегу р. Москвы в районе современной Крымской набережной[93]. Несколько ниже по течению р. Москвы, в районе теперешней Якиманской набережной, находилась другая слобода, называвшаяся Колычевской. В начале XVI в. ею владел Иван III, но, судя по названию слободы, ранее она принадлежала известной боярской фамилии Колычевых.

Большой московский наместник, князь Иван Юрьевич Патрикеев основал слободу за р. Яузой, где построил Кузьмодемьянский монастырь. Речь, очевидно, идет о районе на левом берегу Яузы, близ ее устья, где и позднее стояла церковь, посвященная Козьме (Кузьме) и Демьяну.

У р. Яузы располагалась еще одна слобода, принадлежавшая другому видному деятелю второй половины XV в. – князю Василию Васильевичу Ромодановскому, служившему Михаилу Андреевичу Верейскому и Белозерскому. Недалеко находилась слобода Ильинская, основанная властями Андроникова монастыря. К началу XVI в. последние две слободы попали в руки Ивана III[94]. На север от Кремля возникла Петровская слобода, принадлежавшая одноименному монастырю[95]. Таким образом, удельный дмитровский князь, крупные светские и церковные феодалы в 60–90-х гг. XV в. основывали в Москве новые слободы, приглашая в Москву новых жителей и используя их труд в своих городских домах и хозяйствах. Показательно, что, как и в предшествовавший период, заселялись районы на восток, север и югозапад от Кремля. Упоминание во второй половине XV в. таких московских мест, как Дмитриевская улица и Болвановье за р. Яузой[96], подтверждает сделанный вывод.

Впрочем, город рос и на запад. В 1475 г. летопись впервые называет мос-

МОСКВА и окрестности в 60-70-е гг. XV в.

Автор карты доктор ист. наук Кучкин В.А.

ковский Арбат – ту часть города, где, по-видимому, чаще, чем в других местах, останавливались татарские послы и купцы, давшие этой части Москвы свое привычное название – рабат (по-арабски – постоялый двор), переиначенное в XV в. москвичами в Арбат[97].

Рост Москвы при Иване III, увеличение численности ее населения, строительство в городе, получившее наибольший размах в конце 70-х – начале 90-х гг. XV в., были обусловлены успешными действиями этого московского князя, подчинявшего себе во все большей степени независимые прежде русские княжества и земли. В 1463 г. Иван III присоединил к своим владениям обширное Ярославское княжество. В 1474 г. он купил вторую половину Ростовского княжества (первой московские князья владели еще со времен Ивана Калиты) у местных властителей. Успешная борьба с Новгородом Великим (победа на р. Шелони 14 июля 1471 г.) существенно обогатила московского правителя. Московский летописец прямо отмечал, что великий князь Иван Васильевич вернулся из новгородского похода в Москву, «тако же и вся братиа его, князи и воеводы и вся воа их,

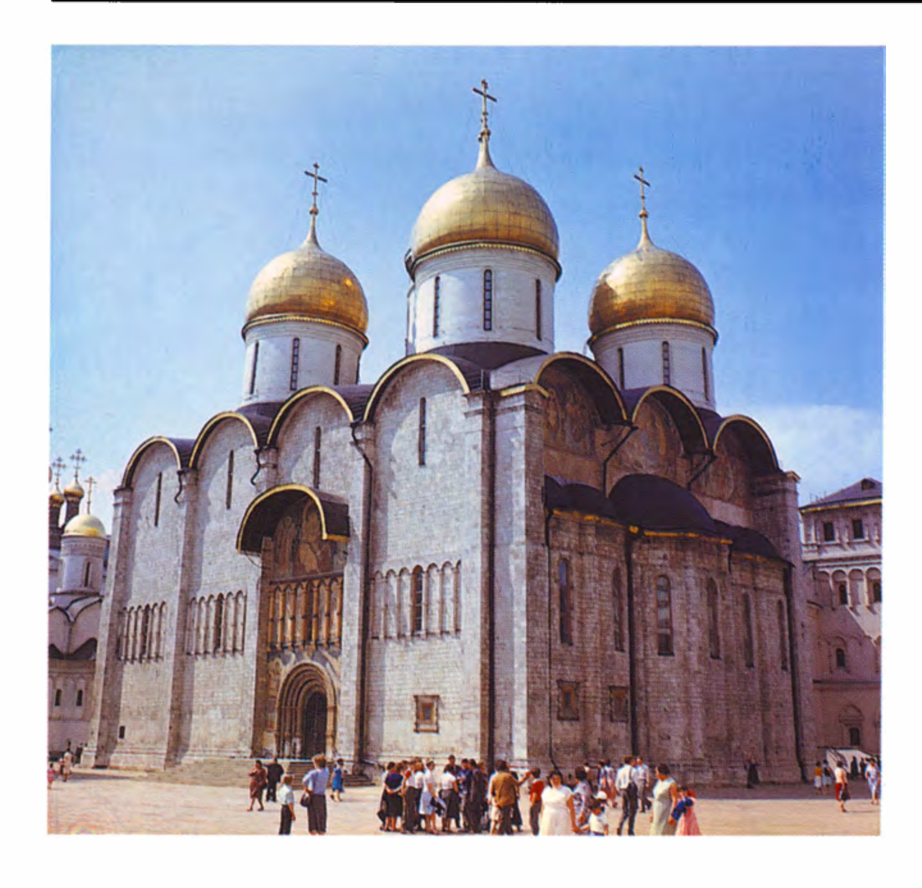
[93] ПСРЛ. Т.XXVIII. М.; Л., 1963. С.139; ДДГ. № 61. С.194.

[94] ДДГ. № 89. С.354, 358; № 86. С.348.

[95] ПСРЛ. Т.XXVIII. С.159.

[96] Там же. Т.XXV. С.297, 331.

[97] Там же. С.304. О значении слова Арбат см.: *Добродомов И.Г.* Арбат (этимологический этюд) // Топономика и межнациональные отношения. М., 1991. С.95–108.

Успенский собор Московского Кремля. Архитектор Аристотель Фиораванти. 1475–1479 гг.

со многою корыстью»[98]. Сосредоточение в руках великого князя и его окружения значительных средств способствовало и возникновению тех новых московских слобод, о которых говорилось выше, и приглашению в Москву высококвалифицированных ремесленников, в том числе иностранных, и широкому строительству в городе.

16. НАЧАЛО СТРОИТЕЛЬСТВА В КРЕМЛЕ ПРИ ИВАНЕ III

На первых порах после смерти Василия Темного строительные работы в Кремле и на прилегавших к нему участках московского посада велись довольно вяло. Не было ни масштабности, ни размаха. Первая постройка, осуществленная в Москве в правление Ивана III, относится к 1467 г. В тот год 22 апреля умерла жена Ивана III – Мария, дочь тверского великого князя Бориса Александровича. Как и все скончавшиеся до нее великие княгини, она была захоронена в церкви Вознесения кремлевского женского Вознесенского монастыря. Заложенная вдовой Дмитрия Донского Евдокией в 1407 г., эта церковь в течение 60 лет оставалась недостроенной. Начатое при Евдокии строительство после ее смерти было прекращено. Его возобновили через много лет, когда вдова великого князя Василия Дмитриевича, Софья Витовтовна, решила закончить постройку. Но при ее жизни успели возвести стены и свести их, однако барабана и купола так и не сделали. Многочисленные кремлевские пожары привели незаконченную постройку вообще в негодное состояние. Захоронение там в 1467 г. великой княгини Марии Борисовны еще раз напомнило о бедственном положении храма.

Мать Ивана III, вдовая великая княгиня Мария Ярославна, решила разобрать обгорелые и потрескавшиеся своды и стены и воздвигнуть новую церковь. Работу поручили известному строителю Василию Дмитриевичу Ермолину. Однако он и возглавлявшиеся им мастера-каменщики нашли, что построенные несколько десятилетий назад стены прочны и не нуждаются в разборке. Зодчий разобрал только своды и обгорелый камень верхних частей стен, облицевал сохранившиеся стены новым камнем и жженым кирпичом, надстроил их, свел своды и полностью закончил строительство, «яко дивитися всем необычному делу сему». 3 ноября 1467 г. церковь Вознесения была освящена митрополитом Филиппом[99].

В конце 60-х – начале 70-х гг. XV в. обстраивался новыми приделами кремлевский Архангельский собор. Правда, приделы возводились не из камня, а из дерева. Их строили быстро, поскольку все они были обетными. Так, летом 1468 г. Иван III построил обетную церковь в честь Симеона Дивногорца. Поскольку память Симеона Дивногорца отмечается 24 мая, возможно, что обетная церковь поставлена Иваном III в связи с большим пожаром, случившимся в Москве ночью 23 мая 1468 г. Пожар охватил Большой посад и часть Загородья. В Кремле было жарко и дымно, но крепость не загорелась. По-видимому, в этой связи и был создан новый придел Архангельского собора. Второй придел в честь апостола Акилы Иван III построил в 1471 или 1472 г. Память апостола Акилы отмечается 14 июля. В тот день воеводы Ивана III одержали решительную победу над новгородцами на р. Шелони, и по этому случаю великий князь дал обет построить церковь. Также обетным был придел Воскресения Христова. Его поставили князья Даниил Дмитриевич Холмский и Федор Давыдович Стародубский Пестрый, командовавшие московскими полками в битве на р. Шелони[100].

Когда 1 сентября 1471 г. москвичи, обрадованные победой над богатым Новгородом Великим, приветствовали возвратившиеся в столицу победоносные войска Ивана III (иные, самые горячие московские жители пошли встречать великого князя за много километров от города), тогдашний глава русской церкви митрополит Филипп встретил князя у Успенского собора на площади близ

[98] ПСРЛ. Т.XXV. С.291.
[99] Там же. С.279.
[100] Там же. С.281, 290.

«кладязя площадного». Очевидно, что в центре соборной площади к осени 1471 г. был сооружен колодец, снабжавший жителей крепости водой, особенно необходимой при частых кремлевских пожарах и в случаях неприятельской осады[101].

Вслед за великим князем, его окружением, богатым купцом приступил к перестройке кремлевских зданий и митрополит. Прежде всего его заботы коснулись Успенского собора. Эта главная кремлевская церковь стояла без обновления и перестройки уже почти 150 лет. Пожары и землетрясения, которые изредка достигали Москвы, делали свое дело. Собор стал ветхим, своды его потрескались, и их подпирали бревнами, чтобы они не рухнули. Да и внешний вид церкви, превратившейся в главный храм Русской митрополии, уже не соответствовал ни политическому положению и престижу митрополии, с 1448 г. ставшей автокефальной, ни архитектурным представлениям и вкусам русских людей XV в., знакомых с культовыми зданиями Германии, Италии, Палестины. Достаточно сказать, что построенный еще в XII в. Успенский собор г. Владимира, долгое время служивший кафедральным храмом митрополитов всея Руси, был и обширнее, и выше своего московского собрата.

На проведение работ митрополит Филипп затратил значительные средства. Их он собрал, обложив тяжелыми поборами как белое, так и черное духовенство. Митрополит купил холопов, которые должны были вести самые трудные и тяжелые работы по строительству храма. За выполнение инженерных и архитектурных работ брались два человека. Первый – уже известный нам Василий Дмитриевич Ермолин. Второй – Иван Голова, сын Владимира Григорьевича Ховрина, казначея и боярина Ивана III. Первый был талантливее, второй – знатнее. В соперничестве между ними победила знатность. В. Д. Ермолин вынужден был отказаться от подряда на строительство. Возведением храма занялся Иван Голова, которому помогал его отец, имевший опыт постройки каменных церквей[102].

По желанию митрополита Филиппа новый московский Успенский собор должен был по своим размерам и архитектуре повторить Успенский собор во Владимире. В этот город были отправлены московские мастера-каменщики, которые тщательно измерили здание XII в. Вернувшись в Москву, они принялись за дело. В апреле 1472 г. по периметру московской церкви были выкопаны рвы, которые сначала застлали бревнами, а затем стали заполнять камнем. Так готовился фундамент будущего здания. Затем стали разбирать приделы и алтарную часть старого храма. 30 апреля после торжественного богослужения митрополит Филипп своими руками положил строительные камни на месте будущего алтаря, будущих стен и углов. Мастера приступили к возведению самого здания. Когда стены достигли человеческого роста, продолжили разборку старой церкви. Сняли каменный пол, обнажили гробницы захороненных в Успении русских митрополитов и перенесли гробы с усопшими на другие места. Когда сделали пол в новом храме, а он стал выше прежнего на рост человека, гробы перенесли обратно. Гроб митрополита Петра оказался на своем старом месте. Но если в прежнем Успенском соборе оно находилось за алтарем близ жертвенника, то теперь оказалось перед дверями жертвенника, настолько новый храм был обширнее прежнего. Хотя собор строился споро, закончить его строительство к началу 1473 г. оказалось невозможным.

Между тем в Москве назревали важные события. 13 января 1472 г. Иван III, вдовствовавший уже почти пять лет, на семейно-государственном совете решил добиваться руки Софьи Палеолог, дочери жившего в Италии аморейского деспота Фомы Палеолога, родного брата последнего византийского императора Константина XI. Предложение московского правителя было принято, и ранней осенью 1472 г. деспина Софья отправилась в дальнее путешествие на север. Предстояло бракосочетание, а место для него еще только возводилось. Поэтому решено было внутри строящейся каменной церкви Успения поставить деревянную, что и было сделано. 12 ноября 1472 г. греческая царевна прибыла в Москву и в тот же день была обвенчана с московским великим князем во временном Успенском соборе.

А работы по строительству каменного собора продолжались. К началу апреля 1473 г. стены были возведены до большого аркатурного пояса, на трех стенах начали делать киоты святым, когда неожиданно скончался митрополит Филипп. Расходы по завершению строительства взял на себя великий князь. Еще через год были воздвигнуты все стены храма, в простенках северной стены на большую высоту соорудили лестницу, по которой можно было бы подниматься на хоры, начали делать своды. 20 мая 1474 г. строители вели свои обычные работы: одни продолжали возводить своды, другие соединяли их, подсобные рабочие носили наверх камень, известь, бревна. Собралось множество любопытствующих, ведь здание таких размеров и такой высоты строилось в Москве впервые. С заходом солнца каменщики прекратили работы. Была половина седьмого вечера, и длинный трудовой день остался позади. Тогда на стены забрались зрители, дивившиеся масштабности и хитроумности работ. Но в начале восьмого и они спустились на землю. Прошло

[101] ПСРЛ. Т.XXV. С.292.

[102] Там же. Т.XXIII. С.160.

еще минут двадцать, когда раздался страшный грохот. Западная стена не выдержала тяжести строящегося свода и до половины рухнула вниз. Упала северная стена до алтаря, все западные и северные своды и столпы, все построенные церковные помещения. Разбился верх выстроенной к свадьбе Ивана III деревянной церкви. Уцелели только половина западной стены и двери в ней, алтарь, а также вся южная стена с ее столпами и даже сводами. На этой стене нашел спасение маленький сын князя Федора Пестрого, жившего в Кремле на Подоле. Княжич вместе со всеми влез на стены, задержался, с любопытством осматривая здание, когда услышал подозрительный треск. «Въ оторопе» он бежал на южную стену и тем сохранил себе жизнь. После падения западной и северной стен он смог спокойно спуститься на землю[103].

В некоторых летописях падение почти построенного Успенского собора объясняется «трусом», т.е. землетрясением, какое случилось в Москве вечером 20 мая 1474 г.[104] Но причина, очевидно, заключалась в инженерных просчетах при строительстве храма. Рухнувшие же стены, своды и столпы собора могли породить иллюзию настоящего «труса», который и стал у летописцев, живших вне Кремля, объяснением неожиданной катастрофы. Иван III повелел разобрать до основания уцелевшие остатки постройки, поскольку опасно было входить в даже устоявший деревянный храм Успения. Одновременно он распорядился послать за строителями в Италию и Псков. В последнем трудились мастера-каменосечцы, прошедшие выучку в немецких городах.

В пасхальный день 26 марта 1475 г. в Москву вернулось посольство, отправленное летом предшествовавшего года в Италию для приглашения в Москву строительного мастера. Возглавлявший посольство Семен Толбузин такого мастера привез. Им был Аристотель Фиораванти[105].

К моменту приезда в Москву Фиораванти было около 60 лет. Он происходил из известной и богатой болонской семьи Фиораванти, представители которой из поколения в поколение занимались строительством и архитектурой. Аристотеля знали во многих государствах и городах Италии, его приглашал для строительных работ венгерский король Матвей Корвин. Русские летописи сохранили известие, будто бы Аристотеля пытался переманить к себе на службу даже турецкий султан Мехмед II. Аристотель Фиораванти зарекомендовал себя выдающимся инженером-строителем, зодчим, мастером по отливке пушек, колоколов и чеканке монет. Обладая многими талантами и обширными познаниями, он являл собой высокий образец человека эпохи Возрождения. Ивану III пришлось потратить немалые деньги, чтобы уговорить мастера работать в Москве. Жалованье Аристотеля составляло 10 рублей в месяц, не считая, очевидно, платы его подручным, а также повседневного корма и различных подарков.

Через три недели после прибытия в Москву Фиораванти приступил к работе. При помощи разных приспособлений он меньше чем за неделю разрушил остатки постройки Ивана Головы. Съездив во Владимир и ознакомившись там с Успенским собором, Аристотель воочию увидел, чего хотят от него русские заказчики. В июле 1475 г. он приступил к рытью фундаментов для московской церкви. Глубина рвов под фундаменты изумляла русских наблюдателей: она достигала 5 и более метров. В рвы забивались дубовые сваи, стены возводились из плотно пригнанных камней и кирпичей, скреплявшихся особым образом приготовленной известью. Кирпич делался на итальянский манер, более узким и более продолговатым, чем русский. Для его обжига построили специальную печь подальше от городских дворов: в Калитникове за Андрониковым монастырем. Известковый раствор клался железными лопатками, что также было новостью для русских строителей. Несущие столпы собора делались круглыми и квадратными, тогда как в прежних кремлевских постройках – только квадратными. В связях использовалось исключительно железо, а не дубовые брусы, как было раньше.

Когда стены были возведены на значительную высоту, болонец соорудил специальный механизм, который подавал наверх строительный материал, в частности тяжелые капители церковных столпов[106]. Впрочем, несмотря на все технические новшества, Аристотель Фиораванти затратил четыре года на постройку Успенского собора. Непокрытыми остались только купола. Это уже сделали приведенные Иваном III мастера из Великого Новгорода, которые сначала «хорошо велми» изготовили деревянный каркас, а по нему крыли купола немецким железом. Церковь, по выражению современника, получилась «чюдна велми величеством и высотою, светлостью и зъвоностью и пространством». На освящение церкви были приглашены все русские церковные иерархи. 12 августа 1479 г., за три дня до праздника Успения Богородицы, Успенский собор был освящен[107].

Почти одновременно с возведением Успенского собора началось строительство нового митрополичьего двора, находившегося рядом с собором, к северу от него. Старый двор сгорел при большом кремлевском пожаре 4 апреля 1473 г. Митрополит Геронтий, сменивший на кафедре летом 1473 г. скончавшегося митрополита Филиппа, осенью того же

[103] ПСРЛ. Т.XXV. С.293–296, 299, 302.

[104] Там же. Т.XXIV. С.194; Т.XXVIII. С.146.

[105] Там же. Т.XXV. С.302, 303.

[106] Там же. Т.VI. С.199, 200, 206, 207.

[107] Там же. Т.XXV. С.324.

года поставил на своем кремлевском дворе ворота, которые «кирпичом кладены ожиганным», и заложил каменную палату. Осенью 1474 г. строительство палаты закончилось. Она, как и ворота, была сооружена из кирпича и стояла на четырех каменных подклетах, которые впоследствии иногда превращались в тюрьму. Иными словами, это было достаточно внушительное каменное гражданское здание, одно из тех, что стали появляться в Кремле при Иване III. В том же 1474 г. митрополит Геронтий отстроил и свой загородный двор в Голенищеве, поставив там новые хоромы и церковь[108]. Но в отличие от кремлевских построек эти подгородные строения были, скорее всего, деревянными. В кремлевском Чудовом монастыре между 1473 и 1476 гг. по повелению Ивана III построили каменную церковь в честь основателя монастыря, митрополита Алексея[109].

17. ПЕРВОЕ ОПИСАНИЕ МОСКВЫ ИНОСТРАНЦЕМ

Интересно описание Москвы примерно этого времени венецианским дипломатом Амброзио Контарини. Он находился в Москве с 25 сентября 1476 г. по 21 января 1477 г., а свои воспоминания впервые обнародовал в 1487 г. Контарини отметил только одну стройку в замке, как он называл Кремль, именно возведение Успенского собора, которым руководил «мастер Аристотель из Болоньи», т.е. Фиораванти. Мастер жил в очень хорошем доме близ двора великого князя, и несколько дней Контарини провел в этом доме. В Кремле он познакомился с ювелиром, уроженцем долматинского города Катаро Трифоном, который изготовлял драгоценные сосуды и другие изделия для Ивана III. Подружился он и с греками, составлявшими окружение великой княгини Софьи Палеолог. Однако вскоре Контарини пришлось оставить Кремль и переселиться в другое место, по-видимому, на правом берегу р. Москвы, поскольку, давая характеристику Москве, Контарини описывает ее так: «Город Московия расположен на небольшом холме; он весь деревянный, как замок, так и остальной город. Через него протекает река, называемая Моско. На одной стороне ее находится замок и часть города, на другой – остальная часть города. На реке много мостов, по которым переходят с одного берега на другой»[110]. Контарини описал Кремль, Большой посад и Замоскворечье, но не упомянул о других частях города, например о Занеглименье или городских дворах по Яузе. Очевидно, он жил в Замоскворечье, и его представление о том, что там размещалась вторая часть города, примечательно. Оно свидетельствует, что Москва разрасталась в южном направлении, хотя другие источники об этом умалчивают.

18. РУССКИЕ И ИТАЛЬЯНСКИЕ ЗОДЧИЕ

Летописные памятники фиксируют строительство во второй половине 70-х гг. XV в. в других городских районах. 11 июля 1479 г. повелением Ивана III была заложена каменная церковь Иоанна Златоуста. Через три года псковские мастера, которых московский великий князь приказал отыскать во Пскове в 1474 г., закончили ее строительство. Стояла церковь на посаде в Садах, т.е. на северо-восток от Кремля[111].

Продолжалось строительство и в самом Кремле. В 1480 г. на подворье Троице-Сергиева монастыря разобрали каменную церковь Богоявления, потому что она стала старой и трухлявой, и на ее месте заложили новую, из кирпича. Примерно тогда же начались работы по восстановлению кремлевской церкви Рождества Богородицы, стоявшей на дворе великого князя. В 1480 г. купол этой церкви, в которую ударяла молния, бурей вырывало крест, которая страдала от пожара, рухнул вниз. Дело случилось ночью, людей в храме не было, но хранившейся здесь казне великого князя был нанесен урон, попортились и иконы. По-видимому, к 1482 г. эта церковь была отстроена вновь[112].

Каменное церковное строительство в Кремле и на посаде активно продолжалось до середины 80-х гг. XV в. Так, 8 сентября 1481 г. были заложены два каменных придела Архангельского собора: апостола Акилы и Воскресения Христова (деревянные сгорели при пожаре 1475 г.). В октябре 1482 г. состоялось их освящение. В 1482 г. на средства великого князя начали строить церковь Стретения в Стретенском монастыре на Кучковом поле. Ее возводили псковские мастера. В следующем году игумен Чигас за р. Яузой заложил кирпичную церковь Спаса[113]. Тогда же на митрополичьем дворе по повелению великого князя начали возводить Ризоположенскую церковь. Одновременно в Чудовом монастыре приступили к строительству каменной церкви в честь митрополита Алексея и новой монастырской каменной трапезницы. Весной 1484 г. началась перестройка дворового великокняжеского Благовещенского собора и всего двора великого князя. В 1485 г. стали делать большой погреб на казенном дворе Ивана III, а Д. В. Ховрин построил себе в Кремле кирпичный дом и кирпичную ограду.

[108] ПСРЛ. Т.XXVIII. С.135, 305; Т.XXV. С.301, 303; АФЗХ. Ч.1. № 24. С.46, 47.

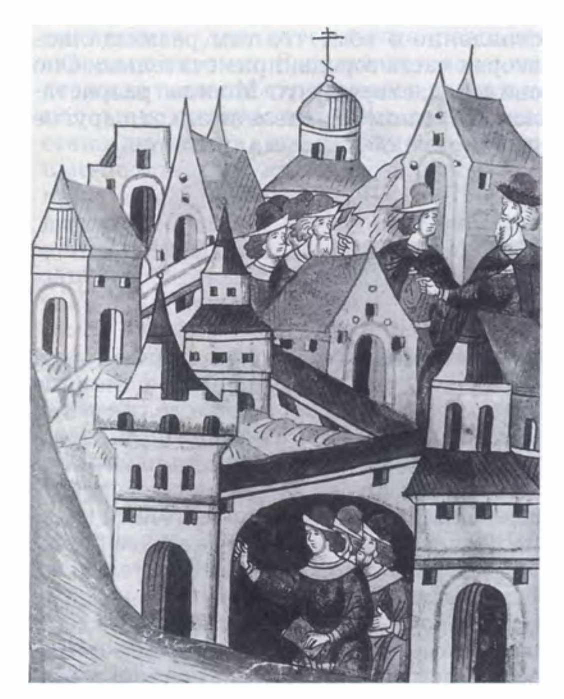
[109] *Кучкин В.А.* Первые каменные постройки в кремлевском Чудовом монастыре // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып.III. М., 1980. С.9.

[110] Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С.227.

[111] ПСРЛ. Т.XXV. С.323; Т.VI. С.34, 198.

[112] Там же. Т.VI. С.233; Т.XXVIII. С.149.

[113] Там же. Т.IV. Ч.1. Вып.2. С.524; Т.VI. С.198, 233, 234.

Строительство Фроловских и Никольских ворот Антонием Фрязиным. Миниатюра из Лицевого свода. XVI в. БАН

Грановитая палата Московского Кремля. 1487–1491 гг.

Тогда же приступили к возведению кирпичных палат на своих дворах старший брат Д. В. Ховрина – великокняжеский крестник Иван Голова и один из видных полководцев Ивана III – боярин Василий Федорович Образец Симский[114].

В том же году развернулись работы по перестройке кремлевских стен и башен. Состояние крепости внушало опасение еще в 1451 г., когда город осадил царевич Мазовша. Разрушившиеся части каменных стен дополнялись деревянными конструкциями, а верх стен был покрыт деревянной кровлей, как явствует из описаний кремлевских пожаров 1473 и 1479 гг.[115] Такой вид крепости и породил замечание А. Контарини, будто московский замок весь был построен из дерева. Однако после 1451 г. на Москву никто не нападал, и состояние оборонительных сооружений города не очень волновало правящие верхи.

Но в 1480 г. на Ивана III во главе всех своих сил двинулся хан Большой Орды Ахмат. Хотя его попытки перейти в июле р. Оку, а в октябре р. Угру русские войска отразили, у москвичей его приход в районы, близкие к столице, вызвал большие опасения. Кремль приготовился к осаде. Оборону должны были возглавить дядя Ивана III Михаил Андреевич Верейский и большой московский наместник князь И. Ю. Патрикеев.В Москве решила остаться даже мать Ивана III Мария Ярославна, к тому времени монахиня Марфа. Тем не менее многие московские бояре готовы были бросить город на произвол судьбы и искать спасения в бегстве. То же они советовали и великому князю. Иван III начал колебаться[116]. В простом народе зрело серьезное недовольство правителем. Когда «стояние на Угре» кончилось отходом Ахмата, прорыв татар к Москве так и не осуществился, стало ясно, что во избежание последующих потрясений нужно позаботиться об обороноспособности столицы.

Трудно сказать, когда именно было принято решение о строительстве новой крепости. Во всяком случае, оно последовало не позднее лета 1482 г., когда в Италию отправилось посольство с целью нанять на русскую службу мастера – каменного строителя. Посольство во главе с греком Мануилом Ангеловым (Доксасом) и итальянцем Иваном Лисицыным (Джан Баттиста делла Вольпе) задачу выполнило. К лету 1485 г. в Москве появился новый итальянский строитель Антон по прозвищу Фрязин, т.е. итальянец, как тогда называли на Руси выходцев с Апеннинского полуострова. Он сразу же принялся за работу. Через два года в столице появился еще один фрязин – Марк (Марко Руффо), специализировавшийся на возведении дворцов, но умевший строить и оборонительные сооружения. По приезде в Москву он также незамедлительно включился в перестройку кремлевских стен. Но в Москве не вполне были удовлетворены работой обоих итальянских инженеров-строителей.

В августе 1487 г. в Италию вновь отправилось посольство во главе с перешедшими на русскую службу греками Дмитрием и Мануилом Ралевыми. Посольству было поручено продолжать поиски «хитрого» каменщика, поскольку в Москве завершались работы по возведению южной стены и предстояло строительство восточной и западной кремлевских стен, в инженерном отношении наиболее сложное. Зимой 1489/90 г. Ралевы привезли в Москву известного в Европе строителя крепостных сооружений Пьетро Антонио Солари, выходца из знаменитой миланской семьи архитекторов и скульпторов Солари. Пьетро Антонио и стал руководителем всех строительных работ в Кремле, получив титул генерального «архитектуса» Московии[117].

[114] ПСРЛ. Т.IV. Ч.I. Вып.2. С.526; *Кучкин В.А.* Указ. соч. С.8; ПСРЛ. Т.XXV. С.330; Т.VI. С.236, 237.

[115] Там же. Т.XXV. С.300, 326.

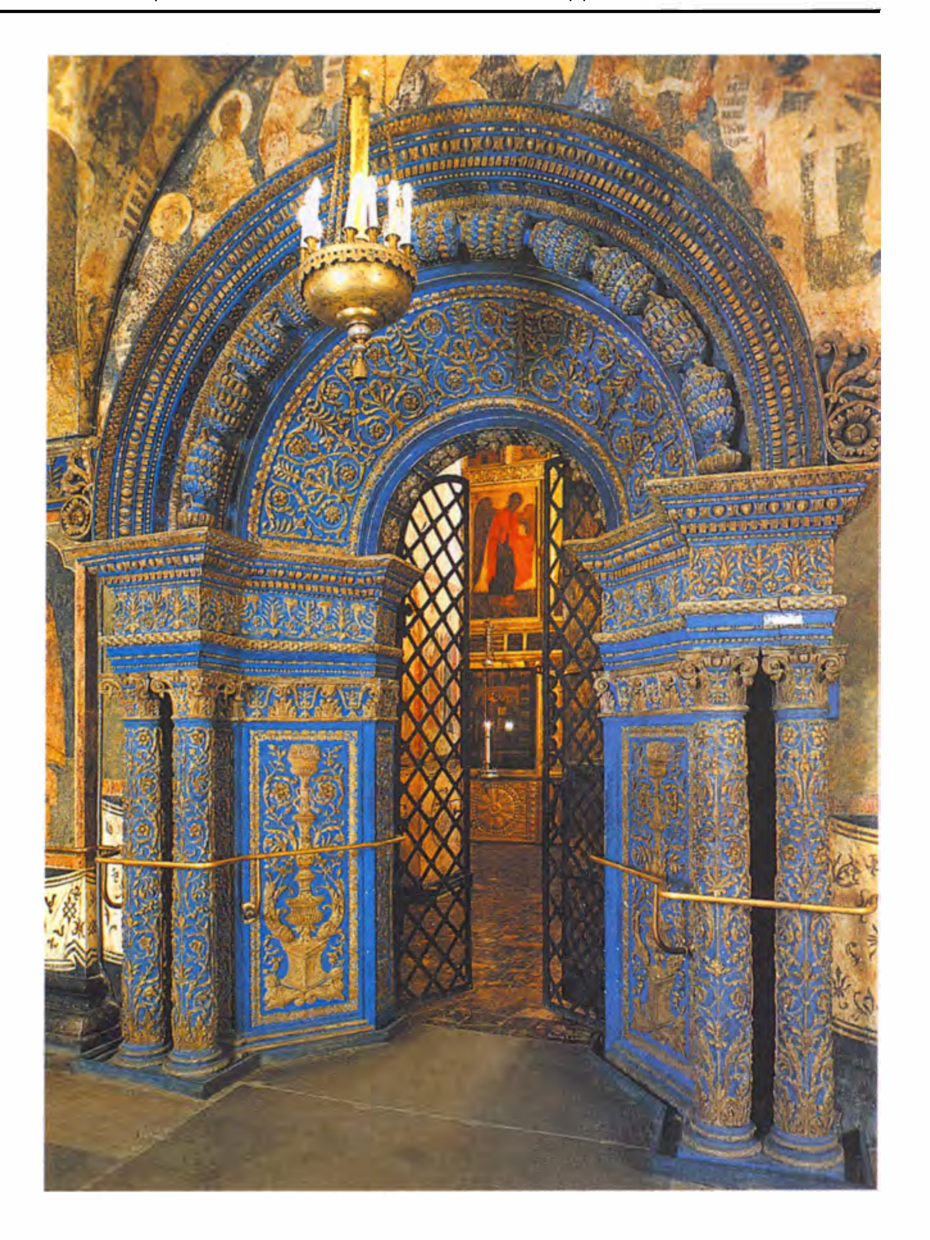
[116] Подробнее см.: *Клосс Б.М., Назаров В.Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство XIV–XV вв. М., 1984.

[117] *Флоря Б.Н.* Русские посольства в Италию и начало строительства московского Кремля. // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып.III. С.12–17.

Строительство нового Московского Кремля началось со стороны р. Москвы. 19 июля 1485 г. Антон Фрязин заложил стрельницу, как тогда называли башни, на р. Москве и вывел под нею тайник. Тайник делался у Чешковых ворот, т.е. в середине южной части кремлевской стены. В 1487 г. только что прибывший другой итальянец, зодчий Марко Руффо, построил Беклемишевскую башню «на угле внизъ по Москве». В конце мая 1488 г. Антон Фрязин заложил стрельницу вверх по р. Москве на месте бывшей угловой Свибловой башни и также сделал тайник. Тем самым было завершено возведение южного участка крепости[118]. В 1490 г. Пьетро Антонио Солари закончил две стрельницы: одну – у Боровицких ворот, другую – у Константиноеленских (Тимофеевских). Он же соорудил стену между Свибловой и Боровицкой башнями. В марте следующего года Солари вместе с Марком заложил две башни – у Фроловских ворот и у Никольских, причем Никольская башня была поставлена на новом месте. В августе – сентябре 1491 г. Пьетро Антонио Солари завершил возведение Фроловской башни. Одновременно им была заложена стена, подходившая к р. Неглимне. В 1492 г. сделали фундамент стены от Фроловской башни до Никольской, а на другой стороне Кремля построили над р. Неглимной совершенно новую стрельницу с тайником, позднее названную Троицкой башней[119].

Через короткое время Иван III приказал уничтожить все дворы и церкви, стоявшие по берегам р. Неглимны на расстоянии 110 сажен от Кремля, для возведения новой западной кремлевской стены и ее сохранения от возможных пожаров. Смерть Солари в 1493 г. и случившийся в том же году большой пожар в Кремле несколько приостановили работы по строительству крепости. Только весной 1495 г. был подготовлен фундамент кремлевской стены вдоль р. Неглимны, место для которого освободили три года назад. При этом стену поставили ближе к реке, что несколько расширило территорию крепости. А в мае 1499 г. еще один появившийся в Москве итальянец – Алевиз (Алоизио да Каркано) построил участок каменной стены от двора Ивана III до Боровицкой башни[120]. Окончательно кремлевская цитадель была закончена уже при Василии III, в начале XVI в.

Параллельно с возведением крепости развернулись широкие работы и внутри Кремля, прежде всего по реконструкции великокняжеского двора, где были расположены терем Ивана III, различные подсобные строения, Спасский монастырь, собор Благовещения и церковь Рождества Богородицы с приделом, посвященным Лазарю. Псковские мастера, начавшие в 1484 г. возводить новый Благовещенский собор, закончили работу через пять лет. Они построили саму церковь и ее придел в честь Василия Кесарийского – небесного покровителя Ивана III[121]. Однако с великокняжеской палатой, заложенной также в 1484 г., дело не заладилось. Через три года Иван III поручил Марку Руффо возвести свой большой дворец там, где прежде стоял его терем. Новому строительству мешал древний Спасский монастырь, поэтому Иван III приказал в 1489 г. тогдашнему настоятелю монастыря Арону перенести монастырь на берег р. Москвы близ Крутицы. В 1491 г. у великого князя нашлись средства на каменный собор Новоспасского монастыря[122]. Возведение же великокняжеского дворца заняло четыре года. Он был закончен с приездом Пьетро Антонио Солари, который принял участие в завершающих работах. Великокняжеский дворцовый комплекс, от которого к настоящему времени сохранилась только Грановитая палата, названная так потому, что ее внешние сте-

Западный портал Благовещенского собора Московского Кремля. 1508 г.

[118] ПСРЛ. Т.VI. С.36, 237; Т.XVIII. С.272; Т.VIII. СПб., 1859. С.217.

[119] Там же. С.38; Т.XXV. С.332; Т.VIII. С.221; Т.XXVIII. С.156, 157.

[120] Там же. Т.XXVIII. С.158, 160, 332.

[121] Там же. Т.XXVII. М.; Л., 1962. С.289.

[122] Там же. С.288, 360, 361.

Покров Богородицы. Конец XV в. Владимиро-Суздальский историко-архитектурный музей-заповедник

ны на итальянский манер были обложены рустованным камнем, был закончен летом 1491 г. На следующий год началась перепланировка всего великокняжеского двора, замена деревянных построек каменными, затянувшаяся на много лет[123].

Продолжалось в Кремле и церковное строительство. В 1491 г. на кремлевском подворье Симонова монастыря была возведена каменная церковь Введения Богородицы. В 1501 г. разобрали каменную церковь Чуда архангела Михаила в Хонех Чудова монастыря, а в сентябре 1503 г. святили уже новую церковь. В 1505 г. был разобран старый Архангельский собор и заложен новый на том же месте. Тогда же разрушили построенную еще Иваном Калитой церковь Иоанна Лествичника и также заложили новую, но уже на ином месте[124].

Грандиозное строительство, развернувшееся в Московском Кремле при Иване III, влекло за собой перепланировку внутренней территории крепости. Из Кремля выселялись его прежние обитатели, в частности, представители некоторых купеческих фамилий[125]. Одновременно возникали новые дворы, принадлежавшие возвысившейся в конце XV в. знати, приглашенным в Москву строителям, великокняжеским мастерам, московским и подмосковным монастырям; пролагались новые улицы. Показательно свидетельство составленного в декабре 1503 г. завещания Ивана III. В нем описан участок земли, который московский великий князь оставлял своим младшим сыновьям: Юрию, Дмитрию, Семену и Андрею. Участок включал дворовое место боярина Василия Борисовича Тучкова, которое было уже занято тремя портными мастерами Ивана III, и часть новой улицы, проложенной от Фроловских ворот к площади перед соборами и княжеским дворцом[126].

19. ГОРОДСКОЙ ПОСАД

Строительство внутри Кремля влияло и на планировку окружавших крепость территорий. О сносе в 1492 г. строений по нижнему течению р. Неглимны и о запрещении строить к Кремлю ближе чем на 110 саженей (около 300 метров) выше уже говорилось. А в 1495 г. Иван III приказал уничтожить все дворы и церкви на правом берегу р. Москвы против Кремля и разбить на их месте сады, видимо, также из-за опасения пожаров. О новых веяниях в городской планировке и в быту горожан свидетельствуют заведение в 1504 г. в Москве уличных решеток и попытки стандартизировать размеры городских улиц, о чем сообщает новгородский летописец, отмечая, что и в Новгороде Великом в 1507 г. размер улиц стали устанавливать по-московски[127].

Впрочем, возведение монументальных зданий в Кремле и на посаде, сооружение первоклассной даже по западноевропейским меркам кремлевской крепости мирно уживались с маленькими и тесными домами рядовых горожан. В этой связи показателен один факт, отраженный в документе 1491 г. Дворецкий митрополита Зосимы дал грамоту некоему Савве Никифорову на поселение близ московского Новинского монастыря. Никифоров обязывался обосноваться на берегу р. Москвы, «собе двор ставити, а лес сечи, и розселивати»[128]. Речь шла об освоении земли в районе современной Краснопресненской набережной. В эпоху возведения в Москве итальянскими зодчими невиданных до тех пор в городе каменных зданий здесь, примерно в часе ходьбы от Кремля, еще рос дикий лес и строился двор, неотличимый

[123] ПСРЛ. Т.XXVII. С.361.

[124] Там же. Т.XXVIII. С.335, 337–338.

[125] ДДГ. № 89. С.358.

[126] *Флоря Б.Н.* Изменения социального состава населения Московского Кремля в конце XV – начале XVI в. // Средневековая Русь. М., 1997.

[127] ПСРЛ. Т.XXVIII. С.160, 337; Т.VIII. С.230; Т.IV. Ч.1. Вып.2. С.461.

[128] АФЗХ. Ч.1. № 34. С.51.

от дворов подавляющего числа жителей городской и сельской Руси.

Савва Никифоров ставил свой дом на собственные средства. Строительство в центре Москвы финансировалось великокняжеской казной. Расходы были громадными. Кажется неслучайным, что наиболее интенсивный период переустройства Москвы – конец 70-х – начало 90-х гг. XV в.– совпадает хронологически с окончательным подчинением Ивану III Новгородской республики, освобождением от ордынского ига, покорением Тверского княжества. У новгородцев московский князь изъял колоссальные материальные ценности. По сообщению посла императора Священной Римской империи Максимилиана I Сигизмунда Герберштейна, впервые побывавшего в Русском государстве в 1517 г., Иван III вывез из Новгорода 300 возов золота, серебра и драгоценных камней. Так говорили Герберштейну новгородцы. Москвичи же считали, что было вывезено гораздо больше[129], может быть, еще что-то из подвластных Новгороду областей. С северных земель, принадлежавших Новгороду, в Москву стали поступать в большом количестве дорогая пушнина и очень ценившиеся в Европе редкие охотничьи птицы. Многое было вывезено из Твери. А освобождение из-под власти Орды оставило в руках московского правителя средства, которые раньше должны были в виде дани уплачиваться татарским ханам. Таким образом, развитие Москвы, в частности строительство в городе, было напрямую связано с военными и политическими успехами Ивана III.

20. РЕМЕСЛЕННИКИ И ТОРГОВЦЫ

Только располагая значительными денежными средствами, московский великий князь мог приглашать в свою столицу известных западноевропейских мастеров и щедро оплачивать их труды. Приглашались не только строители. В Москву приезжали ювелиры, мастера денежного дела, люди, умевшие лить пушки и колокола, врачи, а в 1490 г. в составе большой группы иностранных мастеров прибыл капеллан монашеского ордена августинцев органист Иван Списатель, как передал его имя русский летописец. Этот белый чернец, носивший, в отличие от русских монахов, белые одежды, прожил в Москве два года, влюбился в молодую русскую вдову, отрекся от своего монашеского обета, оставил рясу и женился на вдове. Иван III поощрил молодожена, пожаловав ему село[130].

Но как ни значительно по сравнению с предшествующим временем было число работавших в Москве в последней трети XV в. иноземцев, среди ремесленников различных специальностей, приезжавших в Москву или постоянно живших в ней, преобладали местные, русские мастера. Строительство новых церквей требовало их росписи, новых иконостасов и икон, особой утвари, богослужебных книг. В иконах, посуде, одеждах, украшениях, богатых выездах нуждались владельцы новых каменных дворцов и палат. Их потребности удовлетворялись местными умельцами. Так, для изготовления иконостаса в новопостроенный Успенский собор были привлечены русские иконники Дионисий, поп Тимофей, Ярец и Коня. Церковь Стретения Богородицы на посаде за деньги великого князя расписал иконник Долмат[131]. Дионисий уже в 80-е гг. XV в. зарекомендовал себя выдающимся мастером. Его росписи и иконы отличались точным рисунком, проработкой деталей, отрешенностью и возвышенностью образов. Это был последний период в русской иконописи, когда воспроизведенный образ выступал как олицетворение внутреннего совершенства и глубокой созерцательности[132].

В те же годы в Москве зародился новый стиль художественного оформления русской книги – так называемый старопечатный. Стиль этот испытал явное влияние западноевропейских образцов. Сохранилась рукописная Книга 16 малых пророков, написанная в 1489 г. в Кремле для известного дьяка Ивана III Василия Мамырева. В 6 из 16 заставок рукописи прослеживается влияние немецких и голландских гравюр 60–80-х гг. XV в. Очевидно, оформители Книги 16 пророков – а ими были кремлевские художники – имели эти гравюры перед собой. Переработав некоторые мотивы немецких и голландских печатных изданий, они создали новый тип известных книжных украшений, который позднее распространился по всей России[133].

Апокалипсис. Сорок мучеников севастийских. Деталь росписи жертвенника Успенского собора Московского Кремля. Около 1481 г.

[129] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С.148.

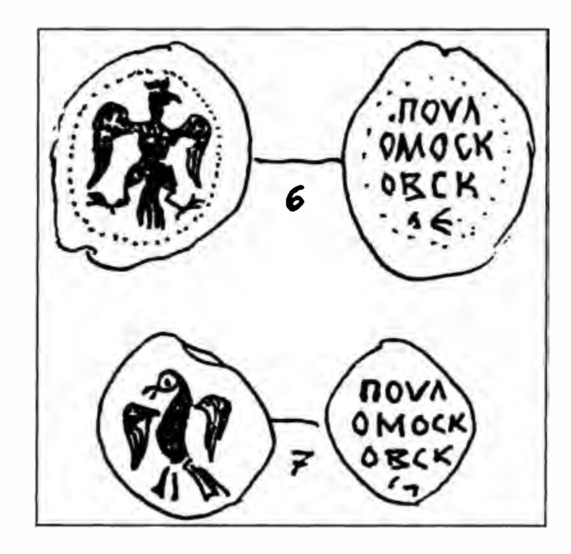
[130] ПСРЛ. Т.XXVIII. С.154, 157; Т.XXIV. С.209.

[131] Там же. Т.VI. С.233, 237.

[132] *Смирнова Э.С.* Указ. соч. С.33, 36, 37.

[133] *Кучкин В.А., Попов Г.В.* Государев дьяк Василий Мамырев и лицевая Книга пророков 1489 г. // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Т.II. М., 1974. С.130–136, 141, 144.

Пула.
Конец XV в.
Прорись
А. С. Мельниковой

Произведения московских иконописцев, книжных миниатюристов, исполнителей рукописных заставок, мастеров золотого и серебряного дела, пушечных и колокольных литцов – это образцы высокого ремесла, обслуживавшего потребности главным образом московской элиты или государства в целом. Представители такого ремесла работали на заказ и получали за свой труд соответствующее вознаграждение. Так, Дионисий и его товарищи за иконостас для Успенского собора получили 100 рублей[134].

Обыденные вещи изготовлялись простыми ремесленниками. Во дворах московской знати сосредоточивалось большое количество ремесленников-холопов, чьи изделия удовлетворяли повседневные потребности их господ. В этой связи показательно завещание московского наместника князя И. Ю. Патрикеева, составленное им после опалы в 1499 г. В своей духовной грамоте этот богатый московский вельможа XV в. передавал своим наследникам несколько десятков принадлежавших ему семей холопов, многие из которых не только страдничали в поле, но и занимались ремеслом. Среди них повара и хлебники, приготовлявшие еду в боярском доме, садовники, мельники, рыболов и утятник, поставлявшие продукты к столу, стрелки, трубники (трубачи), сокольники и псари – непременные участники боярской забавы-охоты, а наряду с ними – домоткан (ткач), портные мастера, плотник, огородник (строитель), серебряный мастер и даже бронник[135].

По-видимому, дворцовое, постепенно превращавшееся в казенное ремесло и ремесло вотчинное оставались господствующими в Москве в XV в. Во всяком случае, материалы этого столетия не содержат сведений ни о московских ремесленных слободах и сотнях, известных в последующее время, ни о фактах продажи или приобретения на рынке ремесленных изделий. Описавший московский торг А. Контарини говорит о торговле на нем пшеницей, говядиной, свининой, курами, гусями, рыбой, дровами и сеном, причем отмечает невероятную дешевизну сельскохозяйственных продуктов[136], но ни о каких ремесленных изделиях на московском рынке он не упоминает. Венецианца можно было бы заподозрить в избирательности наблюдений, ведь он въехал в Москву, едва удерживаясь на лошади от многонедельного недоедания, однако русские источники подтверждают его правоту. Так, в описании 1504 г. части Москвы на улицах города отмечаются только хлебные лавки. Сохранившиеся жалованные грамоты на беспошлинный провоз товаров в Москву называют среди этих товаров жито (ячмень) и рыбу, поступавшие в столицу из вологодских и белозерских пределов. Ремесленные изделия, по-видимому, чаще обменивались, чем продавались, и это несмотря на то, что денежные отношения прочно укоренились в городе. В финансово-кредитные операции оказывались втянутыми все слои населения, от сторожа кремлевского Успенского собора, бравшего в долг небольшую сумму, до князей и церковных иерархов, ссужавших и занимавших деньги[137].

Что касается торговых сделок и связей, то они в последней трети XV в. стали гораздо интенсивнее. В Москву везли товары из других русских земель и городов, из стран Востока и Запада. Правда, торговля велась скорее на основе натуральных, а не денежных расчетов. Тот же А. Контарини сообщает, что в Москву ежегодно приезжали купцы из Астрахани, которые везли «шелковые изделия из Иезда (город в Персии.– *Авт.*) и боккасины (тонкие льняные ткани.– *Авт.*), чтобы обменять их на меха, седла, сабли, уздечки и всякие другие нужные им вещи». Завещание Ивана III фиксирует в Москве много гостиных дворов, где останавливались как свои, так и иноземные купцы. Из-за пожара в одном из таких дворов в начале XVI в. сгорели московский посад и торг (будущий Китай-город). Двор носил название Панского[138]. На нем, по-видимому, останавливались купцы из Литвы и Польши. Указанием на его местонахождение служит современный Старопанский переулок в Москве.

21. СУДЫ И РАСПРАВЫ

Однако в Москву приезжали не только разного рода ремесленники и торговцы. С усилением власти московского великого князя, превратившегося в государя всея Руси и все более сосредоточи-

[134] ПСРЛ. Т. VI. С. 233.

[135] ДДГ. № 86. С. 345–347.

[136] Барбаро и Контарини о России. С. 228.

[137] ДДГ. № 92. С. 371; АСВР. Т. III. № 255. С. 276; АФЗХ. Ч. 1. № 286. С. 246; АСВР. Т. II. № 87. С. 52; Т. I. № 499. С. 377; № 501. С. 379; ДДГ. № 83. С. 351.

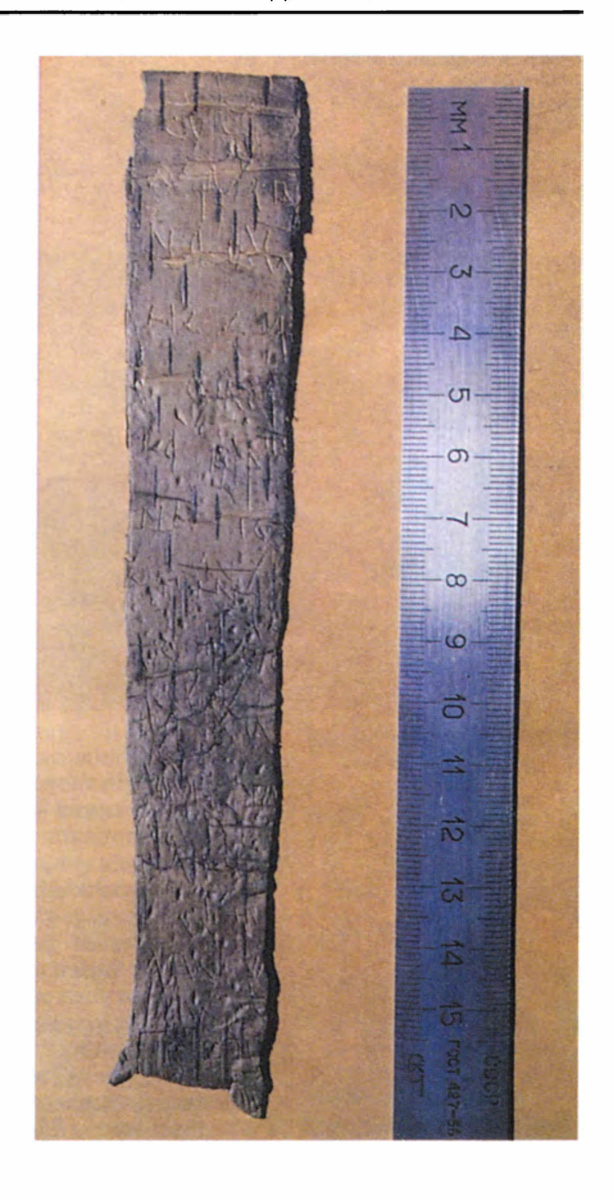
[138] Барбаро и Контарини о России. С. 220; ДДГ. № 89. С. 354, 361; ПСРЛ. Т. XXVIII. С. 342.

вавшего в своих руках законодательную, судебную и исполнительную власть, в Москву пред грозные очи верховного судьи или заменявших его лиц стали приезжать люди из разных областей Руси. Как факт исключительной важности отметил московский летописец приезд в начале 1477 г. из Новгорода с приставом великого князя Ивана III новгородского посадника Захария Овинова и многих других новгородцев, которых Овинов обидел или которые обидели его. В Москве им предстоял суд. «Того не бывало от начала, как и земля их стала,– отметил летописец-москвич,– и как великыи князи учали быти от Рюрика на Киеве и на Володимере и до сего великого князя Ивана Васильевича, но сеи в то приведе их»[139]. Недаром несколько месяцев спустя новгородцы упрашивали Ивана III не вводить у них московских позовов, т.е. не судить их в Москве. В просьбе было отказано.

И по отношению к другим землям Русского государства та же норма верховного суда в Москве оставалась неизменною. Так, около 1490 г. Иван III в Москве должен был «дать счет», т.е. решить местнический спор, своим боярам, занимавшим высокие должности костромского и владимирского наместников. В 90-е гг. XV в. имел место случай, когда вызванный в Москву по земельному спору ответчик не выдержал долгого пребывания и убежал из города, не дождавшись судебного разбора. Суд, естественно, вынес решение не в его пользу. Спорное дело касалось участка в волостях Воре и Корзеневе Московского уезда, откуда в столицу ехать было сравнительно недалеко. В 1496 г. в Москве вершился суд о потраве лугов в Малоярославце. Через два года в Москве рассматривалось дело о владельческой принадлежности лугов в Костромском уезде, и поездка спорящих сторон оттуда в столицу была делом уже непростым. В начале XVI в. в Москву должен был отправиться судиться житель Пошехонья Митя Климов. Судьи нередко брали посулы и принимали решения в пользу взяткодателя, как и произошло в последнем случае[140]. В общерусский Судебник 1497 г. был включен специальный «Указ о езду», предусматривавший поездки московских судебных чиновников в различные города государства для вызова людей на суд в Москву. В «Указе» перечислены 53 города и района страны. Наиболее отдаленными от Москвы были Холмогоры, Вычегда, Устюг, Белоозеро, Вологда, Новгород Великий, Нижний Новгород, Кострома, Галич, Муром, Козельск, Белев, Вязьма, Калуга[141].

Ожидание правды в Москве становилось иногда накладным не только для ответчика, но и для истца. В таких случаях заключались полюбовные соглашения, как было в начале XVI в. между властями Троице-Сергиева монастыря и князем Ф. В. Долгоруковым относительно земель в Малоярославецком уезде. Составлялись в Москве и купчие на деревни, расположенные весьма далеко от Москвы, которые должны были бы продаваться и покупаться на месте[142]. Так постепенно в жизни Москвы конца XV – начала XVI в. начинали проступать черты монархической централизации власти, с течением времени породившей многочисленный и мощный бюрократический аппарат, наряду с рациональным и правильным вершением дел занимавшийся волокитой и вымогательством.

Впрочем, в Москве вершились не только гражданские и уголовные дела, касавшиеся жителей Москвы, Подмосковья или других уездов Русского государства XV в. Воля великого князя обрывала жизни людей, заподозренных в различных замыслах против великокняжеской власти и ее окружения. И тогда москвичи становились свидетелями публичных казней. Первая такая казнь в годы правления Ивана III пришлась на

Прорись московской берестяной грамоты № 1. Начало документа реконструируется: «+[Се] суд суд(и)л». Грамота интерпретируется как фрагмент судного списка и датируется по палеографическим данным 1-й третью XV в.

Московская берестяная грамота № 1. Фотография. МИГМ

[139] ПСРЛ. Т.XXV. С.309.

[140] АСВР. Т.III. № 248. С.266, 267; Т.I, № 595. С.459; № 604. С.503; АФЗХ. Ч.I. № 259. С.232; АСВР. Т.II. № 309. С.266.

[141] Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С.23.

[142] АСВР. Т.I. № 647. С.564; № 266. С.193.

Сожжение еретиков. Миниатюра из Лицевого свода. XVI в. БАН

1483 г. Придворный врач московского великого князя «немчин» Антон, который пользовался полным доверием Ивана Васильевича, стал лечить князя Каракучу, служившего вассалу Москвы касимовскому хану Данияру. Врачевание кончилось тем, что немчин «умори его смертнымъ зелиемъ за посмехъ». Сын Каракучи, мучив лекаря, хотел затем продать его в рабство, но Иван III велел его казнить. Зимой на р. Москве молодой князь, мстя за смерть отца, зарезал врача ножом, «какъ овцу»[143]. Через семь лет в Москве был казнен другой лекарь, венецианец Леон. Он пообещал вылечить наследника Ивана III, великого князя Ивана Ивановича Молодого, и был настолько самоуверен, что поручился собственной головой за выздоровление наследника. Но в результате врачевания князю Ивану стало хуже, и он скончался. В отместку 22 апреля 1490 г. в Болвановье за р. Яузой мистру Леону снесли голову[144].

В конце декабря 1497 г. на льду р. Москвы отрубили головы сторонникам Софьи Палеолог, видевшей на московском троне после Ивана III своего сына Василия и интриговавшей против внука Ивана III Дмитрия, которого великий князь хотел сделать своим преемником. Было казнено шесть человек. Еще примерно через год там же казнили князя С. И. Ряполовского, теперь уже за то, что он не поддержал Софью Палеолог и ее старшего сына. А в 1493 г. и 1504 г. на р. Москве людей сжигали в клетках. В первом случае это были князь Иван Лукомский и переводчик Матиас лях. Оба они приехали на русскую службу из Литвы и обвинялись в том, что являются литовскими лазутчиками, пробравшимися ко двору Ивана III, чтобы погубить великого князя. В 1504 г. в клетках сожгли еще трех человек, среди них – одного из интереснейших русских людей конца XV – начала XVI в., великокняжеского дьяка Ивана Волка Курицына – искусного дипломата, образованного человека, сторонника переустройства русской церкви. Им предъявили обвинение в еретичестве, они были осуждены церковным собором и способом, очень типичным для средневековой Европы, лишены жизни[145]. Московские летописцы, позволявшие себе осуждать подобные казни при отце Ивана III, Василии Темном, теперь только констатировали их проведение.

22. ПОСЛЫ И ГОСТИ

Превращение Москвы при Иване III в общерусский центр способствовало ее становлению как центра международного. В Москву, где стало проживать больше иноземцев, больше оседать переходивших на русскую службу знатных татар, приезжать торговых гостей, зачастили иностранные посольства. Некоторые из них прибывали из тех стран, с которыми Москва и раньше поддерживала отношения. Это прежде всего ханства, на которые в XV в. окончательно распалась Золотая Орда. Так, летом 1474 г. в Москву прибыл посол от хана Большой Орды Ахмата – Каракучук. Его сопровождала свита в 600 человек. Вместе с посольством в Москву приехали 3200 гостей, которые привели с собой на продажу 40 тысяч лошадей «и иного товару много». В июле 1476 г. в Москве снова появился посол Большой Орды, на сей раз Бочюк, которого сопровождали всего 50 человек свиты и 550 купцов, снова с лошадьми «и с товаром всяким»[146]. После «стояния на Угре» дипломаты из Большой Орды в Москву приезжали очень редко. О ежегодном приезде в 70-е гг. XV в. послов из Астраханского ханства в Москву писал А. Контарини. С Казанским ханством, с которым Иван III долго и упорно воевал, велись и дипломатические переговоры. Очень дружественные отношения установились у Ивана III с Крымским ханством. Москва и Бахчисарай постоянно обменивались посольствами.

Неоднократно в Москву приезжали послы из Великого княжества Литовского, а в 1493 г. в Москву впервые прибыл посол от Конрада Мазовецкого. С Тевтонским, а также с Ливонским орденами московские князья имели дела неоднократно, но дипломатические переговоры никогда не велись в Москве. В 1482 г. сюда впервые прибыли посланники Ливонского ордена[147].

[143] ПСРЛ. Т.VI. С.235.

[144] Там же. Т.XXVIII. С.320.

[145] Там же. С.330, 331, 323, 337.

[146] Там же. Т.XXV. С.302, 309.

[147] Там же. Т.XXVII. С.243; Псковские летописи. Вып.I. С.79; ПСРЛ. Т.VI. С.22.

К прежним дипломатическим связям добавлялись новые. И их было значительно больше, чем старых. При Иване III Москва впервые увидела послов из Чагатайского государства (Средняя Азия), Ногайской орды и Шемахи (Азербайджан). В 1492 г. в Москве встречали послов из Иверской земли (Грузия), которая до этого не поддерживала отношений с русскими княжествами на протяжении нескольких столетий. В 1499 г. в Москву приехал посол из принадлежавшей Турции Кафы[148].

Особенно интенсивными стали связи с европейскими странами. В последней трети XV – начале XVI в. в Москву прибывали посольства из Ватикана (от папы и других лиц из Рима), Венгрии, Венецианской республики, ганзейских городов, Дании, Молдавии, от императора Священной Римской империи. Приходили даже представители далекой северной Каянской земли, принадлежавшей Шведскому королевству[149]. Почти во все эти страны отправлялись из Москвы и послы Ивана III. Русское государство активно включалось в международную жизнь, и его столица Москва становилась местом важных международных встреч и переговоров.

23. ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРОДА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ НАХОДКАМ XV в.

Развитие материальной культуры Москвы в XV в. довольно отчетливо, как и в предшествовавшее столетие, распадается на два этапа. В первой половине XV в. получили развитие тенденции, продолжавшие традицию второй половины XIV в. Новый этап начался с середины XV в. и завершился около второй четверти XVI в.

На Великом посаде и Загородье уже не осталось свободных от застройки территорий. Материалы рассматриваемого времени фиксируются на всех участках Китай-города, где велись наблюдения. Об этом свидетельствует присутствие красноглиняной грубой керамики. Мощность культурного слоя, датирующегося XV в., в Зарядье, во многих местах, достигает более 1 м. Такая же картина наблюдается в северо-восточной части современного Кремля.

Раскопки в Зарядье, в районе Ипатьевского переулка, дали не менее 20 сооружений: это срубы, углубленные хозяйственные постройки, частоколы, мостовые, дренажные сооружения. За редким исключением все они ориентированы под углом к современным трассам улиц. В Историческом проезде к этому периоду относится сруб, в котором найдена первая московская берестяная грамота, представляющая собой фрагмент правой грамоты или судного списка 1410–1430-х гг.[150]

Печать Ивана III. 1497 г. РГАДА

Расширились поселения в Занеглименье. Одно, в районе церкви Антипия, почти достигло линии позднейшего Белого города, в другом, на Старом Ваганькове, был построен двор великой княгини Софьи Витовтовны.

Несколько севернее, в районе старого университета, в р. Неглинку впадал ручей, протекавший по Успенскому вражку. При устье ручья располагалась церковь Георгия на Красной горке (на месте д. 16 по ул. Охотный ряд), близ которой обнаружена застройка.

Между улицами Тверской и Дмитровкой, в районе палат Троекурова (Георгиевский пер., 4), нижний горизонт культурного слоя (со следами металлургического производства) датируется первой половиной – серединой XV в.[151]

Боярские, великокняжеские и посадские дворы перемежались на территории Занеглименья массивами полей. Пахотный горизонт под слоем последней трети XV в. прослежен на Б. Гнездниковском переулке, который расположен на окраине Белого города, близ Тверского бульвара. Поля в Занеглименье продвинулись на водораздел вплоть до линии нынешних Тверского и Страстного бульваров[152].

Восточная часть позднейшего Белого города, которая в XIV в. еще имела вполне сельский облик, в XV в. стала интенсивно осваиваться. Так, поселение у церкви Георгия в Лучниках в первой половине XV в. расширилось на восток. Об этом говорят находки керамики того времени и полуденьги Василия Дмитриевича Московского на улице Маросейке (д. 11)[153]. Раскопки у церкви Владимира в Старых Садах (Старосадский пер.) также указывают на наличие здесь поселения в первой половине XV в. В течение XV столетия расширились границы поселения близ Подкопаевского

[148] ПСРЛ. Т.XXV. С.331; Т.XXVIII. С.335, 332; Т.XXVII. С.291.

[149] *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С.89, 90, 93, 95, 137, 140–142, 178, 179.

[150] *Чернов С.З.* Московская берестяная грамота № 1 // Российская археология. 1997. № 2.

[151] *Беленькая Д.А.* Отчет 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2031; *Она же.* Остатки металлургического производства в Белом городе (Москва) // КСИА. Вып.110. М., 1967. С.119–123.

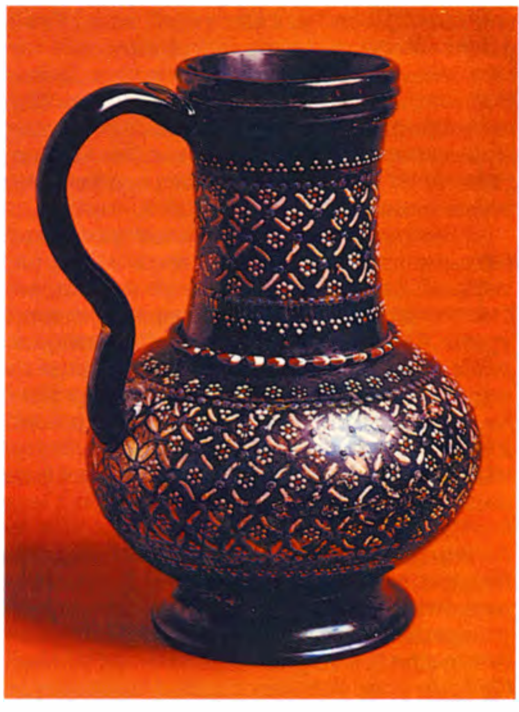
[152] *Бойцов И.А., Гунова В.С., Кренке Н.А.* Указ. соч. С.60–76.

[153] *Зайцев А.А.* Отчет об архитектурно-археологических раскопках в церкви Георгия в Лучниках в 1992 г. // Архив ЦНРПМ Министерства культуры РФ. № 137/1039; *Zaitsev A.K.* A new half-denga type of Vasilii Dmitrievich // Journal of the Russian numismatic society. Moscow. 1992. № 45. P.50, 51.

Венгерский золотой и английский корабельник. XV в. ГИМ

Стеклянный кувшин. Венеция. XV в. ГИМ

переулка, достигнув на юге района церкви Николы в Подкопаеве (Подколокольников пер.), а на востоке – района церкви Трех Святителей, что на Кулишках, то есть охватив значительное пространство на восточном берегу р. Рачки.

В Заяузье поселение распространялось вдоль высокого берега Москвы-реки: при раскопках усадьбы Тутолмина (ул. Володарского, д. 12) и в районе Лыщикова переулка найдены предметы, относящиеся к первой половине XV в.[154]

В Замоскворечье, которое еще недостаточно исследовано, наиболее ранними очагами застройки были села Григорьевское Колычева (между ул. Якиманкой и склоном к Москве-реке) и Хвостовское (Хвостовские переулки), стоявшие на коренном берегу, вдающемся в пойму Москвы-реки (карта 6).

* * *

Во второй половине XV – начале XVI в. в развитии Москвы произошли кардинальные перемены, которые привели к формированию архитектурных ансамблей и планировки, знакомых нам по чертежам города конца XVI в. и сохранившихся сегодня. Если на предыдущем этапе перемены в облике города являлись в значительной мере результатом внутреннего развития, то теперь они были обусловлены как внутренними факторами, так и импульсами, шедшими извне. Среди этих импульсов главным было начатое Иваном III грандиозное строительство в крепости и на посаде, которое велось в основном под руководством итальянских архитекторов и инженеров.

Стены и башни Кремля, великокняжеский дворец и ансамбль Соборной площади были главным звеном этой строительной программы. Изучение фундаментов стен и башен, а также Алевизова рва, выкопанного в 1508 г. между реками Неглинкой и Москвой, показывает масштабы и высокий инженерный уровень работ.

Наряду с активным каменным строительством в эти годы происходили важные градостроительные преобразования. Вокруг Кремля было образовано открытое пространство, обеспечивавшее лучшую оборону крепости и ее обзор. Застройка посада, примыкавшая с востока к нововозведенным стенам крепости, погибла при пожаре 1493 г. и более не возобновлялась. Следы планировочных работ конца XV в. открылись во время раскопок, проводившихся в Историческом проезде, в виде вымостки из мелкого щебня (гранитная галька красного и бурого цвета до 10 см в поперечнике), которая служила на протяжении всего XVI в.

Во второй половине XV в. шел интенсивный рост городских посадов за счет земель, занятых ранее полями. К концу первой четверти XVI в. было полностью застроено Занеглименье в пределах позднейшего Белого города. Находки кера-

[154] *Бойцов И.А.* Отчет за 1990 г. Ч.6–9.

мики этого времени известны в районе ул. Ленивки, в Б. Знаменском переулке и к северу от улицы Знаменки. На Арбатской площади культурный слой, отложившийся до начала строительства стены Белого города (1586–1590), достигал 1,7 м[155]. Очевидно тогда же усадебная застройка возникла между улицами Воздвиженкой и Тверской[156], а также к востоку от Тверской. Судя по находке надгробия 1510 г. у церкви Большое Вознесение на Б. Никитской улице, застройка в этом направлении перешагнула через линию нынешних бульваров[157]. В конце XV в. и несколько позднее, в первой четверти XVI в., в Занеглименье сформировалась уличная сеть, причем улицы проводились под влиянием принципов регулярности, получивших распространение в Европе в тот период. В восточной части будущего Белого города, а также в Замоскворечье и в Заяузье уличная сеть в большей степени подчинялась рельефу местности.

Закладка церкви Спаса на Новом. Миниатюра из Лицевого свода. XVI в.

* * *

Развитие Москвы в первой половине XV в. характеризуется новыми серьезными изменениями в мировой торговле и политике. Походы Тамерлана опустошили Поволжье, привели к упадку ремесленные и торговые центры Крыма. Связи и торговля через проливы, соединявшие Черное и Средиземное моря, фактически прервались после падения Константинополя в 1453 г. и были восстановлены только в XVI в. Кроме того, начинало сказываться технологическое отставание исламских государств Востока и Юга от быстро развивавшейся городской раннебуржуазной цивилизации Европы. Заинтересованная в получении технических новинок (в строительстве, военном деле и пр.), Москва начинала ориентироваться на Запад как в области производства, так и в торговле.

Так, в первой половине XV в. роскошную керамику в Москву доставляли не только из стран Востока, но даже из мастерских мавританской Испании (через посредство генуэзских факторий, сосредоточивших в своих руках эту отрасль средиземноморской торговли). Ряд фрагментов, найденных в Кремле, имеют аналоги в керамике Валенсии 1400–1430 гг. Ранняя дата проникновения в Москву люстровой «испано-мавританской» керамики может определяться началом ее производства в Андалузии (Малага, Гранада) и Валенсии (Манизес) – не позднее первой половины XIII в. Однако прямые аналоги дали находки при раскопках в Генуе, на Сардинии, в Монкастро и Яффе – около 1400 г.

Слои XV в. дают новые свидетельства торговли западноевропейскими тканями – товарные пломбы из свинца. Их найдено четыре: в Зарядье, на Манежной площади и две на Ильинке.

Вряд ли можно найти сферу московской культуры, где обретение «московского стиля» происходило столь же ярко, как в архитектуре. Возведенным в столице церквам начинали подражать сначала в близких, а затем в более отдаленных от Москвы центрах. Так, чрезвычайно похожим аналогом кремлевской церкви Рождества, построенной еще в 90-е гг. XIV в., является полностью сохранившийся собор на Городке в Звенигороде. Собор Саввина-Сторожевского монастыря дополняет наши представления о зодчестве Москвы первой половины XV в. Близкий к нему собор Троице-Сергиева монастыря (1422–1423) станет в конце XV–XVI в. образцом для монастырских храмов новых северных земель Русского государства, обозначив таким образом расширение влияния московской культуры[158].

Общая картина строительства в Москве была весьма разнообразной: продолжали строить храмы с встроенными угловыми опорами типа Никольской церкви в селе Каменском; работали мастера из других городов – в 1412 г. была возведена церковь Благовещения на подворье Ростовской епископии в Дорогомилове. К сожалению, не сохранились достроенный в 1404 г. собор Симонова монастыря и заложенный в 1407 г. собор Вознесенского монастыря в Кремле.

Для будущего развития собственно московской традиции важна архитекту-

[155] По трассе первой очереди Московского метрополитена. Л., 1936. С.100, 101.

[156] *Векслер А.Г., Коваль В.Ю.* Новые данные по истории застройки Большой Никитской улицы в Москве // РАА. М., 1991. С.78; *Векслер А.Г.* Архив ИА РАН. Отчет 1992 г.; *Бойцов И.А.* Архив ИА РАН. Отчеты 1990 г. Ч.3–4, 1995 г.

[157] *Чернов С.З.* Отчет 1996 г. // Архив ИА РАН.

[158] *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т.2. М., 1962. С.245–264, 290–306 и др.; *Подъяпольский С.С.* Каменное зодчество Кирилло-Белозерского монастыря в его отношении к строительству Троице-Сергиева монастыря // Древнерусское искусство: Художественные памятники Русского Севера. М., 1989. С.310–319; *Он же.* К характеристике кирилловского зодчества XV–XVI вв. // Советская археология. 1966. № 2. С.89–95; *Он же.* Архитектурные памятники Спасо-Каменного монастыря XV–XVI вв. // Древнерусское искусство: Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств (XIV–XVI вв.). М., 1970. С.437–457.

Страшный суд.
Успенский собор
Московского Кремля.
Начало XV в.

ра собора Андроникова монастыря (конец XIV – первые десятилетия XV в.). Его зодчий акцентировал работу подпружных арок, резко поднимавших ввысь очень широкий барабан (ныне существующий уменьшен по сравнению с оригинальным), и опустил угловые ячейки, открыв углы столбов подкупольного квадрата. Переходы от низких угловых объемов к высоким центральным, а от них к четверику и ряду кокошников под барабаном создали ступенчатую пирамидальную композицию, придававшую остроту и нарядность, но сохранившую также присущую раннемосковским памятникам ясность. Собор отразил единую тенденцию зодчества позднего средневековья, стремившегося к предельной выразительности силуэта, драматизму и конструктивной изощренности. Он обозначил линию развития, ведущую к шедеврам шатровой архитектуры и центрическим храмам Москвы XVI в.

Перемены в облике Москвы второй половины XV в. могут быть уяснены в полной мере лишь на фоне тех процессов, которые протекали в материальной культуре столицы. Начало особого этапа в ее развитии приходится на последнюю треть XV – начало XVI в., совпадая с эпохой правления Ивана III. Это переломное время ярко отразилось всюду: и в изобразительном искусстве, и в каменном строительстве, и в изготовлении оружия, и в предметах быта горожан. Из новшеств, которые принес рубеж XV–XVI вв. в московскую культуру, можно составить длинный список, в котором окажутся затронутыми все ее сферы.

В керамике, где в середине – третьей четверти XV в. на смену красноглиняной грубой керамике приходит гладкая красная, в последней четверти XV в. происходил заметный поворот от ориентализирующего раннемосковского стиля с его бело-красной гаммой, дополняемой кобальтовыми и бирюзовыми тонами поливной импортной посуды, к черно-белой гамме с полихромными включениями. Такая переориентация обеспечивалась освоением нового приема обжига – морения.

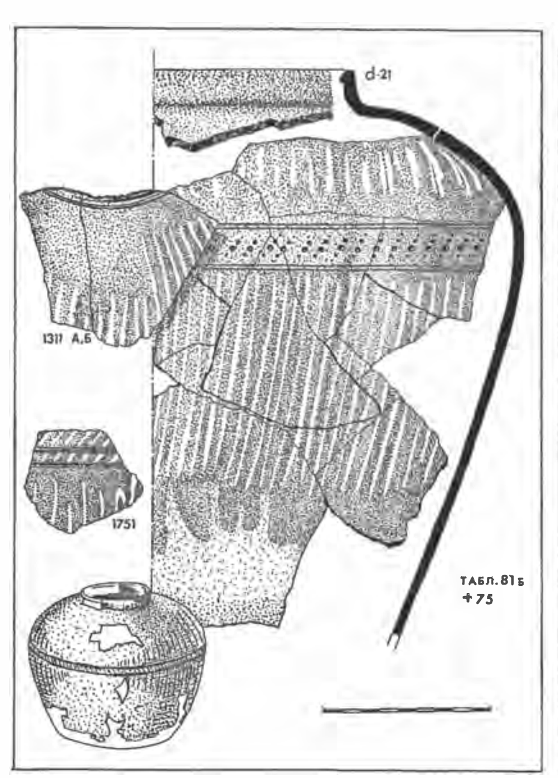
Поверхность сосудов обрабатывалась сообразно назначению. Пористое тесто белоглиняных кувшинов долго сохраняло воду холодной и свежей, обеспечивая медленное испарение.

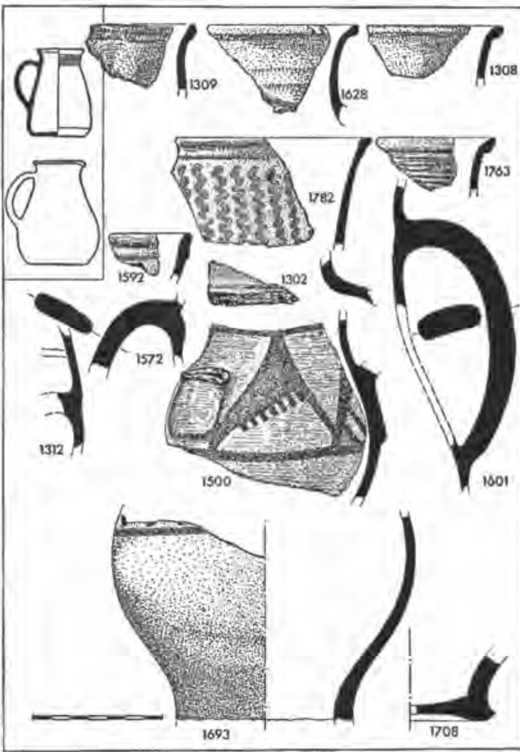
Процессы в культуре порой отражаются в археологическом материале в форме исчезновения некоторых категорий находок. Так, достаточно часто встречаемые в слоях XIV–XV вв. писала (заостренные инструменты из кости или металла), которыми писали по бересте и воску, с рубежа XV–XVI вв. исчезли.

Вторая четверть и середина XV в. – эпоха феодальной войны – считались временем практически полного прекращения строительства в Москве. О постройках этого периода можно судить в основном по письменным источникам. Работами современных исследователей, однако, доказано, что по крайней мере с 1450-х гг. в архитектуре города чувствуется заметное оживление.

Важнейшим архитектурным нововведением середины XV в., распространившимся в Москве на рубеже XV–

[159] *Выголов В.П.* Архитектура Московской Руси середины XV в. М., 1988; *Вздорнов Г.И.* Постройки псковской артели зодчих в Москве // Древнерусское искусство: Художественная культура Пскова. М., 1968. С.174–188; *Спегальский Ю.П.* Каменное зодчество Пскова. Л., 1976.

Типы керамики последней четверти XV в. Красноглиняная гладкая (слева) и белоглиняная грубая (справа) посуда. (Исторический проезд, яма 2. Раскопки 1988г.). До 1493 г.

XVI вв., стали трапезные палаты общежительных монастырей. Они являли собой настоящие бытовые комплексы. Двух-трехэтажные, на углубленных подклетах, они включали общий сводчатый зал для трапез, систему кладовых, ледников и кухонь.

Весьма показательна для состояния строительного дела в третьей четверти XV в. попытка привлечь к выполнению заказов в Москве мастеров из Пскова. Они возвели ряд сравнительно небольших храмов в типичной для середины XV в. технике – из кирпича и белого камня, с применением декоративных керамических поясов. По-видимому, местные зодчие уже не справлялись с заказами[159].

Тем более их возможности не соответствовали требованию должным образом оформить столицу нарождающегося крупного государства. Это наглядно показала первая же попытка перестройки Успенского собора – главного храма митрополии. Доведенный до уровня сводов, по размерам близкий к домонгольским, собор внезапно обрушился. Причиной стали конструктивные просчеты и слишком жидко растворенная известь, что показывают и остатки столбов Успенского собора 1472–1474 гг., покрытые ее потеками. Поправить дело не взялись ни московские строители, ни специально призванные из Пскова мастера. Требовалось обращение к самым передовым достижениям строительной техники Европы. В Москву были приглашены итальянские зодчие.

В конце XV–XVI в. совершенствовалась не только каменная церковная архитектура. Большие изменения можно проследить и в деревянном строительстве жилья, и в общественных городских сооружениях.

Москва явно стала отождествлять себя именно с европейским миром, результатом чего становится перемена стиля материальной культуры.

Эпоха Ивана III рисуется в общеисторической перспективе не только как время, когда возникает ансамбль Кремля и начинает складываться планировка исторического центра Москвы, дошедшая до наших дней. Пожалуй, никогда – ни до, ни после этого времени – материальная культура Москвы не оказывала такого глубокого, органичного и плодотворного влияния на культуру всего Русского государства.

V

МЕГАЛОПОЛИС СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

XVI век в истории Москвы стал столетием небывалого ранее роста территории, укрепления государственной роли города, с одной стороны, и трагических катастроф – с другой.

Если судить по тем частям города, которые оказались внутри укреплений, то за неполное столетие – с 1508 по 1592 г.– территория столицы выросла почти в 70 раз. Кремлевские стены, возведение которых завершилось к 1508 г., в 1535–1538 гг. стали внутренними. Китайгородская стена вместе с Кремлем (27,5 га) охватывала территорию в 92 га. Площадь Белого, или Царева города (1585–1591), укрепления которого проходили по линии современного Бульварного кольца, составляла 533 га, а территория Земляного, или Деревянного города (1591–1592), соответствовавшего Садовому кольцу,– уже 1878 га. Не случайно иностранцы сравнивали Москву с другими европейскими столицами – Прагой, Лондоном, порой считая, что она превосходит их по размерам (в частности, так думали поляк М. Меховский, англичане Р. Ченслор, Дж. Флетчер и А. Климент). Последний со слов своих соотечественников утверждал, что Москва больше Лондона с предместьями[1]. Эти мнения вполне объяснимы: даже самые крупные города Европы были значительно меньше Москвы по площади, а их население редко превышало 20 тыс. человек.

Увеличение территории столицы происходило крайне неравномерно. За первую треть XVI столетия ее укрепленные части выросли в 3,4 раза, а за оставшиеся две трети – в 20 раз. Самый резкий скачок численности населения произошел в 40–50-е гг., а самый резкий спад – в 60-е гг. и в 1571 г. Рост населения и территории возобновился в конце XVI в.

О росте города можно судить по печатным планам-схемам столицы, принадлежащим иностранцам. На первой схеме имперского посла Сигизмунда Герберштейна, посетившего Москву в 1517 и 1526 гг., помещен лишь Кремль. Печатные планы Москвы начала XVII в., восходящие к чертежу 1600–1605 гг. (план «Кремлена-града», гравюра 1614 г.), к этому чертежу и следующему – Федора Годунова 1604–1605 гг. (Петров чертеж 1614 г.), рисунку Шимона Ендрашевича 1606–1608 гг. (так называемый Несвижский план, гравюра Томаша Маковского 1611 г.), к этому же рисунку и чертежам 1600–1605 гг. и 1604–1605 гг. (Сигизмундов план 1610 и 1618 гг.)[2], включают и Белый, и Земляной город.

Эти же картографические материалы весьма убедительно показывают, как преобразился город внешне. Если в начале XVI в. иностранцы замечали лишь три каменных храма, то в начале XVII в. на планах появились многочисленные возведенные заново каменные церкви и монастыри. Место хаотической застройки заняли регулярные улицы.

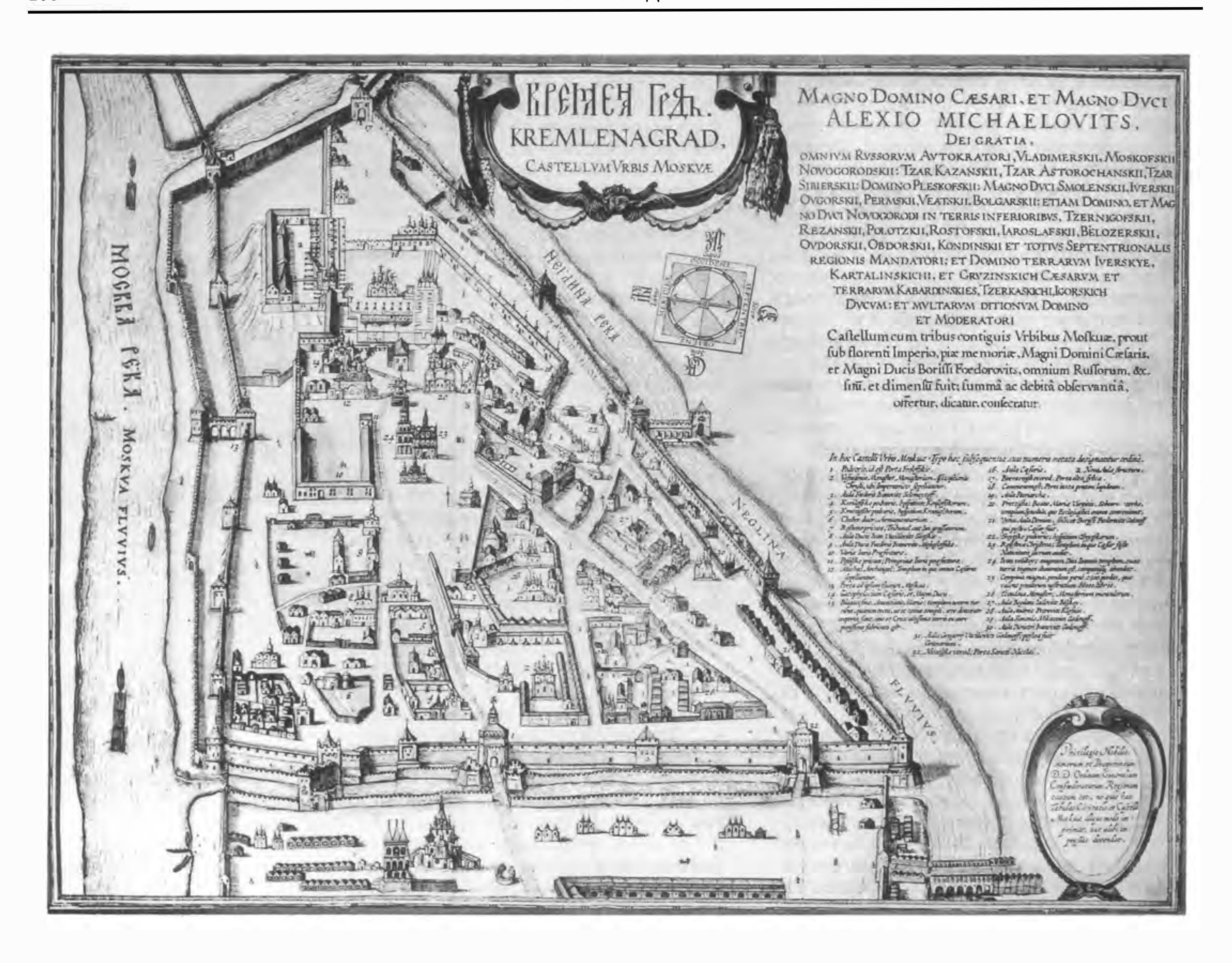
Однако не расширение городской территории, отвечавшее росту населения, и не перемены в планировке города были отличительной особенностью Москвы в XVI в. Существенно менялись ее функции и роль в жизни страны, претерпевавшей кардинальные преобразования. Рубежом в истории страны, а соответственно, и ее столицы стал 1547 г.

Он оказался переломным по целому ряду причин. Русская монархия сделала решительный шаг по пути собственного укрепления, ее глава возложил на себя роль избранника Божьего. 16 января 1547 г. Иван IV венчался на царство. Княжество всея Руси преобразовалось в Российское царство, его столица официально стала «царствующим градом», хотя так она впервые была названа Вассианом Рыло еще в 1480 г. в знаменитом послании Ивану III в период «стояния на Угре».

Короткое слово «царь» в и без того уже пышном титуле великого князя – «государь всея Руси и великий князь владимирский, московский и пр.» – делало его носителя равным по чину императору Священной Римской империи Германской нации, ставило выше коро-

[1] *Климент А.* Первое путешествие англичан в Россию в 1553 г. // ЖМНП, Ч.20.1838. № 10. С.49.

[2] См. схему: *Александрович С.* Взаимные связи печатных планов Москвы начала XVII в. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и в начале Нового времени (XI–XVIII вв.). М., 1996. С. 44–48.

План «Кремлена-града». Конец XVI – начало XVII в.

лей всей Европы, уравнивало с восточными соседями – ханами, издавна именовавшимися на Руси царями, наполняло души наших далеких предков гордостью за все «Богоизбранное» царство. Ведь совсем еще недавно в православных храмах возносились молитвы за здравие не русского, а ордынского царя. Царский титул Ивана IV должен был положить конец самой памяти об унижениях ордынского времени и открыть новую, светлую дорогу перед всей страной, в том числе и перед столицей.

Однако 1547 год принес Москве не только радость, но и катастрофические бедствия, равных которым в прошлом Москва не знала: это и колоссальный пожар, уничтоживший весь центр столицы, и волнения черных людей (т.е. плативших подати, а не освобожденных от них, как «беломестцы»). В 50–70-е гг. столица стала местом безжалостных расправ царя с неугодными ему жителями столицы, что наложило трагический отпечаток на всю историю города второй половины XVI в. Но не только это. Трижды столица становилась объектом нападения крымского воинства. Дважды в результате этого она была сожжена почти дотла.

1. «НАРОДЫ СЛАВНЫЕ ГОРОДА МОСКВЫ»

Так впервые Никоновская летопись под 1518 г. назвала жителей столицы[3]. С ростом государства, включавшего в себя все новые и новые земли (вслед за Новгородской и Тверской в 1510 г. пришла очередь Псковской, в 1514 г.– Смоленской, в 1521 г.– Рязанской), население столицы пополнялось выходцами из этих земель. Они прибывали в Москву разными путями.

Самым мощным был поток так называемых «сведенцев», насильственно переселяемых со вновь присоединяемых территорий. В начале XVI в. в Москве оказались новгородцы, выселенные первоначально во Владимир и Переславль. В 1504 г. их насчитывалось немного –

[3] ПСРЛ. Т.XIII. М., 1965. С.30. 1518 г.

соответственно всего лишь 11 и 5 торговых людей. В 1510 г. волна переселенцев из Пскова принесла в Москву «лучших» посадских людей. Великий князь Василий III (правивший в 1505–1533 гг.) им «всю улицу дал за Устретеньем (т.е. за церковью Сретения Богородицы, на нынешней улице Сретенке.– *Авт.*), а не промешая с ними ни одного москвитина». Присоединение Смоленска, более столетия находившегося в составе Великого княжества Литовского, оказалось запечатленным даже в топонимике города. Церковь Спаса Смоленского, собора Смоленской Богоматери в Новодевичьем монастыре были воздвигнуты в честь этого события. Смоленские торговые люди пополнили ряды московского купечества, активно занимаясь торговлей тканями. Суконный ряд в Москве даже носил название Смоленского[4]. В Москву переводили и отдельных лиц – мастеров, специалистов-ремесленников. Резной мастер Васюк Никифоров, равно как и мастер печатных книг Маруша Нефедьев, происходил из Новгорода.

Новых жителей селили в наиболее неосвоенных частях столицы, в том числе в Замоскворечье. Эта окологородная территория была лишена каких-либо естественных средств защиты и расположена на пути постоянных набегов ордынцев и крымцев, поэтому она оказывалась всегда первой жертвой их нападений. В 1569 г. там было поселено 500 псковичей. Имена двоих из них известны. В 1580/81 г. Иов Семенов сын Мизинов дал «двор... огородной за Москвою рекою на Большой улице против Ивана Предтечи» в память по гостю Ивану Семеновичу Протопопову.

В том же 1569 г. 470 человек было выведено из Переславля-Залесского. Однако уже в 1566 г. в Земском соборе среди «москвичей торговых людей» участвовали два переславца – Андрей и Григорий. Оседали в Москве и угличане, и вязьмичи, и костромичи и др. На том же соборе присутствовали Поспей Углечанин и «костромитин» Иван Чюдинов[5]. Среди переведенцев 60–70-х гг. числились и двиняне Губанины, владельцы деревень и соляных варниц в Неноксе, и новоторжец Родион Павлов, и осташковец Петр Якимов. «Москвитин балахонский сведенец» С. И. Букин, вероятно, в качестве душеприказчика Елены, жены Ермолы Аверкиева, 1 сентября 1577 г. дал вклад по ней в Троице-Сергиев монастырь: 150 руб. и различные женские одежды и украшения[6].

Добровольные переселенцы из Великого княжества Литовского также спешили в столицу занять место вблизи государевых очей. К ним относились Бельские и Глинские. Особенно знаменателен переход на сторону Василия III Михаила Львовича Глинского, одного из наиболее влиятельных магнатов соседнего княжества. Потеряв в 1506 г. после смерти короля польского и великого князя литовского Александра ключевые позиции в управлении страной (Глинский ведал практически всеми финансами в Литовском княжестве), князь в 1508 г. бежал на Русь, приведя с собою родственников и слуг, будущую «дворовую литву». Пусть термин «литва» не вводит в заблуждение читателя, речь идет о славянских выходцах из Литовского княжества, таких же православных, как и подавляющая часть москвичей.

Пополнялось население столицы и за счет иностранцев из других стран. В начале столетия еще жили в Москве прибывшие вместе с Софьей Палеолог византийские выходцы – Траханиоты, из коих наиболее удачливую карьеру на новом месте сделал Юрий Малый, племянник Юрия Грека Старого, вначале постельник, потом печатник и, наконец, казначей великого князя Василия III. На дипломатическом поприще отличались Ралевы (на Руси прозванные Ларевыми) и Ласкиревы. Постоянным и довольно широким был приток на Русь ученых людей и иностранных мастеров из Центральной и Южной Европы. Литейщики и архитекторы, врачи и астрономы соревновались в демонстрации своих талантов в Москве. Многие из них селились во дворах своих предшественников, заложенных еще в XV в. (в частности, на Алевизовом дворе).

В Москве оказалось много итальянцев и немцев. Алевиз Фрязин (Алоизио да Каркано) и Алевиз Новый (Альвизе Ламберти де Монтаньяна) воздвигали дворец и соборы в Кремле и других частях столицы. Еще в 1507 г. прибыли датские пушечные мастера. Иоанн Йордан из Инна и Николай из-под Шпейера на Рейне участвовали в защите Москвы в 1521 г. Сын Бона Фрязина, архитектора и пушечного мастера, Григорий обрусел, получил фамилию Мистробонов и в 30-е гг. служил переводчиком[7]. С 1528 г. здесь трудился Петрок Малый (Пьетро Ганнибал), строитель Китай-города, живший рядом с дерптским (тартуским) пушечником Александром. Врачами («мастерами») Василия III были немчин Николай Булев и Феофил. При возвращении смертельно больного Василия III в 1533 г. в столицу там находились «люди многие иноземцы и послы».

Среди пришлых иноземцев по-прежнему, как и в XIV–XV вв., были заметны ордынцы, при распаде Большой Орды и поглощении ее Крымским ханством находившие прибежище в Москве. Многие из них оставили заметный след в истории города. Царевич Кудайкул Ибрагимович, прямой потомок основателя Казанского ханства Улуг-Мухаммеда, в декабре 1505 г. был крещен митрополитом у кремлевского тайника на Москве-реке под именем Петра, в январе 1506 г.

[4] *Забелин И.Е.* Материалы для истории, археологии и статистика города Москвы. Ч.2. М., 1891. Стб. 1101.

[5] ДАИ. Т.I., СПб., 1846. № 96. С.148. 9 февраля 1556 г.; ВКТСМ. М., 1987. Л.962 об.

[6] СГГД. Ч.I. М., 1813. С.553; *Савич А.А.* Соловецкая вотчина XVI–XVII вв. Пермь. 1927. С.97; *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С.150, 151; ВКТСМ. Л.962.

[7] АИ. Т.I. СПб., 1841. № 140. С.202.

Татарский воин. Гравюра. XVI в.

Заключение договора Василием III с имперским послом Ю. Шнитценпаумером в 1514 г. Миниатюра из Лицевого свода. БАН

женился на сестре Василия III, и бездетный тогда еще князь прочил его даже в свои преемники. Планы Василия III разрушила безвременная смерть Петра в марте 1523 г. Близки к Василию III были и племянники царевича Петра, сыновья хана Алегама Мелеха – царевичи Василий и Федор. При дворе Ивана Грозного находился сын последнего казанского царя – Утямыш-Гирей.

Далеко не все ордынцы пополняли элиту. Некоторые попадали в столицу в качестве пленников. Так, в завещании 1542/43 г. княгини Аксиньи Ромодановской, дочери Ю. З. Кошкина и сестры родоначальника Романовых – Романа Юрьевича, описывается, как счастливо сложилась судьба некоего «татарченка»: «что есми взяла к собе у Григорья у Колычева полоняника татарченка, да крестила есми его и вскормила... отпустила есми его на свободу, человек он волной, великого князя, а дала ему мерин саврас с покровом»[8]. Большинство же пленных, впрочем даже крещеных, оставались всю жизнь невольными. Пленные из других государств, с которыми Русь начала XVI в. вела длительные и изнурительные войны, в частности из Литовского княжества и Ливонского ордена, вливались в ряды зависимого населения. Среди полных холопов И. А. Талызина в 1505/06 г. были и «Харка немчин», «Агафья литовка», «Оленка немка», явно приобретенные их владельцем во время войн 1500–1503 и 1501–1503 гг. с западными соседями Руси – Великим княжеством Литовским и Ливонским орденом. Пленники оттуда же встречались в Москве и позднее – в 1519 г. упомянута немка Анна. С завоеванием Казанского и Астраханского ханств увеличилось число пленных и воинов оттуда. В семействе Глинских в 50–70-е гг. многие слуги носили татарские имена и прозвища: у М. В. Глинского – Мурза, у И. М. Глинского – Улан Томилов и Басарга, у него же служил Федор Черемисин. В конце XVI в. тюркскими именами называли и русских: одного из сыновей Пятого Игнатьева сына Селюнина, слугу В. Щелкалова, звали Мансур[9]. В результате брака Ивана IV на Марии Темрюковне в Москве осело большое количество ее родственников и их слуг – выходцев с Северного Кавказа, в первые годы не утративших собственного языка[10].

Одним из путей появления иноземцев в Москве была торговля. Хотя она в это время приобрела широкий размах, редкие из иноземных купцов проживали в городе постоянно. Тем не менее иностранные подворья все-таки возникали в Москве. Наиболее оживленным слыл Панский двор, где останавливались послы и гости из Литовского княжества и Короны Польской, правда, иногда литовских послов ставили «на Дорогомилове». Ногайский двор в Замоскворечье особенно многолюдным был осенью, когда в Москву пригоняли конские табуны на продажу, а во время Ливонской войны прибывали тысячные отряды ногайских всадников для участия в походах на запад. Но, разумеется, эти мелкие и временные инородные вкрапления не меняли лица города и не влекли за собой увеличения численности его населения.

[8] АММС. Вып. 1. М., 1984. № 12. С.94.

[9] АРГ. Т.I. М., 1975. № 2, 179; ВКТСМ. Л. 946 об.–947.

[10] *Шмурло Е.Ф.* Известия Джиованни Тедальди о России времен Иоанна Грозного // ЖМНП. Ч.275. 1891. № 5. С.133.

К новым обитателям столицы второй половины XVI в. принадлежали иноземные воины – выходцы из стран Европы, пережившей эпохи Реформации и Контрреформации, которые сопровождались непримиримыми религиозными войнами. При Иване IV существовала Немецкая слобода в Болвановье у Серпуховской заставы. Новая Иноземная слобода возникла в конце века на юго-востоке города – на Кокуе (правый берег р. Яузы). При Годунове в 1601 г. там была сооружена церковь, где служил зять автора знаменитых записок о России Конрада Буссова – студент из Нейштадта Мартин Берх, а вторым пастором был Вальдемар Гульман[11]. Церковь сгорела в 1610 г. при штурме Москвы тушинцами. Тогда же опустела и слобода.

Иноземцы селились не только кучно. Самые предприимчивые покупали или получали отдельные дворы. Так, Генрих Штаден в опричнину жил на Лубянке, а рядом с ним в 1571 г. расположился цирюльник Лоренцо, видимо итальянец. Некий Ганс Купфершмидт (судя по фамилии, медник) владел двумя пустыми смежными дворами на Неглинной[12].

Хуже всего по источникам прослеживается рост населения за счет жителей Московского уезда и окрестных районов. Это и понятно, ведь дмитровцы и звенигородцы, серпуховчане и жители с. Климентьева Троицкого посада считались почти такими же москвичами, как и сами горожане. Они не нуждались в этническом обозначении. Поэтому ни летописи, ни многочисленные акты (купчие и завещания, самые различные жалованные грамоты) почти не содержат сведений на этот счет. И тем не менее летопись, повествуя об осаде Москвы крымским ханом в 1521 г., не обходит молчанием судьбу «коломянки», вдовы «костромитина», не имевшей пристанища в стенах Кремля и ютившейся на паперти одного из храмов. А 22 января 1577 г. «коширенин» иерей Николай Федоров нашел последний приют в церкви Василия Кесарийского в Тверской Ямской слободе. Вероятно, он прибыл в Москву еще в первой половине XVI в. Селились в Москве и ее окрестностях и выходцы из более далеких земель. Так, вятчанин Д. Ф. Лихотников владел селом, названным его же именем – Лихотниково в Жданском стане Московского уезда, которое потом приобрел Симонов монастырь[13].

Новых жителей привлекали и московские монастыри, особенно в конце 1560-х и в 1570-е гг. Жительница Бежецкого уезда Мавра Гундарева, жена С. Ф. Мичюрина, передала в Троице-Сергиев монастырь с. Дубровку в Городецком уезде при одном условии: «Меня, Маврицу, постричи в Новом монастыре в Девичьи». О монашеском будущем в Москве мечтали братья Иван и Лаврентий Карповичи Титовы: «А Бог нас приведет, пострижемся... на Симанове, и архимандриту нас покоить»[14]. Речь идет о жителях Бежецкого уезда, разоренного Иваном IV по пути в Новгород в 1569 г.

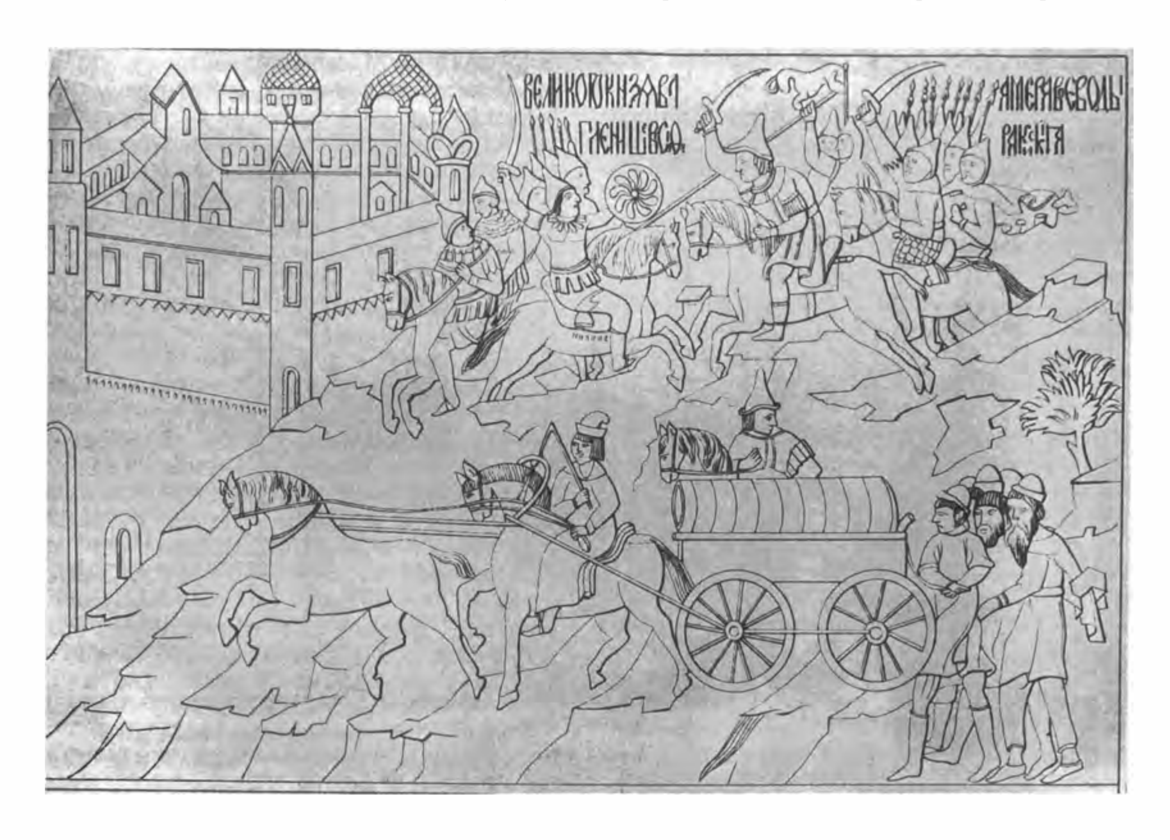
Вплоть до конца XVI в. «сведенцы», даже будучи в постриге, и их потомки из разных земель и городов сохраняли

[11] ПСРЛ. Ч.XIII. С.28, 140. 1518, 1541 гг.; *Буссов К.* Московская хроника. 1584–1613. М.; Л., 1961.; *Цветаев Д.В.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С.51.

[12] ПСРЛ. Т.XIII. С.41; *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного: Записки немца-опричника. М., 1925. С.6, 73; *Гиршберг В.Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья. XIV–XVII вв. Ч.1 // Нумизматика и эпиграфика. Т.1. М.; Л., 1960. № 71; ВКТСМ. Л.962.

[13] АФЗХ / АМСМ. Л., 1983. № 34, 1529/30 г.

[14] *Шумаков С.А.* Обзор грамот «Коллегии экономии». Вып.I. М., 1899. С.13, 24.

Пленные. Деталь Царского места в Успенском соборе Московского Кремля. Прорись. 1551 г.

Выступление в поход. Миниатюра из «Истории о Казанском ханстве». XVII в. БАН

прозвища, связанные с их родиной. Даже на надгробиях писали «тверитин» (4 апреля 1592 г. скончался «Семен тверитин») или «белозерский веденец» (14 марта 1598 г. в пределах Никитского женского монастыря была похоронена «схимница, Ивана дочь, белозерского веденца»)[15].

К сожалению, отсутствуют данные о естественном приросте городского населения, не знаем мы и о том, обгонял ли он естественный прирост населения в сельской местности. Очевидно, что динамика роста городского и особенно столичного населения гораздо больше зависела от политических факторов, нежели динамика роста сельского населения.

Было бы неверным полагать, что на протяжении всей первой половины XVI в. движение населения шло исключительно в одном направлении – в столицу. Одновременно Москва теряла часть своих жителей. Параллельно со «сводом» в столицу из вновь присоединенных городов происходил вывод части московского торгового люда в эти города. В Новгороде заметный след оставили Таракановы и Сырковы. Сырковы, жившие, по-видимому, в Плотницком конце Новгорода, развернули в Новгороде бурную строительную деятельность, приглашая мастеров из Москвы, с которой они первоначально не теряли связей (Дмитрий Сырков был «нарядником» – приказчиком росписи Успенского собора в 1575 г.). Церкви явно выраженного московского стиля, воздвигнутые ими, до сих пор украшают Новгород. Около 150 московских и других торговых людей были выселены во Псков, где они расположились в Среднем городе. В 1533 г., отмечается в летописи, «весь Средний город выгоре, где живут гости московские»[16].

Москвичи, волею судеб или государя покидавшие свой родной город, на всю жизнь сохраняли прозвища, связанные с ним. Старец Иосифо-Волоколамского монастыря Иосиф носил прозвище Москвитин. В Турчасове, в Двинской земле – Кеми, Умбе, Неноксе – проживали люди с прозвищами «Москвитин» или просто «Москва»: Иван Яковлев сын Москва, Митка Григор сын Москвитин, Максим и Семен Москвитины, Ивашко Васильев сын Москвитинов[17] (в последнем случае это, вероятно, сын «сведенца» из Москвы). То же можно сказать и о москвичах, находивших новую родину в Литовском княжестве или с 1569 г. в Речи Посполитой. В 1586 г. «москвитинами» называли себя Лука Бибиков, Богдан Железовский и некий Яков Сергеевич, вошедшие в польско-литовскую шляхту[18].

Тем не менее общий итог демографического развития в целом и всех перемещений – добровольных и насильственных – в середине века оказался в пользу города. К 1547 г. летописец с полным основанием мог заявить: «Прежде... сего Москва не такова бяше народна, якоже ныне народом умножися»[19]. Летописцы, по-видимому несколько преувеличивая, насчитывали в Москве 1547 г. 100 тыс. человек.

Однако к 80-м гг. картина переменилась. В период крымского нападения на Москву в 1571 г. в городе по свидетельству И. Таубе и Э. Крузе погибло 120 тыс. человек, разумеется, не только москвичей, но и многочисленных беженцев из окружавшей Москву сельской местности, спасавшихся от ханского войска. Папский нунций Антонио Поссевино в 1582 г. увидел «следы более обширной территории... там, где в окружности было 8 или, может быть, 9 миль, теперь насчитывается уже едва 5 миль». Он полагал, что население столицы не достигало в то время 30 тыс. человек.

Рассматривая динамику численности населения столицы, можно сделать вывод: в жизни города огромную роль сыграла государственная власть. Усиление последней на протяжении XVI в. (за исключением времени боярского правления) и приоритеты, которыми она руководствовалась, сопровождались энергичным вмешательством в демографические и градообразующие процессы. Практика массового «свода» населения в столицу из периферийных городов и, напротив, единичного вывода из столицы в периферийные города, превратилась в систему.

Опричный режим, развязав террор и допустив неслыханные злоупотребления, ударил не только по политической и социальной элите города, но и ухуд-

[15] *Гиршберг В.Б.* Указ. соч. Ч.1. № 88, 97; *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина. С.147.

[16] ПСРЛ. Т.XIII. С.74.

[17] АСМ. Т.I. Л., 1988. № 109, 270, 359, 386. 1544, 1570/71, 1571 гг.

[18] АЗР. Т.III. СПб., 1848. № 159. С.303. 20 февраля 1586 г.

[19] ПСРЛ. Т.XIII. С.154.

шил положение простого населения столицы. В результате сократилось число жителей Москвы. На развитии города косвенно сказались и последствия активной внешней политики российских государей – увеличился приток пленных, поступавших в холопство «на Москве», за годы Ливонской войны уменьшилась численность городского населения. Внешняя политика оказала и прямое воздействие на динамику численности московского населения: не раз в течение столетия столица отражала нападение со стороны Крымского ханства, дважды в результате этого сгорела (в 1521 и 1571 гг.). Новое увеличение численности населения, равно как и обжитой территории, приходится лишь на самый конец XVI в. По подсчетам персидского посла дона Хуана, разумеется приблизительным, в 1599–1600 гг. население столицы достигало 80 тыс. человек[20].

Наиболее плотно был застроен Кремль. Формирование его территории завершилось в XVI в. В начале столетия были возведены башни, из них проездными являлись Никольская, Фроловская, Константино-Еленинская, Боровицкая и Троицкая. В 1508–1516 гг. со стороны Большого посада выкопали ров, наполненный водою. Двор великого князя – дворец с несколькими палатами, Грановитая палата, Благовещенская церковь – домовый княжеский храм, церковь Спаса – дополнялся резиденцией митрополита с Успенским собором. Оба двора – и великого князя, и митрополита нуждались в подсобных помещениях, ибо штат придворных и у того, и у другого был достаточно велик. Часть их конюшен и житниц также располагалась в Кремле. Так, фаворит Елены Глинской, вдовы Василия III, И. Ф. Телепнев Оболенский был после ее смерти заключен «в палате за дворцом у конюшни». По традиции в Кремле обитали и представители великокняжеской семьи, последние удельные князья – опальные и неопальные. «В палате на дворце у Рожества Ивана Предотечи», как она была названа позднее – «в Набережной в Оружейничей палате», 10 ноября 1537 г. умер брат Василия III, князь Андрей Иванович Старицкий. Здесь же нашлось место и для его опальной вдовы Ефросиньи и сына Владимира. В 1541 г. семилетний двоюродный брат великого князя Владимир Андреевич был выпущен из «нятства» и получил свой двор в Кремле, где вплоть до смерти в 1533 г. проживал и другой брат Василия III Юрий Дмитровский. С 18 до 25 лет – с 1502 по 1509 г. в кремлевской темнице томился законно венчанный государь всея Руси Дмитрий – внук Ивана III, сводный племянник Василия III.

В Кремле находились и первые административные учреждения, управлявшие прежде всего великокняжескими владениями, такие как казна, располагавшаяся в середине XVI в. рядом с Благовещенским собором. Вероятно, здание казны было достаточно велико, так как там хранился не только великокняжеский архив, куда поступали посольские книги, архивы вновь присоединенных земель, но и документы текущего управления великокняжескими землями – копии жалованных, раздельных, меновых грамот и т.д. При казне жил на собственном подворье казначей. Усадьба Ю. Д. Траханиота занимала место рядом с Благовещенским собором и великокняжеской набережной палатой.

Колокол-«благовестник» напоминал о тех временах, когда Москва и Кремль были не только великокняжеской и митрополичьей резиденцией, но и местом сбора горожан, как это случилось и во время восстаний 1547 и 1584 гг.

Кремлевский ансамбль дополняли два монастыря – Чудов и Вознесенский (женский). Чудов монастырь, как и любое московское хозяйство, был «многоотраслевым». На его территории наряду с казенной кельей и келарской располагалась трапезная, хлебня, сытная палатка («где муку крупичатую дела-

[20] *Рогинский М.Г.* Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Российский исторический журнал. Кн.8. Пг., 1922. С.53; *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С.43; *Хуан Персидский, дон.* Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599–1600 гг. М., 1898. С.12.

Копание рва от Боровицких ворот к Москве-реке. Миниатюра из Лицевого свода. XVI в. РНБ

Василий III. Гравюра из книги Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии». 40-е гг. XVI в.

ют»), различные погреба и даже кузница. Вознесенский женский монастырь в Кремле служил усыпальницей великой княгини – Елены Васильевны Глинской, матери Ивана Грозного, цариц Анастасии и Марии Темрюковны, последней удельной княгини Ефросиньи Старицкой, дочери И. Д. Бельского Анны, дочерей Владимира Андреевича Старицкого и князя Ф. И. Бельского[21].

Подворья других монастырей – Троице-Сергиева около Ризоположенских, или Курятных ворот (позднее получивших название Троицких) и Кирилло-Белозерского около «Кирпичной стрельницы» – представлялись довольно скромными[22].

В ходе перепланировки Кремля, предпринятой еще Иваном III, новая дорога и улица пролегли от Площади (позже Соборной) к Никольским и Фроловским воротам. В результате лишились своих кремлевских дворов Петр, Иван, Никита Константиновичи Добрынские, князь Александр, Василий и Федор Васильевичи Оболенские, Григорий и Петр Федоровичи Давыдовы, Василий Тучков, Василий Сабуров, Иван Стрига Оболенский.

Лишь очень немногие боярские фамилии сумели удержать свои дворы в Кремле. Среди них был, по-видимому, представитель старомосковской знати Берсень Беклемишев, тот самый, что в 20-е гг. наводил жесткую критику на правила управления страной, введенные Василием III, за что и потерял свой «зловредный» язык. Тем не менее род опального боярина оказался запечатленным в топонимике города – в названиях Берсеневской набережной и соседней с его двором Беклемишевской башни Кремля, при Василии III места заточения. Наряду со старинной местной знатью, традиционно служившей великим князьям, в Кремле разместились те самые Бельские, которые совсем недавно пополнили ряды московской элиты. В 20-е гг. к ним присоединился и новый фаворит русского государя – князь Федор Мстиславский (на его дворе во время боярских междоусобиц при малолетнем Иване IV в 1539–1540 гг. сидел князь И. Бельский)[23]. Глинские жили в Занеглименье, где в конце XVI в. существовала одноименная улица.

Место старой московской знати в Кремле стали занимать сыновья великого князя и его дворцовые слуги (в том числе и портные мастера: Ноздря, Кузнецов и Уша), наиболее приближенные дьяки, в частности Андрей Щелкалов. Тем не менее в 80-е гг. иноземцы отмечали, что здесь почти не живут и, конечно, те, кто имел свое жилище в «Городе» – Кремле, ясно показывали, насколько это им важно.

Итак, дворы великого князя и митрополита, соборы и монастыри, дворы удельных князей и монастырские подворья, боярские и княжеские усадьбы и подсобные хозяйственные постройки вплоть до конюшен – все эти разномастные, разновеликие, разнофункциональные (жилые, представительские и пр.) сооружения до отказа наполняли Кремль, делая его похожим на обычный европейский город. «Крепость,– как писал имперский посол С. Герберштейн,– своей обширностью... прямо-таки напоминает город»[24].

Большая же часть боярства, на протяжении XVI в. вытесненная из Кремля, обосновывалась на ближайших посадах, прежде всего в Китай-городе, о внешнем виде которого можно судить по схеме «Кремлена-града» начала XVII в. Население этой части города оказалось весьма смешанным. Бояре и богатые купцы, монастырские дворы и дворы священников соседствовали друг с другом.

Однако ремесленники не исчезли полностью с территории Китай-города. В Зарядье найдены остатки мастерской для производства сафьяна с кирпичным производственным сооружением второй половины XVI в., во дворе палат бояр Романовых на улице Варварке – два гончарных горна того же времени, а на Подворье Троице-Сергиева монастыря (Биржевая площадь) – кузнечный горн с железными изделиями, предназначенными для перековки[25].

Место ремесленников и гостей постепенно занимали князья и бояре. К концу века на Варварке жили Юрьевы. На дво-

[21] *Гиршберг В.Б.* Указ. соч. Ч.1. № 123, 124.

[22] *Забелин И.Е.* История города Москвы. Ч.1. М., 1902. С. 194, 195; *Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). Т.I. Вып.2. СПб., 1897. С.XL.

[23] ПСРЛ. Т.XIII. С.126, 132.

[24] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С.132.

[25] *Крис Х.И.* О назначении кирпичного сооружения из раскопок в Зарядье (Москва) // КСИИМК. Вып.77. 1959. С.104–108; *Векслер А.Г.* Археологические исследования в Москве // Труды V Международ. конгресса славянской археологии. Киев. Т.3. М., 1987. 1а. Секция V. С.36, 37; *Бойцов И.А.* Производственное сооружение середины XVII в. на Китайгородском подворье Троице-Сергиева монастыря // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С.256–263.

ре Н. Р. Юрьева в центре располагалось двое хором, одно из строений – в два этажа, вдоль уличной стены – единственные ворота, а противоположную от них стену занимали три амбара. Представители ростовских князей имели свои усадьбы на Ильинском крестце. В 1593/94 г. А. Д. Хохолков Ростовский пожертвовал по теще в Троице-Сергиев монастырь «двор свой на Москве на Ильинском крестце»[26]. Поселялись здесь и представители царской администрации. В 1579/80 г. дворцовый дьяк Семен Дементьев по прозвищу Богдан вложил в Троице-Сергиев монастырь свой двор, «что в земском у Пречистые Богородицы Веденские в Китае-городе на Москве белой и нетяглой... А двор мой ни отдан, ни заложен никому, ни в записях стрелецких, ни в разбойных вытех того двора моего нет»[27].

Наряду с боярскими усадьбами в Китай-городе располагались и жилища дворян. Усадьбу дворового сына боярского Ф. П. Молвянинова его вдова, Аксинья Андреевна (урожд. Лодыгина), в 1591/92 г. передала в Троице-Сергиев монастырь. Усадьба располагалась на Ильинской улице во Введенском переулке между церквами Дмитрия Солунского и св. Параскевы Пятницы. На посаде располагались и монастырские подворья. Рядом находилось и дворовое место Иосифо-Волоколамского монастыря. На Большом посаде у Поганова пруда владел двором Лука Котельников[28].

В Китай-городе обосновались такие общественные учреждения, как Земский двор, Зелейный двор, позднее Арсенал, и заведения общегосударственного значения, хотя и прямо противоположного характера: типография – у Владимирских ворот Китай-города, тюрьма – у Ильинских, Денежный двор – у Варварских[29].

В первой половине XVI в. интенсивно застраивалась западная часть Земляного города. Большое количество находок этого времени сделано между Пречистенской набережной и улицей Остоженкой, в районе Зачатьевского монастыря. Красноглиняная гладкая и белоглиняная грубая керамика найдена вдоль всей трассы Пожарского (Савельевского) переулка, на углу Пречистенской набережной с Коробейниковым переулком, во 2-м Обыденском переулке и в самом Зачатьевском монастыре – здесь обнаружен красноглиняный кувшин конца XV – первой половины XVI в.

В районе Крымской площади найден древний белоглиняный сосуд – корчага высотой 0,7 м и шириной 0,6 м, закрытая сверху белокаменным жерновом, обломки другого жернова лежали под корчагой. Исследователи находки предлагали различные датировки сосуда, но по форме венчика и грубому тесту корчагу следует отнести ко второй половине XV – середине XVI столетия (карта 7).

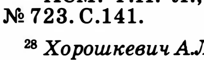
Между улицами Пречистенкой и Арбатом слои XVI в. зафиксированы в районе Чистого и Филипповского переулков. К северу от Арбата, на Поварской улице, мощность культурного слоя достигает 3 м, в нижнем горизонте напластований собрана керамика конца XV – первой половины XVI в. Находки рассматриваемого периода встречены вдоль всей трассы Большой Никитской улицы. У церкви Большое Вознесение найден бронзовый литой крест с круглыми иконками на концах, датированный XV в., а у церкви Федора Студита и в Скарятинском переулке близ Кудринской площади (б. площадь Восстания) – красноглиняная и краснолощеная керамика. Между Большой Никитской и Тверской улицами культурный слой конца XVI в. обнаружен лишь в районе Большой и Малой Бронной улиц и Богословского переулка[30].

Имена некоторых владельцев дворов западной части Занеглименья известны благодаря тому, что там в первой половине XVI в. «ставили» иностранных послов, посланников и гонцов. В Чертолье находились дворы князей Мосальских, Бородкина, Кондырева, а рядом с церковью Св. Духа располагались «крестьянские дворы», на Никитской улице была усадьба Истомы Чертова. После передачи этой территории в опричнину жизнь здесь несколько замерла, а для постоя иностранцев стали использовать северные части Занеглименья, прежде всего Петровку, где рядом с Высокопетровским монастырем соседили дворы Гаврилы Тыртова, Василия Дурова. Площадь у Пушечного двора с усадьбами князя Ф. Шуйского, М. Головина и Осипа Непеи, знаменитого посла в Англии, послужила местом жительства послов в 1561 г., а двор А. Шеина за Неглинною – в 1565 г.

Русский всадник. Гравюра Г. Хиршфогеля из книги Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии». 40-е гг. XVI в.

[26] ВКТСМ. Л. 181.

[27] АСМ. Т.II. Л., 1990. № 723. С.141.

[28] *Хорошкевич А.Л.* Московский посад середины XVI в. по данным польско-литовских посольских книг // Столичные и периферийные города Руси и России в середине века и ранее Новое время (XI–XVIII вв.). М., 1996.

[29] ВКТСМ. Л.509 об; *Штаден Г.* Указ. соч. С.104.

[30] Приведенные выше археологические материалы добыты усилиями участников целой серии археографических экспедиций и наблюдений при строительстве Московского метро – М.В. Воеводского и А.А. Потапова в 30-е гг., а также В.Б. Гиршберга в 40-е, М.В. Житомирской и М.Г. Рабиновича в 50-е, А.Л. Александровского, А.Г. Векслера, О.Р. Лебедевой, С.З. Чернова в 90-е гг.

Белое (мирское) духовенство, как правило, владело дворами в непосредственной близости от церкви, в которой служили священники. Черное духовенство – монахи – в Китай-городе сосредоточивалось в Богоявленском, Никольском Старом, Заиконоспасском монастырях, тяготевших к торжищам и перекресткам. В Занеглименье действовали Рождественский, Петров (Высокопетровский) и женский Георгиевский монастыри. В начале XVI в. далеко за Чертольем, в излучине Москвы-реки, был основан еще один женский Новодевичий митрополичий монастырь.

В Китай-городе было значительно просторнее, чем в Кремле, и на подворьях богатых князей и бояр размещали все необходимое для жизнеобеспечения такого замкнутого хозяйства, как крупная городская усадьба, образцом которой может служить подворье князя Ю. А. Оболенского: «...на заднем дворе горница с комнатою, перед комнатою сени, перед горницей повалуша да сени, да... две избы хлебные, да пивоварня, да поварня, да мыльня; а на переднем дворе две повалушки, да амбар, а по другую сторону ворот два погреба, конюшня, две сенницы да житница». Кроме этих строений, которые Оболенский оставил жене, было еще несколько, завещанных Троице-Сергиеву монастырю. Ему он передал «столовую горницу с комнатою и с подклеты да повалушка, комнат [...] да сени и з задним крыльцом и с переходы, да горница одинака на конюшенном дворе»[31].

Непременными элементами усадьбы были горница, погреб, повалуша. Приблизительно такой набор строений передавал Троице-Сергиеву монастырю Иван Кузмин сын Яковлев в 1541/42 г. вместе со своим двором: «А на дворе хором: горница трех сажен да повалуша да сени, да полата каменная, под нею погреб». Показательно, что у торгового человека уже оказалась каменная палата. Вспомним, что первые подобные сооружения были воздвигнуты лишь полстолетием раньше: вслед за купцом Тараканом (1471) на такое же строительство в 90-е гг. XV в. решился и Иван III. К 40-м гг. XVI в. ничем не замечательный рядовой торговый человек имел уже каменную палату. Безвестный Иван Кузмин сын Яковлев был, однако, владельцем не одного только двора: в 1548/49 г. он снова передал в тот же монастырь еще один двор – в Китай-городе возле слободки Ивана Третьякова[32].

Не только торговые люди владели многими дворами в Москве. Также ряд дворов имел князь И. В. Ромодановский, даже удалившись в Богоявленский монастырь. Ему принадлежало несколько помещений в этом монастыре: «столовая горница, да сени, да ледник, и обе лестницы у дверей, да повалуша, да погреб, да житница, да поварня». Видимо, его жизнь в монастыре была достаточно комфортабельной. В миру у Ромодановского осталось еще три двора: «А двор мои у Николы в Гнездниках (будущем Гнездниковском переулке с левой стороны Тверской.– *Авт.*), двор за Яузою... а в житницах жита, двор за Неглинною у Дмитрия Святого»[33], т.е. на современной Б. Дмитровке. Разбросанность и обширность его владений объясняется тем, что, будучи выходцем из стародубского (на средней Клязьме) рода Рюриковичей, сделавшим быструю карьеру (он был наместником московской трети и управлял столицей в отсутствие великого князя), Ромодановский только в 90-х гг. XV в. приобрел московскую оседлость.

Обычной принадлежностью городских усадеб оставался огород. Иван Михайлов сын Васильев в 1534/35 г. передал Троице-Сергиеву монастырю двор свой с хоромами и с огородом, на Дмитровской улице у св. Дмитрия.

Горожане держали и скот, используя как пастбища окружавшие Москву поля. С течением времени крупный рогатый скот уступал место мелкому рогатому скоту и свиньям. Подсобным занятием горожан было и рыболовство, хотя ни одна из ближайших рек не могла похвастаться ценными породами рыбы, «кроме дешевой и обыкновенной»[34].

Размеры усадеб были довольно велики. Двор Троице-Сергиева монастыря в Китай-городе в середине века насчитывал 287 кв. саженей (20,5 × 14), а Л. И. Слизнева – почти 360 кв. саженей без локтя (40,5 × 9). Конфигурация усадеб могла быть самой разнообразной: подворья, окруженные тынами из стоячих столбов, хаотически громоздились вокруг церквей, образовывавших естественный центр того или иного квартала.

Пожар 1547 г. потребовал от горожан новых усилий по восстановлению собственных жилищ и культовых сооружений. Кремлевские соборы, как и другие храмы, оказавшиеся в 1547 г. в зоне огня, в первую очередь должны были починить свои кровли и установить кресты. Тут открылся путь для некоторых нововведений. «На... крестех приделывают кузнецы на всех концах меньшие кресты по два или по три вместе». Это новшество, делавшее кресты непрочными во время бурь и сильных ветров, подверглось осуждению на Стоглаве[35]. Но к январю 1551 г. церкви уже вздымали к небу новые кресты, а Успенский собор сиял «новопозлащенным верхом», как будто не было никакого пожара.

Город нужно было отстраивать заново. Правда, Москва строилась быстро и сравнительно дешево. Из можайских и клинских лесов плотами спускали по реке все необходимое для строительства и отопления домов.

Некоторые монастыри имели права сплавлять стройматериал и дрова в Мос-

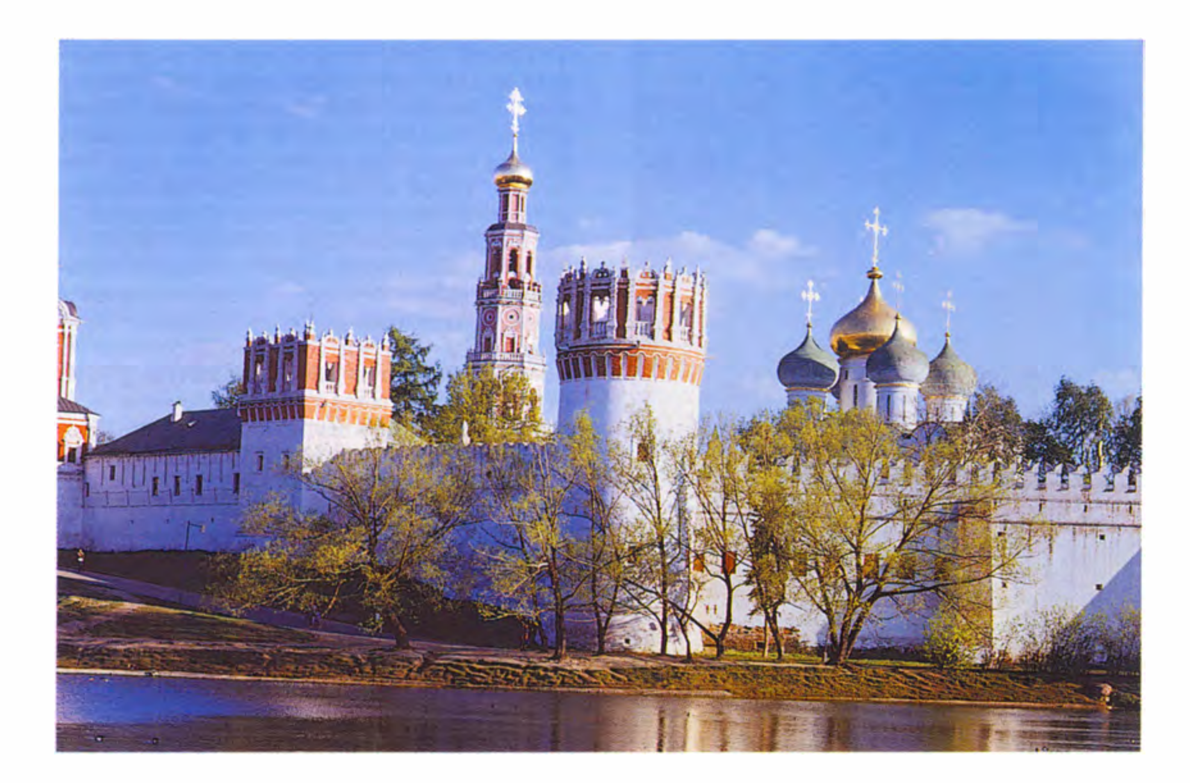
[31] АФЗХ. Ч.II. М., 1956. № 207. С.212. 1547–1565 гг.

[32] ВКТСМ. Л.961.

[33] АММС. Вып.1. № 5. С.78, 79. 1521/22 г.

[34] *Герберштейн С.* Указ. соч. С.129.

[35] АИ. Т.1. № 164. С.314.

Новодевичий монастырь. Собор Смоленской Богоматери. 2-я половина 50-х гг. XVI в.

кву беспошлинно. Один только Симонов монастырь получил от Владимира Андреевича Старицкого 23 марта 1566 г. право безмытно отправлять через Звенигород 10 плотов дров, в каждом плоте по 50 «плениц» – поленниц. По пути из сел Можайского и Рузского уездов перегонщикам монастырских, равно как и любых других, дров приходилось раскошеливаться не один раз: их владельцы платили мыто, и поплашное, и прикольное, и придверное – плоты облагались многими пошлинами. А уж в Москве дровами занимались батраки, готовившие их на зиму (так, Болдин монастырь нанял батраков «в вотчине 6 сажен дров успети на монастырский обиход к Москве», правда, это известие относится к 1586 г.). Батраки же по найму строили и чинили дворовые сооружения, крыли «драницами» все хоромы, чистили колодцы, укладывали мостовые бревнами и большими квадратными кусками дерева, плотно пригнанными друг к другу[36].

Частные усадьбы перестраивались быстро. У некоего Ивана Елизарьева сына Есипова, хозяйственного и основательного человека, 5 июля 1555 г. было «на дворе хором: горница с подклетом, трех сажен, а у горницы сени загорожены брусьем, 11 брусов долгих, да 16 брусов коротких, да 2 избы в одном срубе перерублены, обе трех сажень, да чюлан круглой на столпех, все 4 стены полуторы сажени, да сенница четырех сажень стоячая, тын да ворота на четырех вереях, круг двора горотьба частокол; а мера двору в длину 13 сажень, а поперег 6 сажень»[37].

Еще более самодостаточное хозяйство представляла собой усадьба Ф. П. Молвянинова, в середине века бывшего дворовым сыном боярским по Суздалю. (Другой член этой семьи – Яков Семенович 20 марта 1562 г. был поручителем по И. Д. Бельскому, а в 1582 г. был отправлен послом в Рим.) Усадьба включала «горницу с комнатой, над которой возвышалось 2 чердака, повалушу, соединенную с горницей сенями, отдельно стояли две поварни, изба с сенцами, «мыльня» (баня), небольшая житня, конюшня у забора, погреб, ледник, воротная изба, клетка, да колодец»[38].

К 1591–1592 гг., когда усадьба поступила в распоряжение Троице-Сергиева монастыря, хозяин уже умер, а большая часть строений разваливалась. Если считать, что в Дворовую тетрадь имя Ф. П. Молвянинова занесено при достижении им зрелого возраста, когда его называли полным именем с прозвищем Пучко, то он был не моложе 60 лет. Вероятно, все это множество сооружений возвели задолго до конца XVI в., описание хозяйства показывает лишь размах строительства середины века.

Расчистив центр города от старых строений, препятствующих образованию правильных городских магистралей, пожары 1547 и 1571 гг. создали условия для некоторой, пусть отчасти декоративной перепланировки города и его застройки, в первую очередь монастырями. На дворовом месте Иосифо-Волоколамского монастыря в Китай-городе воздвигли каменную церковь Благовещения (с папертью), под которой разместились две палаты. Хозяйственные надобности удовлетворяли каменные поварня и погреб. В целом одному из наиболее влия-

[36] АФЗХ/АМСМ. № 50, 151. 22 апреля 1535 г.; 23 марта 1566 г.; РИБ. Т.37. Пг., 1923. Стб. 44, 65, 66; *Парри В.* Проезд через Россию персидского посольства в 1599–1600 гг., М., 1900. С.9.

[37] ВКТСМ. Л.961 об.

[38] ТКДТ. М.; Л., 1950. С.154; СГГД. Ч.I. № 176. С.481; ВКТСМ. Л.509 об. 1591/92 г.

Деревянные хоромы в Москве. Миниатюра из Лицевого свода. XVI в. РНБ

тельных монастырей принадлежал весьма внушительный комплекс каменных сооружений.

Преобладание каменных зданий на усадьбе Иосифо-Волоколамского монастыря скорее исключение, чем правило. На дворах частных лиц, вне зависимости от их социального и имущественного положения, по-прежнему господствовали деревянные строения, и, насколько можно судить, общий тип застройки городских усадеб во второй половине века не изменился по сравнению с первой. «Избишко да пристенешко»[39], которые украшали двухместный двор В. С. Степанова в Сущевской слободе на Дмитровской улице вплоть до 15 декабря 1562 г.,– наиболее распространенный тип застройки, в особенности в начале освоения того или иного земельного участка.

Существовал некий стандарт строительных материалов – наиболее ходовыми были, по-видимому, бревна трех сажень («бревна клетные»). Размер бревен определял размеры изб и других сооружений, пристраивавшихся, вернее прилеплявшихся друг к другу. Ансамбль из изб и клетей, каждая из которых находилась под собственной крышей, в совокупности создавали очень живописный вид.

Городской пейзаж дополняли колодцы, выгоревшие в пожар 1571 г., но, разумеется, быстро восстановленные. Археологам известны простые поглощающие колодцы, хорошо осушавшие почву. Это деревянные бочки без дна, вкопанные до впитывающих воду слоев. Такая система существовала до XVII–XVIII вв. (с помощью бочек, например, осушался подклет северного придела Казанского собора). Качество воды оставляло желать лучшего. Приставы уверяли иностранных послов, что «в колодезех вода жива» или «свежа», «колодези добры, лутче речные воды», но тем не менее в 1566 г. велено было «на еству послом воду возити с реки Москвы». Для осушения почвы, особенно влажной в осеннюю и весеннюю распутицу, с конца XV в. использовались трубчатые подземные стоки, отводившие воду с улиц и дворов в реки. (Такие стоки, перерубленные фундаментом Китай-городской стены в 30-х гг., открыты раскопками.) В XVI в. строили водостоки сложного профиля, а в XVII в.– даже каменные и кирпичные.

Во второй половине XVI в. происходило сравнительно быстрое оформление основных улиц за пределами Кремля. Особенно показательны элементы благоустройства столицы. Уже с конца XV в. все крупные проезжие улицы к этому времени были замощены деревом (продольные лаги, на них – поперечный бревенчатый настил, который часто выравнивали плоскими плахами). Улицы так и назывались – «большие мостовые». При раскопках встречается до нескольких ярусов, отмечающих направление старых улиц, они вскрыты, например, вдоль всей улицы Ильинки, на Моховой, Никитской и др. Мостили не только улицы, но и внутренние дворы горожан, у наиболее богатых – не деревом, а каменной плитой.

Оформление уличной сети хорошо заметно по археологическим материалам жилой застройки посада в Зарядье, Ипатьевском и Старопанском переулках, в Заиконоспасском монастыре и на Печатном дворе. Их характерным отличием от более ранних комплексов является привязка сооружений и построек к уличной сети, дожившей до середины XX в. (карта 7).

Возможно, во второй половине XVI в. изменились и представления горожан о своем городе. Если в первой половине столетия обязательно нужно было указывать посад и церковь, к приходу которой принадлежала та или иная усадьба, тот или иной двор, то во второй половине XVI в. уже можно было называть улицу либо с церковью, либо без нее. Так, Д. Г. Плещеев завещал своей жене «двор на Москве на Тверской улице у Василья святого». Князья Иван и Григорий Звенигородские передавали Иосифо-Волоколамскому монастырю «двор наш на Москве на улицы на Дмитровки», а некто Левашов имел «двор на Москве на посаде у Вознесенья Христова на Сивцове враге». Местоположение двора обозначено двумя разными способами: «Швеин враг» (овраг) ко времени покупки двора (1545) превратился в «Сивцев враг», здесь возникла церковь Вознесения, а вокруг нее вырос посад. На этом примере отчетливо виден процесс освоения новой городской территории.

[39] ВКТСМ. Л.960 об.

Вместе с тем употреблялись и совершенно неясные для нас обозначения по прежнему владельцу: «двор на Москве, что... купил у Михаила Семеновича Беклемишева»[40].

До сих пор речь шла в основном о строительстве и усадьбах частных лиц. В середине столетия именно они по преимуществу проявляли активность в этой сфере деятельности. Грозный не любил главного города своей страны. Он то бежал из Кремля на соседние улицы (во время опричнины – на Воздвиженку, а в 1575 г., когда его Опричного дворца уже не существовало, ставил двор «за Неглинною (таково новое наименование р. Неглимны.– *Авт.*) на Петровке, на Орбате против Каменного мосту старово» (через Неглинную), то вовсе покидал столицу, чтобы надолго осесть в Александровской слободе или в течение нескольких месяцев объезжать монастыри и владения опальных князей и бояр. Не случайно в его царствование Москва не получила новых фундаментальных укреплений, строительство каменного «града, где был Земляной, а имя ему Царьград»[41], позднее Скородом, началось лишь в год его смерти.

При Грозном и его преемниках дворцовые службы вышли за пределы Кремля. Царские конюшни, например, оказались и в Китай-городе у Николы Подкопаева, и на Арбате, соседствуя повсюду с дворами князей, княжат и бояр. Конюшенный двор в одноименной слободе на Арбате прославился в свое время тем, что именно сюда в 1600/01 г. «по подземелью великою мудростию» был проведен первый московский водопровод[42]. Наряду с Конюшенной в XVI в. процветала Бронная слобода, Немецкая и Новая Иноземная слободы. Некоторые слободы, прежде всего в пределах Китай-города, оставались частными, одна из них до 1548/49 г. принадлежала великокняжескому казначею Ивану Третьякову.

Однако большинство слобод основывалось за пределами Китай-города и посадов. Город расползался как бы отдельными языками – к северо-западу, северу и северо-востоку от Кремля и Китай-города, т.е. в тех же направлениях, что и в предыдущее столетие. Теперь жителей поселяться здесь заставляла не только забота о безопасности, преобладавшая в XV в., но и удобная близость к торговым путям – в Смоленск, Тверь, Новгород Великий и Дмитров. Не случайно торговые магистрали оформлялись в качестве улиц, в первую очередь это Тверская, Дмитровка, к которым и относится большинство упоминаний о частных усадьбах и дворах.

Особенностью XVI в. стало распространение городских территорий на запад, где между Арбатом и Никитской улицей располагались дворцовые земли, ставшие в 60-х гг. опричными, а также на юг, в Замоскворечье. С XVI в. освоение окологородных земель и их присоединение к городским стало более равномерным, а расширение территории приблизилось к концентрическому.

Картина Москвы XVI в. была бы неполной без кладбищ, частично находившихся на территории монастырей. Наиболее близко к Кремлю располагалось кладбище в Богоявленском монастыре, где в XVI в. похоронили жену известного в XV в. Семена Кленова, обвиненного в принадлежности к ереси «жидовствующих» (1500–1501), и однофамильца известного книжника Михаила Медоварцева, с именем которого связан один из ранних этапов создания знаменитого легендарно-исторического «Сказания о князьях владимирских», или его родственника – Спиридона Семеновича Медоварцева, и семью митрополичьего дьяка Василия Александровича Воробьева (60-е гг.). Некрополь этого монастыря служил родовой усыпальницей для Воронцовых-Вельяминовых и близких к ним семей.

Мстиславские выбрали Симонов монастырь, который в конце века стал патриаршим, т.е. ставропигиальным. Здесь 30 июня 1540 г. был похоронен Ф. М. Мстиславский, 6 августа 1566 г.– Александра, жена И. Ф. Мстиславского, 12 января 1582 г.– В. И. Мстиславский и 6 апреля 1586 г.– Ульяна, жена Ф. И. Мстиславского[43].

Захоронения в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря тоже считались очень престижными. Здесь нашли упокоение князь И. И. Кубенский (1 июня 1546 г.), жена М. И. Кубенского – в первой половине века и жена И. С. Кубенского Ульяна – 15 мая 1537 г. Похоронена в соборе и княгиня Марья, жена князя Ю. Р. Сицкого,– 6 января 1565 г. и Марья, жена И. С. Ярославского,–

[40] АФЗХ. Ч.II. № 275, 183, 299, 276. С.281, 185, 310, 285. 1558–1559, 1545, 1562–1563, 1558–1559 гг.

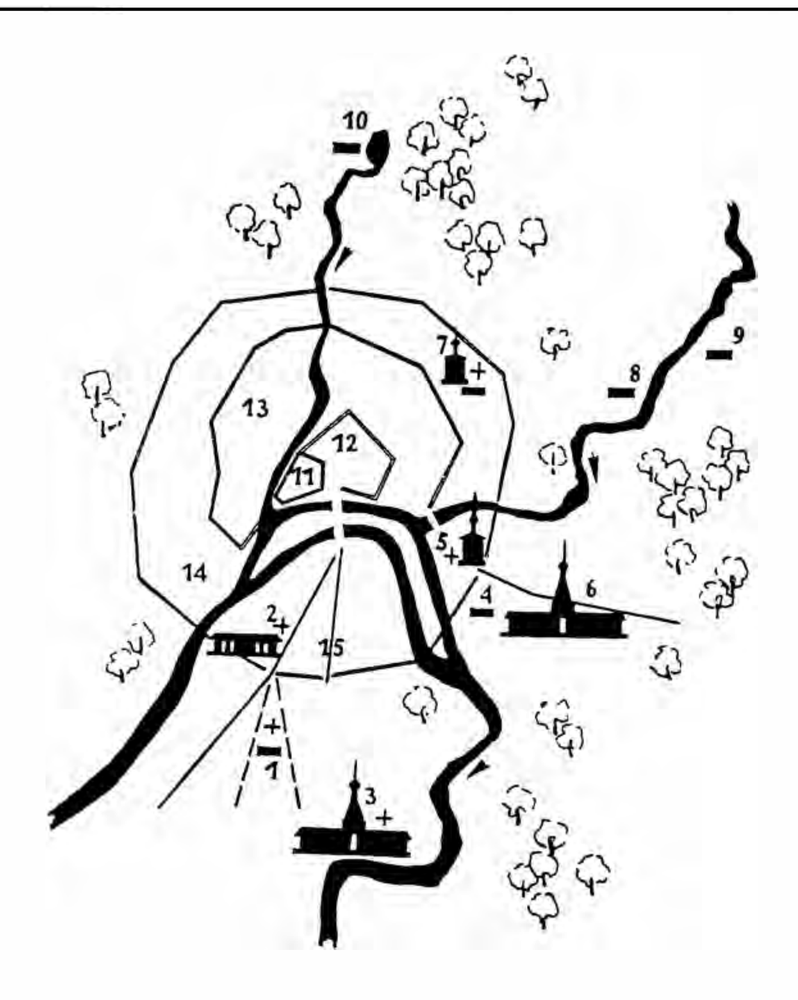
[41] ПСРЛ. Т.34. С.192, 195.

[42] Там же. С.105.

[43] *Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1994. С. 79, 80; *Гиршберг В.Б.* Указ. соч. Ч.1. № 35, 63, 80, 86.

Надгробие Каспара Эльверфельда. XVI в. МИГМ

План расположения иностранных поселений и захоронений. XVI в. Составитель Л. А. Беляев

1. Старый двор. 2. Слобода Наливки. 3. Данилов монастырь. 4. Второе подворье вблизи Болвановки. 5. Церковь на Болвановке. 6. Покровский монастырь и Божий дом. 7. Церковь Харитона в Огородниках. 8, 9. Подворья Новой Иноземной слободы. 10. Лазарев двор. 11. Кремль. 12. Китай-город. 13. Белый город. 14. Земляной город. 15. Замоскворечье

16 марта 1533 г. В первой половине XVI в. здесь были могилы князей Захарьиных: Ирины, жены Ю. Захарьина (похоронена 29 марта 1533 г.), и его сына Григория (погребен 1 марта 1556 г.). Во второй половине XVI в. Смоленский собор стал усыпальницей и князей Воротынских. 25 января 1566 г. был погребен А. И. Воротынский, семья М. И. Воротынского (жена Степанида – 16 сентября 1570 г. и дочь Аграфена – 25 мая 1571 г.); Шереметевых (Домна, жена И. В. Шереметева,– 1 марта 1583 г.); Голицыных (Федор Александрович, внук князя Андрея Голицына,– 27 августа 1595 г.); Годуновых (старица Анфиса – 11 июля 1595 г.)[44].

Особый интерес представляют кладбища христиан-европейцев, в XVI–XVII вв. обычно находившиеся за чертой городских стен. Лежавшие на них когда-то плиты, несомненно, изготовлены русскими резчиками, хотя и с надписями по латыни, на итальянском, голландском, немецком и даже на английском языке. Здесь же у храма св. Николая находилось и Немецкое кладбище, память о котором сохранилась благодаря находке надгробного камня с надписью: «1593 г. 8 июня в Боге уснула Энгельбрехта Гротхузена дочь Варвара».

В 1989 г. в районе Конной площадки (ныне – Мытная улица) были обнаружены следы древнейшего иноземного кладбища города[45]. Среди них – надгробие лиценциата Каспара фон Эльферфельдта, бывшего ландроста Петерсхагена, служившего Дерптскому епископу и взятого в плен в Ливонии в битве при Эрмесе. Лиценциат, одним из первых среди немцев принятый в опричнину, был некоторое время близок к Иоанну Грозному, но позднее впал в немилость. Умер он во время чумы. Генрих Штаден испросил разрешения перезахоронить зарытое во дворе дома тело Каспара в склепе, заранее приготовленном на кладбище слободы Наливки (древнейшие плиты которого датируются 1530-ми гг.). История, рассказанная Штаденом, полностью подтвердилась находкой плиты с эпитафией и даже «портретом» погребенного. Здесь были похоронены также пленные: гольдингенский комтур Берншаль фон Белл, дерптский ратман Тидеман Шрове, скончавшийся 31 марта 1569 г., врач и аптекарь Николас Броун[46].

Много плит с кладбища Наливок в XVII в. было использовано для строительства окрестных зданий и Данилова монастыря. Среди них – надгробие жены Бартеля фон Эйхгорна Марии, возможно русской по происхождению, младенца Григория Холмеса, толмача «государя всея Руси» и другие.

С конца XVI в. существовал некрополь Заяузье на Болвановке (за Таганскими воротами).

В XVII в. кладбища иноземцев размещались и внутри Белого города (в районе Огородной слободы), а с середины столетия выносились на Кукуй к Новой Иноземной слободе, в верховья Неглинной за Божедомку (вблизи Лазаревского кладбища) и другие места.

В городе оставалось много незастроенных неудобий – вдоль глубоких оврагов или по болотистым низинам, в особенности вдоль Неглинной, которая к середине XVI в. в некоторых местах превратилась в ручей шириной и глубиной в 1 фут. Рощи и всполья окружали город, свободно раскинувшийся на холмистой местности. Правда, к началу XVI в. преобладали поля и «частый можжевеловый кустарник». Издали город выглядел очень живописно благодаря куполам церквей и монастырей, фигурным крышам светлиц с бочкообразным или кубическим завершением. Пеструю картину дополняли мельницы, в основном водяные, находившиеся на Неглинной, Яузе и рву вдоль Кремля, который был наполнен водой из Неглинной. Ими могли пользоваться все жители[47].

[44] *Гиршберг В.Б.* Указ. соч. Ч.1. № 30, 50, 102, 42, 33, 101, 49, 61, 66–68, 85, 83, 87, 94.

[45] *Beljaev L.* Der Grabstein Caspars von Elverfeldt und der alteste Auslander-Friedhof in Moskaw // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. Neue Folge Bd. 39. Hf. 4. Stuttgart. 1991. S.481–494.

[46] *Штаден Г.* Указ. соч. С.135–136.

[47] *Герберштейн С.* Указ. соч. С.132.

Через реки перебирались с помощью деревянных – наплавных и опорных – мостов, каменные долго не строились из-за дороговизны и с целью затруднить осаду города. Зато обустраивались деревянные крепления речных берегов и набережные, особенно многочисленные в XVI–XVII вв. на Неглинной, через которую был построен и первый каменный мост.

Итак, бурное, хотя и крайне неравномерное увеличение числа жителей, а соответственно, и территории, оформление московских улиц за пределами Кремля, изменение социодемографического состава города – вот главные приметы столичной жизни XVI столетия. Из Кремля и Китай-города вытеснялась старомосковская знать, уступавшая свое место новым бюрократическим учреждениям и дворцовым слугам; в Китай-городе места ремесленников и торговцев занимали князья и бояре.

Город, разрастаясь, постепенно включал в себя слободки, первоначально находившиеся за его пределами. Долго оставались неукрепленными домики и заречные слободы Замоскворечья.

Принадлежность большей части городской и окологородной территории верховному собственнику – великому князю и царю – и его активное вмешательство в градообразовательные, прежде всего демографические процессы способствовали расширению Москвы и выходу ее за пределы укреплений. Изменение социальной структуры и социотопографии столицы, отличавшейся отсутствием социальной «чистоты» и компактности, также проходило при определяющем вмешательстве центральной власти. В результате Москва складывалась как своего рода мегалополис средневековья, о чем свидетельствуют ее размеры, численность жителей, пестрота их этнического и социального состава, многофункциональность и легкая уязвимость от политических, социально-экономических потрясений и экологических бедствий.

В системе русских средневековых городов Москва оказалась уникальным явлением, что объясняется не только объективными социально-экономическими процессами, но и в значительной степени влиянием на формирование столицы государственной власти.

2. МАСТЕРА И КУПЧИНЫ

Торговать как воевать:
кому Бог пособит.
Словарь Тонниса Фенне, 1607 г.

К XVI в. строго определилась социальная топография города. Устойчиво четким стало разделение отдельных местностей по роду занятий их обитателей. Гончары, Кожевники и Мясники – кварталы с такими названиями уже существовали в первой половине XVI в. Ремесленники работали на заказ и на массовый спрос. Они делились на несколько групп: посадские (черные люди), дворцовые, записные (казенные в более широком смысле слова) и вотчинные.

Разумеется, за пределы жилых кварталов были вынесены ремесла, использовавшие в своем производстве огонь, в частности кузнечное дело. Они сосредоточивались на берегах р. Неглинной. Отсюда на торг поступали гвозди – сапожные и иконные («что оклад к образам прибивати»), подковы и сельскохозяйственные орудия (сошники, топоры, косы), а также металлическая посуда – горшки и котлы. Домашнюю и церковную утварь – кадила и паникадила, «медные поваренные» котлы и оловянные блюда – изготовляли медники и оловянники. Также на потребительский рынок были ориентированы многочисленные ремесла по выделке и обработке кожи в Кожевниках (теперешняя Кожевническая набережная). Ремесленников хоронили невдалеке от их места жительства. За Яузой, напротив Новоспасского монастыря, например, 16 апреля 1580 г. была похоронена «Марья Андреева, дочь Петрова Афанасьева, сына кожевника»[48]. Сапоги «обычные притачные, бараньи, тонкие и мягкие телятинные» выходили из рук сапожников, которые занимались и ремонтом обуви, в том числе капитальным: подшивали «под сапоги подошвы новые». Седельники изготовляли свой товар и на экспорт, и по чужому образцу, особым спросом пользовались крымские седла.

В Гончарной слободе на Яузе в первой трети XVI в. производили белоглиняные плитки с рельефами, которые служили вставками в декоре архитектурных сооружений, «костяшки» для счета, игрушки, поливную посуду. В московской керамике на рубеже XV–XVI вв. изменился стиль: раннемосковская керамика была выдержана в бело-красной гамме, теперь преобладала черно-белая с разнообразными включениями. Такие цвета стали возможны благодаря освоению нового технического приема – морения. Наряду с восточным импортом в кобальтовых и бирюзовых тонах начала распространяться и европейская посуда, послужившая образцом для новых форм московской керамики. Имели широкое хождение кубышки (круглые бутыли с вытянутыми шейками и отогнутыми по венчику «воротничками»), стаканчики, шарообразные кувшины для воды и некоторые другие сосуды, аналоги которых можно найти позднее в натюрмортах всех стран Европы. «Лощеные» сосуды для вина, молока и других напитков с заглаженной глянцевой уплотненной поверхностью подражали модной в то время

[48] *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина. С.150.

Красноглиняный изразец. XVI в. Государственный музей-заповедник «Коломенское»

Изразец зеленой поливы. XVI в. Государственный музей-заповедник «Коломенское»

в Европе металлической (оловянной) посуде.

Москва начала отождествлять себя именно с европейским миром, результатом чего явилась перемена стиля материальной культуры. Это сказалось даже в керамических изделиях.

В первой трети XVI в. в Зарядье предпринимались попытки наладить производство поливных печных изразцов, по-видимому, на основе знакомства с венгеро-балканской традицией. В мастерских Гончарной слободы стали изготовлять керамические архитектурные детали – поливные плитки с тератологическими мотивами (т.е. так называемого звериного, или чудовищного стиля).

Уже с середины XV в. началось производство керамических плит для фризовых поясов храмов и монастырских трапезных, ранее делавшихся только из резного камня. Их узоры рано отразили ренессансные мотивы, знакомые художникам по книжным орнаментам, ювелирным изделиям приглашенных в Москву итальянских мастеров. Глазурь использовалась не только для посуды или производства архитектурных деталей. Она широко проникала в быт горожан. Из поливной керамики делали игрушки, бусы и т.п.

Теплые зеленые (или коричнево-красные, желтые) цвета местной глазури особенно хорошо подходили к природной монохромной «зимней» гамме Руси. Для народного искусства средневековой Москвы зеленая полива печей станет в XVI–XVII вв. столь же характерной, как, например, бирюзовые глазури для архитектуры Средней Азии[49].

Художественный уровень даже рядовых прикладных изделий резко возрастал. Например, предметы из кости, чрезвычайно многочисленные в средневековой Москве, изготовлявшиеся чуть ли не в каждом дворе для бытовых надобностей (так много обнаруживается отходов от их обработки), в XVI в. украшают художественной резьбой гораздо чаще, чем ранее. Рукоятки ножей, великолепные ложечки (возможно, для причащения), декоративные накладки, крестики и многое другое покрывали сплошь рельефными плетеными или циркулярными орнаментами, а подчас даже фигурами, часто изображающими иноземцев, облик которых неизменно вызывал любопытство москвичей.

На развитие ремесла большое влияние оказывал спрос. Особые заказы предъявляли церковные учреждения, увеличивающиеся пропорционально росту самого города. Это были иконы, кресты и церковная утварь. Они изготовлялись в митрополичьих и монастырских мастерских. Иконописным делом занимались даже сами высшие церковные иерархи. Так, митрополиты Варлаам (1511–1521) и Макарий (1542–1568) принимали участие в такого рода работах. Очень много книг переписывали и монахи в монастырях.

Наряду с изготовлением книг и икон на заказ большое их количество шло на рынок, вольная стихия которого позволяла мастерам более свободно подходить к трактовке изображаемых сцен и лиц.

И ремесло и торговля в XVI в. развивались в весьма своеобразных условиях. Вся столичная жизнь была поставлена на службу тем государственным целям, которые стояли перед всей страной, и тем личным интересам, которые с неимоверным упорством преследовали великие князья и первые цари. Вплоть до середины XVI в. еще не была решена общенациональная задача – освобождение страны от остатков ордынского ига. Образование Русского государства сопровождалось борьбой за западные русские земли. В условиях почти не прекращавшихся в течение XVI столетия войн изготовление вооружения являлось общегосударственным делом. Основная мас-

[49] *Дзвонковский С.Л.* Архитектурно-археологические находки на устье Яузы // Реставрация и архитектурная археология. Вып.2. М., 1995; *Векслер А.Г.* О некоторых находках рельефных изразцов в Москве // КМИ. Вып.5. М., 1992; *Беляев Л.А.* Московские печные изразцы до начала XVIII в.: Опыт археологической систематизации // Там же; *Выголов В.П.* Русская архитектурная керамика конца XV – начала XVI в. (о первых русских изразцах) // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. М., 1975. С.282–317.

са оружейников входила в состав дворцовых. Им, как и другим дворцовым ремесленникам, назначали определенный оклад. Так, бронники получали 5 руб. в год плюс 100 четей поместья, а мастера самопальных пищалей – по 7 руб. Изделия оружейников приобретали в основном привилегированные горожане, в завещаниях которых тщательно перечислялись и «шолом (шлем) московского дела», «зерцала (брони) московские», «тебеньки московские» и т.д.[50]

Особо следует остановиться на литейном деле, в первую очередь пушечном, а также на изготовлении пороха. Среди мастеров этих специальностей в первой половине XVI в. насчитывалось очень много иностранцев – немцев и итальянцев. Выше уже говорилось о немецких пушкарях и пушечниках, которые особенно отличились в 1521 г. во время набега крымского хана Мухаммед-Гирея. На протяжении первой половины столетия эти ремесла достигли больших успехов. Помимо пушек и пищалей научились отливать и железные ядра.

Состав пушкарей – обитателей будущей Пушечной улицы – во второй половине XVI в. изменился по национальной принадлежности. Если еще в первой половине века среди них преобладали или играли заметную роль немецкие или итальянские мастера, то теперь картина стала другой. Ян Белый, Мануйло Игнатьев, Васюк Орлик, Деревня Михайлов, Селя Олексеев, Ждан Мушторелев, Васюк Алексеев – вот имена мастеров 1551 г., среди них лишь два могли быть связаны либо с Литвой, либо с иной заграницей (Ян Белый и Ждан Мушторелев).

Московские мастера пользовались заслуженной славой. Столичных пушкарей Дорогу Болотова и Васюка Алексеева осенью 1555 г. отрядили в Новгород «к наряду ядер делати»[51].

Среди москвичей известны и такие выдающиеся мастера-пушечники второй половины XVI – начала XVII в., как Степан Кузьмин (1533), Андрей Чохов (1569–1605), Первой Кузьмин (1581), Никита Тупицын (1600), Проня Федоров (1605). Лучшие датированные образцы их пушек были собраны в Оружейной палате, где иностранцам показывали «очень красивые медные пушки». В Москве хранился и «хороший запас военных снарядов»[52].

Пушечным мастерам не уступали литейщики. «Государевы колокольные литцы» работали на заново отстроенном после 1571 г. Пушечном дворе, изредка выполняя заказы различных церквей и монастырей. Колокола для Кирилло-Белозерского монастыря были отлиты именно в Москве. В городе варили и селитру. О размерах этого производства можно судить по летописному рассказу о внезапном пожаре 3 июня 1531 г. «на Успленьском враге на Алевизовьском дворе», когда за час погибло более 200 человек, изготовлявших «зелье пушечное»[53]. «Государевы зелейные мастера» в качестве подручных использовали посадских людей, исполнявших таким образом тягло. Среди оружейников выделялись те, кто изготовлял сулицы (метательные копья с укороченными древками длиной 1,2 м вместо 2 м).

Весьма показателен и состав вкладчиков в Троице-Сергиев монастырь. Именно бронники, самопальные мастера и кузнецы преобладали среди ремесленников, вообще крайне немногочисленных среди троицких вкладчиков. 5 августа 1549 г. упомянут вклад Третьяка Семеновича Бронникова, сама фамилия которого выдает потомственного оружейника; 11 марта 1578 г.– Петра Третьяка сына Артемонова железника, в 1594 г.– самопального мастера Родиона Игнатьева сынаВука. 27 июня 1611 г. кузнецы Бронной слободы Лазарь Первой и Федор Васильевичи Чагины пожертвовали свой двор ценою 20 руб., а в 1612–1613 гг. они же – наковальню и железо на 3 руб.[54]

Дворцовые ремесленники рано сформировали компактные поселения – слободы. Размеры и численность их были весьма различны. Бронная слобода в 70-х гг. XVI в. насчитывала 110 мастеров, занимавшихся выделкой и реставрацией оружия,– бронников, юмшанников, сабельников, самопальных мастеров. Разумеется, дворцовыми бронниками дело не ограничивалось. Оружейники жили и за Яузой. Об этом можно судить по надгробию «раба Божия Григория Дмитриева, сына колчужника», похороненного 8 августа 1596 г. около церкви Никиты-мученика за Яузой[55].

Несмотря на очевидную важность литейного, пушечного и оружейного дела как для всего государства, так и для самого государя, другие отрасли ремесла, обслуживающие непосредственно дворец, были значительно многочисленнее. Все стороны дворцового быта охватывались трудом ремесленников или слуг соответствующего профиля. Огромная масса ткачей (хамовников) Кадашевской слободы в Замоскворечье поставляла во дворец полотна, скатертные столпцы, шитые и браные (с вытканным рисунком), убрусы (полотенца), утиральники и т.д.[56] Белили пряжу в царицыной Екатерининской слободе на Ордынке. Собственные шапочники шили различные головные уборы. При царе Федоре в дворцовой портняжной мастерской трудились шесть портных мастеров на жалованье. Золотошвеи (как ни странно, это были мужчины) пользовались рисунками, составленными дворцовыми же «знаменщиками», т.е. художниками, в современном понимании – дизайнерами по одежде. Шубами государи щедро награждали верных и храбрых слуг.

[50] АФЗХ. Ч.II. № 172, 97. 1543/44 г. 1-я четверть XVI в.

[51] ДАИ. Т.I. № 72, 73. С.131, 132, 1551, 1555 гг.

[52] *Флетчер Дж.* О государстве Русском. СПб., 1906. С.89.

[53] ПСРЛ. Т.XIII. С.72, 58.

[54] ВКТСМ. Л.961–963.

[55] *Гиршберг В.Б.* Указ. соч. Ч.1. № 96.

[56] *Забелин И.Е.* Домашний быт русских цариц в XVII в. М., 1869. С.666; *Он же.* Материалы... Ч.1. Стб. 1201–1223.

Ткачиха. Миниатюра. XVI в.

Шитье кафтана. Миниатюра из Лицевого свода. XVI в. ГИМ

Служители в самом дворце объединялись в различные приказы в отличие от ремесленников, проживавших в соответствующих слободах. Самым многочисленным приказом можно признать Сытный: в 1573 г. в него входило 477 человек, среди них – сытники, повара, помясы, хлебники, скатертники, подключники и др. Некоторые из них были так богаты, что давали вклады в Троице-Сергиев монастырь по родственникам и коллегам по 50 руб. Второе место по числу служителей занимал Конюший приказ с 424 стремянными конюхами, которые сопровождали государя в походах, стадными, «стряпчими конюхами у конского корму», подковщиками, седельными мастерами и «конскими мастерами», т.е. ветеринарами. Государевы конюхи, судя по их вкладам, были самыми богатыми. У Агея Васильева до 1575 г. была даже вотчина – $^1/_2$ сельца Мачкова на р. Богане в Переславском уезде[57].

С Сытным и Конюшим приказами по численности мог сравниться только Ловчий. Он насчитывал 300 различных охотников: псарей конных и пеших, подопечными которых были «всякие собаки потешные, борзые (хорти) и гончие, меделянские (т.е. миланские.– *Авт.*) волкодавы».

В Постельном приказе значилось 188 истопников: комнатных, «мовных», т.е. банных, постельных, столовых. В него же входили и сторожа, и плотники, и скорняки, и, как это ни странно, певчие дьяки.

Серебряная палата являлась центром дворцовых ювелиров, здесь оказались и новгородцы, вызванные в Москву в 1556 г. (Артемий и Родион Петровы). В палате изготовляли различную серебряную посуду: бочки, кувшины, тазы, блюда, «сутки столовые», «перешницы», братины, бесчисленные виды кубков, которыми государи жаловали своих отличившихся ратников, и чарок, на которых тщеславный Иван IV, подобно деду, велел чеканить либо свое имя, либо свое и своих сыновей (то старшего, то младшего), а также и гербы – «орел двоеглавной», «зверь инрог». Положение ювелиров резко отличалось от рядовой массы даже дворцовых ремесленников. Один из серебряников владел сельцом Пушкиным в Горетове стане Московского уезда. Разъезжая грамота писца Ф. Г. Адашева (отца будущего временщика Ивана IV – Алексея Адашева) от августа 1543 г. упоминает «Ондрюшино поместье Петрова сына, серебряново мастера»[58]. Предоставление поместья серебряному мастеру заставляет предполагать, что речь шла об иностранце, с которым и Василий III, и Иван IV расплачивались земельными пожалованиями, как и с другими иностранными мастерами: литейщиками и архитекторами. Так, покидая Москву в 1535 г., Петрок Малый – знаменитый строитель Китай-города, а возможно, и церкви Вознесения в Коломенском Пьетро Ганнибал[59],– увозил с собой целую кипу поместных грамот.

История деятельности европейских мастеров (архитекторов, инженеров, скульпторов) изучена довольно хорошо. Однако степень их воздействия на культуру Москвы XVI в. не полностью осознана. Постоянно открываются новые, подчас неожиданные подробности, расширяется круг созданных при их участии памятников. Недавно доказан ренессансный характер резьбы каменного «трона» на галерее церкви Вознесения в Коломенском. Определено участие ита-

[57] АИ. Т.II. № 355; ВКТСМ. Л.926; *Альшиц Д.Н.* Новый документ о людях и приказах Опричного дворца // Исторический архив. Т.IV. М.; Л., 1949.

[58] АФЗХ/АМСМ. № 73.

[59] *Kivimae J.* Petr Frjazin or Peter Hannibal? An Italian Architect in Late Medieval Russia and Livonia // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd.52. Berlin, 1996. S.21–28.

льянского зодчего и резчика в постройке собора Новоспасского монастыря. Выяснилось, что сохранившийся собор Высокопетровского монастыря возведен не в конце XVII в., а построен Алевизом Новым в 1514–1517 гг. Этот центрический храм – ротонда – открывает серию столпообразных построек XVI в. Приезжали в Москву и архитекторы из Англии (Томас Чафин в 1567–1571 гг.)[60].

Иностранцы, по-видимому, участвовали и в организации первой бумажной мельницы в Москве в середине XVI в.

Среди серебряных мастеров и во второй половине XVI в. иностранцы встречались редко. Лишь некий Кляус Савостьянов, одолживший англичанину Антону Маршу 273 руб., судя по имени, не принадлежал к русским людям. В 1602 г. при дворе Бориса Годунова работали серебряные мастера Анце Тинка (из Цесарской земли, т.е. Священной Римской империи), швед или голландец Павел Вангоргак – Вангарейк и англичанин Юрий Хикс[61].

Одновременно со своими прямыми обязанностями дворцовые слобожане занимались и другими делами. Так, житель Конюшенной слободы Иван Фокин – мучник – участвовал в торговле[62]. О благосостоянии слобожан свидетельствуют размеры их вкладов в монастыри. Например, в Иосифо-Волоколамский Фокин пожертвовал 200 руб., а его брат Федор, торговый человек, в монастырь Патриаршей слободы – 50 руб. Бурная жизнь московского торга с его бесчисленными рядами заставляет думать, что наряду с дворцовыми ремесленниками активно действовали и неорганизованные частные мастерские. Вероятно, более на рынок, чем на заказ, работали портные и сапожники, замочники, гончары, кожевники, ремесленники, связанные с производством продуктов питания. Однако точно определить долю рыночной и заказной продукции во второй половине XVI в. не представляется возможным. Допустимо предполагать, что уровень благосостояния ремесленников, изготовлявших одежду и продукты питания, был значительно ниже, нежели дворцовых оружейников. Так, среди вкладчиков в Троице-Сергиев монастырь записан лишь один квасник – Стефан, Захарьин сын, в 1599/1600 г. и один шапошник – Иван Григорьев 1 августа 1552 г.[63]

Город был полон дворами дворцовой челяди, «обеленными», т.е. освобожденными от тягла, хозяева которых пользовались различными привилегиями. Оклад дворцовых служителей различался в зависимости от приказа, к которому они принадлежали, или места, которое они в них занимали. Главы Сытного приказа – путные ключники – имели оклад в 25–30 руб., а кузнец Постельного приказа получал за год 1 рубль 5 алтын и 18 четвертей ржи и овса[64]. Чтобы представить, какого рода привилегии имелись у жителей слобод, можно обратиться к жалованной грамоте Ивана IV жителям Кадашевской слободы, позднее подтвержденной Федором Иоанновичем. Летом кадашевцы пользовались исключительными для средневекового города правами – держать огонь в избах и топить бани («в избах огня не выимати», «бани не печатати»). Они подлежали только царскому суду и суду постельничего. Суд творился в три срока – на Рождество Христово, Рождество Иоанна Крестителя и Семенов день. Приказчики Земского двора не должны были въезжать к кадашевцам. В своей церкви Козьмы и Демьяна они могли «молитвы имати без богородицкого и без патриаршего знамени».

Велики были и предоставляемые жителям слобод торговые льготы. Хамовники могли торговать «на Москве в Житном ряду и весовыми товары» (среди которых первое место занимали хлеб и соль) и самыми различными товарами в других рядах. Они были освобождены от уплаты «перевоза (платы за переезд через Москву-реку.– *Авт.*) и мостовщины и с нош и с возов». Таким образом, из Замоскворечья хамовники бесплатно имели право переезжать в город. Не участвовали они и в благоустройстве столицы: «...мостов и взвозов не мостити». В других районах страны с них не взимали «мыта и головщины» с мелких стругов. Положение кадашевцев почти не отличалось от положения других слобожан, например жителей великокняжеской Воробьевской слободы, привилегии которых не были ограничены даже

[60] *Подъяпольский С.С.* Итальянские строительные мастера в России в конце XV – начале XVI в. по данным письменных источников // РАА. Вып.1. М., 1991. С.218–239; *Гаврилов С.А.* Церковь Вознесения в Коломенском. Исследования 1972–1990 гг. // Там же. С.158–178; *Подъяпольский С.С.* О малоизвестном типе папертей конца XV – начала XVI в. // Российская археология. № 3. 1994. С.186–207; *Беляев Л.А.* Древние монастыри... С.152–176; *Баталов А.Л.*, *Швидковский Д.О.* Английский мастер при дворе Ивана Грозного // Архив архитектуры. Вып.1. М., 1992. С.102–111; *Выголов В.П.* К вопросу о постройках и личности Алевиза Фрязина // Древнерусское искусство. М., 1997. С. 242.

[61] Сб. РИО. Т.38. СПб., 1883. С.218, 310, 442.

[62] *Гиршберг В.Б.* Указ. соч. Ч.1. № 86.

[63] ВКТСМ. Л.901, 963 об.

[64] *Альшиц Д.Н.* Указ. соч. С.35, 51.

Английское подворье в Зарядье. XVI–XVII вв.

в 1549 г., когда другие тарханщики потеряли часть своих торговых преимуществ[65].

Среди слобод стоит отметить многочисленные ямские слободы, располагавшиеся при выезде из столицы на основные дороги – Смоленскую у Дорогомилова, Серпуховскую у Коломенского, Тверскую на Тверской-Ямской, Владимирскую у Рогожской заставы.

По-прежнему существовали монастырские дворы и слободы Симонова, Троице-Сергиева, Чудова монастырей и др. О привилегированном положении Новинского монастыря можно судить по жалованной грамоте 1573 г.: в 1573 г. он был освобожден от дани, ямских денег и «примета» в Москве и в Бежецке, однако деньги за ямчужное и засечное дело должен был вносить. Позднее монастырь стал патриаршим, а его игумен получил право суда над собственными старцами, священниками, слугами, слободскими крестьянами (правда, в присутствии двух-трех «лучших» слободских крестьян), сельскими слугами, попами сельскими и крестьянами сельскими. Новинская слобода находилась на р.Прудне. Слободские крестьяне три дня в год, осенью и весной, должны были заготавливать дрова и бревна, а зимой перевозить их[66]. В 1575 г. добавилась еще одна привилегия. Монастырского мельника «ни в какие тягли и к делом нашим ни к которым притягивати ни во что не велели». К прежним дворам и слободам в марте 1556 г. присоединился двор монастыря в Китай-городе «с правую сторону Богоявленского монастыря возле Устюжского двора», а на дворе Иосифо-Волоколамского монастыря в 1558 г. поставили церковь Благовещения.

Попытка Ивана IV передать слобожан церковных иерархов под юрисдикцию светских и церковных властей и заставить их «тянути с городскими людьми всякое тягло» натолкнулась на такое сопротивление церковных иерархов, что после Стоглава он вынужден был отменить это решение. Монастырские дворы-слободы во второй половине XVI в. по-прежнему пользовались привилегиями, но в разной степени. Так, Троицкое и Иосифо-Волоколамское подворья освобождались от уплаты золотых и пищальных денег, поворотного, «проторов» и «разметов», но должны были исполнять мостовую и решеточно-сторожевую повинности[67]. Ямские и приметные деньги, а также деньги за городовое, ямчужное и засечное дело они должны были платить в Большой приход в Москве, образовавшийся к 1554 г.

Жизнь города была тесно связана с реками. Впрочем, Яуза с ее крутыми берегами и Неглинная, разливавшаяся подобно пруду под Кремлевским холмом, не годились для судоходства. Зато по Москве-реке суда доходили до устья Яузы. Здесь пролегала граница средневекового судоходства по Москве-реке. Ею служил так называемый «живой мост», подвешенный подобно понтонному на крючьях. Выше «живого моста» передвигались лодки и плоты со строительными материалами, которые заготовляли в шести милях от Можайска, с дровами и сеном. Грузы, поступавшие в Москву из других земель и стран по реке и сверху и снизу, выгружались в устье Яузы, где стояла церковь покровителя путешественников и торговцев – св. Николая с колоритным прозвищем Мокрый. С церквами соседствовали во второй половине XVI в. специальные пункты сбора таможенных пошлин. Рядом с Мытным двором, на месте которого археологи до сих пор находят счетные бирки (палочки с зарубками), с конца XV в. располагавшимся около Москворецкого моста, к северу от одноименных ворот, но ближе к берегу была поставлена Таможенная изба, «где оплачиваются все товары, которые ввозятся». Именно здесь находился конечный пункт движения судов вверх по течению реки, а товары перегружались на телеги и продолжали свой путь уже по суше.

Затем товары поступали на самый большой торг Москвы – «великое торговище Ильинское». Это был рынок и местного (внутригородского), и уездного (в пределах бывшей Московской земли) и, наконец, международного значения. Благодаря чему Москва вышла на первое место по объему торговли среди других городов страны. В 80-е гг. Большой приход (один из финансовых приказов) взимал с торговли в столице 12 тыс. руб. пошлин, тогда как с таких крупных старинных городов, как Тверь и Великий Новгород, в 1,7 и 2 раза меньше (соответственно 7 и 6 тыс. руб.). Лишь средневолжские города могли сравниться с Москвой: из Нижнего Новгорода поступало 7 тыс., из Казани – 11 тыс. руб.[68]

Местный рынок был представлен в основном розничной торговлей в рядах. Горожане могли купить на рынке все что угодно, начиная от хлеба и соли, кончая книгами и иконами. Правда, потребности разных слоев населения существенно отличались. В хлебе привилегированная часть населения не нуждалась, поскольку снабжалась им из своих владений. Об этом можно судить по наличию «хлебных изб» на подворьях князей и бояр, по заботе о получении в Москве намолоченного в деревне хлеба. Так, вдова А. Ф. Челяднина старица Варсонофья 6 февраля 1516 г. просила власти Иосифо-Волоколамского монастыря, которому она пожертвовала с. Балашево в Тверском уезде, «хлеб к нам в Москву того села хрестьяном препровадить». Посажане же, лишенные собственных пахотных земель, покупали на рынке и хлеб. Житный ряд, по-видимому, находился на

[65] *Смирнов П.П.* Московские ткачи XVII в. и их привилегии // Жалованные грамоты Кадашевской и Хамовной слобод 1623 и 1648 гг. Ташкент, 1928. С.21, 22; ААЭ. Т.I. № 223. С.212, 213.

[66] Уставная грамота 7098 г. // Временник МОИДР. Кн.2. М., 1849. Смесь. С.17, 18.

[67] *Каштанов С.М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988. С.159, 160, 239; *Титов А.А.* Вкладные и записные книги Волоколамского монастыря. М., 1906. С.89.

[68] *Флетчер Дж.* Указ. соч. С.57.

Неглинной[69]. Хлебом торговали уже в готовом виде – печеным хлебом и калачами снабжался не только сам торг, но и Зарядье. Летом по торгу «малые» разносили в кувшинах со льдом сладкий морс, настоянный на можжевеловых ягодах и меду, и продавали его в деревянных чашках. Как была организована розничная торговля солью – основным консервантом средневековья, необходимым для засолки овощей, мяса и рыбы, неизвестно. Ясно лишь, что капуста заготовлялась в огромных количествах.

Другими продуктами питания торговали в Масляном, Ветчинном, Медовом, Селедном, Овощном рядах. Ведрами продавались и смоленская вишня, и сливы в патоке. Очевидно, однако, что в рядах со съестными припасами торговали и иностранными товарами – соленая сельдь поступала в Москву через Прибалтику из Балтийского и Северного морей, а позже – через Архангельск.

Помимо всякой снеди и посуды (бочек разного назначения – «на капусту», «для молочного скопу», деревянных ложек, братин, ставцев и блюд, часть которых, впрочем, была не московского производства) рынок снабжал горожан и одеждой – шапками и кафтанами, которые продавались в соответствующих рядах, располагавшихся вблизи с Женским и Завязочными рядами. В Сапожном ряду можно было подобрать себе готовую обувь (например, сапоги из красной или черной кожи).

Число рядов на протяжении второй половины века, несмотря на все препятствия в развитии торговли, неуклонно увеличивалось. В 1595 г. место деревянных лавок, сгоревших в пожаре 1591 г., заняли каменные, выстроенные в три линии ряды – Верхние, Средние и Нижние. Разумеется, зимой продолжал действовать и большой торг на замерзшей реке: там продавали хлеб, глиняные горшки, кадки, сани и т.п.[70], и по-прежнему – мясо, тем более что, судя по археологическим данным, городское стадо Москвы было довольно значительным. Кроме того, в городе к концу XVI в. сложились и специализированные рыночные площадки. У Тверских ворот в пределах Белого города находился Хлебный рынок, лошадьми торговали у Покровских ворот, а сеном – между этими и Сретенскими воротами. Все они отмечены на планах Москвы начала XVII в., как печатных, так и рукописных, в частности К. Буссова 1608 г.

Параллельно с розничной торговлей в рядах и лавках Ильинского торга протекала другая, почти невидимая розничная торговля, в которой участвовали представители привилегированного сословия. Князья, бояре, дворяне, жившие в городе, промышляли прежде всего мехами, полученными с далеких окраин в качестве натурального оброка, конями, вооружением разного происхождения. Все это продавалось просто «по знакомству». Имперский посол Герберштейн рассказывал о покупке пушнины при содействии «одного государева советника», который «хотел навязать мне собственные меха». Собравшиеся же у этого боярина купцы обещали ему награду за удачное посредничество[71].

Данных об уездной торговле сравнительно мало. Известно, что из ближайших городов Московского уезда – Дмитрова, Кимр, села Рогачева привозили хлеб и овощи. Дмитров, переживавший в первой половине XVI в. свой расцвет, притягивал и москвичей, которые спешили туда вместе с торговыми людьми из Новгорода, Пскова, Казани и Рязани. В оптовой уездной торговле наряду с «выведенцами» из Смоленска – «панами смольнянами» – участвовали и крестьяне. «Каждое утро вы можете встретить от семисот до восьмисот саней, едущих туда с хлебом, а некоторые с рыбой», – отметил первый посетивший Москву в 1555 г. англичанин Р. Ченслор[72].

Талеры.
Сырье для чеканки русских монет.
ГИМ

Бреслау (Вроцлав). 1545 г. Лиц. и об. ст.

Аахен. 1571 г. Лиц. и об. ст.

Курфюршество Пфальц. 1572 г. Лиц. и об. ст.

[69] АФЗХ. Ч.2. № 70. С.68; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т.Х. Прим.313.

[70] Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М., 1937. С.78.

[71] *Герберштейн С.* Указ. соч. С.127.

[72] АФЗХ/АМСМ. № 96. 4 июня 1519 г. РИБ. Т.32. № 103; Английские путешественники. С.56.

Сами москвичи вели дальнюю торговлю в масштабах всей страны. В 1551 г. они приезжали на Белоозеро, в 1563 г.– в Орешек. Не потеряли связи с родным городом и купеческие семьи, выведенные в Новгород в конце XV – начале XVI в., такие как новгородский купеческий староста В. Н. Тараканов, Д. И. Сырков и его сыновья Федор и Алексей. Федор был знаменит, и в 60-е гг. XVI в. А. Шлихтинг писал о нем как о «знатном и именитом человеке»[73].

Оптовая торговля солью (в особенности из Поморья и русского Севера) находилась в руках монастырей, вернее, монастырских купчин. Один только Кирилло-Белозерский монастырь имел право закупать 20 тыс. пудов (320 тонн) соли в Каргополе и вывозить ее на юг, в частности в Москву. Благоприятными возможностями для торговли вблизи Москвы на протяжении первой четверти XVI в. пользовался Иосифо-Волоколамский монастырь. 19 декабря 1517 г. Василий III разрешил купчинам этого монастыря останавливаться в своем селе Дегунине (ныне в пределах Москвы) на пути в Новгород и Русу за солью, а уже десятью годами позднее, 20 октября 1527 г., позволил им и торговать этим товаром. Очевидно, монахи, по словам англичанина Флетчера[74], были самыми оборотливыми купцами в государстве. Они располагали большими возможностями для организации дальней торговли, которая нуждалась в огромной затрате времени, сил и денег на приобретение или изготовление телег или саней, тары (бочек и мешков), покупку лошадей. Монастырское хозяйство было более подготовлено к такой торговле, чем уступавшее ему по размерам и финансовой обеспеченности купеческое. Важно и другое. В монастырских землях за пределами Москвы изготавливалась часть тех предметов, которые поступали на столичный рынок в качестве товаров.

Крупным «оптовиком» наряду с монастырями являлся митрополит. Из-под Нижнего Новгорода с «митрополичьих вод» привозили в Москву рыбу и соль. 50 возов летом скрипели на пути в Москву или 50 саней скользили туда зимой. Жалованная грамота 2 сентября 1547 г. на такую торговлю не утратила актуальности в течение всего столетия, она была подтверждена 30 сентября 1564 г. и 27 февраля 1599 г. Кроме того, дети боярские, митрополичьи купчины имели право один раз в год привозить различный «запас» «на ста возах или ста телегах или в судах против ста телег»[75].

Не уступала митрополиту и царская казна, правда, характер торговых интересов светского и духовного государей различался. Как и в первой половине века, казна, судя по сохранившимся документам, заботилась прежде всего о приобретении металлов. По заказу казначеев Ф. И. Сукина и Х. Ю. Тютина в Новгороде в 1556 г. следовало закупить и отправить в Москву 1500 пудов меди, т.е. 24 тонны. Впрочем, почти одновременно околничник Иван Москвитянин закупал там и стекла[76].

Однако и купцы развивали удивительную по средневековым представлениям активность. Из Царьграда – Стамбула привозили в Москву нефть купцы Савва Деревянчин, Андрей Масленников и Нечай (1532). По дальности поездок, объему торговли и предприимчивости им не уступали и иностранные коллеги-конкуренты. Среди них были выходцы из Кракова. Так, Михель Шпис, приезжавший в Москву в 1523 и 1532 гг., в первый раз привез 200 ц венгерской меди из Нового Сонча, которую купил великий князь. В 1522 г. в Москву прибыли шесть царьградских и кафинских купцов, некто Тахун в 1527 г. привез в Москву 2 тыс. «отманских денег голым серебром». Какой-то вильневец при Василии III покупал в Москве серебро в виде различных сосудов, затем переливал их и прятал в воск, запрещенный тогда к вывозу. Из Литовского княжества в торговле с Москвой активное участие принимал и сын виленского «радцы» (члена городского совета) Богдан Онков и многие другие[77]. Внешняя торговля Москвы в первой половине XVI в. в значительной степени ориентировалась на запад, несмотря на то что эту торговлю сухопутным путем часто прерывали русско-литовские войны (1500–1503 гг., 1507–1508 гг., 1512–1514 гг., 1517–1518 гг., 1535–1536 гг. и т.д.). Пользуясь перерывами в боевых действиях, купцы из Русского и Литовского княжеств устремлялись навстречу друг другу. Литовские купцы везли в Москву различные сорта сукон (дорогие – лунское, т.е. лондонское, среднего качества – колтрыш – из Колчестера и самые дешевые), а увозили оттуда серебряную посуду, воск, пушнину; москвичи же везли все то же самое, но в обратном порядке. Среди них наиболее известен В. Сузин, ведший постоянный обмен с виленскими купцами[78].

Встречались торговцы в Москве и на складочном месте в «доме господ купцов» (вероятно, в так называемом Панском дворе невдалеке от Ильинского крестца), где торговля была разрешена с 1537 г., после последней из указанных войн.

Партнерами русских выступали не только литовские и польские купцы, но и немцы из Гданьска и Прусского ордена. Приказчик магистра Прусского ордена в 1519 г. находился в Москве, а прямая торговля немецких гданьчан с Москвой началась в первые же годы XVI в., когда в 1507 г. гданьский бюгермейстер получил право торговать в Москве после пребывания там в 1503 г. своего брата Готшалка Циммермана.

[73] РИБ. Т.32. № 185; ДАИ. Т.I., № 116; *Шлихтинг А.* Новое известие о России времен Ивана Грозного. Л., 1934. С.70.

[74] АФЗХ. Ч.II. № 80, 102. С.78, 97; *Флетчер Дж.* Указ. соч. С.124. См. подробнее: *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С.136.

[75] АФЗХ. Ч.III. № 5, 12, 36. С.16, 31, 68, 69, 361; *Штаден Г.* Указ. соч. С.119.

[76] ДАИ. Т.I. № 112, 92. С.157, 144. 1556. 17 февраля и 19 января.

[77] АЗР. Т.II. № 175. С.299. 1536 г.; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С.42.

[78] Сб. РИО. СПб., 1887. Т.59. № 6. С.107.

Не только с запада и с северо-запада приезжали в Москву ищущие торгового прибытка купчины, но и с юго-востока. В первой половине XVI в. особого размаха достигла торговля с Ногайской ордой, официально разрешенная в 1507 г. Возник специальный Ногайский двор в Замоскворечье. Купцы и ногайские послы пригоняли к Москве ежегодно по 2–8 тыс. лошадей и продавали «под Симановым (т.е. у Симонова монастыря.– *Авт.*) на лугу»[79]. Только в 1533 г. 70 ногайских послов и огромное количество гостей, всего 4700 человек, пригнали с собою то ли 8 тыс. лошадей, то ли 40 тыс. Далеко не всегда ногайцам удавалось доставить свой товар живым и невредимым. В 1539 г. рано выпал снег, «быша лошади дешевы, едва и живы пришли, а иных много помроша... безъкормиа ради»[80]. Торговля ногайскими лошадьми продолжалась и в 50-е гг. В 1551–1556 гг. Ногайский двор в Москве посетило, по подсчетам А. Капеллера, около 10 тыс. торговцев, пригнавших туда 117 700 коней, т.е. около 1700 торговцев с 20 тыс. коней в год. В конце XVI в. считалось, что в окрестностях Москвы постоянно содержится около 10 тыс. лошадей[81].

К приезжим из Литовского княжества и Короны Польской в середине 50-х гг. XVI в. добавились англичане. Они получили место бывших усадеб гостей-сурожан Бобра Урвихвостова и Вепря. Другие выходцы с запада, проживавшие в Китай-городе, строили там «кирхи и ропаты». Европейцы были представлены и англичанами, и голландцами, и нидерландцами, и немцами.

Голландец Ян ван Валле (Иван Белобород), разорившийся в 1591 г., после 1578 г. построил двор в Китай-городе на Крестце. Свой двор в 1585 г. поставил и Мельхиор Мушерон, фактор нидерландской компании «Драг и Мушерон из Лилля и Меддельбурга». Микула Ондреянов, фактор итальянского товарищества «Луццио», обосновавшегося в Нидерландах, в 1595/96 г. получил жалованную грамоту «на Москве торговати». Летом 1600 г. эту же компанию в Москве представляли Вилим Руссель и Адриан Себерехт[82]. В результате русского посольства во Францию в 1584 г. три года спустя парижские купцы во главе с Жаном Паразоном получили разрешение торговать в нескольких русских городах, в том числе и в столице.

На особом положении в середине XVI в. находились англичане, которые получили очень широкие привилегии. Они имели собственный двор на Варварке площадью 299 кв. саженей (19 x 21). Англичане выполняли не только ординарные, но и весьма деликатные поручения царя. «Из королевства Английского привезена князю великому коруна, вельми коштовная, за которую шацовано по 2 кроть сто тысяч рублев и 30 тысяч рублев, а есть деи так высока, мало не локоть... плачено англечиком соболями вельми коштовными»,– доносили послы Речи Посполитой своему королю в 1573 г.[83]

Что предлагала столица своим иноземным гостям? Ногайская орда предъявляла спрос на седельные и другие гвозди. В 1556 г. их отправили 500 тыс., в 1557-м – 300–400 тыс. Все виды вооружения пользовались также большим спросом, но в 1579 г. железные наконечники стрел, сабли и рогатины были объявлены заповедным товаром, впрочем, шлемы и саадаки (колчаны для стрел) продолжали вывозиться. Деревянные изделия, такие как ларцы и «деревца стрельные», из-за отсутствия в степях соответствующего сырья также постоянно входили в состав экспорта на юго-восток. В голодные 1557 и 1558 гг. ногайцы закупали хлеб (соответственно 50 и 340 четвертей). Правители восточных стран через своих факторов приобретали меха. Андреян Грек для Сулеймана I Великолепного в 1551 г. купил пушнины на 8000 тыс. руб. (10 тыс. османских золотых). Вывозилось сырье для освещения – свечное сало и воск, которые накануне Ливонской войны запрещалось экспортировать из страны. В 1589 г. воск был снова объявлен заповедным товаром.

Несколько отличался экспорт, шедший в западном направлении. Здесь преобладали кожи, воск и сало. Об экспорте и импорте можно судить по тому, что намеревался вывезти в 1584 г. Антон Марш: в Испанию – свыше 1000 пудов воска, 1700 пудов сала, 576 пудов конопли, а оттуда – 600 бочек «шпанского вина» и «романеи», 400 связок изюма, а также перец, винные ягоды, сахар, пшено, наконец, «английские товары» – свинец, олово, сукно настрафиль; во Францию – 1300 лосин, 300 козлиных кож, около 1000 пудов сала, а оттуда – 6000 стоп бумаги и различные вина, из Гамбурга (Амборха) – медь, селитру, сельдь[84].

Схожими товарами москвичи торговали и с литовскими купцами – кожухи, «бораньи шлыки» шли на запад, а оттуда дорогие товары – золото и аксамиты. Нужно иметь в виду, что кожухи по цене могли не уступать самым дорогим сукнам: еще в 1541–1542 гг. «кожюх соболий, што з Москвы прислан за 90 золотых», был направлен к крымскому хану Саиб-Гирею[85].

Баланс торговли с европейскими странами был положительный. Разница между экспортом и импортом покрывалась за счет ввоза в Москву серебра. В середине и второй половине XVI в. оно поступало преимущественно в виде крупных серебряных монет, чеканившихся с начала XVI в.,– талеров, именовавшихся

[79] ПСРЛ. Т.34. С.9; Т.XIII. С.130. 1539.

[80] Там же. С.25, 80, 130.

[81] *Флетчер Дж.* Указ. соч. С.153; *Kappeler A.* Moskau und die Steppe: Das Verhältnis zu den Nogai-Tataren im 16. Jahrhundert // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Bd.46. Berlin, 1992. S.94.

[82] ПДС. Т.1. СПб., 1851. Стб.214; *Флоря Б.Н.* Торговля со странами Западной Европы. Архангельск // Средние века. Вып.36. М., 1973. С.135, 140; Сб. РИО. Т.38. С.403.

[83] АЗР. Т.III. № 58. С.169. 1573 г.

[84] Сб. РИО. Т.38. С.217–221.

[85] АЗР. Т.III. № 58, 217. С.165, 381. 1573, 1541–1542 гг.

Пленные в Казани. Миниатюра из «Истории о Казанском ханстве». XVII в. БАН

в России ефимками (от «иоахимсталеров»), а с середины XVI в.– испанских реалов. Яркий пример – клад из Ипатьевского переулка, содержавший несколько тысяч испанских монет, чеканенных начиная от времен Фердинанда и Изабеллы в XV в. до периода правления Филиппа II (1556). И казна, и частные лица, в том числе иноземцы, отдавали их для переплавки в слитки и русские монеты. Переплавка ефимков приносила большую прибыль, чем продажа, при которой цена достигала 36–36,5 коп., а при переделе – 38–38,5 коп. за талер. Пошлины, взимаемые при перечеканке, пополняли царскую казну – они составляли 3,5% цены монет. Эта практика зафиксирована Троицкой вкладной книгой: в ней записано пожертвование московским торговым человеком Иваном Терентьевым 16 августа 1509 г. слитка серебра («а в нем 48 рублей») и денег: 49 рублей 26 алтын и 2 деньги, видимо, на такой же слиток (учтен был размер «угара», т.е. выжигаемых при переплавке примесей – меди и др. металлов)[86].

Основная масса ефимков «сливалась» – плавилась на Денежном дворе в Москве: из них делали серебряную проволоку и, применяя примитивную ручную технику, которой пользовались еще в конце XIV в., денежные мастера чеканили копейки, деньги и полушки. «А выходят ефимки добрые на Москве в московки»,– как заметила Торговая книга середины 70-х гг. Правда, деятельность московского Денежного двора в 50–60-е гг. испытала период спада. Денежный двор пострадал при пожаре 1547 г., а во время опричнины он остался в земщине, поэтому казна обращалась на другие дворы – Новгородский и Псковский. В период опричнины сократилось и число частных заказчиков, что не могло не отразиться на обмене сдаваемого в переплавку металла. Кроме того, монетчики московского Денежного двора в начале 50-х гг. выпустили московку, наносившую ущерб престижу царя. Всадник на монете, которого идентифицировали с Иваном IV, был не в венце, а в княжеской шапке[87]. Трудно узнать, работали ли иностранцы на Денежном дворе. Известно, что в Москву приехал денежный мастер из Ревеля – Пауль Гульден. Драгоценности, которые он привез с собой, были отобраны[88].

На рубеже XVI–XVII вв. московский «государев денежный двор» перевели с Варварки на территорию Кремля. Здесь, на склоне холма, неподалеку от Боровицкой башни, двор работал до XVIII в., с 1627 г. оставаясь единственным денежным двором, снабжавшим монетами все обширное Русское государство.

В целом можно сказать, что, несмотря на свою удаленность от границ государства, Москва в это время стала крупнейшим в России центром международной торговли, где продукты русских промыслов и сельского хозяйства обменивались на ремесленные изделия европейских и азиатских стран. Потребностями войн определялся высокий спрос на «средневековый транспорт», т.е. лошадей.

Однако война способствовала не только расцвету конских ярмарок в Москве. Военные нападения на пограничные районы государства породили такое уродливое явление, как торговля русскими пленными. Жителей Москвы, захваченных в плен во время набега крымского хана Мухаммед-Гирея в 1521 г., можно было выкупать или обменивать в Рязани, где крымское войско стояло лагерем[89]. Обширный и постоянный рынок русских пленных действовал в Москве, куда их приводили греческие, турецкие, крымские и армянские купцы, надеясь выручить за них большие деньги. Здесь в качестве пленных оказывались и бояре, и боярыни, старые и молодые, как правило, редко имевшие в Москве родственников или друзей, которые согласились бы выложить за них основательную сумму денег. Участь молодых людей была не совсем безнадежной. Они привлекали большее внимание московских покупателей. Престарелые же бояре и боярыни, дворяне и дети боярские, на которых не находилось же-

[86] ВКТСМ. Л. 960; *Векслер А.Г., Мельникова А.С.* Московские клады. М., 1988.

[87] *Мельникова А.С.* Русская денежная система до Петра Великого. М., 1988. С.41, 42.

[88] *Штаден Г.* Указ. соч. С.98.

[89] *Герберштейн С.* Указ. соч. С.174.

лающих, вынуждены были снова покидать родину, чтобы в очередной раз оказаться на рынках Каффы или Стамбула.

Среди них были и те, которые вышли из плена в долг, но в столице не смогли найти денег для погашения выкупной суммы. Царь в своих вопросах Освященному собору 1551 г. описывал это так: «...пленных привозят на откуп из орд: бояр и боярынь и всяких людей. А иные сами выходят, должни и безпоместны, и здеся окупитися нечем, а никто не окупит. И тех полонеников, мужей и жен, опять возят назад в бесерменство»[90]. Актуальный и острый вопрос о судьбах пленных долго тревожил москвичей – свидетелей того «торга», объектом которого становились их соотечественники и даже согорожане. Все эти уродливые и оскорблявшие достоинство москвичей явления происходили на фоне упорных русско-казанских походов, которые начались в 1545 г. и продолжались семь лет.

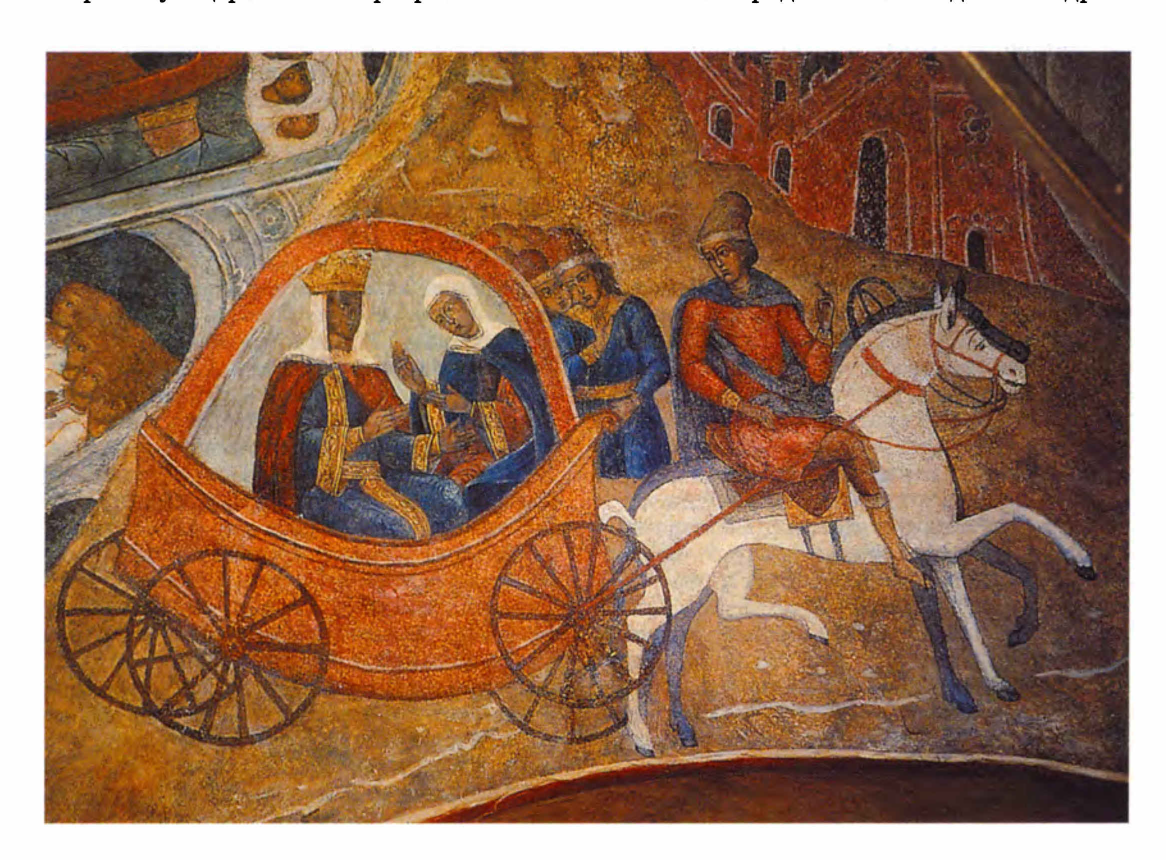
Об условиях торговли известно мало. Таможенные пошлины взимались в основном исходя из стоимости товаров. Пошлина с 1 рубля равнялась 7 деньгам. А с весовых товаров, таких как воск и соль, пошлина исчислялась в соответствии с весом. С 1 пуда воска полагалось платить 4 деньги. Преимущественным правом выбора и приобретения импортных товаров пользовался государь. До осмотра им привезенных товаров иностранцы не имели права их продавать.

Именно в XVI в. купечество обрело свое лицо и стало известно по именам. Кирпичную церковь св. Варвары в 1514 г. Алевиз Новый ставил по заказу Василия Бобра «с братею» – Федором Вепрем и Юшкой (Юрием) Урвихвостовым, а церковь св. Афанасия Александрийского – по заказу Юрия Григорьевича Бобынина. О большинстве купцов имеются скудные сведения, поэтому трудно судить о размерах их состояния, культурных пристрастиях и интересах. Исключение составляет, пожалуй, лишь Анфим, сын благовещенского священника Сильвестра, служивший дьяком в казне, а потом в Смоленске, одна из наиболее значительных фигур Москвы середины XVI в. О торговой деятельности Анфима можно судить отчасти по его вкладу в Троице-Сергиев монастырь: 25 августа 1552 г. он передал монастырю «50 бочек сельдей немецких за 90 рублев да два ларя стекол за 14 рублев, бочку вина церковного за 12 рублев, 10 пуд ладану за 25 рублев». Во вкладной книге монастыря отмечено и происхождение этих товаров общей стоимостью 141 рубль: «А приторговал то на 1000 рублев на монастырские деньги»[91].

Деловое сотрудничество Анфима, «Селиверстова сына попова», с Троице-Сергиевым монастырем сопровождалось состоявшейся по загадочной для потомков причине меной дворами. Троицкий двор в Богоявленском переулке (по левой стороне, если идти от Ильинской к Никольской улице) общей площадью 287 кв. саженей был отчужден и передан Анфиму. Монастырь получил другой двор, но на правой стороне, принадлежавший представителю одного из древ-

[90] Стоглав. С.270.

[91] ВКТСМ. Л.961.

Путешествие княгини Ольги. Деталь росписи Золотой Царицыной палаты. XVI–XVII вв.

нейших родов – Лобану Ивановичу Слизневу, площадью 364,5 саженей плюс огород в 8 саженей[92].

Анфим вместе с печатником и казначеем Х. Тютиным вел обширную зарубежную торговлю. Он же выступил «послухом» (свидетелем) в купчей Тютина на двор в Москве. Было известно, что у него «со многими иноземными великая торговля и дружба есть». Однако наряду с крупной оптовой торговлей он не гнушался и мелкой, почти розничной торговлей, правда, довольно дорогими вещами. Князь Ю. А. Оболенский в своей духовной упоминал о приобретенных у Анфима, «у Селиверстова сына», богатых вставках на парадную одежду – «вошвах»: «бархат червчат с золотом, круги на нем шелк голуб». Князь не мог указать стоимости этой покупки: «Цену Анфим сам ведает, что скажет, и приказчики мои то ему заплатят»[93].

Из этих кратких сообщений явствует несколько фактов: тесная связь Анфима Селиверстова с крупнейшим феодалом Московского уезда – Троице-Сергиевым монастырем; широкий размах торговли и монастыря, и самого Анфима; доступность для последнего различных заморских товаров – и сельди, и стекол, и ладана; большая доходность торговли (прибыльность единократного оборота 1000 руб. достигла 14,1%); высокая религиозность Анфима, старательно передававшего в почитаемую им церковную корпорацию всю прибыль от полученного из монастыря кредита, и, наконец, полное доверие к нему покупателей. Хотелось бы особо подчеркнуть последнее обстоятельство, поскольку многочисленные иностранцы упорно распространяли слухи, будто московское купечество весьма склонно к обману покупателей.

В личности Анфима Селиверстова воплотились типичные черты преуспевающего купчины, богобоязненного и отважного, посредника между крупными организациями на родине и иноземными купцами. Возможно, он испытал воздействие отца, в ту пору влиятельнейшего церковного деятеля, главного советника молодого царя. Москва сформировалась как крупный торговый центр и нуждалась в деятелях такого масштаба, как Анфим Селиверстов.

В Москве наряду с купцами действовали и финансисты Божьей милостью. К сожалению, неизвестно имя того человека, который стал теоретиком денежной реформы в Русском государстве 1535–1538 гг. Можно лишь предполагать, что в подготовке ее участвовал М. Л. Глинский, имевший большой опыт именно в этой сфере. Так это или нет, трудно сказать, но реформа решила важнейшую проблему денежного обращения.

Единому государству нужна была единая доброкачественная монета, пользующаяся всеобщим доверием. Но в денежном обращении находились все выпуски монет периода феодальной раздробленности, а также новые монеты рубежа XV–XVI вв., уже единообразные по весу и оформлению. В этой пестроте терялись многочисленные фальшивые («с подмесом») монеты. Фальшивомонетчики – «безумнии человецы», по выражению летописи, «научениим вражиим» отсекали от каждой монеты по половине, и даже больше, и из полученного серебра, значительно разбавив его «злым примесом», чеканили фальшивые деньги. Фальшивые и обрезанные деньги еще больше засоряли денежное обращение.

К этому времени относится много кладов – люди прятали и «прямые» и «воровские» деньги, видя «нестроение» в денежном деле. В Москве найдено шесть кладов конца XV – начала XVI в. Один из них в центре Москвы в Ипатьевском переулке (большое количество монет и военные доспехи).

Для устрашения фальшивомонетчиков и упорядочения денежного хозяйства в сентябре 1535 г. в Москве «казнили многих людей смертной казнью в деньгах», в том числе причастных к порче денег «москвич, и смолнян, и костромич, и вологжан, и ярославцов и иных многих московских людей»[94].

В 1535 г. началось проведение денежной реформы. В историю она вошла под названием «реформы Елены Глинской» – матери будущего Ивана Грозного. Эта реформа осуществлялась крайне осторожно, в несколько этапов, вплоть до 1538 г. Первоначально вводились монеты с новым изображением – всадника с копьем («копейная деньга», отсюда и сохранившееся до нашего времени название «копейка»), но старого веса – веса новгородок, московок и полушек. Параллельно с этими «гибридными» монетами стали чеканить и другие, по новой стопе (вместо 2,6 рубля из гривенки она составляла 3 рубля), но выглядевшие как дореформенные, т.е. с изображением всадника с саблей (мечом) – «мечевые копейки», и деньги с легендой – именем Ивана и титулом «государь всея Руси».

Именно эти «мечевые копейки» начали первоначально чеканить в Москве на дворе, находившемся на Варварке. И лишь позднее новые монеты стали изготавливать в других городах. На заключительном этапе реформы появились монеты, которые с полным правом можно назвать копейками: они несли изображение всадника с копьем и легенду «князь великий и государь всея Руси». Осторожность при проведении реформы – изготовление монет по новой стопе, но частично в старом виде, что облегчало ее восприятие, привело к успеху это начинание. Реформа не только покончила с остатками феодальной раздробленности в денежном деле, но и ввела но-

[92] АИ. Т.І. № 176. С.314. 15 апреля 1556 г.

[93] Сб. РИО. Т.59. С.439; *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. С.157. Прим.6; Домострой Сильвестровского извода. СПб., 1891. С.62; АФЗХ. Ч.II. № 207. С.207. 1547–1565 гг.

[94] ПСРЛ. Т.26. С.317, 318, 323, 324; *Мельникова А.С.* Указ. соч. С.15–24.

вую полноценную серебряную монету, единую для всего государства: копейку, деньгу и полушку. Копейка весом 0,68 г долго еще именовалась новгородкой. На деньгах – московках, составлявших половину копейки (0,34 г), был изображен всадник с саблей, на полушках (четвертая часть копейки весом 0,17 г) – птичка. Основной счетной денежной единицей по-прежнему оставался рубль, который теперь равнялся 100 копейкам, или 200 деньгам, или 400 полушкам. Таким образом, была создана общегосударственная денежная система.

Денежное дело стало монополией царской власти, которая жестоко пресекала всякую попытку чеканить монету, помимо «государевых денежных дворов». А «вес и мерка пряма, да деньги добры», что, по мнению и русских и иностранцев,– залог благополучия «на всем белом свете»[95].

И после реформы город по-прежнему оставался своеобразным ломбардом – «поклажу» (т.е. свое движимое имущество) воины, отправлявшиеся в поход, предпочитали хранить в столице.

В Москве процветало ростовщичество. В предоставлении денег под заклад участвовало все богатое население города. Этим занимались и митрополичья казна. Так, Г. В. Лысков Чертов заложил свою деревню Алешово в Дмитровском уезде митрополиту Даниилу. Вдова должника не сумела расплатиться, и митрополит забрал деревню у Н. А. Обобуровой «за свои казенные деньги». Г. В. Чертов заложил эту деревню в 1517/18 г. у митрополичьего казначея за 5 руб., и тот по истечении срока на Троицын день 1518/19 г. перезаложил ее снова за 12 руб. «московских государьских денег казенных». Д. Г. и Д. М. Плещеевы заняли у Угрешского монастыря 10 руб. и должны были пополам платить и росты по кабале. Занимали князья, и бояре, и дворяне друг у друга. Заемный процент достигал 20%. Церковь ссужала деньги на более льготных условиях – лишь по 10%[96].

Во второй половине XVI в. у столичных жителей появились новые финансовые функции, в частности порука. В связи с передачей на откуп таможенных пошлин потребовались дополнительные средства, которыми новые откупщики не всегда располагали. Они прибегали к помощи москвичей, пользовавшихся доверием властей. Нечай Нестеров до 21 ноября 1556 г. поручился перед дьяками Приказа Большой казны Ю. Сидоровым и Кожухом Кротким за таможенников, взявших на откуп взимание пошлины в новгородском городке Млеве, причем в очень большой по тем временам сумме – 603 руб., но поручился напрасно. Таможенники обязательства не выполнили, и москвитину пришлось хлопотать о возмещении ему ущерба в связи с порукой. Связи Нечая с Новгородом не ограничивались только этим – он ссужал деньгами новгородских ремесленников. И в этом случае ему пришлось снова подать жалобу – семь человек из них не возвращали роста по кабале, правда, пустякового – 6 руб. Возможно, и сам Нечай Нестеров происходил из Новгорода, но, превратившись в москвитина или будучи им постоянно, поддерживал не только торговые, а и финансово-кредитные отношения со вторым крупнейшим городом Северо-Запада России, причем весьма разного характера.

В развитии московского ремесла, торговли и предпринимательства на протяжении XVI в. очень ясно обнаруживается ведущая тенденция: усиление государственного регулирования промышленной и торговой сфер. Основная национальная задача – освобождение от пережитков ордынского ига – могла быть решена только военным путем. Отсюда быстрое развитие всех ремесел, связанных с изготовлением вооружения. После взятия Казани, когда стало ясно, что «не вскочит чюжии посетитель на стадо Христово», «не сядет от иного племени на престоле Русского царствиа»[97], приоритеты изменились: главным стало то, что представлялось таковым «богомудрому» царю. Постоянно испытывавший давление воспоминаний о положении своих предков, об унизительных обрядах встречи ордынских послов (сведения об этом тщательно собирали иностранцы, посещавшие Россию даже в конце столетия), Иван Грозный стремился не только расширить пределы подвластных ему земель, но и превзойти пышностью двора остальных европейских государей. И то, и другое оказывало непосредственное воздействие на развитие столичного ремесла и торговли, деформируя и искажая их естественный ход.

Шлем Ивана Грозного. Надписи и орнаменты на нем. XVI в. Королевский музей в Стокгольме

[95] Tonnies Fenne's Low German Manuel of Spoken Russian. Pskov, 1607. V.1. Copenhagen. 1962. P. 445.

[96] АФЗХ. Ч.I. № 76–78. С.81–82; № 275. С.278. 1558–1559 гг.; *Герберштейн С.* Указ. соч. С.129.

[97] ПСРЛ. Т.XIII. С.49.

Прежде всего это отразилось на некоторой диспропорции соотношения отдельных отраслей ремесла. В первую очередь развивались те его отрасли, которые либо обслуживали царский двор, либо были связаны с изготовлением вооружения. В последней сфере русское правительство в первой половине XVI в. придерживалось, как и в конце XV в., политики приглашения иностранных специалистов, привозивших с собой и секреты мастерства, т.е. то, что мы теперь называем «ноу хау». Во второй половине столетия надобность в этом ослабела, и московские ремесленники отлично справлялись сами с трудными техническими задачами.

3. СОТНИ И ИХ ЧЛЕНЫ

Самой примечательной чертой посада второй половины XVI в. стала активизация процесса организации всего городского населения, причастного к ремеслу и торговле, оформление различных корпораций. По статье 26 Судебника 1550 г. население Москвы было разделено на группы: гости, посадские люди, в том числе посадские люди средней руки, и черные. Их статусу соответствовал и размер, и характер повинностей, которые они обязаны были выполнять, и размер штрафа за «бесчестье»: 50, 5 и 1 рубль.

Максимальное количество повинностей и денежных платежей лежало на посажанах. О том, каковы они, можно узнать из жалованных грамот населению «обеленных» дворов. Митрополичьим горожанам согласно грамотам 40-х гг. предоставлялось освобождение «от городового дела» (т.е. от обязанности участвовать в сооружении крепостных стен – «города», которая, впрочем, уже в это время была переведена на деньги). Они «извести не жгут, ни камени не делают, не возят»[98]. Приблизительно такой же набор повинностей лежал на посажанах и в конце столетия: «...ни городового дела не делают, ни казаков в посоху не дают, ни камени, ни извести... и татарских у них коней не ставят»[99]. Последняя повинность – содержать татарских коней – происходит от времени зависимости от Орды. В XVI в. она преобразовалась в обязанность обеспечивать помещением и кормом коней, актуальную в связи с активной внешней политикой России. В войнах России середины XVI в. участвовали многочисленные казанские, ногинские, астраханские конные отряды, собиравшиеся в Москве.

О положении тяглого населения можно судить по большому количеству кладов XVI в., счет которых идет уже не на единицы, а на десятки. Подавляющее большинство их найдено там, где селились ремесленники и мелкие торговцы. Размеры кладов тоже весьма характерны – они представляют собой сравнительно скромные суммы, которые никак нельзя назвать сокровищем в современном понимании слова.

Клады отразили жизнь средневекового города XVI–XVII вв. Основными их владельцами были, по-видимому, жители городского посада: ремесленники и мелкие торговцы, стрельцы со второй половины XVI в., а также жители подмосковных деревень. Горожане и крестьяне копили деньги не только для того, чтобы приобретать предметы жизненной необходимости, но и для своевременной уплаты государственных податей. Наши предки хранили собранные и отложенные деньги в кубышках. Эти кубышки были замечательным изобретением гончаров. Сферическая их форма позволяла выдерживать любое давление, в огне они не горели и воду не пропускали. Трудно перечислить все места, куда могли запрятать кубышки с монетами подальше от чужого глаза: их находили в погребах, в фундаменте дома, под крышей, в печи и т.д. Почему же так много денег уходило в клады, становилось мертвым сокровищем? Положение податного населения – посадских людей, около-городных и крестьян – было нестабильным. В условиях русской действительности, когда частное предпринимательство находилось еще в зародышевом состоянии, деньги прятали, вместо того чтобы пускать их в дело. Об этом хорошо сказал Дж. Флетчер в конце XVI в.: «Чрезвычайные притеснения, которым подвергаются бедные простолюдины, лишают их вовсе бодрости заниматься своими промыслами, ибо чем кто из них зажиточнее, тем в большей находится в опасности не только лишиться своего имущества, но и самой жизни. Если же у кого есть какая собственность, то старается он скрыть ее, сколько может... иногда зарывая в землю и в лесу, как обыкновенно делают при нашествии неприятельском». И не только простолюдины могли лишиться своей собственности по прихоти феодала или государственного чиновника. Сами феодалы и высшие представители бюрократического аппарата были бесправны перед царем.

За каждым кладом, найденным в Москве, лежит конкретная, порой трагическая судьба москвича. Ведь дошедшие до нас клады – это клады «невостребованные», не изъятые вовремя из тайников их владельцами. Причины здесь могут быть самые разные: это и частые пожары, и поветрия, и неурожайные годы, и вызванный ими голод[100].

Тяглое посадское население города (черные посадские люди) вошло в состав территориальных сотен. В Замоскворечье это были Ордынская сотня, Кожев-

[98] АФЗХ/АМСМ. № 75. 21 декабря 1543 г.

[99] АММС. Вып.1. Акты Московского Успенского собора. № 5. 24 декабря 1598 г.

[100] *Векслер А.А., Мельникова А.С.* Указ. соч.

ницкая полусотня. Несколько сотен располагались в Занеглименье: Дмитровская, Мясницкая, Сретенская. Между Никитской и Тверской улицами размещалась Новгородская сотня. У Чертолья находилась Ржевская сотня, а само Чертолье входило в одноименную четверть сотни. В Дорогомилове по соседству с резиденцией ростовских митрополитов была Ростовская четверть сотни. Существовали еще две полусотни – Прибылая и Устюжская. Как показывают сами их названия, эти сотни образовались из переведенцев из Устюга и лиц, прибывших из других городов[101].

Сотни, как уже говорилось, формировались по территориальному, а не производственному принципу. Исключение составляют Мясницкая и Кожевницкая сотни. Трудно сказать, почему аналогичные сотни не образовались в других ремесленных кварталах (Гончарах, Мыльниках и т.д.), известных по летописи.

Обязанности сотен носили в основном фискальный характер. Выборные сотники, сотские или старосты, утверждаемые Земским двором, занимались распределением весьма многочисленных и обременительных натуральных повинностей и обеспечивали сбор не менее разнообразных податей. Флетчер сравнивает старост с олдерменами, сотских – с констеблями, однако соответствия десятским в английском городе он не нашел[102].

Сравнительно мало сведений имеется «о торговых людях москвичах». На Земском соборе 1566 г. к ним был отнесен 41 человек, в то время как другие группы торговых людей на этом соборе насчитывали: гости – 12 человек, смольняне (их группа возникла в Москве в 1514 г. после присоединения Смоленска) – 22. Разумеется, эти цифры отнюдь не могут считаться показательными для характеристики всего численного состава этих групп, ведь собор был создан скоропалительно из тех, кто в данный момент находился «на Москве»[103]. Московские смольняне и в 70-е гг. имели охранные грамоты с освобождением от уплаты таможенных пошлин (так называемые тарханные). В состав этой группы входили, по-видимому, купцы разного масштаба. Тихон Смывалов и Федор Кадигробов в 1549 г. вели торговлю в подмосковных городах наравне с барашами и огородниками. И хотя один из них – Ф. Кадигробов брал на откуп взимание таможенных пошлин в Холопьем торгу, здесь, в Подмосковье, они не представляли свои товары таможенникам, ссылаясь на жалованную тарханную грамоту. «Сведенцы» смольняне, «паны московские», в течение почти целого столетия не растворились в общей массе московского купечества и не потеряли своей «особности». На соборе по избранию Бориса Годунова их насчитывалось 21 человек[104].

Выход в поход. Красноглиняный изразец. XVI в. Государственный музей-заповедник «Коломенское»

Воины. Изразец зеленой поливы XVI в. Государственный музей-заповедник «Коломенское»

Это редкий пример устойчивости корпоративного единства выходцев с одной территории и торговцев одного профиля. Более характерен процесс трансформации и растворения старых купеческих групп в других организациях. Несколько раньше исчез слой наиболее привилегированных и богатых купцов – гостей-сурожан. В середине XVI в. оформились две новые корпорации – Гостиная и Суконная сотни, первоначально представленные аморфным понятием «гости» (однако и до этого времени гости составляли особую категорию горожан). Тесно связанные с царем и обслуживавшие в первую очередь царское хозяйство, гости пользовались поддержкой государя (хотя иностранцы считали, что «царь обирал купцов») и в середине XVI в. действовали под эгидой Х. Тютина, который из их старосты превратился в государственного казначея. В последние годы царствования Ивана IV и при царе Федоре гости получили «государевы жалованные грамоты». Согласно им они отныне могли «всякое питье про себя держать беспенно и безвыимочно» и пользоваться свободой от любого постоя[105].

[101] ААЭ. Т.II. СПб., 1836. № 7. С.53, 54.

[102] *Флетчер Дж.* Указ. соч. С.50.

[103] СГГД. Ч.I. С.553, 554.

[104] ААЭ. Т.1. № 223. С.213; РИБ (Архив Строева П.М. Т.1). Т.32. СПб., 1915. № 182, 172; АФЗХ/АМСМ. № 96. 4 июня 1594 г.; ААЭ. Т.II. С.45.

[105] *Флоря Б.Н.* Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве (вторая половина XV – начало XVII в.) // История СССР. 1977. № 5. С.156, 157.

Двор Гостиной сотни, возможно место собраний ее членов, находился между Ильинкой и Варваркой. При царе Федоре, который дал сотне жалованную грамоту, она насчитывала около 350 человек. Гостиная сотня пополнялась за счет «лучших людей» из черных сотен и слобод, только в 1600/01 г. в нее были переведены более 100 человек. Несколько уступала Гостиной Суконная сотня. Возможно, Суконная сотня начала объединяться несколько ранее Гостиной. Уже в 50-е гг. «суконничий староста» взимал особое тягло с некоторых дворов. Не исключено, что жалованную грамоту члены Суконной сотни получили одновременно с членами Гостиной. В 1625 г. суконники ссылались на «прежних… царей и великих князей жалованную грамоту», «такову ж, какова дана гостем и Гостиные сотни торговым людем»[106].

Суконники, как и гости, платили подати со всех дворов золотыми монетами, однако, по-видимому, меньше, чем гости. Во всяком случае в 1546 г., когда определялись нормы набора в войско для казанского похода, требовалось «с гостиных дворов нарядити с двора по человеку, а с суконных дворов с дву дворов по человеку». Вероятно, суконники занимали промежуточное положение между гостями и посадскими людьми.

Остается невыясненным, каким образом вели эти крупные купцы свою международную оптовую торговлю. Тем не менее торговый инструментарий совершенствовался, деньги платили не только «вручь» (т.е. наличными), среди купечества получили распространение «записи», свидетельствовавшие о заключенных сделках, и «кабалы» – вероятно, аналогия векселям. Практиковались «записи переводные», т.е. своеобразные переводные векселя. Все виды оформления сделок и документации по ним перечисляются в духовной В. С. Степанова: «И в кабалах есми ни в каких не писывался, ни в записех поручных, ни в переводных не писывался же»[107].

О том, вели ли тогда гости такие же торговые книги, как их соседи на Западе, сведения отсутствуют. Судя по завещанию В. С. Степанова, у него такая бухгалтерия отсутствовала. Кроме того, он был настолько богат, что позволял себе забыть некоторые долги. Говоря о долге Петра Пояркова, он пишет: «И на Петре ж взяли Офонасьевых денег, того не упомню – двести пятьдесят, невесть меньши. И он попамятует заплатить, а не заплатит, и мне с ним будет суд пред Богом. А и сам в том не тягати по их детем и приказщиком».

Конечно, нельзя быть уверенным в том, что приведенный пример типичен. И сфера его деятельности, и карьера, возможно, отличаются от обычной купеческой. О чисто торговых операциях В. С. Степанова из завещания известно немногое: он покупал у А. Нагого тафту, в Нижнем вместе с сыном (которого представлял Иван Ухтин сын Давыдов) вел торговлю «бельем», т.е. беличьими шкурками. Трудно судить о размерах сделок. За первую он остался должен и человеку Нагого – Степану Невежину 31 руб., и самому Нагому – 24 руб., из коих отдал его слуге Богдану Черному 3 руб., а во второй на его долю приходилось 40 руб. В. С. Степанов до 1559 г. служил приказчиком у Дятла Машкова. Имел лавки, но где – неизвестно. К 1562 г. он оказался настолько богат, что пожертвовал в Троице-Сергиев монастырь вклад на сумму 50 руб. Соучаствовал в работе царской администрации, во всяком случае ездил «на государеву службу в Нижний Новгород». Дочь выдал замуж за князя Долгорукого. Посол в Крым в 1563 и 1568 гг. А. Ф. Нагой перед отъездом оставил у Степанова 350 руб., из этих денег Нагой впоследствии заимствовал сотню, когда брал в заклад с. Клобуково. Возможно, родственницей В. С. Степанова была Татьяна, дочь Матвея Степанова, погребенная в 1565 г. в церкви Образа Спаса Нерукотворного в Сивцевом вражке[108].

Одновременно продолжалось сращивание высшей прослойки купечества с дворянством. Купечество еще с XV в. соучаствовало в деятельности администрации. Это касается в первую очередь старинных купеческих фамилий, часть членов которых была выведена из Москвы. Некоторые их представители попрежнему проживали в Москве. Один из потомков славного купеческого рода Таракановых, издавна связанных с великим князем,– Василий Матвеевич в 1584–1596/97 гг. был дьяком[109].

С 80-х гг. ситуация изменилась. Служба в финансовых органах государственного аппарата (продажа казенных товаров, сбор торговых пошлин и т.д.) становилась обязательным условием сохранения у членов Гостиной и Суконной сотен особых прав и привилегий. Между тем эта служба была тяжелой обузой, отрывавшей их от основного занятия на длительное – от года и более – время. Таким образом, когда купеческие верхи Москвы ставились на службу государству, ослаблялась и их экономическая мощь, и тех провинциальных городов, откуда производился свод. В целом это влекло к замедлению социально-экономического развития страны.

В сферу интересов купечества постепенно начали попадать и некоторые производственные объекты, в первую очередь мельницы. Москвитин, торговый человек Никита Филиппов сын Кортешкин в 1600–1601 гг. держал на оброке Сорокинскую и Малютинскую мельницы Новодевичьего монастыря на р. Клязьме под с. Болтином[110]. Именно эта сфера приложения купеческих капиталов – взятие на оброк таможен, мельниц и

[106] АИ. Т.I. № 164; *Забелин И.Е.* Материалы для истории… Москвы. Ч.2. Стб. 1105.

[107] ААЭ. Т.I. № 205. С.184; АФЗХ. Ч.II. № 352. С.392.

[108] *Гиршберг В.Б.* Указ. соч. Ч.1. № 62.

[109] АФЗХ/АМСМ. № 210.

[110] ИАМНМ. М., 1985. С.150.

прочих объектов – стала в XVII в. довольно распространенным явлением.

Наряду с этим продолжалось использование купеческих капиталов в ростовщичестве. В начале XVI в. многие купеческие фамилии субсидировали великих и удельных князей. Занимались ростовщичеством и купцы средней руки. В. С. Степанову по четырем кабалам разные лица должны были 700 руб. Среди его должников – своя же купеческая братия: Матвей Тараканов и один из московских «сведенцов» во Псков Юрий Константинов. Причем Степанов ссужал под довольно высокий процент: на три года из расчета 25% ежегодно. Он же давал деньги не только московским купцам и московским «сведенцам», но и устюжанам. В числе его должников значатся устюжане Афанасий Скула и Иван Мокроус.

Трудно сказать, ростовщичеством или меновой (т.е. бартерной) торговлей занимались заимодавцы английского купца Антона Марша. Однако поскольку в дипломатической переписке с Англией постоянно говорится о «кабалах», можно скорее предполагать, что москвичи просто давали ему деньги в долг. В течение 1583–1584 гг. долг Марша достиг 12 000 руб. Ему ссужали деньги и представители дворянства (Невежа Бельский – 550 руб.), и гости, в частности Василий Тараканов (694 руб. по трем «кабалам»), и, вероятно, Афанасий Демьянов (200 руб.), и серебряный мастер Кляус Савостьянов (273 руб.). Свободными средствами располагали и торговые люди: Семен Пилюгин (410 руб.), Семен Родивонович Шорин (525 руб.), Тит Петров (808 руб.), Бажен Иванов с Иваном Григорьевичем (945 руб.) и Нечаем Игнатьевым (758 руб. 4 гроша).

Высокая степень риска занятий торговлей делала весьма привлекательным для купечества приобретение земельной собственности. Однако покупать земли имели право только гости, и именно они первыми вступили на путь «одворянивания», который впоследствии, в XVIII и XIX вв., стал таким распространенным. Пока же можно назвать лишь немногих известных по именам богатых землевладельцев из торговых людей. Гость А. А. Хозников до 1577/78 г. имел владения в Коломенском уезде[111]. Главным путем получения земель являлась не покупка, а царские пожалования за верную службу. Наряду с этим существовали и другие формы оседания купцов на землю.

Об одном из таких путей можно получить представление по документу, составленному около 17 марта 1584 г. Василий Матвеевич Тараканов дал весьма значительную ссуду – 185 руб. «московских ходячих денег» некоему Анофрею Лашинскому, который за эти деньги, взятые на один год, заложил купцу свою вотчину – д. Полубояриново в Коломенском уезде. На год Тараканов превращался в вотчинника, отныне крестьяне д. Полубояринова должны были «пашня на Василья пахати, и повозы возити, где Василей велит», а он мог «крестьяне наряжати, и оброк с них имати», «и лес сечь и продавати, и трава косити, и всяким угодьем владеть». Лашинский допускал возможность не только хищнического истребления леса, но и созидательной деятельности Тараканова по освоению земельных угодий: «А если Василей... прибавит... дворов крестьянских, и избы, и клети крестьянские поставит, и крестьян насадит, и перелоги розпашет, и всякого строения в моей вотчине прибавит... и мне... та прибавка Василью платити по цене, что чего стоит»[112].

Правда, на этот раз через 12 лет В. М. Тараканову суждено было лишиться села, оно было выкуплено. Тем не менее получение земли в заклад, вероятно, использовалось в качестве одного из путей оседания купечества на землю. Купеческое землевладение было таким же неустойчивым с правовой точки зрения, как боярское или дворянское. Уже упомянутый В. С. Степанов имел какие-то «вотчинки», которые государь у него отобрал. Впрочем, существовали и другие способы «одворянивания» – с помощью браков. Дочь В. С. Степанова выдали замуж за князя Григория Ивановича Долгорукого[113]. Недифференцированность занятий, их многопрофильность – характерная черта московского купечества второй половины XVI в. Совмещение в одном лице торгового человека, финансового агента правительства и представителя местной или центральной администрации (дьяка) имело своим следствием зависимость купечества от великокняжеской и царской власти, свойственную, впрочем, и некоторым другим группам посадского населения, в частности многочисленным дворцовым людям.

Первые попытки освобождения от этой зависимости относятся к 80-м гг. XVI в., ко времени городских восстаний в Москве.

4. «ЦАРСТВУЮЩИЙ ГРАД»

Над Москвой плыл колокольный звон. Звонили в Кремле, у Спаса Смоленского, у Николы Чудотворца вблизи Каменного моста через Неглинную. Им вторили окраинные церкви и монастыри: Новинский и Новодевичий, Симонов и Андроньев... В морозном воздухе звуки легко растекались, переливы колоколов достигали подмосковных сел: Воробьева и Коломенского. Они возвещали московским жителям о торжественном событии – венчании на царство молодого государя, великого князя всея Руси Ивана Васильевича.

[111] ПКМГ. Ч.I. Отд.I. СПб., 1872. С.354, 361.

[112] АФЗХ/АМСМ. № 198.

[113] АФЗХ. Ч.II. №352. С.392.

Венчание Ивана IV на царство. 1547 г. Миниатюра из Лицевого свода. XVI в. Фрагмент. ГИМ

В Кремле медленно и чинно двигалась процессия. Из великокняжеского дворца она направилась к собору Успения Богородицы. В тяжелых меховых шубах – соболиных, куньих, горностаевых, беличьих, крытых то восточными шелками с яркими разводами, то итальянским бархатом, то фландрским сукном – шли бояре в высоких лисьих шапках. В толпе зрителей рядом с шубами богатых гостей и купцов мелькали бараньи тулупы ремесленников. Завороженная великолепием шествия и важностью происходящего толпа застыла. Шутка ли, венчание на царство... Такого еще не бывало. Правда, 49 лет назад в том же Успенском соборе венчали внука Ивана III, двоюродного брата Ивана IV – 14-летнего Дмитрия, но не на царство, а на великое княжение. На царство Иван IV венчался первым. Это происходило 16 января 1547 г.

Во время долгой торжественной службы митрополит Макарий возложил на 17-летнего Ивана крест, венец и бармы, присланные якобы византийским цесарем Константином Мономахом на Русь для венчания князя Владимира Всеволодовича, прозванного затем Мономахом.

Устами митрополита была провозглашена программа деятельности царя: в союзе с церковью – «матерью» царской власти – он должен крепить «суд и правду» внутри страны, вести борьбу за расширение государства.

1547 год оказался переломным не только для государя всея Руси или Русского государства, но и для Москвы. Менялись стиль жизни столицы, ее роль в стране и мире. «Царствующему граду» предстояло стать средоточием новых и более сложных учреждений, местом проведения общероссийских и церковных соборов, определявших основные направления внутренней и внешней политики.

Через две недели после венчания на царство состоялось другое событие – свадьба Ивана Васильевича и Анастасии Романовны Захарьиной.

26 февраля в Москве открылся церковный собор. Государственная и национальная церковь должна была достроить свой фундамент, создав собственный круг святых. Собор прославил и канонизировал несколько десятков местных святых и церковных деятелей, в первую очередь он причислил к лику святых митрополита Иону, знаменитого своими усилиями по отстаиванию независимости русской церкви в заключительный период татаро-монгольского ига.

Среди других «новых чудотворцев в Русской земле», которым собор установил общегосударственное или местное празднование, были и священнослужители (тверской епископ Арсений, настоятель Боровского монастыря Пафнутий, основатели Соловецкого монастыря Зосима и Савватий), и многочисленные «блаженные» – московский юродивый первой половины XVI в. Максим, устюжские юродивые Прокопий и Иоанн. Церковь, действовавшая последовательно и прагматично, расширением круга русских святых способствовала сотворению легенды и образа «святой Руси». Не забыл собор и князей, на поле брани отстаивавших независимость страны. Среди них прежде всего следует назвать князя Александра Ярославича, далекого предка Ивана IV, отца основателя династии московских князей Даниила Александровича. Житие Александра Ярославича было составлено вскоре после его смерти. Еще в конце XV в. он получил прозвище Храброго и Невского. Для новгородцев Александр Невский являлся символом героической борьбы за свободу страны, за те же качества его почитали и в Москве. В число новых святых попали и давшие образец супружеской верности князь Петр и княгиня Феврония Муромские.

Москва впервые стала ареной столь масштабного события. Утверждение «святости» на церковном соборе было делом невиданным и в средневековой Руси, и в Византии. Очевидно, традиционная роль церкви как официального союзника государства облегчила созыв и деятельность собора, решения которого призваны были цементировать Российское царство. Следующий собор 1551 г., известный под названием Стоглавого (по числу вопросов царя и ответов собора), занимался упорядочением церковного суда, жизни и деятельности духовенства, а также мирян, прежде всего в области брачно-семейных отношений, боролся против остатков язычества в быту горожан. Во второй половине столетия про-

должалась канонизация, но уже не в таких размерах (в 1554 г. к лику святых был причислен Савва Крыпецкий, в 1558 г.– Никита Новгородский, в 1560 г.– Григорий и Касьян Авнежские и Стефан Махрищский). Затем почти в течение двух десятилетий состав святых и чудотворцев оставался стабильным[114]. «Церкви Божии в Русской земле не вдовствуют памятями святых»,– можно повторить за современниками.

Радость по случаю венчания и свадьбы царя, расширения круга русских и московских святых недолго оставалась безоблачной. На второй день Пасхи, 12 апреля, в столице вспыхнул пожар. К счастью, он охватил небольшую часть города. Сначала загорелась лавка в Москотинном ряду. Затем занялись лавки в других рядах. По Никольской улице пожар распространился вплоть до стены Китай-города. 20 апреля «Божиим попущением» сгорела значительная часть города, населенная черным людом. За Яузой вдоль Москвы-реки выгорели кварталы гончаров и других ремесленников.

Еще большее бедствие постигло Москву в июне. Пожар 21 июня стал самым опустошительным в тот год. Он начался на территории Воздвиженского монастыря, «на Арбатской улице на острове» (позже Воздвиженка). Из-за сильного ветра «потече огнь, яко молния». На юге он достиг ручья Черторыя (ныне Чертольский переулок у Пречистенских ворот). Загорелся и Кремль, где погибли все деревянные сооружения, в том числе Казенный двор, Оружейная и Постельная палаты. Горели заморские ткани и драгоценные шубы, плавилось оружие. Дым в Кремле оказался настолько сильным, что в Успенском соборе чуть не задохнулся митрополит Макарий, которого вывели по тайнику к Москве-реке. Однако и там «бысть дымный дух тяжек и жар велик». Митрополита обвязали веревками и стали спускать к реке. Веревки оборвались, чуть живого Макария отвезли в митрополичий Новинский монастырь.

Одна за другой разрывались со страшным грохотом прясла кремлевских стен, где хранилось «зелие пушечное», далеко разлетались кирпичи, горела деревянная кровля на стенах, ветер срывал горящую дранку и разносил ее за пределы Кремля. Испуганные лошади вырывались из царских конюшен у Николы Подкопаева, сбивая все на своем пути, давя на бегу задыхающихся от дыма и падающих людей. Суетились и кричали охваченные паникой жители, устремляясь к единственным оплотам спасения – церквам. Но и их стены лопались от нестерпимого жара. Огонь проникал внутрь храмов, выжигая церковную утварь, уничтожая высоко почитавшиеся иконы Андрея Рублева и Дионисия, неся гибель укрывающимся здесь людям.

Иван Грозный. Надгробный образ. 1584 г. Национальный музей в Копенгагене

Дотла сгорел Китай-город, причем на этот раз не только торг, но и Большой посад. В пламени исчезли Пушечный двор и все строения по Рождественской улице. Пожар свирепствовал больше 10 часов и истребил основную территорию столицы (примерно до современного Бульварного кольца)[115].

Позднейшие летописцы сообщали, что выгорело 25 тыс. дворов и погибло или 1700, или 2700, или 3700 человек. Теперь трудно сказать, преувеличивали они или нет, но такого колоссального пожара не помнили несколько поколений.

А после пожара начался голод. В городе, ранее изобиловавшем свежей и соленой рыбой, дичиной, говядиной и прежде всего хлебом, а теперь превратившемся в дымящееся пожарище, не хватало продовольствия и питьевой воды.

Обезумевшие от потерь близких и имущества, задыхавшиеся в едкой гари

[114] *Кунцевич Г.* Подлинный список о новых чудотворцах // ИОРЯС. Т.15. Кн.1. СПб., 1910. С.252–257; *Васильев В.* История канонизации русских святых. М., 1893; *Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1903; ААЭ. Т.1. № 213.

[115] ПСРЛ. Т.IV. Ч.1. Вып.3. С.620, 621.

Красноглиняный изразец с двуглавым орлом. XVI в. Государственный музей-заповедник Коломенское.

Пожар в Москве. Миниатюра из Лицевого свода. XVI в. РНБ

пепелищ, лишенные пищи и крова горожане – черные люди – 26 июня «всколебашася, аки юроди». Были ли это одни только низы или все посажане, выяснить сложно. Разноречивы и сведения летописцев, они пишут то о черных людях, то о «москвичах болших и черных людях». Последнюю точку зрения поддерживал и Курбский: «Бысть возмущение велико всему народу». Вторил ему и царь: «Наши изменные бояре... наустиша народ». Не исключено, что в движении действительно принимали участие и «большие» люди, но не все, а те, кто не принадлежал к роду Глинских. Вспомним, что матерью Ивана IV была Елена Васильевна Глинская. И с возмужанием Ивана, а тем более после венчания родственники царя почувствовали себя хозяевами города.

Глинские недолго были «у государя в приближении и в жаловании», но, видимо, хорошо успели воспользоваться этим: «от людей их черным людем насильство и грабеж». Они-то и возбудили ненависть горожан. Зависть бояр вызывало могущество и богатство Глинских. В отличие от дворцовых переворотов в пору отрочества и юности великого князя, где действовали исключительно сами бояре, или позже, когда власть от одной группировки к другой переходила по прихоти самого царя, на этот раз перемена власти была совершена руками черных людей.

Молодой царь впервые услышал об обвинениях в адрес родственников матери уже 23 июня, когда для обсуждения чрезвычайного положения в столице у постели больного митрополита в Новинском монастыре («Новом») собралась Боярская дума. Здесь находились благовещенский протопоп Федор Бармин, боярин князь Ф. И. Скопин-Шуйский, И. П. Федоров, князь Ю. Темкин-Ростовский, один из свойственников царя Г. Ю. Захарьин и Ф. М. Нагой. От них-то царь узнал о слухе, будоражившем горожан: его бабка Анна Глинская будто бы «волхованием сердца человеческие вымаша и в воде мочиша и тою водою кропиша, и оттого вся Москва выгоре»[116].

Бояре, в числе которых царь позднее называл Ю. Темкина-Ростовского и Ф. Нагого, ограничились, по-видимому, распространением слухов среди простых посажан: «...по своей к Глинским недружбе наустиша чернь». Собравшись «вечьем», т.е. вспомнив исчезнувшую форму городского управления, восставшие двинулись в Кремль. Дядя царя Юрий Васильевич Глинский, опасаясь народного гнева, спрятался в митрополичьем Успенском соборе. Там его нашли, избили, связали и «едва жива» выволокли из придела Дмитрия Солунского, а потом черные люди всем «миром» убили его камнями на площади. Тело князя было положено «за городом» перед торгом, «иде же казнят», как «осуженника». Так действия восставшего городского люда приобрели характер общегородского «вечевого» суда. Остальные Глинские избежали расправы. Михаила, вероятно, не оказалось в Москве, а княгине Анне удалось спастись бегством. Не обнаружив в Кремле других представителей ненавистной семьи, черные люди направились ко двору убитого ими князя Юрия, «людей княже Юрьевых безчисленно побиша и живот княжей разграбиша». Одновременно с людьми князя Глинского пострадали и дети боярские из Северских городов по нижнему и среднему течению рек Сож и Десна.

По-видимому, 27 и 28 июня Москва полностью находилась во власти черного посадского населения. 29 июня движение приняло новые формы. «Многие люди черные» отправились в подмосковную царскую резиденцию – село Воробьево

[116] ПСРЛ. Т.XIII. С.455.

(ныне – Воробьевы горы), куда еще 26 июня Иван IV перебрался из центра пожара – с Арбатской улицы. Они двинулись «скопом», в полном вооружении – «яко же к боеви обычай имяху». Хотели ли они таким образом бороться с Глинскими (царя обвиняли в том, что он скрывает Анну и Михаила Глинского) или готовились к отражению войска крымского хана, трудно сказать. Дело в том, что 26 июня прошел еще один слух, будто Глинские подожгли Москву, «норовя приходу иноплеменных», т.е. крымцев. Прибывшая в Воробьево вооруженная толпа испугала нововенчанного царя. «Узрев множество людей», он «удивися и ужесеся». Позднее Грозный писал даже, что бояре «наустили были народ и нас убити». А через три года, вспоминая о событиях июня 1547 г., царь говорил: «От сего... вниде страх в душу мою и трепет в кости моа и смирися дух мой»[117]. Самому Ивану в действительности ничего не угрожало. Восставшие по-прежнему были настроены только против Глинских. Они считали, «будто государь хоронит у себя их». Царю и его приближенным удалось разубедить возбужденную толпу и уговорить людей разойтись по домам. Слух об опасности со стороны крымцев оказался ложным.

А еще через несколько дней Иван IV повелел произвести тщательный «обыск» – расследование. «Все повелевшие кликати», т.е. призывать народ к возмущению, были схвачены и публично казнены. Они-то и поплатились своими жизнями за приход к реальной власти группировки Захарьиных – Юрьевых – Морозовых: «...царь же и великий князь повеле тех людей имати и казнити». Лишь некоторым удалось спастись бегством в другие города. Так закончилось движение посадских людей Москвы в июне 1547 г. Оно было первым в России XVI в. массовым выступлением низов городского населения против произвола феодальной знати.

Итоги первой половины 1547 г. для столицы оказались плачевными. Почти весь город лежал в руинах. Наиболее активная часть населения посада была казнена, остальные напуганы жестокими расправами. Царь затаил в душе страх перед столичным людом и столичными боярами, осмелившимися поднять голос против его родственников. Пожалуй, единственные, кто выиграл в результате произошедших трагических событий, это новые свойственники царя – Захарьины. Власть перешла от одной боярской семьи к другой. Михаил Глинский, «убоящеся княжа Юрьева убиения», попытался бежать в Великое княжество Литовское. Туда же в ноябре вместе с ним направился и князь И. И. Турунтай-Пронский. Узнав о погоне, Глинский и Турунтай повернули назад в Москву, но были задержаны при попытке

Убиение князя Глинского в 1547 г. Миниатюра из Лицевого свода. XVI в. ГИМ

проникнуть в столицу. Оба подверглись опале, а все их имущество отобрали.

Последствия пожара сказались и в ближайшее после него десятилетие, когда произошли существенные социодемографические перемены. Некоторые из них непосредственно связаны с общей линией внутренней и внешней политики России середины XVI в. В 1549 г. в Москве был созван так называемый «собор примирения». Девятнадцатилетний царь винился перед всем миром – боярами, дворянами и черными людьми за все те обиды, которые нанес им во время «малолетства», и отпускал вины своим действительным и воображаемым недругам[118]. Собор был церковный, его созыв и деятельность еще раз показали роль духовенства, организатора недавнего венчания и некоторого гаранта мира в стране. Он состоялся в экстремальных условиях: царь и бояре резко разошлись в определении главных направлений внешней политики. Царь настаивал на признании своего нового титула как на первоочередной задаче в отношениях с княжеством Литовским, его оппоненты требовали сосредоточить все силы на решении казанского и крымского вопросов. Иван IV угрожал западному соседу войной в случае отказа признать его «имя», бояре и их идеолог – священник Благовещенского собора Московского Кремля Сильвестр сдерживали воинственный пыл своего государя. Незадолго до отъезда литовских послов, находившихся в Москве, и был созван Земский собор, который еще раз продемонстрировал слабость верховной власти, бессилие сидевшего на троне, но не единолично управлявшего страной царя, будущего Грозного.

Пожалуй, бояре, не желавшие начинать новую войну, были правы. Ведь

[117] ПИГ. М.; Л., 1950. С.523.

[118] *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С.302–309, 325, 326.

Хоругвь Казанского похода. XVI в. ГМЗМК

Выход царя Ивана IV в поход на Казань. Миниатюра из «Истории о Казанском ханстве». XVII в. БАН

освобождение страны от остатков иноземного ига, ликвидация угрозы нападения и увода в плен русского населения на восточных и южных границах государства являлись национальной задачей. Кроме того, очевидность срочного решения восточного вопроса не требовала особых доказательств. Если освобождение от зависимости от Большой Орды стало уже вчерашним днем, то в ликвидации угрозы со стороны Казанского и Крымского ханств оказались заинтересованными самые разные слои русского общества, и в первую очередь дети боярские, лишенные земли. Стоит вспомнить, как характеризовал Казанскую землю один из выдающихся публицистов того времени – И. С. Пересветов: это «подрайская землица», изобилующая всеми земными благами. Защита государевой чести и «имени» не казалась князьям, боярам и дворянам первоочередной задачей помимо всего и потому, что грозила и новыми людскими потерями, и новым гнетом царя. Борьба за международный престиж, объективно не стоявшая в качестве неотложной задачи русской внешней политики, и не воспринималась таковой никем, кроме самого царя. Да и конкретные условия для постановки подобного вопроса не были благоприятными.

Уже пятый год шли упорные военные действия на востоке. Неудачные походы на Казань приводили к потере людей, огромным финансовым затратам. Очевидно было, что без реорганизации военного дела успеха на востоке добиться невозможно.

Начали с создания специального войска – избранной тысячи. Со всех краев Российского царства собрали детей боярских, которых следовало «испоместить» под Москвой, чтобы из них можно было легко составить войско либо для обороны столицы, либо для новых походов. В число тысячников, как стали называть членов Избранной тысячи, попали и москвичи, вернее те, кого зачислили «по Москве». Правда, среди детей боярских первой статьи, т.е. тех, кто должен был получить по 200 четей (т.е. четвертей) земли, москвичей не оказалось. Зато среди детей боярских второй и третьей статей (с соответствующим земельным окладом в 150 и 100 четей) попали и москвичи: 7 – второй и 42 – третьей статьи. По второй статье занесены дети двух казначеев – Петра Головина (Василий, Петр и Михаил) и Ивана Третьякова (Фома). В отличие от отцов дети не сделали карьеры. Из четверых выдвинулся лишь Петр Петрович Головин, женатый на дочери любимца Василия III Ивана Юрьевича Шигоны – Анне Ивановне Поджегиной. В 1552 г. он был головой в государевом полку под Казанью, в 1558 и 1564 гг.– воеводой в полках, в 1563 г. стал окольничим. Однако его карьера быстро прервалась: он погиб во время первых опричных казней 1565 г.

Остальные трое – это князь (единственный среди детей боярских второй статьи) Семен Иванович Стародубский, один из тех 29, что служили при Иване Грозном, Услюм (Яков) Иванович Данилов и Игнатий Михайлович Вешняков. Данилов принадлежал к роду, расцвет которого падает на конец XV – начало XVI в. и который очень быстро сошел с исторической сцены. Услюм был одним из последних его представителей, и карьера его шла, можно сказать, по нисходящей линии. В 1543 г. он был воеводой в Нижнем Новгороде, в 1549 г.– в Смоленске, в 1552 г.– писцом в Московском уезде, в 1556 г. находился в Смо-

Благословенно воинство. Конец 40-х – начало 50-х гг. XVI в. ГТГ

Русские всадники. Гравюра из книги Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии». 40-е гг. XVI в.

ленске, в 1562 г. выступил одним из поручителей по князю Бельскому, наконец, в 1561–1564 гг. служил писцом в Переславском уезде. Игнатий Михайлович Вешняков, по-видимому, не успел обнаружить всех своих дарований. Однако уже к 1553 г. он стал весьма приближен к царю и одним из первых продемонстрировал ему свою верность, целуя крест царевичу Дмитрию в первый же день после написания царем духовной. В благодарность за это в 1554 г. Вешняков был назначен в постельничие царя[119].

Дети боярские третьей статьи включали четырех отпрысков княжеских родов: еще одного Стародубского – Никиту Михайловича, ничем не прославившегося, Антона Михайловича Ромодановского – представителя старого, но быстро хиревшего рода (его звездным часом было посольство в Данию в 1562–1563 гг.) и двух Мезецких – Ивана и Никиту Ивановичей. Эти князья стали служилыми княжатами после присоединения их отчины – г. Мещевска на Верхней Оке к Русскому государству. Из рода смоленских князей, оказавшихся в Москве еще в XV в., происходили двое Заболотских. Потомки Всеволожей Заболотских при Иване Грозном частью подверглись казни, частью спаслись бегством в Литовское княжество.

В третьей статье оказалось много отпрысков старых московских фамилий. Прежде всего четверо Милюковых, сыновья Михаила Семеновича Старого. Основоположник рода Семен Мелик (тюркское – Мулюк) был убит на Куликовом поле. Его потомки честно служили своим князьям. Родовым гнездом этой старинной дворянской фамилии являлись с. Афинеево и с. Михайловское, Старое Меликово (Архангельское) на р. Малой Пахре в Гоголевском стане Московского уезда. Из всех Милюковых преуспел на службе лишь Алексей. В 1559 г. он был писцом во Пскове, в 1564 г.– полковым воеводой в Луках Великих, в 1565–1567 гг.– воеводой у наряда в ливонских походах, а на Земском соборе 1566 г. назван дворянином первой статьи. В 1571–1572 гг. его послали в Нов-

город Великий в качестве товарища наместника опричной половины города.

Для Андрея Ивановича Шеина включение в тысячники послужило началом головокружительной и трагической карьеры – в 1567 г. он прямо пожалован в бояре, по разрядам в 1567 г. находился на службе в Коломне, в 1568 г.– в Вязьме, но уже в 1569 г.– казнен[120]. Ничем не отличился сын будущего окольничего Семена Ивановича Морозова (1552–1557) – Степан. Неизвестна судьба некоторых других детей боярских третьей статьи И. Г. и М. И. Колычевых, трех Мансуровых (один из них Яков был казнен после 1573 г.), четырех сыновей Никиты Дубенского. Еще меньше можно сказать о Валуеве, четырех Марковых и Брехове, отсутствуют сведения даже об их происхождении.

Яркой, хотя и мало привлекательной личностью был Константин Дмитриевич Поливанов. Он начал служить еще до 1549 г., когда выступал поддатнем у рынды в походе с царем под Казань, с 1550 г. владел пустыми землями под Москвой. Село и деревня на р. Пахре в 4 и 14 км от Подольска стали именоваться Поливаново. В 1564 г. Поливанов был поручителем по Ивану Васильевичу Большому Шереметеву, а на следующий год 3 января явился в Москву послом от царя из Александровой слободы и объявил его

[119] ПСРЛ. Т.XIII. С.238; *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. Л., 1969. С.127, 376, 377.

[120] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С.219, 220.

Царское место в Успенском соборе Московского Кремля. Фрагмент и общий вид. 1551 г. ГИМ

волю митрополиту Афанасию, боярам, гостям, торговым людям и всем горожанам. Поливанов слыл умелым проводником опричной идеи царя и сумел быстро склонить бояр к покорности и согласию на опричнину. В 1568 г. он был опричным воеводой в Мценске, в 1569 г.– в Калуге. Активно участвовал в погроме Новгорода, а в 1570–1571 гг. «правил» (взыскивал) с новгородских монастырей штрафные деньги[121].

Последняя группа – представители потомственного дьячества. Это – Ондрюшко (Андрей) Яковлев сын Щелкалов, повидимому, младший брат дьяка Василия Щелкалова, возвысившегося после 1570 г.; Иванец Федоров сын Мишурин, также происходивший из дьяческого рода, в 1570 г. посланный на опричную сторону Новгорода. К тысячникам принадлежали и трое Васильчиковых, из рода которых Иван IV впоследствии выбрал себе жену Анну.

Состав тысячников дает представление о средней прослойке привилегированного населения Москвы и первых усилиях правительства по упорядочению военного дела, которые в некоторой, пусть и не в очень большой степени коснулись москвичей.

В Дворовой тетради, составленной в 50-е гг. XVI в., москвичей числится значительно больше – около 150 человек. Это все люди, издавна проживавшие в Москве, поэтому включение их в состав дворовых не нарушило естественного предшествующего развития столицы.

Несколько иная ситуация обнаруживается с другими разрядами военных. Речь идет, в частности, о стрельцах. Особый отряд «выборных стрельцов из пищалей» был учрежден в 1550 г., он включал 3 тыс. человек, которые делились на шесть полков (приказов) под начальством голов из детей боярских[122]. Стрелецкие головы, в свою очередь, командовали сотниками, пятидесятниками и десятниками, возглавлявшими соответствующие отряды. Первоначально их поселили в Воробьевой слободе, чтобы они находились в непосредственном и постоянном подчинении у государя. «Большой приказ» стрельцов должен был быть «всегда с государем, куды государь пойдет». Однако стрельцы проживали не только в Воробьевой слободе. Между опричным двором и Кремлем располагалась стрелецкая слобода, просуществовавшая до конца XVII в. По-видимому, она возникла тогда, когда главной резиденцией царя стала современная Воздвиженка. Другой стрелецкой слободе отвели место у Тверских ворот. В 1600 г. был поставлен каменный храм Николы Чудотворца в Стрелецкой слободе «за Арбатскими вороты, в Деревянном городе». Численность тогдашнего стрелецкого войска неизвестна. В ливонском походе 1578 г. из 5799 человек 3710 было московских стрельцов и «из городов». Позднее, в конце 80-х гг. их насчитывалось уже 12 тыс., из них 5 тыс. должны были безотлучно находиться при царе[123].

Появление в Москве особого войска, служившего непосредственно государю и получавшего от него жалованье, причем не только в натуральной, но и в денежной форме (по 7 руб. и 12 мер ржи и овса в год), существенно изменило соотношение сил в столице. Казалось бы, те-

[121] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С.228, 229, 125, 134, 137, 193, 201.

[122] ПСРЛ. Т.24. Ч.1. С.532; Ср.: *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. С.345–348.

[123] ПСРЛ. Т.XIV. С.532; Т.34. С.203; АИ. Т.II. № 355.

перь царь мог чувствовать себя увереннней, успешно решать внешнеполитические задачи. Боевая подготовка войска производила сильное впечатление на иностранцев. Один из них так описывает боевое учение, свидетелем которого ему довелось быть: «12 декабря (1557) его царское величество и вся его знать выехали в поле (на Неглинной в районе будущей Трубной площади.– *Авт.*) в отличном порядке... Впереди шли 5000 стрельцов... по пять человек в ряду с пищалью через левое плечо и фитилем в правой руке. Построившись, стрельцы атаковали вал изо льда высотой 6 футов и толщиной 2 фута. Помимо стрельбы из пищалей производились и залпы из артиллерийских орудий – от мелких до средних... два сруба, в которые они стреляли, были разнесены в щепки, а построены они были из крепкого дерева и набиты землей по крайней мере на 30 футов толщиной»[124].

В этом рассказе упоминаются и пушкари. Пушки располагались у собора Василия Блаженного. Это были сравнительно дальнобойные орудия, которые могли стрелять и через Москву-реку и через Кремль. Захваченные в Ливонии пушки установили около колокольни Ивана Лествичника внутри Кремля[125]. Пушкари жили в Москве и в первую половину века, но во второй им была отведена особая слобода на Сретенке[126].

Войска, располагавшиеся в Москве, включали в себя и иностранное воинство. Численность иноземного отряда постоянно возрастала. Если в походе 1578 г. из 5799 человек, вышедших из Москвы, 400 относились к отряду «немец», то десять лет спустя одних только поляков и черкас насчитывалось 4000 человек, голландцев и шотландцев – 100, греков, турок, датчан и шведов – 100, правда, их направляли на юг и в Сибирь[127]. Что же привлекало иноземных наемников в Москву? Тотчас же по приезде в Москву они получали поместья – до 100, 200, 300 и даже 400 четвертей (т.е. полдесятины), земли при этом они должны были отыскивать сами. В получаемых ими владениях были обработанные земли с посеянными озимыми, а на семена для ярового новым хозяевам выдавались специально деньги. Кроме того, они получали деньги на обзаведение, не считая сукна на платье, шелкового кафтана, нескольких «золотых» шуб, подбитых беличьим мехом или соболями. Эти «кормовые деньги» иноземцам выдавали согласно «кормовой памяти» – составлявшемуся в казне списку денег и провианта, предназначенных как дипломатическим представителям разного ранга, так и приезжим иностранцам. Согласно той же «памяти» им полагался и мед – напиток весьма горячительного свойства, употребление которого остальным редко разрешалось. Часть «кормовых денег» иноземцы обязывались вернуть после жатвы. Конечно, ни о каких процентах речи не велось. Все это вместе с дешевизной жизни (5 овец – 1 алтын, полбыка – 1,5 руб.) делало службу в Москве весьма желанной. Иноземцы пользовались особым расположением царя, с недоверием и страхом относившегося к своим подданным.

Итак, в правление Грозного в Москве были заложены основы постоянного войска – довольно многочисленной прослойки военного населения, представленной стрельцами и иноземцами, непосредственно подчинявшимися и зависимыми именно от царя.

Переход к денежной форме оплаты войска явился одной из главных проблем финансирования. Где добыть для этого денег, не сокращая расходов царского двора? Так называемая Избранная рада (термин А. М. Курбского) во главе с Сильвестром и Алексеем Адашевым выступила инициатором реформ в стране: финансовой, судебной, последовавшей за военной. Стали отменять привилегии (тарханы) монастырям, проводить таможенную реформу. В течение 1551–1552 гг. завершился первый этап земской реформы. В результате ее наместников сменили выборные судьи и выборные головы, а натуральные наместничьи доходы были заменены денежным «кормленым откупом», поступавшим в казну. В итоге преобразований 50-х гг. деньги на содержание войска изыскали.

Успехи в военной реорганизации к середине XVI в. принесли свои результаты: 2 ноября 1552 г. пала Казань. Основная национальная внешнеполитическая задача времени правления Грозного была решена. Угроза повторявшегося почти ежегодно казанского нашествия, приводившего к тому, что «полземли лежало впусте», как писал Грозный спустя 13 лет А. Курбскому, оказалась ликвидированной.

Немалую роль в завоевании Казани сыграл Владимир Андреевич Старицкий, двоюродный брат царя, родившийся около 1535 г. и по достижении совершеннолетия допущенный к участию в руководстве военными действиями и соучастию (пусть даже номинальному) в управлении страной. В июле 1551 г. митрополит предписывал всем священникам возносить молитвы не только во здравие царя, царицы, но и князя Владимира Старицкого. Именно он стал героем взятия Казани. Ему первому воздал честь победы под Казанью царь, боязливо молившийся в походной церкви о даровании успеха своим воинам, когда они под водительством князя Владимира штурмовали город. Государь вступил в город, когда тот уже был взят. Но оказался первым, кто торжественно заложил бревно в основание первой православной церкви в Казани. Воинский подвиг князя Владимира

[124] Описание России неизвестного англичанина, служившего зиму 1557–1558 гг. при царском дворе // ЧОИДР. Кн.4. Отд.3. 1884. С.17.

[125] *Штаден Г.* Указ. соч. С.100, 102.

[126] *Белокуров С.А.* О посольском приказе // ЧОИДР. Кн.3. 1906. С.81.

[127] Разрядные книги 1475–1598 гг. М., 1960. С.301; *Флетчер Дж.* Указ. соч. С.66.

Дьяк (в немецких летучих листках назван то дьяком Монастыревым, то дьяком Клобуковым, то папским легатом Антонио Поссевино). Гравюра. XVI в.

потом дорого обошелся и самому князю, и столице, где почти бок о бок жили два последних дееспособных представителя рода Рюриковичей.

Эйфория победы охватила не только русское воинство под Казанью. Пиры сменялись пирами, царь жаловал шубами, кубками и деньгами. А в Москве с нетерпением ожидали возвращения войска. Столица стала местом грандиозного народного триумфа. Победители прибыли сюда в сопровождении бесчисленного множества пленников, ведь каждый из вернувшихся участников похода привел с собою, судя по «Казанской истории», не менее 60 пленников, что, вероятнее всего, преувеличено. Наконец жители столицы смогли воочию убедиться в свержении ненавистного ига.

Казанский хан – «царь казанской» Едигер – был крещен под именем Симеона Касаевича (26 августа 1565 г.), его женили на дочери Андрея Михайловича Кутузова, «царице» Марии.

В связи с торжественной службой по случаю победы над Казанью в Успенском соборе было установлено Царское место, или Мономахов трон, на трех стенках которого были вырезаны сцены, иллюстрирующие происхождение шапки и барм Владимира Мономаха в полном соответствии со «Сказанием о князьях владимирских»[128].

Что принес 1552 год столице? Царское место в Успенском соборе, собор Василия Блаженного... А царю – новый титул «царя казанского» и свободу для дальнейших внешнеполитических начинаний. А они не замедлили. Это – взятие Астрахани и шведская война 1556–1557 гг., которые потребовали нового увеличения армии, а соответственно, и новых финансовых и административных реформ.

5. СУД И РАСПРАВА

Новые учреждения и новые бюрократы в столице

Сиди криво,
Да суди прямо.
Словарь Тонниса Фенни, 1607 г.

Прежде чем говорить о нововведениях середины XVI в. в области государственного и социального устройства, следует обратиться к первой половине столетия, когда столицей от имени великого князя управляли московские наместники. Эту должность в самом конце XV в. и в феврале 1510 г. занимали И. Ю. Патрикеев и И. В. Шуйский (последний был назван «бояриином и наместником московским»). Патрикеев управлял городом тогда, когда Иван III остался единственным из своего поколения московских князей, и ни один другой удельный князь в тот период Москвой или долей в ней не владел. Упоминание о втором московском наместнике относится ко времени боярского правления, о котором князь Андрей Иванович Старицкий, сын Ивана III и дядя Ивана IV, как отмечают летописи, сказал: «Князь великий мал, а держат государство бояре»[129].

От времен Калиты осталась должность наместника «трети московской». В 1516 г. ее занимали В. С. Плотов-Данилов и князь И. В. Ромодановский-Телелеш. В их обязанности входила выдача полных и докладных грамот. Вероятно, они же ведали городовыми книгами, в которые заносилось все тяглое население города без владельцев и обитателей «обеленных» дворов[130].

Строительство оборонительных сооружений и мостов в Москве, как и в других местах, обеспечивал городничий. В 1533 г. им был Д. И. Волынский. Он вместе с Алексеем Хозниковым навел мост «под Воробьевым против Нового монастыря»[131].

В Москву сходились и все нити управления страной. Здесь находились все высшие судебные инстанции: прежде всего сам великий князь, затем бояре, которые и при Василии III и при Иване IV, в особенности в период его отрочества, сами решали довольно сложные судебные, финансовые, а самое главное, политические дела, такие как вопрос о «поимании» Андрея Старицкого, о походе против крымского хана в 1541 г. В Боярскую думу в это время входило около 12 бояр и 3 окольничих.

Обстановка конца XV в. содействовала росту влияния и расширению функций дворецкого, ведавшего обширным великокняжеским хозяйством и населением великокняжеского домена в судебно-административном отношении. Случалось, что дворецкие скрепляли своей подписью

[128] *Забелин И.Е.* Решение вопроса о Царском месте или т.н. Мономаховом троне в Успенском соборе (по рукописи Погод[инского] древнехран[илища]); *Щепкин В.Н.* Художественное значение трона // Отчет имп. Российского исторического музея в Москве за 1907 г. М., 1908. С.67–69. Табл. I–XX.

[129] ПСРЛ. Т.32. С.178; Т.8. С.95; Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. С.58; *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. С.255.

[130] *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI столетия. СПб., 1906; *Штаден Г.* Указ. соч. С.135.

[131] ПСРЛ. Т.34. С.19, 20.

жалованные грамоты. Они же возглавляли суд о разбое и татьбе с поличным, т.е. осуществляли суд по самым тяжким уголовным преступлениям. «Большинство злодеев,– по словам Герберштейна,– отвозится в Москву и другие главные города». Сюда истец собственноручно должен был доставить свое обвинение, отсюда за ответчиком направляли судебного исполнителя – «недельщика»[132]. В подчинении дворецкого находился большой штат конюших, оружничих, кравчих, постельничих, ясельничих, сокольничих, ловчих и т.д. Выходцы из старомосковского нетитулованного боярства Морозовы, Тучковы, Салтыковы, Челяднины, Воронцовы участвовали в управлении и организации различных сфер хозяйств великого князя. С расширением территории государства и увеличением великокняжеского домена новые земли поступали в ведение местных дворецких: новгородского (с 1476 г.), тверского (с 1504 г.), рязанского (с 20-х гг. XVI в.), нижегородского (с 1522–1523 гг.), дмитровского (с 1533 г.). Объединял все местные дворцы Большой дворец, образовавшийся в 1534 г. и находившийся в Москве.

Особое место в сфере управления занимали казначеи – первоначально, с 1509 г., это прибывший вместе с Софьей Палеолог представитель рода Траханиотов Юрий Дмитриевич Малый Траханиот (до этого в 1503–1510 гг. он был печатником), а позднее – Головины (Третьяковы), которые постепенно вошли в состав боярства. Великокняжеская казна находилась в специальном помещении около Благовещенского собора. В ней хранились сокровища великих князей московских – их коронационные регалии: передававшиеся от поколения к поколению «золотая шапка», с 1520-х гг. называвшаяся «шапкой Мономаха», бармы, кресты, высокочтимые иконы Андрея Рублева, которые сгорели в огне неистового пожара 1547 г., ювелирные изделия из покоренных Москвой городов – Новгорода, Твери и других.

Текущей организационной работой занимались дьяки, роль которых при Василии III резко возросла. Этот великий князь благоволил Федору Мишурину, Меньшому Путятину, Елизару Цыплятеву, многие вопросы он решал при их участии. Среди дьяков имелись европейски образованные люди, такие как Федор Карпов, известный своими глубокими познаниями в философии и литературе, в том числе и античной. С течением времени деятельность дьяков стала специализироваться. Появились особые ямские дьяки (известны с 1490 г.) и конюшенные (с 1496 г.).

О том, как менялась и из чего состояла процедура суда по земельным вопросам, можно судить по материалам начала XVI в. и 40-х гг. XVI в. В правой (т.е. выданной в результате судебного расследования) грамоте белозерских писцов И. Н. Заболоцкого и дьяка А. Харламова по поводу пошехонских деревень от 18 июля 1511 г. упоминается разбирательство земельного спора по иску крестьян Арбушевской волости с московским Новинским монастырем, состоявшееся 4 мая 1505 г., в результате которого этому монастырю были присуждены пожня, деревни Лучкина и Красная горка[133]. Высшей инстанцией по земельным спорам выступал в начале века сам великий князь, однако писцы, под руководством которых производилось описание земель, исполняли роль низшей инстанции.

Казнь участников мятежа Андрея Старицкого. Миниатюра из Лицевого свода. XVI в.

Иногда в решении земельных вопросов участвовал и казначей. Так, разбор дела о спорной земле между деревнями Старая и Татариновская в Терентьевском стане, на которую претендовали и Симонов, и Угрешский монастыри, производили писцы – князь Роман Данилович Дашков, Федор Григорьевич Адашев Ольгова и дьяк Иван Третьяк Михайлов сын Дубровин. На этот суд были вызваны приказчик Коробовского сельца Симонова монастыря Иван Кубышка, слуга Угрешского монастыря Иван Вычемец, которые 16 мая 1543 г. «жеребьевали», кто должен обходить с «образом», т.е. с иконой, спорные луга. Ответчик воспротивился этому, и писцам пришлось обратиться к великокняжескому казначею И. И. Третьякову. «Иконный отвод» состоялся лишь после того, как казначей, «доложа великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и приговоря со всеми бояры», велел московским писцам его произвести[134]. Великому князю Ивану IV тогда было только 13 лет.

Приведенный пример показывает, как даже такой, казалось бы, малозначительный вопрос, как право на владение лугами, привел в действие огромную бюрократическую машину – писцов, каз-

[132] Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Т.I. Киев, 1860. № 52–55; *Герберштейн С.* Указ. соч. С.118–120.

[133] АФЗХ. Ч.I. № 309. 18 июля 1511 г.

[134] АФЗХ/АМСМ. № 72. Август 1543 г.

Казнь И. И. Кубенского. Миниатюра из Лицевого свода. XVI в. ГИМ

начея, Боярскую думу и, наконец, великого князя.

В Москве (или «на Москве», как говорили в то время) не только «управу... по нашему указу чинят», но здесь же получают собранные с волостных, т.е. великокняжеских, крестьян оброки и «приставов дают»[135]. Пристав в данном контексте – судебный исполнитель, при содействии которого должен был быть доставлен в столицу ответчик. Можно себе представить, как неспешно велись судебные разбирательства, если приставы обязаны были ездить далеко от Москвы, в такие места, куда на дорогу уходило не менее двух недель, а то и месяца.

В 30-е гг. фактически высшей инстанцией по земельным делам выступали бояре, в XVI в. конституировавшиеся в Боярскую думу, хотя отдельные случаи разбора земельного спора ими без великого князя известны и в 20-е гг. Так, сохранился «приговор боярской» о «разграбленной» деревне одного священника. В малолетстве Ивана IV сфера прерогатив Боярской думы расширилась. 27 мая 1541 г. «приговорили дати все бояря» мельницу на р. Трубеже на оброк Данилову Переславль-Залесскому монастырю. Иногда решение оформлялось как постановление «з боярского докладу». Например, в 1538 г. истец должен был «стати на Москве перед бояры у доклада», а затем он получил селище «з боярского докладу»[136].

В Москве решались не только земельные, но и финансовые дела. Летом 1546 г. новгородцы, спорившие с гостями сурожанами о том, кто должен поставлять в столицу пищальников, были отправлены в столицу. По-видимому, речь шла о самых состоятельных новгородцах, равных по положению разбогатевшим на торговле сукнами и шелками сурожанам. Их было 25 человек. Новгородцы не сумели доказать своей правоты, «животы (имущество) у них отписали и к Москве свезли, а дворы их оценив, на старостах доправили»[137]. Остались ли в Москве признанные виновными новгородцы или были отправлены дальше, неизвестно.

Верховная власть провозглашала свое решительное мнение и во время социальных конфликтов за пределами Москвы. В разгар «брани великой во Пскове большим людем с меншими» в 1544 г. «езды многие к Москве и денги многие травили»[138]. Летописцы не разъяснили, в чем заключалось дело, почему «большие» не нашли общего языка с «меншими», но, скорее всего, и на этот раз речь шла либо о распределении налогов, либо о финансировании военных отрядов.

Боярская дума вмешивалась и в строительство крепостных сооружений. Для того чтобы построить город, пусть даже собственными силами – «своими сохами», требовалось разрешение Боярской думы. Так произошло со строительством города Любима на севере Костромского уезда в 1531 г.

Несмотря на то что главенствующая роль столичных властей на протяжении первой половины XVI в. проявлялась уже гораздо четче, чем в конце XV в., все-таки очень трудно определить все те органы, которые принимали участие в руководстве страной. Не были оформлены сами учреждения, недостаточно разделялись их функции. Постепенно на протяжении первой половины XVI в. нормы Судебника 1497 г. устаревали. Появилась необходимость в новых законоположениях, в том числе и относительно роли верховной – столичной власти.

«Где власть, там и казнь». О расправе со скупыми новгородцами уже говорилось выше. Должников из простонародья «ставили на правеж» перед Казенным двором и Архангельским собором[139]. Но более жестокую казнь влекли за собой преступления иного рода, которые с середины XVI в. назывались «изменой». За попытку переменить подданство, что в средние века было обычной нормой («а слугам межи нас вольным воля»,– записывали князья в договорах друг с другом), наказывали сурово. Первый такой случай относится к 1534 г. На следующий год после смерти Василия III князь С. Ф. Бельский и окольничий И. В. Ляцкий бежали в Великое княжество Литовское. Вместе с ними покинули Русь «многие дети боярские, великого князя дворяне». В Москве нашли ответчиков за беглецов – их «советчиков» – И. Ф. Бельского и И. М. Воротынского с детьми, которых бросили в тюрьму. Особенно досталось сыну И. М. Воротынского – Владимиру. Его «по торгу водячи, пугами били»[140].

[135] *Копанев А.И.* Уставная земская грамота крестьянам трех волостей Двинского уезда 25 февраля 1552 г. // Исторический архив. Т. 8. М.; Л., 1953. С. 10, 11, 14.

[136] *Лихачев Н.П.* Указ. соч. С. 176, 177; *Шумаков С.А.* Обзор грамот Коллегии экономики. Вып. IV. М., 1917. № 1302. С. 474; АГР. Т. 1. № 50.

[137] ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 3. С. 618.

[138] Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 111.

[139] *Штаден Г.* Указ. соч. С. 102, 103.

[140] ПСРЛ. Т. 26. С. 315; Т. XIII. С. 79, 83; АЗР. Т. II. № 79/III. С. 333.

В тюрьме закончил свою жизнь сын Ивана III – Андрей Старицкий. Четыре года в затворничестве провели вдова князя Старицкого Ефросинья и его сын Владимир, оставшийся сиротою в возрасте двух-трех лет.

Местом заточения служил отдаленный от центра Кремля Беклемишевский двор, ставший темницей для своего хозяина, осмелившегося иметь собственное мнение по поводу внешней и внутренней политики Василия III. Этот двор и позднее использовался в тех же целях. Однако наряду с ним были сооружены специальные тюрьмы. Одна из них находилась в конце столетия у Болвановских ворот. Таким образом, вместе с возрастанием роли столицы в управлении страной создавались и особые учреждения репрессивного характера.

После некоторой приостановки в 1553–1554 гг. реформы вскоре возобновились и завершились в 1556–1557 гг. Прежде всего была доведена до конца земская реформа, в результате которой выросло значение столицы как финансового и административного центра. После отмены «кормлений» первоначально увеличилась роль казны. «Кормленый» откуп собирали «кормленые» дьяки, служившие в казне: Путила Нечаев, Юрий Сидоров, Истома Новгородов, И. М. Висковатый. Путила Нечаев одновременно являлся еще и дьяком Поместного приказа, образовавшегося в 1555–1556 гг. Тогда же появились и чети – специальные финансовые органы[141].

Создание финансовых органов управления, ведавших той или иной областью хозяйства и располагавших определенной территорией, сопровождалось увеличением доли «управленцев» в общей массе городского населения. В конце века иностранцы обращали внимание на то, что лица, ведавшие той или иной территорией, «не живут при своих местах», а «исправляют» свою должность в Москве, главном местопребывании царя Федора[142].

Что же входило в обязанности глав новых учреждений? Ответ на этот вопрос ясно виден на примере сбора «кормленого» окупа. Выборные судьи, которых «излюбили» «на местах», должны были «наместничи, и тиуни, и доводчиковы, праведчиковы доходы собирая, к Москве привозити и платити в нашу казну диаку нашему Путиле Нечаеву». Оброк с Двинской волости достигал «с сохи... двадцати рублев в московское число да пошлин по два алтына с рубля». В Москву стекались огромные средства. Как писал исследователь земской реформы Н. Е. Носов, «до земской реформы Двинская земля, содержавшая всего несколько кормленщиков, теперь могла обеспечить деньгами всех служилых людей всей Смоленской земли». Приблизительно такая же картина вырисовывается и с таможенными пошлинами. Ведь тамга взималась в размере 4 денег с 1 руб., а мыто составляло одну деньгу с 1 руб. Все деньги, в том числе и за неуплату тамги («протаможье»), собранные таможенниками в стране, поступали в Москву. Дмитровские и кимрские таможенники везли сюда «протаможье» и откупные деньги, за которые они стали взимать таможенные пошлины[143].

В Москве, как и прежде, располагались высшие судебные инстанции по многим видам споров. С момента проведения таможенной реформы именно в Москву стекались жалобщики на неправильное взимание мыта и тамги, сюда же местные таможенники вызывали неисправных или уклонявшихся от уплаты пошлин торговцев. Такие споры решались перед казначеями великого князя. Так, некий Трофим Сапырев взял на откуп тамгу, пуд и померное (пошлины за взвешивание и измерение товара). Из-за неплатежа таможенных пошлин разгорелся спор. Дело затянулось, 7 июля 1556 г. последовал царский указ: «А в чем невозможно меж ими управы чинити, и вы б их велели давати на поруки да учинили им срок, обоим истцом, стати на Москве перед нашими казначеи перед Федором Ивановичем Сукиным, да перед Хозяином Юрьевичем Тютиным, и мы велим указ учинити»[144]. Московская казна, как и ранее, оставалась высшим финансовым учреждением.

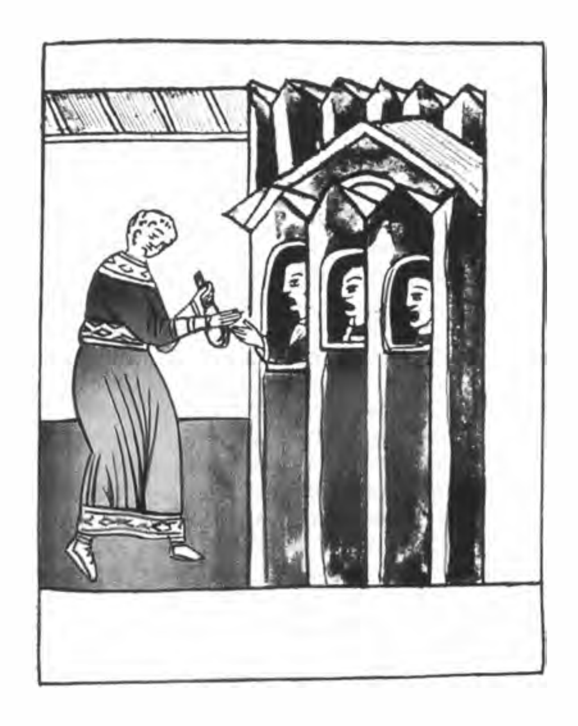
Подсудны казначеям были и многие другие категории дел. Так, ими рассматривались дела о грабежах в Москве, совершенных москвичами. С 1558 г. истец, обратившийся в Москве по тяжбе с иногородним ответчиком, подлежал суду казначея (а не наместника, как это было по Судебнику 1550 г.).

[141] *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С.225–229; *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С.415, 417.

[142] *Флетчер Дж.* Указ. соч. С.17.

[143] *Носов Н.Е.* Указ. соч. С.347; ДАИ. Т.I. № 61. 23 октября 1556 г.; АФЗХ/АМСМ. № 96. 4 июня 1549 г.

[144] АФЗХ. Ч.III. № 114. 9 июля 1556 г.; АФЗХ/АМСМ. № 136. 26 мая 1563 г.

Темницы. Миниатюра из «Повести о посаднике Щиле». РНБ

Посольский приказ в Кремле. 1591 г. Фрагмент рисунка «Подъем Большого колокола в Московском Кремле» из альбома Э. Пальмквиста

Печать Ивана IV. 1562 г. РГАДА

В Москве сосредоточивалась вся документация по земельным вопросам. Разъездчики посылали противни (вторые экземпляры) своих актов разграничения спорных владений в Москву. 30 сентября 1562 г. писчики и дьяки рассматривали вопросы о владениях пахотной землей и различными угодьями. Например, землевладелец Козельского уезда Петр Желябовский, «приехав к Москве, писцом бил челом, что у его поместья лес в книгах прописали»[145], т.е. пропустили.

В Москве же окончательно вершились и судебные дела о земельных владениях. «Судьи,– писал Дж. Флетчер в конце 80-х гг.,– так стеснены в отправлении своей должности, что не смеют решить ни одного особого дела меж собою, но должны пересылать его... в Москву в Царскую думу» и, добавим, даже самому царю. Примером этого могут служить дела 60–70-х гг. 28 мая 1568 г. произнес свой окончательный приговор по делу о с. Скитове в Жданском стане Московского уезда сам царь. Разбирательство продолжалось долго. По челобитной Г. И. Оклячеева Иван IV велел послать недельщика за ответчиком, в первый раз он привез одного из «людей» Ф. И. Пестова, в следующий – другого. Сам же ответчик «утек в лес на очех» недельщика. После переписи земли и хлеба подьячим Иваном Дмитриевым со 2 марта по 10 мая царь присудил спорные земли – с. Скитов и Козье болотце – истцу, о чем и была 28 мая 1568 г. составлена соответствующая грамота за подписью Рахмана Житкова и Булгака Бессонова[146].

После 1548 г. дела о «лихих людях» стали подсудны царю или дворецкому Большого дворца. Ответчиков – «лихих людей» – в столицу доставляли также московские недельщики. Сюда же по спорным делам являлись и представители черносошных, т.е. государственных крестьян. В 1552 г., после проведения земской реформы, из Подвинского стана в Москву приехал И. Г. Наработда, богатый крестьянин, владелец земель, угодий и ловищ, скупавший по закладным земли у соседей. В 1564–1574 гг. он выступал в качестве представителя своей волости «во всех становых и волостных крестьян место» по суду с крестьянами Заостровской волости. В марте 1574 г. он докладывал суть дела царю[147].

Всех участников судебных заседаний призывали в Москву судебные исполнители. Дворцовые и площадные (имелась в виду Ивановская площадь в Кремле) недельщики, а также их племянники и ездоки выполняли поручения судебных ведомств, устанавливавших различные сроки суда («сроки наметывают», как жаловались власти Боголюбского монастыря).

Москва стала административным центром не только для дальних районов страны. Судебник 1550 г. закрепил положение Москвы как единственного места, где могло производиться судебное разбирательство по спорам всех жителей Московского уезда с москвичами.

Дополнительная к Судебнику статья «О суде с удельными князи», восходящая к юридическому памятнику XV в.– «Записи о душегубстве», предусматривала, что «сместные» дела москвичей с жителями сельских местностей Московского уезда, принадлежавшими удельным князьям, подведомственны суду великого князя. Детей боярских обязаны были судить представители царя и удельного князя, при этом судопроизводство всех категорий населения должно было проходить только в Москве. Если ответчиками выступали горожане Москвы, а истцами соответственно горожане удельного князя, то их тяжбы подлежали суду только московского наместника; в противном случае, если ответчиками выступали городские люди удельных князей, дела разбирались совместно

[145] АФЗХ. Ч.II. № 296, 400.

[146] АФЗХ. Ч.III. № 136. 26 мая 1568 г.

[147] РИБ. Т.12. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч.1. СПб., 1890. С.6–12.

московским наместником и удельнокняжеским судьей. Таким образом, городские люди удельного князя еще в большей степени, чем сельские, оказывались в неравноправном положении по сравнению с великокняжескими горожанами. Московское городское население в судебном отношении получило некоторые привилегии.

Внутренняя же жизнь города, во всяком случае его черных людей, регулировалась московским тиуном. В 1553 г. из его ведения было изъято взимание пошлин – поворотное (за ввоз и вывоз товара через ворота двора, города и т.д.) и «чашнич путь»[148], которые из «кормленых» должностей превращаются в источник правительственных доходов, поступающих в казну и оттуда распределяемых наместникам (размер поворотного достигал 3 денег с одного черного тяглового двора). Как ни странно, взиманием поворотного в 50-е гг. занимались не москвичи, а коломнятин С. И. Сухотин, суздалец Ф. П. Пучко Молвянинов, рязанец С. Булгаков Киреев. Наконец, тиунство в 1557–1559 гг. держал Михаил Тимофеев сын Шетнев[149].

За содержание столицы в порядке отвечал так называемый Земский двор, который возглавляли два дворянина и два дьяка. Он находился в Китай-городе у Никольских ворот на месте нынешнего Исторического музея. Здесь распределялись повинности тяглого населения по охране города и обеспечению безопасности его жителей, в особенности в ночное время. «Решеточные приказчики» с наступлением темноты запирали ворота – «решетки» каждой улицы, строго следили за тем, чтобы посторонние туда уже после этого не проникали. Городовые объездчики в конце века исполняли обязанности пожарных. «Объезщики для огней» поделили территорию города на несколько частей и при малейшем появлении огня поднимали по тревоге все население города.

На каждое Сретение (2 февраля) у многочисленных приказов толпились приезжие, спешившие к сроку сдать причитавшиеся с них деньги. А круглый год теснились по «избам» другие – жалобщики и ответчики, обмениваясь своими сетованиями на московскую волокиту и бездонную «проесть» (т.е. расходы на питание).

Итак, в результате реформ так называемой Избранной рады в Москве появились новые учреждения со штатом судей, дьяков, подьячих. Вместе с тем в столицу потянулись бесчисленные потоки истцов и свидетелей, представителей местного общества, в том числе и из Московского уезда, защищавших свои интересы. Нельзя сказать, чтобы новая бюрократия была первоначально чересчур многочисленной, но она начала определять роль и лицо города.

6. «ПОЖАР ЛЮТОСТИ»

Начало Ливонской войны в 1558 г. не замедлило сказаться на жизни Москвы. Увеличившаяся нужда в боеспособных ратниках заставила проверять и большее число «новиков». В столице производилось освидетельствование годных для военной службы подростков и юношей. Здесь же составлялись и «смотренные списки». Дети князей и бояр уже с 12 лет записывались в эти списки и получали поместья. Так, Иванец, сын князя Андрея Львовича Зубатого, «новик» 1558/59 г., был действительно «осмотрен на Москве». Комиссия установила: «Тел[ом] мал – 12 лет, дан в [с]лужбе, срок на 3 года»[150].

Война предъявила спрос не только на воинов, но и на денежные средства. В поисках их источников царь решился на экстраординарные меры. 5 декабря 1564 г. он покинул столицу, взяв с собой царицу, детей, бояр, казну, иконы. Из Александровой слободы через месяц, 3 января 1565 г., в послании митрополиту Афанасию он сообщил о своем решении оставить государство из-за невозможности далее терпеть «многих изменников дел» и поселиться, «иде же его, государя, Бог наставит». Московское общество умолило митрополита (бывшего царского духовника и протопопа Благовещенского собора, постригшегося в Чудовом монастыре) направить к царю делегацию. Иван IV согласился вернуться в столицу, но на определенных условиях: впредь церковь не посмеет выступать с «челобитьями» за опальных, а государю будут предоставлены чрезвычайные полномочия. Таким образом, церковь лишалась своего исконного права – права «печалования», т.е. ходатайства церковных иерархов перед великим князем и царем за опальных, которое делало ее носителем гуманности и милосердия в жестокие времена средневековья, остужало гнев самодуров и тиранов на княжеском троне. Получив согласие церкви и столицы, Иван IV возвратился в Москву и объявил о разделении страны на две части: земщину, которой ведала Боярская дума, и опричнину, находящуюся под непосредственным управлением царя. Со всей огромной опричной территории доходы шли в опричную казну.

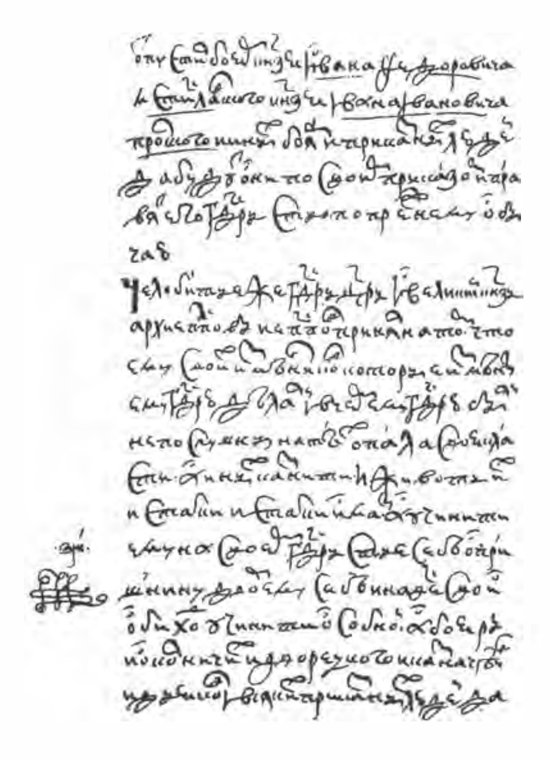
Столица также была поделена на земщину и опричнину. Во главе земской части остался земский судья, чьи обязанности в конце 60-х гг. исполнял Гр. Грязной. В опричнину попала вся западная часть города – от Москвы-реки до Никитской улицы. Здесь и ранее находились многочисленные дворцовые службы: запасная конюшня в районе нынешнего Староконюшенного переулка, Дровяной двор – возле церкви Николы на Щепах. Тут же раскинулись заливные луга,

[148] Отрасль дворцового хозяйства, управление которой давало право на получение натурального дохода с определенных групп населений и соответствующих территорий (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 21. М., 1995. С. 66).

[149] *Носов Н.Е.* Указ. соч. С. 427.

[150] *Штаден Г.* Указ. соч. С. 80, 113; ТКДТ. С. 146.

Учреждение опричнины. Александро-Невская летопись по списку XVII в. РНБ

тянувшиеся по реке вплоть до Новодевичьего монастыря, так называемое Остожье. Эта часть города отныне была закрыта не только для иностранцев – дипломатических представителей и торговых людей, но и для самих москвичей из земщины. В опричнину попали и некоторые московские волости: Хотунь, Домодедовская на р. Пахре и др.

Положение земского населения столицы ухудшилось. На земских детей боярских и посажан были возложены дополнительные обязанности охраны иностранных дипломатов, останавливающихся на Посольском дворе и окрестных дворах детей боярских. Их отряды по 30–50–100 человек во главе с приставами менялись каждые сутки, поэтому именовались «пересудчиками». «Решеточные» старосты должны были обеспечивать кормом посольских лошадей, число которых порой превышало несколько сотен, и водить их на водопой на Москву-реку[151].

Свой «особый» Опричный дворец Иван IV велел построить за Неглинной на Воздвиженке против Ризположенских (ныне Троицкие) ворот Кремля, в том месте, где находился двор брата его второй жены Марии – Михаила Темрюковича Черкасского, которому молва и приписывала мысль об учреждении опричнины. Двор Черкасского сгорел во время пожара 1 февраля 1565 г.[152], после чего и началось новое строительство. 12 января 1567 г. царь переехал в этот дворец, который производил впечатление крепости, противостоящей Кремлю. Нижняя часть его стен была сложена из тесаного камня, верхняя – из обожженного кирпича. Стены, сведенные остроконечно, были лишены крыши, не имелось и бойниц, отсутствие которых отличало царский дворец от настоящей крепости. «Особая площадь великого князя» «была засыпана белым песком по локоть в вышину». Действительно, при строительстве трассы метрополитена на территории Российской государственной библиотеки была обнаружена на материке прослойка белесого мелкозернистого песка толщиной 10–30 см[153]. Во двор вели трое ворот, выходившие на юг, север и восток. Восточные предназначались исключительно для царя, южные, маленькие, использовались для хозяйственных нужд. На воротах в сторону земщины и Кремля были изображены два льва с зеркалами вместо глаз (можно представить себе, какое впечатление это производило на горожан, незнакомых еще с зеркалами), а на воротах между ними помещался резной, из дерева, черный двуглавый орел с распростертыми крыльями. На шпицах трех основных дворцовых сооружений также разместились орлы, повернутые грудью в сторону опричнины. Таким образом, основные символы власти Ивана IV были явлены всему свету: двуглавый орел – эмблема его царской власти и лев – символ владимирского великого княжения (титул владимирского великого князя стоял первым в перечислении всех географических местностей, подвластных великому князю).

Внутри дворцовой территории располагались три обширных помещения, одно из которых опричник Штаден называл «палатой», другое – «избой». Они дополнялись хозяйственными и административными сооружениями. В юго-восточном углу между «избой» и «палатой» находились низкие хоромы, где царь завтракал. Перед ними был погреб, наполненный большими кругами воска. Назначение погреба весьма загадочно. Как известно, воск перевозился и продавался в стране и за границу именно кругами, достигавшими значительной величины и веса. Вряд ли для повседневного обихода Опричному дворцу требовались такие основательные запасы воска, которыми располагал царь. Остается предположить, что этот погреб предназначался для хранения товара. Другие хозяйственные постройки – поварни, погреба, хлебни, мыльни – располагались у северных ворот. В опричнине действовали приказы, обеспечивавшие снабжение царя и его окружения (Кормовой, Сытный, Хлебный, Конюшенный), а также Разряд, откуда и исходили распоряжения в земщину, но где они размещались, остается невыясненным. У стен дворца толпились челобитчики, добивавшиеся получения земель и назначений на «хлебные» должности. Здесь же, за пределами дворца, князья и бояре оставляли своих лошадей и в знак уважения к царю, и из-за чисто санитарных целей.

[151] *Хорошкевич А.Л.* Московский посад... С. 119–123.

[152] ПСРЛ. Т. XIII. С. 395.

[153] *Пассек Т.С.* Культурный слой древней Москвы // По трассе первой очереди Московского метрополитена. Л., 1936. С. 94.

Опричник Штаден, который и рассказал об этой странной затее царя – построить резиденцию вне Кремля[154], ни словом не обмолвился относительно церкви, хотя и упомянул колокола. Трудно предположить, чтобы Иван IV, так старательно создавая образ ревнителя православных обычаев, мог переехать во дворец, лишенный церкви. Вероятно, она имелась, однако Штадена, этого немецкого авантюриста, все мысли которого были направлены только на собственное обогащение, церковные сюжеты не очень интересовали. Должно быть и его, и московских горожан больше поражали стены с диковинными воротами и украшениями на них и быт самого государя.

Однако не только переносом царской резиденции из Кремля в Опричный дворец ознаменовалось для Москвы это мрачное время с 1565 по 1572 г. «Миротворец державный, самодержец прекроткий царь Иван, мнозем разумом и мудростию венчан», по определению Стоглава, забыв о пожелании инициатора царского венчания Макария быть «приступным (т.е. доступным.– *Авт.*) и милостивым»[155], весьма жестоко расправился с москвичами. «Пожар лютости» царя, как писал А. М. Курбский, погубил многих из них.

Первыми в феврале 1565 г. подверглись казни Петр Петрович Головин, сын казначея (1514–1525) Петра Ивановича Головина, «мужа грецкого рода, зело благородного и богатого»[156], переселившегося в Москву в XV в.; князь Александр Борисович Горбатый Суздальский, воевода в казанских походах, одна дочь которого была замужем за братом царицы Анастасии – Никитой Романовичем Юрьевым, а другая – за князем И. Ф. Мстиславским. Одновременно были казнены князь И. И. Сухой Кашин и князь Д. А. Шевырев. Первые казни навели ужас на жителей столицы. Позднее в опричнину пострадали многие москвичи, а также те, кто недавно поселились в столице, будучи родом из тверских (Алексей Левашов), смоленских (Василий Петрович, Федор и Михаил Андреевичи Карповы, Андрей Монастырев), галицких (Михаил Сумароков, дьяк Семен Олябьев), нижегородско-суздальских (Тетерины, Тулуповы), новгородских (Трусовы, Ширяевы, Юреневы), костромских (Шишкины) детей боярских, ставших в 1550 г. тысячниками. Террора и последовательно проводимой царем политики казней не выдержал митрополит Афанасий. Он неоднократно ходатайствовал за опальных. Но когда митрополит осмелился вмешаться во внешнеполитические дела, добившись некоторого облегчения участи пленников из г. Полоцка, с 1563 г. томившихся в Москве, терпение царя лопнуло. 16 мая 1566 г. Афанасий вынужден был покинуть митрополию и снова удалился в Чудов монастырь.

Иван Грозный. Гравюра из немецкого летучего листка. XVI в. Вена

На его место царь прочил казанского архиепископа Германа, уже прославившегося обращением иноверцев в христианство. Однако Герман еще до избрания уговаривал царя прекратить жестокости. Со словами: «Ты еще и на митрополию не возведен, а уже связываешь меня неволею» – Иван IV изгнал Германа из митрополичьих палат. Несостоявшемуся митрополиту повезло, а следующий – знаменитый Филипп (в миру Федор Степанович Колычев, новгородец по рождению) заплатил жизнью за свое стремление облегчить участь государевых холопов. Соловецкий игумен – личность выдающаяся. По призванию талантливый инженер, Филипп сумел восстановить монастырское хозяйство после пожара 1538 г. Он ввел в хозяйственный быт массу технических новшеств, намного опередивших свой век (ветряную веялку, механическую квасокачку, конную глиномялку, конную «севальню»), старательно описанных в его житии, составленном спустя 20 лет после его гибели.

К преждевременной смерти Филиппа привела его принципиальность и верность христианской догме милосердия. Он не просто взывал к христианским чувствам царя, но и использовал право «печалования» за опальных. Уже в момент избрания 20 июля 1566 г. Филипп требовал, чтобы царь «оставил опришнину». Однако тогда же суровый и принципиальный митрополит получил резкий ответ,

[154] *Штаден Г.* Указ. соч. С.107, 108.

[155] ДАИ. Т.I. № 40. С.54. 1547 г.

[156] РИБ. Т.31. С.281.

Иоанн Предтеча. Ангел пустыни. 60-е гг. XVI в. ЦМИАР

чтобы он «в опришнину и в царьской домовой обиход не вступался и после поставления не оставлял бы митрополии из-за того, что царь не отменил опришнины». Был достигнут временный компромисс с суровым старцем (59 лет по тому времени – более чем преклонный возраст), и подтверждено его право «совета» с царем, что облегчало ему право «печалования» за опальных. И Филипп воспользовался этим после серии казней конца 1567 г. «До каких пор будешь ты проливать без вины кровь верных людей и христиан,– гремел его голос под сводами Успенского собора.– Татары и язычники и весь свет может сказать, что у всех народов есть законы и право, только в России их нет. Ты поставлен от Бога судить людей божиих в правду, а не представлять из себя мучителя». Митрополит был убежден в своем праве ходатайствовать за опальных перед царем: «...по данной мне благодати... заедино с тобою должен иметь попечение о благочестии и мире всего православного христианства». Свою же паству он успокаивал обещаниями вечного блаженства: «Се секира лежит при корени, но не страшитесь, помня, что уже не земные блага, а небесные обещает нам Бог»[157].

Царь «со всем своим воинством, вооружен весь, наго оружие нося», грубо оборвал: «Что тебе, чернцу, до наших царских советов дело? Того ли не веси, мене мои же хотят поглотити?» Митрополит не успокоился. То он выступал с поучением о неслыханном от сотворения мира деле, что «благочестивым царем свою им державу возмущати», то обвинял царя в неправосудии.

В марте 1568 г. Филипп снова осмелился критиковать царя в Успенском соборе. Одетый, подобно опричникам, в черный кафтан и высокий шлык, царь ждал благословения митрополита, но дождался лишь укоров: «...в сем одеянии странном не узнаю царя православного! Не узнаю его и в делах государственных... на других ты закон налагаешь, а сам нарушаешь его. У татар и язычников есть правда; а в России и невинным, и к справедливости нет жалости»[158]. Этот конфликт не был единственным. 28 июля 1568 г. во время крестного хода в Новодевичьем монастыре митрополит заметил опричника в тафье – татарской тюбетейке и обратился к царю с вопросом: «Се ли подобает благочестивому царю агарянский закон держати?» В ответ царь назвал митрополита лжецом, мятежником, злодеем. Позднее церковный собор, покорный его воле, низложил митрополита. Не подчинившись решению собора, упрямый митрополит 8 ноября, в день архангела Михаила, который, по мнению царя, олицетворял грозную карающую силу, произнес очередную проповедь в Успенском соборе. До конца он ее довести не сумел. Ворвавшиеся в церковь опричники во главе с одним из наиболее жестоких из них Ф. Басмановым сорвали с Филиппа облачение и отправили сначала либо в монастырь Николы Старого, либо в Богоявленский, в Китай-городе за Ветошным рядом, а потом – в Тверской Отроч монастырь. Ни опала, ни ссылка не усмирили гордого старца. Он не благословил царского похода на Новгород и за свою самостоятельность поплатился жизнью. 23 декабря 1569 г. во время похода Ивана IV на Великий Новгород Малюта Скуратов задушил митрополита[159].

Филипп был исключением среди церковных иерархов. Все остальные вплоть до его ученика – соловецкого игу-

[157] *Леонид.* Жизнь св. Филиппа, московского митрополита и всея Руси. М., 1861. С.88, 92, 90.

[158] *Леонид.* Указ. соч. С.92.

[159] *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.

мена Паисия, прельстились, говоря словами митрополита, «куплями житейскими и возжелали мира тленнаго...». Расплата для церкви наступила столетием и даже полуторастолетием позже – в эпоху расколов и петровских реформ.

В Москве же состоялся и Земский собор 1566 г. с участием духовенства. Он был созван в чрезвычайной спешке из тех лиц, кто в то время находился в Москве. От ответа на важнейший для страны вопрос – о продолжении или прекращении Ливонской войны – зависела позиция русских дипломатов на переговорах с послами Великого княжества Литовского, находившимися тогда в Москве. Собор решил поддержать воинственные устремления царя. На его стороне выступили, в частности, московские гости и торговые люди, для которых с завоеванием Нарвы открылся, наконец, прямой и удобный путь прямых контактов с немецким – ганзейским, английским, голландским купечеством. Это были: гости Алексей Хозников, Г. Ф. Тараканов, Прокофий Цвилинев и др., торговые люди Петр Пилюга и его сын Лука, Борис и Иван Чюркины, смольняне Игнатий Твердиков, Тимофей Смывалов, а также Иван и Михаил Носовы, Алексей, Степан и Афанасий Котовы. Из 73 человек (12 гостей, 40 торговых людей и 21 смольнянин) только один Тараканов удостоен был чести поставить свою подпись под приговором Земского собора о продолжении войны.

Вряд ли это решение считали правильным бояре, уставшие от длительных войн во время правления Ивана Грозного: ведь уже почти два десятилетия продолжались опустошительные войны. Можно почти не сомневаться в позиции одного из бояр – Ивана Петровича Федорова Челяднина. Это был, по словам Штадена, «первый боярин и судья», который «охотно помогал бедному люду добиваться скорого и правого суда»[160]. Представитель старомосковской знати, близкой к московским князьям еще с XV в. (предки его жены – бояре и окольничьи Ивана III и Василия III), благодаря женитьбе на наследнице Челядниных он получил и их громадные владения, и наследственный титул боярина, по традиции став и конюшим. Челяднин был на стороне Ивана IV во время «мятежа» 1553 г., когда решался вопрос о наследнике тяжело больного царя (он присягнул царевичу Дмитрию и не поддержал кандидатуры Владимира Андреевича Старицкого). Это, впрочем, не спасло Челяднина от опалы. Звание конюшего он потерял, его направляли то в Псков, то в «черемисы», то в Свияжск, то в Смоленск, и, наконец, в сентябре 1562 г. назначили ливонским наместником в Юрьеве Ливонском.

Позиция И. П. Челяднина по отношению к местному населению была весьма примечательна. «Пока он был в Дерпте,– писал один из опричников,– немцы не знали беды, чтобы, например, великий князь приказал перевести их из Нарвы, Феллина или Дерпта в Русскую землю». Здесь-то Челяднин и совершил поступок, за который спустя шесть лет поплатился жизнью. По предложению литовского воеводы он без оповещения царя заключил перемирие, поддавшись на уговоры о необходимости сохранять мир и христианское согласие между всеми православными как в Литовском княжестве, так и в Русском царстве. Позднее царь обвинил его в желании занять трон и в октябре 1568 г. казнил. Пока же И. П. Федоров Челяднин находился, вероятно, в числе тех, кто в душе не одоб-

Плащаница. Мастерская Ефросинии Старицкой. ГМЗМК

Богоматерь Волоколамская с избранными святыми на полях. Создана по заказу Малюты Скуратова для Иосифо-Волоколамского монастыря. 1572 г. ЦМИАР

160 *Штаден Г.* Указ. соч. С.86, 87.

Казни Ивана Грозного. Гравюра из немецкой книги «Разговоры в царстве мертвых». 1725 г.

Апокалипсис. Успенский собор Московского Кремля. Конец XV – начало XVI в.

рял решения Земского собора 1566 г. Против продолжения войны открыто выступил И. М. Висковатый.

Военные действия 1567–1570 гг. не привели к существенному перелому в войне. Переговоры с представителями Речи Посполитой 1570 г. показали, что стратегический просчет 1563 г., когда русские войска, по предложению воевод и Владимира Андреевича Старицкого, остановились в Полоцке, не овладев его округой, свел на нет все позднейшие военные усилия. Ответственность за дипломатическое поражение 1570 г. царь возложил на своих бессменных помощников в течение Ливонской войны – бояр и дипломатов. Главы земщины своей жизнью поплатились за нерешительность царя в 1563 г., когда он не сумел настоять на продолжении военных действий.

25 июля 1570 г., через две недели после отъезда послов Речи Посполитой, Москва стала свидетельницей массовых казней, совершенных на Поганой луже (позднее – Чистые пруды). Много ужасов видала в XVI в. русская столица. В 1504 г. в ней пылали костры, на которых сжигались еретики. Не раз топор палача оканчивал жизненный путь непокорных вельмож. Но то, что происходило в Москве 25 июля 1570 г., превосходило по своей жестокости все случившееся ранее.

На площади у Поганой лужи полыхал колоссальный костер, рядом находился громадный чан с водой. Почувствовав неладное, горожане разбежались, бросив свои товары, оставив открытыми лавки. На площадь прибыла процессия, возглавляемая царем и царевичем Иваном в сопровождении опричников. Царь повелел согнать народ на площадь, куда привели 300 человек. Сначала он объявил о своей великой милости и приказал отпустить 180 человек. Остальных назвал изменниками, которых будет карать. Собранная при помощи оружия толпа без особого воодушевления прокричала угрюмо: «Да живет многие лета государь великий». Царь с сыном, вооруженные пиками и саблями, приступили к делу. Первым вывели Ивана Михайловича Висковатого, некогда главу Посольского приказа, дьяка Печатного приказа, человека, верой и правдой прослужившего Ивану IV в течение почти двух десятилетий[161]. Его обвинили в желании передать Новгород Великий польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду II, которому он якобы и писал с этой целью. Кроме того, Висковатый, по словам обвинителей, обещал турецкому султану Казань и Астрахань, а третьего государя – хана крымского – он якобы звал на Москву. В этих ложных обвинениях видно лишь одно – ярость монарха, не смирившегося с потерей надежды быть когда-либо признанным в качестве царя Сигизмундом II Августом, а также овладеть Полоцкой землей и выиграть Ливонскую войну. В слепом гневе он готов был крушить всех и каждого, кто имел собственное мнение о целесообразности его действий – разгроме Новгорода в 1570 г., войне с Ливонией вместо войны с Крымом и т.д.

Услышав обвинение, Висковатый мужественно отверг их: «Великий царь, Бог – свидетель, что я не виновен и я всегда верно служил тебе, как подобает верному подданному. Дело мое я поручаю Богу... он рассудит мое и твое дело в будущем мире. Но раз ты желаешь моей крови, пролей ее, хотя и невинную, ешь и пей до насыщения». Телохранителям царя он заявил: «Будьте прокляты с вашим тираном, вы, которые являетесь гибелью людей и питухами крови человеческой. Ваше дело – говорить ложь и клеветать на невинных, но и вас будет судить Бог...»[162] Висковатого повесили вверх ногами, затем рассекли на части, а Малюта Скуратов, доказывая свою верноподданность, сошел с лошади и отсек ему ухо.

В тех же несуществующих грехах обвинялся и казначей Никита Фуников Карцев: его ждала не менее мучительная

[161] *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994.

[162] *Шлихтинг А.* Указ. соч. Л., 1934. С.47.

смерть. Его поливали то горячей, то холодной водой. Когда вывели дьяка Григория Шапкина с женой и двумя сыновьями, князь Василий Темкин соскочил с коня и, обнажив меч, отрубил им всем головы и обезглавленных «положил подряд перед ногами тирана»[163]. Дьяков земских приказов, новгородских дьяков и бояр, бояр новгородского архиепископа Пимена кололи, вешали, рубили. Опьяненные видом крови, вместе с опричной свитой палачествовали и царь с сыном. 80 женщин, вдов зверски замученных, утопили в Москве-реке.

Людские потери столицы и страны в результате опричного террора были колоссальными: например, в 1581 г., по мнению А. Поссевино, число жертв доходило до 30 тыс. жителей[164].

Спустя 11–13 лет, когда уже подошла к концу Ливонская война и произошло падение опричного режима, царь распорядился составлять синодики по 3 тыс. 300 (из них 2060 безымянных) знатным казненным и рассылать их по монастырям. Списки дополнялись разной величины вкладами на помин души опальных. Ведь в момент опалы или казни царь не разрешал поминать их в церкви, что для верующих являлось чуть ли не большим наказанием, чем само лишение жизни. Тогда запрещалось даже убирать трупы с улиц, и часто тела казненных становились добычей птиц и животных. На закате же жизни царь расщедрился и на помин души своих жертв разослал значительные суммы: в Симонов монастырь за три раза – 647 руб. 20 алтын, в Новодевичий – 2000 руб., в Богоявленский – 430 руб. (в 1583–1584 гг.). Одни только московские монастыри получили свыше 3000 руб.

Непосильное бремя Ливонской войны не привело к желанному для царя результату. Даже в опричнине к 1569 г. обнаружились значительные недостачи средств, и царь пошел на то, чтобы еще больше расширить ее территорию в надежде увеличить количество источников их поступления. Вот тогда-то и попал в опричнину московский Симонов монастырь. Согласно указной грамоте от 16 марта 1569 г. «оброк за дань, за посошный корм, и за ямские деньги, и за городовое дело» с монастырских владений сельца Гравороны в Василькове стане Московского уезда должен был поступать в опричнину, а не в «земское»[165].

Ливонская война и опричнина полностью истощили казну. В середине XVI в., в 50–70-е гг., фактически прекратилось возведение храмов (исключение составляет церковь Сергия в Кремле 1565 г.) и оборонительных сооружений. А это означало, что не только царь не мог предпринять дорогостоящего строительства, но оно стало недоступным и для частных лиц, переставших жертвовать на новые церкви.

Упадок Москвы довершило нашествие крымского хана Девлет-Гирея. Крымское войско на этот раз не сумело захватить город, но подожгло посад, и извечный враг деревянных городов Руси – горящие щепки и головешки проникли в Кремль и Китай-город по воздуху. Стены Китай-города оказались бессильны против них. Вся центральная часть города в мае 1571 г. выгорела. «Огонь в течение 6 часов обратил в пепел все церкви, дома, палаты, построенные почти полностью из сосны и дуба, как в городе, так и в округе на 30 миль»[166],– писал спустя два десятилетия англичанин Дж. Горсей, слышавший об этом от своих соотечественников и москвичей. Огонь достигал такой силы, что в «Грановитой, и в Проходной, и в Набережной, и в иных палатах прутье железное толстое, что кладено крепости для, на связки, перегорело и переломалось от жару». В кремлевском подвале задохнулся со всей семьей князь И. Д. Бельский, которому была поручена оборона столицы. Спасаясь от огня, жители бросались в воду притоков Москвы-реки – Неглинной и Яузы. Яуза, переполненная живыми и мертвыми телами, вышла из берегов и затопила окрестные улицы. В пожаре погибло несколько десятков тысяч москвичей и жителей подмосковных сел, укрывшихся за стенами столицы. Сгорел и Опричный дворец, который уже не восстанавливался, а царь переселился в новые Постельные палаты в четыре покоя. Огнем была истреблена вся опричная территория от Никитской улицы до Остоженки и Дорогомилова.

Но снова, как птица Феникс, восстала из пепла столица Российского царства. Царь «выпустил указ об очистке, отстройке и заселении города Москвы» и «послал собрать зажиточных купцов, ремесленников и торговцев со всех городов и мест своего государства, чтобы отстроить и заселить столицу и перенести в нее оживленную торговлю»,– писал Дж. Горсей. Действительно, уже осенью 1571 г. начались переселения – сначала из Торжка, Новгорода, Твери, затем из Мурома и т.д. В 1564–1578 гг. из Новгорода почти ежегодно шло переселение в Москву. Доля «сведенцев» была настолько велика, что иностранцы считали, будто в Москве «живут только торговые люди, набранные из других городов»[167].

«Своды» второй половины XVI в. отличались от предшествующих – они были односторонними. Из Москвы в провинциальные города в это время население почти не перемещалось. Лишь в середине 80-х гг. незначительная часть новгородских ремесленников и два купца были возвращены на родину. В результате в провинциальных городах поредел верхний привилегированный слой горожан, а вся инициативная масса купечества сосредоточилась в Москве.

[163] *Шлихтинг. А.* Указ. соч. С.82.

[164] *Поссевино А.* Указ. соч. С.43.

[165] АФЗХ/АМСМ. № 178.

[166] *Горсей Дж.* Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990. С.56.

[167] Там же. С.56, 57, 59; *Штаден Г.* Указ. соч. С.67; *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С.154.

Лист с заставкой из Евангелия. 1571 г. ГМЗМК

Большая государственная печать. 1578 г.

Несмотря на это, а также на использование иностранных мастеров, в том числе пленных шведов-серебряников, медников и т.д., 60–70-е гг. XVI в. не были благоприятным временем для развития московских ремесел и торговли. Ливонская война, опричнина и крымские набеги задержали естественное развитие города.

Через четыре года после пожара столица, как и страна, познакомилась со вторым своим государем. «Царем и великим князем всея Руси» стал Симеон Бекбулатович, правнук последнего хана Большой Орды – Ахмата, с 1562 г. вместе с отцом находившийся в России. В 1570 г. он получил Касимов и титул царя, в 1571–1572 гг. участвовал в походе на «свитцких немцев», осенью 1572 г.– в походе на Пайду, возглавляя большой полк русской рати. До 15 июля 1573 г. Саинбулат крестился, получив имя Симеона. А 30 октября 1575 г. он посажен на русский престол «московским князьком Иванцом Московским» – так Иван Грозный с 1575 г. именовал себя, в частности, в униженной челобитной новому «царю». Кремль опустел: Симеон поселился «на взрубе за Встретением», а Иван – «за Неглинною... на Орбате против Каменново мосту старого». Большинство бояр Иван IV передал Симеону, а себе оставил «немного». И причины, и обряд посажения нового «царя» остались невыясненными. Историки писали о Земском соборе, якобы благословившем эту передвижку власти, но, скорее всего, дело обошлось без санкции собора. В качестве причин выдвигали и международные – надежду Ивана IV занять вакантный престол Польского королевства, и внутренние – экономические: это и стремление избавиться от долгов английским купцам (Горсей), и попытка секуляризовать монастырские земли (Флетчер), и психологические – желание обмануть судьбу и избежать напророченной волхвами смерти. («Волхви ему сказали, что в том году будет пременение: московскому царю смерть».)

Вероятнее всего, дело заключалось в расстановке политических сил и в понимании царем внутриполитической обстановки в стране. Угнетаемый манией преследования, Грозный жаловался даже иностранцам на своих подданных: имперскому послу Принцу в 1576 г.– на их «подлости», а английскому послу Сильвестру 27 ноября 1575 г.– на «преступное и злокозненное поведение... подданных, которые ропщут и противятся нам»[168]. Однако царь не только говорил о своем недовольстве подданными. После заточения в монастырь своей четвертой жены Анны Колтовской в мае 1575 г., он расправился с ее родственниками – братом и отцом, опричником князем Б. В. Тулуповым, породнившимся с Колтовскими. Тулупов был посажен на кол за «измену против царя и сношения с недовольным дворянством[169]. Пострадали и другие бывшие опричники: В. И. Умной-Колычев, М. Плещеев, родич видных опричников Басмановых и Очиных-Плещеевых, Алексей и Федор Старого Милюковы. Несколько позже, 24 октября, погиб сын инициатора опричнины В. М. Юрьева – Протасий Васильевич Юрьев.

[168] *Толстой Ю.В.* Первые 40 лет сношений между Россией и Англией (1553–1593 гг.). СПб., 1875. С.179–182; *Принц Д.* Начало возвышения Москвы // ЧОИДР. Кн.3. Отд.4. 1876. С.29.

[169] *Горсей Дж.* Указ. соч. С.62.

Царь Федор Иоаннович. Парсуна. 30-е гг. XVII в. ГИМ

После вокняжения «царя» Симеона последовала новая волна казней, которая унесла жизни многих людей. Пострадали чудовский и симоновский архимандриты, возможно, недовольные политикой Грозного по отношению к монастырям и его неканоническим бракам, два Бутурлина, П. А. Куракин и другие. Их отрубленные головы для устрашения «метали» в кремлевские дворы митрополита, прославленного воеводы князя И. Ф. Мстиславского, тестя царя Симеона, женатого на его дочери Анастасии, И. В. Шереметева, дьяка А. Щелкалова, подозревавшихся в измене[170].

Политический «маскарад» сопровождался очередным разделом земель. «Иванец Московский» взял в удел лишь некоторые из разоренных опричниками земель (Старицу и Белоозеро) и часть земских владений (Дмитров, Ростов, Ярославль и Шелонскую пятину). Однако новое «возрождение удела» оказалось абсолютно бессмысленным. Не было ни целей, ни людей, которые могли бы их воплотить. Однако очередная волна террора устрашила москвичей больше, чем набеги крымского хана.

Еще одна, последняя вспышка казней затопила столицу кровью в 1581 г., в год окончания Ливонской войны. На этот раз пострадали «всяких чинов люди... на площади казнили гостей изменников и торговых людей и воинских и иных»[171].

Последние же годы царствования Иван IV провел в некоторой отрешенности от дел и проблем собственной страны. Поутихли казни. После поражения в Ливонской войне, завершившейся Ям-Запольским миром, по которому Россия снова теряла выход к Балтике, не появилось того внешнеполитического стимула, который подталкивал бы царя на новые жестокости. Незачем было взнуздывать усталый народ, в том числе и столицы. «Бысть на Москве тишина велия в людех и безмолвие великое во всех русских городех»,– записал летописец под 1581 г.[172]

7. И СНОВА «ТИШИНА ВЕЛИЯ»

Волнения 1584 и 1586 гг.

Летописец ошибся, говоря о «тишине»: 2 апреля 1584 г. Фроловские (ныне – Спасские) ворота Кремля подверглись обстрелу большой пушки, стоявшей у Лобного места. У ворот скопилась огромная толпа, пытавшаяся прорваться в Кремль.

Что привело сюда москвичей? Что требовали они от осажденных?

За две недели до этих драматических событий в ночь на 19 марта скончался великий государь всея Руси Иван Васильевич, прозванный позднее Грозным. В ту же ночь на престол «по благословению и повелению отца» спешно был возведен его слабоумный сын Федор. «Росту малого, приземист и толстоват, телосложения слабого и склонен к водянке,– как описывал внешность нового государя английский посол Дж. Флетчер,– нос у него ястребиный, поступь нетвердая от некоторой расслабленности в членах». Иван Грозный, упрекая Федора в нежелании заниматься государственными делами, по словам другого иноземца П. Петрея, считал, что второй его отпрыск больше походит на пономарского, чем на великокняжеского, сына. «Говорит он тихо и очень медленно,– сообщал польский посол Лев Сапега на родину 10 июля 1584 г.– Рассудка у него мало, или, как другие говорят и как я сам заметил, вовсе нет». «Прост и слабоумен»,– заявлял тот же Флетчер. А папский легат Антонио Поссевино, видевший его за три года до описываемых событий, считал, что умственное ничтожество Федора переходит в идиотизм. Единственное достоинство обнаружил у него представитель английской королевы Елизаветы Джером Боус: «...всегда улыбается, так что почти смеется... Весьма любезен и хорош в обращении, тих, милостив, не имеет склонности к войне» (впрочем, последнее в глазах Боуса, вероятно, было недостатком).

[170] ПСРЛ. Т.34. С.192.

[171] *Тихомиров М.Н.* Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Исторические записки. Кн.10. М.; Л., 1940. С.89.

[172] Там же.

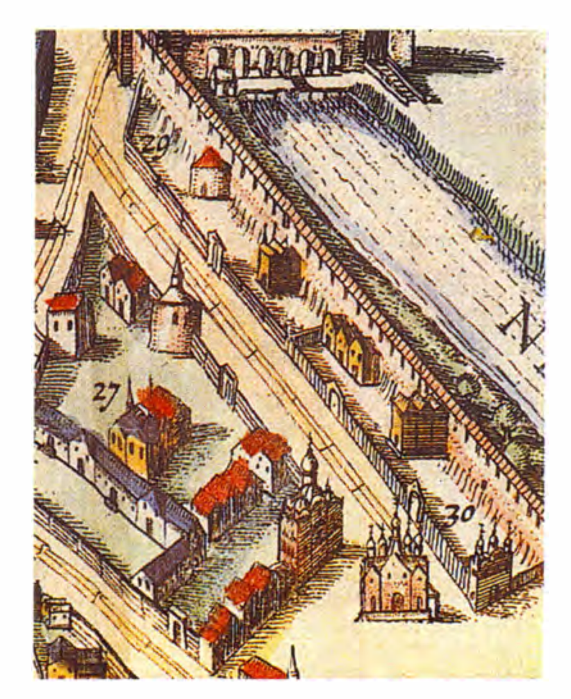
По городу поползли слухи. Кому поручил государство царь Грозный, знавший неспособность своего преемника самостоятельно управлять страной? На этот вопрос трудно ответить.

Последнее завещание Грозного не сохранилось, но судя по косвенным данным, царь назначил регентский совет, в который вошли Б. Ф. Годунов, И. Ф. Мстиславский, Н. Р. Юрьев, И. П. Шуйский, находившийся в родстве с царским домом, и, вероятно, Б. Я. Бельский[173].

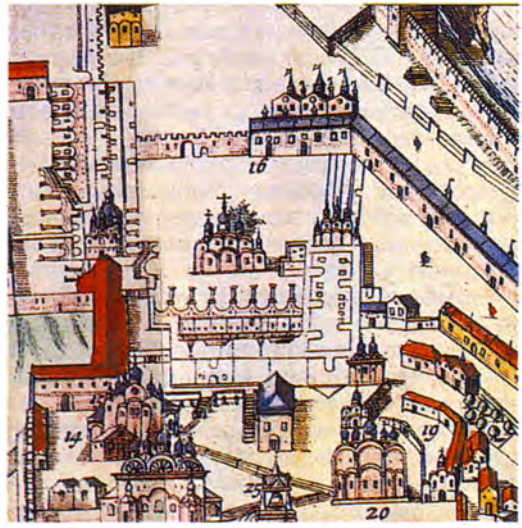
«В боярех мятеж и разделение», «смятение великое» начались сразу же после смерти Грозного. Борис Годунов «с своими советниками» обвинил Нагих, родственников последней жены Грозного, в измене. Нагие, в том числе старший брат царицы Марии – Семен Федорович с сыном Иваном, другой брат царицы – Афанасий, дворовый воевода и дворянин Ближней думы, равно как и некоторые другие фавориты покойного царя, были арестованы. Их дома разорены, а «поместья и вотчины розданы».

Борис Годунов стал быстро захватывать позиции в Думе. Сам конюший, он к маю 1584 г. сделал боярином С. Н. Годунова, дворецким Г. В. Годунова. Почти весь род Годуновых жил в Кремле, занимая всю северную и северо-западную часть Кремля. Ближайшей к государеву двору территорией владел сам Борис Годунов. Он получил двор двоюродного брата царя – Владимира Андреевича Старицкого, в котором первый русский царь не переставал видеть своего конкурента, противника и возможного преемника вплоть до отравления того в 1569 г. На плане «Кремлена-града» начала XVII в. «старый государев двор» (т.е. Бориса Годунова) выделяется высокими, в три этажа хоромами. На дворе нет церкви, вероятно, их прежние хозяева обходились молельней и кремлевским храмом. По-видимому, Старицкие на правах родственников пользовались домовой церковью царя, т.е. Благовещенским собором. Удивляет, что Годунов за 14 лет или даже за четверть века не построил ни одной церкви, поскольку известно его постоянное внимание к церковному строительству, желание оставить свое имя «для ведома впредь идущим родом» на всех сооружениях, воздвигаемых по его инициативе, стремление прослыть богобоязненным (об этом свидетельствует имя, принятое им в схиме перед смертью,– Боголеп). Родственники Бориса вселились в Кремль, вероятно, позднее. Д. И., С. Н. и Г. В. Годуновы заняли вновь присоединенную в 80–90-е гг. XV в. территорию Житничной улицы с тремя дворами своеобразно удлиненной формы, которые как бы прилепились к внутренней стене Кремля.

Распря в Кремле носила затяжной характер, и ее условно можно разделить на несколько этапов. Первый – боярский – начался с местнического спора Богдана Бельского, близкого в свое время к Грозному, а после его смерти – к Борису Годунову, с казначеем Петром Головиным: «Похотел Богдан быть больше казначея». Место «преки» (местнического спора) не указывают ни русские летописцы, ни иностранцы (польские, английские послы, голландский купец И. Масса и др.)[174]. Скорее всего – это Грановитая палата, уже в то время соединенная переходами с царским дворцом. Боярский этап перерос в дворянский. По словам Пискаревского летописца, «хотели дворяне убити Бельского». Распря вылилась на Ивановскую площадь, где спорящие стороны прибегли каждая к помощи своих дворянских сторонников. На этом этапе участвовали и «ратные люди» Бельского, вскоре покинувшие своего господина. Его спасло только бегство, по Пискаревскому летописцу, «к царю

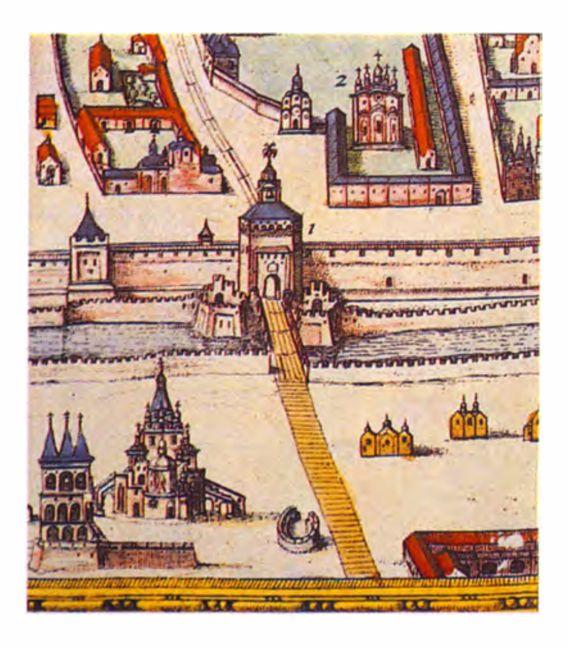
Дворы Бельского (№27), С. Н. Годунова (№29), Д. И. Годунова (№30) в Кремле. Фрагмент плана «Кремлена-града». Конец XVI – начало XVII в.

Царский двор (№16), Патриарший двор (№19), Успенский собор (№20), Казна (№14). Фрагмент плана «Кремлена-града». Конец XVI – начало XVII в.

[173] *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. Предпосылки Первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 108, 109.

[174] См. подробнее: *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. С. 113–117; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). Спб., 1992. С. 29–37.

Фроловские (Спасские) ворота Московского Кремля (№1), Вознесенский монастырь (№2). Фрагмент плана «Кремлена-града». Конец XVI – начало XVII в.

назад». По словам Боуса, Бельский «принужден был спасаться в палатах». Позднее в Москве курсировали слухи, записанные П. Одерборном и П. Петреем со слов Льва Сапеги, будто Бельский со своими приверженцами укрепился в Кремле, но «это,– цитируем Петрея,– сильно раздосадовало князей страны и весь народ, которые были недовольны, что опять подвергнутся игу и службе ужасного тирана, от которого только что освободились».

Положение Бельского вызывало ненависть не только широких народных масс, но и «князей страны». Их позиция может быть объяснена процессом оттеснения от власти старой родовитой знати – потомков некогда независимых государей, в среде которых еще жили воспоминания о временах удельной «свободы», и выселения их за пределы Кремля в Китай-город.

Через две недели, 16 апреля, Сапега сообщал, что Бельский уговаривал Федора сохранить двор и опричнину, подобно отцу, и собирался совершить переворот с помощью стрельцов.

Вероятно, здесь же сражались и дворяне Никиты Романовича Юрьева. На это указывает такая деталь из рассказа голландца И. Массы: в конце дня Юрьев был выпущен из Кремля на свой двор в Китай-городе с двадцатью слугами, что свидетельствует о напряженности положения – размер эскорта даже для такого видного боярина, каким был Юрьев, слишком внушительное сопровождение в спокойное время. Судя по чертежу «Кремлена-града», его двор был, по крайней мере, в два раза меньше кремлевского двора И. Ф. Мстиславского. Но среди китайгородских усадеб плотно застроенная усадьба Н. Р. Юрьева с двумя хоромами, семью амбарами и другими службами отличалась своими размерами, лишь немного уступая самому большому двору новгородского архиепископа (к моменту создания чертежа – уже митрополита), находившемуся на Ильинской улице. По изобилию построек приближается к отцовскому и двор его сына – Михаила Романова на Никольской. Усадьбы этих бояр выделяются среди монастырских владений, торговых подворий иноземцев – голландцев и англичан, дворов богатых посажан. Вероятно, близость к посаду, в какой-то мере материально зависимого от своих богатых соседей, могла обеспечить Н. Р. Юрьеву поддержку городского населения в опасный для него момент.

Один из его сторонников – «молодой сын боярский», по Пискаревскому летописцу, выехал из Большого города, как в начале XVII в. именовался Кремль, и «вопил», будто Годуновы «побивают бояр». Здесь впервые упоминается имя Годуновых, правда, не Бориса, а всего их клана. С сообщения о годуновско-боярских распрях началось собственно и городское движение: «И народ всколебался весь без числа со всяким оружием». С этого момента борьба внутри придворной знати, в которой участвовали и дворяне, осложнилась вмешательством рядовых москвичей, жителей Китай-города и других посадов столицы. Начался третий этап событий – дворянско-городской. Английский посол Боус писал: «За это время происходило брожение среди 20 тыс. человек... дело было направлено против Богдана Бельского, бесспорного фаворита Грозного последних лет его жизни... главнейшего и самого довереннейшего... советника царя».

Итак, ратные люди Бельского в ужасе бросили своего повелителя, между тем Кремль оказался на осадном положении. Снова, уже во второй раз, стены Кремля играли оборонительную роль, защищая своих обитателей не от иноземного врага, а от городского и дворянского населения самой столицы.

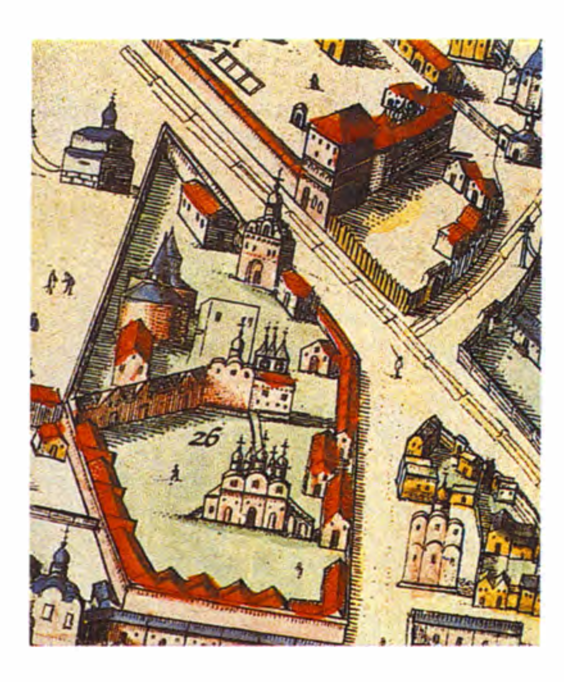
Ворота Большого города оказались запертыми, что вызвало еще более яростную реакцию. Огромная пушка на площади Китай-города была повернута на Кремль. По рассказам Сапеги, Одерборна, Петрея, во время осады Кремля его обстреливали из нескольких пушек, так что появилось много убитых. На чертеже «Кремлена-града» изображена большая пушка, которую художник поместил против Никольских ворот. По-видимому, во времена восстания еще не существовало тех «раскатов», которые изображены на более позднем, Сигизмундовом плане. Подобные «раскаты» – земляные укрепления – были сооружены впоследствии у Никольских ворот и храма Василия Блаженного, на них-то и были установлены пушки. Единственная пушка на чертеже «Кремлена-града» стоит на собственном четырехколесном

лафете. Даже при неточности масштабов чертежа можно понять, что диаметр ее ствола огромен. «Кремлена-градская» пушка, вероятно, была той самой, которую отлил Павел де Боссе (Дебоссис – в русских летописях) почти за столетие до восстания. На Сигизмундовом плане уже нарисовано несколько пушек, да и в позднейших рассказах о восстании упоминалось несколько пушек.

Ход осады Кремля красочно рисуют Безднинский летописец 1586 г. и Новый летописец 30-х гг. XVII в. Московская «чернь» двинулась на Кремль, пытаясь выбить Фроловские ворота. Но это ей не удавалось. Веское слово, хотя и не решающее, как это было через сто лет, в 1682 г., после смерти тишайшего царя Алексея Михайловича, пришлось говорить стрельцам и дворянам, той воинской силе, что была сосредоточена в столице. Конные дети боярские, явившиеся на площадь перед парадным въездом в Кремль, стреляли из луков. Им с кремлевских стен отвечали стрельцы.

«Кремлена-градский» чертеж и другие планы Москвы начала XVII в. позволяют более реально представить себе место действия. Через ров вдоль восточной стены Кремля перекинуты три моста – у Никольских, Фроловских и Константино-Еленинских (ранее – Тимофеевские) ворот. Центральные ворота – Фроловские – сменили к концу XVI в. в этом качестве Боровицкие. Только на их башне (а проездных ворот кроме трех названных было еще двое со стороны Неглинной – Боровицкие и Троицкие) возвышается символ русского самодержавия и независимости – двуглавый орел. Каменный мост Фроловских ворот напоминал маленькую крепость. Прямоугольное сооружение между стенами надо рвом увенчали зубцы, между которыми можно было вести обстрел. У наружной стены рядом с торцом крытого моста находились ворота с небольшой калиткой в них. По бокам от проезжей части Фроловских ворот располагались малые ворота – два проема, не имевшие с ней сообщения, изображенные один зарешеченным, другой – крытым. Они вели к околовратным укреплениям, выдвинутым вперед и защищенным невысокой стеной.

После перестрелки в малые Фроловские воротца вышли думный дворянин Михаил Андреевич Бездни и дьяк Андрей Щелкалов и обратились к толпе, занявшей деревянный настил моста у проезжей части ворот. Им якобы удалось уговорить горожан освободить мост и разойтись. Крики: «Выдай нам Богдана Бельского! Он хочет извести царский корень и боярские роды» – утихли. «Чернь» и ратные люди Москвы, к которым присоединились рязанцы Ляпуновы и Кикины (упоминание о них явно позднего происхождения), покинули площадь. По

Чудов монастырь (№26) и колокол-благовестник. Фрагмент плана «Кремлена-града». Конец XVI – начало XVII в.

другим сведениям вслед за Бездниным и Щелкаловым к восставшим были посланы И. Ф. Мстиславский, Н. Р. Юрьев, которые также сообщили царю о требовании восставших выдать Бельского. Такова картина апрельского восстания 1584 г. по русским летописям.

Голландец Исаак Масса, писавший о восстании спустя четверть века, дополняет летописи, причем дополняет их сведениями о событиях, происходивших вне Кремля. Топография двора голландцев – Яна де ла Валле (Ивана Белоборода – по русским источникам), Андриана Фосса, Марка де Фогелера – объясняет подобный характер сообщения Массы. Двор голландцев находился на Никольской улице Китай-города, на левой стороне, если идти от Кремля, между дворами П. Н. Шереметева и сына знаменитого Н. Р. Юрьева – Михаила.

Ян де ла Валле активно участвовал в русско-голландской торговле в 1577–1593 гг., возможно, он сам или его слуги находились в Москве в момент восстания. Голландцам, разумеется, хорошо были известны события, происходившие в непосредственной близости от их двора в северо-западной части Китай-города. «Чернь,– пишет И. Масса со слов своих соотечественников,– вооруженная луками, копьями, дубинами и мечами, ринулась к Кремлю, ворота которого были заперты, разгромила все лавки и арсенал, где были взяты оружие и порох». Арсенал, подвергшийся нападению, судя по чертежам 10-х гг. XVII в., находился в северной части Китай-города, возле Каменного моста через р. Неглинную, весьма близко от невзрачной постройки Земского двора. От голландского двора его отделяли несколько сот метров. В связи с этим сообщение И. Массы о захвате городски-

ми жителями Арсенала представляется достоверным.

Восставшие требовали освобождения Н. Р. Юрьева. Это известие И. Масса передал со слов своего информатора, получавшего сведения, так сказать, с внешней стороны Кремля, от самих жителей Китай-города. Если и русские летописи, и иностранные источники (Сапега, Одерборн и Петрей) сообщают о требовании восставших выдать Богдана Бельского, что характерно для первых двух этапов движения, когда оно находилось на стадии внутрифеодальной распри, то И. Масса описывает следующий этап, когда волнение охватило всех жителей столицы. «Народ,– продолжает И. Масса,– был весьма расположен к нему (Юрьеву.– *Авт.*), ибо он отличался благочестием, а также ради сестры его (первой жены Ивана IV Анастасии.– *Авт.*), в народе любимой». Боялись за его жизнь, так как «по причине своей добродетели» он имел много врагов.

Уговоры народа и сообщение о том, что царем уже провозглашен Федор Иоаннович, его племянник, и что, следовательно, Юрьеву нечего опасаться, не помогли. Требования об освобождении Юрьева звучали все более настойчиво. Бояре уверяли, что Юрьев жив и здоров. «Чернь продолжала громко кричать, ругая вельмож изменниками и ворами». («Вор» в русском языке того времени значил не только «мошенник, злодей», но и «обманщик», «преступник», «враг», «неприятель» и т.д.) Наконец, опасаясь, что будут выломаны ворота Кремля, бояре выслали две-три сотни стрельцов с мушкетами, и стрельба распугала народ. Площадь опустела. Никита Юрьев с двадцатью слугами настоял, чтобы его отпустили домой. Ликуя от «великой радости» видеть Юрьева, народ «большими толпами» проводил его до дому, «где и охраняли его до самого венчания» царя, т.е. до 31 мая. Царь Федор распорядился выслать Бельского в Нижний Новгород. Узнав об этом и увидев всех бояр живыми-здоровыми, толпа разошлась.

По сообщению польского посла Льва Сапеги, во время восстания у стен Кремля погибло 20 человек и до сотни было ранено. В отместку за волнения согласно Новому летописцу Б. Годунов велел «поимать» Ляпуновых, Кикиных и «иных многих детей боярских и многих посадских людей». Их разослали по тюрьмам.

Восстание 1584 г. было сложным и противоречивым. Основной его причиной являлось резкое увеличение феодального гнета в опричные и послеопричные годы. Посадские люди не захотели возвращения к тем временам, надеясь, что «земское» правительство царя Федора примет меры для выхода страны из тяжелого экономического положения. Оно отражало социальные противоречия в московском посаде и одновременно носило совершенно определенную политическую окраску. В ходе его сложился реальный блок посадских элементов и дворянства, имевший целью не допустить возрождения опричных порядков, с одной стороны, а с другой – посажане поддержали представителя бояр, настроенного сходно с ними.

Волнения использовала земская часть для расправы с наиболее активным защитником опричных устоев – Б. Я. Бельским. Годунов, первоначально поддерживавший Бельского, видя, что ему самому грозит опасность, примкнул к боярскому большинству и выдал своего старого союзника. Возможно, именно ему удалось смягчить участь Бельского, сосланного на воеводство в Нижний, но оставшегося по-прежнему оружничим (им он был уже в 1588 г.)[175] и не лишенного своего имущества, в том числе и кремлевского двора. Со своей стороны, и земская знать охотно пошла на компромисс с Б. Годуновым, испугавшись размаха народного движения. Ценой, которую Борис заплатил за этот компромисс, являлась ликвидация обособленного дворового управления, как возможного трамплина к возрождению опричных порядков. Власть царя Федора упрочилась.

План «Кремлена-града» и другие схемы Москвы позволяют выяснить топографию различных этапов движения: Грановитая палата – боярский этап, Ивановская площадь – боярско-дворянский, Площадь – ныне Красная – дворянско-городской. Особенность восстания 1584 г. заключалась в подчинении интересов городских низов боярско-дворянским требованиям, незначительности результатов его (в частности, на положении Бельского оно сказалось лишь отчасти). Восстание, однако, показало и остроту противоречий между городским населением и знатью и продемонстрировало готовность городских низов взяться за оружие, защищая выразителей своих интересов.

Ситуация в городе нормализовалась не сразу. Расправа с Нагими и Бельским, торжественная коронация Федора 31 мая не сняли противоречий в Думе. 10 июля Сапега слышал, будто между боярами возникли «большие споры, которые едва не вылились во взаимное убийство и пролитие крови». Враждующие стороны в Думе продолжали накапливать силы. За 1584–1585 гг. Дума выросла вдвое, прибавилось в ней тринадцать бояр и пять окольничих. При этом восемь бояр и один окольничий принадлежали к годуновской группировке. Это резко изменило соотношение сил в Думе в пользу Годунова.

Положение земской группы боярства осложнилось тяжелой болезнью их главы Н. Р. Романова, внезапно лишив-

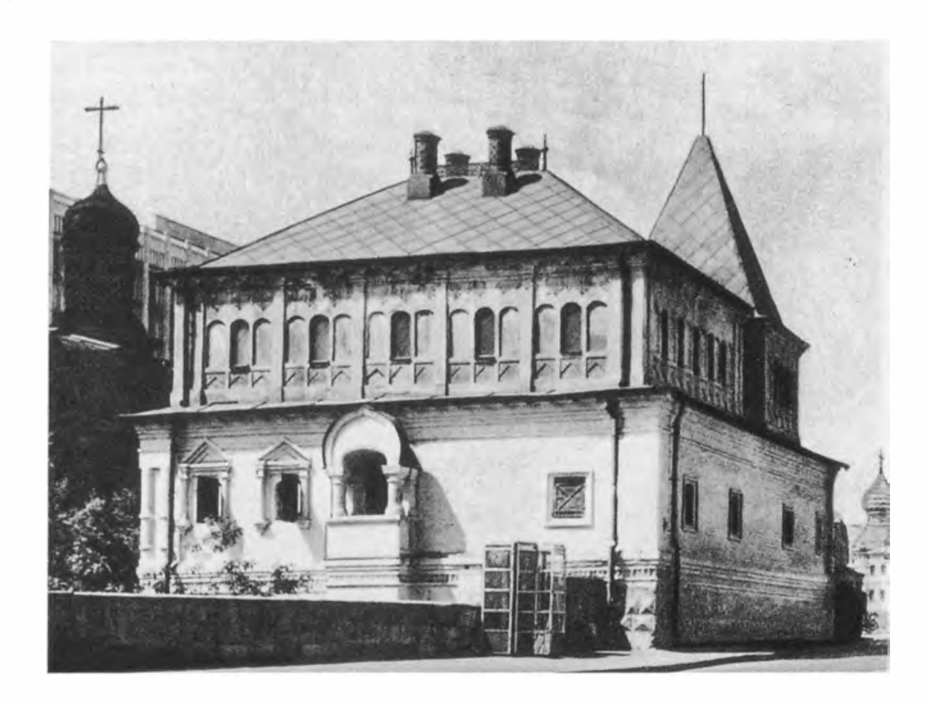
[175] Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Ч.1. М., 1979. С.105.

шегося речи и рассудка. Воспользовавшись этим, Годунов решил нанести удар по земской части Думы. Прежде всего он взял реванш за поражение в деле П. И. Головина, которое он и Бельский потерпели год назад. Петра Головина решено было «за государственную измену Казенного двора казнити смертью». Его привели на площадь, приготовили к битью кнутом, но в последний момент казнь сменили ссылкой в Арзамас, где он и «скончался нужно». Проницательный английский представитель Горсей видел причину опалы в том, что «главный казначей старого царя... человек высокого происхождения и большой храбрости, стал дерзок и неуважителен к Борису Федоровичу».

Затем наступила очередь князя И. Ф. Мстиславского, престарелого главы земских бояр. Годуновская партия, включавшая и бояр, и дьяков, и думных дворян, и многих служилых людей, осилила земскую. И. Ф. Мстиславский в 1584–1585 гг. был пострижен в Кирилло-Белозерском монастыре.

В начале мая 1586 г. в Москве начались новые волнения. Их ход, причины и последствия источники не столько освещают, сколько скрывают. Официальная версия событий изложена в посольских делах. Русским представителям в Речи Посполитой предписано говорить согласно инструкции от 20 января 1587 г., что «земские посадские люди» «поворовали было», вступились не в свое дело, что осадного положения в Кремле не было: «в Кремле городе в осаде сидели и сторожи крепкие учинили... того не бывало: то нехто сказывал негораздо, бездельник: от кого – от мужиков – в осаде сидеть?» Правда, послы вынуждены были подтвердить, что посадские люди, якобы ни в чем не повинные, подверглись казням. В инструкции послам от июня 1587 г. появилось упоминание о Шуйских.

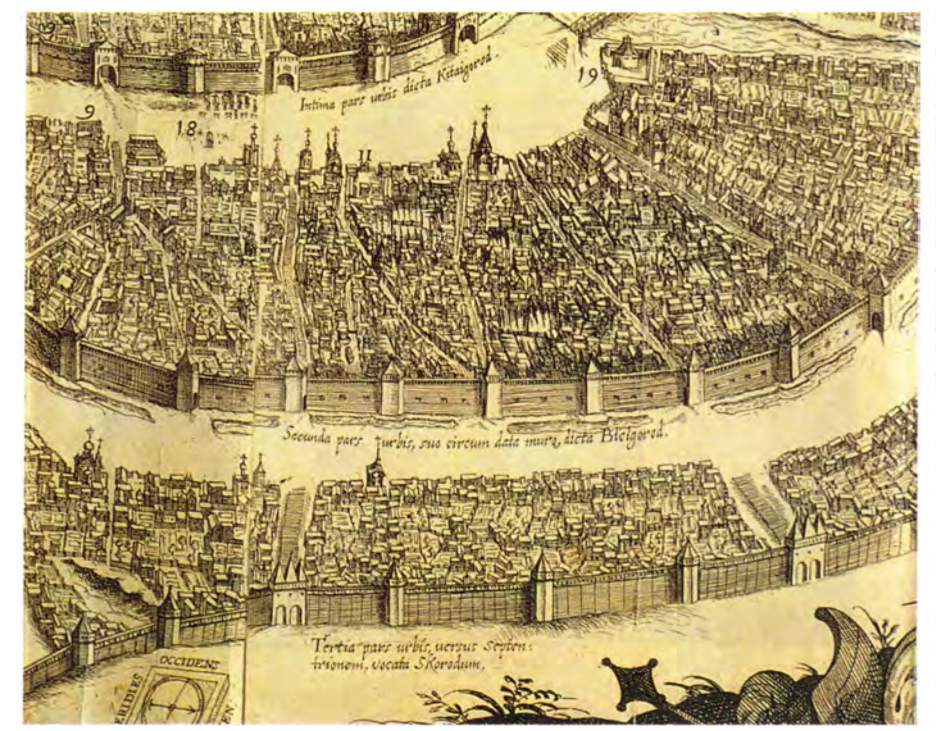
И. П. Шуйский, герой Псковской обороны 1580–1581 гг., пользовался «большим уважением, властью и силой, был главным соперником [Годунова] в правительстве, и его недовольство и величие пугали». Несмотря на «жалование» царя Федора И. П. Шуйскому, его братья во главе с Андреем стали «умышлять лихо с торговыми мужиками». И. П. Шуйский скрыл это от царя, а позднее присоединился к своим братьям. Повести начала XVII в., враждебные Борису, возводят на него вину за происшедшее. В «Повести, како отомсти» именно он «воздвиже ненависть на... князя И. П. Шуйского и на единокровных его братьев». Узнав об этом, множество «всенародного собрания московских людей» решило расправиться с Годуновым. В ход на этот раз пошли камни. Испугавшись, Годунов предложил свою «сердечную любовь» Шуйским. Иван Петрович и Василий Иванович поверили и объявили народу, что не держат гнева на Годунова. Тем дело и кончилось. Но через некоторое время И. П. Шуйского схватили в его вотчине в Суздале и отправили на Белоозеро. Разосланы были и его братья. Многих гостей казнили в Москве, некоторых сослали.

Старый государев двор (дом бояр Романовых). XVI в.

Новый летописец 30-х гг. XVII в. вторит «Повести, како отомсти», он подчеркивает, что гости и черные торговые люди стояли за Шуйских. Враждующие стороны пытался примирить митрополит Дионисий. Выйдя от него в Грановитую палату, где находились многие торговые люди, Шуйский объявил о своем примирении с Годуновым и услышал в ответ: «Помирилися вы есте нашими головами, а вам, Иван Петрович, от Бориса пропасть да и нам погибнуть». Действительно, их схватили той же ночью. Годунов подучил людей Шуйских «довести измену» на них, и в 1586–1587 гг. они были арестованы, а с ними Татевы, Колычевы, А. Быкасов, Урусовы. Пытке подвергли и московских гостей Федора Нагая с товарищами, но они ни в чем не признались. Семь человек московских гостей были казнены в Москве на Площади, другие отправлены в ссылку, как и вся партия Шуйских. Пискаревский летописец к имени Ф. Нагая добавляет Русина Синеуса.

Благожелательный к И. П. Шуйскому, псковский летописец объясняет его опалу властолюбием Бориса, начавшего изводить великие боярские роды. Он сообщает о смерти И. П. Шуйского от сенного дыма 16 ноября 1588 г., заточении митрополита Дионисия и казни московского гостя Голуба. Об участии царских дворян, служилых и приказных людей, гостей и «воинских людей» известно из

Стены Белого и Земляного города. Фрагмент Сигизмундова плана Москвы. 1610 г.

Башня и стена Белого города, Посольский двор (№8) и Конюшенный двор (№18). Фрагмент Сигизмундова плана Москвы. 1610 г.

Сказания о Гришке Отрепьеве: их разослали в Поморье, Сибирь, на Волгу, Терек и в Великую Пермь.

Причину происходивших событий раскрывает Хронограф редакции 1617 г.: в 1585–1586 гг. И. П. Шуйский и митрополит, большие бояре, «вельможи царевы палаты», московские гости и купцы, «укрепишася между собой рукописанием», решили просить царя Федора вступить во второй брак «царского ради чадородия». Борис же дарами отвратил многих от этого решения, а зачинщиков разослал. Петрей сообщал и имя будущей невесты Федора – дочери Ф. И. Мстиславского, самого знатного князя в стране. Борис добился того, чтобы митрополит не разрешил царю развод. Невесту тайно вывезли из дома и постригли в монахини. Немного прибавляют к известному и другие иностранцы. Витебский воевода С. Пац 1 января 1587 г. рассказал драматическую, но не очень достоверную историю о сношениях младшего (по-видимому, Андрея, хотя речь идет о Василии) Шуйского с литовскими панами. Вызванный в Москву, Шуйский оправдался, но поссорился с Годуновыми, и в схватке они ранили друг друга. Затем Шуйский, сговорившись с А. Щелкаловым, напал на двор Годунова в Кремле, защищая который Борис перебил 80 человек нападающих. Пац, видимо, перепутал Андрея с Василием (последний отделался лишь испугом, а князь Андрей был убит).

Развитие событий можно представить следующим образом. Около 5 мая 1586 г. Андрей Иванович Шуйский отказался отправиться на «берег», т.е. на Оку воеводой передового полка, сказавшись больным. Очевидно, он считал это назначение для себя «невместным» – недостойным. Ведь в октябре предшествующего года он был там же воеводой Большого полка. Около 14 мая (дата установлена С. В. Бахрушиным, обратившим внимание на закупку 14 мая 1586 г. старцами кремлевского Чудова монастыря свинца для пуль, когда они сидели «от мужиков в осаде») Кремль оказался в центре волнений. Движущими силами нового восстания в столице на этот раз оказались посадские люди во главе с верхушкой купечества – гостями.

Шуйские намеревались нанести решительный удар по Годуновым, воспользовавшись бездетностью царицы Ирины. Заручившись поддержкой митрополита Дионисия и епископа крутицкого Варлаама, а также верхов московского посада, они обратились с челобитьем к царю – развестись с Ириной и вступить в новый брак «чадородия ради». Прецедент уже был: когда-то Василий III по этой причине развелся с Соломонией Сабуровой, родственницей Годунова. И на этот раз, как и в 1584 г., Борису удалось прекратить волнения. Он воспользовался тем, что феодальная знать (в данном случае Шуйские) испугалась размаха народного движения. Опять боярство забыло свои распри и пошло на мир за счет посадских людей. И. П. Шуйский торжественно объявил о примирении с Годуновыми. Зачинщики же движения из числа московских гостей – Ф. Нагай, Голуб и другие были казнены, другие посадские люди разосланы по тюрьмам и выведены из Москвы.

Пострадал не только московский посад: через некоторое время свели с кафедр митрополита Дионисия и епископа Варлаама. Затем наступила очередь Шуйских. И. П. Шуйский весной 1587 г. официально был обвинен в измене и погиб в ссылке. Василия Ивановича Шуйского отправили в Галич. Опале подверглись союзники Шуйских – П. И. Татев, И. Ф. Крюк Колычев и другие были сосланы. В измене, по-видимому, обвинялись и Ф. В. Шереметев (он постригся в монахи), и думный дворянин М. А. Безднин; И. М. Бутурлина, лишенного звания окольничего, сослали в Ливны.

Волнения 1586 г. по составу участников отличались от волнений 1584 г. В них отчетливее проявляется городской элемент и мало заметна роль дворянства. Участвовала в движении и верхушка церкви, недовольная ущемлением своих владельческих и земельных привилегий. Дворянство же в основном, очевидно, поддерживало Годуновых, политика которых была направлена на удовлетворение их интересов. Это в конце концов и определило победу Бориса в 1586 г.[176]

Победа над Шуйскими не была бы столь результативной, если бы Б. Годунов не сумел заручиться поддержкой романовской группы земских бояр. Уже во время болезни Н. Р. Юрьева Годунов не только не выступал против тяжелобольного, пользовавшегося огромной популярностью боярина в силу присущей ему осторожности, но и опекал его молодых сыновей. Буквально накануне смерти отца боярский титул получил Ф. Н. Романов (к апрелю 1585 г.) – ему в это время было около 30 лет. Кравчим стал его брат Александр. Недаром позднее ходил слух, сообщенный Авраамием Палицыным, о клятве и обещании Бориса «соблюдать» детей Никиты Юрьева. В 1585–1587 гг. на приемах у царя Борис постоянно появлялся в окружении Романовых – Юрьевых (21 июня и 5 сентября 1586 г., 1 октября 1587 г.).

После московских волнений правительство осуществило мероприятия, укреплявшие положение дворянства. Был издан указ о раздаче подмосковных поместий боярам (по 200 четвертей; разумеется, одним их первых оказался Годунов, получивший 212 четвертей 15 июля 1587 г.), стрелецким головам, московским дворянам, стряпчим (по 100 четвертей) и выборным дворянам из городов (по 50 четвертей). Наиболее преданная правительству часть дворянского войска должна была находиться под Москвою и гарантировать невозможность повторения волнений, потрясших столицу в 1584 и 1586 гг. То, чего не удалось довести до конца в 1550 г. по проекту испомещения, т.е. размещения части дворян-«тысячников», было продолжено в конце 80-х гг. XVI в.

Московские волнения также утвердили правительство в мысли обезопасить столицу новой линией крепостных стен. К 80-м гг. стало возможным заняться дальнейшим укреплением столицы. Ведь за пределами Нового города, т.е. Китай-города, оставалась огромная часть посада за Васильевским лугом и все Занеглименье. По линии теперешнего Бульварного кольца первоначально, вероятно в последующее за 1571 г. время, воздвигли вал, а затем в 1585 г.– и каменные стены. На этот раз руководителем строительства выступил русский зодчий Федор Конь. Десятикилометровая стена, «бело-набело выщекатуренная и украшенная множеством (27–30) башен и зубцов», по описанию имперского посла Н. Варкоча, правильным полукругом протянулась от устья Яузы до устья Черторыя. Царев, или Белый город имел 10 ворот: Яузские, Покровские или Кулижские, Фроловские (позднее – Мясницкие), Сретенские, Петровские, Тверские, Никитские, Арбатские, Чертольские (позднее – Пречистенские) и Водяные, выходившие на Москву-реку, о которых напоминают отчасти и названия современных площадей. Были поставлены и дополнительные укрепления у Кремля. На нижней части террасы Кремля поднялись дополнительные стены у самого рва и Москвы-реки. Однако ни стены «Царь-города», ни предстенные укрепления не спасли столицу от новых волнений и даже иностранного вторжения, в ходе которого решающее слово снова сказало торгово-ремесленное население города.

Уроки прошлого не были забыты. В период московских волнений, особенно 1584 г., посадские люди твердо противостояли возвращению к опричным и послеопричным временам террора и обнищания.

Новый политический кризис потряс страну в 1591 г. За убийством царевича Дмитрия в Угличе последовал пожар в Москве – «от Чертольских ворот до Неглинной», вину за который, по слухам, возлагали на Бориса Годунова[177].

Однако 1591 г. обошелся без волнений в Москве, хотя тревогу вызвал приход крымского войска. Летом с южной стороны к городу подошел крымский хан Казы-Гирей и здесь остановился.

В связи с этим к Москве заранее были стянуты войска Ф. И. Мстиславского, вызванные из-под Серпухова. 4 июля крымское войско предприняло нападение у Коломенского. Но в бой вступила русская артиллерия, что решило исход противостояния. В ночь на 5 июля крымский хан спешно покинул лагерь под Москвой, а на следующий день уже переправился за Оку. Расширение укреплений, с одной стороны, а с другой – использование артиллерии помогло отразить последнее нападение крымских та-

[176] *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. С.134–138; *Павлов А.П.* Указ. соч. С. 50, 51.

[177] ПСРЛ. Т.XIV. С.42; *Буссов К.* Указ. соч. С.84.

тар в XVI столетии. После 1591 г. наступила та самая «великая тишина», начало которой летописец отнес еще к 1581 г.

Новым взлетом градостроительства в Москве отмечено последнее десятилетие XVI в. К 1594 г. было закончено строительство «Града деревянного», который включил весь посад и слободы – «от Воронцова Благовещения» до Семчинского сельца и впервые – Замоскворечье и Заяузье у Новоспасского монастыря.

Теперь «окрест всех дальних посадов» вырос «град древян», воздвигнутый семью тысячами каменщиков и строителей всего-навсего за два года и прозванный за скорость Скородомом. «Стена... высокая и красивая, украшенная большими медными орудиями»[178] проходила по линии современного Садового кольца и снабжена была воротами, над которыми, по свидетельству иностранцев и судя по их рисункам, возвышалось по три башенки.

На исходе столетия, в 1599–1600 гг., вдоль Алевизовского рва на Красной площади поднялась еще одна стена, просуществовавшая, впрочем, недолго.

Возобновилось строительство церквей, в том числе и в Кремле. Ивану Великому «прибавили» 12 сажен высоты, позолотили верх и украсили «именем царским» Бориса Годунова.

При Федоре Иоанновиче в 1591 г. «у Архангела на площади» стали сооружать «избы дьячьи каменныя», а в 1594 г. после пожара в Китай-городе – за царский же счет – «лавки каменныя»[179], которые, по свидетельству А. Поссевино, своим великолепием украшали эту часть города.

С еще более грандиозными начинаниями выступил Борис Годунов. В 1598 г., т.е. в год своего официального вступления на престол, он замыслил соорудить церковь «Святая святых» – пантеон православия «в Большом городе Кремля на площади за Иваном Великим». Был приготовлен и камень, и известь, и сваи. Сделан был даже деревянный макет – «образец... по подлиннику, как составляетца «Святая святых», но до осуществления дело не дошло. Не реализовалось и другое «великое» начинание – сооружение золотого гроба Господня. «Неизреченная богатая душевная глубина» осталась лишь замыслом[180]. Однако и сделано было немало. В 1600 г. кремлевские стены по рву, Москве-реке и р. Неглинной (вплоть до Неглименской мельницы) украсились каменными зубцами; в том же стиле в 1602 г. был сооружен каменный мост через р. Неглинную, он соединил Китай-город с Тверской улицей. Под мостом разместилась мельница.

Некоторые технические новшества поражали воображение не только современников, но и последующих поколений. В 1603 г. на Большой Конюшенный двор была «введена вода из Москва-реки... по подземелью великою мудростию», как записал летописец четверть века спустя.

В 1587 г. была слита «пушка большая, таковой еще не было на Руси и в других землях, и имя ей Царь». Через 13 лет ей в пару добавили «большой колокол». Эти колоссы должны были возвеличить московских государей. В 1598 г. было «зделано Лобное место каменно, резано, двери – решетка железные»[181]. Отсюда читались главным образом царские указы. Но скоро это место стало использоваться и с иной целью – устрашать подданных государя.

8. «ВСЕЛЕННЕЙ СВЕТЛОСТЬ»

Москва церковная, митрополичья и патриаршая

Москва была не только светским, но и церковным административным центром страны. Сама же русская церковь находилась под строгим контролем князя и царя. Митрополит избирался великим князем, а посвящался в сан епископами. Дж. Флетчер определенно заявил: «...духовенство как в отношении своих доходов, так и в отношении своей власти и юрисдикции находится совершенно в руках и управлении царя и его думы»[182]. Значительная часть доходов церкви передавалась государю. Во второй половине века особенно велики были суммы ямских и полоняничных денег (т.е. на транспортные расходы и выкуп пленных). Суд по духовным делам как над духовенством, так и над светским населением страны вершил митрополит. Его юрисдикции подлежала область семейного и брачного права. Однако земельные и имущественные отношения регулировала светская власть. С 1551 г. в митрополичьей юрисдикции остались только Симонов, Чудов и Новоспасский монастыри. Настоятель Богоявленского собора митрополит мог судить только в «духовных делах»[183].

Такое положение складывалось постепенно с XIV в. Иосифлянское[184] руководство церкви поддерживало все действия государя, направленные на укрепление авторитета и престижа и при этом, случалось, шло даже на клятвопреступление. Так, митрополит Даниил, обещав «своею душою» неприкосновенность личности последнего новгород-северского и стародубского князя Василия Шемячича, способствовал его «поиманию» Василием III в 1523 г. и вследствие этого присоединению его земель к княжеству всея Руси.

Церковь и в XVI в. прилагала немало усилий, чтобы утвердить в своей пастве идеи законопослушания. В храмах

[178] *Горсей Дж.* Указ. соч. С.159.

[179] ПСРЛ. Т.34. С.196, 197–202.

[180] *Баталов А.* Московское каменное зодчество конца XVI в. Проблемы художественного мышления эпохи. М., 1996. С.268, 269.

[181] ПСРЛ. Т.34. С.202, 203.

[182] *Флетчер Дж.* Указ. соч. С.118.

[183] *Каштанов С.М.* Финансы средневековой Руси. С.133.

[184] Иосифляне – последователи Иосифа Волоцкого (ум. в 1515 г.), игумена Волоколамского монастыря, идеолога воинствующей церкви, шедшей на союз со светской властью и поддерживавшей ее при условии сохранения церковью материальных богатств, в первую очередь земли, и укрепления ее политических позиций в государстве.

в середине XVI в. должны были возносить молитвы о здравии, спасении царя и царицы, умножении лет их «живота» (жизни), о здравии царского брата Георгия и его супруги, наконец, князей и бояр. Верующие просили Бога и о военных успехах царя, что было весьма злободневно в разгар казанских войн: «...о возвышении царской десницы над всеми недругами и врагами, о пособлении и укреплении христолюбивого воинства царя». На последнее место были поставлены пожелания «мирного устроения царства», «благопребывания и устроения земского и тишины». Таким образом, военные победы царя и смиренное спокойствие верующих «обеспечивались» их благочинными молитвами. По-прежнему внедрялись идеи почитания «земного царя»: «...аще кто с земным царем беседует, то со страхом и трепетом предстоит и всем сердцем и умом внемлет от царя глаголемая и не смеет зрети семо и овамо; аще ли остав царя, учнет клевретом своим беседовати, каково негодование от царя на себя привлечет... и от лица царева изгнан будет таковый». В 60-е гг. иноземцы отмечали: «Он один и единственный как глава православной церкви и избранный властелин истинной апостольской веры»[185].

Великий князь, а с 1547 г.– царь со своей стороны прилагал максимум усилий для подъема престижа страны, добиваясь поддержания авторитета церкви. Сопротивляясь попыткам константинопольской патриархии вернуть свою власть над русской церковью, Василий III также прохладно, как и митрополит, принял в Москве посольство из Царьграда – Стамбула в 1518 г., хотя в него входили почтенные представители духовенства, в том числе митрополит.

В конце столетия внук Василия III царь Федор Иоаннович добился превращения московской митрополии в патриаршество. По иронии судьбы первый, кого венчал на царство первый русский патриарх, не происходил из рода Рюриковичей: это был Борис Федорович Годунов.

Митрополичий двор в Кремле находился рядом с великокняжеским дворцом и состоял из нескольких палат. Ко двору примыкали домовые митрополичьи церкви – Ризоположенская (1450) и Соловецких чудотворцев (в 1561–1568 гг. сооружена вместо церкви 12 апостолов). Под непосредственным наблюдением митрополита протекала вся церковная жизнь в Москве.

Митрополит располагал такой же разветвленной системой управления, как и великий князь, и царь. Митрополичьей казной ведал казначей, а хозяйством – дворецкий. В казне действовал казенный дьяк, по совместительству писавший и духовные (завещания) тех людей, которые жертвовали свое имущество митрополиту.

Евангелист Матфей. Миниатюра из Евангелия Благовещенского собора Московского Кремля. 1571 г. ГМЗМК

Бюрократический штат митрополита включал и введенных дьяков и просто дьяков (их число в 1524 г., судя по единственному документу, достигало семи человек). Много было и подьячих, известных с 1492 г. В митрополичьем дворце имелся дворцовый, или дворской дьяк. Кроме него был еще и приказчик. Мартин Власов, митрополичий приказчик, вел земельный архив. Он получил разъезжую на земли в Звенигородском уезде Новинского и Чудова монастырей с поместной землей Ивана Рожнова. У казенных митрополичьих дьяков хватало забот. Ведь в казну главы русской церкви стекались огромные средства из местных церквей. Многочисленные пошлины, которыми облагались священники, поступали именно сюда, в митрополичью казну. Так называемые «ставленые» пошлины, которыми сопровождалось назначение – «поставление» новых священников, церковную дань, казенную, платежную, десятиничьи и венеч-

[185] Стоглав. СПб., 1863. С. 286; *Рогинский М.Г.* Указ. соч. С.33.

Подворье Троицкого монастыря (№ 22) в Кремле. Фрагмент «Кремленаграда». Конец XVI – начало XVII в.

Митрополит Филипп Колычев. Миниатюра. XVII в. ГИМ

ные пошлины следовало платить в Москве. Предоставляя Иосифо-Волоколамскому монастырю церковь Преображения в Дмитровском уезде, митрополит Варлаам в 1512 г. оговаривал обязанности будущего священнослужителя этой церкви: платить его казначею за корм, за данские пошлины, за въезжее и явленую куницу его десятильникам и, наконец, венечные пошлины. К Рождеству Христову в Москву съезжались представители разных епархий с платежами, шедшими митрополиту[186].

В составе митрополичьей администрации имелось еще одно лицо – тиун, наблюдавший за деятельностью приезжих священников. В его пользу шла весьма своеобразная пошлина, которая взималась исключительно в Москве. Поскольку церковный суд осуществлялся в столице, многим священникам из-за обычной судебной волокиты приходилось проводить здесь довольно длительное время и расходовать большие средства на «московскую проесть». Поэтому сложился обычай: иноки и священники, проживавшие временно «на Москве, сходятся на крестец в торгу на Ильинской улице да наймуются у московских священников по многим святым церквам обедни служити, да о том митрополичю тиуну являются и знамя у него емлют и пошлину ему от того дают на месяц по десети денег, овии же по два алтына[187]. А которые, не доложа тиуна, начнут служити, и он на них емлет промыты по 2 рубля»[188].

«Наем» священников на этом «рынке» происходил после тщательного исследования документов. Прихожие священники должны были иметь при себе «ставленые, отпускные и благословенные грамоты», т.е. документы, подтверждающие их право совершать богослужение, законность их пребывания в столице и разрешение местного церковного начальства на продолжение духовной деятельности в другом месте. Поповские старосты проводили экспертизу документов. Отсутствие их или фальсификация лишали священника права подработать в Москве даже в том случае, если он прибыл сюда «за своими делы», а не «за поруками в духовных делах» или «за приставом по кабалам и по срочным в боех и в грабежах», т.е. в качестве подследственного лица.

Московские монастыри, земельные владения которых широко раскинулись по всей территории страны, да и в самой столице, обладали менее разветвленной бюрократией. Они имели в своем штате только казенных дьяков. Так, «данную» грамоту вдовы И. Г. Морозова Огрофены (Агриппины) писал не кто иной, как дьяк Чудова монастыря[189]. Известен и казенный дьяк Новинского монастыря.

Митрополичий двор, подобно великокняжескому, включал многочисленных бояр и дворян. К сожалению, неизвестно, владели ли они собственными вотчинами и поместьями, но о покупке ими земли, по-видимому, для митрополита документы сообщают часто. Как и на великокняжеском дворе, у митрополита были и дети боярские, выполнявшие его отдельные землеустроительные поручения. Сын боярский митрополита

[186] АФЗХ. Ч.I. № 13, 37, 38, 64, 108, 114, 149. Конец XV в. 25 мая 1501 г., 21 сентября 1524 г.; 1526, 1537 гг.; Ч.2. № 56, 361, 407. 1512, 1572 гг. Документ 1512 г. подтвержден в 1516, 1523 и 1539 гг.

[187] Эта «искони вечная тиунская пошлина» так и называлась – «крестец», а в конце XVI в. для ее сбора была поставлена специальная тиунская изба.

[188] Стоглав. С.348.

[189] АФЗХ. Ч.1. № 45; Ч.II. № 276. 1557–1560 гг.

Г. Г. Мануйлов ездил вместе с чудовскими старцами «межю и грань чинити и ямы копати» во Владимирском уезде, где находились владения Чудова монастыря и митрополичьи земли[190].

Митрополичий двор отчасти выполнял обязанности административной власти и по отношению к светским жителям столицы. В случае тяжбы митрополичьих людей Московского уезда с «городцкими, или с становыми, или с волостными ...наместници наши московские и волостели, и их тиуни тех его людей судят, а отца нашего Симонов митрополич приказчик с ними же судит». Судебная пошлина – присуд – в таком случае должна была делиться пополам[191]. Митрополичьему суду доверяли. Головин Обобуров «рядную» – документ, подтверждавший права его дочери Марии на 50 руб., хранил «у митрополичьих бояр в суде»[192].

Единственным лицом, которое могло удостоверить завещание, был митрополит. Поэтому все духовные поступали в его канцелярию и здесь заверялись его подписью. Казна служила архивом высшего церковного иерарха. Вдова И. Г. Морозова Огрофена (Агриппина), передавая по душам мужа и отца с. Сабурово в Горетовом стане Московского уезда, «крепости... у чудотворца Петра на раке положила». Митрополит Макарий «велел взяти в казну и держати тое крепость в сею даною впрок без выкупа». Митрополит же вершил суд и в том случае, когда подлинность духовной подвергалась сомнению, как это случилось с завещанием И. А. Тютчева в 1558–1559 гг.[193]

Наряду с митрополичьим двором существовал еще один центр, значение которого выходило за пределы непосредственно столицы. Это был дом ростовских архиепископов в Дорогомилове над Москвой-рекой, где существовала слобода, названная по храму, находившемуся там,– св. Благовещения. Однако в XVI в. среди них не имелось ни одного, кто бы мог сравниться по значению с Вассианом Рыло, в 1480 г. мужественно призывавшим противостоять нашествию хана Большой орды Ахмата на р. Угре.

К сожалению, относительно первой половины XVI в. с полной определенностью нельзя сказать, как было организовано белое духовенство столицы и как оно финансировалось. Известно, что «церковные деньги отдаются в рост, чтобы за счет роста кормить священника». Эта практика была осуждена и запрещена Стоглавом в 1551 г. Различные пастырские обязанности дополнялись некоторыми светскими. Прежде всего, имеется в виду такое весьма своеобразное средневековое явление, как «поклажа», которая приобрела широкий размах. Отправляясь на войну, а войн в XVI в. хватало, владельцы движимого и недвижимого имущества складывали документы, удостоверявшие их права владения, и деньги в ларчики, которые отдавали на сохранение, как правило, священникам каких-либо московских церквей. Так, землевладелец Волоцкого уезда К. В. Лапшин имел кабал на 118 руб. и 13 руб. денег. «А те деньги и кабалы,– писал он в своей духовной,– лежат на Москве у попа у Якова, что служит на Москве на Сытном дворце». В другом месте сохранялись его земельные документы: «А купчея того сельца и деревни лежит на Москве у попа у Игнатья у борисоглебского у вышняго на Всполье»[194]. Таким образом, священники выполняли обязанности «архивистов», которым доверяли самые важные документы, удостоверявшие права владения на земли. Высоким авторитетом белого духовенства можно объяснить обращение дворян именно к священникам. Разумеется, случались и ошибки в выборе доверенного лица. И споры из-за поклажи в XVII в. были одними из наиболее распространенных.

Митрополит Петр. Успенский собор Московского Кремля. Конец XV – начало XVI в. или около 1519 г. ГМЗМК

[190] АФЗХ. Ч.II. № 46, 161. Ср. № 64–66, 119. 1506–1507 гг. 20-е гг. XVI в.; Ч.III. № 2. 1540 г.

[191] Там же. Ч I. № 70. 1504 г.; Подтверждения 1508, 1512, 1522 гг.

[192] АФЗХ. Ч.II. № 276. 1504 и 1558–1559 гг.

[193] Там же. Ч.I. № 45; Ч.II. № 275. 1557–1559 гг.

[194] Там же. Ч.II. № 204. 1547–1548 гг.

Покров с изображением митрополита Ионы. 1553 г. ГМЗМК

Стоглавый собор принес много перемен в организацию московской церковной жизни. Город был разделен на семь «соборов». Семичастное церковное деление, новость для Москвы, соответствовало подобному же обычаю в Новгороде и Пскове, а если проследить ранее – византийской традиции.

Каждый собор состоял из 100 или около священников – «как число вместит», но не менее 40 священников и 4 дьяконов, поэтому в церковном отношении Москва делилась на «сорока». Собор возглавлял «поповский староста», в помощь которому также выбирали десятских. Наблюдение за священниками осуществляли протопопы кремлевских придворных соборов. Для «общесоборного совокупления», т.е. собрания священников, предписано было построить храм «богоносным отцам вселенских семи соборов». Во исполнение этого решения почти десятилетие спустя после Стоглавого собора поставлен и освящен 18 мая 1561 г. в старинном Даниловом монастыре храм, посвященный отцам семи соборов[195]. Таким образом, новое церковное деление Москвы непосредственно соотносилось с основополагающими решениями семи вселенских соборов и церковной практикой Византии. Почтение к отцам семи вселенских соборов должно было доказать принадлежность России к православной традиции. Мотив семи соборов как основы православия прозвучал и в «послании учительном» константинопольского патриарха Иоасафа в 1561 г.

Однако Даниловский храм, превратившийся в середине XVI в. в «небрегаемо место», остался лишь по названию «семисоборным». Попытка оживить московское предание и превратить родовой монастырь в новый общестоличный церковный центр потерпела неудачу. Политическая актуальность родового предания отступила на задний план перед казанскими победами, храм в честь взятия Казани – Покрова на Рву – и стал таким центром (праздник Покрова Богородицы пришелся на канун штурма Казани). Не случайно в конце XVI – начале XVII в. именно этот храм и называли «Иерусалимом»[196].

В 1594 г. к этим семи соборам добавился еще один – восьмой. Тогда же был установлен порядок обязательной явки старост и десятских «по вся дни» в избу у Покрова на Рву. Разумеется, цель усиления контроля за деятельностью старост и десятских легче могла быть достигнута в центре столицы.

Подворья немосковских монастырей, находившиеся в Москве, служили не только складочными пунктами для монастырских «запасов», но и местом, где совершались многочисленные сделки, в частности, тут оформлялись и вклады московских и немосковских жителей в эти монастыри. Так, С. Тарбеев, передав в Иосифо-Волоколамский монастырь вклад по своем брате, надеялся получить от игумена, келаря и соборного старца документ, удостоверяющий дар – «вкладную». Однако монастырские власти «съехали з города», не выдав ему требуемого акта. С «черной вкладной», т.е. черновиком, ему пришлось отправить своего человека в монастырь.

Некоторые из монастырских подворий находились на самообеспечении. Кирилло-Белозерский монастырь владел одним двором на Тверской улице и вторым – за Москвой-рекой, который имел вспомогательное значение: «...садят капусту да лук да чеснок»[197]. Все выращенное хранилось в амбаре.

Церковь, прочно держась за свои «купли житейские» – земли и привилегии, старательно служила царю и государю. Главной его заботой было международное признание царского титула. В 1556 г., уже после завоевания Казани и Астрахани, было отправлено посольство к вселенским патриархам с целью получить у них согласие на признание царского венчания, произведенного не патриархом, а митрополитом. Ответ оказался малоутешительным. Патриархи предлагали произвести повторное венчание в Москве. Такой вариант не устраивал царя, однако он не оставлял мысли о легитимации своего титула. В конце 50-х гг. Иван Грозный снарядил новое посольство в Константинополь. На этот раз попытка увенчалась успехом. Он получил благословенные грамоты на царство константинопольского патриарха Иосафа[198].

Итак, вселенская церковь признала новый титул царя. А между тем в России продолжали канонизировать собственных святых: в 1578 г.– Антония Сийского и Ефросина Суздальского, Алек-

[195] На середину XVI в. указывают и археологические материалы (*Беляев Л.В.* Указ. соч. С.122, 123.).

[196] *Варкоч Н.* Описание путешествия в Москву с 22 июля 1593 г. М., 1875. С.35; Два сватовства иноземных принцев к русским княжнам в XVII столетии // ЧОИДР. 1867. № 4. Разд. IV. С.11.

[197] *Никольский Н.К.* Указ. соч. Вып.2. С. XXI–XXV, С.128, 129; АФЗХ. Ч.II. № 384. 1588–1591 гг. 31 июля 1559 г.

[198] ПСРЛ. Т.XIII. С.334–339.

сандра Ошевенского, в 1581–1586 гг.– Ефрема Новоторжского, в 1595 г.– Гурия и Варсонофия Казанских, в 1597 г.– Антония Римлянина. Накануне введения патриаршества, в 1588–1589 гг., к лику русских святых был причислен московский юродивый Василий Блаженный. Канонизация новых святых происходила по распоряжению царя. Обоснование причисления того или иного лица к сонму святых звучало так: «Повелением самодержавного государя нашего богомудрого (именно так! – *Авт.*) царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и еже тогда Святейшего вселенского собора... русскиа митрополиа и всего священного собора благословением и уставом уложили праздновати и пети...».

Церковь была заинтересована в поддержке власти в ее борьбе с еретиками и инакомыслящими, а государство – в освящении своей власти над подданными. Акт венчания Ивана IV на царство укрепил этот союз, а процесс против Матвея Башкина упрочил его. Московский дворянин Башкин отвергал официальную церковь, иконопочитание, обряды, критически относился к творениям святых отцов и Священному Писанию, не верил в чудеса. На соборе, созванном в декабре 1553 – январе 1554 г., в посрамление реформатору церкви был предъявлен срочно исцелившийся в храме Николы Гостынского сын боярский, до того «расслабленный руками и ногами». Башкин был осужден как еретик и вскоре погиб по дороге в Волоколамский монастырь.

В правление богомольного, но безвластного первого «самодержца» Федора (1584–1598) роль высших церковных иерархов Российского царства в православном мире несколько увеличилась. Уже в 1586 г. начала созревать идея введения в России патриаршества. В июне 1587 г. в Москву прибыл грек Николай, сообщивший о предварительных переговорах в Константинополе по поводу возможного приезда в Москву иерусалимского патриарха и об основании московской патриархии[199].

13 июля 1588 г. Москва принимала почетного гостя: ее посетил изгнанный турками константинопольский патриарх Иеремия, считавшийся главою православной церкви. Борис Годунов предложил Иеремии стать русским патриархом с местопребыванием во Владимире. Иеремия не возражал против этого предложения, но настаивал, чтобы центром патриархии была Москва. Борис, ссылаясь на невозможность отстранения митрополита Иова, не соглашался. Тогда было решено избрать патриарха из числа русских иерархов. 23 января 1589 г. первым русским патриархом стал митрополит Иов[200].

Посох первого московского митрополита Петра (1308–1326), врученный первому патриарху Великой России Иову, наделил его властью не только над русской, но и вселенской церковью, «над всеми церквами христианского мира, бывшими прежде под властью патриарха константинопольского или сионского»[201]. Повышались в ранге и другие иерархи русской церкви. Отныне в России было четыре митрополита (новгородский, казанский, ростовский и крутицкий) и шесть архиепископов. Введение патриаршества в 1589 г. подняло престиж не только главы русской церкви, но и главы Российского царства. Само это событие произошло в результате «царского величества изволения», как говорилось в грамоте о поставлении патриарха, и его «совета» с греческими и русскими патриархами (указание на «совет» появилось лишь в наказе послам в Речь Посполитую в 1591 г.). Собор в Константинополе признал, что «един сей есть ныне на земле царь великий православный, да недостойно было не учинити воли его», и установил поминание нового патриарха на церковных службах только на пятом месте. В Москве с этим не согласи-

Иов. Миниатюра из Титулярника. 1672 г. РГАДА

[199] *Шпаков А.Я.* Государство и церковь в их взаимоотношениях в Московском государстве от Флорентийской унии до учреждения патриаршества в России. Т.I. Киев, 1904. Приложения. Ч.2. С.45.

[200] *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. С.147.

[201] *Флетчер Дж.* Указ. соч. С.117.

Церковь Вознесения в Коломенском. 1532 г.

Создание Адама и Евы и искушение их сатаной. Деталь пелены «Троица с бытием». 1593 г. ГМЗМК

лись и поминали своего патриарха на том же, третьем месте, которое первоначально с IV в. занимал константинопольский.

Патриарх получил митрополичий двор с церквами Ризоположения и Соловецких чудотворцев, к которым в 1597 г. добавился еще один храм – Трех святителей на патриарших сенех. Все эти сооружения соединялись переходами, ведшими к Большой, Малой и Столовой (Белой) палатам.

Прежним остался и штат патриарха, но митрополичьи бояре и дети боярские, дворцовые дьяки превратились в патриарших. Система церковного управления копировала усложнявшуюся царскую систему. В составе патриаршей администрации возникли приказы – Казенный и Боярский[202], по-видимому выполнявшие функции, аналогичные тем, что были у приказов светского характера – финансового и военно-дворцового ведомств. Таким образом, можно предполагать, что церковное ведомство либо обгоняло, либо шло в ногу со светской властью по пути бюрократизации управления. Взимание многочисленных церковных пошлин было изменено и упорядочено. Это отчетливо видно на примерах пошлин, связанных с заключением брака. Основной здесь была «венечная пошлина» – плата за совершение таинства брака. Запись этого акта в особой книге сопровождалась взиманием «пищей» пошлины, а удостоверение документа, по-видимому выдаваемого на руки вступавшим в брак лицам,– взиманием еще одной – «печатной» пошлины (за удостоверение документа печатью). Еще в 70-е гг. существовала должность митрополичьего печатника. Записи имен жениха и невесты, вероятно, и размеры взятых пошлин в таком же кратком виде, в каком регистрировались позднее все документы в Печатном приказе, заносились в особые книги, которые вместе с церковной данью препровождались в Москву. Такая же процедура сопровождала обряд похорон и взимание похоронных денег, равно как и оформление завещаний[203]. К сожалению, все эти книги погибли, и историки лишены возможности узнать бесценные подробности о жизни Москвы и страны, о ее населении.

9. ДУХ, РИТМ И СТИЛЬ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ

Без ветра
дерево не шумит,
без мысли человек не живет.
Словарь Тонниса Фенне. 1607 г.

Основная масса горожан искренне верила в Бога. «Правда да вера светлей солнца»,– говорили в XVI в. Верующие по-прежнему не подвергали сомнениям ни чудеса русских святых, ни возможность загробной жизни. Ремесленники и купцы, бояре и дворяне передавали церквам и монастырям значительные по тем временам суммы денег или недвижимое имущество на вечное поминовение по своим душам и душам своих близких. От одного только В. С. Степанова должно было достаться 10 руб. Михайлову Чюду (Чудовскому монастырю в Кремле), соборам Пречистой и Архангела – по 5 руб., Вознесенскому монастырю и церкви Николы Гостунского – по 4 руб. Однако авторитет Троице-Сергиева и Макарьевского Калязина монастыря Степанов ставил выше, чем кремлевских храмов и монастырей,– он пожертвовал им по 20 руб.

Кресты и иконы, подобно языческим оберегам, должны были охранять верующего и его имущество, а ссылка на Бога – служить доказательством честности. Последнее особенно характерно для купечества. В. С. Степанов в завещании неоднократно призывает в свидетели Бога: «Не виноват никому ни в чем – на то истиной Бог свидетель, что есми никому не виноват ни в чем»[204].

Вера определяла отношение населения столицы к самым различным событиям и явлениям, в том числе к собственному городу. Москва для ее православных жителей – это «Божье жилище и град одушевленный царя Христа Бога нашего»[205].

Глубокая религиозность была типична и для тех людей, которые определяли судьбы столичного города и страны.

Христианские представления становились иногда даже лейтмотивом политической и внешнеполитической деятельности, как это случилось с Сильвестром – благовещенским священником, провозгласившим в 1549 г., что война за «имя» (титул) царя «от Бога о гресе сумнительна», или с И. П. Федоровым, пренебрегшим инструкциями царя Ивана IV и в качестве ливонского наместника осмелившимся заключить перемирие с «единоверческим» Литовским княжеством в 1562 г. Позднее это дорого обошлось обоим – Сильвестра удалили в Кириллов монастырь, а Федорова лишили жизни.

Великокняжеская и царская власть прилагала немало усилий для упрочения религиозного мироощущения и мировоззрения москвичей. Освобожденная от необходимости уплаты ордынской дани, она щедро финансировала обширное церковное строительство в Москве. При Василии III в 1508 г. Бон Фрязин поставил церковь-колокольню Ивана Великого. В начале XVI в. Алевиз Новый воздвиг в Кремле и на посадах Москвы 12 новых храмов. Сохранился один из них – церковь Петра митрополита в Высокопетровском монастыре и нижние ярусы

[202] АФЗХ. Ч.III. № 24, 36, 45. 1594, 1599 гг.

[203] АИ. Т.1. № 199; АФЗХ. Ч.II. № 408. 3 января 1577 г. Февраль 1601 г.

[204] АФЗХ. Ч.II. № 352. С.392.

[205] Так гласила стихира «Вострубите трубою песней», созданная на основе старых образцов XI–XII вв. (стихиры Николаю Мирликийскому) и варианта конца XV – начала XVI в. (стихир Дмитрию Солунскому, Стефану Сурожскому, Александру Свирскому); *Серегина Н.Е.* ПКНО. 1984 г. М., 1986.

[206] ПСРЛ. Т.XIII. С.2.

двух – в церкви Владимира в Старых Садах и соборе Симонова монастыря, с килевидными порталами и сноповидными капителями. В Старом Симонове существует и характерный для зданий первой половины XVI в. пояс терракотовых плиток. Архитектура во многих этих храмах явно отражает итальянское влияние. На пропорциях колокольни Ивана Великого и декоративных элементах, выполненных из белого камня на фоне красного кирпича, сказывается воздействие архитектуры итальянского Возрождения, но его формы обнаруживают близость к романо-готическому зодчеству Северной Италии XIII–XV вв. Определенные итальянские мотивы чувствуются и в остатках церкви Успения 1516 г. на Крутицком подворье сарайских и подонских владык. Наряду с этим созидались здания и в чисто русской традиции, преимущественно в монастырях, которые не обошел подъем градостроительной активности в столице. Собор Рождественского монастыря имел образцом собор Спасо-Андроникова монастыря, сооруженный столетие назад.

В монастырях начали строить большие каменные трапезные – двух- и трехэтажные, с обширными залами наверху для монастырской братии и нищих, а также для приема великих князей, с кухней и кладовыми на первом этаже, с хранилищами для овощей в углубленных подклетах и погребах. Печи (благодаря сложной системе каналов-калориферов) служили не только для выпечки хлеба и приготовления кушаний, но и обогревали все здание. Сводчатые залы, в частности, трапезной Спасо-Андроникова монастыря, сооруженные в 1508 г., производят впечатление монументальных не только благодаря обширным размерам, но и тому, что свод поддерживает единственный столб посередине.

В 30–60-х гг. XVI в. церковное строительство в столице несколько замерло. Великие князья стали уделять больше внимания окрестным селам, служившим загородными резиденциями Василия III и Ивана IV. В своем любимом Коломенском в 1532 г. Василий III поставил церковь Вознесения в честь рождения долгожданного сына. Это первое каменное шатровое сооружение. «Вельми чюдна высотою и красотою и светлостию: такова же не бывала прежде сего в Руси»[206], – писал о нем летописец. Храм возвышается на крутом берегу Москвы-реки, стоит подобно свече и по мере приближения к нему со стороны поймы постепенно вырастает из-за холма. Такое впечатление свечи или обелиска создается из-за конструкции храма. Центральный его объем – шестерик, к которому примыкают своеобразные притворы с тремя рядами килевидных кокошников, завершается высоким шатром с белокаменной ромбовидной сеткой. Все устремлено

Архангельский собор Московского Кремля. Архитектор Алевиз Фрязин. 1505–1508 гг.

Церковь Сергия в Кремле. 1565 г. Миниатюра из рукописной «Книги об избрании на царство царя Михаила Федоровича». 1672 г. ГМЗМК

Храм Василия Блаженного. 1555–1561 гг.

Церковь Иоанна Предтечи в с. Дьякове. 60-е гг. XVI в.

ввысь: шатер и изломы орнаментов. Творчески претворив традиции готического искусства и архитектуры Возрождения, архитектор, вполне возможно итальянец Петрок Малый, создал храм удивительной чистоты и совершенства.

Второй мемориал времен Ивана Грозного – собор Василия Блаженного увековечил победу над Казанью. Он поставлен в 1555–1561 гг. на месте деревянной Покровской церкви 1553 г. Постником Бармой. Храм состоит из девяти отдельных сооружений на высоких подклетах. Каждый из них посвящен святым, в праздники которых происходили либо важные для самого Грозного события, либо поворотные моменты казанской эпопеи. Так появился придел Варлаама Хутынского в память об отце – в монашестве Варлааме; центральный храм Покрова в честь рождения сына, пришедшегося на праздник Покрова Богородицы. Собор был назван первоначально Троицким в честь Троицы, празднование которой совпало с днем освящения Казани. Девятый придел был присоединен к храму в конце XVI в. после канонизации Василия Блаженного. В народной памяти именно это оказалось решающим, и собор с течением времени утратил все иные наименования. Необычный по композиции и формам, храм поражает асимметричностью и живописностью, изобилием причудливых деталей, устремленных кверху «стрел» восьмериков башнеобразных приделов, горизонтальных карнизов и поясков на самых разнообразных уровнях. Собор Василия Блаженного – образ небесного Иерусалима, символ Божественного домостроительства – послужил толчком к созданию многопридельных храмов в Старице и Соловецком монастыре.

В селе Дьякове близ Коломенского в 60-е гг. XVI в. появился другой архитектурный памятник, именинная церковь Грозного – храм Иоанна Предтечи, достойный царского венчания (в это время Иван Грозный предпринимал усилия для утверждения этого акта константинопольским патриархом). Центральный столпообразный объем окружен четырьмя приделами, которые своим внешним видом напоминают башни. Усугубляет сходство храма со своеобразной крепостью звонница, которая, подобно стене, соединяет с западной стороны два придела. Мощное, но несколько тяжеловесное сооружение, отвечавшее духу опричнины, тем не менее повторило конструктивные особенности собора Василия Блаженного.

Сооружением храма Иоанна Предтечи в Дьякове завершился цикл мемориальной церковной архитектуры XVI в. в Москве. Позднее, вплоть до конца столетия, сколько-нибудь значительного строительства в столице не заметно. Правда, в Кремле в 1565 г. была поставлена церковь св. Сергия.

Идея преемственности власти московских князей от владимиро-киевских и от византийских императоров наглядно воплощается во фресках Благовещенского собора, созданных дружиной художников после пожара 1547 г. На столбах и стенах изображены император Константин Великий и его мать Елена, император Михаил и императрицы Феодора и Ирина, киевские князья – Владимир и Ольга, Борис и Глеб, Михаил Черниговский и, наконец, Александр Невский, Иван Калита, Дмитрий Донской и Василий I. Они соседствуют со святыми покровителями русских земель.

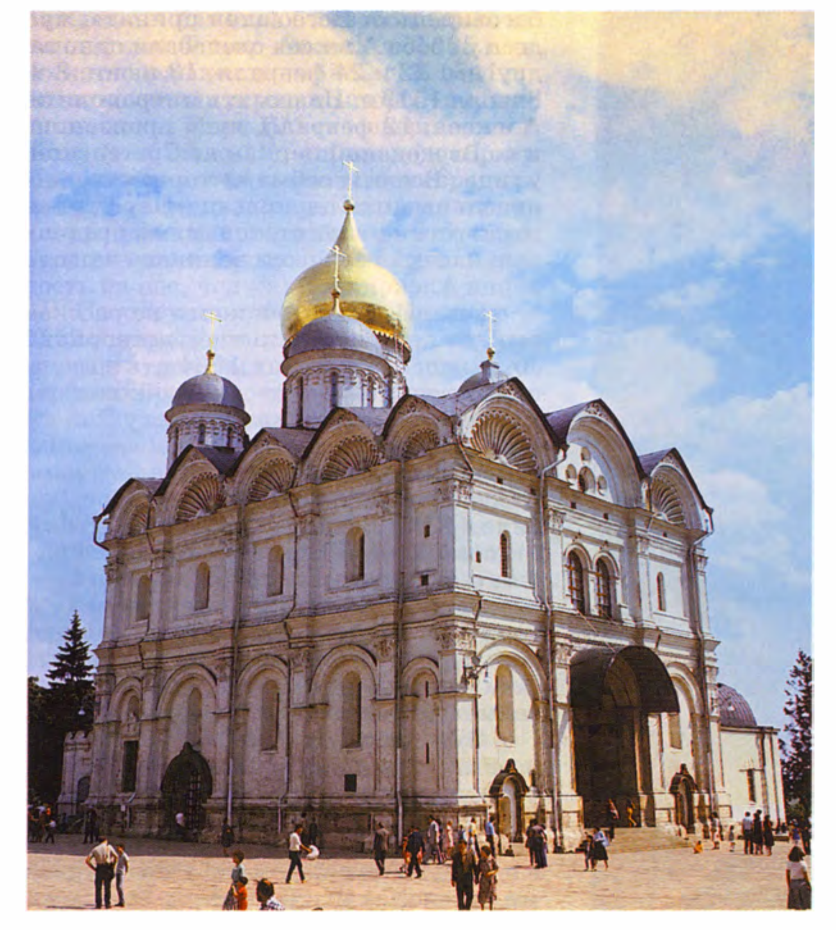
Росписи алтаря исполнены разными мастерами: «Преломление хлеба апостолом Петром», «Тайная вечеря», «Сошествие во ад» – одним, росписи дьяконника – другим, апокалиптические сцены на западной стене – третьим неизвестным художником. По колориту, декоративности и изяществу фрески напоминают знаменитые росписи Дионисия в Ферапонтовом монастыре.

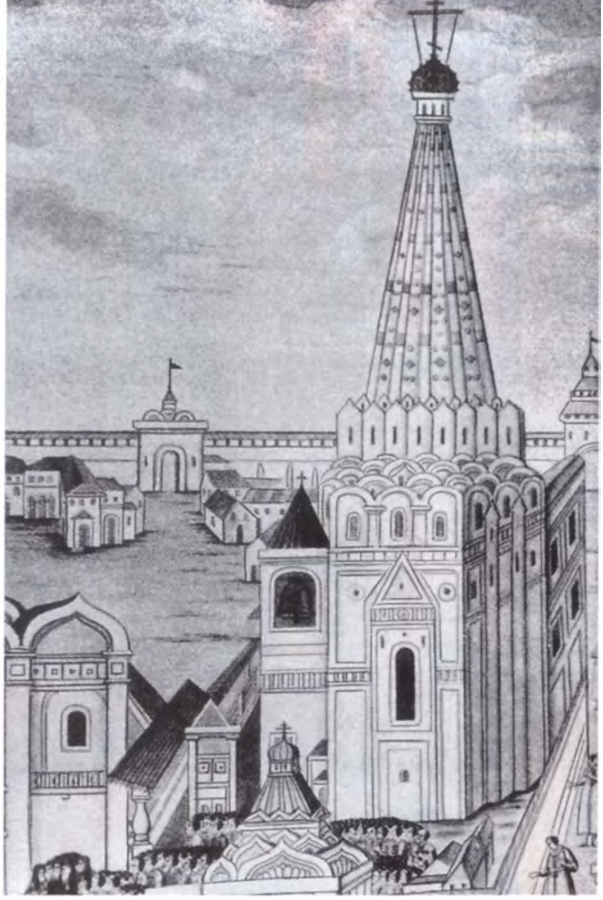
Создание парных икон двух «светильников духа» и «князей церкви», которым принадлежала исключительная роль не только в ее истории, но и в истории страны,– митрополитов Петра и Алексея имеет политическую подоплеку. Историки искусства спорили и до сих пор спорят о времени их написания, относя их то к концу XV в., то к началу XVI в., то к периоду пребывания в Москве константинопольского посольства, состоявшего из митрополита Зихны Григория, представителя патриарха Феолипта, проигумена Пантелеймонова Русского монастыря Саввы и старца Исайи из Ксиропотамского монастыря 40 мучеников севастийских на Святой горе. Митрополиту и великому князю было тогда чрезвычайно важно доказать независимость русской церкви от константинопольской патриархии и наличие собственных московских святых и чудотворцев, небесных покровителей столицы[207]. Пронизанные светом и радостью, иконы представляют образы отрешенных мудрецов, исполненных глубоким внутренним достоинством. Музыкальность композиции и яркая гамма мажорных тонов придают иконам необычайно праздничный вид[208].

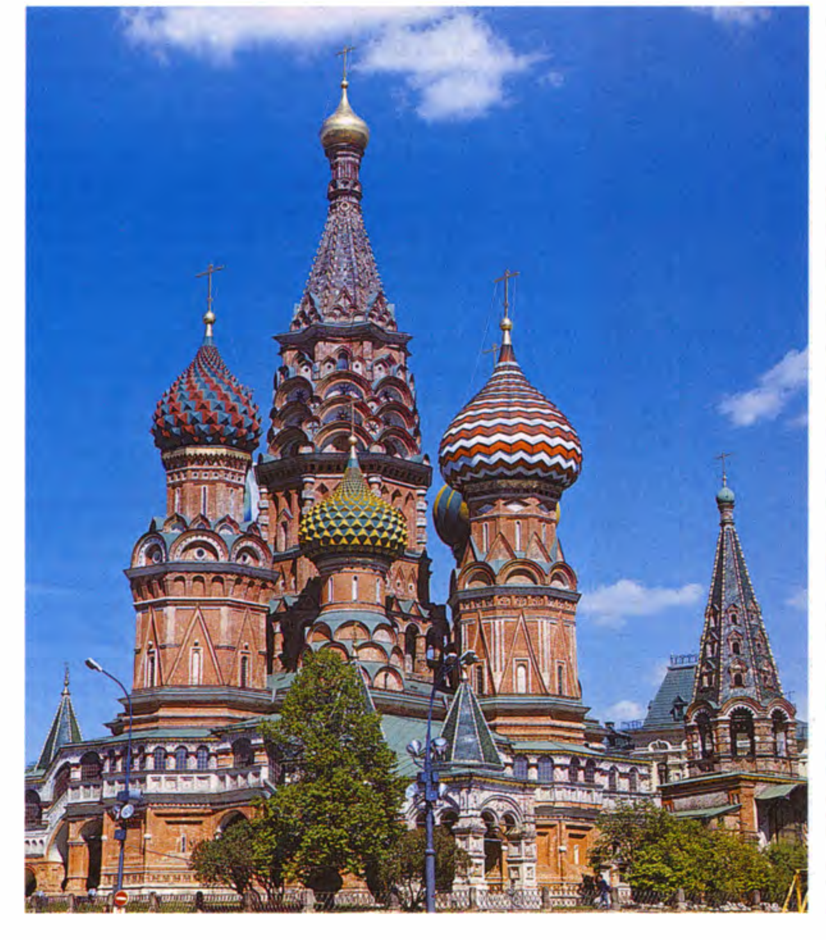
В период церковно-политической борьбы первой четверти XVI в. особенно много народа собиралось в Чудовом монастыре, куда толпы верующих приводила весть о все новых и новых чудесах от святых мощей митрополита Алексея, которого Василий III назвал «вторым (по-видимому, после митрополита Петра.– *Авт.*) источником благодатным во граде нашем Москве, творящая нам дивная чудеса». По случаю посещения Чудова монастыря старцем Климентом и митрополитом Григорием – делегацией «от Синайской горы, иде же Моисей

[207] *Герберштейн С.* Указ. соч. С.133.

[208] См. наиболее фундаментальную работу о московских иконах: *Смирнова Э.С.* Московские иконы XIV–XVII вв. Л., 1992.

Фрагмент росписи Благовещенского собора Московского Кремля. 1547–1551 гг.

О тебе радуется. Фреска. Школа Дионисия. Успенский собор Московского Кремля. Конец XV – начало XVI в.

боговидець от Бога закон принят», чудеса у гроба Алексея следовали одно за другим: 12 и 24 февраля, 13 июня, 3 и 8 июля 1519 г. На память митрополита Алексея, 12 февраля, чудо произошло и во Введенской церкви на Сретенской улице. Все эти события торжественно праздновались церковью: «Народи же московстии мнози стекошася на предивные чюдеса святаго и великаго чюдотворца Алексия».

Позднее летописи почти не рассказывают о московских чудотворцах. Лишь под 23 февраля 1534 г. занесена скупая запись о чудесах от иконы св. Варвары в ее храме «за Торгом у Паньского двора». Сохранились и предания о самозажжении свечей у гробов Дмитрия Донского и его жены Евдокии при Василии III[209]. Вероятно, и эти «события» относятся к 1519 г., когда усилия церкви и великого князя объединились в утверждении самостоятельности церкви и идеи святости великих князей, равных московским святителям-чудотворцам. Тогда же особенно часто проходили массовые церковные шествия.

В сознании москвичей XVI в. их город был осенен покровительством Богородицы, а конкретней – ее иконы – Владимирской Богоматери. В 1518–1519 гг. была создана новая икона Богородицы с евангельскими сценами и святителями на полях[210]. В 1518 г., во время пребывания патриаршей делегации, в Москву для поновления прибыли иконы из Владимира: греческая икона Вседержителя и икона Боголюбской Богоматери.

Иконы встречали «на поле за посады», а в «посаде» у Сретенского монастыря – сам митрополит Варлаам «с соборы» при огромном стечении народа. Их установили в Успенском соборе. Иконы поновлял и «строил» Варлаам в своих палатах, а едва делегация патриарха и старцев 11 сентября 1519 г. покинула Москву, как через четыре дня, 15 сентября, в присутствии «всих народов славного града Москвы» владимирские иконы отправили на родину. Василий III сопровождал торжественную процессию «за Андрониково», т.е. за Андрониковский монастырь. По возвращении он устроил «пир велий», на котором присутствовала церковная и светская знать: митрополит, епископы, архимандриты, с одной стороны, князья, бояре – с другой. В тот же день «милостыню священникам и нищим доволну повеле дати на весь град»[211]. На посаде в честь такого знаменательного события воздвигли новую церковь – Сретения и провожения.

В 1521 г. Владимирской иконе приписывалась заслуга избавления от нападения Мухаммед-Гирея. Ее почитание началось ранее. Так, две службы этой иконе, 26 августа и 23 июня, были уч-

[209] ПСРЛ. Т.XIII. С.33, 80, 111; *Забелин И.Е.* История Москвы. Т.1. М., 1892. С.281. Прим.

[210] *Смирнова Э.С.* Указ. соч. № 163.

[211] ПСРЛ. Т.XIII. С.30, 35, 36.

[212] Там же. Т.29. М., 1965. С.135, 136, 209.

рождены в память об освобождении от нашествия Темир-Аксака в 1395 г. и Ахмата Ордынского в 1480 г. В 1541 г., когда возникла угроза со стороны крымского хана, Иван IV, «несовершен еще лета» (ему было 11), «припаде к образу Пречистые... помиловала еси прадеда нашего великого князя Василия от нахождения поганых от безбожного царя Темир-Аксака, тако и ныне пошли милость на нас, чад их».

По случаю победы над Казанью в 1552 г. царя и его воинство ждал «у Сретения митрополит со кресты и с чюдотворным образы и с самым Богоматерним образом, иже прогна безбожного Темир-Аксака», к которому царь в Успенском соборе «припадает любезно... и многи молитвы благодарны со слезами изрече»[212].

В 50-е и последующие годы сложился новый тип иконы на текст молитвы Богородицы из литургии Иоанна Златоуста «Достойно есть». Здесь в четырех фрагментах изображена Богородица на престоле (дважды), в рост с младенцем (типа Знамение) и в окружении небесных сфер и бесплотных небесных сил. В конце же 50-х гг. было создано и «Сказание об иконе Владимирской Богоматери», передававшее идею покровительства Богоматери и «богоизбранности» Русской земли и ее столицы – Москвы[213].

В 1571 г., когда крымский хан Девлет-Гирей подошел к Москве и почти всю ее сжег, кроме Кремля, царь и царевич Иван 23 июня присутствовали на службе Владимирской иконе в Новгороде[214]. В конце XVI в. получил распространение новый тип Владимирской иконы – с клеймами, воспроизведенный в конце XVI в. «государевым иконописцем» Истомой Савиным по заказу Никиты Григорьевича Строганова, для которого тема борьбы с «погаными» в эпоху завоевания Сибири представляла особую актуальность[215].

В 50-е гг. XVI в. огромное внимание уделялось храмовым сооружениям, посвященным Богородице или темам, связанным с ее культом.

В галерее Благовещенского собора, расписанной после пожара 1547 г., находится серия фигурных изображений московских князей от Даниила Александровича до Василия III, а также «эллинских мудрецов» (Аристотеля, Гомера, Вергилия и др.), наряженных в фантастические костюмы с русскими деталями (либо рубашка и штаны, либо русская шапка). На свитках, которые они держат в руках, помещены библейские изречения о троичности и единстве Бога, призывы к послушанию, смирению, угрозы вольнодумцам («Беду приемлет всяк выше испытуемый о Бозе, еже не подобает»). Здесь расположены композиции «Троица», «О тебе радуется», выполненные чрезвычайно живописно: нарядность колорита создается сочетанием голубца и золотистой охры[216].

Смоленский собор Новодевичьего монастыря, памятник русской военной славы, был расписан в последние годы правления Бориса Годунова. Апокрифическое житие Богородицы (в основном моление престарелых Иоакима и Анны о «чуде») представлено в 17 сценах. В фресках Смоленского собора преобладают «все начальники небесных сил»: архангелы Михаил и Гавриил, святые воины, в том числе и русские (Всеволод-Гавриил Псковский, Михаил Тверской, Михаил Черниговский, Андрей Боголюбский и др.), и покровительница города – Богоматерь Одигитрия – ранее главная святыня Смоленска. Под ее полуфигурой – Покров Богородицы в композиции, которая воспроизводит легенду о защите Богородицей Византии от врагов в X в. Автор или заказчик фресок Смоленского собора не обошел вниманием и «главного виновника» присоединения Смолен-

Богоматерь Владимирская Умиление. Успенский собор Московского Кремля. 1514 г. или 1518/19 г.

[213] *Сорокатый В.М.* Некоторые надгробные иконостасы Архангельского собора // Древнерусское искусство. М., 1977; *Гребенюк В.П.* Лицевое «Сказание об иконе Владимирской Богоматери» // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972.

[214] ПСРЛ. Т.III. М., 1841. С.165.

[215] *Каменская Е.С.* Исторический сюжет в клеймах иконы «Владимирская Богоматерь» Истомы Савина // Третьяковская галерея. Т.I. М., 1956.

[216] Благовещенский собор Московского Кремля. М., 1985.

ска – Василия III. Роспись собора относиться к 1598 г., о чем витиевато повествует длинная надпись этого года, где, впрочем, Борис Годунов назван только великим князем, а не царем. По стилю смоленская стенопись несколько отличается от благовещенской. В ней преобладает дух парадности, торжественности и официальности. Однако, как и в благовещенские фрески, во фрески Смоленского собора проникали реалии русской жизни. Язык художников многословен. Стиль не возвышен, а предельно материализован. Художники пытаются овеществить, сделать зримым буквально все, даже догматические понятия и символы.

Присоединение новых городов и земель к Русскому государству и Российскому царству в XVI в. сопровождалось канонизацией святых и увеличением свода икон, особо почитавшихся в Москве. «...Московские князья без церемоний перевозили важнейшие святыни в новую столицу. Сделавшись главой национальной церкви, московский государь уже систематически начал собирать национальную святыню»,– писал в очерках по истории русской культуры П. Н. Милюков[217].

Тотчас по присоединении Смоленска к числу особо почитаемых икон добавились Спас Смоленский и Богоматерь Смоленская. В 1531 и 1540 гг. пришла очередь ржевских святынь. В 1531 г. из Ржева прибыли иконы великомученицы Параскевы Пятницы и преподобной Прасковьи. Обе иконы подверглись реставрации. С них были сделаны копии, которые поставили в Новинском монастыре. 27 ноября 1531 г. произошло освящение икон, в связи с чем «устави великий государь (подчеркиваем: государь, а не митрополит.– *Авт.*) по вся лета ходити со кресты по храму их ноября 27 и праздновати честно». Традицию отца продолжил Иван IV. В январе 1540 г. десятилетний великий князь с братом во главе огромной процессии «и з бояры и с всем народом» встречали иконы из Ржева – Одигитрии и Николы на поле (т.е. в клеймах) и «Крест честный». В честь этого события был также возведен храм Богородицы около Введенского митрополичьего монастыря[218].

Все эти иконы происходят из западных русских городов, тех самых, которые были в составе Великого княжества Литовского и из-за обладания которыми шла долгая, почти вековая борьба. Смоленск вошел в его состав в 1403 г., а Ржев находился в совместном владении Московского и Литовского княжеств на протяжении XV–XVI вв. Ориентируясь на православное население соседнего государства, составлявшее его подавляющее большинство, русское правительство вело войны против Литовского княжества под лозунгом защиты православия.

Включение смоленских и ржевских святынь в состав наиболее чтимых икон Русского государства имело не только политическое значение. Оно обогащало столичную культуру, знакомя москвичей

[217] *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч.II. СПб., 1902. С.29, 30.

[218] ПСРЛ. Т.XIII. С.14, 58, 99, 131; Т.34. С.173.

Благословенно воинство. Фрагмент. Конец 40-х – начало 50-х гг. XVI в. ГТГ

Достойно есть. Храмовая икона Преображенского собора Соловецкого монастыря. 1550–1560-е гг. Успенский собор Московского Кремля

«Четырехчастная» икона. Благовещенский собор Московского Кремля. 1551 г.

с культурными традициями других русских земель.

После пожара 1547 г. в Москве были собраны иконы из Новгорода и Пскова, оттуда же пригласили иконописцев, чтобы восстановить, хотя бы по численности, тот свод икон, которым располагали кремлевские соборы до этого. В 1555 г. в Москву был доставлен из Вятки образ Николы Чудотворца Великорецкого. Образ встречал царь, вероятно, вместе с церковными иерархами, «на Симанове». По его распоряжению икону установили в Успенском соборе «против места царьского». По обыкновению был изготовлен и список. Одна из икон вернулась на родину[219].

Продолжая традицию Ивана Грозного собирать в столице наиболее почитаемые иконы, Борис Годунов в 1598 г. доставил в Москву Троицу Андрея Рублева. Здесь икона была снабжена новым окладом – золотым и с драгоценными камнями, а список с нее, одетый в старый оклад, отправили в Троицу.

Однако в Москве не только воспроизводились высокочтимые древние иконы из различных городов. По приказу Макария и Сильвестра псковские мастера написали ряд икон: «Распятие в притчах», «Четырехчастную» (в XVI в. она называлась «Четыре праздника», что, впрочем, не точно). Эти сравнительно большие иконы были установлены в Благовещенском соборе и рассчитаны на искушенного в богословии верующего, в качестве которого мог, разумеется, выступать и сам царь. Детали их многое говорили подготовленному молельщику: история человечества – от сотворения мира до будущего рая, прообразом которого могло служить и Российское царство (как это представлено на «Четырехчастной»),– дополнялась историей Спасителя (на клеймах «Распятия»).

Следование библейским и евангельским текстам отнюдь не лишало эти иконы новаций, которые явились предметом рассмотрения на соборе 1554 г. Он в основном был посвящен осуждению еретиков – Матвея Башкина, Артемия и др. Однако именно иконы стали предметом критики дьяка Посольского приказа И. М. Висковатого. Он подал на собор челобитную, в которой обращал внимание на изображение Христа в виде воина-победителя в рыцарских доспехах с наполовину вынутым мечом, на композицию Предвечного Совета, где в соответствии с католической, а не православной традицией Троица изображалась в виде Саваофа, испускающего Святой Дух на распятого Христа, тело которого было закрыто двумя крылами. Но Макарий доказал членам собора каноничность этих двух изображений. Дьяк был посрамлен и поставлен на место. «Не разроняй списков»,– услышал он насмеш-

[219] ПСРЛ. Т.34. С.189.

ливый совет митрополита, лишившего его временно причастия. Для Макария победа над пытливым, наблюдательным и самостоятельно мыслившим и смелым дьяком была необходима. На этой иконе в сцене «Приидите, людие, трисоставному божеству поклонимся» впервые изображались сам митрополит Макарий и две коронованные особы. Каноничность изображения реальных людей на иконе уже перед Стоглавым собором 1551 г. ставилась под сомнение самим царем, хотя ему была созвучна трактовка Христа в виде воина, поскольку в период казанской войны создание воинского культа оказалось крайне насущным.

Символом царствования Грозного, да и роли церкви в то время стала икона «Благословенно воинство небесного царя» («Церковь воинствующая»), созданная в начале 50-х гг. в условиях войны против Казанского ханства. Вытянутое многофигурное полотно напоминает аналогичные европейские гравюры-панорамы. Православное воинство, предводительствуемое самим архангелом Михаилом, в рядах которого находятся и знаменитые русские князья, движется от горящей крепости к небесному Иерусалиму. Эта панорама всемирной и русской истории (от битвы византийского императора Константина с его противником Максенцием до взятия Казани) ставит победы Грозного в один ряд с всемирно-историческими деяниями знаменитого византийского императора.

Вслед за архангелом Михаилом к Небесному граду, где на престоле восседает Богородица с младенцем Христом, устремились три вереницы воинов. В среднем ряду с огромным алым стягом изображен, вероятно, Иван Грозный, в центре композиции среднего ряда в царском венце и с крестом в руках – либо император Константин, либо Владимир Мономах, а за ним – Владимир Святой с сыновьями Борисом и Глебом. Во главе верхней колонны воинов изображен Дмитрий Донской со своим небесным покровителем Дмитрием Солунским, нижнюю колонну возглавляют Александр Невский и Георгий Победоносец. В образах и композициях иконы, стоявшей в Успенском соборе рядом с Царским местом, были воплощены основные идеи того времени: и грядущее блаженство мучеников – воинов, пострадавших за Русскую землю, и торжество православия (в особенности применительно к взятию Казани), и заступничество Богоматери, и, наконец, что было важно для царя, его апофеоз. А будущих воинов икона призывала к новым ратным подвигам: «Хотя мученики и родились на земле, но сумели достичь ангельского достоинства, ибо не заботились о своем земном теле и благодаря своим страданиям удостоились чести, которой удостаиваются бесплотные небесные существа»[220].

Идея осмысления места России в мировой истории лежала в основе Лицевого летописного свода – серии иллюстрированных миниатюрами томов (из них сохранилось лишь десять), где излагалась история человечества до Ивана IV. Во всей серии основное место занимали миниатюры размером почти в лист, текстовое сопровождение было весьма кратким. Иллюстраторы пытались воспроизвести каждое слово летописи. Композиции многопланововы, многолюдны, но однообразны и крайне условны. Художественный стиль миниатюр Лицевого свода, как и жития Николы Чудотворца второй половины XVI в., выдает знакомство авторов с европейской гравюрой того времени. Миниатюры же так называемой Царственной книги о правлении Ивана IV подвергались скрупулезному и пристрастному редактированию, книга осталась незавершенной. Эти произведения представляют интерес не столько весьма относительными художественными достоинствами, сколько своей направленностью – утверждением идеи единодержавия, представлений о преемственности и исконности власти русских государей. Они яснее, чем какой-либо другой вид изобразительного искусства, демонстрируют логику его использования в государственных целях.

В иконах более позднего грозненского времени есть особое направление. Тусклые тона, порой даже мрачные, выдержанные в оливковой, зеленой и плотной охристой гамме, страдальческие лики, «искаженные какой-то внутренней мукой»[221], не только напоминали об иконах XIV в., времени тяжкого для Руси ига, но были созвучны и трагизму нового жестокого века, века угнетения собственным царем-батюшкой. Эти иконы рассчитаны не на внутреннее соприкосновение с божественными истинами и святыми подвижниками, не на погружение в мир надежды на освобождение духа в райских кущах, а на устрашение и внушение верующему мысли о грозной силе непознаваемого мира, о величии земной власти, облеченной Божьей милостью. Трепетная проникновенность и ликующая радость икон предшествующего времени сменилась рациональным воспроизведением в жесткой схематической формуле небесного мира.

Наряду с этими иконами создавались другие, и более традиционные, и более примитивные. После пожара 1547 г. резко возрос спрос на иконы, причем писали их не только мастера, но и «любители». Стоглавый собор постановил «говорити государю о иконописцах, чтобы на Москве и по всем градом немастерское письмо в рядех иконы собирати и допытыватися тех иконописцев и впредь им не велети икон писати, дондеже не научатся у добрых мастеров».

Богоматерь Одигитрия (с надписью «Тихвинская»). 1-я треть XVI в. ЦМИАР

[220] Октоих, сиречь осмогласник. М., 1898. С.27; *Антонова В.И., Мнева Н.Е.* Каталог древнерусской живописи XI – начала XVIII в. // Государственная Третьяковская галерея. Т.2. М., 1963. С.131. Трактовка Н.Е. Мневой и идентификация всадников с конкретными историческими личностями в настоящее время оспаривается.

[221] *Смирнова Э.С.* Указ. соч. С.41.

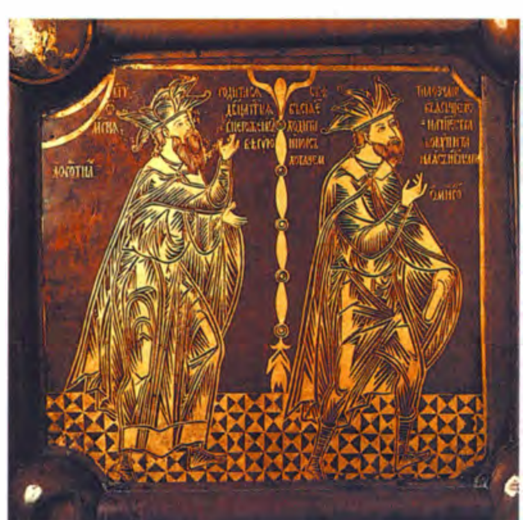
*Апокалипсис.
Борьба пророка Илии
с антихристом.
Благовещенский собор
Московского Кремля.
Фреска западного
трансепта.
1547–1551 гг.*

*Афродиан и Гомер.
Северные двери
Благовещенского собора
Московского Кремля.
Деталь.
Середина XVI в.*

*Царевич Дмитрий
и Роман Угличский.
Мастер Прокопий Чирин.
Строгановская школа.
1-я половина XVII в.
ГРМ*

*Собор Донского
монастыря.
1592 г.*

Предполагая, что «немастерское письмо» наносило ущерб правоверию и, вероятно, не в меньшей степени мастерам иконописцам, Стоглав предусматривал жестокие кары за нарушение этого запрета: «Аще которые не престанут от такового дела, таковые царскою грозою накажутся»[222]. В качестве пособий для иконописцев распространялись «лицевые подлинники» – сборники описаний святых и правил их изображения.

Стремясь к сохранению церковной монополии на создание новых икон и прежней традиции (так называемые «подлинники» служили образцами для изображения отдельных святых и целых композиций), Стоглав защищал интересы не только рядовых иконников в монастырях, но и высших церковных иерархов. Ведь почти при каждом митрополите существовала собственная иконописная мастерская – и при Варлааме, и при Макарии.

По-видимому, в конце XVI в. и при царском дворце в Кремле действовала такая мастерская. К этому выводу приводит сообщение о вкладе царя Бориса в Новодевичий монастырь. 31 октября 1603 г. царь Борис Годунов распорядился передать туда на память по царице Ирине Федоровне, в иночестве Александре, 73 окладных образа, 99 образов «на золоте», 22 образа на «красках» – всего 194 образа. Среди них были представлены святые всей России: ярославские чудотворцы – Федор, Давыд и Константин, псковские – «стоячие» Гавриил и Тимофей («Во облаце Троица»), Алексей Чудотворец, «Сергиево виденье», Варлаам Хутынский («Во облаце Спас»), Кирилл Белозерский, а также изображенные на одной доске Никола Чудотворец и Евфимий Новгородский («Во облаце Спас») и многие другие[223]. Большинство, если не все иконы, новые. Изображения Спаса, Троицы и др. в верхней части икон стали распространяться в иконописи лишь в самом конце XVI в. При этом состав святых строго соответствует тому своду, который был принят собором 1547 г. Среди икон представлены святые из всех земель России. Таким образом, мастерская строго придерживалась в этом отношении официальных взглядов. Большое количество икон (в особенности много «Сергиева виденья» – 19 образов «на красках» и «на золоте») заставляет думать об их массовом производстве. Видимо, в Кремле конца века работала иконописная мастерская, прообраз той, что действовала при Оружейной палате в XVII в. В ее создании немалую роль могла сыграть и личность последнего из Рюриковичей на русском престоле – богобоязненного и боголюбивого царя Федора.

Именно при нем и сложилась школа, условно именуемая строгановской. Изысканность и декоративность небольших икон с тщательно выписанными деталями, тончайшим орнаментом, покрывающим одежды святых, с золотыми и серебряными линиями фигур – все это напоминает скорее книжную графику, родня иконы строгановской школы с ювелирными изделиями. Впоследствии эти иконы с выхолощенными, но внешне красивыми образами, хрупкими и неземными («Никита воин» Прокопия Чирина, 1593 г.), на прозрачных архитектурных и пейзажных фонах («Чудо Феодора Тирона» Никифора Савина, начало XVII в.), сделались особо почитаемыми старообрядцами. Мир райской мечты, противостоящей действительности, находил у них отклик на протяжении XVII–XIX вв.

В то же время строгановская школа с ее подчеркнутой молитвенностью явилась реакцией на политизированное иконописание времени Грозного. Не отказавшись от аналогий и аллюзий, столь лег-

[222] Стоглав. С.375.

[223] ИАМНМ. С.81–85.

[224] *Подобедова О.И.* Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972.

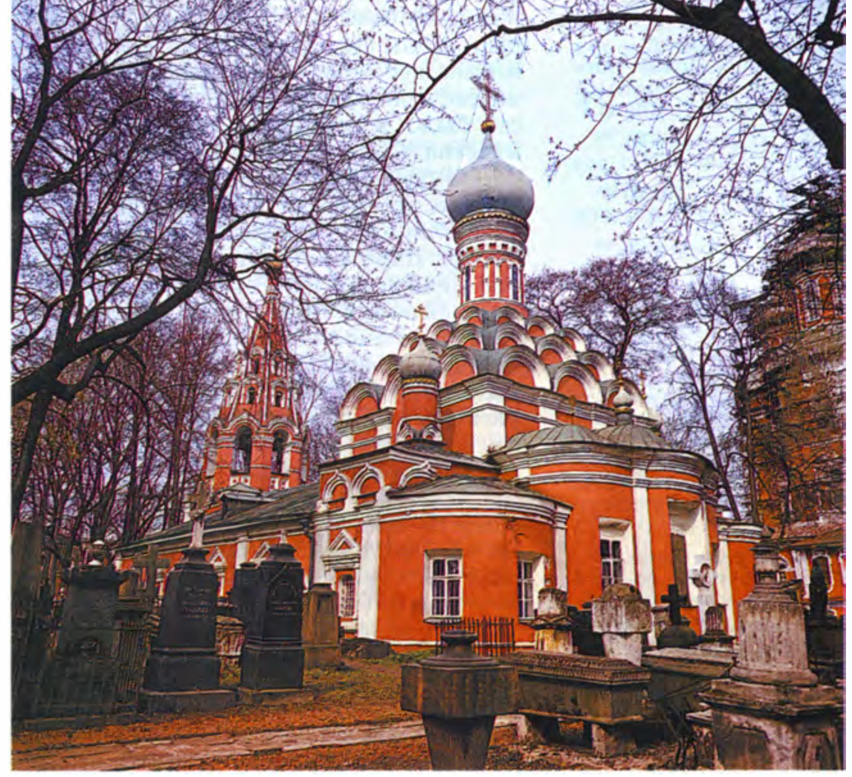
ко читаемых в «Четырехчастной» и в «Благословенно воинство», строгановская школа вернулась к созданию образов, предназначенных для частных молелен, домашних часовен, т.е. для интимного общения с Богом.

Трафаретом в XVII в. стали и фрески Архангельского собора, усыпальницы русских князей и царей XVI в. Череда великих и удельных князей, представленных подобно святым с непокрытыми головами и в нимбах, в этом храме почти вытеснила святых: соименные князьям святые помещены лишь в медальонах. Подчеркивается идея православия этих князей. Свод и почти вся западная стена занята «Символом веры» с центральным изображением «Силы царя небесного». О живописных достоинствах (преобладают глухие цвета – зелень и охра) можно судить по фрескам дьяконника и композициям над гробницей Ивана IV, сохранившимся нетронутыми. Все остальные переписаны в XVII в.

До этого речь шла о храмовых росписях. Но при Грозном одна из дворцовых палат была украшена фресками, по которым и названа Золотой. Ее разобрали в 1672 г., но перед этим Симон Ушаков подробно описал изображения на стенах и сводах палаты. Стенопись 1547–1552 гг. палаты, служившей официальным местом приема иностранных послов, представляла историю Руси, начиная с «Выбора веры князем Владимиром», «Низвержения идолов», за которыми следовали «Бракосочетание Владимира с византийской царевной Анной», «Венчание Владимира Мономаховым венцом». Воинские подвиги царя Ивана IV были представлены в аллегорической форме: сценами битв и побед библейского героя Иисуса Навина и израильского судьи Гедеона. Современники, судя по «Розыску по делу дьяка Висковатого» и «Жалобнице» благовещенского попа Сильвестра, видели в этих сценах прямую аналогию взятия Казани. Наряду с композициями с политическими аллюзиями в росписи присутствуют и другие, свидетельствующие о богословской и естественно-научной эрудиции создателей фресок,– это изображения времен года, явлений природы, философских представлений о мироздании и человеческих добродетелях и пороках («Целомудрие», «Разум», «Безумие», «Неправда» и др.)[224].

Строительство церквей возобновилось в конце XVI в. В 1598 г. была воздвигнута церковь Троицы в Хорошеве, селе Бориса Годунова. Характер архитектуры, тщательность отделки обрамления икон и глав, пилястр и трех ярусов кокошников выдает руку замечательного мастера. Использовав введенный уже в начале XVI в. прием крещатых сводов, архитектор освободил внутреннее пространство храма от столбов, достигнув

Обучение Андрея грамоте. Миниатюра из Жития Антония Сийского. XVII в. ГИМ

Гравюра и лист с заставкой из Апостола Ивана Федорова. 1564 г.

эффекта большого простора внутри церкви.

Гармония форм отличает и другую церковь 1593 г.– собор Донского монастыря, основанного как оборонительное сооружение в 1591 г. после набега на Москву крымского хана Казы-Гирея. Здесь, как и в Троице-Хорошевской церкви, пирамида кокошников, поднимающихся к главе, завершает храм. Небольшая, усадебная по характеру церковь послужила образцом для приходской архитектуры послесмутного времени. Эти новые формы архитектуры полностью разрывали с предшествующими традициями, когда вплоть до конца XVI в. служение великокняжеской и царской власти было лейтмотивом московского искусства. Обратимся ли мы к архитектуре, монументальной или станковой живописи, гравюре или миниатюре – везде отчетливо прослеживается именно эта линия. Даже ритм создания новых произведений, его интенсивность или временный застой обусловливались внешне- или внутриполитическими событиями. В зависимости от воли государя поднимали свои купола к небу новые храмы, расписывались фресками или украшались новыми иконами старые и вновь воздвигнутые церкви.

Одновременно упрочивалась религиозность городского населения, буквально на каждом шагу знакомившегося с христианской культурой, жившего в условиях христианской цивилизации.

Несомненный прогресс в овладении культурной традицией православия связан с распространением грамотности. С рубежа XV–XVI вв. «писала» (заостренные инструменты из кости или металла) вдруг исчезают, но зато при раскопках на территории Москвы начинают попадаться керамические чернильницы, пеналы для перьев, портативные чернильные приборы (в XVII в.– часто бронзовые). Это указывает сразу и на распространение бумаги (взамен бересты и дорогого пергамена), и на усвоение большинством населения навыков письма и чтения. В то же время резко возрастает эпиграфический материал – появляются надписи на бытовых предметах (граффити на бочках, кувшинах и др.), на личных печатках, надгробных плитах и пр. «Руку приложил» – так завершается почти каждый документ, будь то завещание, данная, купчая или решение Земского собора. Как правило, участники сделки (мужчины и женщины) сами подписывали акты. На Земском соборе только двое – И. В. Шереметев Меньшой и Иван Чеботов не сделали этого, потому что «грамоте не умеют». Продавцы земель иногда собственноручно писали документы на сделки. Правда, чаще всего, даже владея грамотой, они обращались к профессиональным писцам (монастырским слугам, подьячим и т.д.). И. Ю. Грязной умел писать: «...по сей даной яз, Иван, очину свою дал и руку приложил», равно как и его жена Соломонида. Она писала с характерным московским аканьем: «По сей духовнай меня, Саламаниды Иванавай жены Юрьевича Грязного ото князи Андреевай княгини Петровича от Тялятевски Аксиньи деньги дали»[225]. И тем не менее оба пользовались услугами писцов, вероятно, полагаясь на их опыт составления официальных бумаг.

Обучение грамоте начиналось довольно рано: в пять-шесть лет либо под руководством священников (как изобра-

[225] СГГД. Ч.1. С.556; АФЗХ/АМСМ. № 184, 195.

жено в Лицевом житии Сергия Радонежского), либо в семье. Читали Псалтырь, с середины XVI в.– Апостол, летописи (по А. Поссевино – «хроники»). В Москве детей знати учили греческому, с середины столетия изредка – латыни, немецкому и польскому. Среди государевых людей значились толмачи, активно участвовавшие в дипломатических переговорах, ведшихся в Москве. В 40-е гг. известно имя Севастьяна Аврамова, в 80-е гг. польский язык знал дьяк А. Щелкалов, латынью владел В. И. Зюзин и выходцы из Речи Посполитой – Я. Заборовский, Я. Буховецкий, Х. Кайевский[226]. По свидетельству итальянского купца Дж. Тедальди, в 50–60-е гг. в Москве некоторые русские умели говорить по-черкесски (что немудрено, принимая во внимание второй брак Ивана IV на Марии Черкасской, вместе с которой ко двору приехало много ее родственников) и по-итальянски. «Несколько русских, будучи рабами, служили в турецкой армии на галерах вместе с пленными итальянцами и научились у них очень хорошо итальянскому языку»[227].

На протяжении XVI в. произошло внедрение в московскую лексику многих иностранных слов, прежде всего тюркских. Они проскальзывают и в речи главы государства, и в языке летописца. В 1536 г. великая княгиня Елена Васильевна «карашевалась» (здоровалась) с Фатьмой-салтан, женой хана Шигалея, шестилетний Иван IV приветствовал ее тюркским «Табуг-салам»[228]. В дипломатических документах встречается очень много полонизмов.

Книги, переписанные в монастырях и дома, покупали на торгу. К XVI в. относится формирование не только существовавших ранее монастырских и церковных библиотек, но и частных. Имелась книгохранительница в Симоновом монастыре, известно имя одного из книгохранителей в 1542–1544 гг.– Арсений. Обширным собранием книг владел Успенский собор Московского Кремля, первая опись которого 1621 г. включала 107 книг[229]. Вероятно, до Смутного времени, когда пострадала библиотека, книг было еще больше. В библиотеке Ивана Грозного по преданию были представлены не только русские рукописные книги, но и польские, немецкие, греческие книги и рукописи.

Сохранились сведения относительно библиотеки знаменитого книголюба, одного из наиболее просвещенных и образованных людей XVI в.– благовещенского священника Сильвестра. Судить о ней можно лишь по составу различных монастырских книгохранительниц. Шесть книг (Псалтырь, Евангелие, Толкование на псалтырь Брунона в переводе 1535 г., сделанном для митрополита Макария Дм. Герасимовым, Толкование на Евангелие Марка и Матфея, Толкование на Евангелие Луки и Златоструй) попали в 1552 г. и позднее в Соловецкий монастырь. В Чудовом монастыре оказались Беседы Максима Грека на Евангелие Иоанна, в 1555–1556 гг. в Александровской пустыни – Октоих. Часть книг Сильвестра из государевой казны перекочевала в Кириллов монастырь, в том числе «Книга Зерцало, государьское дание, попа Селиверста Благовещенского, во иноцех Спиридона и сына его Анфима»[230].

В монастыре оказалось еще восемь русских книг, помеченных как «селиверстовские»: тома Четьих Миней, Апостол, Евангелие апракос, «Маргарит» Златоуста, «Лествица» с Дорофеем, Федор Студит, Иисус Навин, «Просветитель» Иосифа Волоцкого. Греческая Псалтырь «селиверъстовская» Кириллова монастыря, как явствует из смытой надписи «Малахии, иеромонаха и наместника Владимира Верхней России Московской», принадлежала архимандриту Нижегородского Благовещенского и Царево-Константиновского митрополичьих монастырей в 1399–1446 гг. Остается неясным, каким образом из митрополичьей библиотеки она попала в руки Сильвестра.

Всего же в Кирилловом монастыре имелось более 20 книг Сильвестра и Анфима. Можно думать, что отец с сыном организовали книгописную мастерскую, снабжавшую и казну. Иван IV жертвовал книги «благовещенского попа Селивестра и сына его» юго-славянским монастырям (в частности, Толковую Псалтырь Феодорита Кипрского в феврале 1554 г. – январе 1557 г.– Афонскому Хиландарскому монастырю). Мастерская могла действовать и после переселения Сильвестра в Кириллов монастырь, куда Анфим из Москвы присылал ему и более ранние книги, в частности сборник с «Лествицей» Иоанна Лествичника конца XV – начала XVI в.[231]

Итак, Сильвестр предстает перед нами увлеченным собирателем рукописных книг и организатором книгописной мастерской. Последнее особенно примечательно в связи с тем, что в основном книгописанием занимались в монастырях и при митрополите, где в 20–30-е гг. была создана Никоновская летопись.

При множестве центров книгописания, разумеется, не обходилось без опечаток. «Божественные книги... писцы не правят... описи (ошибки.– *Авт.*) к описи прибывает»,– сетовал Стоглавый собор. В 1551 г. он поставил задачу унификации, проверки и даже цензуры текстов богослужебных книг. Предусматривалась обязательная процедура сверки переписанной рукописной книги, «а не правив, бы книг не продавали... А кто у него (писца.– *Авт.*) неисправлену книгу купит, и вы бы тем... возбраняли с великим запрещением... А впредь таковыи обличены будут продавец и купец...». Вскоре появились сложности с

[226] ВКТСМ. Л. 926 об.; *Поссевино А.* Указ. соч. С.25, 28, 49, 65; *Маскевич А.* Дневник // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч.II. СПб., 1859. С.67.

[227] *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С.133, 134.

[228] ПСРЛ. Т.XIII. С.102, 104, 178, 429.

[229] *Никольский Н.К.* Рукописная книжность древнерусских библиотек XI–XVII вв. Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей. Вып.1. СПб., 1915; АФЗХ/АМСМ. № 76; Описи Московского Успенского собора от начала XVII в. по 1701 г. включительно // РИБ. Т.3. СПб., 1876. № 5. Стб. 337.

[230] *Зимин А.А.* Иван Семенович Пересветов и его современники. М.; Л., 1959. С.59.

[231] *Там же.* С.58; *Синицына Н.В.* Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Вып.1. М., 1972. С.286–317.

Книжный знак Ивана Федорова

обеспечением церковной литературой вновь присоединенного Казанского ханства, в котором активно проводилась христианизация. Книги, приобретенные на торжищах, страдали обычными дефектами, лишь некоторые оказались вполне «потребни», «прочие же вси растлени от преписующих ненаученых сущих и неискусных в разуме», как гласило послесловие к первопечатному Апостолу 1564 г.

Однако Апостол на самом деле не был первой книгой, напечатанной в Москве. Ему предшествовала серия так называемых безвыходных (т.е. не имевших указаний на место и время) изданий, которые условно относят к 1553–1565 гг. Это узко-, средне- и широкошрифтные Четвероевангелия, Триодь цветная и постная, средне- и широкошрифтные Псалтыри. В поисках издателя, пожелавшего остаться неизвестным, мысль исследователей обращалась к разным лицам. Наиболее достоверная гипотеза приписывает честь первопечатания Сильвестру и его сыну Анфиму. Вероятно, эта первая книгопечатня действовала с санкции царя, роль которого позднее старательно подчеркивалась первопечатниками в послесловии к Апостолу 1564 г. В оформлении названных книг, равно как и Апостола Ивана Федорова, отчетливо прослеживается влияние немецко-нидерландской графики, в частности «Алфавита» И. ван Мекенема. Варианты орнаментов Мекенема присутствуют в большинстве этих изданий, равно как и буквицы «Миссала» 1490 г., напечатанного И. Баптистой де Сесса, послужившие образцом для орнамента Псалтыри 1568 г. Никифора Тарасиева и Невежи Тимофеева.

Пути проникновения европейской орнаментики были долгими и многообразными. Так, в Четвероевангелии 1507 г. Феодосия, сына Дионисия, есть заставка с тонкотравным орнаментом, повторяющая узор миниатюр «Слов Григория Богослова» и соответствующая рисунку большого Апостола 40-х гг. Четвероевангелие Исаака Бирева 1531 г., повторяя некоторые орнаменты Феодосия 1507 г., вводит и мотивы из «Алфавита» И. ван Мекенема. Новый мотив из того же «Алфавита» прозвучал в Апостоле 40-х гг. из Троицкой библиотеки. Встречаются и случаи применения балканского стиля орнаментики (в Триоди цветной).

1 марта 1564 г. вышла в свет первая датированная московская печатная книга – Апостол, за ней через полтора года, 29 октября 1565 г., последовала вторая – Часовник (сборник повседневных молитв). Обе книги имели сообщение о роли «Николы чюдотворца Гостуньского дьякона Ивана Федорова да Петра Тимофеева Мстиславца». В послесловии к Апостолу говорится, что «начаша изыскивати мастеръства печатных книгъ, в лето 61, осмыя тысяши, въ 30-е лето государьства его. Благоверный же царь повеле устроити домъ от своея царския казны...». В приведенных датах имеется противоречие: 7061 год – это период с 1 сентября 1552 г. по 31 августа 1553 г. А 30-й год царствования Ивана IV приходится на 1563 г. Существует много версий объяснения этого несовпадения. Наиболее вероятным представляется, что в первом случае дается ссылка на начало печатания безвыходных книг, а во втором – на создание специального здания «типографии»[232].

Преемники традиций 50-х гг. И. Федоров и П. Тимофеев так же широко, как и их предшественники, использовали опыт европейских граверов. Рамка фронтисписа Апостола восходит к гравюре Эргарда Шена, помещенной дважды в двух изданиях – Ветхом Завете издателя Фридриха Пейпуса 1519 г. и чешской Библии, опубликованной в 1540 г. в Нюрнберге на средства А. Кобергера. И. Федоров и П. Тимофеев воспользовались и предшествующими вариантами букв из «Алфавита» И. ван Мекенема в Апостоле 40-х гг. Орнаменты творчески переработаны в заставках Апостола, и именно они стали основой так называемого старопечатного стиля, получившего широкое распространение в России

[232] *Немировский Е.Л.* Начало книгопечатания в России. М., 1964. С.263, 284, 285.

второй половины XVI в., в изданиях Андроника Тимофеева Невежи 70–90-х гг. XVI в.

К сожалению, нельзя сказать, каковы тиражи первых печатных книг, как восприняло русское общество – столь традиционалистское по своему характеру – это нововведение. У первых названных по именам типографов возникли какие-то трудности. «Благое во зло превратити, божие дело вконец погубити» хотел не сам государь, но «многие начальники: и священноначальники, и учителя», как писал И. Федоров в 1574 г. В результате И. Федоров и П. Мстиславец после 1565 г. покинули Москву. Книгопечатание, однако, продолжалось сначала в Александровой слободе, а затем снова в Москве, куда в 1586 г. перебрался из Литвы Анисим Михайлович Радишевский, а в 1589 г.– Андроник Тимофеев Невежа из Александровой слободы. Он в 1589 г. выпустил Триодь, а в 1597 г.– Апостол.

Термин «Печатный двор» (вместо «дома... идеже печатному делу строитися» 1564 г. или «штанбы, сиречь печатных дела» 1565 г.) вошел в употребление с 1588 г. Типография размещалась у Китайгородской стены, где позднее находилась Синодальная типография (ныне – Историко-архивный институт на Никольской улице). Ее приходской церковью была церковь Святых жен мироносиц, что «на Никольском крестце, у Печатного двора» (1657).

Организация книгопечатания в столице стала возможной благодаря тому, что уже в предшествующее время Москва являлась крупнейшим центром культуры России, поддерживавшим широкие международные связи. Начало книгопечатания закрепило ведущую роль столицы, содействуя распространению грамотности и христианства, одновременно поставив заслон разномыслию по религиозным вопросам. Книги московской печати проникали во многие районы страны: на север, на северо-запад и на запад. Возможно, в западные районы они попадали из Литвы, куда Иван Федоров и Петр Мстиславец вместе с оборудованием могли вывезти и часть тиража, не разошедшегося в Москве.

Несмотря на широкое распространение грамотности, науки, в том числе и естественные, развивались сравнительно медленно. Услугами профессиональных врачей – «мастеров» – пользовались только великие князья и цари. При их дворах постоянно находились и русские (в частности, лекарица Ульяна, жена Константина), и иноземные доктора: Николай Булев у Василия III, а также голландец Иоганн Эйлер и Роберт Якоби (Роман Елизарьев), печальной памяти Елисей Бомелий у Ивана IV. Борис Годунов, весьма заботившийся о своем здоровье, содержал шесть врачей (двух из Любека, одного из Риги, одного из Кенигсберга, одного из Венгрии, одного из Праги), получавших поместья с 30 или 40 крестьянами, весьма солидное годовое жалованье (200 руб.), ежемесячные кормы, 60 возов дров, по 4 бочки медов и пива, порцию уксуса и водки. Кроме того, они имели по нескольку лошадей: особые кони выделялись для поездок во дворец и в аптеку, одни – для саней, две лошади для кареты жены (чтобы ездить на богослужение) и рабочая лошадь для перевозки воды[233]. В июне 1605 г. их дворы разграбили восставшие против Годунова московские люди.

Иноземные доктора привозили в Москву медицинские учебники-травники, которые в 30-е гг. переводил Булев и в 60-е – Фромгольд Ган с каким-то немцем[234], хирургические инструменты. Лекарства специально доставляли аптекари (известен англичанин Яков Фринггам, обосновавшийся в Москве в 70-е гг. с многочисленным семейством).

Некоторые из приезжих докторов были высокообразованными для того времени людьми и «совмещали» занятия медициной, географией и астрономией. Так, местоположение Москвы точно определил Николай Булев. Однако и самим москвичам нельзя отказать в точности астрономических и метеорологических наблюдений. Даже в летопись занесено сообщение о необычайном для Москвы северном сиянии. 25 февраля 1547 г. в ночь с понедельника на вторник Сырной недели был виден «свет на полунощной стране, аки заря перед выходом солнца и стоял до утренней зари». 13 января 1548 г. «с пятницы на субботу на третьем часу нощи... явишася на небеси многие лучи на полунощной стране, аки огненные быша чрез всю нощь и до утренней зари». 9 февраля северное сияние повторилось: «явишася на небеси многие лучи на полунущной же стране».

Во всех вышеприведенных цитатах говорится о севере. Однако москвичи хорошо умели определять и другие страны света: «зимним западом», например, обозначался запад-юго-запад[235].

К началу XVII в. восходит древнейший «чертеж» России, составленный царевичем Федором Борисовичем. Правда, карты – «чертежи» отдельных земель – были известны в Москве и в первой трети XVI в. Царевичу Федору Москва и москвичи обязаны одним из первых замечательных планов столицы – «Кремлена-градом», на котором изображены не только центральные храмы, но и улицы, отдельные усадьбы, сам Кремль и т.д.

Ни углубление знакомства с культурой христианства, как православной, так и католической ветвей, ни грамотность не сумели победить остатков язычества в Москве. Языческие суеверия были широко распространены в самых разных

[233] ВКТСМ. Л., 926 об. 12 июля 1571 г.; *Буссов К.* Указ. соч. С.85, 86.

[234] *Штаден Г.* Указ. соч. С.137.

[235] ПСРЛ. Т.XIII. С.458, 459.

слоях общества. Солнечное затмение («солнце гибло») 18 августа 1533 г. летописец истолковал как дурное предзнаменование, а спустя 14 лет городские низы легко поверили слуху, будто июньский пожар 1547 г. произошел из-за «волхвования» Глинских, в частности княгини Анны, которая якобы кропила город водой, настоянной на сердцах мертвецов. Немного уступала им великая княгиня Соломония Сабурова, которая в надежде на наследника призвала Стефаниду Рязанку «наговаривать» воду, которой следовало смачивать белье великого князя Василия III. Не отличался от первой жены отца книгочей и начетчик Иван Грозный. Он был искренне убежден, что причиной смерти его первой жены, «юницы» Анастасии Романовой, явилось колдовство. «Счеровали ее оные мужи» (Сильвестр и Адашев) – поверил он противникам своих советников и, по словам Курбского, поспешил расправиться с «ляховицей» (полькой) Марией Магдалиной и ее пятью сыновьями, как «чаровницей и Алексеевой согласницей»[236]. С помощью астрологии и кудесниц Иван IV пытался предугадать дату собственной смерти. Не он один занимался подобными «изысканиями».

Широкое хождение получили различные гадательные книги, запрещенные Стоглавом. Одна из редакций книги «Рафли», написанная в Пскове после 1579 г. неким Иваном Рыковым для «царского книгчия кир Софрония», наряду с текстами космологического, календарного и астрологического содержания («Сказание о царе годе», тексты о месяцах, описание свойств планет и т.д.) включала и инструкцию по гаданию, восходившему к гаданию на земле (геомантия), по принципу чет-нечет и собрание вопросов и ответов. Наряду с жизненными темами, весьма далекими от христианской морали («Коли кто подумает телесное с кем створити – с девою или с молодицею»; «Не спит ли жена с чюжим мужем или муж с чюжею женою» и т.д.), вопросы касались и политических событий: «Не будет ли князю перекняжения или царю с царства схода?» Предусматривались ответы двух типов: «Не будет царю схода, и князю сидеть долгое время», «Скоро будет сход, и месту пакость, зло будет и лихо». Наверное, не одного царя и не столько царя волновали вопросы о будущем – войне или мире – с пугающим ответом: «Будет много пролито крови, и разойдутся розно»[237].

Конец XVI в. не принес перемен в мироощущения и верования москвичей. Страшным и сверхъестественным казалось городскому люду появление совы «в Большой церкви в Пречистой на площади» в тот самый год, когда прекратилась династия Рюриковичей,– в 1598 г. Даже такой прозорливый и искушенный политик, как Борис Годунов, в отношении к суевериям не отличался от Ивана Грозного. В крестоцеловальную запись своих придворных и служилых людей он включил обязательство не заниматься чародейством против царя. «Знамением» назвали летописцы и происшествие в Грановитой палате в 1600 г.: «...выпало верху против царьского места с полсажени, а инде весь верх цел»[238]. Свидетелям Смуты очень хотелось, забывая о христианских заповедях, увидеть ее предвестников даже в самых обычных событиях. В эпоху бурных перипетий Смуты представления москвичей не претерпели серьезных изменений. По-прежнему большим грехом считалась стрижка бород, в особенности священникам.

Не исчезла и вера в различные предзнаменования. Появление разноцветных лис внутри стен Москвы – голубых, красных, черных – и поимка одной из них в сентябре 1604 г. истолковывались как дурной знак, суливший различные несчастья. Вихрь, неожиданно налетевший в момент въезда в Кремль Лжедмитрия I, показался предвестником политических бурь. Василий Шуйский «тайно устроил для постоянного пребывания гадателей в царских покоях особенные помещения ради непрестанного ночью и днем с ними колдовства и совершения волшебных дел, которые несвойственны христианам, а тем более – царю»[239].

Вера в чудеса и чудотворцев, астрологию и колдовство естественно дополнялась почитанием «нищих духом» – блаженных и юродивых. Об одном из них (по-видимому, Максиме) рассказывали, что он бродил по городу с метлой и лопатой, когда туда приехал последний новгород-северский князь Василий Шемячич. Блаженный объяснял, что «держава государя еще не совсем очищена, и теперь настает удобное время вымести и выбросить всякую нечисть». О другом блаженном – крестном отце Ивана IV – летописец с восторгом писал, что Касиан Босой удовлетворялся минимумом: «...сандалейцо лычно (лапти из липового лыка.– *Авт.*), одежда проста: едина власяница на свитке и мантия». Третий, якобы прославившийся своими чудесами, «решался упрекать покойного царя (имеется в виду Иван IV.– *Авт.*) в его жестокости и во всех угнетениях, каким он подвергал народ». Это рассказывали о Василии Блаженном, через пять лет после смерти Грозного причисленном к лику святых. Четвертый уже в конце 80-х – начале 90-х гг. «восстанавливает всех против правительства, особенно против Годуновых», которых «почитают притеснителями всего государства». Как явствует из этого перечня, все блаженные активно участвовали в политической жизни. Не случайно от самых смелых «нагоходцев» – критиков Грозного – «отделывались тайно»[240].

[236] ПСРЛ. Т.34. С.17; АИ. Т.I. С.199. 25 ноября 1525 г.; РИБ. Т.31. С.277.

[237] *Турилов А.А., Чернецов А.В.* «Рафли» – языческие святцы Ивана Рыкова // ПКНО. 1984 г. М., 1986. С.20–28.

[238] ПСРЛ. Т.34. С.198; ААЭ. Т.II. № 10.

[239] *Буссов К.* Указ. соч. С.99, 109; *Тимофеев И.* Временник. М.; Л., 1957. С.109.

[240] *Герберштейн С.* Указ. соч. С.141; ПСРЛ. Т.XIII. С.50; *Флетчер Дж.* Указ. соч. С.64; ПСРЛ. Т.VI. С.267.

Иная судьба ждала критиков официальной церкви и православного государя. Трагический конец подстерегал еретиков конца XV – начала XVI в. По решению церковного собора 1504 г. и с согласия Ивана III обвиненных в «жидовстве» Ивана Волка Курицына, Дмитрия Коноплева и Ивана Максимова сожгли «в клетке» на льду Москвы-реки.

В это же время великокняжеские идеологи старательно скрипели перьями над политическими сочинениями на актуальные темы. Те, кто находился на службе у великого князя или представлял его интересы, стремительно создавали политическую легенду Русского государства, вполне соответствовавшую средневековым представлениям о достоинстве страны и ее государя. Этому и служило так называемое «Сказание о князьях владимирских». История его создания темна и неясна, и до сих пор не известно имя автора. Один вариант «Сказания» представлен в списке Михаила Медоварцева, другой, наиболее ранний – в послании Спиридона Саввы. Хотя обе эти личности весьма примечательны, ни с одним из них нельзя связать создание легенды, пришедшейся как нельзя кстати новому государству. Новгородец по происхождению, Михаил Медоварцев с конца XV в. до 1531 г. трудился в монастыре Николы Старого в Москве на Никольской улице. Близкий к великокняжескому окружению, в частности к Вассиану Патрикееву, опытным переводчикам Дм. Герасимову, Власу Игнатову, он долго и упорно работал над текстом «Сказания о князьях владимирских» и приложенных к нему родословий князей и бояр, которые он постоянно пополнял сведениями о новых представителях того или иного семейства. Судя по водяным знакам бумаги, «Сказание» было переписано им еще до 1505 г.

Другая, более ранняя редакция воспроизведена Спиридоном Саввой. Тверитин по прозвищу Сатана, данному ему, как заметил летописец, «за резвость», стал киевским митрополитом в 1476 г., но не был признан великим князем литовским и королем польским Казимиром IV, который подверг его заточению. Освободившись из неволи с помощью Ивана III и переехав в Москву, он недолго оставался на свободе. Уже между 1483 и 1503 гг. Спиридон Савва оказался в Ферапонтовом монастыре. Его перу приписывают три сочинения: «Изложение о православней истинней нашей вере», где он доказывал свою приверженность православию, «Житие соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия» (1503), а самое главное – «Послание о Мономаховом венце», написанное по просьбе какого-то влиятельного лица в 10-е гг. XVI в. Родословная русских князей – сердцевина послания – пересказана им из какого-то иного сочинения, однако генеалогия литовских князей, поставленных им в зависимость от русских князей («Гегеминик» – Гедимин был, по его словам, «конюшенцом» смоленского князя Ростислава Мстиславича), явно принадлежит ему самому. Он вдохновенно прославляет деятельность тверских князей Александра Михайловича и Михаила Александровича по восстановлению русских земель после нашествия. В медоварцевском тексте акцент перенесен на московских князей. Вместо тверских назван Иван Данилович Калита. Таким образом, еще до 1505 г. существовали две редакции сочинения, которое стало политическим манифестом русских князей и царей на протяжении XVI–XVII вв.

Христос во гробе. Воздух. Конец XVI в. ГМЗМК

В конце первой четверти XVI в. монах Псковского Елеазарова монастыря Филофей провозгласил: «...два ...Рима падоша, третий же стоит, а четвертому не быти». Под первыми двумя он имел в виду Рим и Константинополь (Царьград), под третьим – Москву – столицу царства и христианской церкви. Для Филофея причины гибели двух первых заключаются в измене христианству, залогом же вечной жизни Москвы и соответственно Российского царства служит верность православию. Формула «Москва – третий Рим» была употреблена константинопольским патриархом Иеремией в грамоте 1589 г. У нее впереди была долгая (вплоть до наших дней) и запутанная история. То как церковно-политическая, то как историографическая она возникала и возникает каждый раз, когда речь идет о Москве.

Однако московских мыслителей волновали не только политические, но и «хозяйственные» проблемы. Примером тому деятельность Василия Ивановича

Исцеление у гроба блаженного Максима. Миниатюра из Лицевого свода. XVI в. РНБ

Патрикеева, по прозвищу Косой, принявшего в монашестве имя Вассиана. Его карьера началась еще при Иване III, но неожиданно оборвалась после неудачного дипломатического дебюта. В бытность послом Руси в Литве, он вместе с С. И. Ряполовским «пропил» великокняжеское «имя» в 1494 г., не добившись включения титула князя «всея Руси» в текст русско-литовского договора. Вскоре обнаружились трагические последствия этой ошибки, и в 1499 г. Ряполовский был казнен, а Патрикеев пострижен в монахи. Это спасло ему жизнь, а встреча в Кирилло-Белозерском монастыре с Нилом Сорским, главой нестяжателей, определила его дальнейшие взгляды.

В 1509 г. Патрикеев был возвращен из ссылки. Его учение о нестяжательности монастырей и обязанности иноков: «сел не держати, не владети ими, но жити в тишине и безмолвии, питаяся своими руками» – подкрепляло политику ограничения монастырского землевладения, которую проводил в то время Василий III. В результате Вассиан вновь приблизился к великому князю, с которым был дружен в детстве и юности. Вассиан упорно внушал государю свои идеи, изложенные в «Слове ответне», «Слове о еретиках», Прении с Иосифом Волоцким (между 1511–1515 гг.). С переменой высшей церковной власти (в 1522 г. митрополитом стал ученик Иосифа Волоцкого – Даниил) и переориентацией Василия III на иосифлян, исповедовавших теорию теократического абсолютизма, участь Патрикеева была предрешена. В 1531 г. его предали суду за составление неканонической кормчей книги. Друг детства Василия III был отправлен в Кирилло-Белозерский монастырь, где «презлые иосифляне», по словам Андрея Курбского, «по мале времени его уморили»[241].

Однако нестяжательские идеи по-прежнему витали в воздухе. Их подхватил Максим Грек (в миру Михаил Триволис), прибывший на Русь в 1518 г. после довольно бурных перипетий: будучи в Италии, он то был близок к гуманистам, то выступал последователем Савонаролы, то становился доминиканским монахом. Вернувшись в православие, он приехал в Москву в составе патриаршего посольства. Максим Грек старательно втолковывал русским, что греческие афонские монастыри – образец для русских, монахи обходились там собственными силами, лишь изредка прибегая к наемному труду. Однако Максима Грека ждала не лучшая судьба, нежели Вассиана Патрикеева. На двух соборах 1525 и 1531 гг. он был осужден.

После этих соборов почти через четверть века к идее нестяжательства монастырей вернулись снова. В «Беседе валаамских чудотворцев» анонимный автор писал: «...не похвально» передавать инокам «селы и волости со крестьяны». Вместе с тем он требовал отстранения иноков от политической жизни, предоставляя ее царю с боярским советом. По этому последнему вопросу высказывались и другие мнения, в частности Иваном Семеновичем Пересветовым.

И. С. Пересветов – полулегендарная, полуреальная личность. Возможно, он был выходцем из Великого княжества Литовского. Пересветов считается автором многочисленных произведений, где призывает царя обратить главное внимание на «воинников», ибо именно ими «сильна держава». Им он предлагает предоставлять земли, в том числе и в вожделенной для него «подрайской земле» – Казанском ханстве. Образцом для царя он считал турецкого султана, который сумел так организовать войско и страну, что сделал их непобедимыми[242].

К взглядам Ивана Пересветова близки представления об общественном устройстве другого мыслителя – Федора Карпова, блестящего дипломата и широко образованного человека, знакомого с классической философией Аристотеля и поэзией Гомера и Овидия. В основе земного устроения должны быть «правда и закон», причем писанный и всем известный, соблюдать который обязан государь, полагал Карпов. Свою идею он подкреплял мировой историей: сначала люди жили по «закону естественному», затем по «закону Моисееву» и, наконец, по христианскому. В соответствии с христианскими представлениями, Карпов требовал от государя «милости» и «правды»: «Милость бо без правды малодушество есть, а правда без милости мучительство есть...»

[241] *Казакова Н.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960; *Она же.* Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л., 1970.

[242] *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958.

В культурной жизни Москвы яркий след оставил упоминавшийся выше благовещенский священник Сильвестр (в иноках Спиридон), уроженец Новгорода, где, как и в Москве, у него была книгописная мастерская и школа. Из сочинений «любомудреца» Сильвестра сохранилось немного – Послание первому казанскому наместнику князю А. Б. Горбатому с наставлениями к управлению этой только что присоединенной землей; Житие княгини Ольги и Послание сыну Анфиму, которое иногда прилагается и завершает московскую энциклопедию семейного быта – «Домострой», приписываемый тоже Сильвестру.

В своих общественных взглядах Сильвестр намного опередил время: при повсеместном преобладании холопства в России он «работных свои свободив и наделих». Страна же дозрела до такого решения лишь через три столетия. Проповедуя начала рационального ведения домашнего хозяйства, автор «Домостроя» настаивал на подчинении и этой сферы жизни воле государя, престиж которого он стремился поднять. Вместе со Стоглавом, судебником 1550 г., Великими Четьими Минеями (собранными митрополитом Макарием житиями русских святых), Степенной книгой, излагавшей генеалогию царей, «Домострой» входил в состав той литературы, церковной, законодательной и развлекательной, которая формировала строй государства и менталитет царских подданных.

Жизнь последних строго регламентировалась, прежде всего церковными установлениями. Поскольку большинство жителей столицы были православными, именно эта церковь и определяла весь ритм дня, недели, года. Начнем с дня. Исчисление часов было связано с восходом солнца, как это принято на христианском востоке. «Как час ударит дни» (что в разгар лета, с 25 мая по 5 июля, соответствовало половине четвертого в XIX в., а глухой зимой, с 27 ноября по 1 января,– половине девятого), начинался перезвон колоколов, созывавших верующих на молитву. Каждому монастырю и церкви был присущ свой, отличный от других голос, и привычное ухо легко угадывало, откуда несется то мощный, то нежный звук. Особенно далеко разносился звон с колокольни Иоанна Предтечи на Ивановской площади Кремля, говорили даже: «Гром страшен, аки площадских колоколов». Во время решительного штурма Казани 2 октября 1552 г. Грозный в молитвенном экстазе услышал «звон как быто Симановский»[243], т.е. московского Симонова монастыря.

В приходских храмах, а после Стоглава и в Чудовом монастыре церковная служба начиналась в час дня. Первыми спешили к ранней обедне «служебники и торговые люди». Послабление Стоглавый собор делал лишь старикам и больным, «государевым слугам» – боярам и дьякам, приказным людям, всяким служебникам, торговым людям. Если они пропускали раннюю обедню, то им разрешалось «николи обедни не слушати». Хотя возможность присутствовать на обедне оставалась и у них. Ведь во второй час, т.е. от половины пятого летом до половины десятого зимой, начинала

Св. Василий Блаженный. 1-я половина XVIII в. Музей «Покровский собор»

Отпадение темных сил от ангельского чина. Миниатюра из Лицевой псалтыри. 2-я четверть XVI в. РГБ

[243] ПСРЛ. Т.XIII С.39; Т.34. С.188.

Максим Грек. Рисунок из рукописи. XVI в.

звонить дворцовая церковь Спаса на царском дворце, к ней присоединялся и Спас Смоленский в Китай-городе, и Никола Чудотворец у Каменного моста через Неглинную на Никольской улице[244]. В них к службе приступали на один час позднее.

По праздничным дням начало богослужения сдвигалось на более позднее время: по воскресеньям и в великие праздники оно начиналось в третьем часу (т.е. в пять часов летом и в шесть – зимой), а по субботам – в четвертом часу (т.е. летом в девять и зимой в десять часов).

Время отмерялось не только колокольным звоном, строго следовавшим солнечным часам, но и более современными способами. К часам, что установил еще Лазарь Сербин при Василии I, в XVI в. добавилось еще несколько – на тех башнях Кремля, откуда точное время могли узнать не только обитатели дворца, но и простые граждане. К 1585 г. башенные часы стояли с трех сторон Кремля: на Фроловских, или Спасских, воротах, на Ризположенских, ныне Троицких, и на Водяных, «что против тайника», или Тайницких.

Во дворце и царской казне находились часы меньшего размера, чем башенные, для которых не требовалось сооружать специальные «шатры» на воротах (башни в то время не намного возвышались над стенами и были лишены привычных теперь шатров). В 1557 г. шведские послы преподнесли Ивану IV часы, запрятанные в крышке золоченого кубка, а послы императора Рудольфа в 1597 г.– набор самых разнообразных часов: с «перечасьем», т.е. со звоном, и движущимися фигурками, играющими в трубы, накры и варганы[245], «с планитами», часы боевые и т.д. Борису и Федору Годуновым в том же 1597 г. достались часы стоячие боевые со «знамены небесными» и с медведем. По-видимому, к середине века часов во дворце оказалось так много, что потребовались специалисты для ухода за ними. Имя одного из «государевых часовников» – Василия Иверенева известно потому, что вклад по его душе был внесен в Троице-Сергиев монастырь 4 ноября 1595 г.[246]

Долгота дня зависела от времени года: от 12 часов дня и ночи в сентябре до 7 часов дня и 17 часов ночи в конце ноября и в декабре и до 17 часов дня и 7 часов ночи с конца мая и в июне. Световой день определял длительность и интенсивность городской жизни – продолжительность работы торга, пребывание приказных людей в своих учреждениях: Московской, Казанской и Рязанской избах, Дмитровском и Володимирском подклете (площади перед Кремлем) и в приказах – Разрядном и Поместном. В это же время на площади перед Кремлем сторожили «малые» с лошадьми, которые брались отвозить в подгородные слободы всех желающих. На торгу же оповещали о новых указах и торговых заповедях – запретах вывоза тех или иных товаров. В 80-е гг. там «кликали... штоб... ни в чем не верили» англичанину Антону Маршу, задолжавшему огромные суммы боярам и купцам.

С наступлением темноты жизнь в неосвещенном городе замирала, ворота Кремля запирались, а улицы посада перегораживались решетками, установленными в 1504 г. За ними наблюдали специальные «приказчики»[247]. Сторожа («объезжие головы») ночью следили за тем, чтобы никто не проникал в закрытый город. Лишь запоздавших бояр они старательно разводили по домам. Пьяных, задержанных ночью, ожидал штраф в 10 алтын.

Город непосредственно примыкал к сельской округе. Из подмосковных лесов в Кремль залетала то сова, то тетерев. В жизни горожан важное место занимало огородничество, садоводство и рыболовство, поэтому смена времен года приносила и смену забот горожан. Весной – летом – осенью дополнительным занятием становился уход за садом и огородом. Весной следовало позаботиться о рассаде, которую Сильвестр в «Домострое» настоятельно советовал выращивать самим, не прибегая к услугам рынка. Уход за садом и огородом осенью сменялся заготовкой капусты (с добавлением «чабры» – чебреца, мяты и лука) и прочих овощей на зиму. Летом же производились работы по благоустройству

[244] ААЭ. Т.I. № 232; Стоглав. С.374, 279.

[245] Накры – ударный инструмент типа бубна, барабана; варганы – струнный инструмент типа домры.

[246] ВКТСМ. Л. 507 об.

[247] ПСРЛ. Т.34. С.8, 202; Т.VI. С.244, 277; *Герберштейн С.* Указ. соч. С.132; *Штаден Г.* Указ. соч. С.80.

города, укладывали уличные «мосты», делая их, как правило, из толстых бревен, чинили старые. В работах должно было участвовать все население столицы[248]. Даже в непосредственной близости от Москвы, под Симоновым монастырем, в течение всего XVI в. продолжали сохраняться условия для «промышленного» рыболовства. Так явствует, во всяком случае, из жалованной подтвердительной Бориса Годунова и Лжедмитрия I на так называемое Купельное плесо, располагавшееся «от Меншаго лугу х Крутицам вверх по обе стороны Москва реки вниз Тюхольскою землею по Кожуховскую землю». Царские кошельники захватили было этот плес в 1604 г., хотя раньше они не ловили там рыбу и «станами не стаивали»[249].

Распределение рабочих и нерабочих дней должно было соответствовать святоотеческим преданиям. В соответствии с Номоканоном XIV титулов, глава 44 которого восходила к Юстинианову кодексу, жизнь в столице, равно как и во всей стране, в субботу и в воскресенье должна была замирать: «...в субботу и в неделю на молитву упражнятися и праздновати». Остальные пять дней «уставиша всем православным христианам... делати»[250]. Правда, на практике было иначе. С. Герберштейн в 1517 г. наблюдал, как на Успение продолжались работы в кремлевском рву, и даже осведомился, сколько платят за это. А папский легат А. Поссевино в 1581 г. отметил, что простой люд прекращал работу лишь на Благовещение[251].

Согласно решениям VI Вселенского собора праздничными считались семь дней до Пасхи (Страстная неделя) и семь дней после нее (Светлая неделя), канун Рождества Христова и Богоявления и день страстей святых апостолов Петра и Павла. На Успение и Крещение на Москве-реке происходило торжественное водосвятие. С XV в. отмечался еще один праздник – «царский», т.е. «воспоминание дни рождения его или рожение сына или дщери его или некое от таковых». Степень торжественности «царских» дней считалась несколько ниже, чем церковных. В Страстную и Светлую недели запрещалось производить суд, взыскивать «людской долг», «ослобожено» было «работати и продати» только «в пекленицах, иде же пекутся хлебы». На Пасху запрещалось заключать кого-либо в темницу и связывать. Исключение, также по VI собору, составляли «прелюбодей и блудник, и восхищая девицу, и гробный тать, и отравник, и куя втайне переперы, сиречь с подмесы (т.е. фальшивомонетчик, переперы – русская транслитерация наименования византийской монеты.– *Авт.*), и убийца, и мучитель». В эти же две недели было предписано никому не работать: «...да не делают люди, но да празднуют вси раби и свободный». На царский же праздник отменялись все общественные мероприятия, которые Стоглав именует «позорами», т.е. зрелищами, будь то конные соревнования или казни[252].

Наряду с церковными праздниками по-прежнему отмечались языческие. Это и понятно. В быту москвичей, как и других русских людей того времени, оставалось очень много пережитков двоеверия. Простые горожане пользовались в основном языческими именами, лишь в редких случаях упоминая свое «молитвенное» имя[253]. Среди языческих праздников первое место занимала Радуница. Вторник или суббота Фоминой недели (первой пасхальной) был посвящен почитанию Рода. К началу марта, с которого некогда начинался новый год, и каждого месяца были приурочены волхвования. «Труд (трут) полагают в древо, и то древо, иже имать во обоих концах труд, концы полагают во древа, и той огнь вжизают во вратех или пред враты домов своих или пред торговищи своими сюду и сюду, и тако сквозь огнь проходяще с женами своими и с чады, по древнему обычаю, а волхвующе». Эти очистительные волхвования категорически запрещались Стоглавым собором, ведь даже за организацию «позоров» в воскресенье «воинства лишен будет и

Богемский кубок синего стекла из гробницы Ивана Грозного. XVI в. ГМЗМК

[248] АИ. Т.1. № 164. С.314. 15 апреля 1556 г.

[249] АФЗХ/АМСМ. № 224. 31 ноября 1604 г.

[250] *Стефанович Д.* О Стоглаве. СПб., 1909. С.165; Стоглав. С.372.

[251] *Герберштейн С.* Указ. соч.; *Поссевино А.* Указ. соч. С.28, 29, 210.

[252] Стоглав. С.371–373.

[253] *Лихачев Н.П.* Указ. соч. С.391.

Русское посольство З. И. Сугорского к Максимилиану II в Регенсбург в 1576 г. Фрагменты. Гравюра. XVI в.

имение его разграбити»[254],– предписывало одно из его постановлений.

Летние религиозные праздники сочетались с давними языческими традициями: «В первый понедельник Петровского поста в рощи ходят и в Наливки бесовские потехи деяти». От рощ остался лишь микротопоним Марьина роща, а от Наливок со вторым в Москве казенным кабаком – Спасоналивкинский переулок между Якиманкой и Полянкой. Светским праздником был Новый год, который приходился на день Семиона Столпника, т.е. 1 сентября. Прощание с летом и встреча зимы происходили на Площади Кремля, где воздвигался помост для митрополита и великого князя, которые поздравляли и благословляли горожан[255].

Быт москвичей становится все более разнообразным. Среди обиходных предметов, найденных при раскопках, встречаются шахматные фигурки, шашки, кости, которые говорят о распространении комбинаторных и азартных игр, музыкальные инструменты (варганчики-дрымбы, свирели и др.).

Можно восстановить и некоторые из традиционных «позоров» – выступления скоморохов, которые «со всеми играми бесовскими рыщут». Запрет Стоглава: «неподобных одеяний и песней плясцов и скомрахов и всякого козлогласования и баснословия их не творити» – дает представление о разнообразных жанрах искусства скоморохов: здесь и пляски, и пение, и басни. Все это сопровождалось показом дрессированных животных, в первую очередь медведей, содержать которых Стоглав тоже запретил, обрушившись на «кормящих и хранящих медведи или иная некая животная на глумление и на прелщение простейших человек». Одно из его постановлений предусматривало отлучение от церкви «мирских человек христиан», «аще кто из них играет или плясание творит или шпилманит, рекше глумы деет, и на видение человеки сбирает и ловитвам прилежит»[256]. Однако в каждой городской толпе зевак, собравшихся вокруг скоморохов, можно было увидеть и священников, которые «учнут глумиться мирскими кощунами», хотя «всякие игры и глумы, и позорища» не только священникам, но и всем причетникам «отречено есть». Тем не менее именно скоморохи и глумцы возглавляли свадебный поезд в церковь, священник с крестом лишь следовал за ними. Они же – «глумотворцы, арганники, смехотворцы, гусельники» – были главными артистами на «мирских свадьбах», где к «бесовским» (читай – народным) песням прислушивались и жених с невестой, и многочисленные гости, и священник. В рощах вокруг Москвы, излюбленных местах гулянья москвичей, были установлены колеса, подобные нынешним «чертовым», и качели.

Ограничивая проведение светских зрелищ, в особенности при участии скоморохов, церковь заботилась об организации собственных процессий и шествий, вовлекая в них городское население, но не регламентировала досуг великих князей и царей.

Пожалуй, наименее затронутой кризисными явлениями оставалась сохранившая старые традиции церковная музыка. При каждом храме существовала собственная капелла, самой большой была митрополичья, которая по количеству певчих дьяков конкурировала с ве-

[254] Стоглав. С.370, 371.

[255] Там же. С.302; *Лебедев Н.* Стоглавый собор 1551 г./Опыт изложения его внутренней истории. Вып.1. М., 1882. С.103; *Штаден Г.* Указ. соч. С.104; *Поссевино А.* Указ. соч. С.208.

[256] Стоглав. С.301, 397–399.

ликокняжеской и царской станицей. Станицей именовалась капелла из четырех-пяти человек. При дворе действовали одновременно около пяти станиц. Имя наиболее знаменитого распевника известно – это крестьянин Иван Нос[257]. Традиция царской станицы восходит ко временам Василия III, который очень любил пение. Станица певчих дьяков сопровождала его и в последний путь. Не должно удивлять, что певцов именовали дьяками. Ведь они, не получая регулярного денежного жалованья (им полагались хлеб, овес, соль, мясо, сукно или взамен этого 48 алтын, а в праздники по 2 руб.), выполняли обязанности недельщиков или данных приставов[258].

Наряду с церковной музыкой в Москве звучала и народная, и сатирическая песня, и военная музыка, исполняемая на барабанах, трубах, зурнах. Военные музыканты участвовали и в торжественных церемониях, в частности во встрече Марины Мнишек. В конце века Москва познакомилась с иностранными музыкальными инструментами. Горсей привез орган, у которого на площади перед Кремлем постоянно стояла толпа зевак. А в Смуту вместе с Лжедмитрием до Москвы добрались «польские хоры» (в 32 и 100 человек), которые исполняли польские народные песни. В целом сфера музыкальной культуры оказалась такой же подвижной и многообразной, как и живопись, и архитектура.

К числу любимых светских развлечений государей и знати относились медвежьи бои и охота. Великий князь Василий III устраивал грандиозные выезды вблизи города, где слуги выпускали заранее спрятанных в мешках зайцев. Как это ни парадоксально, даже охота во времена Грозного становилась предлогом для опалы на бояр. Царь однажды обвинил бояр в том, что они вытравили и перебили всех зайцев, а потому взыскал с них 3000 рублей. Любопытство же рядовых горожан в середине XVI в. вызывали привезенные из Англии лев и львица, которые были помещены в ров у кремлевской стены. Мост через р. Неглинную носил даже в конце XVI – начале XVII в. название «Львиный». Рядом, у Никольских ворот, временно обитал аравийский слон, присланный иранским шахом Тахмаспом, за которым ухаживал прибывший с ним араб. Слон, как и верблюды, пригнанные вместе с казанским полоном, вызывали удивление и у взрослых, и у маленьких москвичей. Однако этот мини-зверинец просуществовал недолго, и детворе снова пришлось ограничиваться глиняными игрушками – скоморохами, танцорами, дудочниками и знакомыми по сказкам зверушками и птицами – медведями, баранами, орлами, а также неизменно любимыми лошадками[259].

Взрослым в праздники разрешалось употреблять и вожделенные горячительные напитки. Так, на Николин день можно было держать пиво дома. Но, должно быть, в Москве давно уже не соблюдали ограничения на употребление этих напитков. Стоглавый собор постановил, чтобы верующие «не сквернословили и пьяни бы в церковь и во святой олтарь не входили, до кровопролития не билися». Подстать прихожанам были и их духовные наставники: «Попы... в церквах бьются и дерутся промеж себя», – жаловался царь Освященному собору 1551 г. Не спасало положения и всенародное бичевание пьяных священников,

[257] *Альшиц Д.Н.* Указ. соч. С.35; *Рогов А.И.* Музыкальная эстетика России XV–XVI вв. М., 1973. С.41, 42.

[258] АФЗХ. Ч.III. № 7. 20 июля 1557 г.; Ч.1. № 100, 101. 1525 г.

[259] *Герберштейн С.* Указ. соч. С.221–223; *Флетчер Дж.* Указ. соч. С.66; ПСРЛ. Т.34. С.202; *Розенфельд Р.Л.* Московское керамическое производство XII–XVII вв. М., 1968.

которые покорно сносили наказание, сетуя лишь на то, что их «бьют рабы, а не боярин»[260].

Стоглавый собор, впрочем, вполне либерально отнесся к фряжским винам, которые свободно допускались даже в монастырях («в славу Божию испивают»). Разрешались и разнообразные сорта пива и медов, равно как и бесконечные сорта кваса (старые и черствые, выкислые и сладкие, житные и сыченые, простые и медвяные). Запрещалось лишь употребление «горячего вина». Однако именно оно и привлекало горожан в многочисленные корчмы, не останавливала и царская заповедь, чтобы «дети боярские и люди боярские... по корчмам не пили». Корчемство оказывалось настолько выгодным делом, что им охотно занимались и иностранцы: в опричнину – уже упоминавшийся Генрих Штаден, в 80-е гг.– некий Ричард Вельф[261].

Около кабаков, как и у церквей и монастырей, толпились нищие. Судя по Стоглаву, Москва была буквально наводнена ими. Среди нищих имелись и собственные знаменитости. У Фроловских ворот в 1597 г. просил милостыню некий Герасим Медведь, о котором упоминает даже один из летописцев[262]. Жаль только, он не записал, чем прославился этот нищий – своей ли силой (отсюда и прозвище Медведь), храбростью ли, устроившись у самого входа в Кремль, или своим несчастьем – он вполне мог получить прозвище, будучи помятым медведем либо на охоте, либо в царской забаве. Впрочем, нищий нищему рознь. В 1602 г. в Иосифо-Волоколамском монастыре постригся «с Москвы нищей Михайло, дал вкладу 12 рублей денег», т.е. довольно большую сумму[263].

Во всех церквах и монастырях совершались многократные панихиды и поминовения усопших. Они сопровождались раздачей милостыни нищим, ибо нищелюбие входило в официальные христианские добродетели. В первую половину своего правления образец подавал царь и великий князь Иван IV. Жалуя Симонову монастырю вклады по своему брату Юрию с условием поминать его дважды в год, Грозный вполне в соответствии с традицией оговаривал: «Да и нищих им на те два корма кормити, сколко нищих на какой корм прилучитца». Царю было у кого учиться милосердию и подлинной доброте. Ведь рядом с ним жил благовещенский священник Сильвестр, дававший приют «многим туточным сиротам и работным, и убогим», которых он вскормил и вспоил «до совершенного возраста», научил грамоте и ремеслу. «Все те,– писал он своему сыну Анфиму,– дал Бог, свободны, своими добрыми домами живут». В начале 80-х гг. Грозный в присутствии папского легата Поссевино ежедневно раздавал 200 беднякам по деньге и двум ковшам пива[264].

Стоглавый собор предложил устроить богадельные избы, где «здравые строи и бабы стряпчие» должны были ухаживать за немощными и больными. В Москве к 1600 г. действовали три богадельни – Убогих, или Божьих дома. Один из них располагался на Тверской и был предназначен для мирян, другой – напротив Пушечного двора для инокинь и третий – на Кулишках для нищих старцев[265].

Несколько лучше было положение батраков и ярыжек, которые имели возможность самостоятельно трудиться. Они чистили дворы, варили квас, подряжались на заготовку дров или обмолот ржи в монастырские владения.

Для неимущего и малоимущего населения в середине XVI в. были открыты «царские бани», доход с которых шел в Большой приход. Водой они снабжались из колодцев с журавлями, заметными на плане Москвы. Общественные бани имели два отделения – мужское и женское. Однако владельцы усадеб и дворов пользовались собственными банями, хотя непривилегированным тяглецам летом запрещалось разжигать там огонь.

Внутреннее убранство домов соответствовало социальному положению владельца. Избы, топившиеся по-черному, лавка да стол, икона в углу – вот и вся обстановка городской бедноты, поражавшая своей скудостью и неудобством иностранцев в конце XVI в. П. Петрей де Эрлезунда не заметил разницы между курной избой в городе и деревне: «Когда топятся эти избы, никому нельзя оставаться в них от дыма, все должны уходить оттуда до тех пор, пока не прогорит огонь, а тогда входят опять в избы, которые теплы и жарки, точно баня»[266]. Изразцовые печи с изображением львов и орлов, в том числе двуглавых, сундуки с собственным имуществом и чужой поклажей, отданной на сохранение на время очередного военного похода, киоты с иконами в серебряных окладах, паюсные фонари вместо лучин, восковые и сальные свечи в шандалах, русская деревянная и немецкая оловянная посуда, иранские миски и сирийские кумганы – так выглядело убранство домов состоятельных горожан, в том числе и священников. Стоит сказать о стекле. Его в XVI в. продолжали привозить из-за рубежа. Встречались, даже по общемировым стандартам того времени, действительно роскошные сосуды. Бокалы, привезенные, видимо, из мастерских Центральной Европы как подарки, находят в погребениях царей, цариц, высшего боярства. Они становятся модными в качестве елейниц во второй половине XVI в. Наиболее известен богемский кубок синего стекла из гробницы Ивана IV, но не менее хорош венецианский кубок с крышкой из саркофага царевича Ивана и бокал царицы Анастасии[267].

[260] *Штаден Г.* Указ. соч. С.119; Стоглав. С.292, 293; *Герберштейн С.* Указ. соч. С.20.

[261] Стоглав. С.322, 327–329, 308; *Флетчер Дж.* Указ. соч. С.129.

[262] ПСРЛ. Т.34. С.198.

[263] *Титов А.А.* Вкладные и записные книги Волоколамского монастыря. М., 1906. С.115.

[264] АФЗХ/АМСМ. № 112. 25 марта 1555 г.; *Поссевино А.* Указ. соч. С.208.

[265] ПСРЛ. Т.34. С.202.

[266] *Петрей П. де Эрлезунда.* История о великом княжестве Московском // ЧОИДР. Кн.4. 1865. С.6.

[267] *Щапова Ю.Л.* Стеклянный кубок из гробницы Ивана IV Грозного (Атрибуция и история) // ПКНО. 1992 г. М., 1993. С.333–337.

В расписанных внутри и окованных железом сундуках хранилась одежда, бережно передаваемая по наследству. Сюда же складывали и старые вещи, которые «Домострой» предписывал тщательно чинить, ибо «они пригодятся для сироток».

Одежда московских жителей, как и всего населения страны, соответствовала их социальному и имущественному положению: «Ино одеяние воину, ино одтысячнику, ино пятьдесятнику, ино одеяние и ино златарю, ино железному ковачю». Простые воины ходили в черных бараньих шубах. Храбреца, отличившегося на войне, легко было узнать по награде – золотому с изображением св. Георгия на коне, который носили на рукавах или шляпах. Высшими наградами были золотые монеты весом 34 г, далее следовали монеты, кратные этому весу, а затем золотые деньги и копейки. Для массовых наград иногда использовали позолоченные копейки и деньги. Земские носили белые шляпы (колпаки) с пестрыми завязками. Впрочем, встречались и нарушители принципа: по одежде «познавается кой ждо, кто есть коего чина»[268]. Можно было увидеть причетницу, одетую по последней моде, и причетника в воинском одеянии. Светские модницы ходили в торлопах (верхней женской одежде на меху), украшенных золотым и бисерным шитьем и драгоценными камнями. Сам же царь в 1571 г. нарядился в сермягу, бусырь и баранью шубу, чтобы доказать крымским послам свою неспособность платить новую дань[269].

К середине XVI в. традиционные одеяния стали часто соседствовать с «платьем и одежей иноверных земель». Москвичи носили тафьи (тюбетейки) – это, по определению Стоглава, «безбожного Махмеда предание» – и отнюдь не считали, что «чюже есть православным таковая носити», не расценивали новую моду как влияние «поганских обычаев». Распространение тюбетеек стало массовым. Если один из конфликтов митрополита Филиппа с царем возник из-за того, что какой-то опричник вошел в церковь в тюбетейке, то в конце XVI в. все бояре под горлатными шапками (сделанными из горл черно-бурых лисиц) носили тюбетейки-тафьи. Дворяне же подражали туркам и в одежде, и в вооружении, как отметил наблюдательный англичанин Дж. Флетчер. В великокняжеский быт широко проникли иноземные ткани. Больного Василия III отирали «хлопчатой бумагой».

Такие же изменения происходили и в составе традиционной пищи москвичей. Иноземные блюда теснили привычные щи и гречневую кашу, варившуюся с горохом, а иногда и без него. Лакомством считалась немецкая сельдь, конкурировавшая с разными сортами белорыбицы.

Появление в быту горожан некоторых восточных аксессуаров сопровождалось изменениями и во внешнем облике. Если девушки сохранили старые обычаи: до замужества носили косы, а после тщательно запрятывали их под волосники и кокошники, то мужчины стали поддаваться западным влияниям: брить или стричь бороды. Для Руси были привычны бородатые лица. По греческому образцу бороды растили с 30 лет, и длина бороды, судя по миниатюрам XVI в., являлась показателем не только возраста, но и социального положения. Русская церковь с конца XV – начала XVI в., неправомерно ссылаясь на 11-е правило Трулльского собора, крайне непримиримо относилась к мужчинам, брившим бороду: «...над бритой бородой не отпевать, ни сорокоустия по нем не пети... с неверным да причтется, от еретик бо сего навыкоша». Поэтому такой шок вызвало решение Василия III перед заключением второго брака в 1525 г. сбрить бороду. Да и спустя четверть века во время последнего похода на Казань митрополит Макарий давал наставление воинству остерегаться неблагочестивого поведения, а именно «бороды брити или обсекати или усы подстригати». Зато раз в год принято было «обсекать» волосы со лба, как это видно на парсуне Ивана IV из Копенгагена[270].

Наряду со сторонниками иностранной моды существовали и другие. Это были «молодые строи, которые волосаты ходят по миру... се есть не Бога ради скитаются – свою волю деют, а мир соблажняют»[271]. Хранители православного предания и жесткого единообразия жизни и быта выступали и против приверженцев подобного поведения.

При всей традиционности городского быта и нравов XVI век принес много перемен. «Своя воля» в одежде и прическе, более свободное заимствование иностранных обычаев отличают горожан этого столетия. Вместе с тем несмотря на давление православной церкви, упорно насаждавшей свой «благочестивый» образ жизни, горожане Москвы сохранили верность народным песням и яркому слову, меткой сатире и остроумию скоморохов. Сплав всех этих разноречивых тенденций, влияний и традиций и создал неповторимый стиль московской городской жизни столетия.

В истории московской культуры XVI в. легко вычленяются несколько этапов. Первая его четверть, в особенности начало, прошла под знаком бурной созидательной деятельности великого князя и митрополита в области архитектуры и живописи. Светская власть активно привлекала иностранных мастеров. В период боярского правления, в 30–40-е гг., когда в городе произошел некоторый спад строительства, возведение храмов продолжается в окрестных селах.

[268] Стоглав. С.366; *Флетчер Дж.* Указ. соч. С.89, 157.

[269] ПСРЛ. Т.34. С.191.

[270] *Беляев И.В.* Наказные списки Соборного уложения 1551 г. или Стоглава. М., 1863. С.52, 53; Стоглав. С.301, 302; *Герберштейн С.* Указ. соч. С.268; ПСРЛ. Т.XIII. С.82; Т.34. С.23.

[271] Стоглав. С.376.

На те же десятилетия приходится подготовка массового книгопечатания. Конец 40-х – начало 50-х гг.– новый взлет архитектуры, прежде всего мемориальной, изобразительного искусства (росписи Золотой палаты, иконы «Четырехчастная» и «Благословенно воинство»). Конец 50-х – начало 80-х гг.– период Ливонской войны и опричнины – сопровождался постепенным упадком культуры, прекратилось строительство, замерло летописание. Тишину «адовой пустыни» (по выражению А. М. Курбского) прервала кратковременная деятельность книгопечатной мастерской Ивана Федорова. Наконец, вторая половина 80-х – начало XVII в.– медленное возрождение строительства, однако уже не столько царского (государственного), сколько частного, развитие иконописного дела. Смутное время принесло с собой массовое разрушение произведений искусства, временный застой в развитии культуры.

Можно выделить и несколько социально-культурных слоев москвичей. Простонародье, по-прежнему преданное язычеству или сочетавшее в своих представлениях и быту языческие и христианские традиции, составляло нижний и наиболее многочисленный слой населения. Образованная часть общества, грамотная в силу социального положения (боярство и дворянство), была менее широкой. Наконец, культурную верхушку общества составляло духовенство, сосредоточившее в своих руках традиционно-книжное знание.

Характерной чертой культурной жизни Москвы XVI в. было сложное, но гармоничное сочетание элементов западной культуры, легко усваивавшейся и в области архитектуры, и в области живописи, и в языке, с яркими чертами национальной культуры, впитавшей глубинный языческий строй мышления и христианство, порой доведенное до фанатизма. Поразительно, что именно во второй половине XVI в. в Москве имелось такое количество «нищих духом», какого история города не знала в другие эпохи. Трагедия города, испытавшего бедствия опричнины, сломила многих...

VI

МОСКВА В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

После строительства Белого и Земляного города в конце XVI в. процесс оформление городской территории пошел ускоренным темпом. Москва включила в себя окологородные села, прокладывались новые улицы. В первые годы XVII в. население столицы стало довольно пестрым. Сюда переселились ливонцы, покинувшие родину после шведской оккупации. Увеличилось число иноземных воинов, купцов, торговых представителей зарубежных государств, постоянно или в течение десятилетий проживавших в Москве (англичан, голландцев, немцев, французов, итальянцев). Боярские дворы у самого Кремля заняли дворяне, ремесленники и торговцы, дети служилых людей, «латыши» и «кучера». К ним добавились и слуги герцога Густава Шведского, жениха Ксении Годуновой, оставшиеся в Москве.

Рост городского населения временно остановил страшный голод 1601–1603 гг., поразивший всю страну, особенно крупные города и самый большой из них – Москву. Бедствия начались с серии заморозков в середине и конце лета 1601 г. 28 июля случился «великий мороз», и «позябе всякое жито и всякии овощь». «Морозобитные семена» на следующий год не дали всходов. В столице ежедневно умирало от 90 до 300 человек[1]. Трупы умерших вывозили на 6–8 и более возах. Всего за три года в столице погибло по разным сведениям от 120 тыс. до 500 тыс. человек[2].

Поскольку Борис Годунов раздавал голодающим по московке в будние дни, а в воскресенье – по деньге, в столицу устремились голодающие из всей округи. Но щедрость царя оказалась бесполезной. Его хлеб, «зяблое жито», продававшийся по низким ценам, скупали барышники, чтобы пустить в продажу по обычной для этих лет цене: по 12 руб. за бочку ржи (тогда как до голода она стоила всего 3–5 алтын). Привозить хлеб в Москву, как рассказывали служилые иностранцы, необходимо было тайком, чтобы его не отняли силой.

Сопровождавшие голод социальные потрясения в целом обошли столицу стороной, хотя и в ее окрестностях усилились разбои. В монастырских селах крестьян стали переводить с денежного оброка на барщину и платежи натурой. В селах Новодевичьего монастыря, например, в 1603 г. «почали пахати на монастырь».

Больше задело Москву восстание Хлопка, возглавившего холопов московских бояр. В столице был сформирован стрелецкий отряд И. Ф. Басманова, посланный в сентябре 1603 г. на подавление этого восстания. В середине сентября в ожесточенном сражении под Москвой Хлопко был разбит. А вслед за тем столичным жителям довелось основательно познакомиться с многочисленными самозванцами, поддерживавшими их польскими и литовскими магнатами и шляхтой.

Об истории первого из них, его происхождении и приключениях в Речи Посполитой написано много. Стоит остановиться только на том, что непосредственно связано с историей Москвы. Сын стрелецкого сотника Григорий (Юрий) Отрепьев рано осиротел и принял монашество. Одно время он был монахом Чудова монастыря, но покинул его и направился в Польшу.

Уже в Кракове Лжедмитрий заявлял папскому нунцию, что в Москве у него есть сторонники. Это было сказано не для того, чтобы придать себе вес в глазах нунция. Среди приверженцев самозванца в первую очередь находились донские казаки, права которых ущемлял Борис Годунов. Донцы направили к Лжедмитрию атамана Андрея Карелу, который со своим отрядом дошел вместе с «воскресшим» царем до Москвы и содействовал его возвращению «на свой праотеческий престол». Карела особенно отличился во время защиты крепости Кромы от правительственных войск[3].

Еще более существенной оказалась поддержка самозванца боярами, давно недовольными Б. Годуновым. Они (воз-

[1] *Тихомиров М.Н.* Новый источник по истории восстания Болотникова // Исторический архив. Т. VI. М.; Л., 1951. С.94.

[2] *Маржерет Ж.* Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С.188; *Буссов К.* Московская хроника. 1584–1613. М.; Л. С.98; *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С.59.

[3] *Пирлинг П.* Из Смутного времени. СПб., 1902. С.35, 36; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990.

Dmiter Iwanowic Carewic Wielkiey Russi Vględzkie, Dmitrowskie Grodzieckie etc. Xiązę, Panstw wszystkich Moskiewskiey Monarchiey podległych Pan i Dziedzic.

Zeznawam żem od Jasnie Wielmożnego Pana Jerzego Mniszka z Wielkich Kunczyc Woiewody Sandomierskiego, Lwowskiego, Sam: borskiego etc. Starosty, za odkazaniem Krola Je° Mci wziął na swe własne potrzeby Czterey Tysiące złotych polskich, Na co daię Je° Mci to pismo z podpisem ręki swey i przycisnieniem pieczęci, Dan w Samborze dnia dwudziestego pierwszego Miesiąca Sierpnia, Roku Panskiego Tysiącznego szescsetnego Czwartego.

Dmiter Carewycz

Грамота Лжедмитрия от 1 августа 1604 г. АГАД

можно, Романовы, Нагие, Черкасские и др.) и ранее пытались устроить заговор против него.

Некоторое недовольство политикой Бориса Годунова выражали и дворяне. В результате разрешения Годуновым крестьянского выхода «у служилых людей поместья и вотчины оскудели, и сами служилые люди у великой скудности и межу себя в ненависти»[4],– заметил так называемый Бельский летописец. За распространение слухов о «спасшемся царевиче» царь приказал вырывать языки, «иных же многими разными муками смерти предавая». Город тем не менее все больше и больше наполнялся прокламациями Лжедмитрия, адресованными боярам и народу. Он обещал «честь и повышение» и прежние отчины воеводам и боярам, дворянам и приказным людям – пожалование «в пошлинах и в податях», «во льготе и в облегчении».

Успехи Лжедмитрия на пути к Москве заставили Бориса Годунова начать приготовления к отражению нападения. В разгар их царь Борис скоропостижно скончался (13 апреля 1605 г.). В Москве срочно была организована присяга его вдове и царевичу Федору. Голландец Исаак Масса, находившийся в это время в Москве, писал: «В Москве после смерти Бориса повсюду началось волнение, и народ становился все бесчинней... Годуновы были почти низвергнуты, чрезвычайно страшились простого народа, который был нищ и наг и сильно желал пограбить московских купцов, всех господ и некоторых богатых людей в Москве, так что в Москве более страшились жителей, нежели неприятеля или димитриевцев»[5].

1 июня в Красном селе (вероятно, в присутствии живших там английских и голландских торговых агентов) посланцы Лжедмитрия Г. Г. Пушкин и Н. М. Плещеев, зачитав «прелестные письма» самозванца, организовали жителей и вместе с ними двинулись к городу. Стрельцы не сумели им воспрепятствовать. С Лобного места еще раз огласили послание самозванца.

3 июня москвичи составили «повинную грамоту» Дмитрию. К ним присоединились и немецкие наемники[6]. Подлинность Лжедмитрия I не замедлил подтвердить фаворит Грозного Богдан Бельский. Он целовал крест на том, что новый государь – истинный Дмитрий Иванович, сын Ивана Грозного. Астраханский епископ Феодосий осмелился сохранить собственное мнение: «Бог знает, кто ты, ибо истинный царевич убит в Угличе». Бельский же утверждал, что он сохранил царевича, за что и пострадал от Бориса Годунова. Это де послужило сигналом для разграбления дворов Годуновых в Кремле. «А заодно не пропустили и многих дворов боярских, и дворянских, и дьячих»[7]. Самих Годуновых постигли разные несчастья: молодого царя и царицу-мать задушили, Ксению постригли в монахини, остальных членов семьи отправили в ссылку в Алатырь и другие города. Свели с патриаршего престола и Иова, которому самозванец писал как «царьского корени искоренителю и первому всеа Руси изменнику... и вместоправительства достойному разрушителю».

1. В ЛУЧАХ «КРАСНОГО СОЛНЫШКА»

20 июня 1605 г. с юга по Коломенской дороге к Москве прибыло пестрое сборище: стрельцы в красных кафтанах, польские гусары, которые еще четверть века тому назад противостояли друг другу в Ливонской войне, казаки в разностильной одежде. Все они объединились под хоругвями, которые несли и везли представители православного духовенства. Москва гостеприимно встречала не только эту процессию, но и того, кто находился в центре ее,– нового царя Димитрия. «Челом бьем нашему красному солнышку», «Дай, Господи, государь, тебе здоровья!» – кричала толпа у Лобного места. Благовещенский протопоп Терентий испросил у государя, когда тот обходил древние храмы Кремля, прощения за то, что признавал иного, «незаконного» правителя.

Внешность нового государя не выдавала в нем благородного потомка Рюриковичей. Толстый нос картошкой или «утиный» (Лжедмитрия описывали и

[4] *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937. С.186–189; *Корецкий В.И.* Новое о крестьянском закрепощении и восстании Ивана Болотникова // Вопросы истории, 1971. № 5. С.144.

[5] *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С.241; *Масса И.* Указ. соч. С.99, 105.

[6] *Титов А.А.* Записки Ст. Немоевского (1606–1608). М., 1907. С.41.

[7] *Белокуров С.А.* Разрядные списки за Смутное время (7113–7121) // ЧОИДР. Кн. 2. 1907. С.5, 6; *Корецкий В.И.* Новое о крестьянском закрепощении. С.145, 146.

изображали по-разному), широкое лицо с выдающимися скулами, толстый, вполне в стиле всей физиономии, рот. Однако на польских современников и папского посла он производил приятное впечатление. Папскому легату Рангони казалось даже, что «белые длинные кисти рук обнаруживают благородство его происхождения. [Он] ... одарен живым умом, весьма красноречив, безупречно соблюдает внешние приличия... чрезвычайно скромен и сдержан». Зато официальные русские летописцы времени Михаила Романова не жалели ядовитых эпитетов для характеристики первого самозванца на русском троне: «лютый молодой лев», «похититель царства», «хищный волк», «аспид», «яйцо василиска». Коренастый и необычайно сильный (без особого труда гнул подковы), привыкший за время своей бурной кочевой жизни к длительным поездкам, он легко вскакивал в седло, живо и заинтересованно участвовал во всех охотах с английскими псами, в том числе и на медведя, где ему однажды удалось показать свою недюжинную силу (он рогатиной заколол медведя)[8].

Марию Нагую принудили признать самозванца своим сыном: его гонец – постельничий Семен Шапкин должен был «грозить» царице, в монашестве инокине Марфе: «...не скажет, и быть ей убитой». Инокиня спасла себе жизнь, но трагической участи не избежали имевшие мужество не кривить душою Петр Тургенев и Федор Колачник – дворянин и посадский человек, которые поддержали заговор князя В. И. Шуйского, составленный против самозванца вскоре после его прибытия в Москву. Князя «царь Димитрий» помиловал, а этих предал казни. По дороге на казнь Федор уверял москвичей, что новый царь – «образ антихристов», самозванец. «Москвичи же ему смеяхуся и поделом суд тому смертный судяще; такоже и Петрову казнь ни во что же вмениша»[9].

Помилование Лжедмитрием Василия Шуйского стало, конечно, ошибкой новоявленного царя. Шуйские и Голицыны направили И. Безобразова в Речь Посполитую к королю Сигизмунду III с жалобой на то, что «он дал им человека низкого и легкомысленного, на жестокость, распутство и на роскошь его». Бояре считали, что «он вовсе недостоин занимать московского престола...». Новому государю действительно нельзя было отказать в легкомыслии. Он увлекался женщинами (в том числе и несчастной, поразительно неудачливой в женихах Ксенией Годуновой), не ограничивая себя, купался в роскоши, в результате чего из казны исчезли не только царские сокровища, но и все золотые и серебряные монеты, из которых чеканили, должно быть, монеты и медали на свадьбу, а дела ювелиров из Аугсбурга, Милана и Кракова, торговавших заморскими драгоценностями, круто пошли в гору. Впрочем, не забывал новый царь и служилых людей. В 1606 г. он «для своего царства велел верстати всю землю валовым верстанием поместным окладом и денежным жалованием большим по розным городом служилых людей»[10].

Изображение царевича Димитрия на крышке раки в Архангельском соборе Московского Кремля. Мастер Гаврило Овдокимов «с товарищи». 30-е гг. XVII в. ГМЗМК

Лжедмитрий пренебрегал русскими обычаями, употреблял в пищу телятину, которая на Руси считалась нечистой, позволил вести лютеранскую службу в Кремле, не понимая, что его многочисленные нарушения этикета в традиционном, крепко привязанном к старине обществе вызовут не только негативную оценку, но и открытое противодействие. Он отказался от пребывания в «отцовских» покоях и выстроил в Кремле новый дворец, половина которого предназначалась для него, а другая – для царицы. Причем убранство дворца было скопировано с польских королевских покоев. Отказавшись от послеобеденного отдыха, Лжедмитрий проводил это время в мастерских, вникал в детали уп-

[8] *Тимофеев И.* Временник. М.; Л. 1951. С.101, 115; *Белокуров С.А.* Указ. соч. Ч.3. С.201.

[9] РИБ. Т.XIII. Стб. 493.

[10] *Корецкий В.И.* Новое о крестьянском закрепощении. С.147.

Лжедмитрий и Марина Мнишек. Гравюры Ф. Снядецкого. Начало XVII в.

равления, посещал казну, аптеку и ювелиров. За 11 месяцев своего царствования он сумел восстановить против себя москвичей.

Уже в марте 1606 г. бояре сообщали королю Польши, что раздумывают, каким бы образом свергнуть его, предпочитая ему королевича Владислава. Посол получил уклончивый ответ короля. Сигизмунд любезно предоставлял боярам «действовать по собственному их усмотрению»[11].

Ситуация постепенно осложнялась. Посол Сигизмунда III А. К. Гонсевский в Москве в октябре 1605 г. настаивал на выступлении России против Швеции, что якобы входило в тайное соглашение с королем, а сопровождая невесту царя, требовал передачи Речи Посполитой Смоленска, Новгорода Великого, Пскова и других русских городов. Были у Лжедмитрия и некоторые обязательства по отношению к папскому престолу – насаждать в России католичество. Он не выполнил этого обещания, однако возбудил против себя неудовольствие духовенства и обложением его налогами (с одного только Иосифо-Волоколамского монастыря он потребовал 3 тыс. руб.), и откровенным пренебрежением православной традицией, и дурным обхождением со священниками, жившими в Чертолье и на Арбате. Дворы попов были освобождены для прибывших вместе с Лжедмитрием поляков и литовцев, которые своей развязностью вызывали острое неприятие москвичей. Наконец, он отказался от русской стражи. Его охраняли француз Жак Маржерет со 100 копейщиками, лифляндец (или датчанин) Матвей Кнутсон и шотландец Альберт Вендтман со 100 алебардщиками[12]. В его окружении находились и немцы (Мартин Сибельский из Пруссии).

Участвуя в деятельности Боярской думы, Лжедмитрий якобы обнаружил способности выдающегося политического деятеля. Так, он «дал свободу [каждому] кормиться своим делом», при нем по указу от 6 января 1606 г. произошло послабление холопам (четвертая часть получила свободу), в суде запрещалось брать посулы. В среду и субботу «царь» сам принимал челобития. В речи к стрельцам в Кремле Лжедмитрий так изложил свою программу: «Я подвергал жизнь свою опасности ... дабы освободить вас от крайней нужды и рабства, в которое поверг вас изменник отечества (т.е. Борис Годунов.– *Авт.*), правивший им и угнетавший вас»[13]. Лжедмитрий вернулся к практике полустолетней давности. В Сводный судебник, составленный при нем, была включена ст. 88 Судебника 1550 г., регламентировавшая право крестьянского выхода – «отказа», и указ Бориса Годунова (впрочем, не названного по имени) о частичном разрешении крестьянского выхода. Сыск беглых должен был производиться не бессрочно, а лишь в течение урочных лет. Крестьяне же, бежавшие во время голода 1601–1603 гг., могли оставаться у новых владельцев, по преимуществу у дворян юга России.

Тем не менее налоговый гнет при Лжедмитрии оставался огромным, это отметил поляк Ст. Немоевский: царь «в налогах начинал для подданных быть тяжелым». После смерти Лжедмитрию поставили в упрек «черезмерные траты и издержки», которые он производил, «не справляясь о том, сколько может снести страна» и в первую очередь Москва[14].

Благочинное православное население столицы с неудовольствием встретило не только многочисленные отряды польско-литовской шляхты, прибывшей вместе с самозванцем, но и его невесту. Через четыре с половиной месяца после обручения, состоявшегося на главной площади Кракова 19 ноября 1605 г., Марина Мнишек в сопровождении большого отряда польских конников и свиты, в которой был и «арапчонок», выехала в Москву. В столицу она вступила 2 мая 1606 г. С первых шагов Марина несколько шокировала своих подданных костюмом по последней французской моде. Четыре дня она провела в Воскресенском монастыре, где для нее были построены хоромы, а 7 мая состоялось ее коронование – первое венчание на царство женщины в России. 8 мая последовала свадьба, исполненная по всем русским обрядам. Но день для нее был выбран крайне неудачно. В четверг, канун одного из наиболее популярных церковных праздников – Николы Вешнего, в России свадьбы никогда не устраивали. На самом бракосочетании не обошлось без инцидентов. «О, как раздосадовало московитов, что поляки вошли в их церковь (это был главный храм столицы – Успенский собор.– *Авт.*) с оружием и в шапках с перьями,– отмечает Исаак Масса,– и если бы кто-нибудь подстрекнул московитов, то они на месте перебили бы всех»[15]. После свадьбы Лжедмитрий, нарушая русский обычай, не отправился тотчас в баню. Да и последующие празд-

[11] *Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. СПб., 1912. С.297–299, 310–316.

[12] *Буссов К.* Указ. соч. С.112; *Тимофеев Н.* Указ. соч. С.137; *Масса И.* Указ. соч. С.118.

[13] *Масса И.* Указ. соч. С.123.

[14] Записки Станислава Немоевского // *Титов А.А.* Рукописи славянские и русские, принадлежавшие И.А.Вахрамееву. Вып.6. М., 1907. С.118.

[15] *Масса И.* Указ. соч. С.134.

нества протекали в основном согласно польским традициям. Все время продолжались военные смотры и парады, маневры, маскарады, танцы под аккомпанемент польских музыкантов, «потешников», поселенных при какой-то церкви. Пока в Кремле развлекались, в Китай-городе и в Белом городе «литва и поляки... учали насильство делать, у торговых людей жен и дочерей имать сильно, и по ночам ходить с саблями и людей побивать, и у храмов вере крестьянской и образом поругатца». В праздничные послесвадебные дни, нужно думать, подгулявшие шляхтичи резвились особенно беззаботно. Но не долго. Как и самозванец...

«Всею землею на него восстали». В ночь на 17 мая все ворота Кремля были блокированы, часть наемников-телохранителей царя (70 из 100) распущены, и по набатному сигналу колокола сперва церкви св. Ильи, а потом и кремлевских храмов в 4 часа утра на Красную площадь повалил народ, московские дворяне и купцы, к которым на подмогу прибыли новгородцы и псковичи. По позднейшим рассказам, В. И. Шуйский с 200 слугами вошел в Кремль и, приложившись к иконе Владимирской Божьей Матери, призвал: «Во имя Господне идите против еретика». На его призыв «даже маленькие дети и юноши, и все, кто только был в Москве, бежали с луками, стрелами, ружьями, топорами, саблями, копьями и дубинами»[16]. Все спешили в Кремль с криками: «Горит Кремль! В Кремль!» Пробужденный ото сна, Лжедмитрий послал Басманова узнать, почему бьют в набат. Дм. Шуйский ответил, что в городе начался пожар. Выступившая на помощь царю «литва» была задержана толпой по пути в Кремль. Толпа потребовала, чтобы Лжедмитрий вышел на крыльцо. Он не осмелился сделать этого, а лишь выглянул в окно, заявив: «Я вам не Борис!» Пораженный пулей в руку, он быстро скрылся. Вскоре на Красном крыльце был убит Басманов, уговаривавший толпу разойтись. Начался штурм дворца.

Лжедмитрию не оставалось ничего иного, кроме бегства. Добравшись сначала до бани, а потом до каменных палат на взрубе, он выпрыгнул из окна, но при этом повредил себе ногу. Верные самозванцу стрельцы отнесли его на двор Годунова. Угрозами расправиться со стрелецкими семьями Шуйский добился перехода стрельцов на свою сторону. Кто убил «царя», неясно: то ли Григорий Валуев, то ли Иван Воейков, то ли купец по прозвищу Мюльник (в передаче Конрада Буссова, служившего в дворцовой страже), т.е. Мельник или Мыльник. «Нечего давать оправдываться еретикам. Вот я благословлю этого польского свистуна»,– крикнул якобы он и убил Лжедмитрия. Позднее Тимофеев весьма высокопарно писал, что самозванец был «поражен гневом ярости Господней и убит рукою народа»[17].

Лжедмитрий. Неизвестный художник. Конец XVII – начало XVIII в. РГАДА

Обезображенное сабельными ударами тело Лжедмитрия I положили на Лобное место, где вдоволь поиздевались над ним (то вставляли в рот ему дудку, то клали на грудь маску с надписью: «Вот твой Бог»). Пошли разные слухи: горожан стали пугать огни, являвшиеся якобы по ночам у стола, где находился труп, слышались будто и странные звуки, «и бубны и прочая бесовская игралища». Молве вторили позднее и официальные летописцы, называвшие Лжедмитрия еретиком и чернокнижцем. Наконец, тело увезли в с. Котлы, неподалеку от с. Коломенского, и там сожгли, а прах развеяли по ветру. Немецкий же купец Г. Паэрле передает легенду, будто пеплом зарядили пушку и выстрелили им на запад – в сторону Речи Посполитой.

Вместе с самозванцем погибло по слухам от 1000 до 2000 человек, по подсчетам современных исследователей – около 500 (20 шляхтичей и около 400 их слуг). Значительное число иностранных

[16] *Белокуров С.А.* Указ. соч. Ч. III. С.8; ПСРЛ. Т.34. С.207; *Масса И.* Указ. соч. С.138,142.

[17] *Тимофеев И.* Указ. соч. С.112; Дневник Марины Мнишек. СПб., 1955. С.55.

купцов, в том числе из Кракова, потеряли все свое состояние[18]. Марине Мнишек удалось спастись, но 15 июня ее перевели из Кремля в «Царь-город», во двор опального дьяка Афанасия Власьева, а в августе отправили в ссылку в Ярославль вместе с ее окружением и слугами, обитавшими на Никитской улице. Сторонники «ростриги», собранные на Земском дворе, также оказались в ссылке.

2. У НОГ ШУБНИКА

Возникла необходимость в создании новой власти. Начался «мятеж мног во боярах», поскольку обнаружилось несколько претендентов на царский венец: Ф. И. Мстиславский, Шуйские, Голицыны, Романовы проявляли наибольшую активность. Но всех превзошли сторонники Василия Шуйского. Они собрались на его подворье и объявили об избрании его царем. 19 мая на Красной площади «безглавная чадь» (по определению Тимофеева) выкрикнула в цари Василия Шуйского. Он поспешил воспользоваться этим, забыв об обещании созыва Земского собора. В Успенском соборе крутицкий митрополит Пафнутий нарек его на царство и отслужил молебен. Новый царь был «ростом мал, образом нелепем (некрасив.– *Авт.*), очи подслепы имея». Неприглядной внешности соответствовал и характер – «скуп вельми и неподатлив». За активную торговлю кожами и мехами его прозвали Шубником. Однако современник должен был отметить и природный ум, и любовь к чтению: «книжному почитанию доволен и в рассуждении ума зело смыслен»[19]. В этом перечислении «достоинств» отсутствуют еще два – двоедушие и лживость политика. А ведь Шуйский, глава комиссии, удостоверившей гибель царевича Димитрия и ее случайность, теперь потребовал канонизации убитого мученика. В Угличе новый патриарх Филарет открыл мощи, которые потом привезли в Москву. У гроба царевича Димитрия в Архангельском соборе ежедневно происходило свыше десятка «исцелений». О них гудели колокола церквей, где одновременно читали грамоту об этих чудесах. Вдовая царица Мария Нагая повинилась, что «терпела вору ростриге, явному злому еретику и чернокнижцу, не обличала его долго»[20].

Способ избрания нового царя впоследствии дал основание для того, чтобы называть его «самовенечником», «царем по собственному умыслу» или, согласно С. Жолкевскому, «по волчьему праву». Тимофеев пишет, что Шуйского нарекли царем в его собственном дворе «случайно и спешно», а, по словам немца Конрада Буссова, Василий воцарился «без ведома и согласия Земского собора, одною только волею жителей Москвы... всех этих купцов, пирожников и сапожников и немногих находившихся там князей и бояр». Ремесленники и торговцы готовились к возможным беспорядкам. В городских лавках хранили и продавали порох[21].

Была составлена «крестоцеловальная запись» – Шуйский присягнул на царство, пообещав «править общим советом», т.е. при участии Думы, судить вместе с боярами и т.д. Он сулил «всякого человека, не осудя истинным судом с бояры своими, смерти не предати и вотчин и дворов и животов у братьи их и у их жен и у детей не отымати, будет которые с ними в мысли не были»[22]. Боярский царь обещал не быть «самодержцем». Но очень быстро нарушил присягу, разослав по городам недовольную часть бояр – Богдана Бельского, П. Н. Шереметева, Ф. И. Мстиславского. Так же поступил он и с намеченным им в патриархи Филаретом (Федором) Никитичем Романовым. Тот, обвиненный в связях с П.Н.Шереметевым, был возвращен в Ростовскую митрополию.

И. Тимофеев клеймил Василия Шуйского как «нечестивого и скотоподобного», который «царствовал в блуде и в пьянстве и пролитии неповинной крови, а также в богомерзких гаданиях, которыми думал утвердиться на царстве. Он жил неблагочестиво, оставив Бога и прибегая к бесам». Такой неприглядный портрет Василия Шуйского, явно проигрывавшего по своим душевным качествам даже Лжедмитрию I, по-видимому, во многом соответствует действительности.

Власть Шуйского обнаружила свою непрочность чуть ли не с первых дней. В городе с 24 мая распространялись листы от имени якобы чудесным образом – уже во второй раз – спасшегося царя Димитрия, он де «ушел, и Бог спас его от изменников». Особенно излюбленным местом для оповещения об этой новости служили ворота боярских усадеб. На них укреплялись не только эти листы, но и призыв, будто «царь Димитрий повелевает народу разграбить домы изменников». Нужно сказать, что понятие «изменник» теперь относилось не к тем, кто поддержал Лжедмитрия с его поляками, а к тем, кто содействовал выбору нового царя. Наконец, 25 мая, т.е. спустя неделю после избрания Василия Шуйского царем, в городе начались волнения, направленные одновременно против него, бояр и иноземцев. Царю удалось с большим трудом подавить его.

Сведения о действиях В. Шуйского довольно противоречивы. Французский наемник и профессиональный вояка Жак Маржерет, прославившийся отнюдь не своими воинскими подвигами, а записками, оставленными им, писал, что

[18] Дневник Марины Мнишек. С.60.

[19] РИБ. Т.13. Стб. 710.

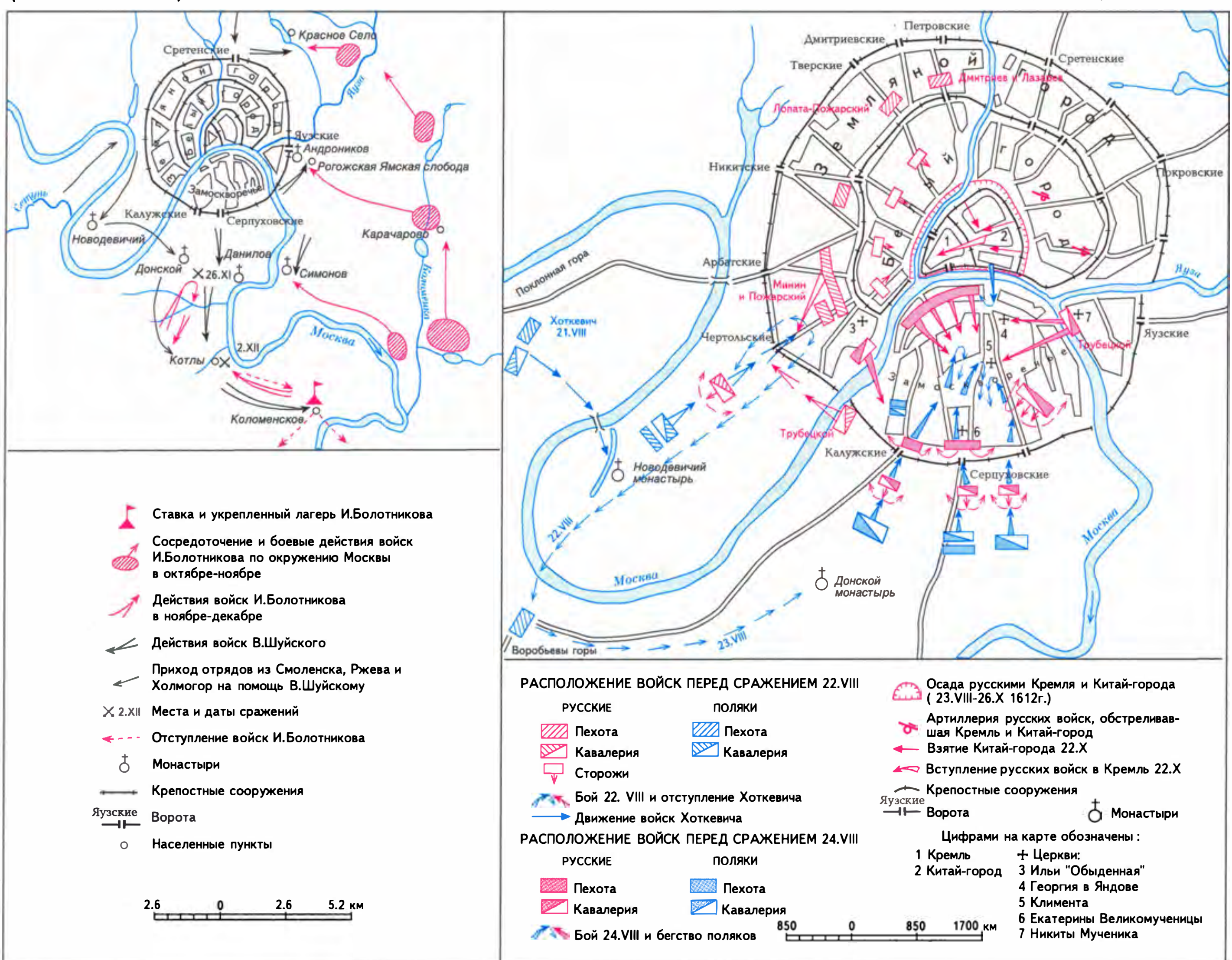
[20] *Попов А.* Изборник. М., 1869. С.412; *Устрялов Н.Г.* Сказания современников о Дмитрии-самозванце. Т.I. СПб., 1859. С.308.

[21] *Тимофеев И.* Указ. соч. С.109; *Буссов К.* Указ. соч. С.133, 134; Дневник Марины Мнишек. С.72.

[22] ПСРЛ. Т.XIV. С.69; ААЭ. Т.II. С.102.

ОСАДА МОСКВЫ И.БОЛОТНИКОВЫМ (28.X-2.XII 1606 г.)

ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ НАРОДНЫМ ОПОЛЧЕНИЕМ ПОД РУКОВОДСТВОМ К.МИНИНА И Д.ПОЖАРСКОГО (1612 г.)

если бы Шуйский вышел из дворца или вся чернь собралась на площади, «он подвергся бы такой же опасности, как и Димитрий». Маржерет сообщил, что, увидев собравшуюся у Лобного места толпу вооруженных москвичей, Шуйский заплакал, стал укорять бояр и предлагал выбрать другого царя, если он не угоден. При этом он будто бы отдал боярам царскую шапку и посох. По-видимому, Маржерет несколько напутал: царский дворец находился далеко от Лобного места. Остается верить капитану на слово. Но, испугавшись отказа Шуйского от власти, бояре подтвердили присягу. Шуйский, вернув себе власть и ее символ – посох, повелел схватить пять человек из толпы, которые через несколько дней были подвергнуты публичной порке. Он отказался от решения об избрании патриархом – уже в третий раз – Филарета Никитича. Еще 18 июня был низложен патриарх Игнатий, возведенный в сан Лжедмитрием. Избрали 75-летнего казанского архиепископа Гермогена. Новый патриарх – единственный представитель высшего духовенства, осудивший брак Лжедмитрия с католичкой.

Еще до избрания патриарха «в присутствии более черни, чем благородных», состоялось венчание на царство Василия Шуйского новгородским митрополитом Исидором. Однако атмосфера в Москве оставалась весьма тревожной. Бесконечные видения пугали москвичей, в том числе и тех, кто, казалось бы, не был склонен к экзальтации, в том числе и сторожей из Овощного ряда, поставленных во главе с Кузьмой, сыном Мыльника, в церковь Архангела Михаила. В июле новая серия подметных писем заполонила Москву. Теперь призывали истреблять бояр и захватывать их владения. Авторы этих писем находились не в Москве, а в стане Ивана Исаевича Болотникова, беглого слуги – боевого холопа князя

А. А. Телятевского. Болотников стал во главе движения крестьян и холопов и двигался со своими отрядами через Кромы и Елец к Москве. «Идем вси и приимем Москву и потребим живущих в ней и обладаем ею, и разделим домы вельмож и сильных, и благородные жены их и тщери приимем в жены себе»[23],– гласили эти письма. Победа в августе 1606 г. над царскими войсками под Кромами открыла Болотникову путь на Москву.

Часть населения проявила повышенный интерес к «вору». После победы И. И. Болотникова на Лопасне крутицкий митрополит Пафнутий и князь Ф. Т. Долгорукий направили в его войско торгового человека Ст.Шитникова и садовника Богдана Поневина. Делегация хотела узнать у Болотникова, где находится, если еще жив, «Димитрий, который прежде был в Москве»,– в войске Болотникова или в каком ином месте. В ответ прозвучало, что истинный «царь» в Польше и при личном свидании с Болотниковым он назначил последнего возглавлять свои войска в России.

Однако Василий Шуйский был далек от мысли уступать столицу наместнику Лжедмитрия. Уже в июле 1606 г. в Москве приняли срочные меры по обороне от нового нежданного царем и боярами врага. Был разобран мост у Фроловских ворот, привезены артиллерийские орудия. Племяннику царя М. В. Скопину-Шуйскому удалось ненадолго задержать продвижение восставших на р. Пахре, но тем не менее повстанцы заняли подмосковные села Коломенское, Котлы и др.

Пожар восстания распространился на огромные территории к югу и юго-западу от столицы. Болотников в течение двух месяцев 1606 г. осаждал столицу. Поскольку он отрезал столицу от юга, в городе скоро стал ощущаться недостаток продовольствия, цены на хлеб выросли в три и четыре раза. Это осложняло и без того накаленную атмосферу. По церквам читали повесть Терентия, написанную в сентябре 1606 г., которому якобы во сне явились Христос, обличавший «студные дела» москвичей, и Богородица, молившая его помиловать горожан. Листам Болотникова патриарх Гермоген противопоставлял свои грамоты, в которых клял «богоотступников», «душегубцев», «бесом вооружаемых». Грамоты действовали плохо: более привлекательными городской бедноте казались посулы Болотникова «давати боярство и воеводство, и окольничество, и дьячество». Ходил по Москве и список лиц, которые в случае победы восставших подлежали казни. Страх перед собственными согражданами у боярства был «почти так же велик, как перед врагом извне, и даже больше»[24],– заметил наблюдательный очевидец. Тем не менее царь велел переписать всех москвичей старше 16 лет, расставить их по осажденным местам и вооружить копьями и саблями. В ход пошли и рогатины, и топоры. Одновременно Шуйский щедро жаловал участников обороны поместьями свыше 300 четвертей. Верхи посада заняли иную позицию – они отрядили делегацию в лагерь Болотникова, в Коломенское, и там же 13 ноября вели тайные переговоры с рязанцами.

Боярского царя и бояр спасла измена Михаила Сумбулова и Прокопия Ляпунова, которые 15 ноября во время штурма Замоскворечья перешли на сторону царя вместе со своими рязанцами. К ним присоединились и московские стрельцы, находившиеся в Коломне. В сражении 26 ноября участвовал сам Шуйский. Победа правительственных войск сорвала план Болотникова полностью окружить Москву и взять ее измором, а также не только подорвала силы восставших, но и подняла престиж самого царя.

К Шуйскому подоспели 200 стрельцов из Холмогор, 200 даточных оттуда же, а также смоленские и ржевские полки. 2 декабря состоялось сражение у с. Котлы (по пути из Коломенского в Данилов монастырь), во время которого Пашков с 500 ратниками перешел на сторону Шуйского. Битва закончилась разгромом поредевшего войска Болотникова. Ему пришлось отступить к своему главному опорному пункту – к Коломенскому. Оборона его продолжалась три дня. Исход сражения решили ядра «с зажигательной мудростью», которые подожгли укрепление. Поражение восставших было полным. На поле боя, по преувеличенным данным, осталось от 10 до 20 тыс. убитых, 6 тыс. было взято в плен. Остатки войска рассыпались по соседним деревням и лесам, где многие погибли от холода[25].

А затем на некоторое время Москва превратилась в огромную бойню. Закованных в колодки пленных по ночам сотнями выводили из тюрем и обывательских дворов, «как агнцев на заклание, ставили в ряд и убивали дубиною по голове, словно быков». Атаман Аничкин, возглавлявший повстанческий отряд в Заборье, был посажен на кол. Каратели не утруждали себя рытьем могил в зимнюю стужу. Убитых «спускали под лед в реку Яузу»[26].

Около середины декабря 1606 г. И. И. Шуйский двинулся к Калуге. Между тем в Туле появился новый самозванец – Петр Федорович, якобы сын царя Федора Иоанновича,– казак Илейка (Илюшка) Коровин. А к Болотникову подоспели новые силы южного дворянства из Тулы, благодаря чему восставшим удалось нанести новое поражение правительственным войскам, которые вынуждены были в мае 1607 г. снять осаду Калуги.

В этих условиях В. Шуйскому пришлось проводить весьма противоречивую

[23] *Тихомиров М.Н.* Новый источник. С.116.

[24] ААЭ. Т.II. № 58; *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. М., 1951. С.554.

[25] *Белокуров С.А.* Указ. соч. Ч.II. С.43; ПСРЛ. Т.XIV. С.72; СГГД. Ч.2. № 150.

[26] *Масса И.* Указ. соч. С.163.

политику. С одной стороны, он раздал щедрые земельные и денежные пожалования дворянам, с другой – велел наказать «нетчиков», пытавшихся уклониться от несения службы. 9 марта 1607 г. Шуйский издал Уложение, запрещавшее выход крестьян. Оно продлевало сыск беглых крестьян до 15 лет, т.е. начиная с 1592/93 г. Тем же холопам, кто сам являлся с повинной, предоставляли отпускные. Раздавая льготы (в частности, вводилась компенсация прежнему владельцу) и грозя карами (предусматривалось наказание местной администрации за уклонение от сыска беглых, штраф за прием беглого крестьянина), Шуйскому на время удалось стабилизировать положение в стране. 11 мая 1607 г. сам царь выступил с войском против Болотникова, якобы насчитывавшим 150 тыс. человек. Последний оплот Болотникова и Петра Федоровича – Тула была взята 10 октября 1607 г. Царь обещал сохранить жизнь Болотникову, но слова не сдержал. Одного «вора» – Петрушку – повесили на Серпуховской дороге у Данилова монастыря, а второго – самого Болотникова – сослали в Каргополь, где его ослепили и утопили. Царь торжествовал победу.

Через полгода, 17 января 1608 г., В. Шуйский женился. По случаю царской свадьбы у ворот Кремля стражниками стояли дворяне и дьяки. Кроме того, «по воротам... ездил надзирать» князь Г. П. Ромодановский. Предосторожности были нелишними.

В мае 1607 г. в г.Стародубе объявился еще один Лжедмитрий, возвестивший о своем чудесном спасении. «Стародубский вор», как именовали его царские грамоты, был неизвестного происхождения, о нем ходило много слухов. Возможно, он был школьным учителем в белорусском городе Шклове. В Стародубе его приняли местный сын боярский Гаврила Веревкин и уже известный казачий атаман Иван Заруцкий, в будущем «тушинский боярин». Литовские магнаты и польская шляхта, потерпевшие поражение во время мятежа («рокоша») против Сигизмунда III, осенью 1607 г. поддержали и этого «сына Грозного», ставшего игрушкой в руках своих иноземных сторонников, которые заставляли его плясать под свою дудку. В войско Лжедмитрия II вошли 30 тыс. человек из отрядов Ляховецкого, Тышкевича, Адама Вишневецкого и спасшиеся болотниковцы во главе с гетманом Ружинским. Все это воинство достигло Москвы к 1 июня 1608 г. Долго искали подходящее место для лагеря – то на правом берегу Москвы-реки, то на левом (в с. Тайнинском), и наконец выбрали с. Тушино на высоком берегу, огражденное двумя реками – Москвой и Сходней.

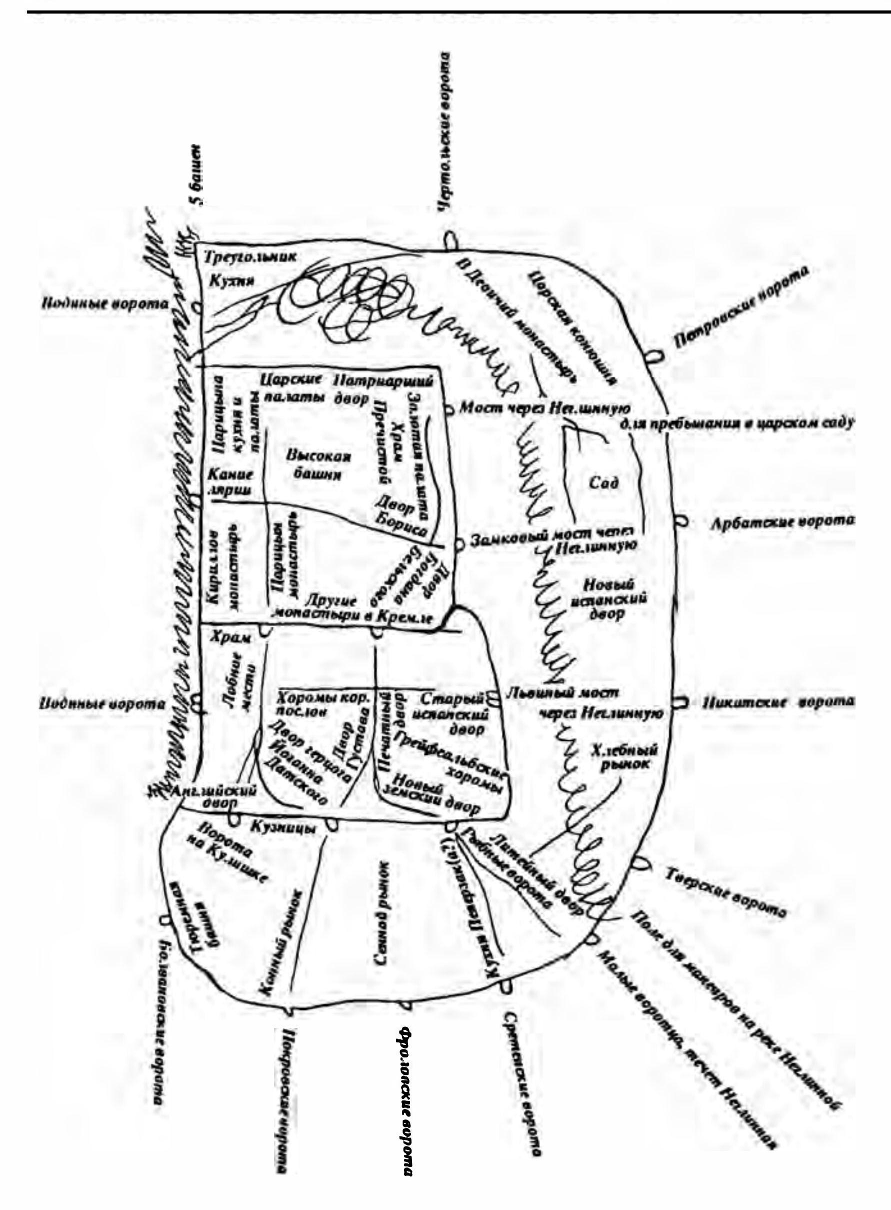
Войска В. Шуйского, по преимуществу стрельцы, заняли территорию от с. Хорошева до городских стен. Первая стычка в ночь с 24 на 25 июня закончилась не в пользу правительственных войск. Но утром царю, стоявшему в Новом Ваганькове, удалось потеснить поляков за р. Химку. Всю осень Шуйский простоял на р. Пресне.

А Тушино, превратившись во вторую столицу, тем временем активно обустраивалось. На окрестных крестьян была возложена повинность снабжать лагерь срубами, и новая столица росла как на дрожжах. Вокруг нее быстро отстроился посад, где торговали около 3000 одних только поляков. Здесь же начали «казачью смуту» выходцы из Зарайска, Тулы, Каширы.

Отряды казаков (30 тыс. украинских и 15 тыс. донских) возглавляли И. М. Заруцкий и А. Лисовский, а также стольник «царя» А. З. Просовецкий. Первый из них, молодой красавец, храбрый и честолюбивый, пользовался авторитетом у казаков. Александр Лисовский, мелкий шляхтич, прошедший огонь и воду, отличался жестокостью, во время походов он убивал всех встречавшихся на пути. Просовецкий был выходцем из Литовского княжества, хотя уже при царе Василии Шуйском получил поместный и денежный оклад.

С июня 1608 г. в лагерь «тушинского вора» из Москвы началось повальное бегство: А. И. Сицкий, Д. М. Черкасский, близкие родственники Романовых, а за ними Д. Т. Трубецкой, князьки С. П. Засекин и Ф. П. Барятинский были первыми. Митрополита Филарета ростовского нарекли даже патриархом. «Царь» раздавал чины, поместья и вотчины. В Тушине сформировалась собственная Боярская дума, собственный двор, в структуре которого заметно наблюдалось польское влияние. Организовали приказы, где ведущие должности дьяков заняли вчерашние ремесленники – кожевник Федька Андронов, попович Василий Юрьев и некоторые выходцы из дьяков (Борис Сутупов). Однако ведущую роль играли «децемвиры», десять шляхтичей, позиции которых усилились с приходом крупнейшего литовского магната Яна Петра Сапеги.

Наблюдалось много так называемых «перелетов» – людей, переходивших из Москвы в Тушино и обратно. Они «ко врагом... прилагахуся, и в Тушине быв, тамо крест же господень целовав и жалования у врага божия взяв», возвращались в столицу и «паки у царя Василия больше прежняго почесть и дары и имения воспринимаху и паки к вору отъезждаху». В Тушине их привлекали не только пожалования новоявленного царя, но и изобилие продовольствия, которого явно не хватало в Москве. Фуражиры тушинцев – «загонные люди» – «завалили лагерь всяким провиантом: маслом, мукой, медом, питьевыми меда-

План Москвы К. Буссова. 1608 г. Вольфенбюттель

ми, солодом, вином, всевозможным скотом... Головы, ноги, печень, легкие и другие внутренности животных выбрасывались... собаки не могли всего сожрать, и из-за этого в лагере распространилось такое зловоние, что даже стали опасаться мора»[27]. «Перелеты» «мятуще всем государьством Российским, не дважды кто, но и пять крат и десять», по словам Авраамия Палицына. Среди этих «перелетов» были и казаки.

Опасаясь потери подданных и войска, Шуйский потребовал вторичной присяги от тех ратных людей, «хто хочет сидеть в Московском государстве... а кои не похотят в осаде сидеть, ехали из Москвы не бегом». Присяга была нелишней. Осенью 1608 г. разъехались по домам псковские, заволжские, новгородские дети боярские. Остались лишь немногие из замосковных городов. Были в московской осаде и свои герои. Д. М. Пожарский, «будучи в Москве в осаде в нужное в прискорбное время, против врагов... стоял крепко и всякую осадную нужду терпел многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоял в твердости разума своего крепко непоколебимо безо всякие шатости»[28].

Царь 6 декабря вернулся в город. Защитники теперь расположились в Деревянном городе: И. И. Шуйский и И. Н. Романов – у Тверских ворот, И. М. Воротынский и Г. П. Ромодановский – у Петровских, Д. И. Мезецкий с государевым полком – у Никитских, Гр.Валуев – на Ваганькове. Основательно охранялись Калужские и Серпуховские ворота, а в Заяузье – Красное село, куда были направлены Н. М. Пушкин и Н. В. Огарев с 600 стрельцами, 100 ратных людей из поморских городов и артиллерия (10 полковых пищалей).

Оборона Москвы требовала огромной самоотверженности и от защитников столицы, и от ее жителей. Однако положение и тех, и других день ото дня ухудшалось. Столица, отрезанная от всех местностей, откуда поступало продовольствие, начала испытывать острый недостаток в хлебе. Жители, «как петлей, были задавлены нуждой и страхом смерти»[29].

В Москве зрело недовольство трусливым и безынициативным царем, не сумевшим организовать отпор новому самозванцу и призвать на помощь пока еще свободные от поляков и гражданской войны земли. 25 февраля 1609 г. Р. И. Гагарин, Г. Ф. Сумбулов и Т. В. Грязной сделали попытку низвергнуть «глупого и бесчестного, пьяницу и развратника царя». Они проникли во внутренние покои царского дворца и потребовали «царя Василия переменити». Но бояре разбежались по дворам. «К диавольскому совету», т.е. к заговорщикам, явился только князь В. В. Голицын, мечтавший о престоле. В Успенском соборе был захвачен патриарх Гермоген. Его поставили на Лобном месте. Мятежники объявили, что избрание царя незаконно, без согласия «всей земли». Шуйского обвиняли в том, что из-за него льется христианская кровь, что он избивает и сажает в воду не только детей боярских и дворян, но и их семьи, называли число жертв – 2000 человек, что и теперь де «повели многих, нашу братью» сажать в воду, в результате чего «мы де встали», правда, при этом никого не смогли назвать поименно. В грамоте на имя московского «мира» также говорилось об избрании Шуйского «одною Москвою, а иные города того не ведают».

Так в первый раз в критической ситуации осады Москвы Лжедмитрием II с польско-литовскими отрядами резко проявилась разница позиций столичного и провинциального дворянства, различие регионов в оценке общего политического положения.

Гермоген, носитель общегосударственной идеи, в своей ответной речи

[27] *Буссов К.* Указ. соч. С.156.

[28] *Забелин И.Е.* Минин и Пожарский. М., 1901. С.48.

[29] *Тимофеев И.* Указ. соч. С.128.

подчеркнул значение Москвы: «До сих пор Москве ни Новгород, ни Казань, ни Астрахань, и никоторые городы не указывали, а указывала Москва всем городом!» Он утверждал, что вся земля целовала крест Василию Шуйскому. Речи патриарха нашли отклик у посадского населения, которое оставило без внимания призывы Гагарина, Грязного и Сумбулова. Мятежники вернулись от Лобного места в Кремль. Тем временем к Шуйскому подошли войска с Ходынки. Мятеж был разгромлен, а заговорщики удалились в Тушино, но вскоре вернулись в Москву. В этой критической ситуации Шуйский, пытаясь завоевать расположение дворянства, вернул силу отмененному было указу от 1 февраля 1597 г. о принудительном холопстве.

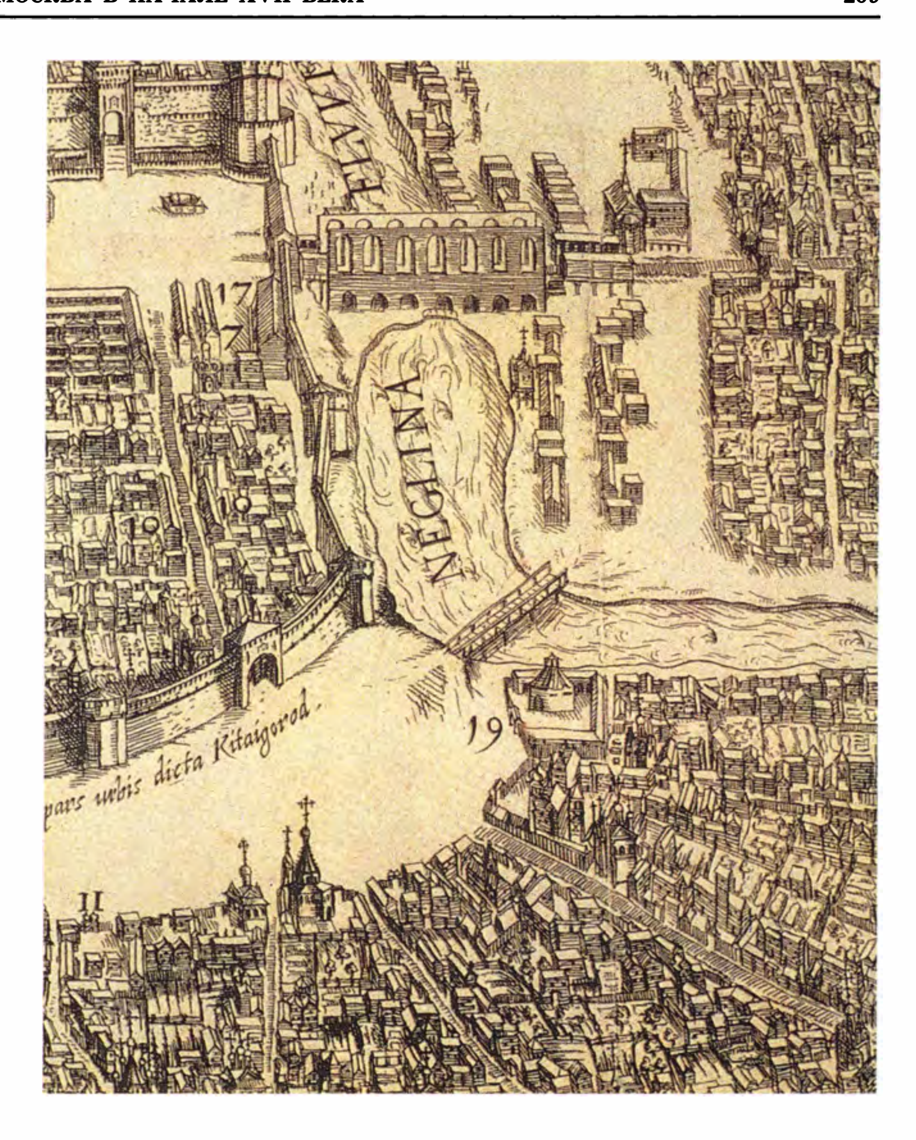
В начале апреля и в мае 1609 г. снова делались столь же неудачные попытки свергнуть царя.

Хорошо знакомые с внутренним положением в столице, поляки в конце мая попытались овладеть Москвой. Сражение на Ходынке не принесло им победы. Поляки и литовцы потеряли всю артиллерию, «и табары покиня, побежали: таково убо московских людей храбрство бысть!» – гордится летописец. Положение же в столице все больше и больше осложнялось. Единственный путь, по которому в город поступало продовольствие – дорога на Коломну, постоянно находился под угрозой. Цена хлеба выросла, как утверждают историки, в 24 раза.

Сдача казачьим атаманом Гороховым, перешедшим на сторону «тушинского вора», села Красного сделала ситуацию в Москве почти непредсказуемой. М. В. Скопин-Шуйский, посланный царем Василием за вспомогательным шведским войском, находился далеко. Лишь 19 августа он занял Калязин на Волге. Подмоги ждать было почти неоткуда.

Однако в то же время на Волге и за Волгой набирало силу освободительное движение. Посадские «миры» с участием дворян и волостных крестьян – «приговорных людей» – взяли дело обороны в свои руки. Весной 1609 г. было освобождено от неприятеля все Заволжье, причем особое упорство в обороне своего города проявили жители Устюжны Железопольской.

Спасла на этот раз столицу, как это ни парадоксально, инициатива польского короля Сигизмунда III Вазы, который решил воспользоваться смутой в соседнем государстве, чтобы вернуть потерянный в 1514 г. Смоленск. В канун 1609 г. меч и шлем нового крестоносца благословил папа Павел V. Вмешательство короля напугало поляков Рожинского, находившихся в Тушинском лагере, потерей всех завоеваний в России, но потом привело к объединению польских сил, бросивших второго самозванца на произвол судьбы. Тушинский лагерь распадался.

Мост через Неглинную. Фрагмент Сигизмундова плана Москвы. 1610 г.

Лжедмитрий, чувствуя опасность, бежал в Калугу. К Сигизмунду III под Смоленск отправилась и часть казаков во главе с Заруцким. Временно Москва могла вздохнуть свободнее, но передышка продолжалась недолго.

Находившиеся в Тушине митрополит Филарет, нареченный здесь патриархом, М. Салтыков с Думой, Заруцкий с ратными людьми и касимовский хан Ураз-Махмед с татарами решили просить на царство у нового претендента на власть в России, короля Сигизмунда, его сына – королевича Владислава. Послы в Смоленске от имени якобы «всех русских людей» 4 февраля 1610 г. изложили королю условия, на которых они согласны с кандидатурой Владислава – переход в православие и изгнание, как «лютых волков», всех иноземцев, которых он должен будет отправить «в их проклятую страну, к их проклятой вере».

Договор был заключен, однако не на этих условиях. Сигизмунд добился согласия на сохранение поляками своей религии, при соблюдении уважения к православию (запрещалось входить в церкви в шапках и вводить туда собак). Боярам

М. В. Скопин-Шуйский. Парсуна.
Царские изографы. 1610 г. или 1619–1630 гг.
ГТГ

и Земскому собору отводилась законодательная и высшая судебная власть; гарантировалась свобода выезда из страны. Поляки сообщали о реакции русских на этот документ: «Ваша свобода вам дорога, а нам дорого наше рабство. У нас есть к тому основания: у вас магнат может безнаказанно обижать крестьянина и шляхтича; у жертв нет другого спасения, кроме судебного процесса, который может безысходно длиться десятки лет; у нас судья – царь, для которого равны все подсудимые, и суд его оказывался более скорым». Тем не менее послы приняли предложение Сигизмунда присягнуть в отсутствие королевича ему самому.

Путь на Москву полякам оказался открытым. Но не только полякам, но и Скопину-Шуйскому, который согласно договору от 9 февраля 1609 г., уточненному в 1610 г. и содержавшему новые земельные уступки Швеции, двинулся освобождать Москву от тушинского и прочего «сброда». Это ему удалось, и племянник царя 12 марта 1610 г. вошел в столицу как ее освободитель. В нем многие, в том числе рязанский воевода Прокопий Ляпунов, увидели не только избавителя, но и преемника царя Василия, которому следовало незамедлительно передать скипетр из беспомощных рук Шуйского. В столицу поспешили и «перелеты», в том числе и дважды бывший уже патриархом Филарет. На этот раз он добровольно сложил с себя сан.

Планам возвышения Скопина, «великого ратоборца», не суждено было осуществиться. 2 мая 1610 г. он умер от жестокого носового кровотечения, вызванного, возможно, ядом. А вслед за тем его политические противники – два дяди, Василий и Дмитрий Шуйские, потеряли свои позиции. Дм.Шуйский «со срамом» возвратился в столицу. Он позорно бежал с битвы под Клушином 24 июня 1610 г., где польские войска во главе с Жолкевским наголову разбили соединенные силы русских и шведов (шведы отказались сражаться, не получив обещанного жалованья). А это привело к падению самого царя: «И тако Василия крепость вся погибе от брата его»[30]. Жолкевский, развивая успех, стал стремительно двигаться к Москве.

В столице усиливалось движение в пользу польского претендента. Но одних поляков было явно недостаточно. У с. Коломенского 11 июля появилось войско Лжедмитрия II. Выбор претендентов на трон и столицу оказался таким образом чрезвычайно широк: Владислав или Сигизмунд, Лжедмитрий II, по-прежнему еще царь Василий, конкурентами ему могли стать младший брат Дмитрий и усвятский староста Ян Петр Сапега, которого поддерживали некоторые бояре в лагере самозванца. Свой выбор сделали братья Прокопий и Захар Ляпуновы и Иван Салтыков. 17 июля 1610 г., выехав на Красную площадь, Захар потребовал от Шуйского отречения от трона. Огромная толпа во главе с Ляпуновым вошла в Кремль, захватила патриарха Гермогена и некоторых бояр и с ними направилась за Арбатские ворота. Ни патриарх, ни бояре не сумели переубедить москвичей. Собравшись за Серпуховской заставой, «князь Ф. И. Мстиславский и все бояре высшие чиновные люди, боярская дума и все окольничие, всякого чина люди, дворяне и гости приговорили... низложить Василия Ивановича». 17 июля 1610 г. он был свергнут.

Власть в стране и Москве была передана Ф. И. Мстиславскому с боярами «до тех пор, пока будет угодно Богу дать стране государя»[31]. В Москву прибыли и тушинцы. Бояре рассчитывали, что в ответ на свержение царя тушинцы откажутся от своего «пана», однако они ошиблись в расчетах. Дабы исключить впредь возможность сохранения Шуйским трона, Захар Ляпунов, князь Василий Тюфякин, Гавриил Пушкин, князь Федор Волконский и «иные дворяне мелкие» заставили Шуйского постричься в монахи. Летописец, рассказывая обо всех этих со-

[30] Временник МОИДР. Т.1. М., 1850. С.116.

[31] *Попов А.С.* Указ. соч. С.46; АИ. Т.III. № 276; СГГД. М., 1819. Ч.II. № 198.

бытиях, объясняет единодушие бояр, дворян и посажан столицы ее бедственным положением: «...пришли под московское государство поляки и литва, а с другую сторону колужской вор с русскими людьми, и Московскому государству с обеих сторон стало тесно»[32].

3. СЕМИБОЯРЩИНА

После низложения Шуйского в результате всевозможных политических комбинаций и долгого выбора из различных кандидатов на царский трон было решено ограничиться только боярским советом. Так возникла Семибоярщина, доставившая потом немало хлопот историкам, которые никак не могли ее точно классифицировать. Страной отныне управляли четыре князя: Ф. И. Мстиславский, И. М. Воротынский, А. В. Трубецкой, В. В. Голицын и три представителя романовского клана – И. Н. Романов и его родственники Ф. И. Шереметев, Б. М. Лыков. Они взяли на себя эти обязанности якобы по поручению Земского собора.

Новой власти пришлось крайне туго. В столице росло число сторонников самозванца. Боярские холопы надеялись на свободу, которую они получат от «хорошего» царя. Посажане, черные люди, готовы были впустить его в город. Перспектива «от холопов своих побитым быть и в вечной работе у них мучитися»[33] определила выбор боярского правительства в пользу польского претендента. Поляки во главе с гетманом Жолкевским 10 июля вышли из Можайска и 6 августа были уже под Хорошевом, селом в семи верстах от города. Приблизились к столице и отряды самозванца, который пытался войти в союз с поляками. Однако Жолкевский предпочел ему Семибоярщину и достиг договоренности о выборе Владислава на русский престол. 17 августа 1610 г. на Девичьем поле было подписано новое соглашение с поляками. «Всю землю» представляли Ф. И. Мстиславский, В. В. Голицын и Д. И. Мезецкий и два думных дьяка В. Телепнев и Томила Луговской. В основу был положен Тушинский договор.

Бояре получили гарантии своего положения: Владислав обещал «прежних обычаев и чинов, которые были в Московском государстве, не переменяти, и московских княженецких и боярских родов приезжими иноземцы в отечестве и чести не теснити и не понижати»[34]. Однако прежний договор был несколько исправлен: изымалась статья о свободном выезде за границу ради торговли или обучения, княжеская верхушка могла пользоваться некоторыми привилегиями, наконец, совместными усилиями должен быть разгромлен «тушинский вор», а Марина возвращена в Польшу. Жолкевский же пообещал вывести польские войска с территории России. Открытым, как и прежде, оставался вопрос о религиозной принадлежности будущего царя Владислава, его оставили до встречи с Сигизмундом III. Присягали новому царю и на Девичьем поле, и в Успенском соборе, а следующие два дня оказались посвященными пирам – то у Жолкевского, то у Мстиславского. Дружественные пирушки сменились не менее дружественным выходом в поход против Лжедмитрия II, который отказался выехать в Польшу («он предпочел бы рабство у крестьянина позору есть хлеб короля»).

Действия совместных сил испугали Лжедмитрия II, и он отступил к Калуге, потеряв при этом поддержку усвятского старосты Сапеги, перешедшего на сторону поляков.

Из Москвы по настоянию Жолкевского вышло колоссальное посольство к королю во главе с В. В. Голицыным. В него входило 1246 человек в сопровождении 4000 слуг (в том числе писарей). Здесь находились Филарет, Авраамий Палицын и Захар Ляпунов. На переговорах с королем послы получили наказ: о переходе Владислава в православие в лагере под Смоленском, его отказе от сношений с папой, обязательной женитьбе на православной и, наконец, снятии королем осады Смоленска. Как залог собственной преданности союзу с Речью Посполитой послы предлагали живой залог – трех братьев Шуйских, которые могли быть отправлены в Польшу[35].

Выбор бояр не поддержали москвичи. Городской люд «вступил с боярами в распрю, требуя перемены государя». Опасаясь новых волнений,боярство допустило в Москву посольский отряд. При появлении в городе пана Гонсевского 17 сентября кто-то ударил в набат. Сбежавшийся народ испугал бояр, и те просили отложить вхождение поляков в Москву. Непримиримым противником этого явился и патриарх Гермоген, с которым боярскому правительству было очень трудно сладить. Патриарх получил резкую отповедь Ф. И. Мстиславского: «Нечего попам мешаться в государственные дела!», зато после Смуты летописцы прославляли «храброе его нападение на латынян». С «зачинщиками из народа» бояре расправились иначе: четверо из них оказались в тюрьме[36].

И. Н. Романов уговаривал народ спокойно встретить защитников от «вора». В результате в ночь с 20 на 21 сентября 1610 г. Кремль, Китай-город и Белый город оказались захваченными поляками. Жолкевский расположился в бывшем дворе Бориса Годунова, получил ключи от всех городских ворот и всюду расставил свою стражу. Москвичам, как светс-

[32] *Попов А.С.* Указ. соч. С.346.

[33] ПСРЛ. Т.XIV. С.102; РИБ. Т.XIII. Стб.1187.

[34] СГГД. Ч.II. №199, 200, 399–403.

[35] АЗР. Т.IV. СПб., 1851. № 318.

[36] *Устрялов Н.Г.* Указ. соч. Ч.2. С.46; АЗР. Т.IV. №299. С.476, 477; РИБ. Т.I. СПб., 1872. С.678–682; *Тимофеев И.* Указ. соч. С.159.

ким, так и духовным лицам, запрещалось ходить к заутрене.

Власть в городе оказалась смешанной. Русские и поляки судили совместно. Первоначально они могли справляться с положением дел в городе. Здесь стали чеканить монеты и медали с изображением нового царя Владислава. Но затем русско-польские власти не замедлили с установлением нового порядка. Как всегда, он начался с раздачи земель: Марфе Нагой досталась волость Устюжна Железопольская, польским и иностранным наемникам – земли под Москвой. После отъезда Жолкевского в смоленский лагерь короля в конце октября 1610 г. начальство над поляками и стрельцами принял «боярин» Гонсевский, назначенный «наместником Владислава» в Москве.

Вместе с Жолкевским в Речь Посполитую должны были следовать русские заложники – Василий и Дмитрий Шуйские, а также 1200 дворян и посадских людей.

Изменился стиль руководства городом. Семибоярщина кончилась, «точию два месяца власти насладишася». Князь Ф. И. Мстиславский стал просто конюшим.

Управление Москвой было предоставлено тушинцам, ныне находившимся под покровительством Гонсевского. Его наиболее доверенными лицами стали «составители всего зла, чьи имена за их дела бесы вписали в свои книги»[37]: боярин М. Г. Салтыков и казначей Федор Андронов. Беспринципные и умные, они извлекали сиюминутную пользу из бесконечно быстро менявшейся ситуации, поставив свой бюрократический талант и опыт на службу той власти, которая в данный момент оказалась особенно щедра на подачки. Процветая в Тушине, они достигли завидных степеней и при польской оккупации. Одну из главных ролей стал играть Федор Андронов, думный дворянин тушинской поры, возможно, гость.

В конце октября в городе было введено осадное положение в связи с угрозой со стороны Лжедмитрия II, в стан которого в сентябре 1610 г. вернулись казаки Заруцкого, вкусившие польских свобод в королевском лагере под Смоленском. Теперь они выступали противниками и царя Василия, и короля, и королевского сына Владислава. А в Москве тем временем был составлен заговор в пользу Лжедмитрия II. Это выяснилось в ходе розыска по делу о поимке лазутчика, который «метал листы от вора с Калуги» и неоднократно приезжал в Москву «с воровскими смутными грамотами». Его поймали, но москвичи отбили лазутчика в Сапожном ряду. Они поддерживали Лжедмитрия II и готовы были броситься на захватчиков и их «доброхотов». Это осложнило положение в столице, наводненной поляками. Жалованье им по распоряжению Сигизмунда должны были платить русские, на что и расходовалась царская казна. Разбили на куски последний предмет из серии изображений святых в натуральную величину – статую Христа весом в 30 тыс. дукатов. Серебряную посуду перечеканили в монету. Несмотря на необходимость сохранения великокняжеских и царских регалий, которые могли еще понадобиться при венчании польского короля или королевича, пострадали и они. Исчезло большинство посохов, служивших знаками власти и высокого положения русских князей.

Жизнь москвичей резко ухудшилась. С первыми намеками на освободительные попытки, исходившие извне, жителям запрещено было пользоваться саблями и топорами, продавать колотые дрова, ибо и поленья в умелых руках могли превратиться в оружие. В город стягивались польские отряды из окрестностей. Москвичам «от литвы и от гайдуков насильство и обида была велика, саблями секли и до смерти побивали, и всякие товары и съесной харчь имали сильно безденежно»[38]. Сознавались в том же и сами поляки: «...наши, ни в чем не зная меры, не довольствовались миролюбием московитян и самовольно брали у них все, что кому нравилось, силою отнимая жен и дочерей у знатнейших бояр», «проигрывали в карты детей знатных бояр и богатых купцов». Гонсевский вынужден был прибегнуть к самым суровым наказаниям: казнить 27 немцев и более 20 подвергнуть телесным наказаниям. За выстрел в икону Богоматери, поступок, оскорбительный для чувств верующих, арианскому сектанту сначала отрубили руки, а затем его заживо сожгли. Этим достигали сразу двух целей – успокоение православных и возвышение католичества. Один из шляхтичей был публично бит кнутом за похищение боярской дочери. Но такие меры мало помогали.

Убийство Лжедмитрия II в Калуге 11 декабря 1610 г. изменило ситуацию, усилив противостояние русских, литовцев и поляков.

Позднее поляки жаловались, что им втридорога продавали все продукты. Дело не ограничивалось насмешками и дискриминацией. «Везде наших заманят на посад, в Деревянный город и в иные тесные места, или, позвав на честь, давили и побивали, а пьяных извощики, приманя на сани, давили и в воду сажали»[39].

Будучи по-прежнему ярым защитником православия, патриарх Гермоген стал тайно рассылать по стране грамоты с призывом спешить на выручку Москве, при этом он освобождал всех от присяги Владиславу. Одновременно посылались грамоты и от самих москвичей: «Для Бога не презрите бедного и слезного нашего

[37] *Тимофеев И.* Указ. соч. С.129.

[38] *Попов А.С.* Указ. соч. С.347; РИБ. Т.XIII. Стб. 211,212; *Буссов К.* Указ. соч. С.189; *Устрялов Н.Г.* Указ. соч. Т.2. С.46, 48; АЗР. Т.IV. С.478, 479.

[39] *Соловьев С.М.* История России. Т.II. М., 1964, С.1082.

рыдания, будьте с нами обще, заодно против врагов наших и ваших общих!»; «Душами и головами станьте с нами обще против врагов креста Христова». Взывали к национальным чувствам всей страны: «Помяните одно, только коренье, основание крепко, то и древо неподвижно, только коренье не будет, к чему прилепитися?»

«Время, время пришло, во время дело подвиг показати...» – призывал анонимный автор подметного письма, воодушевляя сограждан на борьбу с «душепагубными волки». Этот призыв не остался без ответа. 1 марта Первое ополчение подошло к Николо-Угрешскому монастырю с дворянскими отрядами из Рязани и других областей, на следующий день – П. Ляпунов, а затем – князь Д. Т. Трубецкой с тушинскими дворянами и И. Заруцкий. Они остановились у Симонова монастыря. Поляки предприняли различные меры предосторожности: одни кремлевские ворота в сторону Китай-города были закрыты, другие открывались наполовину, у «тех утесненных врат» стояли стражи с обнаженным оружием в руках. Возы, въезжавшие в Москву, обыскивались. И тем не менее дело не обходилось без инцидентов. При покупке в феврале или 17 марта 1611 г. овса, за который с польского пахолка (слуги) потребовали двойную цену, произошло столкновение у Водяных ворот Кремля, которое закончилось кровопролитием. Вмешательство Гонсевского не помогло: «Мы без ружей и дубин побьем вас колпаками!.. убирайтесь отсюда и очистите наш город!» – кричали москвичи.

Гонсевский требовал от Гермогена прекратить рассылку листов по стране и приостановить продвижение Первого ополчения к Москве во главе с Прокопием Ляпуновым. Патриарх выставил условие, «будет вы поидете все литовские люди из Московского государства». Двор патриарха был распущен, а сам он взят под стражу.

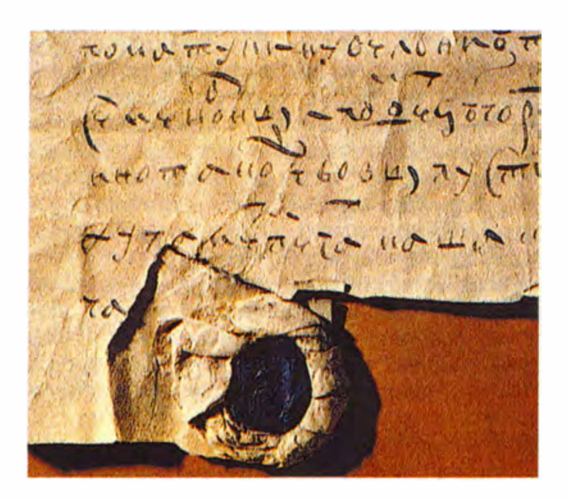
Весной в столице распространился слух, будто поляки и Салтыков собираются во время шествия «на осляти» в Вербное воскресенье 17 марта 1611 г. убить патриарха Гермогена, который к этому времени стал знаменем всех православных москвичей. В шествии приняло участие незначительное количество жителей.

4. ОСВОБОЖДЕНИЕ

Войска Первого ополчения 19 марта попытались проникнуть за стены города, воспользовавшись стычкой поляков с извозчиком, которого они принудили тащить пушку на укрепления. Извозчик убил поляка. Наемники, решив, что началось восстание, принялись за русских сначала в Кремле, а потом и на Красной площади, где учинили жестокую резню ремесленников и торговцев, грабили и убивали «на площади и в рядах и по улицам». Но в Белом городе по звуку набата вооружались люди. Об этих уличных боях рассказывал один из участников: «Мы кинемся на них с копьями, а они тотчас загородят улицу столами, лавками, дровами; мы отступим, чтобы выманить их из-за ограды, они преследуют нас, неся в руках столы и лавки, и лишь только заметят, что мы намереваемся обратиться к бою, немедленно заваливают улицу и под защитою своих загородок стреляют по нас из ружей».

Одним из главных мест боя стала Никитская улица. Русские имели явный перевес, но тут на помощь полякам пришли три роты мушкетеров, присланные Маржеретом. «Сеча была ужасная!» – писал К. Буссов, она продолжалась более часа. Не легче оказался бой на Сретенке, где у церкви Введения Богородицы Д. М. Пожарский, поспешивший на помощь москвичам с небольшим конным отрядом, соорудил острожек и поставил орудия. Пожарский с пушкарями, жившими на Сретенке, «втоптал» мушкетеров в Китай-город. Огонь битвы не угасал в Кулишках, у Яузских ворот, Тверских, на Сретенке и в других местах. Наконец, отчаявшись, поляки кликнули клич: «Жги дома!» Несмотря на огонь, охвативший город, Пожарскому удалось сохранить свои позиции в Белом городе. Позднее в стычке с подоспевшими польскими отрядами Струся он был ранен и вывезен в Троице-Сергиеву лавру. В среду 20 марта за два часа до рассвета немецкие наемники продолжали поджигать город. То же сделал и Салтыков со своим двором в Белом городе. Занялось Замоскворечье. Ночью стало так же светло, как в ясный, солнечный день. В дыме пожара хозяйничали иностранные войска, избивавшие беззащитных жителей, в том числе женщин и детей. «Москву можно было уподобить только аду», в ней не осталось ни кола, ни двора. «И не едине книга богословец, ниже жития святых, и не философские, ни царьственныя книги, ни гранографы, ни историки, ни прочие повестные книги не произнесоша нам таковаго наказания ни на едину монархию, ниже на царства и княжения, еже случися над высочайшею Россиею»,– писал потрясенный видом пепелища автор «Плача о пленении и о конечном разорении превысокого и пресветлейшего Московского государства». Редкое оставшееся население разбредалось по всем дорогам из Москвы. «С Москвы до самые Яузы не видеху снегу, все идяху людие»[40]. Многие нашли прибежище в стане Первого ополчения. Сапега,

[40] *Устрялов Н.Г.* Указ. соч. Т.2. С.64, 65; ПСРЛ. Т.XIV. С.209.

Грамота кн. Дм. Пожарского и Д. Т. Трубецкого на Белоозеро. 1611 г. РГАДА

разбивший лагерь на Поклонной горе, двинулся к Лужникам, но вынужден был отступить и направился из города к Переславлю-Залесскому, чтобы добыть продовольствие для кремлевского гарнизона. В Великий четверг, после нескольких дней избиения (на улицах находилось около 7000 тел), оставшиеся жители согласились принять новую присягу, в знак которой должны были носить особый холщовый пояс.

Весть о приближении казаков Первого ополчения дала москвичам новые силы для сражения с поляками. Отряд Просовецкого был разбит, и к Пасхе, 24 марта, войско Первого ополчения окружило Москву. 1 апреля оно вышло к стенам Белого города, 6 апреля ему удалось захватить его большую часть. Поляки засели в Кремле и Китай-городе. Опять вспыхнули уличные бои, и в ночь с 21 на 22 мая ополчение было выбито из Белого города.

Борьбе за освобождение столицы серьезно препятствовали распри в среде ополчения. Каждый военачальник сам раздавал поместья, в каждом полку действовали свои Поместный и Разрядный приказы. Особенно влиятелен был П. Ляпунов, скреплявший грамоты собственной печатью. Он быстро обнаружил диктаторские наклонности: «...не по своей мере вознесся и гордость взя... Приходяху бо к нему на поклонение и стояху у него у избы многое время... х казаком жесточь имеяша. За то же на него бысть ненависть великая».

В мае 1611 г. был создан так называемый Совет земли из представителей дворян и казачьей верхушки, который взял в свои руки верховную власть, отдав исполнительную воеводам – знатному потомку великих князей литовских Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому, а также Заруцкому и Ляпунову. Однако казачьи отряды Трубецкого и Заруцкого жили особой жизнью. Заруцкий захватил многие города и волости, где собирал доходы только в пользу собственного отряда.

Согласно приговору от мая 1611 г. дворяне и дети боярские из городов должны были явиться под Москву до 29 мая 1611 г. В дворянско-казачьей челобитной предлагалось наделить землями «бедных, разоренных, безпоместных и малопоместных». Однако приговор ополчения от 30 июня 1611 г. обнаружил стремление Прокопия Ляпунова открыто проводить единую продворянскую политику. Приговор закрепил организационную структуру ополчения, сложившуюся ранее,– Совет всей земли – и ввел систему центральных учреждений (Разряд, Поместный, Разбойный, Земский приказы, Большой приход) и местных. По приговору все дворяне, участвовавшие в борьбе за освобождение страны, а также их жены и дети вознаграждались землей. Издавна служившие атаманы и казаки также должны были получить земли, «верстаться» поместными и денежными окладами и «служить с городы». Но крестьяне, убежавшие от помещиков, как и по Уложению 9 марта 1607 г., возвращались их прежним владельцам[41]. Казачьи атаманы отстранялись от своих должностей. Таким образом, приговор явно ориентировался на дворянскую часть ополчения, он полностью пренебрегал интересами казаков. Они «с тое же поры начаша думати, как бы ево убити»[42]. За «думой» последовало и дело – П. Ляпунов погиб 22 июля 1611 г. А вскоре польско-литовские войска добились некоторых успехов. Сапеге с обозом продовольствия удалось не только прорваться в город, но и дать отпор ополченцам. Поляки полностью очистили Белый город, в том числе и Новодевичий монастырь – важный стратегический пункт по дороге на запад.

Конец года не принес перемен. Осажденные в пределах Кремля поляки начали терпеть нужду и лишения. Кроме того, им не выплачивали жалованье. Вновь пошли в ход сокровища из царской казны: короны Годунова и Лжедмитрия, две царские шапки (всего, по словам Буссова, семь, правда, Маржерет видел лишь четыре), золотой скипетр с драгоценными камнями (три – по Буссову), яблоко (держава) и т.д. Словом, как отметил Гонсевский, «делили то, што за саблею воинским правом взяли», как то «исконе повелося»[43], но и этого не хватило на выплату жалованья. В январе 1612 г. большая часть поляков оставила Москву, чтобы вернуться на родину. В конце мая 1612 г. гетман К. Хоткевич стал со своим отрядом в Хорошеве и 5 июня сделал попытку разогнать ополченцев. Поняв тщетность своих усилий, он бросил поляков, засевших в Кремле, на произвол судьбы и с частью отряда Гонсевского возвратился в Польшу. В Кремле остался полк Будилы и часть отряда Струся, который и стал во главе войск.

[41] *Шепелев И.С.* Вопросы государственного устройства и классовых противоречий в Первом земском ополчении // Сб. науч. трудов Пятигорского гос. пед. ин-та. Вып.2. Сер. ист.-филолог. 1948.

[42] ПСРЛ. T.XIV. С.112, 113.

[43] *Устрялов Н.Г.* Указ. соч. Ч.2. С.82, 83; АЗР. T.IV. С.496.

Трагичной оставалась и общая ситуация в России. В начале июня 1611 г. после 20-месячной обороны пал Смоленск, в июле шведы вошли в Великий Новгород. Первое ополчение распалось, в лагере осаждавших происходили развал и брожение. 2 марта 1611 г. все войско, осаждавшее Москву, присягнуло псковскому самозванцу Сидорке (якобы московскому самозванцу «из-за Яузы»), который, не пользуясь действительной поддержкой, 18 мая бежал из лагеря под Москвой. Бояре, засевшие вместе с интервентами в Кремле, растеряли остатки авторитета.

На этот раз спасителем столицы выступил земский «мир» Нижнего Новгорода, одного из крупнейших городов России. Кузьма Анкудинович Минин Сухорук, «торговый человек от простых людей», «продавец мясу и рыбе в требование людем», «смышленый и язычный», был избран в земские старосты[44]. Высокое чувство ответственности за судьбу страны («поболе душою за люди Господни»), сопричастности к трагедии столицы сделало его фактическим инициатором и совестью Второго ополчения.

Он предложил собирать деньги для нового ополчения, не жалеть «животов своих» (имущества), «дворы свои продавать и жены и дети закладывать». Был объявлен принудительный сбор «пятой деньги» от промысловой и торговой деятельности. Минину же принадлежит и заслуга приглашения Пожарского в качестве военного предводителя Второго ополчения.

Их подвиг запечатлен в народной памяти. В одной из песен есть такие слова:

Поднялися те добры молодцы,
Поднялися те Руси верные,
Что Пожарский князь с купцом
Мининым,
Вот два сокола, вот два верные
Поднялися вдруг, пустилися,
Пособравши рать, рать последнюю[45].

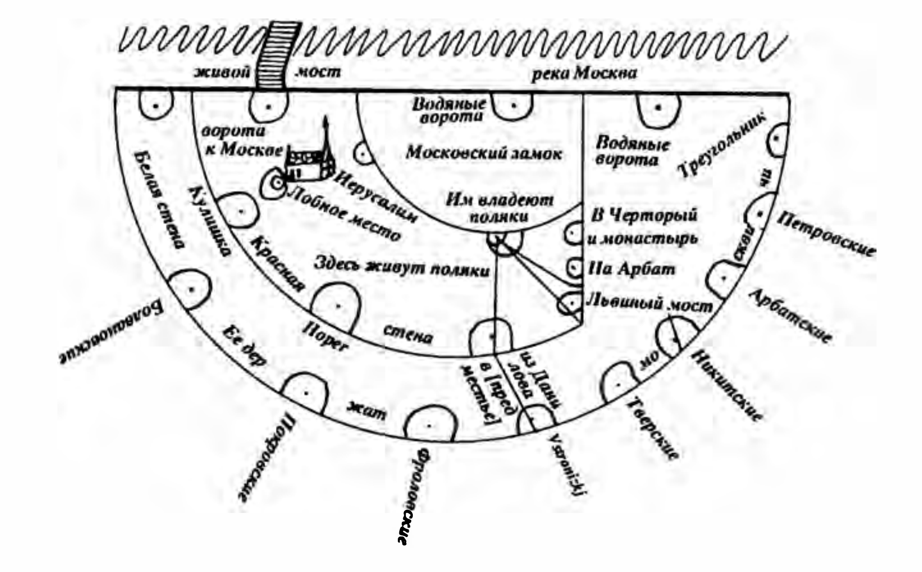
Это только в песне они «поднялися вдруг», на самом деле их путь к Москве был долог и труден. Четыре месяца в Ярославле ушли на сбор средств и военной рати.

Бояре запугивали дворян своеволием казаков, затрудняя тем самым деятельность Второго нижегородского ополчения. Иной была позиция патриарха Гермогена. Литовские люди потребовали от бояр, чтобы они с помощью патриарха запретили ополченцам приближаться к Москве. И на этот раз престарелый патриарх остался непреклонен. «Да будут те благословенни, которые идут на очищение Московского государства, а вы,– обратился он к боярам,– окаянные московские изменники, будете прокляты»[46]. Этих слов бояре ему не простили. Старика начали морить голодом, и 17 декабря 1612 г. он умер. Торжества по случаю освобождения Москвы и ее «очищения» состоялись уже без него.

24 июля 1612 г. к Москве подошел первый отряд Второго ополчения и стал у Петровских ворот. А через четыре дня Заруцкий с частью казаков бежал из лагеря. 2 августа Москвы достиг второй отряд Второго ополчения – князя Д. П. Лопаты-Пожарского, и занял позиции здесь же, у Петровских и Тверских ворот. Основная масса войска Второго ополчения с князем Д. М. Пожарским вскоре тоже прибыла под Москву и остановилась на Яузе в 5 км от города. Пренебрегая предложением Трубецкого, главы остатков Первого ополчения, присоединиться к нему, Пожарский 20 августа поставил острог у Арбатских ворот Белого города, а другие отряды распределились на территории от Петровских до Никитских и Чертольских ворот и Алексеевской башни. Так Пожарский «отнял… весь Белый город». Трубецкой занял Замоскворечье. После некоторой задержки нижегородское ополчение Д. М. Пожарского объединилось с остатками Первого ополчения во главе с Трубецким. В целом под Москвой оказалось 8–10 тыс. плохо обученного и не имевшего опыта войска, из них 4000 казаков, 1000 стрельцов, остальное составляла дворянская конница и крестьянско-посадское ополчение. Вооружены были все по-разному – от дубины до мушкета.

Едва успели соорудить острожки, как к вечеру 21 августа появилось вышедшее из Вязем 12-тысячное войско Хоткевича, где были и конные шляхетские сотни, и наемная пехота (венгры, немцы, поляки численностью 1500 человек). Все они расположились у Поклонной горы, блистая оружием и нарядами.

22 августа Хоткевич начал наступление от Новодевичьего монастыря, стремясь прорваться к Арбатским и Чертоль-

План Москвы К. Буссова. 1612 г. Вольфенбюттель

[44] ПСРЛ. Т.XIV. С.115; РИБ. Т.XIII. Стб.1222.

[45] Исторические песни XVII в. М.; Л., 1966. С.97.

[46] ПСРЛ. Т.XIV. С.117.

Сретение иконы Владимирской Богоматери. Начало XVII в. ГРМ

ским воротам. Вскоре бой перешел в рукопашный, конница спешилась, к шляхте присоединились ландскнехты. Трубецкой, обиженный отказом Пожарского встать табором вместе с ним, спокойно смотрел на развертывавшееся перед ним сражение. «Богати пришли из Ярославля, и сами одни отстоятся от етмана»,– говорили казаки. Лишь конные сотни, присланные ранее Пожарским Трубецкому, «самовольством» бросились на выручку своих. Вылазку осажденных отбили. Стрельцы снова отбросили их в Кремль. Первая попытка Хоткевича оказать помощь осажденным в Кремле провалилась. Так же закончилась и его ночная попытка провезти провиант. Будила записал в дневнике: «Русские, наевшиеся хлеба, были сильнее наших, которые шатались от дуновения ветра». Правда, он забыл о главном: стрельцов вдохновляла идея освободить столицу от непрошенных и упорных «гостей».

На следующий день гетман Хоткевич решил зайти со стороны Замоскворечья и подступил к Донскому монастырю. Пожарский остановился на Остоженке у церкви Ильи Обыденного, вдоль Земляного города устроились стрельцы, Трубецкой с казаками – в Лужниках. Острожек у Климентовской церкви на углу Ордынки и Пятницкой охраняли его же казаки. Однако полного единодушия среди ополченцев не было. Казаки укоряли дворян «яко многими имении богатящихся, себе же нагих и гладных нарицающе». Они утверждали, что «бедны и не пожалованы» и намеревались «разорити дворянские полки». Действительно, благодаря умелым действиям К. Минина отряды Д. Пожарского снабжались лучше, чем «полк» Трубецкого. Хоткевич двинул свои полки на прорыв и вначале добился успеха. В результате стрельцы вынуждены были отступить. Захвачен был и Климентовский острожек, но лишь на короткое время. Польское знамя, водруженное на храме св. Климента, папы римского, оказалось сигналом к казачьей атаке, поддержанной и москвичами. «Младенцы, и жены, и вдовы на приступы у острожку устремишася, и солому, и сено, и хворост с огни приношаху и зжигающе». Исход битвы решила атака конных сотен К. Минина. Казакам удалось не только отбить острожек, но и вернуть укрепления Земляного города. Захватили и обоз, стоявший на Большой Ордынке. Хоткевич увел от Москвы поредевшее воинство. Но в Кремле и Китай-городе находился гарнизон интервентов. Главы ополчения – стольник князь Д. М. Пожарский, тушинский боярин Трубецкой и выборный человек К. Минин – достигли соглашения, как считают, под воздействием казаков. Свою заслугу в этом видели и церковные деятели: Авраамий Палицын, Дионисий.

Вслед за разгромом Хоткевича началась осада Кремля и Китай-города. В Замоскворечье выкопали большой ров и провели два ряда плетней, засыпанные землей.

Д. М. Пожарский предлагал осажденным сдаться: «Ведомо нам, что вы, сидя в осаде, терпите страшный голод и великую нужду... Не ожидайте гетмана... Ваши головы и жизнь будут сохранены вам». Он предлагал даже повозки для тех, кто, ослабев от голода, уже не мог ходить. Ответ звучал надменно и уничижающе: «Пусть хлоп попрежнему возделывает землю, поп пусть знает церковь, Кузьмы пусть занимаются своей торговлей».

До ноября 1612 г. объединенным русским силам не удавалось выбить поляков Струся из Кремля. Те, одичав и озверев от голода, принялись за людоедство, вспыхивали ссоры из-за дележки трупов собственных товарищей и родственников. Наконец, 22 октября казаки во главе с Трубецким взяли Китай-город. 26 октября сдался и кремлевский польский гарнизон. Однако первыми покинули Кремль бояре – бывшие члены Семибоярщины – Ф. И. Мстиславский, И. М. Воротынский, а также двое

Романовых – И. Н. Романов с племянником Михаилом, будущим царем, и его матерью.

В первое воскресенье после капитуляции поляков по Москве двумя потоками прошел крестный ход – из церкви Казанской Божьей Матери и из Кремля. На Лобном месте архимандрит Троице-Сергиевой лавры отслужил молебен. При виде иконы Владимирской Божьей Матери ликованию присутствующих не было предела. Однако вскоре радость была омрачена – обезображенные иконы, оскверненные храмы, груды тел, служивших пищей захватчикам, предстали перед их взорами, и скорбь охватила войско и московский люд.

Тем не менее в разоренный город стали возвращаться «всякие жилецкие люди». В Кремле, в Китай-городе, за Неглинной и в Белом городе «почали дворы ставить, где кому годно и сручно». В Москве в это время возникла Казачья слобода за Яузскими воротами Белого города. Продовольствия в Москве зимой 1612/13 г. явно не хватало, и от голода умирали не только черные люди, но и дворяне-ополченцы. Казакам предоставляли различные территории в кормление, где они могли собирать не только продовольствие (из расчета два пуда осьмина муки, два пуда сухарей, четверть пуда соли, четверть туши мяса, 0,1 четверти толокна, четверть овса и воз сена на казака в месяц), но и шубы. Москву из страха расправы покинули и члены боярского правительства, сотрудничавшие с поляками.

Последняя угроза столице исходила от Сигизмунда III, который еще надеялся овладеть Москвой. Однако польский король в зимних условиях «осекся» уже на Волоколамске и на большее не решился. Он покинул страну.

Встал вопрос о восстановлении власти. «Дом без главы, удобный к разорению» должен был получить государя. Пока же в столице «властвовали» казаки. «И хожаху казаки в Москве толпами, где ни двигнуться гулять в базары человек 20 или 30, а все вооружены, самовластны,– писал позднее автор «Повести о Земском соборе 1613 г.»,– от боярска же чина никто же с ними впреки глаголети не смеюще и на пути встречающе, и бояр же в сторону воротяще от них, но токмо им главы свои поклоняюще». В начале ноября разослали грамоты с призывом прислать 6 декабря по 10 выборных («лутчих и разумных и постоятельных людей») от посадов и уездов «для великого земского дела». С января 1613 г. выборные стали собираться в Москве – их оказалось 600 человек. От столичных чинов (московских дворян, стольников, стряпчих) и дьяков – до 250 человек, кроме того группа гостей, члены Боярской думы и духовенства. Было несколько представителей черносошного крестьянства, посадских людей (в том числе и из Сибири).

Церковь Покрова Богородицы в Медведкове, построенная Дм. Пожарским в 20-е гг. XVII в.

Земский собор, открывшийся 7 января 1613 г., оживленно и пристрастно рассмотрел кандидатуры. «Маринки с сыном не хотеть», «литовского и свейского короля и их детей, за их многие неправды, и иных никоторых земель людей на Московское государство не обирать»,– гласили решения собора. Боярская аристократия предлагала кандидатуру князя И. В. Голицына, но его подвела позиция во время Смуты. Делались предложения об избрании Д. Г. Трубецкого, Д. М. Пожарского, И. И. Шуйского.

Трудно сказать, сколько стоили ежедневные в течение полутора месяцев заседаний Земского собора пиры, которые устраивал в своем, бывшем Б. Годунова, дворе в Кремле Трубецкой для казаков, «моля их, чтоб быти ему на России царем».

Казаки выдвигали не только его, но и М. Ф. Романова и Д. М. Черкасского. Бояре противопоставляли им шведского герцога Карла Филиппа. Однако, по словам известного советского историка Л. В. Черепнина, «казаки и городской плебс добивались удобного для них царя» и, не дождавшись избрания такового, «на черкас, и на Ивашка Заруцкого (ушедшего из-под Москвы в Коломну еще в конце июля 1612 г. и находившегося в Рязанской земле.– *Авт.*) итти не хотели». Они настойчиво требовали ускорения избрания царя и прибегали при этом к крайним мерам – около 500 казаков с общевойскового круга отправились од-

Земский собор 1613 г. Миниатюра из рукописной книги «Избрание на царство царя Михаила Федоровича». 1672 г. ГМЗМК

нажды к местоблюстителю – хранителю патриархии, крутицкому митрополиту Ионе. Вломившись на подворье, они «з трудными словесы обратились к Ионе: «Дай нам, митрополит, царя, государя на Россию, кому нам поклониться и служити и у ково жалованья просити, да чево нам гладною смертию измирати!» Наконец, 21 февраля казаки и чернь ворвались в Кремль на заседание Земского собора, обвинили бояр в проволочке с выборами ради сохранения власти в собственных руках и «не отходили от Кремля, пока дума и земские чины в тот же день не присягнули» Михаилу Романову. Его они назвали потому, что якобы царь Федор «благословил посох свой» именно его отцу. Перепуганного Ивана Никитича Романова, объяснявшего казакам, что Михаил еще молод и «не в полнем разуме», казаки уговаривали так: «... ты, Иван Никитич, стар, в полне разуме, а ему, государю, ты по плоти дядюшка прирожденный, и ты ему крепкий потпор будеши». Другие члены этого многочисленного рода надеялись на получение власти, поскольку «Миша Романов» им будет поваден»[47]. 21 февраля 1613 г. «Миша Романов» был избран. Он тогда находился далеко от Москвы – в Костромском уезде.

Смутное время для москвичей на этом не кончилось. Попытка нового правительства перевести всех казаков под начало царских воевод не увенчалась успехом. Пришлось иметь дело с большим отрядом казаков атамана М. И. Баловнева. Сначала казаки находились в с. Ростокино, затем у Донского монастыря. Да и весь город был наводнен казаками, которые требовали уплаты «полного жалования» или передачи в счет его Северских городов. В ответ правительство применило военную силу. Баловнев с ближайшими сподвижниками был повешен.

Оставалась другая угроза. Варшавский сейм в июле 1616 г. принял решение о новом походе на Москву с целью посадить на престол «законного» государя, королевича Владислава. Снова в Москву отправился гетман Карл Хоткевич. 13 сентября 1618 г. польское войско вошло в Звенигород, а 20 сентября оно достигло Тушина.

На срочно собранном Земском соборе 9 сентября было решено готовить столицу к осаде. Стена Деревянного города спешно отстраивалась и вооружалась пушками. Однако в Москве началось брожение: ратные люди «приходяху на бояр с большим шумом и указываху, чево сами не знаху». Положение осложнилось тем, что в сентябре польское войско соединилось с гетманом Запорожского казачьего войска Петром Конашевичем Сагайдачным, и уже в ночь на 2 октября объединенные силы сделали попытку штурма Москвы. «Москву возьмем, и бояр, и дворян, и всяких служилых и жилецких людей присечем. Полно... нас воеводы, по городам и в острожках метали!»[48] – говорили казаки. Но Москва не сдалась. Неприятель вынужден был убраться восвояси.

На этот раз набег на Москву оказался кратковременным, он с самого начала был обречен на провал. Деулинское перемирие 1 декабря 1618 г. завершило этот период в истории России и в истории Москвы, принесший столице массу страданий. Годом ранее был заключен Столбовский мир со Швецией.

[47] *Любомиров П.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939.

[48] *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С.166.

VII

СТОЛИЦА «МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА» – ПОСЛЕДНИЙ ВЕК (XVII СТОЛЕТИЕ)

XVII столетие – последний век Москвы как столицы «Московского царства». Чем же отличалась Москва XVII в. от Москвы XVI в.? Посещавшие город в первой трети XVII в. иностранцы утверждали, что Москва XVI в. была многолюднее, обширнее города XVII в. Основной причиной этому явились бедствия Смутного времени: частая смена политической власти, боевые действия, сопровождавшиеся грабежами, пожарами и гибелью людей. Историю Москвы XVII в. логичнее рассматривать с 1613 г., с избрания на царство Михаила Федоровича Романова и прихода к власти новой династии. Актом избрания был решен вопрос о власти, закончилось Смутное время, наступила эпоха относительной политической стабильности. А это, в свою очередь, способствовало возрождению города как хозяйственного и культурного организма. Таким образом, Москва XVII в.– это столица пришедшей к власти династии Романовых. Другой характерной чертой города явилось наличие высших административных органов управления страной (приказов), которые окончательно сформировались в тот период, а также нового слоя жителей – приказной бюрократии. И, наконец, третье отличие – постоянное присутствие нескольких полков отборной пехоты, стрелецких и солдатских. Московские стрельцы в XVII в. превратились в грозную силу, непосредственно влиявшую на политическую жизнь не только города, но и всей страны.

1. ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

Москва, когда впервые представала перед взорами иностранцев, поражала всех без исключения. Впечатляли огромные размеры города (обширнее Константинополя). Столица занимала открытое место и была расположена на нескольких холмах, иногда подчеркивалось, что Москва, по аналогии с Римом, возвышалась на семи холмах. Окружность внешних укреплений (Земляного вала) определялась в 19 и даже в 30 верст. Из центра города до окраины на карете или в санях можно было добраться за час езды. Преобладали широкие улицы, по некоторым из них в ряд могли проехать четыре кареты. Но мощенных деревянным настилом улиц имелось немного, в основном немощеные, в ненастную погоду трудно проходимые из-за грязи. В черте города оставалось много пустого пространства, садов, имелись выгоны для скота и даже луга.

В XVII в. в городе преобладали деревянные дома. Каменных построек насчитывалось мало, принадлежали они высшим церковным иерархам, богатым монастырям, крупным феодалам и богатым купцам. Простой народ жил в обычных избах. Московские дома казались европейцам, привыкшим к каменной архитектуре, неказистыми и бедными. Все они обращали внимание на обилие в Москве церквей и часовен как каменных, так и деревянных. Культовые постройки были при монастырях, в городских усадьбах крупных феодалов, а большинство их стояло на посаде. Традиционно считалось, что в Москве по большим праздникам звонили «сорок сороков». Когда звонили в большой кремлевский колокол, «он издавал звук, подобный грому. Не только стоящие подле не слышат, что кричат друг другу, но и те, которые находятся внизу, и даже те, которые стоят в соборе и в других церквах»[1].

Весьма противоречивы сведения о количестве дворов и числе жителей в Москве в тот период. Всего в городе XVII в. было около 20–30 тыс. дворов. В переписи 1701 г. зафиксировано 16 353 двора. Численность населения, вероятно, колебалась в пределах 150–200 тыс. человек обоего пола (не только постоянных жителей, но и временно проживающих, в частности, пришедших на заработки).

[1] Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. М., 1870. С.108, 342; Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским // ЧОИДР. Кн.3. М., 1898. С.1, 31, 110; Кн.4. С.3, 8,9; *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1916. С.198–200; *Стрейс Я.Я.* Три путешествия. М., 1935. С.156, 157, 159.

Троицкая башня Московского Кремля. Конец XV–XVII вв.

Дровяной торг. Фрагмент Сигизмундова плана Москвы. 1610 г.

Национальный состав московских жителей отличался чрезвычайной пестротой. Помимо русских в Москве проживали представители практически всех народов, населявших Российское царство. Здесь также можно было встретить купцов и их приказчиков из стран Западной Европы, помимо них греков, персов, турок, татар и т.д. В городе жили нанятые на русскую службу офицеры, инженеры, врачи и аптекари, а также представители различных ремесленных специальностей – в основном выходцы из западно- и центральноевропейских государств. Иностранные наблюдатели подметили, что в Москве проживало сравнительно немного лиц католического вероисповедания. Причина здесь религиозная. Так, первая католическая церковь была построена в Немецкой слободе лишь в 90-х гг. XVII в. в правление Петра I, в то время как протестантские церкви действовали в Немецкой слободе с самого начала ее существования[2] (к протестантам власти традиционно относились более терпимо).

Дворы значительно различались как по размерам, так и по количеству и качеству построек на них. Усадьбы бояр размещались иногда на площади более гектара. Они представляли собой комплексы жилых и хозяйственных построек, включая сады и огороды. Жилое помещение могло быть возведено из дерева, кирпича или камня. На этих городских усадьбах крупные феодалы строили домовые церкви, которыми пользовались их семьи и слуги. Численность слуг доходила иной раз до нескольких сотен, а по словам иностранцев, до 3–4 тыс. человек. Высокие, крепкие стены, множество вооруженных слуг превращали двор-усадьбу боярина в небольшую крепость. Среднее московское дворовладение равнялось примерно 300 кв. м., но имелись совсем маленькие дворы – всего 40 кв.м. При любой возможности дворовладельцы возводили помимо жилых, и хозяйственные строения. У самых бедных жителей все постройки ограничивались, по сути, деревенской избой. Общим было то, что жилые дома находились внутри дворовладения, а на улицу выходили заборы и хозяйственные строения[3].

Настоящим бичом города являлись, как и прежде, пожары. Они случались часто, особенно в летнее время. Причем в качестве причин пожаров отмечались как беспечность, так и поджоги. Вообще в летнее время пользоваться огнем следовало крайне осторожно. Как писал дьякон Павел Алеппский, «всякого, у кого заметят дым, выходящий из дома, тащат, бьют, заключают в тюрьму и берут с него большой штраф». Вековой опыт борьбы с пожарами предписывал избегать скученности деревянных построек, строго придерживаться интервалов между ними, а

[2] *Забелин И.* История города Москвы. Ч.I. М., 1902. С.167,168; *Ключевский В.О.* Указ. соч. С.201; *Богоявленский С.К.* Московские слободы и сотни в XVII в. // Московский край в его прошлом. Ч.2. М., 1930. С.127; *Снегирев В.Л.* Московские слободы. Очерки по истории московского посада XIV–XVIII вв. М., 1956. С.14, 19, 20; *Водарский Я.Е.* Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). М., 1973. С.43,44; *Невилль де ля.* Записки о Московии. М., Долгопрудный, 1996. С.164, 173. *Корб И.Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906. С.55.

[3] Подробное описание путешествия Голштинского посольства... С.107; Путешествие Антиохийского патриарха... // ЧОИДР. Кн.3. М., 1898, С.31; История Москвы. Т.1. Период феодализма. XII–XVII вв. М., 1952. С.504–510; *Снегирев В.Л.* Указ. соч. С.130–131.

[4] *Берх В.* Царствование царя Михаила Федоровича и взгляд на междуцарствие. Ч.1–2. СПб., 1832. С.151–153, 167, 211; Подробное описание путешествия Голштинского посольства... С.106–108; Путешествие Антиохийского патриарха... // ЧОИДР. Кн.4. М., 1898. С.10; *Ключевский В.О.* Указ. соч. С.199; *Снегирев В.Л.* Указ. соч. С.55–63.

[5] Итоги морового поветрия в Москве в 1654 г. // ЧОИДР. Кн.4. М., 1892. С.26; Путешествие Антиохийского патриарха... // ЧОИДР. Кн.3. М., 1898. С.2; *Звягинцев Е.* Чума в Москве в XVII–XVIII вв. // Исторический журнал. 1937. № 2. С.52–55.

также определенной ширины улиц и переулков. Но правила нередко нарушались, и в результате бороться с огнем оказывалось чрезвычайно трудно. При возникновении пожара били в набат, на кремлевских стенах особые дозорные звонили в колокол. Тушить пожар вменялось в обязанность жителям той слободы, где он возник. Особые команды стрельцов разбирали близлежащие к очагу пожара постройки, чтобы огонь не распространялся дальше. Тем не менее огонь быстро охватывал целые городские кварталы. Самым памятным в XVII в. был пожар 1626 г. Он начался в Китай-городе и перекинулся на Кремль. Дул сильный ветер, а улицы и переулки были «перед прежним тесны». Помимо тысяч строений, огонь уничтожил архивы и почти все текущее делопроизводство московских приказов. После пожаров Москва восстанавливалась довольно быстро. В городе даже существовал специальный рынок, где можно было купить готовый деревянный сруб[4].

Наряду с пожарами всеобщим бедствием, правда гораздо более редким, являлись эпидемии. В 1640 г. в городе вспыхнула эпизоотия. Городские власти издали специальный указ о вывозе сдохших животных за пределы города и захоронении их на пустырях, вдали от сел и деревень. В течение полугода в 1654 г. в Москве свирепствовала чума. Ежедневно люди умирали сотнями, а в разгар эпидемии – тысячами. Москвичи гибли целыми семьями, дворами и даже улицами, не все трупы были погребены. Ввиду спешного отъезда из Москвы царской семьи, патриарха и властей городское управление было дезорганизовано, никто не боролся с воровством и грабежами, хозяйственная жизнь замерла. Лишь зимой, в декабре, чума прекратилась, но и в 1655 г. чувствовались ее последствия. Так, посетивший Москву в это время в составе свиты антиохийского патриарха Макария дьякон Павел Алеппский писал, что город был безлюден, а большинство домов стояли пустыми. Считается, что всего от чумы погибло до 150 тыс. человек (притом, что в XVII в. население Москвы не превышало 200 тыс. человек). Почти полностью вымерло население городских усадеб крупных бояр и большинство тяглых посадских людей[5].

Боярская площадка в Кремле. Гравюра. XIX в.

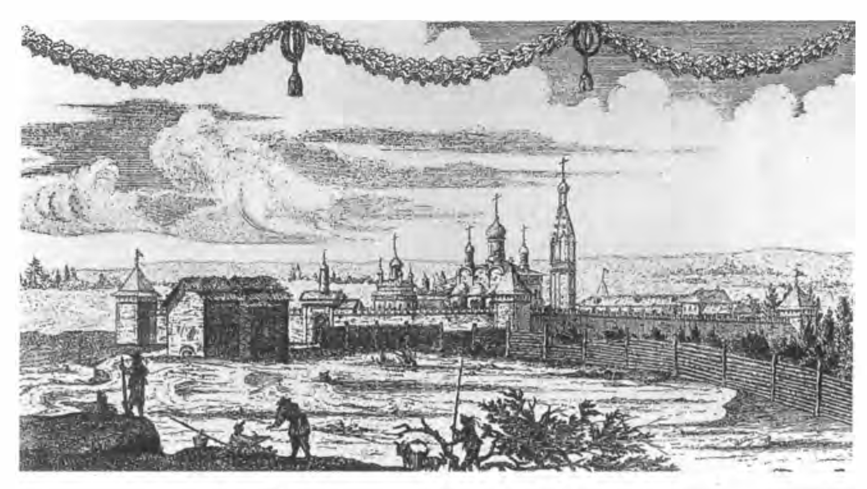
Правильная и книгохранительная палата московского Печатного двора. Около 1679 г.

Крестьяне. Гравюра из книги А. Олеария «Путешествие в Московию». 30-е гг. XVII в.

Избы в Москве. Гравюра из книги А. Олеария. «Путешествие в Московию». 30-е гг. XVII в.

Покровский монастырь. Гравюра И. Бликландта. Начало XVII в. ГИМ

Дом суздальского епископа в Китай-городе. Гравюра из книги А. Олеария «Путешествие в Московию». 30-е гг. XVII в.

2. ЧАСТИ ГОРОДА

Москва по-прежнему делилась на четыре основные части: Кремль, Китай-город, Белый город и Земляной город. Каждая из них была окружена стенами.

На протяжении XVII в. общий вид Кремля несколько изменился. На кремлевских башнях появились шатровые завершения. Пять из них – Фроловская (с 1658 г. и по сей день – Спасская), Никольская, Троицкая, Боровицкая и Водовзводная – имели ворота. В 20-х гг. на Фроловской башне англичанином Христофором Галовеем и устюжскими крестьянами Вирачевыми были установлены новые часы с вращающимся циферблатом и неподвижной стрелкой. Сами часы и колокола к ним изготовили русские мастера. Несколько позже часы появились и на Тайницкой, и на Троицкой башнях. С северо-восточной части во рве со стороны Красной площади уже не было воды (часть рва при царе Алексее Михайловиче использовалась как зверинец).

В Кремле имелось довольно много построек различного назначения: казенных, частных, а также принадлежавших церкви. Прежде всего, это дворцы – резиденции царя и патриарха. Кроме них – ряд казенных зданий, в которых размещались органы центрального управления страной (приказы), а также государственная казна, провиантский и пороховой дворы. В Кремле насчитывалось до 50 соборов и церквей. Иностранцев поражала величественная колокольня Ивана Великого с огромным колоколом, звук которого можно было услышать на значительном расстоянии от города. В Кремле в XVII в. находилось 43 двора, принадлежавшие частным лицам, боярам и церковным иерархам.

Китай-город как бы делился на две части. Его начало от Красной площади занимали торговые ряды, рынки и гостиные дворы. На Красной площади строить лавки запрещалось. За торгом шли жилые постройки. Китай-город был знаменит прежде всего своим торжищем. Торговые ряды с лавками находились там, где ныне расположено здание ГУМа. Причем ряды тянулись во всю ширину Китай-города и разбивались на три части: Верхние (между Никольской и Ильинкой), Средние (между Ильинкой и Варваркой) и Нижние (от Варварки и почти до стены, примыкавшей к Москве-реке). В XVII в. известно 150 названий рядов. Не все они существовали одновременно, некоторые из них переименовывались. Среди китайгородских торговых рядов имелись: Башмачный, Белильный, Бумажный, Горшечный, Грибной, Железный, Замочный, Зеркальный, Игольный, Иконный, Калачный, Книжный, Красильный, Лапотный, Масляный, Меховой, Мыльный, Огуречный, Пирожный, Пушной, Рыбный, Сальный, Самопальный, Сапожный, Седельный, Серебряный, Соболиный, Соляной, Суконный, Уксусный, Хлебный, Холщевный, Чулочный, Шелковый, Шубный, Яблочный, Ягодный и т.д. Причем каменных и деревянных лавок в рядах насчитывалось до 700.

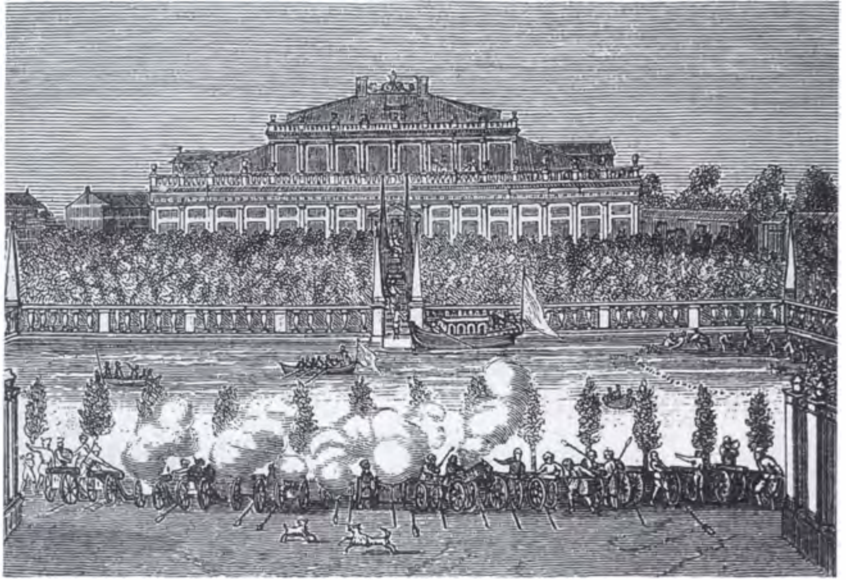
Здесь можно было купить самые разнообразные товары. Само название торговых рядов указывает на их специализацию, которая, впрочем, далеко не всегда соблюдалась. Под лавками некоторых торговых рядов устраивались погреба, где торговали вином и хранили продукты. Наряду с торговыми рядами, где велась преимущественно розничная торговля, в Китай-городе имелись гостиные дворы (Старый, Новый и Персидский), на которых заключались оптовые сделки между русскими и иностранцами. На так называемом «Вшивом рынке», своего рода большой парикмахерской, стригли и брили под открытым небом, по неубранным стриженым волосам ходили как по ковру.

Китай-город являлся также жилым районом, где селились самые богатые люди: высшие церковные иерархи, феодальная знать, придворные и крупные купцы. Постройки здесь в основном каменные. В Китай-городе имелось четыре мощеные улицы, которые шли параллельно стенам, примыкавшим к Москве-реке и Неглинной. У стены, рядом с Москвой-рекой, располагалась Зачатская улица (там, где ныне стоит церковь Зачатия Анны, у гостиницы «Россия»), далее – Варварка, Ильинка и Никольская вблизи стены, построенной вдоль берега р. Неглинной. Эти улицы перпендикулярно пересекались несколькими переулками. Количество дворов здесь на протяжении столетия почти не претерпело изменений: в 1622 г.– 321, а в 1695 г.– 331, в начале же XVIII в., в 1701 г., дворов зафиксировано меньше – 274.

Наряду с торговыми постройками и частными домами в Китай-городе находились казенные строения: Посольский двор, на котором останавливались прибывавшие в Москву иностранные посольства, и типография – Печатный двор. После страшного пожара 1626 г. городскими властями было предписано раздвинуть торговые ряды, а некоторые ликвидировать. Торговцам запрещалось ходить по улицам с товаром, они должны были торговать в лавках, т.е. были приняты определенные меры противопожарной безопасности и меры по упорядочению торговли[6].

В другой части Москвы – *Белом городе* в 20-е гг. XVII в. насчитывалось 3352 двора, а в 1701 г.– значительно меньше – 2527. Здесь жили представители феодальной знати, дворяне, купцы, а также мелкие торговцы и ремесленники. Причем именно в XVII в. в Белом городе появилось много стрелецких слобод. Здесь же размещались ремесленные мастерские, шла бойкая торговля, в особенности в лавках со съестными припасами. На специальном рынке велась торговля скотом. В Белом городе находились царские конюшни, тюрьма и Пушечный двор (на берегу р. Неглинной) – крупное казенное литейное предприятие. Хорошо известны такие улицы Белого города, как Знаменка, Воздвиженка, Никитская, Тверская, Дмитровка, Петровка, Сретенка, Мясницкая, Маросейка и Солянка[7].

Самая большая часть Москвы – *Земляной город*. Еще в конце XVI в. были возведены оборонительные сооружения Земляного города (тогда он назывался Скородом). Они включали ров и возвышавшуюся на земляном валу деревянную стену, сгоревшую в 1611 г. В 30-е гг. XVII в. укрепления было решено обновить в целях возможной обороны города от татарских набегов. В 1637–1638 гг. земляной вал и деревянную стену с башнями соорудили заново, а сохранившийся ров углубили и расчистили.

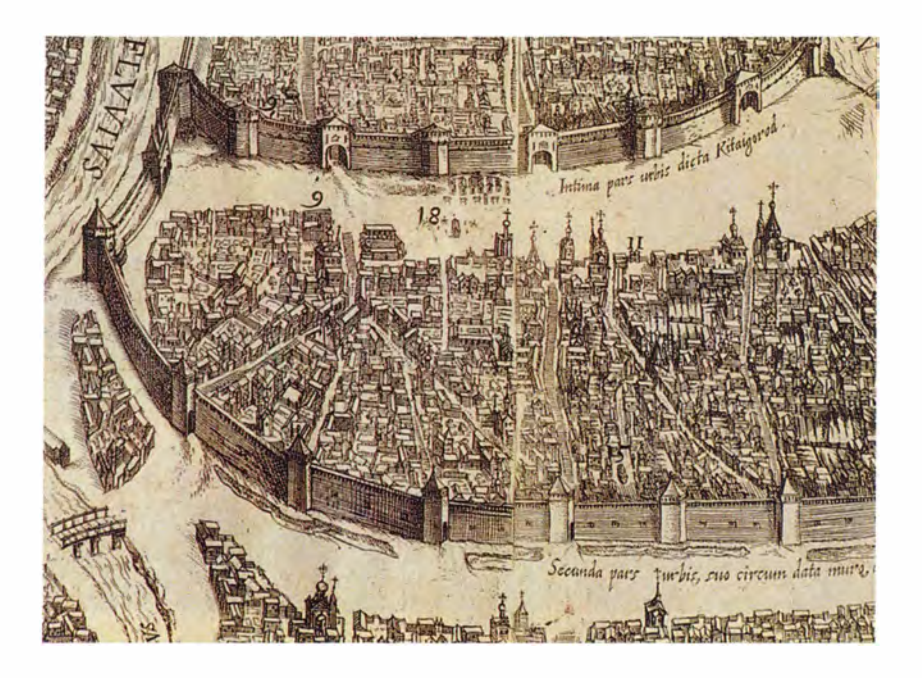
Дом Ф. Я. Лефорта в Немецкой слободе. Конец XVII в. Гравюра И. Шхонебека. Начало XVIII в.

Высокопетровский монастырь. Колокольня. XVII в.

В черту Земляного города входило и Замоскворечье. Этот район лежал за Москвой-рекой, напротив Кремля, Китай-города и Белого города. Замоскворечье заселялось преимущественно стрельцами, и иностранцы даже выделяли его в самостоятельную часть города, называя Стрелецкой слободой. В Замоскворечье был разбит большой дворцовый сад и имелся

[6] *Зерцалов А.Н.* Московский Китай-город в XVII в. (по описи 1695 г.) // ЧОИДР. Кн.2. М., 1893. С.29, 30; *Забелин И.* Указ. соч. С.167, 168; *Сытин П.В.* Прошлое Москвы в названиях улиц. М., 1948. С.49; *Снегирев В.Л.* Указ. соч. С.123–125; *Тверская Д.И.* Москва второй половины XVII в.– центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959. С.44,45; *Богоявленский С.К.* Научное наследие. О Москве XVII в. М., 1980. С.174–180.

[7] *Забелин И.* Указ. соч. С.168; *Ключевский В.О.* Указ. соч. С.206; *Смирнов П.П.* Города Московского государства. С.88; *Миллер П.Н.* Новый план Исаака Массы // Старая Москва. Статьи по истории Москвы в XVII–XIX вв. Сб. 1. М., 1929. С.149.

Белый город. Тюрьма (№9) и Конский торг (№18). Фрагмент Сигизмундова плана Москвы. 1610 г.

луг, где паслись лошади из дворцовых конюшен.

Земляной город представлял собой самую бедную часть Москвы, заселенную в основном простым людом. Он был почти полностью деревянным и наиболее часто подвергался пожарам. В 1701 г. в Земляном городе насчитывалось 7394 двора. Основными улицами Земляного города были: Остоженка, Пречистенка, Арбат, Никитская, Бронная, Тверская, Дмитровка, Трубная, Сретенка, Мясницкая, Таганка, Покровка, Якиманка, Полянка, Ордынка, Пятницкая, Кузнецкая, Лужнецкая.

В XVII в. часть населения Москвы жила за пределами Земляного города, т.е. за ее формальной границей. Из расположенных таким образом слобод выделяются самые крупные: Новая Немецкая и Мещанская. Всего за Земляным городом к 1701 г. было построено 6115 дворов[8].

3. СЛОБОДЫ И СОТНИ

Помимо четырех основных частей, имевших военно-оборонительное значение, город делился на гораздо более мелкие территориальные образования. Каждый человек проживал на территории какой-нибудь слободы или сотни (понятия эти равнозначные, термин «сотня» чаще всего использовался для обозначения черных слобод). Слободы и сотни являлись территориальными единицами, и их тяглецы, т.е. лица, которые платили подати и выполняли повинности, полагавшиеся по соответствующей раскладке, селились компактно. Но на их территории находились и дворы тех, кто не являлся тяглецами данных слобод (сотен): бояре, дворяне, приказные и церковнослужители, гости и члены Гостиной и Суконной сотен (эти купеческие сотни не были территориальными единицами) и т.д. Подавляющее же большинство жителей каждой слободы (сотни) были ее тяглецами. Независимо от того, чем занимался тяглец: являлся ремесленником, торговцем, наемным работником или не имел определенных занятий,– он до самой смерти числился тяглецом своей слободы (сотни). Всего в Москве в XVII в. насчитывалось до 150 слобод и сотен. Слободы (сотни), кроме военных, пользовались определенными правами самоуправления. Главным органом управления слободой (сотней) формально считался мирской или слободской сход, т.е. собрание тяглецов данной слободы (сотни). Сход созывался по мере надобности для решения каких-либо важных дел: выборы слободской администрации, подача общей челобитной в государственные органы или владельцу, определение размеров различных сборов и т.д. Историки отмечают, что обычно в сходах участвовало далеко не все население слободы (сотни), а чаще всего «лучшие», т.е. зажиточные люди. Во всяком случае они фактически определяли политику мирского схода, влияли на принятие решений.

Сход избирал главу выборной администрации – старосту (в слободах) или соцкого (в сотнях). Старосты (соцкие) занимались всеми сторонами жизни слободы (сотни): контролировали выполнение решений городских властей или владельца, а также мирского схода, наблюдали за правильной уплатой податей и выполнением повинностей, представляли интересы слободы (сотни) на городском уровне, следили за порядком и т.д. Старосты и соцкие созывались в случае необходимости на собрания для решения общегородских дел. Им выбирали помощников: десяцких, окладчиков и сборщиков. Для ведения канцелярских дел сход нанимал подьячего. Все эти лица слободской (соцкой) администрации (кроме подьячих) за выполнение своих обязанностей жалованья не получали.

Московские слободы (сотни) делились на несколько групп: дворцовые и казенные, черные, военные, монастырские и владычные, иноземческие.

Дворцовых и казенных слобод насчитывалось 51. Их жители выполняли повинности по обслуживанию царского дворца и правительственных учреждений. Они получали специальное жалованье (денежное и хлебное). Дворцовые и казенные слободы располагались в основном в Земляном городе и за пределами городских укреплений (последние образовались из пригородных дворцовых сел). В 1632 г. во всех дворцовых слободах насчитывалось 1464 двора. В этой группе выделялись Кадашевская и Ха-

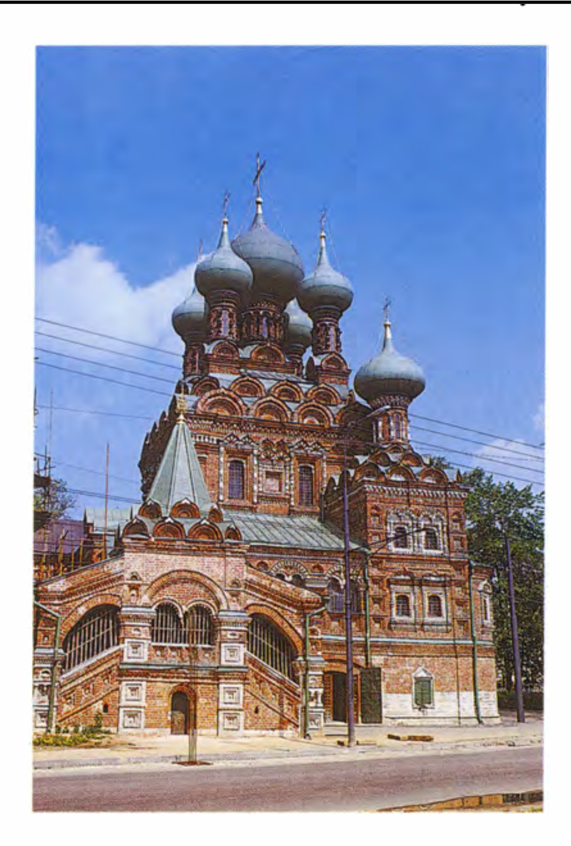
[8] *Забелин И.* Указ. соч. С.167, 168; *Ключевский В.О.* Указ. соч. С.207–209; *Миллер П.Н.* Указ. соч. С.150; *Сытин П.В.* Указ. соч. С.53, 54; *Водарский Я.Е.* Указ. соч. С.43; *Звягинцев Е.* Слободы иностранцев в Москве XVII в. // Исторический журнал. 1944. № 2, 3. С.83; *Богоявленский С.К.* Московская Немецкая слобода // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. Т.4. 1947. № 3. С.224.

мовная слободы, снабжавшие царский дворец полотнами; Садовые, Огородная, Бронная, Гончарная, Кузнецкие, Поварская и др. обслуживали различные отрасли обширного дворцового хозяйства. В обязанности ямщиков, жителей ямских слобод (Дорогомиловской, Коломенской, Переславской, Рогожской и Тверской), входила ямская гоньба, т.е. перевозка почты, людей и грузов по казенным надобностям. Казенными слободами являлись также Денежная, Иконная, Каменные, Конюшенные, Печатная, Плотничья и др. Их названия указывают на обязанности жителей по отношению к казне[9].

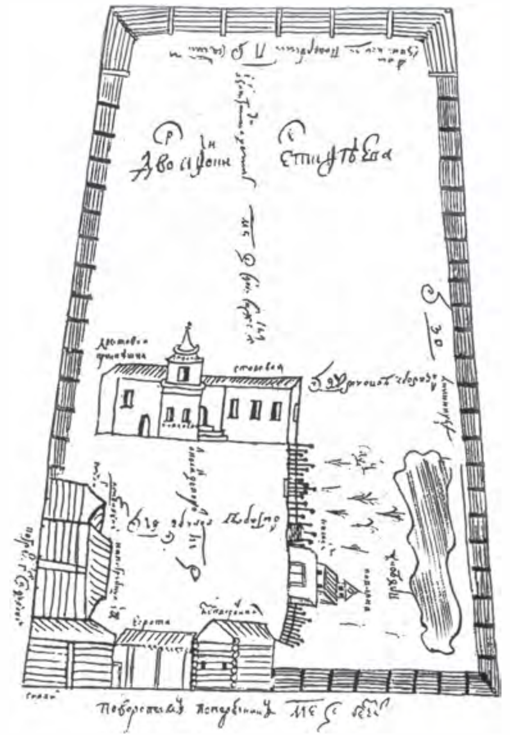
В военных слободах жили служилые люди «по прибору», несшие военную службу и получавшие за это жалованье от казны. Военные слободы были заселены преимущественно стрельцами. Из слобод, где проживали другие группы служилых людей «по прибору», следует назвать Бутырскую (с 1667 г. в ней селились солдаты полка М. Кравкова), две Воротничьих (в обязанности воротников входила охрана городских ворот), Казачью, Капитанскую и Пушкарскую (в 1638 г. в ней насчитывалось 374 двора). Стрелецкие слободы находились в Белом и Земляном городе. Вне московских стен стрельцов не расселяли. В начале XVII в. численность московских стрельцов достигала 7600 человек, а в 1681 г.– 22 500. Столь значительный рост связан с тем, что правительство рассматривало московских стрельцов как основную вооруженную силу в городе, обязанную обеспечить охрану правительственных учреждений, а также подавление в случае необходимости народных волнений. Увеличение численности стрельцов сопровождалось ростом стрелецких слобод, им отдавалась территория черных сотен, которые выселялись за пределы Земляного города.

В Белом городе во второй половине XVII в. насчитывалось 4 стрелецкие слободы, а в Земляном – 23. Самое большое количество стрелецких дворов и наиболее крупных стрелецких слобод сосредоточивалось в Замоскворечье, поскольку отсюда обычно ждали нападения на Москву татар Крымского ханства. Стрелецкая слобода, чаще всего объединяла стрельцов одного приказа (полка) с 500–1000 стрельцов. Стрелецкие полки назывались по фамилиям их голов (полковников). Эти фамилии достаточно прочно вошли в топографию Москвы, дав названия улицам, переулкам и площадям. Так, Зубовская и Сухаревская площади, Левшинский переулок названы по фамилиям стрелецких полковников Зубова, Сухарева и Левшина, командовавших расквартированными здесь полками. За несение воинской службы стрельцам выдавалось денежное и хлебное жалованье, а также сукно для кафтанов. Стрельцы несли в основном караульную службу: они охраняли Кремль, патрулировали город, следили за порядком. Ввиду того что получаемого жалованья не хватало на содержание семьи, стрельцы в свободное от службы время занимались ремеслами, промыслами, торговлей[10].

Монастырские и владычные слободы принадлежали к числу частновла-

Церковь Троицы в Останкине. Строитель П. Потехин. 1660–1670-е гг.

План двора на Якиманке человека Гостиной сотни А. Евтифиева. 1695 г. РГАДА

[9] *Снегирев В.Л.* Указ. соч. С.28, 29, 37–48; *Смирнов П.П.* Указ. соч. С.346; *Богоявленский С.К.* Московские слободы и сотни в XVII в. С.118–121; *Он же.* Научное наследие... С.74–105, 171–173; История Москвы. Т.I. С.468–475.

[10] *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С.35, 38; *Ключевский В.О.* Указ. соч. С.208; *Богоявленский С.К.* Московские слободы и сотни в XVII в. С.121, 122; *Чернов А.В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С.127, 162; *Снегирев В.Л.* Указ. соч. С.72, 73, 77.

Клад монет времени царя Михаила Федоровича на Б. Ордынке

дельческих. Они находились в частном владении церковных иерархов таких монастырей, как Данилов, Донской, Новодевичий, Симонов, Чудов и другие. Население этих слобод имело социальный статус крестьян или бобылей, но основным его занятием было отнюдь не сельское хозяйство, а ремесла, промыслы и торговля. Жители частновладельческих слобод в торговле и ремесле являлись главными конкурентами тяглых посадских людей, живших в черных сотнях. Они не платили посадское тягло и не выполняли казенных повинностей, а несли повинности в пользу своего владельца. В XVII в. положение жителей частновладельческих слобод было предпочтительнее. В начале столетия их численность быстро росла, здесь стремились поселиться многие тяглые посадские люди. Черные сотни Москвы настаивали на том, чтобы вернуть бывших тяглецов обратно, а частновладельческие слободы упразднить. Это требование, наконец, было услышано властями. Уложение 1649 г. предписало ликвидировать частновладельческие слободы, а их жителей отнести к черным сотням. Всего к Москве оказалось приписано таким образом 1410 дворов, подавляющее большинство которых принадлежало патриарху и монастырям[11].

Иноземческие слободы. В XVII в. иноземцы имели дворы в Китай-городе, Белом и Земляном городе. Наряду с отдельными дворами они селились компактно, слободами. Названия слобод – Греческая, Панская и Татарская – указывают на национальность их жителей. В Толмацкой слободе жили иностранцы-переводчики Посольского приказа. Из иноземческих слобод выделяются две: Мещанская и Новая Немецкая. Обе они находились за пределами Земляного города (Мещанская слобода за Сретенскими, а Новая Немецкая – за Покровскими воротами).

Мещанская слобода возникла в 1671 г. по особому указу как место поселения выходцев из Белоруссии и Литвы, оказавшихся в России в результате войны с Речью Посполитой. В 1676 г. в ней насчитывалось 559 дворов, а в 1684 г.– 692. Среди мещан имелись ремесленники различных специальностей, лица «свободных профессий» (живописцы, учителя, музыканты и т.д.), лекари и довольно много торговцев. Ведал Мещанской слободой Посольский приказ. Она имела органы самоуправления. Мещане были обязаны выполнять ряд повинностей в пользу казны: служили на Сафьянном дворе и Кружечном дворе (кабаке) в своей слободе, при аптеке, посылались с различными поручениями в другие города и за рубеж и т.д. Кроме того, они несли расходы по удовлетворению слободских потребностей в деньгах (слободское тягло). При царе Михаиле Федоровиче иностранцы, выходцы из Европы, селились в городе в основном на улице Покровке и в прилегавших к ней переулках. К середине XVII в. в Москве насчитывалось до 400 «немецких» дворов. Главным противником проживания иноземцев в городе являлась православная церковь. Патриарх и высшие церковные иерархи требовали убрать за черту города протестантские кирхи (их постройка была разрешена правительством). Церковники считали кощунством соседство в городе православных и протестантских храмов. Случаи некорректного отношения к религиозным чувствам русских работников со стороны европейцев-хозяев (не отпускали на церковную службу, не уважали православных постов и т.д.) получали широкую огласку. В итоге церковь добилась запрета на наем иностранцами православных работников, на постройку иностранцами дворов в Китай-городе и Белом городе и на ношение ими русского платья.

При царе Алексее Михайловиче, в 1652 г., иностранцам был отведен специальный участок земли на месте старой Немецкой слободы, сгоревшей в 1611 г. Так возникла Новая Немецкая слобода на Яузе за Покровскими воротами Земляного города (в народе ее называли «Кокуй»). Всем европейцам было приказано переселиться в слободу за счет казны. Население Новой Немецкой слободы составляли англичане, шотландцы, нидерландцы, немцы и другие выходцы из Западной Европы. В слободе были построены три протестантские кирхи. По переписи 1665 г. в ней числилось 206 дворов. Подавляющее большинство дворовладельцев были офицерами-наемниками, служившими в царских войс-

[11] *Богоявленский С.К.* Московские слободы и сотни в XVII в. С.123, 124; История Москвы. Т.1. С.458–463.

Интерьер приказной избы. XVII в. Государственный музей-заповедник «Коломенское»

ках. Кроме них в Новой Немецкой слободе жили ремесленники, специалисты в различных отраслях знания (медики, инженеры, артиллеристы), а также купцы и их приказчики. Слобода существовала достаточно обособленно, ее жители в Москве появлялись редко, а москвичей в слободу без дела не пускали. Недалеко от слободы были построены принадлежавшие иностранцам бумагоделательная, стекольная и железоделательная мануфактуры[12].

Тяглое посадское население Москвы проживало в *черных слободах* и *сотнях*. В XVII в. в городе их насчитывалось 25, подчинявшихся Земскому приказу. Причем не все они назывались слободами и сотнями, как Алексеевская (за Яузой), Голутвинская (в Замоскворечье), Дмитровские (в районе Дмитровских улиц), Кузнецкая (в Замоскворечье), Никитская (за Никитскими воротами), Ордынская и Пятницкая (в районе Ордынки и Пятницкой улицы), Сретенская (на Сретенке) и т.д. В Москве имелись Кожевницкая (в Замоскворечье), Мясницкая (на Мясницкой улице), Устюжская (в Белом и Земляном городе) полусотни, а также Арбатская (на Арбате) и Чертольская (у Пречистенки) четверти сотни. Название «полусотня» или «четверть сотни» не всегда соответствовало количеству дворов. Так, Устюжская полусотня имела в середине XVII в. 340 дворов и была крупнее многих московских сотен и слобод. Названия утвердились до XVII в. и перешли в это столетие без изменений, хотя численность населения в слободах могла возрасти.

В 1630 г. во всех черных слободах и сотнях насчитывалось 2070 дворов, а в 1653 г.– 3428. Столь резкий рост тяглого посадского населения – прямое следствие приписки к посаду частновладельческих дворов в 1649 г., о чем говорилось ранее. Тяглецы черных слобод и сотен были обязаны выполнять лежавшие на них городские повинности и уплачивать подати в казну. Основными прямыми налогами в XVII в. являлись стрелецкие и ямские деньги. Кроме того, посадские тяглецы платили оброк за дворовое место, а торговцы – еще и оброк за лавку. Они содержали также различный инвентарь, используемый при тушении пожаров. Основные повинности заключались в ремонте и поддержании в хорошем состоянии мостовых, караульных изб, сопровождении ночных караулов, выполнении обязанностей сторожей у тюрем, целовальников при кабаках, участии в различных казенных денежных сборах и т.д. В черных слободах и сотнях наиболее отчетливо проявлялось расслоение городских жителей на «лучших», «середних» и «молодших» (или «худых»). Среди «лучших» и «середних» находились купцы, состоятельные ремесленники и торговцы. «Молодшие» – это городская беднота: мелкие ремесленники, наемные работники и просто лица без определенных занятий[13].

4. УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДОМ

Поскольку городское население проживало в различных по своему статусу слободах и сотнях, постольку оно управлялось различными органами. Так, чер-

[12] *Богоявленский С.К.* Состав московского слободского схода // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С.323–327; *Он же.* Московская Немецкая слобода; *Он же.* Научное наследие... С.9–151.

[13] *Богоявленский С.К.* Московские слободы и сотни в XVII в. С.124–126; История Москвы. Т.1. С.456–458, 463–468; *Снегирев В.Л.* Указ. соч. С.52.

Сцена в приказе. Клеймо иконы. XVII в.

Печать Земского приказа. РГАДА

ные слободы и сотни подчинялись Земскому приказу, дворцовые – Приказу Большого дворца, казенные – Приказу Большой казны, иноземческие – Посольскому приказу, стрелецкие – Стрелецкому приказу. Частновладельческие слободы находились под надзором администрации, уполномоченной владельцами. Подати и повинности, лежавшие на тех или иных слободах и сотнях, собирались и выполнялись в пользу управлявшего ими органа. Земский приказ помимо управления черными слободами и сотнями имел и общегородские функции. Он являлся фактически высшим учреждением по надзору за общественным порядком и благоустройством Москвы. Весь город был разделен на 12–17 участков, каждым из которых ведали особые лица – объезжие головы, назначавшиеся из дворян. Объезжий голова выполнял обязанности полицмейстера. Он следил за порядком, проводил предварительное дознание, разбирал мелкие тяжбы, заботился о противопожарных мерах и т.д.

Некоторые слободы были выведены из-под опеки объезжих голов по выданным им царским указам (например, Мещанская или Новая Немецкая), а для непосредственного управления ими были поставлены особые дворяне, назначаемые Посольским приказом. Им вменялось в обязанность следить за порядком и противопожарными мерами, не пускать в слободы посторонних лиц без необходимости, заботиться о выборе слободских старост и их помощников. Как видно, обязанности назначенных дворян и объезжих голов совпадали. У дворян имелись помощники в лице подьячих и десяцких.

Москва была буквально наводнена ворами и разбойниками. Самым опасным временем для горожан оказывалось ночное. Любой мог подвергнуться нападению, быть ограблен, а то и убит. Причем разбойники использовали извозчиков, разъезжали по городу и вершили свое черное дело. Поэтому с наступлением ночи в Москве предпринимались особые меры безопасности. Площади и улицы перекрывались решетками, возле них стояла специальная стража из стрельцов. Если кто-либо ходил ночью без фонаря, он автоматически считался вором или шпионом и поэтому подлежал задержанию и приводу в Стрелецкий приказ для разбирательства. Состоятельные москвичи отваживались выходить ночью на улицу только с оружием и в сопровождении вооруженных слуг.

5. ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В XVII в. русская монархия перерастала из сословно-представительной в абсолютную. Все еще действовали органы сословного представительства при царе: Боярская дума и Земский собор. Но их значение, особенно во второй половине XVII в., неуклонно падало.

Боярская дума являлась постоянно действовавшим высшим органом государственного управления, представительством феодальной знати. Заседала она в Кремле, в царских покоях. В Думу входили бояре (20–40 человек), окольничие (20–30 человек), думные дворяне (15–20 человек), думные дьяки (3–11 человек). Все эти думные чины имели собственные дворы в Москве, и большая их часть постоянно находилась в городе. По делам службы (назначение воеводой или дьяком в какой-нибудь город, участие в военном походе или в посольстве и т.д.) думные чины могли отлучаться из столицы. Заседания Боярской думы происходили регулярно. На них обсуждались наиболее принципиальные вопросы внутренней и внешней политики. Самые важные решения обычно записывались с такой формулой: «Царь указал, и бояре приговорили».

Боярская дума действовала не только как орган при царе, но имела и самостоятельное значение. После царя она считалась высшей апелляционной инстанцией по судебным делам. В ряде случаев Дума самостоятельно вершила суд. Думные чины были защищены законом от нападений и оскорблений. По Уложению 1649 г. под страхом смертной казни запрещалось приходить к ним в дом и на службу кому-либо «самовольством, скопом и заговором»[14]. Члены Боярской думы, являясь по численности каплей в море московского люда, были наиболее могущественной прослойкой столичного населения. Все они принадлежали к крупным феодальным землевладельцам. Иностранцы подмечали гордый и заносчивый характер московского боярства, упрекали его в невежестве. Бояре и боярыни хвастались друг перед другом богатством своих одежд, пышностью выезда, многолюдством челяди.

Но и в этой среде встречались люди незаурядные, образованные, крупные политические деятели. Одним из них был глава русского правительства в правление царевны Софьи Алексеевны князь Василий Васильевич Голицын, человек всесторонне образованный, владевший иностранными языками. Им была основана Славяно-греко-латинская академия в Москве: не только построено здание, но и приглашены греческие преподаватели и выписаны книги. Голицын разрешил дворянам посылать детей на учение за границу, приветливо относился к иностранцам, ратовал за свободное с ними общение. В Москве князь жил в великолепном дворце с европейским внутренним убранством. Главной достопримечательностью дворца была огромная по тем временам библиотека, насчитывавшая сотни томов.

Наряду с Боярской думой сословно-представительным учреждением был *Земский собор*. Но, в отличие от Думы, Земский собор не являлся постоянным органом и созывался от случая к случаю, когда у властей возникала необходимость опереться на мнение сословий Русского государства. Собор заседал в Кремле, в него входили церковные иерархи во главе с патриархом, Боярская дума, выборные представители столичного и городского дворянства, а также выборные от привилегированных купеческих корпораций (гостей, Гостиной и Суконной сотен), черных сотен и слобод Москвы и посадских людей из других городов. Представители крестьянства, кроме избирательного Земского собора 1613 г., участия в соборах не принимали. На Земских соборах могло присутствовать несколько сот человек.

Земский собор был совещательным органом. На соборе царь «советовался» с представителями сословий. Расцвет деятельности Земских соборов приходится на первую треть XVII в., когда после Смутного времени правительство Михаила Федоровича часто «советовалось» с выборными по политическим вопросам и нуждалось в утверждении чрезвычайных налоговых сборов («пятинных денег»).

Земский собор 1613 г. получил в литературе название «избирательного». На нем был избран на царство Михаил Романов. Вместе с ним пришла к власти и новая династия. В первое десятилетие правления царя Михаила Федоровича Земские соборы действовали почти непрерывно. Главными вопросами, обсуждавшимися на соборах, были: борьба с И. Заруцким, организация отпора польско-шведским интервентам, сбор чрезвычайных налогов для пополнения казны и «ратным людям на жалование». Земский собор 1619 г. санкционировал избрание патриархом Филарета Никитича Романова, отца молодого царя. Соборы 1621 и 1622 гг. рассматривали русско-польские отношения. Россия и Речь Посполитая находились на грани войны, но она разразилась десять лет спустя.

Одним из самых важных в истории Русского государства XVII в. был Земский собор 1648–1649 гг. Он заседал в период максимального обострения внутриполитической обстановки в стране. Принятое собором Уложение 1649 г. в своих статьях учитывало интересы широких слоев дворянства и горожан, что непосредственно способствовало выходу правительства Алексея Михайловича из тяжелого политического кризиса. Соборы 1651 и 1653 гг. рассматривали проблему Украины. Первый обсуждал возможность ее соединения с Россией, а второй дал на это свое согласие. С середины XVII в. деятельность Земского собора затухает.

Последним Земским собором считается так и не открывшийся собор 1683–1684 гг., который должен был рассмот-

[14] *Маньков А.Г.* Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России. Л., 1980. С.163–165.; *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С.24.

реть вопрос о «вечном мире» с Речью Посполитой. Но дипломатические переговоры оказались прерванными, и выборных распустили из Москвы по домам[15].

Органами, непосредственно занимавшимися государственным управлением, были приказы. Приказы охватывали все стороны жизни государства и его населения: финансы и экономику, государственную службу, судопроизводство, армию, внешнюю политику и т.д. Приказная система возникла в XVI в., но именно в XVII в. она оформилась полностью. Действовали как постоянные, так и временные приказы. Постоянных насчитывалось около 30, с временными их число доходило до 60. Во главе приказов стояли судьи, чаще всего принадлежавшие к думным чинам. Причем нередки случаи, когда какой-нибудь влиятельный боярин являлся судьей одновременно нескольких приказов. Как правило, вместе с судьей в приказе сидели один или два дьяка и при них несколько десятков подьячих. Этот приказной аппарат рассматривал различные тяжбы, вел делопроизводство и принимал решения в пределах своей компетенции.

Группировка приказов по их функциям довольно условна, поскольку все они, помимо основных, выполняли и общие задачи. Так, практически все приказы в той или иной степени занимались судопроизводством (разбирали судебные дела подведомственных им лиц), а также ведали финансами (следили за сбором определенных налогов и пошлин с подвластных им территорий).

По степени политической значимости можно выделить несколько основных приказов. *Посольский приказ* управлял всеми иностранными делами. Под его юрисдикцией находились иноземные купцы, торговавшие в России, а также жившие в стране татары и греки. Приказ решал дела, связанные со взаимоотношениями правительства с донскими казаками. В Посольском приказе содержались государственные печати, он контролировал сбор одного из прямых налогов – полоняничных денег. Каждодневная рутинная работа Посольского приказа не затрагивала быта и профессиональных занятий подавляющего большинства московского населения. И наоборот, официальная, церемониальная сторона деятельности внешнеполитического ведомства привлекала к себе всеобщее внимание. Во встречах различных посольств в городе, по протоколу, принимали участие «московские чины» (различные категории столичного дворянства), дьяки, подьячие, служители дворцового ведомства, члены привилегированных купеческих корпораций. По всему пути следования, вдоль улиц, стояли сплошной цепью московские стрельцы. Имперский посланник барон Мейерберг так описывает торжественную встречу посольства в 1661 г.: «Посланники с сопровождавшим их в пути приставом сидели в своей карете, перед которой находились чиновники и служители посольства верхом. На расстоянии 2000 шагов от города по обеим сторонам дороги поставлено было 6000 человек пехоты... Бесчисленное множество богато одетых бояр и дворян верхами сопровождали сие шествие... Зрителей было несметное множество... В сей день едва ли кто-нибудь из жителей Москвы оставался дома». Москва и москвичи в XVII в. видели посольства из различных стран Европы и Азии: Великобритании, Германской империи и входивших в нее государств, Нидерландов, Дании, Швеции, Речи Посполитой, Крымского ханства, Турции, Персии, а также шествия греческих церковных иерархов со свитами.

Разрядный приказ занимался вопросами военной службы дворян, солдат и казаков. Он ведал строительством крепостей и городов. Военной службой отдельных категорий ратных людей занимались такие приказы, как *Стрелецкий, Иноземский* и *Рейтарский. Пушкарский приказ* отвечал за артиллерию («наряд»), изготовление, ремонт и содержание артиллерийских орудий и боеприпасов, а также за службу и работу пушкарей и мастеров-оружейников.

В компетенцию Поместного приказа входили вопросы поместно-вотчинного землевладения и положения крестьян. Здесь осуществлялся контроль за сделками между феодалами, касающимися их поместий и вотчин. Приказ рассматривал споры по земельным вопросам, а также следил за выполнением законодательства по крестьянам (в том числе вел борьбу с побегами крепостных). *Приказы Большой казны* и *Большого прихода* контролировали государственные доходы и расходы и ведали делами купечества.

Наряду с преимущественно отраслевыми действовали и территориальные приказы, занимавшиеся управлением и сбором податей с различных территорий. Основная территория Европейской России была поделена между приказами-четвертями: *Галицкой, Костромской, Новгородской, Устюжской* и *Владимирской.* Существовали также приказы: *Малороссийский, Сибирский* и *Казанского дворца*, ведавшие соответствующими территориями.

Группа дворцовых приказов, управлявших огромным государевым дворцовым хозяйством, открывалась самым важным из них – *Приказом Большого дворца*, занимавшимся финансами и управлением дворцовой собственностью. Отраслевыми дворцовыми приказами были: *Царская* и *Царицына мастерские палаты, Оружейная палата, Приказ золотого* и *серебряного дела* и т.д. В царствование Алексея Михайловича особое

[15] *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С.187–384.; *Маньков А.Г.* Указ. соч. С.165–167.

Здание приказов. Гравюра П. Пикара. Начало XVII в.

Печать Алексея Михайловича. 1672 г.

место занимал *Приказ Тайных дел.* Он не имел строго определенных задач. Приказу поручались любые дела, в которых был заинтересован государь. Это и управление хозяйством подмосковного (ныне в черте города) дворцового села Измайлово и других сел, и выплата жалованья стрельцам и отдельным лицам, и приобретение необходимых царю вещей, предметов вооружения, инструментов, а также различных редкостей, и ведение розысков по политическим преступлениям. После смерти царя Алексея приказ перестал существовать. Помимо перечисленных основных приказов действовали и такие, как *Аптекарский, Каменных дел, Монастырский, Холопий, Ямской* и др.

Большинство приказов располагалось в Кремле. В связи с резким ростом числа приказов и приказных людей под приказы передавались кремлевские постройки, малоприспособленные для этих целей. Приказные были вынуждены работать в чрезвычайной тесноте (положение улучшилось в 70-е гг. XVII в., когда в Кремле построили новое здание для приказов). Кроме того, при ряде приказов отводились помещения под тюрьмы, где сидели арестанты. Имелся особый застенок, в котором пытали уголовных преступников по делам, находившимся в ведении *Разбойного* и *Земского* приказов. Недалеко от Кремля, в Китай-городе, в особом тюремном дворе содержались приговоренные к тюремному заключению[16].

6. МОСКВА РЕМЕСЛЕННАЯ

Основная масса московского населения, рядовые граждане – это ремесленники, мелкие производители товаров и промысловики. Ремесленники изготовляли продукцию на заказ, мелкие производители товаров – на рынок. Различие между ними – в характере включения в систему товарно-денежных отношений и влияния на их жизнь рынка. Промысловики, работавшие в сфере услуг, рассчитывали в основном на вольный спрос.

Мелкие производители принадлежали к различным категориям населения. Во-первых, это были тяглые посадские люди, население черных слобод и сотен. В своих занятиях они были независимы и произведенным продуктом распоряжались по своему усмотрению. К тяглым посадским людям по этому же признаку (свободное распоряжение продуктом своего труда) примыкали производители из числа служилых людей «по прибору», преимущественно из стрельцов. Основным их занятием была государственная служба, но им разрешалось заниматься производством, промыслами и торговлей во внеслужебное время, поскольку прокормить семью на одно жалованье было невозможно.

В другую группу производителей входили мастера, обслуживавшие нужды дворцового ведомства и казны. Одни из них регулярно получали жалованье и выполняли только то, что им предписывалось (в основном дворцовые мастера), другие привлекались в обязательном порядке для выполнения какой-либо работы, а после были предоставлены самим себе. В подобном случае им оплачивалось лишь выполнение задания. Такая же практика характерна для работы казенных мастеров. К этой группе примыкали и производители из частновладельческих крестьян и холопов, полностью зависевших от владельцев, которые требовали от них либо работы на себя, либо работы на заказ или на рынок, либо предписывали сочетать и то, и другое, и третье. Уровень мелкого производства в Москве был очень высок. Здесь издавна существовали целые производственные школы, секреты мастерства передавались из

[16] Барон Мейерберг и путешествие его по России. СПб., 1827. С.30, 31; *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С.61, 62, 85–97, 105–117; История Москвы. Т.1. С.545–556; *Маньков А.Г.* Указ. соч. С.167–175; *Демидова Н.Ф.* Указ. соч. С.21–23.

Дева за ткацким станом. Миниатюра из «Повести о Петре и Февронии». XVII в. ГНБ

Набойка. Подклад шатра царя Алексея Михайловича. Середина XVII в. ГИМ

поколения в поколение. Кроме того, дворцовое ведомство и казна стремились сосредоточить в Москве лучших мастеров. Регулярно сюда переводились искусные умельцы из других городов. Помимо отечественных, в столицу приглашались и иноземные мастера, которые нередко оставались здесь на всю жизнь.

К началу XVII в. в Москве можно было встретить представителей около 250 различных профессий. Они жили в Белом и Земляном городе, а также за пределами городских стен. Мастерские мелких производителей легко определялись по выставленным образцам товаров. Точно установить общее число мелких производителей невозможно, поскольку единой переписи с учетом всех категорий не производилось. Наиболее многочисленными группами являлись кузнецы, извозчики, плотники, хлебники и калачники, портные, скорняки, мясники, серебряники и др. Причем наиболее зажиточными считались серебряники, скорняки, кожевники и кузнецы, а самыми бедными – портные, извозчики, сапожники и хлебники[17].

Помимо того что мелкие производители жили в различных слободах и сотнях, имевших статус самоуправляющихся территориальных единиц, они по своей профессии входили и в соответствующие корпорации. Корпорации могли объединять и производителей, и торговцев этими видами товаров. Обычно корпорации группировались вокруг соответствующих торговых рядов. У них имелись выборные старосты. Все занимавшиеся данным видом производства обязаны были давать старостам соответствующие поручные записи (т.е. ручательства за них других членов корпорации). Старосты наблюдали за качеством производимой продукции и защищали профессиональные интересы своих подопечных. Московские корпорации производителей имели определенное сходство с западноевропейскими цехами, объединявшими в средневековых городах мелких производителей одной профессии.

В мелком производстве Москвы достаточное распространение получило ученичество. Особо отмечаются в источниках случаи обучения у квалифицированных мастеров, выполнявших заказы казны или царского дворца или полностью работавших на казенное или дворцовое ведомство. Русские ученики находились в ученичестве и у иноземных мастеров. Среди учеников преобладали дети тяглых посадских людей, но бывало, что феодалы отдавали в ученичество своих дворцовых людей.

Взаимоотношения мастера и ученика обязательно оформлялись особым документом – «жилой записью», иначе обучение и проживание ученика у мастера считались незаконными. «Жилые записи» определяли условия отдачи ученика в ученичество и срок его обучения. Чаще всего этот срок ограничивался пятью годами. В течение указанного времени ученик находился на полном попечении мастера, который должен был его кормить, одевать и обучать мастерству. Ученик обязан был выполнять всякую работу и не причинять вреда хозяину, его семье или имуществу. Иногда предусматривалась либо плата родителями за отдаваемого в ученики подростка, либо заем ими у мастера денег. Чаще всего в учение шли подростки 10–14 лет. По истечении срока обучения мастер обязан был выпустить ученика одетым и обутым. Обычно ученик снабжался необходимым набором орудий труда и приспособлений, с помощью которых он самостоятельно мог заниматься ремеслом. Звание мастера бывший ученик мог получить, обнаружив достаточные навыки в своем деле.

Далеко не всегда взаимоотношения мастера и ученика оказывались безоблачными. В документах встречается масса жалоб друг на друга в суд. Согласно «жилой записи» мастер имел право смирять непослушного ученика «домашними средствами». Но порой подросток, не

[17] *Довнар-Запольский М.В.* Торговля и промышленность Москвы. XVI–XVII вв. М., 1910. С.13, 14, 19, 60–84; *Он же.* Организация московских ремесленников в XVII в. // ЖМНП. 1910. Сентябрь. С.132; *Устюгов Н.В.* Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. // Исторические записки. Т.34. М., 1950. С.168–170.

Изразцовый фасад в Крутицком теремке. Мастера Осип Старцев и Илья Ковалев. 1696 г.

Изразцы. XVII в. Государственный музей-заповедник «Коломенское»

выдержав побоев, сбегал от мастера. Сохранились жалобы учеников и их родителей на то, что мастер вместо обучения мастерству использовал ученика лишь на домашних работах. Со своей стороны, мастера сетовали на праздность, пьянство, непослушание учеников, а в ряде случаев и на воровство.

Рассматривавшиеся в суде претензии сторон решались по-разному в каждом конкретном случае. Однако для большинства подростков ученичество было трудной жизненной школой. Их будущая квалификация, да и судьба всецело находились в руках мастера, зависели от его порядочности и профессионального уровня[18].

Со строительством зданий и оборонительных сооружений для казны была связана группа мастеров строительных специальностей. Мастера и подмастерья-строители работали артельно. Обычно они назывались собирательно: каменщики и кирпичники. Это были так называемые «записные» (или казенные) ремесленники. Ими ведал Приказ Каменных дел. Приказ вел учет казенных строителей и вызывал их в Москву, где они распределялись по объектам, так как часть из них жила в столице, в особых слободах, а часть – в других городах. Каменщиков и кирпичников направляли на летние работы не только в Москву, но и в другие места. Они освобождались повсеместно от посадского тягла. Иностранцы отмечали, что в России «кирпичи... превосходны. Каменщики вытесывают на них железными инструментами неописуемо чудесные украшения, не отличающиеся от каменных».

В период работы каменщики получали из казны поденную плату в размере 4–5 коп. Кирпичникам платили сдельно, по 7–8 коп. за тысячу кирпичей. Для неквалифицированной работы на строительстве казной нанимались «ярыжные» (т.е. чернорабочие)[19].

Важнейшей специальностью, необходимой для жизнедеятельности любого города и его сельской округи, была металлообработка. Кузницы встречались повсеместно, и кузнец всюду считался уважаемым лицом. Москва в этом смысле не являлась исключением. В городе в 1641 г. насчитывалось 128 кузниц, в 1701 г.– 98. Причем большинство кузниц в 1641 г. принадлежало дворцовым и казенным мастерам (53), почти столько же (49) находилось у светских и духовных феодалов и их крестьян. Тяглые посадские люди, стрельцы и прочие пользовались 26 кузницами.

Преимущественно использовалось русское железо. Наряду с ним в производство шло и некоторое количество шведского железа. Цветные металлы (медь и олово) были в основном импортными. В большинстве московских кузниц работали сами владельцы вместе с членами семей и наемными работниками. Примерно четвертая часть действующих кузниц в 1641 г. сдавалась внаем. Московские кузнецы могли выполнять любой вид кузнечной работы. Но чаще всего изготовлялись мелкие изделия, поскольку сырье было привозное и количество его невелико. В кузницах выковывали и ремонтировали самые разнообразные железные изделия: предметы обихода, орудия труда и вооружение. Сдававшиеся внаем кузницы арендовались как местными, так и пришлыми кузнецами из Галича, Мурома, Ярославля.

Обработкой цветных металлов занимались мастера котельного и колокольного дела (работали по меди), медники изготовляли также посуду, она отливалась главным образом из олова. В работу шел в основном медный и оловянный лом. Мастера по обработке черных и цветных металлов производили свою продукцию на заказ. Известны случаи и рыночной специализации кузнецов, медников и оловянишников[20].

[18] *Довнар-Запольский М.В.* Организация московских ремесленников в XVII в. С.134–144, 160, 163, 164; *Тальман Е.М.* Ремесленное ученичество Москвы в XVII в. // Исторические записки. Т.27. М., 1948; *Бахрушин С.В.* Ремесленные ученики в XVII в. // Науч. труды. Т.II. М., 1954.

[19] *Довнар-Запольский М.В.* Указ. соч. С.152; *Сперанский А.Н.* Очерки по истории приказа Каменных дел. М., 1930. С.45, 66, 75,76, 89, 92–94; История Москвы. Т.I. С.368–370; Путешествие Антиохийского патриарха... // ЧОИДР. Кн.3. С.33.

[20] *Довнар-Запольский М.В.* Торговля и промышленность. С.55; История Москвы. Т.1. С.372–378; Очерки русской культуры XVII века. Ч.1. М., 1979. С.91.

Оклад Евангелия. 1678 г. ГМЗМК

Парадный шлем. Мастер Никита Давыдов. XVII в. ГМЗМК

Топорик и булава. XVII в. ГМЗМК

Москва славилась своими мастерами по обработке благородных металлов – золота и серебра. В 1638 г. в городе трудилось около 70 мастеров золотого и серебряного дела, как русских, так и иноземцев. В России XVII в. собственные месторождения еще не были открыты и сырье в основном ввозили. Использовались для литья золотые и серебряные монеты, а также лом. Самые лучшие мастера работали в Золотой и Серебряной палатах при соответствующих дворцовых приказах: Золотом и Серебряном. Главной их задачей было изготовление различных предметов, а также церковной утвари для царской фамилии. Мастера создавали подлинные шедевры ювелирного и прикладного искусства, которые можно увидеть в Оружейной палате Московского Кремля.

Помимо дворцовых мастеров существовала сплоченная и влиятельная корпорация серебряников. Центр корпорации находился в Серебряном ряду в Китай-городе. В нее входили как мастера, так и торговцы серебряными изделиями, принадлежавшие к различным категориям населения и записанные в те или иные слободы и сотни. Корпорация имела своего выборного старосту, который ставил пробирный штемпель на изделие (т.е. свидетельство о его высоком качестве), осуществлял надзор за порядком и защищал интересы подопечных.

В столице золотые и серебряные изделия пользовались довольно устойчивым спросом. Их изготовляли как на заказ (естественно, наиболее ценные, настоящие произведения искусства), так и на рынок (мелкие предметы: кольца, серьги, нательные кресты). Разумеется, изделия из благородных металлов были доступны верхам общества и состоятельным горожанам[21].

Мастера, работавшие по дереву, так же как и кузнецы, встречались повсеместно. Самая многочисленная их группа – плотники. Спрос на плотничий промысел в деревянном, часто горевшем городе был велик. В 1638 г. в Москве числилось около 200 мастеров по обработке дерева, из них 124 плотника, среди которых были и казенные, и дворцовые

[21] *Довнар-Запольский М.В.* Организация московских ремесленников. С.139–144; *Троицкий В.И.* Организация золотого и серебряного дела в Москве в XVII в. // Исторические записки. Кн.12. М., 1941; История Москвы. Т.I. С.378–380.

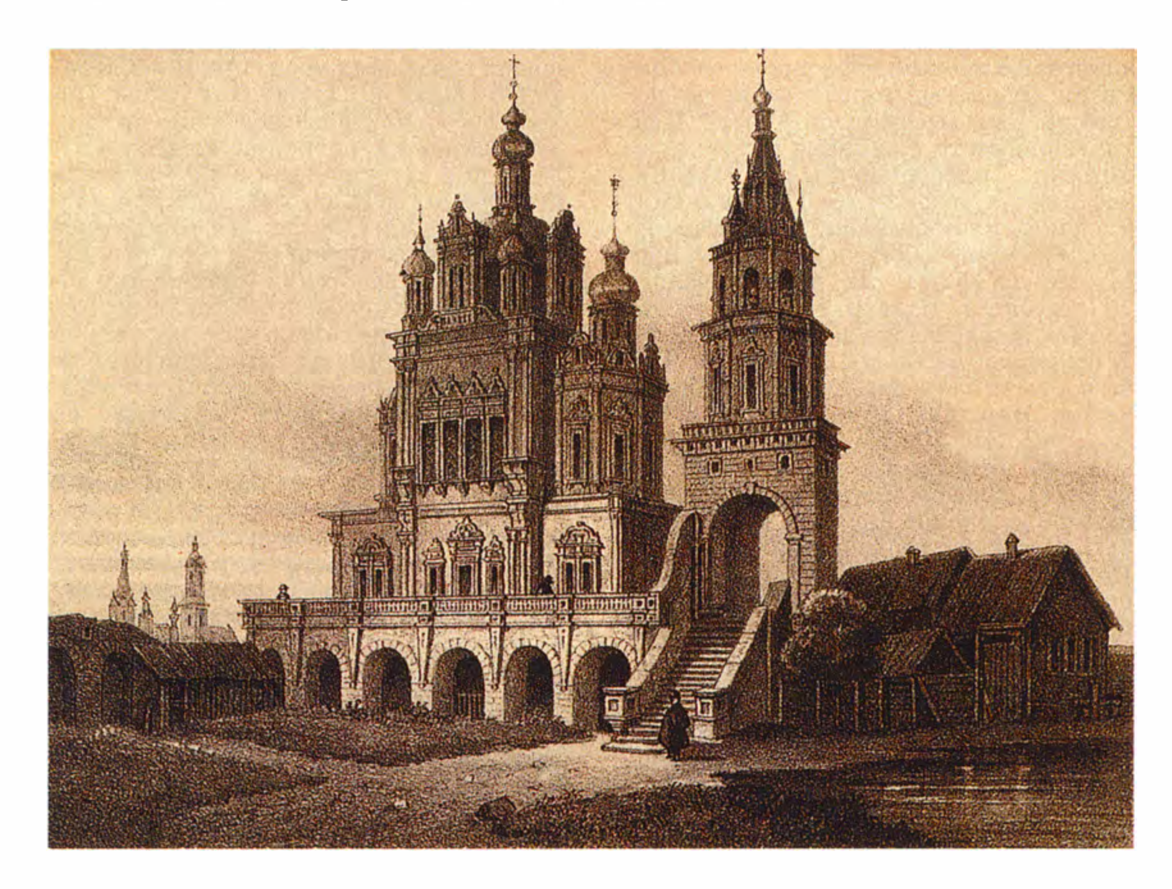
мастера (например, специализировавшиеся на изготовлении карет и повозок для дворцового ведомства или орудийных лафетов для Пушечного двора), и посадские тяглецы.

Плотники занимались производством на заказ. Кроме артелей плотников-москвичей в столице трудились артели пришлых мастеров из Московского уезда и даже из далекого Каргополя. В городе работали также тележники, бочары, столяры, резчики, токари и т.д. Особое внимание уделялось изготовлению деревянной посуды. Она широко применялась в быту и преимущественно простым людом. Деревянная посуда производилась на рынок в больших количествах. Широким спросом она пользовалась на восточных рынках.

Как известно, Россия славилась на мировом рынке своими холстами. В Москве существовало крупное дворцовое полотняное производство мануфактурного типа. Мелкое производство холста не получило в городе особого размаха, так как лучшие условия для него имелись в сельской местности. Некоторое распространение в Москве приобрела окраска холстов. Мастера-крашенинники покупали готовые льняные холсты и занимались их окрашиванием.

В Москве осуществлялась обработка животного сырья. Имелась группа специальностей, связанных с выделкой кожи и изготовлением из нее различной продукции. В 1638 г. в городе насчитывалось около 200 таких мастеров, из них более половины – сапожники. Выделкой кож занималось незначительное число людей. Преобладало производство из кожи различных изделий: обуви, седел и конской упряжи, рукавиц, перчаток и т.д. Подавляющее большинство мастеров были тяглыми посадскими людьми. Наряду с москвичами в столице работали и иногородние ремесленники из известных русских центров, славившихся своим кожевенным производством: Костромы, Ярославля, Казани и т.д. Кожевники вырабатывали продукцию как на заказ, так и на рынок.

Москва была всероссийским центром по выделке мехов. В 1638 г. в городе насчитывалось около 100 скорняков. Среди них были казенные мастера, работавшие с казенной «мягкой рухлядью» (пушниной). Они жили в основном в Конюшенной слободе. Скорняки из тяглых посадских людей были разбросаны по различным слободам и сотням. Мастера обрабатывали сырые шкурки и затем сшивали их в меха. От скорняков-закройщиков требовалось большое искусство, особенно когда приходилось сшивать дорогие меха соболя, куницы, бобра и песца. Поскольку казенных мастеров не хватало, ряд приказов, не имевших собственных скорняков, но получавших подати пушниной, для ее выделки нанимали посадских мастеров. Их труд оплачивался сдельно в зависимости от ценности меха, по 2–5 коп. за шкурку. Выделка меха производилась обычно на заказ.

Церковь Успения на Покровке. 1672 г.

Страница из букваря Кариона Истомина. 1694 г. Гравюра Леонтия Бунина. 1692 г.

В столице достаточное распространение получили свечное и мыловаренное производства, в которых использовался животный жир. Свечники и мыльники работали на рынок.

Одной из особенностей мелкого производства Москвы было обилие специалистов по производству продуктов питания. Огромный город ежедневно потреблял горы всевозможной снеди. Центральное место в рационе питания занимали хлебобулочные изделия, поэтому их изготовители (калачники, хлебники и пирожники) первенствовали среди производителей пищевой продукции (в 1638 г. их насчитывалось 167 человек). Власти уделяли особое внимание снабжению населения хлебом. Выпеченные ржаные и пшеничные хлебы и калачи ежегодно проверялись на качество. Нарушители технологии штрафовались. Это делалось потому, что ржаной хлеб являлся основным продуктом питания городской бедноты. Его отсутствие или низкое качество могли вызвать всеобщее недовольство населения. Помимо мастеров хлебных дел – посадских тяглецов, производивших свою продукцию на рынок, в Москве имелась группа дворцовых хлебников, калачников и пирожников, обслуживавших дворцовое ведомство.

Город нуждался не только в продуктах питания. Десятки тысяч его постоянных и временных жителей необходимо было обеспечить одеждой. В 1638 г. в городе работало 122 портных мастера, 66 шапочников, а также шубники, кафтанники, сарафанники и т.д. Наряду с изготовлением изделий на заказ часть продукции, более простой и стандартной по исполнению, предназначалась для свободной продажи. Разумеется, мастера-специалисты по пошиву одежды работали и на казенное и дворцовое ведомства[22].

В XVII в. достаточно представительной по своему составу и по количеству людей была сфера услуг. Выделялись здесь некоторые промыслы, где были заняты десятки и сотни работников.

Иностранцы обращали внимание на множество извозчиков в Москве (в 1638 г.– 208 человек). Причем их услуги были достаточно дешевы. Извозчики ездили по городу быстро и чрезвычайно искусно. Умение требовалось немалое, так как на улицах, особенно центральных, днем толпилось много народу.

Ранее уже упоминалось о «Вшивом рынке» в Китай-городе. Здесь ежедневно услугами парикмахеров под открытым небом пользовалось множество людей, и профессия эта была заметной в Москве.

В каждом русском городе, а тем более в столице, издавна требовались грамотные и толковые люди, которые умели составить челобитную, любой документ, знали законы и могли дать дельный совет по правовым вопросам. В XVII в. в Москве действовала уже сложившаяся нотариальная служба. Занимавшиеся подобными делами лица назывались «площадными подьячими». Они обычно предлагали свои услуги на площадях города или около приказов. Причем это были не случайные группы. Постепенно «площадные подьячие» организовывались в корпорации. Наиболее известной и авторитетной в Москве стала корпорация подьячих Ивановской площади в Кремле. Во главе ее стояли двое старост, число членов было строго определенным. Ивановские «площадные подьячие» были признаны официально, они обслуживали не только частных лиц, но и государственные приказы. Причем Уложение 1649 г. прямо предписывает обращаться к «площадным подьячим» по вопросам составления различных юридических актов[23].

7. МАНУФАКТУРА

Крупное производство в Москве XVII в. уходило своими корнями в предыдущее столетие. В основном оно обслуживало нужды казны и дворцового ведомства. На ряде предприятий отмечено разделение труда в процессе производства, т.е. они являлись мануфактурами.

[22] *Довнар-Запольский М.В.* Торговля и промышленность. С.66–68; *Он же.* Организация московских ремесленников. С.151, 152; *Устюгов Н.В.* Указ. соч. С.168; История Москвы. Т.1. С.389–392.

[23] *Берх В.* Царствование царя Федора Алексеевича. Ч.1. С.65, 68; *Довнар-Запольский М.В.* Торговля и промышленность. С.66, 67; *Таннер Б.* Описание... С.62, 71; *Злотиков М.Ф.* Подьячие Ивановской площади. К истории нотариата Московской Руси // Сб. статей, посвященных А.С. Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916.

Основанный еще в XV в. Пушечный двор, казенное предприятие, в XVII в. заметно расширился. На нем стали применять современные технологические приемы и новую технику. Это была мануфактура централизованного типа. В 1624 г. иностранные мастера поставили на дворе вододействующую мельницу (машину), приводившую в движение большой молот. В качестве движущей силы использовали течение р. Неглинной, на берегу которой стоял Пушечный двор. В 40-е гг. произошла перестройка помещений двора – деревянные здания заменяли каменными.

Основным видом продукции этого казенного предприятия были пушки разных систем и калибров. Помимо пушек на дворе лили колокола и паникадила. Штат предприятия превышал 100 человек. Мастера-литейщики специализировались по трем видам работ: литье пушек, колоколов и паникадил. У них имелись ученики. На Пушечном дворе также работали паяльщики, пильники, кузнецы, плотники, извозчики и т.д. В описании иностранного путешественника отливка большого колокола выглядит следующим образом: в глубокую вырытую яму помещали форму будущего колокола. Затем в специальные печи клали медь. После «замазали дверцы печей и развели огонь, поддерживая его в течение трех дней, пока медь не расплавилась, сделавшись как вода. Ее мешали через отверстие печных дверей длинными железными прутьями». Наконец, открывали печи и медь лилась по специальным желобам в форму. Остывал колокол три дня.

Помимо русских мастеров на предприятии работали мастера-иностранцы, причем не все они имели высокую квалификацию. Так, Юлиус Койет (ставший затем владельцем стекольного предприятия) делал не особо качественные пушки, многие из них при первом же выстреле разрывались. Более искусным мастером считался Иван Фальк, довольно долго проработавший на предприятии. В конце XVII в. в Москве был основан другой Пушечный двор, названный в отличие от прежнего «Новый»[24].

Посетители одного из наиболее интересных музеев Московского Кремля – Оружейной палаты – вряд ли осознают, что в XVII в. под этим названием действовало крупное производство мануфактурного типа. Оружейная палата подчинялась дворцовому ведомству, и приписанные к ней специалисты относились к дворцовым мастерам, работавшим по заказам царского дворца. Это производственное заведение изготовляло огнестрельное, холодное оружие и защитное снаряжение. В XVII в. число мастеров, подмастерьев и учеников Оружейной палаты составляло около 300 человек. Причем отмечена достаточно узкая специализация. Так, среди мастеров по огнестрельному оружию существовал ряд специальностей, указывающий на реальное и устойчивое разделение труда в процессе производства: ствольники, замочники и другие делали металлические части; деревянные части изготовляли столяры, плотники и резчики; сборкой оружия занимались мастера мушкетного и самопального дела; кожаные кобуры («ольстры») для пистолетов производили ольстренники и т.д.

Мастера Оружейной палаты работали как в мастерских, так и на дому. При этом они могли выполнять и частные заказы. За свою работу в пользу дворцового ведомства мастера получали жалованье по 20–50 руб. в год. Кроме того, им выплачивался так называемый «поденный корм» – по 4–5 коп. в день. За определенную высококвалифицированную работу мастера получали в виде премиальных 5–15 рублей.

С Оружейной палатой непосредственно связаны Золотая и Серебряная палаты, также обслуживавшие дворец. Все они находились под единым управлением. Мастера Золотой и Серебряной

Монетный двор

Чеканы для изготовления монет. Конец XVII в. Увеличено в 1,5 раза. ГИМ

[24] Путешествие Антиохийского патриарха... // ЧОИДР. Кн.4. М., 1898. С.92; *Богоявленский С.К.* О Пушкарском приказе. С.371, 372; История Москвы. Т.1. С.395–398; Очерки русской культуры. Ч.1. С.108.

Серебряная проволока и серебряные копейки, чеканенные из проволоки.

Рубль, чеканенный во время денежной реформы Алексея Михайловича. 1654–1663 гг.

Ефимок с признаком. 1655 г. ГИМ

палат привлекались для украшения холодного и огнестрельного оружия, изготовлявшегося в Оружейной палате. Золотое и серебряное дело, выполнение заказов на ювелирные изделия и предметы обихода характеризовались достаточно узкой специализацией и развитым разделением труда. Однако это было не массовое производство, да и штат мастеров обеих палат оказался невелик. Несколько неожиданной выглядит нарастающая связь Золотой и Серебряной палат с вольным рынком. Особенно это касалось сусального золота[25].

Для обеспечения русской армии порохом в Москве в XVII в. были построены казенные пороховые мельницы. Мельницами назывались предприятия разного профиля потому, что в производственном процессе использовалась движущая сила текущей или падающей воды. Исторически впервые такие двигатели были введены на мукомольных мельницах. В 20-е гг. построили две мельницы, в 50-е гг.– еще две. Пороховые мельницы стояли на р. Яузе. На этих пороховых предприятиях осуществлялся полный цикл операций по изготовлению пороха: от «сеяния» сухой серы и «выдержки» селитры до сушки последней и получения готового продукта. Порох обычно был двух сортов: мушкетный и пушечный.

В середине XVII в. за Никитскими воротами Белого города возник Гранатный двор. На нем русские и иностранные мастера делали гранаты для русской армии. Гранатный двор находился в ведомстве Пушкарского приказа.

Ввиду огромной потребности в строительном материале в столице соорудили казенные кирпичные предприятия. На них ежемесячно обжигали десятки тысяч кирпичей для нужд казенного строительства. На предприятиях работали записные кирпичники. Наряду с казенными во второй половине XVII в. возникают и крупные частные кирпичные производства.

Казенные денежные дворы в XVII в. представляли собой довольно крупные мануфактурные производства. Здесь чеканились серебряные деньги, за исключением краткого периода (1654–1663), когда шел выпуск медных монет. В 1638 г. на старом Денежном дворе работало 36 мастеров. Всего же штат этого предприятия насчитывал до 200 человек. В качестве сырья использовались иностранные монеты и серебряный лом. Процесс изготовления денег состоял из семи последовательных операций – от плавления металла до чеканки готовой монеты. В период введения медных денег был специально создан новый Денежный двор. На нем было занято в середине XVII в. до 500 человек.

Рост потребностей в бумаге вынудил казну обратиться к производству этой продукции. В 70-х гг. XVII в. на р. Яузе, у Новой Немецкой слободы, действовала казенная бумажная мельница. На ней работало девять человек. Производительность предприятия была невелика. Правительственные учреждения Москвы продолжали пользоваться в основном импортной бумагой[26].

Еще в XVI столетии в Москве возникла казенная типография – Печатный двор – на Никольской улице в Китай-городе. В 20-х гг. XVII в. для него было построено новое двухэтажное каменное здание. Печатный двор в XVII в. стал довольно крупной мануфактурой, где трудилось более 150 человек. Книгопечатание осуществлялось на 12 станах, каждый из которых обслуживало до 11 человек. Кроме наборщиков, печатников, переплетчиков и других мастеров, связанных с выпуском печатной продукции, на Печатном дворе работали справщики, чтецы, писцы и т.д. Книги церковного содержания составляли примерно половину выпускаемой в XVII в. литературы. Это были прежде всего псалтыри и часословы. Среди книг светского содержания преобладали учебники: буквари и грамматики, например знаменитые букварь Кариона Истомина и грамматика Мелентия Смотрицкого. Общие тиражи опубликованных в течение столетия псалтырей, часословов, букварей и грамматик составляли несколько сот тысяч экземпляров. Помимо церковной и учебной литературы Печатный двор

[25] *Устюгов Н.В.* Указ. соч. С.167,168; История Москвы. Т.1. С.399–401; *Селезнева И.А.* Организация и форма производства в золотом и серебряном деле Москвы XVII в. Автореферат дис. канд. ист. наук. М., 1995.

[26] *Довнар-Запольский М.В.* Торговля и промышленность. С.66,67; История Москвы. Т.1. С.404–407; *Белокуров С.А.* О бумажной мельнице в Москве на р. Яузе (1673–1676 гг.) // ЧОИДР. Кн.2. М., 1907.

выпустил Судебник 1649 г., а также такие книги, как «Учение и хитрость ратного строения» Вальдхаузена, «Азбука нотного пения», труды известного церковного публициста и богослова Симеона Полоцкого антираскольничьего содержания – «Скрижаль» и «Жезл правления» и т.д. Таким образом, на Печатном дворе выпускалась как русская, так и переводная литература[27].

В XVII в. делались попытки наладить производство сукон и шелковых тканей, которые импортировались в больших количествах в Россию. В 80-х гг. в течение нескольких лет в Москве действовало суконное предприятие нидерландца Ильи Таберта. На нем было занято семь иностранных мастеров. Шерсть и оборудование привозились из-за рубежа. Дальше опытных партий сукон дело не пошло.

В Кремле в 30-х гг. недолго действовал Бархатный двор. Вторую попытку наладить производство в столице шелковых тканей предпринял в 80-х гг. гамбуржец Арнольд Паульсен. В 1682 г. он основал Новый Бархатный двор. Паульсен привез оборудование и 18 работников из-за рубежа. Казна ссудила его двумя тысячами рублей. Он построил здание в Новой Немецкой слободе. Заведение Паульсена было казенным: основано на казенные капиталы и использовало казенный шелк. Поэтому производимые ткани шли в казну. В обязанности Паульсена входило поставлять ежегодно 400 аршин шелковых тканей и обучать русских учеников. Однако и этот опыт оказался неудачным. Предприятие прекратило свое существование в 1689 г.[28]

Причина неудач в налаживании суконных и шелковых предприятий в Москве XVII в. кроется в том, что и сырье, и оборудование, и рабочую силу приходилось ввозить из-за рубежа. Изначально производство ориентировалось не на внутренний российский рынок, а на удовлетворение потребностей казны. В итоге оно оказалось неэффективным. Проще и дешевле было импортировать сукна и шелковые материи.

В двух дворцовых слободах – Кадашевской и Хамовной (называвшейся также Тверской-Константиновской) – успешно действовали крупные предприятия мануфактурного типа, изготовлявшие льняные полотна, скатерти и полотенца для дворцового ведомства. Кадашевская слобода находилась в Замоскворечье, в пределах Земляного города. Хамовная же была расположена у Новодевичьего монастыря, за пределами городских стен.

Самой большой из них была Кадашевская слобода. В течение XVII в. количество дворов в ней почти не изменилось – 400–500. В Хамовной слободе в 30-е гг. числилось 38 дворов, а в 1682 г.– уже 127. Слободы находились под управлением дворцовых приказов – вначале Государевой мастерской палаты, а с 1626 г.– Царицыной мастерской палаты. Жители слобод были обязаны заниматься ткацким делом. По жалованным грамотам дворцовые ткачи освобождались от всех посадских податей и повинностей.

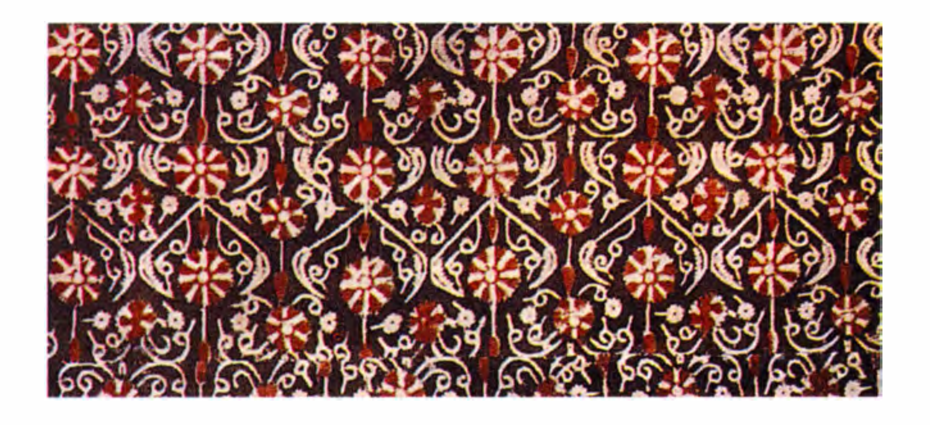
За окладную единицу в слободах принимали так называемое «дело». «Дело» – это ежегодная норма выработки, которую обязывался обеспечить владелец двора размером 240 кв. саженей. Однако далеко не все дворы в слободах имели такой участок земли. Распространены были и половинные, и четвертные участки, с дворовладельцев которых соответственно требовали обеспечить норму выработки в половину, четверть «дела» и т.д. Нормы выработки по Кадашевской слободе составляли около 190 «дел», а по Хамовникам – 29–51 «дело».

В первой половине XVII в. ткачи и прядильщики работали на дому. В 1658–1661 гг. в Кадашевской слободе построили новый каменный Хамовный двор. На нем могли одновременно трудиться до 150 ткачей. В Хамовной слободе таких больших помещений не имелось, поэтому и во второй половине XVII в. ткачи работали на дому, хотя был выстроен каменный дом под контору и склад. Прядильщики в обеих слободах в течение всего XVII в. оставались надомниками.

Сырье для производства – лен – прядильщики получали из Царицыной мастерской палаты. Пряжа поступала к ткачам, которые ткали полотна, скатерти и полотенца. Готовую ткань затем отбеливали. За свою работу все лица, занятые в производстве, получали ежегодно денежное (50 коп.– 1 руб.) и хлебное (40–50 пудов ржи и столько же овса) жалованье. Несмотря на то что описываемое производство было крупным, мануфактурным, с довольно дробным разделением труда (можно насчитать более 20 специальностей, связанных с местом и функциями работника в процессе производства того или иного вида продукции), его техническое оснащение было очень слабым, безраздельно господствовал ручной труд.

[27] История Москвы. Т.1. С.610–613; Очерки русской культуры. Ч.1. С.115; Ч.2. С.156, 157.

[28] *Лермонтова Г.А.* Шелковая фабрика в правление царевны Софьи Алексеевны. Пг., 1915.; *Новицкий Г.А.* Из истории насаждения суконных фабрик в 17 в. // Труд в России. Л., 1924. Вып.2.; *Заозерская Е.И.* У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII вв. К вопросу о генезисе капитализма в России. М., 1970. С.441–444.

Набойка. Лен. Середина XVII в. ГИМ

Церковь Николы в Хамовниках. 1679 г.

Следует отметить одну важную тенденцию, набиравшую силу в XVII в. Постепенно (это больше относится к кадашевцам) ткачество становится преимущественно женским занятием (прядением с самого начала целиком занимались женщины). Мужчины, используя привилегированный статус дворцовых слобод, начинают заниматься торговлей и различными промыслами. Богатые торговцы-кадашевцы стали известны далеко за пределами Москвы. В слободах все чаще встречаются лица, не занятые в производстве. Вместо себя они нанимали работников, которые и выполняли установленные нормы. Постепенно менялся и характер труда. Те, кто работал на Хамовном дворе в Кадашеве, стали получать поденное или помесячное жалованье. Всего в течение XVII в. для дворцового ведомства кадашевцы изготовляли в год 320–340 полотен, 60 скатертей и 100 полотенец. В Хамовной слободе ежегодное производство полотен выросло со 120 до 230.

При Петре I, в 1693 г., была предпринята попытка изготовлять на части оборудования на Кадашевском Хамовном дворе парусину для нужд создаваемого военно-морского флота. Но вскоре от этого дела отказались.

В 60–70-е гг. XVII в. в Москве действовало предприятие по выделке сафьянов. Оно находилось в ведомстве Тайного приказа и обслуживало дворцовое хозяйство. Сырьем для предприятия служили козлиные кожи. Предприятие первоначально находилось в Заяузье, на берегу Москвы-реки. Здесь был построен производственный комплекс из амбаров, сараев, изб и т.п. Затем в 1670 г. попытались перенести сафьянное заведение в дворцовое село Чашниково Московского уезда, что оказалось неудачным. Для выделки сафьянов не подошла местная вода, и предприятие снова перенесли в Москву, но теперь на Воронцово поле. Здесь построили производственные здания и вырыли большой пруд. Возглавляли изготовление сафьянов армянские мастера – Арабет Мартынов и после него Мартын Мардьясов. Всего было сделано несколько тысяч сафьянных кож. Однако продукция оказалась очень дорогой, а расходы на ее производство – велики. И здесь, как и в случае с суконным и шелковыми заведениями, производство было приостановлено ввиду того, что покупать сафьяны за границей оказалось выгоднее[29].

В XVII в. отмечался большой и постоянный спрос на различные предметы быта из стекла. Их довольно много импортировалось из Европы. Начиная с 30-х гг. в России стали создаваться соответствующие крупные предприятия. Первым был Духанинский завод под Москвой, построенный пушечным мастером Юлиусом Койетом, не преуспевшим в своей основной специальности. У Новой Немецкой слободы также действовало во второй половине XVII в. стекольное предприятие, принадлежавшее иностранцу. В 1669 г. в подмосковном дворцовом селе Измайлово возникло дворцовое стекольное предприятие, управлявшееся Тайным приказом. На нем работали мастера-иноземцы. Управлявший заводом Ловис Моет славился своим искусством стеклодува. Для государева дворца измайловское предприятие изготовляло различные изделия из белого и зеленого стекла: стаканы, рюмки, солонки, кубки, кувшины и т.д. В год производилось несколько тысяч единиц самых разнообразных сосудов. Стекольное заведение в Измайлове просуществовало до XVIII в. Часть его изделий шла на вольный рынок (продавалась в казенной лавке на Гостином дворе) и даже вывозилась за границу. По свидетельству современников, у Новой Немецкой слободы было построено железоделательное предприятие[30]. Оно, так же как и стекольное заведение, принадлежало одному из жителей слободы.

8. ВЕЛИКИЙ ТОРГ МОСКОВСКИЙ

Торговля велась буквально везде: от Китай-города до любого окраинного переулка в Земляном городе. Невозможно перечислить названия предлагаемых товаров: здесь можно было купить все, от самых простых местных изделий до тончайших произведений ювелирного и прикладного искусства из стран Запада и Востока. В городе постоянно находились купцы и их приказчики, а также торговцы помельче из почти 200 городов

[29] *Мартынов А.А.* Государев Хамовный двор в московской Кадашевской слободе // ЧОИДР. Кн.2. М., 1895; *Базилевич К.В.* Кадашевцы, дворцовые ткачи полотен в 17 в. // Труд в России. Л., 1924. Вып.2; *Смирнов П.П.* Московские ткачи XVII в. и их привилегии (жалованные грамоты Кадашевской и Хамовной слобод 1623 и 1648 гг.) // Труды Среднеазиатского гос. университета. Сер. III-а. История. Ташкент, 1928. Вып.1.; *Якобсон А.Л.* Ткацкие слободы и села в XVII в. (Кадашево, Хамовники, Брейтово и Черкасово). М.; Л., 1934; *Новицкий Г.А.* Первые московские мануфактуры XVII в. по обработке кожи // Московский край в его прошлом. Очерки по социальной и экономической истории XVI–XIX вв. М., 1928. С.48–52.

[30] *Берх В.* Царствование царя Федора Алексеевича. Ч.1. С.74; *Таннер Б.* Указ. соч. С.71; *Заозерский А.И.* Царская вотчина XVII в. М., 1937. С.133–137; История Москвы. Т.1. С.418–420.

Торговля тканями и галантереей в палатке. Деталь гравюры по рисунку Ж. Делабарта «Гулянье под Новинским». Конец XVIII в.

и уездов России. Из иностранных коммерсантов выделялись западноевропейцы, армяне, греки, бухарцы и индийцы. Москва стала не только политическим, но и торговым центром страны.

Жизненно важное значение для города имела торговля продуктами питания. Среди них важнейшим был хлеб. Московский уезд не мог полностью удовлетворить в нем потребности столицы. Хлеб привозился как из ближних, так и из дальних мест: Рязани, Калуги, Серпухова, Арзамаса, Нижнего Новгорода, Орла, Вятки, Шацка, Темникова и т.д. Всего в год ржи, пшеницы, овса, а также всевозможных круп продавалось примерно на 80 тыс. руб. Центром хлебной торговли в Москве была Болотная площадь на правом берегу Москвы-реки, напротив Кремля.

Не менее важное значение для питания широких слоев московского населения имела рыба, в основном дешевых сортов. Плотва, ерши, караси, окуни, щуки, судаки, лещи и т.д. из Московского и примыкавших к нему уездов, а также с Верхней Волги и ее притоков для бедноты были доступнее мяса и составляли наряду с хлебом ее ежедневный рацион. Дорогая рыба – осетр, белуга, а также икра поставлялись из городов Поволжья. Летом в Москву поступала живая рыба, зимой – соленая, вяленая и мороженая. Спросом пользовалась и импортная сельдь. Ежемесячно в город могло приходить до нескольких сот возов со всевозможной рыбой.

Столь же обширен был район, из которого осуществлялись поставки мяса и овощей в столицу. Говяжье и свиное сало, животное и растительное масло, мед, лук и чеснок, хмель, орехи и фрукты и т.п. подвозили из десятков городов и уездов Нечерноземья и Черноземья, Верхней и Средней Волги. Из-за рубежа прибывали в город различные вина, пряности, а также сладости и заморские фрукты[31].

Мелкое и крупное производство использовало различные виды сырья и полуфабрикатов. Изделия поступали на внутренний и отчасти внешний рынки. В больших количествах в город ввозились кожи (конские, коровьи, козлиные и пр.). Кожи поставлялись сырые, сыромятные, дубленые, опойковые и т.д. из почти 50 городов и уездов. Славились своей выделкой ярославские кожи. Отмечен привоз в Москву импортных (персидских) сафьянов. Воск поступал в основном из районов, лежащих к югу от Москвы: Рязани, Калуги, Тулы, Центрального Черноземья и Малороссии. Лен и пеньку привозили из Западного и Северо-Западного регионов. Лесоматериалы, известь, камень, песок, а также необходимые для корма скота сено и солому поставляли в столицу крестьяне близлежащих уездов.

[31] *Вулих Е.З.* Из мира торговых отношений в Москве XVII века // Россия и Запад. Т.1. Пг., 1923. С.59; *Сакович С.И.* Торговля мелочными товарами в Москве в конце XVII в. // Исторические записки. Т.20. М., 1946. С.131–133; *Тверская Д.И.* Указ. соч. С.80–84.

Гири. XVII в. ГИМ

Гири. XVII в. ГИМ

Купец. Миниатюра из Синодика. XVII в. ГИМ

Важное место среди привозных товаров занимали металлы. Железо различных сортов приходило из таких известных центров, как Устюжна Железопольская и Тихвин. С 30-х гг. XVII в. железо на московский рынок стало поступать с Тульско-Каширских железоделательных заводов. Импортное железо из Швеции привозилось через Новгород и Псков, а цветные металлы (медь, олово, свинец и ртуть) – из Швеции и Англии. Шведская продукция, как и железо, шла через Новгород и Псков, а английская – через Архангельск, далее – Сухоно-Двинским водным путем, а затем – через Вологду и Ярославль.

Москва была всероссийским центром торговли мехами. Сюда доставляли ясак (дань в виде пушнины с народов Поволжья и Сибири), а также различные меха для вольной продажи из тех же районов и Европейского Севера. Ежегодно в столице обращались сотни тысяч шкурок зайца и белки, десятки тысяч соболей, песцов, лисиц, куниц, бобров и т.д.[32].

Самые разнообразные ткани поступали в столицу. Простые горожане довольствовались русским текстилем, в том числе крашеными холстами (крашениной). Москву снабжали Костромской, Ярославский, Угличский, Ростовский, Суздальский и Переславль-Залесский уезды. Полотна привозились из села Иваново Суздальского уезда, также пользовалось спросом на московском рынке грубое сукно из Ярославского, Романовского, Костромского и Пошехонского уездов.

Импортный текстиль стоил дороже. А высококачественные сукна и златотканые шелковые материи оказывались доступны только очень богатым людям. Среди тонких сукон преобладали ткани из Англии, Гамбурга и Нидерландов. Шелковые ткани: камка, тафта, атлас, бархат и т.д.– были как западноевропейского (из Амстердама, Венеции), так и восточного (Китай, Турция, Персия) происхождения. Хлопчатобумажные ткани: мухояр, киндяк, зендень, кумач, китайка и пр.– поступали только из стран Востока – от Крыма и Турции до Закавказья, Средней Азии, Индии и Китая.

Помимо материй в столицу ввозились различные готовые изделия: предметы одежды и обувь, посуда (прежде всего деревянная), металлические изделия (от гвоздей до колоколов и котлов), бумага (в основном импортная), оружие, ювелирные изделия (а также золото, серебро, драгоценные, полудрагоценные и поделочные камни) и т.д.[33]

Среди торговцев и их приказчиков, привозивших товары в Москву, были и москвичи, и иногородние люди самого разного происхождения, как выходцы с посада, так и из крестьян и служилых людей «по прибору». В Москве занимались торговлей крупные купцы, дельцы всероссийского масштаба, члены корпораций гостей, Гостиной и Суконной сотен, такие, как Григорий Никитников, Василий Шорин, Филатьевы, Панкратьевы, Шустовы и др., а также торговцы мелочным товаром, каких насчитывалось сотни. Среди крупных купцов некоторые получили известность далеко за пределами Москвы и вели дела в различных уголках страны, а также за границей. Так, все сколько-нибудь заметные московские дельцы поддерживали связи с основными центрами внешней торговли: Архангельском, Псковом, Новгородом, Астраханью. Многие посещали Нижегородскую (Макарьевскую) ярмарку. Василий Шорин, Семен Задорин, Гаврила Никитин активно торговали с Сибирью, а Никитин – еще и с Китаем. Приказчики В. Шорина и Г. Никитникова через Астрахань установили связь с Персией и Средней Азией. Кроме того, Шорину, Никитникову, Филатьевым, Панкратьевым и Шустовым принадлежали соляные промыслы в Соликамском и Яренском уездах.

Московский гость – фигура колоритнейшая. По своему богатству он подчас не уступал многим боярам. И двор его был не хуже, и челяди не меньше, и платье на нем подстать боярскому, и выезд роскошный. Вот только сословный статус гостя был намного ниже боярского. Даже приказным дьякам удалось официально доказать свое социальное превосходство перед гостями, когда зашел такой спор. В XVII в. правительство активно пользовалось советами и

[32] *Тверская Д.И.* Указ. соч. С. 84–88; *Васнецов А.* Лесной торг в Старой Москве // Старая Москва. Статьи по истории Москвы в XVII–XIX вв. Сб.1. М., 1929.

[33] *Сакович С.И.* Указ. соч. С.134–137; *Тверская Д.И.* Указ. соч. С.89–95.

службой известных гостей: В. Шорин являлся одним из инициаторов экономической политики правительства Б. И. Морозова, за что чуть не поплатился жизнью в период восстания 1648 г. Аверкий Кириллов, будучи таможенным головой в Архангельске, ревностно проводил в жизнь нормы Нового торгового устава 1667 г.

Тогда еще не возникло такое явление, как меценатство. Но немало построек того времени, созданных усилиями гостей, восхищают современников. Так, знаменитая церковь Троицы в Никитниках построена как усадебная церковь Г. Никитникова.

Москва была не только магнитом, притягивавшим разнообразные товары. Она использовала лишь часть из них. Другая, едва ли не большая часть вместе с продукцией московского мелкого и крупного производства растекалась по всей России. В этой отъезжей торговле участвовали как москвичи, так и иногородние. Из Москвы практически не вывозилось продовольствие (почти все привезенное и изготовленное в столице потреблялось на месте). Зато вывозились сырье, полуфабрикаты (пенька, воск, кожи, меха, металлы и т.д.), готовые изделия (ткани отечественного и импортного производства одежда, обувь, бумага, книги, оружие, стеклянные и ювелирные изделия и т.д.). Причем это были товары как местного и иногороднего, так и иностранного происхождения[34].

Невозможно точно определить, сколько имелось в Москве торговцев. В XVII в. такой учет по всем категориям населения не велся. Известны лишь цифры, характеризующие верхушку московского купечества – гостей и членов Гостиной и Суконной сотен. В Москве в XVII в. проживало до 30 гостей и до 300 членов Гостиной и Суконной сотен. Эти корпорации пополнялись как за счет потомков и родственников своих членов, так и путем привлечения богатых купцов из московских слобод и сотен и из других городов. Известны случаи, когда власти переводили самых состоятельных тяглецов из Кадашевской, Казенной, Мещанской и других сотен и слобод в привилегированные корпорации. Не все их члены жили в Москве. Какая-то часть (во второй половине XVII в. она непрерывно росла) проживала и в других городах. Помимо ведения крупных торговых операций и занятий предпринимательством гости и члены Гостиной и Суконной сотен выполняли ряд поручений официальных властей: служили консультантами при продаже казенных товаров и покупке всего необходимого для казны и царского дворца, ездили с этой целью за границу, собирали различные доходы (таможенные, кабацкие и пр.) в наиболее ответственных местах (Москве, Архангельске и т.д.). За это им давались царем

Торговый гость Гаврила Фетиев. Неизвестный художник. Конец XVII в. ГИМ

жалованные грамоты, содержавшие различные льготы, касавшиеся суда, условий торговли и быта[35].

Оптовая торговля в Москве, т.е. сделки между купцами, как русскими, так и иностранными, по купле-продаже крупных партий товаров, осуществлялась на гостиных дворах в Китай-городе. Розничная же торговля велась в лавках и других торговых помещениях во всем городе. В конце XVII в. в Москве насчитывалось до 4000 различных торговых помещений. Причем крупные дельцы владели несколькими торговыми постройками: кадашевец Петр Исаев держал семь лавок, только в Китай-городе гостю Василию Шорину принадлежало 11 лавок и т.д.

Обычно лавка имела размер 20 кв.м. Но большинство торговцев обладали половиной или четвертью лавки. Помимо лавок торговля велась в шалашах, погребах, харчевнях, со скамей и т.д. Торговцы покрупнее сами не сидели в своих торговых помещениях. Они нанимали специальных лавочных сидельцев, т.е. работников для розничной торговли. Из лавок посылались работники для продажи различных товаров вразнос. Часто для этой цели нанимали мальчиков и юношей. Не имевшие в городе соответствующих построек торговали с саней, телег и т.д.

Выше уже упоминалось о торговых рядах в Китай-городе, где можно было купить любые товары. За его пределами также были места, где шла наибо-

[34] *Бахрушин С.В.* Торги гостя Никитина в Сибири и Китае // Науч. труды. Т.3. Ч.1. М., 1955; История Москвы. Т.1. С.436–443; *Тверская Д.И.* Указ. соч. С. 97–122.

[35] *Котошихин Г.* Указ. соч. С.139; *Тверская Д.И.* Указ. соч. С.15–17; *Голикова Н.Б.* Численность, состав и источники пополнения гостей в конце XVI – первой четверти XVIII в. // Русский город (исследования и материалы). Вып.8. М., 1986.

Думный дьяк И. Г. Грамотин. Парсуна. XVII в. ГИМ

Боярин Б. И. Прозоровский. Гравюра Э. Грубе. 1694 г. ГИМ

лее оживленная торговля. Так, в Охотном ряду преобладала торговля мукой. На Болотной площади в Замоскворечье продавали зерно, рядом, на Конской площадке, торговали лошадьми. Маросейка была известна своим горшечным рядом. За Покровскими воротами Белого города и на Трубной площади покупали лес. На Арбате приобретали съестные припасы и т.д.

9. СЛУЖБА ГОСУДАРЕВА

Господствующий класс (дворянство) проводил свою жизнь на государственной службе. Его верхушка – думные чины (бояре, окольничие, думные дворяне и дьяки) – заседали в Боярской думе, руководили приказами, ездили с посольствами за рубеж, служили на воеводстве в крупных городах или в составе войска участвовали в военных походах. Наряду с думными существовали еще и так называемые московские чины (стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы). Эта категория, так же как и думные чины, имела дворы в Москве и проходила здесь же службу (разумеется, московские чины участвовали в военных походах и заграничных посольствах, их также посылали на воеводство). В 1616 г. думных чинов насчитывалось 38 человек, а московских чинов – 463 человека. К 1639 г. число московских чинов возросло до 1184 человек, думных в 1668 г.– до 68, а в 1678 г.– до 97 человек.

Основная масса дворян не поднималась выше средних должностей в войске или воеводства в обычном уездном городе. Но в дворянской среде появлялись люди незаурядные, прорывавшиеся благодаря личным заслугам в верхи господствующего класса. Среди них следует выделить Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина и Артамона Сергеевича Матвеева. Ордин-Нащокин, рядовой псковский дворянин, с 40-х гг. XVII в. постоянно участвуя в дипломатических переговорах с поляками и шведами, приобрел богатейший опыт и знания. Он овладел несколькими иностранными языками, был образован. Во всей своей деятельности придерживался принципиальной установки на союз с Речью Посполитой, что считал первостепенным для России. В 1667 г. после успешно проведенных им переговоров в селе Андрусово под Смоленском и заключения перемирия с Речью Посполитой Ордин-Нащокин стал главой правительства. Будучи сторонником идей меркантилизма, он руководил составлением Нового торгового устава, выдержанного в духе покровительства отечественной торговле. Ордин-Нащокин обладал независимым характером и не изменял своим политическим принципам, за что и поплатился: в 1671 г. место главы правительства занял А. С. Матвеев.

Этот человек почти являл полную противоположность Ордину-Нащокину. Начав свою служебную карьеру стрелецким сотником, Матвеев достаточно быстро продвинулся по служебной лестнице. Ум, хитрость, умение приспосабливаться и быть необходимым сильным мира сего привели его во дворец, в число наиболее приближенных к царю Алексею Михайловичу лиц. Матвеев

А. Л. Ордин-Нащокин, глава Посольского приказа. Неизвестный художник. XVII в. ГИМ

Палаты Аверкия Кириллова на Берсеневке. 1657 г.

возглавил придворную группировку Нарышкиных. Но даже этот искушенный в интригах человек поплатился ссылкой, а затем был убит стрельцами во время восстания 1682 г.

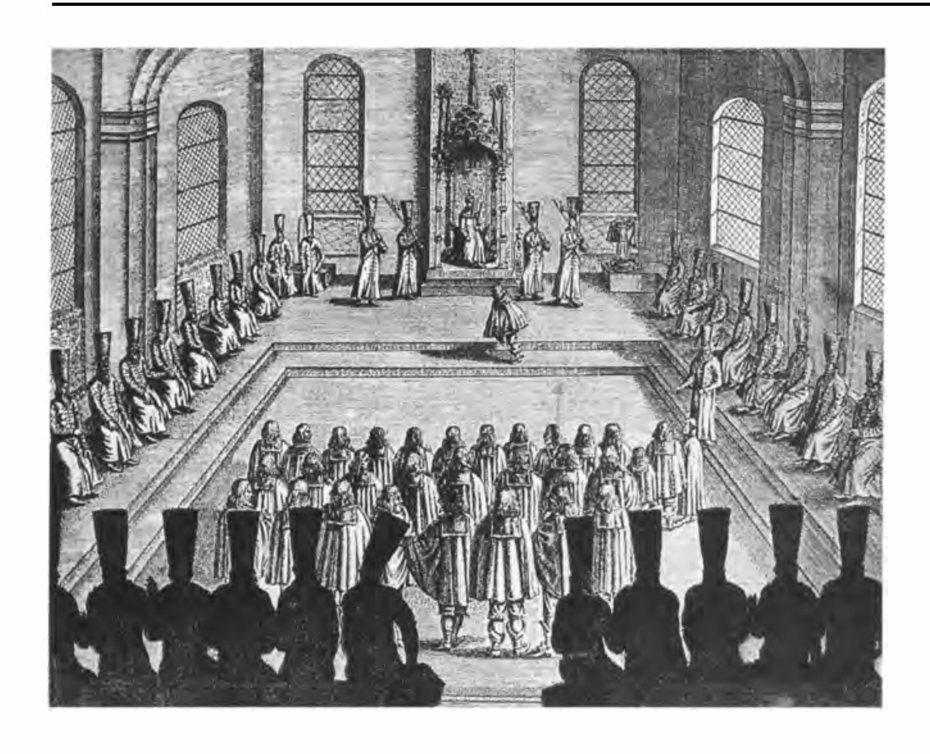
Думные чины и часть московских чинов несли придворную службу. Практически ежедневно придворные должны были принимать участие в той или иной церемонии: приемах иностранных послов, торжественных обедах, царских выходах, публичных мероприятиях, царских увеселениях, охоте и т.д. Преобладающая часть московских чинов служила в войске. Почти ежегодно летом они вливались в южную армию, чтобы отражать набеги татарских орд и небольших отрядов на южные рубежи государства. Каждый дворянин ехал на службу в сопровождении вооруженных слуг. В государственных приказах думные чины занимали руководящие посты судей[36]. Всю основную работу здесь выполняли приказные служители – дьяки и подьячие.

Приказные служители как массовая категория московского населения характерны именно для XVII столетия. Дьяков (высших приказных служителей) в приказах было обычно от одного до пяти. Основная масса приказных состояла из подьячих. Более чем четырехкратный рост численности приказных служителей в XVII в. (в 1626 г.– 623 человека, в 1698 г.– 2739 человек) происходил благодаря росту именно этой категории. Приказы различались как по своим функциям, так и по своему штату (который, в сущности, зависел от их функций). Преобладали учреждения с числом приказных до 12 человек. Лишь в отдельных приказах (Поместном, Разрядном, Большого дворца, Большой казны и некоторых других) служило несколько десятков, а во второй половине века – несколько сотен человек.

Приказных людей рекрутировали из городских грамотных семей. Определенный уровень грамотности требовался для занятия даже самой низшей должности в приказе. Поэтому среди молодых приказных больше всего было тех, кто шел по стопам своих родителей, а также выходцев из семей церковнослужителей. Во второй половине XVII в. некоторое развитие получила практика перевода подьячих из провинциальных городов в Москву. Делалось это чаще всего при необходимости срочно пополнить состав центральных учреждений (как это было после эпидемии 1654 г., нанесшей большой урон этой категории населения), сформировать штаты новых или укрепить штаты старых приказов. В тех же целях осуществлялся перевод подьячих из одних приказов в другие.

За свою службу дьяки и подьячие, так же как и дворянство, получали поместья и вотчины. Причем размеры земельных владений некоторых дьяков позволяют отнести их к крупным земельным собственникам. Землевладение московских подьячих было более мелким. И среди дьяков, и среди подьячих (даже в боль-

[36] *Милюков П.Н.* Указ. соч. С.35; *Смирнов П.П.* Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. // ЧОИДР. Кн.3. М., 1915. С.4, 5; История Москвы. Т.1. С.534–536, 547, 548.

Заседание Боярской думы. Гравюра из книги А. Олеария «Путешествие в Россию». 30-е гг. XVII в.

Конный воин. Рисунок из альбома Э. Пальмквиста. 1674 г.

шей степени) имелись малоземельные и безземельные. Им приходилось «кормиться» лишь за счет жалованья.

Ежегодное денежное жалованье дьяка не превышало 100 руб. Подьячие получали не более 14 руб. Помимо денежного жалованья часть московских приказных служителей обеспечивалась натуральными выдачами. Дьяки (особенно дворцовых приказов) довольно регулярно получали различные съестные припасы, сено, а также ткани и меха на одежду. Подьячим выдавали так называемое «хлебное жалованье» (рожь, овес) и соль. А подьячие некоторых дворцовых приказов имели также сукно на одежду, поденное жалованье в виде обедов, печеного хлеба и т.д.

Помимо жалованья приказные старались «кормиться от дел», т.е. получать взятки. В этом смысле существовали «выгодные» и «невыгодные» приказы. К последним относились строго функциональные приказы, такие, как Посольский, Малороссийский, княжества Смоленского и т.д. В них не было наплыва различных челобитчиков, ходатайствовавших о разрешении в свою пользу судебных и других частных дел. Напротив, те приказы, в которых основной или одной из основных была судебная деятельность, давали возможность приказным служителям пополнять свой бюджет за счет «челобитчиков». Это отлично знало правительство, и поэтому в «невыгодных» приказах приказные получали более высокое жалованье и довольно регулярно. В «выгодных» приказах официальное жалованье было ниже и выдавалось не столь регулярно. Кроме того, во второй половине XVII в. в них сильно увеличилось количество «неверстанных» подьячих, которым вообще не было предусмотрено жалованье. Они жили только на «доходы от дел».

Крупные приказы, такие, как Поместный, Разрядный, Казанского дворца и т.д., предполагали внутреннее деление на столы, которые обслуживали либо различные подведомственные территории, либо выполняли разные функции. Столы делились на более мелкие подразделения – повытья. В приказах с небольшим штатом существовали только повытья. По должностной классификации подьячие московских приказов делились на старых, средней статьи и молодых. В основе этого деления лежала квалификация, а также круг обязанностей подьячего. Старые подьячие, как правило, занимали низшие руководящие должности в приказах. В обязанности приказных входило ведение текущего делопроизводства, разбор судебных и иных дел. Кроме того, каждая вышестоящая квалификационная группа приказных людей осуществляла контроль за нижестоящей. Помимо основной службы в приказе дьяки и подьячие исполняли различные задания в других городах, ездили в действующую армию и с посольствами за границу.

Приказной аппарат выполнял важнейшие функции по управлению огромной страной. На его основе сложилась чиновничья бюрократия Российской империи. Негативные стороны деятельности московских приказных XVII в. – лихоимство и «приказная волокита» – стали нарицательными и являлись одной из причин народных выступлений в Москве.

На государственной службе находились различные категории военнослужа-

щих (прежде всего стрельцы), которыми была заполнена Москва. Привилегированное положение среди московских стрельцов занимал Стремянной полк, являвшийся личной охраной царя. Стрельцы получали за свою службу ежегодно денежное (5–10 руб.) и хлебное (по 40 пудов ржи и столько же овса) жалованье. Кроме того, им выдавалось сукно для обмундирования. Во второй половине XVII в. в Москве служило свыше 20 тыс. стрельцов.

В столице были расквартированы два солдатских полка – Аггея Шепелева и Матвея Кравкова. Рядовой и командный состав полков формировался из русских (известно, что офицерами солдатских, драгунских и рейтарских полков, стоявших вне Москвы, наряду с русскими были иноземцы из Западной Европы). Служба солдат в столице не отличалась от стрелецкой, но их жалованье было меньше стрелецкого. Время от времени солдат отпускали в родные места по их личным делам.

В Москве были также расквартированы артиллеристы – пушкари. Их вместе с мастерами по ремонту артиллерийских орудий насчитывалось до 500 человек. Они жили семьями и занимались торговлей и ремеслами в свободное от службы время, что сближало их со стрельцами. На государственной службе находились также воротники, в обязанности которых входила охрана городских ворот, закрытие их на ночь и открытие утром. Московские стрельцы, солдаты и пушкари участвовали в военных походах, несли службу и в других городах и районах страны.

Государственной считалась и служба ямщиков. Ямская гоньба – транспортная служба по доставке казенной почты и грузов на подводах летом и санях зимой – организовывалась особым Ямским приказом. Ямские охотники наделялись в городах дворами, пахотными и выгонными угодьями в пригородах, чтобы содержать семьи и лошадей. Податей они не платили, но были обязаны казне ямской службой и получали за нее жалованье. В Москве в середине XVII в. числилось до 500 ямских дворов[37].

10. БЫТ И НРАВЫ

Само положение России – между Западом и Востоком (сейчас часто говорят о Евразии, Евразийском пространстве) – делало ее непохожей ни на Запад, ни на Восток.

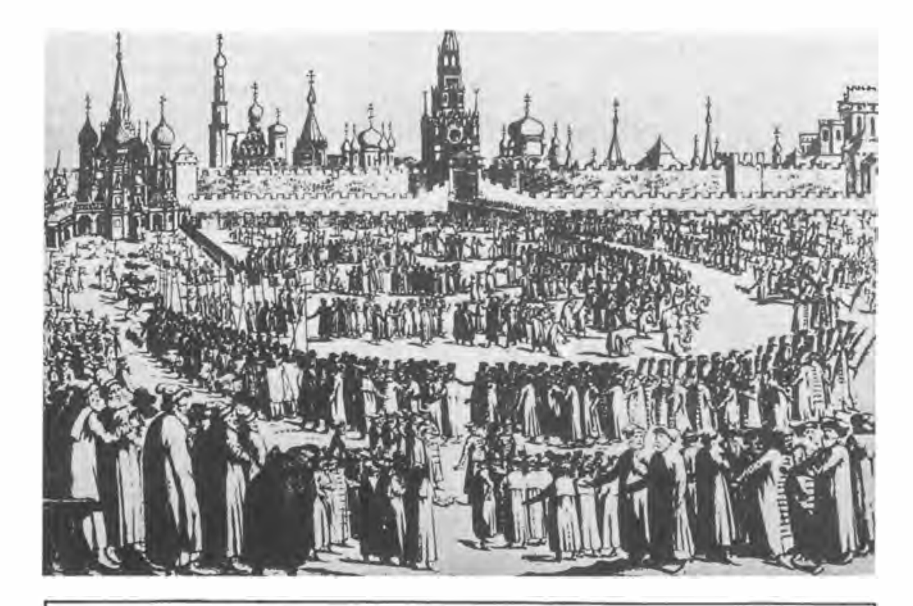
Жилища москвичей в основном были деревянными. Только у богатых горожан во дворе стояли каменные (или кирпичные) жилые здания. На богатых дворах наблюдалось сочетание каменных и деревянных построек, где каменная часть была как бы встроена в общий деревянный комплекс. Деревянные постройки ценились русскими людьми за их большое удобство в условиях достаточно сурового климата: в деревянных домах осенью и зимой было не так сыро и холодно, как в каменных.

Стрелецкий голова. Рисунок из альбома Э. Пальмквиста. 1674 г.

В качестве строительного материала для деревянных домов использовались сосна или ель, реже – дуб. Дома представляли собой традиционный сруб. У бедняков сруб был один. Более состоятельные москвичи пристраивали к нему другой сруб (а в случае необходимости – третий, четвертый и т.д.). Наиболее распространена была двухсрубная постройка. Между двумя срубами находились сени. Один сруб являлся отапливаемой печами зимней постройкой (избой, горницей), а другой – летней неотапливаемой постройкой (клетью). Такие дома обычно имели два этажа. Изба и клеть занимали второй этаж, а первый этаж (подызбица, подклеть) служил для хозяйственных целей. Богатые дома отличались большим количеством помещений, наличием парадных палат для торжественных церемоний и могли иметь три этажа. Помимо всего они искусно украшались деревянной резьбой и имели не простую двускатную крышу, покрытую лубьем, а украшенную башенками, различными навершиями и обшитую металлическими листами. Окна в домах были небольшими. У простых

[37] *Гурлянд И.Я.* Указ. соч. С.159, 224, 242, 300, 306, 307; *Милюков П.Н.* Указ. соч. С.35, 38; *Богоявленский С.К.* О Пушкарском приказе. С.362–364, 368, 369; История Москвы. Т.1. С.468, 480–486; *Чернов А.В.* Указ. соч. С.127, 162, 163, 189; *Демидова Н.Ф.* Указ. соч.

Патриарший крестный ход в Вербное воскресенье. Гравюра из книги А. Олеария «Путешествие в Московию». 30-е гг. XVII в.

Скоморохи. Гравюра из книги А. Олеария «Путешествие в Московию». 30-е гг. XVII в.

жителей в окна вставлялся бычий пузырь, промасленная бумага или слюда. У богатых окна стеклились.

От состоятельности жителей зависела и меблировка жилых помещений. В простых домах вся мебель состояла из неподвижных лавок вдоль стен, переносимых скамей, стола и сундуков для одежды. Богачи могли приобретать дорогую иностранную мебель – стулья, столы, кресла, кровати, шкафы и т.д., а также зеркала и картины. Причем стены в таких домах обивались дорогими тканями, на полах лежали ковры. В темное время суток дома освещались лучиной, масляными светильниками и сальными свечами. В богатых домах использовались восковые свечи в дорогих бронзовых, а иногда и серебряных подсвечниках и даже люстры.

Дворы огораживались высоким сплошным забором, те, что победнее – частоколом или плетнем. Во дворах зажиточных москвичей находились всевозможные хозяйственные постройки, чаще всего деревянные: амбары, бани, погреба, ледники, сараи, скотный двор. Имелись еще поварни, конюшни, псарни, избы для слуг и т.д. У бедняков помимо жилой избы во дворе был минимум хозяйственных построек[38].

Простые горожане для изготовления повседневной одежды использовали главным образом ткани отечественного производства: грубое сукно, холст и полотно. Богатые москвичи покупали более дорогие импортные сукна, шелковые и хлопчатобумажные ткани.

Основным предметом одежды как мужчин, так и женщин служила полотняная рубаха. Причем рубахи были и нижние (из более тонкого полотна), и верхние. Мужские рубахи доходили до колен, женские были намного длиннее. Мужские штаны также были нижние («исподнее» – из полотна) и верхние (из сукна и другой материи). Штаны шились узкими, их носили заправленными в сапоги или онучи (при лаптях). Верхняя одежда (сарафан, зипун, кафтан) предназначалась для дома, но в теплую погоду в ней выходили и на улицу. Она изготовлялась из различных тканей – и простых, и дорогостоящих в зависимости от благосостояния жителей.

Из уличной одежды среди дворянства и богатых горожан был распространен охабень, носившийся внакидку, иногда с завязанными сзади узлом рукавами. Возможно, его надевали и женщины. Широко распространенной верхней одеждой у женщин и мужчин была однорядка, шитая, как и охабень, из сукна или другой ткани. Однорядка имела широкий покрой и длинные откидные рукава с прорехами для рук. В теплую погоду женщины предпочитали летник – свободную с широкими рукавами одежду. У зажиточных слоев населения пользовались популярностью шелковые опашни свободного покроя с длинными рукавами. Простой люд на улице носил армяк – халатообразную одежду, шитую из толстого, грубого сукна. Парадной одеждой знатных людей считалась ферезея, длинная и прямая по покрою с откидными рукавами. Шили ее из дорогого сукна, украшали вышивкой и драгоценными камнями.

В холодную погоду носили меховые шубы (причем мехом вовнутрь). Простой народ пользовался нагольными полушубками из овчины. Люди побогаче шили шубы из беличьих, заячьих и лисьих мехов. Богачи покупали самые дорогие меха – соболя, куницу и бобра. Мех крыли сверху сукном. Феодальная знать имела по нескольку богато отделанных шуб из дорогого меха на все случаи жизни.

Головными уборами служили колпаки и шапки разных фасонов. Парадным

[38] История Москвы. Т.1. С.504–510; *Богоявленский С.К.* Научное наследие. С.163–166; *Рабинович М.Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. С.45–82.

головным убором знатных людей являлись высокие меховые горлатные шапки. Женщины носили на голове платки и разнообразные головные уборы – кику, сороку, кокошник.

Самой ходовой городской обувью были сапоги различных форм, которые шили из юфти, опойки (выделывались из сырых коровьих и телячьих кож) или сафьяна (козлиная кожа). Беднота носила преимущественно лапти. Обувь надевали на холщовые или суконные онучи. Получили распространение и вязаные, и шелковые чулки. В холодное время года надевали перчатки и рукавицы (кожаные, сафьянные или из различной материи).

Необходимым элементом верхней одежды считались пояса. У богатых горожан они отделывались серебром, золотом и драгоценными камнями. Дополнением к мужскому и женскому костюму являлись всевозможные украшения. К одежде богатых москвичей пристегивались воротник-ожерелье и зарукавья (манжеты), расшитые жемчугом. Пуговицы на одежде изготовлялись из серебра, золота и жемчуга. И мужчины и женщины носили множество ювелирных изделий: ожерелья, бусы, браслеты, серьги, кольца, перстни и т.д.

Земледельческое хозяйство Центральной России, где главным было выращивание зерновых культур, определяло и приоритет этих последних в рационе питания не только сельчан, но и горожан. Зерновой хлеб – рожь и пшеницу – употребляли, во-первых, после помола (в виде муки) для приготовления хлебобулочных изделий. Во-вторых, зерно ржи, а также овса, ячменя и проса использовали для изготовления хмельных напитков – пива, браги, а также круп.

Широко в ходу было растительное масло из льняного и конопляного семени, молочные продукты и мед. Из овощей наиболее доступны оказались репа, капуста, огурцы, лук, чеснок, редька, морковь и свекла. Среди садовых культур в пищу употреблялись яблоки, вишня и малина. Более редкими были сливы и груши. В Москве находили спрос и привозные арбузы и дыни. Верхам общества были знакомы лимоны. Недаром ходила поговорка: «Артамоны (имелся в виду боярин Артамон Сергеевич Матвеев.– *Авт.*) едят лимоны, а мы, молодцы, едим огурцы». В рацион питания обязательно входили собранные в лесу грибы, ягоды и орехи. Непременным продуктом питания была рыба. Горожане употребляли в пищу не так много мяса (но все же больше, чем крестьяне). Определенную роль в этом играли религиозные посты.

Хранение различных продуктов про запас было характерным явлением. Особое значение имело создание всевозможных запасов съестного на долгую зиму. С этой целью предусматривались места для хранения муки и зерна. Мясо, рыба и овощи специально приготовлялись для длительной консервации. Мясо и рыбу солили, коптили и вялили. Огурцы и грибы солили, капусту квасили.

В любой трапезе всех слоев населения прежде всего употреблялся хлеб. Простой народ питался в основном ржаным хлебом. Пшеничный был дороже и входил в рацион питания более состоятельных горожан. Наряду с хлебом были

Печь-каменка, колодец, баня. Миниатюра из Синодика. XVII в. ГИМ

Новинский монастырь. Церковь Введения во храм. XVII в.

популярны пироги с самой разнообразной начинкой, блины, оладьи, ватрушки, колобки, пряники. Из ржаной и пшеничной муки делали лапшу. Не меньшее распространение получили различные каши: гречневая, пшенная, овсяная, пшеничная и т.д. Из овощей (репы, капусты, свеклы и моркови) делали похлебки, супы, щи, а также подавали их к столу в вареном и пареном виде.

Всевозможные блюда из мяса и рыбы чаще присутствовали на столе у богатых москвичей. Причем употреблялось мясо как домашних, так и диких животных и птиц. Рыба была, как правило, дорогая – осетровые и лососевые. Столь же разнообразным ассортиментом отличались сладкие блюда, приготовленные на меду и патоке: фрукты в патоке, различные сладкие взвары (в виде компота), пастила. Из напитков все слои московского населения предпочитали хлебный квас. Его традиционно делали практически в каждом доме. Квас в больших количествах продавался и на улицах. В ходу были разнообразные сорта пива и меда. Богачи имели возможность покупать импортные виноградные вина.

Городская семья садилась за стол четыре раза в день: завтрак, обед, полдник и ужин. Причем главными трапезами считались обед и ужин. Трапеза зависела от вполне определенных обстоятельств – был ли это постный, когда запрещалось употреблять в пищу мясо-молочные продукты, или обычный день. Посты бывали длительными (такими, как, например, Великий пост перед Пасхой) и однодневными (среда и пятница на каждой неделе). Праздничные дни отличались наибольшим разнообразием пищи и напитков на столах.

Для приготовления пищи в ходу попрежнему были глиняные горшки и сковороды, лишь состоятельные горожане пользовались металлической кухонной и столовой посудой. Рядовые горожане обходились деревянными мисками, ставцами и ложками: огромный выбор их всегда предлагался на торгу. На столе у состоятельных горожан сверкали начищенные до блеска медные и оловянные блюда и ложки, а у самых богатых они соседствовали с серебряными блюдами, ковшами, стеклянными кружками, стаканами, кубками, чарками, рогами, оправленными в серебро. В их домах было принято держать русскую и иноземную дорогую парадную посуду[39], в обычные дни покоившуюся в поставцах, а в праздники украшавшую пиры.

Праздники сопровождались не только пирами. На нескольких церковных праздниках совершался крестный ход, как, например, на Крещение, когда патриарх освящал воду Москвы-реки. Этот обряд назывался «Иорданью». В Вербное воскресенье в церемонии участвовали два высших лица в государстве – царь и патриарх. По Красной площади патриарх проезжал на лошади («шествие на осляти»), а под уздцы ее вел сам царь. Они же участвовали и в праздновании Нового года (1 сентября) и Покрова (1 октября) на Красной площади. Все это происходило при огромном стечении народа. Москвичей привлекали и другого рода зрелища: представления скоморохов с музыкой, песнями, танцами, фокусами и импровизированным кукольным театром. Православная церковь отрицательно относилась к скоморошеству, официальные власти сурово преследовали скоморохов[40].

Публичными местами, отмечавшимися большим скоплением местного и приезжего люда, были кабаки (или кружечные дворы) и торговые бани. В России существовала государственная монополия на розничную продажу вина. Государственные кабаки отдавались желающим на откуп или же здесь по выбору несли службу горожане (кабацкие головы и целовальники). Казна от кабаков получала огромную прибыль (кабацкие деньги), поэтому была заинтересована в их бесперебойной работе. Недостатка в посетителях кабаков не ощущалось. Причем далеко не все знали меру в употреблении хмельного. Некоторые «питухи» пропивали все, вплоть до верхней одежды. Кабаки были тем местом, где обычно собирались женщины легкого поведения, но вместе с тем здесь можно было просто посидеть, побеседовать с приятелями, отметить какое-либо событие.

Торговые бани, как правило, сдавались на откуп. Собираемые за пользование ими деньги также являлись одной из статей дохода казны, правда, намного меньшей, чем кабацкие деньги. Эти заведения предназначались в основном для приезжих, поскольку горожане в большинстве случаев имели собственные бани. В банях запрещалась продажа хмельных напитков.

Официально в стране не поощрялись азартные игры: карты, зернь (игра в кости). Но именно в кабаках и банях они процветали. Содержатели кабаков и бань порой сами поощряли эти занятия, так как они привлекали больше посетителей и повышали доход заведения.

Большую роль в жизни горожан играла приходская церковь. Церковная служба происходила ежедневно и делилась на заутреню, обедню и вечерню. К очередной службе прихожан созывал звон колокола. Во время больших праздников звонили во все колокола. В такие дни Москва была наполнена колокольным перезвоном – напомним, ведь звонили все «сорок сороков» ее храмов, церквей и часовен. Среди звонарей имелись мастера своего дела – послушать звон

[39] *Рабинович М.Г.* Очерки материальной культуры... С.127–259.

[40] *Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С.115–124.

колоколов собирались знатоки церковной колокольной музыки.

Добропорядочным горожанам, кроме владельцев дворов с собственными церквами, вменялось в обязанность регулярно посещать приходскую церковь. Она была фактически не только местом моления. Здесь присутствующие зачастую обменивались свежими новостями, хотя разговоры во время церковной службы рассматривались как нарушение благочиния.

Горожане придерживались не только обрядов православной церкви. В быту большую роль играли и дохристианские обычаи. Церковь боролась с остатками языческой обрядности, но искоренить ее не могла. Часть этих древних обрядов исполнялась в глубокой тайне, некоторые – более открыто: летние ритуальные игры на Ивана Купалу и зимние святочные гадания, хождения «ряженых» и т.д. Кроме того, различные народные гулянья часто связывались с крупными церковными праздниками (например, с Пасхой, Масленицей).

В праздничные дни улицы и площади Москвы заполнялись народом, шла бойкая торговля едой и различным незамысловатым товаром, подходящим к празднику. В определенных местах за городом (под Новинским монастырем и в Марьиной роще) водили хороводы, звучали песни.

Достаточно распространенной забавой как в сельской местности, так и в городе был кулачный бой. Обычно бои велись коллективно – стенка на стенку. Бывали случаи, когда такие сражения оканчивались трагически для одного из бойцов, несмотря на то что действовали определенные неписаные правила их проведения. Популярны были и обычные мирные игры, например городки, которыми увлекаются до сих пор. Молодежь любила кататься на качелях самых разных конструкций, от простейших – подскакивания на доске – до достаточно сложных, с импровизированными кабинами, напоминающих миниатюрное «чертово колесо».

Традиционным оставался и семейный быт. Глава семьи, хозяин, распоряжался имуществом и судьбой домочадцев. Им принимались окончательные решения при заключении браков. Причем правилами того времени допускалось применение главой семьи силы по отношению к своим подопечным для навязывания своей воли. Осуждались, в том числе и церковью, лишь чрезмерная жестокость и несоблюдение заповедей.

Наряду с главой семьи большую роль играла женщина-хозяйка. Причем чем беднее была семья, тем эта роль увеличивалась, поскольку на ее плечи падало все домашнее хозяйство (ведь в богатых домах работу по дому выполняли слуги). Глава семьи был занят ремеслом, промыслами, торговлей или службой. В бедных семьях детям с самого раннего возраста прививались трудовые навыки. С семи лет мальчики и девочки помогали родителям в их работе. Мальчиков могли также отдавать обучаться какому-нибудь ремеслу. Дети богатых родителей росли на попечении мамок, нянек и дядек. В пять – семь лет их начинали учить грамоте.

Семейный быт горожан оказывался достаточно замкнутым. Домашние проблемы не принято было предавать огласке. В состоятельных и богатых семьях женская половина не вольна была покидать пределы усадьбы. По различным надобностям (покупки и т.д.) из дома отлучались чаще всего слуги. Вообще чужим мужчинам возбранялось смотреть на женщин и девушек из таких семейств. Среди бедняков такого строгого режима не придерживались, слуг здесь не было, и женщины часто выходили на улицу по различным поводам.

День в простых семьях начинался рано, как и в деревнях, до рассвета. Очень скромный завтрак нередко состоял из хлеба с квасом. Женщины с утра были заняты уходом за домашними животными и птицей, мужчины могли работать в огороде и на земельном участке или заниматься своим производством или промыслом. К обеду собиралась вся семья, причем за столом сидели мужчины, женщины подавали им еду (они питались позже). После обеда наступал традиционный отдых. В это время приостанавливалась трудовая жизнь не только в рядовой семье, но и в семьях состоятельных и богатых москвичей: закрывались лавки, купцы не занимались делами, прерывалась работа государственных учреждений. После полуденного отдыха работа возобновлялась до ужина, который приурочивался к шести часам вечера. После вечерней церковной службы и ужина деловая активность затухала, хотя государственные учреждения могли еще функционировать.

Праздничные дни богатые люди отмечали пирами, на которые специально приглашали гостей, незваными приходить было не принято. Мужчины пировали с мужчинами, а женщины – с женщинами (два эти приема могли и не совпадать по времени). Вместе мужчины и женщины практически за стол не садились. Богатые пиры сопровождались игрой на музыкальных инструментах, пением, плясками, представлениями скоморохов и шутов.

На пирах даже у незнатных людей соблюдался строгий порядок размещения гостей: самых почетных сажали в красном углу, рядом с хозяином. В соответствии с местом гостей и угощали: самым почетным блюда и питье подавали в первую очередь. Для знати занятие мест на пирах и царских приемах име-

Музыкальные инструменты. Гравюра Леонтия Бунина (1692) из Букваря Кариона Истомина. 1694 г.

Знаки зодиака из Христианской топографии Косьмы Индикоплова. XVII в. РГАДА

ло принципиальное значение (оно было одним из элементов системы местничества). Неправильно занятое место приводило либо к умалению чести семьи или рода, либо вызывало протест других. Местнические споры решались особо, и нередко сам царь разбирал такого рода дела своих придворных. Поэтому порядок размещения гостей на пирах и приемах требовал от хозяев большого искусства и знаний.

Пирами сопровождалось и заключение брака. Этому предшествовало длительное урегулирование отношений будущих свояков. Браки совершались в основном по воле родителей, заботившихся о выгодной партии для своего чада. Разумеется, чем богаче была семья, тем материальная сторона оказывалась значимей. После положительного исхода сватовства, инициатива которого исходила от родителей будущего жениха, устанавливался день сговора, когда заключался свадебный договор, часто в письменной форме. В особых «сговорных грамотах» излагались условия заключения брака, срок свадьбы (его нарушение влекло за собой особую плату – неустойку, поскольку приготовления к свадьбе стоили дорого) и перечислялось приданое за невесту. У богатых опись приданого от земельных владений до отдельных предметов личного обихода давалась отдельно. В это же время устраивали смотрины невесты, в которых жених участия не принимал. Бывало, что он впервые видел невесту лишь в день свадьбы, если до того ему не случалось встречать будущую супругу в церкви.

Иное дело у рядовых горожан. Юноши и девушки могли видеть друг друга на гуляньях и различных играх. Свадебная церемония, которую запрещалось устраивать в посты, длилась три дня и происходила как в доме жениха, так и в доме невесты. В первый день шло венчание в церкви, а затем следовала светская часть свадьбы. Ей сопутствовали различные обряды, дошедшие еще от языческой старины, и застолья. Царское бракосочетание в течение четырех дней сопровождалось пышными церемониями, парадными выходами, обильными пирами, посещениями кремлевских и городских соборов и церквей, раздачей многотысячной милостыни. Венчание происходило в Благовещенском соборе. Всюду молодых сопровождали высшие церковные иерархи, бояре, придворные и, разумеется, толпы простых москвичей.

Новорожденных полагалось крестить на восьмой день после рождения (здоровых крестили в церкви, слабых – дома). Заранее выбирались крестные отец и мать. Во всей дальнейшей жизни крестника они играли заметную роль. Роженицу и младенца одаривали подарками. После крещения ребенка следовал крестильный обед в узком кругу близких родственников. Год спустя после крещения устраивался особый обряд – постриг, когда крестный отец выстригал крестнику прядь волос. После пострига ежегодно праздновались именины (день святого, в честь которого был назван младенец). День рождения, кроме царского и царской семьи, не праздновался, поскольку между ним и именинами существовала разница всего в несколько дней. Рождение царевича или царевны сопровождалось молебнами в церквах, раздачей милостыни, угощением «всяких чинов людей» – словом, создавалась атмосфера всеобщей радости.

В обряде похорон также переплетались христианские и дохристианские элементы. Покойников хоронили в освященной земле, на кладбищах при хра-

мах и в монастырях. Богатых и наиболее уважаемых прихожан погребали внутри церкви или рядом с ней. На православных кладбищах запрещалось хоронить иноверцев (для них отводились особые участки), самоубийц и казненных преступников. Способ захоронения – в гробу и вырытой могиле – сохранился до наших дней. У зажиточных горожан на могилу клали каменную плиту с надписью или устанавливали деревянный крест. Тела умерших царя, царицы или их детей находились в Благовещенском соборе шесть недель. Все это время во всех церквах страны шла заупокойная служба. Усыпальницей царской семьи являлся кремлевский Архангельский собор.

Обязательные поминальные трапезы в день похорон, на девятый, двадцатый и сороковой день после смерти восходят еще к языческим временам. Траур по покойному семья носила сорок дней, в течение которых совершали специальные службы – панихиды. Существовали общие для всех дни поминовения умерших, когда родственники посещали кладбища и ставили на могилах различную пищу (кутью, оладьи, крашеные яйца)[41].

Как и раньше, в Москве в XVII в. был достаточно велик процент грамотных людей. Помимо представителей господствующего класса, духовенства и приказных людей, для которых грамотность являлась необходимым условием государственной и церковной службы, читать и писать умели купцы и торговцы, ремесленники и мелкие производители, а также женщины. Различного рода акты, составлявшиеся площадными подьячими, имели собственноручные подписи заинтересованных лиц и свидетелей («послухов»). Сохранилось множество челобитных горожан XVII в., часть из которых написана явно самими челобитчиками, а не площадными подьячими. Во второй половине XVII в. процент грамотных москвичей увеличился по сравнению с первой половиной столетия. Разумеется, грамотность среди широких слоев городского населения не была поголовной. Но и не было сплошной неграмотности, как это иногда представлялось историкам, использовавшим непроверенные данные.

В Москве в XVII в. имелись своеобразные школы, где обучались грамоте и счету дети (такие школы, например, действовали в Барашской и Мещанской слободах). Но школы были все же редкостью. Обучение большинства детей вели «мастера», т. е. учителя из грамотных людей (священники, дьяконы, приказные подьячие), а иногда и «мастерицы». Взаимоотношения учителя и ученика были аналогичны взаимоотношениям мастера-ремесленника какой-либо специальности и его ученика. Обычно ученики обучались с 7 до 16 лет. Обучение начинали с азбуки. В 1634 г. был издан букварь подьячего Василия Бурцова, который неоднократно переиздавался на московском Печатном дворе. Стоил он одну копейку и был доступен для широких слоев населения. В конце XVII в. был напечатан прекрасно иллюстрированный букварь монаха Кариона Истомина. Пособием для обучения навыкам счета стала изданная в 1682 г. таблица умножения. В рукописях ходили специальные руководства по арифметике. Наряду с развитием начального образования в столице в 1687 г. открылось первое высшее учебное заведение – Славяно-греко-латинская академия[42]. Словом, если книга еще не стала обычной в быту москвича, то все же неуклонно росло число ее почитателей.

Нравы москвичей были просты и не отличались особой изысканностью. Но вряд ли в европейских городах ситуация намного отличалась. С любопытством взирали москвичи на заезжих иностранцев, при этом для них иноземные речь, одежда и поведение не были в диковинку из-за постоянного присутствия в городе визитеров и с Запада, и с Востока. Искренняя вера, подлинная религиозность (хотя встречались и ханжество, и неверие) сочетались с суеверием, корни которого лежали еще в языческой древности. В народе и среди знати почитались юродивые, «божьи люди». Один из наиболее известных, Киприан, удостоился внимания всесильного патриарха Никона. Видимо, не последнюю роль играло стремление Никона поднять уровень собственной популярности, когда он своими руками кормил и поил юродивого. Церковный раскол во второй половине

[41] *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С.118–129; *Рабинович М.Г.* Очерки этнографии... С.126–131, 141–265; *Котошихин Г.* Указ. соч. С.7–22.

[42] История Москвы. Т.1. С.603–615; *Рабинович М.Г.* Очерки этнографии...

Больница. Миниатюра из Жития Антония Сийского. 1648 г. ГИМ

XVII в. разделил москвичей на приверженцев старой веры и на сторонников официальной церкви.

На бытовом уровне обычным явлением были драки. Случалось, они имели печальный исход. Особенно часто ими оканчивались посещения кабаков, каких-либо тайных притонов или различные застолья. Бывали случаи, когда гости дрались и на свадьбе. Вообще же вера в «воспитательную» силу побоев была распространена не только в низах общества. Глава семьи «смирял» домочадцев и в простой избе, и в богатых хоромах. Причем в последнем случае наказывать слуг и холопов было и вовсе обычным явлением.

Вероятно, спецификой Москвы как столичного города, в котором были расположены государственные учреждения, различные судебные инстанции, объясняется огромная вера в силу закона. Москвичи судились часто и не только из-за наследства или какой-нибудь собственности. Формировалось уже сознание личного достоинства. Поэтому частыми были иски за оскорбление личности, и не только действием, но и словом[43]. Воровство, грабежи и убийства случались в городе ежедневно. Но и в этом Москва также ничем не отличалась от других европейских столиц.

11. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ МОСКВЫ В XVII в.

21 февраля 1613 г. царем был избран 16-летний Михаил Федорович Романов, являвшийся по материнской линии родственником Ивана Грозного и Федора Иоанновича. Избрание Михаила Романова было компромиссом между различными политическими группировками, боровшимися на Земском соборе. Романовы имели родственные связи со многими боярскими родами. Михаила поддержало дворянство, в том числе и провинциальное, а также посадские люди. Важным обстоятельством, содействовавшим успеху кандидатуры Михаила Федоровича, стала активная поддержка казачества. В Москве в то время находились несколько тысяч казаков, считавших, что Михаил Романов – наиболее удобный для них претендент. Он был сыном митрополита ростовского и ярославского Филарета, томившегося в польском плену. Филарет снискал популярность в казацкой среде, недоброхоты даже называли Михаила Романова «казацким царем», что, разумеется, было преувеличением.

Во время заседаний избирательного Земского собора Михаил Романов в Москве не присутствовал. Он жил с матерью в костромском Ипатьевском монастыре. Земский собор направил к Михаилу посольство с грамотой, в которой сообщалось о его избрании на царство. Посольство приехало в Кострому 13 марта 1613 г. Но лишь 2 мая молодой царь въехал в Москву. Коронация в Успенском соборе Московского Кремля происходила 11 июля.

В первые годы царствования Михаила Федоровича Земский собор действовал непрерывно. Часть его членов постоянно находилась в Москве. Фактически это был самый авторитетный орган власти. Без санкции Земского собора правительство не могло решить ни одного вопроса – ни военного, ни политического, ни финансового.

По мере укрепления государственной власти усиливалась и неприязнь между дворянами-землевладельцами (опорой молодой монархии Романовых) и казаками, среди которых едва ли не большую часть составляли недавние крестьяне и холопы. Правительство стремилось обуздать казачью вольницу, подчинить казаков воеводам и направить их воевать против Речи Посполитой и Швеции, с которой велись боевые действия. Для этой цели правительственными воеводами предпринимались попытки провести перепись казаков, которые этому всячески противились, понимая, что таким образом будут выявлены беглые крестьяне и холопы. Уже был обнародован указ о возврате дворянам всех беглых, где бы они ни находились.

Неожиданным для правительства оказался приход к Москве в начале июля 1615 г. 5000 казаков во главе с атаманом Михаилом Баловнем. Так как казаки пришли из района Ярославля, то встали они в селе Ростокино, как тогда говорили, на «Троецкой» дороге, т.е. на пути в Троице-Сергиев монастырь. Казаки заявили, что хотят служить государю. Служить-то они хотели, но не желали, чтобы кто-либо вмешивался в их внутреннюю жизнь. Да и службу они понимали по-своему, и их взгляды далеко не всегда совпадали с распоряжениями царских воевод. Сил у правительства в Москве поначалу было недостаточно, и казакам многое сходило с рук. Им разрешили приезжать в город и торговать (в противном случае казаки грозились отобрать необходимое силой).

Казаков вскоре перевели к Донскому монастырю. Это место для лагеря правительственные воеводы считали более удобным для последующего усмирения вольницы. День ото дня казаки чувствовали себя в городе все более свободно. Нередки были угрозы грабежей и заявления об уходе к польскому авантюристу Лисовскому, который с крупным отрядом находился тогда в районе южных городов-крепостей. Присутствие в Москве нескольких тысяч вооруженных людей, фактически неподвластных пра-

[43] Путешествие Антиохийского патриарха... // ЧОИДР. Кн.4. М., 1898. С.145; *Богоявленский С.К.* Научное наследие... С.151–163.

вительству, сильно дестабилизировало обстановку, делало столицу неуправляемой.

Из Кремля был послан тайный приказ воеводам князю Лыкову «с товарищи», чтобы они спешно шли к Москве и, придя к столице, тайно встали бы лагерем. 18 июля войска подошли к городу. В этот момент правительство приступило к решительным действиям. 23 июля казацкие атаманы во главе с М. Баловнем были вызваны к царю под тем предлогом, что государь хочет их «жаловати». Арест атаманов оставил казаков без руководства. В тот день они не ожидали никакого нападения. Многие из них находились в Москве, их кони мирно паслись на лугах. Тут же отряд правительственных войск во главе с окольничим Артемием Измайловым вышел из Москвы и встал против казацкого лагеря. Ему было приказано не выпускать из него казаков. Увидя опасность, казаки, лишенные атаманов-предводителей и не сумевшие организовать сопротивление, бросились бежать по Серпуховской и ближайшим к ней дорогам. Измайлов и действовавший вместе с ним Лыков нагнали основные силы казаков в Малоярославецком уезде и разбили их. В плен было взято и приведено в Москву 3256 человек. Некоторые из них были посажены в тюрьмы, основная часть разослана на службу в различные города. М. Баловня и атаманов казнили[44].

Между тем война России со Швецией и Речью Посполитой продолжалась. Земский собор на заседаниях 1614–1618 гг. ежегодно принимал решения о сборе (помимо обычных) чрезвычайных налогов («пятинных денег» – пятой части стоимости имущества и капиталов). Они падали в основном на население городов. Без такого финансового перенапряжения невозможно было экипировать и содержать войско, дать отпор интервентам, все еще пытавшимся на языке оружия вести разговор с Россией. И жертвы народа не пропали даром. В 1617 г. был заключен Столбовский мирный договор со Швецией. Шведы покидали Новгородскую землю, но Россия оказалась отрезанной от Балтийского моря. Задачу выхода на Балтику решил почти сто лет спустя Петр I.

Намного сложнее и кровопролитнее была борьба с Речью Посполитой. Ее реакционные круги все еще надеялись посадить в Москве царем королевича Владислава, несмотря на то что уже был избран русским государем Михаил Романов. В 1616 г. Польша приняла решение о походе большого войска на Москву. В следующем, 1617 г. это войско во главе с королевичем выступило в поход. Оно двигалось медленно, сталкиваясь с различными трудностями и упорным сопротивлением населения. Так, не сдались врагу Калуга и Белая, успешно оборонялся Можайск, который поляки были вынуждены оставить в тылу непокоренным. Лишь 20 сентября 1618 г. королевич Владислав с армией подошел к Москве и встал лагерем у Тушина. Вскоре к нему присоединился гетман Сагайдачный с запорожцами, разоривший южные города-крепости Российского царства. Сагайдачный разбил лагерь у Донского монастыря. Над Москвой нависла серьезная угроза. Неприятельские силы насчитывали несколько десятков тысяч человек. Именно в это время над городом появилась комета, воспринятая жителями как трагическое предзнаменование. Вначале под стенами Москвы шли переговоры. Владислав упорно настаивал на присяге себе как московскому государю. Поняв, что переговоры затягиваются и конца им не видно, поляки решились 2 октября на ночной штурм города. Но русских предупредили перебежчики, и попытка взять Москву была пресечена. Переговоры возобновились вновь. Русская сторона старалась затянуть их, и эта тактика принесла успех. 26 октября Владислав был вынужден снять осаду столицы – голод, холод и упорство москвичей, защищавших свой город, сделали свое дело. Но в Москве

Цари Михаил Федорович и Алексей Михайлович на иконе Новоспасского монастыря. Конец XVII в. ГИМ

[44] *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн.V. С.29, 30; *Фигаровский В.А.* Крестьянское восстание 1614–1615 гг. // Исторические записки. Т.73. М., 1963. С.212–215; *Станиславский А.Л.* Восстание 1614–1615 гг. и поход атамана Баловня // Вопросы истории. 1978. № 5.

вспыхнули волнения. Не все принимавшие участие в обороне города были готовы терпеть нужду и лишения. Отряд в 3 тыс. казаков, проломив в Заяузье стену Земляного города, ушел из Москвы. Казаков вернули, правительство выдало им жалованье и не настаивало на выдаче беглых, постоянно пополнявших казачьи ряды.

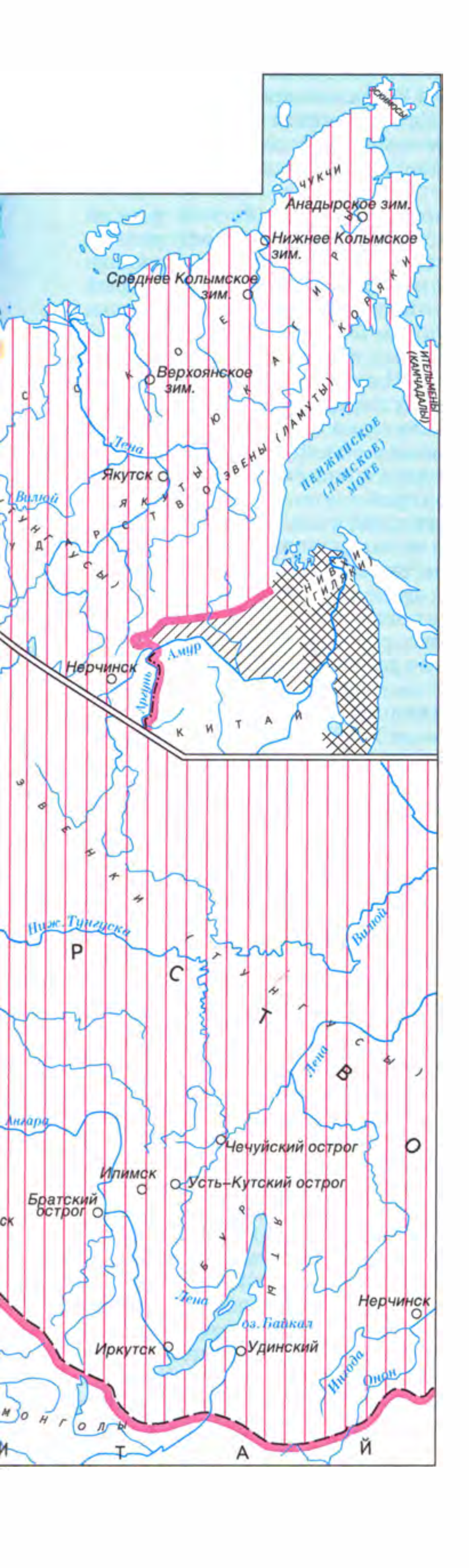
Для польской армии положение являлось бесперспективным – предстояла суровая зима и оставаться во враждебной стране, не взяв Москвы, было равносильно гибели. 1 декабря 1618 г. в Деулине под Троице-Сергиевым монастырем было заключено перемирие. Его итоги оказались тяжелыми для России – она потеряла Смоленск (возвращенный затем в ходе войны с Речью Посполитой 1654–1667 гг.)[45].

После подписания Деулинского перемирия с Речью Посполитой, в июне 1619 г., произошел обмен пленными с обеих сторон. Наиболее «ценным» польским пленником был отец царя Михаила Федоровича, митрополит Филарет Никитич Романов. Филарет вернулся в Москву 14 июня 1619 г., что зна-

[45] *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн.V. С.102–111; История Москвы. Т.1. С.360–362; *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С.217–229; *Станиславский А.Л.* Казацкое движение 1615–1618 гг. // Вопросы истории. 1980. № 1. С.115, 116.

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В XVI-XVII вв.

меновало наступление нового этапа во внутренней и внешней политике. После его приезда события развивались стремительно: уже 24 июня он был посвящен в патриархи. 66-летний умный и властный старец стал официальным соправителем, а фактически – правителем государства. В методах правления Филарета прослеживаются черты абсолютизма. Сказались как личные пристрастия этого крупного политического деятеля, так и влияние модных западноевропейских политических теорий. При нем снизилось значение Боярской думы, править страной предпочитал он сам вместе с группой преданных ему друзей и родственников. Прекратилась деятельность Земского собора: после 1622 г. в течение десяти лет соборы не созывались. Все это непосредственно сказывалось на политической ситуации в Москве: увеличился слой приказных служителей в общей массе городского населения. Приказные и верхушка купечества, которую привлекал Филарет в качестве советников по экономическим вопросам, почувствовали себя политической силой. Прекращение созыва Земских соборов ликвидировало такую категорию временного московского населения, как выборные из провинции. Выборная власть уступила первенство бюрократической пирамиде.

Начавшаяся в 1632 г. Смоленская война явилась естественным результатом внешней политики патриарха Филарета. Возвращение утерянного по Деулинскому перемирию Смоленска патриарх считал своей главной задачей. Ей во многом была подчинена и политика внутренняя: строительство новых и обновление старых крепостей в городах по западной границе, увеличение их гарнизонов, создание полков «нового строя». Все это требовало больших денег. Страна втянулась в изнуряющую податное население фискальную политику, результатом которой стал острый политический кризис середины XVII в.

Смоленская война возродила Земские соборы, и в Москве опять появились депутаты из разных городов. Соборы 1632 и 1634 гг. должны были своим авторитетом помочь правительству собрать деньги на нужды воюющей армии. На них шла речь о сборе «пятинных денег». Обстановка в Москве во время осады армией боярина М. Б. Шеина Смоленска оказалась неспокойной. Далеко не все даже среди верхов господствующего класса поддерживали военные действия, но выразить открыто свое несогласие с курсом всесильного патриарха они не смели. Споры выплескивались на улицы, вовлекая рядовых москвичей, тем более что каждый из них страдал от непосильных налогов. Обстановка подогревалась приездами в столицу с театра военных

действий вольных казаков, прибывающих сюда сдавать пленных и военные трофеи. Казаки играли в войске двойственную роль. Они и поддерживали армию Шеина, и самостоятельно вели боевые действия, причем чем дальше, тем больше сопровождавшиеся избиениями помещиков. В казачьи отряды вливалось местное трудовое население. Так возникло знаменитое движение «балашевцев» (по имени атамана Балаша).

В январе 1634 г. в Москве гостил атаман Анисим Чертопруд, которого буквально на руках носила московская «чернь». Вместе с ним из города ушло много холопов. В феврале того же года атаман Иван Теслев вел себя в столице еще более свободно, чувствуя поддержку низов. Но, по-видимому, терпение властей иссякло, да и ситуация грозила выйти из-под контроля: Теслев был схвачен и пытан. К «балашевцам» опять ушла какая-то часть холопов[46].

Смерть 1 октября 1633 г. патриарха Филарета в известном смысле предопределила поражение России в Смоленской войне. Другим негативным фактором стала крайне неудачная осада Смоленска. После Филарета никто в правительстве не взялся проводить его линию. Трагическим завершением дела Филарета Никитича явилась капитуляция под Смоленском 16 февраля 1634 г. армии М. Б. Шеина. По условиям капитуляции неприятелю достались обоз и артиллерия. Лишь жалкие остатки русского войска добрели до Москвы. Воеводу боярина Шеина и его помощника, окольничего А. Измайлова обвинили в измене. Что и говорить, поражение было позорным, огромные ресурсы оказались растрачены впустую. Но все же нельзя считать, что только Шеин и Измайлов виновны в происшедшей катастрофе. Воевода Шеин в своих действиях был связан инструкциями патриарха Филарета и соглашением со шведским королем Густавом-Адольфом о совместных действиях против Речи Посполитой. Внезапная гибель шведского короля в 1632 г. расстроила планы, а смерть Филарета в 1633 г. совсем их разрушила.

Жалкий вид вернувшихся в Москву воинов, сознание тщетности своих трудов и лишений вызывали бурное недовольство москвичей. Об измене говорили не только в Кремле, но и в домах горожан. Современники отмечали «рознь великую» в Москве. Столицу охватили большие пожары. Могло произойти крупное восстание. Именно это обстоятельство подтолкнуло власти на решительное завершение дела Шеина и Измайлова. Их приказано было казнить. Причем считалось, что казнь «изменников» успокоит возмущенных москвичей и дворянство. Сохранилось предание о том, что Шеину обещали помилование, которое будет объявлено, когда его ведут на казнь. 28 апреля 1634 г. воевода спокойно положил голову на плаху, но помилование не пришло. Казнью Шеина и Измайлова репрессии не окончились. Были высечены кнутом и сосланы в ссылки их сыновья. В Сибирь, в ссылку, отправились также друзья воеводы. Ни Россия, ни Речь Посполитая не имели сил, чтобы продолжать войну. 4 июня 1634 г. был заключен «вечный мир» на пограничной речке Поляновка. Все занятые в ходе войны города (кроме Серпейска) Россия возвращала Речи Посполитой. Единственным положительным моментом мирного договора был отказ Владислава от претензий на русский престол.

В марте 1636 г. в Москве возник сильный пожар. Внезапно загорелись торговые ряды в Китай-городе. Одновременно вспыхнули беспорядки, в которых участвовали «чернь» и боярские холопы. Москвичи стали громить лавки, растаскивать товары, выпускать из тюрем заключенных. Начались погромы кабаков и отдельных городских домов. Награбленное активные участники событий делили между собой. Это выступление московских низов имело социальный характер: грабежу подвергались лавки с товарами и богатые дворы. По факту грабежей и вандализма было заведено уголовное дело. Участников событий пытали и держали в тюрьмах в кандалах и «на цепи»[47].

После поражения в Смоленской войне русское правительство, которое с кончиной патриарха Филарета и вплоть до смерти Михаила Романова возглавляли боярин князь И. Б. Черкасский и боярин Ф. И. Шереметев, в области внешней политики основным выбрало южное направление. Набеги крымских и нагайских татар на южные рубежи страны в самый ответственный период осады Смоленска вызвали бегство из армии дворян из южных уездов и донских казаков, что сильно ослабило армию Шеина. И после 1634 г. южное направление осталось самым уязвимым (и со Швецией, и с Речью Посполитой был заключен мир на выгодных для них условиях). Развернулось большое строительство новых городов-крепостей на юге, образовавших мощную оборонительную линию. Это также требовало крупных финансов. Население страны не получило никакой передышки, налоговый пресс в период подготовки и проведения Смоленской войны практически не ослаб и после нее.

Земские соборы 1636, 1637 и 1639 гг. в основном рассматривали вопросы взаимоотношений с Крымским ханством. Ситуация обострилась в 1637 г. в связи со взятием донскими казаками Азова, бывшего тогда турецкой крепостью. Это осложнило взаимоотношения и с Крымом, и с Турцией. Официально русское правительство действия казаков не

[46] *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т.1. М.; Л., 1947. С.355–362, 403–405; *Поршнев Б.Ф.* Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны // История СССР. 1957. № 5. С.120, 135–138; *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С.229–239, 244–252.

[47] *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн.V. С.169–171; *Смирнов П.П.* Посадские люди. Т.1. С.405; *Поршнев Б.Ф.* Социально-политическая обстановка... С.114, 115, 129; *Чистякова Е.В.* Городские восстания в России в первой половине XVII в. (30–40-е гг.). Воронеж, 1975. С.58–61.

поддержало, но практически оказывало им помощь оружием и провиантом. После Смоленской войны в Москве охотнее стали принимать казачьих атаманов. Так, в декабре 1636 г. в столицу прибыл войсковой атаман донских казаков Иван Каторжный со станицей в 36 казаков. Его приняли тепло, щедро одарили подарками и выдали грамоту, по которой донцы могли свободно проезжать по территории всего государства, продавать и покупать различные товары[48].

В 30–40-е гг. значительно выросла политическая активность дворянства и посадских людей. Они постоянно выдвигали перед правительством свои требования, оформляя их в коллективные челобитные. Дворянство настаивало на отмене урочных лет для сыска беглых крестьян, что означало бессрочный сыск беглых или полное прикрепление крестьян к своим владельцам. Другим требованием была реформа судопроизводства. В правительство буквально потоком шли жалобы на «московскую приказную волокиту», «неправедные суды». Дворяне хотели, чтобы суды по гражданским делам действовали не только в столице, но и в городах, чтобы не нужно было для решения любого, в том числе и пустякового дела приезжать в Москву. Посадские люди выступали за ликвидацию белых слобод в городах и приписку их населения к посадам, что сулило резкое увеличение числа налогоплательщиков и облегчение налогового бремени, давившего посадских тяглецов и не касавшегося беломестцев. Купечество требовало положить конец засилью западноевропейских и восточных купцов, их присутствию на внутреннем русском рынке. Оно добивалось монополии в торговле отечественными товарами.

Почти ежегодно дворянство, посадские люди и купцы подавали в Москве соответствующие коллективные челобитные, приурочивая их к заседаниям Земского собора, в 1635, 1637, 1639 гг. от имени посадских людей и купечества, в 1637 и 1641 гг. от имени дворянства. Подача челобитных сопровождалась жаркими спорами и бурными обсуждениями, которые будоражили Москву. Челобитные от посадских приводили всю столицу в движение, поскольку население черных сотен и слобод участвовало в их обсуждении. Такой же эффект производило и составление дворянских челобитных. Ведь Москва была сборным пунктом летней службы на южных рубежах, и весной здесь скапливалось много вооруженных местных и «городовых» дворян. С вооруженными холопами их насчитывалось до 20–30 тыс. человек. Давление на правительство оказывалось серьезное, и оно шло на уступки сословиям. Увеличивались сроки сыска беглых крестьян, что давало некоторое удовлетворение дворянству. В Москве проводились кампании по возврату в тягло части беломестцев. Так, в 1636 г. были выведены в посадское тягло беломестцы из монастырских и церковных земель в Кремле и Китай-городе. С 1637 г. Владимирскому судному приказу было предписано начать в столице розыски закладчиков за бояр, окольничих, церковных иерархов и монастырей и выводить их в черные слободы и сотни. Таковых по спискам в городе было 448 человек. Из них сыскано и возвращено в тягло в том же году 173 человека[49]. Дворянство, собравшееся в Москве летом 1641 г. по делам службы, подняло чуть ли не «мятеж». Дворяне с «большим шумом» приходили к царскому дворцу. Они подали челобитную от 44 городовых корпораций с перечислением своих обычных требований и более мелких нужд и обид. По городу шла молва, что «боярам от земли быть побитыми». В своей челобитной дворяне упоминали и о нуждах посадских людей, что свидетельствовало о поддержке их действий москвичами. Но правительству на этот раз удалось овладеть положением, и грозные слова не перешли в решительные действия.

В 1642 г. в Москве заседал Земский собор по вопросу об Азове. Уже в течение пяти лет казаки занимали этот город и были вынуждены из последних сил отбиваться от приходивших вернуть Азов турецко-татарских войск. Возможности казаков оказались на исходе. Правительство должно было решить дилемму: либо брать Азов под свою защиту, либо отказаться от него (в последнем случае казаки должны были покинуть практически разрушенный город). К открытию Земского собора выяснилось, что посылка в Азов 10-тысячного войска обойдется казне в более чем 200 тыс. руб. (огромная по тем временам сумма). Атмосфера на соборе накалялась. Дворянство опять заявило о своих требованиях. В предельно резкой форме провинциальные помещики выразили недовольство московскими властями, мздоимством приказных служителей и «неправедными судами». Они, как и посадские люди и купечество, жаловались на оскудение и обнищание. Деньги на поход войска под Азов рекомендовалось взять с обогатившихся бояр, царских ближних людей, приказных, у церковных иерархов и монастырей. В такой обстановке, не имея достаточных средств и столкнувшись с очевидной оппозицией сословий, правительство отказалось от мысли принять Азов у казаков, которые тут же оставили город.

В конце царствования Михаила Федоровича возник проект брака его дочери, царевны Ирины Михайловны, и датского принца Вальдемара. Он с большой свитой долгое время пробыл в Москве. Дело не ладилось из-за того, что от Вальдемара требовали крещения в православ-

[48] *Смирнов П.П.* Посадские люди. Т.1. С.406–411; *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С.252–260.

[49] *Смирнов П.П.* Челобитные дворян; *Он же.* Посадские люди. Т.1. С.424–438; *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С.260–262.

Соборная площадь Московского Кремля. Миниатюра из рукописной книги «Избрание на царство царя Михаила Федоровича». 1672 г.

ную веру, против чего он возражал. 9 мая 1644 г. свите принца надоело сидеть взаперти в выделенной резиденции, дважды они пытались прорваться в город и завязали настоящий бой со стрельцами, стоявшими на карауле. Принц Вальдемар не мог их удержать. Причем многих стрельцов ранили, а одного убили. Это скандальное происшествие надолго запомнилось москвичам[50].

12 июля 1645 г. умер царь Михаил Федорович. В годы своего царствования он почти не принимал участия в управлении страной. Михаил не был способен к самостоятельной деятельности, и при нем фактически всем руководил его отец – патриарх Филарет, а до его приезда из плена и после его смерти – первые лица в правительстве. Михаил оставил 16-летнего сына Алексея. Уже давно по Москве и другим городам ползли слухи о том, что «царевич подменный». При этом говорили, что до и после Алексея у царя Михаила и царицы Евдокии (Стрешневой) рождались одни девочки (кроме умершего шестилетним царевича Ивана). В Москве также ходили слухи о возможном претенденте на престол принце Вальдемаре датском, разумеется, в случае его женитьбы на царевне Ирине Михайловне. Как бы там ни было, но Алексей получил благословение на царство от умирающего отца. Несмотря на имевшие место разговоры о том, что Алексея должен был избирать Земский собор (как и отца), этого не произошло. 28 сентября 1645 г. Алексей Михайлович был венчан в Успенском соборе Кремля[51].

Новый царь Алексей Михайлович, вступив на престол неопытным юношей, в первые годы правления не проявлял интереса к государственным делам. Страной руководил его бывший воспитатель боярин Борис Иванович Морозов. Морозова переполняли честолюбивые замыслы, он жаждал вести активную внешнюю политику. Но для этого требовались деньги, а их как раз казне катастрофически не хватало. Был введен режим жесткой экономии средств (меньше денег стали отпускать на содержание центрального и местного аппарата власти, сильно урезали оклады московских стрельцов, а в городах стрельцам вообще денег не выдавали, держали их на натуральном жалованье и т.д.). Эта мера вышла боком простому люду, так как приказные в Москве и в городах стали брать взятки в удвоенном и утроенном размере. Мздоимство превысило все возможные пределы. В 1646 г. правительство Морозова ввело новый (соляной) налог. Он был косвенным, т.е. взимался с продавцов соли, что привело к резкому удорожанию продукта. Инициатором налога молва называла гостя Василия Шорина, а собирал его Приказ Большой казны, которым ведал сам Морозов вместе с И. П. Матюшкиным и дьяком Назарием Чистым. Эти фамилии хорошо запомнились москвичам, в чем мы убедимся несколько позже, рассматривая события 1648 г.

Соляной налог не принес ожидаемых доходов, т.к. простой народ почти перестал покупать соль из-за ее дороговизны. Одновременно с этим росло озлобление низов, грозившее бунтами. В 1647 г. соляной налог был отменен. Другой мерой, при помощи которой удалось как-то пополнить казну, явилась отмена привилегий при уплате таможенных пошлин (тарханов). Она коснулась иностранного купечества, торговавшего в России, и ряда монастырей (последние, впрочем, довольно быстро восстановили утраченные льготы)[52].

К 1648 г. политическая ситуация в Москве настолько обострилась, узел проблем завязался так туго, что разрубить его могло лишь восстание. Б. И. Морозова и его правительство ненавидели все слои населения: посадские люди – за жестокую налоговую политику и затягивание решения вопроса о ликвидации белых слобод, стрельцы и другие служилые люди – за задержку выдачи уменьшенного жалованья, дворянство – за откладывание полного закрепощения крестьян, и все сословия – за лихоимство администрации и приказную волокиту. Морозов стал ненавистен даже боярам, которых он отстранил от власти, раздавая лучшие должности своим друзьям и родственникам.

Правитель был неглуп и знал о сложившейся ситуации. Но он уже «закусил удила» и шел напролом. 16 января 1648 г. царь Алексей Михайлович женился на Марии Ильиничне Милославской. Брак этот был устроен Морозовым – он тут же женился на царицыной родной сестре – Анне Ильиничне. Теперь честолюбец породнился с царем Алексеем, и его власть становилась беспредельной. Счастливый отец двух «первых дам»

[50] *Смирнов П.П.* Посадские люди. Т.1. С.476–482; *Чистякова Е.В.* Указ. соч. С.47; *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С.262–272; *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн.V. С.243; *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению... С.108, 109.

[51] *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С.272, 273; *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению... С.106–114.

[52] *Смирнов П.П.* Посадские люди. Т.2. М.; Л., 1948. С.28–35; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т.1. М., 1954. С.49; *Чистякова Е.В.* Указ. соч. С.48–50.

в государстве, Илья Данилович Милославский из захудалого дворянина превратился в боярина и царского тестя. Он судорожно кинулся обогащаться, за ним потянулась его родня. Так к морозовцам прибавились милославцы. Б. И. Морозов, дьяк Н. Чистой и гость В. Шорин уже давно находились на особом счету у москвичей. К ним прибавились две другие одиозные фигуры: Петр Траханиотов, судья Пушкарского приказа, и Леонтий Плещеев, судья Земского приказа.

Особенную ненависть москвичей вызывал Л. Плещеев. В его руках была вся тяглая Москва, и она буквально вопила о его безобразиях. Народ волновался, сходился у церквей толпами и, наконец, подал челобитную на имя царя с просьбой снять Плещеева с должности. Но царское окружение замяло это дело. Отчаявшись добиться правды законным путем, народ прибег к незаконным действиям. Вспыхнувшее восстание не только смело правительство Морозова и его клевретов, но и привело к важнейшим изменениям в социально-политическом строе Русского государства[53].

17 мая 1648 г. царь Алексей Михайлович поехал на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Ничто, казалось, не предвещало бурного развития событий. На обратном пути, когда 1 июня царь со свитой въезжал в город, его кортеж остановила большая толпа москвичей. Они требовали отставки Л. Плещеева за его «дурные поступки» и пытались вручить челобитную. Стрельцы из охраны и придворные отогнали толпу, били наседавших нагайками. Царская карета продолжила путь. Но москвичи не унимались, они попробовали подать челобитную царице, которая ехала следом. Охрана опять грубо разогнала челобитчиков, причем шестнадцать наиболее активных были арестованы по приказу Б. И. Морозова. Озлобленные этими действиями, москвичи начали бросать в свиту камни и палки, ранив придворных и бояр. В тот день дальше этих столкновений дело не пошло. Видно было, что простой народ настроен решительно. Кажется, пойди правительство на уступки, убери с поста Плещеева (потеря для большой политики невелика – Плещеев занимал достаточно скромный пост в государственной администрации) – и трагедии можно было бы избежать. Но Плещеев оказался прямо-таки непотопляемым. Должных выводов из событий 1 июня власти не сделали.

На следующий день, 2 июня, был церковный праздник – Сретенье Владимирской иконы Божьей Матери. Царь со свитой участвовал в крестном ходе в Сретенский монастырь. Когда он выехал из дворца, к нему снова подошли челобитчики. Они просили отпустить арестованных вчера людей. Алексей Михайлович обещал разобраться в случившемся после крестного хода. При выезде из Кремля другая толпа людей обратилась к царю с теми же просьбами. И им также было обещано разобраться. Пока царь с придворными слушал церковную службу, на Красную площадь прибывал и прибывал народ. На обратном пути люди на Красной площади оказались к Алексею Михайловичу так близко, что чьито руки схватили под уздцы его лошадь. Вновь и вновь раздавались требования отставки Плещеева. Царь пытался увещевать собравшихся. Народу столпилось уже так много, что охрана не могла оградить Алексея Михайловича от тысяч возбужденных горожан.

Царя и его свиту многотысячная толпа буквально внесла в Кремль. Дворец был окружен народом, который не хотел расходиться и громко высказывал свои требования. Царь Алексей вышел на дворцовое крыльцо. По его приказу были освобождены арестованные 1 июня

С. Ушаков. Царица Мария Милославская. Фрагмент иконы «Древо государства Московского» («Похвала Богоматери Владимирской»). 1668 г.

[53] *Платонов С.* Новый источник для истории московских волнений 1648 года // ЧОИДР. Кн.1. М., 1893. С.5, 6; *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн.V. С.481, 482; *Смирнов П.П.* Посадские люди. Т.2. С.123, 124, 161–163; *Чистякова Е.В.* Указ. соч. С.47, 48.

москвичи. В ответ на требования выдать Плещеева царь заявил о необходимости провести расследование. Разгоряченный народ не утихал. Тогда Б. И. Морозов приказал стрельцам очистить Кремль от пришедших туда москвичей, но стрельцы отказались выполнять приказ. Не разрядили обстановку и посылаемые царем депутации придворных. Вскоре начались погромы дворов бояр, дворян, приказных и богатых купцов. Возможно, этому предшествовала стычка холопов Морозова со стрельцами. Во всяком случае, первым, по-видимому, оказался разгромлен двор Морозова в Кремле. Затем были разорены дворы Н. Чистого, которого тут же убили, Л. Плещеева, П. Траханиотова, гостя В. Шорина и других, вызывавших гнев простого люда. Всего в тот день пострадало до 70 дворов. В числе нападавших были жители московского посада, боярские и дворянские холопы и стрельцы. Морозову и Плещееву удалось укрыться в Кремле, в царских покоях. Траханиотов и Шорин смогли выбраться из Москвы (первый отправился на воеводство в Устюжну Железопольскую, подальше от столицы).

3 июня на Красную площадь, к Лобному месту к народу вышла большая делегация бояр и духовенства во главе с патриархом Иосифом, среди которых были противники Б. И. Морозова, фактически отстраненные им от власти,– Н. И. Романов (двоюродный брат царя Михаила Федоровича) и князь Я. К. Черкасский. Эти хорошо известные москвичам люди увещевательными речами стремились успокоить народ. В ответ собравшиеся решительно потребовали выдать им Морозова, Плещеева и Траханиотова. Плещеева вывели на площадь, и он тут же был растерзан толпой. Траханиотова в Москве уже не было. За Морозова вступился сам царь Алексей Михайлович. Ему пришлось выйти из дворца и со слезами на глазах просить за боярина. Он обещал сослать его в ссылку и отстранить от всяких дел. Погромы дворов продолжались, причем не только сторонников Морозова. В Москве в тот день начались пожары. Молва обвиняла в поджогах людей Морозова, якобы действующих по его приказу. Но, очевидно, поджоги соседствовали с погромами, а так как разорено было много богатых дворов, то и пожар в Москве был большим: выгорел весь Белый город (основной район проживания дворянства и купечества). Материальный ущерб от пожара оказался огромным – огонь уничтожил тысячи дворов, Житный двор с зерном, Пушечный двор и др. Сгорели и дворы людей, непричастных к действиям морозовской администрации, например боярина Н. И. Романова.

Пожар не охладил пыла восставших горожан. 4 июня события разворачивались в том же направлении, как и в предыдущие два дня. Люди требовали выдачи П. Траханиотова. Царь послал за ним отряд стрельцов. Траханиотова привезли в Москву и 5 июня казнили. Но погромы дворов продолжались. Если в предыдущие дни пострадала в основном дворянская и купеческая собственность, то теперь толпа взялась за дворы приказных дьяков. Город полностью очутился в руках разбушевавшихся москвичей. Царь и бояре отсиживались в Кремле. Чтобы как-то обуздать стихию и привлечь на свою сторону стрельцов, им было выдано удержанное жалованье – по 8 руб. каждому.

Когда шок, вызванный первыми днями московского восстания, прошел, купечество и дворянство решили овладеть положением и снова выдвинуть свои требования к испуганному правительству. В челобитной на царское имя 10 июня они укоряли Алексея Михайловича за столь долгое доверие к негодным советникам, «разорителям» Русской земли и народа, и требовали немедленного созыва Земского собора. Царь не мог не прислушаться к упрекам, и 12 июня Б. И. Морозов был снят со всех своих должностей и отправлен в ссылку в Кирилло-Белозерский монастырь. Самый острый и кровавый период московского восстания 1648 г. закончился. После ссылки Б. И. Морозова к власти пришла враждебная ему боярская партия во главе с князем Я. К. Черкасским и Н. И. Романовым. Из столичной администрации удалили сторонников Морозова и разослали их на воеводства в провинцию. Новое правительство постепенно овладевало положением в Москве и начало расправу с участниками июньских событий – их отправляли с семьями в Сибирь «за воровство». Активных «бунтовщиков» пытали и подвергали телесным наказаниям. Известны случаи казней, например, холопов. Но полного спокойствия в городе все еще не наступило. 16 июля был созван Земский собор. На соборе его участники (в большинстве своем дворянство и верхушка посадов) подали челобитную о составлении нового Судебника, в котором нашли бы отражение их требования. В сентябре 1648 г. начал работу новый Земский собор, который должен был рассмотреть и утвердить новый Судебник (Уложение). В обстановке усмирения столицы царь принял решение о возвращении Морозова из ссылки. Морозов приближался к Москве постепенно – сначала пожил в Троице-Сергиевом монастыре и лишь 26 октября прибыл в столицу. Тут же произошла смена руководства: Черкасский и Романов вынуждены были уйти, а на роль главы правительства был назначен тесть царя и Морозова, бесцветный И. Д. Милославский. На деле же политикой опять вершил Морозов, но теперь из-за кулис.

К январю 1649 г. новое Уложение было готово. Его подписали члены Земского собора. Уложение содержало в себе два наиболее важных положения, за которые шла многолетняя борьба дворянства и посадских людей: был провозглашен бессрочный сыск беглых крестьян и объявлялась ликвидация белых слобод в городах. Последнее обстоятельство вызвало зимой 1649 г. всплеск недовольства части московского населения – жителей городских белых слобод. Белослободцы не хотели ликвидации своего привилегированного статуса, ведь запись их в посадское тягло вела к обременительным податям и повинностям. Недовольство высказывала и часть московских стрельцов. Но правительство держало политическую ситуацию в Москве под контролем, и ничего похожего на летние события 1648 г. не произошло. Ссылками, пытками в застенках и отдельными казнями власти разрядили обстановку[54].

Середина XVII в. отмечена национально-освободительной борьбой украинского народа во главе с гетманом Богданом Хмельницким. В Москве среди широких слоев населения эта борьба вызывала симпатию, так как ее вели единоверцы-православные против еретиков-католиков. В Москве издавна жили украинцы – местом их компактного проживания была ул. Маросейка. А теперь в столицу Российского царства приезжали посольства от Б. Хмельницкого. Все отчетливее звучали просьбы о взятии Украины под «высокую руку» царя Алексея Михайловича. Два Земских собора 1651 и 1653 гг. рассматривали весь комплекс вопросов, связанных с национально-освободительной борьбой украинцев. В результате на соборе 1653 г. 1 октября было принято решение о «прицеплении» Украины с Россией. Но этот политический шаг (соединение с единоверцами) означал войну с Речью Посполитой, которая и началась в 1654 г.[55]

К середине XVII в. назрела реформа православной церкви. С этим в принципе были согласны образованные церковные деятели того времени. Все началось с кружка «ревнителей благочестия» в Москве, который возглавлял духовник царя Алексея Михайловича, протопоп кремлевского Благовещенского собора Стефан Внифантьев. Помимо самого царя кружок имел и других высоких покровителей – правителя государства, боярина Б. И. Морозова и личного друга царя, постельничего Ф. М. Ртищева. Кружок действовал в 1646–1653 гг. Из него вышли известные церковные деятели, в частности будущий патриарх Никон и протопоп Аввакум. Целью «кружковцев» было укрепление авторитета русской православной церкви, повышение уровня культуры, усовершенствование церковной организации, упорядочение богослужебных книг и литургии.

Патриарх Никон. Художник Д. Вухтерс. Около 1660 г.

В 1652 г. патриархом был избран Никон, пользовавшийся поддержкой царя Алексея Михайловича. Человек крутой и властный, он сразу же начал проводить в жизнь политику укрепления патриаршей власти и реформу церкви. Реформа затронула в основном богослужебную практику. Все новшества в церковной литургии вводились прежде всего в Москве. Москвичи были первыми, кто познакомился с ними. Сразу же появились противники нововведений, число которых множилось не в последнюю очередь самим неуживчивым Никоном, имевшим редкий дар плодить себе врагов.

18 мая 1654 г. царь Алексей Михайлович вместе с войском выступил из Москвы к Смоленску – шла война с Речью Посполитой. Фактическим правителем государства остался в Москве патриарх Никон. Он сразу же начал кампанию по выявлению и уничтожению икон так называемого «нового письма», т.е. с некоторыми реалистическими деталями. Эти иконы изымали, лики на них соскребались, чтобы использовать доски заново. В то же время в столице вспыхнула эпидемия чумы. Уже 24 июля царица с семейством отбыла в Троице-Сергиев монастырь. Все, кто мог уехать (бояре, дворяне, богатые и состоятельные люди), срочно покидали Москву, спасаясь от «морового поветрия». Чуть позже последовал за царской семьей и Никон. Вслед за патриархом из города стали бежать церковнослужители. Церкви остались пустыми, служба шла в одном Успенском соборе Кремля. В Москву въезд был запрещен. Городские дворы, на которых обнаруживалась чума, закрывались, выходы заваливались так, чтобы никто не

[54] *Зерцалов А.* О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском 1648, 1662 и 1771 гг. // ЧОИДР. Кн.3. М., 1890. С.13–27; *Он же.* К истории московского мятежа 1648 г. // Там же. Кн.3. М., 1893; *Смирнов П.П.* Посадские люди. Т.2. С.165–243; *Бахрушин С.В.* Московское восстание 1648 г. // Науч. труды. Т.2; *Чистякова Е.В.* Указ. соч. С.62–106; *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С.275–305.

[55] *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С.319–337.

мог выйти, к ним приставлялась стража. Хоронили без всякого церковного обряда, тысячи трупов лежали непогребенными.

2 августа произошло солнечное затмение, которое в сознании москвичей оказалось связанным с моровой язвой и воспринималось ими как гнев Божий за церковные нововведения и за осквернение икон. Картина была прямо-таки апокалиптической. Власти утратили контроль над городом. Резко умножились грабежи и воровство. В Москве появились различные проповедники, которые открыто наставляли оставшееся население против официальной церкви.

25 августа во время обедни в Успенском соборе в Кремль пришло множество москвичей. Они принесли с собой икону Спаса со стертым ликом и стали говорить правителю Москвы боярину князю М. П. Пронскому о гневе Божьем за осквернение икон по приказу патриарха. Народ требовал, чтобы Никон и духовенство вернулись в Москву и разделили все тяготы с паствой. «Православные христиане помирают без покаяния и без причастия»,– выкрикивали москвичи. Никона порицали за деятельность Арсения Грека, который по его приказу занимался исправлением старинных богослужебных книг. Арсения объявили еретиком. Вечером в Кремль снова пришли толпы народа с изуродованными иконами и повторили свои требования. Сохранились имена «заводчиков» этих событий. Это тяглец Новгородской сотни Софрон Лапотников, кадашевец Иван Нагаев, Гостиной сотни купцы Дмитрий Заика и Александр Баев. Как видно, в движении приняли участие не только низы, но и богатая часть московского посада.

Народ требовал, чтобы М. П. Пронский написал обо всем царице в Троице-Сергиев монастырь. Боярин и его окружение пытались утихомирить собравшихся москвичей. Они призвали к себе на совет старост и соцких, с которыми обсудили текст письма царице. Главная просьба заключалась в присылке в Москву духовенства в целях предотвращения серьезного возмущения жителей. В ответ из монастыря в столицу были посланы две особо почитаемые иконы: Казанской Богоматери и Сергия Радонежского. Их сопровождала целая процессия, состоявшая из черного и белого духовенства и стрельцов. Благодаря принятым мерам властям удалось несколько приглушить брожение в Москве.

Но в сентябре эпидемия усилилась. Умерли правители Москвы князь М. П. Пронский и князь И. А. Хилков. Город катастрофически опустел. Из тюрем бежали оставшиеся в живых «колодники». Поймать удалось около половины бежавших. Волнения в городе продолжались. Их трудно отделить от повального грабежа выморочного имущества, с которым власти не могли справиться. В октябре «поветрие» стало утихать, но безвластие в городе еще некоторое время продолжалось[56].

С 50-х гг. берет начало староверческое движение в России – следствие церковного раскола на никониан (реформированную официальную церковь) и староверов. Москва в это время становится центром староверия. В ней действовали тайные староверческие общины, связанные с различными слоями московского населения: дворянством, посадскими людьми, духовенством. В доме особо приближенного к царю Алексею Михайловичу окольничего Ф. М. Ртищева происходили диспуты, на которых велись богословские прения. Словом, духовная жизнь в Москве била ключом, и споры между противниками и сторонниками реформ носили пока относительно мирный характер.

Между тем довольно быстро сошел с политической арены творец церковной реформы Никон. Его претензии не только на безраздельную церковную власть, но и на опеку над царем Алексеем Михайловичем никак не устраивали последнего. Произошло охлаждение их отношений. Никон в 1658 г. публично, в Успенском соборе, отрекся от патриаршества, надеясь, видимо, на уговоры царя вернуться на кафедру. Но уговоров не последовало, а церковный собор 1660 г. лишил Никона сана. Взаимоотношения Никона и Алексея Михайловича и демонстративный демарш патриарха живо обсуждались москвичами.

Церковный собор 1666–1667 гг. положил конец мирному течению споров между сторонниками и противниками церковной реформы. На соборе на противников реформы (староверов) было наложено официальное проклятие, и отныне проповедь старой веры стала уголовно наказуемым деянием (вплоть до сожжения на костре). Начались открытые гонения на староверов, не обошедшие и столицу. Тайные староверческие общины объединяли, главным образом, посадских людей и стрельцов. Но в них оказались (под влиянием проповедей Аввакума) сестры – боярыня Ф. П. Морозова и княгиня Е. П. Урусова и другие представители господствующего класса, как и простолюдины, нередко принимавшие мученическую смерть за веру[57].

Церковный раскол самым непосредственным образом влиял на политическую атмосферу в столице. Отныне во всех массовых выступлениях в Москве участвовали и сторонники официальной церкви, и староверы, которые были наиболее ярыми оппонентами официальных властей, поскольку подвергались жестоким преследованиям.

Война с Речью Посполитой, начавшаяся в 1654 г., потребовала огромных

[56] *Румянцева В.С.* Народное антицерковное движение в России в XVII в. М., 1986. С.31–42, 53, 93–106; *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн.V. С.629–632.

[57] Путешествие Антиохийского патриарха... // ЧОИДР. Кн.4. М., 1898. С.169; История СССР с древнейших времен до наших дней. Т.3. М., 1967. С.104–106, 109–112; *Румянцева В.С.* Указ. соч. С.120–132.

средств. Она велась с переменным успехом, победы чередовались с поражениями. Противоборство затягивалось. Средств на армию катастрофически не хватало. Не помогали ни обычные, ни чрезвычайные налоги («пятые», «десятые» и «двадцатые» деньги). Обстановка требовала решительных мер, и они были приняты уже в 1654 г.– немецкие талеры (ефимки) перечеканивались в русские деньги и начался выпуск медных денег невиданных еще в России номиналов (по 3, 10, 25 и 50 копеек). Решение о введении в оборот медных денег с принудительным курсом нельзя считать необычным – эта практика была широко распространена в Европе. Молва называла в качестве инициаторов этой меры влиятельных политиков: Ф. М. Ртищева, патриарха Никона и А. Л. Ордина-Нащокина.

Первоначально медные деньги имели хождение наравне с серебряными, и ими выплачивалось жалованье ратным людям. Но с 1658 г. медные деньги катастрофически обесценивались из-за неумеренного их выпуска. Правительство само подрывало доверие к ним, так как подати, таможенные сборы и покупку вина в кабаках население должно было оплачивать только серебряными деньгами, которые стали большой редкостью[58].

Население, страшась перемен в денежном хозяйстве, зная, что новые, пореформенные деньги будут менее ценными, прятало старые деньги в тайники.

Реформа Алексея Михайловича 1654–1663 гг. оставила много кладов. Четыре клада с серебряными монетами были зарыты в самые первые месяцы проведения реформы. Известны также шесть кладов медных копеек, зарытых между 1655–1663 гг., об одном из них известно, что найден он в Москве, на Красной площади; пять остальных происходят из Москвы или ее окрестностей.

Была и другая причина обесценивания медных денег и сокрытия дореформенных денег в клады. Ее выдвигали на первый план официальные лица того времени – изготовление фальшивых («воровских») монет, заполонивших рынок, и различные злоупотребления лиц, принимавших непосредственное участие в проведении денежной реформы. К июню 1663 г., когда старые деньги были отменены, медные монеты ходили по цене в 15 раз меньше указанного на них номинала. Наступила страшная дороговизна съестных припасов. Резко понизилась покупательная способность широких слоев городского населения. Особенно тяжелое положение складывалось в Москве, которая всецело зависела от подвоза продовольствия.

В 1660 г. правительство стало выяснять причины хлебной дороговизны в столице. Гости, члены Гостиной и Суконной сотен, кадашевцы и тяглецы черных слобод и сотен в своих «сказках» 1660 и 1662 гг. сводили все, по сути, к наплыву медных денег и требовали их отмены. Розыск по делам «воровских денег» был поручен боярину И. Д. Милославскому и думному дворянину И. П. Матюшкину. Начались пытки, казни и ссылки в Сибирь с семьями тех, у кого находили фальшивые деньги. Их обладатели при этом указывали на других. Так цепочка привела к денежным мастерам, серебряникам, котельникам и оловянишникам, которые занимались выпуском медных денег. Прежде они жили небогато – и вдруг построили в Москве новые деревянные и даже каменные хоромы, стали носить дорогую одежду, покупать серебряную посуду и съестные припасы «дорогой ценой». На следствии выяснилось, что мастера делали «воровские деньги» тайно по ночам в своих домах, пользуясь специальными чеканами, и продавали чеканы за большие деньги другим. Всех их жестоко пытали и казнили, имущество забрали в казну.

Но желание обогатиться оказывалось сильнее страха мучительной смерти, поэтому появились новые соучастники. Причем вскоре выяснилось, что богатые люди, замешанные в фальшивомонетничестве, давали крупные взятки Милославскому и Матюшкину и тем самым избегали наказания. Об этом рассказали взятые по доносу стрельцов верные головы и целовальники, назначенные из богатого купечества (в частности, из гостей) контролировать расход меди на денежных дворах. Они заставляли мастеров чеканить монету не только из казенной меди – такие монеты шли в казну, но и из своей собственной – эти монеты они забирали себе. Милославский и Матюшкин фактически находились с этими людьми в доле.

Царь Алексей Михайлович разгневался на И. Д. Милославского и И. П. Матюшкина. Они были отстранены от дел, но наказанию их не подвергли как ближайших родственников Алексея Михайловича (Милославский был его тестем, а Матюшкин женат на его тетке). Всем же другим, уличенным в преступлении, отсекали руки и ноги, их ссылали в дальние города[59].

Еще весной 1662 г. в Москве распространились слухи о том, что «чернь» собирается громить дворы боярина И. Д. Милославского, гостя В. Шорина, едва не поплатившегося жизнью еще в 1648 г., и других, связанных с введением в стране медных денег и финансовой политикой правительства. В 20-х числах июля произошли события, с которых даже жесточайшее следствие о мятеже не смогло снять покров таинственности. Какая-то группа лиц подготовила прокламацию («воровские листы»), которая была размножена и в ночь с 24 на 25 июля развешана в разных частях города. Несмотря на все старания следователей и

[58] *Зерцалов А.* О мятежах... С.237–239; *Котошихин Г.* Указ. соч. С.99, 100; *Базилевич К.В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936. С.7–72; *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн.IV. М., 1961. С.193; *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С.337–342.

[59] *Котошихин Г.* Указ. соч. С.100, 101; *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн.VI. С.193, 194; *Буганов В.И.* Московское восстание 1662 г. М., 1964. С.37–39.

Алексей Михайлович. Портрет из Титулярника. 1672 г. РГАДА

жестокие пытки пойманных участников выступления, личности этих заговорщиков не были установлены. Современник событий, бежавший в Швецию подьячий Посольского приказа Григорий Котошихин, в своих записках авторами прокламации называет товарищей казненных после розыска о фальшивомонетничестве «воров». Таким образом они решили отомстить всем причастным к делу, но сумевшим избежать сурового наказания. Существует мнение, что авторами «воровских листов», впервые обнаруженных на Лубянке, могли быть тяглецы Сретенской сотни. Кроме того, в восстании активно участвовал тяглец этой сотни Лука Жидкой. Сюда же накануне событий пришел и другой активный участник, стрелец Кузьма Нагаев. Во всяком случае, накануне выступления существовал сговор между московскими посадскими людьми. Договоренность о сборе и выступлении имелась и у солдат выборного полка Аггея Шепелева. Лишь небольшая часть стрельцов приняла участие в мятеже. Они стали основной силой его подавления. Не примкнули к посадским низам и боярские холопы.

Итак, утром 25 июля в нескольких местах города (на Сретенке, Лубянке, Покровке, в Котельниках) появились прокламации. В них в государственной измене обвинялись самые влиятельные лица в государстве: бояре И. Д. и И. А. Милославские, окольничие Ф. М. Ртищев и Б. М. Хитрово, а также гости В. Шорин, С. Задорин и др. Они якобы сносились с неприятелем (польским королем) и даже помогали ему деньгами, порохом и т.д. Царь со свитой в это время находился в подмосковном селе Коломенском. В тот же день по Москве поползли слухи, что гость В. Шорин был послан изменниками в Польшу «с листами». На самом деле он находился в городе и смог укрыться от восставших в Кремле. Разумеется, прокламации с разоблачением «измены» правительственной и торгово-предпринимательской верхушки оказались лишь поводом к выступлению. Причиной его было резкое обнищание основной массы населения Москвы в результате вызванной обесцениванием медных денег страшной дороговизны продуктов первой необходимости. Июльские события 1662 г. называют иногда Медным бунтом.

Движение началось с коллективного чтения прокламации на Лубянке около шести часов утра. Толпа возмущенных москвичей росла. Это стало известно боярам в Кремле. Они послали на Лубянку возглавлявших Земский приказ С. Ларионова и дьяка А. Башмакова, чтобы изъять прокламацию. Сделать это не удалось. Собравшиеся во главе с К. Нагаевым двинулись на Красную площадь и здесь вновь читали прокламацию. Вскоре на площади собралась толпа численностью до пяти тыс. человек. Очевидно, московские власти пытались принять кое-какие меры по пресечению выступления на самом раннем его этапе. Но не добились результата, так как стрельцы утром придерживались нейтралитета, а солдаты выборного полка А. Шепелева (в количестве до 500 человек) присоединились к возмущенным москвичам.

С Красной площади толпа двинулась в село Коломенское, к царю. По мере продвижения она обрастала новыми попутчиками, часть из которых была уведена в Коломенское силой. К царской резиденции народ подошел в 9–10 часов утра. Никто из царской свиты не ожидал такого хода событий. Появление пятитысячной толпы повергло в состояние шока свиту и охрану. Сил для разгона «черни» оказалось недостаточно. Царь Алексей Михайлович как раз находился в церкви. Ему пришлось выйти к людям. Л. Жидкой и нижегородец М. Жединский подали царю прокламацию и челобитную, в которой содержались требования выдачи изменников и

их казни. Люди подошли так близко к Алексею Михайловичу, что могли дотронуться до пуговиц на его одежде. Царь не в первый раз оказался в подобной ситуации (вспомним события 1648 г.). Он вместе с боярами начал уговаривать собравшихся разойтись и обещал расследовать вину указанных в прокламации сановников. С одним из пришедших Алексею Михайловичу пришлось даже биться об заклад. Около 11 часов утра толпа повернула в Москву, поверив царскому слову. Но Алексей Михайлович не собирался выполнять данные им обещания. В целях сосредоточения в Коломенском большой вооруженной силы в Москву послали приказ, чтобы срочно выступили два стрелецких полка, сюда же вызвали всех офицеров-иностранцев из Немецкой слободы. Боярин князь И. А. Хованский специально отправился в город увещевать и успокаивать москвичей.

Однако не все охваченные антиправительственным движением отправились в Коломенское. Часть людей, которые утром находились на Красной площади, остались в городе и, не вняв призывам князя Хованского, начали громить дворы «изменников» – В. Шорина, С. Задорина и др. Между тем был задержан сын В. Шорина, Борис, который, переодевшись крестьянином, хотел покинуть Москву. Его запугали и велели говорить, что его отец сбежал в Польшу с «листами» от бояр. И эта толпа пошла также в Коломенское, ведя с собой Б. Шорина.

После ухода из города этой второй части мятежников власти смогли, наконец, овладеть положением, унять погромщиков и запереть городские ворота. Где-то на полпути в Коломенское две толпы – возвращающаяся в Москву и идущая к царю – встретились. Объединившись, они вновь пошли в царскую резиденцию. Около 12 часов дня вся масса людей (до 10 тыс. человек) вошла в Коломенское. Опять последовали переговоры с царем и боярами, причем перепуганный Б. Шорин говорил о посылке боярами его отца в Польшу. Поднялся невообразимый шум. Народ кричал, чтобы Алексей Михайлович выдал изменников. Но тут, наконец, к селу подошли войска, и царь сменил тихий увещевательный тон на крик и велел стрельцам и свите напасть на людей. В Коломенское было стянуто не менее семи тысяч верных правительству служилых людей, преимущественно стрельцов. Они не имели превосходства перед пришедшим народом в численности, но горожане оказались почти все безоружными, что и предопределило успех правительственных сил. Началась массовая резня. Жертв насчитывалось больше, чем при подавлении других выступлений в XVII в. Все было закончено к 14 часам дня. В итоге было убито и затонуло в Москве-реке до двух тысяч человек. Несколько десятков пойманных повесили тут же, в Коломенском. К следствию привлекалось свыше 1700 человек. В результате сослано до 1500 человек, около 30 человек казнены. Помимо уже названных активных участников движения К. Нагаева, Л. Жидкого и М. Жедринского на следствии всплыли и другие имена. Так, одним из предводителей можно считать тяглеца Сретенской сотни Андрея Щербака. Активно участвовали в Медном бунте подьячий И. Дмитриев, поп И. Кириллов, стрелец Б. Назарьев, дьячок Д. Филиппов, солдаты Н. Кобылкин и Т. Обрезков. В толпе оказались и несколько дворян и офицеров полка А. Шепелева. Но они были захвачены движением случайно, против сво-

Коломенское. Акварель Д. Кваренги. XVIII в.

Степана и Фрола Разиных везут на казнь. Гравюра из английского издания. 1672 г.

Степан Разин. Гравюра из немецкого издания «Краткий, но достоверный рассказ о кровавом мятеже в России». 1671 г.

ей воли. Офицеров наказали батогами и сослали в другие города, обвинив в том, что без приказа пошли за примкнувшими к мятежникам солдатами, хотя и надеялись их остановить[60]. Лишь год спустя, в июне 1663 г., медные монеты были изъяты из обращения.

Бунты и мятежи потрясали не только Москву, они захватывали и другие районы России. Восстание под предводительством Степана Тимофеевича Разина, развернувшееся в Поволжье в 1667–1670 гг., завершилось казнью «бунтовщика» в Москве. Потрясенные москвичи видели, как главу восстания везли в клетке, как казнили его «на Болоте» (Болотной площади). Иностранцы – голландцы, немцы и англичане – разнесли весть об этом по всей Европе.

Между тем подходило к концу царствование Алексея Михайловича. От брака с Марией Ильиничной Милославской он имел сыновей: Алексея, Федора, Симеона и Ивана. Алексей и Симеон умерли еще при жизни царя. После смерти царицы царь Алексей женился на Наталье Кирилловне Нарышкиной, от которой в 1672 г. родился сын Петр. Мужское потомство Алексея Михайловича могло претендовать на русский престол. Несколько его дочерей такого права, по обычаям того времени, не имели. В 1674 г. царь Алексей Михайлович официально объявил своим наследником старшего сына Федора. Этот акт давал преимущество Милославским, поскольку Федор Алексеевич по матери был из их рода. В последнее же время при дворе процветало семейство Нарышкиных – родственники новой царицы. Партией Нарышкиных руководил опытный политик и по сути дела глава правительства – боярин Артамон Сергеевич Матвеев. Противостояние двух придворных группировок (Милославских и Нарышкиных) усиливалось. Причем оно выходило за пределы Кремля. В Москве имелось множество сторонников и той, и другой партии из числа думных и московских чинов. Если учесть, что каждый боярин и дворянин имел иногда десятки и сотни слуг-холопов, то в Москве противостояли две хорошо вооруженные группировки, готовые постоять за себя. Все это непосредственным образом влияло на политическую обстановку в столице.

29 января 1676 г. царь Алексей Михайлович скончался. В отличие от своего отца, царя Михаила Федоровича, бывшего достаточно заурядной личностью и не обладавшего, кажется, никакими талантами, Алексей Михайлович выделялся умением держать себя в руках, что помогало ему в критических ситуациях достаточно успешно общаться с горожанами. Царь Алексей был по натуре рачительным хозяином. Распоряжения по ведению хозяйства дворцовых сел (и прежде всего любимого Измайлова) показывают его как опытного и знающего человека. Он ценил дружбу и имел достойных друзей (Ф. М. Ртищева, Б. М. Хитрово). Алексей Михайлович был восприимчив к новому и не стеснялся это показать, когда, например, потребовалась его санкция на устройство в Москве первого в России театра, представления которого он сам посещал. Его преемник – Федор Алексеевич был болезненным молодым человеком, получившим, правда, хорошее по тем временам образование. Дети царя Алексея от Милославской враждебно относились к своей мачехе, царице Наталье Кирилловне. Она и ее родня вынуждены были довольствоваться второстепенным положением при дворе. А вскоре был отставлен от руководства и отправлен в ссылку в Пустозерск боярин А. С. Матвеев. Партия Нарышкиных лишилась опытного руководителя. Первый этап противоборства Нарышкиных и Милославских окончился в пользу последних[61].

Однако Милославские во главе с боярином Иваном Михайловичем Милославским и царевной Софьей Алексеевной

[60] *Зерцалов А.* О мятежах... С.240, 245, 360; *Котошихин Г.* Указ. соч. С.101–104; *Базилевич К.В.* Денежная реформа. С.84–109; *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн.VI. С.194–196; *Буганов В.И.* Московское восстание 1662 г.

[61] *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. Т.1. М., 1940. С.13–32; *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С.343–345.

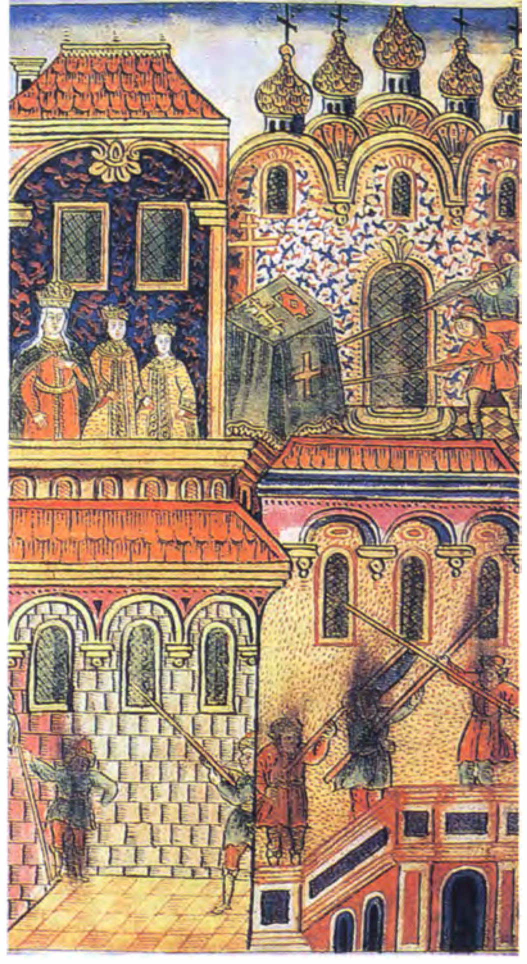
безраздельно господствовали при дворе царя Федора только в первые годы. В последний период непродолжительного царствования Федора они вынуждены были потесниться. На арену вышли царские любимцы: боярин Иван Максимович Языков, Алексей и Семен Лихачевы. Они опирались на жену царя, царицу Марфу Матвеевну из рода Апраксиных. Так в соперничестве за власть родилась третья придворная группировка.

В 1679–1681 гг. была проведена налоговая реформа, которая привела к снижению суммы стрелецких денег (одного из основных прямых налогов). Реформа проводилась в интересах горожан, в том числе и москвичей, и, вероятно, явилась следствием бурного всплеска городских восстаний 40–60-х гг. Она обеспечила правительству относительную лояльность посадских людей в 80–90-е гг. Другим важным решением, проведенным в жизнь в царствование Федора Алексеевича и имевшим важное политическое значение, явилась отмена местничества 12 января 1682 г. на Земском соборе в Москве. Теперь все представители господствующего класса (знатные и незнатные) получали одинаковые права на занятие высших гражданских и военных должностей в государственном управлении, заслуги их рода и положение предков отныне в расчет не принимались[62]. Но на практике мало что изменилось в порядках назначения на государственные должности.

В 80–90-е гг. XVII в. основной силой, участвовавшей в антиправительственных выступлениях в Москве, стали стрельцы, т.е. те, кто должен был охранять правительство. К 1681 г. в 20 полках московских стрельцов числилось 22,5 тыс. человек. Одновременно с ростом численности росло и недовольство стрельцов своим положением. По сравнению с серединой века к 1682 г. их жалованье сократилось почти в два раза. Причем из 5 руб., которые получал в год московский стрелец, часть он вынужден был тратить на амуницию. Все более укоренялся обычай подношений стрелецкому начальству. Правда, стрельцы, как уже отмечалось, занимались ремеслом, промыслами и торговлей, но существенное снижение жалованья явилось серьезным ударом по семейному бюджету для большинства из них. В царствование Федора Алексеевича московские стрельцы практически были отданы на откуп полковым командирам. Стрелецкий приказ не осуществлял никакого контроля за стрелецкими полковниками, которые нещадно эксплуатировали своих подчиненных: заставляли бесплатно работать на себя, вымогали взятки. Издевательское отношение к рядовым стрельцам, жестокие наказания тех, кто пытался сопротивляться, стали нормой в московских стрелецких полках.

Стрелец. Рисунок из альбома Э. Пальмквиста. 1674 г.

Бунт стрельцов. Миниатюра из «Истории Петра Великого» П. Крекшина. Список 1-й половины XVIII в. ГИМ

[62] *Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII в. М., 1969. С.68; *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С.351–355.

Петр I. Неизвестный художник. 1697 г.

Зимой 1681–1682 гг. стрельцы полка Богдана Пыжова били челом на своего полковника за то, что он отбирал у них до половины жалованья. Розыск по этому делу привел к жестокому наказанию челобитчиков. Вор-полковник вышел сухим из воды. Причем расправа с жалобщиками по замыслам властей имела целью устрашить всех недовольных. Но проблема-то осталась! 23 апреля 1682 г. стрельцы другого полка, Семена Грибоедова, подали на него челобитную. Злоупотребления полковника оказались столь вопиющими, а обстановка в московском гарнизоне столь накаленной, что на этот раз тиран-командир был признан виновным и снят с должности. Правда, в тюрьме ему пришлось провести всего один день. Столь незначительное наказание Грибоедова возмутило стрелецкие массы. Посылались жалобы на девятерых полковников, московские стрельцы договорились добиваться наказания ненавистных командиров[63].

В разгар этих событий 27 апреля 1682 г. умер царь Федор Алексеевич. Собравшийся в тот же день в Москве Земский собор стал ареной жарких споров о кандидатуре царя Петра или Ивана. Выбор на царство Петра стал возможен благодаря сотрудничеству имевших при Федоре Алексеевиче реальную власть И. М. Языкова и А. и С. Лихачевых с партией Нарышкиных. Таким образом, две придворные группировки объединились против третьей – Милославских. Очевидно, Языков и Лихачевы считали Милославских более опасными противниками. Кроме того, царевич Иван совершенно не был способен к самостоятельному правлению, и Милославские крутили бы им, как хотели. Петр же был живым и смышленым мальчиком, и в долговременной перспективе свою судьбу можно было связать только с его партией. Это сотрудничество двух группировок против третьей поддержало высшее духовенство и большинство московского дворянства. Сразу же были посланы гонцы в Пустозерск, где жил А. С. Матвеев. Возвращение его к власти грозило Милославским полным устранением с политической арены. Они не смирились с поражением и стремились взять реванш. Превосходный случай для них представился очень скоро.

Уже 29 апреля московские стрельцы подали властям новую челобитную. Причем недовольны своим положением были уже 18 стрелецких полков (из 19 находившихся в Москве) и 1 солдатский полк Кравкова. Стрелецкие полковники и генерал Кравков обвинялись во все тех же грехах: присвоении жалованья, принуждении подчиненных работать на себя, побоях рядовых стрельцов и солдат и т.д. В челобитной также выражалось недовольство боярами в первую голову за их политику поддержки ненавистных командиров. В это время по городу пошли разговоры о насилии Нарышкиных, которые правят вместо ребенка – Петра. Бояре и патриарх обвинялись в неправильном избрании Петра в обход старшего брата Ивана. Не радовал стрельцов и скорый приезд боярина Матвеева. Они помнили этого умного и властного политика и понимали, что при нем им будет трудно добиться своего. Стрельцов поддерживали московские староверы во главе с Никитой Пустосвятом. Под их мощным давлением новая власть вынуждена была уступить.

30 апреля и 1 мая перечисленные в челобитной командиры были сняты с должностей, а вместо них назначены другие. Полковников били батогами и «правили» (получали) от них деньги, которые те присвоили у подчиненных; суммы доходили до нескольких тысяч рублей. Досталось не только полковым командирам. Прокатилась волна физических расправ рядовых стрельцов с младшими начальниками – пятидесятниками и сотниками. Нарышкины своими необдуманными действиями подливали масло в огонь стрелецкого бунта. Так, брат царицы Натальи Кирилловны Иван, 23 лет от роду, был произведен в бояре, что вызвало открытое возмущение. Приехавший 10 мая в Москву А. С. Матвеев не одобрил подобное назначение, и в то же время он являлся противником дальнейших уступок стрельцам, которые были об этом осведомлены. Они выдвинули лозунг: за хорошего царя, против плохих бояр. Так как в этот момент плохими боярами были Нарышкины и их сторонники, то стрелецкое

[63] Сильвестра Медведева созерцание краткое лет 7190, 91 и 92 в них же, что содержася во гражданстве // ЧОИДР. Кн.4. М., 1894. С.40–42; *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн.VII. М., 1962. С.265, 266; *Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII в. С.71–74, 78, 79, 88–95.

движение повернуло против них и соответственно за царя Ивана. Это обстоятельство чутко уловили И. М. Милославский и царевна Софья. Они почувствовали свой шанс прийти к власти и воспользовались ситуацией.

Уже в начале мая московские стрельцы вышли из-под контроля властей и командования. Они собирались на открытые сходки и тайные совещания, где, обсудив свои нужды и задачи, приняли решение об открытом антиправительственном выступлении. Посадские люди с сочувствием относились к этим планам.

Восстание началось 15 мая. Утром в Кремль вошли московские стрелецкие полки и Бутырский солдатский полк в полном вооружении, со знаменами и барабанным боем. Они кричали, что бояре убили царевича Ивана, и требовали выдать им изменников-бояр. Братьев – Петра и Ивана – вывели на крыльцо, чтобы показать, что оба они живы. Но пружина восстания была уже заведена, и остановить ее оказалось невозможным. Первым тут же убили боярина князя Долгорукого, возглавлявшего Стрелецкий приказ. Он стал требовать, чтобы стрельцы убирались из Кремля. Ненавистного начальника стрельцы сбросили с теремного крыльца вниз, где его тут же добили. В тот же день были убиты бояре А. С. Матвеев, А. К. Нарышкин, князь Г. Г. Ромодановский, И. М. Языков и др. Восставшие действовали в соответствии с заранее заготовленным списком бояр-«изменников», за исключением Ф. П. Салтыкова, которого приняли сначала за И. К. Нарышкина. Последнего восставшие упорно требовали им выдать. Они приходили в Кремль 16 мая, и лишь 17 мая царица Наталья Кирилловна вынуждена была пожертвовать братом. Ее упросили это сделать бояре и царская семья, не без основания опасаясь за свою жизнь. Все грехи предыдущего царствования и притеснения стрельцов были свалены на убитых. В течение 15–17 мая партии Языкова-Лихачевых и Нарышкиных оказались обезглавленными. Партия Милославских воспользовалась стрелецким движением и пришла к власти. Во главе ее встала царевна Софья Алексеевна. Она пыталась утихомирить разбушевавшуюся стихию и погасить пожар стрелецкого бунта. С этой целью была предпринята выдача из казны каждому стрельцу и солдату единовременно по 10 рублей.

Главой Стрелецкого приказа стал князь И. А. Хованский, он сумел завоевать популярность стрельцов, заигрывая с ними. Хованский вынашивал честолюбивые замыслы и свое продвижение на вершину власти прочно связывал со стрелецким движением. Однако не только Хованский, но и царевна Софья вынуждена была идти по пути уступок стрельцам, так как те стали хозяевами положения в Москве. В их полной власти было казнить и миловать. Справедливости ради следует отметить, что в Москве сохранялся порядок. Попытки воровства и грабежей тут же пресекались стрельцами. Они выставляли караулы, на ночь запирали городские ворота, словом, несли свою обычную службу.

19 мая стрельцы, солдаты и пушкари в своей челобитной на имя царя Петра Алексеевича требовали вернуть им недоплаченные с 1645 г. 240 тыс. руб. в связи с сокращением при Б. И. Морозове жалованья. Они просили также выдать им единовременно на человека по 10 руб. и отдать им имущество убитых 15–17 мая «изменников». Таких сумм в казне не имелось, и царевна Софья указала брать их в качестве налога с крестьян. Так своими требованиями стрельцы готовили себе врагов. Стрелецкие полки провозгласили себя «надворной пехотой», с чем власти вынуждены были согласиться.

23 мая по требованию московских стрельцов был созван Земский собор, который утвердил волю «надворной пехоты» – быть двум царям: Ивану и Петру. 26 мая опять же по их воле вносилось уточнение, что первым царем быть

Стрельцы грабят Холопий приказ. Миниатюра из «Истории Петра Великого» П. Крекшина. Список 1-й половины XVIII в. ГИМ

Ивану, а вторым – Петру. И, наконец, 29 мая по требованию стрельцов правительницей при царях провозглашалась царевна Софья. Так была выполнена стрелецкая программа установления власти «хороших» царей.

Хотя стрельцы и пользовались сочувствием низов московского посада, но на свою сторону простых горожан не перетянули. Они подчеркивали свою особенность, «выбивали» из правительства лишь те решения, в которых были заинтересованы сами, не поддержали холопов, подавших на имя царей челобитную о ликвидации института холопства. В городе сложилась ситуация, когда стрельцов перестали поддерживать даже низы, поскольку «надворная пехота» при всяком удобном случае ставила их на место.

Но не только Милославские стремились воспользоваться стрелецким движением в Москве. Удачный момент оказался на руку и староверам. Раскольники попытались взять реванш в борьбе с официальной церковью. Они подали челобитную, в которой просили разрешить диспут с церковными иерархами на Лобном месте, на Красной площади, или в Кремле. Стрельцы поддержали раскольников, среди них имелось немало приверженцев старой веры. Упорно подчеркивал свое староверие и князь И. А. Хованский. Этот деятель пытался использовать влияние раскольников и стремился опереться на них, равно как и на стрельцов, в своем продвижении к власти.

«Прение о вере» состоялось 5 июля в Грановитой палате Кремля в присутствии правительницы, царевны Софьи. Никита Пустосвят и его сторонники сознательно шли на скандал, и он состоялся. Выйдя из палат, раскольники громогласно объявили толпившемуся народу, что они победили на диспуте. Но правительница демонстративно встала на сторону официальной церкви. Она сумела убедить стрельцов в необходимости ареста расколоучителей и преследования их сторонников. 11 июля Никита Пустосвят был казнен на Красной площади. Покровитель раскольников князь И. А. Хованский ничем не смог им помочь. Все лето 1682 г. стрельцы были хозяевами в Москве. На Красной площади они воздвигли особый обелиск, «столп», где отмечались их заслуги в борьбе с изменой. Во все полки были даны жалованные грамоты, даровавшие им особый статус и закреплявшие завоеванные ими права. Царевна Софья Алексеевна вела довольно тонкую игру с целью выиграть время и ликвидировать то ненормальное положение, в котором оказалась царская власть. С одной стороны, она продолжала заигрывать со стрельцами, приобретала в их среде сторонников, с другой – стремилась проводить самостоятельную политическую линию. Она начисто переиграла простоватого и амбициозного И. А. Хованского. Последний все более превращался в декоративную фигуру, не имевшую реальной власти. В августе поползли слухи о намерении Хованского отстранить царей Ивана и Петра и, разумеется, царевну Софью и самому стать царем. Его активно поддерживала часть московских стрельцов. 20 августа цари, правительница и весь двор выехали из Москвы в село Коломенское. 2 сентября сюда поступил донос на Хованского, в котором говорилось о его намерении убить царей, расправиться с боярами и занять престол. Не исключено, что донос организовала сама Софья, поскольку он полностью соответствовал ее планам и появился вовремя. В тот же день царский двор покинул Коломенское и перебрался в хорошо укрепленный Троице-Сергиев монастырь.

По пути следования во все концы рассылались грамоты о сборе вооруженных сил – дворянского ополчения, солдатских и рейтарских полков – к монастырю. В грамотах московские стрельцы и солдаты вместе с князем И. А. Хованским назывались «изменниками» и «ворами». Правительство царевны Софьи перешло в наступление против стрелецкого движения. Стрельцы и Хованский хорошо видели смертельную опасность для себя в этих действиях властей, но реально ничего предпринять для своей защиты не смогли. 17 сентября Хованский с сыном и несколько выборных стрельцов, вызванные из Москвы царями в Троице-Сергиев монастырь и не посмевшие ослушаться, были казнены по обвинению в измене в селе Воздвиженское на пути к монастырю. В Москву были посланы грамоты с извещением о казни и с обещанием стрельцам и солдатам полной безопасности. Им царский гнев не грозил. Московский гарнизон являлся внушительной военной силой, и правительство стремилось не допустить нового возмущения. После казни Хованских и выборных стрельцов в Москве имели место кратковременные вспышки недовольства. Но царские грамоты подействовали, и стрельцы вскоре успокоились. Тем временем было мобилизовано московское и подмосковное дворянство. Вместе с вооруженными слугами съехавшиеся на защиту царей дворяне составляли основу проправительственных войск.

Стрельцы и солдаты, предавшие своих союзников-раскольников, в ситуации непосредственной военной угрозы, при настороженном отношении посада, оказались в изоляции. Они пошли на правительственные условия прекращения движения (3 октября), которые были достаточно щадящими: выдать зачинщиков восстания, обещать впредь ничего подобного не затевать, проявить безуслов-

ное повиновение, пришедших в «надворную пехоту» в период восстания из полков уволить. В правительственных мерах в целом преобладало прощение стрельцам и солдатам их вины. 2 ноября на Красной площади был сломан памятный обелиск, отменено название «надворная пехота». Произошел полный возврат стрельцов и солдат к их прежнему статусу. Памятуя о том, с чего началось восстание, правительство обратило внимание на предотвращение злоупотреблений в выдаче жалованья и недопущение привлечения стрельцов и солдат на незаконные работы в пользу командиров. В Москву цари и двор вернулись 3 ноября.

Вскоре, в декабре того же 1682 г., произошли новые волнения стрельцов. 26 декабря стрельцы полка П. Блохина пришли в Стрелецкий приказ жаловаться на командиров. Вожака недовольных, Ивана Жаренова, и еще нескольких наиболее активных стрельцов схватили и на следующий день казнили на Красной площади. Этим власти и ограничились.

Зимой 1684 г. в Москву съехались свыше 200 дворян, вызванных в столицу для участия в Земском соборе. Они выбирались по городам, в чьих уездах находились их земельные владения. Земский собор должен был утвердить мирный договор России с Речью Посполитой, который предполагалось заключить на переговорах между посольствами двух стран под Смоленском. Но подписание «вечного мира» сорвалось, и выборные, подождав в Москве до марта, были указом отпущены в свои имения[64].

После усмирения московских стрельцов в 1682 г. безраздельной правительницей страны стала царевна Софья (при малолетних Иване и Петре). Ее правой рукой, высшим должностным лицом в государстве был князь Василий Васильевич Голицын. Между тем цари подрастали. И если возмужание Ивана мало беспокоило правительницу, то совершеннолетие Петра грозило ей большими неприятностями, поскольку за ним стояла партия Нарышкиных, ее врагов. То, что должно было случиться, произошло в январе 1689 г., когда царю Петру исполнилось 16 лет. Отныне от правительницы, по сути дела, требовалось сложить полномочия. Но властная царевна не собиралась этого делать по своей воле. Назревало столкновение между царевной Софьей и Петром. Софья пыталась заручиться поддержкой стрельцов через своего фаворита, главу Стрелецкого приказа Ф. Л. Шакловитого, но они особого энтузиазма не проявили – слишком очевидно было преимущество законного царя Петра. Тем временем Петр, резиденцией которого стало подмосковное село Преображенское, занимался подготовкой ядра будущей регулярной армии – «потешных» войск.

Царевна Софья. Гравюра по оригиналу А. Блотелинга. Около 1688 г.

Возвращение в Москву в июле князя В. В. Голицына после неудачного, как и первый, второго Крымского похода нанесло удар по престижу правительницы. Таяли ряды ее сторонников. В ночь с 7 на 8 августа наступила развязка. В Кремле Софья ожидала нападения «потешных» из Преображенского. Петр же получил сведения, что Шакловитый приказал отряду стрельцов напасть на Преображенское. Петр спешно уехал в Троице-Сергиев монастырь. Вскоре здесь собрались бояре, дворяне, поддержал Петра и патриарх Иоаким. Наконец, в Троицу двинулся и московский гарнизон: стрелецкие и солдатские полки. К концу августа – началу сентября Софья осталась в Кремле без серьезной вооруженной силы. Все кончилось выдачей Петру 7 сентября Ф. Л. Шакловитого,

[64] Сильвестра Медведева созерцание... С.42–165; *Богословский М.М.* Петр I. С.37–48; *Богоявленский С.К.* Хованщина // Исторические записки. Т.10. М., 1941; *Соловьев С.М.* Указ. соч. Т.VII. С.266–299; *Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII в. С.95–353; *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С.355–370.

явкой с повинной князя В. В. Голицына и заключением Софьи в Новодевичий монастырь. Шакловитый после пыток был казнен, а Голицын отправлен в ссылку[65].

Отстранение от правления царевны Софьи означало переход всей полноты власти в руки царя Петра и его группировки. Царь Иван в расчет не принимался ввиду его полной неспособности к правлению. Вплоть до своей смерти в 1696 г. он, «церемониальный» царь, лишь формально делил престол с Петром. Поначалу молодой Петр почти не принимал участия в непосредственном управлении страной. Он жадно впитывал европейскую культуру, познавал различные науки, на практике постигал основы военного и морского искусства. В это время первыми лицами в государстве были князь Б. А. Голицын, бояре Л. К. Нарышкин и Т. Н. Стрешнев. В 90-е гг. царь почти не появлялся в Кремле, Москву посещал наездами: побывал в Переславле-Залесском, дважды в Архангельске, в Воронеже и т.д. В 1695–1696 гг. его всецело занимали Азовские походы против турок. После взятия Азова в 1696 г., 30 сентября, состоялось торжественное вступление Петра с победившей армией в Москву. Столь красочное и театрализованное зрелище столица видела впервые после Казанского взятия в 1552 г. Были построены триумфальные ворота (у Каменного моста), украшенные колоннами, надписями и аллегорическими фигурами. В многочасовом шествии по городу участвовал сам царь, его свита и войска. Здесь же вели пленных, несли и везли трофеи.

В начале 1697 г. полным ходом шла подготовка к «великому посольству», которое должно было посетить европейские страны. Впервые русский государь выезжал за пределы своего государства с посольством. Петр страстно желал повидать Западную Европу, удовлетворить свою страсть к знаниям и любопытство, которое он неизменно проявлял к европейской культуре. Вдруг, 23 февраля 1697 г., на вечере у любимца царя, Франца Лефорта, в Новой Немецкой слободе были получены сведения о заговоре против Петра. В заговоре, который, однако, не пошел дальше разговоров, участвовали думный дворянин И. Цыклер, окольничий А. Соковнин и стольник Ф. Пушкин. Цыклер пытался заручиться поддержкой стрельцов. Все эти лица проявляли недовольство своим положением второстепенных деятелей администрации, таили обиду на царя Петра. После жестоких пыток, 4 марта, трое заговорщиков вместе с двумя стрельцами и казаком были казнены[66].

В 1698 г., когда Петр с «великим посольством» находился за границей, вспыхнул мятеж четырех московских стрелецких полков. В 1696 г. они стояли под Азовом. После окончания кампании эти полки некоторое время оставались во взятом городе. Затем их послали не в Москву, где проживали их семьи, а на северо-западную границу, к Новгороду. Надо сказать, что царь Петр не доверял московским стрельцам (события 1682 г. навсегда врезались ему в память) и старался отправить их на службу подальше от столицы. Весной 1698 г. четыре полка стояли в Великих Луках и Торопце. Поредевшие после Азовского похода – в них было всего около 2700 человек – полки квартировали в тяжелейших условиях. Они испытывали острую нужду, нехватку продовольствия. Уменьшенное жалованье выдавалось с задержками. В течение трех лет они непрерывно находились на службе и не видели своих семей. В марте 1698 г. в Москве появились 175 стрельцов, посланцев этих полков. Они пришли в Стрелецкий приказ жаловаться на нужду и сокращение выплат. В Москве по царскому указу правителями были оставлены князь Ф. Ю. Ромодановский и боярин Т. Н. Стрешнев. Они сочли за благо пойти просителям навстречу и выдали им жалованье. Однако последние этим не ограничились. В народе ходили слухи, что царь Петр умер за границей. Помня о любезной им царевне Софье, стрельцы стали тайно с ней сноситься. Правителям надоело присутствие дезертиров в Москве, и они силой выдворили стрельцов из города.

Когда те прибыли в свои полки и поведали о столичных слухах, показали письма от царевны Софьи, началось брожение. К июню ситуация созрела настолько, что четыре полка двинулись в столицу с целью побить бояр и иноземцев и посадить на престол царевну Софью. Под Воскресенским монастырем 18 июня произошло сражение, в котором правительственные войска под водительством боярина А. С. Шеина и генерала П. Гордона, в несколько раз превышавшие по численности мятежников, без особого труда наголову разбили стрельцов. Боярин Шеин наскоро провел расследование, в результате которого было казнено 130 человек, а остальных сослали в ссылку по разным городам. Спешно вернувшийся 25 августа из-за границы Петр остался недоволен Шеиным. Царю, смертельно напуганному с детства, казалось, что существовал разветвленный и подготовленный заговор, нити которого тянулись к заточенной в монастыре царице Софье. Но новое следствие не подтвердило причастности к стрелецкому движению Софьи Алексеевны. Начались жесточайшие пытки, а затем кровь буквально полилась рекой. Всего было казнено тогда 1400 человек. Стрелецкие слободы в Москве были ликвидированы.

Прибыв из-за границы, Петр сразу же начал насильно внедрять в Москве

[65] *Богословский М.М.* Петр I. С.68–88.

[66] *Богословский М.М.* Петр I. С.88–350, 373–393.

европейский быт. Чуть ли не на первой же аудиенции он самолично стриг боярам бороды и приказал впредь одеваться в европейское платье. Петр активнейшим образом взялся за нововведения в государственной жизни, экономике, вооруженных силах, культуре и быту. Жестоко расправившись со стрелецким движением, он как бы пытался отрезать прошлое, старомосковские порядки и традиции, чтобы поскорее открыть новую страницу в истории России и Москвы[67].

12. КУЛЬТУРА

Для XVII столетия характерен процесс «обмирщения» культуры. Она становится все более «светской». В литературных произведениях авторы обращаются к жизни реальных людей, описывая их мысли и чувства, касаются злободневных тем. В архитектуре упрочиваются светские черты (в том числе и в церковных постройках), пышный декор подчеркивает материальность архитектурных форм. В живописи пробивают дорогу реалистические тенденции, портретность образов, отход от аскетизма.

Смута начала века наложила глубокий отпечаток на *литературную жизнь* первой половины столетия. В 20–30-е гг. появились различные редакции летописей, исторические сочинения И. Тимофеева, А. Палицина, И. Хворостинина, И. Катырева-Ростовского и др., в центре внимания которых было Смутное время. Авторы рассуждали о причинах бедствий Русской земли, очерчивали событийную канву, передавали свои личные переживания. Официальные летописи подчеркивали законность претензий Романовых на царский престол и приветствовали избрание царем Михаила Федоровича.

В царствование Алексея Михайловича выкристаллизовываются два направления в литературе – демократическое и придворное. Демократическое направление особенно выпукло отражено в сатирических повестях: «О Горе-Злосчастии», «О Шемякином суде», «О попе Савве», «Служба кабаку», «Калязинская челобитная» и др. Эти произведения афористичны, они вышли из толщи народа и были широко распространены в рукописях. В них – стон бедного, несчастного человека, притесняемого богатеем, обираемого церковью, не имеющего защиты в продажном суде. Любимая тема сатирических повестей – обличение чревоугодия, жадности и ханжества духовенства. Последователи раскола активно полемизировали с официальной церковью. Их рукописные сочинения, как и сатирические повести, имели широкое хождение в народе.

Страница из Букваря Кариона Истомина. 1694 г. Гравюра Леонтия Бунина. 1692 г.

Придворное направление в литературе связано прежде всего с Симеоном Полоцким. Он получил два высших образования: православное (в Киево-Могилянской академии) и католическое (в иезуитской Виленской академии). С 60-х гг. работал в Москве. Его перу принадлежит ряд произведений панегирического характера («Жезл правления», «Орел Российский» и др.), где он прославляет царя Алексея Михайловича, рисует образ идеального государя, проповедует идеи абсолютной монархии. Собственно говоря, он не столько литератор, сколько идеолог самодержавной власти в России. В этом качестве Полоцкий полемизировал с опальным протопопом Аввакумом. В своих произведениях заочно спорили два выдающихся деятеля российской культуры – духовный лидер государственной власти (С. Полоцкий) и духовный наставник раскола (протопоп Аввакум). Полоцкий был также мастером жанра нравоучений, писал стихи, в которых проповедовал высокую мораль и благочестие (например, сборник «Вертоград многоцветный»). Традицию Полоцкого продолжали его ученики, прежде всего Сильвестр Медведев (придворный писатель правительницы Софьи) и Карион Истомин (автор знаменитого букваря).

В правление царя Алексея Михайловича непродолжительное время действовал в Москве первый в России театр. Им руководил житель Немецкой слободы Йоганн-Готфрид Грегори, актерами были его ученики. Театральные представления посещал сам царь с придворными (например, такие, как «Артаксерксово действо», «Юдифь»). Драматические произведения писал и С. Полоцкий («О Навуходоносоре царе», «Притча о блудном сыне» и т.д.). Драматургия пользовалась библейскими сюжетами, но

[67] *Корб И.Г.* Дневник. С.64–79; *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн.VII. С.559–572; *Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII в. С. 363–400.

ветхозаветные герои наделялись характерами современников – это были живые и энергичные люди, рассуждавшие на актуальные темы и действующие, как в реальной жизни. В литературе второй половины XVII в. исследователи находят черты барокко и даже говорят о «русском барокко», связывая его прежде всего с С. Полоцким и его учениками[68].

В XVII в. происходило дальнейшее развитие архитектуры. Совершенствовался ансамбль Московского Кремля. Были возведены шатровые окончания башен. Первой «шатер» получила Спасская (Фроловская) башня (1624–1625 гг.), в 70–80-е гг.– Боровицкая, Троицкая, Арсенальская и др. башни. Шатровые окончания придали кремлевским башням национальные русские черты. В 1635–1636 гг. в Кремле Б. Огурцов и Т. Шарутин построили каменный царский Теремной дворец, радующий нас и поныне изяществом архитектурной формы, богатством резьбы по камню и пышными растительными узорами. Чуть позже сложился комплекс Патриаршего двора, состоящий из жилых палат и церкви Двенадцати апостолов. В 80-е гг. было завершено строительство здания приказов в Кремле, которое до наших дней не сохранилось.

Большое казенное строительство развернулось на посаде. Возводились и светские, и церковные здания. Павел Алеппский отметил характерную черту в конструкции всех кирпичных зданий: они «скреплены огромными железными связями внутри и снаружи; все двери и окна сделаны также из железа – работа удивительная». Из дошедших до нас светских зданий первой половины и середины XVII в. интересен дом дьяка Аверкия Кириллова (1657). Архитектурные приемы, воплощенные в этой двухэтажной постройке, характерны и для деревянного зодчества: отдельные части здания «сдвинуты» по отношению друг к другу, крыльца расположены «на отлете». Другая светская постройка – Крутицкий теремок, часть ансамбля московской усадьбы митрополита Крутицкого, богато украшен каменной резьбой и многоцветными изразцами. Он производит впечатление красивой игрушки.

Для церковной архитектуры характерно «клетское» здание, т.е. с перекрытием по типу светской постройки – клети. Часто оно дополнялось «горкой кокошников». Количество глав могло быть и три, и пять. Строили и одноглавые храмы. Классическими московскими церквами первой половины XVII в. считаются Рождества в Путинках (трехглавая) и Троицы в Никитниках (пятиглавая). Церковь Троицы построена одним из богатейших русских купцов Григорием Никитниковым. Она являлась составной частью дворцового ансамбля Никит-

никовых. Композиционно постройка напоминает светские «хоромы». Богатое «узорочье» покрывает стены церкви. Зодчий явно стремился достичь максимальной декоративности, что придает храму мирское звучание. Церковь Троицы послужила образцом для многих провинциальных храмов.

Патриарх Никон пытался регламентировать архитектурные формы церковных зданий. Вначале было запрещено строить шатровые храмы. Затем были признаны «правильными» пятиглавые церкви. В Москве во второй половине XVII в. сложился тип небольшого пятиглавого храма, такого, как церковь Николы на Берсеневской набережной (1656) и Николы в Хамовниках (1679) с умеренным декоративным орнаментом, в котором органично использовались многоцветные изразцы. В 60–70-е гг. был построен деревянный дворец в Коломенском. Он являлся летней царской резиденцией. Приезжих иностранцев дворец поражал своей причудливостью, подчеркнуто русским архитектурным стилем. Это была единая постройка, состоявшая из ряда различных хором, связанных между собой переходами. Дворец был разобран в XVIII в.

Во второй половине XVII в. строится немало светских каменных зданий. Нередко они велики по объему (дома В. В. Голицына в Охотном ряду (1687) и боярина Волкова в Большом Харитоньевском переулке). В отличие от двух предыдущих, похожих на традиционные хоромы, дом боярина Троекурова в Охотном ряду решен архитектурно единым блоком. Это трехэтажное здание с белокаменным декором знаменовало собой переход к архитектуре начала XVIII в. В самом конце XVII в. архитектором Д. Аксамитовым был возведен Лефортовский дворец в Немецкой слободе по заказу Петра I для его любимца Ф. Лефорта. Здание использовалось для официальных приемов (до 1500 человек одновременно), оно поражало современников роскошью внутренней отделки (обильная позолота, ценные скульптуры) и послужило образцом для петербургских царских дворцов XVIII в. Нарядность здания, пышность декоративного убранства, несомненно, сближают Лефортовский дворец с архитектурой нарышкинского барокко.

Образцом этого стиля считается церковь Покрова в Филях, построенная в 1693–1694 гг. на средства дяди Петра I, боярина Л. К. Нарышкина. Планировка храма типична для рубежа XVII–XVIII вв.: на четырехгранном основании два восьмерика. Церковь одноглавая, «иже под колокола» (т.е. верхний восьмерик – колокольня), богато декорирована белокаменной отделкой оконных наличников, фронтонов, колонками. Для храмов нарышкинского барокко характерен богатый резной позолоченный иконостас.

Отличительной чертой архитектуры конца XVII в. стала многоярусность здания. Она прослеживается и в церкви Покрова в Филях. Наиболее выразительны в этом смысле колокольни. Так, колокольня Новодевичьего монастыря имеет шесть ярусов, что придает ей особую стройность, устремленность вверх.

В 90-е гг. М. Чеглоков построил Сухареву башню, которая до наших дней не сохранилась. Она получила свое название от фамилии командира одного из стрелецких полков. Это светское многоярусное здание типа европейской ратуши, с массивной нижней частью и высокой стройной башней наверху. Фасады обильно декорированы каменной резьбой и колонками, традиционными для архитектуры нарышкинского барокко.

В *живописи* XVII в., как и ранее, использовались в основном религиозные сюжеты. Мастера занимались главным образом росписями храмов и иконописью. Тенденция «обмирщения», реалистические черты прослеживаются в манере письма ликов святых и угодников, которые походили на реальных людей, современников живописцев, а также в вытеснении условного пейзажа реальным, среднерусским. Развивается чисто

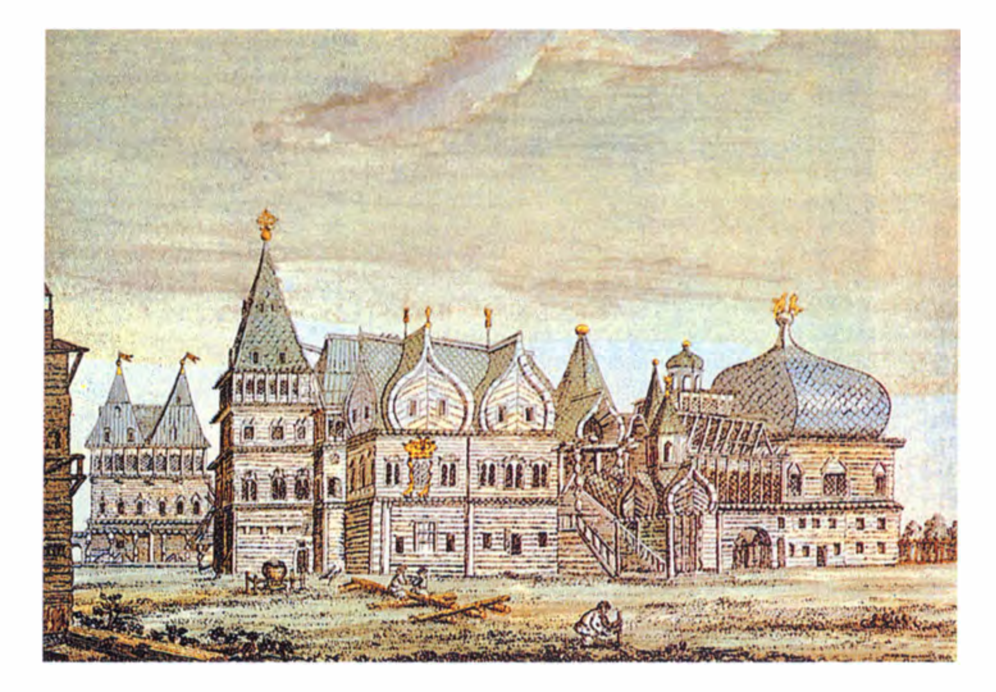
[68] *Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы X–XVII вв. Эпохи и стили. Л., 1973. С.202–212; *Робинсон А.Н.* Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974; *Демин А.С.* Русская литература второй половины XVII – начала XVIII в. Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977; *Он же.* Писатель и общество в России XVI–XVII вв. (общественные настроения). М., 1985.

Константино-Еленинская, Набатная, Царская и Спасская башни. XVII в.

Церковь Троицы в Никитниках. 1626–1653 гг.

Храм Покрова Богородицы в Филях. 1693–1694 гг.

Главный фасад дворца в Коломенском. Гравюра Ф. Гильфердинга. XVIII в.

Изразцовая печь Теремного дворца

светский жанр – парсуна (портрет). Церковь строго следила за соблюдением канонов, ратовала за традиционную манеру письма, но жизнь неумолимо вторгалась в образный строй даже сугубо религиозных сюжетов. Рукой художника, в особенности талантливого, «водила сама эпоха».

После Смутного времени произошло некоторое снижение художественного уровня живописных работ и иконопись во многом носила подражательный характер. Но со временем этот вполне объяснимый кризис преодолевался. В 40-е гг. были предприняты большие работы по обновлению настенной живописи кремлевских соборов и церквей. Так, огромная артель мастеров и подмастерьев, собранных буквально со всей страны (их было более 100 человек), во главе с «государевыми» живописцами И. и Б. Паисеиными, С. Осиповым, М. Матвеевым, Б. Савиным, С. Ефимьевым украшала стенописью Успенский собор. Тогда же С. Осипов и И. Борисов расписали церковь Ризположения.

В первой половине XVII в. в иконописи прослеживаются два направления: первое продолжало традиции строгановской школы (наиболее известен работавший при дворе П. Чирин), используя приемы миниатюрной живописи с обильной позолотой и тщательной выписанностью деталей. Типична икона 40-х гг. «Митрополит Алексей». Большая же часть икон написана по-другому. Они проще композиционно, не отличаются изысканностью и более традиционны. В это время в Кремле существовал Иконописный приказ с Иконописной палатой. Позже она слилась с Оружейной палатой, которая стала главным художественным центром страны.

В 50-х гг. производится роспись Архангельского собора в Кремле артелью художников во главе с Я. Казанцем и С. Рязанцем (30 человек). Роспись была закончена в 60-е гг. при участии Ф. Зубова и Симона Ушакова.

Симон Ушаков стал ведущим русским живописцем XVII в. Родился он в 1626 г., в 1648 г. поступил на «живописную» службу вначале в Серебряную палату. В 1664 г. переведен в Оружейную палату, где занимал должность первого «царского изографа». За выдающиеся успехи был пожалован дворянством. Самое раннее из наиболее известных произведений С. Ушакова – «Спас Нерукотворный» (1657). «Спас» Ушакова – реальный человеческий образ, переданный мастером объемно, с подчеркнутой «живостью». На иконе 1668 г. «Древо государства Московского» («Похвала Богоматери Владимирской»), посвященной русским государям и высшим церковным иерархам, изображены царь Алексей Михайлович, царица Мария с царевичами Алексеем и Федором. Ушаков, помимо коллективного портрета царствующего семейства, точно передал кремлевский пейзаж: Успенский собор, башни, стену. В качестве придворного живописца Ушаков выполнил несколько портретов царя Алексея Михайловича. В основном благодаря ему и художнику С. Лопуцкому мы имеем реальное изображение «тишайшего» царя.

Даже такой признанный мастер, как С. Ушаков, должен был придерживаться традиционных иконографических канонов. Так, в иконе «Троица» (1671) композиция каноническая, «рублевская», а изображение ангелов реалистично. Это скорее не ангелы, а трое мужчин за трапезой. Мощная «мирская» струя

в живописи встречала не только одобрение современников, но и яростное неприятие. Ревнители старины, особенно приверженцы раскола, не признавали икон, написанных с использованием приемов реалистической живописи, обвиняя живописцев в подражании «немецким» образцам (т.е. западноевропейскому искусству). Против какого-либо отступления от старых канонов в иконописи решительно выступал также патриарх Никон. Но помешать творчеству С. Ушакова и его последователей – И. Владимирова, Г. Зиновьева, И. Максимова, Т. Филатьева, К. Уланова и др. уже было невозможно, тем более что жанр портретной, по определению – реалистической живописи развивался благодаря поддержке сильных мира сего. Это они заказывали портреты известных исторических деятелей прошлого, да и свои собственные. Портреты второй четверти XVII в.– царя Федора Иоанновича, князя Скопина-Шуйского – еще в значительной части «иконописны» по технике исполнения. Портреты же второй половины XVII в.– царей Алексея Михайловича (разных мастеров), Федора Алексеевича (Е. Елина и Л. Смолянинова), патриарха Никона (Д. Вухтерса), созданные работавшими в Москве живописцами, уже во многом походят на распространенные в Европе парадные портреты, хотя и сохраняют верность традиции.

В основанной в Москве в 1687 г. Славяно-греко-латинской академии ученые-греки, братья Иоанникий и Софроний Лихуды, обучали слушателей языкознанию, риторике, философии, богословию, физике и психологии. По методике обучения, предметам и устройству это первое в России высшее учебное заведение отдаленно напоминало средневековый европейский университет.

Москва – государственный центр России – являлась и центром научной мысли. Здесь создавались и печатались важнейшие исторические труды. Так, к 1630 г. был составлен официальный «Новый летописец», охватывавший события конца XVI – начала XVII в., вплоть до избрания на царство Михаила Романова и возвращения из плена Филарета Никитича. В 60-е гг. дьяк Разрядного приказа Федор Грибоедов создал исторический труд, продолжавший изложение

Иоанн Богослов. Миниатюра из печатного Евангелия. Москва. Печатный двор. 1689 г.

Н. Истомин. Иоанн Предтеча из деисусного чина. 1627 г. ГМЗМК

Царь Федор Алексеевич. Художник И. Безмин. 1682 г. ГМЗМК

«Степенной книги» (XVI в.) вплоть до 1667 г. Приближенный правительницы Софьи Алексеевны, ученик С. Полоцкого – Сильвестр Медведев написал «Созерцание краткое», в котором повествовал о московском стрелецком восстании 1682 г. и связанных с ним событиях. В 1678 г. в Москве был переиздан «Синопсис» Иннокентия Гизеля (первое издание вышло ранее в Киеве), где излагалась история Русского государства с древности до 70-х гг. XVII в.

Дьяки Разрядного приказа были сведущи не только в истории, но и в географии. Здесь в 1627 г. была подготовлена «Книга Большому чертежу», содержавшая перечень городов с указанием расстояний между ними и дававшая краткие географические и этнографические сведения о народах и территории России. Эта книга являлась приложением к собственно «Большому чертежу», или карте России, составленной на рубеже XVI–XVII вв. В этом же приказе также постоянно шла работа по изготовлению малых чертежей – карт различных частей государства.

Из естественных наук наиболее заметны в России медицина и астрономия. В Москве действовал Аптекарский приказ, в подчинении которого находилась царская аптека. Штат этих учреждений состоял из врачей и аптекарей, в основном приезжавших из европейских стран. Наряду с достижениями европейской медицины и фармакологии во врачебной практике широко использовались и традиционные знания. Так составлялись специальные сборники – «Травники», содержавшие описания различных трав и их лечебных свойств. «Травники» использовались и как пособия по ботанике.

В XVII в. в ряде переводных изданий была широко представлена гелиоцентрическая теория Коперника. Достаточно распространенными были визуальные астрономические наблюдения при помощи различных подзорных труб. В частности, этими инструментами располагала царская Мастерская палата.

Происходило дальнейшее усвоение технических знаний и усовершенствование различных образцов техники. Основным промышленным двигателем являлось верхнебойное водяное колесо. Такие устройства москвичи могли видеть на находящихся в пределах столицы и в ее ближайших предместьях Пушечном дворе, бумагоделательных, пороховых предприятиях, мукомольных мельницах и т.д. Высокого уровня достигли литейное дело и обработка металлов. Уже в это время московские мастера изготавливали нарезное огнестрельное оружие: мушкеты и артиллерийские орудия. Развивалось и часовое дело – башенные часы, которые раньше были только в Кремле, устанавливались и в других местах[69].

[69] История русского искусства. Т.4. М., 1959; Древнерусское искусство. XVII в. М., 1964; Путешествие Антиохийского патриарха... // ЧОИДР. Кн.3. М., 1898. С.33; Очерки русской культуры XVII в. Ч.2.

VIII

МОСКВА В XVIII СТОЛЕТИИ

1. НАСЕЛЕНИЕ И ТЕРРИТОРИЯ

С основанием Санкт-Петербурга и образованием Российской империи Москва в XVIII в. утратила свой политический статус официальной столицы, но продолжала оставаться вторым столичным городом столицы. Это проявлялось не только в ее роли крупнейшего экономического центра государства: Москва все еще была первым по величине городом империи, а после освобождения дворянства от обязательной службы (1762) стала средоточием отставных сановников, многие из которых не скрывали своего критического отношения к политике правительства. Такое положение сохранилось и в начале XIX в. «Что за тузы в Москве живут и умирают!» – говорит об одном из таких екатерининских вельмож Фамусов в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

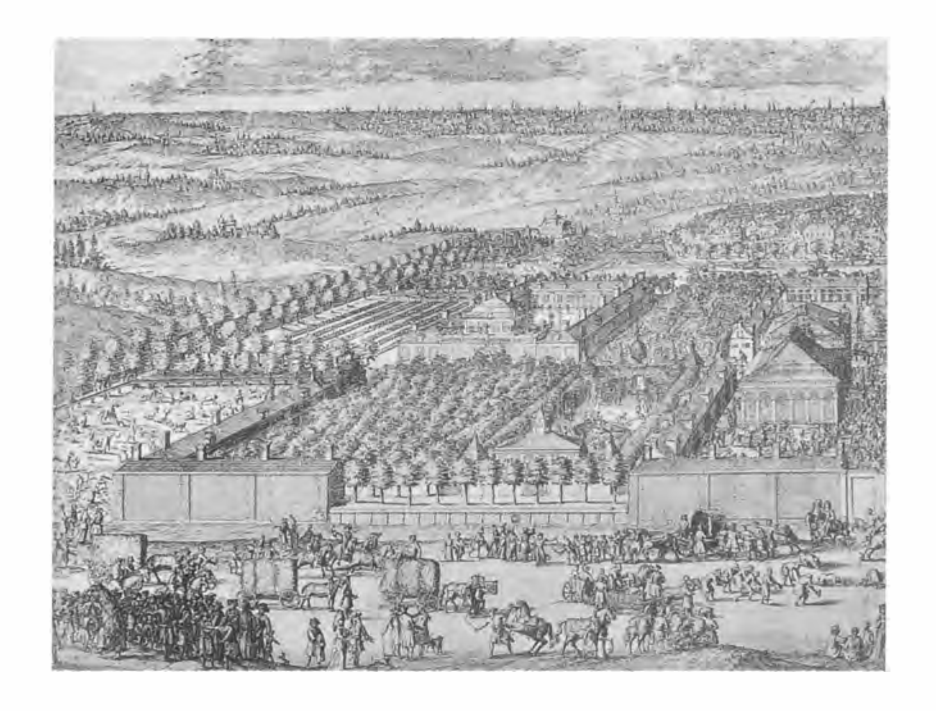
В начале XVIII в. Москва четко делилась на пять районов: Кремль, Китай-город, Белый город, Земляной город (в него входило также Замоскворечье) и район «за Земляным городом». Официальной границы города в административном смысле не существовало, а таможенная граница проходила по Земляному валу до 1722 г., когда Петр I отодвинул ее за пределы выгонных земель. Чтобы пресечь контрабандный ввоз вина, винные откупщики («компанейщики») в 1731–1732 гг. построили Компанейский вал в виде деревянного частокола, вскоре сгнивший. По их настоянию правительство в 1742 г. возвело на его месте земляной вал, получивший название Камер-коллежского (Камер-коллегия ведала таможенными сборами), который стал таможенной границей, а с 1754 г. фактически и границей города, хотя официально был признан таковой только в XIX в. Камер-коллежский вал шел по линии улиц, в названиях которых (до их переименования) присутствовало слово «вал»: Хамовнический вал, Трехгорный, Пресненский, Грузинский, Бутырский, Сущевский, Крестовский, Переяславский, Сокольнический, Олений, Богородский, Преображенский, Черкизовский, Семеновский, Измайловский, Крутицкий, Симоновский, Даниловский, Серпуховский[1].

Точно очертить территорию тогдашней Москвы сложно, но примерно это можно сделать по названиям селений, многие из которых сохранились как названия нынешних улиц и микрорайонов (не всегда административных). Названия селений приведены в «Топографическом описании Московской губернии» конца XVIII в. (точную дату определить трудно)[2]: это четыре ямские слободы – Тверская и «вымежованные из нее три слободки», Рогожская, Коломенская и Дорогомиловская; три солдатские – Преображенская, Семеновская, Лефортовская; затем, перечисляя поселения по часовой стрелке,– Оружейная, Новодмитриевская, Новая, две Воротницкие слободы, Сущевская, «Коровенская земля», слободы Напрудная, Мещанская, Переяславская, Красный пруд, Старая и Новая Басманные слободы, село Красное, Сокольничья слобода, село Покровское (или Рубцово), «новопоселенная деревня Андроновка», Немецкая слобода, Кобыльская слобода, Спасо-Андроньевский монастырь и слободка при нем, Сыромятная слобода, Никольская слобода, Старая и Новая Алексеевские слободы, слободка Шипиловка, «слободка Чортов переулок», слободка под Покровским монастырем, слободка Воронья, «земля Больших и Малых Каменщиков», «Воронцовская слободка Таганка» и слободка Крутицкая, слободка Арбатец, «земля Кожевнической полусотни», сельцо Студенец, Павловская больница, «Пресненская дача грузинских царевичей», село Васильевское.

Часть поселений существовала и в XVII в. (например, Немецкая слобода), и ранее. Город, расширяясь, занимал лежащие вокруг них земли под свои выгоны, а на них возникали новые поселения.

[1] История Москвы. Т.II. М., 1953. С.332, 333.

[2] РГИА. Ф.1350. Оп.312, Д.106. Л.11–27.

Усадьба адмирала Ф. А. Головина в Немецкой слободе в 1705 г. Офорт А. Шхонебека по рисунку де Витта

Ф. А. Головин. Неизвестный художник. Начало XVIII в. ГИМ

Камер-коллежский вал фактически включил их в состав города, в котором теперь, кроме привычных для нашего уха посадов и слобод, оказались еще и села Красное и Покровское и сельцо Студенец.

Посмотрим на границу города с другой стороны, а именно со стороны уезда: какие поселения вблизи Москвы считались находящимися уже в Московском уезде. «Топографическое описание» называет их в следующем порядке: деревня Шелепиха, сельцо Петровское-Зыково, Бутырская солдатская слобода, село Останкино и слободка Марьино, село Алексеевское и Лосиный остров, село Черкизово и новая деревня Колошино, село Измайлово и приселки, село Карачарово, деревня Граворны, деревня Хохловка, деревня Кожухово, слобода Дубравка, Симонов монастырь, Симонова слободка, Данилов монастырь, село Даниловское, сельцо Семеновское, сельцо Посевьево (или Раменки), село Воробьево, Бережковская слобода, село Троицкое-Голенищево, сельцо Никольское и деревня Аминева, деревни Каменная Плотина, Гладышева, Матвеевская, села Покровское-Фили, Знаменское-Кунцево, деревни Фили и Мазилова. Земля этих поселений вплотную примыкала к городской.

Население Москвы было неоднородным. В нем выделялись следующие основные группы: дворяне (в начале века в их число включаем бояр и других «высших чинов»), духовенство, чиновники (в начале века и позднее – «приказные» люди), посадские люди (затем разделенные на купцов и мещан), военные, крестьяне и разночинцы (городские «служители», иноземцы, ямщики и пр.).

Точные сведения об изменении численности населения отсутствуют, имеются лишь приблизительные данные. Составленный в 1701 г. перечень домовладельцев с указанием числа дворов у них неполон и включает более ранние данные. В нем обозначено 16 357 дворов. Перечень следует дополнить примерно 2 тыс. дворов в трех солдатских слободах, 1 тыс. дворов в пяти ямских слободах и 336 дворами Немецкой слободы. Всего получается около 20 тыс. дворов[3]. Считая в среднем по шесть человек обоего пола на двор (некоторые исследователи исходят из пяти человек) и число женщин равным числу мужчин, определяем общую численность приписного (постоянного) населения в 120 тыс. человек. Но в Москве, крупнейшем экономическом центре страны, имелось много пришлого населения: это, в основном, были крестьяне, которые, будучи приписаны к своим деревням, приходили на заработки в Москву. Весной большинство их возвращалось в деревни для сельскохозяйственных работ. Фиксировалась эта группа довольно неточно либо вообще не учитывалась. Кроме того, у московских дворян во дворах жили крепостные крестьяне, привезенные из деревень,– дворовые люди. Численность их либо также не принималась во внимание, либо указывалась неполно. Учитывая эти группы, исследователи определяют общую численность московского населения в начале XVIII в. в 200 тыс. человек[4].

После основания Санкт-Петербурга Петр I перевел в него значительное число жителей Москвы: туда переехала часть дворянства со своими дворовыми людьми (причем почти вся знать), приказные люди центральных учреждений, часть посадских людей, казенных ремесленников, ямщиков, придворная обслуга и т.п. Многие москвичи записались

[3] История Москвы. Т.II. С.306.

[4] Там же. С.60.

добровольно или были взяты в принудительном порядке в солдатские и драгунские полки. От большого увеличения налогов разорилось много посадских людей; они перешли в другие сословия (в том числе в крепостные к крупным феодалам) и покинули Москву. В 1725 г. в Москве было 140–150 тыс. человек, в 1730-е гг. только приписного населения – 138 792 человека[5].

Однако рост численности населения, хотя и медленно, продолжался. В 1776 г. в Москве проживал 161 181 человек, включая пришлых, постоянное же население в 1782 г. исчислялось в 125 362 человека. В 1785 г. численность населения города составила 188 654 человека, при этом 124 203 мужчины и 64 451 женщина. На долю пришлого населения, преимущественно мужского, приходилось около 60 тыс. человек. Наконец, в 1805 г. число жителей Москвы достигло 216 953 человек, из них пришлого мужского населения – около 75 тыс. человек[6].

Современник, приведя цифру в 188 тыс. человек на 1785 г., отмечал, что «число находящегося в Москве народа, по причине беспрерывного приезда и отъезда, с точностью ограничено быть не может, но по бывшим разным исчислениям явствует, что в оной, вместе с женским полом, летом до полутораста, а зимой до трехсот тысяч бывает»[7]. «Топографическое описание Московской губернии» конца XVIII в. указывает общую численность населения Москвы в 400 тыс. человек, но, видимо, эти данные преувеличены.

Таким образом, если постоянное (приписное) население Москвы в XVIII в. (в границах Камер-коллежского вала) почти не возросло, оставшись на уровне 120–130 тыс. человек, то пришлое население, несомненно, увеличилось примерно на 100 тыс. человек. Это было вызвано развитием мануфактурной промышленности в Москве во второй половине столетия.

Что касается численности отдельных сословных групп, то картина складывается следующая. Дворяне в 1701 г. имели в Москве 3223 двора, т.е. насчитывали округленно около 20 тыс. человек. В конце столетия их оказалось всего 8600 человек. Такое уменьшение вызвано прежде всего переводом столицы в Санкт-Петербург и, вероятно, потерями в войнах.

У духовенства в 1701 г. было 1493 двора с 9 тыс. человек. В конце столетия их стало 2190 человек (по другим данным – 3600 человек). На снижение их числа могло оказать влияние упорядочение штатов монастырей при секуляризации населенных имений духовенства (1764).

Посадские люди насчитывали в 1701 г. 6568 дворов, т.е. их было около 39 тыс. человек. Но при Петре I посадская община Москвы стала значительно уменьшаться, и в 1709 г. в ней имелся уже только 2701 двор. Такое положение объясняется непомерными налогами и натуральными повинностями, а также переводом посадских в Санкт-Петербург и переходом их в другие сословные группы. Правительство срочно приняло меры для записи в посадскую общину ремесленников и торговцев, не входивших в нее, как москвичей, так и посадских людей и крестьян из других городов. По I ревизии (1719) численность посадских людей составила уже 27 тыс. человек. Затем число их стало уменьшаться, и по III ревизии их оказалось 18 552 человека. Петр I уничтожил деление на гостей, членов Гостиной и Суконной сотен и установил деление на две гильдии по размерам капиталов (вскоре гильдий стали три), а для ремесленников ввел цехи. К 1726 г. в них записалось 6885 человек. Петр I учредил магистраты и ратуши – органы самоуправления посада. По реформе 1775 г. за ними остались лишь судебные функции, а по реформе 1785 г. создавались новые органы самоуправления – градское общество, общая и шестигласная думы, при этом права магистратов расширялись. Вся деятельность городских органов самоуправления проходила под всеобъемлющим контролем местной администрации, находившейся в руках дворян. Вместо сословия посадских людей были образованы сосло-

План Москвы И. Ф. Мичурина. 1739 г.

[5] История Москвы. Т. II. С.306.

[6] *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т.II. М., 1954. С.486.

[7] Там же. С.198.

Вид Москвы на р. Яузе. Литография Деруа по рисунку О. Кадоля. Начало XIX в.

Дворяне. Деталь гравюры по рисунку Ж. Делабарта «Красная площадь». 1795 г.

Крестьяне. Деталь гравюры Ф.-Б. Лорье по рисунку Ж. Делабарта «Дом Пашкова». 1795 г.

вия купцов и мещан. По IV ревизии (1782) их численность равнялась 21 тыс. человек, по V ревизии (1795) – около 40 тыс. человек.

Намного снизилась численность военных – с 16 тыс. человек в 1701 г. до 7 тыс. человек в конце столетия – прежде всего из-за перевода гвардии в Петербург. В конце XVIII в. чиновников и разночинцев было 19 800 человек, дворовых людей – 61 300 человек, крестьян – 53 700. Большое количество дворовых людей объясняется наличием усадеб московской вельможной знати[8]. О них Екатерина II писала в своих «Записках»: «...бесполезные слуги в домах, площади которых огромны, а дворы – грязные болота. Обыкновенно каждый дворянин имеет в городе не дом, а маленькое имение»[9].

В целом, изменения численности и состава московского населения в XVIII в. характеризуются переводом части его в Петербург, появлением и ростом группы мануфактурных рабочих (предпролетариата), ростом рядов предпринимателей (будущей буржуазии), формированием бюрократии (чиновников), появлением группы вельможного барства и увеличением крепостного населения, крестьян и дворовых людей дворянства, особенно же притоком пришлого населения на постоянную и временную (сезонную) работу.

Страшным и постоянным бедствием Москвы были пожары, от которых погибали десятки тысяч жителей. В 1701 г. выгорел почти весь Кремль. В летописи об этом пожаре записано так: «19 июля в 11-м часу волею Божию учинился пожар, загорелись кельи в Новоспасском подворье, и разошелся огонь по всему Кремлю, и выгорел царев двор весь без остатку. ...Ружейная и Мастерская палаты, святыя церкви на государевом дворе, кресты и кровли, иконостасы и всякое деревянное строение сгорело без остатку, также и дом святейшего патриарха, монастыри... и все государевы Приказы, многия дела и вся казна сгорела, дворы духовенства и бояр все погорели без остатка»[10].

В 1702 г. сгорел Посольский приказ в Кремле. В 1709 г. пожар уничтожил много улиц в Белом и Земляном городе. В 1711 г. пострадала значительная часть Немецкой слободы. 1712 год ознаменовался самым опустошительным в царствование Петра I пожаром, когда в пепелище обратилось 9 монастырей, 56 церквей, больше 4,5 тыс. дворов. Сильными пожарами в XVIII в. отмечены 1737 и 1748 гг. В 1737 г. сгорело больше 11 монастырей, 102 церкви, более 2,5 тыс. обывательских дворов, свыше 486 лавок и т.п. В 1748 г. в мае вспыхнуло несколько пожаров, которые уничтожили более 2,7 тыс. дворов – около 20% дворов города.

Не меньшим бедствием для жителей Москвы являлись эпидемии. Во

[8] История Москвы. Т.II. С.56–75, 307, 310.

[9] Цит. по: *Сытин П.В.* Т.II. Указ. соч. С.53, 54.

[10] *Сытин П.В.* Указ. соч. Т.I. М., 1950. С.189.

время чумы 1771 г. вымерли все жители в 3 тыс. дворов, которые пришлось сжечь[11].

Петр I в целях борьбы с пожарами решил застроить Москву каменными зданиями, начав с Кремля и Китай-города и (из-за нехватки кирпича и рабочих) запретив в 1705 г. каменное строительство в других районах. В 1722 г. он поручил Полицмейстерской канцелярии надзор за строительством и назначил в Москву архитектора. Строить каменные дома Петр приказывал «в линию» и впритык друг к другу, что не всегда соблюдалось[12].

В 1742 г. были изданы два важных указа: о строительстве домов только с разрешения «Главной полиции» и предписание, чтобы ставить дома по плану, причем ширина улиц должна была достигать 8 сажен, а переулков – 4 сажен (т.е. 17 и 8,5 м)[13]. Упомянутый план – первый геодезический план Москвы, составленный в 1739 г. под руководством Ивана Мичурина. Его особенность, как, впрочем, и последующих планов 1763 г. и других годов, заключалась в том, что ряд улиц и переулков в разных районах были показаны спрямленными, т.е. такими, какими их предполагал архитектор. Поэтому эти планы являлись одновременно и проектными заданиями, которые постепенно воплощались в жизнь. В полиции в соответствии с указами впервые начали составлять планы построек всех новых домов, причем улицы и переулки расширялись до требуемого размера, а дома ставились «в линию», чтобы улицы оказывались прямыми и с параллельными сторонами. В 1752 г. было подтверждено решение о строительстве домов по плану, «как на поданных ее императорскому величеству учиненыя красныя линии значат», а ширина улиц и переулков увеличивалась до 10 и 6 сажен (21,34 и 12,8 м соответственно), что соблюдалось при строительстве вплоть до Октябрьской революции[14]. Но каменных застроек было еще мало, кроме Кремля и Китай-города. В Москве в первой половине столетия сооружались в основном деревянные одноэтажные дома с мезонинами, только церкви и казенные здания возводились преимущественно из кирпича.

Город был неблагоустроен. В 1727 г. генерал-майор Волков, присланный из Петербурга для организации чеканки монеты, писал о Москве как о «пропастном месте»: «Истинно опасаюсь, чтобы не занемочь. Только два дня, как началась оттепель, но от здешней известной Вам чистоты такой стал бальзамовый воздух и такая мгла, что из избы выйти нельзя. Какое здесь многонародное место, можно видеть из того, что одних канцелярий и контор с 50, колодников 1000 человек, караульщиков рогаточных с дубинами (улицы на ночь с начала XVI в. перекрывались рогатками.– *Авт.*) с 2500. По одной таможенной записке в одно прошлое лето с 25 000 быков и с 50 000 баранов здесь вышло, кроме партикулярных пригонов в дома господские»[15]. Но сравнительно широкие улицы, масса зелени при домах (сады и огороды), впечатляющие церкви с разноцветными куполами делали Москву внешне красивым городом.

Новый план Москвы был составлен в 1763 г. Этот же год стал годом создания первой пожарной команды, но только в 1804 г. пожарная служба увеличилась настолько, что оказалось возможным обходиться без участия населения в тушении пожаров[16]. В 1766 г. вышла новая Инструкция по генеральному межеванию, упорядочившая застройку выгонных земель за Земляным валом[17]. В 1775 г. после большой предварительной работы был составлен «прожектированный г. Москвы план», основное внимание в котором уделялось застройке собственно «города», т.е. Китай-города и Белого города (Кремль находился в ведении специального учреждения – Экспедиции Кремлевского дворца). Но формальное деление, принятое Екатериной II по образцу городов Западной Европы, на «город», «предместье» и «выгон» не соответствовало фактической застройке Москвы, на выгонных землях которой находилось больше половины дворов, в том числе много усадеб знати, в чьих интересах и было принято такое деление. И во второй половине XVIII в. застройка Москвы, несмотря на «прожектированный план», велась стихийно, владельцы должны были лишь соблюдать «красные линии», установленные величины промежутков между домами, длину и высоту домов и прочие правила.

XVIII век в Москве отличался массовым строительством, которое вели дворяне, особенно во второй половине столетия, после освобождения их от обяза-

[11] *Сытин П.В.* Указ. соч. Т.I. С.198–200, 254, 255, 291–293; Т.II. С.53.

[12] Там же. Т.I. С.231.

[13] Там же. С.281.

[14] Там же. С.304, 305.

[15] Там же. С.233.

[16] Там же. Т.II. С.15.

[17] Там же. С.21.

Купеческий выезд. Деталь гравюры Ф.-Б. Лорье по рисунку Ж. Делабарта «Дом Пашкова». 1795 г.

тельной службы. Уже при Петре I дворянское достоинство требовало для зажиточных дворян иметь свой дом в Москве, а для малоимущих – по приезде в столицу останавливаться не в гостиницах, а у родственников и знакомых[18]. Для постройки дома дворяне покупали дворы у разорившихся москвичей или получали разрешение строиться на погорелых пустырях. Обычно покупались два или несколько дворов, поэтому общее количество дворов в Москве уменьшилось (чему способствовали и пожары).

В Кремле новое строительство практически не велось. По указу Петра I там было построено здание Арсенала, а количество частных дворов (главным образом церковного причта соборов и монастырей) уменьшилось с 43 (в том числе 5 дворянских и 38 церковнослужительских) в 1701 г. до 10 в середине столетия. На конец века сведения отсутствуют, но, безусловно, в царской резиденции не могло быть и речи о частном строительстве.

В Китай-городе в 1701 г. имелся 271 двор. Дворянам принадлежали 53 двора, чиновникам, дворцовым и городским «служителям» – 36, духовенству – 146, посадским людям и мастеровым – 35, крепостному человеку – 1 двор. На конец века группировка сословий сложилась несколько другая. Картина изменений выглядит следующим образом:

Владельцы	Число дворов (домов)			
	1701 г.	1787 г.	В т. ч. каменных	%
Дворяне	53	26	26	100
Купцы и мещане	35	49	47	96
Разночинцы и духовенство	183	80	75	94
Всего	**271**	**155**	**148**	**95**
Уменьшение на %		116 3		

Хотя Китай-город являлся торгово-финансовым центром Москвы, купцов там проживало немного.

По Белому городу имеются следующие сведения:

Владельцы	Число дворов (домов)			
	1701 г.	1787 г.	В т. ч. каменных	%
Дворяне	1098	502	193	38
Купцы и мещане	407	82	49	60
Разночинцы и духовенство	1027	368	62	91
Всего	**2532**	**952**	**420**	**44**
Уменьшение на %		1580 62		

В Белом городе каменных зданий в конце века насчитывалось меньше половины. А за столетие здесь произошло значительное сокращение количества дворов – на 62%.

Посмотрим, как обстояло дело в других районах города.

Земляной город характеризуется следующими данными:

Владельцы	Число дворов (домов)			
	1701 г.	1787 г.	В т. ч. каменных	%
Дворяне	1495	1354	1086	80
Купцы и мещане	3437	841	326	39
Разночинцы и духовенство	2462	1030	40	4
Всего	**7394**	**3225**	**634**	**20**
Уменьшение на %		4169 56		

В Земляном городе имелось совсем немного каменных зданий, а уменьшение количества домов произошло тоже значительное. За Земляным городом положение изменилось так:

Владельцы	Число дворов (домов)			
	1701 г.	1787 г.	В т. ч. каменных	%
Дворяне	582	1196	153	13
Купцы и мещане	3030	971	175	18
Разночинцы и духовенство	2505	2055	25	1
Всего	**6117**	**4222**	**351**	**8**
Уменьшение на		1895 31		

За пределами Земляного города каменных зданий было, естественно, еще меньше, общее же количество домов сократилось совсем ненамного.

Обобщая эти данные, можно получить сведения по Москве в целом:

Владельцы	Число дворов (домов)			
	1701 г.	1787 г.	В т. ч. каменных	%
Дворяне %	3233 20	3078 36	755	25
Купцы и мещане %	6909 42	1943 23	597	31
Разночинцы и духовенство %	6215 38	3533 41	200	6
Всего	**16357**	**8554**	**1553**	**18**
Уменьшение на %		7803 48		

Итак, общее количество дворов (домов) в Москве к концу столетия значительно сократилось: с 16 357 до 8554 – почти наполовину (48%). Несмотря на то что количество дворянских дворов уменьшилось (ненамного, всего на 155), их удельный вес возрос с 20 до 36%. Заметно убавилось число дворов купцов и мещан и снизился их удельный вес (с 42

[18] *Сытин П.В.* Указ. соч. Т.П. С.7.

до 23%). Почти вдвое меньше стало дворов разночинцев, но их удельный вес даже возрос с 38 до 41%.

Как видно, несмотря на то что «городом» считались только Китай-город и Белый город, дворянские усадьбы преобладали и в Земляном городе, и за ним. Но богатые дворяне проживали в домах, находящихся в Китай-городе и Белом городе.

Всего в Москве в 1787 г. имелось 1553 каменных (18%) и 7001 деревянный (82%) дом, в 1796 г.– 2012 (22%) и 7128 (78%). За этот период количество каменных домов увеличилось на 459, деревянных – на 127.

По историческим районам Москвы в 1796 г. дома распределялись следующим образом: Китай-город – 182 дома (2%), Белый город – 945 (10%), Земляной город – 3692 (41%) и за Земляным городом – 4321 (47%)[19].

Генеральное межевание впервые определило площадь Москвы. Переводя десятины в гектары, получаем: Кремль – 28 га, Китай-город – 62 га, Белый город – 451 га, Земляной город – 1345 га, всего 1886 га; за Земляным городом – 7410 га. Вся Москва занимала площадь в 10 тыс. га. На селения приходился 51% территории, пашню – 10%, сенокосы – 28%, лес – 1%, под «неудобные земли» – 10%[20].

В «Топографическом описании Московской губернии» конца XVIII в. приводятся подробные сведения о церквах, монастырях, соборах, а также других постройках Москвы.

В Кремле (кроме царского дворца) не было жилых домов. Там находились 7 соборов, 2 монастыря, 12 церквей.

В черте Китай-города располагались 2 собора, 4 монастыря, 23 церкви, 4075 лавок в каменных двухэтажных торговых рядах на Красной площади, 278 лавок в стене Китай-города от Никольских до Варварских ворот на Новой площади, лавки на Ильинской и других улицах. В нем имелось 4 улицы, 12 переулков, 2 каменных моста.

Белый город насчитывал 9 монастырей, 72 православные, 1 армянскую и 1 католическую церкви, 12 улиц, 80 переулков, 2 площади, 6 каменных и 1 деревянный мост.

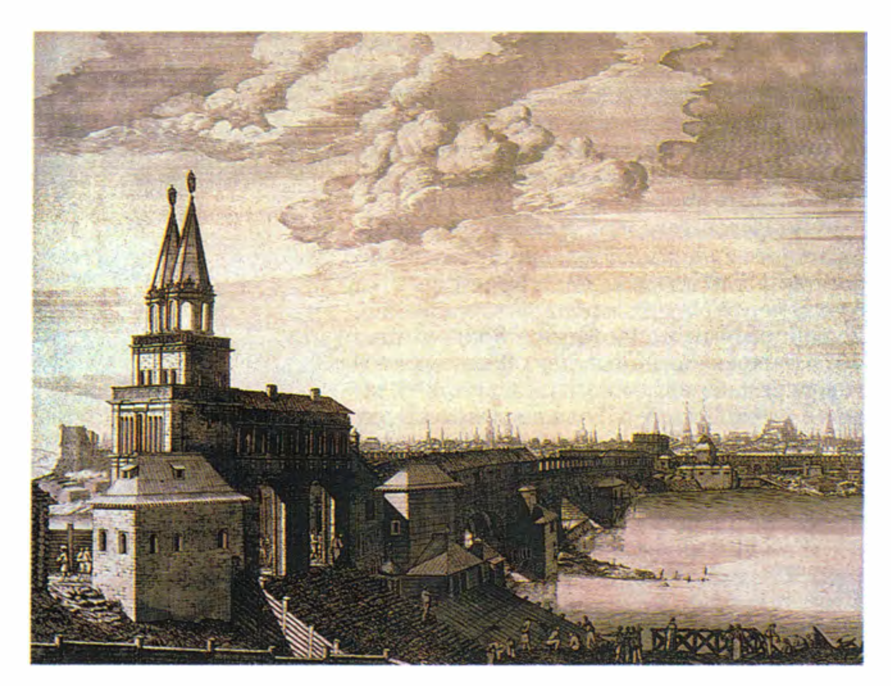
В Земляном городе находилось 2 монастыря, 102 православные и 1 лютеранская церковь, 19 улиц (в том числе 8 идущих из Белого города), 208 переулков, 5 площадей, 10 рынков (на них более 500 лавок), 2 каменных и 6 деревянных мостов.

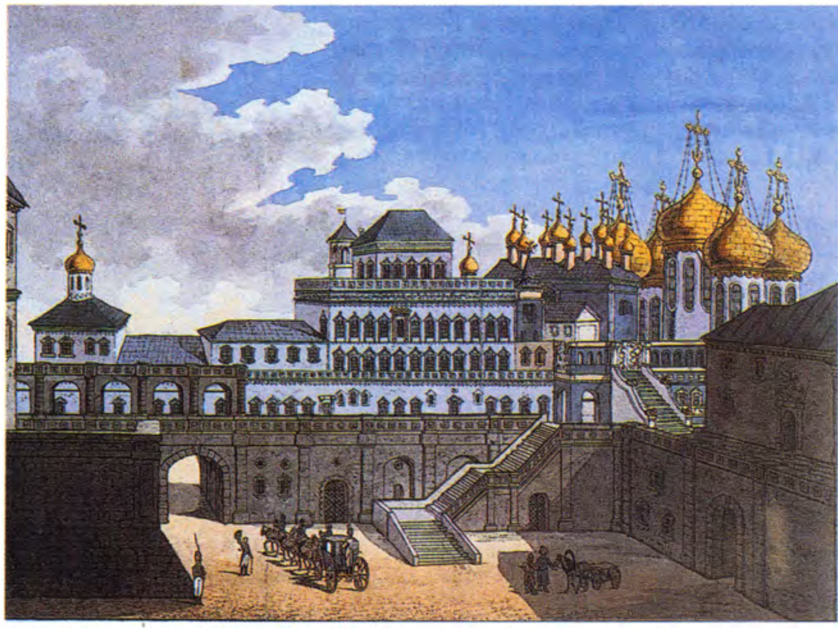
[19] История Москвы. Т.II. С.56, 337, 354, 355; *Сытин П.В.* Указ. соч. Т.II. С.200, 301, 485–489.

[20] *Сытин П.В.* Указ. соч. Т.II. С.289.

Вид Моховой. Гравюра Ф.-Б. Лорье по рисунку Ж. Делабарта. 1795 г.

Вид с Каменным мостом из Замоскворечья. Гравюра Я. Бликфельда по рисунку П. Пикара. 1790 г.

Старый царский дворец в Кремле. Гравюра Г.-Х. Гейслера. Конец XVIII в.

За Земляным городом («в предместьях») размещалось 7 монастырей, 61 православная, 1 армянская, 2 католические и 1 лютеранская церковь, 26 улиц, 257 переулков, 4 площади, 12 рынков, 4 каменных и 14 деревянных мостов.

Таким образом, в Москве было 9 соборов, 24 монастыря (из них 3 женских), 277 церквей (270 православных, 2 армяно-григорианские, 3 католические и 2 лютеранские), 61 улица, 563 переулка, более 11 площадей, 14 каменных и 21 деревянный мост, 17 застав, 84 «казенных» дома, 20 съезжих дворов (мест телесных наказаний), 3 каменных гостиных дома, 10 постоялых дворов, 33 трактира и 162 харчевни, 165 кабаков и 179 винных погребов, 190 кузниц (109 каменных), 6706 лавок (4929 каменных). Домов насчитывалось около 12 тыс., из них свыше 8 тыс. обывательских (8421 дом), в том числе 1816 каменных (22%) и 6605 деревянных. За период с 1725 до 1760 г. число предприятий (мануфактур) возросло с 32 до 116 (из них текстильных – с 23 до 58), а в конце столетия в Москве насчитывалось 293 предприятия, включая мелкие мастерские, из них 163 (56%) текстильные. При секуляризации владений духовенства в 1764 г. произошло упразднение 4 монастырей (2 мужских и 2 женских), и еще 2 монастыря были закрыты в первой половине столетия.

Дворянство обитало в обширных усадьбах в Белом городе и за его пределами, в районах улиц Петровки – Знаменки, Лубянки – Яузской, Пречистенки – Никитской, Ордынки – Б. Якиманки. Купцы и мещане жили в Замоскворечье, на Рогожской и Семеновской улицах, в Новоспасской слободе. Разночинцы селились в Дорогомилове, на Девичьем поле, Пресне, в Грузинах, на Семеновской улице. Крестьяне – в солдатских и ямщицких слободах. В 1766 г. московские улицы освещали 600 масляных фонарей, в 1782 г.– 989 и было приготовлено к установке 1667 фонарей.

В полицейском отношении Москва делилась на 20 «частей».

В связи с чумой 1771 г. за Камер-коллежским валом было создано девять больших кладбищ для православных: Дорогомиловское, Ваганьковское, Миусское, Пятницкое, Семеновское, Калитниковское, Даниловское, Преображенское и Рогожское (два последних – для старообрядцев), а также Еврейское (возле Дорогомиловского), Армянское (возле Ваганьковского) и Немецкое (на Введенских горах)[21].

В XVIII в. Москва украсилась большим количеством красивых каменных зданий и роскошных усадеб. Она являла собой большой город, поражавший своим своеобразием и непохожестью на другие столицы европейских государств. Интересно впечатление англичанина Кокса, побывавшего в Москве в 1778 г.: «Меня поразила неизмеримость и разнообразие Москвы, это нечто настолько... своеобразное, необычайное, здесь все так полно контрастов, что мне никогда не случалось видеть ничего подобного. Улицы, большей частью, необыкновенно длинные и широкие, некоторые из них вымощены камнем, другие, особенно в слободах, выложены бревнами или досками наподобие деревянного пола. Жалкие лачуги кучатся около дворцов, одноэтажные избы построены рядом с богатыми и величественными домами. Многие каменные здания – с деревянными крышами, иные деревянные дома выкрашены, у других железные двери и крыши. Бесчисленные церкви в каждой из своих частей представляют особый

[21] *Сытин П.В.* Указ. соч. Т.II. С.49.

стиль архитектуры, некоторые купола крыты медью, иные – жестью, золоченною или окрашенною в зеленый цвет. Некоторые кварталы этого огромного города кажутся совершенно пустырями, иные – густо населены, одни походят на бедные деревушки, другие имеют вид богатой столицы»[22].

Такой была Москва до пожара 1812 г.

2. БЛАГОУСТРОЙСТВО МОСКВЫ

Благоустройство города прежде всего бросается в глаза и коренному жителю, и приезжему. Это то, на что у правительства или местных властей всегда не хватает средств. Под благоустройством обычно понимается совокупность работ по обеспечению нормальной жизни горожан – снабжение топливом и пищей, удобные дороги и мосты, водоснабжение и канализация, уборка улиц и площадей, проведение здравоохранительных мероприятий и т.д. Все эти меры в значительной степени связаны с исторически сложившейся застройкой города и определялись теми нормами быта, которые существовали в рассматриваемое время.

Москва начала XVIII в. внешне поражала множеством позолоченных церковных куполов, обилием зелени, свободной планировкой улиц. Но вместе с тем деревянные мостовые в городе покрывали лишь главные улицы и площади, водопровод имелся только в Кремле «на царском дворе ради великого потребования». Берега рек и прудов застраивались обычно частными и общественными банями. Воду москвичи брали из многочисленных колодцев и ключей, а также из рек и прудов. В них же полоскалось и выстиранное белье.

Угроза пожаров не исчезла в Москве XVIII в. «Когда видишь здесь начинающийся пожар, становится страшно,– писал датский посол.– Так как почти весь город построен из леса, а пожарные учреждения плохи, то огонь распространяется до тех пор, пока есть чему гореть»[23]. Пожары возникали в Москве в течение всего XVIII в. (в 1701, 1712, 1730, 1736, 1737, 1748 (шесть пожаров!), 1752, 1753, 1770, 1773 гг. и т.д.). Их обычность и повторяемость вошли даже в поговорку: «От копеечной свечки Москва сгорела». По слухам, пожар 1737 г. произошел от свечки, поставленной женщиной перед иконой в своем чулане,– «и от сей денежной (т.е. стоимостью в полушку!) свечки распространился вскорости гибельный и страшный пожар»[24].

Правительство принимало строгие меры по борьбе с пожарами. Петр I лично участвовал в их тушении и «работал там, как самый простой работник»[25]. Строго требовали расширять улицы и переулки, чтобы можно было проехать лошадям с водой для тушения огня. Создавались пожарные команды, упорядочили топку общественных бань. Радикальным средством явилось запрещение «деревянного строения», а жителей принуждали «каменные дома и службы крыть черепицей»[26]. Начиналась перепланировка и выпрямление улиц и переулков, особенно извилистых, каких насчитывалось немало в Москве того времени. Многие из них сохранились вплоть до нашего времени (Кривоарбатский и Кривоколенные переулки). На месте снесенных стен, вала и рва Белого города высаживались деревья, а в 1796 г. между Никитскими и Тверскими воротами разбили Тверской бульвар. Вначале там высаживались только березы, позднее –

Яузский мост. Гравюра по рисунку Ж. Делабарта. 1797 г.

П. Г. Чернышов, генерал-губернатор в 1731–1735 гг. Неизвестный художник. ГИМ

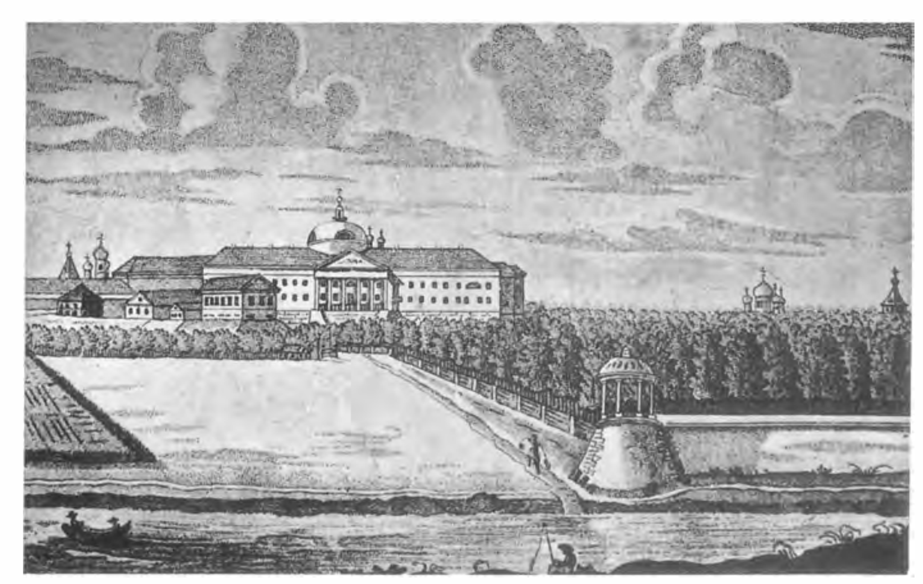
[22] *Сытин П.В.* Указ. соч. Т.II. С.109.

[23] Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711). М., 1899. С.324.

[24] *Данилов М.В.* Записки // Русский архив. 1883. Кн.2. С.29.

[25] *Берхгольц Ф.В.* Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого. 1721–1725. Ч.3. М., 1903. С.26.

[26] *Забелин И.Е.* Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. Ч. 2. М., 1891. Стб. 1014.

Голицынская больница. Архитектор М. Ф. Казаков. 1796–1802 гг. Гравюра. XVIII в.

Главная аптека с медицинской канцелярией в Китай-городе. Рисунок. XVIII в.

липы, клены и вязы. На этом бульваре до сих пор растет дуб, которому ныне свыше 200 лет. Тверской бульвар был традиционным местом прогулок московской аристократии.

С 1705 г. начали мостить улицы «диким камнем», но к 30-м гг. это коснулось лишь Кремля да главнейших радиальных улиц: Тверской, Никитской, Пречистенской, Смоленской, Дмитровской, Петровской, Рождественской, Сретенской и еще некоторых. На других же оставались бревенчатые мостовые, а большая часть улиц и площадей была незамощенной. Иногда деревянные мостовые вдруг перемежались каменными; участки же перед пустыми дворовыми местами оказывались без покрытия. В весеннее и осеннее время от речки Неглинной на месте Охотного ряда образовывалась «топь», ее грязные болотистые берега издавали зловоние из-за свалок, особенно на месте современного Александровского сада у Кремля. За теперешним Большим театром находилась пустая площадка, куда сгоняли выставленный на продажу скот. Незамощенная площадь перед театром в жару отличалась страшной пылью, а в непогоду непролазной грязью. Изобилие грязных мест в Москве закрепилось в наименованиях улиц, например «Балчуг» – от татарского слова «балчек», что значит «грязь, болото, топкое место».

К XVIII в. относится начало постоянного уличного освещения: в 1730 г. был издан указ «о сделании для освещения в зимнее время в Москве стеклянных фонарей»[27]. Их зажигание и содержание в исправности возлагалось на самих москвичей. В 1766 г. улицы города освещало 600 фонарей, а к 1800 г.– 6559. Часть из них устанавливалась на специальных столбах, некоторые прибивались к стенам домов. Фонари оснащались фитилями с конопляным маслом. Освещение улиц было явно недостаточным, слабым, по ночам люди ходили со своими фонарями. В ночное время на улицах Москвы опускались рогатки, и мужское население улицы несло по очереди ночные караулы. Без ночного фонаря через уличные рогатки никого не пропускали.

Извилистая Москва-река с Яузой, Неглинной и множеством мелких притоков разделяла столицу на несколько частей, связанных с центром мостами. Самым крупным из них был в XVIII в. Большой Каменный (Всехсвятский) мост, построенный еще в 1692 г. около Боровицких ворот Кремля через Москву-реку. В 1754–1756 гг. построили Кузнецкий мост через р. Неглинную, в 1786 г.– наплавной Крымский мост через Москву-реку, а в 1788 г.– каменный Козмодемьянский мост через Водоотводный канал, этот мост стал своеобразным продолжением Большого Каменного моста. Остальные мосты, в том числе и Москворецкий, были деревянными и «живыми» (т.е. наплавными, плавучими). Существовал проект заключить реку Неглинную в трубу (в 1770-е гг.), но его так и не осуществили, отремонтировали только мосты к Троицким и Боровицким воротам Кремля, построенные ранее[28].

Городского транспорта в Москве и в XVIII в. не существовало. По-прежнему частные извозчики развозили пассажиров и грузы в дрогах и экипажах, а зимой – в санях. Имелись и наемные кареты для зажиточных седоков. Количество извозчиков в столице колебалось от полутора до семи тысяч: многие извозчики (крестьяне из близлежащих деревень) приезжали в Москву только на заработки в свободное от хлебопашества время. Дворяне и гильдейские купцы, как правило, имели собственные коляски и кареты. Богатые запрягали их обычно «цугом» (т.е. одну за другой) – до шести лошадей в один экипаж. Впереди

[27] ПСЗ. Т.VIII. № 5650. С.344, 345.

[28] *Беляев А.В.* Москворецкие мосты. М.; Л., 1945; *Надеждин Б.М.* Мосты Москвы. М., 1979.

ехал верховой и очищал путь, а сзади на запятках стоял еще один слуга. О таких богатых выездах вспоминал Фамусов в «Горе от ума» А. С. Грибоедова, когда говорил о вельможе XVIII в. Максиме Петровиче: «Езжал-то вечно цугом!» Указ 1742 г. запрещал быструю езду в Москве, угрожавшую жителям[29]. С 1762 г. владельцы наемных экипажей платили в казну пошлину.

Заботы о санитарном состоянии столицы неизбежно и по необходимости находились в центре внимания городских властей. Еще в 1712 г. был издан указ, предписывающий наблюдать за чистотой улиц, а мусор и нечистоты свозить в особо выделенные места и ни в коем случае не сбрасывать их в пруды и реки. В 1703 г. были очищены «Поганые пруды» в центре Москвы, получившие с тех пор название «Чистые пруды», сохранившееся до сих пор. По мере роста числа жителей города пруды и реки все более загрязнялись. Встал вопрос о проведении в Москву «водовода» от источников и ключей, бивших под селом Большие Мытищи (26 верст от Москвы). В 1779 г. начались работы по обустройству там бассейнов, откуда вода должна была самотеком по подземному каменному водоводу и по Ростокинскому акведуку длиной 117 сажен идти в Москву. Работы продолжались до 1787 г., но из-за войны с Турцией прервались и закончились только в 1804 г. «Водовод» доходил до Сухаревской площади и далее к Самотеке. Но в течение всего XVIII в. главным источником питьевой воды продолжали оставаться колодцы, ключи и Москва-река, откуда водовозы бочками развозили воду по городу.

Важное место в жизни столицы занимали бани. К середине XVIII в. их насчитывалось более полутора тысяч. Во второй половине столетия появились «торговые» и «казенные» бани, в 1787 г. их число доходило до 65. Они устраивались, как и ранее, по берегам рек и прудов. Существовали также парикмахерские и цирюльни, их к концу XVIII в. действовало до двухсот. У дворян имелись собственные парикмахеры и цирюльники, преимущественно из крепостных.

Указ 1701 г. предписал завести в Москве новые восемь аптек в добавление к двум, существовавшим ранее (Кремлевской и Воскресенской). Большая часть аптек размещалась в центре Москвы, а одна из них – на Красной площади[30]. Врачебная помощь населению Москвы, хотя и постоянно расширялась, все же была явно недостаточной. Так, в середине XVIII в. в Москве население обслуживали всего два доктора и один лекарь[31]. Первая больница для горожан (Павловская) открылась только в 1763 г. близ Данилова монастыря, всего на 50 коек. Но после Чумного бунта 1771 г. московские власти убедились в необходимости расширения сети медицинских учреждений. Уже в 1775 г. появился указ о создании больницы для «бедных безгласных» (солдат, увечных, престарелых, бездомных). В 1777 г. открыли «Оспенную больницу», а в 1779 г.– Инвалидный дом («для призрения отставных офицеров») с богадельней на 100 человек. Количество врачей и лекарей увеличилось, но их все равно не хватало. В 1790 г. приняла первых пациентов благотворительная Голицынская больница на 50 коек с увеличенным штатом (доктор, два лекаря, два подлекаря, аптекарь с помощником, четыре фельдшера, сиделки, повивальная бабка и т.д.).

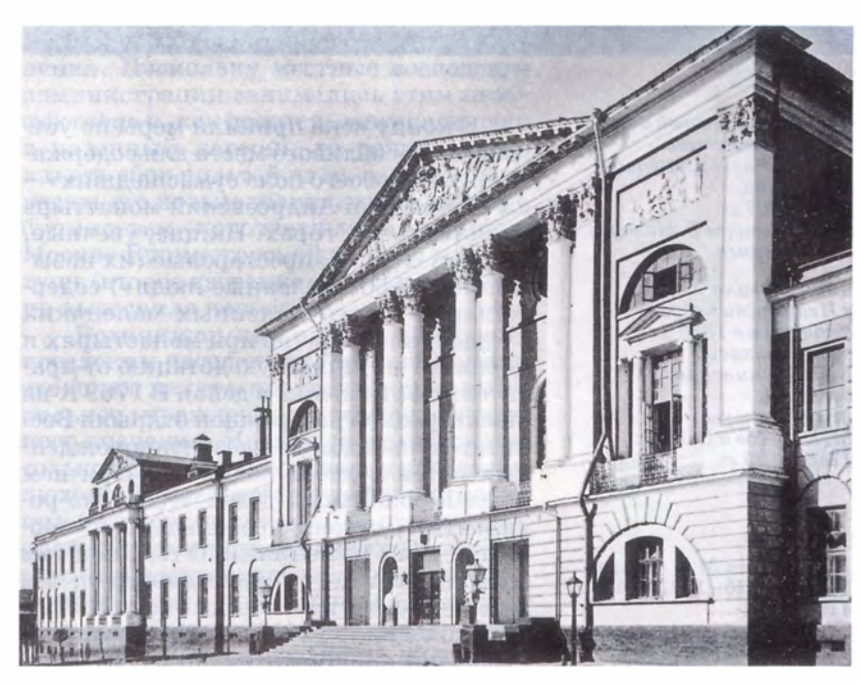
[29] ПСЗ. Т.XI. № 8530. С.588, 589.

[30] *Рихтер В.М.* История медицины в России. Ч.3. М., 1820.

[31] ПСЗ.Т.XIV. № 10527. С.531.

Л. А. Прозоровский, московский главнокомандующий в 1790–1795 гг. Неизвестный художник. ГИМ

Военный госпиталь в Лефортове. Архитектор И. В. Еготов. 1798 г.

Странноприимный дом Н. П. Шереметева на Сухаревской площади. Колоннада. 1792–1807 гг. Архитекторы Е. Назаров и Д. Кваренги.

Дом Гагарина у Петровских ворот, в котором в 1833 г. разместилась Екатерининская больница. Архитекторы М. Казаков и О. Бове. 1786–1790 гг.

К концу века приняли меры по устройству «особливого места для содержания в оном обоего пола сумасшедших» – им был избран Андреевский монастырь на Воробьевых горах. Нищие, увечные, вдовы и сироты, престарелые (их называли еще «богаделенные люди») содержались в многочисленных маленьких богадельнях, обычно при монастырях и церквах[32] на скромную дотацию от правительства (копейка в день). В 1769 г. на Москворецкой набережной открыли Воспитательный дом для незаконнорожденных детей и детей бедняков. При нем имелся родильный дом с «секретно-родильным», «законно-родильным» и «кормильным» отделениями. О том, как там содержались дети, свидетельствует тот факт, что смертность среди поступивших туда доходила до 90%. В народе этот дом называли «Вошпитательным». Выжившие получали бесплатное низшее (реже – среднее) образование и общую для всех фамилию – «Богданов». Пилоны ворот Воспитательного дома уже в XIX в. были украшены белокаменными скульптурами «Милосердие» и «Воспитание».

Наконец, в 1777 г. открыли работные дома для «молодых ленивцев, праздношатающихся и просящих милостыню». Мужчины размещались в карантинном доме за Сухаревой башней, а женщины – в Андреевском монастыре. Заключенные в дома исправлялись принудительным трудом. На их содержание выделялось три копейки в день кормовых денег. Мужчины заготавливали камень и дрова, женщины работали на прядильных мануфактурах. Это было чисто полицейское учреждение. Равным образом и сам Приказ общественного призрения, созданный в 1775 г., фактически стал вспомогательным органом полиции для поддержания «порядка, добронравия и благочиния». Приказу вверялось народное образование, здравоохранение, общественная благотворительность, работные и смирительные дома. Надзиратели из отставных солдат получали право наказывать прутьями «строптивых и закону непослушных»[33]. В ведении приказа находилась Екатерининская больница (на Третьей Мещанской улице) на 450 коек, Преображенская больница, или Дом умалишенных, на 80 мест. Что же касается «надзирания об установлении и прочном основании народных школ», которыми должен был заниматься приказ, то здесь постановление оказалось мертворожденным: никакой работы практически не велось.

Да и в целом надо признать, что, хотя благоустройство столицы в XVIII в. значительно продвинулось вперед, все же внешний вид и санитарное состояние города не отвечали возросшим требованиям. Дворянское правительство заботилось прежде всего о правящем классе – именно ему в первую очередь отдавались средства и заботы. О благоустройстве дворянского быта беспокоилось правительство, стараясь показной помпезностью прикрыть раны нищеты и обездоленности трудовых низов города. Все громкие фразы и распоряжения многочисленных приказов, направленные на благоустройство столицы, призваны были главным образом пустить пыль в глаза загранице, создать видимость благополучия в стране и возвысить роль Екатерины II – «философа на троне». Правительство слабо следило за выполнением своих же законов, как писал об этом Капнист в «Ябеде»:

...Законы святы,
Но исполнители – лихие супостаты...

Выделенные на благоустройство деньги разворовывались или тратились

[32] *Пыляев М.И.* Старая Москва. СПб., 1891. С.418, 419.

[33] ПСЗ. Т. XX. № 14392. Ст. 390, 391. С.274, 275.

не по назначению. Яркий пример этого – разрешение Приказу общественного призрения отдавать полученные от правительства деньги под залог имений. В результате не охрана здоровья населения, а кредитные операции стали главной целью приказа, сумевшего к концу века многократно увеличить свой капитал.

Все важнейшие меры по санитарному обеспечению были предприняты после эпидемии чумы, когда возникла реальная угроза самой жизни дворянскому сословию. Не «милость к падшим», а боязнь социального взрыва – вот что заставляло правящий класс заботиться о нищих и убогих. Ведь недаром, когда московское купечество устроило несколько богаделен, Приказ общественного призрения предложил купеческой гильдии «учинить объявленным богаделенным людям разбор», причем трудоспособных уволить, а увечных и престарелых передать в Преображенскую больницу.

Хотя работы по благоустройству столицы и велись для удовлетворения запросов главным образом правящего класса, тем не менее многое делалось и из чисто благотворительных и человеколюбивых побуждений. Так, в 1772 г. П. А. Демидов пожертвовал значительную сумму на устройство в Москве Коммерческого воспитательного училища. Сельские и городские общины и приходы должны были на местные средства кормить своих бедняков, не допуская их до нищенства (указ 1775 г.).

Конечно, порою благотворительность сильных мира сего была показной и зачастую даже корыстной. Но бесспорно и то, что нередки были случаи искреннего и честного желания сделать добро, помочь бедным, дряхлым, увечным, хворым, вообще неимущим из чистого сострадания и человеколюбия. Так, проблема благоустройства из административно-хозяйственной сферы переходила в сферу нравственную, этическую. Этому способствовали нормы морали православного вероисповедания.

3. ВТОРАЯ СТОЛИЦА ИМПЕРИИ («ПОРФИРОНОСНАЯ ВДОВА»)

Поставленные правительством Петра I важнейшие и полные неисчислимых трудностей задачи по переустройству страны не могли быть решены без хорошо отлаженной и надежно работавшей машины исполнительной власти. Доставшийся в наследство Петру старый громоздкий и неповоротливый аппарат управления требовал замены. В первую очередь нужно было создать стройную систему центральных учреждений взамен рассыпанных по Москве во множестве приказов, которые создавались как по функциональному назначению (например, Посольский, Разрядный, Поместный, Стрелецкий, Пушкарский, Иноземный, Аптекарский и др.), так и по территориальному принципу, т.е. ведавших управлением на определенных территориях (Малороссийский, Сибирский, Казанский и другие им подобные). К началу века насчитывалось свыше 40 различных приказов, функции большинства которых не были четко разграничены, что приводило к дублированию их действий, путанице и чиновничьей волоките.

Петр Алексеевич, всероссийский самодержец. Медаль. Лиц. и об. ст. 10-е гг. XVIII в.

Однако в начале столетия, в период военных неудач, правительство не имело ни сил, ни средств для того, чтобы замахнуться на реформирование центрального аппарата. Поэтому его ближайшей достижимой целью стало некоторое упорядочение работы местных властей, чему способствовало проведение городской реформы 1699 г. На реформу возлагались надежды как на средство увеличения доходов казны от налогов, собираемых с торгово-промышленного населения городов, т.е. с посадского населения. Поскольку местные воеводские администрации занимались этим неэффективно и, как водится, запускали руки в казенный карман, то решено было изъять сбор податей из их ведения и передать его новым должностным лицам – бурмистрам, подотчетным созданной в Москве Бурмистерской палате, или Ратуше (второе название с течением времени вытеснило первое).

Возникшая как орган управления посадским населением Москвы, Бурмистерская палата превратилась в центральное учреждение общегосударственного значения. Иными словами, она не только управляла московским посадским людом в финансовом и судебном отношении (эти функции перешли от Земского приказа, административная власть которого распространялась на Москву и Московский уезд), но и собирала деньги со всех российских городов наподобие главного городского казначейства. Хранимой

в ней наличностью распоряжался сам царь. Особое положение Бурмистерской палаты как бы подчеркивало ведущую роль Москвы в российском торгово-промышленном и финансовом мире.

Бурмистерская палата как новый орган городского управления создавалась на выборной основе. Впрочем, и ранее (до городской реформы) посадское население Москвы, делившееся по месту проживания на 36 слобод и черных сотен[34], выдвигало своих выборных представителей – земских старост и десятских. Однако такого рода выборность имела мало общего с самоуправлением. Посадские избранники целиком подчинялись администрации восьми приказов – Земского, Большой казны, Большого дворца, Посольского, Царицыной мастерской палаты, Казенного двора, Конюшенного двора, Оружейной палаты. Их уделом было надзирание за поведением жителей слобод, исправным несением тягла, т.е. уплатой положенных налогов и выполнением «обывательских» служб, таких как караульная, пожарная, мостовая.

Подчинение же посадского населения Бурмистерской палате, в которую выбирались бурмистры от слобод (в провинциальных городах были созданы земские избы также с выборными бурмистрами), придавало городскому самоуправлению вполне реальные очертания, хотя оно и не охватывало всего населения городов.

Первые же выборы показали стремление верхушки купечества захватить всю власть в Бурмистерской палате. Пользуясь отсутствием разработанной процедуры выдвижения кандидатов, гости и Гостиная сотня, нисколько не смущаясь, предложили 8 своих представителей в состав палаты численностью 12 человек. Из 36 слобод выборы производились только в двух – Кадашевской и Новомещанской, приславших по одному человеку. Такие результаты не устроили Петра I, и он счел за благо вмешаться. Были назначены новые выборы, состоявшиеся летом 1699 г. В расширенный состав палаты были избраны бурмистры от 25 слобод наряду с 8 ставленниками гостей и Гостиной сотни, которых удалось отстоять посадской верхушке[35].

Несмотря на стремление царя ввести относительно равномерное представительство всех слоев посадского общества в Бурмистерской палате, чтобы поставить заслон притязаниям узкого круга богатейших горожан на власть, очень скоро средняя и низовая часть посада были оттеснены на вторые роли. Финансовыми делами стали заправлять выборные от гостей и Гостиной сотни. Через их руки проходили все денежные сборы по российским городам, а они составляли внушительную сумму, приближавшуюся к миллиону рублей, в то время как доходная часть госбюджета в первые десятилетия XVIII в. лишь немного перевалила за два миллиона. И не только проходили, но и прилипали к этим рукам. Корыстолюбием бурмистры отличались ничуть не меньше своих предшественников. Чтобы умерить их аппетиты, Петр I в 1705 г. назначил обер-инспектором Бурмистерской палаты одного из своих любимцев, знаменитого «прибыльщика» Алексея Курбатова, автора поданного в 1698 г. проекта так называемого «гербового сбора». Согласно проекту, так понравившемуся Петру своей простотой и доходностью для казны, все документы имущественно-правового характера получали законную силу лишь в том случае, если были написаны на бумаге с оттиснутым государственным гербом, за которую взималась дополнительная плата: 1 коп. за лист – для сделок на сумму до 50 руб., 10 коп.– свыше 50 руб., 50 коп.– свыше 1000 руб., 1 руб.– свыше 10 000 руб.[36]

Образование Бурмистерской палаты, или Ратуши, не добавило стройности системе центральных и местных учреждений. Ратуша являлась главной административной и полицейской инстанцией только для посадского населения Москвы. Те же функции выполнял и Земский приказ применительно к остальным жителям. Кроме того, существовал Московский судный приказ, узко сословный судебный орган для дворян и чиновников.

Данная система с присущей ей ведомственной разобщенностью и неразберихой дожила до 1710 г. Эта скрипучая бумажная мельница, вероятно, продолжила бы и дальше неспешно перемалывать поступавшие дела. Но в 1705 г. случилось восстание в Астрахани, в 1707 г. поднялось на вооруженную борьбу донское казачество и крестьянство во главе с Кондратием Булавиным. Народные волнения встревожили правительство не только из-за неблагополучия на местах, но и по причине неспособности местных властей оказать эффективное противодействие восставшим.

Поэтому по указу 1709 г. вводилось новое административное управление. Были созданы восемь крупных губерний во главе с губернаторами и их ближайшими помощниками и заместителями на время их отсутствия – вице-губернаторами. Губернаторы назначались царем и фактически были ответственны только перед самодержцем. Чтобы губернаторское самовластие не расцвело пышным цветом, в 1713 г. были учреждены ландратские советы из представителей дворянства, задуманные как выборные органы. Предполагалось, что губернаторы будут вершить дела с оглядкой на ландратские советы или рука об руку с ними. Но последним так и не суждено было стать самостоятельными выборными

[34] Гости и Гостиная сотня, имевшие особый статус, не были объединены территориально; членам этих привилегированных корпораций дозволялось самим выбирать место жительства.

[35] *Богословский М.М.* Петр I. Т. III. М., 1946. С.261–267.

[36] ПСЗ. Т. III. № 1673, 1730.

органами коллегиального типа. Они просто влились в состав обширных губернских канцелярий: ландратов, т.е. членов ландратских советов, представляли на утверждение высшему правительственному учреждению – Сенату (он возник в 1711 г.) сами губернаторы.

Москва стала во главе огромной губернии, к которой было отнесено 39 городов. Некоторые из них находились на расстоянии до 330 верст. К самым крупным городам относились Можайск, Серпухов, Калуга, Владимир, Коломна.

Управление вверенной территорией губернатор осуществлял с помощью губернской канцелярии. Поскольку вся полнота власти – финансовой, административной, судебной, военной, полицейской – перешла к губернаторам, на губернскую канцелярию как исполнительный орган обрушилась вся масса дел. Нужно было следить за поступлением налогов, тишиной и спокойствием, ловить преступников и беглых крепостных, чинить суд и расправу по уголовным делам, разрешать помещичьи межевые споры, своевременно обеспечивать рекрутские наборы, снабжать воинские части продовольствием, обмундированием и размещать на постой в обывательских домах, наблюдать за санитарным состоянием города, исправным выполнением противопожарных мероприятий, проверять точность мер и весов, контролировать цены на рынках, обеспечивать мощение городских дорог и многое другое.

Меншикова башня. 1704–1707 гг. Архитектор И. П. Зарудный

Для «исправления» всего этого множества дел использовался большой штат как рядовых канцелярских служителей, так и чиновников высокого ранга, специализировавшихся в отдельных видах деятельности. Так, комиссары отвечали за финансы, провиантмейстеры – за обеспечение продовольствием, инспекторы Ратуши ведали податным посадским населением и т.д. Московским военным гарнизоном командовал обер-комендант Москвы, он же до 1722 г. одновременно начальствовал и над полицией, подчиняясь непосредственно губернатору. После учреждения в Петербурге в 1718 г. должности генерал-полицмейстера полицейская власть также становится обособленной и в Москве: во главе московской полиции с 1722 г. был поставлен оберполицмейстер, подчиненный петербургскому высшему чину.

Московская губернская канцелярия сразу же оказалась не в состоянии управлять всей территорией. Поэтому неизбежным стало возвращение к более дробному административному делению: губернию разделили на семь провинций во главе с обер-комендантом, провинции – на уезды под началом комендантов.

Прошло всего десять лет, и в 1719 г. последовала новая губернская реформа. В результате ее губернаторам пришлось поделиться частью своей неограниченной власти. Она перешла к воеводам, поставленным властвовать над провинциями. Провинции создавались как более мелкие и компактные административные единицы в составе по-прежнему громадных и плохо управляемых из одного центра губерний. 11 губерний (вместо 8 прежних) были разделены на 50 провинций, а провинции дробились на совсем уже мелкие дистрикты (размер дистрикта был установлен в 2000 дворов по переписи 1678 г.).

В обширную Московскую провинцию вошло 19 дистриктов, тогда как, например, в Вологодской, Орловской, Калужской их было по 8, в Тульской – 7, в Пошехонской – 6, в Угличской – 4[37].

Воеводы стали хозяйничать на местах почти столь же самовластно, как и начальники губерний, не распространяя свое влияние лишь на судебную и военную власти, находившиеся по-прежнему в ведении губернаторов. Главной воеводской обязанностью являлся своевременный сбор налогов с подведомственных территорий. Чтобы эта задача выполнялась легче, в помощь воеводам придавались камериры, которым, в свою очередь, подчинялись рентмейстеры и

[37] *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг. М., 1902. С.146.

Конклюзия на престолонаследие. Миниатюра Г. С. Мусикийского. 1716–1717 гг.

Здание Сената в Кремле. Архитектор М. Ф. Казаков. 1776–1789 гг.

провиантмейстеры. Камериры осуществляли бухгалтерские функции, а рентмейстеры – функции провинциальных казначеев (они же отвечали за хранение хлебных запасов, складывавшихся из натуральных поставок населения, которыми оно частично оплачивало свои подати – такая практика была широко распространена в первой четверти XVIII в.). Кроме того, воеводы опирались и на земских комиссаров – глав исполнительной власти дистриктов. Как и воеводы, но в пределах своего округа (дистрикта) земские комиссары выполняли примерно те же функции – пеклись об исправном сборе податей, отправляли полицейскую должность, т.е. поддерживали правопорядок исполнением полицейских предписаний, организовывали следствия, если случались преступления, и обеспечивали реализацию судебных решений; им вменялась в обязанность забота о благоустройстве, в первую очередь поддержание в исправном состоянии главных дорог и мостов. Обязанностей было много, но главные усилия прилагались только к сбору налогов. Не случайно земский комиссар непосредственно подчинялся камериру.

Помимо общих органов местной власти, управлявшихся в конечном счете из Москвы как губернского города (хотя воеводы старались всячески подчеркнуть свою независимость от губернатора и предпочитали даже по мелким вопросам самостоятельно тревожить центральное правительство), существовали и сугубо московские учреждения. Одно из них – Канцелярия московского гарнизона, подчинявшаяся непосредственно обер-коменданту как бы на правах особого самостоятельного ведомства. Канцелярия ведала узким кругом дел полицейского характера: она разбиралась с задержанными по подозрению в совершенных преступлениях или же пойманными патрулями на месте преступления. Существовал и особый комитет при губернской канцелярии, занимавшийся регистрацией торговых сделок. Необходимость в нем, очевидно, возникла из-за особенно интенсивной торговой жизни Москвы. Наконец, некоторое время действовала и особая Ландратская канцелярия. Сфера ее деятельности простиралась только на старый Московский уезд, для которого она была судебной инстанцией по гражданским делам[38]. Все эти инстанции, оставившие после себя немного следов, видимо, существовали кратковременно – до начала 1720-х гг.

Наличие таких временных учреждений, возникавших как бы стихийно, занимавших особенное положение в общей системе административных учреждений,– отголосок прежнего приказного строя, при котором новые ведомства рождались хаотично, без общего замысла, по мере практической необходимости. Их появление в XVIII в. говорило о незаконченности строительства нового бюрократического аппарата.

И все же губернские реформы немало содействовали упорядочению управленческого хозяйства, приданию его остову большей стройности. Так, после первой реформы 1709 г. московская Бурмистерская палата потеряла доставшиеся ей «не по чину» функции органа центрального управления всем посадским населением страны и главного казначейства. Но замены ей в этом качестве сразу предложено не было, хотя потребность в учреждении по налоговому учету городского торгово-промышленного населения выявилась довольно скоро. Поэтому в

[38] *Мрочек-Дроздовский П.М.* Областное управление России XVIII в. до учреждения о губерниях. М., 1876. С.79–81.

ходе второй реформы было решено вновь создать систему управления посадским населением городов, но уже на законодательной основе, строго регламентировав ее деятельность.

Во главе этой системы был поставлен в 1721 г. Главный магистрат, находившийся до 1723 г. в Москве. Ему подчинялись учреждаемые повсеместно магистраты прочих городов. Все они – снизу доверху – имели общий круг обязанностей, зафиксированных в магистратском регламенте и скрепленных непреложным принципом: посадские люди как тяглое, податное население по-прежнему подлежали выделению в обособленную, самостоятельно управляемую группу. Магистрат являлся для них судебным и административно-полицейским органом: он разбирал как гражданские, так и уголовные дела, выносил решения по долговым спорам, выдавал членам посадской общины письменные разрешения на временные отъезды из города (без такого документа, принявшего со временем единый вид паспорта, посадский человек не имел права покидать город) и регистрировал прибывавших в город купцов и ремесленников. Кроме того, магистрат был обязан изыскивать средства на содержание полиции и выделять людей для несения караульной службы – одной из многих обременительных повинностей, возложенных на посад. Магистрат отвечал за выполнение и других повинностей – постойной (размещение солдат по домам), пожарной, дорожной, обязанностей по благоустройству и санитарному уходу города. Но, само собой разумеется, его основная задача заключалась в контроле за налогообложением по всей цепочке – от росписи налогов между тяглецами до сборов податей.

Магистрат отвечал и за выборы низового уровня на должности старшин и старост в слободах и черных сотнях – в этом звене прежний порядок выборности сохранился почти в неизменном виде. Но сам магистрат едва ли мог считаться органом посадского представительства. К выборам в него допускалось только первогильдейское купечество. При непосредственном участии губернатора из первогильдейцев выдвигались кандидаты на магистратские должности бурмистров и ратманов. Губернатор же окончательно утверждал кандидатов на эти должности в провинциальные магистраты, а Сенат – в Главный магистрат, после чего им уже не грозило переизбрание: они становились несменяемыми правительственными чиновниками с присвоением определенного чина по Табели о рангах и возможностью подниматься по служебной лестнице вплоть до получения чина, дающего право на потомственное дворянство (VIII класс Табели о рангах, чин коллежского асессора). Таким образом, был сделан шаг к уничтожению зачатков местного сословного представительства и самоуправления.

Почти одновременно со второй губернской реформой правительство приступило к реформированию центрального аппарата. К этому времени затяжная Северная война близилась к победному завершению. Спадало перенапряжение первых военных лет. Налаживалось хозяйство страны. Начали приносить отдачу гигантские усилия по созданию собственной крупной промышленности. Одним словом, наступал момент, когда от бесконечного латания дыр, решения сиюминутных головоломок можно было приступить к серьезной работе и в области государственного строительства.

Такая работа началась не на пустом месте. Ей предшествовало тщательное рассмотрение опыта многих европейских стран. Из него было почерпнуто и заимствовано много ценного. Особенно внимательно отнеслись к государственному устройству враждебной Швеции (состояние войны с ней не подавило интереса к данной области) и Германии. Кстати, влияние изученного законодательного материала весьма заметно проявилось в заимствовании шведских и немецких названий должностных лиц и многих правительственных учреждений, чуждых русскому уху.

В 1718–1721 гг. многочисленные приказы заменили 12 коллегий: Камер-коллегия (управляла государственными доходами), Штатс-контора (государственные расходы), Юстиц-коллегия, Иностранных дел, Ревизион-коллегия, Воинская, Адмиралтейская, Коммерц-коллегия, Берг- и Мануфактур-коллегия (она вскоре разделилась на две самостоятельные), Вотчинная и Главный магистрат. Каждая коллегия имела разработанный регламент. В нем подробнейшим образом расписывались функции, полномочия новых ведомств, процедура ведения заседаний и оформления рассматриваемых дел, должностные обязанности членов коллегий и канцелярских служащих. Точному соблюдению всех должностных предписаний, процедурных формальностей придавалось огромное значение. Отступление от буквы правил могло стоить чиновнику карьеры, а в худшем случае становилось поводом для отдачи виновного под суд.

Аппарат коллегии, участвовавший в коллективном обсуждении дел и принятии по ним решений, был немногочислен. Он состоял из 11 человек, которые образовывали «присутствие» в составе президента коллегии, вице-президента, советников и асессоров. Наиболее важные решения коллегии утверждались в Сенате как высшем правительственном учреждении страны и царем. В случае несогласия кого-либо с мнением большинства из присутствия он мог письменно изложить Сенату свое мнение.

Екатерина II – законодательница всероссийская. Гравюра. XVIII в.

Вслед за перенесением столицы в Петербург в 1712–1713 гг. туда переместился и Сенат. Когда возникли коллегии, они не все сосредоточились в северной столице. Практическая целесообразность требовала, чтобы многие из них находились в Москве. Здесь с перерывами пребывали до конца 70-х – середины 80-х гг., т.е. до ликвидации коллегиального управления (возобновленного Павлом I в 1796 г. «на прежнем основании»), Юстиц-, Камер-, Ревизион- и Мануфактур-коллегии, с 1726 г.– Коллегия экономии, созданная для управления церковными, монастырскими владениями и крестьянами, с 1742 г.– Вотчинная коллегия. Остальные имели в Москве свои конторы, объем деятельности которых подчас не уступал головным учреждениям. В Москве открылась и контора Сената. Таким образом, вторая столица по праву могла считаться таковой, располагая всеми центральными органами власти или их представительствами.

Не обошлась Москва и без органов политического сыска. С 1702 г. и до упразднения в 1729 г. здесь находился Преображенский приказ, в застенках которого заплечных дел мастера выбивали посредством мучительных пыток признания у обвиняемых в политических преступлениях, равно как терзали плоть и московских «лихих людей» – уголовников. С 1732 г. в Москве прописалась контора Канцелярии тайных розыскных дел (она возникла в Петербурге под именем Тайной канцелярии). В 1762 г. Канцелярия и ее контора были упразднены широковещательным манифестом Екатерины II, но тут же тихо восстановлены под названием Тайной экспедиции Сената и ее московской конторы.

До проведенной в 1770–1780-х гг. широкой реформы центрального и местного аппарата власти происходило множество мелких перестановок и утрясок: отдельные коллегии то сливались в одну, то разделялись, довольно часто они менялись местами со своими конторами при переводах из Петербурга в Москву и наоборот. Из всей череды перемещений и мелких преобразований наибольшего внимания заслуживает реформа Сената 1763 г. Ее результатом стало разделение Сената на шесть департаментов и ликвидация московской сенатской конторы. Место конторы занял пятый департамент. Кроме него в Москву был определен и шестой департамент, взявший на себя обязанности судебно-апелляционной инстанции.

Он также занимался надзором по делам Герольдии, которые включали учет сведений о дворянских родах, составление родословий и гербов, контроль за прохождением дворянами государственной службы. Значение геральдической деятельности в XVIII в. весьма возросло вместе с ростом значимости самой государевой службы. По указу 1712 г. каждый дворянин, служащий по военной части, получал преимущество перед неслужилыми дворянами, а после введения Табели о рангах такое преимущество фактически получили и гражданские чиновники, начиная с VIII класса[39]. Кроме того, удачная чиновничья карьера открывала путь к дворянству выходцам из других сословий. Москва одновременно являлась местом исконного обитания и виднейших дворянских фамилий, и множества рядовых представителей благородного сословия, так же как и крупнейшим чиновничьим городом. Поэтому для ведения обширного и сложного геральдического хозяйства Москва постоянно нуждалась в собственном учреждении. Таковым ранее являлась Герольдмейстерская контора, преобразованная в 1723 г. в Канцелярию московских герольдмейстерских дел. По ее вызовам в городе собиралось все московское и провинциальное дворянство на смотры,

[39] *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991. С.28–29.

Вид на Москворецкий мост и Кремль. Гравюра по рисунку Ж. Делабарта. 1790 г.

имевшие значение всероссийских съездов. На смотрах годные к службе получали назначения, а недоросли определялись в ученье.

Реформа государственного аппарата, как и при Петре I, началась с местных органов власти. И вновь важнейшим побудительным мотивом стало их укрепление после сильнейшего народного движения – на этот раз крестьянской войны во главе с Е. И. Пугачевым. Впрочем, и несколько ранее обнаруживалось стремление правительства пойти по проторенной дорожке и начать с усиления власти губернаторов. Имевшие силу указов «Наставление губернаторам» и «Наставление московскому и петербургскому губернаторам», которые относятся к 1764 и 1765 гг., явственно говорили об этом. Губернатор становился полновластным «главой и хозяином» губернии, подчиняя себе все губернские учреждения и воинские гарнизоны.

В 1775 г. появились «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». Этим знаменательным законодательным актом, обильно приправленным либеральными фразами в духе новомодных учений французских мыслителей, дань почитания которым отдала в свое время Екатерина II, вводилось не только новое административно-территориальное деление, но и впервые провозглашалось разделение властей как принцип государственного устройства. Смысл реформы заключался в передаче исключительных полномочий от царствующей особы к ее доверенным лицам – главнокомандующим, которые ставились над губернаторами. Главнокомандующий, «яко хозяин своей губернии», был в ответе за все происходящее на вверенной ему территории лично перед императрицей. Ему подчинялись все без изъятия губернские инстанции – гражданские, военные, полицейские. Но вместе с тем он должен был прежде всего осуществлять надзор за правильным, законным «отправлением» всех дел, не вмешиваясь непосредственно в их решение и не подменяя собой

М. М. Голицын. Неизвестный художник. XVIII в. ГИМ

Никита Бахтеев – гонец во Францию. Гравюра. XVIII в.

П. С. Салтыков, московский главнокомандующий в 1763–1771 гг. Неизвестный художник. XVIII в. ГИМ

чиновников соответствующих ведомств, особенно судебных. Однако по должности главнокомандующий был определен председателем губернского правления – нового главного органа местной власти, состоявшего только из губернатора и двух советников. Это обстоятельство отнюдь не добавляло независимости губернской администрации. И хотя положение «хозяина губернии» и его занятость (главнокомандующий одновременно являлся и членом Сената) практически не позволяли ему находиться в гуще текущих дел и непосредственно влиять на их ход, губернские чины действовали с оглядкой на волю высшего начальства. Одна близость ко двору, к самой императрице первого сановника губернии приводила их в почтительный трепет.

Реформа создавала многоступенчатую и сложную судебную систему, насквозь пронизанную сословными установлениями. Гражданское и уголовное судопроизводство на верхнем уровне разделялось между двумя соответствующими палатами гражданских и уголовных дел, являвшимися главными судебно-апелляционными инстанциями губернии. Уровнем ниже шли три сословных суда: верхний земский суд – для дворян, губернский магистрат – для купцов и мещан, верхняя расправа – для государственных (т.е. лично свободных) крестьян. Еще ниже уровнем находились соответственно такие же три суда: уездный (для дворян), городовой магистрат (для купцов и мещан) и нижняя расправа (для крестьян).

При уездном суде и городовом магистрате были образованы дворянская опека и городовой сиротский суд, которые решали дела о взятии имущества под опеку и назначении опекунов.

Идеи выборности и самоуправления, о которых было сказано немало громких слов во время работы всесословного законодательного собрания 1767 г., известного под именем Уложенной комиссии, получили совсем слабое воплощение в судебной реформе. Правительство не пошло дальше создания Нижнего земского суда, возглавлявшегося капитан-исправником. Его должность была выборной, а избирателями являлись только дворяне Московского уезда, в пределах которого действовал суд, обладавший ограниченными исполнительно-полицейскими функциями.

И на этот раз в Москве были созданы специальные учреждения – Верхний надворный суд и подчиненные ему Нижние надворные суды. К их особому ведению было отнесено судопроизводство дел иногородних лиц.

Небольшим дополнением воздвигнутого судебного здания служили городовые словесные суды. Они имелись во всех 14 частях, на которые теперь была разбита Москва, и служили для решения мелких споров в торговых делах.

Наконец, еще одним судебным нововведением явилось учреждение так называемого Совестного суда. Его отличительной особенностью стало досудебное разбирательство конфликтных ситуаций в гражданских делах и всяческое содействие к примирению сторон. Он также был призван рассматривать дела о суевериях, колдовстве и нарушении свободы вероисповеданий (в связи с объявленной веротерпимостью и разрешением без ограничений деятельности церквей всех христианских вероучений; некоторые

ограничения сохранялись в отношении магометанской веры (ислама), иудаизм был по-прежнему фактически под запретом).

Из новых несудебных учреждений на самом видном месте находилась Казенная палата, возглавлявшаяся вице-губернатором. В ней сосредоточилось все финансовое управление губернией: учет податного населения, сбор налогов, контроль за государственными доходами от торговли (особенно соляной) и откупов (в первую очередь винных). Она же отпускала средства на содержание административного аппарата, полиции и новоявленного богоугодного заведения – Приказа общественного призрения.

Последний обязан был прежде всего заботиться о «престарелых и увечных» в богадельнях, впервые учрежденных в Москве в 1765 г. В них содержалось около 1000 человек, получавших по 1 коп. в день кормовых денег. Размер их нищенского довольствия был примерно в четыре раза меньше прожиточного минимума. В 1775 г. открылась еще одна богадельня, вмещавшая до 100 человек, которым определили по 4 коп. в день. В 1779 г. последовало открытие Инвалидного дома для отставных штаб- и обер-офицеров (к штаб-офицерам относились военные чины от полковника до майора, к обер-офицерам – от капитана до прапорщика). Инвалидный дом существовал на проценты с выделенного капитала в 25 тыс. руб.

Осуществление губернской реформы лишило центральные правительственные учреждения всякого значения. И со второй половины 70-х гг. коллегии были постепенно упразднены.

Только полиция, пожалуй, не подвергалась серьезной реорганизации, если не считать того, что в 1782 г. вместо подчиненной обер-полицмейстеру Главной полицмейстерской канцелярии была образована Управа благочиния и подведомственная ей территория получила четкое разграничение. Теперь Москва состояла из пяти больших отделений. К ним относились Кремль, Китай-город, Белый город, Земляной город и остальное пространство до границ Камер-коллежского вала, но с примыкающими слободами (Андреевской, Даниловской, Бутырской и Новой деревней). Каждое отделение дробилось на 20 частей, закрепленных за частными приставами, и 88 кварталов, за которыми смотрели квартальные надзиратели. По утвержденному полицейскому штату полагалось иметь 1200 караульных будочников, расставленных по всему городу. Управе благочиния придавалась также кавалерийская часть из 180 драгун. Содержание такого большого полицейского аппарата обходилось городу недешево. Известен бюджет 1800 г., расходная часть которого составляла 573 070 руб. По ней полиции было отпущено 300 320 руб. (52,4%), тогда как на содержание школ – 17 800 руб. (3,1%), на мощение улиц – 8000 руб. (1,3%), на городское освещение – 5000 руб. (0,8%)[40].

Ф. М. Апраксин. Неизвестный художник. XVIII в. ГИМ

Минуло почти 20 лет со времени начала работы Уложенной комиссии 1767 г., как в 1785 г. последовало обнародование «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» (более известной под именем «Жалованной грамоты городам»). В ней наконец объявлялось об установлении прочных основ городского самоуправления. Его новыми органами становились общие городские думы, шестигласные думы и собрания градских обществ.

На основании нового положения выборы в Московскую общую городскую думу состоялись в январе 1786 г. В выборах принимало участие все городское население, поделенное на шесть разрядов: «городовых обывателей», или домовладельцев (к ним относились как дворяне, так и выходцы из других сословий, например чиновники-разночинцы), московских купцов всех трех гильдий, цеховых ремесленников, иностранных купцов, именитых граждан и мещан (записанных за посадом). Первоначально в Думе были представлены вполне пропорционально все шесть разрядов. Но затем все сильнее заявлявшая о себе городская буржуазия в лице крупного купечества сумела осуществить замену выборных гласных (так назывались думцы) на своих представителей: из 79 гласных 64 оказались ставленниками купеческих верхов.

Впрочем, затраченные на выборы немалые усилия во многом оказались пустыми. Общая дума не стала средоточием реальной власти, превратившись в

[40] ПСЗ. Т.XXVI. № 19326.

Петровский путевой дворец. Архитектор М. Ф. Казаков. 1775–1782 гг.

декоративный придаток губернского правления и губернского магистрата, без одобрительных санкций которых она не могла принимать решений. На редких заседаниях Общей думы (обычно не чаще одного раза в 8–9 месяцев) в основном производились выборы в Шестигласную думу и рассматривались кандидатуры претендентов-подрядчиков и откупщиков питейных сборов.

Всю практическую повседневную работу вела собиравшаяся еженедельно Шестигласная дума под председательством городского головы (он же руководил и Общей думой). В ее составе было только шесть членов – гласных, избиравшихся на три года от каждого разряда московского населения. На Шестигласную думу были переложены многочисленные второстепенные вопросы административно-полицейского характера: контроль за исполнением текущих распоряжений губернатора и губернских властей, ценами на рынках, соблюдением правил торговли, содержанием улиц и перевозов, выполнением своих обязательств откупщиками и подрядчиками (убогий бюджет Думы, едва достигавший 10 тыс. руб., формировался за счет отчислений 1% от питейного сбора и подрядов) и др. Поэтому членство в Шестигласной думе являлось не столько почетной, сколько обременительной обязанностью, от которой по истечении срока гласные непременно старались избавиться.

Выборы городского головы относились почти исключительно к прерогативе крупного купечества. Они происходили на собрании московского градского общества, созывавшегося раз в три года. К ним допускались лица, достигшие 25 лет и имевшие капитал не менее 5 тыс. руб.

Городскому самоуправлению, загнанному в тесные рамки, не суждена была долгая жизнь. При Павле I вновь возобладала тенденция к предельной централизации власти. С восстановлением большинства коллегий в 1796 г. она концентрируется преимущественно в руках главных директоров коллегий – доверенных лиц императора, поставленных контролировать их деятельность, и генерал-прокурора Сената. Жесткая централизация неминуемо вела к лишению губерний всей полноты их власти. Поэтому последовала ликвидация большинства губернских инстанций: верхнего земского суда, верхнего и нижнего надворных судов, губернского и городового магистратов, верхней и нижней расправ, городской думы, совестного суда, управы благочиния. Их место в Москве и Московской губернии занял Ратгауз, или Московское городское правление верхнего земского суда,– учреждение с административно-хозяйственными, финансовыми и судебными функциями. Сохранилось лишь внешнее подобие выборов в Ратгауз, происходивших под неусыпным надзором глав губернской администрации и заканчивавшихся утверждением чиновничьего штата.

В Москве и Московской губернии бразды правления Павел I передал глав-

ноначальствующему по гражданской части, первому и второму военным губернаторам и гражданскому губернатору, располагавшим своими канцеляриями. Руководство полицией было возложено на военного губернатора, у которого в подчинении находились обер-полицмейстер с двумя полицмейстерами. Штат полиции в это время расширился до 1600 человек.

И в заключение бросим очень беглый взгляд на длинный ряд из 38 вельможных персон – главных правителей Москвы за весь XVIII в. Можно заметить в нем и немало ярких, талантливых фигур, и много вполне заурядных личностей, выделявшихся в придворном окружении разве что ловкостью царедворцев и безукоризненной исполнительностью. Но всех их объединяет дворянская родовитость и особо доверительное отношение со стороны царствующих особ. Первым московским губернатором сделался боярин Т. Н. Стрешнев, воспитывавший Петра I в юности. Его сменил в 1712 г. князь М. Г. Ромодановский. Затем на этом посту недолгое время находились боярин А. П. Салтыков и родственник царя К. А. Нарышкин. Оба занимали его небескорыстно для себя, не брезгуя казнокрадством, пока не были уличены вице-губернатором В. С. Ершовым. Последний происходил из крепостных крестьян и сумел выдвинуться тем же способом, как и упоминавшийся «прибыльщик» А. Курбатов. Ершов проявил себя на службе с самой лучшей стороны, о нем лестно отзывался М. Г. Ромодановский, да и сам царь относился к нему ласково. Тем не менее Петр I так и не решился назначить его губернатором Москвы, памятуя о безродном происхождении, даже несмотря на то что Ершов довольно продолжительное время исполнял губернаторские обязанности. В 1719 г. вместо него стал начальствовать князь И. Ф. Ромодановский, сын ближайшего сподвижника и соратника Петра I, главы Преображенского приказа Ф. Ю. Ромодановского. Ему на смену в 1724 г. пришел выходец из боярского рода А. А. Матвеев, известный дипломат и государственный деятель (в 1699–1712 гг.– посланник в Нидерландах, в 1712–1715 гг.– в Австрии, затем президент Морской академии и московской Навигацкой школы, президент сенатской конторы в Москве и Юстиц-коллегии).

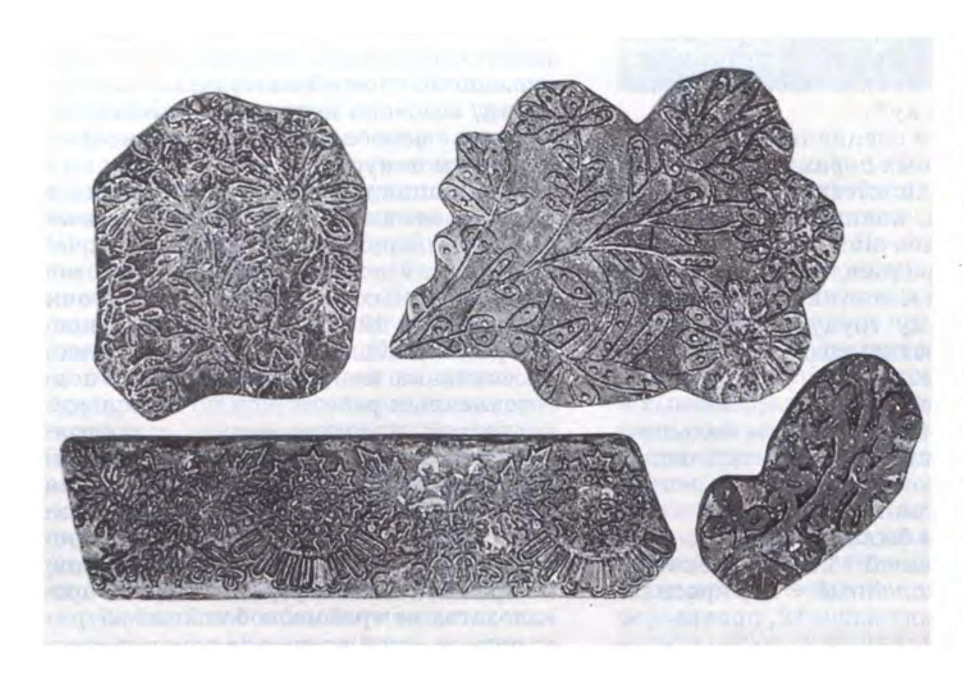
4. РЕМЕСЛО И МЕЛКОЕ ТОВАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Процветавшая в Москве торговля несколько заслоняла находившееся в ее тени производство, которое к началу XVIII в. существовало по-прежнему главным образом в виде патриархального ремесла. Из-за отсутствия точных данных реальную численность ремесленников на начало столетия установить невозможно. Только в 1726 г., когда во исполнение нескольких указов 1722 г. была произведена запись в цехи, зарегистрировано 6885 московских ремесленников[41]. Цифра эта весьма значительна. Она в 2,7 раза превосходит количество ремесленников Петербурга (около 2500 человек), второго по величине центра ремесла, и в десятки раз – других городов, имевших сравнительно многолюдные посады и собственную промышленность.

Указы 1722 г. о записи в цехи[42] стремились вывести многочисленных неучтенных ремесленников из полулегального состояния, заставить их нести повин-

[41] Материалы по истории крестьянской промышленности. Крестьянская промышленность XVIII в. и первой половины XIX в. Т.II. М.; Л., 1950. С.57.

[42] ПСЗ. Т. VI. № 3980, 4054.

Доски для набойки тканей. XVIII в. ГИМ

Изразец с бабочками. XVIII в. Государственный музей-заповедник «Коломенское»

ности наравне с посадским населением, имея в виду прежде всего крестьян, прочно обосновавшихся в городе и промышлявших различным ремеслом. Этой цели удалось достигнуть, поскольку цеховая регистрация давала возможность обосноваться в городе на законном основании. Из отмеченных 6885 человек на долю московских посадских людей пришлось только 11,1%, еще 10% – на посадских, прибывших из других городов, и 21,2% – разночинцев. Самую же крупную социальную группу составили крестьяне – 46,3%, многие из которых, правда, принадлежали к ней исключительно по формальному признаку происхождения, будучи фактически оторванными от деревни.

Правительство в первые десятилетия XVIII в. вполне благожелательно относилось к мелкому ремесленному производству. Оно рассматривало его как необходимое дополнение к крупному мануфактурному, на которое была сделана основная ставка с целью преодоления промышленного отставания страны, и не соглашалось идти на поводу недавно оперившихся и набиравших вес «фабрикантов», начавших добиваться в последние годы петровского царствования запрета деятельности «безуказных» производителей. Отсутствие жестких сословных перегородок не препятствовало оттоку непосадского населения в города. По закону 1722 г. даже помещичьим крестьянам и дворовым людям разрешалось уходить в город, жить, «где кто пожелает», и записываться в цехи при условии владения определенным «мастерством» и выполнения работы «на продажу или посторонних людей». Именно это качество – работа на рынок или на заказ – должно было отличать цехового ремесленника-товаропроизводителя от домашнего умельца. Труд последнего ограничивался рамками удовлетворения «своих домовых нужд», и потому ему запрещалось выходить со своими изделиями на продажу[43].

В силу своей специализации ремесленники на первых порах цеховой организации не могли выступать в качестве серьезной силы, конкурирующей с мануфактурами, ибо они заполняли лишь те ниши, где предъявлялись повышенные требования к искусному индивидуальному ручному труду и которые не могли сразу охватить создаваемое крупное производство.

Среди кожевников, объединенных в 10 различных цехов, самым большим являлся сапожный, насчитывавший 1416 человек, который работал преимущественно на конкретных заказчиков. Остальные цехи были гораздо малочисленнее: рукавичный – 202 человека, седельный – 97, шлейный – 19, красильный – 13, сыромятный – 12, прочие – от 2 до 10 человек.

У одежников также выделялись численностью цеха, мастера которых имели дело с индивидуальными потребителями: в портновском цехе состояло 885 человек, в скорняжном – 389, шапочном – 168, шляпном – 135.

Обращают на себя внимание текстильщики, которых в XVII в. насчитывались в Москве единицы. Теперь в 12 цехах состояло 383 человека. Костяк образовывали крашенинники – 201 человек, изготовители дешевой ткани, производство которой ранее широко практиковалось в деревнях. Они, по всей видимости, были недавними выходцами из деревни, подавшимися в город. Крупным можно считать и позументный цех – 104 человека, быстро разросшийся вследствие поднявшегося спроса на позументы со стороны военного ведомства. Он вполне успешно действовал до возникновения в 1718 г. позументной мануфактуры. Остальные цехи были сравнительно малочисленными (печатно-выбойчатый – 24 человека, пестрядинный – 17 человек, салфеточно-полотняный – 14 человек, суконно-тканый и каразейный – по 7 человек, ленточно-шелковый – 4 человека, прочие – по 1–2 человека), что объясняется двумя главными факторами: либо ограниченным спросом на продукцию, либо неразвитостью определенного вида ремесла, отсутствием производственных навыков у населения, а иногда и тем и другим одновременно. Например, ни производство сукна или каразеи (грубой ткани из состригавшихся верхов шерсти, употреблявшейся на подкладку солдатских шинелей), ни шелкоткачество фактически не практиковались ранее в России в виде ремесла или крестьянских промыслов. Поэтому из-за отсутствия трудовой базы они не могли возникнуть самостоятельно и быстро развиться даже при наличии больших военных заказов на суконно-каразейную продукцию, при заметно увеличивавшемся потреблении шелковых изделий, особенно недорогих, предназначенных неизбалованным роскошью массовым покупателям.

Большинство ремесел обязано своим появлением на свет основанным в начале XVIII в. крупным мануфактурам, через ворота которых прошло множество вольнонаемных работников (именно они до середины 30-х гг. представляли костяк рабочей силы). Благодаря обучению, «воспитанию мануфактурой» часть подготовленных работников новых специальностей превратилась в самостоятельных производителей-ремесленников. В дальнейшем процесс переливания кадров из мануфактурной промышленности в ремесло и мелкое товарное производство продолжался довольно активно прежде всего там, где специфика производства не требовала больших затрат капитала – при ткачестве простых шел-

[43] ПСЗ. Т. VI. № 4054.

ковых лент и платков, позументном, шляпном деле. Именно в таких отраслях мануфактура взращивала своих будущих мелких, но многочисленных конкурентов, быстро перенимавших знания и опыт, мгновенно приспосабливавшихся к изменчивым требованиям рынка.

Относительно скромное место среди цеховых ремесленников занимали пищевики. Их численность достигала 350 человек, а удельный вес – 11%. Количественно главенствовали здесь хлебники и калачники.

Такую же по величине группу образовывали специалисты по металлообработке, главным образом меди (медники были записаны в 16 небольших специализированных цехов), по изготовлению и ремонту металлических изделий домашнего обихода, мастера золотых и серебряных дел.

Имелись также цехи по изготовлению роговых гребней (36 человек), керамической посуды (34 человека), зеркал (10 человек), веревок (15 человек), шелковых пуговиц (4 человека), всевозможной галантереи. Можно было воспользоваться услугами небольшого цеха парикмахеров, которых на весь город приходилось 19 человек.

В целом же налицо весьма разветвленная и глубоко специализированная цеховая организация ремесла и мелкого товарного производства, охватывавшая практически все сферы жизнедеятельности огромного города. Причем около 60% ремесленников (3900 человек), объединенных в 43 цеха, были заняты в легкой промышленности.

Содержание и характер ремесленного труда не претерпели каких-либо изменений с предыдущего столетия. Попрежнему определяющим был личный труд и искусность самого мастера, прибегавшего, как правило, только к помощи членов своей семьи или родственников и очень редко нанимавшего работников. Гораздо чаще для этой цели использовались ученики, которым приходилось довольствоваться лишь хозяйским харчем. Масштаб производства был очень незначительным, судя по величине вкладывавшегося капитала – от 1 до 10 руб.– и годового дохода – 3–5 руб. На несомненную «скудость», бедственное материальное положение большинства ремесленников указывают их незавидные жилищные условия. Они теснились по наемным углам, платя за жилье 1–2 руб. в год. Лишь немногие могли себе позволить нанимать отдельную избу за 5–6 руб. И только небольшая цеховая верхушка, к которой относились высококвалифицированные мастера-оружейники, золотых и серебряных дел мастера, некоторые позументщики, проживала в собственных домах[44].

В общей массе самостоятельных производителей весьма значительную часть составляли те, кто работал на заказ, на конкретного потребителя, будучи представителями собственного ремесла в его первичной форме. Из-за недостатка данных невозможно установить их соотношение с мелкими товаропроизводителями, поставлявшими продукцию на рынок, которых постепенно становилось все больше и больше и которые, как правило, сами реализовывали свою продукцию, лишь иногда прибегая к посредничеству торговцев-скупщиков. Известны факты, когда торговцы не только скупали готовые изделия, но и выступали в роли кредиторов, ссужая «маломочных» ремесленников деньгами или сырьем. Разумеется, такие отношения легко перерастали в зависимость мелких производителей от скупщиков, чреватую для

Шелковая шаль. 2-я половина XVIII в.

Набойка. Хлопчатобумажная ткань. XVIII в. ГИМ

[44] *Заозерская Е.И.* Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953. С.108, 109.

Набойка. Лен. XVIII в. ГИМ

Набойка. Хлопчатобумажная ткань. XVIII в. ГИМ

них потерей самостоятельности. По неполным данным 1704 г., из представлявших посад 570 жителей пяти слобод – Большой Садовой, Кадашевской, Огородной, Мещанской, Устюжской – 406 (71,2%) занимались торговлей и только 85 (14,9%) – ремеслом[45].

Наряду с отмеченным уже процессом ухода с мануфактур обучившихся там вольнонаемных работников с целью открытия собственного «дела», параллельно протекал и другой – разорение мелких производителей и превращение их в лишенных средств производства наемных работников. Так, по данным 1716 г., полностью разорились 300 выходцев из московских слобод, имевших свои «промыслы», вынужденных податься на казенные предприятия – денежные дворы, в Оружейную палату, суконную, шляпную, полотняную мануфактуры или даже искать работу за пределами Москвы[46].

Гораздо реже случались превращения мелких ремесленных мастерских в более крупные заведения с использованием наемного труда. К началу 30-х гг. таких заведений зарегистрировано всего 10, из них 7 текстильных, шляпная, стекольная и сапожная. Скупые сведения источников оставляют непроясненным вопрос о том, являлись ли они расширенными ремесленными мастерскими или же относились к небольшим предприятиям мануфактурного типа с присущим им разделением труда.

В целом, до середины 30-х гг. условия существования ремесла и мелкого товарного производства были вполне приемлемыми. Этот период сменился наступлением на «безуказное» производство, вылившимся с конца 30-х гг. в драматичную и достаточно длительную борьбу с ним[47].

Начало этой борьбы совпало с установлением особо покровительственного режима частным «указным» мануфактурам (т.е. созданным на основании специальных указов Сената), к тому времени уже прочно ставшим на ноги и доказавшим свою жизнеспособность. К предприятиям прикрепляли обученных работников, одновременно проводилась широкомасштабная государственная кампания по сыску беглых крепостных и возвращению их владельцам. В результате значительно сократилась социальная база вольнонаемного труда, и это нанесло ущерб той живительной среде, откуда мелкое производство черпало свежие силы.

Одновременно правительство уступило домогательствам владельцев «указных» мануфактур, давно добивавшихся вытеснения с рынка дешевых (и часто очень низкого качества) изделий мелких производителей-кустарей, объявив «безуказное» производство незаконным. В отношении такового применялись самые суровые репрессивные меры, вплоть до разгрома мастерских, конфискации оборудования, сырья и готовых изделий специальными вооруженными командами, приданными Мануфактур-коллегии. Помимо фабрикантов находилось немало и других добровольных осведомителей, указывавших адреса «потаенных» производств. По всей вероятности, они действовали небескорыстно, получая определенную мзду от мануфактуристов. А по специальному указу Сената 1764 г. их рвение стало стимулироваться на законном основании: половина стоимости конфискованных материалов и инструментов отдавалась доносителям. Особой неутомимостью отличался дворовый человек из московского дома графов Головиных – Василий Пономарев, весьма поднаторевший в малопочтенном заня-

[45] *Заозерская Е.И.* Указ. соч. С.64.

[46] Там же. С.110.

[47] *Мешалин И.В.* Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX в. М.; Л., 1950. С.61.

тии осведомителя, которое однажды чуть не стоило ему жизни. Во время очередного налета вместе с отряженной воинской командой дело дошло до настоящей ожесточенной схватки, в ходе которой владельцы «потаенных производств» били его «смертным боем», желая, очевидно, навсегда отвадить от пристрастия к доносительству[48].

Впрочем, острие административно-репрессивных мер было направлено против неучтенных мелких производителей, которые действительно вступали в конкуренцию с «указными» мануфактурами, сбивая цены быстро наводнявшими рынок недоброкачественными товарами и вдобавок уклоняясь от уплаты положенных сборов. На прочих, кто не составлял конкуренции, даже если они также пребывали в «тени» фискального учета, смотрели в общем-то сквозь пальцы.

Бесплодность борьбы с мелким производством и обнаруживавшаяся оборотная сторона покровительства «указным» мануфактуристам-монополистам убедили правительство встать на другие позиции. К концу 60-х гг. после принятия ряда законов, в том числе указов 1767 г. «О незапрещении промыслов и рукоделий» и 1769 г. «О дозволении всем желающим заводить ткацкие станы»[49], период гонений и преследований закончился. Загнанное в подполье мелкое производство вновь обрело законный статус. Результаты легализации не заставили себя долго ждать. В Москву сразу же устремился поток крестьян, промышлявших «рукодельем». В 70-х гг. они ежегодно брали по 900–1000 «билетов» на право ткачества на станах несмотря на то, что за каждый стан полагалось платить 2 руб. (нетекстильные заведения облагались однопроцентным сбором с капитала), а численность продолжавших работать тайно, несомненно, оставалась весьма большой.

Процесс проникновения в Москву крестьян принял начиная с этого времени особенно широкий размах. Скрытой движущей пружиной служили здесь такие факторы, как усиление товаризации помещичьего хозяйства, неуклонное распространение в нем оброчной системы и обезземеливание крестьянства.

Крестьяне вливались преимущественно в сферу мелкого товарного производства. Причем если раньше их основная масса не выходила за рамки копеечных промыслов, то во второй половине XVIII в. и особенно с 70-х гг. все чаще наблюдается превращение индивидуальных мастерских в более крупные заведения. Особенно показательным являлось шелкоткацкое производство. Всего за каких-то 30–40 лет оно из совершенно незнакомого превратилось в хорошо освоенное и самое привлекательное для вложения небольшого капитала. За это время тысячи помещичьих, монастырских, дворцовых крестьян из подмосковных деревень, дворовые люди из господских домов перебывали на московских шелкоткацких мануфактурах в качестве вольнонаемных работников, задерживаясь там по несколько лет кряду до овладения мастерством. После чего многие начинали пробовать себя в самостоятельном деле, обзаведясь недорогим оборудованием, изготавливая на продажу дешевые платки, ленты или простую безузорчатую тафту. Благо спрос на эти товары вследствие заметно изменившихся с начала XVIII в. вкусов и запросов потребителей из широких городских и деревенских слоев был устойчиво высок. Многие мелкие производители быстро разорялись, но некоторым удавалось закрепиться в новом качестве и даже расширить производство. Из 960 человек, ткавших в 1773 г. «по билетам» шелковые изделия, около 71% имели от 1 до 4 ткацких станов, около 28% – от 5 до 10 и 1,4% – свыше 10[50]. Обслуживание же более 3–4 станов членами одной семьи было делом затруднительным и встречалось на практике редко. Поэтому в мелком товарном производстве стал шире применяться наемный труд, активно шло укрупнение и этого производства.

Конечно, накопление капитала протекало не быстро, но к концу века обозначилось явственно. Стремительно возвысился ряд виднейших фабрикантов, достигших ранга первостатейных купцов, вышедших из крестьян; сами крестьяне, даже крепостные, начали заводить мануфактуры. Среди новых владельцев мелких мастерских можно назвать таких, как П. Брюханов, М. и А. Михеевы, П. Осипов, М. и Е. Сергеевы. Особенно преуспели крепостные графини Е. В. Скавронской – братья Михеевы и Осипов, у которых в 1797 г. производилось различных шелковых изделий соответственно на 28 236 руб. и 11 280 руб.

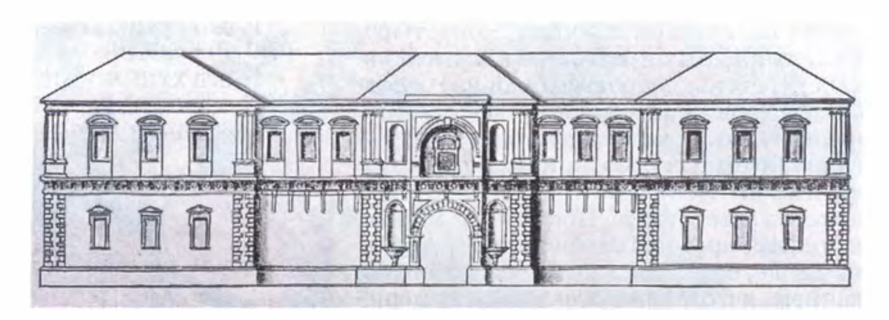
[48] РГАДА. Ф.277. Оп.1. Д.101. Л.377; Д.105. Л.66.

[49] ПСЗ. Т. XVIII. № 12872, 13374.

[50] *Мешалин И.В.* Указ. соч. С.82.

Церковное облачение. Деталь. Шелк. 2-я половина XVIII в. Ручное узорное ткачество. ГИМ

Московский суконный двор. Фасад. 1746 г.

Набойка. Лен. Конец XVIII в. ГИМ

Примечательно, что на обеих фабриках выделывались дорогие сорта материй, такие как парча, штоф, гарнитур (гродетур), изготовление которых требовало высокой квалификации привлекаемых наемных работников[51].

Усиленное развитие мелкого товарного производства и мануфактуры во второй половине XVIII в. не привело, да и не могло привести к вытеснению московского ремесла. Оно продолжало успешно существовать там, где искусный ручной труд сохранил отпечаток индивидуальности мастера и плохо поддавался массовому тиражированию или же просто отвечал запросам конкретных заказчиков.

В процветающем состоянии находилось ювелирное дело, давно пустившее корни в Москве. Не сидели сложа руки одежники и обувщики: портные, скорняки, шляпники, шапочники, чулочники, перчаточники, сапожники, так же как и мастера-позументщики, галантерейщики всех мастей, численность которых не поддается точному учету. К массовым ремесленным занятиям стало относиться в конце XVIII в. и каретное дело. Каретники снабжали изящными экипажами не только Москву, но и провинцию. Прочно прижился и кузнечно-литейный промысел, который не ограничивался рамками простой починки домашней утвари или нехитрого инвентаря, но поднимался до уровня высокого декоративного искусства. Если в первой половине XVIII в. довольно широкое распространение в Москве получило изготовление декоративных оград, балконных решеток из кованого железа, то начиная с середины столетия оно хорошо вписалось в стиль русского барокко, расцвет которого приходится на это время. По описаниям Москвы конца XVIII в., в ней находилось более 300 деревянных и каменных кузниц, точная специализация которых не установлена, однако, вероятно, часть из них использовалась и в качестве литейных мастерских.

5. МАНУФАКТУРА

Крупное производство в виде мануфактуры существовало в Москве с XVII в. Но поскольку инициаторами его организации выступали казна и дворцовое ведомство, а частный капитал стоял в стороне, предпочитая участвовать в проверенных торговых операциях, то случаи основания частных мануфактур были явлением довольно редким. К началу XVIII в. продолжали функционировать Пушечный двор, Оружейная палата и Хамовный двор в Кадашевской слободе – наиболее крупные и значимые для казны предприятия, а также заведения поменьше – сафьянный и стекольный заводы, бумажная мельница, шелковая и суконная мануфактуры.

В связи с начавшимся при Петре I строительством новых оружейных и пороховых заводов в Петербурге, Туле, Олонце военная промышленность в Москве к концу первого десятилетия полностью свертывается, а мастера Пушечного двора и Оружейной палаты получают новые назначения. Зато Москва стала иначе удовлетворять нужды флота и армии, запросы которых при Петре I резко возросли.

Правительство, учитывая трудовые навыки московского и окрестного населения, а также наличие доступного сырья (пеньки и льна), сочло целесообразным в первую очередь заводить в Москве предприятия легкой промышленности, ориентированные исключительно на военные нужды.

Несмотря на изобилие пеньки и льна, ни парусное полотно, ни широкие

[51] РГАДА. Ф.277. Оп.2. Д.841. Л.1, 4об.

и тонкие полотна в России не производились. Громадные усилия по строительству флота, чтобы увенчаться успехом, настоятельно требовали создания базы материального обеспечения. Для парусного вооружения только одной галеры требовалось 2500 аршин парусины, 800 фунтов парусных ниток, а также 5,5–6 тыс. сажен канатов[52].

Естественно поэтому первой мануфактурой, возникшей в Москве при Петре I, стал новый Хамовный двор. Построенный в 1696–1697 гг. на высоком берегу Яузы в селе Преображенском, он представлял передовое по техническому обеспечению и организации производства предприятие. Важным техническим новшеством явилось использование энергии воды при толчении пеньки, для чего на Яузе соорудили большую плотину. Постепенно прядильное отделение было полностью оснащено самопрялками, что в таком объеме нигде в России ранее не практиковалось. Весь производственный процесс разделялся на ряд последовательных операций. Предприятие быстро росло. В 1700 г. на 10 станах были вытканы первые 200 аршин парусины. В 1710 г. насчитывалось 180 станов, до 400 работников, выработка достигла 50–60 тыс. аршин. К этому времени Хамовный двор (с 1704 г. он перешел в ведение Адмиралтейств-коллегии) полностью удовлетворял потребности флота, а часть продукции поступала в свободную продажу. К 1719 г. штат постоянных работников вырос более чем в три раза, достигнув 1362 человек, число станов возросло до 383, а выработка разных полотен составила около 180–190 тыс. аршин (из них примерно две трети – парусных)[53].

В конце 1690-х гг. под Даниловым монастырем был устроен первый канатный завод. По своим размерам его нельзя сравнивать с гигантским Хамовным двором. Работало на нем в разные годы 35–40 человек, а после 1710 г.– до 70 человек. В 1712 г. при Хамовном дворе в Преображенском открылся второй канатный завод. В 1715 г. его штат насчитывал 88 человек. Производственный процесс был разделен на ряд операций: трепание и чесание пеньки, прядение, сматывание пряжи с веретен на вьюшки, свивание канатов, их смоление и сушка. Оба предприятия с момента заведения по своему организационному устройству относились к мануфактурам.

Благодаря большим размерам производства и сравнительно высокой производительности труда собственный флот уже с 1710 г. был полностью обеспечен канатами, за чем внимательно следило Адмиралтейство. Высокое качество – «доброта» – московских канатов снискало им славу по всей Европе. Продукция Преображенского и Даниловского заводов шла на экспорт «по великому числу» в Испанию, Португалию и Францию. И тем не менее, несмотря на успешную работу, в 1716 г. заводы были остановлены в связи с решением сосредоточить канатное производство непосредственно в месте основного потребления и экспорта – Петербурге. В Москве при Хамовном дворе сохранилось только приготовление пеньковой пряжи, которую отсылали в Петербург[54].

Даже потеряв роль поставщика флота, Москва осталась одним из центров обеспечения армии. В 1701 г. на Яузе был заведен Кожевенный двор, который распадался на три вполне самостоятельных отделения – кожевенное, где обрабатывались сырые кожи, портупейное и седельное. В 1706 г. предприятие располагало 7 мастерами и 69 «учениками»-работниками, в 1709 г.– 4 мастерами и 100 учениками. Отрывочные данные 1708 г. говорят о ежемесячной выработке около 2 тыс. портупей и амуничных ремней. Себестоимость продукции оказалась существенно ниже закупочных цен на аналогичные изделия по подрядам, что встречалось не так уж часто на казенных заведениях, оказавшихся в большинстве своем нерентабельными.

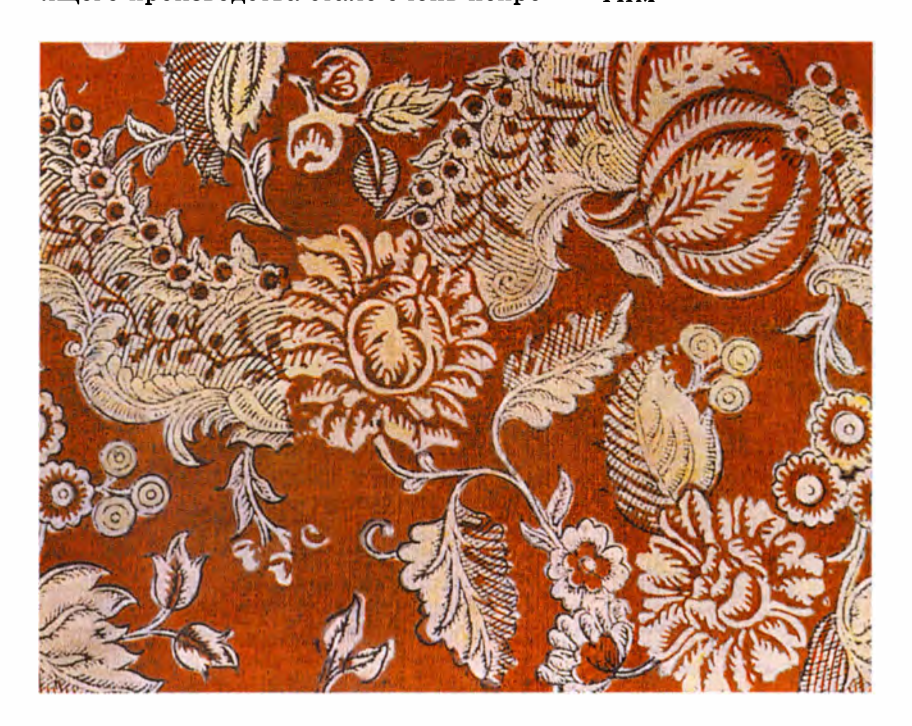
В том же 1701 г. возникает еще одно казенное предприятие – Шляпный двор. На нем в 1709 г. силами 199 работников при 5 мастерах изготавливалось ежемесячно 3 тыс. солдатских шляп, часть из которых поступала и в свободную продажу.

Значительно сложнее обстояло дело с обеспечением армии солдатским сукном. Его импорт непосильным бременем ложился на истощавшийся во время войны бюджет. Налаживание же собственного технически сложного и дорогостоящего производства стало очень непро-

[52] *Елагин С.* История русского флота. Период азовский. Приложения. Ч.1. СПб., 1864. С.219, 221.

[53] *Заозерская Е.И.* Указ. соч. С.123–134.

[54] Там же. С.145, 146, 148, 152.

Гризет. 30–40-е гг. XVIII в. ГИМ

стой задачей. Тем не менее правительство приступило к ее решению. В 1704–1705 гг. вблизи Всехсвятского каменного моста, напротив Кремля, возводится здание Большого суконного двора, с основания которого по существу берет начало суконная промышленность России. Новая мануфактура, несомненно, обошлась казне в круглую сумму. Фундаментальная каменная постройка основных производственных помещений, множество купленного за границей оборудования, инструментов, наем иностранных мастеров, обучение кадров влетели в копеечку. Но расчет на получение в недалеком будущем остро необходимого собственного сукна заставлял не считаться с расходами.

В 1706 г. мануфактура уже действовала. Себестоимость ее основной продукции – окрашенного солдатского сукна и каразеи – в 1708 г. оказалась даже заметно ниже покупаемого иноземного и с течением времени снижалась. И тем не менее выполнить свое главное предназначение по обеспечению армии сукном предприятие на первых порах не могло – качество сукна оставляло желать много лучшего и не удовлетворяло военное ведомство. По этой причине Суконный двор с 1716 г. перешел на выпуск преимущественно каразеи. В 1720 г. из 82 станов только 20 являлись суконными, остальные – каразейными. Если за 1714–1719 гг. было выработано 269 024 аршина каразеи и 253 353 аршина стамеда – дешевой цветной материи, ткавшейся из окрашенной пряжи (ими потребности удовлетворялись с избытком), то сукна – лишь 31 161 аршин. Между тем на армию в одном 1718 г. требовалось 125 тыс. аршин сукна, и его по-прежнему приходилось покупать за границей. Все же, несмотря на первые не очень утешительные практические результаты, важнее оказался другой итог – был заложен фундамент будущей суконной промышленности, начал складываться костяк обученных кадров. К 1720 г. насчитывалось около 600 работников разных специальностей. За исключением наиболее сложных отделочных операций (воршение, пристрижка верхов, крашение, прессование), остальные были ими довольно успешно освоены и выполнялись без помощи иностранных мастеров[55].

Почти одновременно с Суконным двором был запущен и Пуговичный, производивший мундирные пуговицы. Сведения о нем очень отрывочные, неполные. Видимо, он просуществовал недолго и был расформирован. Он относился к крупным предприятиям с непостоянным штатом работников, достигавшим более 300 человек в 1705–1706 гг.

Начало XVIII в. столица Российского государства – Москва встретила, оставаясь средоточием всех монетных дворов страны[56]. Однако на протяжении столетия роль монополиста в этой сфере Москва постепенно утратила.

Одним из важнейших экономических мероприятий правительства Петра I была денежная реформа, вызывавшаяся необходимостью обеспечить единство денежного обращения в стране, создать систему денежных единиц, располагающую не только мелкой серебряной монетой (рубль, полтина, полуполтина, гривна и алтын существовали только как счетные понятия), но и крупными номиналами, без чего невозможно было нормальное ведение внутренней и внешней торговли. Помимо серебра предстояло использовать и другое монетное сырье – медь и золото. Наконец, реформа давала больше простора в эксплуатации монетной регалии, иными словами, в чеканке «облегченных» денег, т.е. производимых в большем количестве монет из одной весовой единицы, что должно было дать ощутимую прибавку обескровленному войной государственному бюджету.

Денежная реформа Петра I, начатая в канун XVIII в. и осуществлявшаяся в несколько этапов до 1718 г., потребовала не только резкого увеличения мощности монетного производства и переоснащения его под новую технологию, но и создания небывалых доселе монетных дворов, специально ориентированных на чеканку медной монеты. Вся организация монетного производства должна была обеспечивать теперь машинную чеканку крупногабаритных круглых монет из трех металлов – золота, серебра и меди с использованием штемпелей, воспроизводящих сложное художественное оформление монет, вплоть до помещения на них портретного изображения царя. В то же время до 1717 г. не прекращалась и массовая ручная чеканка серебряных копеек, заготовками для которых служили расплющенные кусочки серебряной проволоки. Эти проволочные копейки служили своего рода проводниками и гарантами вновь вводившихся в широкое обращение медных копеек и их фракций.

В течение XVIII в. в Москве функционировали (в различные периоды времени) четыре штатных и один временный монетный двор. Основным московским монетным двором по праву считался Красный двор, известный также как Китайский или Старый. Располагался он в Китай-городе около Воскресенских ворот, ведущих на Красную площадь. Один из его бывших корпусов и в настоящее время выходит на современный Исторический проезд. Красный двор стал работать с 1697 г. и вначале чеканил только серебряные проволочные копейки. Лишь с 1704 г. двор после оснащения его машинами начал чеканку новых круглых серебряных монет – рублей, полтин, полуполтинников и мелких раз-

[55] *Заозерская Е.И.* Указ. соч. С.160, 165–167.

[56] *Юхт А.И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С.10–15.

менных монет. До 1727 г. эта чеканка носила скорее эпизодический характер, тогда как проволочные копейки выпускались до 1717 г. регулярно. В 1727 г. чеканка серебряных монет на Красном дворе прервалась до 1737 г., а последняя серебряная монета была выпущена им в 1775 г.

Первые золотые монеты изготовлены на Красном дворе в 1712 г., и их производство продолжалось с небольшими перерывами вплоть до 1763 г., когда в Москве перестали чеканить золото. Красный двор изготавливал высокопробные червонцы, золотые 2-рублевики 75-й пробы, а также 10- и 5-рублевые монеты 88-й пробы. Интересно отметить, что в 1738 и 1739 гг. чеканка червонцев производилась в Петербурге, где был сосредоточен основной запас монетного золота, но мастерами Красного монетного двора, приезжавшими из Москвы со своим инструментом.

Медные монеты впервые были отчеканены на Красном дворе в 1727 г., а в дальнейшем этот двор в основном специализировался на перечеканке медных монет в монеты текущего выпуска. Именно перечеканка медных монет Екатерины II 1796 г. нового образца, выполненная в 1797 г. (так называемый «павловский перечекан»), и завершила деятельность Красного монетного двора.

Следует сказать, что на Красном дворе чеканился ряд серебряных монет специальных выпусков: для платежей на территории Речи Посполитой (1707–1709), для Прибалтийских провинций России (1756–1757) и для Восточной Пруссии (1761–1762), а также серия мелких золотых монет (2-рублевики, рубли и полтины 1756–1758 гг.), предназначавшихся для дворцового обихода.

Вторым по значению монетным двором был Кадашевский двор, носивший и другие названия: Адмиралтейский, Военно-морской, Хамовный и Замоскворецкий. Располагался он в Замоскворечье, в Кадашевской слободе на территории, примыкавшей к современному Монетному переулку. Кадашевский двор начал работать в 1701 г. с чеканки золотых червонцев, серебряных монет нового образца и серебряных проволочных копеек. Изготовление червонцев и проволочных копеек продолжалось на Кадашевском дворе до 1711 г., а серебряные рубли, полтины и гривенники чеканились на нем с небольшими перерывами сначала до 1722 г., а затем с 1728 по 1737 г.

В 1704 г. при Кадашевском дворе было открыто специальное отделение для чеканки медных монет, которое функционировало без перерыва до 1733 г. На Кадашевском, как и на Красном дворе, в 1707–1709 гг. чеканились серебряные монеты для платежей на территории Речи Посполитой.

Церковь Воскресения Словущего в Монетчиках. 1-я половина XVIII в.

Монетным двором, предназначавшимся исключительно для чеканки медных монет, был Набережный двор, располагавшийся на территории Кремля недалеко от Боровицких ворот. Работал Набережный двор с 1700 по 1727 г. и чеканил медные монеты всех достоинств.

Последний штатный монетный двор Москвы – Новый двор (названный так по сопоставлению со Старым – Красным двором), чеканивший только проволочные серебряные копейки. Располагался он в здании бывшего Земского приказа, которое находилось на Красной площади на месте современного здания Государственного исторического музея. Функционировал Новый двор с 1700 по 1717 г., т.е. до того момента, пока в обращение поступали проволочные копейки.

Наконец, в Москве непродолжительное время существовал временный монетный двор, подключенный к производству медных монет после закрытия основного «медного» двора – Набережного. Этот временный двор был оборудован на базе плащильной мельницы, принадлежавшей Адмиралтейству и располагавшейся на р. Яузе (в районе современной ул. Радио). С 1728 по 1729 г. двор изготавливал медные мо-

нетные кружки для Красного и Кадашевского дворов, а в 1734–1736 гг. чеканил медные монеты.

Новые монетные дворы, являвшиеся мануфактурами, были оснащены передовой техникой: плащильными (прокатными) станами, обрезными машинами для делания монетных кружков, гуртильными станками, при помощи которых кромки монет (гурты) обрамлялись насечками или надписями, печатными станками. Последние использовали силу падающего на укрепленный штемпель тяжелого молотового снаряда, замененного позднее более совершенными винтовыми прессами. Другие механизмы имели привод к мельничным колесам, приводившимся в действие водой или конной тягой.

Красный, Кадашевский и Набережный монетные дворы чаще всего метили свою продукцию аббревиатурой или надписью на лицевой или оборотной стороне монеты, а также надписью на гурте. Эти аббревиатуры или надписи могли обозначать:

Наименование монетного двора

«КД» – Красный двор.

«НД» – Новый двор.

«КРАСНОГО ДЕНЕЖНОГО ДВОРА»

Местонахождение денежного двора

«МОСКВА» – Кадашевский двор.

«М» (Москва) – Кадашевский двор.

«ММД» (московский монетный двор) – Красный двор.

«МОНЕТНОГО ДЕНЕЖНОГО ДВОРА» – Кадашевский двор[57].

«МОСКОВСКОГО ДВОРА» – Красный двор.

[57] В начале XVIII в. монетами называли круглые рубли, полтины, гривенники, копейки и др., а деньгами – только серебряные проволочные копейки.

Полупарча. 50–60-е гг. XVIII в. ГИМ

Вид продукции, выпускаемой монетным двором

«ММ» (московская монета) – Красный двор.

Кроме того, все три монетных двора в период их подчинения Приказу Большой казны в 1704–1711 гг. и в 1713–1719 гг. метили часть своей продукции аббревиатурой «БК» («Большая казна»).

Монополия Москвы на чеканку монет впервые оказалась нарушенной в 1724 г. после открытия в Санкт-Петербурге сначала временного, а затем и штатного Петербургского монетного двора. Но в 1728 г. Петербургский двор был закрыт, и Москва на целых восемь лет опять стала единственным российским городом с действующими монетными дворами, хотя их и осталось только два. Лишь в 1736 г. начал функционировать Екатеринбургский «медный» монетный двор, а с 1738 г. возобновил работу Петербургский двор. Именно в эти годы окончательно закрылся Кадашевский двор, а последний московский двор – Красный – постепенно стал терять свое значение. С 1798 г. Москва вообще лишилась монетных дворов, и такое положение сохранилось до 1942 г., когда был организован новый Московский монетный двор, существующий и поныне на Мытной улице.

Однако не одни только текущие заботы по обустройству армии и флота, по упорядочению денежного дела двигали правительством при выборе новых объектов промышленного строительства. В труднейших условиях продолжавшейся Северной войны оно смогло изыскать средства для заведения в Москве предприятий сугубо гражданского профиля, руководствуясь соображениями общей государственной пользы, мыслью о необходимости развития собственной производственной базы, сокращения импорта. Так, в 1705 г. возник чулочный завод, в 1706 г.– полотняный и скатертный завод, в 1705–1706 гг. выстроен зеркальный завод. Несколько позднее, в 1719 г., на казенные средства был построен Прядильный двор в селе Покровском, задуманный как отделение по изготовлению тонкой пряжи для Екатерингофской полотняной мануфактуры близ Петербурга.

Особое внимание уделялось новой казенной полотняной мануфактуре. Петр I как последовательный меркантилист быстро увидел источник государственного «прибытка» от экспорта льняных полотен, поглощавшихся внешними рынками в больших количествах. Но устойчивый спрос имели там широкие тонкие полотна, которые в России не производились. Поэтому были выделены деньги на закупку заграничных широких ткацких станов и другого оборудования, наем семи голландских мастеров,

Потрет Сары Фермор. Художник И. Я. Вишняков. 1750 г. ГРМ

нашлось помещение в здании бывшего Посольского двора и назначены управители в лице крупнейших московских купцов – Василия Турчанинова и Ивана Евреинова. И хотя дело не сразу заладилось – полотна выходили грубее заморских, хуже отбеленными, да и себестоимость их оказалась в полтора раза выше привозных,– начало было положено, и набранные ученики не без успеха осваивали науку выделки тонких полотен.

Первоначальные усилия, тот импульс, который дала казна заведению полотняных мануфактур, не пропали даром. Уже в 40-е гг. лучшие российские предприятия, и в их числе московские, с успехом отправляли за рубеж, особенно в Англию, свои полотна, ставшие конкурентоспособными.

Отмечая несомненные заслуги государства в мануфактурном строительстве первых лет, нельзя не указать и на быстро обнаружившиеся слабые стороны. Они заключались прежде всего в плохом управлении созданными казенными предприятиями вследствие недостатка знающих, профессионально подготовленных специалистов, радеющих за порученное дело. Как правило, мануфактуры требовали внушительных инъекций капитала, которые не всегда окупались, а нередко приносили прямые убытки. Поэтому правительство постепенно начало отказываться от содержания мануфактур, отдавая их в частные руки, чтобы приохотить состоятельных российских купцов к участию в промышленном производстве. Иногда это приходилось делать под большим нажимом, чуть ли не силой. В то же время на многочисленные предложения иностранцев – Тиммермана, Лойда, Барфуса, Монтобриона, выражавших в отличие от российского купечества сильное желание заполучить готовые предприятия, реакция была весьма прохладной. Ни один из них так и не добился передачи мануфактур в свое владение, лишь Тиммерман и Лойд, которых лично знал Петр I, получили их на время для управления.

В 1709 г. в аренду на 10 лет был отдан зеркальный завод, в 1711 и 1715 гг.– бумажная мельница и чулочный завод. В 1711 г. в приказном порядке, «по указу» полотняный завод передан богатейшим торговым людям – кадашевцу Андрею Турчанинову и члену Гостиной сотни Степану Цынбальщикову. Но не желая вдвоем нести обременительные расходы и слабо веря в успех предприятия, они привлекли еще четырех компанейщиков. В 1718 г. состоялась передача в руки московского купца В. М. Короткого бумажной мануфактуры. В 1720 г. то же произошло с Московским Большим суконным двором, с той лишь разницей, что во владение им вступила компания из 12 «добрых купецких людей» во главе с В. Щеголиным, понимавшим толк в оптовой торговле импортными сукнами. Как и владельца бумажной мануфактуры Короткого, компанейщиков привлекали весьма щедрые льготы и крупные казенные ссуды (например, 30 тыс. руб. для суконной мануфактуры).

В результате «разгосударствления» за казной остались только монетно-денежные дворы да Хамовный двор (зеркальный завод существовал недолго и после пожара в 1711 г. закрылся). Хамовный двор оказался самым живучим казенным текстильным заведением. Он функционировал вплоть до эпидемии чумы в 1771 г., после чего был выведен из Москвы уже в полуразоренном состоянии[58].

К исходу первой четверти XVIII в. все крупное производство Москвы перешло не только в частные руки, но и обрело новый четко очерченный профиль, сосредоточившись в рамках сектора легкой промышленности.

К 1725 г. здесь насчитывалась 31 частная мануфактура. Из них 21 была заведена «собственным иждивением» владельцев в очень короткий промежуток времени – с 1714 по 1725 г. Среди мануфактур имелось пять полотняных, девять суконно-каразейных, восемь шелкоткацких, три бумажные и карточные, кожевенная, чулочная, пуговичная, набивно-волосяная (изделия из конского волоса), ценинная (глиняные и фарфоровые табачные трубки), пожарных труб. Явное преобладание получили текстильные предприятия (22 из 31). С этого времени Москва становится крупнейшим центром текстильной мануфактурной промышленности России, не утрачивая своей роли на всем протяжении XVIII в.

Рост численности частновладельческих мануфактур свидетельствовал о преодолении опасливо-выжидательного настроения российского купечества – а именно оно выступало главной силой широко развернувшегося впоследствии промышленного строительства – и проснувшимся у него явном интересе к производству.

Первые частные мануфактуры – с самого начала централизованные предприятия по своему технико-организационному устройству – в целом значительно уступали казенным в размерах и сумме вложенного владельцами капитала. Но среди них имелись две действительно крупные. Одна принадлежала Алексею Милютину – царскому комнатному истопнику. Заведенная в 1714 г. и насчитывавшая в начале 30–40 станов и до 100 мастеровых и работных людей, она через несколько лет увеличилась почти вдвое по числу станов и работников и продолжала расти. За «размножение» фабрики Милютин позже, в 1744 г., получил чин коллежского асессора.

Инициаторами образования второй крупной мануфактуры в 1717 г. стали

[58] *Мурзанова М.* На московско-новгородской парусной фабрике (1696–1772–1829 гг.) // Архив истории труда. 1921. № 2.

сановные петровские вельможи Ф. А. Апраксин, П. А. Толстой и П. П. Шафиров, сумевшие материализовать благосклонное отношение царя к своей затее в виде щедрой казенной субсидии на сумму около 36 тыс. руб. и переданных под фабрику помещений бывшего Посольского двора. Конечная общая сумма вкладов вместе с капиталом новоявленных «фабрикантов» составила невиданную сумму – около 120 тыс. руб. Несмотря на более чем привлекательные условия основания мануфактуры (помимо всего прочего ее владельцы на 50 лет освобождались от уплаты пошлин на проданную продукцию, а с 1719 г. вводился запрет на импорт шелковых тканей), рождение и становление предприятия проходило болезненно. Вельможные предприниматели быстро показали свою полную несостоятельность, а нанятые ими управители-иностранцы – нерадивость. Поэтому уже в 1721 г. компания пополнилась семью «добрыми и знатными купцами» (М. Евреинов, А. Павлов, С. Аникеев, Ф. Старцев, Ф. Мыльников, М. Короткий и И. Францев), каждый из которых внес пай в размере 5 тыс. руб. Расширение состава компании скоро принесло плоды. Мануфактура стала быстро расти и набирать силу. К 1724 г. на ней действовало свыше 180 станов (70 в 1721 г.) и 700 работных людей и производилось товаров на сумму около 50 тыс. руб. в год. Причем вырабатывались не только дешевые ленты и платки для невзыскательной публики, но и дорогие бархаты и штофы, требовавшие немалого искусства от ткачей и их помощников – переборщиков. Правда, пока еще дорогие ткани – предмет особой заботы правительства, непрестанно выказываемой недавно созданной Мануфактур-коллегией – выходили «заморских плоше», но быстрое их освоение русскими мастеровыми и работными людьми не могло не внушать изрядной доли оптимизма.

Новая шелковая мануфактура просуществовала как компания недолго. После выхода из нее в 1724 г. знатных «интересантов» Апраксина, Толстого и Шафирова она была юридически разделена между купцами-пайщиками на самостоятельные части, хотя по сути продолжала существовать как единое целое. И это не единственный случай распадения мануфактур. В том же году полотняный завод разделился на пять частей, из которых образовались самостоятельные мануфактуры Тамеса, Овощникова, Пастухова, Карамышева, Микляева, весьма жизнеспособные и крупные, особенно две первые.

В общем, промышленные «кумпанства» приживались плохо, как ни лелеял их Петр I. Мешали внутренние распри, несогласие между купцами. Лишь один Большой суконный двор до своей кончины в начале 80-х гг. юридически оставался купеческим «товариществом», но фактически большинство пайщиков по прошествии некоторого времени с момента образования компании продолжало только номинально значиться в совладельцах, а всем заправляли наиболее состоятельные, внесшие самую крупную часть капитала «главнейшие компанейщики» – сначала Щеголин, затем Болотин, позднее Докучаев.

В целом же созданные правительством условия для существования и «размножения» частных мануфактур, получивших, по выражению В. О. Ключевского, «казенно-парниковое воспитание», были на редкость благоприятными. Мануфактуры холили, о них заботились как о малых детях, ограждая от любых возможных напастей. Подчас предприятие только создавалось, и говорить о налаженном выпуске продукции, а тем более о его качестве было явно преждевременно, но уже по настоятельным просьбам фабрикантов всерьез обсуждался вопрос о полном запрете ввоза конкурирующих иностранных товаров. Нередко без долгих слов вопрос решался положительно. В 1718 г. тремя отдельными указами был запрещен ввоз чулок, каразеи и шелковых изделий, в 1721 г. последовал запрет на импорт полотен[59].

В 1736 г. правительство в целях укрепления отечественной легкой промышленности вновь пошло навстречу домогательствам мануфактуристов, непрестанно жаловавшихся на постоянную утечку обученных вольнонаемных работников и намеренно преувеличивавших масштабы этого «бедствия», грозящего, по их уверениям, остановкой предприятий. Указом от 7 января обретающиеся при мануфактурах работные люди были прикреплены к ним «навечно» и стали неотъемлемой принадлежностью предприятий, неотчуждаемой от них условной собственностью. «Вечноотданными» работниками наделялись только крупные фабрики, действовавшие на основании специальных разрешительных указов Сената и Мануфактур-коллегии. В Москве «указными» являлись главным образом текстильные мануфактуры.

Как показала практика, это кажущееся простым, естественным для крепостнического государства и действительно довольно эффективное на первых порах средство решения кадровой проблемы обернулось затем своей изнаночной стороной, содействуя вместе с другими факторами распространению застойных явлений в промышленности.

Тем не менее, хотя и при помощи подручных средств, главная цель все же оказалась достигнутой: купеческий капитал потянулся к промышленному производству. В 1744 г., по данным генерального осмотра фабрик, осуществленного Мануфактур-коллегией, в Москве находилось 70 предприятий, из которых

[59] ПСЗ. Т.V. № 3162, 3163, 3167.

Портрет Ф. Г. Ржевской и кн. В. М. Давыдовой. Художник Д. Г. Левицкий. 1772 г. ГРМ

15 были признаны «недостойными», заведенными «для лица», с одной лишь целью получения привилегий. В числе действующих текстильных предприятий имелось 4 полотняные, 6 суконных и 27 шелкоткацких (еще 8 шелкоткацких фабрик относилось к разряду фиктивных). Москва, продолжавшая до 60-х гг. сохранять необычайно высокую степень концентрации мануфактур по отношению к общероссийскому численному показателю (в середине 40-х гг.– около 50%, в конце 60-х гг.– около 25%, в конце 90-х гг.– около 14 % всех предприятий приходилось на Москву), отличалась особенной степенью сосредоточенности шелкоткацких предприятий (в середине 40-х гг. здесь находилось 62% российских шелковых фабрик, в конце 60-х гг.– около 52%, в конце 90-х гг.– 38%).

К началу 60-х гг., времени, как уже отмечалось, переломному для отечественной промышленности вследствие зримо обозначившихся изменений в правительственной промышленной политике, текстильное производство прочно обосновалось в Москве, пустило глубокие корни и решающим образом определяло производственный облик города. В 1761 г. количество текстильных мануфактур возросло до 51 (в середине 40-х гг.– 37). Увеличение произошло главным образом за счет весьма ощутимой прибавки суконных предприятий, которых теперь имелось 18, и небольшой прибавки – полотняных (их насчитывалось 9). Правда, среди полотняных ткацких значилось только 6. Еще 3 осуществляли набивку готовых льняных полотен российского и «немецкого» производства. Не являлось ткацким также одно заведение, которое до некоторой степени условно можно отнести к хлопчатобумажным, печатавшее «выбойки» на полотне из хлопка. Вместе с тем число шелкоткацких фабрик временно сократилось до 23.

Количество всех текстильных предприятий лишь немного уступало прочим заведениям легкой промышленности Москвы вместе взятым. Ведомость 1761 г. зафиксировала 53 таких заведения, представлявших 25 видов различных производств, включая шляпное (5), сургучное (4), суриковое и белильное (1), игральных карт (6), мишурное (4), плащеного и волоченого золота и серебра (1), пуговичное и булавочное (3), беления воска (3), замшевое (4), кожевенное (5), латунное (3), зеркальное (1) и др.[60]

Тенденция к увеличению числа текстильных фабрик отчетливо проявилась спустя пять лет. В 1766 г. их насчитывалось уже 73, т.е. возросло на 22. Немного больше стало суконных (на 3) и полотняных (на 1), зато существенно увеличилось число шелковых (на 17). Причем возникновение новых фабрик пришлось на весьма короткий промежуток времени – с октября 1761 г. по конец октября 1762 г., до выхода указа, запрещающего дальнейшее расширение промышленного строительства в Москве.

Ситуация 1770 г. имеет уже разительные отличия. Явственно наметился спад текстильного производства, ставший следствием как начавшегося общего упадка «указной» мануфактуры, так и результатом воздействия некоторых конкретных неблагоприятных факторов, по-разному проявлявшихся в отдельных отраслях. Количество фабрик сократилось с 73 до 58. Среди ликвидированных оказалось 2 полотняных, 1 ситценабивное, 3 суконных и 10 шелковых заведений.

После жесточайшей эпидемии чумы 1771 г., унесший жизни от половины до двух третей списочного состава работных людей на разных мануфактурах (жертвами оказались прежде всего постоянно занятые на производстве «вечноотданные» работники), наступила полоса длительного упадка. Число всех текстильных предприятий в 1773 г. уменьшилось до 39, т.е. на треть по сравнению с 1770 г. Резко сократилось количество полотняных фабрик – на 6, на столько же шелковых и на 7 суконных. К концу 70-х гг. положение стало более тяжелым. Действовало только 31 текстильное предприятие. Лишь суконной отрасли (не говоря о хлопчатобумажной, на счету которой с конца 60-х гг. была только одна фабрика) удалось сохранить прежние позиции. Полотняная и шелковая понесли новые потери, особенно последняя: прекратили существование 7 мануфактур.

Некоторое улучшение состояния московской текстильной промышленности наступило только в середине 80-х гг. Количество ее предприятий впервые после 70-х гг. увеличилось, хотя и незначительно – до 39 вместо 31 в 1778 г. Также впервые за этот период выросло число хлопчатобумажных заведений (до 3), предвещая быстрое развитие этой отрасли в дальнейшем. Шелковая промышленность пополнилась 6 фабриками, достигнув уровня 1761 г. Произошел временный приток даже в полотняную отрасль, находившуюся накануне полной ликвидации в Москве,– возникло 3 предприятия. И лишь в суконной промышленности, ранее имевшей самые устойчивые позиции, не наблюдалось признаков оживления. Вместо действовавших в 1773–1778 гг. 12 предприятий теперь функционировало только 8.

К концу 80-х гг. полотняное производство полностью прекращает существование в Москве. Главной причиной явилось резкое сужение внешнего рынка сбыта во второй половине 60-х гг., на который были ориентированы московские полотняные фабрики, вследствие увеличения таможенных пошлин в Англии. Например, из реализованных в

[60] РГАДА. Ф.277. Оп.3. Д.332. Л.4–6об.

1135.
2066

Портрет сестер А. Г. и В. Г. Гагариных. Художник В. Л. Боровиковский. 1802 г. ГТГ

1761 г. товаров крупнейшей московской полотняной мануфактуры И. Тамеса на сумму 81 272 руб. через Петербургский порт было вывезено их на 70 710 руб. (87%), а оставшаяся часть продана на месте в Москве. Примерно такое же соотношение сохранялось и в последующие годы. В 1766 г. экспортные поставки выражались 48 885 руб., а «московский торг» добавил к ним 9986 руб. Н. Клюева в 1764 г. отправила через Петербургский порт 83,3% продукции своих фабрик.

К такому повороту, как отсутствие сбыта, владельцы московских полотняных мануфактур оказались не готовы. Нереализованная продукция давила тяжелым грузом омертвленного капитала. Внутренний же рынок оказался во власти более дешевых полотен с быстро размножившихся в центральной и северозападной областях России мануфактур: с 1745 по 1765 г. их количество возросло на 214%, а станов на – 281%[61].

В прочих отраслях приблизительно в середине 90-х гг. произошел небывало резкий взлет. В 1797 г. в пределах города существовало уже 144 фабрики, на 105 больше по сравнению с серединой 80-х гг. Вполне прочное положение приобрела теперь окрепшая хлопчатобумажная промышленность, насчитывавшая 15 предприятий вместо 3 в 1784/85 г. Удалось выйти из явно кризисной ситуации суконной отрасли, более чем в три раза увеличившей количество своих фабрик – с 8 до 26. Самый же большой рывок вперед совершила шелковая промышленность, количество фабрик которой выросло более чем в четыре раза и достигло 97.

Такой взлет, несомненно, стал возможен после отказа правительства от политики льгот и привилегий крупным

[61] *Заозерская Е.И.* Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах России в 20–60-е гг. XVIII в. М., 1960. С.79.

фабрикантам, вовлечения в орбиту промышленного предпринимательства более широких слоев населения, включая низовое купечество и даже крестьянство. Гильдейская реформа, имевшая одной из непременных целей поставить предпринимательство в жесткие сословные рамки и затруднить переход из низших гильдий в высшие, все же не стала непреодолимым препятствием на пути мелкого капитала в его стремлении к движению наверх. Однако потребовалось определенное время для образования новой, более мощной волны предпринимательства, способной вытеснить ослабевшую предыдущую. Вот почему после кризиса и упадка восстановление промышленности началось не сразу.

Технический уровень крупнейших московских текстильных мануфактур, большинство из которых возникло в период с начала века по 30 – 40-е гг., в основном соответствовал западноевропейскому первых десятилетий XVIII столетия, поскольку передовые технические решения старательно заимствовались. Правительство не жалело для этого денег. Правда, слабым звеном оставалось оборудование для отделочных операций, особенно в сукноделии, не отличавшееся совершенством. Например, песты вододействующих сукновальных мельниц были значительно тяжелее своих иностранных аналогов, из-за чего на каждой половинке сукна терялось 12 фунтов шерсти (она выбивалась от излишне сильных ударов). Кроме того, по причине чрезмерной тяжести частота ударов была небольшой и требовалось около двух суток для того, чтобы свалять одну половинку, тогда как на заграничных сукновальнях на это уходило 6–8 часов.

Существенней другое обстоятельство. На мануфактурной стадии создавались необходимые материальные предпосылки для перехода к машинной технике. Во Франции, например, также феодально-абсолютистском государстве, уже начиная с 30-х гг. XVIII в. велись активные работы по механизации процесса шелкоткачества. Появилась масса изобретений, облегчавших труд дергальщицы, помогавшей ткачу точно пробрасывать челнок между нитями для создания задуманного рисунка (на русских мануфактурах этим занимались мужчины-переборщики). Наконец, около 1747–1749 гг. талантливым конструктором Вокансоном был создан первый механический станок, основная идея которого была воплощена в знаменитом станке Жаккарда лишь в начале XIX в.[62] Несмотря на то что изобретение Вокансона оказалось надолго засекреченным правительством Франции, дабы не разорить многочисленных ремесленников и предотвратить копирование французских тканей за границей с помощью этого станка, важно наличие самой возможности уже тогда, во второй половине XVIII в., перейти к машинному производству, причем не только в шелкоткацкой промышленности, но в любой текстильной отрасли (станок легко модернизировался).

Никаких заметных улучшений технического состояния текстильной промышленности в России не наблюдалось в течение второй половины XVIII в. В частности, московские «фабриканты» равнодушно отнеслись к проявленным в 60-х гг. инициативам Мануфактур-коллегии по знакомству с новой западной техникой и ее внедрению. Важным сдерживающим фактором являлась относительная дешевизна рабочей силы, и не только принудительной. Во второй половине столетия сложился и действовал рынок рабочей силы, предлагавший в достаточном количестве обученных мануфактурных рабочих, труд которых оплачивался до последних десятилетий века, как правило, не дороже принудительных. Между тем движущей пружиной интенсивных технических разработок во Франции явился недостаток дешевых рабочих рук.

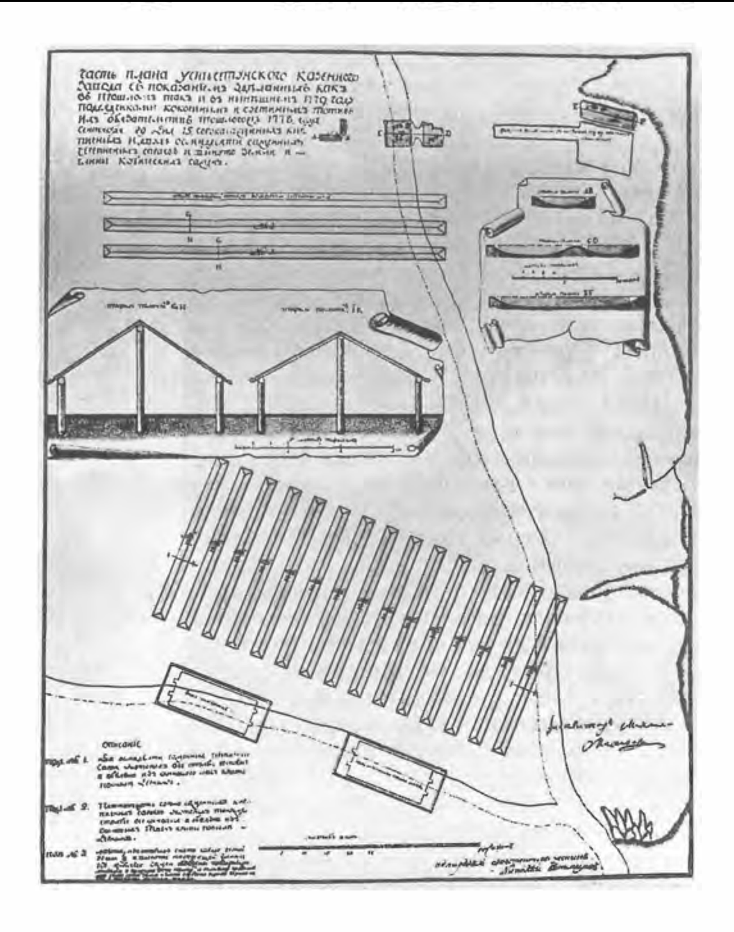
Лишь в самом конце века наряду с вновь активизировавшейся деятельностью Мануфактур-коллегии по испытанию и внедрению разнообразных заграничных машин, встречается первая, идущая «снизу» попытка самостоятельной механизации производственного процесса. В 1798 г. преуспевающий владелец крупной шелкоткацкой мануфактуры в Москве И. Шелагин с гордостью сообщал в коллегию о доведении фабрики «собственным его старанием до такого совершенства, что делаемыя на оной разных сортов ленты не могут уступать в доброте выписываемым из иностранных государств лентам, поелику самыя образцы доказать то могут», и в подтверждение своих слов ссылался на применение им первым в России двух механических ленточных станов, которых более ни у кого «и ныне нет». Судя по всему, он привез их из-за границы, купив затем восемь таких же[63].

Что касается мощности, размеров предприятий, то во всех отраслях последнее слово оставалось за крупным производством, существовавшим в основном в виде централизованной мануфактуры. В полотняной и хлопчатобумажной отраслях крупные мануфактуры численно преобладали. Так, до наступившего спада в полотняной промышленности не менее 525 станов действовало на фабрике И. Тамеса, свыше 140 станов – на фабрике Г. Клюева, более 130 – у В. Чурашева, 63 – у А. Бабушкина, 40 – у И. Овощникова.

В суконной и шелкоткацкой отраслях крупные предприятия несколько уступали в численном отношении средним и небольшим заведениям. Причем

[62] *Потемкин Ф.В.* Промышленная революция во Франции. Т.I. М., 1971. С.99–108, 110–115.

[63] РГАДА. Ф.277. Оп.1. Д.130. Л.83–84об.

План и часть Усть-Сетуньского кирпичного и черепичного завода, построенного в 1778–1779 гг. РГАДА

в 90-х гг., после завершившегося обновления этих видов производств, некоторое преобладание мелких и средних предприятий становится особенно заметным. Суконные мануфактуры можно условно разделить по мощности на три основные группы: 1) с количеством действующих станов до 10 – таких предприятий в 60-х гг. имелось 5 (25%); 2) от 10 до 30 станов – 11 (55%); 3) свыше 30 станов – 3 (15%). Кроме них особняком стоит гигантский Московский суконный двор (фабрика П. Докучаева с товарищами), на котором насчитывалось до 230 станов. В конце 90-х гг. доля предприятий первой группы увеличилась до 45,4%, второй – снизилась до 46,1%, третьей – до 11,5% (без учета здесь фабрики князя И. С. Барятинского, заслуживающей быть выделенной отдельно – на ней действовало 130 станов). Однако численное соотношение говорит отнюдь не обо всем: если первая группа предприятий количественно лишь немного уступала двум другим, то продукции они выработали лишь на 155 519 руб., или 19,7% стоимости всей готовой продукции отрасли (для сравнения: доля одной лишь мануфактуры Барятинского составила 12,8% общей стоимости). Примерно такая же картина наблюдается и в шелкоткацкой отрасли с той лишь разницей, что здесь отсутствовали сверхкрупные предприятия.

Обладая большей экономической мощью, крупные мануфактуры вместе с тем зачастую проигрывали средним и небольшим заведениям по «эффективности производства» (т.е. среднегодовой выработке на одном стане). Очевидно, достигнув определенных успехов, крупный капитал утрачивал способность двигаться вперед прежними темпами, терял напористость и гибкость, свойственную представителям мелкого и среднего капитала, и по истечении некоторого времени сдавал лидирующие позиции. Особенно это характерно для владельцев «указных» мануфактур, чье стабильное положение в течение многих лет поддерживалось системой покровительственных мер.

Общее состояние отмеченных отраслей за период с начала 60-х гг. по конец века, который в наибольшей степени обеспечен вполне надежными массовыми источниками учетного характера, идущими от отдельных предприятий, отражают сводные итоговые данные следующей таблицы[64]:

Отрасли	Годы					
	1761	1766	1770	1773	1778	1797
Полотняная	Количество станов					
		1182	727	380	179	153
	Число работников					
		н/д	1454	669	249	158
	Стоимость изготовленной продукции					
		157 987	102 711	39 737	34 130	39 511
Хлопчато-бумажная	Число работников					
		40	24	24	25	1615*
	Стоимость изготовленной продукции					
		1033	4572	1960	2020	1 107 574*
Суконная	Количество станов					
	568	451	460	185	235	478
	Число работников					
	3718	4011	3936	1910	1569	3506
	Стоимость изготовленной продукции					
	340 903	402 260	326 347	160 434	127 720	789 392
Шелкоткацкая	Количество станов					
	788	1285	1239	839	722	2605
	Число работников					
	1070	2360	2169	1589	1236	4221
	Стоимость изготовленной продукции					
	210 052	407 932	323 158	317 714	352 671	2 162 133

* Данные за 1779 г.

В таблицу включены среднегодовые показатели, не дающие возможности проследить спады и подъемы производства в течение полугодий. Но колебания не были очень заметны, что говорит о достаточно ритмичном цикле производ-

[64] Данные получены после статистической обработки полугодовых ведомостей, посылавшихся владельцами предприятий в Мануфактур-коллегию и хранящихся ныне в ее фонде: РГАДА. Ф.277. Оп.2, 3.

ственного процесса. Пожалуй, лишь полотняная мануфактура И. Тамеса в 70-х гг. представляла в этом отношении исключение. Так, в первой половине 1773 г. действовало только 80 станов, во второй – 277, в первой и второй половинах 1778 г.– соответственно 89 и 216. Такие перепады связаны с временными «сходами» значительной части вольнонаемных работников-крестьян с весны по осень. После гибели основной части «вечноотданных» работников во время чумы 1771 г. на мануфактуре не удалось наладить бесперебойную замену временно оставлявших работу на фабрике людей другими, что широко практиковалось на иных мануфактурах, особенно шелкоткацких, прочно связанных с вольнонаемным рынком труда.

Данные таблицы наглядно показывают, что общий упадок «указной» мануфактуры, начавшийся со второй половины 60-х гг., значительно усугубился после эпидемии чумы прежде всего в суконной промышленности. Именно эта отрасль отличалась самой высокой степенью использования принудительного труда, удельный вес которого в 60-х гг. составлял около 80%, тогда как в шелковой промышленности – около 47%. Закономерен поэтому итог: на суконных мануфактурах, где чума «сократила» численность рабочей силы вдвое, на столько же упал и объем производства, тогда как на шелкоткацких фабриках выпуск продукции уменьшился незначительно.

На этом фоне весьма показательны успехи всех трех отраслей, достигнутые к концу века (промежуточные данные за середину 80-х гг. неполны и потому не включены в таблицу), когда указанные отрасли перешли практически полностью на применение вольнонаемного труда. Особенно заметны достижения хлопчатобумажной и шелковой промышленности. Объем изготовленной продукции последней за 1797 г. в стоимостном выражении превышал в 5,3 раза соответствующий показатель за 1766 г. Даже принимая во внимание падение курса рубля к концу века приблизительно на 40%, большой количественный рост несомненен.

Помимо текстильных мануфактур и множества других упомянутых выше заведений легкой промышленности, как правило небольших, нестабильных, т.е. действовавших непродолжительное время, исчезавших бесследно или часто менявших владельцев, со второй половины XVIII в. в Москве возникло много кирпичных заводов в связи с расширявшимся каменным строительством. К концу 70-х гг. существовало до 30 частных заводов и заводиков, отнесенных с 1775 г. к ведению Каменного приказа. На самом крупном из них работало до 130 вольнонаемных работников, на мелких – от 4 до 20 человек. Хотя сведения об организации производства на них весьма скудные, все же можно полагать, что на средних и достаточно крупных предприятиях производство действовало по мануфактурному принципу. В этом смысле организационная структура возникшего в 1778–1799 гг. казенного Усть-Сетуньского завода с численностью рабочих до 200 человек сомнений не вызывает: на этом самом крупном кирпичном предприятии технологический цикл был разделен на 11 основных операций. Видимо, именно за счет совершенствования организации труда производительность частных заводов существенно возросла к концу 70-х гг. до 20 млн. штук кирпича в год вместо 7 млн. в 50-х гг. (при относительно стабильной численности предприятий)[65].

В топографических описаниях Москвы конца столетия имеются глухие указания на существование многочисленных «заводов» – винокуренных, пивоваренных, солодовых, салотопенных и т.п., находившихся вне ведения Мануфактур-коллегии и не оставивших о себе каких-либо подробных и достоверных известий. В описании 1787 г. упомянуто 180 таких заведений, в описании 1796 г.– уже свыше 350[66].

Эти же описания дают возможность представить картину размещения промышленных предприятий. Местами их наибольшей концентрации являлись Замоскворечье с Ордынкой, Якиманкой и Полянкой, где располагались 21 фабрика и 22 «завода», а также район Рогожской заставы – Таганки: здесь находилось 16 фабрик и 22 «завода». Из наиболее крупных следует назвать Московский суконный двор около Каменного моста и несколько самостоятельных суконных мануфактур И. Журавлева, П. Носырева, А. Еремеева и Г. Бабкина, помещавшихся на одном Кадашевском старом денежном дворе. В целом же в пределах Земляного города числились 33 фабрики и 50 «заводов», за его пределами – 126 фабрик. Лишь 6 мануфактур находились в Китай-городе (в том числе 4 шелкоткацкие на бывшем Посольском дворе, принадлежавшие П. Колосову, И. Евреинову, М. Евреинову и А. Бабушкину) и 7 – в Белом городе, включая шелкоткацкую мануфактуру М. Милютина, одно из старейших частных предприятий.

6. МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ ЛЮД

Мануфактурные рабочие составляли довольно значительную по численности категорию населения. По официальным данным, к концу первой четверти XVIII в. мастеровых и работных людей

[65] *Воронов Н.В.* Стачка московских кирпичедельцев летом 1779 г. // Исторические записки. Т.37. М., 1951. С.290–303.

[66] Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами... М., 1787; Историческое и топографическое описание первопрестольного града Москвы. М., 1796.

Крестьянский обед.
Художник М. Шибанов.
1774 г.
ГТГ

в Москве было 5500 человек, в 60-х гг.– около 10 000 человек, после чумы 1771 г.– 6000 человек. Однако едва ли на эти данные можно полагаться и считать их соответствующими действительности. По тем же сведениям, на подведомственных Мануфактур-коллегии предприятиях в конце века трудилось 7553 работника[67]. Подсчеты показывают, что только на текстильных мануфактурах в 1797 г. работало 9342 человека (в среднем за год), хотя и эта цифра занижена из-за отсутствия данных по ряду предприятий и не учитывает многих вспомогательных и подсобных работников.

Разумеется, основная масса рабочей силы была занята на текстильных мануфактурах. В 1766 г. численность действительно участвовавших в производстве работников составляла 7864 человека, в 1770 г.– 6797 человек, в 1773 г.– 3771 человек, в 1778 г.– 2962 человека.

Социальный состав мануфактурных рабочих начиная примерно с 40-х гг. становится весьма неоднородным. До этого времени частные мануфактуры использовали преимущественно вольнонаемную рабочую силу и лишь казенные – принудительную в довольно ограниченных размерах.

После прикрепления к мануфактурам «вечноотданных» работников в 1736 г. и последовавшего в 1744 г. разрешения покупать к ним крестьян с землей принудительный контингент рабочей силы юридически стал подразделяться на три основных разряда: отданных по указам (не только по указу 1736 г., но и по эпизодически редким указам Мануфактур-коллегии), покупных и крепостных. Значение последних двух было невелико. Их удельный вес в разные годы колебался от 14 до 18% (на долю крепостных приходилось от 10

[67] *Мешалин И.В.* Указ. соч. С.126.

до 12%, покупных – от 4 до 6%). Фактическое положение работников всех трех категорий мало чем отличалось: они в одинаковой степени переносили одни и те же тяготы.

Социальный состав вольнонаемных работников был также неоднородным. Причем в течение XVIII в. в нем произошли существенные изменения. Если до первой половины 30-х гг. удельный вес крестьян среди них равнялся 26,7%, посадских людей – 26,1% и солдатских детей – 23% (в числе последних большинство составили, видимо, выходцы из крестьян)[68], то начиная со второй половины века, когда усилилось отходничество в города, крестьяне начинают преобладать. На текстильных мануфактурах из нанявшихся туда в 60–70-х гг. 8137 человек крестьянами являлись 5926 человек, или 72,9%. Другую значительную социальную группу образовывали дворовые люди – 1552 человека, или 18,9%.

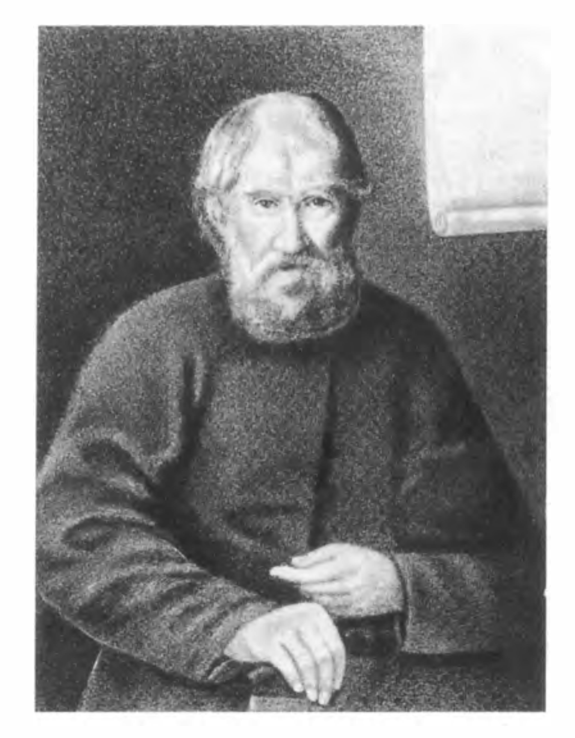
Внутри группы крестьян-отходников также произошли заметные перестановки. До середины XVIII в. более половины приходилось на долю монастырских крестьян, свыше 31% – дворцовых, чуть менее 15% – помещичьих и от 2 до 2,8% – государственных[69]. С 60-х гг. удельный вес помещичьих крестьян возрос до 46,8% и соответственно понизился для монастырских (экономических) крестьян до 21,9%, дворцовых – до 3,3%, государственных – до 0,3%.

Об условиях жизни мануфактурных рабочих можно судить прежде всего по заработкам.

Размер заработной платы вольнонаемных работников и большинства принудительных долгое время был примерно одинаков. Мануфактуристы не могли назначать произвольную сумму денежного содержания прикрепленным к предприятию людям, а обязаны были руководствоваться официально утвержденными расценками[70]. Так как с конца 40-х гг. из заработной платы «вечноотданных» стали вычитаться подушная подать и рекрутские деньги, то размер их «доходов» в конце концов практически перестал отличаться от заработка вольнонаемных.

Казна стремилась получать сукна по низким ценам и, пользуясь отсутствием дефицита квалифицированных рабочих рук, резко снизила расценки в суконной промышленности (от 8 до 40% в зависимости от специальности). Уровень оплаты в других отраслях был установлен близким к значениям в суконной отрасли.

Однако этот чаще всего очень низкий, иногда прямо-таки нищенский уровень мог поддержать существование и силы рабочих лишь в том случае, когда производство не испытывало спадов, ибо оплата являлась сдельной. Иначе заработка не хватало даже на пропитание.

Гаврила Сухарев, рабочий Суконного двора. Неизвестный художник. XVIII в.

Посадские люди. Деталь гравюры Г. Гутенберга по рисунку Ж. Делабарта «Красная площадь». 1795 г. ГИМ

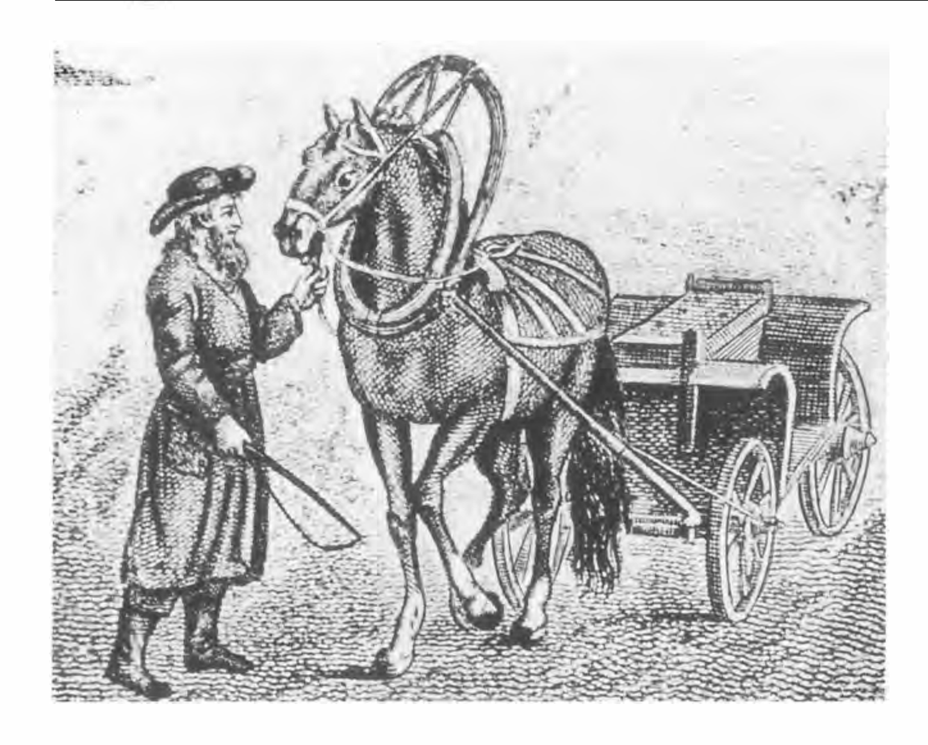
Во время наступившего кризиса в полотняной промышленности заработки ткачей фламского полотна могли достигать в среднем 20 руб. 69 коп., ткачей равендука – 21 руб. 88 коп., каламенка – 13 руб. в год и то при условии круглогодично и устойчиво действующего производства. Даже при этом условии заработки и в 60-х гг. оставались на уровне конца 30-х – начала 40-х гг., когда прожиточный минимум составлял от 7 до 8 руб. в год (в него включены только расходы на питание без учета потребностей в одежде и обуви)[71]. Но если в конце 30-х гг. цена ржи колебалась в Москве от 65 до 83 коп. за пуд, то в начале 60-х гг. доходила до

[68] История Москвы. Т.II. С.256, 257.

[69] История Москвы. Т.II. С.257.

[70] *Заозерская Е.И.* Рабочая сила и классовая борьба... С.340, 348.

[71] *Заозерская Е.И.* Указ. соч. С.346.

Извозчик. Деталь гравюры по рисунку Ж. Делабарта «Яузский мост». Конец XVIII в.

Полоскание белья. Деталь гравюры по рисунку Ж. Делабарта «Большой Каменный мост». XVIII в.

1 руб., а в течение 60-х гг. резко повысилась до 3–4 руб.[72] Следовательно, прожиточный минимум должен был увеличиться по крайней мере вдвое, что косвенным образом и подтвердил Сенат, установив его в 1771 г. во время закрытия всех фабрик из-за чумы в размере 4 коп. в день (или 14 руб. 40 коп. в год) для взрослых работников.

Таким образом, ткачи – одни из наиболее квалифицированных работников – получали на полотняных мануфактурах всего лишь на 6–7 руб. больше прожиточного минимума, тогда как заработки шпульников, цевошников и других «рядовых» текстильщиков в соответствии с расценками оказывались в три раза ниже, чем у ткачей.

На суконных фабриках реальный размер заработной платы был существенно выше, если исходить из среднегодовой выработки на стан при условии ритмичности производства. У ткачей он мог колебаться от 20 до 50 руб. в год «чистыми» (без штрафных вычетов, реальный размер которых неизвестен). Точно так же на шелкоткацких мануфактурах заработная плата квалифицированных ткачей, как правило, не опускалась ниже 17–18 руб. в год, а на успешно работавших предприятиях могла подниматься до 30–40 руб. и выше в случае высокой интенсивности труда в течение всего года, что было под силу весьма немногим.

В подавляющем же большинстве мануфактурные рабочие едва сводили концы с концами и беспрестанно жаловались на свое «оскудение». Некоторые мануфактуристы, дорожа своей рабочей силой, к денежному жалованью добавляли провиант. На суконной фабрике Е. Грунта и М. Шигонина, хозяйственные книги которой сохранились, немногочисленным покупным работникам полагалось в год на двух взрослых (мужа с женой) по 2 пол-осьмины гречневой, просяной и овсяной круп, 3 четверти ржаной муки, по 2 пол-осьмины пшеничной и овсяной муки, 1 пуд ветчины «от Святой недели до Петрова дни», 15 баранов, 1 пуд 10 фунтов свежего мяса – всего на 9 руб. 22 коп. Время от времени фабриканты обновляли и небогатый гардероб своих людей: «У Захара Максимова – 3 рубашки насильные, 1 полотняная, 2 порток, июня 21 дня дано еще 2 порток; у Петра Иванова 4 рубашки новые, порток не имеется; у Тимофея Бредихина – 1 рубаха, 1 портки; у Матвея Кунеева – 3 рубашки, 3 порток; у Матрены Алексеевой – 3 рубахи; у Прохора Никитина – 3 рубашки старые, 2 порток, еще дано: 2 рубахи тонкие февраля 25 дня 1759 году, июня 20 еще дано 2 порток...»[73]. Кроме того, ежегодно работники получали по отрезу дешевого серого сукна (10 аршин) стоимостью 80 коп., 3 руб. деньгами и 1 руб. на именины, а также один раз в три года шубу стоимостью 1 руб.

Однако нет никакой уверенности в том, что подобные меры материального поощрения практиковались на всех фабриках, где использовался принудительный труд.

К концу века вольнонаемный труд подорожал. На некоторых мануфактурах вольнонаемные рабочие получали на 15–20% больше оставшихся немногочисленных принудительных. Начиная осознавать значение своего труда, они иногда стали выставлять условия фабрикантам. В 1798 г. рабочие суконной фабрики Т. Бородина потребовали повысить пла-

[72] *Кафенгауз Б.Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. М., 1959. С.259; *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С.413.

[73] РГАДА. Ф.310. Оп.1 Д.1439. Л.143об.– 144об.

ту за каждую половину сукна на 1 руб. 40 коп. Застигнутый врасплох владелец согласился удовлетворить это требование, опасаясь сорвать поставки в Кригскомиссариат[74]. В целом же зарплата квалифицированных работников приблизилась в это время к 70–80 руб. при прожиточном минимуме около 30 руб. в год.

Положение же остатков «вечноотданных» людей резко ухудшилось, стало просто невыносимым. Их реальные заработки, исчисляемые по расценкам 40-х гг., не достигали и прожиточного минимума. Доведенные до отчаяния мастеровые и работные люди Московского суконного двора (фабрикой владел князь Ю. В. Долгоруков) после безрезультатной жалобы в Мануфактур-коллегию решились написать самому царю. В своем прошении они, в частности, отмечали: «...Когда в прежнея время старики наши покупали хлеб по малым ценам (не более каждой пуд по 7 копеек) и всякия припасы, тогда за каждой аршин сукна плачено было по 7 копеек, а по нынешней всему дороговизне получаем только по 5 копеек»[75]. Между тем в 1797–1800 гг. пуд хлеба в Москве стоил уже 50 коп. По признанию Мануфактур-конторы, расследовавшей жалобу рабочих, расценки не претерпели изменений со времен Суконного регламента 1741 г.

Условия труда на протяжении всего XVIII в., как правило, едва ли можно считать сносными. Многие производственные помещения оказались совершенно запущенными, зимой сквозило из щелей, во время дождей и паводков вода на полу поднималась выше щиколоток, что делало пребывание на мануфактуре в течение бесконечно долгого рабочего дня (продолжительностью до 15 часов летом и 12–13 часов зимой) невыносимым.

Вместе с тем особой тесноты в производственных помещениях, как правило, не наблюдалось. Чаще всего на одного работника приходилось по 7–10 кв. м производственной площади. Правда, трудно определить, насколько эти показатели удовлетворяли требованиям технологии, соответствовали «технологическим нормам», хотя едва ли такие нормы существовали. Но если учесть, что минимальные показатели опускались иногда до 4 кв. м (и в одном случае до 1,6 кв. м для работниц подсобного профиля – размотчиц шелка), то первые, превосходившие их в среднем в два раза, не кажутся низкими.

Принудительные работники и члены их семей преимущественно проживали обособленно от мануфактур. Это показал осмотр московских фабрик членами Мануфактур-коллегии в марте 1771 г., т.е. в начале эпидемии чумы. На обследованных 29 текстильных мануфактурах насчитывалось 5589 человек прикрепленных к ним работников и членов их семей. Непосредственно на предприятиях проживало только 2136 человек (38,2%), а остальные – в собственных домах и наемных квартирах. В этой связи будет понятно возмущение рабочих Суконного двора решением Ф. Ардалионова, арендовавшего мануфактуру у Ю. В. Долгорукого, уничтожить выдававшиеся фабричной конторой «для прожития на квартирах... билеты» с тем, чтобы «жен... с малолетными и девок... забирать на фабрику единственной для своего прибытку силою, чего, по уверению рабочих, с начала заведения мануфактуры не бывало». Известно, например, что накануне чумы из 2106 человек, приписанных к этой мануфактуре и проживавших в Москве (имелись также рабочие на подмосковных вододействующих сукновальнях), 1093 человека снимали наемные квартиры, 282 человека жили в своих домах, а всего вне мануфактуры имели пристанище 1375 человек (65,3%)[76].

Итак, несмотря на немалые расходы на квартиру, отнимавшие существенную часть и без того небольшого заработка работных людей, они все же шли на столь ощутимые траты. Желание жить по-человечески, вырваться на какое-то время из атмосферы фабричного быта оказывалось сильнее. Предоставляемое

[74] РГАДА. Ф.277. Оп.1. Д.128. Л.342, 342об.

[75] ЦГИА г. Москвы. Ф.16. Оп.1. Д.784. Л.3.

[76] РГАДА. Ф.277. Оп.12. Д.488. Л.3, 220–228об.

Подгулявший крестьянин. Неизвестный художник. Акварель. 2-я половина XVIII в. ГИМ

же владельцами мануфактур жилье не выдерживало никакой критики. Что касается вольнонаемных работников, то почти вся их масса, видимо, обитала в снимаемых квартирах и углах, поскольку предприниматели едва ли заботились о жилье «сторонних людей».

7. СЕРДЦЕ РОССИЙСКОЙ ТОРГОВЛИ

«...Древняя столица... Москва по справедливости назваться может средоточием внутренней российской торговли»[77],– говорили московские купцы в 1793 г. Действительно, на протяжении всего XVIII столетия Москва продолжала оставаться крупнейшим торговым центром России. Ее первенствующие позиции не оказались в целом поколебленными даже возвышением Петербурга и быстрым ростом балтийской внешней торговли[78]. (Впрочем, такое сравнение едва ли корректно из-за того, что торговля двух долго соперничавших между собой столиц имела разную направленность.)

К сожалению, имеются лишь отрывочные и неполные сведения, дающие возможность представить удельный вес московской торговли в общерусском товарообороте. В 1709 г. со всех российских городов было получено таможенных сборов на сумму 179 962 рубля. Из нее на Москву пришлось 156 248 руб., или 86,8%[79]. Согласно составленной в конце 1720-х гг. сводной ведомости Камер-коллегии, величина таможенных сборов по Московской провинции равнялась 150 тыс. руб., тогда как с других 40 вместе взятых провинций Российской империи было собрано только 370 тыс. руб.[80] Исходя из этих данных, на Москву с провинцией приходилось 40,5% внутреннего товарооборота. В действительности, конечно, эта цифра была не столь велика, так как известны несовершенство таможенного учета и широкая распространенность контрабанды, особенно в окраинных провинциях. Тем не менее, принимая во внимание необходимые поправки, указанная сумма остается весьма внушительной и красноречиво свидетельствует об огромном значении Москвы в общерусской торговле.

Отмена в 1754 г. внутренних таможен (решение об этом было принято во время пребывания правительства в Москве в 1753–1754 гг.), длительное время препятствовавших нормальному товарному обмену, формированию и развитию единого всероссийского рынка, искусственно закреплявших средневековую региональную замкнутость, самым благотворным образом сказалась на торговле. Вместе с тем это важнейшее решение имело, кажется, только один существенный «изъян» – оно навсегда лишило позднейших исследователей ценных и сопоставимых итоговых данных о размерах товарооборота в отдельных центрах и местностях.

Что касается Москвы, то все имеющиеся разрозненные свидетельства, в том числе и косвенные – о численности населения, размере территории, развитии промышленности, однозначно указывают на рост во второй половине XVIII в. ее экономического потенциала, в том числе и в торговой сфере.

Помимо количественных показателей не менее существенны и качественные. Сравнительно новое исследование внутреннего рынка России позволило выделить пять групп поселений в зависимости от преобладавшего в них вида торговли. В первую, высшую, группу в середине XVIII в. вошло только 19 крупных городов, в которых существовала постоянная (оптовая и розничная) и отчасти дифференцированная по отраслям торговля, осуществлявшаяся в торговых рядах, гостиных домах, магазинах. Вторую группу составляли поселения, имевшие базарную и лавочную торговлю, третью – только базарную торговлю, четвертую – только ярмарочную, пятую – не имеющие ни лавочной, ни ярмарочной торговли. Города первой группы, список которых возглавляла Москва, представляли собой важнейшие торговые центры, поставлявшие на всю Россию товары как собственного, так и иногороднего и иностранного производства[81]. И лишь немногие из них, подобно Москве, являлись одновременно крупными промышленными и ремесленными центрами.

Чтобы лучше представить значение Москвы как ведущего торгово-промышленного центра страны, нужно иметь в виду относительно невысокий уровень развития прочих российских городов. К середине XVIII в. в 45% городов и городков проживало менее 1000 человек. Из указанных крупных городов первой группы, помимо Москвы и Петербурга, только в двух – Риге и Астрахани – насчитывалось по 30 тыс. человек. В Ярославле – менее 25 тыс., в Казани – около 20 тыс., в остальных – от 10 тыс. до 20 тыс. человек. В 1785 г. имелось, не считая Москвы и Петербурга, три города с числом жителей 30 тыс. человек (Рига, Астрахань, Кронштадт), 1–25 тыс. человек (Ярославль), 12 – от 10 тыс. до 20 тыс. человек, 21–10 тыс. человек, 33 – от 3 тыс. до 8 тыс. человек. Однако в подавляющем большинстве штатных или заштатных городков и городишек проживало менее 3 тыс. человек[82]. Малая численность городского населения являлась важнейшим фактором, сдерживавшим развитие торговли[83].

На этом фоне Москва, число жителей которой в начале XVIII в. составля-

[77] *Некрасов Г.А.* Внешняя торговля России через Ревельский порт в 1721–1756 гг. М., 1984. С.38,40.

[78] Материалы для истории московского купечества. Т.I. М., 1882. С.125.

[79] История Москвы. Т.II. С.49.

[80] *Кизеветтер А.А.* Посадская община в России. М., 1903. С.459–464.

[81] *Миронов Б.Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л., 1981. С.151, 152.

[82] Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С.151, 152.

[83] *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С.202.

ло около 140 тыс. человек, в середине – около 200 тыс. человек, а в конце века, по некоторым данным,– до 400 тыс. человек, выглядела гигантским городским миром. Сюда сходились деловые нити едва ли не со всей страны. Отсюда снабжалась товарами московского, внутрироссийского и зарубежного производства вся Россия. Московскому купечеству принадлежали ключевые позиции на внутреннем рынке.

Выгодное географическое положение, разветвленная издавна сеть водных и сухопутных дорог, связывавшая древнюю столицу практически со всеми российскими городами и весями, служили весомыми аргументами, подкрепляющими авторитет Москвы в торговых делах.

Самым привлекательным и рентабельным оставался в XVIII в. речной путь. По нему в Москву доставлялось около двух третей хлеба, львиная доля соли, леса, железа. Водный торговый путь по Москве-реке, Оке и Волге имел отчетливо выраженный сезонный характер. Причем поступление основной массы грузов падало только на один месяц – апрель (около 80%). В июне торговая навигация оказывалась уже практически невозможной из-за обмеления Оки. Речная сеть служила средством торгового сообщения Москвы прежде всего с центральными и южными хлебопроизводящими районами, городами Нижней Волги, в первую очередь Астраханью,– важнейшими транзитными пунктами на пути русско-восточной торговли с Закавказьем, Персией, Индией.

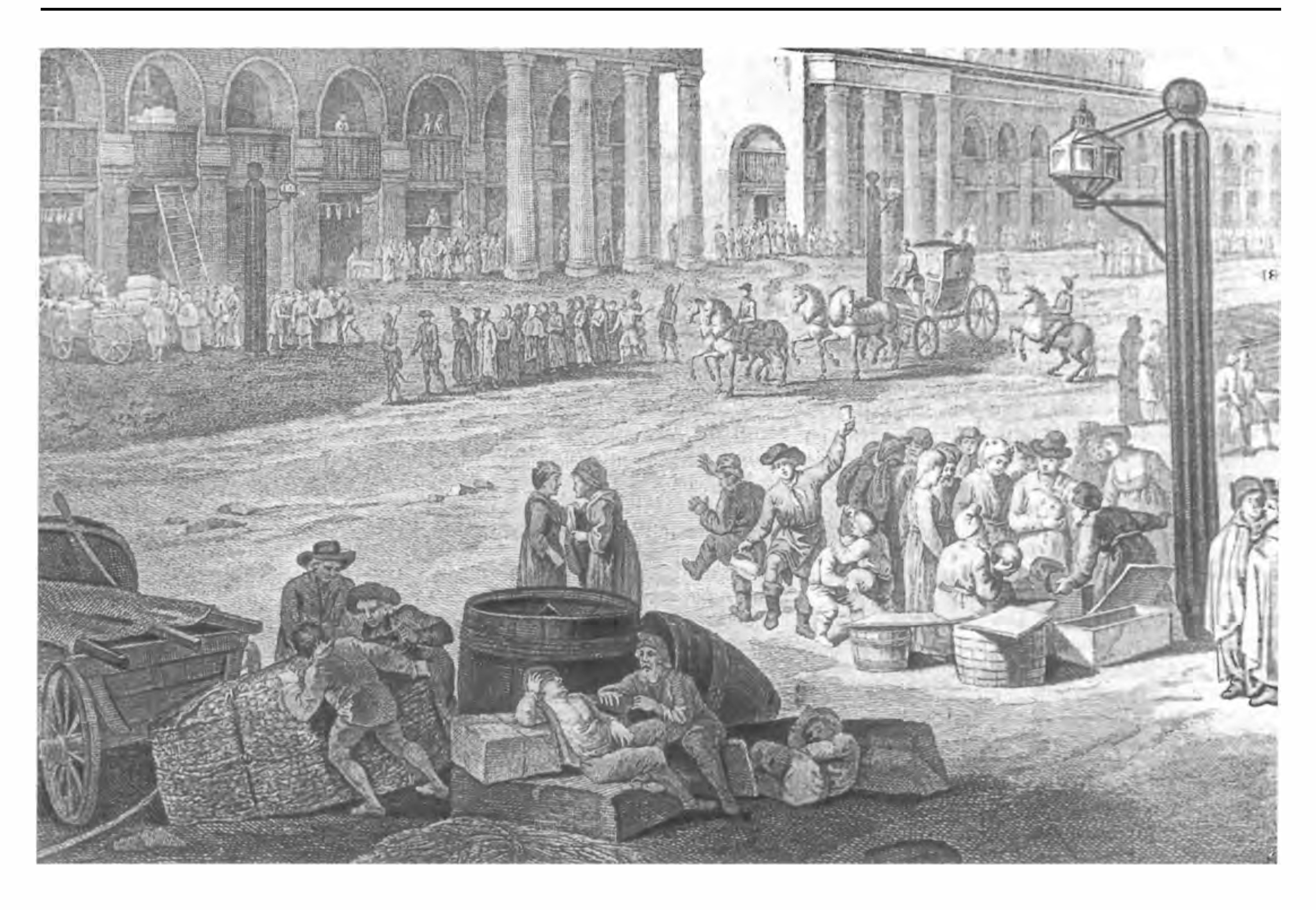
Москва издавна находилась в центре сплетения сети из сухопутных торговых магистралей и примыкавших к ним дорог местного значения, связывавших ее со всеми окраинами страны. Таких торговых нитей насчитывалось 24, из них главных, магистральных дорог – 14. Все они по-прежнему сходились к 18 московским заставам, расположенным по границе города. Границей в начале XVIII в. служил Земляной, а с 1742 г.– Камер-коллежский вал.

Южное и юго-восточное направления открывались отходящими от Серпуховской заставы в Замоскворечье Серпуховской и Каширской дорогами и от Покровской заставы – Коломенской и Касимовской дорогами.

Первые две связывали Москву с приокскими областями, городами Переяславль-Рязанским, Зарайском, Орлом, Мценском, откуда более всего доставлялось хлеба как московскими купцами, снаряжавшими хлебные обозы, так и местными орловскими, серпуховскими, калужскими купцами-скупщиками. Кроме них активно участвовали в хлебной торговле крестьяне Коломенского и Каширского уездов, Тульской, Калужской, Переяславль-Рязанской провинций. Причем многие весьма преуспели в этом деле и разбогатели настолько, что были в состоянии держать хлебные лавки на Болоте, Арбате, Зацепе, Зубове и конкурировать с московскими купцами. Хотя, конечно, большинству крестьян это оказывалось не под силу и они вынуждены были отдавать свой товар перекупщикам, поджидавшим их на въезде в Москву около заставы. Помещикам принадлежала значительно более скромная доля доставлявшегося хлеба, колебавшаяся от 10–15% в обычные и неурожайные годы и поднимавшаяся в урожайные до 30% всех хлебных поставок, осуществлявшихся гужевым транспортом. Серпуховская и Каширская дороги соединяли не только с южными землями Центрального района, но и вели далее к Курску, Воронежу, Харькову, Северному Кавказу, Приазовью, донским областям, Азовскому и Таганрогскому портам. По этому пути поступала основная часть крупного рогатого скота, непереработанных продуктов скотоводства из Малороссии и воронежских мест, украинский табак.

Коломенская магистраль от Коломны и Рязани шла на Тамбов и далее на Астрахань, через которую велась оживленная торговля с Закавказьем, Персией и Средней Азией. Из товаров внутренней торговли преобладали живой крупный рогатый скот, невыделанные кожи, тамбовская шерсть неплохого качества (она достаточно широко стала использоваться на московских суконных мануфактурах начиная с 60-х гг.), разнообразная рыба, главным образом с Нижней Волги, доставлявшаяся особенно в больших количествах зимой по санному тракту, хмель, широко культивировавшийся в Коломенском уезде (наряду с Московским уездом), корень марены, произраставший только в районе Астрахани и используемый для приготовления красной краски при крашении сукон. Из импортируемых товаров наибольшее значение представлял персидский (шемаханский и гилянский) шелк-сырец для успешно развивавшейся на протяжении почти всего XVIII в. московской шелкоткацкой промышленности, персидская и бухарская выбойка (белая бумажная ткань) для ситцепечатных мануфактур Москвы, готовые шелковые и бумажные ткани, тонко выделанная персидская кожа, прозрачные кисеи, драгоценные камни и ювелирные украшения из Индии.

Касимовская дорога (Касимовка) служила средством сообщения Москвы с районами Средней Волги, Поволжья. Отсюда также доставлялось немало скота и продуктов скотоводства, ценной рыбы. Если в XVII в. московские торговые люди имели обширные рыбные промыслы на Средней и Нижней Волге и сами привозили улов в столицу, то в XVIII в. они

Вид Старой площади. Гравюра по рисунку Ж. Делабарта. 1795 г.

уступили эту роль волжским рыбопромышленникам, яицким казакам, местным крестьянам, а себе оставили оптовую закупку волжской рыбы, установив контроль над ценами в Москве. Со второй половины XVIII в. в Москву через Саратов стала поступать эльтонская соль, привозимая зимой на санях крестьянами в дополнение к пермской и илецкой соли, переправлявшейся водой через Нижний Новгород.

От Рогожской заставы простирался путь на восток, куда вела печально знаменитая Владимирка. Но не только колодников гнали по ней в сибирскую каторгу. Она являлась и важнейшим торговым трактом, связывавшим Москву с Владимиром, Нижним Новгородом, Казанью, Пензой, Симбирском, Вяткой, Оренбургом, Средней Азией (Бухара и Хива), Сибирью, Дальним Востоком и Китаем. Из ближнего Владимирского уезда в Москву сухим путем поступали лен, конопля, продукты огородничества, из нижегородских мест – лесной мед, дешевый мех, сработанные крестьянами деревянные «ложки керженские». Основная продукция Уральского края – соль и необработанное железо – транспортировалась водой. Драгоценную же пушнину из Сибири, остававшуюся главным местным богатством, купцы воде не доверяли. Помимо мехов из Сибири вывозились оконная слюда, как обработанная, так и необработанная моржовая и мамонтовая кость, изделия из которой украшали лавки московских купцов.

Весьма активизировалась в XVIII в. открытая после заключения в 1689 г. Нерчинского договора русско-китайская торговля. Ее оживлению особенно способствовал Кяхтинский договор 1728 г., по которому была построена специально для меновой торговли пограничная Кяхтинская слобода. Московские купцы были ее частыми гостями и самыми крупными оптовыми покупателями[84]. В наибольшем количестве ими закупалась бумажная ткань, получившая в обиходе название китайки. Устойчивым спросом пользовались дорогие сорта шелковых тканей, фарфор. Регулярно покупался чай, постепенно начинавший завоевывать популярность не только как сугубо лекарственное средство. Эпизодически приобретался шелк-сырец, имевший важную природную особенность – отсутствие клейкого вещества в коконе, отчего он имел белый цвет и не нуждался в обработке. Партии драгоценных китайских грузов, с великими предосторожностями отправлявшиеся в Москву (путь занимал до трех лет), как правило, были очень крупными и дорогостоя-

[84] *Силин Е.П.* Кяхта в XVIII в. Иркутск, 1947. С.53–55.

щими – до 15 тыс. руб. Тем не менее по прибытию они быстро расходились по рукам московских купцов-оптовиков, не залеживаясь более одной-двух недель.

Пути на северо-восток и север начинались у Преображенской, Переславской и Дмитровской застав.

От Преображенской заставы вела довольно скромная по значению и протяженности Стромынская дорога, которая шла на Юрьев-Польский и Суздаль. По ней ввозились в Москву традиционные продукты огородничества, местных крестьянских промыслов, непереработанные лен и конопля, а также льняная пряжа.

Переславская, или Троицкая застава была ключом от не менее знаменитой, чем Владимирка, Троицкой дороги, которая уводила в сторону Троице-Сергиевой лавры и далее на север – к Костроме, Вологде, Великому Устюгу, Беломорью. Отсюда, а именно из Холмогор, Вологды в Москву зимой отправлялось немало ценной рыбы – семги, сига. Костромской и Вологодский уезды являлись постоянными поставщиками крестьянского домотканого льняного полотна, Белозерский и Костромской – различных искусно выполненных поделок из дерева для хозяйского обихода, Пошехонский уезд, район вокруг Устюжны Железопольской, где с XVI в. была хорошо развита крестьянская железоделательная промышленность,– железной домашней посуды и утвари. До начала 40-х гг. видные московские купцы, члены привилегированных торговых корпораций гостей, Гостиной и Суконной сотен продолжали ездить на крупную Архангелогородскую ярмарку, продолжавшую оставаться важным внешнеторговым центром. Сюда ими привозились большие партии меха, парусины, льняного полотна, пеньки, смолы, выделанных кож, сала, леса, а в обмен закупались самые разнообразные западноевропейские и «колониальные» товары. Затем им все же пришлось уступить прямому давлению правительства, принявшего в 1722–1724 гг. ряд экономических санкций, чтобы направить основной экспортный поток к Петербургскому порту[85].

К Дмитровской (Миусской) заставе сходились Дмитровская и Рогачевская дороги. Первая была незначительна по протяженности, да и не могла заявить о себе обилием провозимых товаров, вторая имела несколько большее значение, соединяя Москву через Рогачев, Кашин с районом Пошехонья, Вологодским краем.

Северо-западное, балтийское направление с его ярко выраженной внешнеторговой ориентацией приобрело в XVIII в. исключительную значимость. Из Москвы сюда шли две крупные магистрали, начинавшиеся от Тверской заставы,– Санкт-Петербургская и Тверская, посредством которых, а также сетью местных дорог она сообщалась со всем Северо-Западом. Москва являлась одновременно и крупнейшим потребителем заморского товара, и оптовым рынком, с которого ценные грузы переправлялись в другие города и на ярмарки. Перечень привозных товаров достаточно длинен и его условно можно разделить на две группы. Первая включала предметы роскоши и оставалась более-менее неизменной на протяжении столетия. В нее входили дорогие шерстяные и шелковые ткани, деликатный галантерейный товар, изящная посуда, тонкие вина, пряности. Вторая группа товаров более подвижна, поскольку определялась меняющимися интересами и потребностями государства, промышленности и более широких (в отличие от первой группы) слоев населения. Так, если первые три десятилетия XVIII в. приходилось ввозить солдатское сукно, то по мере успехов отечественной суконной промышленности (решающее слово здесь принадлежало московским суконным мануфактурам) к концу 30-х гг. удалось свести импорт к минимуму, а затем и полностью от него отказаться. Точно так же закупавшиеся в большом количестве набивные хлопчатобумажные ткани (ситцы или «выбойка немецкая») постепенно, по мере развития с 60-х гг. московских ситцепечатных фабрик заменялись продукцией последних. Длительное время приходилось закупать сравнительно тонкую силезскую (или «шленскую») шерсть для изготовления сукон. Но затем, в 70–80-х гг., ее начали все шире заменять отечественной черкасской, тамбовской и пензенской. Зато устойчивым спросом пользовались на протяжении всего столетия дорогие импортные краски, в первую очередь индиго (известная и под другими названиями, такими как лавра, крутик, кубовая краска), а также синий и желтый сандал, вайда (пастель, вед, вуд), брусковая краска, крап, шафлор, без которых не могли обойтись текстильные мануфактуры (неоднократные попытки найти им отечественные дешевые заменители так и не увенчались успехом). Важной статьей импорта были и цветные металлы – цинк, олово, свинец, необходимые ряду отраслей обрабатывающей промышленности.

Связь с западным направлением обеспечивала отходящая от Дорогомиловской заставы Можайская дорога на Смоленск, Торопец, Новгород, Псков до границы с Польшей. Из внутренних районов по ней в Москву отправлялась в большом количестве пенька, рыба, в том числе деликатесный псковский снеток в сушеном, реже мороженом виде. Рыбу везли преимущественно зимой замороженной, но крестьяне, заготавливая с зимы лед, умудрялись и летом достав-

[85] *Чулков М.Д.* Историческое описание российской коммерции. Т.IV. Кн.6. М., 1786. С.460, 495.

лять ее в огромных возах, причем свежую, переложенную льдом и рогожами. Кроме рыбы поступали мед, поташ, деготь, смола, продукты деревообработки. Как внешнеторговый путь, по которому осуществлялся обмен с Западной Европой через Польшу, Южную Германию (Нюрнберг, Аугсбург), Инсбрук, он по значению намного уступал петербургскому.

Наконец, южнее, в сторону юго-запада отходила начинавшаяся от Калужской заставы одноименная дорога на Малоярославец, Калугу, Орел, Брянск и далее на Малороссию, к которой примыкала локальная Боровская дорога. Товарная масса, перевозимая по ним, по характеру и составу мало чем отличалась от той, которая поступала из центрально-южных районов по Серпуховской и Каширской дорогам.

Торговой сердцевиной Москвы в течение всего XVIII в. оставался Китай-город. Из 4500 учтенных в начале века торговых точек, в основном лавок, 2100 находились именно здесь[86]. При этом нужно учитывать, что Петр I распорядился прекратить на Красной площади любые виды торговой деятельности[87], так что концентрация торговых помещений в других частях Китай-города существенно возросла. Гостиный двор, имевший два здания, построенных в 1641 и 1664 гг., неизменно сохранял роль главного центра оптовой продажи и покупки привозимых товаров. Не случайно поэтому в нем располагалась Большая таможня Москвы.

К середине 80-х гг. плотность торговых точек Китай-города увеличилась более чем в четыре раза. Здесь насчитывалось 8732 торговых места, тогда как в других частях города – 1646[88]. Складские помещения Гостиного двора (206 пакгаузов) уже не справлялись с возросшим товарооборотом. Поэтому в конце века пришлось начать строительство нового здания.

Помимо Китай-города сохранялась специализированная торговля отдельными видами товаров в других местах. Издавна торговля хлебом – зерном и мукой – велась в Мучном ряду за Воскресенскими воротами, за Москвой-рекой на Болоте, около Царицына луга, где находился хлебный рынок, на Арбате, Зацепе, Зубове; крупами – в Житном ряду, овощами и фруктами – на Полянке, Большом Каменном мосту, на Болоте, лесом и строительными материалами – на Лесном рынке и в Бабьем городке.

Состояние хлебного рынка в первую очередь сказывалось на уровне жизни москвичей. Для большинства городских слоев населения хлеб и крупы относились к основным продуктам потребления. Поэтому любые изменения здесь весьма чувствительно ударяли по их интересам.

К сожалению, отсутствуют систематические данные за полные годы, которые бы позволяли проследить колебания объемов хлебных поставок в течение ряда лет. На этот счет существуют лишь фрагментарные сведения. Так, с 22 октября по 10 декабря 1723 г. поступило 957 партий хлеба общим объемом 43 356 четвертей (около 400 тыс. пудов) на 766 тыс. руб.[89] В 1737 г. по воде было привезено 147 тыс. четвертей (около 1300 тыс. пудов) и гужевым транспортом в феврале 1737 г. около 16 тыс. четвертей (около 150 тыс. пудов)[90]. Всего же в этот год, по грубым прикидкам, Москва должна была получить около 200 тыс. четвертей (приблизительно 1770 тыс. пудов).

По сведениям, собранным московским правительством, в 1789 г. общий объем хлебных поставок составил 556 963 четверти (около 5 млн. пудов), причем вошедшие в итоговую цифру данные о гужевом привозе, по всей видимости, неполные[91].

Более чем двукратное увеличение хлебного притока к концу века вызвано не только ростом населения Москвы, но и возрастанием потребления привозного хлеба в центрально-промышленных районах, куда он поступал не только напрямую, но и через московские оптовые «магазейны», а также ростом хлебного экспорта после отмены запрета на него в 1762 г. Не случайно структура хлебного товаропотока во второй половине XVIII в. существенно изменилась. Если раньше около 75% хлеба приходилось на долю ржи (только 15–20% составляла ржаная мука), то теперь заметно стала преобладать пшеница: ее удельный вес колебался от 55 до 82%. Что касается ржи, то до 80% ее поступало уже перемолотой. Маловероятно, чтобы потребительские пристрастия большинства населения претерпели столь резкие изменения за это время. Скорее всего, основная часть привозимой пшеницы (все более активную роль в ее торговле стало играть помещичье хозяйство южных земель Центрально-Черноземного района) отправлялась за пределы Москвы.

По сравнению с хлебом потребление круп было незначительным. Доля гречихи составляла не выше 6–7%, пшена – 1,5–2%, остальных еще менее заметна.

На протяжении всего XVIII в. московский хлебный рынок не отличался устойчивостью, а цены – стабильностью. Периодически повторявшиеся неурожаи приводили к резкому повышению цен, отчего страдали малоимущие слои, трудовое население. Достаточно хорошо прослеживается такая закономерность: в голодные годы, во времена хлебных кризисов (например, 1704, 1723, 1733–1734, 1762, 1786–1787 гг.) прежде всего взвинчивались – в 2–2,5 раза – цены на рожь, гречиху, ячмень, горох, тогда как пше-

[86] История Москвы. Т.II. С.41.

[87] ПСЗ. Т.III. № 1649.

[88] Состояние столичного города Москвы 1785 г. М., 1879. С.7.

[89] *Кафенгауз Б.Б.* Хлебный рынок в 20–30-х гг. XVIII в. // Материалы по истории земледелия в СССР. М., 1952.

[90] История Москвы. Т.II. С.271–273.

[91] Там же. С.294.

ница, потреблявшаяся зажиточными горожанами, дорожала на 60–70%.

Противостоять разгулу рыночной стихии было непросто. Да и говорить о стихии не приходится, поскольку свыше половины всего хлебного оборота находилось в руках крупных оптовых торговцев – орловских и московских купцов, контролировавших цены. Тем не менее и центральное правительство, и московские власти старались осуществлять регулирование цен на хлеб и основные продукты питания, обуздывать аппетиты торговцев. Всегда пики активности властей приходились на кризисы, вызванные стихийными бедствиями (неурожаями, пожарами). Их рвение объяснялось стремлением снять готовое выплеснуться через край социальное недовольство горожан. Основные усилия в этом направлении прилагали Сенат и полиция. Московский магистрат, стоявший на страже интересов купечества, напротив, не проявлял «в пресечении таких чрезвычайных цен старание» и, несмотря на грозные сенатские предписания, задерживал присылку ведомостей с ценами на продовольствие и стройматериалы или не присылал их вовсе[92].

Меры принимались весьма жесткие. Перекупщиков продовольствия и строевого леса в 1729 г. было повелено бить кнутом нещадно[93]. По инициативе Главной полицмейстерской канцелярии в 1741 г. наказанию стали подвергаться не только перекупщики, но и полицейские офицеры тех частей, где действовали перекупщики. Подвергались регламентации и доходы купцов. Их прибыль не должна была превышать 3 коп. с пуда ржаных, решетных и ситных хлебов, 6 коп. с пуда саек, кренделей и калачей, 10% от продажи других видов продовольствия и стройматериалов[94]. Трудно сказать, имели ли эти меры какое-нибудь практическое значение или оказались образчиком бесплодного бюрократического рвения. Вероятнее всего второе. Но в любом случае нельзя упрекнуть власти в бездействии.

Достаточно регламентированы были и правила торговли. Полиции надлежало строго следить за тем, чтобы соблюдалась установленная разница между оптовой торговлей (с возов) и розничной (лавочной). Для каждой из них назначались предельные цены. Так, разница между покупкой оптом и в розницу куля ржаной муки (9 пудов) составляла в 1741 г. 17 коп., куля пшеничной муки – 25 коп. Однако налагавшиеся ограничения действовали только до полудня. Во второй половине дня властвовали уже «вольные цены». Но нарушителям правил по указу 1718 г. грозило наказание кнутом, конфискация имущества и ссылка на каторгу; инструкция московской полиции 1722 г. предписывала поступать несравненно мягче, ограничиваясь штрафом[95].

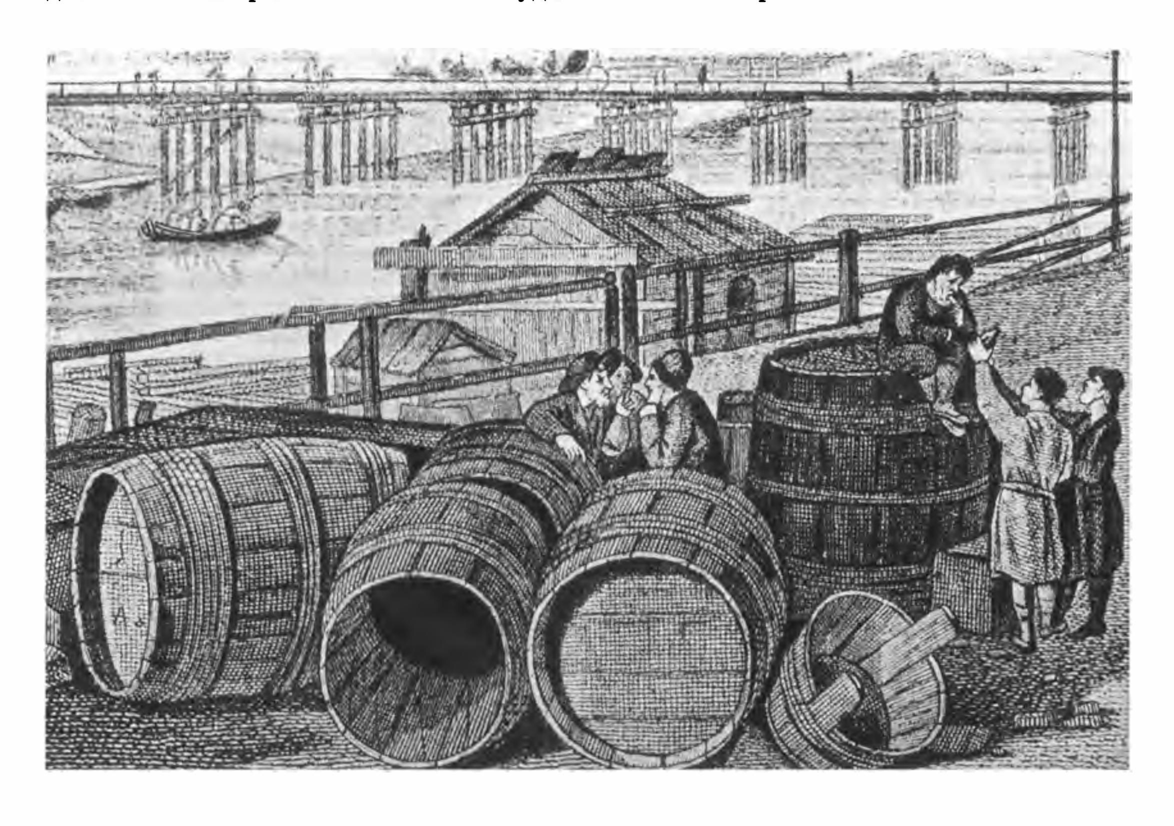
Аналогичные регулирующие меры, призванные упорядочить торговлю, действовали не только в отношении хлебных припасов, других продовольственных товаров, но и стройматериалов. Последние постоянно находились в поле зрения властей, поскольку частые пожары в деревянной Москве ставили строевой лес в один ряд с самыми жизненно необходимыми товарами.

[92] ПСЗ. Т.XIII. № 9650.

[93] Там же. Т.VIII. № 5398, 5405.

[94] Там же. Т. XIII. № 9652, 10134.

[95] *Сизиков М.И.* Торговый надзор полиции в России 40–60-х гг. XVIII в. // Промышленность и торговля в России XVII–XVIII вв. М., 1983. С.240; ПСЗ. Т.V. № 3212; Т.VI. № 4130.

Баржа и сплавной лес на Москве-реке. Деталь гравюры по рисунку Ж. Делабарта «Москворецкий мост». Конец XVIII в.

Варварская улица. Часть Гостиного двора, сооруженного по проекту архитектора Д. Кваренги. 1789–1805 гг. Гравюра. Конец XVIII в.

Иначе обстояло дело с солью. Торговля ею находилась в руках государства, и оно не собиралось расставаться с монополией на нее, памятуя о не столь далеком Соляном бунте и учитывая высокую доходность данной статьи казенного бюджета. Все нити управления торговлей солью находились в Москве. Их держала Главная соляная контора, осуществлявшая контроль не только за торговлей солью, но и за ее добычей и транспортировкой. Основной соляной поток шел с Урала. Но качество пермской и илецкой соли, добываемой посредством выпаривания подземного концентрированного рассола, было не очень высоким. Поэтому приходилось часть соли покупать за границей. Импортируемая соль использовалась преимущественно для соления мяса и рыбы[96]. Поступления соли с Эльтонского месторождения начались только во второй половине XVIII в.

Вся доставлявшаяся в Москву соль концентрировалась в одном месте – на Соляном дворе, расположенном на улице, прозванной Солянкой. Оттуда она уже поступала в соляные лавки Китай-города (на Мытном дворе) и ряд специализированных магазинов в Белом городе. Как и большинство прочих товаров, соль не только потреблялась горожанами, но и вывозилась за пределы Москвы – и в ближайшие к ней уезды, и в дальние местности, преимущественно к западу.

Казна не выпускала из-под контроля и такую прибыльную статью дохода, как торговля вином. Москва потребляла вино в преизрядном количестве и представляла емкий рынок сбыта. По расчетам 1740 г., годовая потребность в вине составляла 386 500 ведер[97] (1 ведро = 12,3 литра). На одного жителя, включая младенцев и женщин, приходилось около 32 литров в год (если согласиться с приблизительной оценкой численности московского населения, определяемой в 150 тыс. человек на середину века).

Первые два десятилетия XVIII в. главными поставщиками вина были владельцы винокуренных заводов из купечества. Группа московских купцов-винопромышленников относилась к самой крупной в России. По формальному признаку эта группа делилась на московских тяглецов (16 семей) и петербургских «переведенцев» (8 семей), постоянно проживавших в Москве, но числившихся жителями северной столицы. Этим 24 семьям принадлежало 36 винокуренных заводов из 280 учтенных заведений, поставлявших подрядное вино (из них купеческих – 224). Кроме них на конец 30-х гг. существовали 61–62 казенные винокурни, из которых 31 приходилась на Московскую губернию, но казенное производство вина пришло в полный упадок и не могло конкурировать с частным: к 50-м гг. оно давало только 4% потребного количества[98].

Установленное с 1728 г. льготное правило приема вина от помещиков ставило их в более выгодное положение относительно купечества и сразу же активизировало помещичье предпринимательство в винокурении. Тем более что общие предпосылки тому в виде роста товарности помещичьего зернового хозяйства были налицо. Поставки вина, в частности в Москву, стали быстро расти: в 1739 г. от помещиков было принято 106 988 ведер, в 1740 г.– 132 100 ведер. В 1742 г. предложение вина в Москве уже превышало спрос, поэтому правительство отменило преимущества помещиков перед прочими подрядчиками. Однако это решение действовало недолго. Дворянское винокуренное производство доказало способность конкурировать по

[96] *Некрасов Г.А.* Указ. соч. С.44.

[97] *Волков М.Я.* Очерки истории промыслов России. Вторая половина XVII – первая половина XVIII в. М., 1979. С.70.

[98] *Волков М.Я.* Указ. соч. С.47, 48, 55, 58.

уровню рентабельности с купеческим, ибо при господстве помещичьей собственности на землю и труд крестьян издержки производства зерна и вина оказывались минимальными. Оставалось, используя рычаги власти, устранить конкурента. И в 1755 г. дворянство добилось монополии на винокурение[99].

В сфере винной торговли продолжала господствовать средневековая система откупов. Но в XVIII в. облик ее приобрел новую черту. Питейные откупа стали являться средством не только извлечения торговой прибыли, но и способом реализации продукции собственного производства. Усилившаяся к 30–40-м гг. конкуренция в области сбыта вынуждала производителей пускаться во все тяжкие, чтобы заполучить выгодный и гарантирующий реализацию канал в виде откупа.

В Москве содержателями откупа питейных сборов выступало крупное купечество, внутри которого велась постоянная борьба на торгах за получение права на очередной откуп. Обычный срок его действия – 4–5 лет. Получивший откуп сбывал вино через опутавшую город сеть кабаков, имевших исключительное право на торговлю им.

Находившаяся в Москве Камер-коллегия обязана была строго пресекать любые попытки нелегальной продажи «корчемного вина», так же как и потаенный провоз его в город. С этой целью в 1731–1732 гг. был построен деревянный Компанейский вал, а в 1742 г. возведен земляной (Камер-коллежский) вал. Бесчисленные указы по борьбе с корчемством, грозящие суровыми телесными наказаниями, в том числе и полицейским чинам за нерадивость, создание специальных команд для отлова нарушителей, поощрение доносителей (им полагалась половина суммы от продажи конфискованного вина), учреждение в 1751 г. в Москве специальной Корчемной канцелярии, должной искоренить злодейский промысел[100] – все эти меры оказались малоэффективными. Казна продолжала испытывать в «питейном сборе великий недобор».

Как уже отмечалось, Москва была не только крупнейшим потребительским рынком, но и важнейшим центром транзитной торговли. Московское купечество занимало в ней место наиболее крупного оптового поставщика, специализировавшегося на отправке партий хлеба на север и северо-запад – в Псков, Новгород, Торжок, Ладогу, позднее – в Петербург и на экспортных операциях, осуществлявшихся с Архангельском, Петербургом, Астраханью, Кяхтой. Кроме того, оно активно участвовало в ярмарочной внутренней торговле, имея постоянные связи с крупнейшей в России Макарьевской ярмаркой (около Нижнего Новгорода), на которой главенствовало: по данным 30-х гг. московское первостатейное купечество контролировало весь отпуск товаров к «Макарию», также Свенской (Брянск), Тихвинской, Троицкой (Ранненбург) и другим ярмаркам. Поскольку с начала XVIII в. в России действовал принцип ярмарочной цепи, т.е. все ярмарки находились во взаимодействии и сроки их проведения были согласованы, то совершенно очевидно, что московские товары расходились по всей стране. Особенно широко была представлена на ярмарках продукция московских шелкоткацких, а с 80-х гг. и ситценабивных мануфактур, пуговичных, писчебумажных, «картных», кожевенных, шляпных, галунных, золото-волочильных, медно-латунных, фарфорово-фаянсовых (ценинных) фабрик.

Иногороднее купечество значительно уступало московскому в масштабах торговых операций. Как правило, приобретаемые им в Москве товары были рассчитаны на розничную торговлю и потому закупались в очень широком ассортименте, включавшем 40–60 наименований, чтобы удовлетворить потребности всех покупателей – и с тугим кошельком, и скромного достатка. Немногие иногородние торговцы располагали оборотным капиталом на сумму свыше 500 руб. Будучи стеснены в средствах, они были вынуждены обращаться за кредитом к московским купцам или ростовщикам. Такой кредит предоставлялся под высокий процент и ставил в тяжелую финансовую зависимость. Нередко участь должника оказывалась печальной – он полностью разорялся из-за одного-двух неудачных коммерческих предприятий или же по причине какого-либо несчастья, например грабежа «лихими людьми», и попадал в кабалу к кредитору.

Впрочем, и состоятельные купцы не были застрахованы от потери нажитого. Им также приходилось испытывать нужду в наличности и прибегать к накладным услугам частных заимодавцев. Ни создание в 1754 г. специального Купеческого банка, просуществовавшего до 1770 г., ни учреждение в 1786 г. Заемного банка, фактически открывавшего кредиты только дворянству, так и не смогли решить эту весьма острую проблему. Остался на бумаге и проект открытия в Москве биржи, обсуждавшийся в 1780-х гг.

Тем не менее, несмотря на отсутствие специальных учреждений, занимавшихся кредитованием и регулированием коммерческой деятельности, московское купечество во второй половине XVIII в. самостоятельно взяло на себя часть этих функций. Помимо кредитования иногородних купцов оно стало широко практиковать учет их векселей, наживаясь на процентах, взыскиваемых с должников по суду. По официальным данным 1800 г., ежегодная сумма опротестован-

[99] *Волков М.Я.* Указ. соч. С.68–70; ПСЗ. Т.XIV. № 10261, 10356, 10466.

[100] ПСЗ. Т.VIII. № 5284, 5357, 6276; Т.IX. № 6381, 6950; Т.X. № 7477, 7703, 7773.

ных в Москве векселей достигала 120 млн. руб.[101]

Точный учет прибывавшего в Москву за товарами иногороднего купечества отсутствует. Поэтому установить численность и удельный вес купцов того или иного региона в торговле с Москвой не представляется возможным. Можно лишь отметить те города, представители которых наиболее часто фигурируют в имеющихся материалах в качестве торговых эмиссаров. Из тех, что расположены к югу и юго-востоку, это Тула, Калуга, Орел, Воронеж, Брянск, Курск, Севск и Белгород; к юго-востоку и востоку – Коломна, Переяславль-Рязанский, Скопин, Сапожок, Ранненбург, Тамбов, Казань и Астрахань; к северо-востоку – Переславль-Залесский, Суздаль, Ярославль, Кострома, Нижний Новгород; к северу – Вологда, Архангельск; к северо-западу – Петербург, Тверь, Новгород, Олонец, Торжок, Тихвин; к западу – Торопец, Смоленск, Великие Луки, Псков.

Кроме купечества активно участвовало в торговле и крестьянство. Торгующих крестьян можно условно разбить на две группы. К первой относились те, кто пытался реализовать продукцию собственного производства, причем не только земледельческую. Широко развитая оброчная система помещичьего хозяйства в окружавших Москву губерниях, малоземелье вынуждали крестьян заниматься различными промыслами, заводить у себя по углам и светелкам мелкое «домашнее» производство. Особенное распространение в Подмосковье получило домоткачество простых полотен, невыделанных (суровых) сукон, а со второй половины XVIII в.– несложных шелковых материй и лент. Собственное «дело» крестьяне заводили чаще всего после обучения в течение нескольких лет на московских или других близлежащих мануфактурах в качестве «вольнонаемных» работников.

Вторую группу составляли крестьяне, для которых торговля стала единственным занятием и средством получения дохода. Только недостаток капитала или крепостное состояние мешали им в получении купеческого звания. Большинство из них занималось мелочным торгом в роли простых коробейников, имея в обороте 10–20 руб. Наиболее ловкие превращались в скупщиков продукции своих же сельчан, оптовых торговцев. Известны случаи, когда разбогатевшим крепостным крестьянам удавалось содержать в Москве лавки, используя подставных лиц.

Торговля крестьян обеих групп была сопряжена с большими трудностями. Продолжавший действовать на протяжении почти всего XVIII в. сословный принцип организации торговли серьезно ограничивал их доступ в эту сферу. На законных основаниях крестьяне могли только продавать съестные припасы в розницу, хотя и здесь испытывали притеснения. Понадобился специальный указ Сената 1754 г., требовавший от исполнительных властей на местах не препятствовать розничной крестьянской торговле. Более того, в 1767 г. Сенат, побуждаемый заботой о лучшем обеспечении Москвы продовольствием, распорядился не регистрировать на заставах и в полиции крестьян, привозивших на продажу продукты питания[102].

И все же, несмотря на рогатки и препоны, крестьяне проникали в Москву и сбывали свои товары. В первой четверти XVIII в., когда законодательство не было еще жестко регламентировано и предоставляло им некоторые возможности в торгово-предпринимательской деятельности[103], прослеживаются постоянные торговые связи с крестьянами из сел Тверского уезда, западной части Нижегородского уезда, Арзамасского, Алатырского и Муромского[104] уездов. Большой известностью и спросом, например, пользовались изготовленные в знаменитом торгово-промышленном «селе» Павлово (сохранявшем таковой статус лишь формально) ножи, замки, ножницы или же всевозможные медные изделия работы крестьян села Лысково – от пуговиц и застежек до крестиков и миниатюр на религиозные сюжеты.

После первой гильдейской реформы 1720 г. в условиях бюрократической регламентации, сословного деления, усилившегося давления крепостнического пресса непосредственная торговля крестьян в городе была свернута. Это больно ударило по интересам мелких товаропроизводителей, страдавших вдвойне – и от объявления вне закона их «безуказного» производства, и от невозможности сбыть свой товар легальным путем.

Тем не менее нелегальное производство и торговля его продуктами продолжались. Правительство безуспешно пыталось бороться с этими явлениями, действуя подчас весьма жестоко посредством специальных воинских и полицейских команд. Неискоренимой оказалась и оптовая крестьянская торговля, принимавшая завуалированные формы. Вместе с тем все более значительной становилась фигура скупщика. В последних десятилетиях XVIII в. он активно стал выступать и в роли организатора капиталистической рассеянной мануфактуры, раздавая крестьянам окрестных сел и деревень работу на дом.

Наконец, убедившись в полной бесплодности борьбы с крестьянской торговой деятельностью, отчего казна лишилась источника дохода, правительство в 1799 г. легализовало и оптовую торговлю, установив налог в 100, 50 и 25 руб. в зависимости от оборота. Сразу же было зарегистрировано 1963 кре-

[101] ПСЗ. Т.XXVI. № 19326.

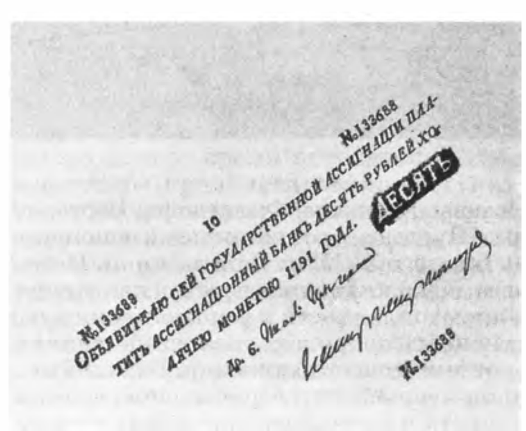
[102] Там же. Т.XIV. № 10191; Т.XVIII. № 13002.

[103] *Тарловская В.Р.* Торговля России периода позднего феодализма // Торговые крестьяне во второй половине XVII – начале XVIII в. М., 1988. Гл.II.

[104] Там же. С.90–93.

Разносчики на Красной площади в Москве. Рисунок Ж.-Л. Девельи. Конец XVIII в. ГИМ

Ассигнация в 10 руб.

стьянина, торговавших в 1217 московских лавках[105].

Обратимся к представителям многоликого, пестрого торгового мира Москвы.

До первой гильдейской реформы начала 20-х гг. его нижний ярус составляли посадские тяглецы, торговавшие повсеместно вразнос самой разнообразной снедью и напитками – блинами, пирогами, калачами, грибами, орехами, яблоками, рыбой, курами, квасом, ягодным морсом, а также предметами повседневного домашнего обихода, мелким галантерейным товаром. Их годовой оборот обычно не превышал 2–5 руб.

Несколько выше располагались имевшие стационарные торговые точки лавочники и «сидельцы». Их мелочная торговля осуществлялась в наемных лавках, пол-лавках и шалашах, аренда которых обходилась до 4–5 руб. в год, а торговый оборот редко переваливал за 50 руб.

К верхнему слою посадских торговых людей принадлежали владельцы лавок, производивших наряду с розничной и оптовую торговлю. Их товарооборот составлял не менее 80–120 руб.

Наконец, на самом верху находились члены привилегированных средневековых торговых корпораций гостей и Гостиной сотни. За первыми было закреплено монопольное право внешней торговли, право приобретать земли (вотчины), они освобождались от уплаты пошлин как с внешней, так и с внутренней торговли, от податей и служб, налагаемых на тяглое население. В 1705 г. в Москве числилось 27 фамилий гостей, в 1713 г.– только 10. О широких масштабах их внешнеторговых операций можно судить по величине оборотов: у Ивана Панкратьева и Никиты Сырейщикова – 6–7 тыс. руб., Степана Бокова, Федора Семенникова и Алексея Филатьева – от 10 тыс. до 15 тыс. руб., у Ильи и Семена Исаевых – свыше 40 тыс. руб.[106]

Гостиная сотня объединяла самых состоятельных купцов, занимавшихся внутренней торговлей. Они обладали теми же привилегиями и льготами, что и гости, за исключением права на покупку вотчин. Из 142 фамилий конца XVII в., входивших в Гостиную сотню, в окладных списках 1713–1714 гг. числилось лишь 77 в качестве «наличных московских жителей» и еще 21 фамилия «прибылых», то есть прибывших в Москву из других мест[107]. Объем торговых операций купцов Гостиной сотни значительно уступал гостям. Так, самые высокие оклады «десятой деньги» у входивших в Гостиную сотню Марковых, Мокеевых, Старцовых, Турчениновых, Цынбальщиковых не превышали 20–30 руб. и только у Евреиновых достигали 60 руб., тогда как у гостей они доходили до нескольких сотен, иногда до одной тысячи рублей.

Дальнейшая судьба гостей и Гостиной сотни была незавидной. Только пять некогда могущественных родов гостей –

[105] ПСЗ. Т.XXVI.№ 19326.

[106] *Аксенов А.И.* Генеалогия московского купечества XVIII в. Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988. С.34, 35; *Козинцева Р.И.* Внешнеторговый оборот Архангелогородской ярмарки и ее роль в развитии всероссийского рынка // Исследования по истории феодально-крепостнической России. М.; Л., 1964. С.135, 136.

[107] *Аксенов А.И.* Указ. соч. С.46, 47.

Дом Демидова в Гороховом переулке. Архитектор М. Ф. Казаков. 1789–1791 гг.

Исаевы, Чирьевы, Филатьевы, Нестеровы, Шустовы – сохранились в основном до 60-х гг. XVIII в. Из них лишь Исаевым, осуществившим перевод капиталов в промышленность и разбогатевшим на суконных подрядах, удалось закрепить экономическое положение. Остальные, проживая нажитое ранее, постепенно пришли в полный упадок. Ликвидация гостей как отжившего свой век средневекового института была обусловлена многими факторами: введением государственной монополии на пушнину и продажу соли в 1697 и 1705 гг., лишившей гостей чрезвычайно доходных статей; усилением налогового бремени в период Северной войны; резким сокращением экспортно-импортных операций во время войны; ликвидацией с 1728 г. прежних привилегий; естественной смертностью. Последние уцелевшие выходцы из родов гостей, вынужденные «верстаться» в купеческие гильдии в соответствии с объявленным капиталом, очень скоро обнаружили в новых реалиях свою предпринимательскую несостоятельность.

Почти такой же силы удар пришелся и на Гостиную сотню. До конца XVIII в. сохранился лишь 31 род (из 46 угасших родов более половины прекратили существование вследствие естественной убыли). Однако большинство находилось в довольно жалком положении, полностью или частично прекратив торговую деятельность и перейдя из купцов в мещане (18 фамилий). Только 6 фамилиям – Евреиновым, Марковым, Мокеевым, Старцовым, Турчениновым, Цынбальщиковым – удалось удерживаться до середины XVIII в. в составе 1-й купеческой гильдии[108].

Произведенное в начале 1720-х гг. разделение московских посадских людей по гильдиям на основе имущественной состоятельности, по «пожиткам и достоинству», показало наличие большой дистанции между богатой посадской верхушкой и остальным торговым людом. В первую гильдию было записано 322 человека, во вторую – 2002 и в третью – 8153[109]. Такая же пропорция сохранялась длительное время и позднее, вплоть до последних десятилетий XVIII в., когда доля мелкого капитала еще более возросла.

Несмотря на большое численное превосходство низшего купеческого слоя, решающее слово в торговых делах оставалось за купцами 1-й гильдии. Прежде всего на них опиралось правительство в своей экономической политике, им предоставляло привилегии, льготные субсидии, выгодные подряды. Но принадлежность к купеческой верхушке отнюдь не гарантировала безоблачной жизни, не была пожизненной, тем более наследственной, а целиком зависела от успехов предпринимательской деятельности конкретного лица. Удержаться в числе первогильдейцев было очень непросто: в 1748 г. окладные книги зафиксировали 382 фамилии первостатейных купцов, в 1766 и 1767 гг.– 235; после замены подушной подати однопроцентным сбором с объявленного капитала в 1775 г. это число сократилось до 110 и держалось примерно на этом уровне до конца XVIII в. Из 382 фамилий, значившихся

[108] *Аксенов А.И.* Указ. соч. С.47–53.

[109] История Москвы. Т.II. С.2.

в списках 1748 г., только 26 удалось сохранить первогильдейское купеческое звание до 80-х гг., а затем 11 пришлось все-таки с ним расстаться и перейти в низшие разряды[110].

Наибольшую устойчивость проявляли те династии, представители которых не ограничивались торговой сферой, а вкладывали накопленный капитал в промышленность. К ним относятся Евреиновы, Турчениновы, Старцевы, Докучаевы, Журавлевы, Бабкины, Ситниковы, Земские, Тамесы, ставшие владельцами крупных суконных, полотняных, шелкоткацких мануфактур. Однако и у самых «крепких» из них отсутствовала прочная семейная преемственность торгово-промышленных начинаний, успех которых во многом был определен талантом и предприимчивостью одного-двух представителей рода в первом, реже во втором поколениях. К концу 70-х гг. дела этих семейств либо приходили в окончательный упадок, либо наследники изымали доставшийся капитал из торгово-промышленной сферы, приобретая различными путями дворянство.

Нередко крах наступал по причине полной неспособности наследников продолжить налаженное дело. Показательна, например, судьба торгово-промышленного дома московских купцов Земских. Его основатель Данила Яковлевич Земский выдвинулся при Петре I, был послан им за границу для обучения мануфактурному шелкоткачеству и по возвращении получил от правительства значительные субсидии и привилегии для устройства под Москвой в с. Купавне большой шелковой мануфактуры. Благодаря своей деятельной натуре и в полной мере раскрывшимся исключительным способностям к организации крупного промышленного производства и не менее масштабным торговым операциям (в частности, известно участие Земского в прибыльной торговле с Китаем через Кяхту[111]) он в короткий срок сколотил громадное состояние. Помимо доходной купавинской шелкоткацкой мануфактуры он стал владельцем полотняной фабрики в Суздальском уезде и бумажной фабрики в Костромском уезде, к которым было куплено несколько крупных деревень. Вплоть до своей смерти в 1774 г. Д. Я. Земский прилагал старания к сохранению и приумножению богатства. Но все его состояние с необычайной быстротой промотал сын Данила. По словам Е. Смирной, внучки Д. Я. Земского по линии его старшей дочери, выданной замуж за князя В. Вяземского, ее дядя Д. Д. Земский «был слаб умом, многие воспользовались его слабостию... Не имев никакой нужды занимать деньги, [он] зачал давать векселя. Приставили опеку: вместо поправления – еще пущее разорение...», усугубленное корыстолюбием родственника-опекуна[112]. Действительно, неудачливый наследник привел дела к полному краху: общая сумма долга в 1779 г. составила 300 тыс. руб. Все фабрики, покупные деревни, имущество пошли с молотка[113].

Отсутствие надежной династической преемственности – немаловажный фактор, приведший к угасанию виднейших первогильдейских родов. Однако полная утрата ими в 60–70-х гг. ведущих экономических позиций обусловлена прежде всего другими обстоятельствами, которые повлекли за собой серьезное изменение курса правительственной политики в области торговли и промышленности.

До начала 60-х гг. правительство не покушалось на интересы привилегированного торгового и промышленного купечества. Оно охотно предоставляло торговые монополии, вводило сильно завышенные протекционистские торговые пошлины на отдельные виды товаров, устранявшие конкуренцию иностранных производителей, давало беспроцентные кредиты и льготы в тех случаях, когда считало необходимым развивать какое-либо направление производства. Весьма уютно долгое время чувствовали себя владельцы привилегированных «указных» мануфактур, обеспеченные прикрепленными «навечно» работниками, имевшие право покупать к предприятиям крестьян и всячески ограждавшиеся от конкуренции на рынке со стороны мелких «безуказных» производителей.

Поворот правительственной политики наметился на заседании Конференции на высочайшем дворе 5 января 1761 г., на котором было сформулировано мнение о необходимости ликвидации монополий и привилегий в торговле и промышленности, снятия ограничений на экспорт различных товаров за границу[114]. Именными указами от 28 и 29 марта 1762 г. были упразднены торговые и промышленные монополии (в том числе недавно созданные три восточные торговые компании – Темерниковская, Персидская и Среднеазиатская). Деятельность Персидской компании, сосредоточившей в своих руках торговлю с Закавказьем и Ираном, особенно негативно отразилась на состоянии московской шелкоткацкой промышленности, продукция которой значительно поднялась в цене вследствие завышаемых этой компанией цен на шелк-сырец. Указы ликвидировали также право покупки мануфактуристами-купцами крестьян к своим предприятиям. В 1769 г. сенатский указ дозволил всем желающим заводить ткацкие станы с уплатой однорублевого налога за стан. Он покончил с монопольным положением «указных» текстильных фабрикантов в сфере производства и распределения.

Как только верхний слой торгово-промышленного купечества лишился

[110] *Аксенов А.И.* Указ. соч. С.46, 47.

[111] *Силин Е.П.* Указ. соч. С.54.

[112] *Смирная Е.* Данила Яковлевич Земский // Русская старина. 1883. № 10. С.74, 75.

[113] РГАДА. Ф.277. Оп.1. Д.125. Л.178, 253.

[114] *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С.90–98, 182–184; *Юхт А.И.* Торговые компании в России в середине XVIII в. // Исторические записки. М., 1984. Т.III. С.270–278.

покровительства государства, он быстро потерял и лидерство. Его захватило не только напористое провинциальное купечество, стремившееся в Москву для завоевания новых рубежей, но и пробившиеся в московское купеческое общество вчерашние оборотистые крестьяне, разночинцы. Их особенно интенсивный наплыв приходится на последнее пятнадцатилетие XVIII в., т.е. на период после введения «Жалованной грамоты городам», окончательно закрепившей гильдейский статус. В этот период состав 1-й гильдии обновился на две трети: из 137 фамилий купцов, записанных в ней, 100 являлись новоприбывшими[115].

Первостатейное московское купечество последних десятилетий XVIII в. также обнаруживает ярко выраженное стремление к вложению капитала в промышленность. Из 137 его фамилий представители 51 (37,2%) стали «содержателями» промышленных заведений, по преимуществу текстильных фабрик. Тип преуспевающего предпринимателя олицетворяли теперь некогда безвестные крепостные крестьяне Грачевы, разночинцы Насоновы, Курносовы, Шелагины, Козьма Иконников, в прошлом иногородний купец, являвшийся владельцем крупнейшей ситцевой мануфактуры с оборотом свыше 170 тыс. руб. в год и не стремившийся войти в лигу виднейших именитых граждан или купцов-первогильдейцев, а довольствовавшийся званием купца 2-й гильдии. Свой успех и процветание они и подобные им предприниматели уже не связывали с государственной поддержкой, полагаясь целиком на свои силы. Однако некоторые из них, достигнув экономического могущества, испытали на себе влияние господствовавшей крепостнической системы. Грачевы, например, в начале XIX в. не избежали соблазна стать владельцами посессионных крестьян в связи с появившейся вновь возможностью покупать к фабрикам деревни.

8. И СЛОВОМ, И ДЕЛОМ

Петровские преобразования сплотили не только сторонников, но и противников реформ. Последних оказалось немало во всех слоях русского общества. В среде сосредоточенной в Москве аристократической части дворянства – боярства, издавна громко заявлявшей о своих правах на весомую долю власти, звучало недовольство по поводу открыто проявляемого царем нежелания считаться с их притязаниями и пренебрежения к их родовитости. Однако после свирепо подавленного заговора Цыклера 1697 г. и стрелецкого восстания 1698 г. боярская оппозиция потеряла голос.

Недовольно было и духовенство, особенно высшее, усилением светской власти, начавшей наступление на позиции церкви, ее относительную независимость, которая основывалась на огромных феодальных владениях землей и крестьянами. По приблизительным подсчетам, в начале XVIII в. в собственности монастырей находилось около 715 тыс. душ одних только крестьян. Зоркий взгляд «прибыльщика» Алексея Курбатова не мог пройти мимо таких богатств. Всего через несколько дней после смерти патриарха Адриана в 1700 г. Курбатов обратился к царю с предложением отложить выборы нового патриарха, передать фактическое управление церковными делами и имуществом в руки государства.

Совет А. Курбатова проистекал прежде всего из хозяйственной целесообразности и тяжелого положения страны. Вместе с тем он вполне отвечал мнению Петра I о непозволительной роскоши держать под спудом большие средства, расходуемые без видимой пользы для государства. Их значительная часть тратилась на удовлетворение прихотей высшего духовенства. В то же время этот совет отвечал и дальним политическим планам Петра по реформированию церкви.

Приступая к практической реализации реформы, царь прежде всего назначил на место патриарха – выборного главы русской православной церкви – временного управляющего Стефана Яворского, бывшего рязанского митрополита. Практически тот был лишен самостоятельности и полностью согласовывал свои действия с Петром I. В его компетенции остались так называемые духовные дела, связанные с отступлением от веры и нарушением священниками своих обязанностей. Он даже не всегда мог по своему усмотрению назначить епископов.

В январе 1701 г. было создано специальное государственное учреждение для управления церковными имуществами – Монастырский приказ[116]. Во главе его стал близкий сподвижник Петра I боярин И. А. Мусин-Пушкин. Приказ произвел перепись имущества 60 самых крупных и богатых монастырей и стал осуществлять контроль над доходами с этого имущества. Духовенству без его разрешения запрещалось самостоятельно расходовать средства на свои собственные нужды и нужды храмов (ремонт, строительство и т.п.). Специальным указом был определен размер ежегодного денежного жалованья монахов, одинаковый для всех и весьма скромный. Отдельный указ Петра I регулировал и численность обитателей монастырей. Он значительно сокращал количество как самих монахов, так и всякого рода монастырских служителей, родственников мона-

[115] *Аксенов А.И.* Указ. соч. С.61.

[116] ПСЗ. Т.IV. № 1829.

хов, которые, по определению Петра, ели дармовой хлеб. Вместо них практичный царь предписывал населить монастыри больными, нищими, отставными солдатами-инвалидами[117].

Реформа не затронула феодальную земельную ренту средних и мелких духовных собственников. Петр I не мог решиться на более радикальные действия, опасаясь не только оппозиции со стороны духовенства, но и широкого народного сопротивления, организованного при участии церковников. Слишком неустойчивым было внутреннее и внешнее положение страны. Недовольство же духовенства было хорошо известно, хотя оно редко выражалось открыто. Но Петр переступил через него, преодолев психологический барьер, препятствующий светской власти вторгаться в суверенную область церковных владений.

Более того, царь немало способствовал и распространению насмешливо-пренебрежительного отношения к церкви. Особую лепту сюда внесла деятельность его детища – Всепьянейшего шутейного собора. Во главе собора стоял князь-папа. При нем находилось 12 кардиналов – великих пьяниц и обжор – с большим штатом епископов и других более низких чинов. Они большей частью были награждены столь непристойными прозвищами, которые едва ли могут быть воспроизведены печатно. Первая заповедь шутейного собора предписывала напиваться ежедневно и не ложиться спать трезвыми. Если в древней церкви при крещении задавали вопрос: «Веруешь ли?», то на шутейном соборе церемония приема нового члена начиналась словами «Пьешь ли?» Были сочинены подобающие случаю молитвы и песнопения во славу Бахуса. Короче говоря, это была непристойная сатира на церковное богослужение и иерархию. Многие видели в этом просто выход необузданной энергии Петра I, неразборчивость в шутках, проявление грубоватого юмора на почве вовсе не лестной оценки нравственных качеств духовенства. Невежество, корыстолюбие, пьянство и другие пороки были свойственны в одинаковой мере как высшим, так и низшим духовным чинам. И это ни для кого не являлось секретом. Однако немало современников рассматривали деятельность шутейного собора именно как прямую пародию на церковь. Поначалу объектом ее были склонны видеть исключительно римско-католическую церковь. Но после смерти патриарха Адриана Всепьянейший собор изменил окраску. На шутовских свадьбах 1701–1702 гг. князь-папа Н. М. Зотов уже облачался в старинное одеяние патриарха русской православной церкви. Высшие «кардиналы» переоделись в одежды митрополитов. Одним словом, смена атрибутики явно указывала на избрание новой мишени для насмешек.

Выбранная Петром I экстравагантная форма косвенной критики церкви шокировала и оскорбляла истинно верующих людей и в то же время давала ясно понять, что самодержец-реформатор не испытывает трепетного почтения перед отцами православия, способен нарушить гармонию вековых отношений высшей светской и духовной властей в угоду своим замыслам. Вместе с тем, как отметил наблюдательный дипломат петровского времени Г. Ф. Бассевич, шутейный собор никак нельзя заподозрить в посягательствах на сущность религии[118].

Петр I, как и все его царственные предшественники, по-прежнему видел в церкви одну из главных сил, укрепляющих самодержавие и общественный порядок. На поставленный им самим вопрос при толковании евангельских заповедей о первопричине всех грехов он отвечал так: атеизм есть первородный грех, от него проистекают все остальные грехи[119]. С безбожниками при Петре I по-прежнему боролись варварскими средневековыми методами, как с государственными преступниками. Если по Соборному уложению 1649 г.– своду основных законов – виновного в богохулении просто сжигали на костре, то в соответствии с принятым Петром I законом такому преступнику полагалось прожечь язык раскаленным железом и затем отрубить голову. Нелишне заметить, что система уголовных наказаний при Петре I не подвергалась какому-нибудь заметному смягчению в духе «нового времени». По своей жестокости она продолжала оставаться в рамках средневековья.

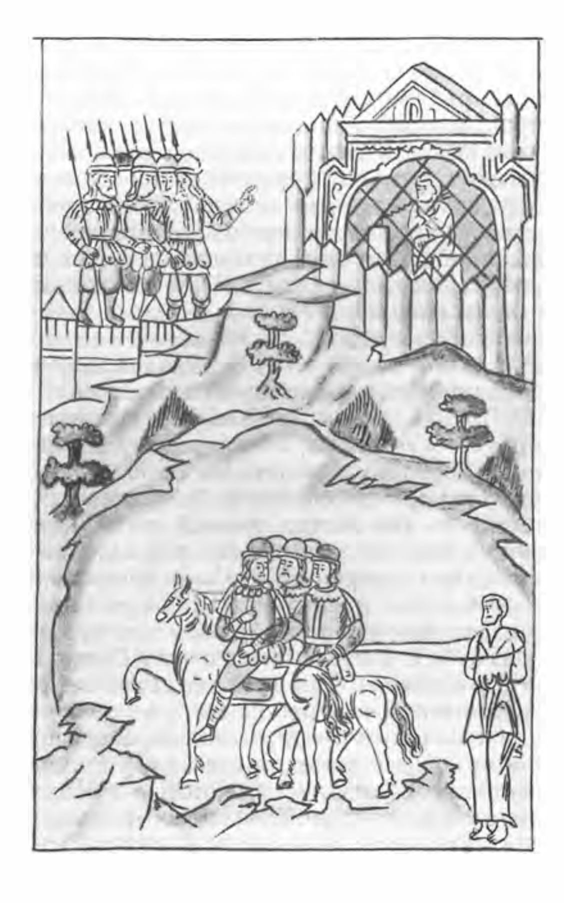
Царь считал самого себя безусловным защитником православия. Но потребности страны, которые он ставил превыше всего, заставили его отойти от традиционной защиты господствующей веры посредством примитивной изоляции от неправославного мира. Объявленная им веротерпимость впервые стала одной из основных и непреложных норм государственной жизни. Манифест о привлечении иностранцев в Россию 1702 г. предоставлял каждому христианину право самостоятельно заботиться о спасении своей души, свободно выбирать вероисповедание. Разрешалось повсеместное строительство инославных христианских церквей помимо тех, которые было позволено возвести более ранними частными указами в Москве и Архангельске.

Веротерпимость была присуща и самому Петру I, не разделявшему идеи национальной и религиозной исключительности России. Известна, например, энергичная деятельность царя по организации перевода иностранной литературы. С его ведома печатались сочинения, проникнутые протестантским духом. Так, в 1716 г. по царскому повелению были на-

[117] ПСЗ. Т.IV. № 1834, 1886.

[118] *Бассевич Г.Ф.* Записки // Русский архив. 1865. Вып.2. С.169, 170; Вып.5, 6. С.569.

[119] *Семенова Л.Н.* Церковные преобразования в первой четверти XVIII в. // Вопросы научного атеизма. М., 1980. Вып.25. С.130, 131.

Поимка и привод беглых. Миниатюра. Конец XVIII в. ГИМ

печатаны «Дружеские разговоры» Эразма Роттердамского на русском и голландском языках. Издание адресовывалось прежде всего юношеству. В предисловии прямо сказано о содержавшихся в нем мыслях, противоречащих православному учению, не совместимых с ним; они намеренно доводились до сведения читателей без искажений и купюр для того, чтобы составить представление об аргументах противников православия, уметь противопоставить им собственные истинные суждения[120]. В этом же ряду стоит открытие католическим пастором Глюком в Москве в 1703 г. школы для обучения русских юношей. Петр I определил Глюку огромное ежегодное жалованье в размере 3 тыс. руб. В 1707 г. врачом-иностранцем Николаем Бидидо также в Москве была основана хирургическая школа.

Многие современники, особенно из духовенства, отмечали быструю перемену в поведении, привычках, взглядах, произошедших прежде всего в среде молодых дворян, восприимчивых к влияниям извне. Даже ближайший сподвижник Петра I архиепископ Феофан Прокопович с горечью констатировал такую перемену. Он, в частности, обратил внимание на вошедшее в моду украшение стен домов картинами с сюжетами из произведений Эзопа и античной мифологии, на преданный забвению древний русский обычай креститься при входе в дом и украшать передний угол комнаты иконой. Сетовал на заметное предпочтение содержания форме в деле веры у молодежи, при котором обрядовая сторона утрачивала свое прежнее первенствующее значение. Причем насмешливое отношение к обрядам и духовенству стало привычным, обыденным в светских кружках, а слово «веротерпимость» сделалось модным. Богословские рассуждения, сопровождавшиеся часто поразительным невежеством, распространялись, как эпидемия[121].

Весьма показательным стало появление и распространение «еретических» взглядов Дмитрия Тверитинова, а также различная реакция светских и духовных властей в связи с этим. Тверитинов тесно сошелся с приехавшими в Россию по вызову Петра I иноземцами, усердно учился у них наукам, языкам, проявил большой интерес к протестантскому вероучению. Став лекарем, он принялся врачевать не только тела, но и души, будучи вхож в дома представителей различных кругов московского общества. Его слушателями были купцы, чиновники, ремесленники, ученики Славяно-греко-латинской академии. Тверитинов выступал с резкой критикой многих основополагающих церковных установлений и порядков с близких к протестантизму позиций. Он ополчился против авторитета церкви и ее иерархии, отрицал незыблемую справедливость всех церковных догматов, преданий, таинств и обрядов, ставя под сомнение необходимость выполнения православной церковью ее главной связующей функции человека с Богом.

Тверитинов не скрывал своих взглядов и пытался их широко пропагандировать, вступая в дискуссии и полемику с видными иерархами церкви, учеными (в частности, с Леонтием Магницким, автором известного учебника математики), некоторыми сановниками, такими как московский вице-губернатор Василий Ершов. Но «раскрыт» был кружок только в 1713 г., после почти пятнадцатилетнего существования, прошедшего в ученых спорах. К этому времени церковная оппозиция обозначилась вполне отчетливо и начала все более заявлять о себе. Ее решился возглавить, несмотря на свою осторожность, местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский. Он занял непримиримую позицию, потребовав суда над еретиками и их смертной казни. Ему удалось добиться ареста Тверитинова и отлучения его от церкви. Однако Петр I решил одернуть зарвавшегося местоблюстителя. Дело Тверитинова отобрали у церковной власти и передали светской. В Петербурге снисходительный суд добился отречения тверитинцев от своих взглядов и, довольствовавшись этим, распорядился снять с них церковное отлучение. Но в данном случае коса нашла на камень. Яворский

[120] *Пекарский П.П.* История Академии наук в Петербурге. Т.II. СПб., 1873. С.369.

[121] *Феофан Прокопович.* Письма // Труды Киевской духовной академии. 1865. Январь. С.145, 146.

проявил твердость и вознамерился не отступать. Члены кружка были разосланы по монастырям, где над ними продолжалось следствие. Один из них – Фома Иванов, надломленный психически и физически, совершил «богохуление». Этого только и ждали инквизиторы от православия. Фому Иванова публично сожгли на Красной площади, а остальных тверитинцев предали анафеме[122].

Если правительство, не в пример церковникам, вполне терпимо относилось к критикам ортодоксального православия, не выходящей за сугубо религиозные рамки, то совсем иначе оно смотрело на раскольников.

Раскол в русской православной церкви произошел в 50–60-х гг. XVII в. и связан с деятельностью патриарха Никона. Вся она была подчинена одной цели – укреплению могущества православия и духовенства, чье влияние в русском обществе стало заметно слабеть. Никон при этом отстаивал идею главенства духовной власти над светской. Укреплению авторитета церкви должна была способствовать ее реформа, осуществленная при активном участии патриарха в 1655 г. Суть реформы заключалась в устранении расхождений в церковных обрядах между греческой и русской православными церквами. Сторонники реформы исходили из ошибочного представления о том, что в русских обрядах и богослужебных книгах в XI–XV вв. произошли изменения, которые не соответствовали истинным греческим канонам (на самом деле все происходило наоборот, но это удалось доказать историкам церкви только во второй половине XIX – начале XX в.)[123]. По замыслу реформаторов, устранение искажений и несоответствий способствовало бы сближению греческой и русской церквей, повышению церковного престижа. Патриарх Никон рассчитывал таким способом укрепить и собственный престиж, добиться независимости от светской власти, занять по меньшей мере равное с царем положение в управлении страной. Введение новых обрядов и богослужения по исправленным книгам не сопровождалось официальным разъяснением мотивов перемен. Поэтому оно было воспринято очень болезненно значительной частью населения, особенно крестьянством и бедными слоями городского населения, испытывавшими ухудшение экономического положения в связи с усилившимся давлением государственно-крепостнического пресса. В народном сознании этот акт был расценен как введение иной веры, отличной от прежней, «истинно православной». В ответ родился протест, в котором тесно переплетались религиозные и социальные мотивы. Государство совместно с церковью обрушилось всей мощью репрессивного аппарата на приверженцев «старой веры».

Тюрьма и телесные наказания. Миниатюра. Конец XVIII в. ГИМ

В конце XVII – начале XVIII в. раскол становится более сложным социально-религиозным движением. Его основу по-прежнему составляли последователи староверия. Но наряду с ними возникло множество различных сект и еретических течений. Их члены не признавали официальную церковь, находились в оппозиции и к государству, поскольку оно поддерживало эту церковь.

В начале XVIII в. церковь по-прежнему продолжала непримиримо относиться ко всем проявлениям религиозного инакомыслия, и особенно к староверческому движению. Светская же власть несколько смягчила свою позицию, стала более взвешенно и дифференцированно подходить к восприятию раскольничества. Принадлежность к расколу при Петре I уже не квалифицировалась однозначно и прямолинейно как преступление перед церковью и государством. В какой-то степени здесь сказалась общая атмосфера большей религиозной терпимости, чем ранее. Важно учитывать также государственный прагматизм и реализм Петра I. Одержимый идеей преобразования России, он на все действия своих подданных смотрел прежде всего с позиции государственной пользы. Прочие соображения всегда отступали на второй план. Вести еще одну войну – религиозную – внутри страны было бы непозволительной роскошью для Петра-самодержца. Поэтому он решил отнестись к расколу как к неизбежной реальности, неизбежному злу, которое нельзя устранить насилием (оно лишь ожесточало староверов и множило ряды их сторонников), но даже мож-

[122] *Тихонравов Н.С.* Московские вольнодумцы начала XVIII в. и Стефан Яворский // Соч. Т.2. М., 1898. С.90.

[123] Русское православие. Вехи истории. М., 1989. С.200.

но использовать к определенной государственной выгоде.

Правительство решило оставить в покое тех раскольников, которые открыто объявят о своей принадлежности к расколу и за свое отступничество будут платить двойные налоги. По указу 1714 г. все раскольники подлежали переписи и обложению двойными налогами. Этот указ затем неоднократно подтверждался[124]. Причем непосещение священника для исповеди расценивалось как принадлежность к расколу и влекло штраф.

Однако до достижения гармонии и согласия было далеко. Большинство староверов не одобряло петровских преобразований и нововведений. Они на себе испытали всю неимоверную тяжесть обрушившихся чрезвычайных налогов и повинностей. Усилившаяся эксплуатация дополнялась необъяснимыми здравому смыслу рядового человека насильственными изменениями вековых привычек, всего уклада жизни. Такой человек, воспитанный церковью на антипатиях к иноверцам, не мог понять, с какой целью устремились в Россию иностранцы, почему царь окружает себя ими. Внешние перемены – переход на общеевропейское летоисчисление, на начало нового года с января, а не сентября, запрещение всем подданным, кроме крестьян, иметь бороды и носить русское платье,– призванные приблизить Россию к Западной Европе, вызывали в душе только раздражение и протест. Сочетание социально-экономических, психологических, религиозных мотивов подготовило почву для рождения предчувствий о скором явлении антихриста и конце света. На эту почву упало и зерно первых идеологов раскола, предрекавших приход антихриста с Запада, из Рима. Приток иностранцев в Россию был воспринят раскольниками именно как последнее предупреждение перед явлением самого антихриста. Благодаря метаморфозам в народном сознании, интерпретации под определенным углом зрения действий верховной власти олицетворением ожидаемого антихриста стал не кто иной, как сам царь.

Слухи о царе-антихристе обычно сопровождались призывами к неповиновению царской власти. Поэтому распространителей таких слухов рассматривали исключительно как государственных преступников. Религиозная окраска их выступлений во внимание не принималась и не являлась основанием для уменьшения степени вины.

Распространение эсхатологических настроений (т.е. предвестий о пришествии антихриста и близком конце света) началось из Москвы. Первым их выразителем стал Григорий Талицкий, простой переписчик книг, близкий к кругам московского духовенства. Объявив царя Петра воплотившимся в земном облике антихристом, Талицкий в своих письменных воззваниях, сочувственно воспринимавшихся многими лицами духовного звания, простыми горожанами, не останавливался даже перед призывом к бунту против престолодержателя и его убийству. Понятно, сочинителю такой предерзостной крамолы не могло быть снисхождения. В 1700 г. Талицкого сожгли на костре. Пострадал и замешанный в деле тамбовский епископ Игнатий, лишенный сана и сосланный на Соловки[125]. Беспощадно поступало правительство впоследствии и с другими проповедниками явления царя-антихриста, даже если их речи не содержали прямых выпадов против государственной власти. Однако в Москве такие речи перестали звучать открыто. Старообрядчество целиком переместилось в российскую глубинку – на Европейский Север, в глухие нижегородские леса, в недоступные районы нижнего течения Волги и Дона, на Урал и в Западную Сибирь.

В последующие годы петровского царствования симптомов проявления широкого народного недовольства в Москве не наблюдалось. Сказалась и атмосфера всеобщего страха, нагнанного Преображенским приказом, без промедления выжигавшим каленым железом любую крамолу. В то же время обозначившиеся успехи власти старались закрепить в сознании людей вспышками фейерверков во время торжеств по случаю побед в войне, которые непременно устраивались в Москве. Оба средства воздействия указывали на силу и крепость правящего дома. Последняя попытка узкого заговора, вызревшего в среде московского боярства и духовенства в 1717 г., была обречена на провал. Заговорщики, мечтавшие о возвращении к «старине», к прежним, допетровским порядкам, привлекли на свою сторону наследника престола – царевича Алексея. Но их замыслы были довольно быстро раскрыты. Царевича в начале февраля 1718 г. начали допрашивать в специально созданной по его делу Тайной канцелярии в Петербурге, 25 июня следствие над ним закончилось вынесением смертного приговора, а 26 июня Алексей умер при невыясненных обстоятельствах. Для устрашения москвичей головы казненных по этому делу были выставлены на столбах, водруженных на одной из площадей первопрестольного града.

Брожение в умах, иногда готовое выплеснуться наружу, сменилось на некоторое время относительным затишьем. Но постепенно московские власти начали осознавать появление нового источника социального беспокойства в виде работных людей мануфактур. По мере роста мануфактурной промышленности Москвы глухое недовольство рабочих порой прорывалось наружу или же их

[124] ПСЗ. T.V. № 2991, 2996, 3232.

[125] *Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I. М., 1957. С.140–145.

протест против притеснений и крепостнических порядков принимал форму бегства с предприятий.

Уже в 20-х гг. работные люди самой крупной суконной мануфактуры – Московского Большого суконного двора – заставили обратить на себя внимание. После передачи предприятия из казенного ведения в частные руки компании «содержателей» во главе с В. Щеголиным их положение резко ухудшилось. Владельцы различными способами пытались снизить расценки и уменьшить заработки, ужесточили наказания за провинности, самовольно чиня расправу – заковывая ослушников в «железа», бив «плетьми смертно» и грозив наказанием кнутом, «не объявляя вины». Многочисленные письменные жалобы рабочих в Берг- и Мануфактур-коллегии не возымели действия, что заставило их искать заступничества непосредственно у царя во время его пребывания в Москве. Возможно, устное челобитье Петру I, принесенное в январе 1722 г. на Царицыном лугу, дало какие-то результаты и заставило компанейщиков на некоторое время быть более сдержанными в отношениях с работными людьми. Однако после прикрепления последних к мануфактуре (по указу 1736 г.) борьба вспыхнула с новой силой.

В результате ухищрений владельцев, пытавшихся разными способами обманывать рабочих – то поднимая норму выработки, то снижая расценки, то выдавая заведомо негодную шерсть, чтобы потом вычитать из зарплаты за брак,– обстановка вновь накалилась. В 1737 г. мастеровые и работные люди, разуверившись в действенности подачи жалоб в разные правительственные инстанции, остановили производство. Зачинщиков арестовали и жестоко наказали, но это не возымело действия. В марте 1738 г. рабочие вновь прекратили работу и отправились «многолюдством» к Военной конторе подавать челобитную на притеснения фабрикантов, за что один из суконщиков был публично высечен плетьми. Но в ответ на требование конторы немедленно возобновить работу последовал твердый отказ и встречное требование к фабрикантам временно поднять расценки до 6 руб. за половинку сукна впредь до тщательного исследования дела и установления справедливых расценок, с чем те вынуждены были согласиться. Но этот небольшой успех, достигнутый благодаря проявленной работными людьми стойкости и сплоченности, оказался кратковременным. Владельцы мануфактур вновь усилили давление, рассчитывая на попустительство властей в условиях военного времени (русско-турецкой войны 1735–1739 гг.), когда надобность в сукне ощущалась правительством особенно остро. Обсчеты, штрафы, тяжкие наказания рабочих продолжались. В поданной ими в июне 1739 г. очередной челобитной утверждалось, что содержатели фабрики – Болотин с товарищами задолжали с марта 1737 г. более 40 тыс. руб. «заработных денег» в соответствии с утвержденными в 1723 г. расценками, употребляли в дело негодную шерсть, сознательно нарушали технологию производства, нанося тем самым «казенному интересу немалый ущерб», а себе извлекая «воровской прибыли» до 20 тыс. руб. в год. Стремление работных людей найти понимание и сочувствие в правительственных инстанциях, выказав себя радетелями интересов казны, не принесло ожидаемого результата. Разбирала жалобу Коммерц-контора. Не вникнув глубоко в суть дела, она удовлетворилась общими и поверхностными объяснениями компанейщиков по поводу выдвинутых обвинений. Челобитная работных людей была признана ложным доносом, и ее авторы понесли жестокое наказание.

Расправа не остановила работных людей в их стремлении к поиску справедливости. Они продолжали обивать пороги московских правительственных инстанций, да вдобавок послали в Петербург своих выборных с челобитной к Анне Иоанновне. Участь посланцев была печальной. Их арестовали, и они «от тюремного сидения и от великого гладу померли». Но рабочие решили не отступать и прибегнуть к испытанному средству – остановке работы, прекрасно сознавая, что это единственный путь заставить правительство обратить на себя внимание. На этот раз они твердо заявили, что не приступят к работе до тех пор, пока не будут установлены правительственным указом устраивающие их расценки. Дело получило широкую огласку и не на шутку встревожило власти упорством рабочих. В 1742 г. последовал императорский указ, в котором признавался факт самовольного уменьшения расценок фабрикантами против официально утвержденных в 1723 г. и предписывалось вновь установить зарплату по этим расценкам «до будущаго впредь разсмотрения каждого мастерства». Пламя конфликта вновь удалось притушить, но угли продолжали тлеть, в любой момент готовые вспыхнуть снова. Фабриканты никак не могли согласиться на возврат прежних щедрых, по их мнению, расценок 1723 г., поскольку за прошедшие 20 лет квалификация рабочих существенно выросла и привела к увеличению производительности труда. Они доказывали, что плата в 6 руб. за половинку готового сукна вполне достаточна и соответствует 7,5–8,5 коп. в день. Тем более на нее сами рабочие однажды уже согласились. Владельцам вторили содержатели других московских суконных мануфактур, всегда в таких вопросах проявлявшие редкое единодушие. Но рабочие не

желали прислушиваться к аргументам противной стороны и идти на компромисс.

В 1749 г. произошло новое столкновение. Мастеровые и работные люди не только остановили производство, но и оказали открытое сопротивление воинской команде, посланной на мануфактуру для наказания плетьми зачинщиков возмущения. Они силой отбили у солдат ткача Терентия Афанасьева, приготовленного для экзекуции, за что многие были жестоко высечены кнутом и сосланы на каторжную работу. В 1762 г. произошел аналогичный случай, вновь показавший удивительную сплоченность и солидарность работных людей[126].

Протест работных людей выражался не только в форме активного сопротивления предпринимателям и властям. Оно встречалось все-таки не часто. Наиболее массовым проявлением недовольства был уход с мануфактур подневольных работников, официально квалифицируемый как побег. Бегство отчетливее всего прослеживается по материалам 60–70-х гг. на текстильных мануфактурах, как наиболее обеспеченных принудительной рабочей силой. Особенно оно заметно на крупных суконных предприятиях. Их владельцы не считали нужным рачительно и бережно относиться к рабочим даже как к части фабричного капитала, доставшейся даром и измерявшейся крупной величиной. С гигантского Московского суконного двора, где работало от 1300 до 1400 «вечноотданных», ежегодно бежало около 40 человек. На мануфактуре Г. Серикова, имевшей 295 приписных работников, каждый год недосчитывались от 13 до 24 человек (т.е. процент беглых здесь был в среднем в два раза выше). На остальных суконных предприятиях – Журавлева, Носырева, Медовщикова с Ивановым, Полуярославцева, Бабкина с Еремеевым и Перемышлева – число беглых, как правило, не превышало 2–4 человека.

Бежавшие покидали мануфактуру не навсегда. Их либо ловили и приводили обратно под конвоем – в таком случае наказание плетьми было неминуемо,– либо они возвращались добровольно и тогда счастливо избегали экзекуции. Во время отлучек менее пятой части фабричных продолжали трудиться по специальности на других мануфактурах (чаще всего подмосковных, где их охотно принимали, несмотря на строгие запреты властей). Чаще всего беглые направлялись летом в помещичьи вотчины или дворцовые села на рытье прудов, канав и прочие земляные работы. Спрос на землекопов был устойчиво высок, и платили им неплохо – по 10–12 коп. в день, т.е. часто даже больше, чем квалифицированным суконщикам-ткачам. Многих работных людей, особенно зрелого и старшего возраста, привлекал сбор ягод и грибов на продажу, являвшийся, видимо, хорошим средством отдохновения от изнурительного промышленного труда. Определенная часть трудилась на лесоповале и лесосплаве, другая была занята «разной поденной работой». Немало работных использовали бегство и как своеобразный отпуск для отдыха или других целей, нигде не работая. Им очевидно, было важно хотя бы на непродолжительное время вырваться из опостылевшей атмосферы фабричного быта.

Основным мотивом бегства мануфактурные рабочие называли боязнь телесных наказаний. Чаще всего в своих допросах они указывали на опасение «за пьянство наказания», «за прогул побои», «за прогул и пьянство», иногда – на страх оказаться напрасно обвиненными в пропаже инструментов или сырья. Обращались в бегство не от безысходного отчаяния и желания навсегда распроститься с мануфактурой, а имея простой расчет избежать физического насилия. Так, из 135 допрошенных беглых 69 вернулись добровольно и против них в соответствии с законом не было применено никаких санкций. Причем многим, не в первый раз пускавшимся в бега, удавалось таким способом неоднократно уходить от наказания. Тем не менее расчет на добровольное возвращение был сопряжен с изрядным риском. Нужно было незаметно вернуться на фабрику и заявить об этом в конторе. Иначе беглеца могли схватить фабричные той же мануфактуры и объявить пойманным «в бегах», даже если это происходило у ворот предприятия. Участвовавшие в поимке работники прекрасно знали, что жертве задержания грозит неминуемое наказание плетьми. Однако в таких случаях солидарность или сочувствие незаметны. Из 66 беглых фабричных, фамилии которых значатся в протоколах допросов, 47 были пойманы работными людьми, причем 8 в момент добровольного возвращения и только 19 – администрацией мануфактур и неизвестными «сторонними людьми». В основе рвения мануфактурных рабочих, проявляемого к задержанию беглых, лежал материальный интерес. Им полагалось по 6 коп. за каждого задержанного[127].

Несмотря на множество тягот и поводов для недовольства, будничная жизнь простых москвичей протекала в течение многих лет мирно. Долгое время ее не будоражили всплески народного гнева. Но в 1771 г. Москву посетила страшная беда – эпидемия чумы. И от размеренной жизни не осталось и следа.

Первые отдельные заболевания чумой проявились в ноябре 1770 г., затем в декабре того же года массовое заболевание охватило больных Генерального сухопутного госпиталя. Но эти случаи не вызвали серьезных опасений у московских властей. Они продолжали благоду-

[126] Крепостная мануфактура в России. Ч.V. Московский суконный двор. М.; Л., 1934. С.99–189.

[127] *Ковальчук А.В.* Бегство мануфактурных рабочих как форма социального протеста (Текстильная промышленность Москвы в 60–70-е гг. XVIII в.) // Социальная структура и классовая борьба в России. XVI–XVIII вв. М., 1988.

шествовать и после выявления в марте 1771 г. повторного явного признака болезни, поразившей рабочих Московского суконного двора. В частности, Мануфактур-коллегия делала все, чтобы преуменьшить размеры опасности и оправдать собственную бездеятельность. По своей инициативе она не произвела ни одного санитарного осмотра мануфактур. Но вынужденная это сделать под давлением Сената (по указу от 16 марта), провела поверхностный осмотр 40 текстильных фабрик, ограничившись констатацией факта «нечистоты и тесноты» на 18 из них и еще на 9 – «тесноты».

Дальнейшие события показали, что работные люди явились поначалу главными разносчиками «моровой язвы». Московской полиции не удалось беспрепятственно отправить фабричных Московского суконного двора в наспех созданные карантинные дома. Более 2 тыс. человек в страхе разбежались по всей Москве, и выловить всех так и не удалось. Помещение в карантин пугало больше, нежели сама болезнь. И на то имелись все основания. Городские власти, кажется, и нарочно не могли вызвать больше ненависти к карантинам, чем своими необдуманными и неуклюжими действиями: всех подозреваемых в «прилипчивой болезни» без разбора грубо волокли в карантины, где они оставались наедине с собой и болезнью без всякой помощи 40 дней, а их пожитки сжигались, причем никакой компенсации за ущерб не полагалось. «Увидя обыватели сие установление, стали таковые пожитки более укрывать и в другие дома перевозить, а через то час от часу заразительную болезнь по городу размножать, стараясь притом утаивать занемогающих и умирающих»,– пришла впоследствии к выводу правительственная комиссия. Одновременно поползли основанные на реальных фактах слухи о том, что полиция не столько сжигает имущество заразившихся людей, сколько занимается грабежом. Непонятным в глазах большинства населения выглядело распоряжение генерал-губернатора о закрытии всех бань как особых очагов распространения болезни, тем более что в расклеиваемых по городу листках особое внимание обращалось на соблюдение правил личной гигиены.

Вплоть до августа власти не предпринимали активных действий по борьбе с эпидемией. Генерал-губернатор П. С. Салтыков повел себя очень нерешительно, долго уповая на милость Господню и не желая трезво взглянуть на складывавшееся положение. Он медлил с установлением карантина до июля. Между тем «уже в июне месяце в некоторых местах города стала настоящая зараза, как черными пятнами, так и другими наружными язвенными знаками явнее сказываться». В июле, по сообщению того же источника, «число умерших ежедневно увеличивалось», составив к концу месяца 1708 человек, не считая многочисленных жертв чумы, погребенных тайно[128]. Позднее, когда масштабы бедствия стали катастрофичными, Салтыков устранился от руководства и оставил Москву. Его примеру последовали многие сенаторы, не говоря уже о московском дворянстве, спешно покидавшем город и бросавшем на произвол судьбы свою многочисленную дворню. Во главе московского начальства фактически находились присланный из Петербурга сенатор П. Д. Еропкин и обер-полицмейстер Н. И. Бахметев.

Если бы не долгое бездействие московских властей и не проявленное Екатериной II на первых порах безучастно-выжидательное отношение к чуме, эпидемию можно было бы локализовать. Но время оказалось упущенным, и «моровое поветрие» пошло беспрепятственно гулять по городу, унося тысячи жизней.

Те, кто не смог покинуть Москву – а это в основном неимущие слои,– оказались заложниками чумы. Вследствие установленных на дорогах карантинов привоз в город продовольствия сократился. Власти не смогли организовать нормальное снабжение в чрезвычайных условиях, и цены на продукты питания резко возросли. Выжить становилось все труднее даже здоровым. Но если в дом стучалась чума, а за ней и смерть, хоронить умерших большинству было просто не под силу. Обряд погребения стоил 4–6 руб. Да вдобавок архиепископ Амвросий распорядился прекратить тайные панихиды. Нужно было сначала уведомить гражданские власти, а потом совершать погребальный обряд. Семье покойного это грозило карантином и потерей домашнего имущества. Начались тайные погребения. У многих людей, зараженных чумой, не хватало сил даже на то, чтобы зарыть родственников неподалеку от дома. Тогда они оттаскивали тела подальше и оставляли на улицах.

Опустошенная Москва представляла жуткое зрелище. Установившееся во многих местах, особенно в рабочих окраинах, где проживала городская беднота, зловещее безмолвие разрывалось леденящими кровь криками мортусов – колодников. Их обер-полицмейстер отрядил для убирания трупов. Облаченные в просмоленные балахоны с узкими прорезями для глаз, они наводили ужас, выволакивая тела погибших железными крючьями и сваливая их на подводы или же прямо в ямы, врываясь в дома и волоча их полуживых обитателей в карантины.

В особенно тяжелом положении оказались брошенные и лишенные пропитания дворовые люди из многочисленных московских барских домов и мануфактурные рабочие. Участь последних

[128] Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 г. М., 1775. С.64,72.

долго не могла решить Мануфактур-коллегия. Она не осмеливалась предпринять никаких самостоятельных шагов даже в августе, когда чума свирепствовала уже вовсю, унося от 400 до 500 жизней ежедневно. Наконец, 19 августа Сенат принял указ о закрытии всех мануфактур и остановке производства. Пришедшие на заработки вольнонаемные работники после врачебного осмотра подлежали выводу из Москвы, а принудительные – отправке в деревни, купленные владельцами к своим предприятиям. Оказалось, однако, что таких деревень в распоряжении мануфактуристов было очень мало. Большинство их рабочих принадлежало к разряду «вечноотданных» или приписных (свыше 3500 человек) и относилось к сугубо московским жителям. Тогда Сенат решил целиком вверить заботу об их жизни владельцам мануфактур: те могли отпускать работных людей для «прокормления по билетам» или же содержать целиком за свой счет, заперев на фабриках. Большинство владельцев выбрало второй путь. И он оказался губительным для фабричных. Скученность и антисанитария способствовали распространению чумы среди них в наибольшей степени. В результате вымерло от 60 до 80% фабричных из числа принудительных.

Произвол и безразличие властей к простому люду, осознание им безысходности своего положения рождали отчаяние и возмущение, готовые выплеснуться наружу. Началось смутное брожение, сопровождавшееся слухами о полицейских грабежах, о захоронении еще живых людей наряду с мертвыми. К концу августа ситуация превратилась во взрывоопасную. 29 августа первое открытое возмущение проявили жители Лефортовской слободы после того, как среди них разнесся слух об умышленном отравлении лекарями больных и здоровых обитателей госпиталя мышьяком. Врачей попытались избить, но попытка не удалась. Тогда 1 сентября жители во главе с прапорщиком Елоховым напали на солдат, посланных для уничтожения одежды и имущества больных чумой, обратив их в бегство. Примерно тогда же наблюдалось столкновение жителей с солдатами московского гарнизона, вызванное опечатанием ларей «с ветошным товаром»[129]. В это же время, согласно показаниям некоторых привлеченных к следствию лиц и просто очевидцев, в народе появились листовки, в которых говорилось о близившемся восстании.

Разгоряченное сознание измученных людей жадно впитывало любые толки и слухи, готовое в любой момент откликнуться на призыв к возмущению. Повод не заставил себя долго ждать. В начале сентября разнесся будоражащий душу слух: явилось спасение от чумы – его дарует икона Боголюбской Богоматери у Варварских ворот. К ней кинулись толпы страждущих в надежде получить исцеление. Тут же нашлись и доброхоты, взявшие на себя сбор пожертвований на изготовление ризы для образа, – фабричный Илья Афанасьев и отставной солдат Савелий Бяков. Беспоместные (т.е. не имеющие приходов) священники начали служить несанкционированные архиепископом Амвросием молебны.

15 сентября Амвросий повелел служителям Чудова монастыря прекратить своеволие самозванцев-попов и доставить их к нему. Но его распоряжение не дала выполнить собравшаяся толпа, видимо подогреваемая священниками, которые имели основания быть настроенными против Амвросия. Именно он, а также сенатор П. Д. Еропкин выполняли в Москве правительственный указ 1769 г. о наборе рекрутов из священнослужителей и их детей в связи с начавшейся русско-турецкой войной. Обескураженный неудачей Амвросий, явно не сознавая настроений толпы, решился на новый опрометчивый шаг. Побуждаемый желанием устранить крупный очаг заразы в месте скопления людей, он приказал перенести чудотворную икону в церковь Кира и Иоанна, а собранные средства опечатать и передать на нужды Воспитательного дома.

Вечером того же дня прибыл монастырский служка, посланный Амвросием выполнить данное им распоряжение. Толпа, узнав о намерениях архиепископа, пришла в крайнее возбуждение. Нетрудно представить негодование и ярость людей, отдавших последние деньги во имя последней надежды и вдруг получивших известие о кознях Амвросия, из-за которого этой надежды они могут лишиться. Весь накопившийся гнев сразу же обратился против архиепископа. Раздался набат. Вместе со звоном колоколов быстро начали распространяться нелепые слухи о стремлении Амвросия присвоить народные деньги и даже «расколоть» образ Богородицы. На Красной площади, около Ильинских и Варварских ворот, быстро собралась огромная толпа, вооруженная дубьем и каменьями. Обер-полицмейстер Бахметев полагал, что она насчитывала до 10 тыс. человек. Предпринятая им попытка утихомирить толпу оказалась безуспешной. Немногочисленная воинская команда была без труда опрокинута.

Не встречая сопротивления, восставшие кинулись в Кремль к резиденции архиепископа Амвросия в Чудовом монастыре. Не найдя Амвросия, сумевшего бежать в Донской монастырь, они принялись громить монастырское имущество, разбивать бочки с вином, даже не особо соблазняясь их содержимым. В этот вечер и ночь Москва полностью находилась в руках восставших.

[129] *Прохоров М.Ф.* Московские восстания в сентябре 1771 г. // Русский город. М., 1979. Вып.2. С.125.

Наутро 16 сентября ряды повстанцев умножились. Собравшись вновь на Красной площади и примыкающих к ней улицах, «бунтовщики» решили прежде всего расправиться с Амвросием. Они дознались о его местопребывании от служителей Чудова монастыря. Несколько сот человек поспешили к Донскому монастырю. Там они нашли перепуганного архиепископа, спрятавшегося на хорах Соборной церкви. Толпа буквально растерзала его.

После кровавого события восстание не пошло на убыль, а напротив, все более разрасталось. Разбушевавшийся народ отправился громить ненавистные карантины и освобождать помещенных в них больных. Многие очевидцы событий указывали на карантины как на главный объект возмущения. При погромах неслись проклятия в адрес городских чиновников и врачей – членов комиссии по борьбе с «моровой язвой». Иногда эти высказывания подкреплялись нападением на отдельные дома и на самих лекарей. Были разорены дома доктора Меркенса, советника А. С. Голицына. Но до повальных грабежей богатых жилищ московской аристократии, дворянства, купцов дело все-таки не дошло. Внимание восставших поначалу могло быть скорее обращено на самих обитателей, чем на их имущество. Наблюдательный очевидец сентябрьских событий Ф. В. Каржавин передал такой примечательный уличный разговор, вероятно, между дворовыми людьми: «Ежели бы наши господа не уехали в деревню, то я бы моего господина зарезал, а ты бы своего управил»[130]. Многие из оставшихся еще в Москве дворян-чиновников, состоятельных купцов в панике бросились из Москвы, не без оснований опасаясь за свою жизнь.

После полудня снова раздался призывный набат и звук трещоток – условные сигналы, созывающие народ на Красную площадь. Оттуда восставшие решили идти на расправу с укрывшимися в Кремле высшими чинами московской администрации. Подступив к Кремлю, они в согласии со старым обычаем потребовали выдачи толпе новой жертвы – генерала П. Д. Еропкина. Усилиями расторопного Еропкина в Кремле были собраны все воинские части города, большинство ворот было укреплено, а около Спасских, Боровицких и Никольских ворот выставлены пушки. На предпринятую попытку вразумить толпу увещеваниями она ответила лишь градом камней, что едва не стоило жизни нескольким офицерам, в том числе обер-коменданту. Разгоряченные восставшие двинулись к Спасским воротам, размахивая кольями и швыряя в солдат камнями. Тогда Еропкин отдал приказ стрелять. Пушечные залпы отбросили нападавших. Стреляли и картечью, и ядрами. По словам А. Т. Болотова, каждый выстрел отнимал у толпы десятки человек, «перехватывая кого надвое, кого поперек, и у кого руку, у кого ногу или голову отрывая»[131]. Применение артиллерии внесло сумятицу в ряды нападавших. Они отступили, но продолжали оказывать сопротивление посланным вдогонку воинским командам. Во многих частях города происходили ожесточенные стычки, во время которых преследуемые «до такого остервенения дошли, что будучи безоружны и окружены военною командою, пощады не просили»[132]. В городе начались аресты. Военные и полиция хватали всех по малейшему подозрению в причастности к бунту и отправляли в кремлевские застенки и второпях подготовленные к приему арестантов погреба.

Однако перевеса в силе у правительства еще не было и окончательно подавить восстание в тот же день не удалось. А утром 17 сентября к Спасским воротам вновь подступили заметно поредевшие ряды восставших числом около 1000 человек. В непродолжительной стычке с малочисленной воинской командой ее удалось обратить в бегство. Тут же впервые прозвучали четко сформулированные требования к властям: выделить гвардейского офицера для переговоров, освободить всех содержащихся в Кремле арестованных, разрешить погребение умерших от чумы при церквах, закрыть карантины, прогнать докторов и лекарей, открыть бани и торговые места. Однако на подходе был спешивший на помощь московскому гарнизону Великолуцкий полк. Поэтому П. Д. Еропкин без колебаний отдал приказ о кавалерийской атаке. Конные солдаты внезапно врезались в толпу сзади и обнаженными палашами стали кромсать тела бунтовщиков. Солдаты подоспевшего Великолуцкого полка по приказанию вернувшегося в город генерал-губернатора П. С. Салтыкова довершили разгром собравшихся на площади участников восстания.

Тем не менее активное сопротивление не удалось подавить в тот же день, 17 сентября, как это было принято считать в научной литературе. Согласно последним исследованиям, столкновения восставших с войсками продолжались до 20–21 сентября. Восстание переметнулось на окраины города и даже вышло за его пределы. Известно, например, что отдельные отряды собирались на р. Пахре для продолжения борьбы[133]. В Подмосковье продолжали распространяться призывы к ней, о чем сообщал в рапорте от 21 сентября П. С. Салтыков: «Как скоро услышат в Москве набат или пушечную стрельбу, то бы все в Москву бежали з дубинками и рогатками... Да и здесь в Москве несколько есть таких бездельников, кои, ходя по дворам, тоже разглашают и приказывают». Против уп-

[130] Записки очевидца о чумном бунте в Москве в 1771 г. // Советские архивы. 1976. № 6. С.69.

[131] *Болотов А.Т.* Записки. Т.III. СПб., 1872. Стб. 31.

[132] *Алексеев П.* Описание московского бунта 1771 года сентября 15 дня // Русский архив. 1863. № 12. С.915.

[133] *Леонидов В.В.* Московское восстание 1771 г. Источниковедческое исследование // Канд. дис. М., 1990.

М. Н. Волконский, московский генерал-губернатор в 1771–1780 гг. Неизвестный художник. ГИМ

равляющего одного из казенных имений прапорщика Грица было выдвинуто конкретное обвинение в «подговоре» крестьян села Михайловки: «...Если услышат набат и пушечную стрельбу в Москве, то чтоб все шли на помощь с оружием»[134].

Напуганное размахом и ожесточением борьбы, правительство направило в Москву четыре лейб-гвардейских полка. Последовали неизбежные административные перестановки. Место скомпрометированного генерал-губернатора П. С. Салтыкова занял М. Н. Волконский. Приступила к работе генеральная комиссия во главе с Г. Г. Орловым, созданная для расследования причин восстания, ведения следствия над его участниками и принятия мер для остановки эпидемии чумы. Только теперь власти вспомнили о нуждах простых горожан и пошли навстречу многим их требованиям. Улучшилось снабжение Москвы продовольствием. В карантинах и больницах увеличились расходы на питание и обслуживание больных. Добровольцам из крепостных, принимавшим участие в погребениях жертв чумы и уходе за больными, был обещан отпуск на волю. По выходе из карантинов семейным людям стали выдавать по 10 руб., а холостым по 5 руб. Прекратились сожжения вещей из зараженных домов, которые начали дезинфицировать уксусом и окуривать. Родственникам умерших было разрешено хоронить их бесплатно на подмосковных кладбищах. Открылись бани и съестные лавки, были выделены средства для скупки изделий ремесленников и оплаты труда желающих принять участие в городских работах. Эти меры сбили волну напряжения и недовольства. Они способствовали и снижению смертности, чему также благоприятствовало установление осенних холодов. В сентябре от чумы погибло свыше 21 тыс. человек, в октябре – около 17 500, в ноябре – 5235 человек, в декабре – 805 человек. Невозможно точно установить общее количество жертв эпидемии. По мнению членов правительственной комиссии, в Москве и Московской губернии погибло за год около 200 тыс. человек.

Москва обезлюдела. 3 тыс. ветхих домов, в которых не осталось ни души, были сожжены. Еще 6 тыс. домов, куда проникла зараза, были дезинфицированы. В наибольшей степени пострадали окраины города, тесно заселенные мелкими торговцами, ремесленниками, мастеровыми и работными людьми мануфактур, подавшимися на заработки крестьянами. Дворянские кварталы чума в основном обошла стороной.

Во время сентябрьского восстания, если верить данным П. Д. Еропкина, было убито 78 человек, 279 арестовано. Следствие велось быстро. Уже 10 октября 1771 г. следственная комиссия представила в Генеральную комиссию «Экстракт» дела, по которому выносились приговоры, переданные на утверждение Екатерине II. По всей Москве 11 ноября производилось исполнение приговоров. Трое дворовых людей и один купец были повешены (двое на Красной площади, двое на месте убийства архиепископа Амвросия у Донского монастыря), 72 человекам после сечения плетьми вырвали ноздри и отправили на каторгу, 91 человека наказали плетьми и определили в «казенную работу».

Члены следственной комиссии были убеждены в стихийном начале восстания, отсутствии у него организаторов. Екатерина II обронила по этому поводу, что зачинщиков едва ли можно было сыскать, ибо «ни главы, ни хвоста нету, а дело вовсе случайное». Поэтому аресты производились беспорядочно и в числе задержанных оказалось много совершенно непричастных лиц (142 человека пришлось отпустить за недоказанностью вины). Вместе с тем не отрицались и некоторые начала организованности восстания: распространение среди участников загадочных рукописных «повесток на бунт», оповещения 15 и 16 сентября жителей слобод десятскими и выборными о предстоящих выступлениях. Г. Г. Орлов впоследствии признал, что не удалось поймать подлинных «смутьянов» и распространителей повесток.

Состав привлеченных к следствию не отражает в полной мере социального состава восставших, поскольку самые активные и деятельные участники бунта стремились избежать ареста, покинуть город. На улицах в руки полиции и солдат часто попадались случайные прохожие, не чувствовавшие за собой никакой

[134] Цит. по: *Прохоров М.Ф.* Указ. соч. С.129.

вины. К тому же материалы следствия указывали их сословную, а не социальную принадлежность. Поэтому попытки отдельных ученых решить этот вопрос механически, воспроизводя численное соотношение различных сословных групп в массе арестованных, едва ли правомерны. Сделанный таким путем вывод о ведущей роли дворовых людей не убедил некоторых исследователей, опиравшихся на показания ряда очевидцев событий, воспоминания современников. В них среди боярских холопов, ремесленников, священников на первое место иногда становились работные люди («фабришные»).

В широком участии мануфактурных рабочих в драматических сентябрьских событиях можно серьезно усомниться. Именно их чума начала косить раньше и быстрее всех. К моменту восстания уже не было в живых основной массы работных людей, погибших за все время эпидемии, поскольку самая высокая смертность населения Москвы приходилась на август – сентябрь 1771 г. Кроме того, правительству и владельцам мануфактур, по всей видимости, удалось установить контроль над значительной частью прикрепленных к предприятиям работников. Этому весьма способствовала выдача им «кормовых денег», удерживавшая от ухода с фабрик. Наконец, и в численном отношении мануфактурные рабочие отнюдь не доминировали среди других тяглых, податных слоев московского населения. Значительно выделялись в этом отношении дворовые люди из множества барских усадеб и дворянских домов Москвы. Их насчитывалось в 30–80-е гг. от 36 тыс. до 61 тыс. человек. Посадских людей, согласно данным третьей ревизии, проводившейся в 1764–1767 гг., было переписано 9250 человек, из них 6984 купца (самостоятельно торгующих купцов было менее половины – 3361 человек, сидельцев в лавках и приказчиков – 826 человек, остальные находились на положении наемных работников)[135]. Количество фабричных на всех мануфактурах Москвы, по весьма приблизительным подсчетам, достигло в 1767 г. 10 тыс. человек, из них 5500 принудительных и 4500 вольнонаемных[136].

Несмотря на ошибочность утверждений некоторых авторов мемуаров о ведущей роли фабричных в Чумном бунте, их суждения заслуживают внимания прежде всего как отражение характерной для правительственных кругов (их настроения выражали почти все авторы записок) общей настороженности по отношению к мастеровым и работным людям. Один их внешний вид, часто полуголодных и оборванных, красноречиво говорил о готовом вспыхнуть в любой момент возмущении. Это же подтверждала длительная и упорная борьба «вечноотданных» Московского суконного двора. Общее предубеждение против фабричных, от которых ожидали «беспорядков», легко обратилось в уверенность в их массовой причастности к бунту. Материалы допросов арестованных свидетельствуют, что во время происходивших арестов одного подозрения в принадлежности к мануфактурным рабочим оказывалось достаточно для препровождения в кремлевские погреба. Дворовый человек Тихон Карпов показал, что он, будучи послан для покупки меди «на делание для господина подсвешников», «как дошел до Яблошного ряду, то встретившимися гусарами, называя ево фабришным, взяли под караул». Дьячок Иван Егоров также оказался ошибочно задержанным в день восстания, «ибо был он тогда в белом балахоне, а фабричным он не назывался»[137]. В фабричных заранее видели бунтовщиков и поэтому готовы были бросать в застенки без всякой вины. Атмосфера враждебности и предубеждения против работных людей подогревалась утвердившимся мнением об их главной вине за распространение «морового поветрия», что только усилило озлобление властей предержащих.

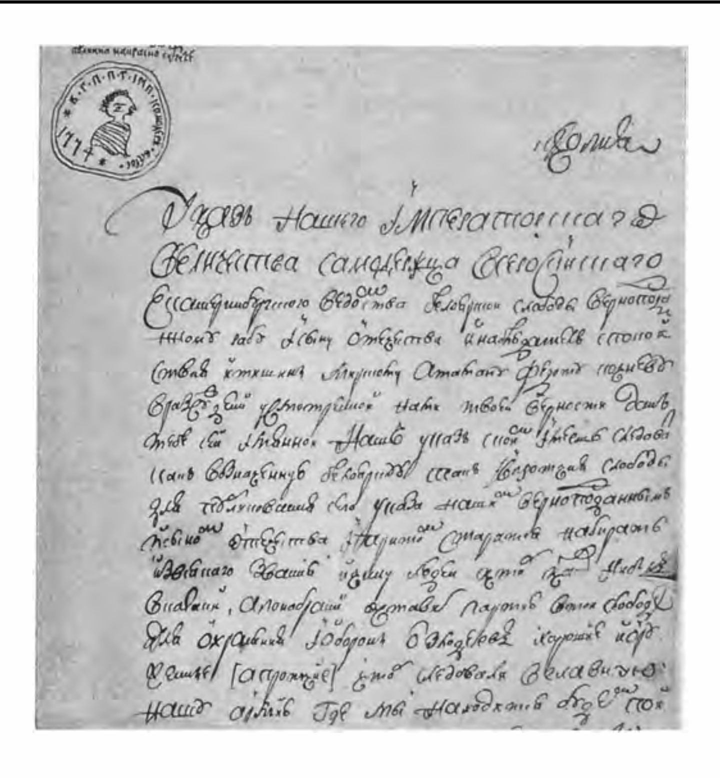

Екатерина II в дорожном костюме. Неизвестный художник. 2-я половина XVIII в. ГРМ

[135] *Прохоров М.Ф.* Указ. соч. С.121.

[136] *Мешалин И.В.* Текстильная промышленность крестьян Московской губ. в XVIII и первой половине XIX в. М.; Л., 1950. С.58.

[137] РГАДА. Ф.349. Оп.1. Д.7155. Л.66, 118.

Указ Е. И. Пугачева с печатью. РГАДА

Симптоматично появление проекта о выводе всех фабрик из Москвы приблизительно в середине октября 1771 г.– сразу же вслед за сентябрьскими событиями (27 октября проект был уже доведен до сведения Мануфактур-коллегии). Осуществление проекта было мало реальным, ибо наносило существенный урон промышленности и потребовало бы больших расходов. В конце концов от него пришлось отказаться. Тем не менее поначалу проект нашел немало сторонников и в Мануфактур-коллегии, и в Сенате (особенно среди аристократической части членов обоих учреждений), и в лице Екатерины II. Его поддержка обосновывалась заботой об улучшении санитарного состояния и благоустройства города, но за этим сквозило беспокойство от присутствия во второй столице мануфактурных рабочих – новой заявившей о себе социальной силы.

Чумной бунт оказался последним широким общегородским восстанием в Москве. По своей направленности против произвола властей, бесправия трудового населения он имел много общего с восстаниями XVII в. Но в отличие от них, где основной силой выступали посадские люди и стрельцы, в восстании 1771 г. особенно активно проявили себя дворовые.

Начавшееся в 1773 г. мощное крестьянское движение во главе с Е. И. Пугачевым вновь заставило московские власти испытать сильный страх перед народным неповиновением и мятежом. Столичное дворянство пребывало в постоянном беспокойстве, с трепетом ожидая новых волнений. Его настроения хорошо передал в своих мемуарах А. Т. Болотов: «...Мысли о Пугачеве не выходили у всех нас из головы, и мы все удостоверены были, что вся подлость и чернь, а особливо все холопство и наши слуги, когда не вьявь, так в тайне сердцами своими были злодею сему преданы и в сердцах своих вообще все бунтовали и готовы были при малейшей возгоревшейся искре произвести огонь и поломя. Пример бывшего незадолго в Москве страшного мятежа был у нас еще в свежей памяти, и мы не только подобнаго тому ж опасались, но ожидали того ежеминутно...»[138]

На этот раз были заранее предприняты все необходимые меры военно-полицейского усиления Москвы. Сюда направили драгунский, пехотный и казачий полки. Рядом с домом московского главнокомандующего М. Н. Волконского установили грозные пушки. Обер-полицмейстер Н. П. Архаров рассылал во все людные места тайных осведомителей, доносивших о народных толках и пересудах. За любое неосторожное слово, выражавшее одобрение или сочувствие Пугачеву и его войску, очень легко было угодить под арест, за которым следовал допрос «с пристрастием» (под пыткой) и жестокое наказание.

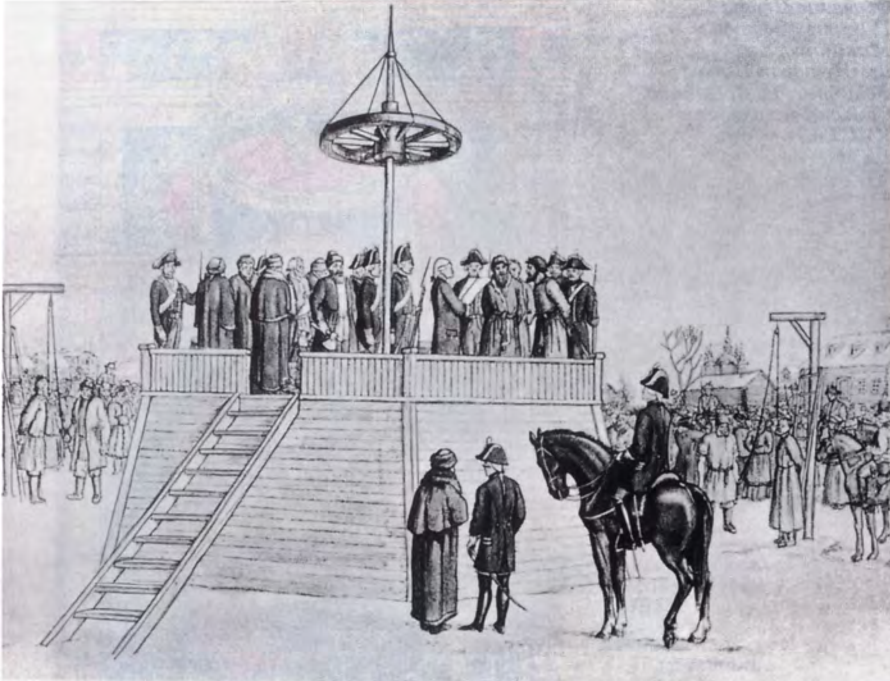
По мере разрастания крестьянской войны тревога в правительственном лагере усиливалась. После ухода основных сил пугачевцев из-под Казани Екатерина II всерьез рассматривала возможность поворота их на Москву, не без оснований опасаясь перехода на сторону повстанцев крепостных крестьян центральных губерний. Она даже собиралась покинуть Петербург и «самой ехать для спасения Москвы и внутренности империи». В первопрестольную под началом престарелого опытного генерала П. И. Панина было послано целое войско из семи полков (четырех пехотных, казачьего, кирасирского и гусарского), которое заняло все подступы к городу, установило контроль над окрестностями и значительно пополнило численность расположенных в городе воинских сил.

Напряжение не спадало до сентября 1774 г.– до получения известия об отсутствии непосредственной угрозы Москве. Вскоре дворянство вздохнуло с облегчением, узнав о поражении повстанцев и пленении Пугачева, которого в железной клетке повезли в старую столицу к месту будущей казни.

Утром 10 января 1775 г. к сооруженным на Болотной площади эшафоту и виселицам медленно подвели Е. И. Пугачева и его близких соратников. Место казни плотными рядами окружали войска. Зачитали указ о предании мучительной смерти «злодеев» и государственных преступников: Пугачева и Перфильева – колесованию, остальных – повешению. Но к разочарованию собравшихся благородных господ им не пришлось созер-

[138] *Болотов А.Т.* Указ. соч. Т.III. Стб. 377, 378.

Портрет Пугачева, написанный поверх портрета Екатерины II. Неизвестный художник. XVIII в. ГИМ

Казнь Пугачева в Москве на Болоте. Рисунок А. Т. Болотова. XVIII в.

цать долгие муки Пугачева. Палач проявил милосердие и сразу отсек ему голову. В тот же день до позднего вечера заплечных дел мастера в поте лица производили экзекуции, наказывая кнутом, плетьми, батогами других участников пугачевского движения, вырывали у них ноздри и языки, выжигали на телах клейма. На следующий день по Москве расклеили «Сентенцию о наказании смертною казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников». Дворянство торжествовало. Оно с лихвой отплатило за свой страх пытками и казнями, добиваясь устрашения непокорных.

Репрессии и усиление административно-полицейского аппарата возымели свое действие. Но даже в этих условиях социальный протест иногда прорывался наружу. В 1779 г. начались волнения на московских кирпичных заводах. Они охватили почти все заводы, расположенные в районе Донского монастыря (их насчитывалось около 14). Вольнонаемные рабочие были недовольны снижением расценок на 17–20 коп. с тысячи штук кирпича, которое к тому же совпало с подорожанием хлеба. Требования рабочих были сугубо экономическими: возвращение к прежним расценкам – 80–83 коп. с тысячи кирпича и даже увеличение их до 1 руб. Владельцы заводов, поддержанные Каменным приказом, единодушно отказались выполнить это требование. Тогда рабочие самого большого завода, принадлежавшего Б. М. Салтыкову, остановили производство и направили своих выборных на другие заводы, уговаривая и там прекратить работу. Этой цели довольно быстро удалось достичь. На желающих продолжить работу оказывалось прямое давление вплоть до того, что их не допускали до рабочих мест. Не довольствуясь этим, рабочие донских заводов послали депутатов на другую группу предприятий, сконцентрированных около Данилова монастыря (там располагалось 10 кирпичных заводов), пытаясь склонить на свою сторону тамошних кирпичников. Их действия говорят о большой сплоченности и организованности. Правда, они не увенчались успехом в том году. Но при заключении контрактов на следующий год рабочие сумели настоять на своем и добиться увеличения расценок[139].

В целом общественную жизнь Москвы более не тревожили всплески широкого народного недовольства. Правительство учло уроки городского восстания 1771 г. и стало внимательнее прислушиваться к гласу трудовых слоев населения, не позабыв при этом укрепить административно-полицейский механизм.

9. КУЛЬТУРА И БЫТ

«Науки юношей питают...»

Под грохот орудийных снарядов, в блеске праздничных огней фейерверков рождалась культура Москвы XVIII в. Россия вступала в новый период своей истории, уверенно войдя в семью европейских народов и обогатившись культурными достижениями передового Запада. Старинная допетровская Москва постепенно начала превращаться в город

[139] *Воронов Н.В.* Стачка московских кирпичедельцев летом 1779 г. // Исторические записки. М., 1951. Кн. 37. С.291, 296–303.

Обучение Петра I Никитой Зотовым. Миниатюра из «Истории Петра Великого» П. Крекшина. Список 1-й половины XVIII в. ГИМ

новых аристократических вкусов и достижений, сделавших ее к концу века одним из достопримечательных центров Европы.

В первые годы XVIII в., когда Петербург только еще строился, Москва продолжала оставаться главным центром образования и просвещения. Здесь находилось первое учебное заведение России, основанное еще в 1687 г.,– Славяно-греко-латинская академия. С 1701 г. ее возглавил Стефан Яворский. При нем ослабло влияние греческой учености, замененной на латинскую. В 1717 г. в академии числилось 290 учащихся, а в 1725 – уже 629. Основная их масса шла в духовное звание, но не только: в 1731–1734 гг. в ней обучался будущий гениальный ученый М. В. Ломоносов.

Светское школьное образование осуществлялось в Школе математических и навигацких наук, размещавшейся в Сухаревой башне (на Садовом кольце у Сретенки), в Артиллерийской, или Пушкарской школе (на Пушечном дворе, примерно там, где сейчас магазин «Детский мир»), в Инженерной школе (переведенной в 1723 г. в Петербург), Медицинском училище (открытом в 1709 г. при Военном госпитале за Яузой). Все эти профессиональные школы готовили нужных государству специалистов. Так, из Навигацкой школы уже в 1705 г. двух лучших учеников направили в Воронеж для обучения матросов арифметике – тем самым положили начало морскому образованию в России.

Школа пастора Э. Глюка, основанная в 1703 г. как общеобразовательная, размещалась на Покровке, затем на Ильинке. В 1711–1715 гг. ее начальником стал Федор Поликарпов, справщик московской типографии. При нем школу Глюка перевели в Петербург, а в Москве открыли начальную («цыфирную») школу для «дворянских, дьячих и подьячих детей», но она просуществовала недолго. Остальные школы предназначались главным образом для дворянских детей. Посадские же дети обучались, как правило, дома у «мастеров грамоты», вне государственных школ. Впрочем, в стенах Навигацкой школы получали образование и выходцы из непривилегированных сословий.

Обучение в начальной школе наглядно можно представить по гравюре, открывающей «Треязычный букварь» Ф. Поликарпова (1701): ученики сидят за столом, на нем разложены учебные книги. Один ученик на коленях отвечает учителю урок, а другой в земном поклоне склонился перед наставником, ожидая наказания розгами. Текст под гравюрой призывает учеников: «...в труде сем бывайте, времени и часов в гульбе не теряйте!»

Дети учились по букварям и другим учебным пособиям («Арифметике» Л. Ф. Магницкого, грамматике Мелетия Смотрицкого и др.). Книга Магницкого вышла в свет в январе 1703 г. и называлась «Арифметика, сиречь наука числительная... типографским тиснением ради обучения мудролюбивых российских отроков и всякого чина и возраста людей». На титульном листе автор подчеркивал, что в книге «разум весь собран и чин природно русский, а не немчин». Это был свод первоначальных знаний по арифметике, алгебре, геометрии и тригонометрии. В Москве же были напечатаны и «Таблицы логарифмов». Выпускалась и литература воспитательная и поучительная, например «Юности честное зерцало» – своеобразный кодекс дворянского житейского обхождения.

С переводом столицы в Петербург развитие школьного образования в Москве замедлилось. Правда, при Сенатской конторе открылась Юнкерская школа для дворянских детей, в 1749 г.– архитектурная школа, а в 1775 г. при Московском университете – две гимназии: одна – для детей дворян, другая – для детей купцов и разночинцев. Многие дворянские дети продолжали обучаться дома, чаще всего у иностранцев, не имевших специальной подготовки. В 80-х гг.

действовало 11 частных пансионатов, в которых преподавались и иностранные языки, но качество обучения в них оставляло желать лучшего. В 1779 г. в Москве основали Коммерческое воспитательное училище для купеческих детей.

В 1782 г. Комиссия об учреждении училищ выработала общий план народного образования в России. Во исполнение этого плана в 1786 г. у Пречистенских ворот в Москве открылось Главное народное училище для детей дворян, мещан, купцов и крестьян, а помимо его – еще шесть «малых» народных училищ. Всего в Москве в это время насчитывалось несколько сот учащихся. Расширение школьной сети шло очень медленно: в 1791 г. имелось всего 14 школ с 988 учениками. Не хватало учителей, в школах применялись розги, пощечины, побои. Уровень образования был низким.

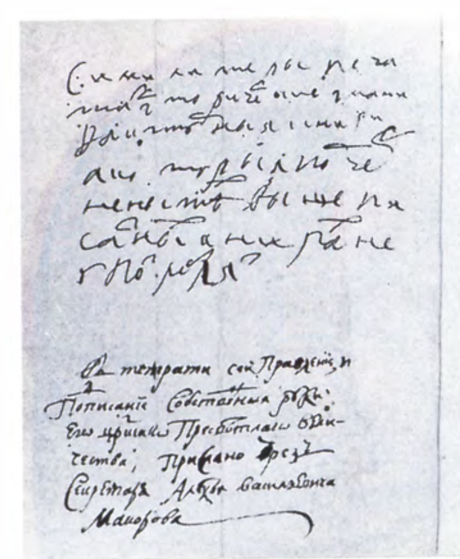
В 1764 г. на Солянке открылся Государственный воспитательный дом для подкидышей и беспризорных детей, насчитывавший несколько сот человек. Они воспитывались по системе известного в области просвещения деятеля И. И. Бецкого, обучались ремеслу и с 18 лет поступали в работные люди московских мануфактур. Выпускники считались вольными людьми, их нельзя было сделать крепостными.

Начальное школьное образование ставило целью воспитать законопослушных граждан, довольных своим общественным положением, благодарных «высшему разуму и благости» начальников и государству за все, что они для них сделали.

Если в области начального образования Москва и уступала Петербургу, то в высшем образовании она значительно опережала его. В Москве в 1755 г. по инициативе М. В. Ломоносова был открыт первый в России университет. Вначале он располагался близ Красной площади в здании у Воскресенских ворот (сейчас на этом месте находится Российский государственный исторический музей), но вскоре его перевели на Моховую улицу, где позднее для него выстроили новое здание (архитектор М. Ф. Казаков) и поныне украшающее столицу. Университет имел три факультета – философский, юридический и медицинский (богословского, как обычно на Западе, не было), а также библиотеку, минералогический и естественно-исторический кабинеты, лаборатории, анатомический театр, астрономическую обсерваторию и т.д. Дети крепостных в университет не принимались: власти боялись, что «через учение, познав цену вольности, возчувствуют более свое униженное состояние» – как писал И. И. Шувалов Екатерине II.

По окончании университета лучших студентов посылали за границу для усовершенствования. Так, С. Е. Десницкий и Иван Третьяков учились в Глазго, Д. С. Аничков – в Упсале у Линнея. Вначале в университете преподавало много иностранных профессоров, но постепенно возросло число русских преподавателей, начавших читать лекции на русском языке. Это были ученики М. В. Ломоносова – Н. Н. Поповский, А. А. Борисов, Х. А. Чеботарев и др. Первым куратором университета был граф И. И. Шувалов, затем М. М. Херасков.

Уже в XVIII в. университет стал крупным научным и общественным центром, организатором научных обществ. В 1771 г. возникло «Вольное российское собрание» (куратор И. И. Мелисино, директор М. В. Приклонский), издававшее

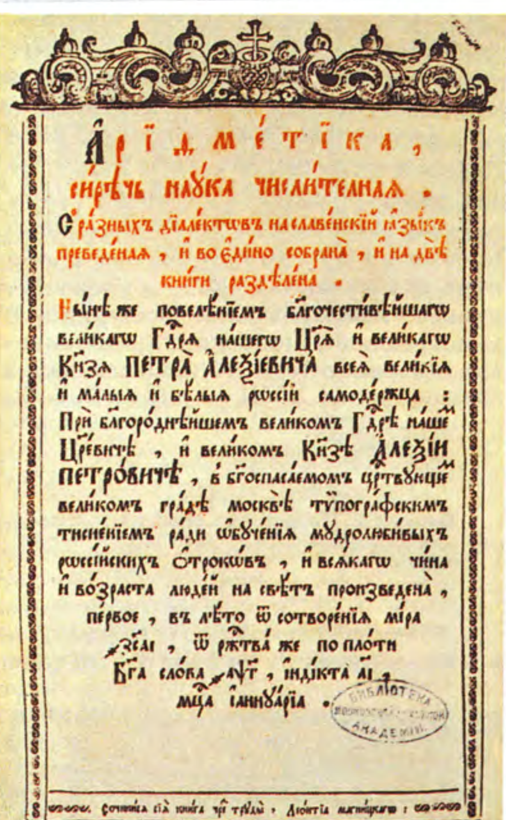

Изображение древних и новых письмен славенских печатных и рукописных.

А А а — Азъ
Б Б б — Буки
В В в — Веди
Г Г г — Глаголь
Д Д д — Добро
Е Е є — Есть
Ж Ж ж — Живѣте
S S s — Зѣло

Азбука гражданская с нравоучениями. Правка Петра I. 1708 г.

Арифметика, сиречь наука числительная. С разных диалектов на славенский язык преведеная, и во едино собрана, и на две книги разделена. Ныне же повелением благочестивейшаго великаго государя нашего царя и великаго князя Петра Алексиевича всея великия и малыя и белыя России самодержца: при благороднейшем великом государе нашем царевиче, и великом князе Алексии Петровиче, в богоспасаемом царствующем великом граде Москве типографским тиснением ради обучения мудролюбивых российских отроков, и всякаго чина и возраста людей на свет произведена, первое, в лето от сотворения мира ЗСАІ, от рождтва же по плоти Бга слова АΨГ, индикта АІ, мца іаннуария.

Сочинися сія книга чрез труды Леонтія Магницкаго.

Титульный лист «Арифметики» Л. Магницкого. Гравюра М. Карновского. 1703 г.

Медаль на основание Московского университета

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

No. I

Въ пятницу Апрѣля 26. дня 1756. года.

«Московские ведомости» – первая русская газета, выходившая с 1703 г. Первый номер за 1756 г.

журнал «Опыт трудов Вольного российского собрания» и просуществовавшее до 1783 г. В 1781 г. создали «Собрание университетских питомцев» – первый студенческий научный кружок, а затем и «Дружеское ученое общество» (1782–1786), в котором состояли и профессора, и студенты. В 1789 г. открылось «Общество любителей российской учености», правда, вскоре закрытое Екатериной II, усмотревшей в нем «скопище масонов». Из университета и его обществ вышли многие ученые XVIII в.– медик С. Г. Зыбелин, математик Д. С. Аничков, юрист С. Е. Десницкий; литераторы Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, И. Ф. Богданович, А. Ф. Мерзляков и др.

Огромное просветительское влияние оказывали типографии. Первое место среди них занимал Печатный двор. В его отчете за 1721–1726 гг. значилось, что за шесть лет он выпустил в свет 394 813 экземпляров книг[140]. Из частных предприятий выделялась «Гражданская типография» В. А. Кипреянова, основанная в 1705 г. и выпускавшая учебные пособия, карты, таблицы и проч. Помимо богослужебных книг печатались книги по фортификации, артиллерии, русской литературе, произведения античных авторов. Большое культурное значение имело введение в 1708 г. гражданского шрифта.

В Москве зародилась и первая русская печатная газета – «Ведомости». Вначале, с 1703 г., она печаталась церковно-славянским шрифтом и состояла из нескольких листков небольшого формата с текстом, набранным без заголовков в одну колонку. С 1710 г. «Ведомости» стали выходить с гравированными иллюстрациями, и тираж составлял от нескольких десятков до 4000 экземпляров. До 1711 г. они печатались только в Москве и рассказывали о военных и дипломатических событиях, придворных новостях – без комментариев и оценок. Некоторые важные номера газеты печатались только с одной стороны листа, чтобы их можно было приколоть к стене для всеобщего ознакомления. Описание Полтавской победы публиковалось в виде письма Петра I к сыну Алексею.

Со второй половины века все большую значимость приобретала Университетская типография (1756). Вначале ею заведовал М. М. Херасков, а с 1759 г.– Н. И. Новиков, при котором она и достигла наибольшего расцвета. Кроме учебных пособий типография выпустила в свет сочинения М. В. Ломоносова, «Историю российскую» В. Н. Татищева, «Деяния Петра Великого» И. И. Голикова, «Русские сказки» В. А. Левшина и многое другое. Здесь же печаталась и первая неправительственная газета – «Московские ведомости» тиражом до 4000 экземпляров. Газета вызывала интерес самых разных слоев читательской публики – от дворян до ремесленников.

В московских типографиях издавалось также громадное количество лубочных картинок. Здесь были и старообрядческая сатира на Петра I – «Мыши кота погребают», антикрепостническая сатира «Список Глухова пашпорта», лубочные стихотворные новеллы и рассказы, насыщенные сочным народным юмором. В них говорилось о дворянах и мужиках, злых и добрых женах, плутах-балагурах – все это составляло развлекательное чтение широких кругов московских мещан и торговцев, подмосковных крестьян и холопов.

Важным показателем культурного уровня московского общества служило широкое распространение дворянских литературно-художественных журналов «Полезное увеселение» (1760–1762) и «Свободные часы» (1763), издававшихся М. М. Херасковым, и «Доброе намерение» (1764) В. Д. Санковского. Эти журналы поддерживали правительство и призывали своих читателей к миру и сохранению существующего порядка

[140] *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т.II. СПб., 1862. С.636–641.

[141] Полезное увеселение. 1762. Апрель. С.162.

[142] *Нилова О.Е.* Издательско-книготорговая деятельность московских купцов в конце XVIII – первой четверти XIX в. // Актуальные проблемы истории русской культуры: Сб. науч. трудов. М., 1991. С.75–89.

жизни, для чего нужно было «соединять рассудок с властью… и рачение награждать достойно»[141]. Интересы нарождающейся буржуазии выражал журнал «Собрание лучших сочинений и распространение знания и к произведению удовольствия или Смешанная библиотека о разных физических, экономических, тако ж до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах» (1762). Журнал призывал поставить науку на службу торговле и промышленности.

Новый подъем журналистики приходится на последнюю четверть XVIII в., когда в Москве выходило десять литературных и пять научных журналов. Среди них – «Собрание новостей», освещавшее события в России и литературные новости, «Известия Воспитательного дома, к удовольствию служащие» и «Городская и деревенская библиотека» (обещавшая своим читателям «как историю и повести нравоучительные и забавные, так и приключения веселые, печальные, смешные и удивительные»), а также первый детский журнал «Детское чтение». В журналах в завуалированной форме поднимались острые социально-политические вопросы – материальность мира, происхождение религии, преимущества свободного образа правления и др. Недаром один из московских журналов назывался «Чтение для вкуса, разума и чувствования»! Тогда же появился первый в Москве путеводитель по городу.

Большой популярностью в Москве пользовался «Московский журнал» Н. М. Карамзина и его же альманахи «Аглая» и «Аониды». В «Сатирическом вестнике» осуждались пороки дворянского сословия – увлечение роскошью, преклонение перед западными модами, показная ученость и проч.

Увеличение спроса на журналы и книги повлекло за собой развитие книготорговли. Три книжные лавки принадлежали университету, а вскоре появились и частные книжные магазины. Они были сосредоточены на Спасском мосту у Кремля. Исследователи отмечают роль московских книготорговцев в развитии столичной культуры и просветительскую деятельность Н. И. Новикова[142].

До 1725 г. Москва была главным научным центром России. Именно здесь в первую четверть XVIII в. издавались научные труды и справочники, трактаты по военному и морскому делу, по гражданской технике. Крупную роль в развитии технических навыков играл Пушечный двор. Московские гидростроители пытались даже соорудить каналы для соединения Волги и Дона, а также Москвы-реки с Волгой, но в связи с финансовыми затруднениями и недостатком обученных кадров эти проекты не осуществились.

Пример разработки экономических проблем – сочинение И. Т. Посошкова

М. М. Херасков. Гравюра неизвестного художника. XVIII в.

Н. М. Карамзин. Неизвестный художник. Миниатюра на эмали. XVIII в.

М. В. Ломоносов. Гравюра Э. Фессара с портрета неизвестного художника. XVIII в.

«Книга о скудости и богатстве» (закончена в 1724 г.). В ней автор изложил систему экономических реформ, направленных на улучшение хозяйства России и заостренных против знати и дворянских привилегий. Посошков отстаивал права купечества на внутреннюю и внешнюю торговлю, рекомендовал помещикам не разорять своих крестьян и требовал установить твердые размеры крестьянских повинностей.

Продолжалось дальнейшее изучение восточных окраин, в частности Камчатки. От населявших ее чукчей русские люди узнали о существовании земли «против мыса Дежнева» – так были получены первые сведения об Америке (1711). Изучались торговые пути в Китай и Индию и составлялись географические карты вновь открытых земель.

Энергично искали новые залежи железных и медных руд: Северная война требовала быстрейшего и массового изготовления пушек и мортир. Были открыты залежи каменного угля в Подмосковном бассейне.

После указа Петра I об учреждении Академии наук центром научной жизни стал Петербург. Это привело к ослаблению роли Москвы в разработке научных проблем. Но научно-техническая мысль в Москве не заглохла. Так, в 1730–1735 гг. отлили знаменитый Царь-колокол весом 12 тыс. пудов (мастера И. Ф. и М. И. Маторины). Правда, при пожаре 1737 г. колокол пострадал, от него отвалился кусок в 700 пудов. Через 100 лет (в 1836 г.) колокол установили в Кремле на особом постаменте; он и до сих пор удивляет посетителей ювелирной тонкостью отливки.

С Москвой связано и начало деятельности М. В. Ломоносова. В Славяно-греко-латинской академии он основательно изучил латинский язык и стал одним из лучших латинистов Европы того времени. О своей жизни и учебе он написал: «Имея один алтын (3 коп.– *Авт.*) в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба и на денежку кваса, протчее на бумагу, на обувь и на другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил»[143]. В Москве же Ломоносов основал первый университет и, по меткому определению А. С. Пушкина, «сам был первым нашим университетом». Здесь вышло и первое издание его поэтических и прозаических произведений (1757). Труды Ломоносова позднее трижды переиздавались в Москве в XVIII в. (1787, 1794 и 1795 гг.).

Вторая половина XVIII в. отмечена в Москве заметным оживлением научной мысли в различных областях знания. Большой резонанс вызвала философская диссертация профессора Д. С. Аничкова «Рассуждение о начале и предшествии натурального богопочитания» (1769). В ней автор стремился раскрыть теорию происхождения религии. Работа получила строгое осуждение: Синод постановил сжечь ее. «Краткие правила Российской грамматики» профессора А. А. Барсова выдержали множество переизданий как один из лучших образцов популярного изложения основ этой науки. Большое значение имел и «Географический лексикон Российского государства» Ф. А. Полунина (1773). Его работу продолжил Х. А. Чеботарев в учебном руководстве «Географическое методическое описание Российской империи» (1776), в котором автор много внимания уделил роли купечества в экономике России.

Более 20 лет преподавал в Московском университете С. Е. Десницкий, основывавший свои лекции на изучении русских законодательных актов и на юридической практике. В его книгах и научных докладах доказывается необходимость широкого распространения разнообразных знаний среди населения, особенно юридических. Десницкий разработал и своеобразное социологическое

[143] *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т.8. М.; Л. 1948. С.124, 125.

учение, считая, что основным законом развития общества является установление собственности, и прежде всего собственности на землю; чувство собственника есть важнейший признак существования человека в обществе и государстве. По-новому рассмотрел он и вопросы происхождения семьи, положения женщин и детей в обществе и семье, проповедуя новые, буржуазные по своей сути идеи. Правда, в своей оценке крепостного права мыслитель не всегда был последователен. В 1781 г. Десницкий выступил в университете с речью: «Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежительства». Докладчик выделил четыре таких этапа: первобытный (когда частной собственности не существовало), скотоводческий (когда она была коллективной), земледельческий (когда появляется представление о частной собственности) и коммерческий (когда частная собственность преобладает).

Сходные проблемы рассматривал и профессор И. А. Третьяков в речи «Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов» (1772). Он стремился раскрыть экономические и другие меры, содействующие обогащению имущих классов, в частности «разумное хозяйствование».

Московские ученые внесли весомый вклад в издание исторических источников, таких как «Книга Степенная» или «Древняя Российская вифлиофика» Н. И. Новикова (особенно важно второе издание в 20 томах, вышедшее в Москве в 1782–1791 гг.).

Не менее существенна роль московских ученых в пропаганде агрономических знаний. С Москвой тесно связана работа А. Т. Болотова – одного из основоположников русской агрономической науки. Он являлся автором-издателем журналов «Сельский житель» и «Экономический магазин», выходившего в качестве приложения к газете «Московские новости». Серьезным изданием в области почвоведения было «Слово о пользе, собирании и расположении чернозему, особливо в хлебопашестве» М. И. Афонина. Капитальный труд о земледелии создал профессор И. И. Комов, читавший свой предмет как часть опытной физики. Удивительным учреждением мирового значения стал ботанический сад П. А. Демидова, основанный в 1756 г. в бывшем Нескучном саду.

Видное место в историко-экономической науке занимал секретарь Московской сенатской конторы М. Д. Чулков, выпустивший в 1781–1788 гг. 21 книгу «Исторического описания Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего». Этот поистине универсальный справочник для коммерсантов и чиновников о государственном значении торгового и промышленного производства написан с точки зрения купеческого понимания интересов России. Выпускник Московского университета, писатель, историк, фольклорист и этнограф, Чулков получил известность и как неутомимый собиратель и публикатор фольклора. Он издавал русские песни и сказки, материалы о народных суевериях, обычаях и нравах.

Колоритная фигура в исторической и экономической жизни столицы – писатель, предприниматель и купец И. И. Голиков, составивший и издавший 30 томов хроники «Деяния Петра Великого» (1788–1789) и «Дополнения» к ним (1790–1797). Огромная сводка подлинных документов надолго стала ценным подспорьем для всех изучающих историю первой четверти XVIII в. Голиков высоко оценивал экономическую политику Петра I, его заботы о купечестве, о развитии торговли и промышленности.

Во время русско-турецкой войны 1770–1771 гг. в Москве вспыхнула эпидемия чумы. Московские медики, организованные в Комиссию предупреждения и врачевания, многое сделали для борьбы с эпидемией, обобщив свой материал в труде «Описание о бывшей в Москве язве и о всех средствах, употребленных для ее прекращения» (1774). Глубокие мысли о борьбе с детской смер-

ДРЕВНЯЯ
РОССІЙСКАЯ
ВИВЛІОѲИКА,
или
Собраніе разныхъ древнихъ сочиненій, яко то: Россійскія посольства въ другія государства, рѣдкія грамоты, описанія свадебныхъ обрядовъ и другихъ историческихъ и географическихъ достопамятностей, и многія сочиненія древнихъ Россійскихъ Стихотворцевъ,
издаваемая
Николаемъ Новиковымъ,
Членомъ
Вольнаго Россійскаго Собранія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.
ЧАСТЬ II.
Изданіе второе.
ВЪ МОСКВѢ,
ВЪ Университетской Типографіи у Н Новикова
1782 года.

Титульный лист московского издания «Древняя Российская вифлиофика». 1782 г.

тностью высказал профессор С. Г. Зыбелин в работе «Слово о правильном воспитании с младенчества в рассуждении тела, служащем к размножению в обществе народа». Он указал на два условия слабой рождаемости и большой смертности в России – недороды хлеба и «чрезвычайные налоги и утеснения».

Конец XVIII в. ознаменовался выходом крупных обобщающих работ, подводящих своеобразный итог развитию научных знаний. Это «Словарь исторический, или Сокращенная библиотека» в 14 частях, который издан в 1790–1798 гг., и «Исторический словарь российских государей, князей, царей, императоров и императриц» И. В. Нехачина, а также «Магазин натуральной истории, физики и химии» – важный труд для дальнейшей разработки научного языка в области естествознания. Работы московских ученых XVIII в. послужили стимулом к развитию научной мысли в самых различных областях научного знания.

Искусство образного слова

Как и раньше, Москва в XVIII в. оставалась крупнейшим литературным центром страны. В столице причудливо переплетались остатки допетровской старины с новыми художественными вкусами и направлениями. Эпоха Петра I привнесла в литературу культ разума и науки, новые представления о человеке и его месте в мире и обществе. Введение нового гражданского года, гражданского шрифта для печатной продукции, новое понимание прекрасного – все это нашло свое отображение в литературе.

Откликом на события Северной войны стала вышедшая в 1709 г. книга видного московского публициста Иосифа Турбойского «Политиколепная апофеозис достохвальная храбрости всероссийского Геркулеса». Под этим маловразумительным названием скрывалось описание и толкование многочисленных картин на Триумфальных воротах, воздвигнутых питомцами Славяно-греколатинской академии в связи с торжественным въездом в Москву Петра I после Полтавской победы. Сюжеты их были заимствованы из греко-римских мифов, а также из произведений Фукидида, Овидия и других античных авторов. Книга Турбойского продолжила начатую еще в XVII в. традицию распространения знаний из греко-римской античности среди москвичей. Автор нарисовал в своей книге образ Петра I, любящего Россию «аки отеческий дом свой». Турбойский был горячим поборником мира и призывал к общению народов между собой, хотя и предупреждал, что если «кто-либо до Парижа дойдет ослом, тамо в коня не переменится»[144].

[144] Политиколепная апофеозис... М., 1709. С.84, 85.

Россия так быстро двигалась по пути усвоения культурных достижений Запада, что порою московское общество не успевало переваривать и усваивать эти новшества. И в результате в литературе того времени сосуществовали друг с другом и старая рукописная анонимная литература (повести, рыцарские романы, панегирики, эпиграммы, эпистолы и проч.), и новые авторские жанры – публицистическая политическая речь, любовная песня, стихотворная сатира, школьная драма и др.

В Москве не только бытовали старые рукописные повести, но и создавались новые, например, «История о Александре, российском дворянине». Ее действие начинается в «столичном городе Москве»; повесть рассказывает, как сын богатых родителей так «изострил свой ум, что философии и прочих наук достиг». Поехав за рубеж, он победил там всех рыцарей, а во Франции завоевал сердца всех красавиц. У героя повести отсутствует преклонение перед Западом, наоборот, он, «российский дворянин»,– победитель всех рыцарей. Основная идея произведения – утверждение русского национального сознания. Повесть была создана уже после Северной войны, когда в обществе выработалось понимание собственного национального достоинства и российский дворянин законно присвоил себе девиз «рыцарь гнева и победы».

Полтавская победа вызвала к жизни стихотворные одические произведения («Песни»). В 1709 г. в Москве появилась «Победославная песня», сочиненная безымянным автором. В ней он прославлял Петра I не только за его победы, но и за любовь к наукам. Восхищаясь Полтавской победой и радуясь за «непобежденную Москву», автор в то же время мечтает о том,

Чтоб Россия впредь достала
Мир и благоденствие,
Радость и веселие,
Да Москва всегда стояла
Несмущенна, без войны
И в соединении...

«Победоносная песня» предваряет русскую национальную оду, прославленную впоследствии М. В. Ломоносовым.

Весьма интересна и «Песнь приветственная», опубликованная в Москве в 1721 г. на русском и латинском языках и посвященная заключению Ништадтского мира. В ней воспевается ликование Петра I и всего русского народа, возвращавшегося к мирной жизни после многих лет войны и разрухи. «Счастливость гуляет в полях весела»,– восклицает автор, видя, как «златой дождь» орошает землю, как «встает жатва».

Наряду с торжественными одами получала распространение и бытовая (главным образом любовная) лирика. Такова

В. Н. Татищев. Гравюра А. Осипова. XVIII в.

А. Д. Кантемир. Гравюра И. Вагнера с портрета работы Я. Амикони. 1738 г.

одна из лучших любовных песен XVIII в. «То не пал туман на сине море», сочиненная П. С. Львовым в Москве в 1722 г. и вошедшая в песенники как русская народная песня.

Москва и в послепетровское время продолжала оставаться несомненным литературным центром. В 30-е гг. здесь жили и творили такие писатели и ученые, как Ф. Прокопович, А. Д. Кантемир, В. Н. Татищев, В. К. Тредиаковский. Один из образованнейших людей своего времени, Феофан Прокопович весь свой недюжинный талант отдал продолжению и расширению дела Петра I. В Москве Прокопович часто выступал с проповедями в Успенском соборе Кремля. Он восторженно встретил воцарение Анны Иоанновны, в звучных стихах «На день 25 февраля» приветствовал уничтожение ею «кондиций верховников»: «В сей день Августа наша свергла долг свой ложный, Растерзавши на себе хирограф подложный...» Прокопович воспевает переезд Анны Иоанновны в новый летний дом, построенный на берегу Яузы, а после посещения ею Феофана на даче в селе Владыкино он расценил время царствования Петра II как темную и мрачную ночь:

Прочь уступай, прочь,
Печальная ночь!
Солнце восходит,
Свет возводит,
Радость родит.
Прочь уступай, прочь,
Печальная ночь!

Выпускник Славяно-греко-латинской академии А. Д. Кантемир, покинув подмосковное имение отца Черная грязь (впоследствии – Царицыно), служил вначале офицером Преображенского полка и жил в Москве, где и написал свои первые пять сатир. В них он описывал жизнь дворянского общества современной ему Москвы, бичевал врагов науки и просвещения, изображал аристократов погрязшими в лености и тунеядстве, щеголями-мотами и скопидомами-развратниками. Он зло высмеивал и невежественное духовенство, ядовито обрисовывал пустые придворные сплетни. Один из его излюбленных сатирических образов – это святоша, ханжа или церковный неуч, обжора, пьяница, любящий порассуждать на богословские темы «блудослов». Небывалые по смелости сатиры Кантемира ходили в рукописях и нажили ему множество врагов. Неудобного сатирика отправили резидентом в Лондон в почетную ссылку. В. А. Жуковский справедливо назвал Кантемира «живописцем людей порочных». Московское придворное дворянство ополчилось против смелого сатирика, так что Кантемиру пришлось оправдываться: «Я не бла-

А. П. Сумароков.
Художник Ф. С. Рокотов.
ГИМ

Д. И. Фонвизин.
Неизвестный художник.
XVIII в.
ГИМ

городие хулить намеряюся, но устремляюсь против гордости и зависти дворян злонравных».

Из стен Славяно-греко-латинской академии вышел и В. К. Тредиаковский. Он обучался в ней в 1723–1725 гг., а затем приехал в Москву из Петербурга в 1731 г. Находясь за рубежом, он перевел аллегорический роман П. Тальмана «Езда в остров Любви» и в 1730 г. опубликовал перевод с приложением собственных любовных стихов. В Москве перевод романа был высоко оценен современниками. Тредиаковский близко сошелся с Прокоповичем и Кантемиром, вскоре он был вызван в Петербург и вошел в число переводчиков при Академии наук.

В 1731–1735 гг. в Москве жил и учился будущий великий поэт и ученый М. В. Ломоносов. Во время учебы он неутомимо работал в различных библиотеках, за пять лет прошел курс восьмилетнего обучения. В своих произведениях он часто упоминал памятные ему московские места и улицы. Впоследствии Ломоносов писал: «С прилежанием прочел почти все древним словенским языком сочиненные и в церкви употребительные книги». В Славяно-греко-латинской академии Ломоносов получил первые сведения и навыки в риторике и пиитике. Известны написанные им в Москве шуточные стихи о мухах, увязших в меду,– под ними подразумевались невежды, бестолковые люди, псевдоученые: «Меду полизали, а сами пропали».

В дальнейшем литературная жизнь Москвы оказалась связанной с писателями, группировавшимися вокруг А. П. Сумарокова и М. М. Хераскова. Широкое звучание получила тема патриотических традиций, подвигов во имя Отечества. Ведь в Москве родился великий А. В. Суворов. Но авторы той поры воспевали героев и прошлых веков – Дмитрия Донского, Минина и Пожарского. Сумароков еще до переезда в Москву в 1769 г. сочинил для маскарада на улицах Москвы (в связи с празднованием коронации Екатерины II) резкую сатиру на дикие формы крепостного права – «Хор ко превратному свету», но она не была допущена ни к печати, ни к исполнению в маскараде.

В Москве А. П. Сумароков написал две трагедии, три комедии и много разных стихотворений. В трагедии «Дмитрий Самозванец» он показал «изверга на троне», которому противопоставлены люди долга, чести и любви к Родине. Выражая идеологию дворянства, драматург ясно высказал свою идею: монархия необходима, но нужен «добрый самодержец», заботящийся о дворянстве. Характерны завершающие трагедию стихи:

Хотя состроятся тиранам олтари,
Они презренные и гнусные цари;
А праведный монарх, сидящий на престоле,
Всего любезнее, всего на свете боле.

Места действия комедий А. П. Сумарокова связаны с Москвой или Московской губернией. Он правдиво изобразил быт и нравы дворянского общества. Вершиной его комедийного творчества является «Рогоносец по воображению», где показана захолустная жизнь небогатых и невежественных пожилых помещиков Викулы и Хавроньи. Сочными красками рисует комедиограф их быт, пересыпая речь персонажей народными пословицами.

С детских лет жил в Москве М. М. Херасков, здесь же написано и напечатано большинство его произведений. Он известен как поэт, прозаик и драматург, крупнейший представитель классицизма. В поэме «Россияда» он «высоким слогом» шестистопного ямба описывает покорение Иваном Грозным Казанского царства. Поэма «Владимир Возрожденный» изображает принятие Русью христианства, а поэма «Царь, или Спасенный Новгород» должна была, по замыслу автора, представить «ужас безначальственного правления, пагубу междоусобий, бешенство мнимой свободы и безумное алкание равенства». В глазах современников Херасков был «русским Гомером». Уже после его смерти И. И. Дмитриев писал:

Пускай от зависти сердца зоилов ноют,
Хераскову они вреда не принесут –
«Владимир», «Иоанн» щитом его покроют
И в храм бессмертья приведут!

М. М. Херасков писал трагедии, комедии и «слезные» драмы. В них он критиковал пороки дворянского общества – невежество, распущенность, мотовство и щегольство. В своем политико-нравоучительном романе «Нума Помпилий» Херасков изобразил идеальное государство, где правитель – благонравный гражданин, совмещающий управление страной с хлебопашеством, который, «отложа царский венец и скипетр, первый плуг провождает».

Неразрывна с Москвой и литературная деятельность В. И. Майкова. Уволившись с военной службы, он переехал в 1762 г. в Москву, где вскоре издал шутливую поэму «Игрок ломбера», в которой высмеивал азартную карточную игру, широко популярную среди дворянства, а затем написал поэму «Елисей, или Раздраженный Вакх», высоко оцененную впоследствии А. С. Пушкиным. Майков – автор нескольких кантат и пастушеских драм. Будучи убежденным монархистом, он считал, что «просвещенному монарху надлежит о пользе общей всех радеть», но в то же время стремился оправдать отеческую власть помещика над крестьянами. Вот, например, песня оброчных крепостных в его пастушеской драме «Деревенский праздник, или Увенчанная добродетель»:

Мы руками работаем
И за долг себе считаем
Быть в работе таковой.
Дав оброк, с нас положенный,
В жизни мы живем блаженной
За господской головой.

Другую группу писателей-просветителей представляли Н. И. Новиков и Д. И. Фонвизин. Они резко критиковали крепостничество, царский суд, администрацию и правительство, дворянские пороки и пристрастия. Правда, все свои надежды они возлагали на «просвещенного монарха» и на действенную силу образования.

Выпускник Московского университета Н. И. Новиков почти всю свою жизнь провел в Москве и Московской губернии. Работа в Комиссии по составлению проекта нового Уложения (1767–1768) дала ему очень много материала для издаваемых им журналов. Не случайно Москва так часто упоминается на страницах его сатирических статей. «Человек великого ума и благородства» (слова Н. Г. Чернышевского[145]), он стал организатором огромного по размаху издательства, одним из основоположников русского литературоведения и русской критики.

С Москвой и Подмосковьем связано творчество известного русского драматурга Д. И. Фонвизина. Показательно, что действия его знаменитых комедий «Бригадир» и «Недоросль» происходят в тех местах, где он жил и работал,– недаром Новиков сказал, что сочинены они «точно в наших нравах»[146]. В своих комедиях драматург поставил вопрос о дворянстве в целом как сословии. Корнем всех бед в России Фонвизин считал крепостное право. Поэтому все его положительные герои, живя по законам природы и разума, не только осуждают крепостничество, но и борются с ним. Таков Стародум из «Недоросля» – тип просвещенного русского гуманиста, патриота, борца против крепостничества и деспотизма. Комедия «Недоросль» сыграла важную роль в развитии русского национального театра и до сих пор не сходит с театральных подмостков. Сила его комедии была так велика, что современники хотели видеть в ней и ее героях изображение действительных лиц.

Фонвизин – один из зачинателей «сатирического направления» в русской литературе, крупнейший русский драматург XVIII в., создатель русской социальной комедии. А. С. Пушкин видел в нем поборника просвещения, борца с крепостничеством и самовластием, назвал его «другом свободы». Его творчество – весомый вклад в сокровищницу не только русской, но и европейской литературы XVIII в.

Трудно назвать какого-либо крупного писателя XVIII в., который так или

[145] *Чернышевский Н.Г.* Избранные философские сочинения. Т.II. М., 1950. С.714.

[146] *Новиков Н.И.* Избранные сочинения. М., 1951. С.359.

*Г. Р. Державин.
Гравюра Г.-Х. Гейслера
с портрета
В. Л. Боровиковского*

иначе не был бы связан с Москвой. Г. Р. Державин продолжил традиции Новикова и Фонвизина в «Оде к Фелице», назвав себя «некоторым мурзою, издавна проживающим в Москве». Поэт редкого дарования, объединивший лирику с сатирой, философскую глубину с житейской наблюдательностью, Державин стремился в своем творчестве к народности, к верности изображения жизни. В Москве им написано несколько произведений, в том числе ода «На счастье», высоко оцененная В. Г. Белинским, который увидел в ней «русский ум, русский юмор, слышится русская речь». Произведения Державина публиковались в «Московском журнале» и в «Аонидах», а в 1798 г. в Москве вышло первое издание его сочинений. Поэт провидчески утверждал: «Со временем о мне узнают Славяне, Гунны, Скифы, Чудь» – и сказал, что он, «проповедуя мир миру, себя всех счастьем веселил».

С Москвой неразрывна и слава Н. М. Карамзина как писателя. В Москве Карамзин получил образование, здесь он издавал свои журналы, написал нашумевшую повесть «Бедная Лиза», действие которой развертывается у Симонова монастыря. Переехав в Петербург, он до самой смерти продолжал поддерживать тесные связи с Москвой.

Н. М. Карамзин учил ценить не сословную принадлежность, а внутренний душевный мир человека. Он нашел в русском языке новые «слова для тонких чувств», отказался от тяжелых книжных конструкций и выработал легкую изящную фразу, передающую эмоциональную выразительность слова. Это особенно ярко проявилось в «Письмах русского путешественника», ставших своеобразным зеркалом его души. Дворяне увлекались повестями Карамзина, его стихи заучивались наизусть, но это увлечение оказалось кратковременным. Сентиментализм, вначале прогрессивный и продуктивный, вскоре изжил себя, уступив место романтизму, а затем и реалистическим тенденциям в литературе. Да и прогрессивность самого Карамзина после французской революции резко пошла на убыль. Он стал мечтать о покое, тишине, уединении, воспевать меланхолическую чувствительность. Литературный подвиг Карамзина сыграл важную роль в становлении русского литературного языка, его творчество, по словам В. Г. Белинского, было «новой ступенью, новым шагом вперед начавшейся развиваться литературы».

В Москве получил начальное образование А. Н. Радищев. Он приезжал в Москву и позже, а в центральном своем произведении – «Путешествии из Петербурга в Москву» – в последних главах описал жизнь подмосковных крестьян. Свое великое творение Радищев закончил словами: «Вот уж Всесвятское... Ямщик, погоняй! Москва! Москва!» Гневно обличал писатель ужасы народной нищеты, издевательства помещиков над крепостными, народное бесправие и унижение. Книга Радищева стала важной вехой в развитии русского реализма. Изображая в ней отягощенных рабством людей, он героизировал их. «Бунтовщиком хуже Пугачева» назвала его Екатерина П. Книга Радищева была арестована, его самого отправили в Сибирь, но ни следствие, ни ссылка не сломили писателя. Его дело продолжили декабристы, а Пушкин в первоначальном варианте «Памятника» писал:

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что *вслед Радищеву* восславил я свободу
И милосердие воспел!

Картина литературной жизни Москвы будет неполной, если не упомянуть об изданиях для народа (лубочной литературе) и устном народном творчестве, бытовавшем в столице в XVIII в. Масштабы этих двух явлений литературного плана неоднозначны. Преобладала литература дворянская (а в конце века и буржуазно-купеческая). Ее распространяли

журналы и газеты, о ней шла речь во всевозможных культурных обществах, ею занимались правительство, Академия наук и университеты. Народ же, в массе своей все еще неграмотный, пробавлялся лубочными картинками и книжками и устным творчеством – сказками, песнями, пословицами.

Лубок издавался в Москве в огромных количествах. Торговали им на Красной площади у Спасского моста, и отсюда в коробах офеней он расходился по всей России. В конце века был даже опубликован сборник сказочных лубочных рассказов под названием «Старичок-весельчак, рассказывающий давние московские были». Ведущая тема лубочных повестей – столкновение дворянина с крестьянином или простолюдином, причем победа всегда оставалась за последним, дворяне оказывались в смешном положении, а крестьяне торжествовали. Лубок пользовался широчайшим спросом у народа.

Но главной формой выражения мироощущения трудового народа продолжал оставаться фольклор. В народных песнях особо подчеркнута та дорогая цена, которую страна заплатила за победу в Северной войне. В исторической песне, описывающей Полтавскую битву, говорится:

Распахана шведская пашня,
Распахана солдатской белой грудью.
Орана (т.е. вспахана.– *Авт.*)
шведская пашня
Солдатскими ногами.
Боронена шведская пашня
Солдатскими руками.
Посеяна новая пашня
Солдатскими головами.
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью...

Так образы привычного крестьянского труда на пашне входят в описание битвы, придавая народной песне особую убедительность в изображении горькой цены, заплаченной за победу. В своих песнях народ оплакивал и тяжкую судьбу рекрутской службы, на которую идет добрый молодец:

И он не волею, право, не охотою:
Воля барская, служба царская
Царя белого, Петра Первого...

Петр I стал и излюбленным положительным героем народных сказок того времени. Его противопоставляют как «хорошего царя» злым и завистливым боярам.

Особенно важны для характеристики менталитета народных масс пословицы – этот сгусток мысли, выраженный в краткой и запоминающейся форме. После Полтавской победы в широкий обиход вошла пословица «Погиб как швед под Полтавой...» Многие пословицы либо возникли в Москве, либо отобразили реалии московского быта. «Царство Москва, а мужикам тоска» – так оценил народ столицу феодального государства, где сосредоточились и суд, и полиция, и верховная власть страны. «Жить на Москве – быть и в тоске!» – говорится в другой народной пословице, или же: «Москва – что доска: спать широко, да везде гнетет».

Черный глаз, поцелуй хоть раз. Лубок. Середина XVIII в.

Жестокие пытки в застенках, размещавшихся у церквей Петра и Павла (на Басманной улице) и великомученицы Варвары, отражаются в пословицах «Иди к Варваре на расправу» или «Правда к Петру и Павлу ушла, а кривда по земле пошла». Пословицы прославляют «вольную волюшку» как недостижимый идеал для народа. Они рассматривают труд как источник благосостояния и человека и государства в целом, а любовь – как самое светлое и святое чувство, подчеркивают решающую роль народа в происходивших исторических событиях.

С Москвой связаны и рукописные произведения демократического толка.

Дом Баташова. Проект Р. Казакова. Строитель М. Кисельников. 1796 г.

Дом Юшкова в Большом Харитоньевском пер. XVIII в.

Эрмитаж и парк в Кускове. Архитектор Ф. Аргунов. 60-е гг. XVIII в. Гравюра по рисунку М. Махаева. 1778–1779 гг.

Грот в Кускове. Архитектор Ф. Аргунов. 1756 – середина 1760-х гг.

Такова народная пародия на «воровской пашпорт»: в рифмованной форме он дает разрешение грабить и воровать, подобно тому как помещики разрешали идти «для прокорму своей работой». С горькой иронией эти воры и бродяги, принимая беглого слугу в свой «приют под Каменным мостом в Москве», описывают свое «богатство»:

Поживи здесь в нашем доме,
В котором всего довольно:
Наготы и босоты,
Изнавешаны шесты,
А голоду и холоду
Анбары стоят,
Пыль да копоть,
При том нечего лопать...

В Подмосковье созданы и две рукописные повести крестьянского происхождения – «Повесть Пахринской деревни Камкина» и «Сказание о деревне Киселихе». Обе деревни находились на реке Пахре под Москвой. Они высмеивают богатого помещика, «к людем своим зело немилостива, и все его люди помирают голодом, и хлебом их весьма мало кормит, и то невейкой» (т.е. невеяным хлебом, с мякиной). Сын у помещика тупой, управитель – жадный и хитрый. Текст повестей пересыпан бойкой игрой слов, прибаутками и пословицами, острой рифмованной речью. Крестьянский же герой в повестях – остроумный и находчивый человек, близкий к фольклорным персонажам народной сатиры. В его устах пословица – одно из главных средств осмеяния богатея-барина.

Обнаружив значение пословицы в формировании взглядов народа на жизнь, Екатерина II выпустила в свет свой сборник «Выборные российские пословицы» с составленными ею лично изречениями «в народном стиле» типа: «Добрые дела сами собой воздаяние приносят» или «Деньги много могут, а правда царствует».

Но в народе продолжали пользоваться популярностью произведения совсем иного толка. Таков знаменитый «Плач холопов» 1767 г. (судя по упоминанию села Дедилова, созданный где-то вблизи от Москвы), начинающийся так:

О, горе нам, холопам, за господами жить!
И не знаем, как их свирепству служить...

Не горестные вздохи по тяжкой холопьей доле, а грозный призыв к мщению слышен в этом плаче:

Ах, когда бы нам, братцы, учинилась воля,
Мы б себе не взяли ни земли, ни поля,
Пошли б мы, братцы, в солдатскую службу
И сделали б между собой дружбу,
Всякую б неправду стали выводить
И злых же господ корень переводить!

Примечательно, что в «Плаче холопов» упоминался Александр Невский, которого следовало бы позвать на выручку обездоленных. Но увы, холопы и сами понимали несбыточность своих надежд и мечтаний и знали: ничто не ждет их впереди, кроме беспросветной жизни у господ до последних дней их земного существования...

«Здесь чудо барские палаты»

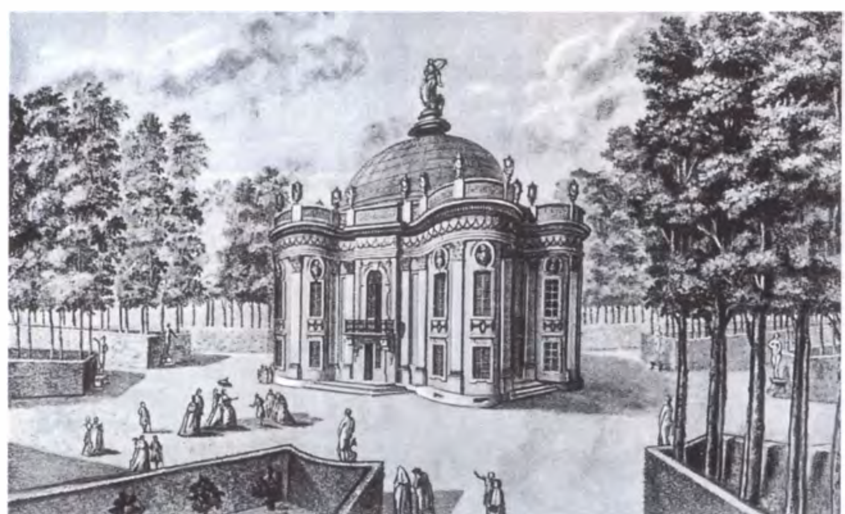
Не только литература, но и архитектура Москвы XVIII в. поражает своим разнообразием и многокрасочностью, богатством стилей, смешением старины с новизной. Древние кремлевские стены и башни соседствовали со вновь возведенными дворцами и церквами. Для их строительства в Москву привлекались лучшие мастера, многие из которых были крепостными. Так, неизвестный монах-зодчий закончил к 1692 г. строительство Большого Каменного моста. К 1701 г. зодчий М. И. Чеглоков возвел одну из самых высоких башен – Сухареву, с широкой парадной открытой лестницей, ведущей прямо к верхним палатам. Видным архитектором был Я. Г. Бухвостов, создавший в ближнем Подмосковье, в роицком-Лыкове (1701), церковь с тонкой узорной орнаментальной резьбой и праздничной красно-белой окраской. Все эти здания сохраняли еще приверженность старым архитектурным нормам.

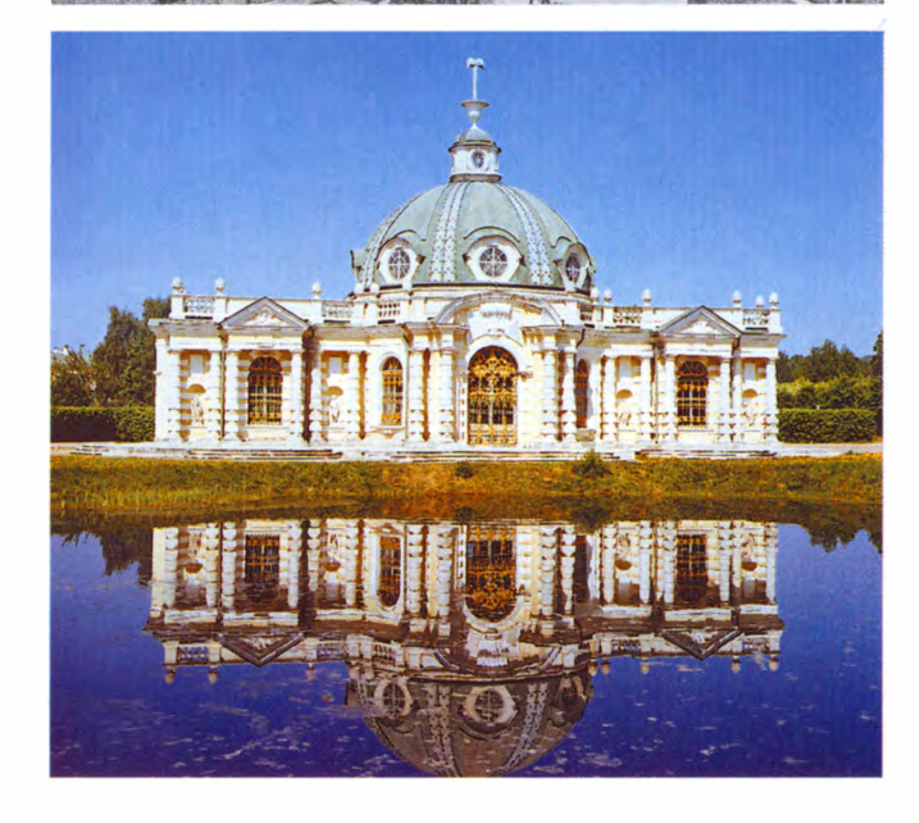
Но уже с первых лет XVIII в. в Москве начали строиться и здания ордерной системы. Такова Меншикова башня (1706–1707) архитектора И. П. Зарудного, соперничавшая по высоте с колокольней Ивана Великого, и приписываемая ему же церковь Иоанна Воина на Якиманке (1709–1713). Загородные усадебные дома еще повторяли вначале тип старых боярских хором, но вскоре и в самой столице, и в Подмосковье стали внедряться новые архитектурные формы. Богатое узорочье конца XVII в. («нарышкинское барокко») постепенно сменилось сдержанной строгостью (Арсенал в Кремле, выстроенный Дмитрием Ивановым и Христофором Конрадом в 1702–1736 гг.). Однако ордерные формы все еще рассматривались как внешнее декоративное убранство здания.

Указ Петра I 1714 г. о запрещении каменного строительства по всей России, кроме Петербурга, надолго (вплоть до его отмены) задержал развитие московской архитектуры. Но вскоре после 1728 г. вновь началось строительство правительственных и жилых зданий. В столице трудились выдающиеся архитекторы К. И. Бланк, И. К. Коробов, И. Ф. Мичурин, В. В. Растрелли, Д. В. Ухтомский и др. Они вернулись к пышному украшению фасадов и крыш. Особенно богато оформлялись царские покои и дворцы

вновь выдвинувшихся вельмож, стремившихся превзойти старую знать. Таков Анненгофский комплекс на Яузе архитектора В. В. Растрелли, дворцы в Немецкой слободе и в Подмосковье, украшенные лепниной и скульптурами. Наиболее выдающимся зодчим в Москве в середине XVIII в. был Д. В. Ухтомский. Он воздвиг Кузнецкий мост через р. Неглинную (1756–1759), церковь Никиты Мученика на Басманной (1751) и др. К этому же времени относится и сооружение колоколен Донского и Новоспасского монастырей. Крепостной архитектор П. И. Аргунов возвел великолепный дворец в Кускове в затейливом убранстве стиля барокко. При дворце был разбит большой парк и вырыт пруд с фигурными островами и каналами.

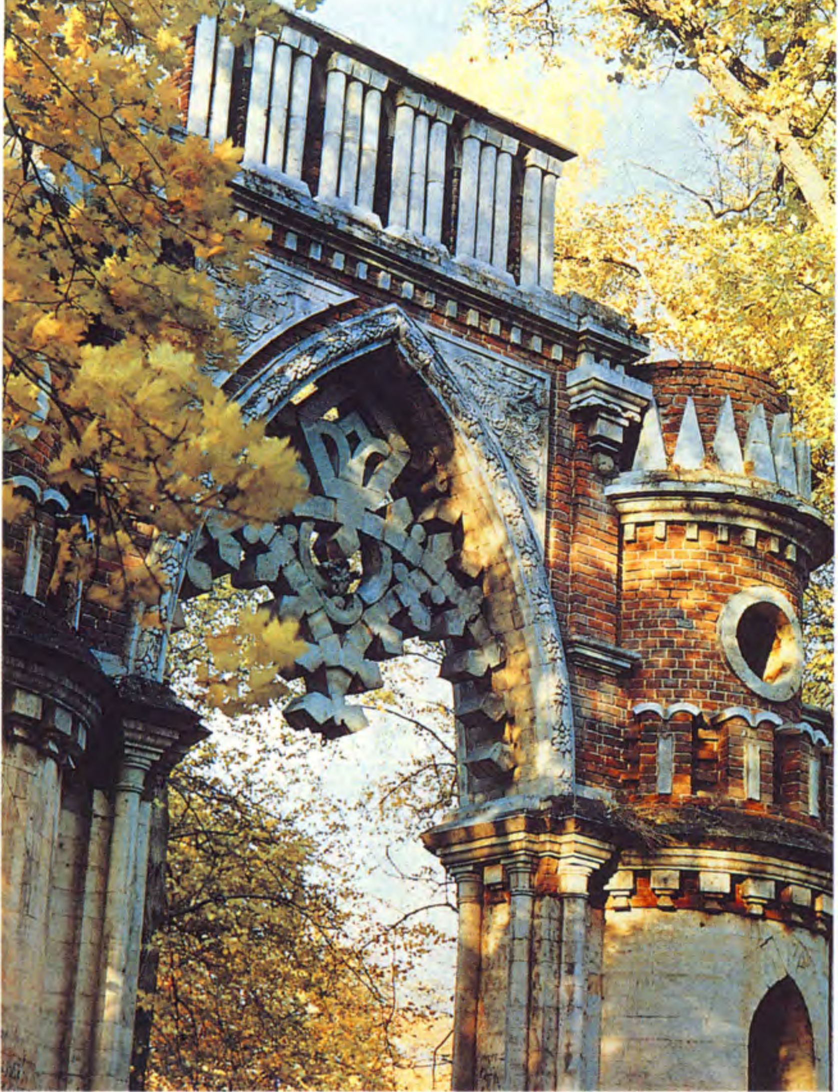
Последняя треть XVIII в. примечательна усиленным строительством в Москве правительственных и общественных зданий: Воспитательный дом на берегу Москвы-реки К. И. Бланка (1764–1772), здание Сената в Кремле М. Ф. Казакова (1776–1789), в котором воплотились идеи триумфа, мощи России и гордости за нее. Надо отметить его же здание университета на Моховой (1786–1793), «Военную гошпиталь» в Лефортове И. В. Еготова (1796) и др. На рубеже веков М. Ф. Казаков выстроил Голицынскую больницу (1796–1802) – одно из наиболее совершенных по архитектуре зданий того времени, а также Колонный зал Дворянского собрания на Моховой. Величественная простота и оригинальность композиции сочетаются в этих зданиях с компактностью объемов, богатством внутреннего и внешнего убранства, яркой окраской.

Лучшие произведения В. И. Баженова относятся к 80-м гг., и среди них на первом месте Пашков дом на Моховой улице, сооруженный в 1785–1788 гг. (ныне – здание Российской государственной библиотеки). Но в 1786 г. Баженова

Дом П. Е. Пашкова. 1784–1786 гг. Архитектор В. И. Баженов. Гравюра по рисунку Ж. Делабарта. XVIII в.

Царицыно. Фигурные ворота. Архитектор В. И. Баженов

уволили в отставку, а строительные дела в Москве возглавил М. Ф. Казаков, воспитавший целую плеяду талантливых архитекторов. Их трудами Подмосковье украсилось величественными и пышными усадьбами дворцового типа в Останкине, Царицыне, Пахре. К ним примыкает и Петровский подъездной дворец Казакова.

Гениальные замыслы В. И. Баженова и самоотверженная деятельность М. Ф. Казакова представили московский классицизм XVIII в. как явление громадного художественного значения европейского масштаба. Трудами русских архитекторов Москва стала в XVIII в. одной из красивейших столиц Европы с неповторимым сочетанием своеобразного древнерусского стиля с передовыми художественно-архитектурными достижениями Запада.

Расцвет «художеств»

Подлинный расцвет переживало в XVIII в. декоративно-прикладное искусство России. Уже в январе 1703 г. кремлевские стены и башни были украшены гирляндами искусно выполненных листьев, цветов и фруктов: столица отмечала взятие «свейского города Нотебурга». И в дальнейшем в Москве не раз устраивались сооружения декоративного характера (триумфальные арки, ворота и проч.), объединившие в себе «три знатнейших художества» – архитектуру, живопись и скульптуру[147]. Следует особо отметить активную роль московского купечества в обустройстве и финансировании строительства этих арок[148].

Среди художников петровского времени выделяется портретист И. М. Никитин, умевший выразительно передать внутренний образ человека. Таковы замечательные по жизненности и глубине характера портреты Петра I и Г. И. Головкина. Не случайно Петр I писал Екатерине о необходимости заказать Никитину ряд портретов, «дабы знали, что есть и из нашего народа добрые мастера». Тогда же работал рано умерший художник А. Матвеев, известный и портретами, и декоративной росписью соборов.

Видное место в искусстве первой четверти XVIII в. занимала гравюра, живо откликавшаяся на все крупные события военной и общественной жизни. Петр I придавал гравюре особое значение как средству пропаганды его реформ и достижений не только в России, но и за рубежом. Русские граверы Леонтий Бунин, А. Ф. и И. Ф. Зубовы и другие создали огромное количество гравюр, ставших важнейшим источником для воссоздания истории первой четверти XVIII в.[149]

Новый расцвет изобразительного искусства в Москве наблюдается с середины XVIII в., когда в создании Останкинского дворца Шереметевых принимали участие крепостные художники и архитекторы талантливой семьи Аргуновых. Художники-портретисты второй половины XVIII в. Ф. С. Рокотов, Д. Г. Левицкий, В. Л. Боровиковский и другие вписали яркие страницы в историю не только русского, но и европейского искусства. В Москве ими были созданы лучшие произведения, а также великолепные плафоны и панно во дворцах. Вот как С. Т. Аксаков описывает гостиную своих родителей: «Стены были расписаны яркими красками, на них изображались незнакомые мне леса, плоды и цветы, неизвестные мне птицы, звери и люди»[150]. И по сей день удивляют нас эти росписи на стенах дворцов в Останкине, Кускове, Архангельском.

Наряду с живописцами имена скульпторов Ф. И. Шубина, Ф. М. Гордеева и И. П. Мартоса составляют гордость русского искусства. Их произведения украсили и московские интерьеры, и фризы на наружных фасадах многих зданий. Ими созданы впечатляющие надгробия в садах Останкина, Кускова и Архангельского. Белый мрамор изваянных ими статуй ярко выделяется на темной зелени парков. Удивительные образцы деревянной резьбы и паркетного искусства крепостных мастеров поражают тонкостью работы и совершенством вкуса.

Широкое распространение в прикладном искусстве Москвы и Подмосковья получили расписная эмаль, орнаментальное шитье. Видное место занимают ювелирные работы мастеров Оружейной палаты, где художественная выразительность достигается фактурой золоченого серебра, четкостью рельефа и игрой света и тени.

Театральные и музыкальные «действа»

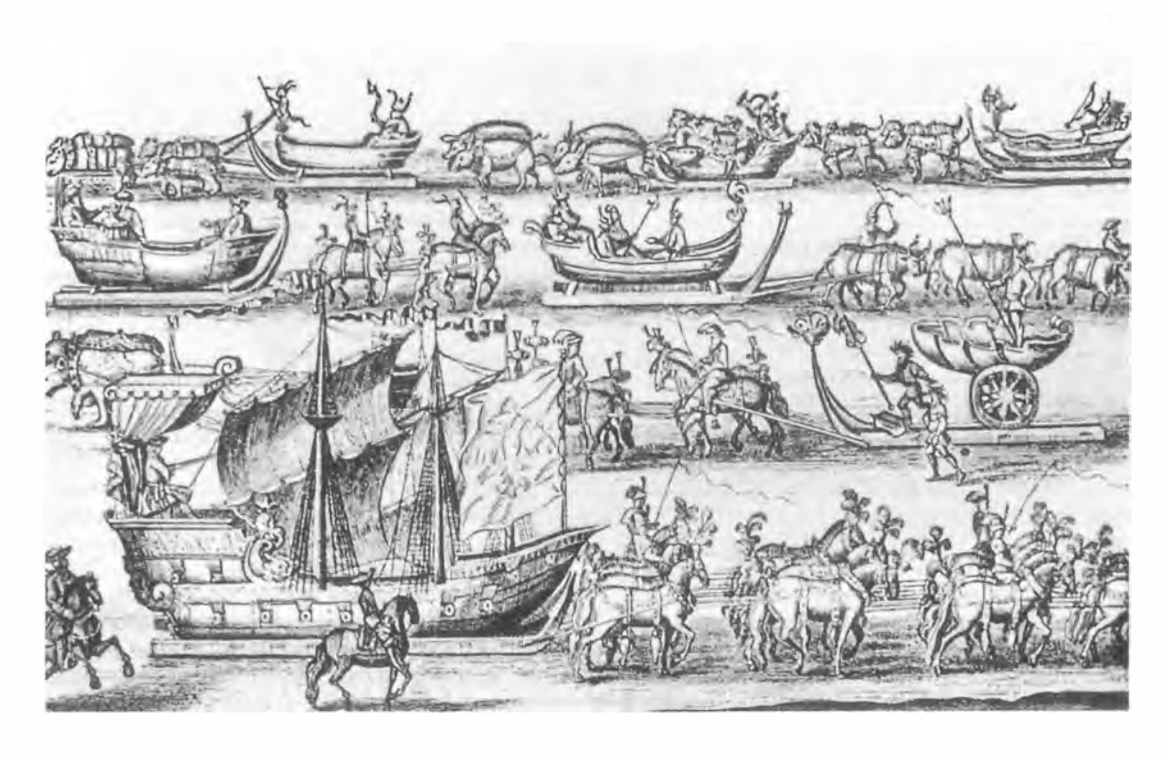
Музыкальная культура Москвы XVIII в. разнообразна. Она представлена чрезвычайно богатым наследием мелоса народных песен и церковных напевов и простейших бытовых жанров, и симфонической и камерной музыкой, и комической оперой конца века. Старая бытовая песенная традиция в Москве

[147] *Агеева О.Г.* Культовые памятники Москвы и Петербурга Петровского времени: к вопросу о традициях и новациях в русской культуре Нового времени // Актуальные проблемы истории русской культуры: Сб. науч. трудов. М., 1991. С.60–74.

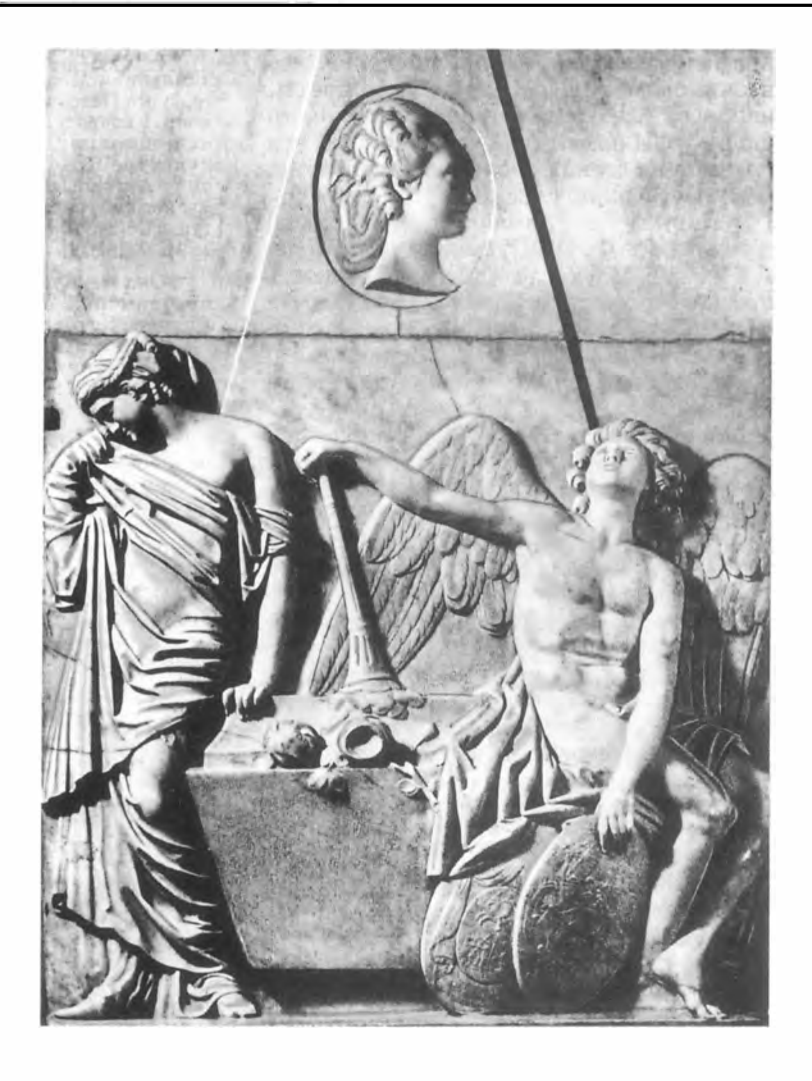
[148] *Она же.* Купечество и праздничная культура Петровского времени // Российское купечество от средних веков к Новому времени. М., 1993. С.126–129.

[149] *Она же.* Северная война и искусство гравюры в России Петровского времени // Русская культура в условиях нашествий и иноземных войн: X – начало XX в.: Сб. науч. трудов. М., 1990. С.151–178.

[150] *Аксаков С.Т.* Избранные сочинения. М.; Л., 1949. С.176.

Маскарад в 1722 г. по случаю заключения Ништадтского мира со Швецией. Гравюра. 1-я четверть XVIII в.

Надгробие М. П. Собакиной. Скульптор И. П. Мартос. 1782 г. Музей Академии архитектуры

имела глубокие исторические корни. Столица издавна славилась народной песней, здесь издавалось большое количество песенников, в «Москву за песнями» ехали любители со всей России. «Во поле березонька стояла...», «Ивушка, ивушка, зеленая моя...», «За морем синичка не пышно жила...» – эти и другие народные песни звучали и в мещанских, и в купеческих домах, и в пышных гостиных богатых дворян, да и в царских покоях.

Новый подъем музыкальной культуры принесли с собой торжественно отмечавшиеся в Москве триумфальные победы русского оружия. Неизмеримо возросла роль военных оркестров. Хоры певчих исполняли звучные торжественные канты, новые музыкальные вкусы стали проникать в придворную среду. Зазвучали романсы и камерные произведения. С 70-х гг. зарождается русская комическая опера, развитию которой способствовала бытовая песенная традиция. Образцом ее в Москве была опера «Мельник, колдун, обманщик и сват» композитора А. А. Аблесимова, восхищавшая широкую аудиторию. Живые разговорные эпизоды в опере чередовались с музыкой. Выросла целая плеяда русских актеров, среди которых выделялись муж и жена Сандуновы. Появился ряд крепостных оперных театров в Подмосковье, особенно прославились театры в Останкине и Кускове.

Инструментальная музыка и песня-романс перерастают рамки домашнего любительства. Музицирование в Москве становится неотъемлемой частью дворянского быта. В домах создаются специальные концертные залы. А. Т. Болотов писал: «Музыка в Москве очень была в моде. Считали до 10 тысяч всех музыкантов, и во многих домах были прекрасные музыканты и виртуозы»[151]. Клавесины, гитары, духовые ансамбли, роговая музыка, хоры крепостных и пение цыган – такова разнообразная музыкальная жизнь Москвы. Оживилась торговля нотами, песенниками, переводными книгами по музыке. Интересно объявление «Московских ведомостей»: в продажу поступил «самый новейший песельник, собранный из лучших и ныне употребительнейших песен военных, театральных, простонародных, нежных, любовных, критических, пастушьих, малороссийских, цыганских, хороводных, святочных и свадебных с изъявлением при каждой приличия, где и кому петь, голоса и чувствований расположено в рассуждении прежних песельников особенным планом сообразно нынешнему вкусу по отделениям, с гравированными при каждом фигурами».

В 1774 г. в Москве начал издаваться нотный журнал «Музыкальные увеселения». Велики и многообразны были запросы москвичей в области музыки. Музыкальная жизнь в Москве была такой же оживленной, как и в Петербурге.

В Москве в первой трети XVIII в. пьесы ставились главным образом в школьных театрах. Самыми известными из них были театральные группы, состоявшие из учеников Славяно-греко-латинской академии и Медицинской школы Бидлоо при «Московском гошпитале». Ученики Славяно-греко-латинской академии, «благородные отроки российские», ставили пьесы на библейские и евангельские сюжеты, носившие поучительный характер. Такова школьная драма «Ужасная измена сластолюбивого жития» 1701 г. (на сюжет евангельской притчи о богатом и Лазаре). Интересна драма «Страшное изображение» (на тему суда над душой грешника), посвященная победе русских войск при Эрестфере. В ней впервые появляется образ Петра I в виде «Марса российского». Роскошные костюмы актеров изготовлялись из разноцветной тафты, имелся и лазоревый тафтяной занавес. Торжественную постановку этой пьесы осуществили в Грановитой палате Московского Кремля, что подчеркивало желание правительства придать постановке особое значение. В заключительном

[151] *Болотов А.Т.* Памятник прошедших времен. М., 1875. С.93.

Портрет В. Е. Новосильцевой. Художник Ф. С. Рокотов. 1780 г. ГТГ

Портрет М. Лопухиной. Художник В. Л. Боровиковский. 1802 г. ГТГ

апофеозе пьесы Фортуна и Победа вручали Марсу российскому «знамения победы»: торжественный венец и меч с веткой финиковой пальмы. Победу при Эрестфере пышно отпраздновали в Москве торжественными молебнами, колокольным звоном, пушечными залпами и фейерверками с аллегорическими изображениями[152].

Воспитанники академии не только участвовали в театральных постановках, но и сами сочиняли пьесы. Так, будучи студентом академии, В. К. Тредиаковский написал две драмы на сюжеты из античной истории – «Ясон» и «Тит, Веспасианов сын», тексты которых до нас не дошли.

Первая театральная труппа, прибывшая в Москву в 1702 г., состояла главным образом из немцев, возглавлял ее И. Х. Кунст. Специально для нее на Красной площади была сооружена «театральная хоромина» (длина – 20 сажен, ширина – 12 и высота – 6 сажен), а при ней «три избы для приезжих». Входные билеты (они назывались «ярлыками») стоили 10, 6, 5 и 3 коп. Музыкантов и двух солисток выписали из Гамбурга. Репертуар театра был довольно разнообразен – от кровавых мелодрам любовно-авантюрного содержания до комедий Мольера и шутовских буффонад. Но в 1703 г. Кунст умер, а его труппу отпустили на родину, и в 1706 г. театр, знакомивший русских зрителей с многообразными человеческими чувствами, открывавший им новый мир душевного благородства, окончательно упразднили.

В 1707 г. «учинили» новый театр в с. Преображенском по инициативе любимой сестры Петра I царевны Натальи Алексеевны. В труппе состояло около

[152] *Бадалич И. М., Кузьмина В.Д.* Памятники русской школьной драмы XVIII в. по загребским спискам. М., 1968. С.5–31.

10 русских актеров и актрис и 16 музыкантов. По примеру царевны Натальи царица Прасковья Федоровна (вдова царя Ивана Алексеевича) тоже устроила свой театр в с. Измайлове. Главным режиссером была в нем ее дочь Екатерина Ивановна, герцогиня Мекленбургская. Театр просуществовал до смерти Петра I. В этих придворных театрах разыгрывались пьесы на библейские сюжеты, обработки популярных житий (взятых из Четьих-Миней Димитрия Ростовского) и рыцарских романов.

В школьных же театрах, наоборот, ставились пьесы-панегирики, прославляющие победы России в Северной войне. Так, Полтавская победа и измена Мазепы нашли отражение в пьесе «Божие уничижителей гордых уничижение» (февраль 1710 г.). Ученики школы Бидлоо поставили пьесу «Покорение Ливонии и Ингерманландии», а также школьные драмы «Слава российская», посвященную коронации Екатерины I, и «Слава печальная», написанную по случаю смерти Петра I. Самой замечательной из школьных драм была «Комедия о графе Фарсоне», воспроизводившая придворные нравы своего времени. Нередки в школьных драмах были и интермедии (на языке того времени они назывались «междувброшенные игралища») с галереей простонародных типов – взяточника-подьячего, попа-раскольника, цыгана. Многие интермедии изображали бытовые сцены из столичной московской жизни.

Оживление театральной жизни в Москве произошло уже в 40-е гг., когда построили новый Оперный дом в Лефортове, напротив Головинского дворца. В нем в 1742 г. ставилась итальянская опера «Титово милосердие». Воцарение Елизаветы Петровны отметили в школьном театре «Московского гошпиталя» драмой на исторический сюжет «Тамерлан», а в Славяно-греко-латинской академии – драмой «Образ торжества российского». До этого в апреле 1742 г. хор из 40 студентов академии в белых одеждах приветствовал новую царицу при ее въезде в Кремль кантами:

Приспе день красный, возсия ведро!
Милость России, небеса прещедро
Давно желанну зрети показали.
Прочь все печали!

В драме вместо церковных звучали панегирические канты. В них подчеркивалась всенародная радость и всемирное значение воцарения дочери Петра I. Новым в этой драме было торжественное появление России: окруженная Любовью, Фортуной, Музами, предшествуемая Славой, она появлялась «на торжественной колеснице, Европа и Азия главы под руки ей преклонили, глас простри на Африку и Америку» – полный апофеоз императрицы, чье мировое значение выделено поклонением четырех частей света! Надо добавить, что на триумфальных вратах также изобразили Елизавету Петровну в виде России: «радостно плещущая руками, взирающая же горе, иде же между лехкими облаки сияние»[153]. В ходе действия драмы раздавался «Глас с небес» как высшая небесная санкция переворота 25 ноября 1741 г., как идея богоустановленности царской власти. В придворном театре Елизаветы Петровны в с. Покровском поставили также пьесу «Акт о Петре Златых Ключей» по известному рыцарскому роману конца XVII в.

Кроме Оперного дома в 1742 г. построили здание Немецкого театра у Красных ворот, но в 1753 г. оно погибло от пожара. В 40-е гг. в Москве играло несколько театральных групп любителей-разночинцев. Они ставили свои пьесы на библейские сюжеты «на святках» в домах богатых москвичей, имевших большие залы.

Более разнообразной и интенсивной стала театральная жизнь Москвы во второй половине века, когда пышные придворные зрелища поражали зрителей богатством костюмов и декораций. Процветали открытые спектакли, ставившиеся на сценах Университета и Воспитательного дома. Усадебные театры Шереметевых в Останкине и Кускове соперничали с городским театром. 21 декабря 1750 г. издается специальный указ, разрешавший «обывателям» на святках «русские комедии иметь»[154]. Их стали разыгрывать разночинцы. В комедиях содержалась сатира на нравы господствующего класса. Высмеивался «московский щеголь – веретеном хвост», промотавшийся барин, обнищавший торговец. Действие таких интермедий развертывалось в Москве – на Балчуге, Покровке, на Москве-реке и т.д. Так, в интермедии «На встречу весны» герой говорит о себе: «Право, воля ваша, по всей Москве несть такого, как вы мене изволите видеть молодца малого!» За «благопристойностью» пьес следила специально учрежденная «Управа благочиния», смотревшая, «чтоб в игрании комедии богомерзких и прочих непристойных игр не происходило»[155]. В 1765 г. на Новодевичьем поле на вольном воздухе открылся театр для простого народа. Он просуществовал до чумной эпидемии. Труппу возглавлял отставной канцелярист И. И. Скорняков.

Совершенно особое место в театральной жизни Москвы занимал театр Университета, кураторами его были М. М. Херасков и И. И. Мелисино. Представления студенческого театра начались уже в 1756 г., причем при театре действовало и театральное училище. В нем обучались «имеющие способность и желание представлять театральные действия, также петь и обучать тому других».

[153] Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного шествия в царствующий град Москву... императрицы Елизаветы Петровны. СПб., 1744. С.150. Чертеж №4.

[154] ПСЗ. Т.XIII. № 9824. С.392.

[155] *Забелин И.Е.* Из хроники общественной жизни в Москве в XVIII столетии. М., 1891. С.562–575.

Б. П. Шереметев. Художник И. П. Аргунов. Копия с картины Шурмана. 1753 г. ГРМ

С 1760 г. студенческий театр выступал также и на сцене Оперного дома с трагедиями А. П. Сумарокова «Хорев», «Синав и Трувор», с комедиями Мольера и М. М. Хераскова. В этом театре играли Д. И. Фонвизин, Я. И. Булгаков, первая трагическая актриса того времени Т. М. Троепольская. 5 декабря 1762 г. «малый комнатный театр» был организован в покоях Головинского дворца в Лефортове, а позднее – в доме графини Воронцовой на Знаменке. Здесь ставили трагедии А. П. Сумарокова и комические оперы В. И. Майкова и Н. П. Николева. С 1779 г. и до конца столетия с успехом шла опера А. А. Аблесимова «Мельник – колдун, обманщик и сват», воссоздававшая картины семейного крестьянского быта. Первые попытки изображения крестьян на сцене встречаются в опере М. И. Попова «Анюта», где крестьяне противопоставлены дворянам:

Боярская забота:
Пить, есть, гулять и спать
И вся их в том работа,
Штоб деньги обирать.
Мужик сушись, крушися,
Потей и работай,
И после хоть взбесися,
А денежки давай!

Характерный мотив комической оперы – изображение простых, но честных людей из низов общества и злых и развратных господ.

Подлинный расцвет театра в Москве падает на 80-е гг., когда открылось специально оборудованное каменное здание на Петровке («Петровский театр»). Там ставились и русские бытовые комедии («Недоросль» Д. И. Фонвизина, «Хвастун» Я. Б. Княжнина), и тираноборческие трагедии Н. П. Николева и Я. Б. Княжнина. Много зрителей собирали крепостные театры Д. Н. Блудова, П. М. Волконского, В. И. Бибикова и др. На сцене крепостного театра Шереметевых блистали актрисы П. И. Ковалева-Жемчугова и Т. В. Шлыкова-Гранатова. Этот театр был постоянно действовавшим и бесплатным.

На сцене московских театров шли пьесы, проникнутые антикрепостническим пафосом и духом сочувствия к угнетенным крестьянам. Бытовое же начало комической оперы стало впоследствии достоянием русской комедии XIX в.

Во второй половине 90-х гг. московский театр переживал кризис. Указ 22 ноября 1797 г. запрещал играть пьесы без предварительной цензуры. Полиция была обязана присутствовать на постановках для наблюдения. Театральный сезон сократили. Крепостные театры начали закрываться один за другим. Возрождение театра наступило только после 1812 г.

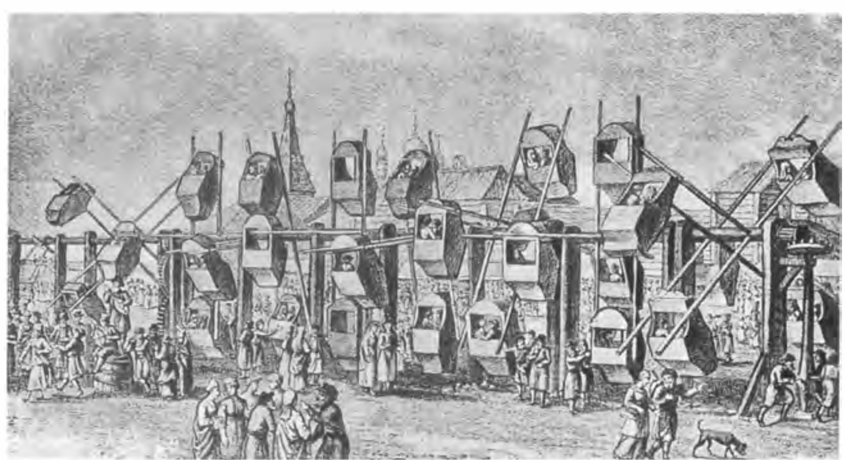
Но если профессиональный и крепостные театры в XVIII в. во многом зависели от политики правительства и зачастую ею и определялись, то народный русский театр продолжал жить активной жизнью на протяжении всего XVIII в. Народные хороводы, игрища, святочные и масленичные гулянья неизменно сопровождали жизнь трудового человека в Москве. К ним прибавились еще и гулянья, устраивавшиеся правительством. Они сочетали в себе традиции крестьянских и городских народных календарных праздников с европейскими карнавалами и официальными торжествами петровской эпохи, посвященными знаменательным датам и событиям государственной жизни. Праздники с пушечной пальбой и фейерверками постоянно собирали множество простого народа. Кроме того, в дни ярмарок в Москве и под Москвой на площадях наряду с торговыми палатками появлялись и увеселительные заведения, как традиционные (качели, медвежья потеха, кукольный театр), так и более новые – балаганы, карусели. Балаган становился центром праздника, его главной притягательной силой. Зрителями балаганов были низшие слои общества – кучера, кухарки, прислуга, извозчики, крестьяне-отходники, мастеровые, работный люд, мелкие чиновники. Представления народных драм «Царь Максимилиан и его непокорный сын Адольф» и «Лодка» шли непрерывно с утра до вечера. Они были насыщены песнями и танцами. Значительную роль в народных драмах играла импровизация. Декорации отсутствовали – их заменяли бутафория, рекви-

зит. Для народного театра характерны живые диалоги между актерами и зрителями – последние как бы соучаствовали в представлении. Известный в XVIII в. московский вор Ванька Каин вспоминал в своей автобиографии, что он в Москве на масленицу представлял «о царе Максимилиане игру» – это была пародия на суд[156].

Одновременно с театральными постановками, сопровождавшимися музыкой, в Москве были введены и ассамблеи, проходившие по определенным правилам. Гости должны были чувствовать себя на них вольготно, пили, ели, курили, играли в шахматы и шашки, танцевали (на ассамблеях присутствовали и женщины). Бывшие «теремные затворницы» довольно быстро становились светскими дамами. В карты играть на ассамблеях запрещалось.

Проект фейерверка на Ходынском поле в 1775 г. в ознаменование заключения мира с Турцией. Архитектор М. Ф. Казаков. Гравюра. Конец XVIII в.

Качели. Деталь гравюры по рисунку Ж. Делабарта «Гулянье под Новинским». Конец XVIII в.

Быт Москвы XVIII в.

Уже в петровское время облик Москвы стал преображаться. Чаще ставили каменные хоромы, окна стеклили заморским стеклом, печи начали класть преимущественно изразцовые. Среди предметов мебели появились кожаные стулья, постели, шкафы, вошла в быт, наряду с керамической, стеклянная посуда, на стенах вешали картины и гравюры.

Среди придворных имелись подлинные знатоки искусства, любители науки и просвещения. Многие из них были настоящими меценатами и тратили свое состояние на поддержку людей искусства и науки, составляли коллекции древних рукописей и произведений искусства, содействовали блестящим успехам дворянской культуры. Хорошо были известны библиотеки Бутурлиных, Разумовских, Головиных. В московской библиотеке графа А. И. Мусина-Пушкина на Разгуляе хранились редчайшие древнерусские рукописи, в том числе и уникальный, погибший при пожаре 1812 г. сборник, в котором находилось «Слово о полку Игореве». В доме Н. А. Демидова находились и естественно-исторический музей, и галерея западноевропейской живописи, и «китайский кабинет». Подмосковные усадьбы являлись подлинными образцами блестящей дворянской культуры и одновременно выдающимися духовными центрами, «вместилищами красоты и разума», как оценивали их современники. Здесь происходили встречи с видными литераторами, чтение новых произведений, концерты духовной и светской музыки, театральные представления. В подмосковных усадьбах творчество крепостных актеров, художников, архитекторов вливалось в дворянскую культуру и оплодотворяло ее новыми идеями, образами и красками.

Изменился и внешний вид москвичей. После возвращения из-за границы Петр I стал вводить новомодные мундиры и кафтаны. Старинная одежда и традиционные усы и борода отменялись царским указом 1700 г.[157] Вводилось обязательное бритье, а также «платье, и шапки, и кунтуши (польские куртки), и бостроги (кофты), и башмаки немецкие же». Новая одежда у москвичей приживалась с трудом, дома они ходили в традиционном русском платье и лишь «на людях» одевались «по-немецкому». Для тепла французские камзолы и польские кунтуши подбивали заячьим мехом. Особенно туго новые фасоны приживались в купечестве. Придворные же модницы довольно быстро освоили западноевропейскую одежду и богато украшали ее золотым и серебряным кружевом, позументами и драгоценными пуговицами. Простой народ продолжал носить исконно русскую одежду.

Основную часть населения Москвы составляли посадские люди. Их быт сохранил больше традиционных черт, но и в него проникали новые веяния.

[156] История славного вора... Ваньки Каина... писанная им самим при Балтийском порте в 1764 году. М., 1782. С.57, 58.

[157] ПСЗ. Т.IV. № 2015, 1741, 1887, 2175.

Откупщик Н. А. Сеземов. Художник Д. Г. Левицкий. 1770 г. ГТГ

Бородовые знаки. 1705 и 1725 гг. ГИМ

Москва во все времена притягивала к себе бесприютных и обиженных, потерявших постоянную работу и беглых – все стремились в Москву в надежде прокормиться случайным заработком или, на худой конец, милостыней: столица славилась своей сердобольностью. Городские власти регулярно вылавливали кормившихся «мирским подаянием», но на их место приходили другие.

Особую группу населения Москвы составляли солдаты новозаведенных Петром I полков – Семеновского, Преображенского, позже Измайловского и др. В солдаты записывались все, кто был недоволен своим положением,– гулящие люди, крестьяне и посажане, обедневшие дворяне и проч. Жили они на окраинах Москвы по Покровке, Басманной, Мясницкой, большей частью снимая углы, кормились мастеровой работой и милостынями.

Жизнь низших слоев была однообразной. Ее монотонность прерывалась лишь народными гуляньями на Рождество, Пасху, Троицу, Ивана Купалу. Песни, хороводы, катанья на санках, качели да кулачные бои – вот что заполняло праздничные дни. Кабаки и «табашные светлицы» услаждали загулявших посажан, которые лишь частично вкусили от новшеств в области быта и культуры. В своей массе трудовой люд столицы прочно придерживался старых обычаев и нравов, только отчасти усваивая новомодные западные вкусы и манеры.

Пестрота и разнообразие зданий, смесь старого и нового в одежде и нравах, резкие контрасты между западным лоском, роскошью, блеском дворян и лыковыми лаптями работных людей – вот что в первую очередь бросалось в глаза всем, кто приезжал в Москву. После петровских преобразований борьба новых форм жизни и быта придворных с традиционными устоями существования остальных граждан стала еще более заметной. Хорошо об этом написал К. Н. Ба-

Менялась одежда, появлялись новые вещи в быту, а главное – менялись отношения между людьми, проще стали завязываться знакомства среди молодежи, менее строгими становились требования старшего поколения. Но самодурство все еще сохранялось, особенно в патриархальных семьях.

Еще более тяжкой была жизнь работных людей Большого Суконного двора. Она мало чем отличалась от жизни крепостных крестьян. За малейшую провинность их штрафовали, кормили несвежей пищей, нередко задерживали выплату скудного жалованья. Это приводило к частым побегам; пойманных жестоко наказывали, возвращали бывшим владельцам и нередко ссылали в Сибирь на каторжные работы.

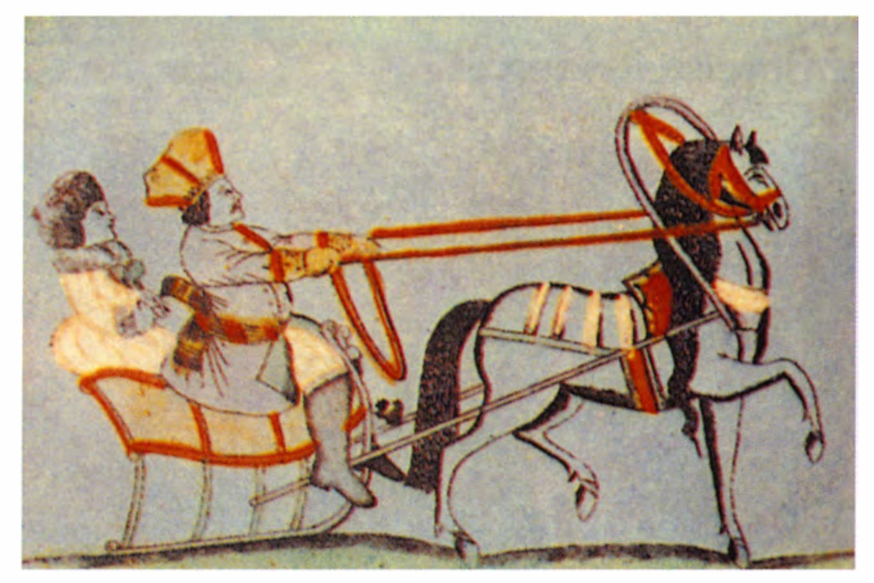
Курильщик у бочки. Гуашь. Неизвестный художник. XVIII в.

тюшков в статье «Прогулка по Москве», говоря о Москве конца XVIII в.: «Москва являет резкие противоположности в строениях и нравах жителей. Здесь роскошь и нищета, изобилие и крайняя бедность, набожность и неверие»[158].

Раскроем эту краткую характеристику современника. Роскошь била в глаза каждому, увидевшему придворный быт, который уже при императрице Анне Иоанновне поражал приезжих иностранцев своим великолепием. Безудержным мотовством отличалась Елизавета Петровна – частые балы и маскарады чередовались с фейерверками и гуляньями. Во время пожара, уничтожившего ее деревянный дворец в Москве, сгорело более 4 тыс. платьев из драгоценных тканей. Придворные и сановники тратили громадные суммы на пиры, празднества, увеселения и содержание фаворитов и фавориток. Екатерина II также не отличалась высокой нравственностью, ее фавориты открыто содержали любовниц. Гвардейскому офицеру считалось неприличным не иметь любовницы. Золото, бриллианты, изумруды украшали придворных дам. Оружейная палата сохранила образцы придворных парадных платьев. Золотая и серебряная парча, горностай, соболь, страусовые перья, тончайшие брюссельские кружева – стоимость этих нарядов окуплена трудом крепостных крестьян.

Широко жили дворяне! У фельдмаршала К. Г. Разумовского ежедневно был открытый стол на 50 человек. Многие московские вельможи имели свои театры, оранжереи, картинные галереи. Пышные дворцы были разукрашены цветными панно и плафонами. Парадные выезды, запряженные шестеркой одномастных лошадей, везли по московским «прешпектам» напомаженных и завитых парикмахерами-иноземцами вельмож в париках и расшитых золотом кафтанах. Табакерки в их руках были усыпаны гранатами и рубинами, платья сопровождавших их дам унизаны перлами и сапфирами. Впереди ехал верховой, разгонявший толпу, а на запятках кареты стоял слуга в ливрее. Громадные суммы оброка, собранного с полуголодных крестьян, шли на прихоти и забавы, украшения и роскошное убранство особняков-дворцов, где стены обивали штофными обоями и шелковыми тканями, где мебель красного дерева с позолотой дополнялась картинами итальянских и французских художников, фамильными портретами владельцев в дорогих золоченых рамах. Все старались перещеголять друг друга безумными тратами на внешнее показное богатство, и нередки были случаи разорения, когда все добро шло с молотка...

А рядом – горькая неприкрытая нищета. Если дворяне в Москве составляли около 5% населения, то крестьяне и

Катание на санях. Лубок. XVIII в.

Блюдо. XVIII в. ГМЗМК

дворовые – почти 70%. В ветхих лохмотьях, в опорках на босу ногу бродили по улицам группы нищих, безработных. На акварели И. А. Ерменева изображены слепцы, на их застывших лицах печать безграничной усталости, одежда в лохмотьях, протянутые за подаянием руки – жестокая правда жизни, предвосхищающая изображение беспросветной доли крестьян в «Путешествии» А. Н.Радищева.

Скудостью отличалась и одежда бедных горожан. Холщовые или пестрядинные рубахи и порты, зипун из домотканого грубого сукна, нагольный полушубок, холщовые онучи, осенью и зимой – липовые лапти, рукавицы да шапка – обычная одежда «простецов» XVIII в. Как и раньше, они жили по окраинам в избах, зачастую топившихся «по-черному», когда дым выходил через волоковое окно. Убранство таких изб не поражало разнообразием: лавки вдоль стен, деревянная или глиняная посуда.

Что же говорить о мастеровых, зачастую не имевших собственного жилья! Они и работали, и жили большей частью в холодных, грязных и темных помещениях мануфактур. Где работали, там на полу и спали вповалку. Одежда работных

[158] *Батюшков К.Н.* Сочинения. Т.II. СПб., 1885. С.28.

Сцена в кабаке. Акварель И. Я. Меттенлейтера. 1791 г.

людей была до того плоха, что даже в официальных документах говорится: «Большое число мастеровых и работных людей так ободрано и плохо одеты находятся, что некоторые из них насилу и целую рубаху на плечах имеют»[159]. Их повседневная пища – квас, хлеб, капуста, тюря. Не было возможности при такой жизни ни постирать белье, ни приготовить обед. Питались в харчевнях при мануфактурах в долг хозяину. А мануфактуры тесным кольцом окружали кабаки да трактиры, где измученные мастеровые спускали последние гроши. Молодые рабочие не могли жениться – негде и не на что было жить семье, а тем более кормить детей. Образ мастерового рисует песня рабочих ткацкой фабрики:

Весь оборванный, худой,
Кафтан старый, картуз рваный,
Без подметок сапоги...

И чудовищным контрастом с этой неприкрытой угрюмой скудостью выглядит роскошь в быту правящего класса! Стареющая государыня Анна Иоанновна дарит своему преданному фавориту Бирону кубок из чистого золота, отделанный бриллиантами и содержащий в себе полумиллионное состояние в золотых монетах... А «преславный одописец» Державин описывает дворянский пир,

Где блещет стол сребром и златом,
Где тысячи различных блюд;
Там славный окорок вестфальский,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят,
Шампанским вафли запиваю
И все на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат...

или:

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят,
В графинах вина, пунш, блистая,
То льдом, то искрами манят;
С курильниц благовонья льются,
Плоды среди корзин смеются...[160]

И при этом он с наивным простодушием писал о Екатерине II:

...И пища самая простая
Бывает за твоим столом...

А вокруг Москвы в красивейших местах «в превеликом множестве» рассыпаны загородные дома и подмосковные усадьбы с великолепными, украшенными колоннами зданиями, парками, цветниками, оранжереями, где для изнеженных девиц выращивались заморские фрукты и диковинные цветы. А рядом полунищие крестьяне своим горбом добывали хозяевам средства для их мотовства и «роскошества». Бесчеловечная эксплуатация крепостных крестьян, каторжный труд работных людей – вот что в конечном итоге было источником богатств меценатствующего дворянина и, косвенно, всех достижений культуры XVIII в. «Они работают, а вы их труд ядите!» – этот эпиграф из новиковского «Трутня» остается горьким упреком русской дворянской культуре XVIII в. Не являлась исключением и столичная культура. И здесь высокие дос-

[159] ПСЗ. Т.XI. № 8440. С.493.

[160] *Державин Г.Р.* Стихотворения. М.; Л., 1947. С.21, 153. Державин был не одинок в описаниях лукулловых пиров дворян того времени. С ним перекликается поэт Н.П.Николев: «Вестфальский окорок, раскормленный каплун, с молоками пирог и устриц сто четыре за стерлядью в аршин...»

тижения художественного творчества и духовной мысли мирно уживались с дикостью нравов, бесправием крепостных и разнузданностью помещиков. Да, в Москве творили В. И. Баженов и Г. Р. Державин, Москву украшают дом Пашкова и Колонный зал Дворянского собрания. Но в это же время помещица Подольского уезда Московской губернии Дарья Салтыкова (Салтычиха) зверски замучила более 100 человек крепостных, за что и была приговорена к пожизненному заключению в тюрьме московского монастыря, а ее имя стало символом бесчеловечного обращения помещиков со своими крепостными.

Помимо дворян и крестьян в Москве – административном центре громадной Российской империи – проживало множество чиновников разного ранга и достатка. Бюрократический аппарат столицы особенно возрос после губернской реформы 1775 г. Вновь испеченные чиновники были выходцами из обедневших дворян и духовного сословия, реже из мещан. Высшие чиновники вели обычную жизнь дворянина, правда отягченную немалыми служебными обязанностями. Низшие же влачили существование, мало чем отличающееся от жизни остального трудового народа, разве что большей уверенностью в завтрашнем дне. А в многочисленных канцеляриях работала громадная армия чиновников (приказных), кормившихся не столько казенным жалованьем (оно было небольшим), сколько поборами с многочисленных челобитчиков, «доброхотными даяниями» или «денежной молитвой», как они сами любили выражаться. Была разработана целая система, как нужно дать «барашка в бумажке» и как принять взятку, чтобы это имело вид законного действия. Формы существовали самые разнообразные. Можно нарочно проиграть определенную сумму в карты за ломберным столом, сделать «презент» ко дню рождения нужному человеку или его жене, подарить хорошего и дорогого борзого щенка, если берущий был любителем собак. А можно передать через слугу или мелкого канцеляриста. Приказные всеми способами пытались задержать решение дела до тех пор, пока проситель не догадывался «дать на лапу». Публицистика XVIII в. полна рассказами о подобных ситуациях[161]. А как выразителен хор чиновников в комедии В. В. Капниста «Ябеда», поющий:

Бери, большой тут нет науки,
Бери, что только можно взять.
На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать?
(хор): брать, брать, брать![162]

Так внешне фарсовая буффонада превращается в гротескно-символическое изображение шайки взяточников.

Празднество свадебного договора. Деталь. Художник М. Шибанов. 1777 г. ГТГ

На всем служебном быте чиновников лежала печать произвола, злоупотреблений, корыстолюбия, раболепия и подлости. Чиновники имели обыкновение запускать руку в государственную казну. Растраты были грандиозными, воровство – наглым и явным. Сорвать куш побольше, накопить деньжат, выгодно жениться, обзавестись деревенькой и жить припеваючи за крестьянскими спинами – вот идеал чиновников. Лишь немногие из них интересовались науками, искусством, литературой. Духовный мир их был узок и убог. Часть чиновников выбивалась «в люди», выходила в отставку, строила собственный дом в Москве, обзаводилась слугами и лакеями. Их дома обычно бывали богато отстроены и пышно (хотя порою и безвкусно) обставлены. Дом делился на две половины – комнату с «каморкой» (спальней) для семьи и светлицу для гостей. Последнюю старались приукрасить: потолки штукатурили, стены обивали клеенкой с цветами и картинами, пол в одноэтажных домах выстилали каменной плиткой, печи обкладывались изразцами, синими либо зелеными. В «красном углу» – божница с изобилием икон в серебряных и золоченых окладах, зеркала в позолоченных рамах. Вдоль стен стояли стулья, а посередине стол, покрытый ковровой скатертью.

[161] Всякая всячина. 1769. № 145, 146 и др.

[162] *Капнист В.В.* Ябеда. СПб., 1796. С.82.

Женщина с коромыслом. Офорт Ж.-Б. Лепренса. 1764 г.

Семейная половина выглядела намного скромнее. В углу – образ, увешанный серебряными гривенниками, вдоль стен – скамьи и сундуки с одеждой и посудой. При доме обычно имелся сад и дворовые постройки. Жены чиновников старались подражать в своей одежде дворянкам.

Быт купечества был полон самых неожиданных контрастов. Громадные денежные состояния, меценатство, стремление во всем походить на дворян, богатые костюмы, тяжеловесная роскошь в быту – и старинные шубы да кафтаны, грубость нравов, мизерные культурные запросы. А сколько своеобычных личностей можно было встретить в купеческой среде! Вот Н. А. Сеземов, крепостной графа Н. П. Шереметева, пожертвовавший 20 тыс. руб. (громадная по тому времени сумма!) для нужд московского Воспитательного дома. В связи с этим известный педагог И. И. Бецкой заказал видному художнику Д. Г. Левицкому портрет этого мецената. Его и сейчас можно увидеть в Третьяковской галерее. С портрета смотрит кряжистый, хозяйственный и деловой купец, его осанка, густая борода, загорелое лицо, простая одежда – все выдает в нем представителя купеческого сословия. В то же время его поза – обычная для людей «знатной породы», знающих себе цену и умеющих поведать о ней людям.

Причудливое сочетание старорусской и западноевропейской одежды характерно для платья купчих. Традиционный женский кокошник нередко заменялся у них (особенно у молодых) новомодным чепцом с лентами, телогреи и душегреи – мантильями и немецкими кофтами. Постепенно начал входить в употребление и корсет – подлинное мучение для пышнотелых купчих. Но особенно быстро вошли в их обиход модные мелочи туалета – косынки, шарфы, платки и проч. Атлас, шелк, бархат, парча украшали купчих, стремившихся всем своим видом подчеркнуть, что они – не «подлое сословие».

Не только в одежде, но и в быту купцов наблюдалось смешение старины с новизной. Обильная жирная пища – и строжайшее соблюдение постов; заграничные сладости и вина – и традиционные русские квасы, сбитни и меды; «красный угол», весь в иконах – и зеркала немецкой работы; поставцы и лавки у одних – и модные стулья, секретеры, шкафы, посудные горки – у других. Появилась в купеческом обиходе и новая посуда – чашки с блюдцами, кофейник, чайник с «конфоркой» – предшественник самовара. Чай особенно быстро завоевал у купцов популярность. Пили «чаи» долго и помногу, вытирая специальным полотенцем выступающий пот. Чаепитие стало самым популярным времяпровождением в купеческой жизни. Их так и звали: «московские водохлебы». За чаем заключались сделки и обговаривались все дела.

Купечество различалось по своему составу и имущественному положению. Купцы 1-й гильдии были «капиталистыми» людьми, принятыми в высшем обществе и мало чем отличающимися от правящего класса. Таков купец А. И. Борисов, чей портрет в 1788 г. написал Д. Г. Левицкий. Перед нами – выходец из крестьян в кафтане на шелковой подкладке и в шелковом жилете. Самоуверенно и даже нагловато смотрит этот самодовольный делец, порвавший со своим сословием и уверенно пробивающий себе путь в высшие сферы общества. Разве только окладистая борода выдает в нем недавнего крестьянина.

Но таких купцов насчитывалось немного. Преобладающая часть их жила скромно в небольших деревянных домах, где кухонная утварь состояла из деревян-

Прогулка зимой. Офорт Ж.-Б. Лепренса. 1764 г.

ной посуды. Украшением такого дома были огромные липовые расписные сундуки. В них хранилась одежда и бакалейные товары (мука, крупа, сахар и т.д.). Купцы «средней руки» носили обычно долгополые кафтаны, поярковые шляпы, сапоги. Их жены и дочери одевались в платья и сарафаны без талии, кофты шились на манер душегрей и подбивались мехом, а чепчики и капоры они по старинке покрывали сверху платком или фатой. Видно, крепко держались люди прежних обычаев, если в 1793 г. правительству пришлось повторить прежний указ Петра I: «Всякого звания российского народа людям, кроме духовных чинов и пашенных крестьян, носить платье против чужестранных немецкое, бороды и усы брить... а русского платья и черкесских кафтанов и прочих неуказных уборов отнюдь никому не носить и в рядах не торговать под жестоким наказаньем»[163]. Но на указ никто не обращал внимания.

Суров и деспотичен был семейный быт купечества. Слово главы семьи являлось законом. Самодурство и жестокость процветали под личиной показного благочестия и благопристойности. Строго соблюдалась вся внешняя обрядовая сторона православной религии. Развлекались купцы в трактирах, на народных гуляньях, где любили смотреть на кулачные бои. В Москве, в отличие от Петербурга, на ярмарках еще можно было встретить и дрессированного медведя. Гулянья устраивались на площадях и полях – под Новинским и Новодевичьим монастырями, в Марьиной роще, Сокольниках, на Гороховом поле и т.д.

Но не следует думать, что жизнь купцов проходила только в торговле, еде да примитивных увеселениях. Хотя в целом московское купечество и придерживалось традиционных форм образования, уже в конце XVIII в. оно стало проявлять интерес и к новым, светским формам обучения[164]. Пользовалось популярностью Московское коммерческое училище, созданное по инициативе И. И. Бецкого на средства П. А. Демидова. В купеческий быт начала проникать книга. Купеческие библиотеки включали в себя духовно-поучительную литературу, буквари, словари, географические атласы, романы и повести. Много имелось книг общеобразовательного характера, что свидетельствовало о тяге к знанию, просвещению. Встречались и книги на иностранных языках. Некоторые купцы владели рукописными книгами[165]. Именно купцы были первыми и самыми активными читателями и хранителями древнерусской повести в то время, когда образованные круги высших слоев общества уже утратили к ней интерес[166].

В 1786 г. на Большой Дмитровке открылся Купеческий клуб, где помимо купцов бывали и «почетные люди другого состояния». С 8 часов утра до 10 вечера здесь проходили деловые встречи, а также «великие собрания» раз в неделю (по средам). Клуб выписывал русские

[163] ПСЗ. Т. XI. № 8701. С.772, 773.

[164] *Нилова О.Е.* Вопросы культурного облика московского купечества конца XVIII – начала XIX в. в дореволюционной историографии // Вопросы истории русской культуры в отечественной и зарубежной историографии: Сб. статей. М., 1986. С.157–169; *Она же.* Вопросы культурного облика московского купечества конца XVIII – первой четверти XIX в. в работах советских исследователей // Источниковедческие и историографические аспекты русской культуры: Сб. статей. М., 1984. С.123–138.

[165] *Сперанский М.Н.* Рукописные сборники XVIII в.: Материалы для истории русской литературы XVIII в. М., 1963. С.89–91.

[166] *Пушкарев Л.Н.* Купцы – хранители и читатели древнерусской повести // Российское купечество от средних веков к Новому времени. М., 1993. С.129, 130.

и иностранные газеты, имелся бильярд. Просуществовав до 1796 г., клуб положил начало Купеческому собранию XIX в.

В ином направлении менялся быт дворян. В 1736 г. они получили право уходить в отставку после 25 лет службы, а в 1762 г. Петр III издал «Манифест о вольности дворянства», по которому дворяне не только освобождались от обязательной гражданской либо военной службы, но и получали право беспрепятственного выезда за границу. Манифест восторженно восприняли в Москве и во всей России. «Все воспрыгались почти от радости,– вспоминал А. Т. Болотов,– и, благодаря государя, благословляли ту минуту, в которую угодно было ему подписать указ сей»[167]. Дворяне спешили воспользоваться свободой. Одни занялись хозяйством и предпринимательством, другие потянулись в Москву. Число дворян в столице сразу увеличилось, началась активная застройка новыми домами, главным образом на окраинах, где стали возникать дворянские усадьбы. А когда в 1785 г. Екатерина II «Жалованной грамотой дворянству» подтвердила их сословные права, дворянство зажило в свое удовольствие. Настала привольная и сытая жизнь для дворян. Новомодные французские платья стали надевать только на балы, а дома прохлаждались в шлафроках и китайчатых халатах да в шлепанцах без задников. Сладко поесть, крепко поспать, сыграть в картишки, пропустить чарочку за столом – вот о чем мечтали большинство дворян. Внешний лоск поверхностной культуры не мог скрыть бесцельности существования значительной части дворянского сословия. Вот как описывал жизнь дворянина того времени Г. Р. Державин:

А я, проспавши до полудня,
Курю табак и кофе пью;
Преображая праздник в будни,
Кружу в химерах мысль мою...
Или средь рощицы прекрасной
В беседке, где фонтан шумит,
На бархатном диване лежа,
Младой девицы чувства нежа,
Вливаю в сердце ей любовь...

Беззаботная, ленивая и разгульная жизнь развращала волю и сознание дворян. Против этого и выступила передовая часть столичной интеллигенции, призывавшая к овладению высотами духовной культуры.

Что же говорить о придворном быте столицы! Удивляясь и сейчас совершенству построек той эпохи, поразительному разнообразию произведений искусства, высочайшим достижениям человеческой мысли и слова, нельзя забывать и того, какой дорогой ценой все это куплено.

[167] Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII в. Ч.2. Вып.1. М., 1916. С.12.

В истории России XVIII век оказался совершенно особым периодом. Это был век вхождения ее в европейское сообщество государств, период реформ, круто изменивших развитие русской культуры, время окончательного становления русской нации и русского национального характера, время превращения русской столицы в один из прекраснейших городов Европы.

Москва XVIII в. сохраняется в памяти потомков домом Пашкова и Колонным залом Дворянского собрания, Останкиным, Кусковым, Архангельским и Нескучным садом, Московским университетом и блестящей портретной галереей великих русских портретистов. XVIII век в истории Москвы – это время высочайших проявлений человеческого духа и одновременно острейших социальных конфликтов. Это век Просвещения и Салтычихи, век Петра I и Екатерины II, Пугачева и Радищева, Ломоносова и Суворова. На исходе XVIII в. в Москве родился А. С. Пушкин, ставший ярчайшим гением русской национальной культуры.

10. МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО РАЗМЫШЛЯЕТ

Общественная мысль столицы и в XVIII в. отражала всю сложность внутренней и внешнеполитической обстановки той эпохи, чутко откликаясь на важнейшие события века. В первой четверти XVIII в. это была Северная война и реформы Петра I, вызывавшие разноречивые отклики. Торжественные «триумфы» в Москве по случаю побед русского оружия сменялись переживаниями по поводу перевода столицы в Петербург и нежеланием многих коренных москвичей покидать давно насиженные места. Одни, как князь А. В. Голицын, отговаривались нездоровьем («болезнь у него, называемая меланхолиум-иппохондрикум»), другие – возрастом («стар и дряхл»). В Москве были сосредоточены и сторонники царевича Алексея Петровича, мечтавшего о возврате старых порядков и намеревавшегося вновь перевести столицу в Москву, а «Петербург оставить простым городом». Но приверженцы старины оказались слишком слабы для борьбы с петровскими преобразованиями, отвечавшими потребностям и интересам страны. Реакционный кружок близких к царевичу лиц был разгромлен в 1718 г.

Большая часть населения старой Москвы с неодобрением относилась к нововведениям Петра I. Недовольные то группировались вокруг игумена Андреевского монастыря (близ Воробьевых гор) Авраамия, недоброжелательно оце-

нивавшего образ жизни царя, то выступали с подметными письмами (вроде «Гласа плача усердного»), в которых молили царя избавить простой народ от боярского гнета.

Видным представителем общественной мысли того времени был сын дворцового крестьянина-ремесленника подмосковного села Покровского И. Т. Посошков. Именно в Москве написал он свое первое обширное сочинение против раскольников «Зеркало очевидное» (1708). Споры на религиозные темы велись и в кружке Дмитрия Тверитинова, выступавшего с требованием изменить положение дел в церкви. Он отрицал монашество, отвергал поклонение иконам, выступал против церковных иерархов.

Оживление общественной мысли в Москве наступило после смерти Петра I и воцарения Петра II, когда столица империи была вновь переведена в Москву. Вступившей на престол Анне Иоанновне был предложен проект Д. М. Голицына, по которому ее власть ограничивалась Верховным тайным советом. Однако московские дворяне, собравшись в доме князя И. Ф. Барятинского, выступили против «затейки» верховников. Они составили челобитную, подписанную 93 дворянами и 95 офицерами, в которой просили новую императрицу не ограничивать монаршую власть. Анна Иоанновна демонстративно надорвала предложенные верховниками «кондиции» и бросила их на пол. Два года она оставалась в Москве, а в 1732 г. царский двор вновь переехал в Петербург.

Князь А. Д. Кантемир в своих сатирах резко критиковал дворянскую спесь и показную религиозность. «Святые истины о человеческом достоинстве» – вот что проповедовал поэт, по словам В. Г. Белинского, утверждавший, что «та же и в свободных, и в холопях течет кровь».

Но это не значит, что А. Д. Кантемир приравнивал крепостных к дворянам. Борясь за «естественные права человека», поэт не дошел до идеи всеобщего равенства. Его голос призывал лишь к «милости к падшим», а не к борьбе против крепостничества. Осуждая деспотизм, мечтая о политической свободе, он не создал цельной философско-политической концепции и даже не пытался бороться за претворение в жизнь своих идей. Его критика жестоких дворянских нравов должна была только способствовать очищению и укреплению дворянского сословия. И все же гневные сатиры поэта будили общественную мысль. Ведь именно Кантемир ввел в русский язык такие слова, как «депутат», такие понятия, как «идея», «материя», «природа». «Старинный слог его сатир», по словам Г. Р. Державина, скрывал благородные чувства поэта-гражданина, выступавшего против «хулящих учение», скорбевшего о нравственном несовершенстве правящего класса того времени.

Вместе с А. Д. Кантемиром за продолжение преобразовательской деятельности Петра I (особенно в области просвещения, науки и быта) выступил и В. Н. Татищев. В Москве им были написаны такие трактаты, как «Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном», «Духовная» и «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищах». Основным сословием, призванным управлять государством, Татищев считал дворянство. В середине 40-х гг. Татищев начал составлять «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской». И вот какое толкование он дал слову «дворянство»: «Дворянство... есть главный и честнейший стан государства, зане оно есть природное, для обороны государства, воинство и для расправы министерство или градоначальство»[168]. Источник благосостояния страны он видел в развитии ремесла, торговли, мануфактур. Не отрицая значения сельского хозяйства, Татищев главное внимание уделял развитию промышленности и даже задачи просвещения связывал с заботами о подготовке грамотных ремесленников. Развитие и торговли, и промышленности он рассматривал как средство укрепления дворянского государства.

Вместе с А. Д. Кантемиром В. Н. Татищев последовательно защищал петровскую экономическую политику, считая, что промышленность и торговля – источники богатства страны. Поэтому он предлагал «купечество колико можно от постоев увольнить и от устеснений избавить, а подать способы к размножению мануфактур и торгов»[169]. В то же время он выступал против участия дворян в торговле, полагая, что каждый должен заниматься своим делом. Те же мысли высказывались и в московском журнале «Собрание лучших сочинений», который утверждал, что «коммерция и мануфактуры столь надобны к приращению государства, как дождь и солнечное сияние древам и растениям»[170].

Оправдывая крепостной строй, В. Н. Татищев полагал, что он установился в результате добровольного договора холопов с помещиками, а Кантемир считал, что хотя физически крепостные и не отличаются от помещика, тем не менее последний вправе наказывать своих крепостных, правда, в разумных пределах. Восстания крепостных против своих господ оба они объясняли наущениями «коварных плутов». По их мысли в основе государственной власти лежит согласие всех подданных, добровольно уступающих свою власть избранному правителю. Разум, наука и просвещенный абсолютизм – вот что может укре-

[168] *Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л., 1979. С.255.

[169] Там же. С.151.

[170] Собрание лучших сочинений. 1762. Ч.2. С.233.

Н. И. Новиков. Художник Д. Г. Левицкий. 1796 г. или 1797 г. ГТГ

пить общество. Надо обличать пороки, наносящие вред дворянскому обществу, и укреплять науку – неисчерпаемый источник блага.

Эту же мысль о необходимости постоянного внутреннего самосовершенствования и широкой культурно-просветительной работы в целях дальнейшего развития страны ставили перед собой и масонские ложи, появившиеся в Москве в 1762 г. Первое время их деятельность была незначительной, но в 70-х гг. в Москве возникли уже три ложи: «Латона», «Озирис» и «Три знамени», а в 80-х гг. насчитывалось почти полтора десятка различных лож. К концу же века масонами числилось около тысячи человек.

Масонство стало одной из форм дворянской оппозиции. Весьма умеренные в своих политических притязаниях, масоны главное свое внимание уделяли морали, гуманности и просвещению, проповедуя расплывчатые идеалы всеобщего братства людей, гуманную филантропию и отказ от насилия и угнетения. Они стремились к всеобщему просвещению людей, нравственному самоочищению посвященных в масоны и полному безропотному подчинению тайным руководителям масонского ордена. Немалую роль в распространении масонских взглядов сыграла таинственная атмосфера масонских собраний, восходящая к средневековым объединениям ремесленных цехов, в частности цеха каменщиков: многие в замысловатых ритуалах лож искали забвения от опостылевших вопросов политики.

Правда, наиболее образованные деятели, группировавшиеся вокруг Н. И. Новикова, пытались использовать масонское учение в просветительской деятельности. В 1780 г. в Москве открылась новая ложа – «Гармония». В нее вошли Н. И. Новиков, а также М. М. Херасков, А. М. Кутузов и др. В основе деятельности этой ложи лежало учение Сан-Мартена о необходимости нравственного самосовершенствования и морального воспитания человека, испорченного социальными пороками.

Масонство не являлось однородным течением: были ложи крайне мистического направления, верившие в магию, алхимию, и были ложи, ориентированные на просвещение и воспитание человека. Н. И. Новиков использовал масонство как средство распространения знания: только оно может «образовать», научить человека, как ему надлежит жить в мире и обществе. Вся деятельность Новикова-просветителя далеко выходила за масонские принципы нравственного самосовершенствования. На личные средства кружка Новикова при Московском университете основали Педагогическую семинарию (1779), где из 30 учеников пять являлись стипендиатами. В 1782 г. Новиков организовал «Дружеское ученое общество» – для «расширения в публике правильного воспитания». Общество открыло в Москве первую публичную библиотеку, а также Переводческую семинарию, обустраивало аптеки и больницы для бедняков, помогало нуждающимся во время большого голода в Москве и губернии в 1787 г.

Вскоре правительство Екатерины II запретило масонство. Из книжных лавок Москвы изъяли все книги, связанные с масонством, закрыли Переводческую семинарию, сократили издательскую деятельность Н. И. Новикова. Масонство было вновь официально разрешено лишь при Павле I, но в Москве общественной поддержки не получило.

Одной из ведущих тем московской общественной мысли на протяжении всего XVIII в. была проблема войны и мира. Это и понятно: XVIII век в истории России – время почти непрерывных войн. И вполне закономерно, что в Москве зазвучали голоса, осуждавшие войну и ратовавшие за мир. Так, вскоре после Полтавской победы 1709 г. учитель Славяно-греко-латинской академии Иосиф Турбойский в книге «Политиколепная

апофеозис» выступил как поборник мира. Он утверждал: только мир создает «веселие народов, умножение плодов земных» и потому допускал только оборонительные войны и порицал войны захватнические. В Москве в день коронации Елизаветы Петровны в 1742 г. М. В. Ломоносов произнес торжественную оду, воспевавшую мир и тишину, наступившие после тяжелых войн:

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна![171]

В конце века И. А. Крылов в журнале «Зритель» вспомнил о том, как «великий Ломоносов... внушал миру, что тишина есть отрада царей и царств»[172].

Вслед за М. В. Ломоносовым «покой в селениях российских» восхваляли и крупнейшие российские мыслители. Так, С. Е. Десницкий выступал за мирное общение между народами на основе торговых связей. Он утверждал, что между государствами должны быть добрососедские отношения, правительства обязаны проводить только миролюбивую политику. Справедливыми войнами Десницкий считал оборонительные, захватническая же политика неизбежно кончается крахом. Войны разобщают между собой народы, утверждал он, лишь торговля объединяет их, являясь источником прочности международных соглашений, именно ею «больше народы скрепляются и соединяются, нежели каким другим средством»[173].

Взгляды С. Е. Десницкого на мир находились в полном противоречии с идеями известного «Наказа» Екатерины II, которая предметом права объявляла «победу и сохранение того, что победою приобретено»[174]. Московский же профессор выступал не с защитой завоеваний, а стремился найти экономическое обоснование права в международных отношениях, объясняя их развитием торговых связей.

С. Е. Десницкий не мог вскрыть истинных причин возникновения войны, он полагал, что они кроются в географическом положении страны, в характере границ государства, в наличии враждебных соседних народов и проч. Но он первым в России критически отнесся к непререкаемым авторитетам международного права в оценке проблемы войны и мира.

Идеи осуждения захватнической войны и защиты мира развивались в работах выпускника философского факультета Московского университета, преподавателя и переводчика Московской камер-коллегии В. Т. Золотницкого, специально изучавшего вопрос «О праве войны и мира». Он не отрицал права человека на вооруженную защиту себя и своих близких, но предупреждал, что сначала необходимо использовать все мирные способы и переговоры для разрешения конфликтов. Прежде чем начинать войну, необходимо рассмотреть, «стоит ли нанесенная обида войны». Справедливой войной, по его мнению, являлась лишь та, «которой отвратить не можно без понесения своей обиды, превосходившей войну». Итог войны – это покой и тишина, поэтому следует использовать все способы, чтобы противник, «отложив оружие, вступил в мирные переговоры». Поэтому необходимо: «1) Забвение всех прежде бывших между ними (т.е. воюющими сторонами.– *Авт.*) неприятельств. 2) Всевозможное старание о всегдашнем продолжении заключенного мира и вечного согласия; сими средствами щастливо процветут народы и благополучен будет целой свет»[175].

Осуждение войны – тема многих политико-нравоучительных романов московских писателей. Таков «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» М. М. Хераскова, вышедший в 1768 г. В нем изображено благополучное общество во главе с идеальным монархом, избранником народа. Не воинственный герой-завоеватель, а труженик-просветитель, «благонравный гражданин», противник войны и поборник мира – вот кто герой романа. Но образ этого героя умозрителен до крайности и отстранен от действительности.

ЖИВОПИСЕЦЪ,
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ
САТИРИЧЕСКОЕ
СОЧИНЕНІЕ.

ЧАСТЬ II.

Изданіе четвертое, вновь пересмотренное, исправленное и умноженное.

ВЪ МОСКВѢ,
ВЪ Университетской Типографіи у Н. Новикова, 1781 года.

Титульный лист журнала «Живописец»

[171] *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т.8. М.; Л., 1959. С.196.

[172] Зритель. 1792. Ч.1. С.84.

[173] *Десницкий С.Е.* Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. Т.I. М., 1952. С.190. (Слово было произнесено 30 июня 1768 г.).

[174] «Наказ» Екатерины II... под редакцией Н.Д.Чечулина. СПб., 1907. Приложение. Ст.9.

[175] *Золотницкий В.Т.* Сокращение естественного права. СПб., 1764. С.139, 143, 146, 147.

Вопросы войны и мира неоднократно освещались на страницах московских журналов. Так, в опубликованной в 1781 г. в «Московском ежемесячном издании» статье «Рассуждение о войне» утверждалось: «Самая война не есть кровопролитие и предмет, приводящий в грех; но она есть справедливое защищение утесненных против неправедного утеснителя и мстительница нарушенной верности и время такое, в которое часть подданных отваживаются потерять свою жизнь за спокойствие своих сограждан, состояние общества и за пользу своего государя». И далее говорилось, что «добро, происходящее от справедливой войны и основанной на истине, покроет зло, происходящее от оной». Особый гнев автора вызывали те «подлые души», которые начинают войну ради личного обогащения: «Оных должно из числа живущих исключить... природа сама ими гнушается и имеет к ним омерзение!»[176] В журнале «Дело от безделья» известного книгоиздателя А. Г. Решетникова один из авторов написал: «Просвещенный воин изъемлет меч не для того, чтобы обагриться кровью и отяготиться грабительством, но чтоб защитить отечество от буйных врагов».

Пагубность войны для человечества, желанность мира как избавления от всех бед звучат в мемуарах москвичей – участников войн в XVIII в. Так, А. Т. Болотов принимал участие в Семилетней войне 1757–1763 гг., «которая была столь пагубна человеческому роду и на которой погибло со всех сторон толь великое множество народа». Болотов описывает, как война «горела наижесточайшим образом, и целые десятки тысяч людей лишались жизни, а того множайшие попадали в полон, поля их обагрялись человеческою кровью, а бесчисленное множество бедных поселян лишались своих домов и всего своего имения и отнимания у них всех заготовленных для своего пропитания съестных припасов и фуража»[177].

Идеи осуждения войны и защиты мира проникли и в анонимную рукописную литературу. В рукописном «Сборнике всячины» помещена интересная философская работа «Записки». Ее вывод: «Душа монархического правления есть война!», а «Душа республики есть миролюбие и умеренность!». Только защиту родины от иноземных захватчиков автор статьи считал справедливой войной и обращался к читателям со страстным призывом: «Не продавайте кровь вашу царям, которые вас не знают, которые не удостаивают вас иногда и взгляда своего и поступают с вами как с собаками!»[178] В рукописной «Оде на войну» анонимный автор восклицал:

Да гибнет всяк, к войне пристрастный,
Всяк изверг из земных царей.

Итак, и выдающиеся мыслители, и анонимные писатели выступали против войны и страстно защищали мир. Они надеялись на грядущее общественное благополучие и на всемогущество мирного труда.

Значительное влияние на общественную мысль Москвы и всей России оказала Великая французская революция. Московское общество заинтересованно следило за ее развитием. У москвичей – в оригинале или в переводах – находились произведения французских просветителей. У купца с Таганской площади А. П. Смирнова «были найдены книги о французской революции, которые он держал в ящике, зарытом в земле, опасаясь, чтоб и у него в доме не сделалось обыска». У московского аудитора гренадерского полка Б. Елфимова обнаружили книгу «Любопытный разговор в царстве живых о французской революции». Москвичи получали известия о ходе событий во Франции из газет, выходивших в Москве, и из привозимых из-за рубежа книг. Как писали «Московские ведомости», «французские дела суть теперь предметом всеобщего внимания, так что все другие новости за ними позабывают»[179]. Решительные действия против французского дворянства вызвали у московских дворян испуг и растерянность по поводу «бешенства французских революционистов и казнении ими своего доброго и невинного короля Людовика XVI». Последовало распоряжение всем русским подданным покинуть Францию, а в 1792 г. царское правительство выслало из России французского поверенного в делах Э. Женэ.

Дворянская и разночинная интеллигенция в Москве, наоборот, сочувственно встретила французскую революцию. Профессор Московского университета П. А. Сохацкий писал, что 1789 г. положил в Европе «начало новой эпохи человеческого рода»[180].

Напуганное событиями во Франции, выходом в свет книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», правительство ужесточило наблюдение за деятельностью московской интеллигенции. Вскоре посыпались и репрессии: арест и высылка А. Н. Радищева, арест и заточение в Шлиссельбургскую крепость Н. И. Новикова, запрещение трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» «с дерзкими помещенными в ней словами». Книги о французской революции конфисковывались и сжигались. Позднее значительная часть московского дворянства отошла от социальных проблем, увлеклась сентиментализмом и в итоге встала на защиту официального строя. Лишь разночинная интеллигенция не мирилась с феодально-крепостническим гнетом и стремилась путем широкого просветительства создать условия для изменения существовавшего строя.

[176] Московское ежемесячное издание. М., 1781. Ч.2. С.189–193.

[177] *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. Т.1. 1738–1759. М.; Л., 1937. С.309, 326.

[178] РНБ. Отдел рукописей. Собр. Титова. № 1918. Л.96 об.– 97, 107 об.

[179] Московские ведомости. 1791. № 68. С.1054.

[180] Политический журнал. М., 1790. Т.I. С.8.

При Московском университете издали три тома «Переводов из Энциклопедии» (1767–1768), переводы важнейших трудов Руссо, Вольтера, Гольбаха. Издателей особенно интересовали вопросы положения человека в обществе и его обязанности как гражданина. Политической и философской мысли интеллигентов-разночинцев была явно присуща антифеодальная направленность.

Важнейшей особенностью общественной мысли Москвы стало также выдвижение тысяч крепостных интеллигентов, занятых в разных сферах творчества. Среди них были архитекторы и композиторы, артисты и художники, скульпторы и писатели, переводчики и литераторы. Талантливая семья Аргуновых – крепостных людей Шереметевых – дала Москве ярких художников-портретистов И. П. и Н. И. Аргуновых, выдающегося архитектора П. И. Аргунова. В Москве творил крепостной графа А. С. Строганова, знаменитый впоследствии зодчий и художник А. Н. Воронихин – он построил усадьбу в Братцеве. В крепостных театрах В. И. Бибикова, Д. Н. Блудова, П. М. Волконского, П. С. Салтыкова, А. Е. Столыпина и Шереметевых (на Никольской улице, в Кускове, Маркове, Останкине) потрясали своей игрой талантливые крепостные актеры и актрисы. Крепостные писатели Матвей Комаров, Е. И. Костров, И. И. Варакин творили в Москве, сотрудничали в московских журналах. Крепостные интеллигенты оставили плоды своего труда в разных областях культуры. Среди них было много старообрядцев.

В начале 70-х гг. купцы-старообрядцы создали Рогожскую и Преображенскую общины с довольно крупным капиталом. Старообрядчество возникло во время раскола в православной церкви в XVII в. Члены этой общины считали, что священники в результате раскола утратили «благодать» и потому не могут совершать обряда бракосочетания. «Безбрачники» (или «федосеевцы») не признавали молитвы за царя, отказывались платить налоги. Постепенно федосеевцы стали самым влиятельным направлением в беспоповщине. Они принимали в свою общину беглых крепостных, иногда даже выкупая их. Большинство федосеевцев работало на мануфактурах в Лефортове, там они и жили. В конце века старообрядцам разрешили иметь свои церкви со службой по старопечатным книгам.

Разнообразной и многоплановой была общественная жизнь и общественная мысль Москвы в XVIII в. Но определяющими в ней, конечно, стали просветительские идеи. Среди них на одно из первых мест следует поставить острое и широкое обсуждение крестьянского вопроса. При этом одни из просветителей верили в возможность освобождения

Екатерина II. Миниатюра А. И. Черного. 1765 г. ГРМ

крестьян руками царя (а царское правительство охотно поддерживало эти иллюзии!). Другая же часть (А. Н. Радищев) связывала освобождение народа с революцией, разбуженной «вольным словом». Но и те, и другие остро критиковали помещичий произвол и проповедовали «чувствительность к крестьянскому состоянию».

Русские просветители проявляли необыкновенную активность. Движимые чувством гражданственности, они развернули в Москве широчайшую общественную деятельность. Н. И. Новиков выпустил в своей типографии более 1000 названий книг. Он издавал журналы, выступал как драматург, писатель, критик, работал в Комиссии по составлению нового Уложения, организовал книжную торговлю в 16 городах России, открыл библиотеку-читальню. Крестьяне были для него «питателями отечества». Наивно веря в силу просвещения, он полагал, что распространение знаний – самый верный путь уничтожения зла. Новиков не был революционером. Он рассматривал «поселян» как детей, а владевших ими помещиков – как отцов, и только, но упорно и неукоснительно требовал от помещиков гуманного обращения с крестьянами. Само слово «просвещение» Новиков понимал как активное действие: он нес свет в народ, просвещал его.

Просветители, жившие и работавшие в Москве, отличались высоким чувством гражданственности. Таким был уже упоминавшийся С. Е. Десницкий – ученый-юрист, «отец русской юриспруденции», крупный социолог и экономист.

Взгляды С. Е. Десницкого были буржуазными по своей направленности. Он предлагал уничтожить сословное деление, уравнять перед законом всех граждан, отделить административную власть

Вид города Москвы, снятый с балкона императорского дворца по левую сторону. Гравюра М.-Г. Эйхлера по рисунку Ж. Делабарта. 1797 г.

от судебной, ввести равный для всех суд. Десницкий требовал равноправия всех народов Российской империи и равноправия женщин с мужчинами. Его проекты реформ были радикальны, но все надежды по их осуществлению Десницкий возлагал на реформы сверху, боясь крестьянских восстаний и призывая помещиков к милосердию.

Своеобразие русского Просвещения заключалось также и в том, что в чуждые им одежды французских энциклопедистов рядились и идеологи правящей группы дворянства во главе с Екатериной II. Они отстаивали незыблемость крепостничества. Свои взгляды они распространяли в царских манифестах, сенатских указах, они звучали с церковных амвонов, театральных сцен. Их авторы щеголяли цитатами из «Духа законов» Монтескье, из «Энциклопедии», из трудов Вольтера, Дидро и Руссо. А на деле они извращали их идеи, лишая Просвещение антифеодальной направленности.

Тон задала «современная Семирамида», «философ на троне» – Екатерина II. Она утверждала самодержавие как единственно возможную для России форму правления, всевластие дворян и оправдывала полное бесправие крестьян. Из идей Просвещения Екатерина брала лишь то, что укрепляло самодержавие. Но после Е. И. Пугачева все изменилось. Началась критика идей Просвещения. «Черни не должно давать образования, поелику она будет знать столько же, сколько вы да я, то не станет повиноватися нам в той мере, в какой повинуется теперь»,– наставляла Екатерина II фельдмаршала П. С. Салтыкова. И это писала та, которая ранее утверждала, что «Дух законов» Монтескье стал ее настольной книгой! И если передовые мыслители смогли в это время поставить и обсудить ряд важных социокультурных проблем, то сделали они это вопреки самодержавию и в борьбе с ним.

Общественную мысль Москвы XVIII в. необходимо рассматривать не только как вариант русского Просвещения, но и как поле постоянного противодействия светских и церковных элементов. Поскольку общественный и государственный строй России оставался в основе своей феодальным, постольку официальная православная церковь сохранила прежнее свое значение важнейшего идеологического института. Большая часть населения России была православной, и религия продолжала быть и последним прибежищем, и духовной усладой, и поддержкой народа. Она вдохновляла архитекторов, живописцев и композиторов. Религиозное воспитание в семье и школе было обязательным, культурный уровень духовенства в Москве постоянно возрастал, а Москва с ее «сорока сороками» церквей и монастырей продолжала оставаться цитаделью православия.

Просветительский рационализм, так горячо поначалу принятый в Москве, вскоре начал вызывать разочарование. «Просвещенная монархия» не состоялась. Разуму противопоставлялась мистика, материалистическому пониманию законов природы – алхимия и астрология, кабалистические толкования заменяли научные рассуждения, появились попытки разрешить на религиозной почве противоречия феодального общества, вступившего в стадию разложения.

Однако уже в конце XVIII в. был найден и теоретически обоснован новый путь разрешения этих противоречий – путь революционный, путь ликвидации феодально-сословного строя и крепостничества. Это сделал А. Н. Радищев. А. С. Пушкин назвал его книгу «сатирическим воззванием к возмущению», а Екатерина II сочла, что ее автор – «бунтовщик хуже Пугачева». Книга «Путешествие из Петербурга в Москву» стала революционной энциклопедией русского Просвещения. Радищев первым сделал народ героем литературы, он верил в его революционные возможности, но полагал, что революция победит не скоро («Я зрю сквозь целое столетие...»). Н. И. Новиков и А. Н. Радищев стали своеобразным олицетворением передовой русской общественной мысли последней трети XVIII в. Их усилиями преодолевались угнетавшие творческую мысль путы крепостничества, их трудами возрастал духовный потенциал столичного общества.

МОСКВА ЗА ШЕСТЬ СТОЛЕТИЙ

Москве выпала почетная и трудная доля – быть столицей сначала Московского княжества (с конца XIII в.),затем государства всея Руси (с 1478–1485 гг.), Российского царства (с 1547 г.), второй столицей Российской империи (с 1718 г.), впоследствии Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (1918–1922 гг.), Советского Союза (с 1922 г.) и, наконец, Российской Федерации (с 1991 г.). Данный том включает повествование о жизни Москвы в первые пять столетий, завершает его глава о Москве XVIII в., когда она уже перестала быть столицей. И все же, подводя итоги ее развития на протяжении этого длительного периода, уместно вспомнить, как выполняла Москва обязанности стольного города, средоточия политической жизни государства, что привнесла она в жизнь народов, населявших его, каковы были перспективы ее дальнейшего развития.

У Москвы есть основания для гордости. И не только из-за древних корней. Например, Великие Луки древнее Москвы. Или из-за темпов роста. Хотя феномен быстрого расцвета уже в XII–XIII вв. (от феодальной усадьбы – к крепости, затем к центру сельской округи и, наконец, княжества) показывает органичность и закономерность подобного развития, его соответствие потребностям времени. Гораздо важнее заслуги Москвы перед Отечеством – в его защите, в формировании общенациональной культуры, совершенствовании производства.

Великий князь московский Дмитрий Донской, преодолев вековой страх перед иноземными захватчиками, повел войска почти всех княжеств и земель за пределы тогдашней Руси – к Дону. Он сломил инерцию покорности и доказал, что ордынцам можно противостоять не только силой духа, но и силой оружия. В Москве творил Андрей Рублев, создавая свои иконы и фрески, подлинные шедевры мирового искусства, наполненные чуткой и трепетной атмосферой соприкосновения с Вечным и сопричастности ему. Здесь в 1565 г. была основана первая русская типография Ивана Федорова, а в конце XVIII в. при Московском университете действовала типография Н. И. Новикова, яркого и талантливого просветителя. Москва издавна была центром притяжения наиболее творческих сил страны. Имена знаменитых москвичей заняли бы много страниц.

Была, однако, и оборотная сторона столичного бытия, неравномерность и противоречия ее собственного развития и влияние Москвы на развитие страны.

Говоря о Дмитрии Донском и проблеме активного сопротивления иноземному игу, не стоит забывать и о его деде, первом князе, носившем титул князя всея Руси,– Иване Калите. Ради того чтобы сокрушить конкурента Москвы в деле консолидации русских земель – Тверское княжество, Калита не остановился перед тем, чтобы найти общий язык с татарами. Подавлением антиордынского восстания в Твери в 1327 г. он заложил традицию сервилизма по отношению к Орде и безжалостной борьбы против князей других русских государственных образований. Если Дмитрию Донскому удалось прервать первую традицию, то вторая процветала при правнуке Донского – Иване III, сыне и внуке последнего – Василии III и Иване IV Грозном.

Региональная политика всех трех князей всея Руси и первого русского царя Ивана IV основывалась на полном неуважении к другим городам и землям страны. Во имя расцвета столицы они проводили одну и ту же политику – «вывода» или «свода» наиболее активной части населения – купечества и квалифицированных ремесленников – из других городов, тем самым достигали действительно некоторого процветания столицы, в особенности после губительных набегов крымских ханов, в результате которых Москва практически опустела. Но одновременно они обескровливали другие города – центры бывших княжений и земель – Великий Новгород, Псков, Смоленск, Углич, Переславль и др.

Утверждение самодержавия и проведение Иваном IV активной внешней политики, не поддерживаемой частью населения России, обернулись страшными бедствиями для москвичей. Жертвами опричнины, посредством которой Иван Грозный хотел добиться беспрекословного подчинения своей воле, стал цвет столичных жителей – светские и духовные лица. Ужасы опричнины вызвали кризис, разразившийся в конце XVI и начале XVII в., и в конечном итоге привели к разорению города в Смутное время. Но и тогда москвичи доказали свою готовность к борьбе, столица оправдала роль духовного общенационального лидера.

В первой половине XVII в. Москва становится центром восстановления всей страны. Выходом России из тяжелейшего кризиса времен Смуты руководила столица.

На Земских соборах первой половины XVII в. решались не только экономические и социальные, но и внешнеполитические вопросы (о судьбе Смоленска, Азова, в 1653 г.– Украины). Но их век оказался короток. Громоздкая же система центрального управления (приказов, число которых по временам достигало 80–90) заложила основу российской бюрократической традиции, сломать которую не удалось даже Петру Великому, предпринявшему, казалось бы, коренную ломку государственного и городского управления. Последняя прошла несколько этапов. В 1699 г. была создана Бурмистерская палата, первоначально ведавшая посадским населением одной Москвы, а затем и всей страны. В 1721 г. ее сменил Главный магистрат, в подчинении которого оказались магистраты всех остальных городов Российской империи. В 1711 г. Москва стала центром огромной губернии с 39 городами, а с 1719 г.– провинции с 19 дистриктами. Согласно реформе 1755 г. была создана сложная система сословных судов, а в 1785 г. учреждена выборная Городская дума, которая просуществовала лишь до 1796 г.

С перенесением в 1712–1713 гг. столицы во вновь основанный Петербург Москва теряет свою роль главного центра управления страной.

Однако в течение всего XVIII в. «порфироносная вдова» остается, как и прежде, столицей коронаций: в Успенском соборе Московского Кремля в 1498 г. был венчан на великое княжение внук Ивана III – Дмитрий Иванович, а другой его внук – будущий Иван Грозный – в 1547 г. на царство. Отныне все цари и императоры получали свои венцы в Успенском соборе, подчеркивая тем самым преемственность своей власти от князей Рюриковичей, к которым и принадлежали московские князья и первые цари – Иван IV и Федор Иоаннович.

С XV столетия Москва стала не только центром государственного управления, но и центром управления православной церковью. В XVI–XVII вв. митрополит и патриарх (с 1589 г.) имели такие же центральные учреждения, как и светский глава государства, с похожими функциями (сбора финансовых средств, суда и т.д.). Однако взаимоотношения этих ветвей власти в XVI–XVII вв. отнюдь не были гармоничными. Обличение митрополитом Филиппом (Колычевым) опричных зверств царя Ивана Грозного стоило ему жизни. Претензии патриарха Никона на создание теократического государства и его реформы церкви послужили базой для раскола, потрясшего страну в XVII в. Созданием Монастырского приказа в 1701 г. и фактической ликвидацией патриаршества церковь была поставлена под контроль государства. Да и сам Синод был переведен в новую столицу России.

Далеки от гармонии были и взаимоотношения внутри светской части столичного населения. Посадские люди и ремесленники в городских движениях 1547, 1584, 1586 гг., во время Соляного бунта 1648 г. и Медного 1662 г. добивались – хотя и безуспешно – получения некоторых экономических прав и облегчения фискального гнета (за счет ликвидации белых слобод, отмены косвенных налогов, денежной реформы). Дворянство стремилось к упрочению крепостной системы за счет увеличения срока сыска беглых.

В 80–90-е гг. XVII в. политическую, притом антиправительственную, активность проявил другой социальный слой населения Москвы – стрельцы, чьи требования, направленные на консервацию и реставрацию прошлого, шли вразрез с интересами остальных посадских людей и холопов.

Столь же кардинальными были и перемены в производственной сфере.

Москва уже в средние века стала центром модернизации страны, в эпоху самодержавия весьма специфической. Для сохранения целостности и защиты границ огромного государства – колоссального политического организма, постоянно расширявшегося силой оружия,– необходимы были огромные контингенты военных сил и большое количество вооружения. В нем нуждались то стрельцы – первое постоянное войско России, возникшее при Иване IV и набиравшееся по «контрактному принципу», то армия, формируемая по рекрутскому набору из крепостных и отрывавшая их от семей практически на всю жизнь – долгие 25 лет. О том, что производством оружия в столичном городе занимались с давних пор, напоминают сегодня старинные названия улиц и переулков (в Москве есть Бронные улицы, Палашевский переулок, Кузнецкий мост и др.).

За переносом столицы в Санкт-Петербург последовали и изменения в производственной сфере. Москва, уже в XVI–XVII вв. превратившаяся в подлинный центр российской промышленности и ремесла (еще в XVII в. здесь возникла первая в стране мануфактура – Оружейная палата), в XVIII в. стала ориентироваться не на производство вооружения, а на товары народного и армейского потребления (ткани различных сортов). В XVIII в. начался прилив в Москву крестьян-ремесленников, организовывавших мелкое товарное производство, создавались новые казенные (Большой суконный двор, где впервые в России было налажено производство сукон, Новый Хамовный двор, специализировавшийся на производстве парусины, канатный завод, Кожевенный двор, монетные дворы и др.) и частные шелкоткацкие и хлопчатобумажные мануфактуры (А. Милютина, Ф. А. Апраксина, П. А. Толстого и П. П. Шафирова и др.), пользовавшиеся неизменным покровительством правительства.

На протяжении XVII–XVIII вв. Москва стала средоточием внутренней российской торговли. В 20-х гг. XVIII в. на нее приходилось 40,5 % внутреннего товарооборота. В город, насчитывавший в начале XVIII в. 140 тыс. жителей, в середине века – от 200 тыс. до 400 тыс., сходились деловые нити всей страны, отсюда снабжалась товарами московского, внутрироссийского и зарубежного производства вся Россия. Московскому крупному купечеству принадлежали ключевые позиции на внутреннем рынке, оно участвовало во всех ярмарках – Макарьевской, Свенской, Тихвинской. Наряду с И. Панкратьевым, Н. Сырейщиковым, С. Боковым, А. Филатьевым, членами привилегированной Гостиной сотни, Старцевыми, Евреиновыми, Турчениновыми, Цымбальщиковами, купцами 1-й гильдии, в торговле в столице в XVIII в. активно участвовали крестьяне и разночинцы, в конце столетия пополнившие ряды московских предпринимателей (Грачевы, Насоновы, Курносовы, Шелагины).

Таким образом, к концу XVIII в. Москва, потеряв политические функции столицы, превратилась в, может быть, самый крупный экономический центр Российской империи.

К сожалению, московская культура и искусство начиная с XVI в. развивались под тяжкой дланью государственной власти. Примером тому может служить творчество одного из наиболее ярких художников XVII в.– Симона Ушакова, который поставил свой талант на службу идее государственности (см. его икону «Древо государства Московского»). На протяжении XVIII в. произошли изменения и в духовной сфере. Культура Москвы, не подвергавшаяся столь тщательному, как прежде, досмотру церковных и светских властей, развивалась более свободно. Недаром именно Москва стала центром российского вольнолюбия, навеки связанного с именами Н. И. Новикова, А. Н. Радищева.

В течение этого столетия складывался новый облик Москвы, в котором памятники средневековья – многочисленные храмы и монастыри – органично дополнялись дворцами вельмож и домами частных граждан. Архитектура того периода – века Просвещения – ясно выразила идеи гармоничной и гуманной соразмерности человека и здания.

Итак, в XVIII в. Москва, утратив в определенной степени роль политического центра страны, оставалась средоточием ее духовных и общенациональных исканий. Эту почетную миссию она сохранила и в XIX в. Недаром А. С. Пушкин призывал: «Благослови Москву, Россия»...

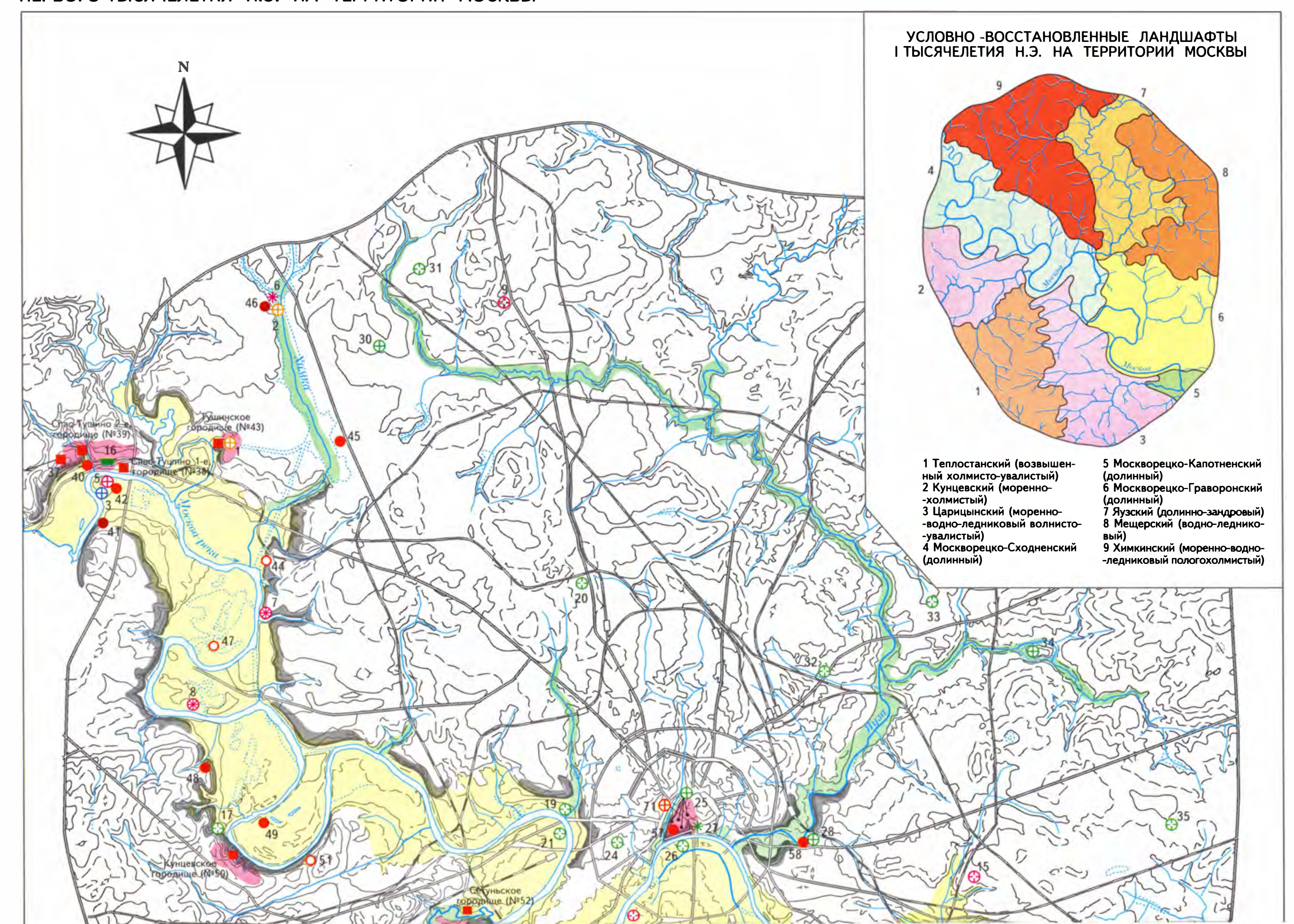
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАРТЫ И КАРТЫ МОСКОВСКОГО КНЯЖЕСТВА И РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

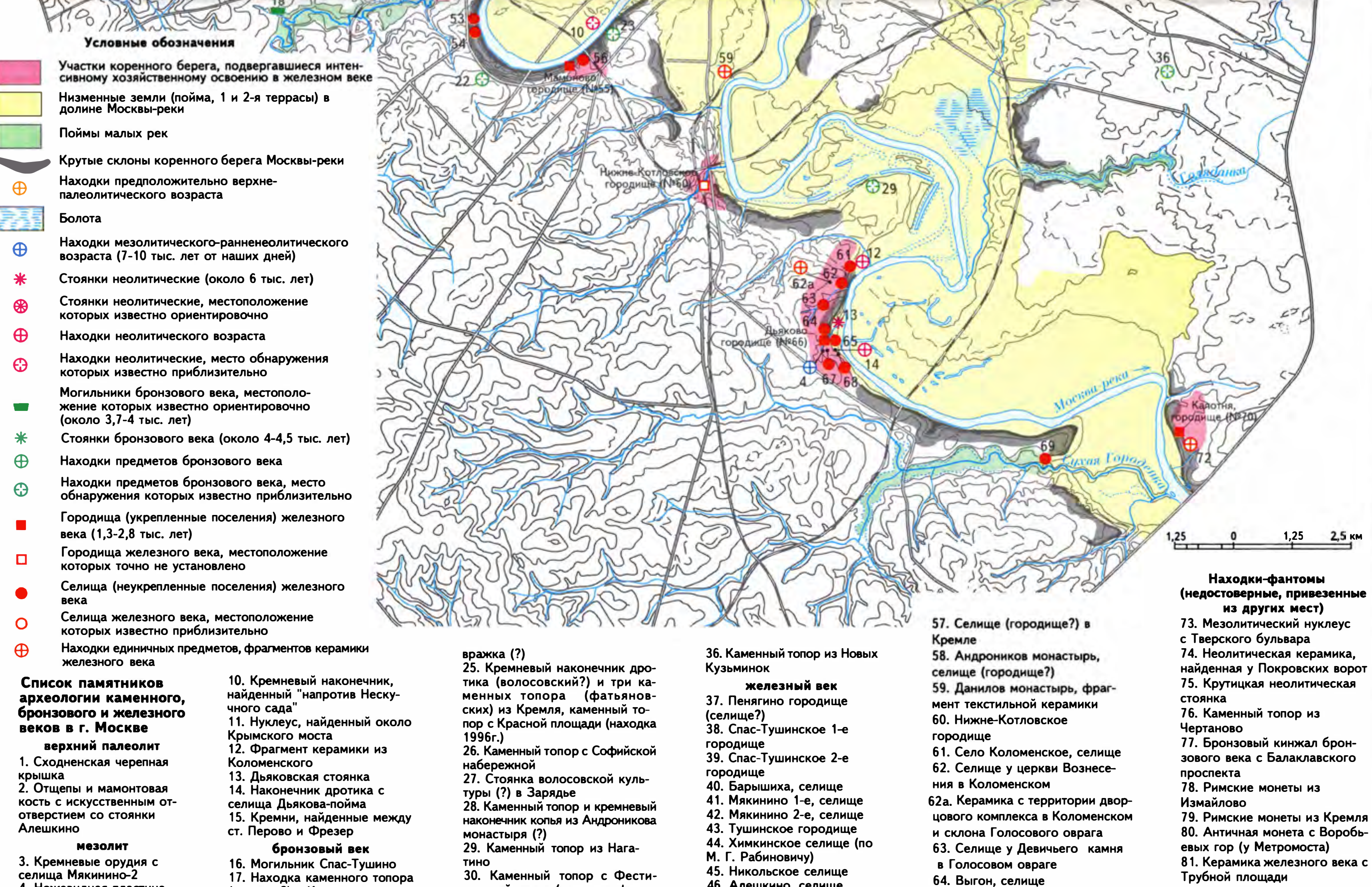
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ КАМЕННОГО, БРОНЗОВОГО И ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ И ПРИРОДНАЯ СИТУАЦИЯ ПЕРВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э. НА ТЕРРИТОРИИ МОСКВЫ

Список памятников археологии каменного, бронзового и железного веков в г. Москве

верхний палеолит

1. Сходненская черепная крышка
2. Отщепы и мамонтовая кость с искусственным отверстием со стоянки Алешкино

мезолит

3. Кремневые орудия с селища Мякинино-2
4. Ножевидная пластина с Дьякова городища

неолит

5. Кремни и керамика с селища Мякинино-2
6. Стоянка Алешкино
7. Стоянка Щукино
8. Стоянка Серебряный Бор
9. Кремневый наконечник из Бескудникова (может быть бронзового века)
10. Кремневый наконечник, найденный "напротив Нескучного сада"
11. Нуклеус, найденный около Крымского моста
12. Фрагмент керамики из Коломенского
13. Дьяковская стоянка
14. Наконечник дротика с селища Дьякова-пойма
15. Кремни, найденные между ст. Перово и Фрезер

бронзовый век

16. Могильник Спас-Тушино
17. Находка каменного топора (топоров?) в Крылатском
18. Могильник Давыдково
19. Находка орудий "У Черной горы ниже Красной Пресни"
20. Кремневый наконечник дротика из Бутырского хутора
21. Каменный топор из Дорогомилово
22. Каменный топор с Воробьевых гор
23. Стрела из Нескучного сада
24. Каменный топор с Сивцева вражка (?)
25. Кремневый наконечник дротика (волосовский?) и три каменных топора (фатьяновских) из Кремля, каменный топор с Красной площади (находка 1996г.)
26. Каменный топор с Софийской набережной
27. Стоянка волосовской культуры (?) в Зарядье
28. Каменный топор и кремневый наконечник копья из Андроникова монастыря (?)
29. Каменный топор из Нагатино
30. Каменный топор с Фестивальной улицы (вероятно фатьяновский могильник)
31. Каменный топор с улицы Базовская
32. Каменный топор с Русаковской улицы
33. Каменный топор из Зельева переулка
34. Каменный топор с Измайловского острова
35. Каменный топор с Федеративного проспекта в Перово
36. Каменный топор из Новых Кузьминок

железный век

37. Пенягино городище (селище?)
38. Спас-Тушинское 1-е городище
39. Спас-Тушинское 2-е городище
40. Барышиха, селище
41. Мякинино 1-е, селище
42. Мякинино 2-е, селище
43. Тушинское городище
44. Химкинское селище (по М. Г. Рабиновичу)
45. Никольское селище
46. Алешкино, селище
47. Троице-Лыково–Щукино, селище
48. Татарово, селище
49. Терехово, селище
50. Кунцевское городище
51. Филевское селище
52. Сетуньское городище
53. Нижнее селище
54. Верхнее селище
55. Мамоново городище
56. Андреевское селище
57. Селище (городище?) в Кремле
58. Андроников монастырь, селище (городище?)
59. Данилов монастырь, фрагмент текстильной керамики
60. Нижне-Котловское городище
61. Село Коломенское, селище
62. Селище у церкви Вознесения в Коломенском
62а. Керамика с территории дворцового комплекса в Коломенском и склона Голосового оврага
63. Селище у Девичьего камня в Голосовом овраге
64. Выгон, селище
65. Дьяково-пойма, селище
66. Дьяково городище
67. Дьяково-южное, селище
68. Чертов городок, селище
69. Братеево, селище
70. Капотня, городище
71. Находка умбоновидной подвески на Манежной пл.
72. Капотня, фрагмент раннедьяковской керамики

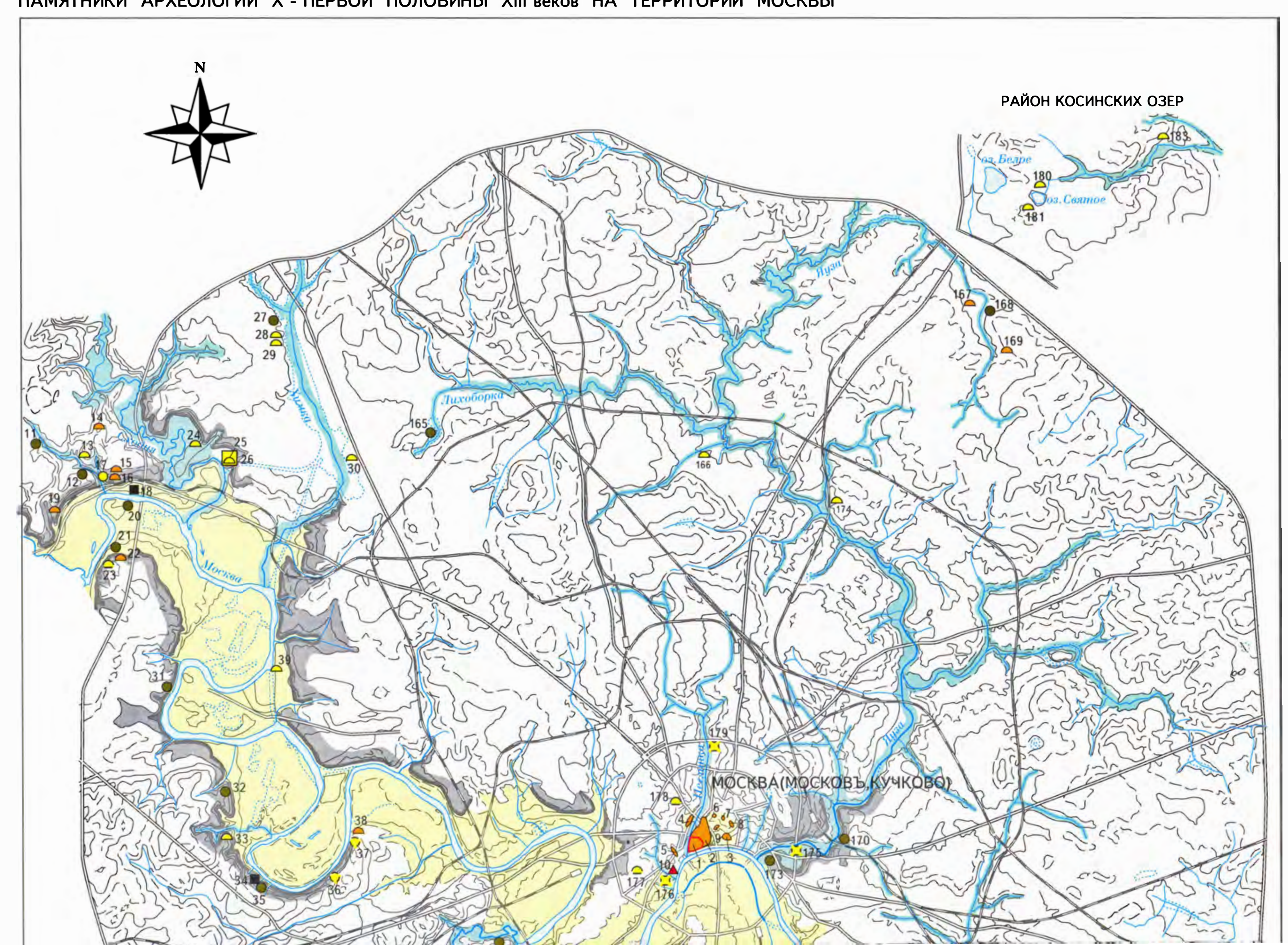
Находки-фантомы (недостоверные, привезенные из других мест)

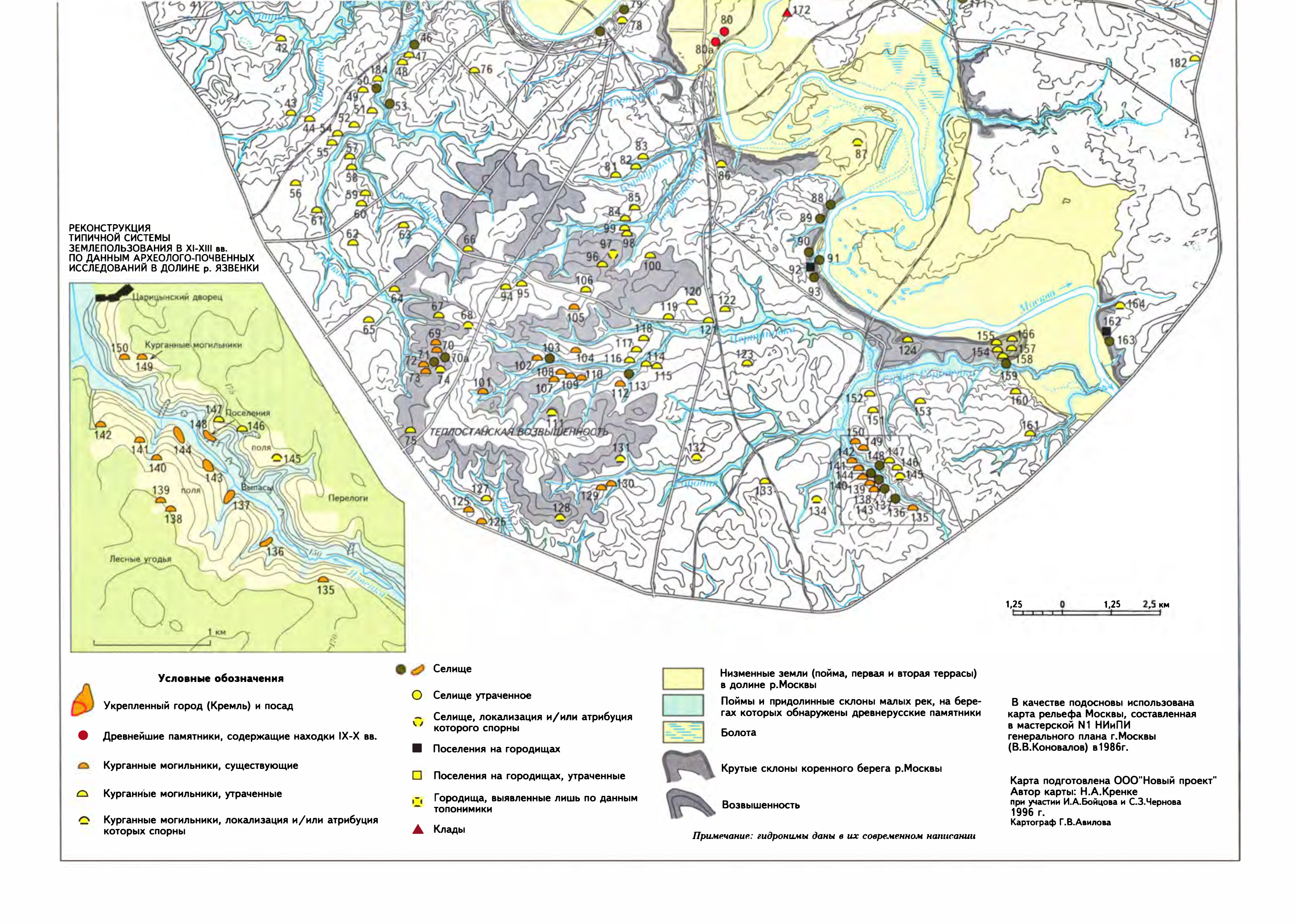
73. Мезолитический нуклеус с Тверского бульвара
74. Неолитическая керамика, найденная у Покровских ворот
75. Крутицкая неолитическая стоянка
76. Каменный топор из Чертаново
77. Бронзовый кинжал бронзового века с Балаклавского проспекта
78. Римские монеты из Измайлово
79. Римские монеты из Кремля
80. Античная монета с Воробьевых гор (у Метромоста)
81. Керамика железного века с Трубной площади

В качестве подосновы использована карта рельефа Москвы, составленная в мастерской № 1 НИиПИ генерального плана г. Москвы (В.В.Коновалов) в 1986г.

Карта подготовлена ООО "Новый проект"
Автор карты Н.А.Кренке
Автор врезки В.А.Низовцев
Картограф Г.В.Авилова

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ X – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII веков НА ТЕРРИТОРИИ МОСКВЫ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТИПИЧНОЙ СИСТЕМЫ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В XI-XIII вв. ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГО-ПОЧВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДОЛИНЕ р. ЯЗВЕНКИ
Царицынский дворец
Курганные могильники
Поселения
поля
Выпасы
Перелоги
Лесные угодья
1 км
ТЕПЛОСТАНСКАЯ ВОЗВЫШЕННОСТЬ
Москва
1,25 0 1,25 2,5 км
Условные обозначения
Укрепленный город (Кремль) и посад
Древнейшие памятники, содержащие находки IX-X вв.
Курганные могильники, существующие
Курганные могильники, утраченные
Курганные могильники, локализация и/или атрибуция которых спорны
Селище
Селище утраченное
Селище, локализация и/или атрибуция которого спорны
Поселения на городищах
Поселения на городищах, утраченные
Городища, выявленные лишь по данным топонимики
Клады
Низменные земли (пойма, первая и вторая террасы) в долине р.Москвы
Поймы и придолинные склоны малых рек, на берегах которых обнаружены древнерусские памятники
Болота
Крутые склоны коренного берега р.Москвы
Возвышенность
Примечание: гидронимы даны в их современном написании
В качестве подосновы использована карта рельефа Москвы, составленная в мастерской N1 НИиПИ генерального плана г.Москвы (В.В.Коновалов) в1986г.
Карта подготовлена ООО"Новый проект"
Автор карты: Н.А.Кренке
при участии И.А.Бойцова и С.З.Чернова
1996 г.
Картограф Г.В.Авилова

Список древнерусских памятников археологии X-XIIIвв. (домонгольского времени) на территории Москвы

1. Кремль, XI(?)-XIIIвв.
2. Посад, примыкавший с востока к Кремлю, XII-XIIIвв.
3. Посад в Зарядье, XII-XIIIвв.
4. Посад за р. Неглинной, XII-XIIIвв.
5. Поселение на Волхонке, XI-XIIIвв.
6. Поселение с церковью в районе Богоявленского монастыря, XII- XIIIвв.
7. Поселение (?) и кладбище в районе Старопанского переулка (ц.Козьмы и Дамиана), XII-XIIIвв.
8. Поселение в районе Ипатьевского пер. (Кучково? по Д.А. Беленькой), XI-XIIIвв.
9. Поселение на Ильинской ул., XIIIв.
10. Клад дирхемов в районе храма Христа Спасителя, IX-Xвв.
11. Митинское 1-е селище, XII-XIIIвв.
12. Спас-Тушинское 4-е селище, XII-XIIIвв.
13. Спас-Тушинский 3-й курганный могильник, *9 курганов*, XI-XIIIвв.*
14. Митинский 1-й курганный могильник ("Великая могила"), *6 курганов*, XI-XIIIвв.
15. Спас-Тушинский 2-й курганный могильник, *65 курганов*, XI-XIIIвв.
16. Спас-Тушинский 1-й курганный могильник, *15 курганов*, XI-XIIIвв.
17. Спас-Тушинское 2-е селище, XI-XIIIвв.
18. Поселение на Спас-Тушинском 1-м городище, XI-XIIIвв.
19. Пенягинский 1-й курганный могильник, *1 курган*, XI-XIIIвв.
20. Мякининское 2-е селище, XI-XIIIвв.
21. Мякининское 1-е селище, XI-XIIIвв.
22. Мякининский 1-й курганный могильник, *30 курганов*, XII-XIIIвв.
23. Мякининский 2-й курганный могильник (гипотеза М. Г. Рабиновича), *16 (?) курганов*, XII-XIIIвв.
24. Тушинский 2-й могильник, *2 кургана*, XI-XIIIвв.
25. Тушинский 1-й курганный могильник на Тушинском городище, *2 кургана*, XI-XIIIвв.
26. Поселение на площадке Тушинского городища, XI-XIIIвв.
27. Алёшкинское селище, XI-XIIIвв.
28. Алёшкинский 1-й курганный могильник, *2 кургана*, XI-XIIIвв.
29. Алёшкинский 2-й курганный могильник, *2 кургана*, XI-XIIIвв.
30. Никольский-Химкинский курганный могильник, *11 курганов*, XI-XIIIвв.
31. Троице-Лыково 2-е селище, XI-XIIIвв.
32. Татарово, селище, XII-XIIIвв.
33. Крылатский курганный могильник, *3 кургана*, XI-XIIIвв.
34. Поселение на Кунцевском городище, XI-XIIIвв.
35. Кунцевское 1-е селище, XII-XIIIвв.
36. Филянское 2-е селище, средневековье.
37. Филянское 1-е селище, средневековье.
38. Филянский курганный могильник, *40 курганов*, XI-XIIIвв.
39. Серебряноборский курганный могильник, *2 кургана*, XI-XIIIвв.
40. Сетуньский 1-й курганный могильник, *16 курганов*, XI-XIIIвв.
41. Сетуньский 2-й курганный могильник, *18 курганов*, XI-XIIIвв.
42. Спасский курганный могильник, *1 курган*, XI-XIIIвв.
43. Очаковский 1-й курганный могильник, *12 курганов*, XI-XIIIвв.
44. Очаковский 2-й курганный могильник, *1 курган*, XI-XIIIвв.
45. Краснолужское селище, XII-XIIIвв.
46. Матвеевское 1-е селище, XI-XIIIвв.
47. Матвеевский 2-й курганный могильник (1-й Матвеевский), *2 кургана*, XI-XIIIвв.
48. Матвеевский 3-й курганный могильник (1-й Раменский), *3 кургана*, XI-XIIIвв.
49. Матвеевский 3-й курганный могильник (Матвеевский 2-й; Раменский 1-й), *4 кургана*, XII-XIIIвв.
50. Матвеевское 2-е селище, XII-XIIIвв.
51. Раменковский 1-й курганный могильник (Матвеевский 3-й), *4 кургана*, XI-XIIIвв.
52. Раменковский 2-й курганный могильник (Раменковский 3-й), *2 кургана*, XI-XIIIвв.
53. Раменковское 1-е селище, XI-XIIIвв.
54. Очаковский 4-й курганный могильник, *3 кургана*, XI-XIIIвв.
55. Очаковский 3-й курганный могильник, *7 курганов*, XI-XIIIвв.
56. Очаковский 5-й курганный могильник, *2 кургана*, XI-XIIIвв.
57. Никольский 1-й курганный могильник, *10 курганов*, XI-XIIIвв.
58. Никольский 2-й курганный могильник, *1 курган*, XI-XIIIвв.
59. Никулинский 2-й курганный могильник, *3 кургана*, XI-XIIIвв.
60. Никулинский 3-й курганный могильник, *2 кургана*, XI-XIIIвв.
61. Никулинский 1-й курганный могильник, *2 кургана*, XI-XIIIвв.
62. Тропаревский 1-й курганный могильник, *5 курганов*, XI-XIIIвв.
63. Тропаревский 2-й курганный могильник, *3 кургана*, XI-XIIIвв.
64. Богородицкий 2-й курганный могильник, *4 кургана*, XI-XIIIвв.
65. Богородицкий 1-й курганный могильник, *7 курганов*, XI-XIIIвв.
66. Воронцовский курганный могильник (на ул. Новаторов), *9 курганов*, XI-XIIIвв.
67. Коньковский 1-й курганный могильник, *15 курганов*, XI-XIIIвв.
68. Коньковский 2-й курганный

могильник, *2 кургана*, XI-XIIIвв.

69. Коньковский 3-й курганный могильник (Коньковский 1-й, Купринские), *5 курганов*, XI-XIIIвв.

70. Коньковский 4-й курганный могильник (Коньковский 2-й, Купринские), *22 кургана*, XII-XIIIвв.

70а. Коньковское 2-е селище, XII-XIIIвв.

71. Теплостанское 1-е селище, XII-XIIIвв.

72. Теплостанский 3-й курганный могильник, *8 курганов*, XII-XIIIвв.

73. Теплостанский 2-й курганный могильник, *13 курганов*, XII-XIIIвв.

74. Теплостанский 4-й курганный могильник, *6 курганов*, XI-XIIIвв.

75. Теплостанский 1-й курганный могильник, *4 кургана*, XI-XIIIвв.

76. Воробьёвский курганный могильник, *1 курган*, XI-XIIIвв.

77. Андреевское селище, XI-XIIIвв.

78. Нескучный сад, курганный могильник, *2 кургана*, XI-XIIIвв.

79. Нескучный сад, селище, XII-XIIIвв.

80. Данилов монастырь, селище, X-XIIIвв.

80а. Возле Данилова монастыря (ц. Воскресения Словущего), селище, X-XIIIвв.

81. Черёмушкинский 3-й курганный могильник, *2 кургана*, XI-XIIIвв.

82. Черёмушкинский 2-й курганный могильник, *3 кургана*, XI-XIIвв.

83. Черёмушкинский 1-й курганный могильник, *15 курганов*, XI-XIIвв.

84. Шаболовский 1-й курганный могильник, *2 кургана*, XI-XIIIвв.

85. Шаболовский 2-й курганный могильник, *2 кургана*, XI-XIIIвв.

86. Верхнекотловский курганный могильник, XI-XIIIвв.

87. Ногатинский курганный могильник, *1 курган*, XI-XIIIвв.

88. Коломенское 1-е селище, XI-XIIIвв.

89. Коломенское 2-е, на Голосовом овраге, селище, XII-XIIIвв.

90. Дьяково 1-е (Выгон), селище, XII-XIIIвв.

91. Дьяково-пойма, селище, XI-XIIвв.

92. Поселение на Дьяковом городище, XI-XIIIвв.

93. Дьяково-южное, селище, XI-XIIIвв.

94. Деревлёвский 1-й курганный могильник, *6 курганов*, XII-XIIIвв.

95. Деревлёвский 2-й курганный могильник, *5 курганов*, XI-XIIIвв.

96. Зюзинский 4-й курганный могильник (Зюзинский 3-й), *2 кургана*, XI-XIIIвв.

97. Зюзинское селище, XIIIв. (наличие домонгольского материала под вопросом).

98. Зюзинский 1-й курганный могильник, *9 курганов*, XII-XIIIвв.

99. Зюзинский 2-й курганный могильник, *13 курганов*, XII-XIIIвв.

100. Волхонский курганный могильник, *3 кургана*, XI-XIIIвв.

101. Узкое, 1-й курганный могильник (Деревлёвские), *4 кургана*, XI-XIIIвв.

102. Коньково, 5-й курганный могильник, *2 кургана*, XI-XIIIвв.

103. Коньково, 1-е селище, XI-XIIIвв.

104. Зюзинский 6-й курганный могильник (Зюзинские, Узковские), *9 курганов*, XI-XIIIвв.

105. Зюзинский 5-й курганный могильник, *4 кургана*, XI-XIIIвв.

106. Зюзинский 3-й курганный могильник, *11 курганов*, XI-XIIIвв.

107. Узкое, 2-й курганный могильник (10-й Чертановский), *2 кургана*, XII-XIIIвв.

108. Узкое, 3-й курганный могильник (9-й Чертановский), *3 кургана*, XI-XIIIвв.

109. Узкое, 4-й курганный могильник (8-й Чертановский), *2 кургана*, XI-XIIIвв.

110. Узкое, 5-й курганный могильник (7-й Чертановский), *3 кургана*, XI-XIIIвв.

111. Узкое, 6-й курганный могильник (возможно, фантом), *1 курган.*

112. Чертаново, 9-й курганный могильник (6-й Чертановский), *3 кургана*, XI-XIIIвв.

113. Чертаново, 1-е селище, XI-XIIIвв.

114. Чертаново, 7-й курганный могильник, *1 курган*, XI-XIIIвв.

115. Чертаново, 8-й курганный могильник (6-й Чертановский), *4 кургана*, XI-XIIIвв.

116. Чертаново, 6-й курганный могильник (5-й Чертановский), *3 кургана*, XI-XIIIвв.

117. Чертаново, 5-й курганный могильник, *3 кургана*, XI-XIIIвв.

118. Чертаново, 4-й курганный могильник, *6 курганов*, XII-XIIIвв.

119. Чертаново, 3-й курганный могильник, *1 курган*, XI-XIIIвв.

120. Чертаново, 2-й курганный могильник, *2 кургана*, XI-XIIIвв.

121. Чертаново, 1-й курганный могильник, *9 курганов*, XI-XIIIвв.

122. Котляково, 1-й курганный могильник, *4 кургана*, XII-XIIIвв.

123. Котляково, 2-й курганный могильник, *3 кургана*, XI-XIIIвв.

124. Сабуровский курганный могильник, *13 курганов*, XI-XIIIвв.

125. Малое Голубино, 1-й курганный могильник, *6 курганов*, XI-XIIIвв.

126. Малое Голубино, 2-й курганный могильник, *24 кургана*, XI-XIIIвв.

127. Большое Голубино, курганный могильник, *3 кургана*, XI-XIIIвв.

128. Ясенево (Фляжкино), курганный могильник, *4 кургана.*

129. Бирюлёво, 1-й курганный могильник, *4 кургана*, XI-XIIIвв.

130. Бирюлёво, 2-й курганный могильник, *4 кургана*, XI-XIIIвв.

131. Красное, курганный могильник, *1 курган*, XI-XIIIвв.

132. Покровское, 2-й курганный могильник, *3 (?) кургана.*

133. Покровское, 1-й курганный могильник, *3 (?) кургана*, XI-XIIIвв.

134. Бирюлёво, дачный поселок, курганный могильник.

135. Орехово, 2-й курганный могильник (Дубки), *14 курганов*, XII-XIIIвв.

136. Орехово, селище 6 (Язвенка- 6), XII-XIIIвв.

137. Орехово, селище 5 (Язвенка-5), XII-XIIIвв.

138. Орехово, 4-й курганный могильник (Царицыно-7), *12 курганов*, XI-XIIIвв.

139. Орехово, 5-й курганный могильник (Царицыно-6), *28 курганов*, XI-XIIIвв.

140. Орехово, 6-й курганный могильник (Царицыно-4), *4 кургана*, XI-XIIIвв.

141. Царицыно, 4-й курганный могильник, *8 курганов*, XI-XIIIвв.

142. Царицыно, 3-й курганный могильник, *12 курганов*, XIIв.

143. Орехово, селище 4 (Язвенка-4), XII-XIIIвв.

144. Орехово, селище 3 (Язвенка-3), XI-XIIIвв.

145. Орехово, 7 и 8-й курганные могильники, *5 курганов.*

146. Орехово, 3-й курганный могильник, *1 курган*, XI-XIIIвв.

147. Орехово, 1-й курганный могильник, *12 курганов*, XIIв.

148. Орехово, 2-е селище, XII-XIIIвв.

149. Царицыно, 2-й курганный могильник, *23 кургана*, XII-XIIIвв.

150. Царицыно, 1-й курганный могильник, *5 курганов*, XI-XIIIвв.

151. Царицыно, 5-й курганный могильник, *9 курганов*, XI-XIIIвв.

152. Шипилово, 2-й курганный могильник, *5 курганов*, XI-XIIIвв.

153. Шипилово, 1-й курганный могильник, *10 курганов*, XI-XIIIвв.

154. Братеево, 5-й курганный могильник, *4 кургана*, XI-XIIIвв.

155. Братеево, 2-й курганный могильник, *5 курганов*, XI-XIIIвв.

156. Братеево, 1-й курганный могильник, *5 курганов*, XI-XIIIвв.

157. Братеево, 4-й курганный могильник, *2 кургана*, XI-XIIIвв.

158. Братеево, 3-й курганный могильник, *19 курганов*, XI-XIIIвв.

159. Братеево, 1-е селище, XI-XIIIвв.

160. Борисово, 1-й курганный могильник, *21 курган*, XII-XIIIвв.

161. Зябликово, 2-й курганный могильник, *1 курган*, XI-XIIIвв.

162. Поселение на городище Капотня, XI-XIIIвв.

163. Капотня, селище 1, XI-XIIIвв. (по данным А.К.Станюковича).

164. Чагино, курганный могильник, *15 курганов*, XI-XIIIвв.

165. Головинские пруды, селище, XII-XIIIвв.

166. Останкино, курганный могильник.

167. Лосиный остров, 2-й курганный могильник, *8 курганов*, XII-XIIIвв.

168. Лосиный остров, 1-е селище, XII-XIIIвв.

169. Лосиный остров, 1-й курганный могильник, *7 курганов*, XII-XIIIвв.

170. Близ Андроньева монастыря, селище 1, XI-XIIIвв.

171. Гравороново, селище 1 , XII-XIIIвв.

172. Клад дирхемов у Симонова монастыря, IX-Xвв.

173. Селище на устье Яузы, XII-XIIIвв.

174. Яузский курганный могильник, *5 курганов*, XII-XIIIвв.

175. Лыщиково городище (топоним).

176. Обыденское городище (топоним).

177. Могильцы (курганный могильник ?) на Остожье (топоним).

178. Могильцы (курганный могильник ?) на Тверской (топоним).

179. Городище на Самотеке (топоним).

180. Косинский 1-й курганный могильник (у Святого озера), *3 кургана*, XI-XIIIвв.

181. Косинский 2-й курганный могильник (к югу от Косина), *2 кургана*, XI-XIIIвв.

182. Косинский 3-й курганный могильник (близ д. Жулебино), *21 курган*, XI-XIIIвв.

183. Рудневский курганный могильник, *5 (?) курганов*, XI-XIIIвв.

184. Матвеевский 4-й курганный могильник, *2 кургана*, XI-XIIIвв.

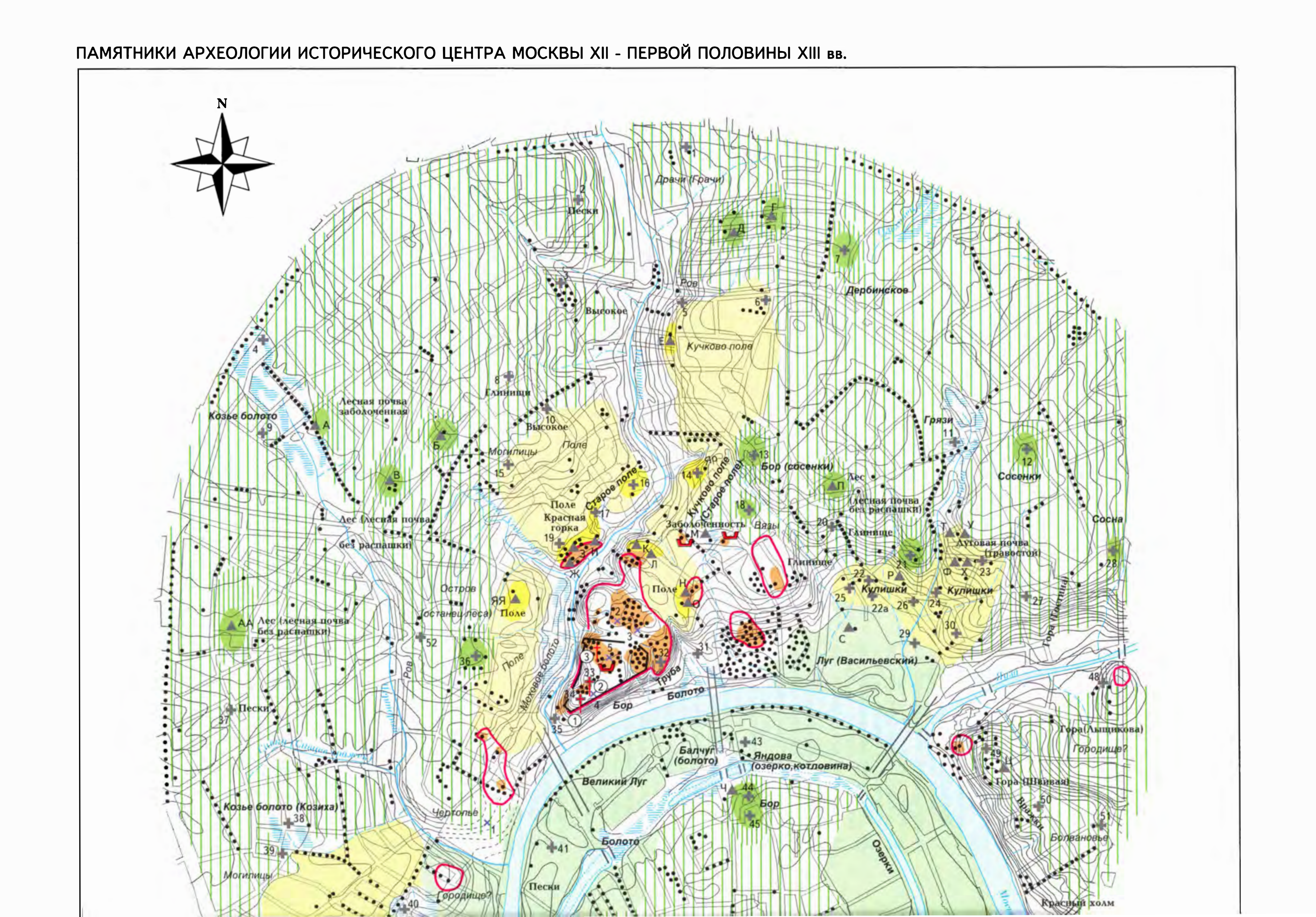
Общее число курганов на территории Москвы в границах 1996г.

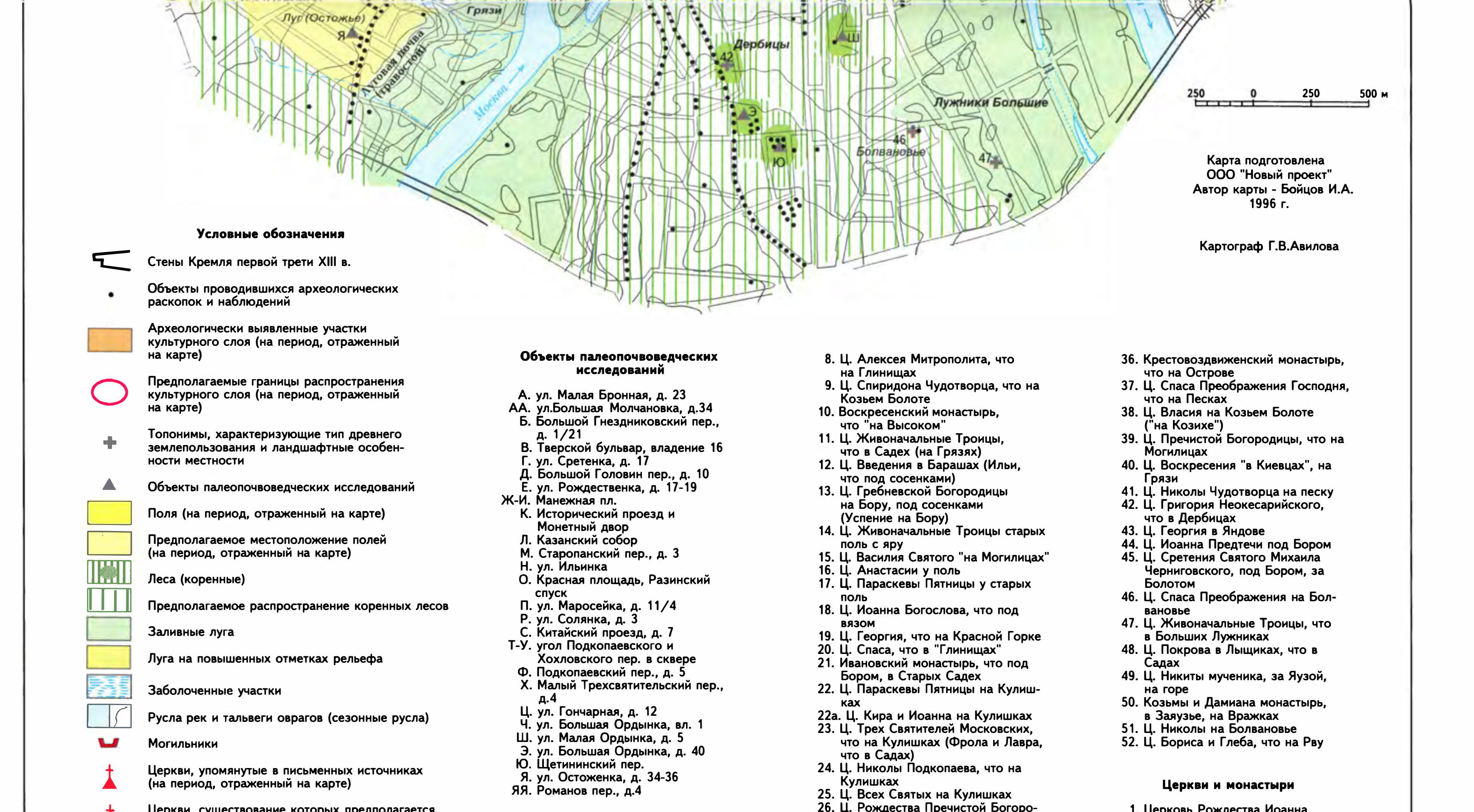
1. Район Спас-Тушино, Тушино, низовья рек Химки и Сходни - 143 (159).
2. Кунцево - Фили - 45.
3. Бассейн Сетуни (без Теплостанской возвышенности) -121.
4. Теплостанская возвышенность (верховья Очаковки, Чертановки) - 90.
5. Бассейн Котловки - 51.
6. Бассейн Чертановки - 76.
7. Бассейн Городенки (без Чертановки) - 233.
8. Левый берег Москвы-реки, Яузы - 40.
9. Верховья Битцы - 33.
10. Бассейн Пехорки (Косинские озера) - 31.

Всего: 863 (879), что соответствует примерно 1120 - 1140 погребениям.

* Датировка XI-XIIIвв., как правило, указывает на то, что более точно возраст памятника определить невозможно.

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА МОСКВЫ XII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII вв.

Карта подготовлена
ООО "Новый проект"
Автор карты - Бойцов И.А.
1996 г.

Картограф Г.В.Авилова

Условные обозначения

- Стены Кремля первой трети XIII в.
- Объекты проводившихся археологических раскопок и наблюдений
- Археологически выявленные участки культурного слоя (на период, отраженный на карте)
- Предполагаемые границы распространения культурного слоя (на период, отраженный на карте)
- Топонимы, характеризующие тип древнего землепользования и ландшафтные особенности местности
- Объекты палеопочвоведческих исследований
- Поля (на период, отраженный на карте)
- Предполагаемое местоположение полей (на период, отраженный на карте)
- Леса (коренные)
- Предполагаемое распространение коренных лесов
- Заливные луга
- Луга на повышенных отметках рельефа
- Заболоченные участки
- Русла рек и тальвеги оврагов (сезонные русла)
- Могильники
- Церкви, упомянутые в письменных источниках (на период, отраженный на карте)
- Церкви, существование которых предполагается (на период, отраженный на карте)
- Монастыри, упомянутые в письменных источниках (на период, отраженный на карте)
- Монастыри, существование которых предполагается (на период, отраженный на карте)
- Клады
- *Лес* Пески — Объекты, существование которых подтверждено источниками (на период, отраженный на карте)
- *Поле* — Объекты, предположительно существовавшие (на период, отраженный на карте)

Объекты палеопочвоведческих исследований

А. ул. Малая Бронная, д. 23
АА. ул.Большая Молчановка, д.34
Б. Большой Гнездниковский пер., д. 1/21
В. Тверской бульвар, владение 16
Г. ул. Сретенка, д. 17
Д. Большой Головин пер., д. 10
Е. ул. Рождественка, д. 17-19
Ж-И. Манежная пл.
К. Исторический проезд и Монетный двор
Л. Казанский собор
М. Старопанский пер., д. 3
Н. ул. Ильинка
О. Красная площадь, Разинский спуск
П. ул. Маросейка, д. 11/4
Р. ул. Солянка, д. 3
С. Китайский проезд, д. 7
Т-У. угол Подкопаевского и Хохловского пер. в сквере
Ф. Подкопаевский пер., д. 5
Х. Малый Трехсвятительский пер., д.4
Ц. ул. Гончарная, д. 12
Ч. ул. Большая Ордынка, вл. 1
Ш. ул. Малая Ордынка, д. 5
Э. ул. Большая Ордынка, д. 40
Ю. Щетининский пер.
Я. ул. Остоженка, д. 34-36
ЯЯ. Романов пер., д.4

Топонимы, характеризующие тип древнего землепользования и ландшафтные особенности местности

1. Ц. Николы в Драчах (Грачах)
2. Ц. Спаса на Песках
3. Петровский монастырь "на Высоком"
4. Ц. Ермолая на Козьем Болоте
5. Рождественский монастырь, что на Рве
6. Сретенский монастырь, ц. Сретения на поле (на Кучковом поле)
7. Ц. Николы в Дербинском
8. Ц. Алексея Митрополита, что на Глинищах
9. Ц. Спиридона Чудотворца, что на Козьем Болоте
10. Воскресенский монастырь, что "на Высоком"
11. Ц. Живоначальные Троицы, что в Садех (на Грязях)
12. Ц. Введения в Барашах (Ильи, что под сосенками)
13. Ц. Гребневской Богородицы на Бору, под сосенками (Успение на Бору)
14. Ц. Живоначальные Троицы старых поль с яру
15. Ц. Василия Святого "на Могилицах"
16. Ц. Анастасии у поль
17. Ц. Параскевы Пятницы у старых поль
18. Ц. Иоанна Богослова, что под вязом
19. Ц. Георгия, что на Красной Горке
20. Ц. Спаса, что в "Глинищах"
21. Ивановский монастырь, что под Бором, в Старых Садех
22. Ц. Параскевы Пятницы на Кулишках
22а. Ц. Кира и Иоанна на Кулишках
23. Ц. Трех Святителей Московских, что на Кулишках (Фрола и Лавра, что в Садах)
24. Ц. Николы Подкопаева, что на Кулишках
25. Ц. Всех Святых на Кулишках
26. Ц. Рождества Пречистой Богородицы, что на Кулишках
27. Ц. Николы в Воробине, на Гостине горе
28. Ц. Ильи на Воронцовом поле, под сосенкой
29. Ц. Андрея Критского, на Васильев луг, что на Кулишках
30. Ц. Петра и Павла, что у старых конюшен, на Кулишках
31. Ц. Николы на Болоте
32. Ц. Рождества Богородицы "на Трубе"
33. Ц. Спаса на Бору
34. Ц. Рождества Иоанна Предтечи на Бору
35. Боровицкая башня
36. Крестовоздвиженский монастырь, что на Острове
37. Ц. Спаса Преображения Господня, что на Песках
38. Ц. Власия на Козьем Болоте ("на Козихе")
39. Ц. Пречистой Богородицы, что на Могилицах
40. Ц. Воскресения "в Киевцах", на Грязи
41. Ц. Николы Чудотворца на песку
42. Ц. Григория Неокесарийского, что в Дербицах
43. Ц. Георгия в Яндове
44. Ц. Иоанна Предтечи под Бором
45. Ц. Сретения Святого Михаила Черниговского, под Бором, за Болотом
46. Ц. Спаса Преображения на Болвановье
47. Ц. Живоначальные Троицы, что в Больших Лужниках
48. Ц. Покрова в Лыщиках, что в Садах
49. Ц. Никиты мученика, за Яузой, на горе
50. Козьмы и Дамиана монастырь, в Заузье, на Вражках
51. Ц. Николы на Болвановье
52. Ц. Бориса и Глеба, что на Рву

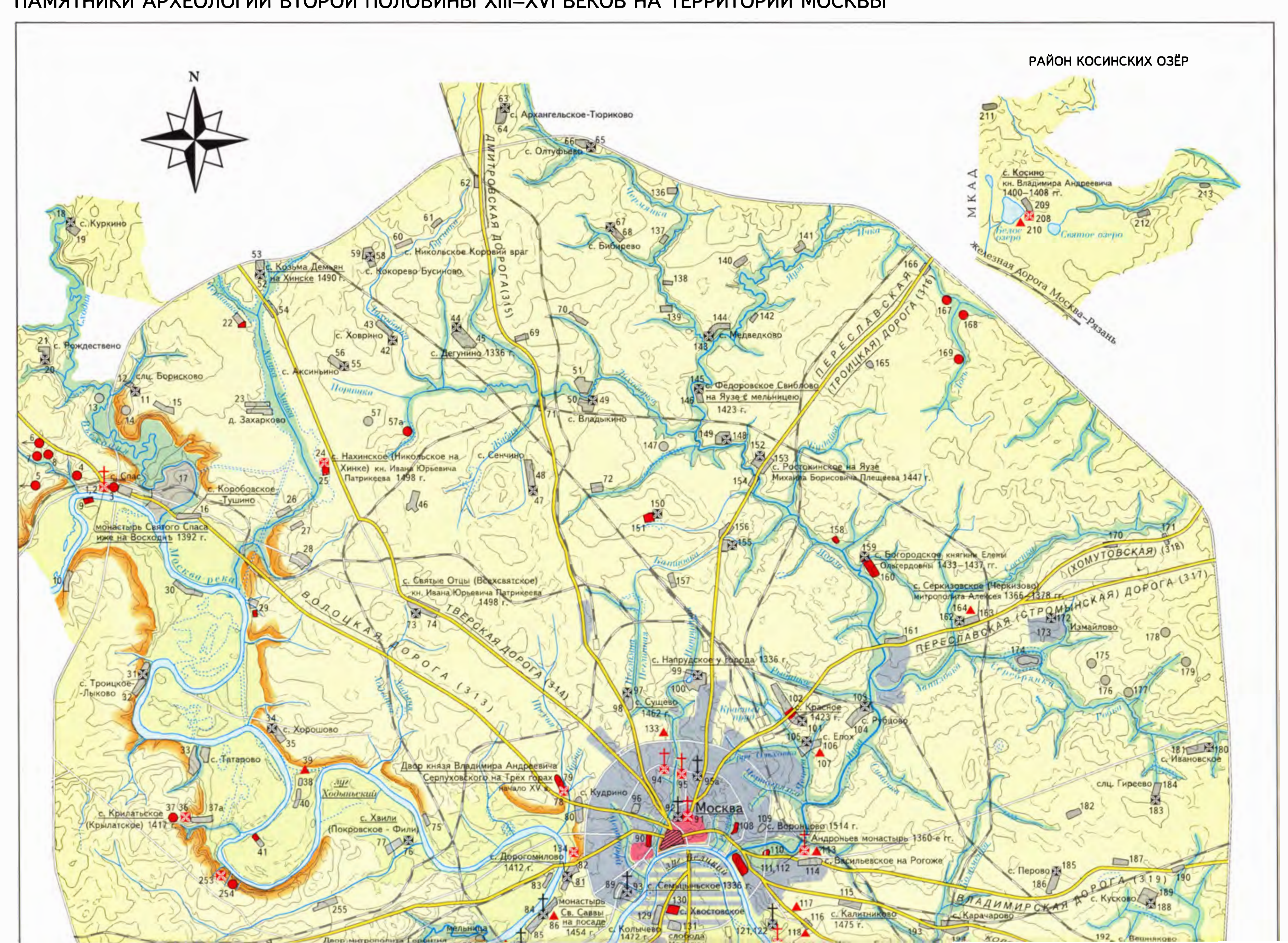
Церкви и монастыри

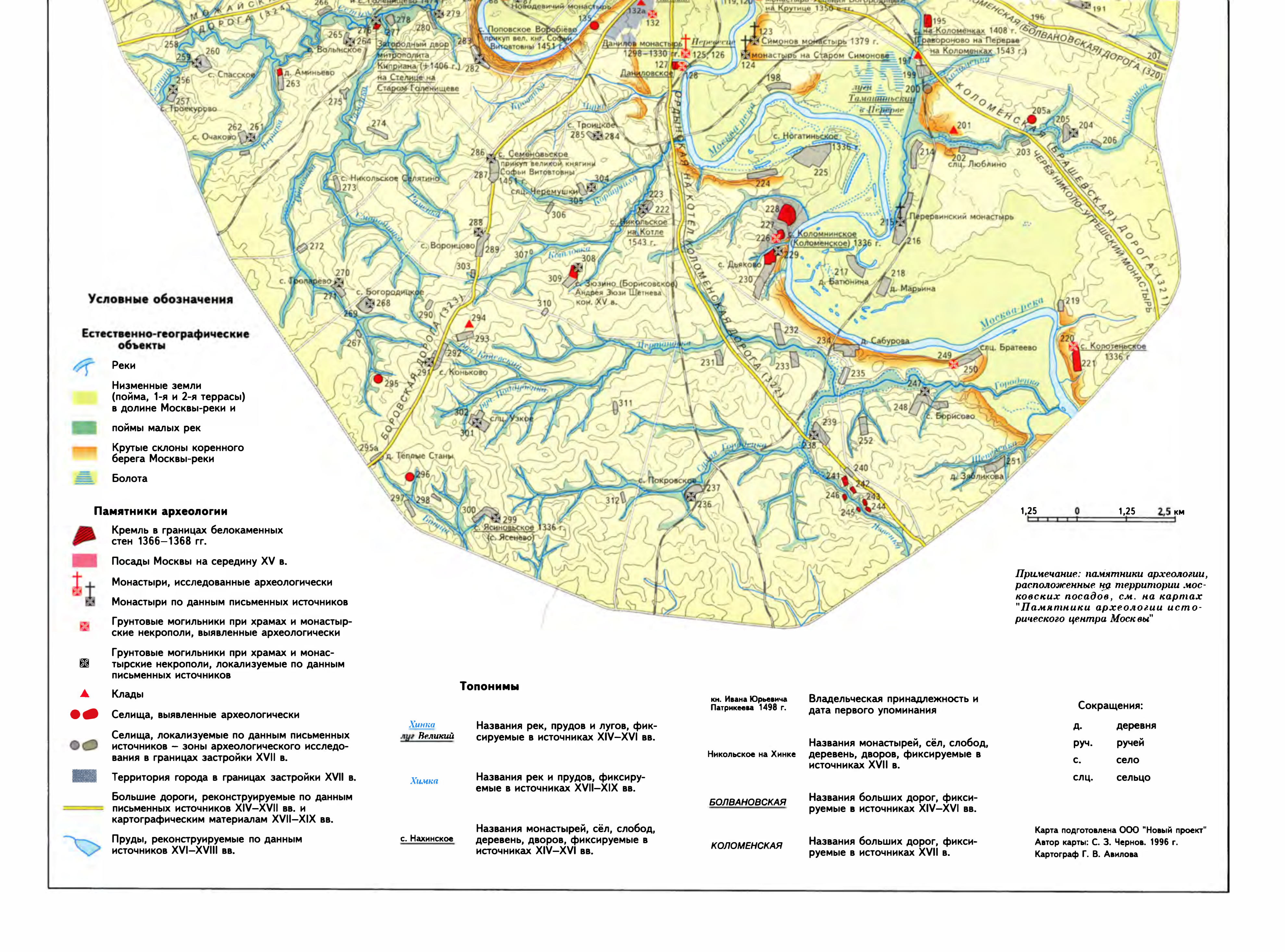
1. Церковь Рождества Иоанна Предтечи на Бору
2. Церковь(монастырь) Спаса на Бору
3. Успенский собор "в Маковице"

Клады

1. Клад куфических монет IX-X вв.
2. Клад серебряных украшений
3. Клад серебряных украшений
4. Клад серебряных украшений
5. Клад серебряных украшений

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII–XVI ВЕКОВ НА ТЕРРИТОРИИ МОСКВЫ

Условные обозначения
Естественно-географические объекты
Реки
Низменные земли (пойма, 1-я и 2-я террасы) в долине Москвы-реки и
поймы малых рек
Крутые склоны коренного берега Москвы-реки
Болота
Памятники археологии
Кремль в границах белокаменных стен 1366–1368 гг.
Посады Москвы на середину XV в.
Монастыри, исследованные археологически
Монастыри по данным письменных источников
Грунтовые могильники при храмах и монастырские некрополи, выявленные археологически
Грунтовые могильники при храмах и монастырские некрополи, локализуемые по данным письменных источников
Клады
Селища, выявленные археологически
Селища, локализуемые по данным письменных источников – зоны археологического исследования в границах застройки XVII в.
Территория города в границах застройки XVII в.
Большие дороги, реконструируемые по данным письменных источников XIV–XVII вв. и картографическим материалам XVII–XIX вв.
Пруды, реконструируемые по данным источников XVI–XVIII вв.
Топонимы
Хинка
луг Великий
Названия рек, прудов и лугов, фиксируемые в источниках XIV–XVI вв.
Химка
Названия рек и прудов, фиксируемые в источниках XVII–XIX вв.
с. Нахинское
Названия монастырей, сёл, слобод, деревень, дворов, фиксируемые в источниках XIV–XVI вв.
кн. Ивана Юрьевича Патрикеева 1498 г.
Владельческая принадлежность и дата первого упоминания
Никольское на Хинке
Названия монастырей, сёл, слобод, деревень, дворов, фиксируемые в источниках XVII в.
БОЛВАНОВСКАЯ
Названия больших дорог, фиксируемые в источниках XIV–XVI вв.
КОЛОМЕНСКАЯ
Названия больших дорог, фиксируемые в источниках XVII в.
Сокращения:
д. деревня
руч. ручей
с. село
слц. сельцо
1,25 0 1,25 2,5 км
Примечание: памятники археологии, расположенные на территории московских посадов, см. на картах "Памятники археологии исторического центра Москвы"
Карта подготовлена ООО "Новый проект"
Автор карты: С. З. Чернов. 1996 г.
Картограф Г. В. Авилова
Москва-река
КОЛОМЕНСКАЯ ДОРОГА (322)
БОРОВСКАЯ ДОРОГА (323)
КОЛОМЕНСКАЯ (БОЛВАНОВСКАЯ) ДОРОГА (320)
ЧЕРЕВЫНСКАЯ (БРАШЕВСКАЯ) ДОРОГА
Данилов монастырь 1298–1330 гг.
Симонов монастырь 1379 г.
Коломнинское (Коломенское) 1336 г.
Перервинский монастырь
с. Ногатинское 1336 г.
с. Дьяково
д. Сабурова
слц. Братеево
с. Борисово
с. Котленское 1336 г.
с. Зюзино (Борисовское) Андрея Зюзи Шетнева кон. XV в.
с. Ясиновское 1336 г. (с. Ясенево)
д. Теплые Станы
с. Коньково
слц. Узкое
с. Богородицкое
с. Воронцово
с. Семеновское
с. Троицкое
с. Покровское
слц. Люблино
д. Марьина
д. Батюнина
д. Зябликова
с. Спасское
с. Очаково
с. Тропарево
д. Аминьево

Список памятников археологии на территории Москвы второй половины XIII - XVI вв.

1. Спасский на Всходне монастырь. Археологически фиксируемые следы Спасо-Преображенского собора, церкви Андрея Стратилата, каменных стен. Первое упоминание 1390г.
2. Грунтовый могильник Спасского на Всходне монастыря. Под 1390г. в летописи сообщается о погребении Ивана Родионовича Квашнина "у святаго Спаса въ монастыри, иже на Всходнѣ".
3. 1-е Спас-Тушинское селище (в с. Спас).
4. 2-е Спас-Тушинское селище. Исследовано археологически.
5. 2-е Пенягинское селище. 16в. Исследовано археологически.
6. 1-е Митинское селище. 16в. Исследовано археологически.
7. 2-е Митинское селище. 16-17вв. Исследовано археологически.
8. 3-е Митинское селище. 13-14вв. Исследовано археологически.
9. 2-е Мякининское селище. 13-15вв. Исследовано археологически на площади 3800 кв.м.
10. 3-е Мякининское селище. (в д. Мякинино).
11. Грунтовый могильник у церкви Покрова в быв. д. Братцево.
12. Селище в быв. д. Братцево. Сельцо Борисково. Упоминается в 1573г. Вотчина потомков Фомы Ивановича Квашнина (1489г.).
13. Селище в пос. Новобратцевский. Идентифицируется с д. Аннино, упоминаемой в 1573г. и входившей в вотчину потомков Фомы Ивановича Квашнина (1489г.).
14. Селище в усадьбе Братцево. Идентифицируется с д. Братцево, упоминаемой в 1569г. и входившей в вотчину потомков Фомы Ивановича Квашнина (1489г.).
15. Селище в быв. д. Петрово. Идентифицируется с селом Петровым, упоминаемым с 1532г. Вотчина потомков Петра Квашнина.
16. Селище в быв. с. Тушине. Село Коробовское-Тушино, упоминаемое в 1512г. Вотчина потомков Василия Туши Квашнина.
17. Тушинский лагерь Лжедмитрия 11.06. 1608-12.01.1610г. С запада был ограничен валом и рвом, с остальных сторон - реками Сходней и Москвой. При прокладке железной дороги собрана коллекция вооружения (передана в Государственный Исторический музей).
18. Грунтовый могильник у церкви в с.Куркино.
19. Селище в с. Куркино.
20. Грунтовый могильник у церкви в с. Рождествено.
21. Селище в с. Рождествено.
22. Селище в быв. д. Алешино.
23. Селище в быв. д. Захарково.
24. Грунтовый могильник в быв. с. Никольском на р. Химке. Исследованы белокаменные надгробия с надписями XVI-XVII вв.
25. Селище в быв. с. Никольском на р.Химке. "Село Нахинское" кн. Ивана Юрьевича Патрикеева 1498г.
26. Селище в быв. д. Иванькою.
27. Селище в быв. д. Елизаветино.
28. Селище в с. Покровское-Стрешнево. Село Покровское.
29. Селище Щукинское (к югу от д. Щукиной). XV-XVI вв. Идентифицируется с д. Щукиной кн. Ивана Юрьевича Патрикеева. 1498г.
30. Селище в быв. д. Строгино.
31. Грунтовый могильник у церкви Троицы в с. Троице-Лыково.
32. Селище в с. Троице-Лыково.
33. Селище в с. Татарово. Село Татарово. 1572г.
34. Грунтовый могильник у церкви Троицы в с. Хорошово.
35. Селище в с. Хорошово. В конце XVIв. с. Хорошово - владение Бориса Федоровича Годунова.
36. Грунтовый могильник к западу от церкви Рождества Богородицы в с. Крылатском. На территории кладбища зафиксированы валунные надгробия и белокаменное плиточное надгробие с трехгранно-выемчатым орнаментом XV-XVIвв.
37. 1-е Крылатское селище (к западу от церкви Рождества Богородицы быв. с. Крылатского). Археологическими раскопками (на площади 178 кв. м) изучена усадебная застройка второй половины XV -первой половины XVIв. Идентифицируется с поселением " Крылатьское село, што было за татаромъ", упоминаемым в духовной грамоте вел. кн. Василия I 1417г.

37а. 2- Крылатское селище (к востоку от церкви Рождества Богородицы на территории ул. Горка быв. с. Крылатского). По данным археологических разведок датируется XVIIв. Идентифицируется с селом Крылатским, восстановленным после смутного времени.

38. Селище в быв. д. Карамышево.
39. Клад у быв. д. Карамышево. Найден в 1934г. при спрямлении русла р. Москвы. Содержал монеты второй половины XVI-XVIIвв.
40. Селище в быв. д. Мневники.
41. Селище в д.Терехово. Культурный слой XV-XVIIвв.
42. Грунтовый могильник у церкви Знамения в с. Ховрино.
43. Селище в быв. д. Ховрино. Село Ховрино - вотчина купцов-сурожан Ховриных-Головиных (1585г.). Название села связывают с именем Григория Стефановича Ховры, который в 1405г. построил каменный храм в Симонове монастыре.
44. Грунтовый могильник у церкви Петра и Павла в быв. с. Дегунине. Вероятно могильник располагался близ деревянной церкви Бориса и Глеба, разобранной в 1884г. Первое упоминание церкви Бориса и Глеба относится к 1584г.
45. Селище в быв. с. Дегунине. Село "Дегуниньское" упоминается в духовной грамоте вел. кн. Ивана Калиты 1336г. среди сел, переданных в удел княгини Ульяны. В 1584г. принадлежало церкви Рождества Богородицы, "что на дворце у царицы на сенях" в Московском Кремле.
46. Селище в быв. д. Коптево.
47. Грунтовый могильник у церкви Петра и Павла усадьбы Петровское-Разумовское.
48. Селище на территории усадьбы Петровское-Разумовское. Идентифицируется с селом Сенчиным, упоминаемым в 1584г.
49. Грунтовый могильник у церкви Рождества с. Владыкино.
50. Селище в быв. с. Владыкино (правобережное).
51. Селище в быв. с. Владыкино (левобережное).
52. Грунтовый могильник у церкви Козьмы и Дамиана в быв. с. Козьмодемьянском.
53. Селище в быв. с. Козьмодемьянском. В 1490г. "у Кузьмы-Демьяны на Хинске" московские бояре встречали посла Священной Римской империи Юрия Делатора.
54. Селище в быв. д. Химки.
55. Грунтовый могильник у церкви Знамения в быв. с. Аксиньино.
56. Селище в быв. с. Аксиньино. 1623г.
57. Селище в быв. д. Головино.

57а. Селище на Головинских прудах.

58. Грунтовый могильник у церкви Сергия Радонежского в быв. с. Бусиново.
59. Селище в быв. с. Бусиново. Село Кокорево Бусиново тож.
60. Селище в быв. д. Коровий враг. Село Никольское Коровий враг тож, упоминаемое в 1584г.
61. Селище в быв. д. Фуниково. Д. Хользуево Фуниково Ескино тож, упоминаемое в 1584г.
62. Селище в быв. д. Андреевской.
63. Грунтовый могильник у церкви в. быв. с. Архангельское-Тюриково.
64. Селище в быв. с. Архангельское-Тюриково.
65. Грунтовый могильник у Крестовоздвиженской церкви в быв. с. Олтуфьево.
66. Селище в быв. с. Олтуфьево.
67. Грунтовый могильник у церкви в быв. с. Бибирево.
68. Селище в быв. с. Бибирево.
69. Селище в быв. д. Бескудниково. Д.Бескудниково, упоминаемая в 1584г.
70. Селище в быв. д. Слободка.
71. Селище в быв. д. Нижние Лихоборы.
72. Селище в быв. д. Марфино.
73. Грунтовый могильник у церкви Всех Святых в с. Всехсвятском.
74. Селище в с. Всехсвятском. "Село Святые отцы"- центр вотчины князя Ивана Юрьевича Патрикеева, упоминаемое в его духовной грамоте 1498г.
75. Селище в быв. д. Шепелиха.
76. Грунтовый могильник у церкви Покрова в с. Фили.
77. Селище в быв. с. Покровское-Фили. Идентифицируется с селом Хвили.
78. Грунтовый могильник на территории Московского зоопарка. Идентифицируется с кладбищем при церкви на Трех горах. Исследованы белокаменные надгробия XVIв., в том числе датированное надгробие 1540г.
79. Селище на территории Московского зоопарка. В Северо-западной части зоопарка выявлен культурный слой XV в. Идентифицируется с поселением, примыкавшем к двору кн. Владимира Андреевича Серпуховского " на Трех горах" (начало XVв.).
80. Селище в районе села Кудрино.
81. Грунтовый могильник у быв. церкви Благовещения "на Бережках", "в Золотом клину" в Дорогомиловской слободе.
82. Селище на территории быв. Дорогомиловской слободы. Идентифицируется с селом Дорогомиловым, первое упоминание которого содержится в летописи под 1412г.
83. Селище в быв. Бережковской слободе.
84. Некрополь монастыря Святого Саввы на посаде.
85. Монастырь Святого Саввы на посаде. В 1454г. наместник Ростовский Петр Константинович Добрынский передал монастырь с принадлежавшими ему землями митрополиту Ионе.
86. Клад , найденный в 1906г. на территории монастыря Св. Саввы (см .№ 85). Монеты Ивана IV, Федора Иоанновича, Бориса Годунова.
87. Новодевичий монастырь. Некрополь, архитектурно-археологические объекты, культурный слой. Основан в 1525г.
88. Клад, найденный в 1902г. близ Новодевичьего монастыря. Монеты Ивана III.
89. Поселение на месте села "Семьцыньское", упоминаемого в духовной грамоте вел.кн.Ивана Калиты 1336г. в числе великокняжеских сел.
90. Поселение близ церквей Николы и Благовещения "на Старом Ваганькове". Идентифицируется с селом Ваганьково. В 1445г. в летописи упоминается двор вел.кнг. Софьи Витовтовны "за городомъ на Ваганкове".
91. Богоявленский монастырь. Археологически прослежены следы деревянного храма и синхронного ему некрополя второй половины XIII-начала XIV вв. Погребения совершены по христианскому обряду под белокаменными надгробиями архаического облика. Ранний некрополь перекрыт фундаментами белокаменного собора Богоявленского монастыря середины - второй половины XIVв. Монастырь являлся родовой усыпальницей боярского рода Вельяминовых. Под 1374г. в Рогожском летописце сообщается: "преставися на Москвѣ послѣднии тысяцькыи Василии Васильевъ сынъ Вельяминовича, въ черньцѣхъ и въ скимѣ и наречено быть имя ему Варсонофiи и положенъ бысть в монастыри у святаго Богоявленiа".
92. Никольский Старый монастырь. Археологически не исследован. В 1390г., по сообщению Рогожского летописца, пришедший в Москву митрополит Киприан "оболочиъся у святаго Николы у Стараго и пошелъ въ градъ со кресты къ святѣй Богородици и сѣл на своемъ столѣ".
93. Алексеевский монастырь. Располагался на территории нынешнего Зачатьевского монастыря. Ранние слои не прослежены. По преданию, основан митрополитом Алексеем. В списке построек Алевиза Нового 1514г. упоминается "церковь Алексея святый Человек Божей в девичи монастыре за Черторыи".
94. Высоко-Петровский монастырь. Археологически прослежены следы деревянного храма и типичного монастырского некрополя XVв. На его месте во второй половине 1510-х гг. был возведен каменный храм Петра митрополита центрического типа. Архимандрит Петровского монастыря Иван упоминается в"Повести о Митяе" при описании путешествия Митяя в Царьград 1379г.
95. Рождественский монастырь. На территории монастыря выявлены материалы XV в. Вероятно первоначально располагался в Кремле (летописное известие о погребении в1390г. матери кн.Владимира Андреевича Серпуховского). На нынешнем месте упоминается в летописи под 1500г.

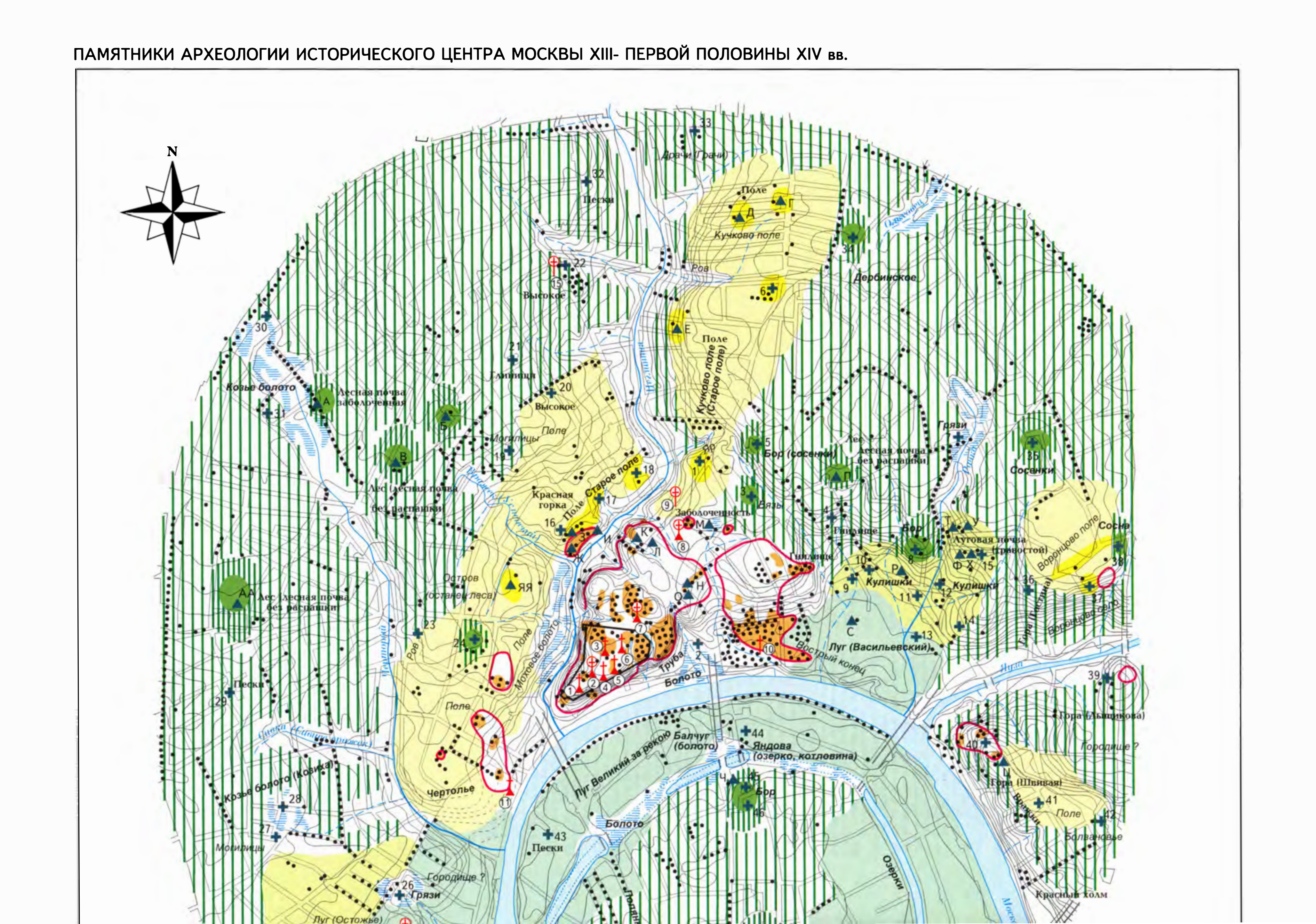
95а. Сретенский монастырь. Археологически не исследовался.

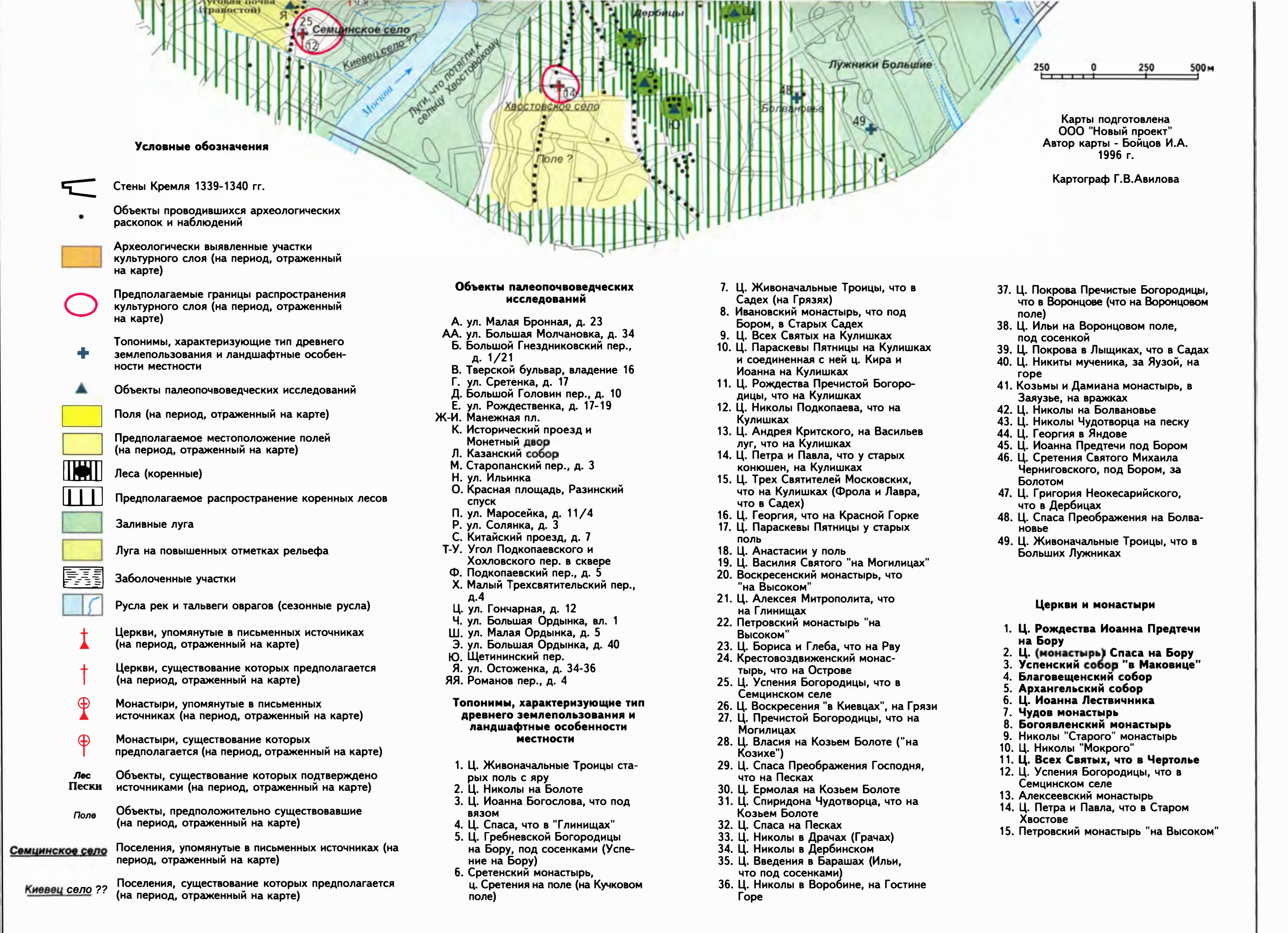
96. Поселение на месте с. Хлынова.
97. Грунтовый могильник у церкви Казанской Богоматери в Сущеве.
98. Поселение на месте с. Сущева. Село Сущево, упоминаемое в духовной грамоте вел.кн.Василия II 1462г. как владение великого князя.
99. Грунтовый могильник у церкви Трифона в Напрудном. Фрагменты белокаменных надгробий, одно из которых датировано 1569/1570г., вмурованы в стены храма.
100. Селище у церкви Трифона в Напрудном. "Село Напрудское у города" упоминается в духовной грамоте вел.кн. Ивана Калиты 1336г. среди великокняжеских сел.
101. Грунтовый могильник у церкви Покрова Богородицы "на Ольховце" "в Красном селе".
102. Селище на месте быв. с.Красного. В ходе исследований по Красносельской улице (дд. 19, 21, 23) выявлен слой, содержащий чернолощеную керамику XVIв. и монету Бориса Годунова. Идентифицируется с селом Красным, упоминаемым в духовной грамоте вел.кн. Василия I 1423г. как владение великого князя.
103. Грунтовый могильник у церкви Покрова в Рубцове.
104. Селище на месте с. Рубцова. Село Рубцово.
105. Грунтовый могильник у Богоявленского собора Елоховской слободы.
106. Селище на месте Елоховской слободы. Идентифицируется с селом Елох.
107. Клад, найденный в 1949г. на Спартаковской ул. Содержал монеты Василия I, Ивана III, Василия III, Михаила Андреевича Верейского, Василия Ивановича Рязанского и Великого Новгорода (до 1533г.).
108. Поселение в районе Подкопаевского переулка. Прослежен культурный слой конца XIV-XVвв. Идентифицируется с селом Подкопаевым. В 1493г. Иван III по сообщению летописи "стоялъ ... после пожару у Николы у Подкопаева подъ конюшнею въ христианскыхъ дворехъ".
109. Поселение на ул. Воронцово поле. Село Воронцово. В 1514г. Алевизом Фрязином возведена церковь Благовещения в Воронцове.
110. Поселение "Лыщиково". Выявлен культурный слой первой половины XVв. В этом районе располагался монастырь Покрова в Садех "на Лыщикове", упоминаемый в 1479г.
111. Андроньев монастырь. Культурный слой и архитектурно-археологические объекты второй половины XIV-XVIвв. Наиболее вероятная дата основания 1358г.
112. Некрополь на территории Спасского собора Андрониева монастыря. Исследованы ранние погребения монастырского некрополя.
113. Клад, найденный в начале XXв. близ Андрониева монастыря. Содержал монеты Ивана IV 1570-х гг.
114. Поселение на территории Рогожской слободы. Предполагаемое место села Васильевского на Рогоже, принадлежавшего в начале XVв. боярам Добрынским.
115. Поселение близ Калитниковского кладбища. Предполагаемое место села Калитникова, в районе которого в1475г. под руководством Аристотеля Фиорованти была сложена печь для обжига кирпича.
116. Селище в районе быв. д. Дубровки.
117. Клад, найденный в1952г. на ул.Марксистской.Содержал монеты Ивана IV.
118. Клад, найденный в1935г. в Дубровском проезде, д. 22. Содержал монеты Василия II и Ивана III.
119. Некрополь у церкви Успения Крутицкого подворья. Исследованы белокаменные надгробия второй половины XV-начала XVIвв., одно из которых датировано1498г.
120. Монастырь Успения Богородицы на Крутице. Культурный слой и архитектур-

но-археологические объекты. Первое упоминание - в духовной грамоте вел. кн. Ивана Красного (1356-1359гг.).
121. Новоспасский монастырь. Культурный слой и архитектурно-археологические объекты. Известен как монастырь "Спас Новый", перенесенный из Кремля в 1489г.
122. Некрополь Новоспасского монастыря.
123. Симонов монастырь. Археологические исследования велись в ограниченных объемах. В 1379г. Федором Симоновским здесь была заложена церковь Успения, освященная через 26 лет, в 1405г.
124. Монастырь на Старом Симонове. Археологические исследования велись в ограниченных объемах. Возник в1370-е гг.
125. Свято-Данилов монастырь. Археологически исследован храм середины XVIв. Выявлены керамические материалы, датируемые первой третью XIVв. Монастырь основан ок. 1298-1299гг. и существовал до 1330г., когда был переведен в Кремль. Возобновлен на рубеже 1550-1560-х гг.
126. Некрополь конца XIV-XVвв., исследованный близ церкви Отцов Семи Вселенских соборов Данилова монастыря.
127. Поселение в районе церкви Воскресения Словущего. Археологически исследован культурный слой XIV-XVвв. Идентифицируется с "Даниловским", упоминаемым в "Записи о душегубстве" второй четверти XVв.
128. Некрополь в районе церкви Воскресения Словущего. Исследован археологически. Вторая половина XVIв.
129. Поселение на месте сельца Колычева. Село упоминается в духовной грамоте кн. Юрия Васильевича Дмитровского 1472г. : "а что есмь селце вымѣнил у Олексѣя у Обобурова, Григорьевское Колычева, противу Семчинского селца,а то г(оспод)ну же моему великому кн(я)зю".
130. Поселение на месте села Хвостовского. Село упоминается в 1389г.
131. Поселение на месте слободы Наливки (у церкви Спаса в Наливках). XVIв.
132. Некрополь в районе ул. Мытной близ Конской площадки. Кладбище иноземцев слободы Наливки. Исследованы белокаменные надгробия, в том числе надгробие Каспара фон Эльферфельдта 1562г.
132а. Клад, найденный в 1952г. на Б.Калужской ул. (Ленинский проспект), д.6. Содержал монеты Ивана IV, Федора Иоанновича и Бориса Годунова. Датируется 1602г.
133. Клад, найденный в 1912г. на Самотечной улице. Содержал монеты московской и псковской (после1510г.) чеканки.
134. Грунтовый могильник у церкви Николы "на Щепах". Исследованы белокаменные надгробия с трехгранновыемчатым орнаментом XVI в.
135. Селище в Нескучном саду. XIV-XVвв.
136. Селище в быв. д. Подушкино.
137. Селище в быв. д. Юрлова.
138. Селище в быв. д. Сабурово.
139. Селище в быв. д. Козьева.
140. Селище в быв. д. Райева.
141. Селище в быв. д. Вашутина.
142. Селище в быв. д. Филино.
143. Грунтовый могильник у церкви Покрова Богородицы в с. Медведкове.
144. Селище в с. Медведкове.
145. Грунтовый могильник у Троицкой церкви быв. с. Свиблова.
146. Селище в быв. с. Свиблове. Упоминается в духовной грамоте вел. кн. Василия I 1423г. как " Федоровское Свиблово на Яоузе с мельницею" в числе сел великого князя. Видимо, получило название по имени своего первоначального владельца-Федора Свибла-боярина вел. кн. Дмитрия Ивановича.
147. Селище на месте д. Ерденевой.
148. Грунтовый могильник у церкви Ризположения с. Леонова.
149. Селище в быв. с. Леоново.
150. Грунтовый могильник у Троицкой церкви с. Останкино.
151. Селище у Останкинского дворца. Выявлен культурный слой XV века. Село Останкино. Первое упоминание 1558г.
152. Грунтовый могильник у церкви быв. с. Ростокина.
153. Селище в быв. с. Ростокино. Левобережное. "Село Ростокинское на Яузе" в 1447г. было передано Михаилом Борисовичем Плещеевым Троице-Сергиеву монастырю.
154. Селище в быв. с. Ростокино. Правобережное.
155. Грунтовый могильник у церкви Тихвинской Богоматери (первоначальная церковь - Алексея Божьего человека) быв. с. Алексеевского. Путевой дворец царя Алексея Михайловича.
156. Селище в быв. с. Алексеевском. Первоначальное название села Копытово.
157. Селище в быв. д. Марьина.
158. Селище у типографии "Петит" на территории Яузского лесничества. XVI-XVIIвв.
159. Грунтовый могильник у церкви быв. с. Богородского.
160. Селище в быв. с. Богородском. На территории парка прослежен культурный слой XIV-XVвв. Село Богородское упоминается в духовной грамоте вдовы кн. Владимира Андреевича Серпуховского Елены Ольгердовны (инокини Евпраксии) 1433-1437гг.
161. Селище в быв. с. Преображенском.
162. Грунтовый могильник у церкви Ильи Пророка в с. Черкизово.
163. Селище в быв. с. Черкизове. По духовной грамоте митрополита Алексея "Село Серкизовское" было передано Московскому Чудову монастырю. Название села связывают с воеводой вел. кн. Дмитрия Ивановича Донского Александром Серкизом.
164. Клад монет Ивана IV и Федора Иоанновича, найденный у с. Черкизова.
165. Селище в быв. д. Раево-Мещерское.
166. Селище в быв. д. Малые Мытищи.
167. Селище Лосиный остров-1. На правом берегу р. Лось в кв.8 Лосиноостровского лесничества.
168. Селище Лосиный остров-2. На левом берегу р. Ички. Выявлен культурный слой XIV-XVвв.
169. Селище Лосиный остров-3. На верховье р. Лось, в кв.14 Лосиноостровского лесничества. Выявлен культурный слой XVI-XVIIвв. и возможно более ранний.
170. Селище в быв. д. Черницына.
171. Селище в быв. д. Гольяново.
172. Грунтовый могильник у церкви Измайловской слободы.
173. Селище в быв. Измайловской слободе.
174. Дворцовая усадьба Измайлово (Измайловский остров).
175. Селище в Измайловском парке-1. Д. Косино.
176. Селище в Измайловском парке-2. Д. Липитино.
177. Селище в Измайловском парке-3. Д. Харыгозино.
178. Селище в Измайловском парке-4. Д. Строкина.
179. Селище в Измайловском парке-5. Д. Федоровская.
180. Грунтовый могильник у церкви в быв. с. Ивановском.
181. Селище в быв. с. Ивановском.
182. Селище в быв. д. Пекуново.
183. Грунтовый могильник у церкви в быв. сельце Гиреево.
184. Селище в быв. сельце Гиреево.
185. Грунтовый могильник у церкви Знамения в быв. с. Перово.
186. Селище в быв. с. Перово.
187. Селище в быв. д. Тетерки.
188. Грунтовый могильник у церкви Спаса Нерукотворного усадьбы Кусково.
189. Селище на территории усадьбы Кусково. Село Кусково.
190. Селище в быв. с. Владычино.
191. Грунтовый могильник у церкви Успения Богородицы быв. с. Вешнякова.
192. Селище в быв. с. Вешнякове. Село Вешняково-Спасское.
193. Селище в быв. д. Хохловка.
194. Селище в быв. с. Карачарове. Село Карачарово - вотчина Андрониева монастыря.
195. Селище в быв. д. Граворонове. Культурный слой выявлен на краю первой террасы р. Граворонки. Село Граворонове на Перерве на Коломенке упоминается в 1543г.в составе вотчины Симонова монастыря. Вероятно здесь следует помещать "село на Коломенках", где в 1408г., по рассказу Рогожского летописца, размещались осаждавшие Москву войска Едигея. В духовной грамоте Ивана Калиты 1336г. упоминаются "два селе Коломенскии", которые были переданы кнг. Ульяне. Вероятно одно из них следует идентифицировать с Граворонобым.
196. Селище в быв. д. Вязовка.
197. Клад, найденный в 1949г. в районе пл. Текстильщики. Содержал монеты Ивана III, Василия III, Великого Новгорода и Пскова (до 1533г.).
198. Селище в быв. д. Кожухова.
199. Селище на месте быв. д. Садки при слиянии речек Коломенок.
200. Селище на месте пустоши Гавшиной при слиянии речек Коломенок.
201. Клад 1895г., найденный близ Чесменского пруда. Монеты XV-XVIвв.
202. Селище в быв. сельце Люблино.
203. Селище в быв. д. Юркино.
204. Грунтовый могильник у церкви Влахернской Богоматери усадьбы Кузьминки.
205. Селище в усадьбе Кузьминки. Археологически выявлен культурный слой XVI-XVIIвв. Село Кузьминки-вотчина Симонова монастыря.
205а. 2-е Кузьминское селище. Археологически выявлен культурный слой XV-XVIвв.
206. Селище в быв. д. Анино.
207. Селище в быв. д. Выхино.
208. Грунтовый могильник у Успенской деревянной церкви с. Косино. Выявлено белокаменное надгробие с трехгранновыемчатым орнаментом со следами надписи, которое может быть датировано XVIв.
209. Селище в с. Косино. Село Косино упоминается в духовной грамоте кн. Владимира Андреевича Серпуховского 1401-1406гг.
210. Клад, обнаруженный в 1912г. на территории кладбища с. Косино. Содержал монеты Василия I, кн. Петра Дмитриевича Дмитровского (1389-1428гг.), кн. Андрея Дмитриевича Можайского (1389-1432гг.), кн. Владимира Андреевича Серпуховского (1359-1410гг.).
211. Селище в быв. д. Крутицы.
212. Селище в д. Кожухово.
213. Селище в д. Руднево.
214. Селище в быв. д. Печатниково.
215. Перервинский монастырь.
216. Селище в быв. Печатниковой слободе.
217. Селище в быв. д. Батюнина.
218. Селище в быв. д. Марьина.
219. Селище в быв. д. Чагина.
220. Грунтовый могильник у церкви Рождества Богородицы с. Капотни. На территории городища Капотня (железного века) выявлено два валунных надгробия XV-XVIвв., а восточнее него, близ места, где до середины XIXв. располагалась церковь Рождества Богородицы, белокаменное плиточное надгробие первой половины XVIIв.
221. Селище в с. Капотне. На территории кладбища археологически зафиксирован культурный слой второй половины XV-XVIвв. Селище идентифицируется с поселением "Село Копотеньское", упоминаемым в духовной грамоте вел. кн. Ивана Калиты 1336г. в числе великокняжеских сел.
222. Грунтовый могильник у быв. церкви Николы, на территории автобазы, на р. Котловке.
223. Селище у быв. церкви Николы, на территории автобазы на р. Котловке. Идентифицируется с село Никольским на Котле, принадлежавшим в1543г. Симонову монастырю.
224. Селище в быв. д. Новинки.
225. Селище в быв. с. Ногатине. Село " Ногатиньское" упоминается в духовной грамоте вел. кн. Ивана Калиты 1336г. в числе великокняжеских сел.
226. Грунтовый могильник на территории дворцовой усадьбы Коломенское. Исследован широкой площадью. Выявлены белокаменные надгробия с трехгранновыемчатым орнаментом XIV-XVIвв.
227. Селище к востоку от церкви Вознесения в Коломенском. Под слоем строительства церкви Вознесения (1533г.) исследована постройка, датируемая второй половиной XVв. Идентифицируется с нагорной частью "села Коломеньского", упоминаемого в духовной грамоте Ивана Калиты 1336г. в числе великокняжеских сел. Селище синхронно грунтовому могильнику (№ 226) и отражает планировку, существовавшую до XVIв.
228. Селище в быв. с. Коломенском. В ходе площадных сборов подъемного материала установлено, что поселение существовало на протяжении второй половины XIII-XVIвв. Идентифицируется с подольной частью "села Коломениньского", упоминаемого в духовной грамоте Ивана Калиты 1336г. в числе великокняжеских сел.
229. Грунтовый могильник близ храма села Дьякова.
230. Селище в быв. с. Дьякове. Исследовано археологически. Идентифицируется с селом Дьяковским, упоминаемым в духовной грамоте кн. Владимира Андреевича Серпуховского 1401-1406гг.
231. Селище в быв. д. Котляково.
232. Селище в быв. д. Беляева.
233 Селище в быв. д. Шадрова.
234. Селище в быв. д. Сабурова.
235. Селище в районе Шипиловской плотины.
236. Грунтовый могильник у церкви быв. с.Покровского на р. Сухой Городенке.
237. Селище в быв. с. Покровском на р. Сухой Городенке.
238. Грунтовый могильник у церкви Троицы усадьбы Царицыно.
239. Селище на месте с. Царицына (с. Черная грязь). Идентифицируется с селом Богородским, известным с конца XVI в. как вотчина царицы Ирины, сестры Бориса Годунова.
240. Селище Орехово -1 в быв. д. Орехово.
241. Селище Орехово -2.
242. Селище Орехово -7.
243. Селище Орехово -8.
244. Селище Орехово -9.
245. Селище Орехово -10.
246. Селище Орехово -11.
247. Грунтовый могильник при церкви в быв. с. Борисово.
248. Селище в быв. с. Борисово.
249. Грунтовый могильник в быв. сельце Братеево. Исследованы белокаменные надгробия с жгутовым орнаментом XVIIв.
250. Селище в быв. сельце Братеево.
251. Селище в быв. д. Зябликово.
252. Селище в быв. д. Шипилова.
253. Грунтовый могильник на Кунцевском городище. Исследован раскопками, которые выявили погребения, совершенные по христианскому обряду. Нательные кресты и монеты московского и тверского чеканов, встреченные в погребениях, позволяют датировать могильник XVв.
254. Селище Кунцево-1. Судя по керамическому материалу, собранному на памятнике, датируется XIII-XVвв. Представляет собой поселение, некрополем которого являлся могильник, расположенный на Кунцевском городище.
255. Селище в быв. д. Мазилово.
256. Грунтовый могильник у церкви Николая Чудотворца с. Троекурова.
257. Селище в быв. с. Троекурове.
258. Селище в быв. с. Сетунь.
259. Грунтовый могильник у церкви быв. с. Спасское.
260. Селище в быв. с. Спасское.
261. Грунтовый могильник у церкви Дмитрия Ростовского быв. с. Очакова.
262. Селище в быв. с. Очакове.
263. Селище в быв. д. Аминьево. Селище выявлено при впадении в р. Сетунь р. Вершки. Культурный слой датируется XIV-XVIвв. Название деревни исследователи связывают с Иваном Амином из рода Каменских-Курицыных (Акинфовичи).
264. Грунтовый могильник у церкви усадьбы Волынское.
265. Селище на территории усадьбы Волынское. Идентифицируется с с. Волынским, принадлежавшим в XVIIв. Ирине Никитичне Годуновой, тетке царя Михаила Федоровича.
266. Селище в быв. д. Давыдково.
267. Селище в быв. д. Воронина на р. Очаковке.
268. Грунтовый могильник у церкви быв. с. Богородицкого.
269. Селище в быв. с. Богородицком.
270. Грунтовый могильник у церкви Михаила Архангела быв. с.Тропарева. Возможно, с этим местом можно связать летописное известие за 1393г.: "преставися Иван Михаловичь нарицаемый Тропарь в бельцех и положен в своем монастыри на селе своем".
271. Селище в быв. с. Тропарево.
272. Селище в быв. д. Никулино.
273. Селище в с. Никольском Селятине. Сельцо Никольское Селятино основано митрополитом Феогностом (1328-1353гг.).
274. Селище в быв. д. Раменки.
275. Селище в быв. с. Матвеевское.
276. Селище Каменная плотина-1. Расположено на останце, на левом берегу р. Раменки при впадении ее в р. Сетунь. Выявлена керамика XVв. Идентифицируется с Загородным двором митрополита Киприана "на Стрелице", "на Старом Голенищеве" с церковью трех Святителей. Здесь в 1406г. скончался митрополит Киприан.
277. Грунтовый могильник на территории селища Каменная плотина-1. Не исследованное археологически кладбище при церкви трех Святителей (см.№ 276).
278. Селище Каменная Плотина-2 (на месте д. Каменная плотина).
279. Грунтовый могильник у церкви Троицы с. Голенищева (Новое Голенищево). Зафиксированы погребения. В 1474г. митрополит Геронтий построил (на месте сада митрополита Алексея) церковь Иоанна Богослова. В 1627г. упоминается церковь Троицы (сменившая церковь Иоанна Богослова) и существующая в постройке 1643г. до наших дней.
280. Селище в быв. с. Троицком-Голенищеве. Выявлен культурный слой XV-XVIвв.
281. Следы мельницы на устье Сетуни. Упоминается в данной грамоте Петра Константиновича Добрынского 1454г. на монастырь Святого Саввы, переданной митрополиту Ионе.
282. Грунтовый могильник у церкви Троицы в быв. с. Воробьеве.
283. Селище в быв. с. Воробьеве. "Село Поповское Воробiево, н съ Семеновьским, н с деревнями, н съ всѣмъ своим прикупомъ" упоминается в духовной грамоте вел. кнг. Софьи Витовтовны 1451г.
284. Грунтовый могильник у быв. церкви быв. с. Троицкого (Андреевского).
285. Селище в быв. с. Троицком (Андреевском) на ул. Шверника.
286. Грунтовый могильник в быв. с. Семеновском.
287. Селище в быв. сельце Семеновском (в районе ул. Вавилова). В духовной грамоте вел. кнг. Софьи Витовтовны 1451г. Семеновское упоминается в составе земель, приобретенных великой княгиней: "Село Поповское Воробiево, н съ Семеновьским, н с деревнями, н съ всѣмъ своим прикупомъ".
288. Грунтовый могильник у церкви Троицы в быв. с. Воронцово.
289. Селище в быв. с. Воронцово (в районе Воронцовского парка).
290. Селище на месте быв. д. Беляево.
291. Грунтовый могильник у церкви Троицы быв. с. Конькова.
292. Селище в быв. с. Коньково.
293. Селище в быв. д. Деревлево.
294. Клад монет Василия I, найденный в 1939г. в районе д. Деревлево.
295. 2-е Теплостанское селище. Археологически выявлен культурный слой XIV-XVIвв.
295а. 3-е Теплостанское селище в быв. д. Теплые Станы.
296. Селище Голубинское-1 (к северо-западу от быв. д. Б. Голубино). Выявлен культурный слой XIV-XVIвв.
297. Селище в быв. д. Малое Голубино.
298. Селище в быв. д. Большое Голубино.
299. Грунтовый могильник у церкви Петра и Павла в быв. с. Ясенево.
300. Селище в быв. с.Ясенево. "Село "Ясиновьское" упоминается впервые в духовной грамоте вел. кн. Ивана Калиты 1336г. среди великокняжеских сел.
301. Грунтовый могильник у церкви Анны в усадьбе Узкое.
302. Селище в быв. сельце Узкое.
303. Селище на месте быв. д. Петровской.
304. Грунтовый могильник у церкви Троицы в быв. сельце Черемушки.
305. Селище в быв. сельце Черемушки.
306. Селище в быв. д. Шаболова.
307. Селище в быв. д. Новоселки.
308. Грунтовый могильник у церкви Бориса и Глеба в быв. с. Зюзино.
309. Селище в быв. с. Зюзино (Борисовском). При реставрационных работах в районе церкви Бориса и Глеба зафиксирован культурный слой XVв. Село Зюзино в конце XVв. принадлежало боярину Андрею Зюзе Шетневу.
310. Селище на месте быв. д. Марково.
311. Селище в быв. сельце Красное.
312. Селище в быв. д. Бирюлево.
313. Волоцкая дорога.
314. Тверская дорога.
315. Дмитровская дорога.
316. Переяславская(Троицкая) дорога.
317. Переяславская (Стромынская) дорога.
318. Переяславская (Хомутовская) дорога.
319 Владимирская дорога.
320. Коломенская (Болвановская) дорога.
321. Коломенская (Брашевская) дорога через Николо-Угрешский монастырь.
322. Ордынская Коломенская дорога (на Котёл).
323. Боровская дорога.
324. Можайская дорога.

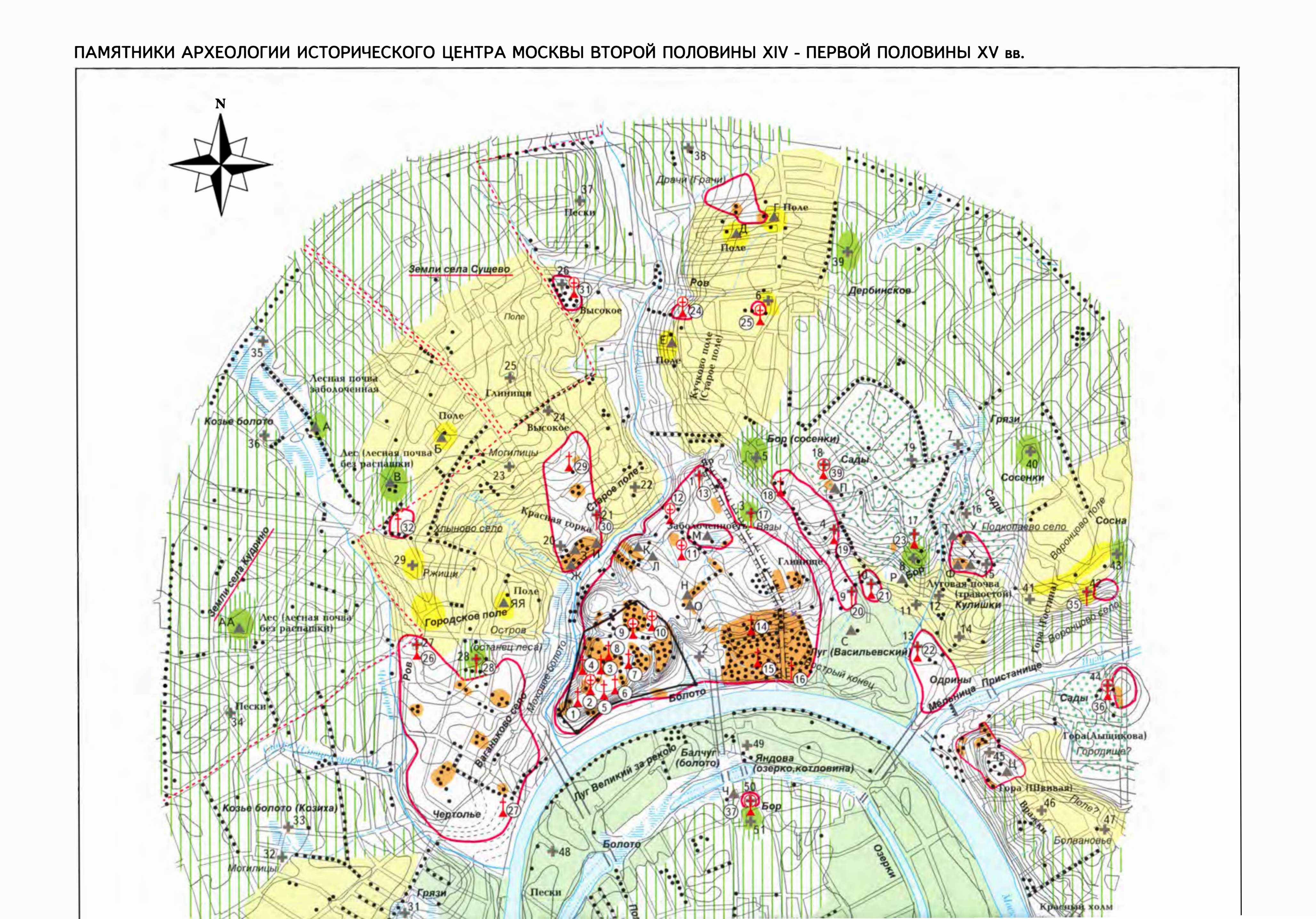
ПРИМЕЧАНИЕ. Список включает памятники археологии, исследованные археологически (они показаны на карте красным цветом), а также зоны археологического исследования в границах застройки XVIIв. (показаны на карте серым цветом).

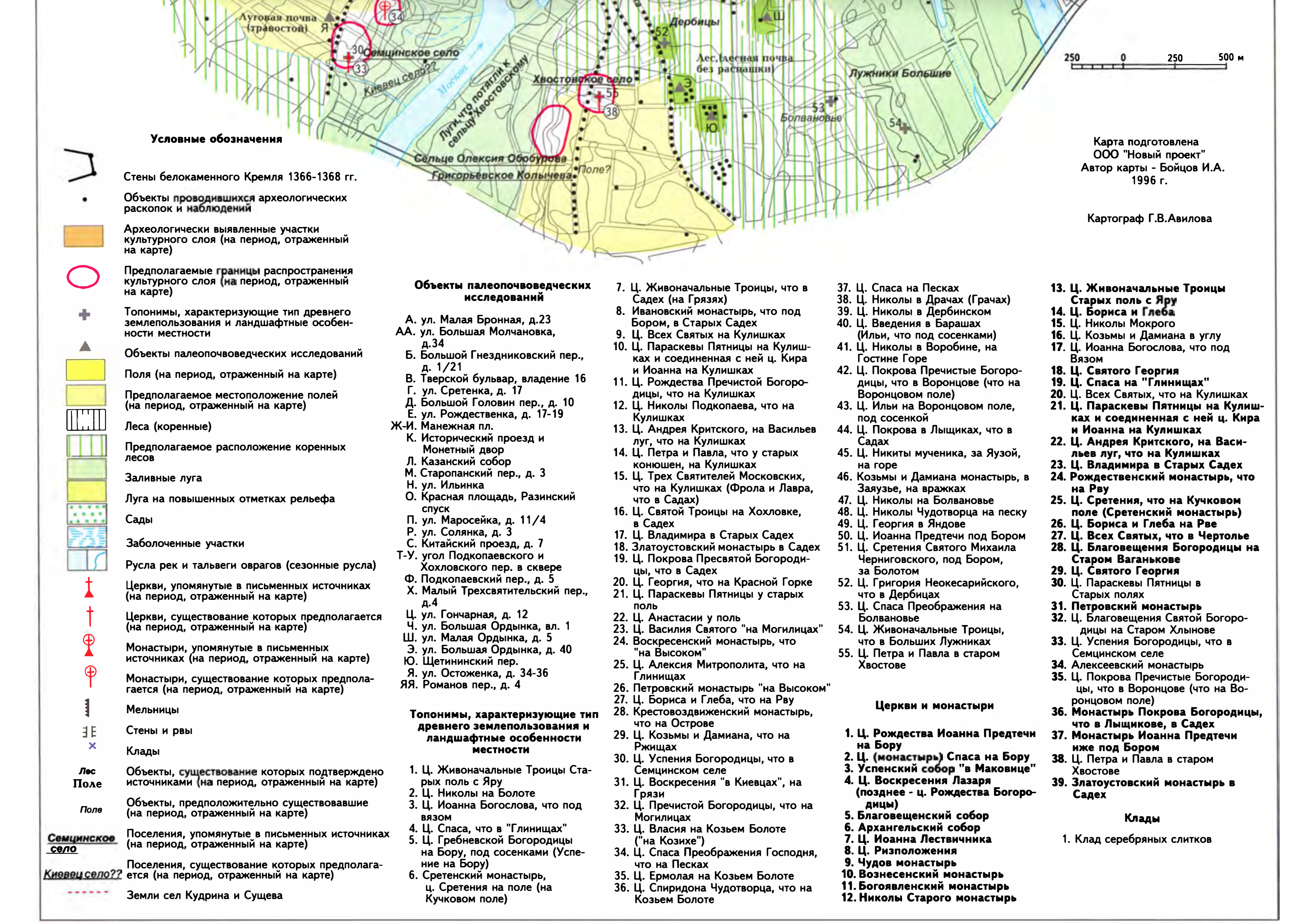
ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА МОСКВЫ XIII- ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIV вв.

Семчинское село
Киевец село ??
Москва
Луги, что потягли к сельцу Хвостовскому
Хвостовское село
Поле ?
Дербицы
Лужники Большие
Болвановье
250 0 250 500м
Карты подготовлена
ООО "Новый проект"
Автор карты - Бойцов И.А.
1996 г.
Картограф Г.В.Авилова
Условные обозначения
Стены Кремля 1339-1340 гг.
Объекты проводившихся археологических раскопок и наблюдений
Археологически выявленные участки культурного слоя (на период, отраженный на карте)
Предполагаемые границы распространения культурного слоя (на период, отраженный на карте)
Топонимы, характеризующие тип древнего землепользования и ландшафтные особенности местности
Объекты палеопочвоведческих исследований
Поля (на период, отраженный на карте)
Предполагаемое местоположение полей (на период, отраженный на карте)
Леса (коренные)
Предполагаемое распространение коренных лесов
Заливные луга
Луга на повышенных отметках рельефа
Заболоченные участки
Русла рек и тальвеги оврагов (сезонные русла)
Церкви, упомянутые в письменных источниках (на период, отраженный на карте)
Церкви, существование которых предполагается (на период, отраженный на карте)
Монастыри, упомянутые в письменных источниках (на период, отраженный на карте)
Монастыри, существование которых предполагается (на период, отраженный на карте)
Лес Пески — Объекты, существование которых подтверждено источниками (на период, отраженный на карте)
Поле — Объекты, предположительно существовавшие (на период, отраженный на карте)
Семчинское село — Поселения, упомянутые в письменных источниках (на период, отраженный на карте)
Киевец село ?? — Поселения, существование которых предполагается (на период, отраженный на карте)
Объекты палеопочвоведческих исследований
А. ул. Малая Бронная, д. 23
АА. ул. Большая Молчановка, д. 34
Б. Большой Гнездниковский пер., д. 1/21
В. Тверской бульвар, владение 16
Г. ул. Сретенка, д. 17
Д. Большой Головин пер., д. 10
Е. ул. Рождественка, д. 17-19
Ж-И. Манежная пл.
К. Исторический проезд и Монетный двор
Л. Казанский собор
М. Старопанский пер., д. 3
Н. ул. Ильинка
О. Красная площадь, Разинский спуск
П. ул. Маросейка, д. 11/4
Р. ул. Солянка, д. 3
С. Китайский проезд, д. 7
Т-У. Угол Подкопаевского и Хохловского пер. в сквере
Ф. Подкопаевский пер., д. 5
Х. Малый Трехсвятительский пер., д.4
Ц. ул. Гончарная, д. 12
Ч. ул. Большая Ордынка, вл. 1
Ш. ул. Малая Ордынка, д. 5
Э. ул. Большая Ордынка, д. 40
Ю. Щетининский пер.
Я. ул. Остоженка, д. 34-36
ЯЯ. Романов пер., д. 4
Топонимы, характеризующие тип древнего землепользования и ландшафтные особенности местности
1. Ц. Живоначальные Троицы старых поль с яру
2. Ц. Николы на Болоте
3. Ц. Иоанна Богослова, что под вязом
4. Ц. Спаса, что в "Глинищах"
5. Ц. Гребневской Богородицы на Бору, под сосенками (Успение на Бору)
6. Сретенский монастырь, ц. Сретения на поле (на Кучковом поле)
7. Ц. Живоначальные Троицы, что в Садех (на Грязях)
8. Ивановский монастырь, что под Бором, в Старых Садех
9. Ц. Всех Святых на Кулишках
10. Ц. Параскевы Пятницы на Кулишках и соединенная с ней ц. Кира и Иоанна на Кулишках
11. Ц. Рождества Пречистой Богородицы, что на Кулишках
12. Ц. Николы Подкопаева, что на Кулишках
13. Ц. Андрея Критского, на Васильев луг, что на Кулишках
14. Ц. Петра и Павла, что у старых конюшен, на Кулишках
15. Ц. Трех Святителей Московских, что на Кулишках (Фрола и Лавра, что в Садех)
16. Ц. Георгия, что на Красной Горке
17. Ц. Параскевы Пятницы у старых поль
18. Ц. Анастасии у поль
19. Ц. Василия Святого "на Могилицах"
20. Воскресенский монастырь, что "на Высоком"
21. Ц. Алексея Митрополита, что на Глинищах
22. Петровский монастырь "на Высоком"
23. Ц. Бориса и Глеба, что на Рву
24. Крестовоздвиженский монастырь, что на Острове
25. Ц. Успения Богородицы, что в Семчинском селе
26. Ц. Воскресения "в Киевцах", на Грязи
27. Ц. Пречистой Богородицы, что на Могилицах
28. Ц. Власия на Козьем Болоте ("на Козихе")
29. Ц. Спаса Преображения Господня, что на Песках
30. Ц. Ермолая на Козьем Болоте
31. Ц. Спиридона Чудотворца, что на Козьем Болоте
32. Ц. Спаса на Песках
33. Ц. Николы в Драчах (Грачах)
34. Ц. Николы в Дербинском
35. Ц. Введения в Барашах (Ильи, что под сосенками)
36. Ц. Николы в Воробине, на Гостине Горе
37. Ц. Покрова Пречистые Богородицы, что в Воронцове (что на Воронцовом поле)
38. Ц. Ильи на Воронцовом поле, под сосенкой
39. Ц. Покрова в Лыщиках, что в Садах
40. Ц. Никиты мученика, за Яузой, на горе
41. Козьмы и Дамиана монастырь, в Заузье, на вражках
42. Ц. Николы на Болвановье
43. Ц. Николы Чудотворца на песку
44. Ц. Георгия в Яндове
45. Ц. Иоанна Предтечи под Бором
46. Ц. Сретения Святого Михаила Черниговского, под Бором, за Болотом
47. Ц. Григория Неокесарийского, что в Дербицах
48. Ц. Спаса Преображения на Болвановье
49. Ц. Живоначальные Троицы, что в Больших Лужниках
Церкви и монастыри
1. Ц. Рождества Иоанна Предтечи на Бору
2. Ц. (монастырь) Спаса на Бору
3. Успенский собор "в Маковице"
4. Благовещенский собор
5. Архангельский собор
6. Ц. Иоанна Лествичника
7. Чудов монастырь
8. Богоявленский монастырь
9. Николы "Старого" монастырь
10. Ц. Николы "Мокрого"
11. Ц. Всех Святых, что в Чертолье
12. Ц. Успения Богородицы, что в Семчинском селе
13. Алексеевский монастырь
14. Ц. Петра и Павла, что в Старом Хвостове
15. Петровский монастырь "на Высоком"

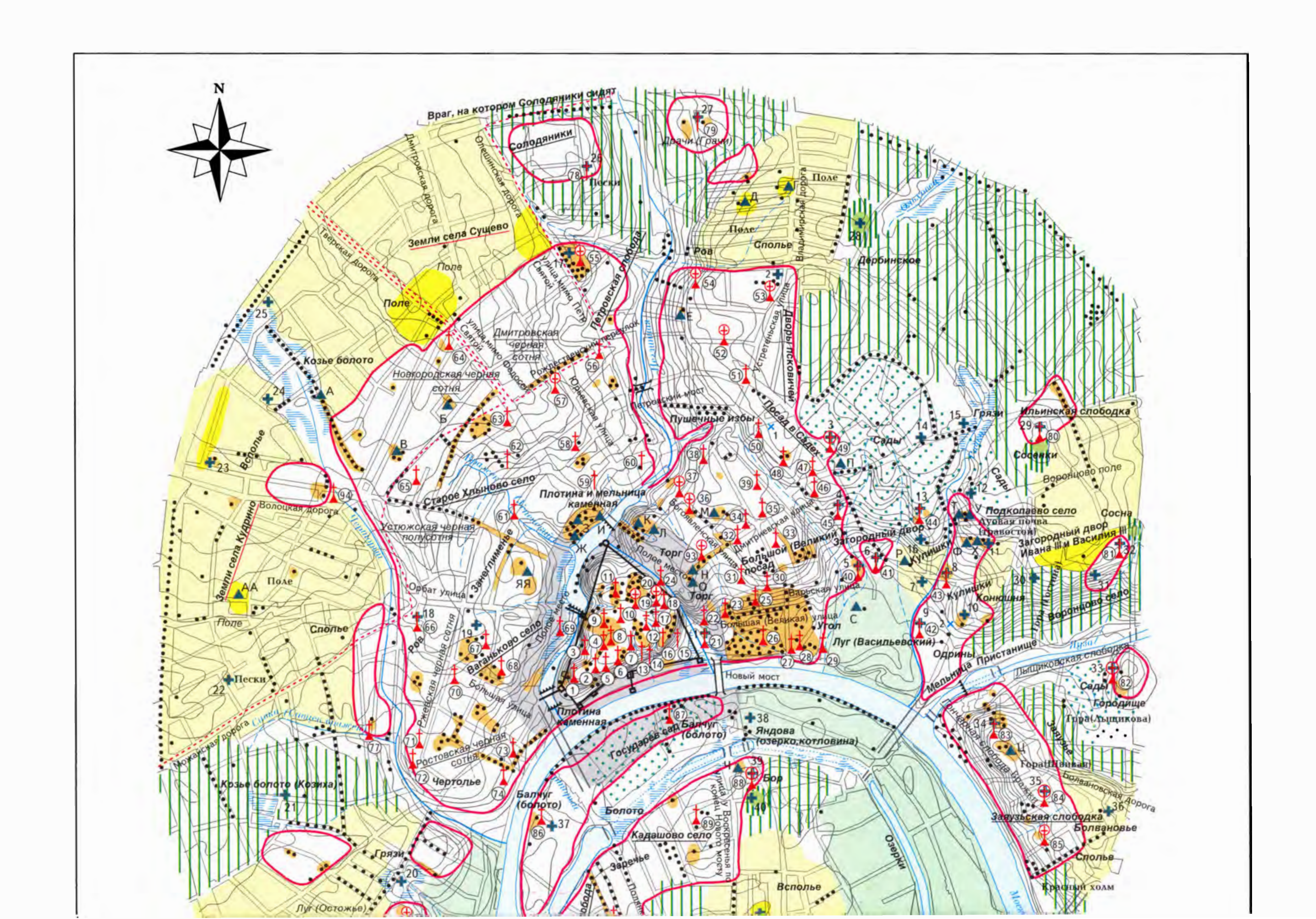
ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА МОСКВЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV вв.

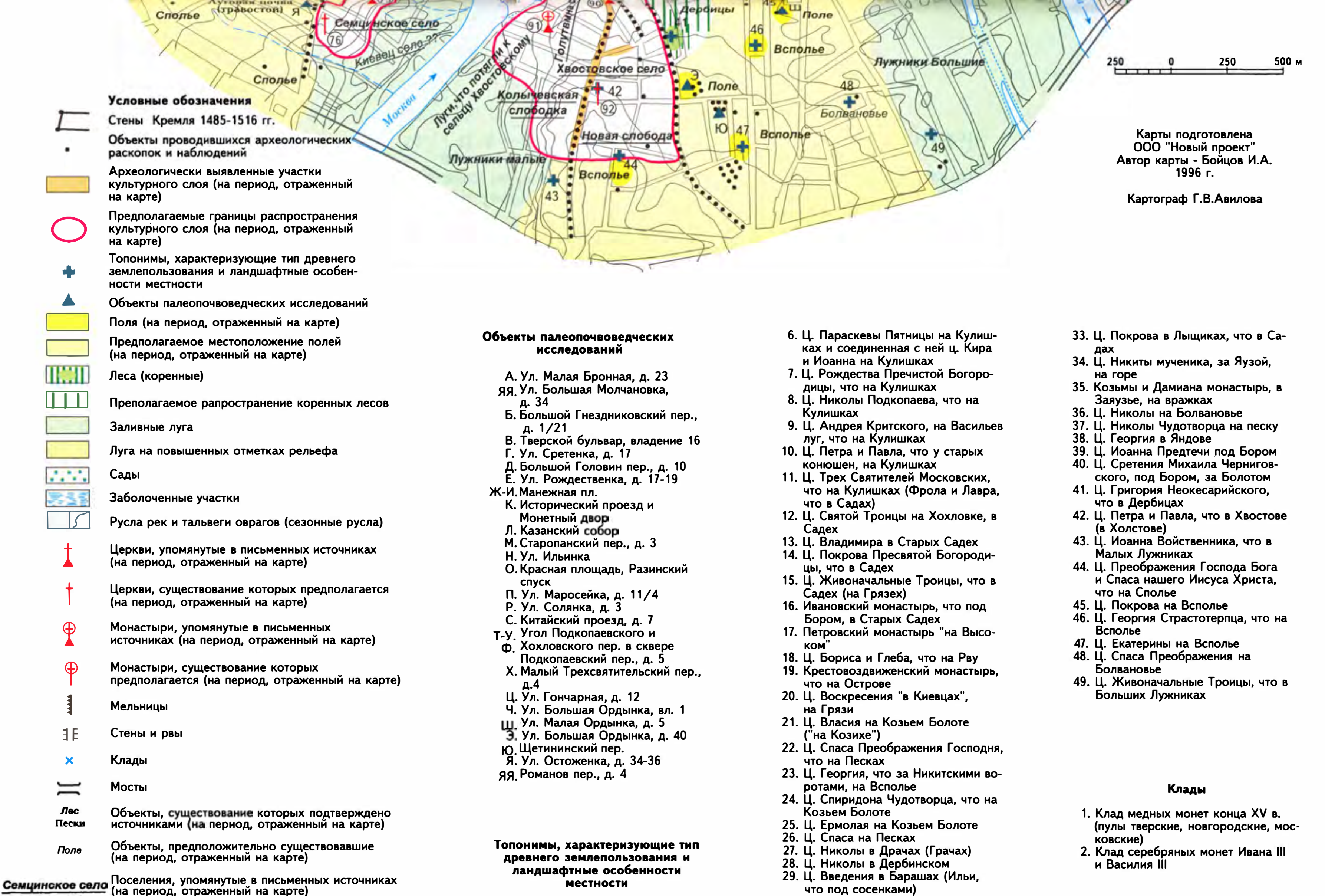

Луговая почва (травостой)
Я
34
30
Семцинское село
33
Киевец село??
Москва
Луги, что потягли к сельцу Хвостовскому
Хвостовское село
55
38
Дербицы
52
Ш
Лес.Лесная почва без распашки
Э
Ю
Лужники Большие
53
Болваново
54
Сельце Олексия Обобурова
Григорьевское Колычева
Поле?
250 0 250 500 м
Карта подготовлена
ООО "Новый проект"
Автор карты - Бойцов И.А.
1996 г.
Картограф Г.В.Авилова
Условные обозначения
Стены белокаменного Кремля 1366-1368 гг.
Объекты проводившихся археологических раскопок и наблюдений
Археологически выявленные участки культурного слоя (на период, отраженный на карте)
Предполагаемые границы распространения культурного слоя (на период, отраженный на карте)
Топонимы, характеризующие тип древнего землепользования и ландшафтные особенности местности
Объекты палеопочвоведческих исследований
Поля (на период, отраженный на карте)
Предполагаемое местоположение полей (на период, отраженный на карте)
Леса (коренные)
Предполагаемое расположение коренных лесов
Заливные луга
Луга на повышенных отметках рельефа
Сады
Заболоченные участки
Русла рек и тальвеги оврагов (сезонные русла)
Церкви, упомянутые в письменных источниках (на период, отраженный на карте)
Церкви, существование которых предполагается (на период, отраженный на карте)
Монастыри, упомянутые в письменных источниках (на период, отраженный на карте)
Монастыри, существование которых предполагается (на период, отраженный на карте)
Мельницы
Стены и рвы
Клады
Лес Поле
Объекты, существование которых подтверждено источниками (на период, отраженный на карте)
Поле
Объекты, предположительно существовавшие (на период, отраженный на карте)
Семцинское село
Поселения, упомянутые в письменных источниках (на период, отраженный на карте)
Киевец село??
Поселения, существование которых предполагается (на период, отраженный на карте)
Земли сел Кудрина и Сущева
Объекты палеопочвоведческих исследований
А. ул. Малая Бронная, д.23
АА. ул. Большая Молчановка, д.34
Б. Большой Гнездниковский пер., д. 1/21
В. Тверской бульвар, владение 16
Г. ул. Сретенка, д. 17
Д. Большой Головин пер., д. 10
Е. ул. Рождественка, д. 17-19
Ж-И. Манежная пл.
К. Исторический проезд и Монетный двор
Л. Казанский собор
М. Старопанский пер., д. 3
Н. ул. Ильинка
О. Красная площадь, Разинский спуск
П. ул. Маросейка, д. 11/4
Р. ул. Солянка, д. 3
С. Китайский проезд, д. 7
Т-У. угол Подкопаевского и Хохловского пер. в сквере
Ф. Подкопаевский пер., д. 5
Х. Малый Трехсвятительский пер., д.4
Ц. ул. Гончарная, д. 12
Ч. ул. Большая Ордынка, вл. 1
Ш. ул. Малая Ордынка, д. 5
Э. ул. Большая Ордынка, д. 40
Ю. Щетининский пер.
Я. ул. Остоженка, д. 34-36
ЯЯ. Романов пер., д. 4
Топонимы, характеризующие тип древнего землепользования и ландшафтные особенности местности
1. Ц. Живоначальные Троицы Старых полей с Яру
2. Ц. Николы на Болоте
3. Ц. Иоанна Богослова, что под вязом
4. Ц. Спаса, что в "Глинищах"
5. Ц. Гребневской Богородицы на Бору, под сосенками (Успение на Бору)
6. Сретенский монастырь, ц. Сретения на поле (на Кучковом поле)
7. Ц. Живоначальные Троицы, что в Садех (на Грязях)
8. Ивановский монастырь, что под Бором, в Старых Садех
9. Ц. Всех Святых на Кулишках
10. Ц. Параскевы Пятницы на Кулишках и соединенная с ней ц. Кира и Иоанна на Кулишках
11. Ц. Рождества Пресвятой Богородицы, что на Кулишках
12. Ц. Николы Подкопаева, что на Кулишках
13. Ц. Андрея Критского, на Васильев луг, что на Кулишках
14. Ц. Петра и Павла, что у старых конюшен, на Кулишках
15. Ц. Трех Святителей Московских, что на Кулишках (Фрола и Лавра, что в Садах)
16. Ц. Святой Троицы на Хохловке, в Садех
17. Ц. Владимира в Старых Садех
18. Златоустовский монастырь в Садех
19. Ц. Покрова Пресвятой Богородицы, что в Садех
20. Ц. Георгия, что на Красной Горке
21. Ц. Параскевы Пятницы у старых поль
22. Ц. Анастасии у поль
23. Ц. Василия Святого "на Могилицах"
24. Воскресенский монастырь, что "на Высоком"
25. Ц. Алексия Митрополита, что на Глинищах
26. Петровский монастырь "на Высоком"
27. Ц. Бориса и Глеба, что на Рву
28. Крестовоздвиженский монастырь, что на Острове
29. Ц. Козьмы и Дамиана, что на Ржищах
30. Ц. Успения Богородицы, что в Семцинском селе
31. Ц. Воскресения "в Киевцах", на Грязи
32. Ц. Пречистой Богородицы, что на Могилицах
33. Ц. Власия на Козьем Болоте ("на Козихе")
34. Ц. Спаса Преображения Господня, что на Песках
35. Ц. Ермолая на Козьем Болоте
36. Ц. Спиридона Чудотворца, что на Козьем Болоте
37. Ц. Спаса на Песках
38. Ц. Николы в Драчах (Грачах)
39. Ц. Николы в Дербинском
40. Ц. Введения в Барашах (Ильи, что под сосенками)
41. Ц. Николы в Воробине, на Гостине Горе
42. Ц. Покрова Пречистые Богородицы, что в Воронцове (что на Воронцовом поле)
43. Ц. Ильи на Воронцовом поле, под сосенкой
44. Ц. Покрова в Лыщиках, что в Садах
45. Ц. Никиты мученика, за Яузой, на горе
46. Козьмы и Дамиана монастырь, в Заузье, на вражжах
47. Ц. Николы на Болванове
48. Ц. Николы Чудотворца на песку
49. Ц. Георгия в Ендове
50. Ц. Иоанна Предтечи под Бором
51. Ц. Сретения Святого Михаила Черниговского, под Бором, за Болотом
52. Ц. Григория Неокесарийского, что в Дербицах
53. Ц. Спаса Преображения на Болванове
54. Ц. Живоначальные Троицы, что в Больших Лужниках
55. Ц. Петра и Павла в старом Хвостове
Церкви и монастыри
1. Ц. Рождества Иоанна Предтечи на Бору
2. Ц. (монастырь) Спаса на Бору
3. Успенский собор "в Маковице"
4. Ц. Воскресения Лазаря (позднее - ц. Рождества Богородицы)
5. Благовещенский собор
6. Архангельский собор
7. Ц. Иоанна Лествичника
8. Ц. Ризположения
9. Чудов монастырь
10. Вознесенский монастырь
11. Богоявленский монастырь
12. Николы Старого монастырь
13. Ц. Живоначальные Троицы Старых поль с Яру
14. Ц. Бориса и Глеба
15. Ц. Николы Мокрого
16. Ц. Козьмы и Дамиана в углу
17. Ц. Иоанна Богослова, что под Вязом
18. Ц. Святого Георгия
19. Ц. Спаса на "Глинищах"
20. Ц. Всех Святых, что на Кулишках
21. Ц. Параскевы Пятницы на Кулишках и соединенная с ней ц. Кира и Иоанна на Кулишках
22. Ц. Андрея Критского, на Васильев луг, что на Кулишках
23. Ц. Владимира в Старых Садех
24. Рождественский монастырь, что на Рву
25. Ц. Сретения, что на Кучковом поле (Сретенский монастырь)
26. Ц. Бориса и Глеба на Рве
27. Ц. Всех Святых, что в Чертолье
28. Ц. Благовещения Богородицы на Старом Ваганькове
29. Ц. Святого Георгия
30. Ц. Параскевы Пятницы в Старых полях
31. Петровский монастырь
32. Ц. Благовещения Святой Богородицы на Старом Хлынове
33. Ц. Успения Богородицы, что в Семцинском селе
34. Алексеевский монастырь
35. Ц. Покрова Пречистые Богородицы, что в Воронцове (что на Воронцовом поле)
36. Монастырь Покрова Богородицы, что в Лыщикове, в Садех
37. Монастырь Иоанна Предтечи иже под Бором
38. Ц. Петра и Павла в старом Хвостове
39. Златоустовский монастырь в Садех
Клады
1. Клад серебряных слитков

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА МОСКВЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI вв.

Карты подготовлена
ООО "Новый проект"
Автор карты - Бойцов И.А.
1996 г.

Картограф Г.В.Авилова

Условные обозначения

- Стены Кремля 1485-1516 гг.
- Объекты проводившихся археологических раскопок и наблюдений
- Археологически выявленные участки культурного слоя (на период, отраженный на карте)
- Предполагаемые границы распространения культурного слоя (на период, отраженный на карте)
- Топонимы, характеризующие тип древнего землепользования и ландшафтные особенности местности
- Объекты палеопочвоведческих исследований
- Поля (на период, отраженный на карте)
- Предполагаемое местоположение полей (на период, отраженный на карте)
- Леса (коренные)
- Преполагаемое рапространение коренных лесов
- Заливные луга
- Луга на повышенных отметках рельефа
- Сады
- Заболоченные участки
- Русла рек и тальвеги оврагов (сезонные русла)
- Церкви, упомянутые в письменных источниках (на период, отраженный на карте)
- Церкви, существование которых предполагается (на период, отраженный на карте)
- Монастыри, упомянутые в письменных источниках (на период, отраженный на карте)
- Монастыри, существование которых предполагается (на период, отраженный на карте)
- Мельницы
- Стены и рвы
- Клады
- Мосты
- Лес Пески — Объекты, существование которых подтверждено источниками (на период, отраженный на карте)
- Поле — Объекты, предположительно существовавшие (на период, отраженный на карте)
- Семчинское село — Поселения, упомянутые в письменных источниках (на период, отраженный на карте)
- Киевец село ?? — Поселения, существование которых предполагается (на период, отраженный на карте)
- Земли сел Кудрина и Сущева
- Территория вдоль стен Кремля, не застраивавшаяся после пожара 1493 г

Объекты палеопочвоведческих исследований

А. Ул. Малая Бронная, д. 23
ЯЯ. Ул. Большая Молчановка, д. 34
Б. Большой Гнездниковский пер., д. 1/21
В. Тверской бульвар, владение 16
Г. Ул. Сретенка, д. 17
Д. Большой Головин пер., д. 10
Е. Ул. Рождественка, д. 17-19
Ж-И. Манежная пл.
К. Исторический проезд и Монетный двор
Л. Казанский собор
М. Старопанский пер., д. 3
Н. Ул. Ильинка
О. Красная площадь, Разинский спуск
П. Ул. Маросейка, д. 11/4
Р. Ул. Солянка, д. 3
С. Китайский проезд, д. 7
Т-У. Угол Подкопаевского и
Ф. Хохловского пер. в сквере Подкопаевский пер., д. 5
Х. Малый Трехсвятительский пер., д.4
Ц. Ул. Гончарная, д. 12
Ч. Ул. Большая Ордынка, вл. 1
Ш. Ул. Малая Ордынка, д. 5
Э. Ул. Большая Ордынка, д. 40
Ю. Щетининский пер.
Я. Ул. Остоженка, д. 34-36
ЯЯ. Романов пер., д. 4

Топонимы, характеризующие тип древнего землепользования и ландшафтные особенности местности

1. Ц. Николы на Болоте
2. Сретенский монастырь, ц. Сретения на поле (на Кучковом поле)
3. Златоустовский монастырь в Садех
4. Ц. Спаса, что в "Глинищах"
5. Ц. Всех Святых на Кулишках
6. Ц. Параскевы Пятницы на Кулишках и соединенная с ней ц. Кира и Иоанна на Кулишках
7. Ц. Рождества Пречистой Богородицы, что на Кулишках
8. Ц. Николы Подкопаева, что на Кулишках
9. Ц. Андрея Критского, на Васильев луг, что на Кулишках
10. Ц. Петра и Павла, что у старых конюшен, на Кулишках
11. Ц. Трех Святителей Московских, что на Кулишках (Фрола и Лавра, что в Садах)
12. Ц. Святой Троицы на Хохловке, в Садех
13. Ц. Владимира в Старых Садех
14. Ц. Покрова Пресвятой Богородицы, что в Садех
15. Ц. Живоначальные Троицы, что в Садех (на Грязех)
16. Ивановский монастырь, что под Бором, в Старых Садех
17. Петровский монастырь "на Высоком"
18. Ц. Бориса и Глеба, что на Рву
19. Крестовоздвиженский монастырь, что на Острове
20. Ц. Воскресения "в Киевцах", на Грязи
21. Ц. Власия на Козьем Болоте ("на Козихе")
22. Ц. Спаса Преображения Господня, что на Песках
23. Ц. Георгия, что за Никитскими воротами, на Всполье
24. Ц. Спиридона Чудотворца, что на Козьем Болоте
25. Ц. Ермолая на Козьем Болоте
26. Ц. Спаса на Песках
27. Ц. Николы в Драчах (Грачах)
28. Ц. Николы в Дербинском
29. Ц. Введения в Барашах (Ильи, что под сосенками)
30. Ц. Николы в Воробине, на Гостине Горе
31. Ц. Покрова Пречистые Богородицы, что в Воронцове (что на Воронцовом поле)
32. Ц. Ильи на Воронцовом поле, под сосенкой
33. Ц. Покрова в Лыщиках, что в Садах
34. Ц. Никиты мученика, за Яузой, на горе
35. Козьмы и Дамиана монастырь, в Заузье, на вражках
36. Ц. Николы на Болвановье
37. Ц. Николы Чудотворца на песку
38. Ц. Георгия в Яндове
39. Ц. Иоанна Предтечи под Бором
40. Ц. Сретения Михаила Черниговского, под Бором, за Болотом
41. Ц. Григория Неокесарийского, что в Дербицах
42. Ц. Петра и Павла, что в Хвостове (в Холстове)
43. Ц. Иоанна Войственника, что в Малых Лужниках
44. Ц. Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, что на Сполье
45. Ц. Покрова на Всполье
46. Ц. Георгия Страстотерпца, что на Всполье
47. Ц. Екатерины на Всполье
48. Ц. Спаса Преображения на Болвановье
49. Ц. Живоначальные Троицы, что в Больших Лужниках

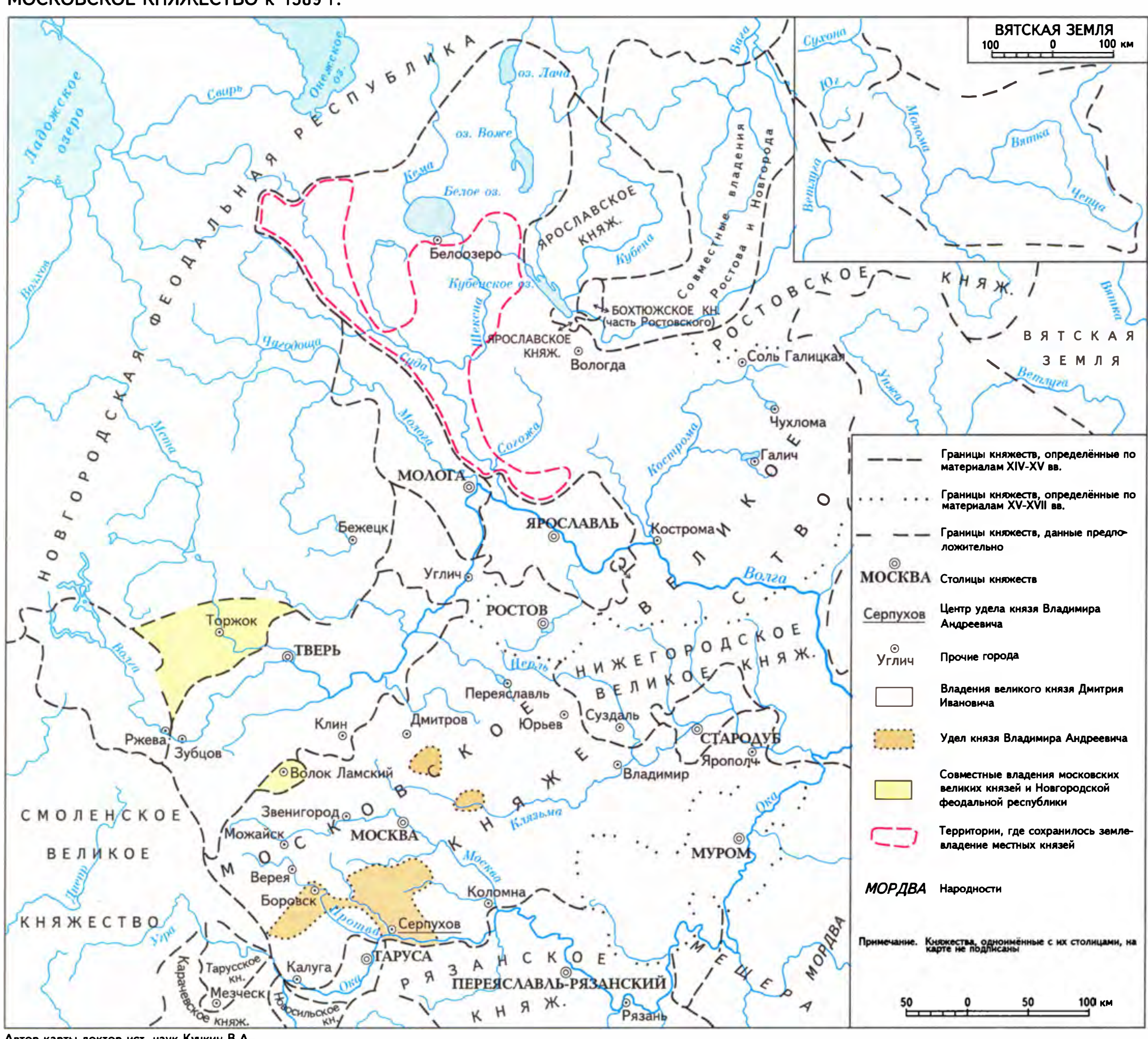
Клады

1. Клад медных монет конца XV в. (пулы тверские, новгородские, московские)
2. Клад серебряных монет Ивана III и Василия III

Церкви и монастыри

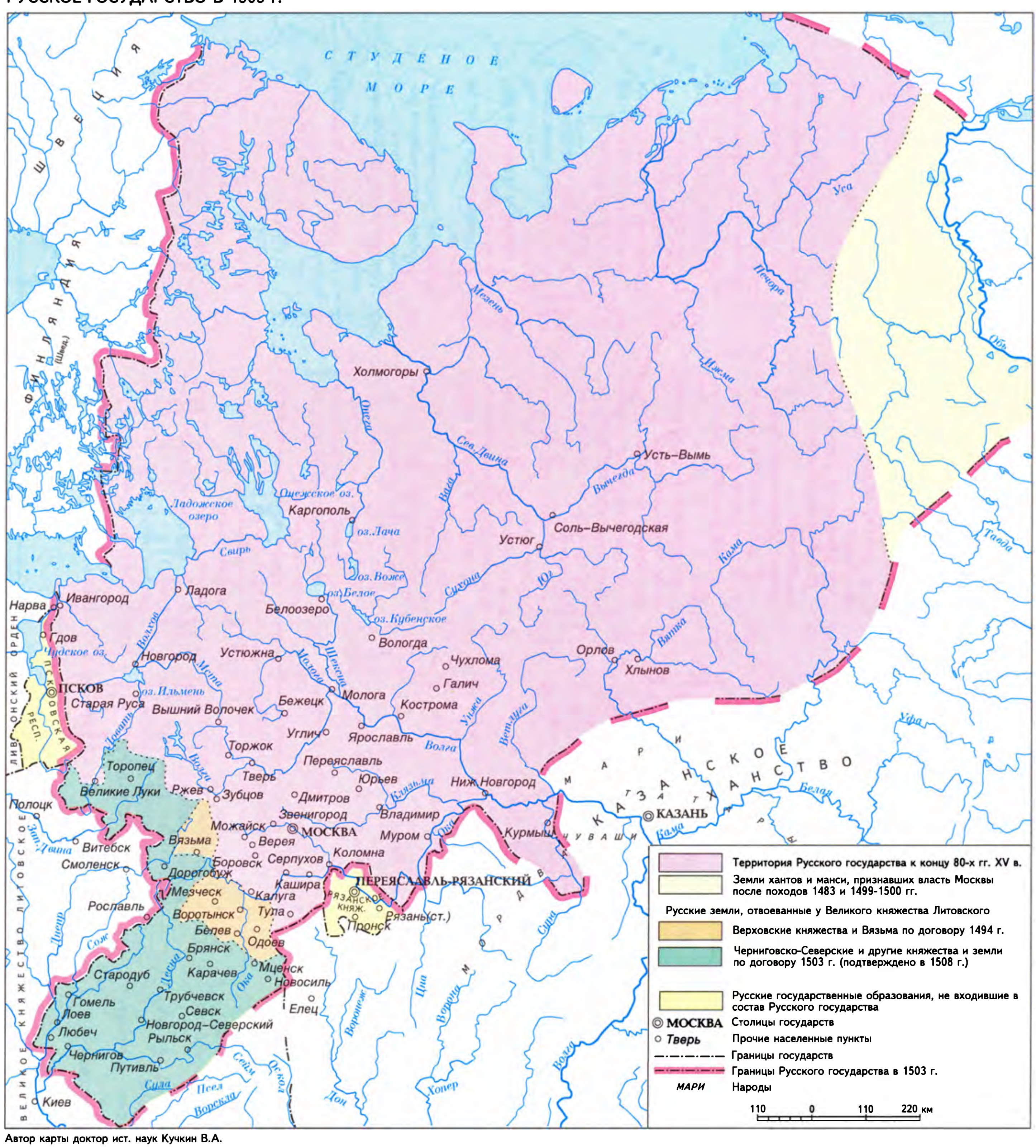
1. **Ц. Рождества Иоанна Предтечи на Бору**
2. **Ц. (монастырь) Спаса на Бору**
3. **Ц. Рождества Богородицы (Воскресения Лазаря)**
4. **Успенский Собор" в Маковице"**
5. **Благовещенский собор**
6. **Архангельский собор**
7. **Ц. Иоанна Лествичника**
8. **Ц. Ризположения**
9. **Ц. Богоявления**
10. Ц. Рождества Христова
11. **Ц. Введения**
12. **Николы Гостунского собор**
13. Ц. Трех исповедников
14. Ц. Афанасия и Кирилла
15. Ц. Константина и Елены
16. Ц. Рождества Богородицы, что на Трубе
17. **Ц. Воздвижения**
18. **Ц. Георгия Победоносца**
19. **Чудов монастырь**
20. **Вознесенский монастырь**
21. **Ц. Николы на Болоте**
22. **Ц. Спаса Смоленского, что у Москворецких ворот**
23. **Ц. Святой Варвары иже у Великого Торгу, против Панского двора**
24. **Ц. Воскресения Христова, что на Рву**
25. **Ц. Бориса и Глеба на Варварьской улици, за Торгом**
26. **Ц. Николы Мокрого**
27. **Ц. Богородицы Зачатия, что на Востром конце**
28. **Ц. Козьмы и Дамиана, что на Востром конце, в углу**
29. **Ц. Воздвижения на Востром конце**
30. **Ц. Иоанна, что на пяти улицах**
31. **Ц. Введения Пресвятой Богородицы на Большом посаде, за Торгом, за Панским двором**
32. **Ц. Дмитрия Солунского**
33. **Ц. Евпатия Святого**
34. **Ц. Воскресения Христова на Дмитриевской улици, что в Панех у Ильинского крестца**
35. **Ц. Николы, иже у Великого Креста**
36. **Богоявленский монастырь**
37. **Николы Старого монастырь**
38. **Ц. Живоначальные Троицы Старых поль с Яру**
39. **Ц. Иоанна Богослова, что под Вязом**
40. **Ц. Всех Святых, что на Кулишках**
41. **Ц. Параскевы Пятницы на Кулишках**
42. **Ц. Андрея Критского, на Васильев луг, что на Кулишках**
43. **Ц. Николы Подкопаева, что на Кулишках**
44. **Ц. Владимира в Старых Садех**
45. **Ц. Спаса на Глинище**
46. **Ц. Покрова в Садех**
47. **Ц. Симеона Дивногорца (Николы Чудотворца, что на Покровке в Блинниках)**
48. **Ц. Святого Георгия**
49. **Златоустовский монастырь, что на Посаде в Садех**
50. **Ц. Гребневской Богородицы на Бору, под сосенками (Успение на Бору)**
51. **Ц. Богородицы Введения во храм, что на Сретенской улице в Псковичах**
52. **Вознесения Христова монастырь (Варсонофьевский)**
53. **Ц. Сретения, что на Кучковом поле (Сретенский монастырь)**
54. **Рождественский монастырь, что на Рву**
55. **Петровский монастырь, что на Высоком**
56. **Ц. Рождества Пресвятой Богородицы в Столешниках**
57. **Воскресенский монастырь**
58. **Ц. Святого Георгия**
59. Ц. Параскевы Пятницы у Старых поль
60. Ц. Анастасии у поль
61. **Ц. Леонтия Чудотворца Ростовского за Неглимною**
62. Ц. Успения Пречистой Богородицы
63. **Ц. Василия Святого на Могилицах**
64. **Ц. Феодосия Святого на Поле на Тверскую дорогу**
65. **Ц. Благовещения Святой Богородицы на Старом Хлынове за Неглимною**
66. **Ц. Бориса и Глеба на Рве**
67. **Ц. Благовещения Богородицы на Старом Ваганькове**
68. **Ц. Усекновения главы Иоанна Предтечи на Старом Ваганькове**
69. **Ц. Святого Семена**
70. **Ц. Рождества Пречистые Богородицы**
71. **Ц. Святой мученицы Параскевы Пятницы в Чертолье**
72. **Ц. Сошествия Святого Духа**
73. **Ц. Николы за Неглинной**
74. **Ц. Всех Святых, что в Чертолье**
75. **Алексеевский монастырь**
76. Ц. Успения Богородицы, что в Семцинском селе
77. **Ц. Благовещения на Козьей бороде, на Сивцевом Вражке**
78. Ц. Спаса на Песках
79. Ц. Николы в Драчах (Грачах)
80. **Ц. Ильи, что под сосенками**
81. **Ц. Богородицы Благовещения в Воронцове**
82. **Монастырь Покрова Богородицы, что в Лыщикове, в Садех**
83. **Ц. Никиты мученика, за Яузой, на горе**
84. **Козьмы и Дамиана монастырь**
85. **Спас-Чигасов монастырь**
86. **Ц. Николы Чудотворца на песку**
87. **Ц. Святой Софии**
88. **Монастырь Иоанна Предтечи иже под Бором**
89. **Ц. Воскресения Христова, что в Кадашове**
90. **Ц. Иоакима и Анны, что за Москвою рекою, в Кадашове, в Голутвине слободе**
91. **Монастырь Рождество Пречистые на Голутвине**
92. Ц. Петра и Павла в старом Хвостове
93. **Ильинский монастырь за Торгом**
94. Ц. Вознесения, что за Никитскими воротами, в Сторожах

МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО к 1389 г.

Автор карты доктор ист. наук Кучкин В.А.

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В 1503 г.

Автор карты доктор ист. наук Кучкин В.А.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук
АГАД – Главный архив древних актов в Варшаве
АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией
АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией
АММС – Акты московских монастырей и соборов 1509–1609 гг. из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря
АРГ – Акты Русского государства 1505–1526 гг.
АСВР – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XV в.
АСМ – Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в.: Акты Соловецкого монастыря
АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.
АФЗХ/АМСМ – Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты московского Симонова монастыря
БАН – Библиотека Академии наук
ВКТСМ – Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГМЗМК – Государственный музей-заповедник «Московский Кремль»
ГНБ – Государственная национальная библиотека
ГРМ – Государственный Русский музей
ГТГ – Государственная Третьяковская галерея
ДАИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Дополнения
ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ИАМНМ – Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива московского Новодевичьего монастыря
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук
КМИ – Коломенское. Материалы и исследования
КСМ – Культура средневековой Москвы: XVI–XVII вв.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАЭ – Московская археологическая экспедиция
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИАМ – Материалы и исследования по археологии Москвы
МИГМ – Музей истории г. Москвы
МОИДР – Московское общество истории и древностей российских
НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
ПДС – Памятники дипломатических сношений с державами иностранными
ПИГ – Послания Ивана Грозного
ПКМГ – Писцовые книги Московского государства
ПКНО – Памятники культуры. Новые открытия
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РАА – Реставрация и архитектурная археология
РАН – Российская Академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГБ – Российская государственная библиотека
РГИА – Российский государственный исторический архив
РИБ – Российская историческая библиотека
Сб. РИО – Сборник Русского исторического общества
РИПК – Реставрация и исследование памятников культуры
СГГД – Собрание государственных грамот и договоров
ТКДТ – Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в
УГКОИП г. Москвы – Управление государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры г. Москвы
ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив
ЦГИА г. Москвы – Центральный государственный исторический архив г. Москвы
ЦМИАР – Центральный музей имени Андрея Рублева
ЦНРПМ – Центральные научно-реставрационные проектные мастерские
ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ МОСКВЫ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ
ТОМ I
XII–XVIII века

Макет и оформление
В. А. ИВАНОВ

Литературный редактор
М. Ф. КИШКИНА-ИВАНЕНКО
Редакторы
Л. А. БЛИНКОВА, Е. М. КОСТРОВА
Художественный редактор
А. И. ВОЕЙКОВ
Корректоры
Е. И. ЛОГАЧЕВА, Г. Н. МИГУЛИНА, Е. Е. СИМАКОВА,
Е. Е. ТРУХИНА, Г. С. ХОЛОДИЛИНА
Компьютерная верстка
Д. Н. ЯКУНИН

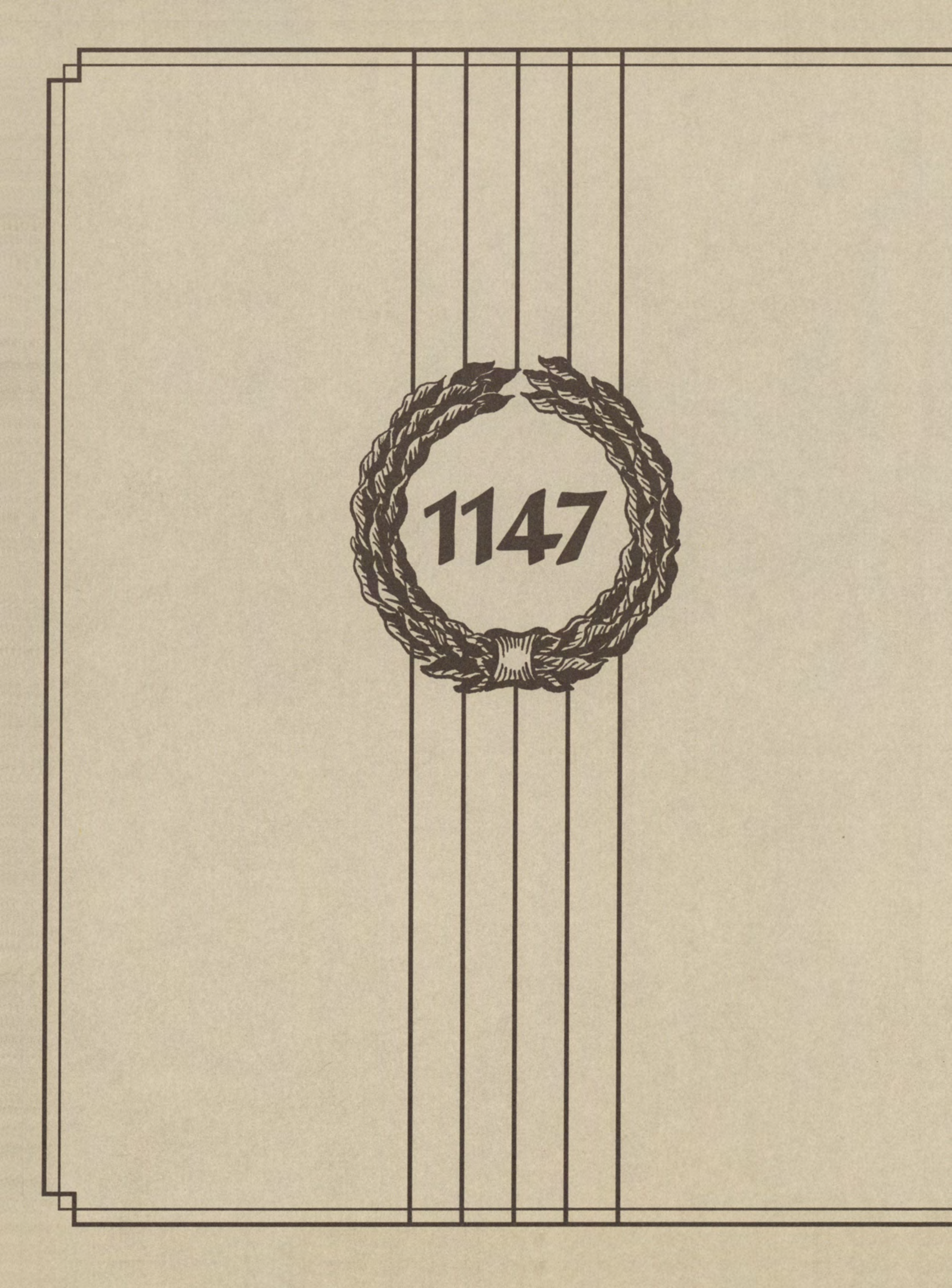
Ответственный за выпуск
В. И. АЛЕХИН

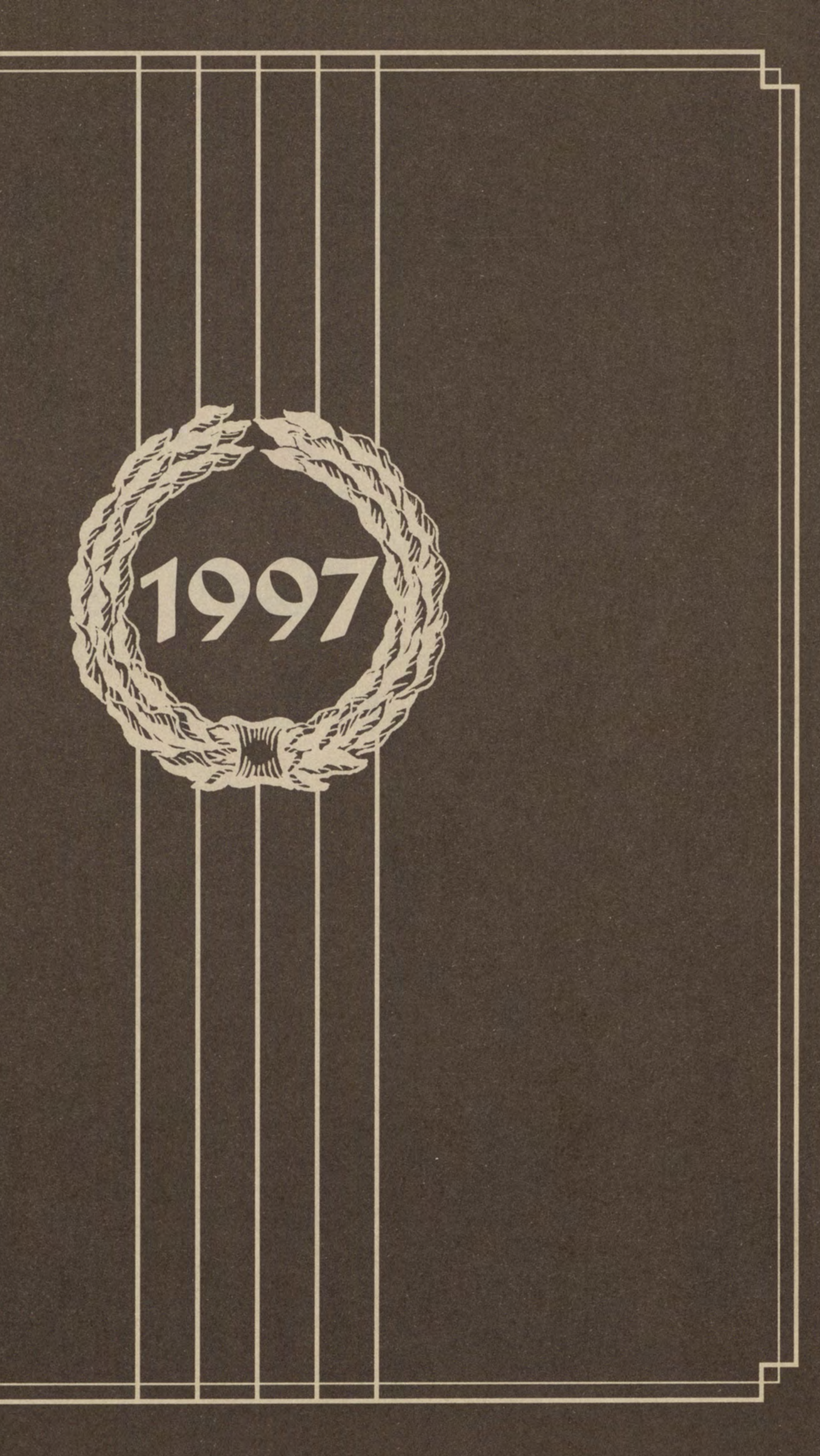
Лицензия ЛР № 020725 от 03.02.93

Подписано в печать 10.09.97. Формат 60x90/8. Бумага мелованная.
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 54,0. Тираж 8000 экз. Заказ № 872

Издательство
Московского городского объединения архивов.
117393, Москва, ул. Профсоюзная, 80.

Цветоделение, изготовление диапозитивов и печать
АО «Московские учебники и картолитография».
125252, Москва, ул. Зорге, 15.

1147

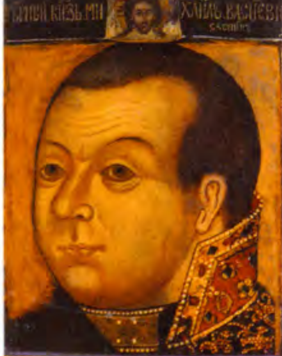

1997

ИСТОРИЯ МОСКВЫ

с древнейших времен до наших дней

Издательство "Мосгорархив"

МОСКВЫ

ИСТОРИЯ

1

ИСТОРИЯ МОСКВЫ

с древнейших времен до наших дней

